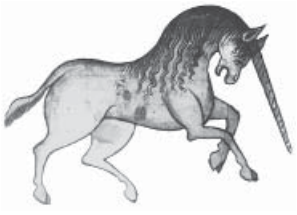

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН

РАСКОПКИ СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

LEONID A. BELYAEV

BYZANTINE JERICHO

EXCAVATIONS AFTER A CENTURY

Edited by
Academician N. A. Makarov

Moscow INDRIK 2016

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Л.А. БЕЛЯЕВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН

РАСКОПКИ СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ

Под редакцией
академика Н.А. Макарова

Москва ИНДРИК 2016

УДК 902/904
В 42

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 16–01–16096д)

Рецензенты:
А.И. Иванчик (чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН)
С.Б. Адаксина (Государственный Эрмитаж)
В.Д. Кузнецов (Институт археологии РАН)

В 42 **Беляев Л.А.**
Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие.
Материалы Российско-Палестинской
археологической экспедиции 2010–2013 гг. /
Под редакцией академика Н.А. Макарова.
М.: Институт археологии РАН; Индрик, 2016. — 500 с., илл.

ISBN 978-5-91674-429-3

Книга подготовлена по итогам работ первой за истекшее столетие российской археологической экспедиции в Палестину, проведенной (совместно с Министерством охраны памятников древности и туризма ПНА) по следам исследований русских участков в Иерихоне в конце XIX столетия. Исчерпывающим образом представлены результаты археологических работ, а также связанные с ними историографические и вещеведческие, в том числе междисциплинарные, экскурсы. Для специалистов — историков культуры и религии, археологов, искусствоведов, изучающих ранний византийский период и начало эпохи ислама, а также всех интересующихся историей культуры Сиро-Палестинского региона.

© Институт археологии РАН, 2016
© Беляев Л.А., 2016
© Текст, коллектив авторов, 2016
© Оформление, Издательство «Индрик», 2016

ISBN 978-5-91674-429-3

Оглавление

Предисловие 7
Л.А. Беляев, Х. Таха

ГЛАВА I. ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН: ОБЗОР ТОПОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ 9

I.1. Топография и археология византийского Иерихона: общий очерк 11
Л.А. Беляев
Историческая топография — Источники и история изучения — Русские путешественники в Иерихоне

I.2. Иерихон в византийский период: обзор материалов 28
Хамдан Таха
Урбанизация Иерихона: ранняя стадия — Иерихон на перекрестке дорог — Иерихон на карте из Мадабы — Византийский Иерихон — Остатки византийского города — Зона Сикаморы (участок МПК РФ) — Византийские церкви — Монастыри и сельские поселения — Византийские синагоги — Иерихон и христиане-арабы

I.3. Русские участки в Иерихоне: ранняя история и археология 47
Л.А. Беляев, Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова, К.А. Вах, дьякон Роман Гультяев
Русская собственность в Иерихоне в 1860-х–1880-х гг.: приобретение Антониновского и Иоасафовского участков; их судьба в XX в. — Первые исследователи русских участков: 1860-е–1870-е годы — Русские участки в Иерихоне: общие осмотры местности и находки на Антониновском участке — Ранняя археология на Иоасафовском участке

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 83

II.1. Наблюдения в ходе строительства 2010 года 85
Л.А. Беляев
Задачи и методы — Археологическое сопровождение строительных работ — Раскопы 2010 года: 1/A, 2/B и 4/D

II.2. Научно-исследовательские раскопы 2011–2013 гг. 101
Л.А. Беляев, А.Н. Ворошилов, Л.А. Голофаст
Продолжение работ на раскопе 2/B в 2011–2013 гг. — Южная галерея и внешняя стена архитектурного комплекса в раскопе 5/E, работы 2011 г. — Научно-исследовательский раскоп 5/E, 2011–2013 гг.: слои, сооружения, находки: средневековый период, новое и новейшее время — производственные и бытовые комплексы римско-византийского и раннеисламского периодов — цистерны — отстойник и прилегающие сооружения — производственные керамические комплексы

ГЛАВА III. МОЗАИКИ ИОАСАФОВСКОГО УЧАСТКА 165
Л.А. Беляев
Фрагмент мозаики в юго-западном углу раскопа — Состояние «большой мозаики» — Технико-художественные особенности «большой мозаики» — Построение орнамента — Стилистика, аналоги, символика, хронология «большой мозаики»

ГЛАВА IV. «АРХЕОЛОГИЯ ЗАККХЕЯ»: ДОМ И ДЕРЕВО 193
Л.А. Беляев
Деревья Закхея — Масло Закхея — Дом Закхея

ГЛАВА V. ИОАСАФОВСКИЙ УЧАСТОК И ВИЗАНТИЙСКИЕ СЛОИ ИЕРИХОНА 215
Л.А. Беляев

ЭКСКУРСЫ И КАТАЛОГИ 223

1. НУМИЗМАТИКА ИОАСАФОВСКОГО УЧАСТКА:
ОБЗОР И КАТАЛОГ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК 2010–2013 гг. 225
М.Г. Абрамзон, В.В. Зайцев, А.А. Гомзин при участии А.Н. Ворошилова

2. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ 275
Л.А. Беляев

2.1. Архитектурные детали 275
2.2. Бытовые изделия и части инфраструктуры 291

3. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА 293
Л.А. Беляев

4. МОЗАИКА РАСКОПА 2/В: АНАЛИТИКА И РЕСТАВРАЦИЯ 303
О.В. Аникеева

4.1. Анализ состава тессер и шовных растворов белокаменной
и цветной мозаики по данным оптической микроскопии и рентгено-
дифракционного анализов 303
4.2. Консервация и реставрация полихромной мозаики раскопа 2/В 319

5. ДОКУМЕНТЫ 339

5.1. Прошение о. Иоасафа о приеме в состав РДМ
и передаче участка в собственность ИППО 339
5.2. Отрывок из дневника Н.П. Кондакова 1891 г. 341
5.3. Полевые записи Я.И. Смирнова, 1891 г. 342
5.4. Опубликованный отчет Я.И. Смирнова, 1891 г. 343

6. ПЛАНИРОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ ЭКСПЕДИЦИИ.
БЫТ И СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ.
ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ 347
Л.А. Беляев

7. POTTERY ASSEMBLAGE AND THE GLASS FINDS by *Larissa A. Golofast.*
Л.А. Голофаст. Керамика и стекло Иоасафовского участка: аналитические каталоги 359

7.1. Pottery Assemblage 359
7.2. The Glass Finds 466

Summary 479
Литература 481
Сокращения 495
Географический указатель 496

Предисловие

Эта книга написана по результатам работ первой российской археологической экспедиции в Палестине — святой земле трех авраамических религий, иудаизма, христианства и ислама. Иудеи представляли эту землю как обетованную уже во времена составления Ветхого завета. Для христиан она навсегда стала землей Евангелий и раннехристианской церкви. Последователи ислама восприняли идею Святой Земли от старших сестер по единобожию и сохраняют отношение к ней как колыбели веры[1].

Здесь веками искали следов исторических событий, подтверждений или опровержений религиозных учений и исторических преданий. Сюда стремились паломники, а вслед за ними — ученые. Сегодня археология Палестины — одно из самых передовых и актуальных направлений исторических исследований[2]. Вступая на эту почву, российские ученые включаются в мощную культурно-историческую традицию, ответственную, по сути дела, за сложение современной земной цивилизации. Наш первый вклад в археологию этой земли, в силу особенностей развития России, скромен. Но, как шаг в бескрайнюю перспективу исследований Сиро-Палестинского региона, его трудно переоценить.

В основе книги — материалы археологических, реставрационных и музейных работ. Они были начаты в форме осмотров и разведок 2000-х гг. по инициативе Императорского Православного Палестинского Общества, чья поддержка, в лице Председателей Я.Н. Щапова и С.В. Степашина была исключительно важной. С июня 2010 по декабрь 2013 гг. специально созданная Институтом археологии РАН[3] Иерихонская археологическая экспедиция (далее — ИАЭ) вела, по договорам с ФГУП «Госзагрансобственность», раскопки, реставрацию находок и мозаик, а также готовила музейные экспозиции на территории Музейно-Паркового комплекса Российской Федерации в городе Иерихоне. Поэтому основная часть книги посвящена характеристике стратиграфии, планиметрии, конструкций и вещевых комплексов, открытых на участке, а также публикации фундаментальных каталогов собранного материала.

Подготовка книги индуцировала ряд специальных экскурсов историко-архивного и культурно-исторического характера. Они освещают место памятников Иерихона в русском историческом и религиозном сознании, характер первых археологических работ на русских владениях XIX–XX вв., современное состояние археологии византийского периода, проблемы исторической топографии Иерихона и многое другое.

Соответственно распределилась работа: главы историографического и историко-культурного характера, посвященные русским исследованиям в Иерихоне написаны автором проекта Л.А. Беляевым (член-корр. РАН, ИА РАН), Н.Н. Лисовым (доктор исторических наук, Институт российской истории РАН), Р.Б. Бутовой (кандидат исторических наук, ИППО), К.А. Вахом (издательство «Индрик») и дьяконом Романом Гультяевым. Как специалисты по архивам и истории Русской Палестины, они обеспечили знакомство с богатейшим и в значительной части неопубликованным текстовыми материалами (акты, мемуары, переписка и др.). Автору-составителю принадлежит также завершающая интерпретационная глава, каталоги изделий из камня и металла, описание и историко-художественный анализ мозаики, историко-топографический очерк объектов, связанных с почитанием памяти мытаря Закхея. Описание раскопок (общая ситуация, планиметрия и стратиграфия, комплексы и контексты находок) составлено при участии А.Н. Ворошилова (кандидат исторических наук, ИА РАН) и Л.А. Голофаст (доктор исторических наук, ИА РАН). Особые направления представлены каталогами и очерками, которые подготовили ведущие в своих областях ученые: М.Г. Абрамзон (доктор исторических наук, Магнитогорский государственный технический университет), В.В. Зайцев (Государственный исторический музей) и А.А. Гомзин (кандидат исторических наук, ИА РАН) (нумизматика), Л.А. Голофаст (керамика и стекло). Было обеспечено рабочее и консультационное участие профессионального геолога и реставратора О.В. Аникеевой (кандидат геолого-минералогических наук, Государственный научно-исследовательский институт реставрации) и других специалистов.

---

[1] Территориально эта земля хорошо укладывается в границы римских провинций Палестины.

[2] Термин «Палестина» во всем тексте книги используется как культурно-историческое и географическое понятие, независимо от любых политических коннотаций XIX–XXI веков. В системе истории религии мы пользуемся им как синонимом понятия «Святая Земля». Во всех случаях, когда необходимо соотнесение с современной политической ситуацией, используются, соответственно, сочетания «государство Израиль» и «ПНА».

[3] Полное название: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН.

Доктор Хамдан Таха, со-директор раскопок с палестинской стороны, один из руководителей охраны культурного наследия ПНА, подготовил для книги очерк памятников византийского периода в Иерихонском оазисе. Поскольку параллельно шла наша работа над основным текстом, затрагивавшая, под другими углами, те же темы, мы не сочли возможным соединять наши вступительные тексты воедино и с благодарностью публикуем труд палестинского коллеги в русском переводе с незначительной редактурой. Часть информации при этом неизбежно повторяется, но зато разночтения демонстрируют особенности научного подхода — дискуссия поможет сформировать в дальнейшей работе общую позицию.

Таким образом, по характеру книга мультидисциплинарна, что естественно в современной археологии.

Рабочими языками проекта являлись русский, арабский и английский, причем в качестве *lingua franca* выступал последний — на нем велась полевая учетная документация и составлялись археологические отчеты; разумеется, то и другое получало затем русскую версию. Однако по мере развития работ выяснилось, что в настоящее время русская терминология для специфических областей византийской и раннеисламской керамической типологии, и для стекла того же периода — недостаточно разработана. При переводе требуется вводить массу неологизмов или пользоваться английскими вставками (в статьях общего содержания так и сделано). Поскольку в задачи проекта пока не входит формировать общую терминологию по керамике и стеклу, мы оставили чрезвычайно объемную и подробную проработку этих разделов так, как она велась Л.А. Голофаст. Тем паче, что планируется дальнейшая проработка книги для ее переиздания на английском и на арабском языках.

Необходимо отметить, что книга готовилась в ситуации, когда работы на раскопах еще далеки от завершения. Однако откладывать ее выход нецелесообразно: публикация уже накопленных материалов послужит стимулом и, одновременно, инструментом для дальнейших исследований.

В организации работ принимал прямое участие директор Института археологии РАН академик Н.А. Макаров, обеспечивший поддержку экспедиции со стороны государственных органов, многократно выезжавший на место для ведения переговоров с палестинскими партнерами и непосредственного участия в руководстве раскопками.

Полевые работы выполнялись ИАЭ ИА РАН под руководством начальника экспедиции, член-корреспондента РАН Л.А. Беляева и его заместителей: Т.Ю. Шведчикова, с ее энергией и готовностью брать на себя ответственность, укрепила экспедицию в наиболее трудные первые годы (2010–2011 гг.); работы на раскопе и подготовку полевой документации к публикации координировал А.Н. Ворошилов; успех экспедиции не раз зависел от упорства и решительности С.Б. Григорян, координировавшей организационную часть работ на всем их протяжении.

Коллектив экспедиции включал, в разные годы, многих сотрудников Института, прилагавших самые активные усилия к решению не только научных, но и технических задач, непривычных и сложных. Нашли возможность выделить в своих ученых занятиях часть времени, необходимого для продвижения русской науки на Восток, молодые сотрудники Института: А.А. Супренков, Д.В. Ожерельев, У.Ю. Кочкаров, А.А. Тарасова. В качестве неутомимых и высококвалифицированных полевых работников в раскопках участвовали О.А. Воронова (Тихова), К.С. Окороков, Н.И. Савельев, А.А. Строков, А.М. Куликов и другие. В состав ИАЭ ИА РАН входил профессиональный архитектор (2012–2013 гг.: С.А. Минасян), фотограф (2010–2011 гг.: К.Ю. Лейфер), реставраторы (О.В. Аникеева и С.И. Семенов).

Кроме членов экспедиции Института археологии РАН, на разных стадиях работы в ней участвовали сотрудники Управления делами Президента РФ и ФГУП «Госзагрансобственность», работники Музейно-Паркового комплекса РФ в Иерихоне, официальные лица и специалисты из органов охраны древностей ПНА (Суфиан Эдеисс, Ияд Хамдан, Бэсем Шкер и многие другие).

Неоценимым, хотя и неофициальным, тьютором экспедиции в Израиле стала археолог Яна Чехановец. Она консультировала нас по многим организационным и научным вопросам, была постоянным и внимательным редактором многих частей книги. И просто — нашим надежным другом.

Выражаем сердечную признательность всем участникам, помощникам, официальным и неофициальным рецензентам.

Леонид Беляев, Хамдан Таха

ГЛАВА I

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН: ОБЗОР ТОПОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ

Abid
Arab el
Makhk
Ghor es Sheriah
Erihâ
Aqueduct
Khaur Abu Dhahy
Wady el Kelt
Khaur el Hummar
el Ghoraniyeh
Makhâdet Hajlah
Khaur el Trumpah
el Hemâ
el Mellâhah
el Medesh
Bahr Lût
-1292 FEET
Mellâhet Ain Ghedeiy
el Jehesyr
Khaur el Beidar
Wad el Nar
Beit Hoglah
Khurbet es Sumrah
Khurbet Mird
Kh. es Sumrah
Râs Feshkah
Wâdy Zerka Main
Wâdy Sherif Ghuzâl
Wâdy el Hasâsah
Wâdy Abu Dubâl
Wâdy el Mukelik
Wâdy el Mahaweit
Wâdy el Mahaweit Kanaan
Wâdy el Mahaweit Kanaan
Wâdy el Mahaweit Kanaan

Глава I. ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН: ОБЗОР ТОПОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ

I:1 Топография и археология византийского Иерихона: общий очерк

> «Иерихонъ же тый был прьвѣе градъ велик и твердъ велми; …
> нынѣ же ту есть село сраниньское.»
>
> *Хождение игумена Даниил*

Историческая топография

Иерихонский оазис, в источниках позднего Средневековья и в Новое время Ariha, Er-Riha, Riha[4] (идентификационный картографический номер 193.142) лежит на обширной равнине долины реки Иордан, недалеко от ее устья (на 10 км севернее Мертвого моря), в расстоянии дневного перехода (ок. 22 км по прямой) к северо-востоку от Иерусалима. Ступенчатые утесы отделяют долину с оазисом от Иудейской пустыни. Это самый низкорасположенный на Земле город (отметки до — 258 м от уровня моря). Климат близок тропическому, с мягкой зимой, но засушливый, с очень жарким летом.

С точки зрения археологии Иерихонский оазис — крупная агломерация[5] разновременных и разнотипных памятников, сложившихся здесь, по крайней мере, с эпохи мезолита[6]. На протяжении двух-трех последних тысячелетий оазис почти всегда обозначался сходными по звучанию именами, переходившими на всё новые образования в пределах рифтовой долины Иордана (долина Гхор). Илл. 1

Эту временну́ю протяженность и топографическую подвижность, а также неопределенность границ Иерихона отметил еще в IV в. н.э. Евсевий Памфил, епископ Кесарии. В его «Ономастиконе» выделены три основных хронотопографических поселенческих локуса: ветхозаветный, классический и позднеримский/византийский. Он пишет: «Иерихон — город, который Иисус Навин стер с лица земли (после того как пересек Иордан) и пленил (убил) его царя. Позже Иосия из Вефиля, колена Ефремова, восстановил его. Сюда Господь наш Иисус Христос входил, являя Себя во славе. Город был вновь уничтожен при осаде Иерусалима римлянами из-за нечестия (вероломства) его обитателей. Он был отстроен в третий раз и таковым существует по сей день. От двух прежних городов все еще остаются некоторые зримые свидетельства»[7].

Указав на сохранявшиеся в окрестностях византийского Иерихона руины еще двух городов, Евсевий тем самым засвидетельствовал, что они зарождались на разных местах, не поглощая один другой. Для нашей книги не столь важно, связал ли епископ знаменитый Телль эс-Султан (Tell es-Sultan) с древнейшим (ветхозаветным) Иерихоном, или видел в нем Галгал[8]. Главное, Евсевий отчетливо обозначил несовпадение древних городов с современным ему византийским, который, видимо, располагался там же, где и современный Иерихон, — в зоне Телль эль-Хассан (Tell el-Hassan). Илл. 2

Представленная историко-топографическая схема развития Иерихона господствовала в Средневековье и в Новое время. Ее унаследовал современный научный дискурс, хотя с развитием археологии «система трех городов» обогатилась: в окру́ге каждого из них были открыты могильники и/или аграрные поселения; в византийский период — церкви и монастыри. Кроме того, в эпоху ислама

1. Долина Гхор в районе оазиса Иерихон, устья р. Иордан и Мертвого моря (по атласу Конрада и Китчинера: Conrad, Kitchener 1885, sheet XVIII).

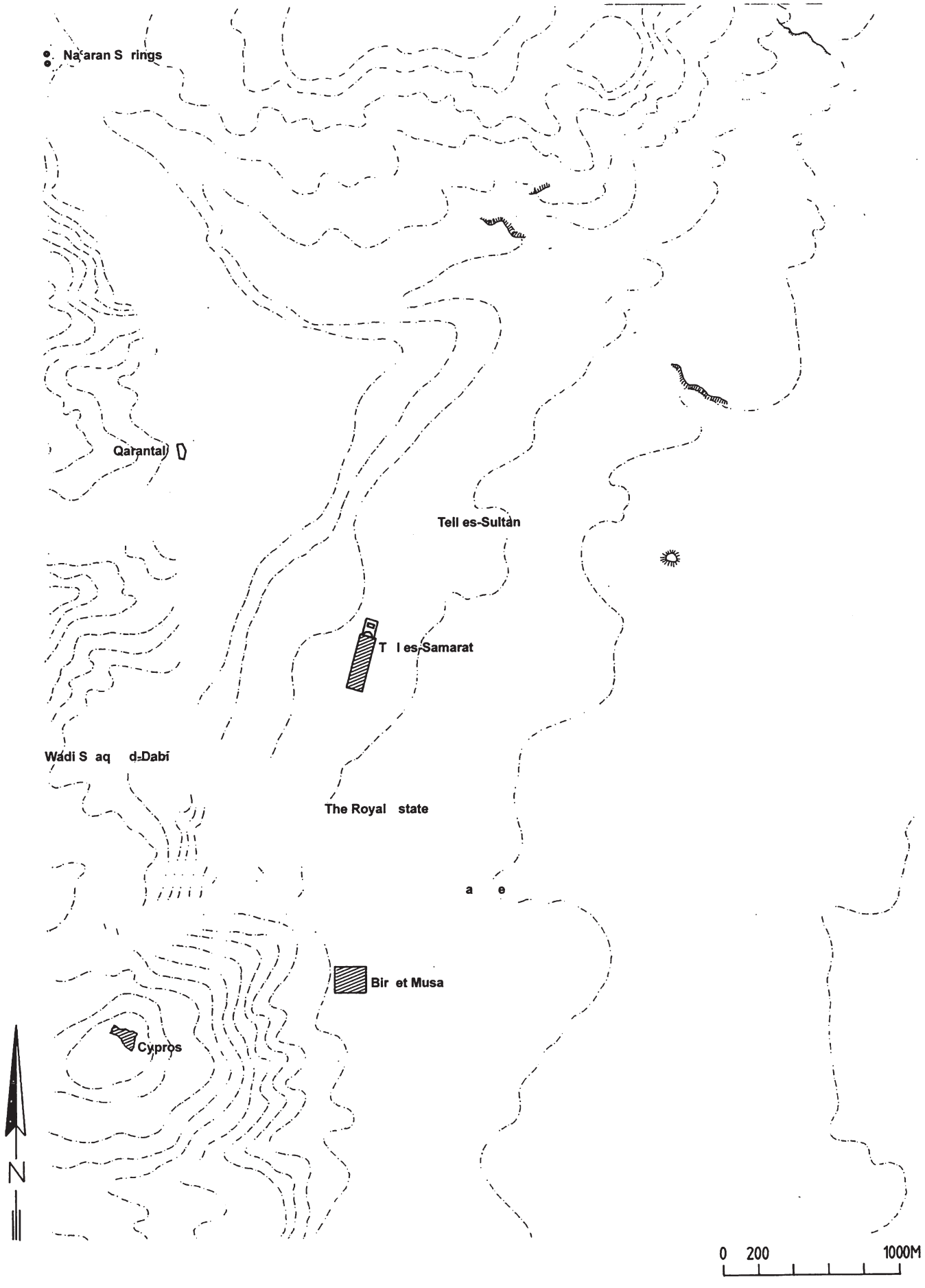
[4] Русские написания в XIX в.: Ариха, Риха, Ер-Риха и др. В данном издании используется, для описания оазиса в поствизантийскую эпоху, версия Эр-Риха.

[5] В 1870-х годах, когда долина была практически лишена новой застройки и культивации, Кондер и Китчинер насчитали в окрестностях Иерихона до 70 выраженных в рельефе и/или в руинах археологических объектов. См.: Conder, Kitchener 1883: 165–233, maps: sheet XVIII.

[6] Общие обзоры археологии Иерихона: NEAEHL. Vol. 2. 1993: 674–697 (в части византийской очень скуден). Более современная археологическая карта: AHJO 2011 (каталог: D'Andrea, Sala 2011b: 95–99); синхронный обзор памятников: Rjoob 2011; краткий обзор на русском языке: Беляев, Масиель Санчес 2009: 306–311.

[7] Umhau 1971: 530 (рукопись): // www.tertullian.org/fathers/eusebius_onomasticon_01_intro.htm Переводы текстов, отсутствовавших на русском языке, сделаны Л.А. Беляевым.

[8] Долго считалось, что такие авторы, как неоднократно писавший об Иерихоне Иосиф Флавий и Евсевий, зная сообщение Писания об исчезновении Иерихона после разрушения его Иисусом Навином, никак не могли отождествить с ним крупный, насыщенный архитектурными остатками объект и в Телль эс-Султан склонны были видеть не ханаанский город, а легендарный Галгал — жертвенник в память перехода через Иордан и вторжения израильтян в Землю обетованную. См.: Umhau 1971/2006: № 530, вслед за: Klostermann 1904: 64: 24. Так же, видимо, думали первые паломники — Паула, например, упоминает, что вследствие разрушения города Иисусом Навином на его месте «ничего не осталось [нет видимых признаков], кроме того места, где стоял Ковчег Завета и 12 камней, кои дети Израиля вынесли из Иордана» (PPTS I: 25).

Na'aran S rings
Qarantal
Tell es-Sultan
T l es-Samarat
Wadi S aq d-Dabi
The Royal state
a e
Bir et Musa
Cypros
N
0 200 1000M

добавились новые дворцовые и хозяйственные комплексы. Зоны развития разных эпох отстоят от современных им центров на километры, в силу чего картина делается еще более мозаичной.

Важно отметить, что представления о древнейшем ядре Иерихона и живая связь с ним всех новых «городов» сохранялись, поскольку были основаны на природном факторе: с самого зарождения и до сего времени оазис Иерихона зависит от мощного источника воды, известного как источник пророка Елисея (Элиша) или Царский источник (Ain es-Sultan)[9]. При источнике сформировалось древнейшее поселение, Телль эс-Султан, возникшее еще в эпоху мезолита, что показали раскопки XX в. (Кэтлин Кэньон и др.). Его монументальные каменные постройки, маски на основе черепов и скульптура эпохи докерамического энеолита, также как многотысячелетняя стратиграфия, по праву заняли ключевые места в учебниках всемирной археологии.

Хронотопографический интервал между древнейшим (эс-Султан) и последним (эль-Хассан) городами заполняет город-дворец эпохи эллинизма Телль Абу Элийик (Tell Abu Alayeq), передвинувшийся с Телль эс-Султан на 2 км южнее, к древней дороге на Иерусалим, и занявший оба берега Вади эль Кельт (Wadi el-Qelt). Видимо, именно эта зона царских дворцов эпохи Хасмонеев, зимняя столица царя Ирода Великого (37–4 гг. до н.э.) и его династии[10], в начале римской эпохи (то есть во времена Иисуса) воспринималась как «город» Иерихон и позже, в 63 г. н.э., была разрушена римлянами. При Ироде здесь возникли новые дворцы с бассейнами и садами, цитадели и водоводы, а на пространстве между Телль эс-Султан и дворцами на Вади Кельт — большой ипподром с амфитеатром Телль эс-Самарат, упомянутый Иосифом Флавием[11].

В эллинистическое и римское время в оазисе появились новые элементы инфраструктуры — дороги и акведуки римского типа. Их число будет пополняться и позже, в том числе в исламскую эпоху. С периодом I в. до н.э. — I в. н.э. связан и ряд других ключевых для археологии Палестины объектов, таких как кладбища у склона гор Иудеи, сохранившие не только хорошо известные каменные оссуарии для вторичных захоронений останков, но и деревянные расписные гробы.

Новое, и окончательное, смещение городского центра от подножия гор по направлению к Иордану происходит, вероятно, в эпоху Иудейских войн — восстаний иудеев против Рима. Следы присутствия здесь X Фретензийского легиона пока немногочисленны, но исторические источники достаточно уверенно говорят о его активности в зоне города, а также о том, что повстанцы пытались использовать его как базу. Некоторые находки (например, черепица и керамические трубы с клеймами легиона) подтверждают необходимость дальнейших поисков римского ядра в пределах будущего византийского города[12].

После разгрома римлянами Иерихона классической эпохи, в IV в. город возродился как важный перекресток на путях паломников. Он приобрел особое значение для христиан, так как ассоциировался с Иисусом, неоднократно его посещавшим и оставившим память об исцелениях и встрече с мытарем Закхеем. В IV–VII вв. здесь было построено много церквей и монастырей, служивших пристанищами пилигримам. Они разбросаны в широкой зоне долины и окрестных гор, тяготея к берегам Иордана, к пространству между городом и рекой и к небольшим холмам в городе и на его периферии. Некоторые из них представлены на мозаичной карте из Мадабы (ок. 560 г.) отдельными поселениями[13]. В окрестностях Иерихона наряду с грекоговорящими христианами сохранялось иудейское население, о чем говорит известный памятник — синагога с мозаикой, включающей надпись «Мир над Израилем».

После арабского завоевания Палестины Иерихон становится городским центром Гхора с постепенно возрастающим населением[14]. Он сохраняет известное значение еще и потому, что дорога из Иерусалима/Аль-Кудса на Иерихон была оживленным отрезком пути к святыням Мекки. Кроме того, неподалеку, в одном дневном переходе от Иордана, сформировалось новое место мусульманского паломничества — Мавзолей Моисея (Maqan an-Nabi Musa, известен с XIII в.). Наконец, в самом начале исламского периода (VIII в.) в нескольких километрах к северо-северо-востоку от

2. Размещение основных памятников археологии в Иерихонском оазисе (по схеме Эхуда Нетцера).

[9] Нарушение ирригации всегда приводило к запустению большей части плантаций. В годы процветания требовалась дополнительная вода, которую проводили акведуком за километры из других источников (Айн-Кельт, Эн-Нувайима, Айн Дук). Кроме того, воду запасали в период половодья из Вади Кельт. Также собирали и сохраняли дождевую воду.

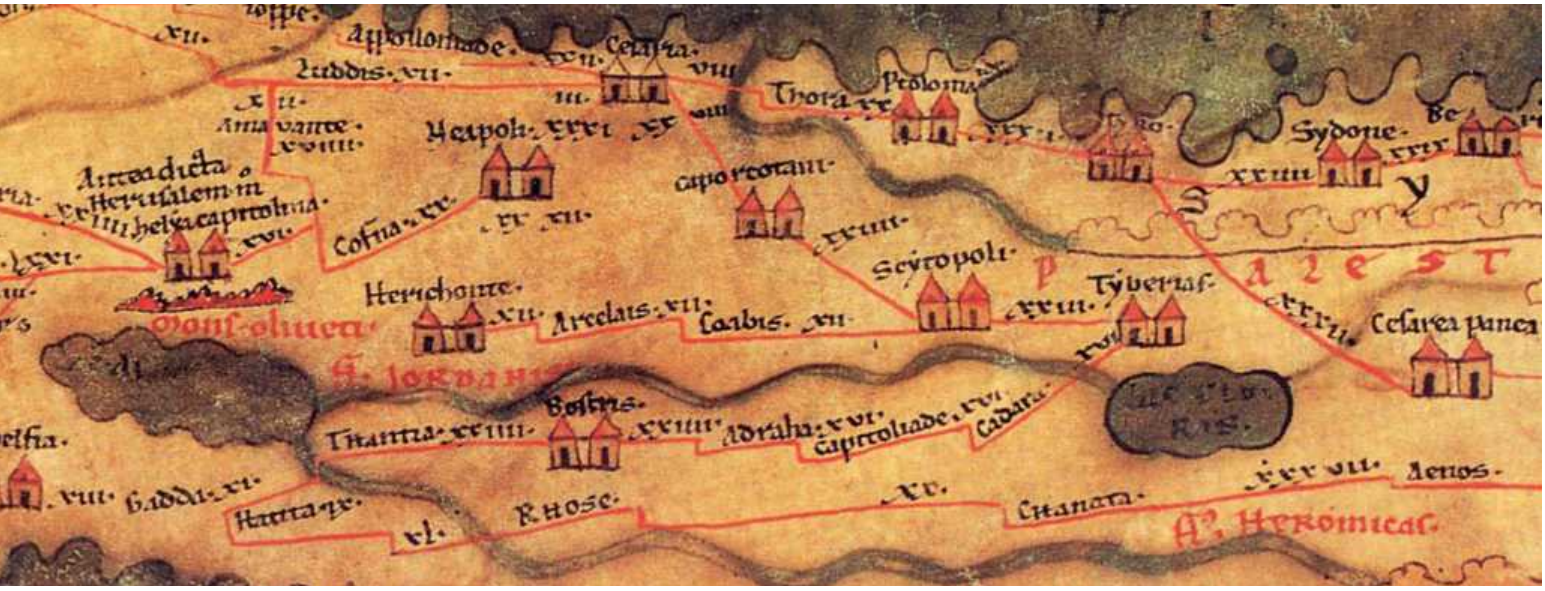
[10] Дворцы серьезно изучены Ехудом Нетцером: Netzer 2001–2013. См. также свежую сводку материалов по его работам: Herod the Great 2013.

[11] Netzer 2001: 40–50. Этот большой холм отмечают многие путешественники, он хорошо сохранился до сих пор.

[12] Magness 2012: 281. Возможные причины перемещений городского ядра в зависимости от природных условий и направлений главных дорог (традиционных и вновь построенных) специально рассмотрел М. Дженнингс (Jennings 2015: 103–112). Гипотезу о римской «подоснове» византийского города принимает и Хамдан Таха (см. ниже). Но доказать, что римский город размещался именно в зоне Телль Хассан, археологически пока невозможно; так же как не удается выявить и место стоянки легиона.

[13] Они продолжат существование в исламскую эпоху и переживут расцвет при крестоносцах. Их руины сохранятся (в необитаемом состоянии) до начала исследований древностей Палестины в XVIII–XIX вв., а некоторые включены в состав памятников современного Иерихона. См. например: Finegan 1992: 152.

[14] См. ниже раздел д-ра Хамдана Тахи.

3. Часть карты *Tabula Peutingeriana*: Иерихон и окружающие поселения Палестины.

источника Елисея возвели исключительно яркий памятник — город-дворец халифа Хишама. После его открытия (Дмитрий Барамки, 1930-е гг.[15]) в историю культуры ислама буквально ворвалась фантастически обильная мозаика и роскошная резьба, а также уникальная для искусства Умайадов фигуративная дворцовая скульптура.

Место Иерихона в евангельской истории и через много веков после эпохи Христа обеспечивало появление здесь все новых почитаемых мест. Особенно значителен их пласт, оставленный эпохой Латинских королевств XII–XIII вв., насытивший карту Палестины множеством новых точек, часто использовавших византийскую основу[16]. Время Крестовых походов стало эпохой расцвета хозяйства Оазиса не только благодаря притоку паломников — оно принесло ранее малоразвитые элементы в товарное хозяйство[17], такие как производство тростникового сахара, оставившее особые памятники археологии, которые так и называют: Сахарные мельницы (район Tawaheen es-Sukkar).

Оазис развивался и при мамлюкских султанах, но с XIV–XV вв. путешественники и исследователи долины все чаще отмечают его упадок. В период Османской империи всякие признаки городской жизни и аграрного процветания исчезают. В XVII–XIX столетиях на месте бывшей византийско-исламской агломерации остается бедная деревня, для описания упадка которой поздние паломники и путешественники XVI–XIX вв. не жалеют мрачных красок: тропом при характеристике Эр-Рихи становится словосочетание «жалкие хижины».

С конца XIX в. Иерихон вновь начинает оживать благодаря усиливающемуся потоку европейских туристов и особенно русских паломников, чьи усилия знаменуют зарю нового расцвета Иерихона как хозяйственного, а позже и административного центра южной части Гхора[18].

Источники и история изучения

Итак, предмет нашего исследования, Иерихон византийской эпохи (селение Эр-Риха) существенно сдвинут от подошвы Сорокадневной горы (Джебель Курунтуль) и отстоит примерно на 2 км от Телль эс-Султан. Поселок опирается на северный берег Вади Кельт и распространяется вдоль него, по старой дороге к Иордану и по пути через вади на Иерусалим.

Состояние связанных с ним источников и историографии представим кратко, лишь коснувшись их неизмеримой толщи. Библейские и ранние внебиблейские тексты бессчетное число раз собирали и анализировали филологи, историки, географы[19]. Наибольший интерес всегда вызывали два первых периода и, соответственно, два «города» — ветхозаветный и эллинистическо-римский.

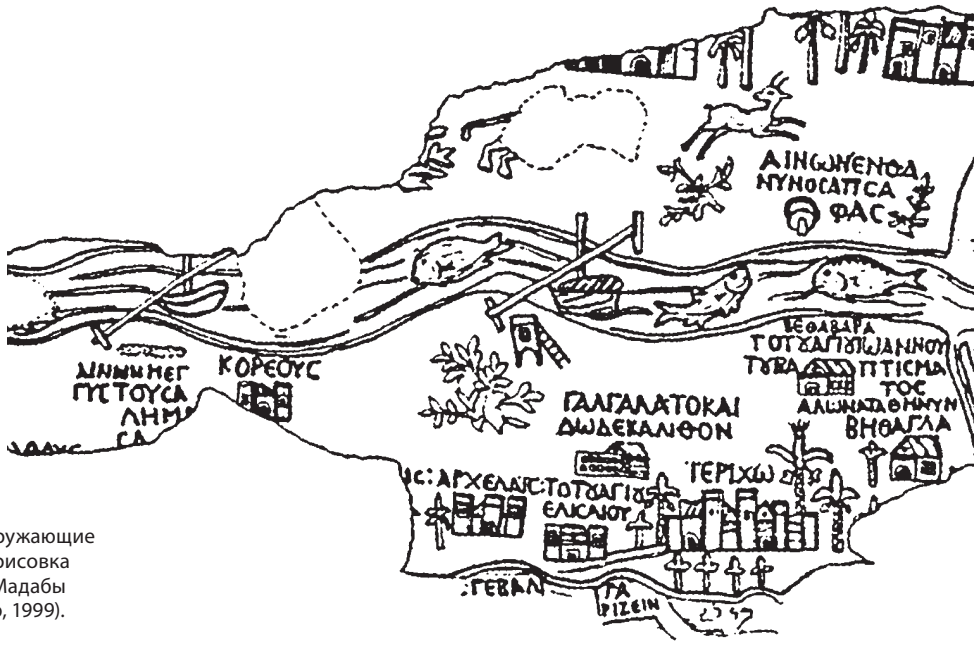
[15] 1934–1948 гг. В последние десятилетия на огромной площади комплекса изучают все новые части, в том числе связанные с дворцом обширное хозяйство, зоны жизни воинов и работников и др. Основная библиография и последние данные: Taha, Whittcomb 2014.

[16] В частности, возникло почитание Сорокадневной горы (араб. Jebel Qurantal, Джебель Курунтуль) как места искушения и поста Иисуса Христа, и в ее пещерах появились монастыри и скиты отшельников.

[17] Schick 1995: 78–108; Taha, Qleibo 2010: 78.

[18] Finegan 1992: 152; Taha, Qleibo 2010: 20.

[19] Одной из самых полных сводок ранних письменных источников остается описание путешествия Эдварда Робинсона и Элии Смита в 1838 г.: Robinson, Smith 1856.

4. Иерихон и окружающие поселения: прорисовка части карты из Мадабы (по: Madaba Map, 1999).

Первый описан в Библии, в рассказе о вторжении народа Израиля в Ханаан, сопровождавшемся символико-мистическими событиями, которые привели к полной гибели города ханаанитов (Нав 3:6). Его соотносят с теллем, стоящим у источника Айн эс-Султан. Второй период освещен текстами «Иудейской войны» (особенно кн. IV, 8[20]) и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, а также другими классическими авторами (Страбон[21]). Он упомянут в Новом Завете. В археологическом отношении ему отвечает Телль Абу Элийик по обоим берегам Вади Кельт, а также расположенный недалеко от Телль эс-Султан, по дороге к дворцам, ипподром царя Ирода, упомянутый Флавием в связи с невыполненным приказом жестокого царя собрать и умертвить знать.

Письменные источники позднего римского периода (кон. II — нач. IV в. н.э.) и византийские в отношении Иерихона крайне скупы[22]. После евангельских повествований о чудесах Иисуса и призвании Закхея христианская традиция предлагает нам: интересное сообщение Оригена о глиняном кувшине с рукописями псалмов, найденном где-то в Оазисе[23]; уже приведенный абзац из «Ономастикона» Евсевия; несколько упоминаний там же (в связи с указанием расстояний между городами северной оконечности Мертвого моря); наконец, часть абзаца в трактате Прокопия «О постройках» (список строительных проектов императора Юстиниана)[24]. К этому нужно добавить два принципиально важных памятника картографии: значки с названиями на *Tabula Peutingeriana* (оригинал — IV–V вв.) и уникальные схематичные сюжеты мозаичной карты из Мадабы (кон.VI — нач. VII в.)[25]. Их условные обозначения, однако, не отражают реальной архитектуры. Илл. 3 и 4.

Особую роль играют перечисления святынь и географические описания, оставленные ранними паломниками. Совокупность их «хождений» можно представить как своего рода мета текст, который сжимается или обогащается, видоизменяясь по мере изменения реальной действительности и в зависимости от обстоятельств путешествия, но сохраняет привязку к одним и тем же источникам: рассказам Ветхого Завета, Евангелий, церковному преданию и ранним версиям описания путешествий.

---

[20] Иосиф Флавий 1993: 270–272 и др.

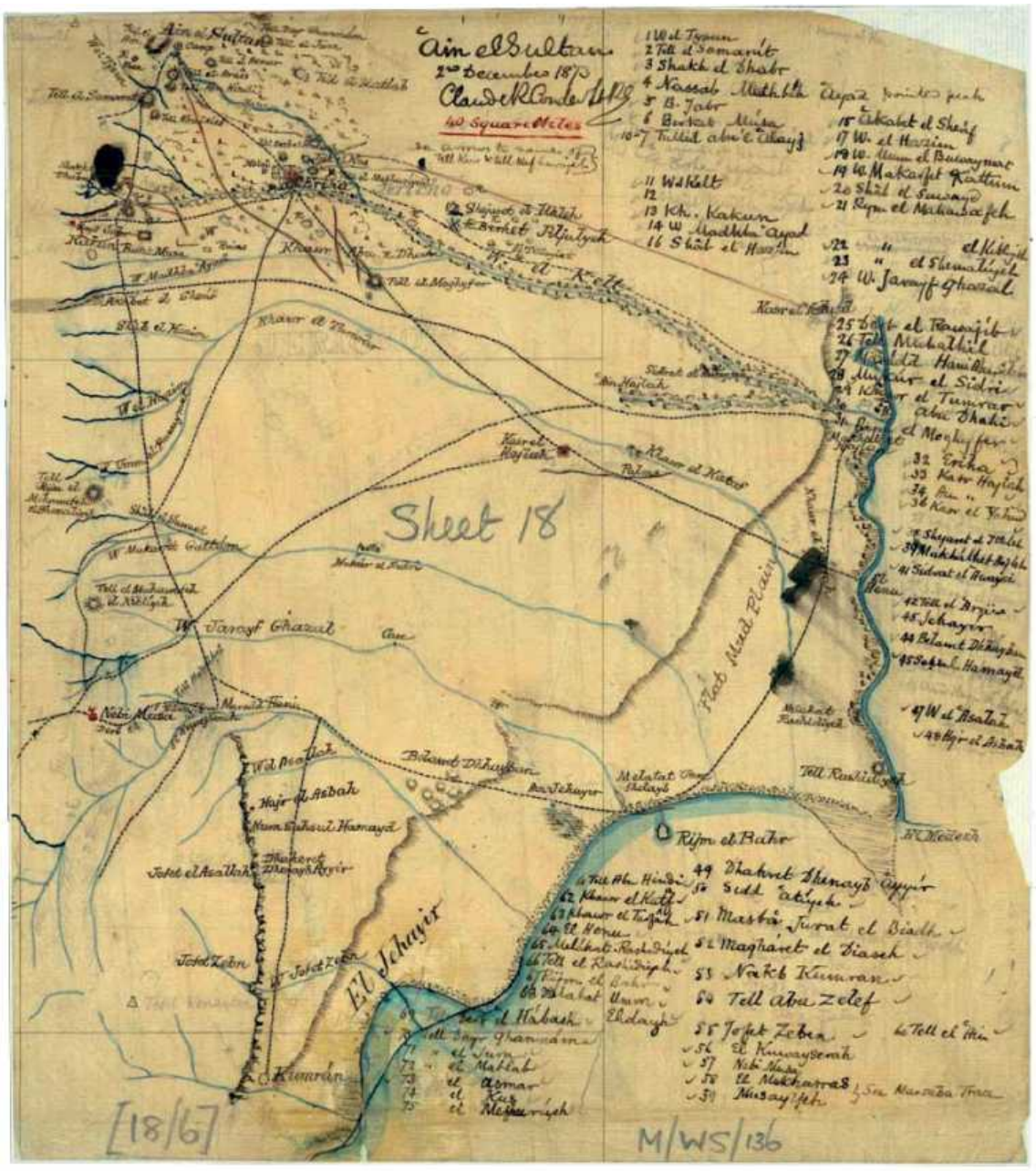
[21] Страбон (География, XVI. 2, 41) называет его Гиерикунт, упоминает дворцы Ирода и две построенные ранее крепости, сады бальзамических растений, фруктовых деревьев и пальм. Все античные авторы склонны отмечать исключительно мягкий климат, процветание и густую заселенность Оазиса, обилие культивируемой растительности, и особенно финиковых пальм. См.: Страбон 1994: 706 и др.

[22] Подробная, разбитая по историческим периодам сводка источников для топонима «Иерихон» и связанных с ним локусов, с привязкой к археологическим данным: Kaswalder 2002: по указателю.

[23] «В Гексаплах же он, рядом с четырьмя известными переводами псалмов, помещает не только пятый, но и шестой и седьмой с примечанием к одному: он нашел его при Антонине, сыне Севера, в Иерихоне, в огромном глиняном кувшине» (Евсевий Памфил, Церковная история. Кн. VI, гл. 16: 3).

[24] О постройках, Кн. 5, IX, 1: «В Иерусалиме он выстроил следующие монастыри: св. Фалалея, св. Григория, св. Пантелеймона в Иорданской пустыне, *странноприимный дом в Иерихоне*, *храм Богородицы в Иерихоне*, иверский монастырь в Иерусалиме, монастырь лазов в Иерусалимской пустыне, св. Марии на Масличной горе, *монастырь источника св. Елисея в Иерусалиме* (курсив наш — *Л.Б.*)» Цит. по: Прокопий Кесарийский 1996: 274. Вероятно, в последнем случае имеется в виду все же Иерихон (см. ниже).

[25] Alliata 1999: 50–57 a.o.

5. Иерихонский оазис на подготовительном листе к атласу Конрада и Китчинера (из архива британского Фонда исследований Палестины).

В первых текстах (Бордоский путник[26] ок. 333 г.; Иероним в письме к Пауле ок. 382 г.; Феодосий, позже — Антонин, мученик из Плаценции[27] и др.) — задан своего рода стандартный набор Святых мест, служивший новым пилигримам путеводителем. В нем отразились представления об остатках города, разрушенного в глубокой древности[28]. Маркерами им должны были служить остатки мифического «дома блудницы Раав», единственного сохраненного Иисусом Навином (дом обычно помещали на Телль эс-Султан или вблизи него) и реальный источник Елисея, который путешественники стремились посетить не только как святое место. В перечень мемориев обычно попадал ветхозаветный Галгал, отмеченный храмом и монастырем[29], и другие объекты (в том числе помещенные на карту из Мадабы).

[26] Бордосский путник очень подробно, с расстояниями, перечислил Дом Раав (руины на холме Tell es-Sultan), Источник (Ain es-Sultan) и Дерево Закхея (Бордосский путник 1882).

[27] Феодосий 1891. Путник Антонина из Плаценции 1895. Ниже по тексту данной главы, в разделе X. Тахи, мы оставили принятое в европейской литературе именование «Пилигрим из Пьяченцы» или «Аноним из Пьяченцы».

[28] К сожалению, внимательная Эгерия/Этерия/Сильвия (ок. 385), проехав Иерихон по пути в Заиорданье и обратно, видимо, не остановилась для осмотра.

[29] Галгал (церковь Galgalis) отождествляют с монастырем Иоанна Предтечи, а на местности — с Qasr al-Yahud. В VIII столетии в монастыре еще живут 20 монахов, но в дальнейшем эта жизнь прекращается вплоть до эпохи Крестовых походов. См.: Wright 2008: 7–8.

Зону второго («евангельского») города, лежавшего уже в руинах, должны были маркировать мемории, связанные с мытарем Закхеем. Все паломники, естественно, упоминали Иордан с местом Крещения Иисуса и Мертвое море. Обычно в текст включали указания на плодородие полей, садов и пальмовых рощ Иерихона (возможно, как дань литературной традиции), встречающиеся у средневековых паломников, таких как епископ Аркульф (ок. 700 г.) и Виллибальд (723–727 гг.)[30].

С приходом крестоносцев состав упоминаемых святых мест меняется: формируется новая серия святынь, связанная с Сорокадневной горой, впервые описанной, видимо, в начале XII в. Зевульфом (1102 г.)[31]. Но исчезает Дерево Закхея, хотя память о нем сохраняется, — вместо него появляется Дом мытаря. Среди перечней святых мест той эпохи выдающееся место занимает «Хождение Даниила, Русской земли игумена» [32] (см. ниже).

Кроме христианских паломников Иерихон упоминали иудеи и мусульмане (торговцы, географы и другие путешественники), но их тексты вносят мало нового в интересующие нас вопросы: они заполнены в основном описаниями природы и хозяйства — город обычно характеризуют как процветающий и даже называют столицей округа Гхор (Гаур ал-Урдунн)[33].

Начиная с эпохи Великих географических открытий, в XIV–XV и особенно XVI–XVII вв. записи паломников постепенно сближаются с сочинениями путешественников, потребность в которых быстро растет, порождая тексты компилятивно-имитационного характера, такие как ранняя фантастическая повесть «Приключения сэра Джона Мандевилля» (3-я четв. XIV в.), где содержится описание Иерихона, составленное на основе широкого круга источников. Отсылки к давно, казалось бы, устаревшим, но ставшим каноническими текстам как роду источников сохранятся надолго: еще в XIX в. барон де Шатобриан в «Путешествии из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж…» счел нужным упомянуть «кабинетную» сводку сведений о святых местах голландца Адрихема, составленную в конце XVI в. и считавшуюся образцом жанра.

При этом нужно иметь в виду, что как в XVIII–XIX вв., так, разумеется, и ранее Иерихон посещали не все[34], и даже в материалах увидевших его не обязательно содержится полное описание почитаемых объектов древности[35]. Что касается рационально настроенных путешественников XIX–XX вв., то они, видимо, сознательно опускали точки поклонения святыням как лишенные «позитивной» информации[36] (еще в 1697 г. Генри Маундрилл описал Иерихон серьезно и рационально).

Подобные отчеты становятся все более многочисленными и, в разной степени, фундированными. Наконец, в первой половине XIX столетия Палестина, наряду со всем Ближним Востоком, становится полем целенаправленных научных исследований — сначала в форме ученых путешествий[37], заложивших основы этнографии, исторической топографии и картографии, естественно-научных знаний и, несомненно, археологии Святой Земли[38].

Иерихонская археологическая агломерация не была исключением: уже в 1838 г. над ее описанием работали Эдвард Робинсон и Элия Смит (США)[39], в 1860-х годах — Чарлз Уилсон (Англия)[40], в 1871–1878 гг. — Клод Кондер и Герберт Китчинер[41], составившие подробнейший атлас карт с обзором современного состояния и древних памятников Западной Палестины, где для

---

[30] Аркульфа рассказ 1898: гл. XII. Виллибальд рассказывает о плодородии полей и садов, куда по каналам идет вода, благословленная пророком Елисеем. См.: Willibald 1895 (https://legacy.fordham.edu/halsall/basis/willibald.asp 1: 64–165).

[31] Зевульф: 1885.

[32] Даниил, игумен 2007.

[33] В IX в. это Ал-Иа'куби (VII, 326) (см.: Strange 1890: 30 и комментарии Н. М. Велиханлы к сочинению Ибн Хордадбеха (Ибн Хордадбех 1986: 85б прим. 24), в X в. Ибн Хаукаль (Истархи), в XIII в. Якут аль-Хамави, в XIV в. Абу-ль-Фида и др. (краткий перечень: Rijoob, 2011). Они упоминают природу и хозяйство Оазиса, и даже трактуют стихи Корана (V, 24–26), содержащие аллюзии на ветхозаветные тексты. Так, аль-Мукадасси отождествлял врата, которыми повелевалось войти в святую землю, населенную гигантами, с Арихой (Al-Muqaddasi 1886: 55–56).

[34] Выдающийся географ Буркхардт только упоминает Оазис и тянущиеся через него вади, а также Айн эс-Султан. См.: Burckhardt 1822: note 10.

[35] Их нет ни у мусульман, ни у большинства путешественников-евреев, для которых, однако, некоторые памятники представляли интерес. Так, раввин Петахья в 1170-х — 1180-х годах, посетив Мертвое море, специально искал камни, «которые Иисус Навин поставил», однако их не оказалось. См.: Петахия Регенсбургский 2004: 312.

[36] Русские путешественники, посещавшие Восток с торговыми, военными, политико-географическими целями, а не как поклонники, часто пишут только о рельефе, растениях, агрикультуре, наличии или отсутствии воды, например, врач А.А. Рафалович в 1846 г. см.: Рафалович 1991: 115–116.

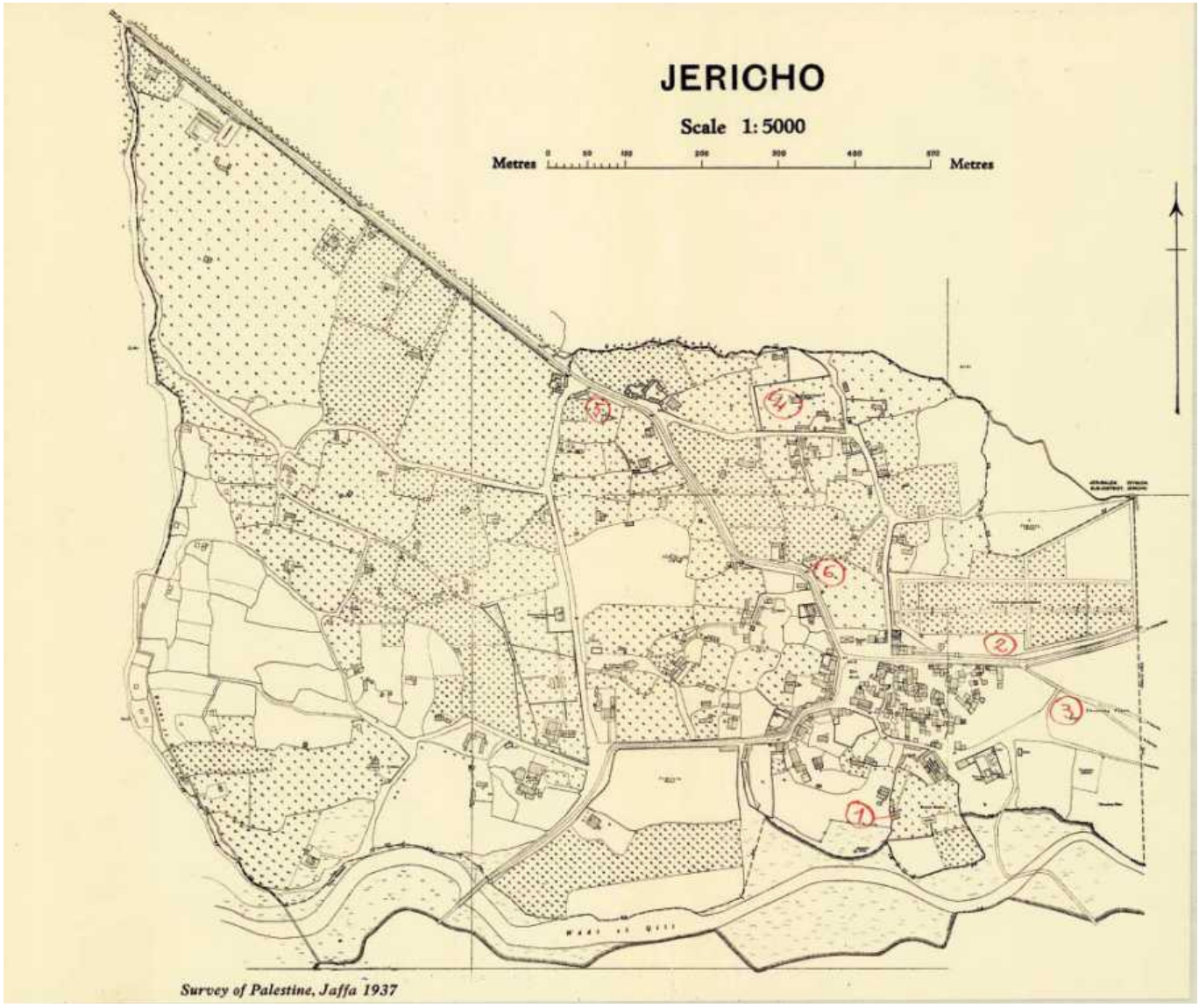
[37] См.: Ben-Arieh 1979; Moorey 1991; Breaking Ground 2010.

[38] С основанием Фонда исследований Палестины (Palestinian Exploration Fund, 1865) ее археологическое освоение вступит в стадию систематических фундаментальных исследований. К началу XX столетия в Палестине будут созданы также библейско-археологические институты и школы США, Германии, Франции и Италии. На русском языке очерки об этих научных учреждениях см. в статьях Православной энциклопедии.

[39] Robinson and Smith 1856: 550–556.

[40] Wilson 1881: 170–174.

[41] Conder, Kitchener 1883: 166–268, maps: sheet XVIII.

6. Дм. Барамки. Районы археологических наблюдений (1938 г.) на плане города 1937 года: 1 – район юго-западнее Антониновского участка; 2 – сельскохозяйственная станция; 3 – Tell al-Qaus (Государственная школа); 4 – сад коптского монастыря, 5 – Tell Derb al-Hanash (вблизи греческого монастыря); 6 – край Иоасафовского участка.

Иерихонского оазиса указано около 70 археологических объектов, в значительной части византийской эпохи или с византийскими слоями. Илл. 5

Попытки систематических обследований памятников христианства в Оазисе долго оставались в русле так называемой христианской археологии (и подчас следуют этому направлению до сих пор). Еще в 1899 г. о. Федерлин (J.L. Federlin, White Fathers) составил список и определил локацию 38 монастырей в долине нижнего течения Иордана, на равнине к югу и востоку от Иерихона, нанеся их на карту (многие — точно)[42].

О более серьезном научном подходе к учету византийских памятников Иерихона можно говорить только с переходом управления Палестиной в руки британских чиновников после Первой мировой войны и с установлением режима Мандата. Этот этап прочно связан с деятельностью сотрудника Британского департамента охраны древностей, энтузиаста-археолога Дмитрия Барамки, более известного по раскопкам дворца халифа Хишама. Илл. 6

В опубликованных недавно архивных материалах Департамента содержится много указаний на зафиксированные в 1920-х — 1930-х годах византийские объекты[43]. На осмотр каждого участка Д. Барамки составлял особые карточки, фиксируя локус и вид находок, и докладывал о них в

[42] Federlin 1902: 129–132, 152–156, 166–168, 181–184; Federlin 1903: 117–129, 132–134, 148–150, 168–171, 180–182, 196–199; Federlin 1904: 7–10; AHJO 2011: nn. 15, 17, 25–28, 40, 66, 72, 78, 79, 97–100, 103.

[43] См. карту Иерихона 1938 г. с указанием объектов наблюдения и сопроводительную записку к ней на сайте IAA, а также другие документы этого сайта: http://www.iaa-archives.org.il/zoom/zoom.aspx?folder_id=4438&type_id=5,20,6,7,8&id=52141 http://www.iaa-archives.org.il/zoom/zoom.aspx?folder_id=4438&type_id=5,20,6,7,8&id=52142 http://www.iaa-archives.org.il/zoom/zoom.aspx?folder_id=4438&type_id=5,20,6,7,8&id=52143

Департамент, прилагая к докладам фотоснимки и карты с помеченными точками наблюдений. Так, он осмотрел мозаику на Антониновском участке и ряд других участков, где начинали строительные работы всё новые религиозные общины и государственные учреждения[44]. Например, на месте будущей церкви св. Антония в саду Коптского монастыря (по схеме Барамки объект № 4, работы начаты в 1920-х годах) обнаружились архитектурные детали, в том числе близкие находимым на соседнем Иоасафовском участке, и остатки мозаичных покрытий[45].

Важно, что Барамки фиксировал не только положительную, но и отрицательную информацию, указывая, что на ряде зарегистрированных объектов археологии никаких древностей не обнаружил[46]. В других случаях древности были, но им ничто не угрожало[47].

Работы Барамки позволили составить первое представление о границах византийского Иерихона и отметить ряд важных памятников. За северо-восточным краем быстро растущего города, в монастыре св. Анфимия (рядом с № 5 и греческим участком, южнее Телль Абу Хинди), в 1940-х годах он зафиксировал резные мраморные фрагменты алтарной преграды и престола (?), а также мозаичные полы с изображениями птиц и животных, с геометрическими орнаментами и надписью, упоминающей погребение дьяконов Даниила, Макария и Иоанна[48].

Еще один храм вероятно посвященный апостолу Андрею (местное название монастыря — Абуна Филипп), был открыт в 1930-х–1940-х гг. рядом, на полпути к западу от Антониновского участка до дворцов Хасмонеев. В нем обнаружены две мозаики: одна, посвятительная, упоминает ктиторов (воина Магниана, пресвитера Ираклия, дьяконов Константина и Полихрония); другая, надгробная (не ранее посл. трети VI в., возможно 637 г.[49]), отмечает место погребения «слуги Господня» Трифона[50].

Барамки провел первое полное вскрытие большой христианской базилики в Иерихоне, на Телль эль-Хассан, опубликовав серьезную статью о результатах и связав памятник (возможно, из-за отсутствия в тот момент других раскопанных храмов[51]) с собором Богородицы и странноприимным домом при нем[52], который упомянут в трактате Прокопия[53], наряду с монастырем пророка Елисея, как постройка императора.

До недавнего времени Иерихон не числился в списке ключевых памятников Византийской Палестины. Он разделял общую судьбу археологии византийского и мусульманского периодов, которыми долго пренебрегали, — наука повернулась к ним лицом только во второй половине XX столетия. Город активного паломничества, множества церквей и монастырей со странноприимными домами и необходимой для приема сотен людей инфраструктурой оказался в тени своих же, но более древних памятников. Сказалось и то, что объекты археологии византийского времени в Иерихоне скрыты поздней застройкой и частью переработаны в исламский период, а местами неразрывно слиты со зданиями арабской Эр-Рихи и выросшего из нее современного города[54]. Так что исследования Телль эль-Хассан и прилегающих возвышенностей развивались медленно.

---

[44] С первой четверти XX в. христиане начали «возвращаться» в Иерихон, в том числе с палестинских территорий и из Иордании (es-Salt). Началось строительство храмов, вслед за русским и греческим появился коптский (1922–1924 гг.) и католический (1924 г.; с 1950 г. приходская церковь Доброго Пастыря); есть также небольшая абиссинская община и др. Церковь на своем участке греки перестроили в 1973 г. Появились и христианские школы, особенно развитые — Terra Santa (для мальчиков) при церкви Доброго Пастыря и сестер-францисканок для девочек.

[45] http://www.iaa-archives.org.il/zoom/zoom.aspx?folder_id=4438&type_id=5,20,6,7,8&id=52183
http://www.iaa-archives.org.il/zoom/zoom.aspx?folder_id=4438&type_id=5,20,6,7,8&id=52187

[46] Объект № 5 — участок Tell Derb al-Hanash вблизи греческого монастыря по дороге к Телль эс-Султан, где вскрытия провели в глубину более чем на 1.5 м; участок № 3, Государственная школа, а также 6 и 7, францисканский монастырь на Tell al-Qaus и Tell al-Mahfuriyeh соответственно.

[47] Архитектурные фрагменты на Сельскохозяйственной станции.

[48] http://www.iaa-archives.org.il/zoom/zoom.aspx?folder_id=4438&type_id=5,20,6,7,8&id=52189 Участок Ard el-Marajem, тогда — в собственности некоего Али Абу Рас. См. позже: Augustinovic 1951: 66–77.

[49] Августинович и Багатти предложили 575 или 587 г. Последний приводит мнение О. Мейнарда (Meinardus 1965–1966: 191) о правильности трех других вариантов: 592, 637 и 682 гг. Однако 592 год не подходит из-за несовпадения дней недели и праздников. М. Дженнингс полагает наиболее вероятной дату 637 г. (Jennings 2015: 79). Здесь не место разбирать особенности византийского летоисчисления — так или иначе, дата уложится в конец VI — VII в.

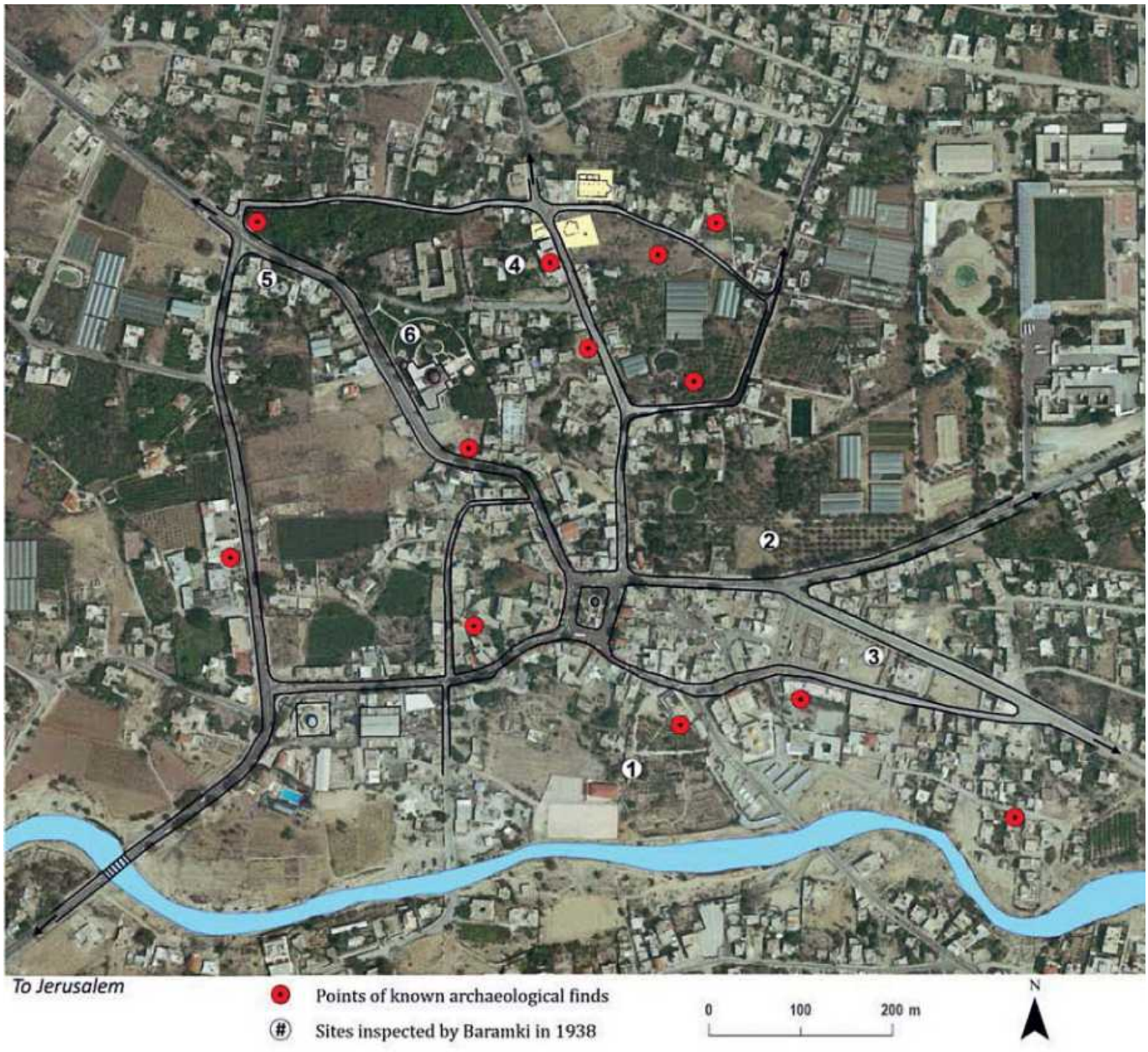
[50] Augustinovic 1951: 77–83.

[51] Храм был довольно большим (37.3×18.0 м), мозаика пола имела мозаичный рисунок, но точной даты получить не удалось — монеты перекрывали весь христианский период, с IV по VII в.

[52] Baramki 1936: 82–88. Августинович попытался соединить сведения о приюте с памятниками Антониновского участка, что впоследствии повторяли другие авторы (см. ниже).

[53] О постройках, Кн. 5, IX, 1: «В Иерусалиме он выстроил следующие монастыри: св. Фалалея, св. Григория, св. Пантелеймона в Иорданской пустыне, *странноприимный дом в Иерихоне*, *храм Богородицы в Иерихоне*, иверский монастырь в Иерусалиме, монастырь лазов в Иерусалимской пустыне, св. Марии на Масличной горе, *монастырь источника св. Елисея в Иерусалиме* (курсив наш — *Л.Б.*)». Цит. по: Прокопий Кесарийский, 1996: 274. Проверка показала, что текст аутентичен, в имеющейся копии указан монастырь именно в Иерусалиме. Однако, судя по другим источникам, такого монастыря там никогда не было. Возможно, это описка древнего копииста. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

[54] О палестинской деревне как объекте этноархеологии см. в диссертации: Cinthio 2004: 37–38 (http://www.dissertation.lib-ebook.com/d-history/2061850–1–bj-rn-cinthio-intellectual-property-and-human-rights-palestine.php).

7. Центр Иерихона на снимке из космоса. Точки – места работ; цифры – обследования Д. Барамки в 1938 г.:
1 – Антониновский участок (РДМ);
2 – сельскохозяйственная станция;
3 - Tell al-Qos;
4 – участок коптского монастыря;
5 – участок греческого монастыря;
6 – Иоасафовский участок (МПК РФ). По: Jennings 2013: ill. 20.

Барамки не суждено было обобщить материалы византийского Иерихона. Специально посвященные ему работы появятся только в разделах книг ученых-францисканцев Августина Августиновича («Археологический путеводитель по Иерихону»)[55] и Беллармино Багатти («Обзор христианских поселений Самарии») [56]. Первым выделил византийский период в особый раздел францисканец о. Августин, в послевоенное пятилетие подготовивший довольно подробный путеводитель по Оазису, в который он включил более подробный и тщательный указатель монастырей в окрестностях Телль эль-Хассан (более двух десятков), основательное исследование о локализации Гилгала и карту объектов[57]. На материалах о. Августина через пол века подготовил текст для обзора христианских поселений Самарии другой францисканец, известный ученый о. Беллармино Багатти[58]. В нем он подробно описал архитектурные детали, сохранившиеся к тому времени[59], и проверил

[55] Augustinovic 1951: 66–83, figs. 15–26.
[56] Bagatti 2002: 94–96, plts. 25–29.
[57] Augustinovic 1951: 64–92, 103–114, 151–154.
[58] Bagatti 2002: 94–104.
[59] Так, в Коптском монастыре описаны капители: у одной (ширина 59 см, диаметр основания 50 см) ствол делится малыми полуколоннами на восемь частей, с кругом для девиза или розетки внутри каждой секции; другая дорическая (ширина 58 см, в каждой из волют крест); базы (маленькая, для колонны темплона, и побольше, для колонны с каннелюрами, диаметр 22 см); мраморные части алтарной преграды с резьбой в виде листьев аканфа; фрагменты

верность ассоциируемых с византийским Гилгалом точек, склоняясь в пользу Телль эль-Матлеб[60], для чего имел ряд оснований[61].

Вообще, археологические находки постоянно приводили к попыткам идентификации византийского Гилгала. Так, James L. Kelso, начав в 1950 г. шурфовку руин эн-Нитла (слева от дороги из Иерихона к Иордану, в 3-х км)[62], открыл ряд зданий IV–IX вв., включая трехнефную базилику, четырежды перестроенную за период существования[63] (ее третий мозаичный пол украшал геометрический орнамент и две надписи на испорченной латыни, призывающие милость Божью). Правда, он отказался отождествлять эн-Нитла с Гилгалом (исходя из трактовки письменных источников), но сама дискуссия показательна.

Новый этап изучения византийских монастырей Иерихона начался с конца 1980-х годов, сначала — в рамках массового обследования монастырей Иудейской пустыни (Ицхак Хиршфельд). Из 73 открытых пунктов (в их числе идентифицирован по письменным источникам 41) около четверти (19) оказались в районе Иерихона. В 1993 г. была запущена программа обследований, под руководством Офера Сиона, монастырей южнее и восточнее Иерихона с целью сопоставить письменные свидетельства и натурный материал, получив данные для анализа монашеского движения. О. Сион предложил идентификацию для 11 памятников из 14 нанесенных на карту[64]. Оказалось, что в ранний исламский период их в основном уже забросили, и лишь некоторые ожили в эпоху крестоносцев[65], чтобы при оттоманских султанах окончательно угаснуть[66].

В последние 25–30 лет византийские и средневековые древности Иерихона привлекают все больше внимания[67]. Служба охраны древностей ПНА ведет систематические наблюдения за земляными работами, а также небольшие раскопки и уже накопила, пусть отчасти разрозненный, материал, который обсуждается на конференциях и медленно публикуется. Появились новые археологические карты и списки памятников Иерихонского оазиса (включая византийские и исламские), связанные с ними обзоры источников; ведутся специальные исследования в области историографии[68]. Существенно обогащают фонд источников электронные ресурсы: архивы фотографий, включающие аэрофотосъемку первой половины XX в.; материалы деятельности охранных служб в период с конца Первой мировой войны до 1948 г. и др.

Важным шагом стало появление в 2011 г. проработанной и комментированной археологической карты Иерихонского оазиса, подготовленной университетом Ла Сапиенца и Департаментом древностей Палестины (Мауро Сала, Лоренцо Нигро и Хамдан Таха)[69]. В настоящее время это основополагающий ресурс для учета объектов археологического наследия Иерихонского оазиса, имеющий электронную версию[70]. Памятникам византийского периода отведено в этом каталоге существенное место, что очевидно при взгляде на таблицу ключевых объектов: византийские слои или сооружения присутствуют на всех 13 теллях (кроме амфитеатра Ирода и дворца халифа Хишама), в то время как более древние и более поздние периоды отмечены не более чем на половине, а чаще — всего на одном — трех из них[71].

Мауро Сала, характеризуя ситуацию византийского Иерихона, точно суммирует ее особенности: «В течение византийского периода, когда на Телль эс-Султан над руинами предшествующих поселений осталась, видимо, лишь деревушка (фаза Sultan IX), а такие памятники, как

надписи с упоминанием имени Кассиан. Кое-где о. Беллармино делает ошибки, вероятно, в связи с недостаточно близким знакомством с памятниками на месте.

[60] Bagatti 2002: 101–102. Отождествление Матлеба с византийским Гилгалом расходится с предшествующей традицией, но еще Клермон-Ганно отметил там детали архитектуры, явно принадлежавшие церковным зданиям (включая капители, в том числе с крестами и растительными мотивами, что указывало на присутствие важного сооружения, принадлежавшего христианской общине (Clermont-Ganneau 1896: 17–20). Телль эль-Матлеб включает три группы руин; на каждой из них рассеяны фрагменты керамики и мелкие монеты византийского периода. Багатти отметил, что в 1957 г. видел в Департаменте древностей Израиля евлогию византийского периода — маленькую терракотовую фляжку с рельефным крестом, найденную на телле около 1950 г.

[61] В 1962 г. Farah S. Ma'ayeh (Иордания), работая в западной части Телль эль-Матлеб в связи со строительством дороги, обнаружил на глубине около 2 м полихромную мозаику.

[62] Хирбет эн-Нитла хорошо известен археологии, его посещали Клермон-Ганно, Герэн, Кондер и Китчинер, Блисс (он набросал план видимых на поверхности руин) и Федерлин, видевший в них монастырь. См.: Guérin 1874: 117; Bliss 1894: 182, и др.

[63] См.: Kelso 1949–1951: 50–60.

[64] См.: Sion 1996: 245–264. Номера по списку и карте в AHJO 2011: 25, 28, 49, 51, 54, 66, 70, 97–100.

[65] AHJO 2011: № 28, 40, 41, 76. Монастыри Каламон (Deir Mar Yuhanna Bosra), св. Герасима (Deir Bosra/Deir Mar Gerasimus), Георгия Хозевита (Deir Mar Jariys/Deir el-Qelt) и монастырь на горе Искушения.

[66] Sala 2011: 31.

[67] До этого, в общем обзоре археологии Иерихона (NEAEHL. Vol. 2, 1993. P. 674–697), часть, посвященная византийскому периоду, занимала крайне незначительное место.

[68] См.: Nigro, Sala and Taha 2011.

[69] AHJO 2011.

[70] http://www.lasapienzatojericho.it/padis/advanced-search/byzantine-period

[71] Nigro 2011: Pl. II.

8. Условное изображение Иерихона в миниатюре Лицевого летописного свода 1530-х гг. (лист «Встреча с Архангелом»).

9. Условное изображение Иерихона на иконе «Св. Герасим Иорданский», XVII в. Московский государственный объединенный музей-заповедник.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН: РАСКОПКИ СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ

10. Изображения Святых мест в Рогожском сборнике 1440-1450-х гг.: а - «Врата Иерусалимские» (л. 415об); б – «Святой Сион и Гроб Давидов». (л. 416). По: Попов, 1994).

Северный и Южный телли Абу Элийик, уже скрылись в основном под сельскохозяйственными угодьями, ключевой узел Оазиса передвинулся с Телль Абу Хинди на Телль эль-Хассан, который стал ядром поселения в Оазисе, начиная с этого момента и вплоть до современности: нынешний город Эр-Риха стоит на руинах древнего византийского поселения на Телль эль-Хассан. Также и мозаика из Мадабы, изображая Иерихон VI в. как византийский город, защищенный стеной и окруженный пальмами, позволяет локализовать его там, где все еще стоят Сикамора Закхея[72] и Телль эль-Хассан. Византийский Иерихон был окружен церквами, монастырями, религиозными и необходимыми вспомогательными структурами, которые заполнили Оазис и окрестные холмы, отчасти заселенные и в прошлом (Tell Abu Hindi, Khirbet en-Nitla/Tell Jaljul, Qasr el-Yehud, Jebel Quruntul и Rujm el-Mugheifir North)[73], а отчасти заселявшиеся впервые, особенно в восточном направлении, занимая район Ain Bosra[74] и пространство вдоль Вади Кельт»[75].

С тех же позиций, и почти с тем же условным результатом, составлен список археологических объектов в квалификационном сочинении Ахмеда Рджооба, посвященном проблемам сохранения археологического наследия в Оазисе. В его редакции списка памятников огромное число позиций отведено именно византийским объектам[76].

На тех же материалах базируется обзор Майкла Дженнингса (доложен в 2014 г. на конференции в МПК РФ[77] и в 2015 г. защищен как диссертация по памятникам Иерихонского оазиса VI–VIII вв.[78]), куда включены и результаты его собственных обследований, проведенных в рамках работ экспедиции Чикагского университета под руководством Д. Уитткомба, в основном ведущей раскопки на территории дворца халифа Хишама[79]. Работу Дженнингса отличает стремление к пространственному и ландшафтному анализу, в нее включены полезные карты основных локаций и содержатся интересные соображения, стимулирующие дальнейшее обсуждение вопроса перемещения «городов» и выбора пунктов для дворцовых, монашеских и иных структур. Но анализ археологических материалов византийского периода из-за их крайней недостаточности полностью гипотетичен. Илл. 7

[72] Зарубежные авторы часто представляют современную сикамору как евангельскую реликвию, в чем существуют немалые сомнения. См. об этом в главе IV.

[73] AHJO 2011: № 11, 12, 66, 70, 75, 78.

[74] Ibid.: № 23–28, 40, 72–73.

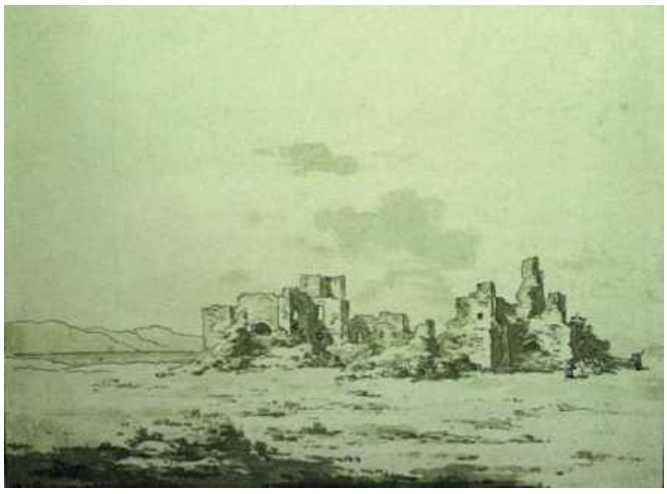
[75] Ibid.: № № 97–102.

[76] Rjoob 2011.

[77] Доклад (*Jenning M.* Excavations at Tell el-Hassan) на конференции «Two Decades ol Archaeological Work al the Oasis of Jericho. Prospects for Future Research, Site Management, Protection and Conservation», проходившей в МПК РФ в Иерихоне 26–28 октября 2014 г. В докладе сделана попытка локализовать «центр деловой активности» византийского Иерихона на основе нумизматических сборов при наблюдениях на произвольно выбранных участках.

[78] Jennings M. 2015. Благодарю Майкла Дженнингса за возможность ознакомиться с его еще не опубликованной диссертацией.

[79] Taha, Whittcomb 2014.

11. Воробьев М.Н. «Остатки монастыря Аввы Герасима близ реки Иордан». Набросок 1820–1821 г. ГТГ.

На данных археологической карты Иерихона, результатах работы Дженнингса и собственных материалах д-ра Хамдана Тахи основана глава о древностях Иерихона, написанная им по нашей просьбе специально для книги[80].

Эти сведения используем и мы, с тем чтобы опереться на них в дальнейшем для организации систематических исследований византийского Иерихона и, разумеется, для решения поставленной локальной задачи — анализа археологических материалов Музейно-Паркового комплекса РФ в Иерихоне.

Русские паломники в Иерихоне

Нам нужно, кроме того, остановиться на существенном объеме информации, который содержится в русских источниках, мало известных западному и ближневосточному читателю. Обширный фонд документов связан не только с паломническим движением, он сформировался благодаря активному участию России в политическом, культурном и религиозном развитии Палестины и в ее научном изучении. Организационно оно осуществлялось в рамках государственных (прежде всего дипломатических) служб, церковных учреждений (Русская духовная миссия) и такой своеобразной институции, как Императорское Православное Палестинское общество. В результате, российские источники отразили, в числе прочих Святых мест, жизнь Иерихона и облик его памятников начиная с XII и заканчивая второй половиной XIX — XX веком. Их необходимо хотя бы кратко охарактеризовать.

Первый известный нам русский паломник, игумен Даниил, составил одно из самых подробных описаний Палестины в годы после ее завоевания крестоносцами, в правление короля Балдуина. В «Хождении» Даниила много внимания уделено Иерихону и окрестным святыням, описаны его пальмы, горы и каналы. Список отразил уже устойчивый к тому времени перечень святынь, которые следовало искать вблизи Иордана, причем описаны они тщательнее, чем у большинства христианских паломников (отмечено не только качество воды, но также извилистое течение и растительность по берегам Иордана, который сравнивается с южнорусской рекой).

В средневековой Руси «Хождение» Даниила переписали сотни раз[81], им вдохновлялись на новые путешествия, по которым составляли и новые описания[82]. Уже в XVII в. эта библиотека включала не менее полутора десятков названий, среди которых переводные сочинения с греческого[83], латыни, живых европейских языков («Путешествие» Николая Радзивилла[84]) и описания собственных путешествий («Путешествие» Василия Гагары; вдумчивый «Проскинитарий» Арсения Суханова и др.). К сожалению, Иерихон описан не у всех. Так, «Хождение» Василия Позднякова (известно как «Хождение» Трифона Коробейникова), описывая монастыри пустыни, Сорокадневную гору и реку Иордан, Иерихон даже не упомянуло.

С наступлением Нового времени путешествия в Святую Землю умножились, выросло число их описаний, изменилась структура, возросла подробность и широта охвата. Часто описание основано на знании книг предшественников, что превращает рассказ о путешествии в особый литературный научно-описательный историко-географический жанр.

В сознании путешественников прочное место заняли хрестоматийные Дом Закхеев и Дерево Закхея[85], воспринимаемые как мемории эпохи Иисуса на протяжении столетий. Они остаются такими и для паломников XXI в.[86] Наряду с ними стояли многократно упомянутый источник св.

---

[80] См. ниже. Информация отчасти повторяется в нашей главе, но было принято решение не объединять тексты, чтобы точка зрения палестинских коллег и их консультантов выступила рельефнее.

[81] До XVII в. сохранилось более 150 рукописей! См.: Федорова 2014: 62–70.

[82] О восприятии Святой Земли см., например: Рождественская 1994: 8–14.

[83] Иерихон упомянут в «Хронике» Георгия Амартола, хотя и мельком: сказано о его «ниспровержении», о «горькой воде» его источника и даже о находке Оригена, — вот, пожалуй, и все.

[84] Среди них: «Поклоненье св. града Иерусалима» (пер. в 1531 г.), известнейшее в Европе «Описание Иерусалима» Христиана Адрихома (издано в конце XVI в. и тогда же переведено на русский язык), «Путник о граде Иерусалиме», «Повесть к пользе слышащим и прочитающим», «Повесть о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима» архимандрита Назаретского Гавриила, «Топография» Ансельма Краковского, «Проскинитарий» Арсения Каллуди, «Путешествие» Николая Радзивилла.

[85] Лучше сказать: деревья или их пни.

[86] «Дом Закхеев» — остатки каменной башни, стоявшей в прошлом вблизи моста через Вади Кельт, — все еще занимает воображение пилигримов, которые и сегодня требуют, чтобы им показали если не сам дом, то его место. Увы, тщетно: оно занято современной застройкой. См. подробнее ниже, в главе IV.

12. Поленов В.Д. «Иерихонский поток». Этюд, 1882 г. ГТГ.

13. Верещагин В.В. «Иорданский отшельник Вассиан». Этюд, 1884 г.

Елисея и «село сраниньское» — арабское поселение на месте византийского города[87]. Такие достопамятности, представая в облике реальных объектов, своего рода реликвий топографии, одновременно пребывали в пространстве библейских «свидетельств».

Иордан и Иерихон в России не только описывали, но даже изображали. В Средневековье, конечно, не реалистически. Впрочем, до XIX в. и европейские виды Иерихона сохраняют сказочный, фантастический характер, показывая обычно город как руины замка (гравюры к известной «Хронике» Шеделя и др). Не менее (но и не более) условно дан Иерихон в миниатюрах одного из первых на Руси сводов мировой истории с картинками — Лицевого летописного свода 1530-х годов[88]. Илл. 8. В иконном пространстве библейский город предстает и на некоторых образах святых, таких как «Святой Герасим со львом». Илл. 9. На Руси визуализация была возможна только в иконном виде, но, при посредстве промежуточных источников, воспроизводили иногда[89] и отдаленно-реальные формы Святой Земли[90]. Илл. 10.

В Новое время русские люди все чаще добирались до Палестины, поскольку церковные связи с христианским Востоком усилились, а издавна существовавший интерес к нему возрос[91]. Конечно, их описания и изображения Иерихона отличаются от средневековых: они все еще неразрывно связаны со Святыми местами, но в них больше характеристик реальной местности и условий жизни на берегах Иордана. Литература об освоении Палестины русскими в середине XIX — начале XX в., о корнях этого движения (воплотившего, в рамках государственных, церковных и общественных проектов, стремление огромного народа), о подробностях его развития — обширна и прирастает все новыми документами[92]. Нам нужно лишь выделить то место, которое в этом процессе занял Иерихон[93].

Со второй трети XIX столетия русские начали в самом прямом смысле укореняться здесь. Оазис посещали все паломники, стремившиеся на Иордан и к Мертвому морю. Правда, Эр-Риха XVIII–XIX вв. особого впечатления на них, как и на путешественников с Запада, не производила.

А.Н. Муравьев в классическом «Путешествии» 1830 г. признавался, что не может «сделать верного описания тех малых остатков древности, которые… встречались на пути к Иерихону»[94], и, только описывая второе посещение в декабре 1849 г., традиционно упомянул башню, хранящую «убогое селение»; остатки «величественных водопроводов между разросшихся кустов, которые знаменовали древнее величие любимого местопребывания Иродова», и отметил, что «на остатках древнего Иерихона бывает обыкновенно становище богомольцев, многими тысячами странствующих под прикрытием стражи на Иордан»[95]. Ему вторил А.С. Норов в «Путешествии по Святой Земле в 1835 году»,

[87] «Иерихон же тый был первее град велик и тверд вельми; того Иерихона Исус Навин взял и разорил до конца; ныне же ту есть село сраниньское. И ту есть дом Закхеев, и пень древа того и до ныне стоит на нь же бяше взлезл, хотя видети Христоса» (Даниил, игумен 2007: 54).

[88] В пересказе соответствующих сюжетов библейской Книги Иисуса Навина.

[89] О лицевых проскинитариях см. след. прим., а также: Белоброва 2007: 399–407; Грибов 1999: 136–144; Русские путешественники 1995.

[90] Хороший пример — Проскинитарий XV столетия в составе Рогожского сборника, где изображены эллинистические гробницы Иерусалима. См.: Попов 1994: 86–99.

[91] См. сводки литературы и архивных материалов, далеко выходящие за пределы заявленных тем: Чеснокова 2011; Якушев 2013; Смирнова 2014.

[92] РСЗ 2000; РСЗ 2015; РСЗ 2016; Лисовой 2006; Вах 2011. Наряду с традиционным «Православным Палестинским сборником», с рубежа 2000–2010-х годов выходят труды «Иерусалимского православного семинара».

[93] См.: Бутова, Лисовой 2009: 153–161; Бутова, Лисовой 2012: 518–550; Беляев, Бутова, Лисовой 2008: 46–57.

[94] Муравьев 2007: 155.

[95] Муравьев 2005: 133–134, 139.

14. Щербачев Ф.Н. Гостиница в Иерихоне. Стереопара. 1910 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина.

15. Щербачев Ф.Н. Источник Айн эс-Султан в Иерихоне. Стереопара. 1910 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина.

16. Живаго А.В. Источник Айн эс-Султан в Иерихоне. Стереопара. 1910 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина.

описав «несколько хижин, которые более похожи на кочевые шатры… и называются Риха» [96] (его записи во втором путешествии подробнее; см. их ниже в главе IV).

В 1850 г., востоковед архимандрит Софония (Сокольский) описал селение тщательно[97], постаравшись расспросить проводников: «То, что называется Рихою, состоит из двух овальных и отдельных кругов, расположенных один подле другого по ширине равнины. Северное полукружие каждого из них состоит из небольших хат или плосковерхих саклей, плотно стоящих одна подле другой и обращенных входом на юг… — Сколько жителей в этом селении и во всей долине Иерихонской? — Здесь, собственно, дымов 50, в которых всех живущих мужеска и женска пола до 300, а в прочих местах живут понемногу, так что во всей долине едва ли наберется до 600 душ, и то большею частью кочующие»[98]. Картину «пастушеской деревушки» с «хатами», «саклями» и «мазанками» вслед за Софонией воспроизводят Каминский, Поливанов, Скалон и др.[99] Еще ранее, раньше очень многих европейских художников, отразит образы Иерихона в графике и живописи русский пейзажист М.Н. Воробьев в 1820-х годах. Илл. 11

В сознание русских людей конца XIX — начала XX столетия Иерихон предстанет уже не только в картинах (среди них стоит упомянуть очень близкие по времени иерихонские этюды В.Д. Поленова[100] и В.В. Верещагина[101], илл. 12 и 13), но и в фотографиях: панорамные снимки и тексты страстного путешественника, ориенталиста и врача Александра Живаго, до сих пор мало известные[102], отразят весь путь от Иерусалима до Иерихона, включая виды самого города и Оазиса[103]. Илл. 14–16.

Как и вся Палестина, Иерихон обрел особое звучание в религиозной и политической, отчасти — в художественной и научной жизни России после Крымской войны (1853–1856 гг.), когда русское паломническое движение стало массовым и хорошо организованным, а РДМ и ИППО приступили к покупке земель, устройству сети паломнических приютов и других необходимых для обеспечения присутствия России объектов: больниц, школ, церквей и монастырей. Тогда же, в последней трети XIX в., были впервые сделаны шаги к формированию собственной версии священной топографии и созданию новой системы святых мест в Палестине[104]. В силу особенностей исторического развития страны эти начинания не получили развития. Но они — часть истории науки о Палестине. Известную роль в этом процессе играли археологические работы, о которых будет сказано далее.

---

[96] Он путешествовал по Святой Земле в 1834–1835 гг. См.: Норов 2008: 149–150.

[97] «Проезжая развалины Иерихона, я обратил на них особенное внимание и к большому ужасу заметил, что между ними не было ни одной крупной руины. Все было изломано как бы намеренною рукою, так что едва ли тут мог уцелеть и камень на камне. А к довершению грустной картины все эти обломки, разбросанные на необозримое пространство, были покрыты какой-то тонкой пылью, весьма похожей на пепел» (Софония 1865).

[98] Там же.

[99] Каминский 1859: 231; Поливанов 2006: 125–126, Скалон 2007: 137–138.

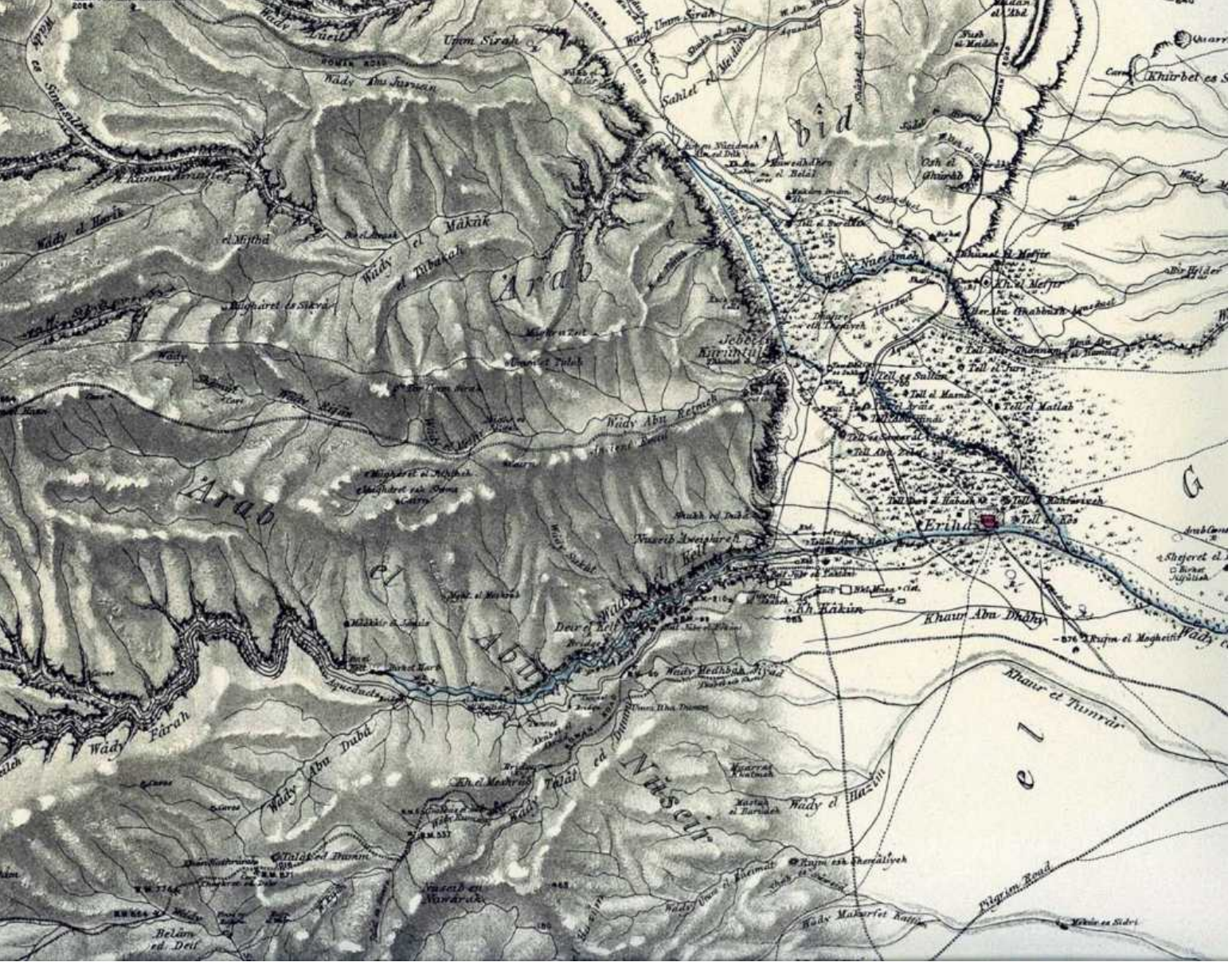
[100] В.Д. Поленов. «Иерихонский поток» (Х., м., 1882, ГТГ) — один из серии знаменитых «евангельских» этюдов художника Святой Земли.

[101] Этюд, сделанный с иорданского отшельника, родом из Каменец-Подольска, Вассиана, достаточно известнее в литературе, хотя хранится в частном собрании в США (см.: Кудря 2012: 18–20; Демин 1991). Но сама история пребывания замечательного русского художника в Иерихоне, плохо освещенная независимыми источниками, проясняется благодаря дневнику о. Антонина (Капустина), упоминающего жизнь Василия Васильевича на иерихонском участке 16–17 февраля 1884 г., в палатке. На рубеже 1880-х–1890-х гг. художник расскажет о своем путешествии, не упоминая Иерихон (повторная публикация: Верещагин 2001: 7–22).

[102] Тысячи фотографий только в 2010-х годах стали входить в оборот. См.: Беляева, Зиничева 2015.

[103] Заметки дневника Живаго о Иерихоне, к сожалению, кратки, чуть ли не короче подписей к его стереопарам. Он отмечает реку, греческий монастырь св. Иоанна и странноприимный дом о. Антонина (в получасе езды от Иерихона — то есть, видимо, от Телль эс-Султана), а также встречи с паломниками, следовавшими к Иордану и назад в Иерусалим: «Иордан. Недалеко от реки расположен греч. мон. Deir Mar Jouhanna (мон.св.Иоанна) и в ½ ч.езды от Иерихона — русский странноприимный дом, постр. о. Антонином для Палестинского О-ва». «Из Иерихона в Иерусалим. Бодро шло не менее 150 человек со всех концов нашего обширного отечества прибывших в Святую Землю паломников. В белых рубахах погрузятся они в воды Иордана и захватят с собой святой воды. — “А вы, родные, уже побывали Там“, говорили они нам». «Из Иерихона в Иерусалим. Мы встретили наших православных паломников, бредущих на Иордан под охраной почтенного каваса Палест. О-ва черногорца Марка, с прикомандированными к нему конными стражниками арабами» (Живаго А.В. Список диапозитивов путешествия 1909–1910 гг. Рукопись. // ОР ГМИИ, ф. 20, оп. II, ед. хр. 26. Л. 167об., 171об).

[104] Как известно, «ономастикон» библейской и евангельской Палестины не соединен неразрывно с конкретными природными, культурными, археологическими объектами. В огромном большинстве случаев названия и памятники сопрягают разнообразными способами, так что формируется не столько единая карта Святых мест, сколько некое «облако точек». В силу чего довольно просто строить альтернативные системы, узлами которых служат предполагаемые (не важно, насколько обоснованно) локусы событий евангельского нарратива, соответствующим образом оформленные. Известные примеры — Голгофа Гордона, Мамврийские дубы и, конечно, христианские святыни Иерихона и близких к нему берегов Иордана.

17. Район Иерихона на карте Кондера и Китчинера, 1885 г. Фрагмент.

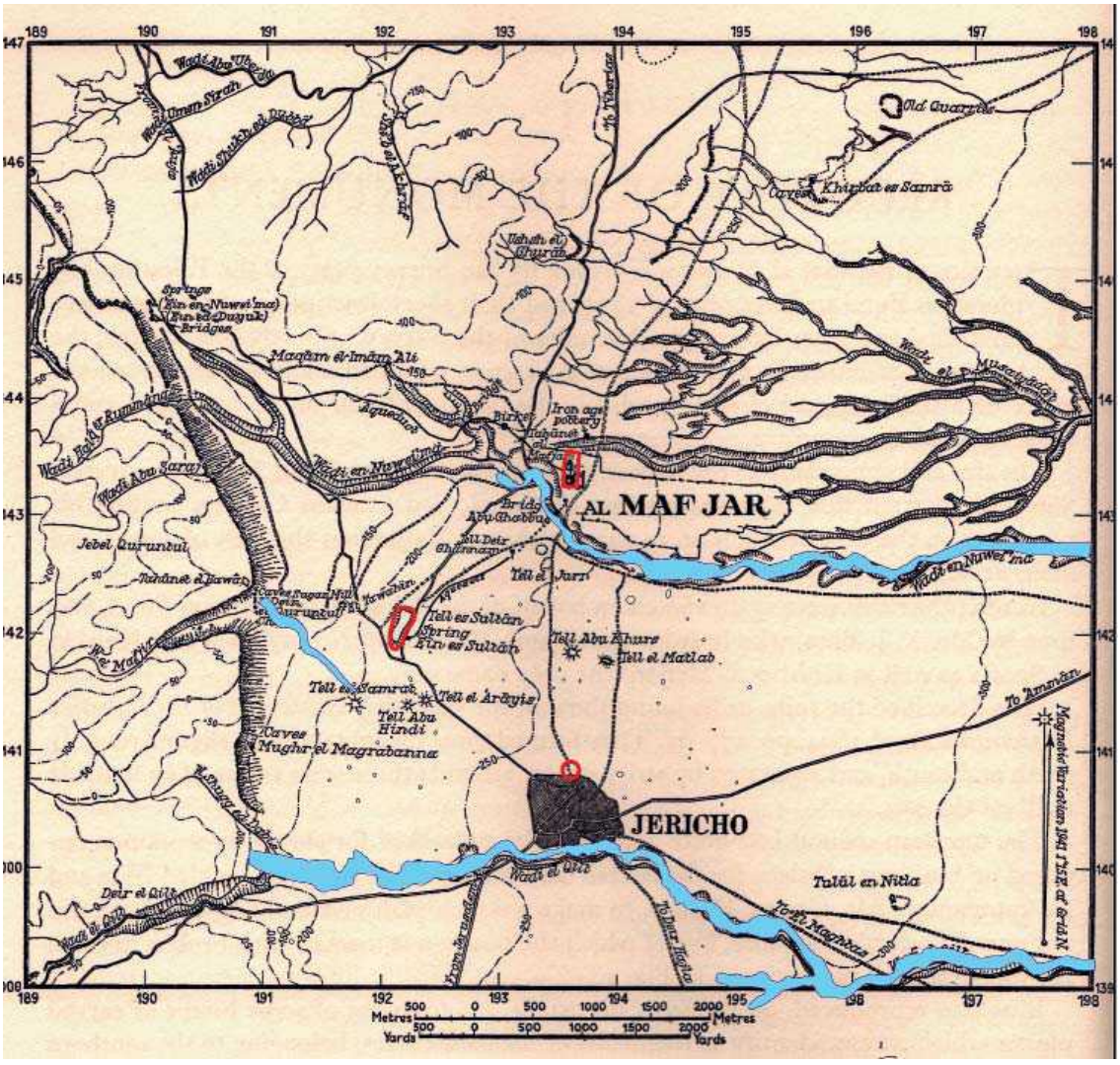
I:2/ Иерихон в византийский период: обзор материалов[105]

Археология Иерихонского оазиса показала чрезвычайно длительное обитание здесь человека, отраженное в разнообразных памятниках, от каменного века до современности: эпипалеолит, неолит, энеолит, бронзовый и железный век, персидский, эллинистический, римский, византийский и арабский периоды[106]. Илл. 17. В долине нижнего течения Иордана разведки открыли не менее 403 памятников археологии, простирающихся от Мертвого моря на юге до Bardalah (дистрикт Tubas) на севере, перекрывая площадь около 650 кв.км. В их числе — 82 крупных памятника и 321 точка с признаками объектов археологического наследия (из последних около 95 раскопаны). В этой части долины Иордана известен один урбанистический центр — Иерихон и около 15 сельских поселений. Илл. 18. Район Иерихона, делящийся в международных политических договоренностях между Палестиной и Израилем на две зоны, насчитывает более 85 археологических объектов, из них 35 — в городской черте современного Иерихона[107].

[105] Обзор материалов подготовил др-р Хамдан Таха. Пер. и ред. текста — Л.А. Беляев. При переводе текст редактировался минимально. Из него убраны описания работ российских исследователей, так как им посвящена вся остальная книга. Проведена уточняющая работа по сноскам: сняты многочисленные отсылки на обобщающие работы (излишние при передаче широко известных фактов) и указания на годы жизни исследователей (в оригинале они приведены избирательно). В ряде мест добавлены необходимые ссылки на отчеты израильских археологов, проводивших работы в оазисе Иерихона. Остальная правка проведена в рамках литературного редактирования.

[106] Taha, Qleibo 2010; Dorrel 1978.

[107] Nigro, Sala and Taha 2011.

18. Археологические памятники Иерихона, по карте А. Августиновича.

Иерихон упомянут в античных источниках, включая Иосифа Флавия, Плиния и Страбона, а также на карте Певтингера. Он описан в текстах паломников (включая Евсевия, описание путешествия Паулы Иеронимом, дневник Эгерии[108], итинерарии Феодосия, Антония (Анонима, Пилигрима) из Пьяченцы[109], игумена Аркульфа и карту из Мадабы[110]). В дополнение к историческим источникам и данным раскопок зону Иерихона в XVIII–XIX вв. описали многие исследователи, такие как Адриан Реланд, Ричард Покок, Иоганн Льюис Буркхардт, Джеймс Робертсон, Чарлз Уилсон и др. (Thomas Cook, Edward Stephens, Ulrich Jasper Seetzen, George Fisk, Henry Osborn, Henry Harper).

Наиболее серьезный вклад принадлежит Эдварду Робинсону, посетившему многие памятники с Элией Смитом. В конце XIX в. Виктор Герен описал большинство археологических объектов Иерихона[111]. Их фиксируют также материалы обследований Палестины Кондера и Китичинера 1870–1877 гг.[112] и записки Клермон-Ганно[113]; Британский Обзор 1920–1944 гг.; материалы спасательных работ Службы охраны памятников Израиля (Israeli Emergency Survey) после оккупации Западного берега, Газы и Восточного Иерусалима (1967/1968 гг.); израильских разведок 1980–2001[114] и палестинских разведок 1999 г. Памятники представлены также в серии

[108] Wilkinson C. 1999.
[109] В тексте Х. Тахи мы сохраняем принятое европейской традицией именование этого источника, в русской литературе более известного как Антонин из Плаценции (См.: Путник Антонина из Плаценции 1895) — *Прим. перев.*
[110] D'Adrea, Sala 2011: 55–59.
[111] Guérin 1874.
[112] Conder, Kitchener 1883.
[113] Clermont-Ganneau 1896.
[114] Hirschfeld 1990; Hirschfeld 1992, Sion 1996.

19. Остатки дворца Ирода на Абу Элийик (Telul Abu Alayeq).

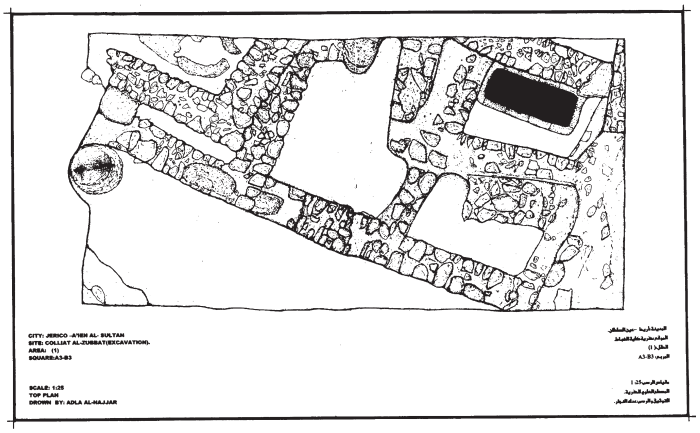
обследований района Иерихона, включая разведки 1996 года (G. Lehman), разведки Бирзейтского университета (Birzeit Survey) в рамках норвежского проекта 1996 г. и работы Палестинского управления древностей. В 2011 г. список археологических объектов составила Палестинско-Итальянская экспедиция, работавшая на Телль эс-Султан[115]. Обзор древних монастырей подготовил еще в 1899 г. Дж. Л. Федерлин[116]. При Британском мандате Дмитрий С. Барамки раскопал несторианский скит[117] и провел вместе с Дж. Келсо работы на Телль эль-Хассан[118]. В книге «Иерихон и окрестности» хорват по национальности о. Августинович в работе для Францисканского Библейского института в Иерусалиме составил карту главных памятников, включая полный перечень и описание археологических объектов в районе Иерихона, известных к началу 1950-х годов[119]. Этот перечень пополнило исследование древних христианских памятников Иерихона Беллармино Багатти[120].

Археологические обследования помогли лучше понять историю освоения и формы поселений разных периодов. В последние два десятилетия работы Управления древностей Палестины и совместных экспедиций дали новый материал для реконструкции развития Иерихона в классический период. Следует упомянуть раскопки на Телль эль-Хассан, в Jiser Abu Ghabush, Suwwanet eth-Thaniya, Deir Abu Ghannam и др. Их результаты пролили свет на развитие города в эпоху Византии и более поздние периоды. В недавней работе Майкла Дженнингса дан обзор поселенческих структур Иерихона IV–VII вв. н.э.[121]

[115] Nigro, Sala and Taha 2011.
[116] Federlin 1903: 133–180.
[117] Baramki 1934: 81–86. В работах участвовал также St. H. Stephan.
[118] Kelso 1955.
[119] Augustinovic 1951; D'Andrea, Sala 2011: 69–70.
[120] Bagatti 2002.
[121] Jennings M. 2015.

20. Стена раннего римского периода на Jiser Abu Ghabush.

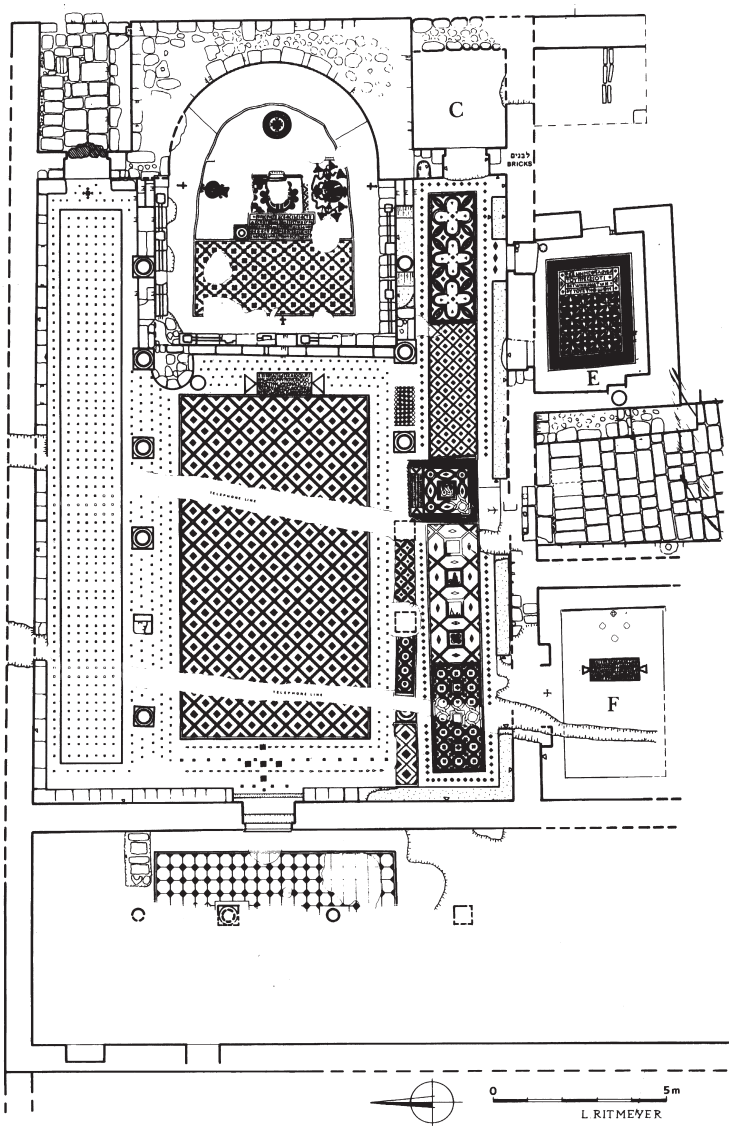
21. Раскопки в зоне Suwwanet eth-Thiniya, план.

22. Оссуарий, найденный при раскопках в районе Suwwanet eth-Thiniyia.

23 Римский милевой столб, найденный в районе Иерихона в 2010 году.

24. План базилики, изученной на Khirbet el- Bayyudat (по: Hizmi 1986).

25. Иерихон с окрестностями. Фрагмент карты из Мадабы.

Урбанизация Иерихона: ранняя стадия

Иерихон играл важную роль в становлении христианства. После того как Телль эс-Султан, который идентифицируют с древним Иерихоном, был оставлен в конце персидского периода после 8000 лет постоянного развития на одном и том же месте при источнике. Вместо него был построен новый Иерихон на телле Абу Элийик (Telul Abu Alayeq), примерно в 3 км к юго-западу, на берегах Вади Кельт.

С этой точки можно было контролировать всю равнину Иерихона к востоку, водные источники и дорожную сеть. Поселение идентифицируют с Иерихоном греко-римского периода, городом-садом. Его упоминают и описывают Страбон, Плиний и Иосиф Флавий. Согласно последнему, Антоний подарил бальзамические рощи Иерихона Клеопатре. Однако для семьи Ирода Иерихон по-прежнему служил зимним курортом. В это время была сооружена система водоводов (каналов и акведуков), питаемая водой окрестных источников (Ain es-Sultan, Nueima, Ain ed-Deuk, Wadi el-Qelt). Город защищали две крепости, Кипрос (идентифицируют с Tell el-Aqaba) и Doq (на горе Искушения, Mount Quruntul).

Первые разведки на Telul Abu Alayeq вел C. Warren (1868), а позже, в 1909–1911 гг., E. Sellin и C. Watzinger. Они показали крупный размер города эпохи позднего эллинизма и раннего римского периода. Илл. 19. Раскопки возобновили в 1950 и 1951 гг. J. Kelso, D. Baramki, J.B. Pritchard[122]. С1973 по 1983 г., а затем в 1986 и 1987 гг. раскопки шли уже в самом городе[123]. Были изучены значительные части города. На северном холме вскрыли остатки дворцов позднего эллинизма. Было установлено, что весь комплекс выстроен позже, к востоку, имел два роскошных плавательных бассейна, сады и зоны мощений. В последний из главных строительных периодов южнее были построены две виллы по одинаковому плану, так называемые «Дворцы-близнецы». Эллинистические дворцы включали массу устройств для купания. Эти дворцы пережили три последовательных строительных периода. Первый, квадратный в плане,

[122] Pritchard 1958.

[123] Не менее значительны широко известные работы под руководством Эхуда Нетцера. Базовая публикация: Netzer 2001–2013. *Прим. перев.*

26. Источник Айн эс-Султан. Современная фотография.

27. Монастырь Deir Hijla (св. Герасима Иорданского). Современное состояние.

стоял южнее Вади Кельт (Притчард неверно определил его как гимнасий). Ему наследовал второй дворец, Иродов, поставленный на руинах первого, на искусственном холме (северный холм), где расположились главные здания эпохи эллинизма, большой плавательный бассейн, сады и римская баня.

Третий дворец, единый комплекс на обоих берегах Вади Кельт, наиболее роскошный, появился в конце I тысячеления до н.э. и выстроен в римской технике, с применением римского бетона и облицовки мелким камнем (*opus reticulatum* и *opus quadratum*). С юга дворец включал сад, огромный бассейн для плавания и катания на лодках, круглый приемный зал на искусственном южном холме. Севернее вади стояло огромное крыло, скрывавшее зал приемов соответствующего размера, два перистильных двора, римскую баню и другие помещения. К северу помещалась и крупная инфраструктурная зона конца эллинизма — начала римского времени. Здесь найдены хранилища для воды, печи, давильные площадки и дренажи. Квадратное в плане здание, предназначенное для хранения жидкостей, позволяет связать эту зону с выращиванием бальзамических растений и хурмы, о которых пишут многие источники.

На краю города, северо-восточнее дворцов, в 1975–1977 гг. был изучен большой некрополь середины I в. до н.э. — I в. н.э. (около 50 гробниц, вырубленных в известняковой скале)[124]. Каждая состоит из квадратной погребальной залы с погребальными нишами, от одной до девяти в каждой. Гробницы закрывали тесаными камнями или кладкой из сырца и камней на глине. Некоторые были расписаны; на ряде оссуариев имелись надписи по-арамейски, по-гречески и на иврите; в гробницах обнаружены стеклянные сосуды и монеты.

В позднеэллинистический период восточную горную гряду защищали крепости Кипрос, Александриум, Гиркания, Иродион, Махерус и Масада[125]. В конце правления Селевкидов политическое единство Палестины было утрачено, со смертью Александра Янная (76 г. до н.э.) и прибытием в Палестину Помпея (63 г. до н.э.) Иерихон оказался под непосредственным правлением Рима.

Первоначально римляне разделили регион на две части: провинция Аравия охватывала Южную Сирию, Трансиорданию, Негев и Синай, а провинция Иудея, со столицей в Иерусалиме, простиралась от пустыни Негев до долины Иордана. Царем Иудеи римляне поставили Ирода (37–4 гг. до н.э.). Иерихон сохранил свои позиции как политический, экономический[126] и военный центр: около 68–69 гг. н.э. здесь стоял X Фретензийский легион. Консолидация римских военных сил в районе Иерихона фиксируется и во II в., при новом административном делении, когда столица новой провинции Палестина переносится в Кесарию Приморскую (Маритима).

Археологические следы римского присутствия обнаружены на многих памятниках: Telul Abu Alayeq, Tell el-Hassan, Jiser Abu Ghabush, Suwwanet eth-Thiniya, в районе МПК и других зонах. В Jiser Abu Ghabush (около 3 км севернее Иерихона, на южном берегу Вади Нуейма (Wadi Nueima), существовало неукрепленное поселение, очень долго остававшееся неизвестным (весь

[124] Базовая публикация: Hachlili, Killebrew 1999. *Прим. перев.*
[125] Tsafrir 1982.
[126] Возможно, неслучайно именно в Иерихоне Иисус встречает мытаря, т. е. сборщика податей, Закхея. — *Прим. перев*

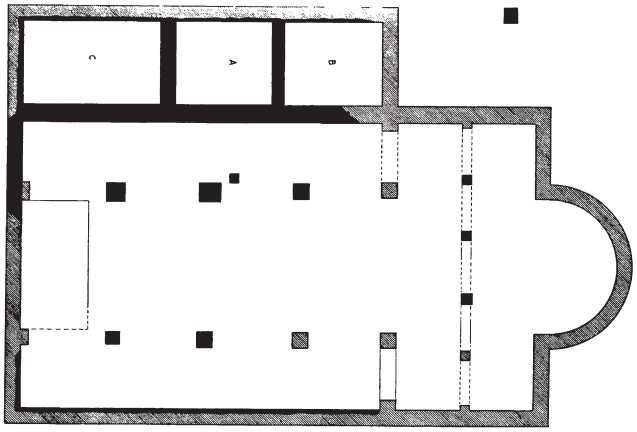
28. Телль эс-Султан, пресс для выжимки винограда.

этот район у Кондера и Китчинера обозначен как Suwwanet eth-Thiniya). Но в 1994 г. Управление древностей Палестины провело раскопки западнее района, исследованного Джорджем Ландесом в 1968 г.[127] Здесь под верхним слоем почвы открылись остатки раннего римского времени: основание стены и пол из раствора. Илл. 20 В северной части раскопа вскрыта маленькая цистерна (2.88 × 2.70 м, глубина 1.42 м) с тремя ступенями[128].

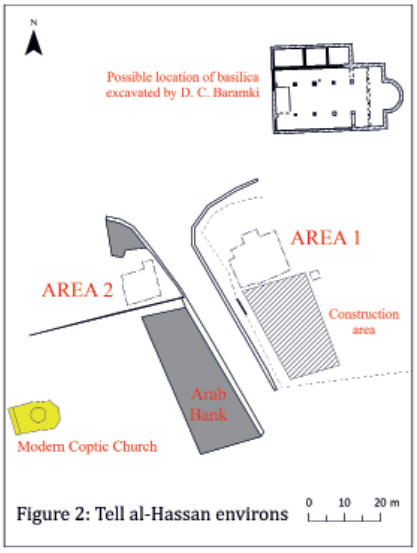
Остатки раннего римского периода отмечены и на самом Suwwanet eth-Thiniya (1.5 км к северу от Телль эс-Султан, на южном берегу Wadi Nueima, к западу от дороги Иерихон — Бисан/Бейт-Шеан, в зоне, занятой сейчас Полицейской академией[129], западнее Jiser Abu Gabbush). Римский культурный слой (stratum I) представлен четырехкомнатной постройкой — очевидно, это единое жилище с двумя жилыми комнат, кладовой и ванной[130]. Комнаты вытянуты в ряд, ориентированный с севера на юг; открытый внутренний двор к востоку от стен занимала печь типа *tabun*. Этот слой представляет главный период обживания участка[131]. Илл. 21. В римской гробнице типа аркосолия, раскопанной в eth-Thiniya (западнее Телль эс-Султан) открыта группа оссуариев, из которых два несли греческие надписи[132]. Илл. 22.

Итак, в конце римского периода центр поселения сдвинулся от Telul Abu Alayeq, и новый город оказался в границах, которые близки к историческому ядру современного Иерихона. Таким образом, развитие системы поселений в районе Иерихона классического периода отражает их сдвиг с холмов, высящихся западнее Иерихона, от подножия гор и с вершин этих возвышен-

[127] Landes 1975.
[128] Taha 2011: 278–283.
[129] Изначально эту школу построило UNRWA (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ) после создания двух лагерей беженцев (Ain es-Sultan и Nueima) вслед за исходом (Nakba) палестинцев в 1948 г.
[130] В квадратах A3 и B3.
[131] Taha 2011: 272–73.
[132] Ibid.: 285.

29. Церковь, открытая на Телль эль-Хассан; план (по Д. Барамки).

30. Телль эль-Хассан, план раскопок 2012 года (по: Jennings 2015).

ностей (Телль эс-Султан) к средней части равнины, на открытые поля, полого спускающиеся к востоку от Айн эс-Султан[133].

Иерихон на перекрестке дорог В римское время были построены дороги, которые соединили Иерихон с остальными частями Римской Палестины[134]. Согласно карте Певтингера II в. н.э., город был связан с двумя главными путями к северу, в Наблус и Бисан/Бейт-Шеан. Сеть включала и дорогу Иерихон — Иерусалим, северный участок Иерихон — Бисан/Бейт-Шеан и южный — к Мертвому морю и Эйн-Геди[135], а также дорогу на восток через Иордан. Археологически эти дороги засвидетельствованы в Suwwanet eth-Thaniya, на южном берегу Wadi Nueima[136].

В 2010 г., во время разведки под руководством доктора M. Hawari, был найден милевой камень[137], вероятно, эпохи императора Траяна (98–117 гг. н.э.). Илл. 23. Он плохо сохранился, но текст восстановлен д-ром Ignacio Acre (личное сообщение) при консультации с профессором David Kennedy:

[I]MP
CAESARINERVAE
TRAIANOAVG
GERDACPPVIC
PERTI ATIIIVM…
FV?ERIVMLEG

Возможное раскрытие: [I]mp(eratori) Caesari Nervae Traiano Aug[usto] Ger[manico] Dac[ico] P[atri] P[atriae] Vic[tori?] Via … per Ti. Atilium… FV?ERIVM Leg[ato)].

Соответственно, возможный перевод будет звучать так:

Императору Цезарю Нерве Траяну Августу Германику Дакскому, Отцу Отчизны, победителю… [поставлен] … в период службы Ти. Атилия.??

Дорога Иерихон — Скифополь (Бисан/Бейт-Шеан) на карте обозначена несколькими поселениями, такими как Архелай, Фазаэль, Кореус, Салумис (Archaelais, Phasaelis, Koreus, Salumias) — но сам Скифополь остался за пределами сохранившейся части таблицы[138]. Первые два главных пункта к северу от Иерихона — Archalais и Phasaelis.

О том, что Archelais, городок на дороге из Иерихона в Скифополь[139], построил сын Ирода Великого, Архелай, пишет Иосиф; городок упомянул и Плиний как поселок между Иерихоном и Фазаэлем. На местности его точку идентифицировал H. Guthe вблизи Khirbet al-Oja At-Tahta. Раскопками на Khirbet el-Baiyudat раскрыта базилика (23.60 × 15.50 м)[140]. Илл. 24. Три стены у нее сложены из

[133] Hirschfeld 1992; Jennings M. 2015:111–112, 117.
[134] Roll 1999.
[135] Однако дальше Эйн-Фешхи дороги не было, то есть дорога, ведущая из Иерихона к Эйн-Геди, вряд ли могла существовать — *прим. переводчика*.
[136] Landes 1975; Jennings 2015: 105–109.
[137] Taha, Qleibo 2010.
[138] Donner 1992.
[139] Ibid.: 1992: 45.
[140] Hizmi 1986: 181– 82.

31. Телль эль-Хассан, раскоп 1.

32. Телль эль-Хассан, раскоп 2.

тесаных камней, а одна — из камня и сырца. Церковный пол покрывала мозаика с геометрическим узором, центр алтарного полукружия украшал крест, вписанный в круг. Выделены три главные стадии строительства: *на первой* храм имел два главных входа, с юга и, через нартекс, с запада; той же стадии принадлежит мозаичный пол южной апсиды. *На втором этапе* произошли крупные перемены: поверх прежнего мозаичного пола положили новый в апсиде и на бёме; изменения затронули и северный неф. *На третьей, финальной стадии* мозаичный пол в апсиде и бёме переложили, вмонтировав в него надпись эпохи императора Юстина II (520– 578 гг.); в начале VII в. храм был уничтожен.

Фазаэлис, город на главной дороге из Иерихона в Скифополь, идентифицируют с Khirbet Fasayel[141]. Он упоминается ранними христианскими и византийскими авторами как построенный при Ироде Великом и названный в честь его брата. Два других пункта стояли на той же дороге: Koreus (идентифицирован с Tell el-Mazar вблизи Qarawa, в низовьях Wadi el-Fara) и Salumias (возможно, Khirbat Khisas ed-Deir, примерно в 12 км южнее Скифополя)[142].

Иерихон на карте из Мадабы[143]

Один из главных источников по истории и топографии Иерихона в византийский период — мозаичная карта из Мадабы VI в[144]. Илл. 25 Ее информация, конечно, обобщенная, но она отразила главные топонимы, а также исторические, географические и топографические детали. Представлен Иерихон и окружающие поселки, дорога Иерихон — Скифополь, крупные природные объекты (Мертвое море, Иордан, Вади Кельт, горный кряж) и особенности местности (плантации растений, особенно символа Иерихона — финиковых пальм).

Слово «Иерихон» помещено справа (к востоку) относительно Иордана, а по отношению к Иерусалиму — с запада. Иерихон изображен в оазисе с пышными пальмами, как город среднего размера, со стеной, четырьмя башнями и двумя воротами. Внутри стен показаны три церкви: две из них с красными крышами, одна — с желтым треугольным фронтоном. Они не идентифицированы, но, судя по предварительным исследованиям, остатки одной из них можно отождествить с церковью Закхея в центре города; остатки другой открыты в коптском монастыре Закхея, где монахами найден и отреставрирован мозаичный пол византийского времени.

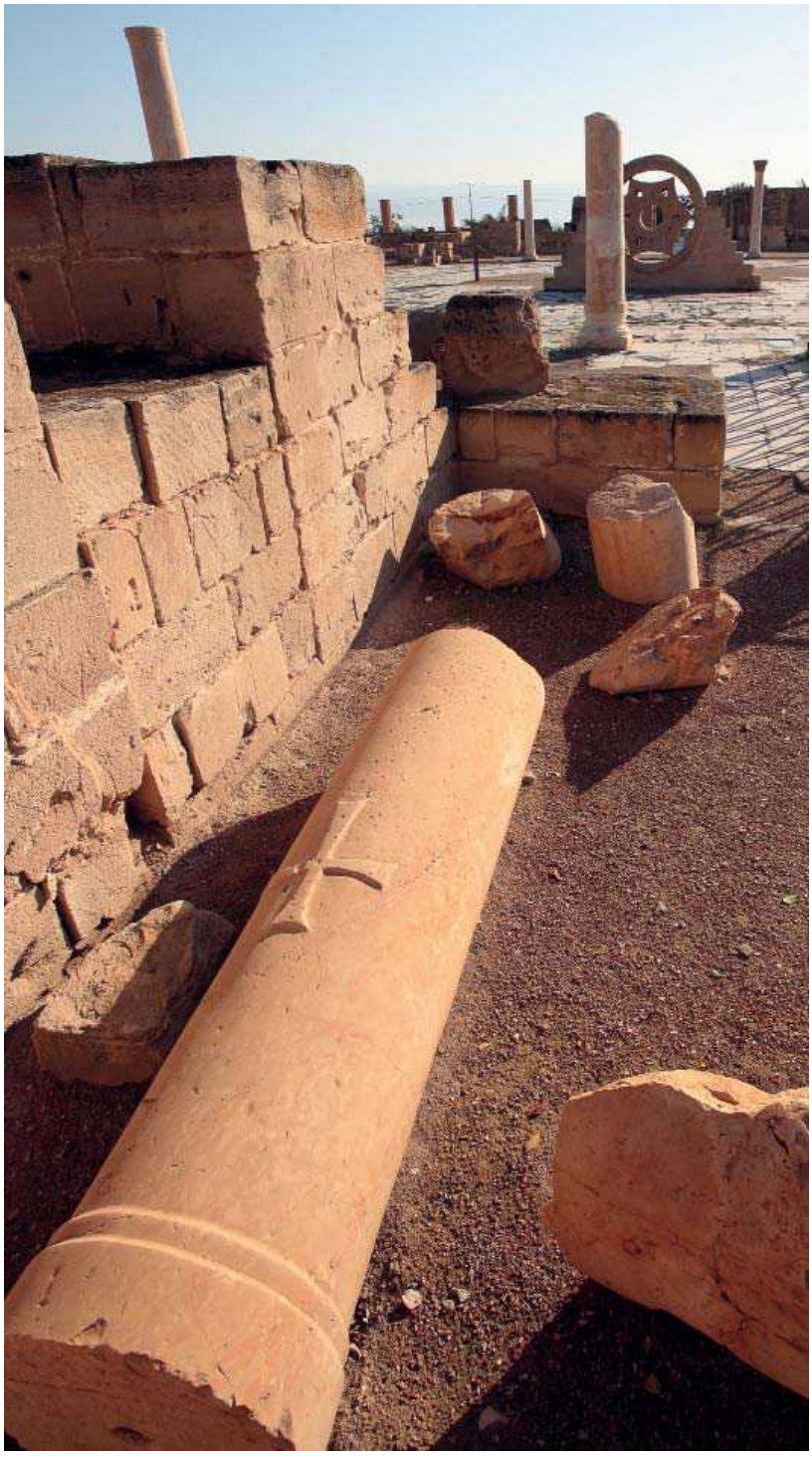
Древнейший (первый) Иерихон на карте символизирует церковное здание и пальмовое дерево, причем храм купольный, с двумя башнями и надписью «Святого Елисея»[145]. Это, вероятно, храм, соседний с источником Айн эс-Султан, а сам город Иерихон, обозначенный этим именем, окружен стеной и пальмами. Так его и описал пилигрим из Бордо в 333 г., указав, что дерево Закхея далеко от источника пророка Елисея, за полторы римские мили, и это описание повторил в VI в. паломник Феодосий.

Кроме церкви у источника текстам известны другие храмы, в том числе часовня Девы Марии с приютом для паломников. Монастырские источники помещают в районе Иерихона приют, основанный св. Саввой, и еще один, принадлежавший св. Евфимию, а также госпиталь, построенный св. Феодосием, и другие монастыри. В окрестностях города действительно найдено много церквей византийской эпохи.

Мемориальная церковь св. Елисея, над древним источником Айн эс-Султан у восточного подножия телля, изображена на мозаике с красной куполообразной кровлей и фланкирована двумя башнями со стеной, с вратами между ними[146]. Илл. 26 Из-под правой башни вытекает поток, питающий оазис города. Феодосий (ок. 530 г. н.э.) пишет, что церковь в память пророка построена *прямо* над источником св. Елисея[147]; Прокопий также упоминает в списке сооружений Юстиниана церковь над источником св. Елисея[148]. Клермон-Ганно в издании 1899 г. описал апсиду с нишей на месте источника, а в 1997 г. Палестино-Итальянская экспедиция открыла на восточном склоне телля две ямы и капитель византийского периода. Другие авторы, включая Бордосского путника (ок. 333 г. до н.э.) и Феодосия (ок. 530), помещают вблизи источника Дом Раав. Пилигрим из Пьяченцы (ок. 570) пишет, что Дом Раав превращен в приют для странников, а над местом спальни, где блудница прятала соглядатаев Иисуса Навина, построена церковь, посвященная Марии.

Ранние христианские паломники и монахи упомянули и византийский Гилгал. Первым его храм с камнями внутри описал Пилигрим из Пьяченцы — мозаичная карта помещает камни снаружи от

[141] Donner 1992: 45.
[142] Ibid.: 1992: 37–38.
[143] Базовое издание: MMC 1999. — *Прим. переводчика.*
[144] Donner 1992: 46.
[145] Donner 1992: 45–46.
[146] Donner 1992: 45.
[147] Augutinovic 1951: 39.
[148] PPTS 147.

33. Колонна со знаком креста с Хирбет эль-Мафджар Kh. el-Mafjar

храма, чтобы сделать их видимыми[149]. Место церкви доселе неизвестно — ее пытались отождествить с археологическим объектом Shigrat en-Nitla (ок. 2 км от Иерихона), а недавно — с Suwwanet eth-Thiniya. Но раскопки в последнем пока не выявили византийских сооружений. Гораздо вероятнее, что изображение отразило библейскую легенду, а не реальную ситуацию, как и в случае со стенами Иерихона.

Bethabra[150], место Крещения Христа, упоминают все христианские паломники и ранние авторы. Оно идентифицируется с Deir Mar Yohanna, современным местом Святого Крещения, вблизи Eon el-Jarba. На карте показана церковь, построенная императором Анастасием (491–518 гг.).

Монастырь св. Герасима (Deir Hajla) к юго-востоку от Иерихона, в 3 км западнее реки Иордан, отмечает место, где Мария, Иосиф и младенец Христос отдыхали во время Бегства в Египет. Современная постройка относится к 1885 г., но наследует остатки древней лавры, основанной св. Герасимом в 455 г. н.э. Илл. 27.

Карта из Мадабы явно рисует важнейшие историко-религиозные черты региона, а сельские поселения и менее значительные святые места опускает — такие, как монастырь V — начала VI в. в местности Nusieb Uweishira (ок. 3 км к юго-западу от города, на вершине холма), руины которого изучил Э. Нетцер[151].

Облик культурного ландшафта Иерихона карта из Мадабы передает довольно точно. Тропический климат, обилие воды и развитая система ирригации, созданная в оазисе еще в III–II вв. до н.э., породили высокоспециализированную экономику, основанную на культивации бальзамических растений и финиковой пальмы, в силу чего Иерихон стали воспринимать как «город пальм»[152]. Традиционный продукт Иерихона, финики, явно производили и в византийскую эпоху, используя их в том числе для производства «меда», о котором пишут Иосиф и Плиний. Иерихон и оазис Мертвого моря славились и плантациями бальзамических растений, но после 70 г. н.э. о них более не упоминают. Около 570 г. н.э. Пилигрим из Пьяченцы описал Иерихон как райский сад, где делают первоклассное вино, которым лечат больных лихорадкой. Здесь росли кроме фиников и лимоны (лимонное дерево, как известно, изображено на полу зала во дворце Khirbet el-Mafjar).

[149] Donner 1992: 46.
[150] Ibid. 1992: 38.
[151] Netzer, Birger 1990: 199.
[152] Avi-Yonah 1958.

В византийскую эпоху район Иерихона оформился не только как географическая, но и как административная единица. На востоке ее окаймлял Иордан, с юга лежало Мертвое море, западной границей считался Иерусалим (Элия), а северной — Флавия Неаполис (Сихем). В V в. это была самая восточная часть провинции Палестина Прима, которая включала Иудею, Идумею, Самарию и Перею, имея столицей Кесарию Приморскую[153].

Новый Иерихон располагался на месте современного города, южнее Телль эс-Султан. Систематических исследований в этой зоне не велось, но с помощью наблюдений и охранных работы удалось выявить ряд важных объектов византийского периода. Они рисуют нам поселение среднего размера, чьи постройки демонстрируют оживленность городской жизни. Конечно, образ высоких стен с мощными башнями нужно отнести насчет библейской легенды, согласно которой Иисус Навин сокрушил древние стены, — реальности конца VI — начала VII вв. такие изображения не отвечают.

Иерихон как главный пункт пути паломников из Иерусалима на Иордан, к месту крещения, играл важную роль в раннем христианстве[154] и, подобно Иерусалиму, обрел особое значение с его возвышением. Иерихон стал важным центром религиозной и коммерческой активности в долине Иордана уже с IV в.: статус города в этот период определяли религиозные ассоциации.

На Телль эс-Султан все еще существовало малое поселение на руинах прежних городов (фаза Sultan IX), где сооружения византийского времени представлены рядом инсталляций: винный пресс, печи, каналы и водосборники, силосные ямы, обмазанные известью поверхности[155]. Илл. 28.

Другой древний памятник, Telul Abu Alayeq, к тому времени в основном занимали сельскохозяйственными угодьями, а главный центр Оазиса сдвинулся с Tell Abu Hindi на Tell el-Hassan, где и остался до появления современного города Ariha (Jericho), стоящего на руинах византийского; западный край его отмечен Сикаморой[156].

Оазис и окрестные возвышенности (Tell Abu Hindi, Khirbet en-Nitla, Rujm el-Mugheifer) заполняли церкви, окружавшие византийский Иерихон. В IV в. н.э. его общину возглавлял епископ Януарий, побывавший на Соборе в Никее в 325 г. н.э.; ему наследовал ряд влиятельных епископов[157]. Классические черты греко-римского города были к тому времени утрачены, общественные здания прошлого, театры, ипподромы, храмы и базилики сменили церкви и монастыри[158]. В центре города высились четыре главные церкви, а на периферии его окаймляла масса монастырей и храмов. Развитие Оазиса в этот период характеризует явный всплеск популяции, связанный с развитием христианства[159].

Остатки византийского города. Раскопки, разведки и наблюдения последних лет показывают, что Иерихон к концу византийского периода был плотно заселен. Его остатки выявлены в урочищах ed-Deuk, Tell al-Jurn, Tell Abu Ghannam, Ard el-Mafjer, Tell Abu Khurs, Tell el-Matlab, Tell el-Marajim, Tell es-Samarat, Tell Abu ez-Zulaf, Khirbet en-Nitla, Khirbet Mugheifer, Rujm Mugheifer, Deir al-Quruntul, Ariha, Tell el-Mahfuriah, Tell el-Qos, Tell el-Qasab, Khan es-Sahel, Tell el-Mafjar и еще в ряде мест. Кое-где изучены остатки церквей. Ядро византийского и раннеисламского города определилось благодаря изучению нескольких локусов внутри современного города. Основные из них — раскопки на Телль эль-Хассан и в МПК (у Сикаморы). В ядро города входила, вероятно, нынешняя городская площадь и, восточнее мэрии, участок РДМ.

Телль эль-Хассан (Tell el-Hassan) лежит примерно на 500 м севернее центра города. Это сердце византийского Иерихона. Он стал объектом изучения в 1934 г., после открытия крестьянами мозаичного пола при земляных работах. Раскопки на средства Управления древностей Британского мандата позволили Д. Барамки открыть трехнефную базилику длиной 37.3 м при ширине 18 м, с двумя дополнительными камерами и портиками; пол покрывала мозаика с геометрическим узором. В 1936 г. Барамки опубликовал серьезную статью[160], выделив два главных уровня освоения: византийский и раннеисламский. Церковь отождествили с храмом Богородицы, упомянутым как восстановленный в Иерихоне императором Юстинианом (527–565 г. н.э.). Илл. 29.

---

[153] Avi-Yonah 1966: 121.
[154] Hirschfeld 1990: 71.
[155] Cirelli, Zagari 2000: 358–359; Nigro 2011: 21.
[156] Д-р Хамдан Таха (и многие из пишущих о топографии Иерихона) полагает возможным видеть в современной сикаморе на участке МПК дерево если не евангельской эпохи, то, по крайней мере, византийского периода. — *Прим. перев.*
[157] Bagatti 2002.
[158] Hirschfeld 1992; Hirschfeld 1997.
[159] Avni 2014.
[160] Baramki 1936: 82–89; Foerster 1993.

34. Мозаичный пол в церкви Абуна Филип; фрагмент.

35. Мозаичный пол в церкви Абуна Анфимос; фрагмент (по Б. Багатти).

В 2012 г. Управление древностей и культурного наследия Палестины (Palestinian Department of Antiquities and Cultural Heritage, DACH) провело четырехнедельные охранные раскопки на Телль эль-Хассан под руководством Ияда Хамдана (Iyad Hamdan), обнаружив стены жилых построек. Илл. 30. Раскопки возобновили в том же году (руководители M. Jennings, A. Laumicela, I. Hamdan) к югу от базилики, раскопанной Д. Барамки[161]. Также были раскопаны два участка по обеим сторонам дороги на Qasr Hisham. Раскоп 1, восточнее дороги, открыл большое здание с четырьмя комнатами. Илл. 31. Вдоль южного фасада здания проявилась часть улицы, шедшей примерно с запада на восток, с параллельной ей линией водопровода. Раскоп 2, западнее дороги, раскрыл сооружение из, по крайней мере, трех комнат. Илл. 32. Две из них были вымощены белой мозаикой; к одной примыкал маленький водоем со стоком. Керамический материал местного производства, в основном V–VII вв. с добавлением ранних типов исламской посуды. Собрано много монет (более 300), причем предварительный анализ позволил отнести их, в большинстве, к византийскому чекану VI в., «арабо-византийским» и пореформенным умайадским выпускам. Материальная культура, особенно нумизматика и керамика, показывает, что это зона коммерческого центра, который функционировал в византийский и раннеисламский период[162]. Южнее Телль эль-Хассан, у Коптской церкви, также отмечены объекты византийского времени, включая фрагменты архитектуры и две строки надписи с упоминанием Кассиана (Cassianus).

[161] Jennings M. 2015: 53–65.
[162] Ibid. 2015: 53.

Зона Сикаморы (участок МПК РФ)

Район у Сикаморы, вероятно, входил в городской центр, обозначая его западный край, но Феодосий (ок. 570г. н.э.) отметил, что дерево Закхея окружает ораторий, которого мы не видим. Раскопки открыли здесь материалы, начиная с римского до оттоманского периода, и серию построек, включая мозаичный пол византийского времени, открытый еще в конце XIX в. экспедицией из России. Возобновив в 2010 г. раскопки, Объединенная экспедиция Института археологии Российской академии наук и DACH открыла участок статусных построек конца V — начала VIII в., демонстрирующих богатство города[163]. Этим материалам посвящена данная книга, и подробнее здесь на них не останавливаемся.

К северу от русского участка остатки мозаичных полов также открывались при строительных работах[164]. В 1995 г. в центре современного города удалось изучить траншеи, прорезанные бульдозером (длина около 120 м, глубина 3–4 м). В разрезе примерно метр составлял культурный слой, содержавший много простых тессер. В западной части северной траншеи показались два мозаичных пола.

Византийские церкви

Известен еще ряд остатков древних церквей[165], в том числе коптская (Abuna Philip), греческая (Abuna Anthimos) и церковь на холме Khirbet en-Nitla. Византийские руины отмечены также на теллях el-Matlab и Abu Khurs. На Телль эль-Матлеб (менее километра на север от Телль эль-Хассан) в 1962 г. зафиксирован пол из цветной мозаики с геометрическими узорами, датированный VII в. н.э[166]. На Хирбет эль-Мафджар найдены колонны со знаками креста, что свидетельствует о вторичном использовании материалов византийского периода. Илл. 33. Барамки[167] считал, что эти колонны взяты из христианских храмов; вероятнее всего, из той церкви на Телль эль-Хассан, которую он раскопал в 1934 г. (там был обнаружен мозаичный пол, нижние ряды кладки стен и основания баз для колонн — но ни одной колонны).

Остатки ранней церкви, открытые и на месте коптского патриархата севернее Вади Кельт (Abuna Philip)[168], сохранили мозаичный пол (опубликован францисканцами Б. Багатти и А. Августиновичем). Илл. 34. Он включал две надписи. В одной воин Магниан (Magnianos) сообщал, что в благодарность св. Андрею, по обету, выстроил церковь и уложил пол стараниями священника Ираклия (Heraclius), дьяконов Константина и Полихрония (Constantin, Polychronius). Другая надпись, эпитафия «слуги Господня» блаженного Трифона (Tryphon), сообщает дату его смерти[169].

Церковь Abuna Anthimos принадлежит греческому патриархату, ее мозаичный пол несет изображения птиц, рыбы и шакала, поедающего виноград, а также пальметты и надпись «Гробница дьяконов Даниила, Макария и Иоанна». Илл. 35.

Две церкви V–VI вв. с мозаичными полами открыты в 1962 г. на Телль эль-Матлеб при дороге ко дворцу халифа Хишама (Qasr Hisham).

Монастыри и сельские поселения

Византийский период — эпоха расцвета монастырей. Впечатляющие примеры этого — монастыри Искушения, св. Георгия Хозевита[170] и св. Герасима Иорданского[171]. Монастырь Искушения (Deir al-Quruntul)[172] занимает господствующую точку над долиной Иордана и выстроен в VI в. над пещерой, где 40 дней и ночей постился Христос, искушаемый Сатаной[173]. В 2004 г. при охранных работах DACH на Tell Abu Ghannam открыты две церкви, входившие в монастырский комплекс (сохранился только один ряд кладки стен). Илл. 36. В первой (северной) церкви пол

[163] Beliaev 2010; Taha 2011: 286–87.

[164] Ущерб от строительства, нанесенный объектам археологического наследия, оценивался группой DACH и Института археологии университета Al-Quds.

[165] Ovadiah 1970.

[166] Ma'ayaeh 1962: 109.

[167] Baramki 1953: 20.

[168] Landes 1966.

[169] Подробнее см. выше.

[170] См. базовое издание: Patrich 1990: 205–226. — *Прим. перев.*

[171] м. базовое издание: Patrich, Arubas, Agur 1993: 277–296. — *Прим. перев.*

[172] См. у Хиршфельда: Hirschfeld 1990. — *Прим. перев.*

[173] Точнее, гору считали местом третьего искушения Христа: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их» — Мф.4: 8. — *Прим. перев.*

36. Дейр Абу Ханнам (Deir Abu Ghannam)

37. Латинская надпись на Хирбет эн-Нитла

38. Латинская надпись на Хирбет эн-Нитла Kh. en-Nitla

выложен мозаикой с геометрическим орнаментом, бордюр которого образуют маленькие кресты (ее вторично использовали в эпоху крестоносцев, что отразили три стадии ремонта). Вторая (южная) церковь имела два полихромных пола, и ее строительная техника более совершенна.

Однако большинство монастырей, связанных с расцветом Иерихона в IV–VII вв. н.э., расположены к востоку и юго-востоку от него. Монастырь al-Maghtas (Место Крещения) был главной точкой паломничества в долине Иордана, где на местности известны два больших кластера монастырей — в Khirbet el-Mugheifer и вокруг Ain Hajla[174].

В первый кластер входят северный Rujm el-Mugheifer (вероятно, монастырь св. Ильи) и южный монастырть с тем же названием (он же Tell el-Khursi). В прошлом это мощный комплекс,

[174] Jennings M. 2015: 119.

включавший более 30 монастырских помещений, церковь и окруженный стеной сад. Основание монастыря связывают с арабом-монахом Ильей, ставшим в 494 г. Патриархом Иерусалима и учредившим ряд монастырей вокруг Иерихона[175] (Кирилл Скифопольский упоминает уход Ильи в долину Иордана, в Иерихон, где тот сам построил себе келью, вокруг которой выросли монастыри св. Еноха и св. Стефана).

Монастыри снабжали водой три водовода, включая акведук-кондуит из Вади Кельт, — сложную системы терракотовых труб, отстойников, пунктов смены давления и мостов, которые передавали воду из источников Вади Кельт на равнину. Акведук отходил от дренажа бассейна вади, затем соединялся с южной ветвью и достигал Khirbet el-Mugheifer. Два других акведука описали Кондер и Китчинер[176]. Один из них, воздушный, шел от Айн эс-Султан по арочному мосту, пересекавшему Вади Кельт. Остатки водовдов во всем районе указывают на очень интенсивное освоение, начиная с византийского до раннего исламского периода[177].

Другая группа монастырей, стоявших восточнее Иерихона, возникла вблизи Deir Hajla, вокруг круглогодично действовавшего источника[178]. Археологические материалы византийского и раннего исламского периодов включают жилую застройку, мозаики и синхронные им находки, на что указал Августинович[179]. Группа монастырей в окрестностях источника (включая монастырь Penthucla) в литературе известна как Киновия (Coenobium) Крещения Господня. Этот монастырь, вероятно, изображен на карте из Мадабы под именем ВНОАТАА. На его месте известны остатки келий, цистерны, тессеры, фрагменты керамики. В окрестностях найдены и другие руины монастырей, пока не идентифицированные[180].

Августинович считал, что лавра Каламон, основанная около 470 г. н.э. у источника Айн-Хиджла — это Qasr Hajla. Hirschfeld полагает, что Calamon — это руины в 200 м восточнее источника, состоящие из центральной постройки с внутренним двором, окруженным кельями[181]. Монастырь Pyrgoi отождествляют с Монастырем Башен[182]. Deir Hajla (Дейр Хиджла, примерно 1.3 км к юго-востоку от Ain Hajla) считают монастырем св. Герасима. Он был построен в 455 г.н.э. и существовал как в византийский период, так и в крестоносный и даже в оттоманский (в перестроенном виде существует и сейчас)[183].

В северо-восточной части Иерихона, примерно в 3 км по дороге Иерихонского моста, расположено урочище Khirbet en-Nitla (название — от растущего здесь тамариска). Урочище изучали Кондер в 1874 г. и Блисс в 1894 г. Раскопками здесь раскрыты руины водохранилища (*birket Jiljulieh*) и собрана керамика исламского периода. Затем, в 1954 г., новые работы Келсо и Барамки[184] открыли церковь византийского периода и ранние исламские объекты. Храм датируется IV–V веками, хотя использовался до IX в., неоднократно меняя облик (выделено пять этапов перестройки). Мозаичный пол третьего этапа включал две надписи по-латыни (сейчас в музее «Дворец Хишама»): «Смилуйся, Господи» и «Счастливый день — я сделал это». Илл. 37 и 38.

Севернее Хирбет эн-Нитла Д.Т. Барамки открыл (1933 г.) остатки скромного скита VII в.: с большим помещением и маленькой капеллой с мозаичным полом[185]. Опираясь на сирийскую надпись мозаики, Барамки счел скит несторианским и отнес его к IX в., хотя Роберт Шик[186] считает его более ранним и помещает в византийский период, полагая[187], что монахи-сирийцы использовали скит уже вторично[188].

Группы монастырей найдены также в промежутке от Хирбет эн-Нитла до Вади Кельт. Их обводнял магистральный канал Крещения, начинавшийся в Айн эс-Султан и тянувшийся на большое расстояние до монастырей на Иордане. Эти группы упомянул Прокопий в перечне проектов Юстиниана; описаны они и в «Обзоре Западной Палестины» Кондера и Китченера[189], но как римская дорога (на ошибку указал Hirschfeld). Следы этого акведука найдены в окрестностях лавры

[175] Augustinovic 1951: 187–188; Clermont-Ganneau 1896: 181–182; Federlin 1903: 199, 215; Hirschfeld 1992: 22–23; Nigro, Sala and Taha 2011: 143; Jenning M. 2015: 119.
[176] Conder, Kitchener 1883: 180.
[177] Jennings M. 2015: 120.
[178] Conder, Kitchener 1883: 171.
[179] Augustinovic 1951: 198–203.
[180] Augustinovic 1951: 114–115; Nigro, Sala and Taha 2011: 115; Jennings M. 2015.
[181] Hirschfeld 1990: 260; Sion, 1996: 248; Jennings 2015: 121.
[182] Nigro, Sala and Taha 2011: 114; Sion 1996: site L.; Jennings M. 2015: 121; в том же районе его помещают Augistinovic 1951: 112–113; Federlin 1903: 181–182; Hirschfeld 1990: 46, site 29.
[183] Conder, Kitchener 1883: 213–217; Federlin 1903: 134–148; Sion 1996: 248–249.
[184] Baramki, Kelso 1955: 50.
[185] Baramki 1934: 81–86.
[186] Schick 1995: 323.
[187] Jennings M. 2015: 123.
[188] В настоящее время дату скита все же не опускают ниже VII в. См.: Taxel 2014: 85–99. — *Прим. перев.*
[189] Conder, Kitchener 1883.

39. Мозаичный пол в «доме Шахван (Shahwan House).

40. Мозаичный пол синагоги в Эд-Дюк (Ed-Deuk).

Велиотов (Weliotes) между Хирбет эн-Нитла и Каср аль-Яхуд (Qasr al-Yahud), рядом с урочищем Ain al-Gharabe. Его идентифицируют с древним монастырем Chorembe (сохранились остатки архитектуры, горн для обжига извести, тессеры мозаики, вещи византийского и раннего исламского периода)[190].

Другие монастыри карта из Мадебы показывает на западном берегу реки: монастырь Prodroms, до сих пор идентифицируемый с местом Крещения, Qasr el-Yahud (Каср эль-Яхуд). На это указывает надпись ВЕОАВРА и, в числе других руин, большая цистерна.

Феодосий и Пилигрим из Пьяченцы указывают монастырский комплекс Иоанна Крестителя на берегу Иордана. Место Крещения обозначал крест из мрамора и железа, а рядом стояла церковь св. Иоанна, построенная императором Анастасием[191]. Пилигрим из Пьяченцы сообщает, что это очень большой монастырь с двумя гостевыми домами. Его храмы, упомянутые в маронитской хронике, уничтожены, вероятно, землетрясением 660 г. н.э.[192]

Византийские синагоги

В Иерихоне открыты также две синагоги VI и VII вв., в Хирбет эд-Дюк (на северном берегу Wadi Nuwima/Nueima) и в доме Shahwan на Tell al-Jurn , что указывает на мультирелигиозное население Иерихона в византийскую эпоху. Синагогу севернее Телль эс-Султан раскопал в 1936 г. Д. Барамки[193]. Илл. 39. Она имела прямоугольный план, делилась двумя рядами квадратных пилонов на два нефа и два прохода. Мозаичное мощение включало стилизованный геометрический и растительный (лиственный) орнамент[194]. Этот пол сохраняется в подвале дома семьи Shahwan. Синагога VII столетия на Khirbet ed-Deuk (идентифицируется как Naraan) к северо-западу от Иерихона открылась в 1918 г. при обстреле турками британского форта на Wadi Nueima. Илл. 40. Ее пол украшен мозаикой со знаками зодиака, подписанными по-арамейски. Здание осмотрели в 1919 г. R. Engelbach и J. MacKay[195]. В том же году доминиканцы L.H. Vincent и M.J. Lagrange отметили ряд остатков других мозаики. В 1921 г. Vincent раскопал синагогу, имевшую главный зал, нартекс и дополнительный внутренний двор, окруженный стеной, со входом с севера. Базиликальный зал был разделен двумя рядами (по шесть колонн в каждом) на главный и два боковых нефа. Весь зал покрывала мозаика (в нартексе лежала белая мозаика в черной раме). В синагоге Ain ed-Deuk был предпринят ряд консервационных работ (DACH, 2002 и 2004 гг.), а над мозаикой создано дополнительное защитное укрытие (2015 г.).

Экономика Иерихона в византийский период

Монастыри были составной частью социальной и экономической жизни города византийского периода, играя важную роль как центры производства сельскохозяйственной продукции, помещавшиеся на плодородных землях и соединенные с урбанистическим ядром сетью дорог и каналов[196]. Илл. 41. Экономика Иерихона была основана на выращивании зерновых, культивации и отжиме оливок, производстве вина, разведении овец и коз[197]. Феодосий, описав сельское хозяйство Иерихона в VI в., упомянул о севообороте культур: половина полей возделывается в августе, а вторая половина — около Пасхи[198]. Пилигрим из Пьяченцы пишет о местных фигах, бобах и лимонах, отмечая также высокое качество винограда и вина, поставляемого в Иерусалим к Пасхе[199]. Главными продуктами монастырей Иерихона, видимо, были вино и масло. Винные прессы римского и византийского времени изучены во многих местах Палестины и Иордании. Недавно открытый во дворце Хишама крупный пресс для выжимки винограда, умайадского периода, сохраняет эту традицию[200]. Илл. 42.

Исключительно важную роль в экономическом расцвете Иерихона играло паломничество. На это указывает уже само обилие монастырей, при которых имелись приюты для пилигримов на пути от Иерусалима к Иерихону и Иордану. Прокопий упомянул, что Юстиниан восстановил

---

[190] Jennings M. 2015: 124.
[191] Wilkinson C. 2002: 112.
[192] Wilkinson C. 2002: 137; Schick 1995: 126; Jennings M. 2015: 125.
[193] Baramki 1938: 73–77; Foerster 1993.
[194] Определяющим для интерпретации здания как синагоги стала мозаичная надпись на иврите «Шалом ал Исраэль» («Мир Израилю»), а также изображения шофара и пальмовой ветви, фланкирующих менору. — *Прим. перев.*
[195] Avi-Yonah 1993.
[196] Avi-Yonah 1958; Bar 2005; Hirschfeld 1997; Jennings M. 2015: 126–127.
[197] Garbrecht, Peleg 1994.
[198] Jennings 2015: 128.
[199] Bagatti 2002: 96.
[200] Whitcomb, Taha 2013.

41. Монастырь св. Георгия, Вади Кельт

такой приют в Иерихоне[201], — возможно, его следует отождествлять с участком РДМ (нынешним русским приютом) в центре Иерихона, где в часовне над ораторием Св. Георгия сохраняется погребение с мозаичной надгробной надписью священнослужителя Кириака, умершего в 566 г. н.э. донатора Новой церкви Богородицы в Иерусалиме, вероятного строителя оратория (эту связь упоминает византийский монах VII в. н.э[202])[203].

Иерихон и христиане-арабы

Исторические сведения и археологические открытия показывают, что Иерихон играл важную роль в формировании христианства в Палестине. Дорога от Иерусалима к Мертвому морю в христианской традиции ассоциировалась с Иоанном Предтечей, который прошел ее вплоть до места Крещения на Иордане, вблизи Мертвого моря[204]. Город и окружающие монастыри стали точками взаимодействия с кочевыми племенами, жившими в полупустынной зоне el-Barriyah (пустыня Иерусалима). Кирилл Скифопольский назвал св. Евфимия Великого (377–473 гг.) «возлюбившим пустыню»[205] и упомянул об арабах, услышавших молитвы святого и ставших христианами. Христиане-арабы,

[201] Jennings M. 2015: 112–114.
[202] Augustinovic 1951: 86–87, 104; Jennings M. 2015: 114, 140.
[203] Источники, которые могли бы подтвердить связь построек на участке РДМ с приютом, который восстановил Юстиниан (Прокопий V, IX. 1: «странноприимный дом»), слишком ненадежны. — *Прим. перев.*
[204] Taragan 2006–2007: 630.
[205] Shahîd 2006: 166.

42. Пресс для выжимки винограда, изученный на Хирбет эль-Мафджар.

включая хассанидов, пришедших в Сиро-Палестинский регион с юга Аравии в конце V в., играли в среде арабских племен Иордании и Палестины особую роль. Поселившись в римской провинции между Босрой и Дамаском, эти арабы-кочевники стали переходить к оседлому образу жизни, особенно в Негеве и Хауране. В основном они были монофизитами, о чем говорит монашеская традиция Палестины[206]. Ирфан Шахид, тщательно изучив этот феномен, подчеркнул, что самым известным и влиятельным арабом-монахом VI в. был Илия, один из последователей св. Евфимия, позже настоятель церкви Воскресения в Иерусалиме, а затем патриарх Иерусалимский (494–516 гг.). [207]

Результаты обзора свидетельствуют об активном развитии Иерихона как урбанистического центра в византийский период. На основе уже проведенных раскопок и наблюдений Управление древностей Палестины планирует в Иерихоне целенаправленное изучение объектов византийской эпохи, до сих пор представленной явно недостаточно из-за скудости письменных и иных исторических источников.

I:3. Русские участки в Иерихоне: ранняя история и археология

Крест сей зделан на сорокодневную гору,
кцеркви где Христос молился 40 дней блись Долины Иордана
А.П. Чехов. Осколки московской жизни, 1883[208]

Русская собственность в Иерихоне в 1860-х–1880-х гг.: приобретение Антониновского и Иоасафовского участков; их судьба в XX в.[209]

Интерес мировых держав к Палестине и Ближнему Востоку во второй половине XIX столетия способствовал расцвету археологических исследований. «Страна делается не только страной религиозного энтузиазма, страной мистического общения с Богом в местах его рождения и страдания, страной-реликвией, страной-музеем, но и страной искания реликвий, страной раскопок, страной археологии и археологов» [210].

[206] Shahîd 2006; Jennings M. 2015: 130–131.
[207] Shahîd 2006: 525.
[208] ПССП: В 30 т. Т. XVI, 1884–1902. М., 1970. С. 171. Надпись, скопированная на ремесленной выставке. Орфография и пунктуация подлинника.
[209] В составлении главы мы опирались кроме опубликованных или готовящихся к публикации источников, в том числе дневников о. Антонина, на материалы архива РПЦЗ в Вашингтоне, любезно предоставленные в наше распоряжение дьяконом Романом Гультяевым (Нью-Йорк, Иерусалим). Эти документы не имеют номеров хранения.
[210] Ростовцев 1913: 26.

43. Архимандрит Антонин (Капустин), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Гравюра XIX в.

С бурным развитием русского паломничества в XIX в., путешественники и богомольцы, направляясь к Иордану и Мертвому морю, стали непременно посещать Иерихон[211]. Когда начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) впервые приехал в Иерихон (12 ноября 1866 г.), это была захолустная арабская деревня Эр-Риха, в которой немногие европейцы пытались рассмотреть библейский город. Илл. 43. Первое знакомство Антонина с ним — не более чем упоминание в конспекте большой фотографической экспедиции по монастырям пустыни, от Мар-Сабы до Герасима Иорданского и Иоанна Предтечи[212].

О. Антонин попробовал, вернувшись в Иерусалим, уговорить Иерусалимского Патриарха уступить ему одну из покинутых греками иорданских обителей — вероятно, монастырь Иоанна Предтечи или Герасима Иорданского[213]. Явившаяся мысль организовать в иерихонском оазисе паломнический приют, развитая затем в статье о Крещении на Иордане[214], была логичной, учитывая расположение монастырей на путях паломников, а также древнюю славу местности, в тот момент почти пустынной, где европейцы долго не решались осесть. Но Патриарх не поддался на уговоры.

Семь лет спустя — уже приобретены участки в Яффе, в Горней, на Елеоне, Мамврийский дуб — возникает у Антонина мысль самому закрепиться в Иерихоне. Мысль смелая, потому что еще ни один европеец не решился даже просто купить землю. Антонин стал первым. Илл. 44 и 45. 30 июля 1873 г. он приехал в Иерихон с паломником из Москвы, своим старшим братом, протоиереем Платоном. Возможно, ему хотелось посоветоваться, осмотреть предложенные к тому времени для покупки земельные участки — с тайной надеждой на неоднократно поступавшие от московского брата пожертвования. «В Иерихон прибыли на закате солнца. Осмотрели место первое — к югу от башни. Веселое и большое. Понравилось. Второе — с 1000-плодным лимоном и гранитным камнем. Третие — с виноградною лозою, покрывающею пространство в 10 саженей и дающей 40 пудов винограду. Четвертое — с рядами столбов, открытых в земле и множеством мусора уже за селением. Остановились мыслию на первом» [215].

Приобретены, однако, будут два смежных участка, второй и третий — Хакурет аль-Бурдж («загон у башни») и Хакурет ад-Далия, «с 1000-лимонным деревом». Место было удобное: у башни на протяжении столетий устраивался традиционный ночлег для путешественников — здесь имелась вода, сад, рядом находилась деревня, и башня с гарнизоном албанцев турецкой службы гарантировала безопасность (недаром первый отель «Иордан», а он есть уже на карте Кондера и Китчинера 1870-х гг., появится в нескольких десятках метров, у будущей площади).

Переговоры с владельцами о покупке начались 20 августа 1873 г. Участки приобретались у двух иерихонских жителей: Давида, сына Хасана Джебе (Хасайнита, как называет его в дневнике о. Антонин) и Саламе, сына Раби[216]. 2 сентября 1873 г. первый задаток в 20 полуимпериалов был уплачен и получено письменное свидетельство о продаже[217], 3 октября пришлось доплатить иерихонским продавцам еще 30 полуимпериалов[218], а 1 ноября с получением кушана (купчей) были

[211] Каминский 1859: 231; Муравьев 2007: 139, 155; Норов 2008: 149–150; Поливанов 2006: 125–126; Скалон 2007: 137–138; Софония (Сокольский), еп. 1865.

[212] В дневнике рассказано об этом так: «Рассветало. Умывшись иорданской водой, мы по руслу Фаре выехали из кустов и потянулись к северу к черневшим вдали развалинам. Достигли их через полчаса. Это был некогда большой и славный монастырь Предтечи. Разведение огня в большом подземелье. Избрание точки. Ожидание солнца, искание золотой мозаики в огромных кучах мусора. Дождик. Плохое фотографирование. <…> Иерихон. Колючие деревья, или терн, столько памятный. Елисеев источник. Фотографирование Сорокадневной горы. Трудное и опасное восхождение на священную гору. Пещера Господня, с остатками церкви и древней стенописи. <…> На обратном пути осмотр местности дворца Ирода Великого» (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1866 г. // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. Б. IV. № 853/8. С. 138–139).

[213] Там же: 143.

[214] «Монастырь преподобного Герасима (вернее Каламонский, ибо Герасимов лежал, по свидетельству древних паломников, при самом Иордане) отстоит верст на пять от Иордана и занимает относительно высокое место. Он еще легко мог бы быть восстановлен и служить приютом для поклонников. Другой, такой же, но еще более разрушенный монастырь Св. Предтечи, едва отделялся своими желтоватыми развалинами на песчаной почве равнины влево от нашей дороги. Он отстоит от Иордана только на версту и еще удобнее мог бы служить поклонническим приютом» (*Антонин (Капустин), архим.* 2007: 205).

[215] *Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1873 г. // РГИА. Ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1126. Л. 51.

[216] Акт об учреждении вакуфа архимандритом Антонином // РСЗ 2016. Т. II: 628.

[217] Из дневника: «Хасайнит, иерихонский землевладелец. Условились с ним о покупке двух участков земли у него за 100 полуимпериалов. Дали задатка 20 и получили от него письменное заверение о продаже» (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1873 г. // РГИА. Ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1126. Л. 59об.).

[218] Там же: Л. 66об.

выданы остальные 50[219]. Между тем, утверждение купчей затягивалось, в Иерусалиме долго не собирался меджлис.

После подписания 8 марта 1873 г. послом России в Константинополе Н.П. Игнатьевым протокола о праве русских подданных владеть недвижимостью в Османской империи Антонин получил возможность оформить приобретенные ранее земельные участки на собственное имя. 11 октября состоялись окончательные судебные решения по ранним приобретениям. «Два драгомана, отправляющиеся в город с решительным намерением покончить дело. Подай Господи!» - записал о. Антонин. И далее: «Драгоманы опять в город, запасшись 50-ю амперерами. <…> Получение 4-х ходжетов, составленных на имя Антонина, сына Иванова, сына Леонтьева <…> Отселе есмь собственник недвижимостей на Элеоне, в Силоаме, в Горней и в Бетжале. Торжествуем»[220].

В Иерихоне Антонин решил на всякий случай пойти по проверенному пути. Первоначально недвижимость была оформлена на имя драгомана Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Якуба Халеби, а затем последний продал землю и все, что на ней — архимандриту Антонину через его доверенного, нештатного драгомана русского консульства М.Г. Петасиса («Матвея, сына Георгия, грека») [221]. Официальный акт об иерихонской собственности был оформлен 14 декабря. Пять дней спустя Антонин записал в дневнике: «Ходжет иерихонский (4 золотых). Конец сему делу» [222].

В иерихонской сделке, как и во всех остальных покупках Антонина участвовали разные люди, в том числе видные представители арабской общины Иерусалима и Иерихона. Так, активно содействовал покупке Хусейн Зиаде, неоднократно подвергавшийся преследованиям турецких властей за поддержку русских; решающую роль в оформлении кушана в Иерусалимском меджлисе сыграл хорошо известный по дневникам Антонина Абед эс-Селям[223].

Два приобретенных владения образовали единый Антониновский участок[224], где был построен паломнический приют, поныне принадлежащий Русской Церкви. Илл. 46–50. Как и в других случаях, недвижимость Антонина в Иерихоне складывалась постепенно, в результате присоединения нескольких соседних участков. В Акте об учреждении вакуфа Антонина от 12 сентября 1889 г. территория иерихонского владения включает четыре участка: помимо двух названных, участок «Хакурет Вади-Кельт», купленный в январе 1874 г. у «Мохамеда, сына Сабаха» («Махмудов участок», как называет его в дневнике Антонин), и «Хакурет-аль-Сабах», «купленный у Сабаха, сына Ибрагима Хамада» (владельческий документ оформлен в марте 1885 г.).

Не все добавки, влившиеся в иерихонскую часть вакуфа, указаны в документе, а потому и не могут быть точно локализованы. В 1875 г. Антонин купил участок, принадлежавший известному иерусалимскому магнату Раббаху Эфенди (земля впервые была осмотрена 16 января 1875 г., покупка офомлена 25 июня, а 4 июля бывший владелец, получил причитающиеся ему 1300 пиастров)[225]. Сорок наполеондоров на прикупку подарил архимандриту его верный соратник иеромонах Вениамин (Лукьянов)[226]. Существенные округления датированы 1877 г.: у местных феллахов куплено «нижнее место», у реки[227] а Иерусалимская Патриархия расщедрилась уступить «сколько нужно нам даром» часть соседнего греческого участка. «Выпив по чашечке кофе, отправились с о. Мелетием на русское место, и провели межу между нашим и святогробским местом, обозначив ее большими камнями. Под лимоном общий чай»[228].

Последним известным нам шагом стало приобретение участка Сабаха, датированное в Акте о вакуфе «мартом 1300», а в дневнике за 1884 г. можно прочитать, что в знаменательный для Антонина день памяти его отца Якуб «окончил оба дела Иерихонское и Елеонское с помощью адвоката Хрисафия»[229].

---

[219] РГИА. Ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1126. Л. 66об.

[220] В оригинале слово выделено киноварью.

[221] Купчая крепость на место в Иерихоне на равнине Иорданской // РСЗ 2016. Т. II: 610.

[222] *Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1873 г. // РГИА. Ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1126. Л. Л. 82; Удостоверение консула в Иерусалиме Д.Н. Бухарова о копии с ходжета на участок, приобретенный архимандритом Антонином в Иерихоне // РСЗ 2016. Т. II: 620.

[223] «Третьего дня скоропостижно, возвратившись из гостей, помер председатель Городского Совета, наш хороший знакомый, Омар-эфенди Абед эс-Селям, продавший нам Иерихонское место. Вот тут и рассчитывай на долгую жизнь и неблизкий конец!» - Запись от 5 сентября 1880 г. (*Антонин (Капустин), архим.*. Дневник за 1880 г. // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1129. Л. 154).

[224] Общая площадь составила около 22 тыс. кв. м. Всего, согласно позднейшим данным, иерихонские участки и деревья оплачивались с 1873 г. до 1885 г. и обошлись в 6.000 франков. (Лисовой, Бутова 2009). В 1889 г. иерихонский участок вошел в состав учрежденного Антонином вакуфа. См.: РСЗ 2016. Т. II: 627–628.

[225] Записи от 16 января, 25 июня, 4 июля (*Антонин (Капустин), архимандрит.* Дневник за 1875 г. Библиотека ГМИР, шифр И.П.П.О. Б. IV. № 853/17. С. 10, 81, 87).

[226] Запись от 30 июня 1875 г. (Там же. С. 84).

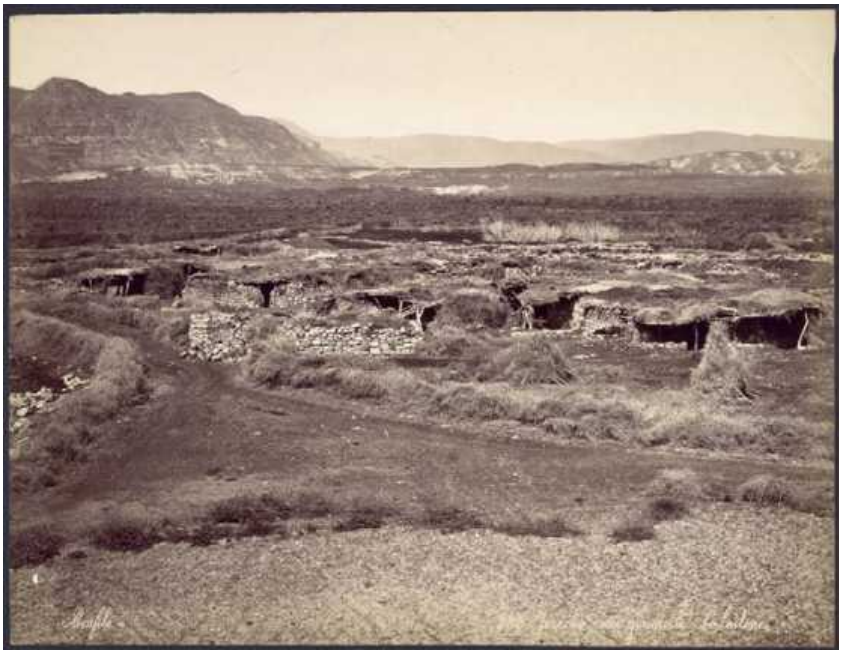
[227] Запись от 20 марта 1877 г.: «Феллахи иерихонские. Купил нижнее место за 35 наполеондоров» (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1877 г. Библиотека ГМИР, шифр И.П.П.О. Б. IV. № 853/19. С. 60).

[228] Запись от 5 апреля 1877 г. (Там же. С. 76).

[229] Запись от 22 марта 1884 г. (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1884 г. // Библиотека ГМИР, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/26. С. 50).

44. Общий вид Эр-Рихи с юга, со стороны участка Русской Духовной Миссии, после постройки отеля «Иордан» (1890-е гг., ателье Бонфис: George Eastman House /Still Photograph Archive/ American active Palestine (active 1898–1940s).

45. Общий вид Эр-Рихи с юга, со стороны участка Русской Духовной Миссии. Ателье Бонфис (конец 1860-х – начало 1870-х гг.?).

46. Странноприимный дом на участке Русской Духовной Миссии со стороны поселка Эр-Риха (конец 1880-х – 1890-е гг.; фото ателье Бонфис)

Нередкие, к сожалению, в арабских документах с мусульманской датировкой нестыковки требуют дальнейшего изучения. Во всяком случае, лучше всех знавший дело Якуб Халеби в своей «Декларации» от 2 апреля 1894 г. утверждал, что «в Иерихоне все вошло в акт вакуфа, но не все огорожено»[230]. Впрочем, «помыслы» и о других, археологически значимых участках, не оставляли Антонина.

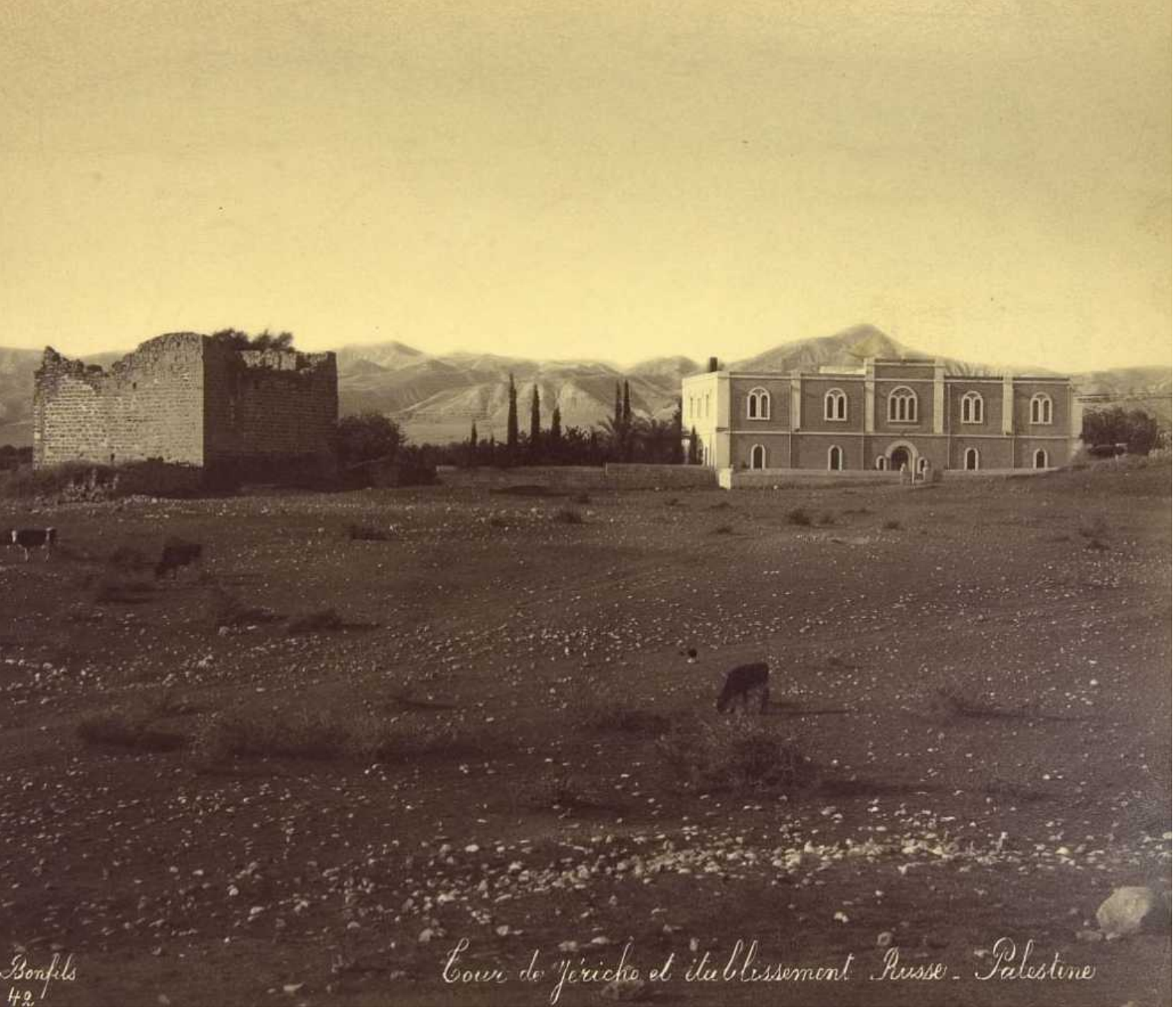
Согласно завещанию Антонина все его завакуфленные и незавакуфленные недвижимости перешли в собственность Св. Синода, т.е. Русской Православной Церкви, а управлялись РДМ. Этот порядок сохранялся в период Британского мандата над Палестиной (1918–1948), при Хашимитском королевстве Иордания (1948–1967), затем, с 1967 г. в составе территорий, оккупированных государством Израиль. В 1993 г. в рамках Соглашений в Осло, Иерихон был передан ПНА. Илл. 51–53

Земля в Иерихоне интересовала многих. Известны участки неоднократно уже упоминавшихся греков — Иерусалимской Патриархии и членов Святогробского братства (Великий логофет Патриархии архимандрит Вениамин, иеромонах Неофит и др.), коптов, протестантов. Даже сербский паломник иеромонах Мартирий, в 1873–1874 гг. пытавшийся прибиться к РДМ, выражал как-то в шутку пожелание завести в Иерихоне плантацию с табаком. «Будет на чем поиграть!» — в том же ироническом стиле записывает в дневнике Антонин[231]. А как-то ночью, 30 января 1883 г. Антонин получил телеграмму с Афона от известного авантюриста Лазарева с «приказом ответить ему, чего будет стоить 250 метров в квадр. земли в Иерихоне»[232].

[230] «Декларация» драгомана Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Я.Е. Халеби о земельной собственности архимандрита Антонина в Палестине от 2 апреля 1894 г. // РСЗ 2016. Т. II: 641.

[231] Запись от 19 декабря 1873 г. (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1873 г. // РГИА. Ф. 834, оп. 4, ед. хр. 1126).

[232] Запись от 30 января (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1883 г. // Библиотека ГМИР, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/25. С. 18).

47. Странноприимный дом на участке Русской Духовной Миссии, вид со стороны «башни Закхея» (конец 1880-х-1890-е гг.; фото ателье Бонфис);

48. Странноприимный дом на участке Русской Духовной Миссии, вид с уличного фасада (конец 1880-х-1890-е гг.; фотография ИППО)

С 1880-х гг. в Иерихоне появились и более серьезные русские землевладельцы — А.Д. Богданова, Е.И. Резниченкова и бывшая смотрительница Иерихонского приюта Е.Я. Сушкова, не считая отшельников, селившихся время от времени вблизи Иордана. О. Антонин так описал этот процесс: «С нашей легкой руки уже там и сям начинают возникать в местности именитого Иерихона домики из камыша и глины с примесью хранимого в недрах земли от времен древних строевого камня, - писал Антонин в одной из своих корреспонденций из Иерусалима. — Большею частью это русские мызы, купленные и застраиваемые нашими северными любителями и любительницами вечного и беспрерывного тепла, да еще такого, о котором самая наша жаркая пора не дает надлежащего понятия. Помоги Бог русской колонизации в Земле Обетований!»[233].

Усиление русского присутствия в Иорданской долине заставило представителей Греческого Патриархата, с завистью следивших за успехами РДМ в Иерихоне, задуматься и о своем укоренении. «Чуть не вчера еще казалось до смерти страшным быть на Иордане. Но лишь мы задумали строиться в Иерихоне, ревнивые греки сейчас же заняли развалины обоих иорданских монастырей (Предтечи и Преп[одобного] Герасима) и теперь живут в них безбоязненно[234]. Дело стоит всегда за почином, а почин зависит от смелости. Сметь же никому так не свойственно, как нам, русским»[235].

Конкурентную борьбу обострило появление в 1882 г. в Иерихоне нового церковного деятеля, который обнаружил амбициозный план создать здесь монастырь. Это был выходец из России, принявший монашеский постриг на Афоне как иеромонах Иоасаф, но поскольку постриг, принятый за границей не признавался в Российской Империи, по паспорту писавшийся «мещанином Таврической губернии, города Алешек, Иваном Кирилловичем Плехановым»[236].

Ему удалось купить на пожертвование благотворительницы Елены Игнатьевны Резниченковой большой участок земли, лежавший на другом конце поселения, при Телль эль-Хассан, напротив антониновского, на дороге к Телль эс-Султан. На участке он возвел несколько несложных построек, включая ветряную мельницу, и начал разбивку сада[237]. Планировалась постройка каменного приюта для паломников, и даже заготовили уже камень (возможно, *spolia* с близлежащих участков).

Но поскольку на участке обнаружились несомненные древности, Греческая Патриархия захотела перекупить землю. Патриарх Никодим 18 февраля 1885 г. «при осмотре определил 1000 наполеонов, а впоследствии изъявил 1500 наполеонов выдать иеромонаху Иоасафу, лишь бы Резниченкова строила монастырь от Патриархии для греков»[238]. Елена Игнатьевна Резниченкова склонялась, однако, к тому, чтобы завещать землю Духовной Миссии, на что одно время надеялся архимандрит Антонин.

Тем временем, о. Иоасаф самовольно заявил о создании Троице-Михайловского Русского общежительного монастыря в Иерихоне, но при этом не счел нужным испросить благословение у Иерусалимского Патриарха, получить санкцию Русской Духовной Миссии и заручиться поддержкой в консульстве, а начал сразу на свой страх и риск печатать и рассылать по России просительные письма и даже «Чин поминовения» от имени несуществующей обители. Патриарх потребовал удаления его из Палестины. Иоасаф обратился за помощью к Палестинскому Обществу, предлагая пожертвовать ему свой участок и прося заступничества перед Синодом. По ходатайству Общества иеромонах был благополучно устроен в Ярославский Толгский монастырь[239].

Узнав о предстоящей высылке Иоасафа из Палестины, Елена Игнатьевна после долгих сомнений, забрала кушаны на участок у Антонина[240]. Бурными, но бесполезными были ее объяснения с Патриархом, от которого она вернулась, по свидетельству Антонина, «преозлобленная» [241].

---

[233] Антонин (Капустин), архим. 2010: 327.

[234] Монастырь Иоанна Предтечи был отреставрирован в 1880-х гг. под руководством архитектора Г. Франгия, известного мастера, строившего в Иерусалиме Сергиевское и Александровское подворья Православного Палестинского Общества.. Монастырь Герасима Иорданского восстановили греческие монахи в 1882 г. (См. подробнее: Лисовой 2012: 326–333).

[235] Письмо начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) послу России в Константинополе Н.П. Игнатьеву от 19.01.1876 г. // Переписка 2014: 274.

[236] РСЗ 2000. Т. I: 256.

[237] Большая часть построек и сад сохранялись, хотя и в запущенном состоянии, до начала работ по устройству Музейно-Паркового комплекса Российской Федерации в 2009 г.

[238] Письмо иеромонаха Иоасафа (Плеханова) к В.Н. Хитрово от 10 сентября 1885 г. // РСЗ 2000. Т. I: 257.

[239] Все эти события, начиная с пострига на Афоне, о. Иоасаф перечислил в прошении, имеющемся в составе фонда Дмитриевского (см. полностью в приложении 5.1).

[240] Запись от 27 сентября 1884 г. (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1884 г. // Библиотека ГМИР, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/26. С. 155).

[241] Запись от 29 сентября 1884 г. (Там же. С. 157).

49. Странноприимный дом на участке Русской Духовной Миссии, вид со двора (2011 г.).

Резниченкова скончалась 8 августа 1885 г. и была похоронена на участке, приобретенном на ее деньги, но традиционно именовавшемся Иоасафовским[242]. Странным образом, погребение русской подданной на своем, русском участке вызвало раздражение и даже «канонический» протест Иерусалимской Патриархии[243]. Илл. 54–55

В 1886 г. Иоасафовский участок был принят в собственность Палестинского Общества и оформлен на вице-председателя ППО Ф.П. Корнилова, затем (1887) на Секретаря Общества М.П. Степанова, наконец, 1 июня 1899 г. был переписан на имя Председателя ИППО вел. кн. Сергия Александровича. Управлял им (с 1897 г.) начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Илл. 56.

Основные данные об участке содержатся в «Описи всех русских недвижимостей в Палестине и Сирии», составленной управлявшим российским консульством в Иерусалиме А.Г. Яковлевым и направленной им послу в Константинополь в донесении от 19 июня 1895 г.[244]

Сад (описан как занимающий площадь в 15375 кв. м.) и два довольно больших дома, находящихся среди него, построенные из смеси глины с соломою, были оценены чрезмерно высоко, что влекло за собой высокие налоги. Кроме того, ИППО должно было вложить значительные деньги и труд в посадку деревьев и всевозможные улучшения. Несмотря на довольно значительный убыток, последовавший для Общества в истекшие годы, Яковлев предлагал сохранить собственность за Россией, указывая на быстрое развитие Иерихона именно благодаря усилиям о. Антонина, других сотрудников ИППО, РДМ и МИДа, а также многочисленных благодетелей из России. В связи с этим А.Г. Яковлев включил в донесение интересную записку о славной истории и будущем процветании Иерихона. Среди особенностей участка упоминалось: «В саду имеются остатки хорошей мозаики и какие-то развалины»[245].

---

[242] На Иоасафовском участке сохранился этот зачаток кладбища с четырьмя памятниками в окружении посаженных в далеком прошлом четырех кипарисов, сейчас замененных новыми деревьями. Два каменных надгробия несут надписи. На одном: «Здесь покоится прах рабы Божией Елены Ризниченковой, в схимонасех Евлампии. Сконч. 8 августа 1885 года», на другом — краткая пометка «Наталія. 1883 г. Ноем.6». Два других надгробия, совершенно разбитых (сейчас они заменены бетонными копиями), несли только изображения крестов. Возможно, одно из них принадлежало смотрительнице Иерихонского приюта Анне Карповне Ждановой († 14.12.1883). См. записи в дневнике Антонина от 11 и 14 декабря 1883 г. (Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1883 г. // Библиотека ГМИР, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/25).

[243] Антонин записал: «Пакет из Патриархии, оказавшийся протестом на погребение усопшей Иерихонитки членами нашей Миссии, учинившими преступление антиканоническое и имеющими понесть наказание от Его Блаженства за свое дерзновение. А если таковое допущено с ведома моего, то и меня постигнет каноническая кара. О россияне! До чего мы дожили!» (Запись от 14 августа 1885 г. *Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1885 г. // Библиотека ГМИР, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/27. Л.143). Архимандрит ответил Блаженнейшему письмом «в 4-х пунктах, не самых сладких, но и не очень соленых» (Запись от 15 августа 1885 г. // Там же).

[244] Опись всех русских недвижимостей в Палестине и Сирии от 19 июня 1895 г. // РСЗ 2015. Т. I: 284.

[245] Дополнение к «Описи всех русских недвижимостей в Палестине и Сирии», приложенной к донесению Надворного Советника Яковлева Г. Императорскому послу в Константинополе от 19 июня 1895 г. за № 451. Таблица описи, примеча-

50. Странноприимный дом на участке Русской Духовной Миссии, дворовый фасад (2010 г.).

Последний дореволюционный документ, содержащий сведения об Иоасафовском участке — доклад управляющего подворьями ИППО в Палестине П.И. Ряжского от 9 июня 1915 г., в котором сказано: «В селении Иерихон (Ариха), мерою в 11 дунумов старой меры (дунум — около 1000 кв.м. Соответственно, 11 дунумов = 11 000 кв.м. — Авт.), с садом, с живой изгородью»[246].

С 1918 г. РДМ сдавала сад в аренду, но поземельного налога за него не платила, и в 1919 г. Управление подворьями ППО было вынуждено, готовясь оформить документы на это владение, уплатить налог за все послевоенное время в размере 15 фунтов. Еще в 1922 г. Н.Р. Селезнев (управляющий подворьями ППО) писал в РДМ, архимандриту о. Иерониму, что ждет возврата денег за налог на землю Иерихонского сада. Миссия продолжала владеть садом, что следует из письма 1931 г. от монахинь из Иерихона в РДМ, с просьбой назначить кого-либо заведовать участком. Однако вскоре арендовать сад захотел житель Иерихона Туфик Муккар, владелец отеля «Иордан», уже снимавший «большой дом» Миссии с прилегавшим садом. В 1934 г. он написал в Миссию письмо, предлагая взять «Елеонский сад» на 5 лет за 60 фунтов в год и обязавшись сделать в саду цементный канал и хорошую изгородь вокруг. До 1938 г., однако, РДМ использовала участок как зимний курорт для больных и слабых насельниц Елеонского женского монастыря (отсюда название — Елеонский сад)[247], но позже все же сдала его Туфику, который арендовал также другие части русской иерихонской собственности.

В 1936 г. представилась, наконец, возможность точнее обмерить участок в связи с проведением кадастра — по инструментальной съемке площадь оказалась иной, чем писалось в первых документах (11 811 кв. м.), но в переписке до 1939 г. будут фигурировать старые цифры. Илл. 57.

ние к № по описи 36. — Копия «Дополнения», в составе других документов из архива РПЦЗ в Вашингтоне, собранных диаконом Романом Гультяевым, предоставил в наше распоряжение К.А. Вах.

[246] Ряжский П.И. Доклад по вопросу об укреплении недвижимых имуществ Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине// РСЗ 2000. Т. I: 301. Противоречия в разных обмерах площади участка часто замечают уже в первой половине XX в. (см. ниже).

[247] В «Списке владений Русской Духовной Миссии в Палестине» 1936 г. назван «Иерихонский сад, т. наз. «Елеонский», переданный Миссии П. П. О-вом» (Государственный архив Израиля: ISA/RG 132.0/P/844.10/8–9).

51. Эр-Риха, общий вид с отелем «Иордан» и развивающейся застройкой центральной площади; фото, около 1890 г.

52. Эр-Риха, общий вид с отелем «Иордан» и развивающейся застройкой центральной площади; фото, первая четверть XX в. (на первом плане – застройка угла участка Русской Духовной миссии, с галереи которой сделан снимок).

Продолжались и усилия по оформлению земли в собственность. В 1938 г. при описании владения, еще указано: «Категория владения не выяснена». В остальном это описание не отличалось от сведений 1890-х гг.: участок лежит у общественной дороги из Иерихона к источнику Пророка Елисея; на нем имеются банановые и другие плодовые деревья; две одноэтажные постройки из необожженного кирпича с камышовой крышей на деревянных стропилах особой ценности не представляют (один из домов, из 3-х комнат, Туфик получит в аренду на 2 года в 1938 г.; в том же году он пожалуется на большие расходы и потребует уменьшить арендную плату в связи с обводом участка изгородью по новой границе).

53. Эр-Риха в конце XIX – начале XX в. (на первом плане — застройка участка РДМ). Фото-открытка, 1890-е гг.

Важные сведения об изменениях топографии участка содержит серия из трех рапортов 1939 г. В.К. Филаретова — управляющему подворьями ППО В.К. Антипову. Филаретов опирался на осмотр и обмер, сверку планов и опрос жителей. Как оказалось, в конце 1910-х гг. («лет 20 тому назад») узкую (всего 3–4 м) дорожку вдоль западной границы владения расширили до 27 м (!). Так возникла ул. Айн эс-Султан (ныне улица Д.А. Медведева) на которую и тогда выходили главные ворота участка ППО, рядом с «евангельской смоковницей». С севера прорубили новую улицу, Коптик Роад. Установилась и длина сторон: с запада 163 м, с севера 123 м. Все расширения улиц шли за счет участка ППО. В 1939 г. Коптик Роад дополнительно спрямили, однако теряемый участком отрезок был компенсирован соответственной добавкой с востока[248]. В итоге, участок стал выходить острым углом на слияние двух улиц, Айн эс-Султан и Коптик Роад, а с юга и востока сохранилась глухая граница с частными владениями.

В 1939 г. участок был уже крайне запущен, арендатор Туфик, как и его предшественники, не проявлял о нем особой заботы. Как писал в своем втором рапорте Филаретов, «бананы от отсутствия удобрения в течение очень многих лет совершенно выродились, апельсинные деревья проросли от корней дикими непривитыми побегами, которые только истощают привитые деревья, а все остальное растет, как в джунглях Африки. Заботливой руки не видно уже лет 15–20, земля уже истощена» [249].

26 августа 1940 г. управляющему подворьями ППО В.К. Антипову был выдан кушан на Иоасафовский участок. «На основании сего документа Православное Палестинское Общество представляется владельцем имущества, зарегистрированного под № часть 6 блок 33005 в местности Аззакума, мерою в одиннадцать (новых) дунюмов и 811 кв. метров земли из категории мири с 4 строениями: первое в десять помещений, второе в пять, третье — в шесть и четвертое в одно, а также с деревьями, находившимися до войны 1914 г. и колодцем, равным образом устроенным с того же времени» [250]. Начатая Управлением подворьями ППО в 1923 г. работа по оформлению своих прав на недвижимости в Иерихоне была благополучно закончена.

В 1941 г. документы отразили безуспешную попытку РДМ отказаться от услуг нерадивого Туфика и поискать другого арендатора, но контракт возобновили еще раз. В 1944 г., однако, следуют требования об освобождении участка, что, видимо, и произошло.

В первые дни создания Государства Израиль в числе документов Управления русским подворьями ППО, переданных на хранение в сейф банка Барклайс, были сданы также 32 листа «на Иерихонский сад»[251]. В результате первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. РДМ и ППО утратили контроль над иерихонскими участками и, соответственно, лишились «доходов с Иерихонского сада и приюта» в размере 60 израильских фунтов[252].

В Каире 14 мая 1994 года Правительством Израиля и Организацией Освобождения Палестины было заключено «Соглашение о Газе и Иерихоне», по которому власть в этих районах переходила от Израиля к учреждавшейся палестинской администрации. В отличие от Израиля, где стороной в спорах и переговорах по недвижимости выступало правительство этой страны, под

[248] Рапорт В.К. Филаретова Управляющему русскими подворьями в Палестине В.К. Антипову об участке ППО в Иерихоне. Иерихон, 1 августа 1939 г. (Копия. Государственный архив Израиля: ISA/RG 132.0/P/843.9/1-2).

[249] Рапорт В.К. Филаретова Управляющему русскими подворьями в Палестине В.К. Антипову об участке ППО в Иерихоне. Иерусалим, 8 августа 1939 г. (Копия. Государственный архив Израиля: ISA/RG 132.0/P/843.9/3-4).

[250] Доклад Управляющего подворьями В.К. Антипова о получении кушана на участок ППО в Иерихоне. 21 сентября/ 5 октября 1940 г. (Государственный архив Израиля: ISA/RG 132.0/P/843.9/6).

[251] Письмо секретаря Управления русскими подворьями Православного Палестинского Общества В. А. Самарского к Уполномоченному по делам русских имуществ в Палестине Еврейского Агентства в Иерусалиме И.Л. Рабиновичу. 10 июня 1948 г. (Копия**.** Государственный архив Израиля : ISA/RG 132. 0/P 841/5).

[252] Отношение секретаря Управления русскими подворьями ППО В.А. Самарского к консулу СССР в Израиле. Тель-Авив. 18 октября 1949 г. **(**Государственный архив Израиля: ISA/RG 132.0/P/839/3).

54. Погребения на Иоасафовском участке:
а – надгробие Елены Резниченковой (в схимонахинях Евлампии), 1885 г.;
б – надгробие Натальи, 1883 г.

55. Погребения 1880-х годов на Иоасафовском участке, общий вид 4-х надгробий до реставрации (фото: 2010 г.)

чьим фактическим контролем российская недвижимость находилась, на территориях ПНА объекты российской недвижимости находились во владении Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ).

Палестино-израильские соглашения, переход юрисдикции на Западном берегу р. Иордан к ПНА в 1994–1996 гг. открыли для России возможность восстановления прав собственности на российские объекты недвижимости через обращение к палестинским властям. Впервые вопрос об Иоасафовском участке, обозначавшемся в дипломатических документах 1990-х гг. как «Эль-Бирке», был впервые поднят в беседе Я. Арафата с российским послом в Израиле А.Е. Бовиным 22 июля 1994 г. Арафат, как вспоминал Бовин, «тут же дал “команду” начальнику своей канцелярии Рамзи Хури заняться этим делом». Вторично об «Эль-Бирке» говорил Я. Арафату Министр иностранных дел России А.В. Козырев 1 апреля 1995 г. И тут, по выражению Бовина, Арафат «дарит» Козыреву участок «Эль-Бирке»[253].

С оформлением возникли сложности, не все члены палестинского правительства готовы были сделать столь щедрый подарок. Но Арафат настоял. Решение Совета Министров ПНА подписано им 18 сентября 1995 г. Оставалось немногое — вступить в фактическое владение участком. Как вспоминает первый посол РФ в ПНА А.Ф. Чистяков «7 октября я был у ворот «Эль-Бирке». Что он из себя представлял? Огороженный старым железным забором на каменном основании, участок земли с воротами и с двумя небольшими одноэтажными строениями типа мазанок, одно — практически развалившееся, с запущенным садом — финиковыми пальмами и апельсиновыми деревьями». Оказалось, что на участке проживает семейная пара очень пожилых людей, связанных с РПЦЗ, которые, с формальной точки зрения, были обязаны освободить участок. Арафат дал указание «трудности устранить, вплоть до компенсации со стороны палестинских властей лицам, находящимся на участке, а то и жильё им предоставить».

В первых числах декабря 1995 г. участок был свободен. «Скобяная мастерская была напротив: мы тут же заменили замки на воротах, заказали новые ворота; не откладывая, заказали и металлическую доску с надписью на русском, арабском и английском языках “Собственность Правительства России”». Нашли сторожа. Правда, неграмотного, так что квитанции о получении зарплаты уходили в валютно-финансовый департамент МИДа с отпечатками его пальцев.

[253] Бовин 2004: 428, 537.

Постепенно в Москве был решен и вопрос с расходами на содержание участка. А первые расходы были покрыты из доходов с урожая апельсинов. Урожай был реализован по местной традиции через аукцион на центральной площади Иерихона. «Время шло. Участок обустраивался. Обновили ограду. Старик с удовольствием работал. Расчистил участок, поддерживал в порядке сад, восстановил виноградник. Заболевшую смоковницу вылечили при помощи палестинских специалистов, причём безвозмездно. По нашей инициативе палестинцы изготовили и установили рядом со смоковницей большой щит с евангельской историей на арабском и английском языках. Правда, надеждам на развитие участка тогда осуществиться было не суждено»[254].

Таким образом, с 1870-х — 1880-х гг. и до сих пор в Иерихоне официально существуют два русских участка, Антониновский и Иоасафовский — один на южной оконечности города, над Вади Кельт, фактически в центре Телль эс-Хассана, другой сразу за его чертой, в северо-западном направлении, по дороге к Телль эс-Султан. Хотя исторически их судьба сложилась по-разному, они оба богаты древностями византийского периода и, возможно, более ранними. Обратимся к истории их изучения.

Первые исследователи русских участков: 1860-е–1870-е годы

В середине — второй половине XIX в. все активно работавшие в Палестине европейцы, прежде всего библеисты, археологи, архитекторы, были знакомы сравнительно близко и могли привлечь друг друга к сотрудничеству. Они составляли, до известной степени, единое сообщество.

Примером такой совместной деятельности крупнейших исследователей Палестины являются археологические разведки на Русском месте близ храма Воскресения Христова в Иерусалиме. Еще в 1843 г. здесь обнаружены были прусским консулом, археологом-любителем Е. Шульцем позднеримские колонны (1843). После приобретения места Россией, по поручению созданного в 1859 г. Палестинского Комитета, в разное время исследования вели археолог и инженер, бывший офицер Сардинской армии Э. Пьеротти, французский маркиз Э.-М. де Вогюэ, английские инженеры Ч. Уилсон и К. Кондер, известный знаток древностей, сотрудник французского консульства, в будущем член-корреспондент Петербургской Академии наук Ш. Клермон-Ганно. Но всерьез работы развернулись лишь в 1883 г., когда их возглавил архимандрит Антонин — с помощью своего друга, опытнейшего археолога, главного архитектора Иерусалима, швейцарского немца Конрада Шика.

Это неслучайно. Начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин; 1817–1894) в период своего служения в Палестине (1865–1894) был достаточно известен своими открытиями в библейской и византийской археологии. К этому он был подготовлен, так как имел опыт натурных исследований и публикации результатов, изучения рукописей и составления коллекций[255]. «Даровой, долговременной и самой приятной школой изучения христианских древностей» стало, по его выражению, воссоздание византийского храма св. Никодима в Афинах (XI в.) и решение возникших в связи с этим археологических задач[256].

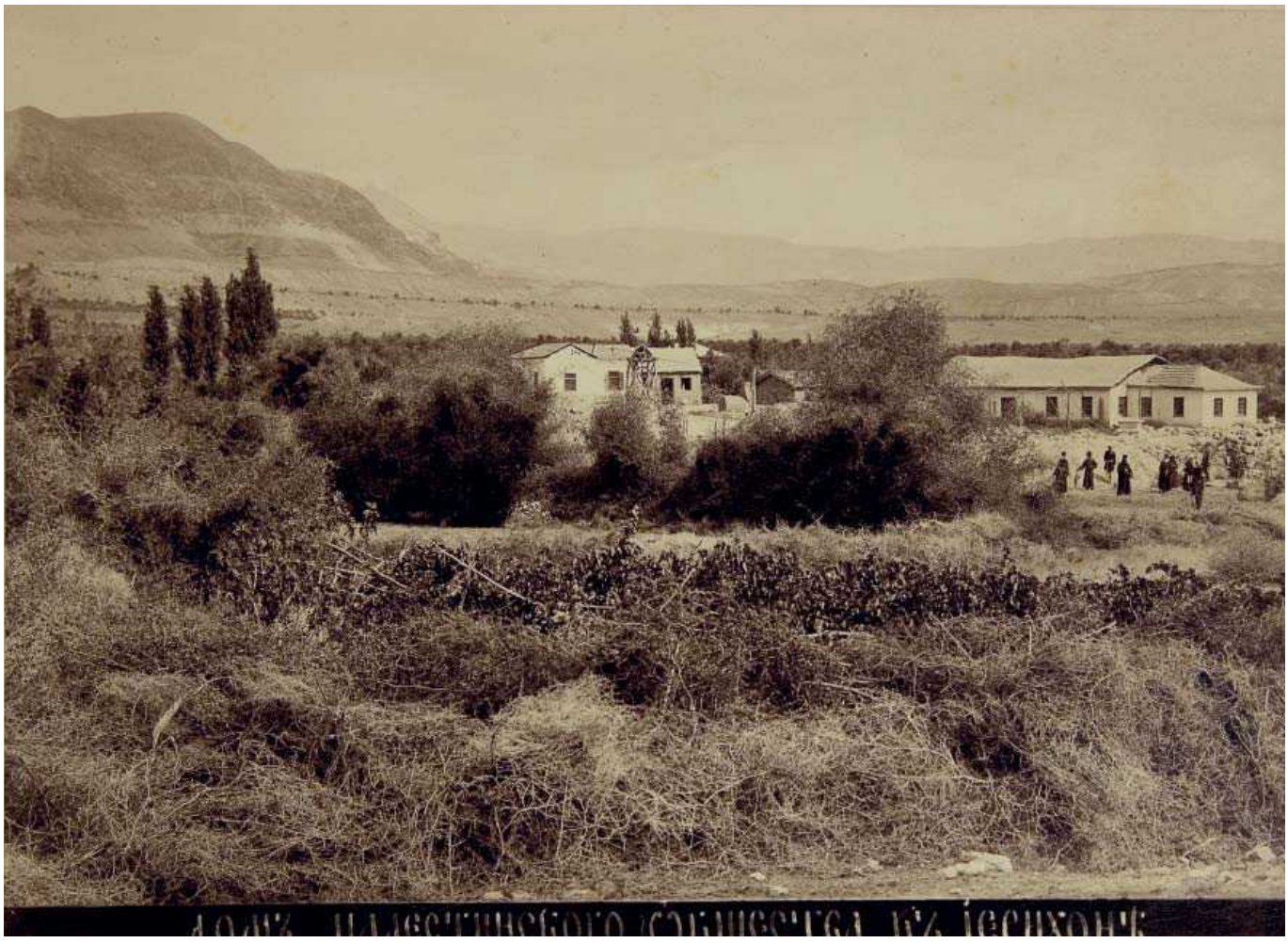
Отец Антонин представлял собой характерный для XIX в. тип первопроходца, сочетавшего занятия церковного дипломата, администратора и ученого. В этом он походил на многих других трудившихся в Сиро-Палестинском регионе российских и зарубежных исследователей — монахов, священников и профессоров-библеистов. Ориенталист и политик-практик, о. Антонин стремился, изучая богатые древностями участки, соединить тексты Евангелий и Ветхого Завета с топографией и археологией Святой Земли.

Русская Палестина, создававшаяся архимандритом Антонином, отнюдь не была конгломератом отдельных, более или менее многочисленных, по случаю и по сходной цене приоб-

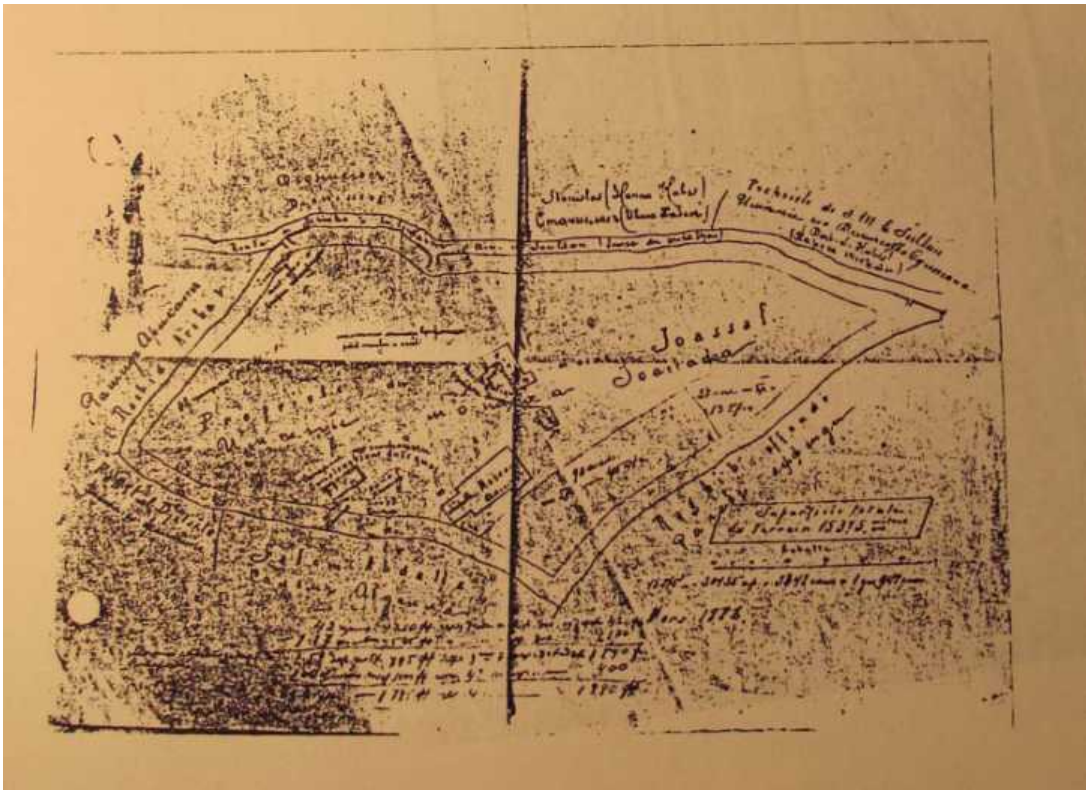
[254] См. подробнее: Чистяков 2010: 7–13.

[255] Настоятель посольских церквей в Афинах (1850–1860) и Константинополе (1860–1865), о. Антонин почти 30 лет был начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, постоянно занимаясь научными изысканиями. Опытный коллекционер, собиравший древние монеты, керамику, архитектурные детали и другие артефакты, он составил ряд коллекций, изучал греческие и славянские рукописи. Он был членом многих научных обществ на родине и за рубежом: Афинского, Немецкого Восточного и Русского археологических обществ, Одесского Общества истории и древностей, Московского общества любителей духовного просвещения, Уральского Общества любителей естествознания; почетным членом Императорского Православного Палестинского Общества и Киевского Церковно-археологического общества; Киевской, Санкт-Петербургской и Московской Духовных академий; кавалером греческого Командорского креста ордена Спасителя “за ученость”.

[256] Антонин 1886: 583; Бутова 2009: 10–17.

56. Общий вид Иоасафовского участка в 1880-х годах, вид с юго-запада (фото из архива ИППО с подписью «Дом Палестинского общества в Иерихоне»; Музей истории религии, П-1682).

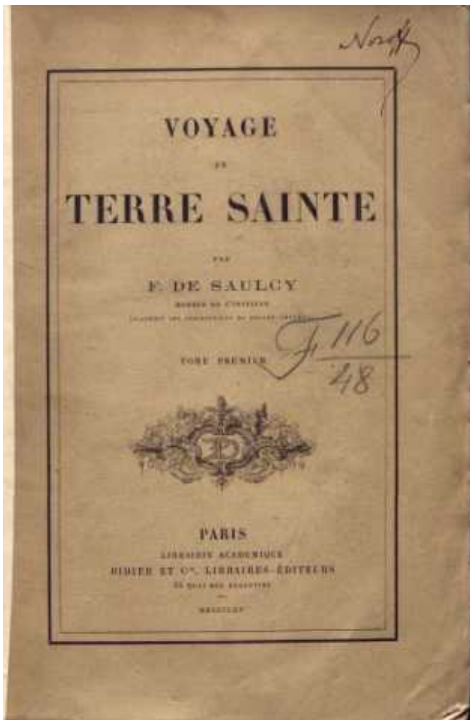
57. Схематический обмер Иоасафовского участка в деле 1938 года (вероятно, копия с обмера 1886 г.).

ретаемых ценных недвижимостей, как не была она и результатом целенаправленного, археологически обоснованного поиска. Мы никогда не получили бы этого уникального феномена в истории религии и культуры, если бы с самого начала для архимандрита Антонина в вопрос приобретения собственности, археологического исследования, строительства странноприимного дома, а затем и храма не привходило собственно богословской идеи, если бы за каждым его обретением не стояло глубокой и точной религиозной интуиции. Иными словами, Русская Палестина вызревала и созидалась как некое сакральное пространство русского вхождения в святыни Святой Земли. Потребностями сакральной реконструкции была обусловлена и русская археология в Иерихоне.

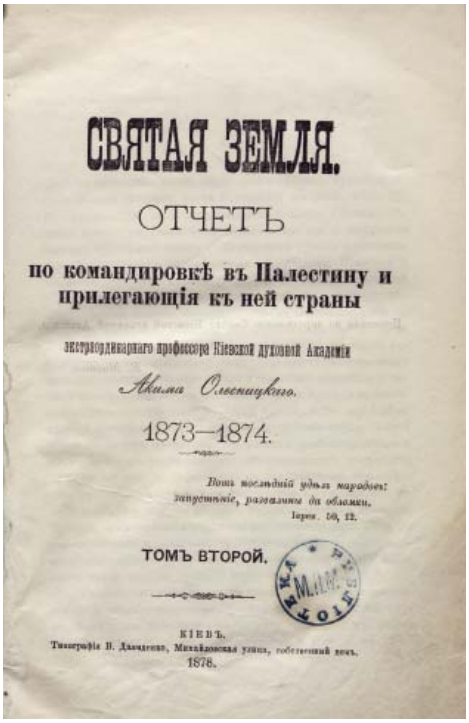
Постоянно занятый ежедневными служебными обязанностями, укреплением канонических связей Русской и Иерусалимской Церквей, утверждением русского влияния в Святой Земле, — начальник РДМ, легко и охотно вовлекался в поиски, связанные со священной топографией. Он вступал в переговоры с главами арабских семейств, в собственности которых находилась земля, умело и экономно вел дела по приобретению участков, проектированию и строительству церквей и подворий. Один за другим были приобретены владения в Хевроне с Мамврийским дубом (1868), Яффе (1869 г.), Айн-Кареме (1871 г.), на Елеоне (1871 г.), в деревне Силоам ("Могила дочери фараона", 1873 г.), в Иерихоне (1874 г.) и др.[257]

Конечно, частые осмотры древностей и иногда съемка чертежей, так же как сам выбор (например, «Гранатовой пещеры» на участке Уара ад-Дуббак, гробницы Пророков или «места Каллистрата» на Елеоне[258]) указывают на явные археологические предпочтения. В случае с Мамврийским дубом сам статус святыни предполагал наличие — кроме известных к середине XIX в. археологических памятников[259] — сохраняющихся в земле древностей, часть которых о. Антонин готов был купить[260]. Решение прирезать два дополнительных участка в Яффе было обусловлено известностью этого места как древнего кладбища («Яффский некрополь» IV-V вв.), где находили греческие надписи. Их осматривал при посещении русского участка Ш.С. Клермон-Ганно — как в период своей службы в Яффе (1873–1874), так и при позднейших приездах в 1881, 1886 гг.[261] Позже, в конце своей деятельности, о. Антонин проведет раскопки некрополя и определит одну из найденных на участке еврейских гробниц византийского периода как могилу праведной Тавифы (Деян. 9, 36)[262].

В 1869 г., предварительно проштудировав источники, о. Антонин, впервые купил участок по «соображениям чисто научного свойства»[263] на Елеонской горе. Он не сомневался в археологической ценности земли на Елеоне и сам покупал здесь «антики» у арабов — владельцев близлежащих наделов[264]. Проведенные в начале 1870-х годов самостоятельные раскопки заставили прикупить соседние участки, где обнаружились первоклассные объекты: остатки храма с мозаиками византийского времени, эпиграфические памятники и более древние, чем комплекс, погребения. Подробно описанный С.М. Дмитревским

VOYAGE
EN
TERRE SAINTE
PAR
F. DE SAULCY
TOME PREMIER
PARIS

58. Обложка книги Ф. де Сольси, «Путешествие в Святую землю», т. 1, 1865.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ.
ОТЧЕТЪ
по командировкѣ въ Палестину и прилегающія къ ней страны
экстраординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи
Акима Олесницкаго.
1873—1874.
ТОМЪ ВТОРОЙ.
КІЕВЪ.
1878.

59. Титульный лист книги А. А. Олесницкого «Святая земля». Том 2, 1878.

[257] В настоящей книге не место рассматривать все покупки и археологические работы о. Антонина. Их подробный перечень см.: Беляев, Бутова, Лисовой 2009: 46–57. См. также: Чехановец 2013: 143–152.

[258] См: Лисовой, Платонова, Савушкин 2000. Т. I: 691–719.

[259] Обзор по участку Русской Духовной Миссии в Хевроне см: Чехановец 2012: 23–39; библиография исследований участка там же: 24–25, сноска 5.

[260] «Мысль о притяжении места Каимов с двумя пещерами. Дать обоим по 10 золотых да и покончить с ними» (запись от 1 марта) (Антонин 1877: 44).

[261] Clermont-Ganneau 1896: 131–148. См. также: Kark 1990: 141, прим. 3.

[262] Как указывает тот же Клермон-Ганно, это место почиталось как «Дом Тавифы» по крайней мере в XVII в. (Clermont-Ganneau 1896: 4).

[263] Дмитревский 2006: 52–54.

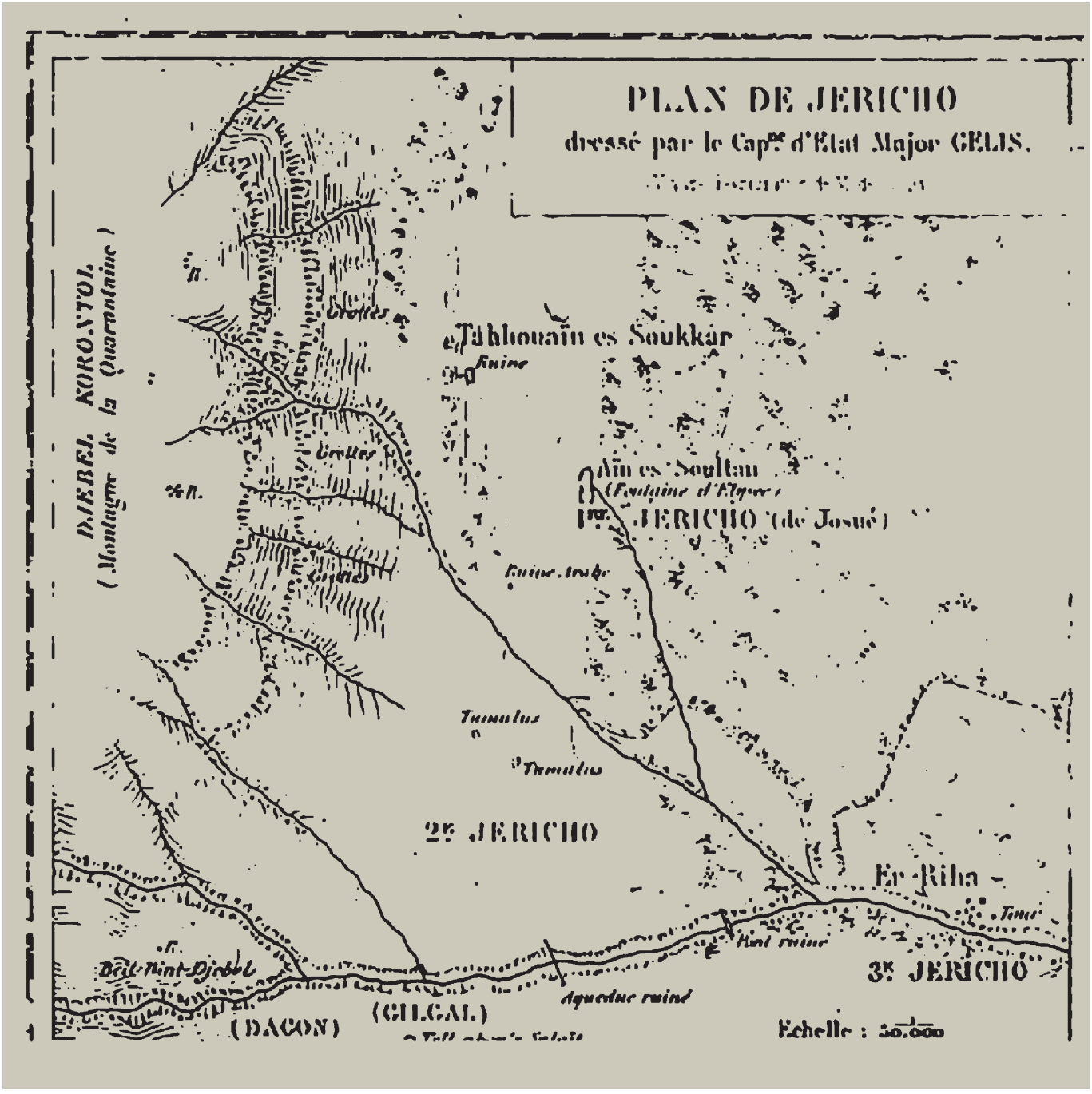
[264] Там же: 58.

60. План Иерихонского оазиса с указанием древних памятников из книги А. Олесницкого (Т.2, 1878).

«елеонский проект» о. Антонина был четко мотивирован археологически, в чем не сомневались уже современники[265].

[265] Приведем полностью цитату из упомянутого выше исследования С.М. Дмитревского: «Руководясь соображениями чисто научного свойства, основанными на исключительно исторических данных, ему удалось в продолжении 3–4 лет найти массу древних следов христианства на протяжении каких-нибудь двух десятин земли. В большей части случаев иерусалимские древности преподносятся, так сказать, европейцам в самом подчищенном виде, чуть не с документальными доказательствами в руках. Найдя на своем участке какую-нибудь историческую постройку, местный землевладелец старается расчистить ее настолько, что бы заинтересовать богатого христианина-археолога. Последний проверяет, конечно, подлинность места и зачастую платит деньги, зная наверное, что́ он покупает. Между тем о. Архимандрит при всем своем желании приобрести что-нибудь в этом роде не мог делать сразу больших затрат. Но, руководясь чисто исто-

61. План Иерихонского оазиса с указанием древних памятников из книги Ф. де Сольси (1865 г.)

К своим археологическим проектам о. Антонин привлекал экспертов — как иностранных, так и российских профессиональных архитекторов и археологов, что приносило несомненные плоды. Выше упоминалось о Пороге Судных врат, открытом в 1883 г. непосредственно о. Антонином, однако качество фиксации и отчасти интерпретации результатов обеспечивалось участием К. Шика. «Работы дали ответ на конкретные вопросы истории Иерусалима, доказав, что Голгофа и базилика IV в. лежат снаружи от древней (V в. до н.э.) стены, а внутрь города попали только после сооружения стены императора Адриана, и положили, наконец, начало археологическому изучению Мартириона. Их можно считать также исходной точкой сложения русской традиции изучения храма Гроба Господня»[266].

рическими соображениями, ему удалось сделать множество таких открытий, которые в настоящее время превзошли бы ценою не только стоимость всего участка земли <…>, но и постройки, и произведенные работы по раскопкам. Не надо забывать, что доселе исследовано только не более половины всего принадлежащего о. архимандриту участка. Кто может знать, какие открытия ожидают его еще впереди?» (Там же: 60).

[266] Беляев: 203.

62. Антониновский участок: «Русская Галгала», общий вид с юга (дореволюционная фотография).

Но, что еще важнее с точки зрения евангельской топографии, был открыт уникальный памятник евангельского времени — Порог Судных Врат, находившихся тогда вне черты городских стен. Открытие, обессмертившее имя о. Антонина в анналах русской библейской археологии, состоялось 10 июня 1883 г.[267] Полученные результаты вызвали большой интерес и дискуссию относительно их правильной интерпретации среди зарубежных ученых[268] и всех заметных библеистов и византинистов России (В.Г. Василевский, Н.В. Покровский, Б.П. Мансуров, В.Н. Хитрово, И.Е. Троицкий[269]). Правда, никто из них не имел серьезного опыта натурного изучения памятников, хотя некоторые именовались археологами. Позднее, в 1890-х–1910-х гг., в Палестину приезжали искусствоведы и археологи Н.П. Кондаков, Н.И. Ростовцев и др., но никто из них не проводил столь значительных по объему и результату работ, как о. Антонин.

«Первым библейским археологом» России иногда называют профессора Киевской духовной академии А.А. Олесницкого. Он четыре раза был в Святой Земле: в 1874, 1886, 1889 и 1891 гг. Илл. 59.

Конечно, археология служила для ученого прежде всего инструментом в изучении Священного Писания. Вместе с тем, во время первой командировки им было проведено исследование, описание и зарисовки многих библейских памятников: остатков сооружений на площади, некогда занимаемой Ветхозаветным храмом, иерусалимских прудов, цистерн, гробниц, надписи в Силоамском туннеле и на камне Меши, клинописных табличек из Фаанаха. Результатом стал труд «Святая Земля», за которую Олесницкий получил ученую степень доктора богословия[270]. Хорошо знавший зарубежную литературу, Аким Алексеевич, например, впервые, насколько нам известно, напечатал в русском издании карту-схему Иерихона на основе «перевода» недавно опубликованной карты де Сольси[271] (с немногими дополнениями). Илл. 58, 60–61.

В 1886 г. он был приглашен Советом Императорского Русского Археологического Общества в качестве эксперта по вопросу об идентификации найденного 1883 г. на Русском месте в Иерусалиме. Приглашение Олесницкого свидетельствовало о признании его компетентности как в области

[267] Антонин 1883: 88.

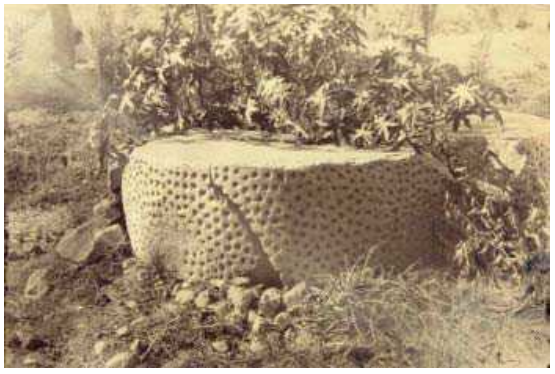
[268] См. напр.: Guthe 1884: 303–304; ibid. 1885: 245–287.

[269] Антонин (Капустин), архим.: 1884: 31–38; Мансуров: 1885; Хитрово: 1885; Покровский: 1886; Кондаков: 1904; Журнал Совета Императорского Русского Археологического Общества // РСЗ 2000. Т. I: 327.

[270] Олесницкий 1878.

[271] Он же 878: 41 (карта). Ср.: Saulcy 1872: 336–337. Благодарим за помощь в атрибуции Митю Фрумина (Иерусалим).

библейской истории и археологии, так и в области богословской герменевтики, способности дать компетентный историко-археологический комментарий и богословскую интерпретацию. Наконец, в 1891 г. А.А. Олесницкий был приглашен в научную экспедицию по исследованию памятников христианских древностей в Хауране, Аджлуне и в Заиорданье (под руководством профессора Н.П. Кондакова). Результатом экспедиции стал капитальный труд Н. П. Кондакова: «Сирия и Палестина».

63. Антониновский участок: «Русская Галгала» - обработанный гранитный «жернов» (дореволюционная фотография).

Суммируя, можно утверждать, что, осваивая в 1860-х – 1870-х годах участки в Иерихоне, о. Антонин и его сподвижники были подготовлены к этой миссии не хуже обычной «христианской» или «библейской» группы из Европы или США. Они обладали хорошим знанием классической и современной литературы, некоторым опытом полевых работ, а главное — связями в кругах архитекторов и археологов, помощью и консультациями которых могли пользоваться. Посмотрим, как разворачивался этот процесс.

Русские участки в Иерихоне: общие осмотры местности и находки на Антониновском участке

Основание «Иерихонского приюта» на приобретенных в 1873 г. двух соседних земельных участках (Хакурет аль-Бурдж и Хакурет ад-Далия) положило начало русской колонизации Иерихона. Среди недвижимостей Русской Палестины он занял видное место, завершив череду других земельных покупок о. Антонина в Палестине до начала русско-турецкой войны 1877–1877 гг.

Но сам Иерихон с каждым десятилетием менялся: его центральная часть получила двухэтажную гостиницу и начала застраиваться новыми (пусть и совсем простыми) зданиями — об этом ясно свидетельствуют две фотографии, сделанные с близких точек ателье Феликса Бонфиса, но разделенные временным промежутком, а также другие «ориентальные» фотографии европейцев и американцев.

При покупке земли в Иерихоне о. Антонин руководствовался не только стремлением построить приют для паломников, не только конкуренцией с инославным и греческим духовенством, но и явным желанием иметь на своем участке исторический памятник.

Из Иерихона, как и других достопримечательных мест, ему в Иерусалим постоянно доставляли найденные местными жителями антики и «греческие надписи»[272]. К собственным археологическим изысканиям местности он приступил в 1874 г., готовя место для строительства и сажая деревья[273]. К сожалению, имеющиеся документы, в том числе дневник о. Антонина, не позволяют делать каких-либо заключений о характере и последовательности археологических обследований на участке. Мы не знаем плана организации работ, да и существовал ли он на бумаге? Можно предположить, что первым пунктом числился сад, как это было на Елеоне и других участках Антонина. Настоящих раскопок в иерихонском оазисе в то время не велось, хотя разведочные вскрытия здесь провел еще в 1868–1869 гг. Ч. Уоррен, обозначив места трех важнейших памятников: Телль эс-Султан, ипподром, дворцы на Вади Кельт.

Первая же большая поездка в «свой Иерихон» в феврале-марте 1874 г. включает ряд археологических подробностей, не выходящих, впрочем, за рамки его обычной любознательности. Так, 27 февраля архимандрит с Якубом и Хусейном ездили к месту, где добывали вторичный камень из старых кладок[274], - в прошлом небольшой «четырехугольный» монастырь,

---

[272] Неясно, с самого ли участка: «Камни с надписями из Иерихона нисколько не интересные…» (*Антонин (Капустин), архим.* Дневник за 1874 г. Записи от 20 февраля // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1127. Л. 92об–93. См. также ниже, о разборке древних построек на строительный камень.

[273] В Яффе были заказаны необходимые плодовые деревья и саженцы финиковой пальмы, доставленные в Иерусалим 21 и 22 февраля. См. там же: Л. 93. Записи от 21 и 22 февраля.

[274] Об этом пишет и А.А. Олесницкий: «По общему палестинскому обычаю, арабы, подрядившиеся доставлять этот материал, брали его готовым из развалин одной соседней древней обители, кажется монастыря св. Герасима; почти все привезенные ими камни имели следы фресков, а некоторые и греческие надписи» (Олесницкий 1878: 22). К тому же времени относятся сожаления Клермона-Ганно, что ему не удалось прочесть здесь многих надписей на камнях, поскольку они были уже перевезены для строительства на Антониновском участке. См.: Clermont-Ganneau 1896: 16–17. Продажа камня хозяевами руин не считалась тогда предосудительной, что не мешало позднейшим авторам «ставить в счет» русским разрушение археологических объектов. Мы имеем в виду цитату из Августиновича, который, описывая руины церковных построек на Телль эль-Матлеб, подчеркивает, что «этот византийский памятник подвергался разграблению, особенно русскими, которые использовали древние материалы для постройки своих зданий в Иерихоне" (Augustinovic 1951: 145), повторенную затем Багатти "...a Byzantine site but it has been looted, especially by the Russians who used some of the ancient material for their buildings in Jericho" (Bagatti 2002: 102).

64. Антониновский участок: «Русская Галгала», общий вид на участок и камень с галереи здания РДМ, современный снимок.

65. Антониновский участок: «Русская Галгала», гранитный «жернов», вид с востока.

известный как Каср-Хрси (Крепость Χρυσ[οςομου]). Оттуда прошли на «хирбет Изафер, усыпанный мозаикой. Что тут было, Господь весть», а вечером достигли «холма с золотой мозаикой». На следующий день ездили «по райским полям в Джиль-джуль (Галгалы)», где занимались зарисовкой развалин. Первого марта осматривали остатки монастыря Иоанна Предтечи (Каср-Иегуди, Каср эль-Иехуд) на Иордане, где собирали камушки мозаики[275]. Перед отъездом о. Антонин закончил обмер объединенного участка «Иерихонской Московии», а позже собственноручно вычертил его.

В этом обследовании Иерихона о. Антонина сопровождал А.А. Олесницкий, который позже подчеркивал, что «русское место в Иерихоне наполнено развалинами»[276]. В эту поездку неоднократно поднимался разговор о Галгалах. Наиболее интересно следующее свидетельство Олесницкого: «Небольшая раскопка, сделанная на моих глазах о. Антонином, открыла замечательный памятник: гранитный камень в виде круга, около 10 футов в диаметре и 5 футов высоты. Вся периферия или весь обод этого громадного (к сожалению, разбитого на две части) круга испещрена яминами в палец глубины, расположенными без видимого порядка и полустертыми от времени. Когда один из моих спутников шутя спросил меня, какое имя я намерен дать этому камню, у меня случайно сорвалось с языка: *Галгала*. По ближайшем рассмотрении характера памятника и его местности, я больше и больше убеждался, что я был прав в своем определении, и что это место должно быть названо Галгалою или, так как оно поступило в русскую собственность, *Русскою Галгалою*»[277]. Илл. 62–63.

О том же самом камне уже было рассказано в известном труде Э. Робинсона о Палестине, причем он выделен даже в кругу достаточно ярких древностей оазиса: «Еще один предмет вблизи нашей палатки привлек внимание — блок красного гранита-сиенита, фрагмент большого круглого камня, частично скрытого в земле. Он имел около двух футов толщины, а хорда фрагмента составляла пять с половиной футов; диаметр камня в этом случае не мог быть менее 8–10 футов. Боковая округлая поверхность была заполнена мелкими круглыми дырочками или впадинами. Совсем рядом — остатки фундамента круглого сооружения, на котором он [*камень - Авт.*], видимо, ранее лежал. Каково назначение камня и откуда он привезен — Бог знает. У него все признаки египетского сиенита, а если его происхождение действительно таково, то он мог быть доставлен по долине Ездраэлеона и вдоль Гхора.» [278]

[275] Записи от 20 и 21 февраля // Антонин 1874: Л. 93, 94–95.
[276] Олесницкий 1878: 22.
[277] Олесницкий 1878: 23.
[278] «Another object near our tent also excited our curiosity,—a block of sienite red granite, the fragment of a large circular stone lying partly buried in the earth. It was about two feet thick, and the chord of the fragment measured five and a half feet; the diameter of the stone when whole could not have been less than eight or ten feet. The circular edge was full of small round holes or indentations. Just by arc the remains of a circular foundation, on which it perhaps once lay. What could have been the purpose of this stone, or whence it was brought, we could not dicide. It had every appearance of the Egyptian sienite; and if such were its origin, it could only have been transported hither across the plain of Esdraelon and so along the Ghor» (Robinson and Smith 1856: 553).

А.А. Олесницкий, безусловно, должен был знать сочинение Робинсона, тем паче что английским языком он владел, а ко второй половине столетия эта работа стала уже классической. Таким образом, история изучения «розового камня», и сегодня далеко не завершенная, — звено в цепи контактов западной и русской науки в Палестине. Илл. 64–65.

66. Фрагмент карты из Мадабы, изображающий Галгал и круглые камни

Явно неслучайна (хотя на первый взгляд и выглядит таковой) ассоциация Олесницкого, связавшая камень с библейским преданием и легендарным жертвенником (галгалом) — ведь в Средние века камни, его образовавшие, представлялись именно круглыми (так на мозаичной карте из Мадебы) и даже с отверстиями в центре[279]. Илл. 66.

С целью изучения камня, видимо, и провели расчистку, что дало возможность говорить о «крипте». Антонин записал: «7 января 1881 г. очистили Галгарьскую (*sic!* — Авт.) крипту; 30 января 1881 г. — «очистка галгальского камня»; 22 февраля того же года — «чтение г-на Олесницкого о Русской Галгале до 9-ти часов»[280]. Возможно, при этом круглое основание и фрагмент красноватого гранита совместили, уложив дополнительно несколько камней для завершения кольца, — в таком виде сооружение описывает Ростовцев[281]. Этот гранит сохраняется на участке РДМ до сих пор: он и сейчас лежит на стенках довольно глубокого (более человеческого роста) каменного колодца, куда снаружи, почти с современной поверхности, ведут ступени крутой каменной лестницы, фланкированной каменными же стенками; с лестницы в колодец можно спуститься через проем с аркой[282].

«Атрибуция» камня на время закрепилась в сознании паломников из России. Так, в 1900 г. Иерихон посетила группа профессоров и студентов Московской Духовной Академии во главе с ректором епископом Арсением (Стадницким). В вышедшей двумя годами позже книге «В стране священных воспоминаний» он напишет: «теперешняя Ериха занимает действительно место древнего Иерихона, это отчасти доказывает открытый о. Антонином при постройке дома монолит весьма древнего происхождения»[283].

Рождению новых библейских *loca sancta*, каких за прошедшие столетия возникали в Палестине сотни, помешала Первая мировая война, революция и разделение церквей на зарубежную и «советскую». Они не только прервали поток паломников из России, но и надолго исключили возможность для отечественных археологов работать в Палестине. В целом, все это не позволило участку о. Антонина занять в иерархии историко-топографических точек Иерихона то место, на которое он мог, казалось, рассчитывать.

В феврале 1877 г. о. Антонин вновь провел несколько дней в Иерихоне, причем в его дневнике появились «разрушенный водопровод», «капитель Иродовская», «холм Надра с золотой мозаикой»[284], а также «очистка Закхеевой (по Олесницкому) смоковницы»[285]. Но дальнейшие археологические «изыскания» и само строительство остановила русско-турецкая война (1877–1878 гг.), их возобновят только в 1880-е годы.

В начале 1880-х гг. о.Антонин начал «отстраивать» библейскую топографию Иерихона. Не будем входить здесь в обсуждение различных терминов, понятий, моделей, активно разрабатываемых в последнее время теологами, историками, искусствоведами для описания феномена *духовной выделенности* тех или иных частей физического мира (сакральная география, сакральная топография, иконография архитектуры, храмовое сознание и др.). Освоение евангельских и церковно-исторических реалий всегда связано с *литургическим творчеством*, которое может

[279] Сюжет несколько подробнее разобран в статье: Беляев 2016: 8–20. Споры о местоположении урочища Галгал/Гилгал: Беляев 2005: 308–309. Взвешенная позиция: Pringle 1993: 221–222, № 95.

[280] Антонин (Капустин), архим. 2011. Цит. по: Бутова, Лисовой 2009: 157.

[281] М.И. Ростовцев писал об этом артефакте: «К сооружениям монастырским и церковным, может быть, принадлежало и любопытнейшее сооружение, находящееся недалеко от Церкви. Я имею в виду куски большого гранитного (синайский гранит) цилиндрического камня, покрытого снаружи орнаментом в виде сетки или медового сота и встроенного в мурованный цилиндр, сооруженный над колодцем или ямой, в которую сбоку ведет лестница. Вверху посредине в мурованном цилиндре сделано отверстие, ведущее в упомянутое углубление или колодезь».

[282] Назначение и дата сооружения неясны, но осмотр сахарных мельниц в других частях Иерихона позволяет думать, что на участке РДМ в Средние века была построена одна из них. Гранит, вероятно, вторичного использования и может оказаться действительно гораздо более древним. Необходимо современное исследование: подробный обмер, детальная фотофиксация, хотя бы небольшие раскопки. Они помогут прояснить атрибуцию объекта и, во всяком случае, сделают яснее всю конструкцию. Мы приводим только самую общую фотосъемку и кадр конца XIX — начала XX в.

[283] Арсений 2011: 22.

[284] Антонин 1877. С. 33–34.

[285] Олесницкий 1878: 21. См. гл. IV наст. изд.

67. Антониновский участок: мозаика с надписью о погребении священника Кириака, современное состояние (фото 2006 г., два вида)

иногда выражаться в том, что западные и атеистические критики Церкви назвали бы «подделкой» и «обманом», а мы готовы назвать *созиданием святынь*. В этом смысле святые места и их совокупности в тех или иных странах, религиях, традициях могут рассматриваться как *архитектурно-литургическая реальность* или *историко-литургическая реконструкция*[286].

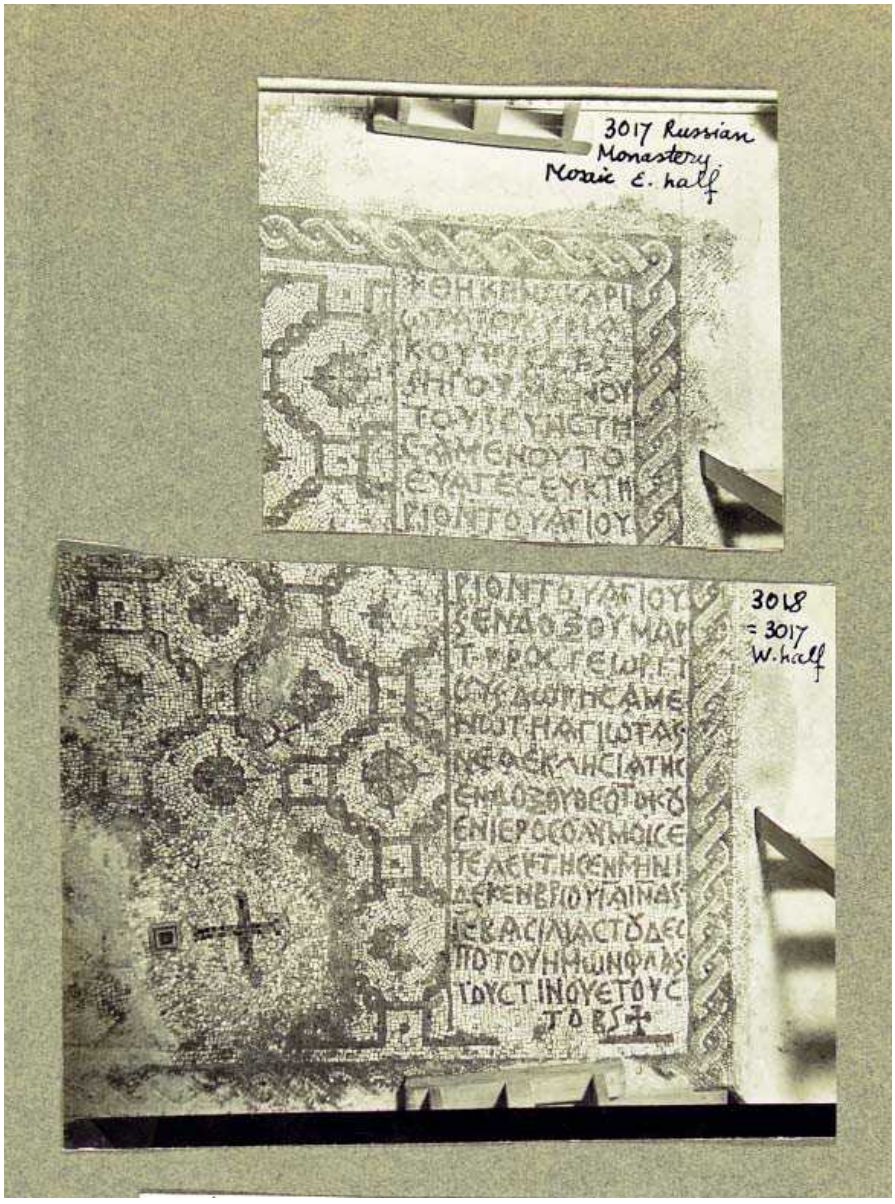
В записях дневника рассказы о строительстве закономерно сменяет тема святых мест и археологических открытий. Иерихон включается в ткань библейского Предания наряду с другими объектами «антониновской Палестины»[287]. Новый приют для паломников получает связь с памятью Закхея Мытаря и, кажется, даже с новым соответствующим деревом — во всяком случае, к 28 января 1883 г. относится запись: «копание в саду ямы под сикомор Закхеев»[288].

С началом раскопок на Русском месте в Иерусалиме (1883 г.) о.Антонин потерял возможность заниматься исследованиями Иерихона и только после 1886 г. вновь вернулся к обустройству подворья, где уже было построено здание приюта и создана инфраструктура. При этих работах было найдено много следов монументального строительства, в том числе шесть камней с остатками фресок

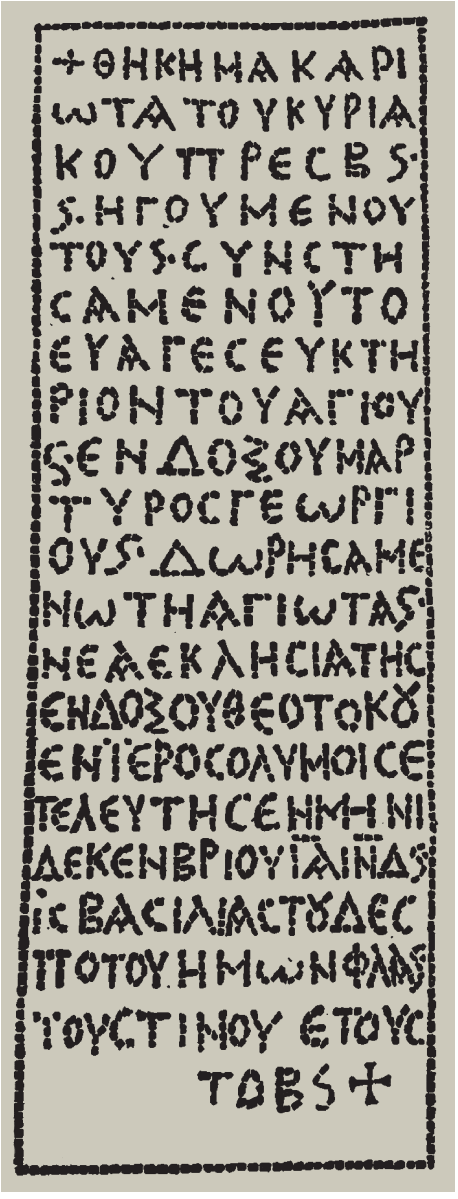
[286] Лисовой 2000: 136; он же 2005: 35–40.

[287] См. подробнее: Бутова, Лисовой 2009; они же 2012: 518–550; Чехановец 2013: 143–152.

[288] Антонин (Капустин), архим. Дневник за 1883 г. // Библиотека ГМИР, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/25. Цит. по: Бутова, Лисовой 2009: 158.

68. Антониновский участок: мозаика с надписью о погребении священника Кириака. Материалы фиксации Д.Барамки, 1932 г. Архив Фонда исследований Палестины.

69. Антониновский участок: моазика с надписью о погребении священника Кириака (по: Abel, 1911)

(с «живописными изображениями святых»), фрагменты колонн (в том числе мраморных) и мозаик, остатки капителей византийского периода. Н.П. Кондаков, посетивший Иерихон во главе экспедиции ИППО в 1891 г., отметит позже в книге, что «наиболее интереса представляют остатки христианских базилик на месте Русского приюта; между этими остатками несколько капителей принадлежат еще веку Константина», и что исследований на этом месте не проводилось со времен Антонина[289].

Между 1905 и 1910 гг. в северо-восточном углу Антониновского участка при начатом строительстве была открыта часть прекрасного церковного мозаичного пола, который включал полностью сохранную надгробную надпись[290]: «Гроб блаженного Кириака, пресвитера и игумена, устроившего святую часовню славного мученика Георгия и принесшего ее в дар святейшему Новому храму преславной Богородицы в Иерусалиме. Скончался одиннадцатого декабря, пятнадцатого индикта, в царствование нашего повелителя Флавия Юстина Второго». Илл. 67–71. Из текста ясно, что на участке существовал монастырь с храмом св. Георгия, являвшийся подворьем иерусалимской Новой (Неа) церкви Богородицы. Опубликовав надпись, известный археолог-доминиканец

[289] Кондаков 1904: 136.

[290] Цветная часть мозаики имеет значительный размер (2.97×2.77 м), а весьма протяженная (2.35×0.82) эпитафия заключена в рамку и выложена серо-синими тессерами по светлому полю.

70. Антониновский участок: мозаичное поле с сеткой гирлянд и крестами из цветов (фото 2006 г.)

71. Антониновский участок: орнаментальная часть мозаики с крестом и вмонтированным реликварием (фото 2006 г.).

Ф.-М. Абель вычислил год смерти Кириака как 566 г.[291] Над этими мозаиками был устроен павильон, а позже часовня[292]. Илл. 72.

[291] Абель опирался на указанный индикт в правление императора Юстина II (565–578 гг.). См.: Abel 1911: 286–289. Позднее при описании того же памятника о. Беллармино Багатти ошибочно назвал усопшего игумена Георгием. См.: Bagatti 2002: 98. В новейший корпус Эндрю Мэддена (Madden 2014) этот пол не попал так как, автор ограничил себя кругом памятников, находящихся на территории Государства Израиль, вне ПНА.

[292] РСЗ 2016. Т.II: 144. Павильон над мозаикой также упомянул А.А. Дмитриевский в письме о посещении Иерихона 6 апреля 1910 г., довольно подробно описав обстановку в Иерихоне и, особенно, на Антониновском участке: «Сад миссийский несколько разросся в своем объеме, и в нем сделаны новые насаждения виноградных лоз и апельсинных деревьев. В юго-восточном углу сада появился довольно изящной формы павильон, прикрывающий значительных размеров мозаику с греческою надписью, привлекающую к себе внимание заезжих ученых, русских и западных. (М.И. Ростовцев об этой мозаике говорил обстоятельно в «Христианском Востоке»)». — Дмитриевский 2012: 280–281). Позднее над «павильоном» был надстроен жилой этаж, а в нижнем этаже устроена церковь, алтарь которой в настоящее время освящен в память Иоанна Предтечи.

72. Павильон на Антониновском участке с часовней над мозаикой Кириака в первом этаже (сейчас ц. Иоанна Предтечи) и жилым помещением во втором.

Согласно предположению о. Августина (Августиновича)[293], на Антониновском участке открыта не рядовая часовня, а часть приюта, о котором пишет Прокопий, перечисляя постройки Юстиниана: дело в том, что связь Иерихонского приюта с Новой церковью Богородицы в Иерусалиме отметил в VII в. византийский монах Иоанн Мосх[294].

В известной статье об археологии в Палестине М.И. Ростовцев характеризовал находки в Иерихоне как «не менее интересные», чем открытия «в Тивериаде на городском участке, принадлежащем Миссии» [295]. Он, вслед за Кондаковым, отметил Антониновский участок как особенно перспективный, поскольку «точно известны и имя основателя, и дата основания», но «раскопки еле начаты и уже брошены, а частью даже застроены, причем плана открытых сооружений — вероятно, большой базилики — не сделано»[296]. Убеждение М.И. Ростовцева в том, что «русское подворье и церковь основаны на месте монастыря и церкви VI в.»[297], актуализирует вопрос нового серьезного археологического исследования.

Несомненно, ИППО и РДМ понимали ценность открытых памятников и готовились к расширению работ. Последние по времени дореволюционные документы (1914), содержащие сведения о русских участках в Иерихоне, отмечают в составе коллекции древностей, которые «требуют разборки, описания и надлежащего размещения в одном нарочитом музее», находок из Иерихонского приюта[298].

---

[293] Августинович работал в Иерихоне по поручению Францисканского библейского института в 1950 г. В северо-западной части Иерихона им были обследованы фундаменты базилики VI в. с фрагментами стен, базами колонн и цветным мозаическим полом с двумя греческими надписями. См.: Ovadiah 1970: 72–75 (№ 62–64).

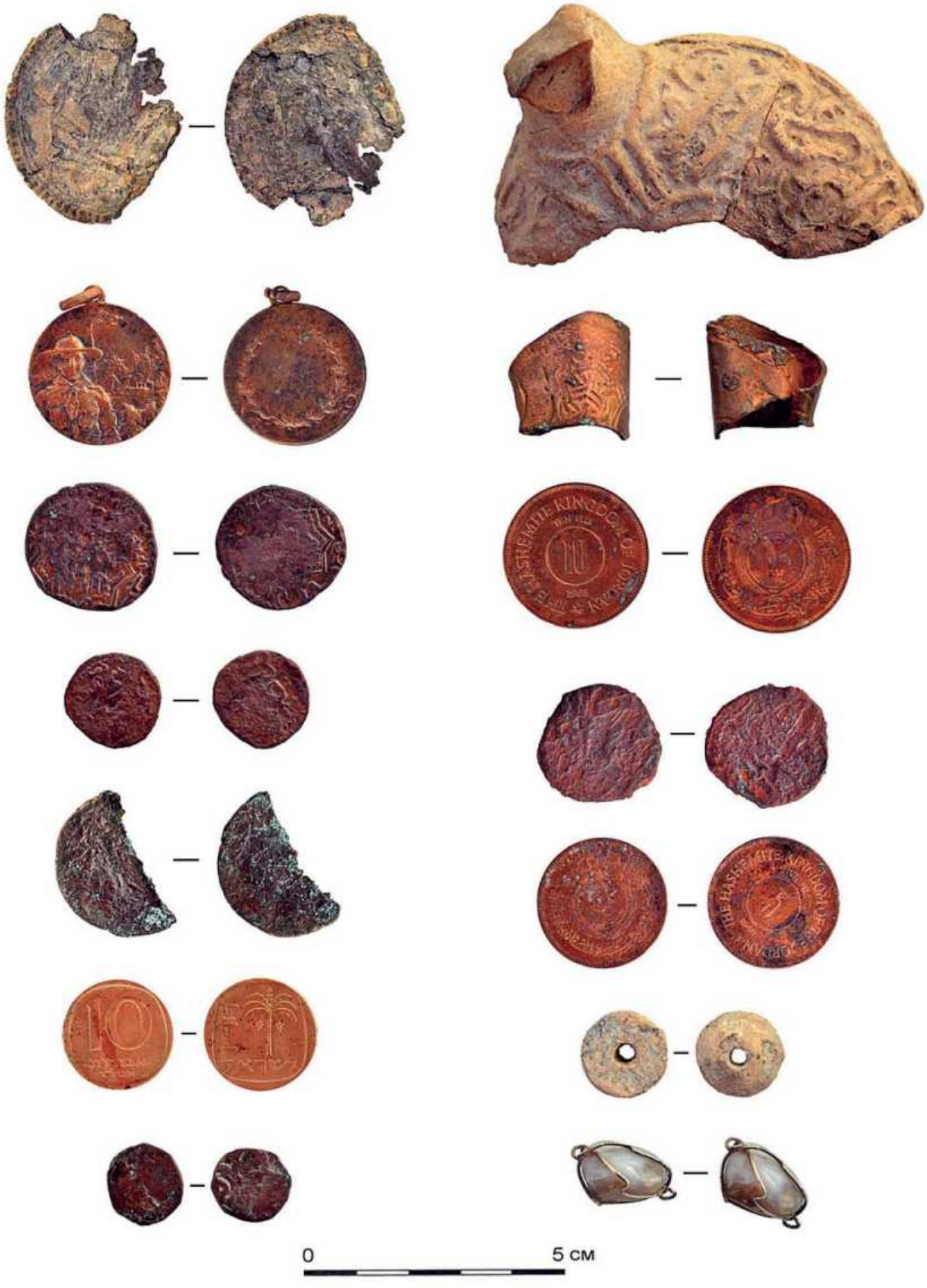
[294] Augustinovic 1951: 104. С этим допущением согласны М. Дженнингс и Х. Таха. Нам оно представляется модернизацией источника.

[295] Ростовцев 1912: 263.

[296] Там же.

[297] Там же: 264.

[298] РСЗ 2000. Т. II: 162.

75. Антониновский участок: предметы VIII-XX вв., собранные на поверхности участка в 2010–2011 гг. (часть керамического светильника раннеарабского периода, монеты и жетоны XVIII-XX вв., бусины и др.).

73. Антониновский участок: изделия из камня, экспонированные перед фасадом церкви Иоанна Предтечи (современное фото).

74. Антониновский участок: резные камни, вмонтированные в стены церкви Иоанна Предтечи (современное фото)

К сожалению, никаких серьезных работ на Антониновском участке с тех пор так и не провели: разразилась Первая мировая война, в ходе которой садам и зданиям на участках РДМ был нанесен серьезный урон турецкими войсками[299].

В настоящее время на Антониновском участке возле храма можно видеть выкладку десятка стволов и барабанов колонн и колонок из местного камня и мрамора, а также жерновов и оснований каменных мельниц. Илл. 73.

В фасад западной стены часовни, а также в межэтажный уровень приюта вмонтированы несколько резных архитектурных деталей с растительной резьбой и один камень со знаком креста ранневизантийского периода; крупная резная капитель (возможно, где-то заимствованная) установлена на колонну, несущую арки наружной лестницы, ведущей на второй этаж. Илл. 74. Все ли они найдены именно на участке или частью попали сюда при строительстве как *spolia* — неясно. Внутри часовни освящен престол, причем именно на месте надписи над погребением игумена Кириака[300].

Несомненно, проведение новых, современных по методике работ на Антониновском участке — одна из задач, стоящих в Иерихоне перед российскими археологами и Правительством РФ. Осмотр подъемного материала, регулярно здесь собираемого, пока не показал вещей древнее Средних веков, но он свидетельствует об освоении участка, начиная, по крайней мере, с раннего исламского периода до современности. Илл. 75.

[299] Об этом упоминает инокиня Вера (Беляева) в ярких мемуарах: «В Иерихоне, в русском саду, водворились турки, завладели помещением и садом. Сестер оттуда отправили со сторожем на Елеон, а сами расположились там жить. Деревья в саду ломали, улья со пчелами сожгли, фрукты обрывали для продажи, повредили все и попортили в саду» (Цит. по: Александр Занемонец, дьякон 2013: 109; см.: Вера (Беляева) 2006: 7). В документах РДМ имеются списки убытков, понесенных подворьями. В их числе «Русское место в Иерихоне», которое «состоит из 2-х подворий и 2-х фруктовых садов», причем убытки состоят «во взятии всей обстановки подворий» (убыток — 12 000 франков), «строительного материала» (4 000 фр.), 90 ульев (4 000 фр.), «в повреждении зданий» (5 000 фр.), в порубке деревьев» (10 000 фр.) и возникшей необходимости в ремонте, который обойдется в 6 000 фр., всего — 41 000 франков (Стоимость убытков Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, причиненных турками за время войны // СЗ. 2012. № 1, ч. 2: 31).

[300] В силу чего надпись абсолютно недоступна изучению. Можно осмотреть только периферию мозаичного пола с сетчатым орнаментом.

76. Иоасафовский участок в 1880-х гг. Вид от края «раскопа с мозаикой» на запад-юго-запад.

77. Находки, сделанные в XIX в. на Иоасафовском участке: предметы из керамики. Фото конца 1880- начала 1890-х гг.

79. Участники экспедиции под рук. Н.П. Кондакова в Сирию и Палестину. Иерусалим, 1891 год. Фотография. Сидят: А.Д. Кившенко, художник; Н.Н. Хитрово, племянник В.Н. Хитрово; А.А. Олесницкий, профессор Киевской Духовной академии; Н.Г. Михайлов, сотрудник ИППО; Н.П. Кондаков; В. Я. Северин, врач Русской больницы в Иерусалиме, Управляющий подворьями ИППО в Палестине. Стоят: Н.А. Околович, художник и реставратор; Я.И. Смирнов, ориенталист; И.Ф. Барщевский, фотограф Императорской Археологической комиссии; неизвестный. Публикация фото с комм.: Кызласова, 2010.

78. Находки, сделанные в XIX в. на Иоасафовском участке: металлические предметы. Фото конца 1880 — начала 1890-х гг.

80. Иоасафовский участок. Нижняя часть мельничного жернова из вулканической породы (фото 2009 г.).

81. Иоасафовский участок: капитель с крестом (фото 2009 г.).

То, что в XIX–XX столетиях в поле зрения ученых попадали именно памятники Антониновского участка, исторически оправданно. Он был освоен гораздо ранее чем Иоасафовский (примерно на 10 лет); на нем располагался «Московитский дворец»; здесь периодически велись работы (в том числе исследовательские). К тому же зона участка помещалась практически в центре тогдашней Эр-Рихи и традиционно служила одной из точек для установки лагерей паломнических караванов, была прекрасно известна проводникам, а рядом еще стояли руины Башни Иерихона, неоднократно описанной и даже изображенной и паломниками, и учеными.

Этих преимуществ был лишен отдаленный примерно на 2 км и лежавший уже в зоне окрестных полей Иоасафовский участок. Однако в археологическом отношении он оказался не менее привлекательным.

Ранняя археология на Иоасафовском участке

Итак, в 1882–1885 гг. на участке, купленном иеромонахом Иоасафом (Плехановым), были раскрыты мозаики (в том числе «мозаический кругами пол») и архитектурные остатки, которые приобретатель счел руинами «древней обители»[301].

В дневнике о. Антонина (Капустина) 1884 г. летопись Иоасафовской находки продолжается следующим образом: «3 января. О. Иоасаф Иерихонский с вестями об его археологической находке... 12 февраля. К о. Иоасафу на мозаик отличной работы...15 февраля. Командировка Sim'a к Иоасафу для снятия мозаика… 16 февраля. Мы с г. Симом отправились снимать мозаический пол к Иоасафу... Работали до 3-х часов за лишком с половинным успехом»[302]. Таким образом, архимандрит, имевший опыт и вкус к византийским памятникам, на месте воочию убедился в чрезвычайной ценности нового замечательного объекта археологии.

Со второй половины 1880-х годов участие в сохранении и изучении мозаики принял прибывший в 1885 г. в Палестину первый Уполномоченный ППО Д.Д. Смышляев[303]. Радушно принятый архимандритом Антонином, он жадно впитывал новые впечатления, посещая окрестные участки[304]. Приехав 12 февраля 1886 г. в Иерихон, он застал ситуацию в развитии: готовились освящать «греческую» церковь, русские участки успешно развивались, а их древности привлекали заслуженное внимание[305]. Смышляев считал необходимым продолжить

[301] «Оказавшиеся развалины принадлежат древней обители, что доказывают мозаический кругами пол, фундаментальные стены, малая цистерна и купель, колонны, капители, выстланные большими камнями полы и водопроводные каналы на глубине 1,5 аршина от поверхности земли» (Письмо иеромонаха Иоасафа (Плеханова) к В.Н. Хитрово от 10 сентября 1885 г. // РСЗ 2000. Т. I: 257.).

[302] Антонин (Капустин), архим. Дневник за 1884 г. // Библиотека ГМИР, шифр: И.П.П.О. Б. IV. № 853/26. С. 4, 30–31, 32.

[303] Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893) — уральский земский деятель и краевед, член-учредитель Православного Палестинского Общества (1882) и его уполномоченный в Пермской губернии; строитель двух главных подворий Общества в Иерусалиме (Сергиевского и Александровского); автор книг «Синай и Палестина» (1877) и «На пути к Синаю» (1878).

[304] 18 ноября 1885 г. состоялась первая загородная совместная экскурсия (о. Антонин на лошади, его помощник Я.Е. Халеби и Смышляев на осликах) в старый арабский Айн-Карем, или новую православную Горнюю, где «разбросаны в полугоре веселые белые домики, церковь с колокольней и две гостиницы русского поселка» (Смышляев 1890: 45).

[305] «В Иерихоне обнаружил целую русскую колонию. Кроме превосходного дома о. Антонина, я нашел там дома и сады Иоасафа (Плеханова), Богдановой, Сушковой… Купчиха Киселева построила церковь, которую на второй неделе поста Патриарх приедет освящать. Церковь очень хорошенькая. Образа все писаны в России, где и иконостас сделан. Землею Плеханова заведует крестьянин Ярославской губернии Иван Андреевич Рыков. Земля превосходная, в воде

82. Иоасафовский участок: каменные изделия, собранные на подиуме центрального дома (фото 2009 г.).

исследования, а найденное сохранить, и осенью того же года Совет ППО сформулировал задачу «при первой возможности приступить к научным раскопкам» на Иоасафовском участке в Иерихоне. Была выделена серьезная сумма (1500 руб.) и предписано «все место очистить до скалы или до построек», а что касается вещей, то «громоздкие оставить на месте находки, мелкие перевезти в Иерусалим и поставить в особое помещение (начало нашего будущего Иерусалимского музея)»[306]. В ходе работ предполагались фотофиксация и подробное описание найденных предметов. Илл. 76–78.

Дело как будто сдвинулось, и 16 марта 1888 г. Смышляев писал М.П. Степанову: «23 марта предполагаю выехать в Иерихон с Франгиа для производства предположенных раскопок»[307]. Через три недели он уже был на месте, так как обещал сфотографировать найденное еще Иоасафом, а сами вещи отправить в Иерусалим[308]. Можно думать, что Смышляев ограничился фотосъемкой, а раскопок не провел (во всяком случае, в документах нет их следов) — он был слишком занят строительством иерусалимских подворий.

Однако в ИППО не забывали про Иерихон и его древности, так что, когда в 1891 г. была отправлена большая научная экспедиция ИППО для изучения Сиро-Палестинского региона, Иоасафовский участок стал одной из главных точек приложения ее сил[309]. Илл. 79. Экспедиция провела в Иерихоне два дня, посвятив их «осмотру местности древнего города, столь замечательной в различном отношении, и посещению некоторых окрестных мест, особенно Сорокадневной горы с ее пещерными церквами»[310].

Наибольший интерес для археолога-византиниста, считал Кондаков, представляет «местность, занятая самим (теперешним) Иерихоном с его многочисленными садами и обширнейшими плантациями», то есть город византийского периода. Опровергая скептические оценки многих тогдашних исследователей, он писал: «Достаточно посетить сад Русского приюта Миссии, в котором его знаменитый основатель, радевший о древностях Святой Земли, известный и высокопочитаемый отец архимандрит Антонин сохранно собрал все остатки и самые маленькие кусочки древности, чтобы убедиться в одном: почва Иерихона богата древностями и именно христианскими. Город Ирода не пропал, но пошел на украшение нового христианского Иерихона, в котором было, считая с окрестностями, такое обилие монастырей в V–VI вв., какое было разве в окрестностях Иерусалима»[311].

Хотя в общем отчете экспедиции Иерихону уделят потом едва полторы страницы, в реальности внимание на нем было сосредоточено нешуточное. При посещении раскопок 21 октября

недостатка нет. Построено два здания, из которых одно заключает 10 келий. Есть интересные остатки древних зданий, мозаичных полов, много драгоценных для археологии находок» (Письмо Д.Д. Смышляева к В.Н.Хитрово // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 18. Л. 147).

[306] Письмо секретаря ППО М.П. Степанова к Уполномоченному Общества в Иерусалиме Д.Д. Смышляеву от 15 октября 1886 г. // РСЗ 2015. Т. I: 483–484.

[307] АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 18об.

[308] «Древние вещи, бронзовые и глиняные, вырытые еще при Иоасафе, будут доставлены в Иерусалим, и так как они очень интересны, то я сделаю с них фотографии, которые и вышлю Вам» (Письмо Д.Д. Смышляева к М.П. Степанову от 12 апреля 1888 г. // АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 22. Л. 42).

[309] Экспедиция под руководством Н.П. Кондакова прошла по маршруту Константинополь — Афины — Бейрут — Хауран — Заиорданье — Иерусалим. Первый и последний пункты были основными целями исследования.

[310] Кондаков 1904: 136.

[311] Там же.

83. Иоасафовский участок. Находки XIX-XX вв. в заполнении раскопа 1880-х гг. и на окружающей поверхности: фарфор, крышки стеклянных банок.

84. Иоасафовский участок. Находки XIX-XX вв. в заполнении раскопа 1880-х гг. и на окружающей поверхности: лампа с газовой горелкой, кран от самовара, ключ, пряжка священнического пояса, цепочка (от лампады или кадила) и др.

85. Иерихонский оазис, вид сверху с севера. Аэрофотография, 1931 г. Иоасафовский участок — почти в центре; Антониновский — на заднем плане, на краю вади.

Н.П. Кондаков и Управляющий русским подворьями ИППО в Палестине Н.Г. Михайлов специально съездили посмотреть открытую на участке мозаику. При этом Кондаков запишет в дневнике: «Стены большой базилики по сторонам и отличный пол, но весь выгнулся брюхом»[312].

Нужно сказать, что руководство ИППО, уже убедившееся в важности открытий на участке, снабдило руководителя экспедиции специальной секретной (что было обозначено письменно!) инструкцией, требовавшей провести, не стесняясь расходами, необходимые раскопки — не запрашивая, однако, фирмана на работы, но действуя из-под руки, пока турецкие власти не спохватятся. Все собранное предлагалось отправить в Иерусалим в распоряжение ИППО, не информируя об этом (что сугубо подчеркнуто) ни о. Антонина (Капустина), ни турецкие власти[313]. В таких обстоятельствах

[312] Дневник Н.П. Кондакова, полевые записи Я.И. Смирнова и письма к начальнику экспедиции от руководства ИППО (прежде всего В.Н. Хитрово) хранятся в Филиале архива РАН (СПб.). Ф. 115. Оп. 3. Д. 147. Они подготовлены к публикации М.Н. Бутырским. Благодарим исследователя за возможность ознакомления и цитирования.

[313] Из Инструкции начальнику ученой экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества <Н.П. Кондакову>. С.-Петербург, б.д. (1891). Секретно. Помета вверху листа: Утверждено Е<го> И<мператорским> В<ысочеством> государем великим князем Сергием Александровичем 27 апреля 1891 г. В. Хитрово.

Инструкция
Начальнику учёной экспедиции
Императорского Православного Палестинского
общества.

Кроме тех обязанностей, которые возложены на Вас общею инструкцией экспедиции, Императорское Православное Палестинское общество просит Вас принять на себя еще следующие три поручения, сохраняя их исполнение до возвращения в Россию в полной тайне.

1. Произвести основательные научные раскопки на Иерихонском месте, принадлежащем обществу. Так как испрошение особого фирмана для раскопок представляет большие затруднения, то в виду пустынности места и принадлежности его обществу желательно было бы произвести раскопки без испрошения фирмана. Не разговаривая о раскопках ни с кем не только посторонним [приписано: *Менее всего с о. архимандритом Антонином*], но и между собой, дабы слух о них не распространился преждевременно, Вы условьтесь вдвоем с уполномоченным общества в Иерусалиме, как произвести эти ра-

фраза письма Кондакова к В.Н. Хитрово (05.11.1891) «На днях на раскопки в Иерихон едут Смирнов и Околович — дело пойдет втихомолку»[314] не вызывает удивления.

Видимо, во исполнение этой инструкции экспедиция, базируясь на Иерусалим, выделила часть своих сил для раскопок в Иерихоне, куда 11 ноября выехали члены экспедиции Я.И. Смирнов (руководивший работами), художник Н.А. Околович, племянник В.Н. Хитрово Н.Н. Хитрово в сопровождении Н.Г. Михайлова. Совсем молодой 22-летний Смирнов явно пользовался доверием начальника экспедиции. Недаром много лет спустя, в 1919 г., говоря в поминальной речи о Якове Ивановиче как «глашатае идеи единства мировой цивилизации и особой роли Востока в образовании ее начал», известный историк искусства Н.П. Сычев отметит: «Это сказалось уже в одной из начальных его работ, безымянно помещенной в виде особой главы в труде его учителя “Путешествие по Сирии и Палестине”»[315].

Работы на Иоасафовском участке шли 10 дней (12–21 ноября 1891 г.), но их фиксационные материалы пока не найдены, и это одна из важных задач архивного направления в проекте «Византийский Иерихон». Без них опубликованный текст отчета Смирнова[316], который чуть не впервые руководил раскопками, понятен далеко не полностью. Почти не проясняет дела еще более детальный рукописный дневник, — из него можно узнать больше о практике организации дела (в один из дней, например, на раскопках работали «ослов 24, ребят 11, рабочих 11, верблюдов 2»). Полезны упоминания находок, часть которых дошла до нас, и описана достаточно точно: «куски песчаникового камня с частью креста»; «орнамент, часть ионической капители»; «в земле был какой-то конический горшок» (вероятно, коническая крышка, характерная для сосудов, в которых производили сахар). В целом интересны сообщения о стенах, колоннах из отдельных барабанов, разнообразных каменных и мозаичных выкладках — тем паче, что они подтверждены результатами наших осмотров и работ. Илл. 80–82.

Из текста видно, что работы вели не последовательно, а методом проб и ошибок, — одни шурфы (ямы) тут же оставляли, чтобы начать новые. Опубликованный позднее официальный отчет рисует некоторые контексты, не говоря уж о ситуации в целом, гораздо яснее: «сад, принадлежащий Палестинскому Обществу, как и окружающие его сады и пустыри, лежит на месте древнего города, простиравшегося к югу до оврага, на краю которого стоит приют архимандрита Антонина. На значительном пространстве обнаруживаются следы разрушенных домов; на пустырях видны небольшие холмики, образовавшиеся от развалившихся зданий, на одном из них лежит база колонны; в садах при работах находят стены, иногда сложенные из больших, хорошо отесанных камней. В саду греческих монахов, соседнем (с запада) с садом Общества, кроме остатков здания с классическими орнаментами, найдена часть мозаичного пола, к сожалению нерасчищенного. Стены, сложенные из больших камней, обнаружены были как в саду, примыкающем с юга к саду Общества, так и в южной части сада Общества. В северной части сада в дверях четыреугольного здания найдены были садовником два бронзовых креста, хранящихся в Иерусалимском подворье. Но теперь под грядами не видно стен в южной и северной частях сада …. У края сада земля вынута большой широкой квадратной канавой для фундамента предполагавшейся церкви. В южной части выемки найден был мозаический пол и древняя стена с северной части …. В разных местах прежним владельцем найден был ряд глиняных и бронзовых вещей, хранящихся в Иерусалимском подворье Общества»[317].

Поскольку Иоасаф и Антонин полагали, что найденная мозаика принадлежит остаткам древневизантийского храма, их версию взялся проверить Я.И. Смирнов. Работы «начаты были около мозаики с запада, в надежде найти в этом направлении продолжение ее, если бы пол принадлежал действительно церкви; расчищалась сама мозаика и пространство к востоку от нее, где должен был бы находиться алтарь. Но скоро обнаружилось, что никаких оснований предполагать на исследуемом месте церковь не существует. Мозаика сильно пострадала: уцелело, по-видимому, менее половины ее»[318]. Смирнов отметил, что «по рассказам лиц, видевших работы прежнего владельца сада, где-то около дома садовника находится другой мозаичный

боты быстрее без лишнего шума и говора. Продолжайте работы, пока не поставят турецкого часового и тогда прибегните к содействию Императорского консула. Все отысканные вещи направляйте к уполномоченному общества в Иерусалиме, а по отъезде Вашем уговоритесь с ним, какие меры приняты к сохранению оставшихся на месте вроде мозаичных полов и т.п. Не уничтожайте без нужды находящиеся на местах посадки и строения, но если бы это было неизбежно необходимо ввиду важности открытия, то Вы на сие уполномочиваетесь. Деньги на эти раскопки 1 000 руб. зол[отом] обозначены в общей инструкции на непредвиденные расходы. — Филиал архива РАН (СПб.). (Ф. 115. Оп. 3. Д. 147).

[314] Дело Канцелярии Императорского Православного Палестинского Общества // АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 597, л. 18–18 об. — Цит. по копии, предоставленной М.Н. Бутырским и К.А.Вахом.

[315] Цит. по: Климанов 1999: 472.

[316] Смирнов 1904: 137–142.

[317] Там же: 137.

[318] Там же.

пол: указывали на примыкающий к дому хлев, но разведки обнаружили там лишь помост из черепичных плиток»[319].

Немудрено, что Кондаков в конце концов счел работы бесполезными, и 22 ноября 1891 г. он фиксирует это следующей записью: «Работы на раскопках кончены, это оказалось бедный квартал, устроившийся на прежнем хорошем месте — моз[аика] в одной комнате поместилась частью. Всего насчитал 13 комнат или домов по типу беднейших городских домиков. В конце один домишка с заложенными в стенах колоннами»[320].

Интересно, что через три года (1894) выдающийся американский археолог-ориенталист Фредерик Блисс посетит Иоасафовский участок (во всяком случае, так можно думать, исходя из описания им русского владения «к северо-востоку от отеля») в ходе разведки на равнине Иерихона и отметит, что это обширная возвышенность, дающая материал, аналогичный Хирбет эль-Мафджар (в то время дворец считали отнюдь не исламским, а римским или византийским памятником)[321]. Затем археология на участке прекратится почти на столетие, и сами следы ученых XIX в. обратятся в объект фиксации (см. илл. 83–84).

Без визуальных материалов (чертежей, фотографий, рисунков) тексты 1891 г. не могут дать точного представления о том, что именно видел перед собой молодой исследователь. Но для определения места, где была найдена мозаика, нам эти тексты, собственно, и не были нужны. Участок старых раскопок был отлично виден в гуще сада в 1990-х гг., и мог быть точно зафиксирован уже при первом визуальном осмотре.

От этой точки мы и продолжим анализ имеющихся материалов. Илл. 85.

[319] Там же: 141.
[320] Экспедиционный дневник Н.П. Кондакова 1891 г. // СПб ФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 12.
[321] Bliss 1894: 181; Jennings M. 2015: 46.

ГЛАВА II

МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

86. Участок Музейно-Паркового комплекса РФ. План с показанием всех участков раскопок и результатов наблюдений 2010–2013 гг.

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Город Ирода не пропал, но пошел на украшение нового христианского Иерихона.»

Н.П. Кондаков[322]

II. 1. Археологические работы в ходе строительства 2010 года

Задачи и методы

В июне 2010 г. совместная Иерихонская экспедиция ИА РАН и МОТА ПНА под руководством д-ра Л.А. Беляева (ИА РАН, РФ) и д-ра Хамдан Таха (Assistant Deputy Minister of Antiquities and Cultural Heritage, PNA) смогла начать работу на территории МПК[323].

В это время строительство музея было в самом разгаре, а сам участок еще не занят новым садом и относительно доступен для раскопок. Поэтому на 2010 г. были сформулированы следующие основные задачи:

а) раскрыть котлован раскопа 1880-х годов, продолжив исследование, с тем чтобы получить полное представление о состоянии мозаики и архитектурных остатков в его пределах, провести их научную фиксацию, датировать, определить функцию, оценить пригодность с точки зрения музеефикации (раскоп 2/Area B[324]);

б) сопровождать строительные работы согласно намеченному плану, а в случае его изменений — применяясь к ним; план в части прокладки коммуникаций и устройства подземных сооружений действительно неоднократно менялся, в итоге площадь вскрытий оказалась существенно больше, чем намечавшаяся;

в) на основе полученных материалов представить общую картину культурного слоя участка (укрупненную стратиграфию и периодизацию), а также топографию застройки и ее предназначение;

г) сохранить от уничтожения содержащиеся в культурном слое движимые объекты археологического наследия, законсервировать и при возможности провести первичную реставрацию, тем самым подготовив для экспонирования в музее, а также подготовить к демонстрации под открытым небом наиболее сохранные архитектурные остатки.

Методически работы 2010 г. включали исследовательские научные раскопки широкой площадью и сопровождение земляных работ, проводившихся механизмами (во многих случаях слишком узкими для эффективных наблюдений траншеями). При раскопках в основу подхода к монументальным сооружениям был положен принцип минимальной деструкции: все кладки по возможности сохраняли с целью их дальнейшего экспонирования под открытым небом. Однако остатки фундаментов, потерявших конструктивные свойства, а тем паче развалы камней после фиксации удаляли. Илл. 86–87.

На всех научно-исследовательских раскопах (1/A и 2/B — до уровня сохранных полов, 4/D — до уровня мощения византийского периода со стратиграфическими шурфами до материка) культурный слой вскрывался с применением традиционной археологической методики: пласты разбирали вручную с переборкой слоя на месте; после снятия каждого пласта производили горизонтальную зачистку и фиксацию уровня; борта раскопов периодически зачищали для контроля за стратиграфической ситуацией, а по завершении работ проводили обмер профилей по бортам; выявленные комплексы графически фиксировали на планах пластов (планы и профили выполняли на месте в масштабе 1:20)[325].

---

[322] Кондаков 1904: 136.

[323] Научный костяк составили сотрудники ИА РАН из отделов: теории и методики (зам. руководителя экспедиции, канд.ист.наук Т.Ю. Шведчикова); античной археологии (зам. руководителя экспедиции, канд.ист.наук А.Н. Ворошилов и специалист по керамике, д-р ист.наук Л.А. Голофаст ; аспирант А.А. Супренков и др.); каменного века (канд.ист.наук Д.В. Ожерельев). В работах участвовал, как специалист по нумизматике, В.В. Зайцев (зав. отделом нумизматики ГИМ) и др. Инспектор МОТА ПНА Суфиан Эдеисс руководил группой местных рабочих.

[324] Для маркировки раскопов применяется номерная система (раскопы 1, 2, 4 и 5), которая местами дублируется принятой в англоязычных экспедициях литерной (соответственно: Area A, Area B, Area D, Area E), иногда с добавлением года (например: 2/2010, 5/2012 и т.д.). На чертежах и в тексте применяются сокращения К (квадрат) и Л (локус).

[325] Использовалась проектная геоподоснова, на которой совместно с геодезистами был выбран условный репер, вынесенный для удобства привязки на фасад, но отвечающий проектной отметке чистого пола строившегося музейного здания (–251.15 м в принятой системе высот). Все отметки на местности, указанные в отчете, взяты от нее инструментальным способом.

87. Участок Музейно-Паркового комплекса РФ. Упрощенный план центральной части с показанием основных раскопов 2010 года, с линиями основных кладок.

Ход раскопок, выявленные отложения, остатки сооружений и другие объекты фиксировали фотографически цифровыми камерами[326] руководители работ, а также приглашенный в состав экспедиции профессиональный фотограф-художник Константин Лейфер; с 2011 г. велась съемка и на цифровую видеокамеру.

Индивидуальные находки фиксировали на планах пластов с привязкой по глубине и по горизонту и заносили в полевую опись с присвоением порядкового номера[327]; для поиска металлических предметов использовали металлодетекторы[328]. Массовые находки собирали в лотки и фиксировали в описании каждого пласта по квадратам и локусам, с указанием номера квадрата, пласта, максимальной и минимальной глубины локальной прослойки, характера культурного слоя и/или комплекса происхождения.

В лабораторных условиях проводилась первичная камеральная обработка, сортировка, статистический учет массовых материалов и отбор образцов для дальнейшего исследования.

Археологическое сопровождение строительных работ

Еще до начала работ на основных раскопах была получена общая информация благодаря участию археологической экспедиции в земляных работах на участке МПК и сборам подъемного материала. Она представляет известный интерес.

В программу археологического участия входило, во-первых, сопровождение прокладки траншей для дренажа, которые ломаной линией окружали все здание Музея. Это довольно узкие (до 1 м) траншеи, доходившие местами до материка (1.5–2.0 м и более), в которых было трудно вести наблюдения и фиксировать стратиграфию. Но эти траншеи позволяли составить общее представление о насыщенности культурного слоя кладками и дали серию интересных находок. Другие траншеи (например, Tr5), напротив, широкие и мелкие, не доходили до уровня кладок.

В грунте из траншеи 1 (вдоль северо-западного фасада Музея) найден каменный жернов (Tr3/1), фрагменты краснолаковой североафриканской керамики со штампами и монеты (Tr1/1, Tr1/2). Илл. 88.

Траншея 2[329] пересекла двухцветный мозаичный пол из белых и черных тессер (севернее здания Музея, на отметке — 253.52; сохранившийся фрагмент площадью 1.75 кв.м перенесен в здание МПК) и ряд кладок из необработанного камня (на северном участке — 5, на восточном — 3) шириной от 1 до 2 м. В расширении для технического колодца, на глубине 0.9 м, отмечены следы раскопок конца XIX в.: фрагменты фарфоровой расписной тарелки и придонная часть фарфоровой же чашки с клеймом одной из русских фабрик, а также подъемный материал этого времени (бронзовый носик самовара, железный ключ). (см. илл. 83 и 84 в главе I).

В траншее 3 (для подпорной стенки вдоль северной стены Музея) обнаружен стоявший с большим наклоном ствол колонны (оставлен на месте), отдельные монеты (Tr3/1 и Tr3/2), а также скопление медных византийских монет (19 августа 2010 г.; отметка — 252.89), собранных в траншее и, частично, в отвале (на некоторых сохранились отпечатки ткани, в которую, возможно, они были завернуты (общий номер клада в списке находок: Tr3/3; см. подробнее в разделе нумизматики)[330].

[326] CANON EOS 500D, CANON PowerShot SX100 IS и др.

[327] Применялись этикетки, принятые в ПНА, с базовым текстом на арабском и английском языках.

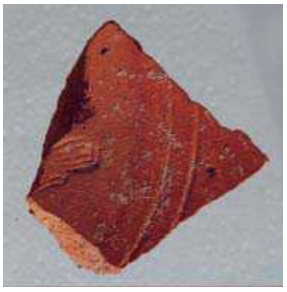
[328] Фирмы FISHER и иные.

[329] Вокруг Музея; северный участок от северо-западного крыла здания до его северо-восточного угла, затем на юго-восток и вдоль восточного фасада до юго-восточного угла; общая длина — 73.5 м при ширине 0.7 м с расширением 2×2 м; глубина — от 1.5 до 2.5 м.

[330] См. подробную публикацию: Абрамзон и др. 2016: 42–50.

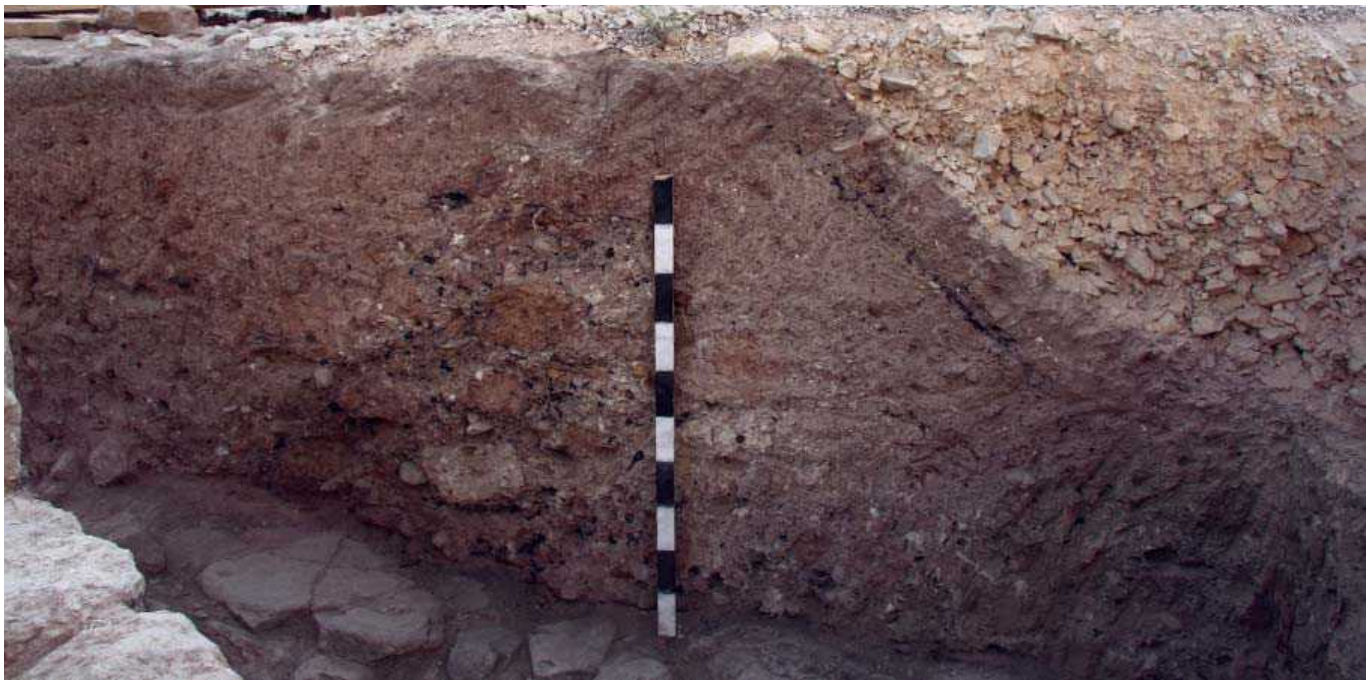

88. Фрагменты краснолаковой североафриканской штампованной и красноглиняной керамики, собранные при наблюдениях за прокладкой коммуникаций

89. Раскоп 1/A. Восточная стенка восточной прирезки, фрагмент.

90. Раскоп 1/A. Восточная бровка.

91. Раскоп 1/A. Северная стенка.

92. Раскоп 1/А. Общий вид сверху с юга.

Траншея 4[331] прошла в трех местах над кладками или вымостками из необработанного камня, практически не повредив их (по разрезу ширина достигала 4,5 м; к востоку от здания музея, против раскопа II, в ней обнаружен абсолютно целый сосуд (О/28).

Траншея 5, в южной части территории[332], не выявила архитектурных объектов, но позволила собрать монеты (О/18 — О/26) и найти предмет из свинца (гирька? О/17). В ее состав был вписан шурф (3×3 м) между южным крылом и юго-восточным ризолитом Музея («раскоп № 3»). Он пройден вручную до появления каменных кладок (примерно метр от поверхности), причем дал неожиданно много монет византийского и раннеисламского времени (С/2, С/3, С/6–С/9, С/11–С/17).

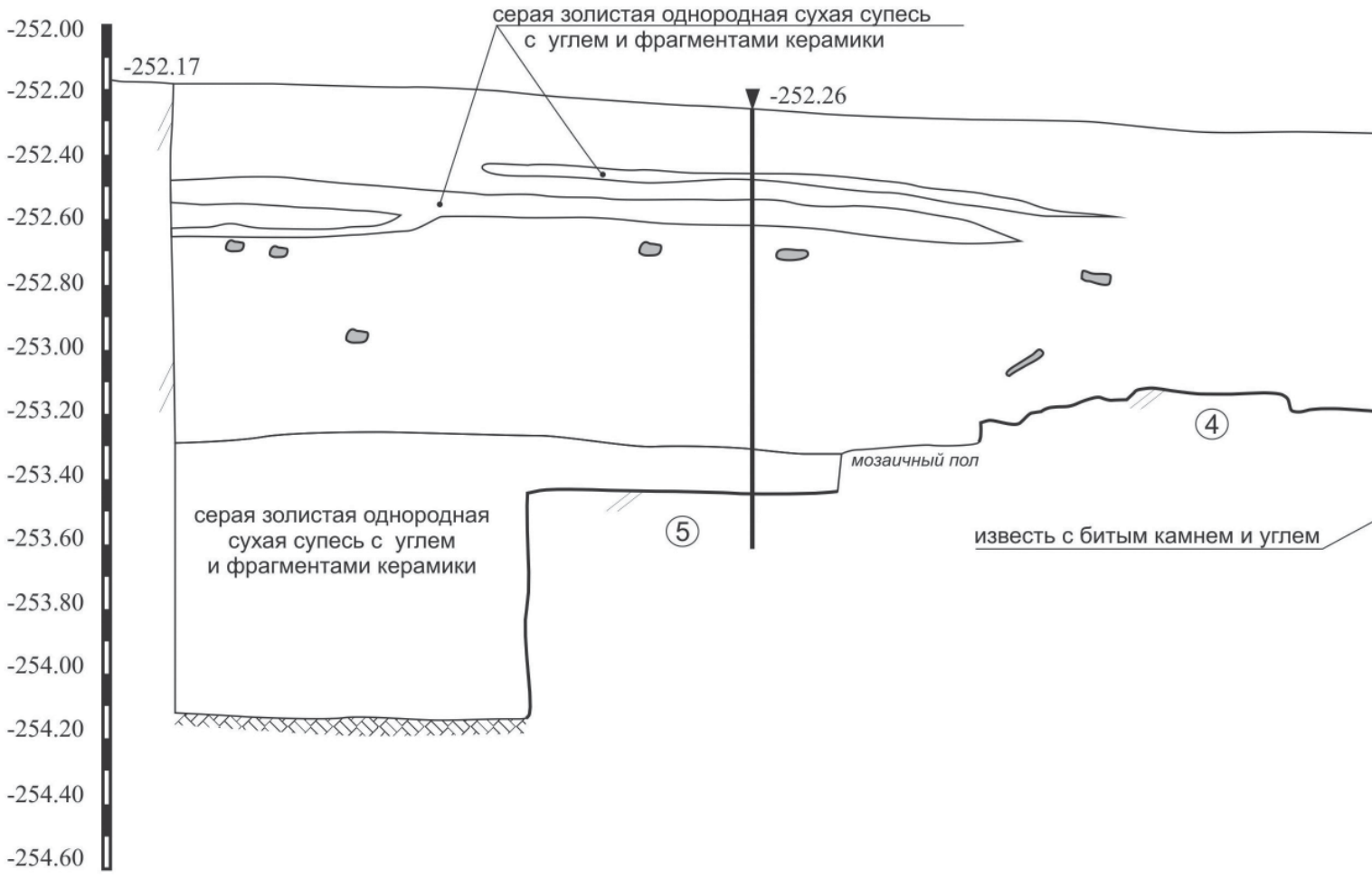
Котлован септика[333] на южной границе (8×6 м, глубина 3 м) показал незначительную мощность культурного слоя (1.0–1.5 м) и фундаменты из мелкого булыжника, уходившие в юго-восточный угол котлована и имевшие ширину до 1 м при глубине 0.5–0.7 м. Материк — светло-коричневая глина, культурный слой — коричневый суглинок с включением камней разного размера, более темный и рыхлый. В грунте собраны фрагменты: больших каменных сосудов из серого гранита (О/6, О/7), блюда из белого мрамора (О/5), глиняного светильника (О/12), стеклянных сосудов (О/13, О/14), а также горло керамического сосуда для процеживания (О/4), сферическая каменная бусина из красного сердолика (О/8), три монеты (О/9–О/11).

Сотрудники экспедиции стремились сопровождать все работы по благоустройству территории, включая посадку деревьев и устройство системы для их полива (зона общей площадью около 2000 кв.м) в самых отдаленных от раскопов участках.

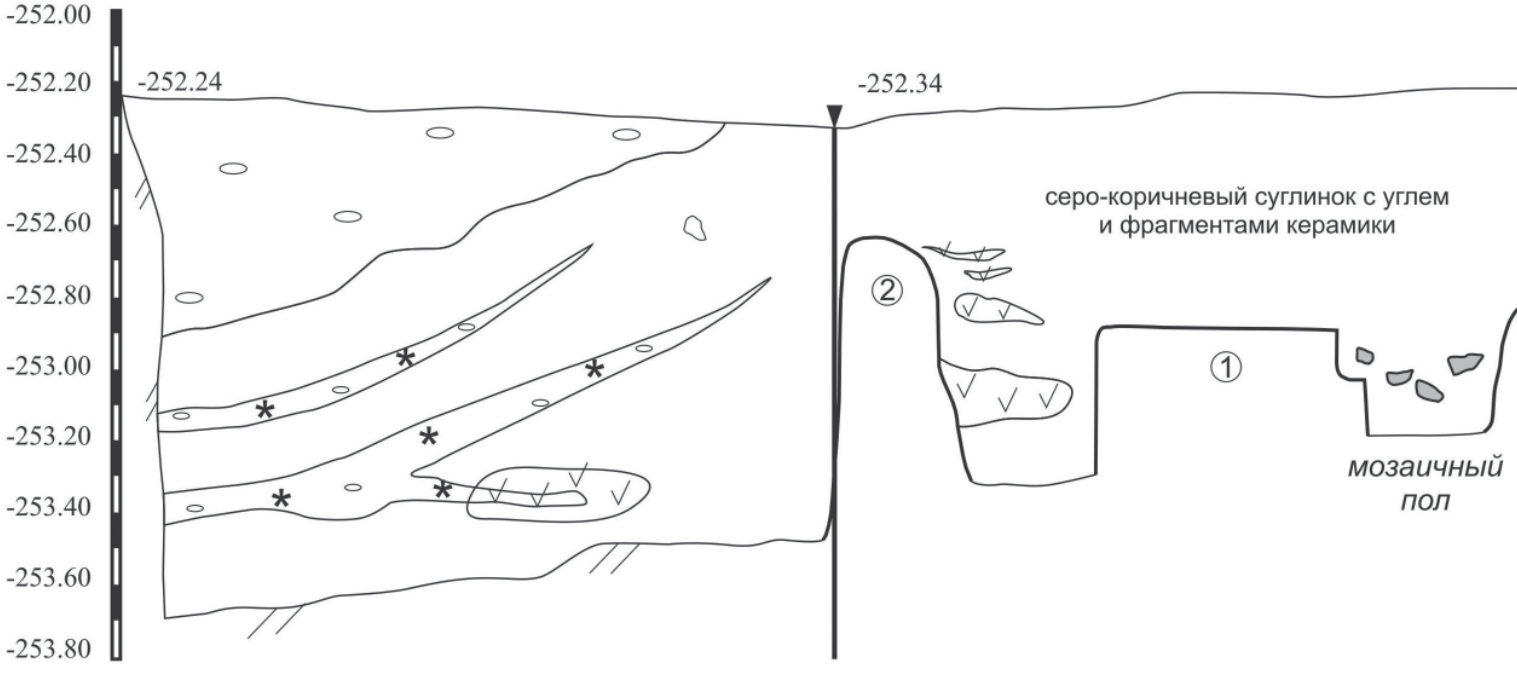
[331] Глубина около 0.8 м, ширина 0.7 м, общая длина 130 м, от северной границы участка к юго-восточному углу здания Музея.

[332] От южного крыла Музея к котловану у южной границы территории и под фундамент подпорной стены автостоянки, шириной 3 м, при глубине около 0.7 м, включила ранее начатый «раскоп № 3».

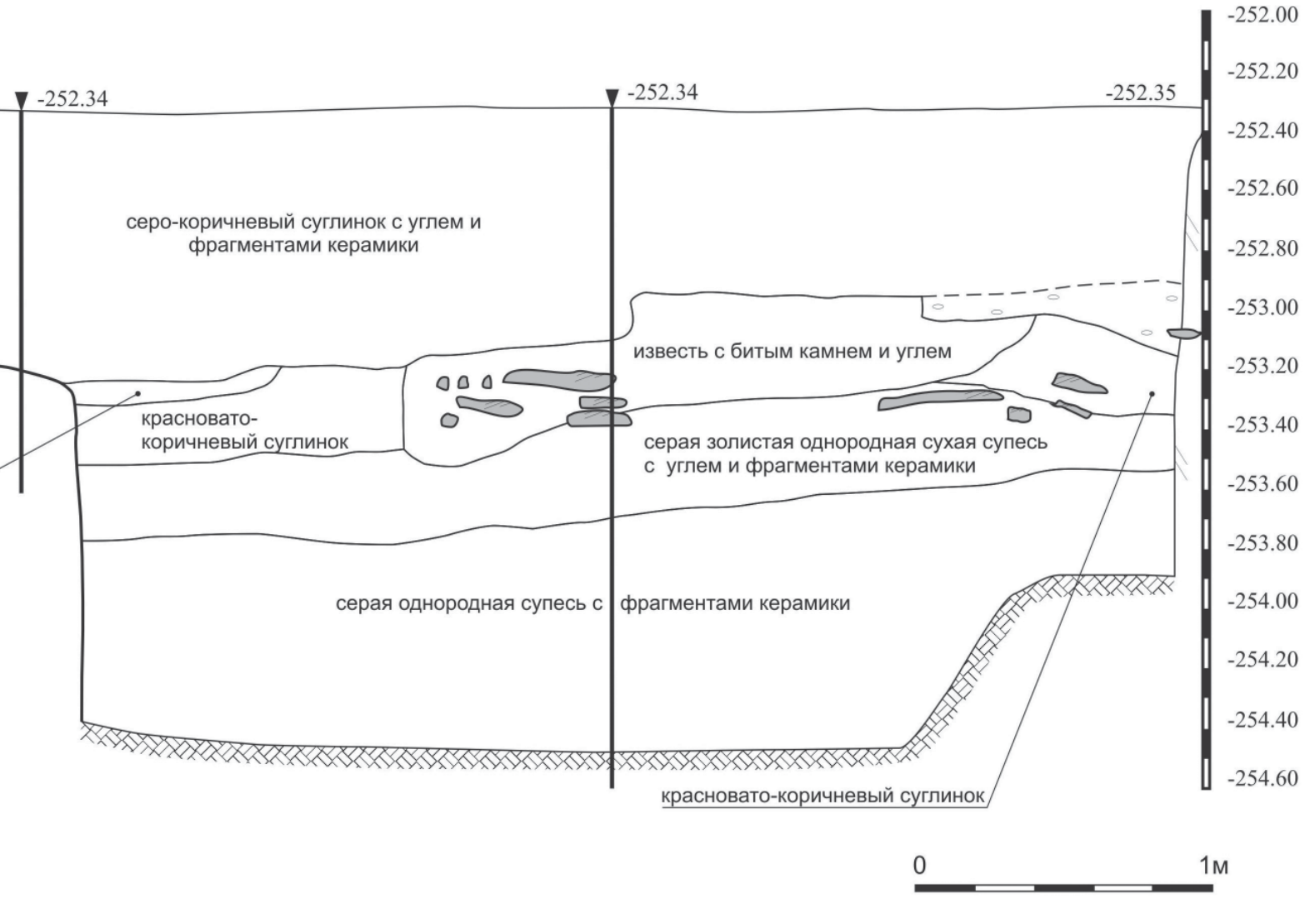
[333] Рядом с бетонной оградой территории. Прямоугольной формы, ориентирован по сторонам света, вытянут с севера на юг.

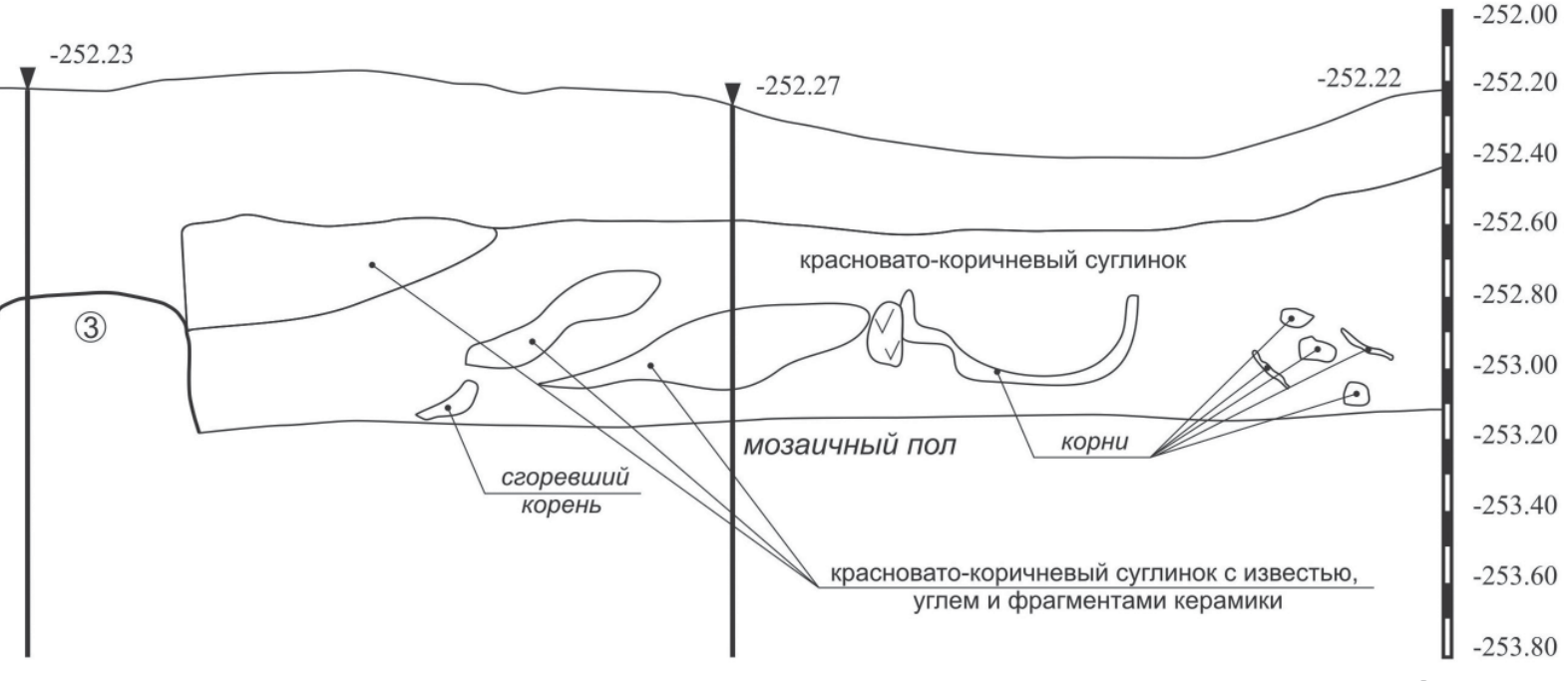

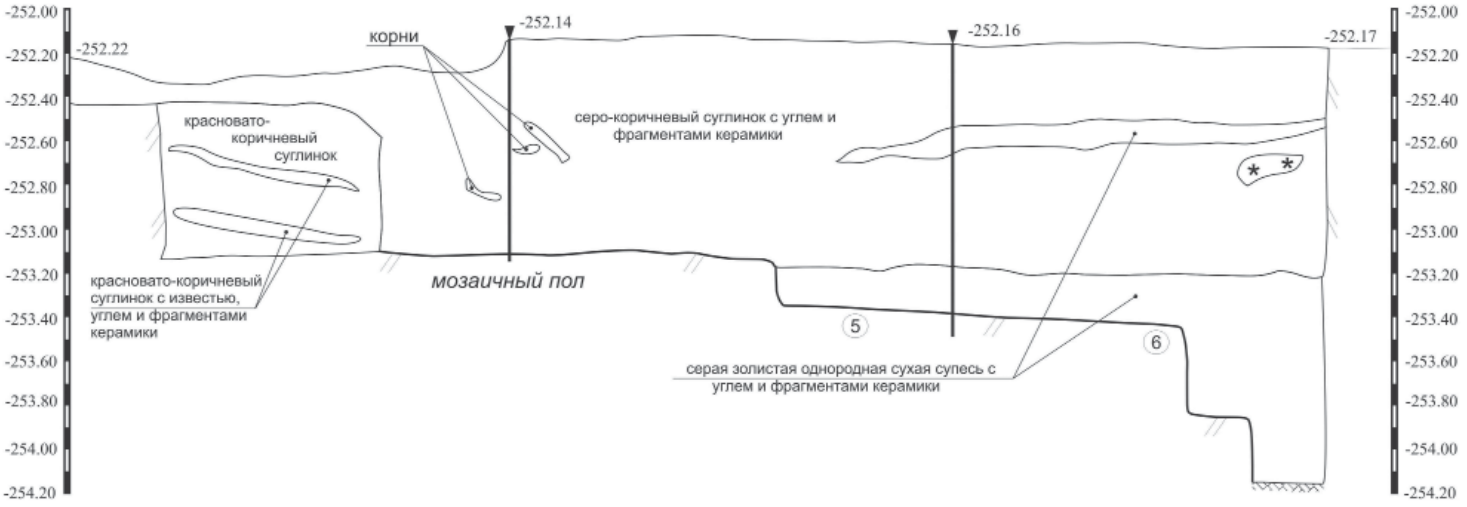
93. Раскоп 1/А. Северный борт. Профиль.

94. Раскоп 1/А. Южный борт. Профиль.

-252.34
-252.34
-252.35
серо-коричневый суглинок с углем и фрагментами керамики
известь с битым камнем и углем
красновато-коричневый суглинок
серая золистая однородная сухая супесь с углем и фрагментами керамики
серая однородная супесь с фрагментами керамики
красновато-коричневый суглинок
-252.00
-252.20
-252.40
-252.60
-252.80
-253.00
-253.20
-253.40
-253.60
-253.80
-254.00
-254.20
-254.40
-254.60
0
1м

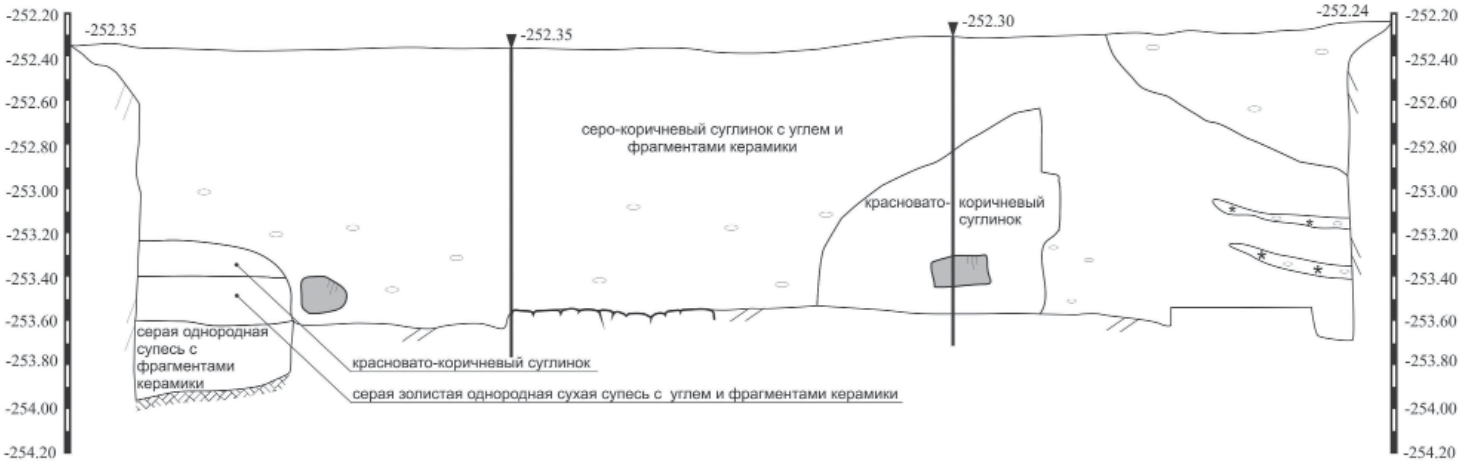

-252.23
-252.27
-252.22
красновато-коричневый суглинок
③
мозаичный пол
корни
сгоревший корень
красновато-коричневый суглинок с известью, углем и фрагментами керамики
-252.00
-252.20
-252.40
-252.60
-252.80
-253.00
-253.20
-253.40
-253.60
-253.80

95. Раскоп 1/А. Западный борт. Профиль.

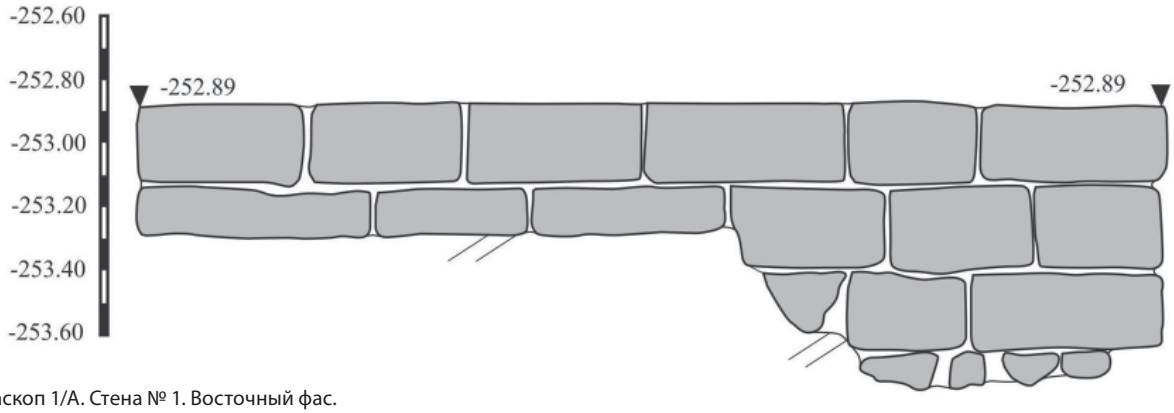

96. Раскоп 1/А. Разрез Б-Б, вид с запада.

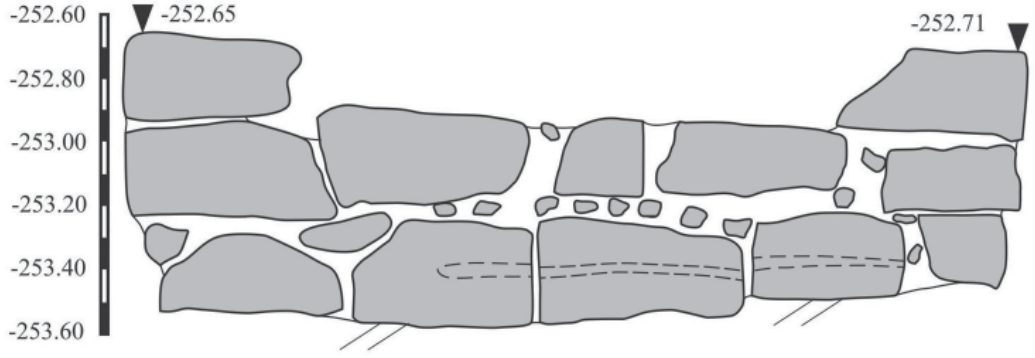

97. Раскоп 1/А. Восточный борт. Профиль.

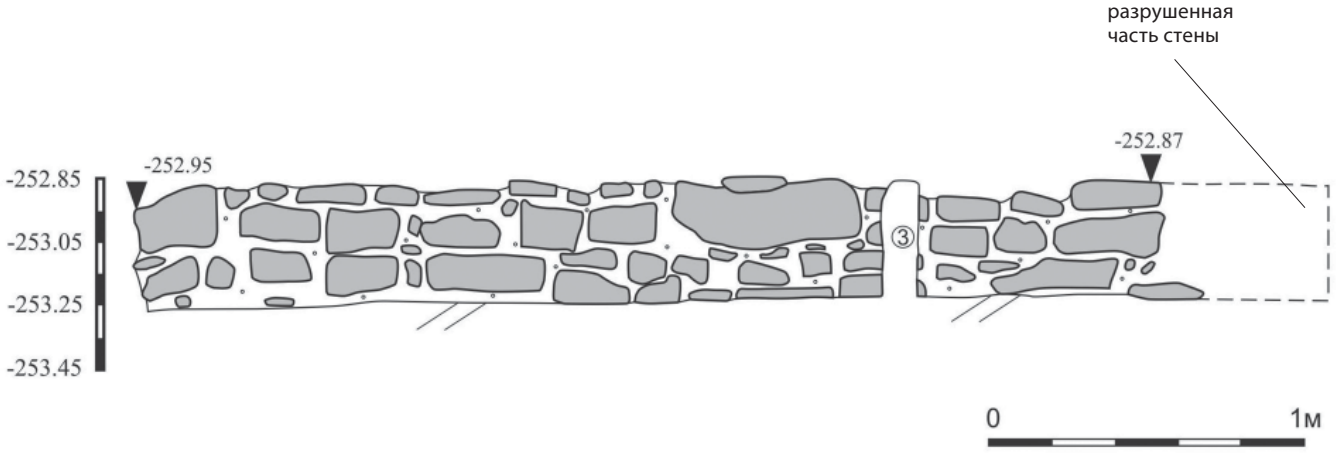

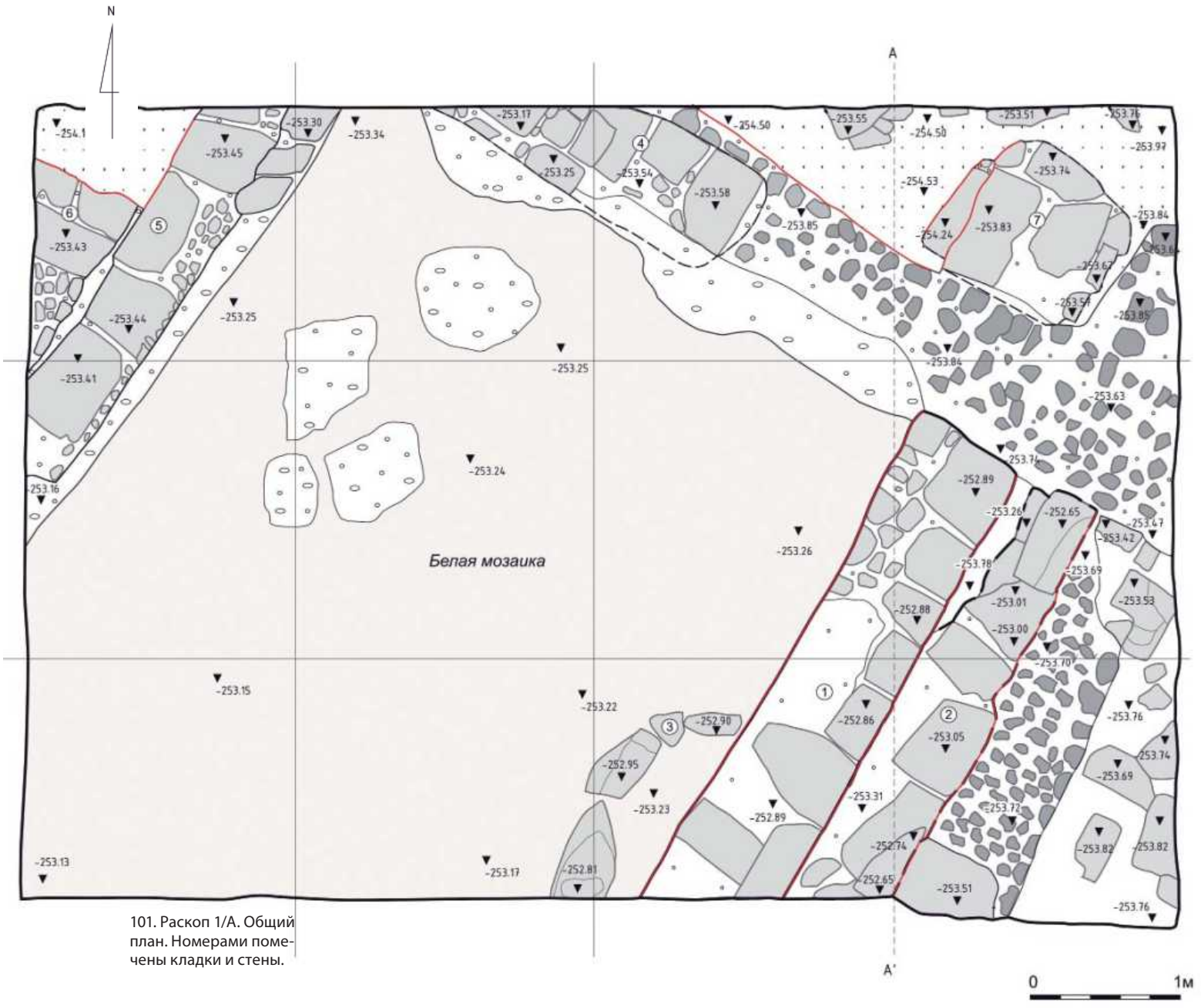
98. Раскоп 1/А. Стена № 1. Восточный фас.

99. Раскоп 1/А.Стена № 2. Восточный фас.

100. Раскоп 1/А. Стена № 2. Западный фас.

101. Раскоп 1/А. Общий план. Номерами помечены кладки и стены.

битый камень
известковый раствор
известь
уголь
кальцинированная глина
мозаика
белый камень
булыжник
① номер объекта

102. Раскоп 1/А. Западная бровка.

103. Раскоп 1/А. Восточная прирезка, вид с северо-востока.

104. Раскоп 1/А. Восточная прирезка после снятия бровки, вид с северо-востока.

105. Раскоп 1/А. Помещение с мозаикой, кладка восточной стены; вид с востока.

106. Раскоп 1/А. Помещение с мозаикой; вид с запада вдоль северной стены.

107. Раскоп 1/А. Кладка № 7; вид с северо-запада.

108. Раскоп 1/А: а - зондаж в северо-западном углу, вид сверху;
б - кладки по линии восточной стены помещения с мозаикой.

109. Раскоп 2/B. Участок работ 1880-1890-х гг. Вид с севера до начала работ (2009 г.).

В состав сопровождения включаем и просмотр грунта из котлована под здание Музея, который был собран на площадке до начала наших работ. Просмотр дал ряд архитектурных фрагментов и довольно много монет, включая римские и византийские (X/1 X/4–X/5, X/10, X/12, X/13–X/22, X/28, X/29, X/31, X/41, X/46), металлические (X/6–X/7, X/11, X/26–X/27, X/30, X/32–X/33, X/40, X/45, X/47–X/48), каменные (X/25, X/36) и керамические предметы (X/2, X/23, X/34–X/35, X/44, X/49–X/56); возможно, и более поздние (X/24, X/37–X/39, X/42, X/43).

Раскопы 2010 года: 1/A, 2/B и 4/D

Как сказано выше, научно-исследовательская работа была сосредоточена на трех основных раскопах: 1/A, 2/B и 4/D[334]. Илл. 86–87.

По результатам сделаны следующие краткие заключения:

Раскоп 1/A (6×8 м = 48 кв.м) — на месте помещения с полом из белой мозаики, обнаруженного Службой охраны памятников ПНА в ходе строительстве здания музея. С началом работ совместной экспедиции раскоп был доведен до уровня пола по всей ширине; в не занятых полом зонах углублен до материка; расчищенные на нем кладки обмерены; произведена фотофиксация; обработан керамический материал; немногочисленные находки объединены в один список.

[334] «Раскоп № 3» был начат согласно плану и пройден до уровня верха сохранных кладок, но из-за переноса очистного сооружения, под которое он планировался, остановлен на этом уровне.

110. Работы по очистке участка и разбивке раскопа 2/В (2010).

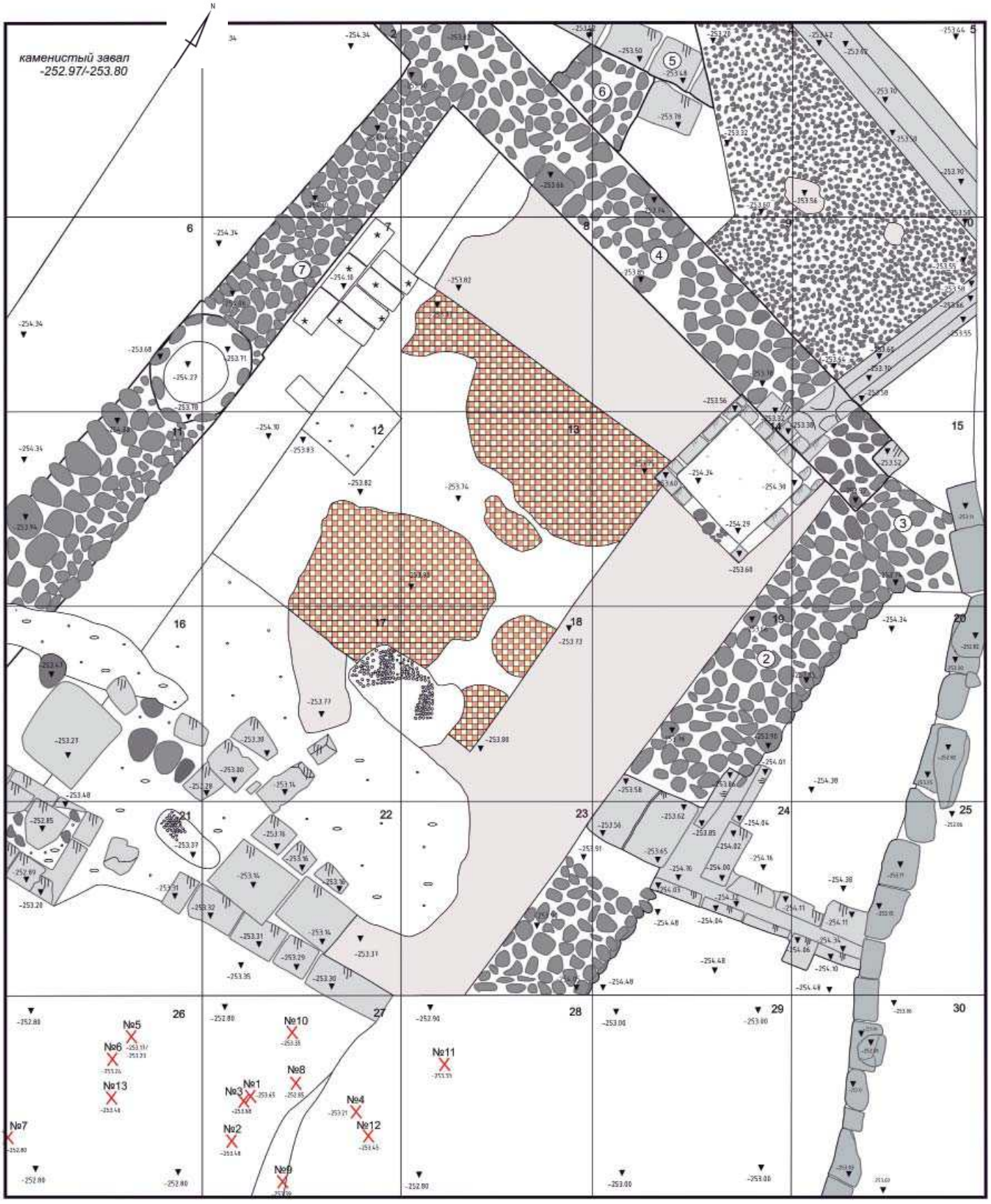
Выявленные кладки принадлежали одному из помещений (площадь не менее 30 кв.м) обширной постройки, техника сооружения которой (мощные стены из хорошо отесанных камней на булыжном двух- и трехрядном фундаменте; мощение пола белой мозаикой) свидетельствует о высоком уровне строительного дела и позволяет характеризовать постройку как помещение в составе усадебного или церковного комплекса. Илл. 93–108.

Эти остатки не удалось включить в состав экспозиции под открытым небом из-за их близости к фундаменту Музея, но они сохранены методом вторичного погружения в слой. При консервации кладки и пол укрыты строительной тканью в два слоя и по ней засыпаны прокаленным песком на 40 см; поверх песка проведена обратная засыпка вынутым грунтом; поверхность рекультивирована при разбивке парковой зоны; сигнация кладок на местности не проводилась.

Раскоп 2/В (10×12 м = 120 кв.м) — на месте выработки XIX века. Участок был очищен от мусора и осыпей, накопившихся более чем за столетие; ему придана форма правильного прямоугольника; с юга осуществлена прирезка ранее не затронутого раскопками слоя. В целом раскоп углублен до уровня, позволявшего выявить и сохранить основные кладки *in situ* (разборка кладок верхних уровней допускалась в тех случаях, когда позднейшие и плохо сохранившиеся кладки «повисали» на засыпках, закрывая более сохранные конструкции). Илл. 109–140.

В раскопе 2/В открыты части помещений, образующих род анфилады из трех комнат, вытянутых в линию с севера на юг, внутренней шириной около 6 м. В них отмечены неоднократно переложенные полы из цветной (в двух случаях) и белой (не менее трех уровней) мозаики. Под полами и стенами комнат, а также снаружи вдоль стен прослежены водоводные каналы («акведуки») разных периодов существования здания, подходящие к небольшим резервуарам внутри помещений[335] или ведущие воду за его пределы (в восточном направлении, где можно ожидать появления резервуара). На север от помещения с большой цветной мозаикой уходит еще одна комната, с белым мозаичным покрытием, под которым ясно читается более ранняя капитальная стена иной ориентировки. На юг также уходит комната, где сохранился цветной бордюр (угловатая плетенка), имеющий

[335] В открытый керамический сосуд для воды, вмонтированный в западную стену на уровне фундамента, сверху в прошлом входили трубы. См.: Смирнов 1904: 139.

111. Раскоп 2/В. 2010 г. (с дополнениями 2011-2013 гг.). План на уровне первой зачистки (до снятия развалов камня); обозначения объектов даны на следующем чертеже.

112. Раскоп 2/B. Бронзовая лампа из слоя разрушения.

бесчисленные аналоги IV–VII столетий. Определены участки подстилающих стен из камня и сырца сохранившиеся от более раннего этапа, когда помещения имели существенно иную планировку. Найдены многочисленные предметы церковного назначения V–VII вв.

В дальнейшем предполагалось раскоп 2/B расширить и углубить, сняв для реставрации полихромную мозаику; определить границы и общую планировку сооружения; найти возможное место церкви. Для этого при благоустройстве участка зарезервировали около 700 кв.м площади к югу и юго-западу от раскопа. Часть этих задач была решена в ходе работ 2011–2013 гг., часть остается на будущее, причем ее исполнение существенно для организации экспозиции под открытым небом.

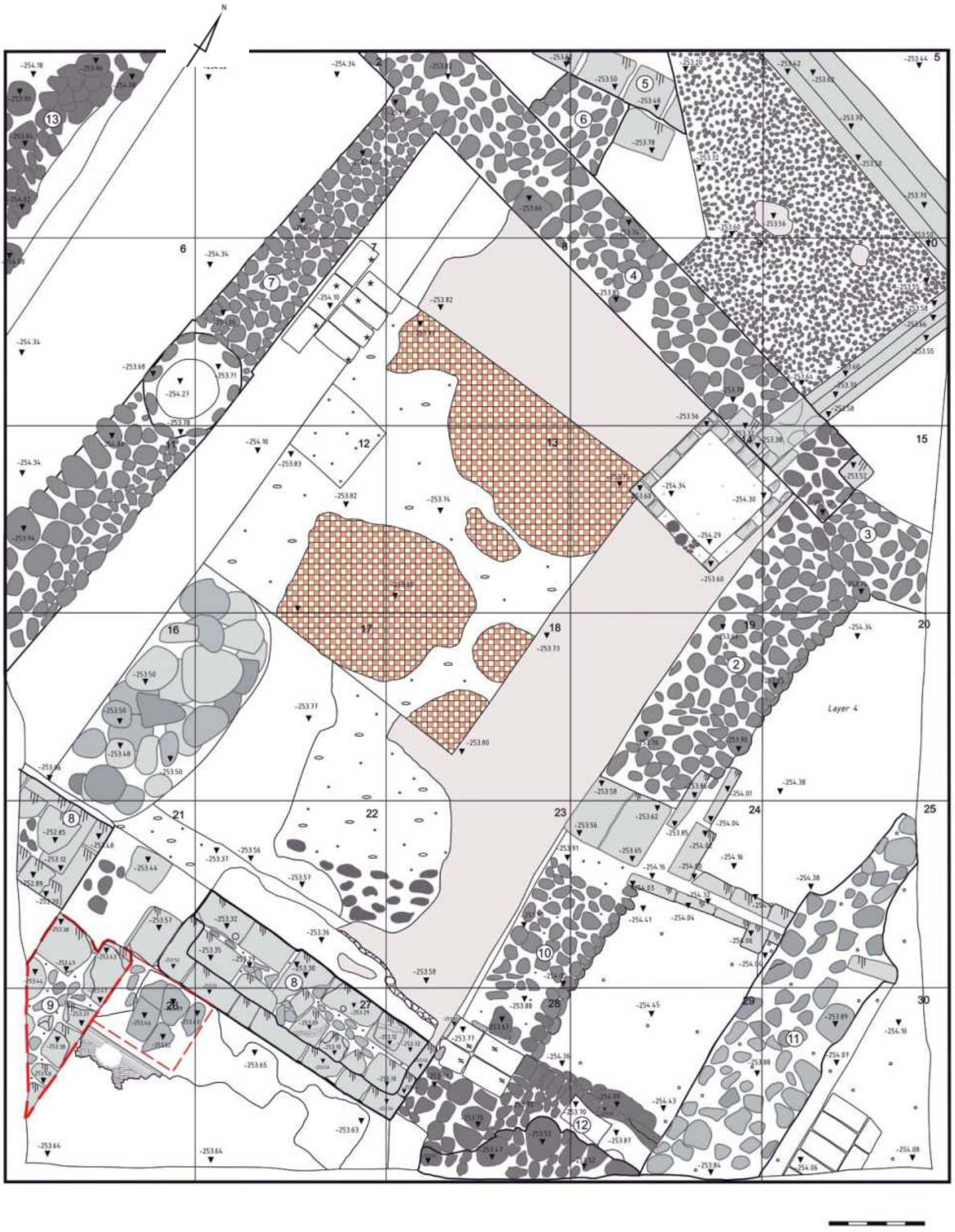
Раскоп 4/D (10×16 м = 160 кв.м) — в северо-западной части участка, ближе к переулку. Раскоп заложили с целью построить в этом месте подземный резервуар для воды. Слой удалось пройти до уровня кладок и мощения, ниже которых опускались только стратиграфические шурфы, — остальная часть нижнего слоя удалена строительной компанией, согласовавшей этот шаг с Департаментом древностей и культурного наследия ПНА. Изученные каменные конструкции были промаркированы и демонтированы, а затем собраны на поверхности паркового газона как инсталляция, включенная в экспозицию под открытым небом. В слоях раскопа было собрано особенно много монет, в том числе более древних, чем основные слои участка. Илл. 141–159.

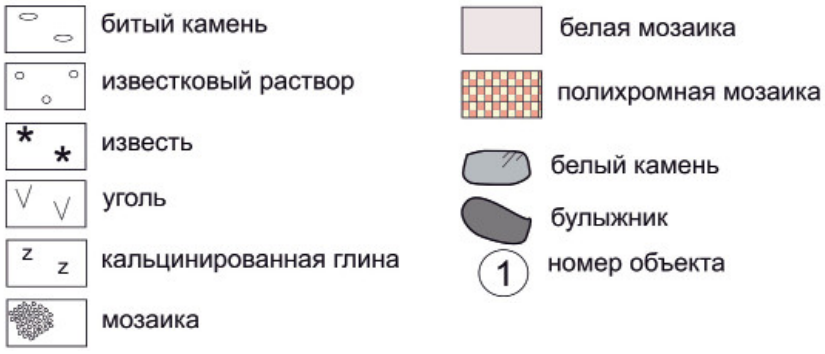
II. 2. Научно-исследовательские раскопы 2011–2013 гг.

Продолжение работ на раскопе 2/B в 2011–2013 гг.

В 2011 г. с центра раскопа 2/B была удалена полихромная мозаика и окаймлявшие ее участки белой мозаики (описание реставрационных работ см. в разделе Экскурсы и каталоги, 4). Затем была зачищена основа снятого мозаичного пола, при помощи которой тессеры скреплялись в узор мозаичного покрытия, — застывшая гипсообразная масса бело-серого цвета, покрывавшая всю площадь помещения. Под ней обнажилась плоская вымостка из мелкого, плотно уложенного и подогнанного булыжника (диаметр камней менее 10 см), основанием которой служила глиняная подушка, в которую утоплен булыжник.

Важными представляются следующие наблюдения над основой мозаики. Вымостка, несмотря на свой кажущийся нерегулярным характер, конструктивно делится на несколько полос, по ширине близких к 1.00 м. Примечательно, что эти полосы ограничивают ровные, выведенные,

N
Layer 4

113. Раскоп 2/В. 2010 г. (с дополнениями 2011–2013 гг.). План на уровне второй зачистки. Объекты: 2 — фундамент восточной стены (северная часть); 3 — фундамент на стыке объектов 3 и 4; 4 — фундамент северной стены; 5 — фундамент из тесаного камня ниже уровня галечной подготовки пола; 6 — часть фундамента между объектами 5 и 4; 7 — фундамент западной стены; 8 — кладка южной стены; 9 — кладка стены эпохи Омейядов; 10 — фундамент восточной стены, южная часть; 11 — фундамент, параллельный восточной стене; 12 — продолжение объекта 8 (?) к востоку; 13 — фундамент к западу от объекта 7.

вероятно, по направляющим, ряды булыжника, проложенные параллельно длинным сторонам помещения. Пространство между рядами заполнено плотно пригнанными камнями, которые сами по себе ничем не отличаются от тех, из которых сделаны направляющие, просто камень, хотя и плотно пригнанный, уложен без системы. Свое предназначение — образовать жесткую, плотную основу для тонкого раствора, на который монтировался мозаичный пол — мощение выполняло безупречно: несмотря на давность, ни на одном из участков пола оно не распалось, сохранив к моменту расчистки первоначальную плотность.

Еще одно обстоятельство заслуживает быть отмеченным. К моменту расчистки мозаики, в центральной ее части, поперек помещения, явственно выделялась более высокая полоса, своего рода ребро, делившая пол на две части; по обе стороны от нее поверхность мозаики заметно просела. Представлялось вероятным, что под полом проходит остаток какой-то стены, разобранной при перепланировке здания перед укладкой мозаичного пола. Это удалось подтвердить. После частичного демонтажа булыжной основы мозаики и зачистки глиняного горизонта открылась поверхность разобранной стены из сырцового кирпича, которую при перепланировке срезали заподлицо с уровнем основания, а по сторонам досыпали чистой глины светло-коричневого цвета. Цокольная часть стены оказалась как бы вмонтированной в основание пола, причем ее плотность намного превышала плотность окружавшей подсыпки, которая постепенно оседала и уплотнялась. Полоса над остатками простенка сохраняла изначальную высоту, а пол с юга и севера от нее, по мере осадки глиняной подушки, существенно опустился, породив сложный деструктирующий рельеф, который перекрыли впоследствии еще одним уровнем мозаичного пола (до нас дошли только его фрагменты).

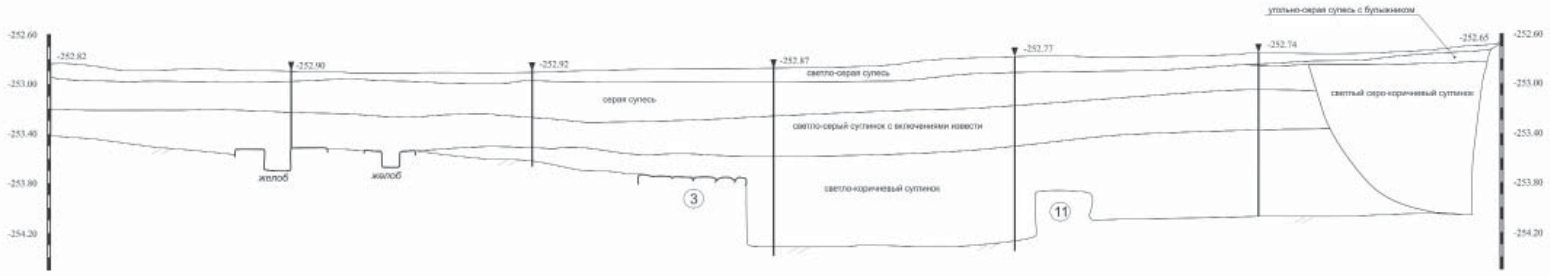
Удалось прояснить еще одну деталь планировки и строительной стратиграфии. После снятия части булыжников основания мозаичного пола и глиняной подушки горизонтальная зачистка отчетливо показала силуэты кирпичей, аналогичных тем, что формировали поперечную стену-перегородку под мозаикой, но проходивших перпендикулярно ей, по линии север–юг. Иными словами, западная стена помещения на этапе, предшествующем укладке полихромной мозаики, также была сырцовой. Ее остатки, видимо, выбрали исследователи XIX в., которые, следуя западной границе мозаичного пола помещения, прокопали вдоль нее траншейку.

Это подтверждает и кладка из разновеликого булыжника, проходящая вдоль западной границы сырцовой стены, в которую вмонтирован вместительный сосуд-резервуар с широким горлом. Это видимо не стенная кладка, а основание водостока, который проходил по ней вдоль стены (его сохранившая часть выходит в квадрат 1 раскопа 5/Е).

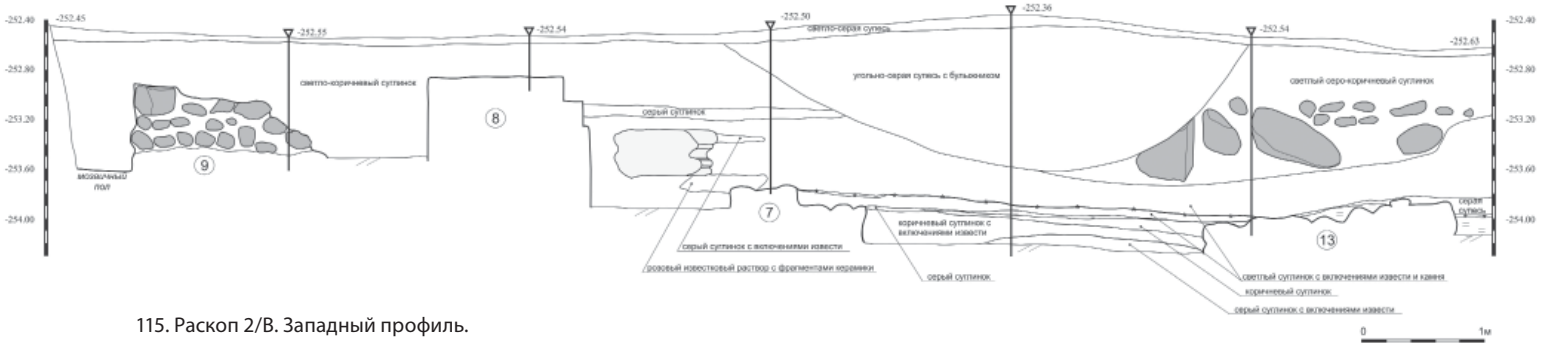
Относительная хронология сооружения сырцовой стены здания и водостока устанавливается по тыльной стороне раствора, закрепляющего резервуар в кладке: на ее вертикальной плоской поверхности сохранились отпечатки очертания сырцовой стены, к которой она была примазана. Следовательно, каменный водосток с резервуаром пристроили к уже стоящей сырцовой стене.

Было важно получить точно датирующий материал из слоев мозаичной подготовки, и такой материал был получен: в глинистых подмазках основания мозаики были найдены две монеты. К сожалению, они обе слишком ранние для того, чтобы датировать комплекс (общие даты см. ниже), но, по крайней мере, не противоречат возможной хронологии мозаик[336].

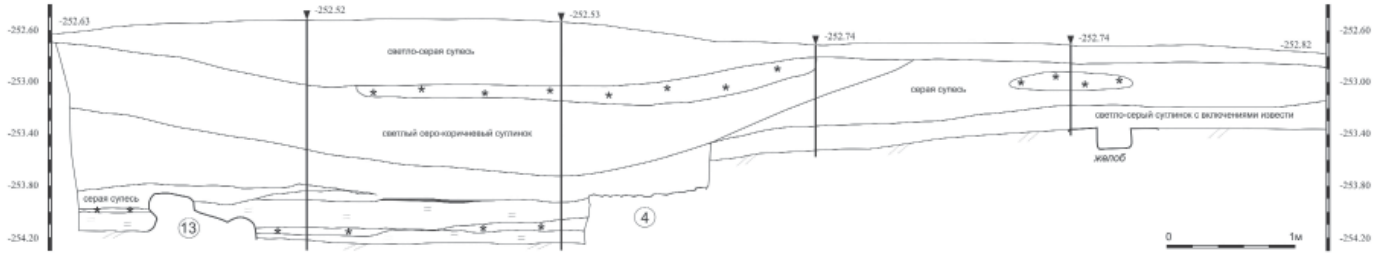
[336] Монета В/34; –254.79: Римская империя, 2-я пол. III — 1-я пол. IV в. н.э.; монета В/33; –254.15: император Констанций II (324–361 гг.), после 340 г.

114. Раскоп 2/B. Восточный профиль.

115. Раскоп 2/B. Западный профиль.

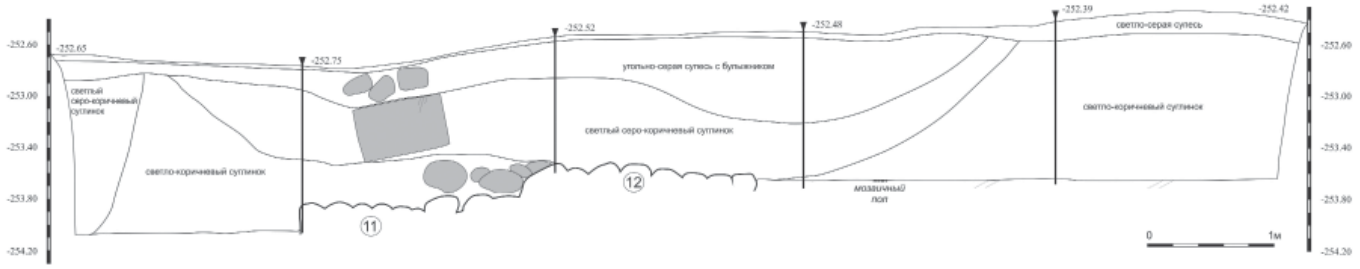
116. Раскоп 2/B. Северный профиль.

Южная галерея и внешняя стена архитектурного комплекса в раскопе 5/E, работы 2011 г.

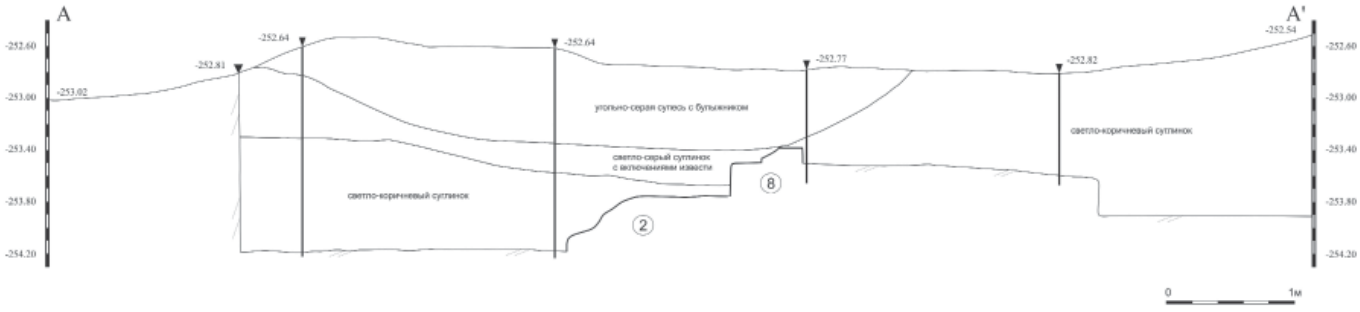
Илл. 160–165, 170–171 и планы приложения

Чрезвычайно существенно дополнили наше понимание общей планировки комплекса находки в квадратах 1, 2 и его прирезке 2а (далее К-1, К-2 и К-2а) нового большого раскопа 5/Area E[337]. Вскоре после снятия балласта (на отметке –253.41) в южной части К-1 проступила стена, довольно строго ориентированная по оси запад-восток. Стена была сложена в основном из необработанных камней и валунов разного размера (иногда встречаются вторично использованные обломки тесаных блоков). В верхней части она имела ширину 0.85 м при максимальной сохранности в высоту около 0.8 м. Фасы стены были выложены более крупным камнем и образовали панцири (по высоте ряды крупных камней чередуются с рядами мелких), заполненные мелким булыжником. Эта стена была определена как внешняя южная по отношению к помещениям комплекса в раскопе 2/B. Параллельно (непосредственно примыкая к ней с юга) проходила еще одна кладка, залегавшая несколько ниже (с отметки –254,21), но почти той же ширины (0.80–0.90 м) и сложенная в близкой технике. Она проходила наискось через К-1, К-2 и К-2а и, несомненно, связана с предыдущей линией как дополнительная подпорная стенка или

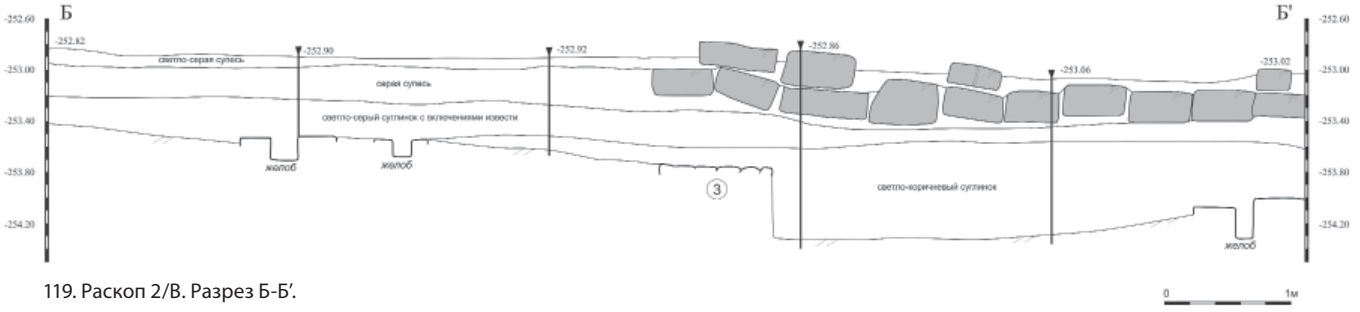
[337] Аналог маркировки в английском варианте — Area E. Этот раскоп был начат в 2011 г. с разбивки четырех пятиметровых квадратов, площадью 25 кв.м. каждый, с небольшой дополнительной площадью восточнее К-2 и севернее К-4. Они располагались Г-образно вокруг юго-западного угла пешеходного обхода, причем К-1 был самым северным, к нему с юга примыкал К-2 и далее по той же оси — К-3, который, как и К-4, лежал уже полностью вне комплекса помещений, открытых на раскопе 4.

117. Раскоп 2/В. Южный профиль.

118. Раскоп 2/В. Разрез А-А'.

119. Раскоп 2/В. Разрез Б-Б'.

как ее предшественница, замененная позже стеной, стоявшей на более высоком уровне. Вместе эти кладки образуют прямую уступчатую ленту шириной до 2.30 м.

Внутри здания, к северу от этой стены, на уровне ее сохранности, был расчищен слой светлой, почти белой глины, на котором лежали, в глинисто-песчаном завале, крупные фрагменты керамики. Этот слой заполняет помещение, вписанное в К-1 и ограниченное внешней южной стеной и перпендикулярными ей узкими стенками-перемычками. В плане пятно слоя имеет форму, близкую к прямоугольнику, размерами 2.0–2.2×3.5 м (небольшая часть помещения уходит под северо-западный борт раскопа), а в толщину местами достигает 10–15 см. Слой лежит горизонтально и, видимо, маркирует определенный уровень поверхности (возможно, светлую глину нужно трактовать как утратившую вымостку подсыпку или подмазку пола)[338]. Наличие в слое развалов сосудов и небольшой размер помещения позволяют интерпретировать его как кладовую, где стояли тарные керамические сосуды, разбитые при оставлении здания. Дата этого момента, судя по керамическому материалу, VII/VIII–IX вв. н.э.

Выявленное в южной части квадрата (отметка –253.70) основание внутренней стены-перемычки «кладовой» имеет довольно значительную ширину (не менее 0.50 м) и сложено в основном из валунов и булыжника разного размера, также в два панциря, с выкладкой внутри мелким булыжником. Отвечающая ей стена-перегородка в восточной части К-1 (отметка –253.85) немного у́же (0,40 м), но ориентирована столь же строго по линии север-юг.

[338] Ниже керамического боя и белой глины начинался слой светло-коричневого суглинка, залегавшего прямоугольником 1.9×3.3 м. Этот слой не разбирался — углубиться ниже конструктивных уровней на небольших участках, ограниченных стенами, можно будет только после окончательной расчистки участка экспозиции под открытым небом и принятия решения по его планировке.

121. Раскоп 2/В. Северо-восточный угол помещения в начале расчистки; вид с юго-запада.

122. Раскоп 2/В. Цистерна и прилегающие сооружения; вид с востока.

120. Раскоп 2/В. Восточная стена помещения и цистерна; вид с юга.

123. Раскоп 2/В. Вид с востока - юго - востока.

124. Раскоп 2/В. Строительная стратиграфия в северо-восточной части; вид с юго-запада.

В северном углу К-1 (отметка –253.58) удалось засечь небольшую (не более 1.00 м) часть фаса параллельной северной стены, выступавшей в квадрат не более чем на 0,30 м. Она ориентирована строго по направлению запад–восток и сложена, видимо, в близкой технике, из необработанных камней и валунов разного размера. Линия этого фаса хорошо согласуется не только с внешней южной стеной, но и со стеной аналогичного направления (запад–восток), проходящей через юго-западный угол раскопа 2/В-2010. Их фасы разделяет неизученная зона, лежащая под пешеходными мостками, но, очевидно, это единая стенная линия, достигающая в ширину 0.85–1.00 м.

Описанные перегородки соединены с южной и северной стенами, а восточнее этого прямоугольника помещается, по крайней мере, еще одна комната, возможно отделенная очень узким коридором (до 0.60 м), после которого следует канал водовода и булыжное основание для укладки мозаики. Поэтому допустимо думать, что все описанные стены и кладки принадлежали внешней южной галерее или неширокой пристройке иного типа, замыкавшей комплекс и разделенной на отдельные маленькие (8–10 кв.м) ячейки. Конечно, тонкие перегородки могут быть просто не одновременными, а сменяющими друг друга при перестройках ячеек (выяснить это без продолжения раскопок и демонтажа конструкций трудно) — но это не противоречит трактовке обозначившихся помещений как галереи.

В галерее (по крайней мере, в одном из помещений) имелся мозаичный полихромный пол, отмеченный в раскопе 2/В-2010. Мы рассчитывали на его продолжение к югу, но в пределах К-1/2011 его поверхность не сохранилась — характерная булыжная подготовка уцелела только на стыке К-1 и К-2, где образует «мощение» угла второй к востоку ячейки (которая, вероятно, является частью помещения с фрагментом цветной мозаики в раскопе 2/В-2010). Можно полагать, что два открытых в К-1 и К-2 помещения — это две ячейки галереи, которая имеет характерную для таких компартиментов ширину, 4.50–5.00 м. Длина галереи — не меньше 10–12 м, но в реальности, вероятно, она была гораздо протяженнее (в К-1, К-2 и К-2а попало около 10 м внешнего фаса южной стены, а с продолжением ее северной стены в раскопе 2/В-2010 получится не менее 12 м; как далеко уходит стена к востоку и западу, неясно[339]).

Следует отметить, что в восточной из двух ячеек (ниже слоя светло-коричневого суглинка над булыжной выкладкой под мозаику) идет закрытый бетонный водосток под вымосткой из разновеликого булыжника (восточная часть К-1, отметка –254.00), следуя границе вымостки. Видимо, это продолжение водостока, пристроенного к сырцовой стене помещения с мозаикой в раскопе 2/В-2010. Водосток уходит под северо-восточный борт раскопа 5/Е и протянут наружу под внешней южной стеной.

[339] Западнее К-1 начинается аппарель Музея и все слои уничтожены. Правда, остается возможность продолжить в будущем раскопы 2 и 5 на восток.

125. Раскоп 2/B. Кувшин со сплошной росписью из верхнего слоя раскопа. XII-XV вв.

126. Раскоп 2/B. Кувшин со сплошной росписью в момент обнаружения.

Научно-исследовательский раскоп 5/E, 2011–2013 гг.[340]

Поставленные перед ИАЭ ИА РАН в 2010 г. задачи были выполнены, невзирая на самые жесткие сроки и крайне неблагоприятные погодные условия лета и начала осени в Иерихоне. Их продолжением стали раскопки 2011–2013 гг., имевшие целью создание экспозиции под открытым небом. После завершения работ 2010 г. и официального открытия экспозиции 19 января 2011 г. работы ИАЭ ИА РАН продолжились на новом, специально зарезервированном при строительстве МПК участке к юго-юго-западу от раскопа 2/B-2010. Однако этот участок оказалось невозможным соединить со старым раскопом 2/B-2010, поскольку последний по всему периметру окружают основательно устроенные пешеходные мостки для экскурсионных обходов.

В силу этого решено было заложить новый раскоп Г-образным в плане. Он охватил юго-западный угол раскопа 2/B, отступив от него на 3 м, образовав перемычку. Новый раскоп получил номер 5/E. Мы развивали его в 2011–2013 гг. как единую зону раскопок далее к югу и к западу (против угла музейного пандуса).

Уже в 2011 г. было установлено, что комплекс, к которому принадлежат помещения с мозаичными полами, ограничен с юга узкой галереей и далее к югу не продолжается, южная стена галереи является одновременно капитальной стеной периметра. Работы в помещениях комплекса (раскоп 5/B, квадраты 1, 2 и 2a) описаны выше, в составе работ 2010 г. Здесь же речь пойдет о типологически новой зоне, которая занимала основную часть раскопа 5/B.

Это лежавшее за пределами архитектурного комплекса новое пространство было совершенно иначе структурировано в технико-строительном, функциональном и даже хронологическом отношении. Здесь располагалась довольно крупная производственная зона, где изготавливали керамику и, вероятно, вели переработку сельскохозяйственной продукции. Все до сих пор раскрытые здесь кладки выполнены почти исключительно из булыжника на глине (гораздо реже — на растворе), тесаного камня или архитектурных сполий, редко — из сырца. В отличие от статусного христианского комплекса, жизнь в этой зоне не угасла с приходом иного в этноконфессиональном отношении населения, но активно развивалась и в исламский период, так что верхние

[340] Раскопки 2011–2013 гг. имели кроме научной практическую цель создания архитектурно-археологической экспозиции под открытым небом.

127. Раскоп 2/B. Вид с северо-запада на стадии завершения работ 2010 года.

128. Раскоп 2/B. Вид с юго-востока на стадии завершения работ 2010 года.

129. Раскоп 2/В. «Клад» бронзовых изделий (лампа и кадило) в верхнем слое разрушения. Фото в момент обнаружения.

130. Раскоп 2/В. Кадило из «клада» бронзовых изделий в верхнем слое разрушения.

131. Раскоп 2/B. Вид с северо-востока на стадии завершения работ 2010 года.

132. Раскоп 2/В. Юго-западный угол со стеной и частью галереи.

133. Раскоп 2/В. Северная часть; вид с запада.

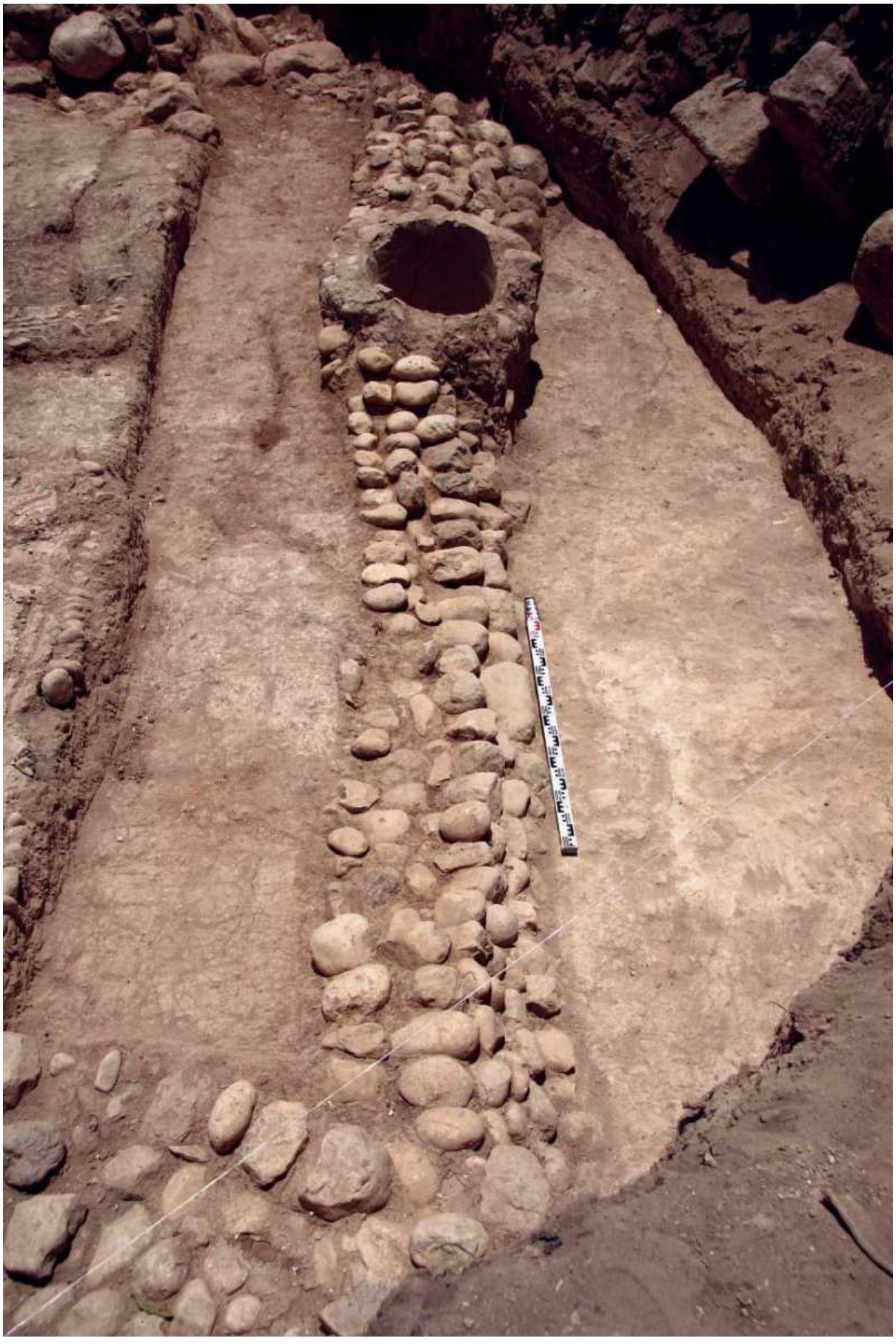

134. Раскоп 2/В. Вид с юга, вдоль восточной стены помещения (на первом плане канал водовода).

135. Раскоп 2/В. Керамический «бассейн» в западной булыжной кладке; вид с запада.

136. Раскоп 2/B. Западная линия булыжной кладки; вид с севера.

137. Раскоп 2/В. Кладка из сырцовых кирпичей ниже мозаичного пола; вид с севера.

138. Раскоп 2/В. Стены из сырца под мозаичными полами; вид с запада.

139. Раскоп 2/B. Сохранная часть кладки южной стены помещения; вид с севера.

140. Раскоп 2/B. Юго-западный угол, вид с северо-востока.

отложения основной части раскопка 5/E сохранили сравнительно много монет от раннеарабского до мамлюкского периодов, а также соответствующую керамику.

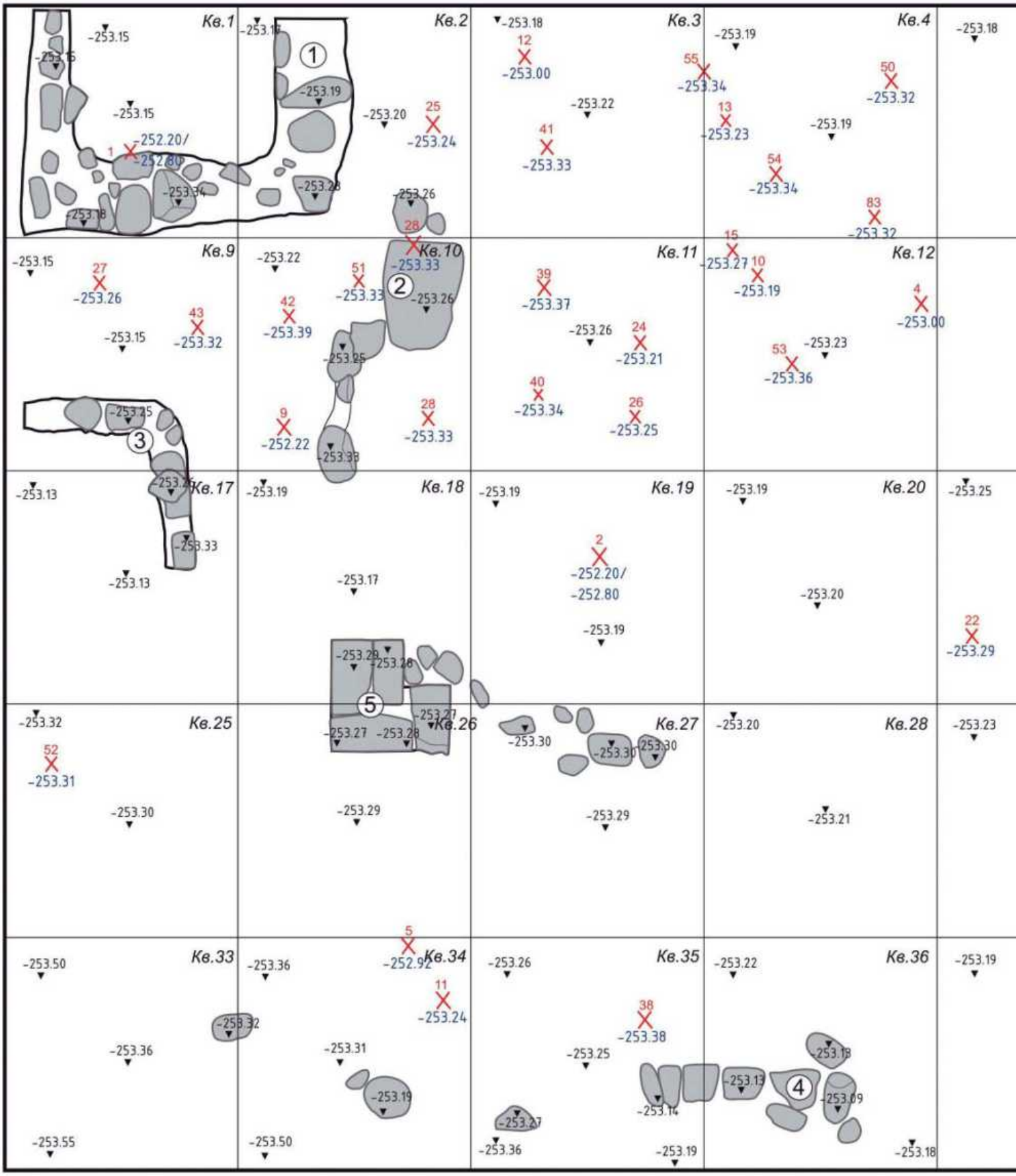
Таким образом, общая археологическая картина явственно разделилась на две зоны. *Первая* — обширная, но замкнутая территория с остатками комфортабельных и статусных (жилых, бытовых и/или служебных) помещений, которая в VII–VIII столетиях в основном завершила развитие. В этой зоне отложились многочисленные свидетельства христианства и, видимо, имелась церковь. *Вторая* начиналась к югу, за ее стеной. Это производственная хозяйственная зона, процветавшая и в византийский, и в исламский период. Она не имеет пока четко выраженной границы, но как будто размывается к югу. Ее слои содержат множество асимметричных и произвольно спланированных технических инсталляций с не всегда ясной функцией. Изучение первой зоны в основном завершилось в 2010 г. и, хотя сезоны 2011–2013 гг. добавили существенную информацию в отношении зала с мозаикой и южного края комплекса, главной задачей следующих трех сезонов стало изучение именно производственно-хозяйственной зоны.

На эту зону в раскопе 5/E пришлось около 400 м^2, причем значительная часть (юго-западные квадраты 9 и 10) была выведена только на уровень начала каменных кладок (1.00 м от современной поверхности) и в интерпретации пока не учитывается. Поскольку пространство производственной зоны слабо структурировано и представляет довольно сложный, даже запутанный конгломерат отдельных объектов, неоднократно перестраивавшихся и ремонтировавшихся, материал излагается не по стадиям изучения раскопа, а суммарно, согласно полученному общему представлению о зоне и ее отдельных элементах (локусах[341]), подробно отраженных фотографиями и чертежами. Илл. 160–211.

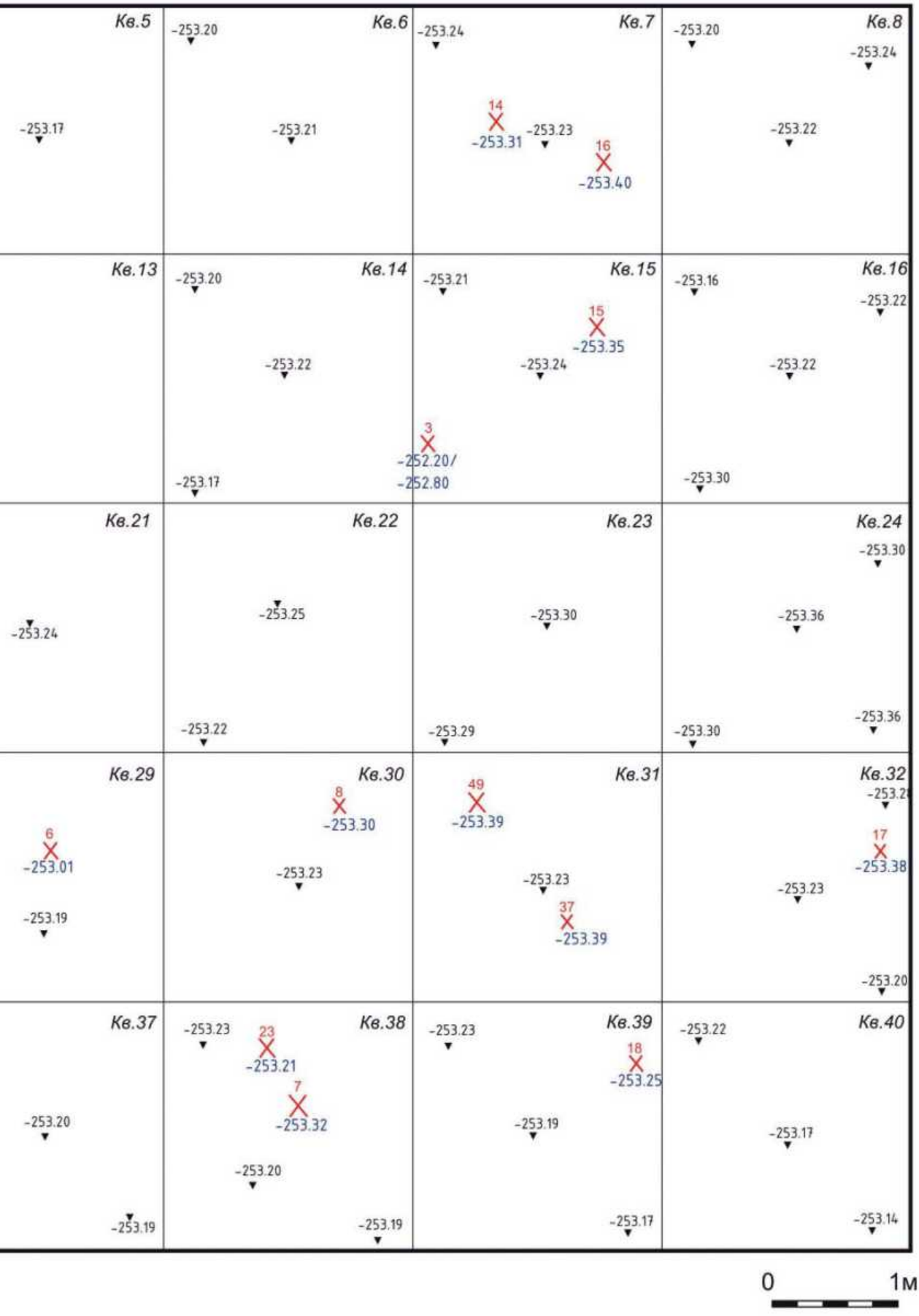
Слои, сооружения, находки: средневековый период, Новое и Новейшее время

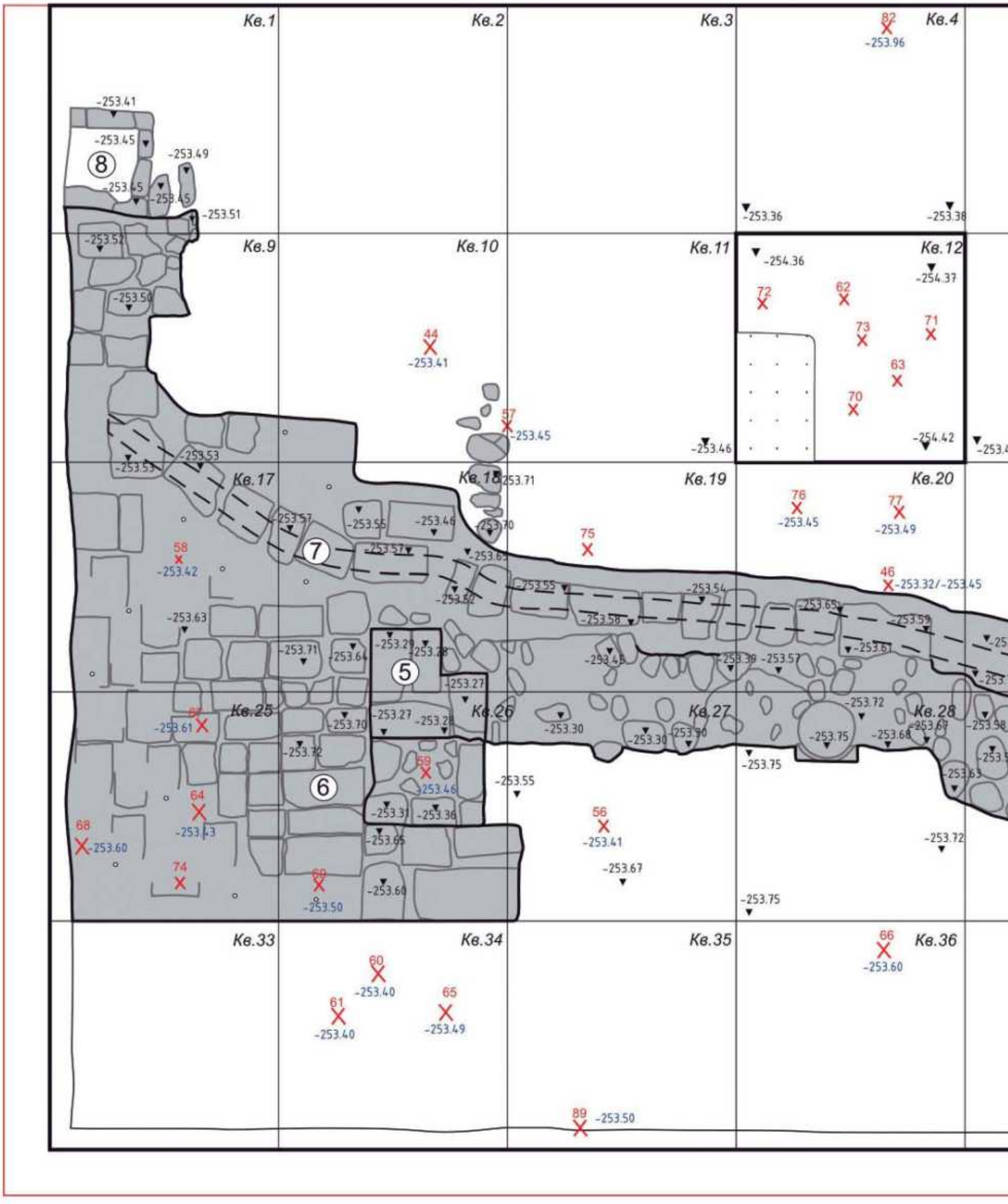
Верхние кладки сооружений, погребенных в культурном слое, начинают проступать из него при углублении примерно на 1.00 м или несколько более. Такая значительная глубина обусловлена тем, что дневная поверхность современного сада приподнята при его разбивке в 2010 г. на 0.50–0.95 м по

[341] В полевой и учетной документации экспедиция адаптировала к традиции российской археологии местную модель описания и учета на раскопе, в свою очередь, заимствованную из практики западных экспедиций. Так, для нумерации раскопов использованы не только привычные нам цифровые обозначения, но и буквенные — по сути дела, их дублирующие. Вместо обычных в России конкретизирующих понятий («сооружение», «яма», «конструкция», «слой» и т.п.) применен единый маскирующий термин «локус» (= «место находки», «комплекс», «объект») с соответствующим порядковым номером, никак не соотнесенный с хронологией или иным порядком взаимосвязи объектов — он присваивается просто по порядку хода работ на конкретном участке.

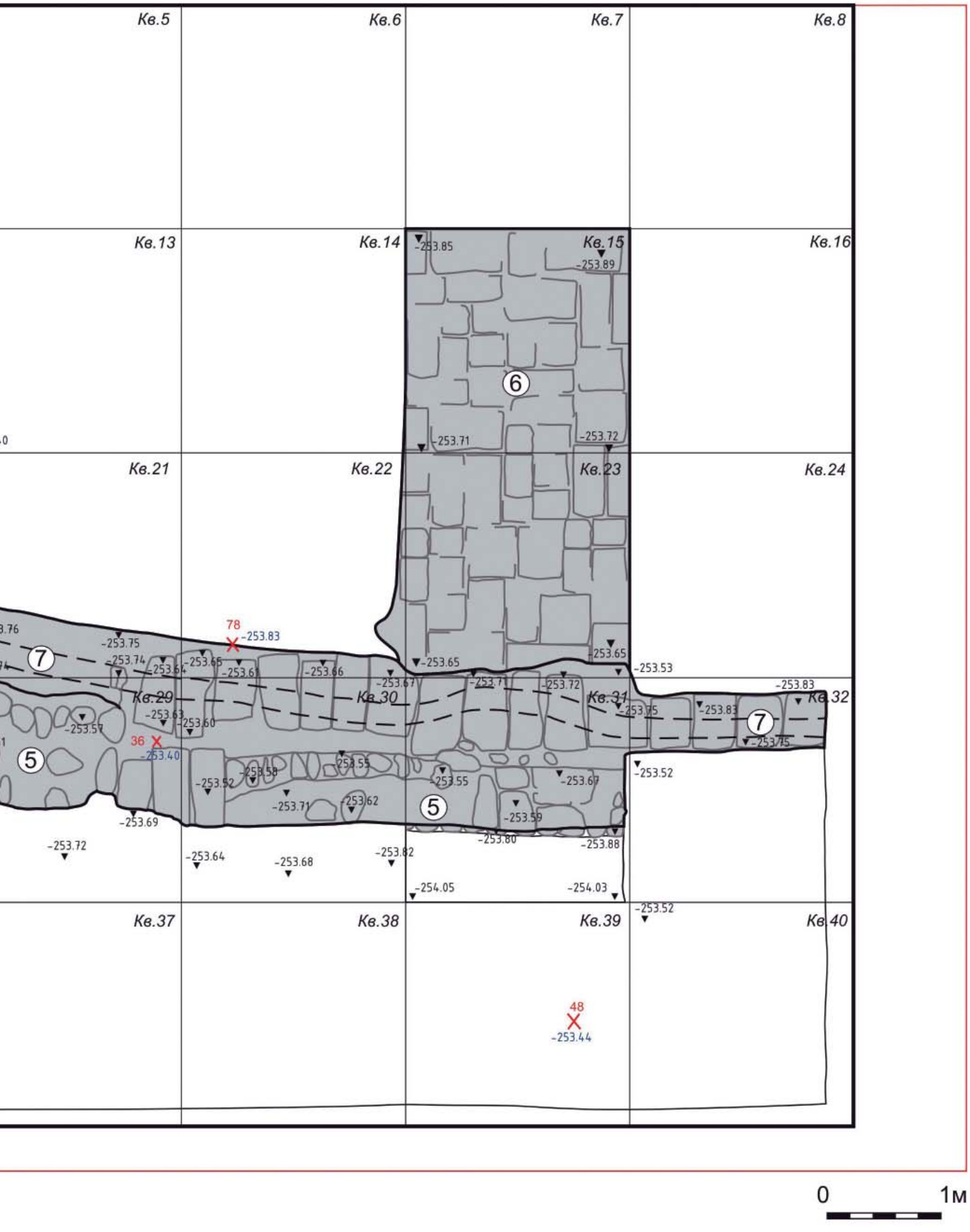

141. Раскоп 4/D. План находок в уровне появления первых кладок.

Кв.5
Кв.6
-253.20
-253.17
-253.21
Кв.7
-253.24
14
-253.31
-253.23
16
-253.40
Кв.8
-253.20
-253.24
-253.22
Кв.13
Кв.14
-253.20
-253.22
-253.17
Кв.15
-253.21
15
-253.35
-253.24
3
-252.20/
-252.80
Кв.16
-253.16
-253.22
-253.22
-253.30
Кв.21
-253.24
Кв.22
-253.25
-253.22
Кв.23
-253.30
-253.29
Кв.24
-253.30
-253.36
-253.30
-253.36
Кв.29
6
-253.01
-253.19
Кв.30
8
-253.30
-253.23
Кв.31
49
-253.39
-253.23
37
-253.39
Кв.32
-253.2
17
-253.38
-253.23
-253.20
Кв.37
-253.20
-253.19
Кв.38
-253.23
23
-253.21
7
-253.32
-253.20
-253.19
Кв.39
-253.23
18
-253.25
-253.19
-253.17
Кв.40
-253.22
-253.17
-253.14
N
0
1м

142. Раскоп 4/D. План в уровне завершения работ. Сооружения из камня и сырца: 5 — кладки из булыжника и тесаного камня; 6 — сырцовые кладки; 7 — скрытый водовод; 8 — цистерна.

Кв.5
Кв.6
Кв.7
Кв.8
Кв.13
Кв.14
Кв.15
Кв.16
Кв.21
Кв.22
Кв.23
Кв.24
Кв.29
Кв.30
Кв.31
Кв.32
Кв.37
Кв.38
Кв.39
Кв.40
N
0
1м
6
7
5
78
36
48
-253.85
-253.89
-253.71
-253.72
-253.65
-253.53
-253.83
-253.75
-253.74
-253.64
-253.65
-253.61
-253.66
-253.67
-253.57
-253.63
-253.60
-253.40
-253.55
-253.52
-253.58
-253.62
-253.69
-253.72
-253.64
-253.68
-253.82
-254.05
-254.03
-253.67
-253.59
-253.80
-253.88
-253.44

143. Раскоп 4/D. Чистка канала водовода, вид с запада.

144. Раскоп 4/D. Канал водовода (сооружение 7): центральная часть в ходе маркировки и снятия плит.

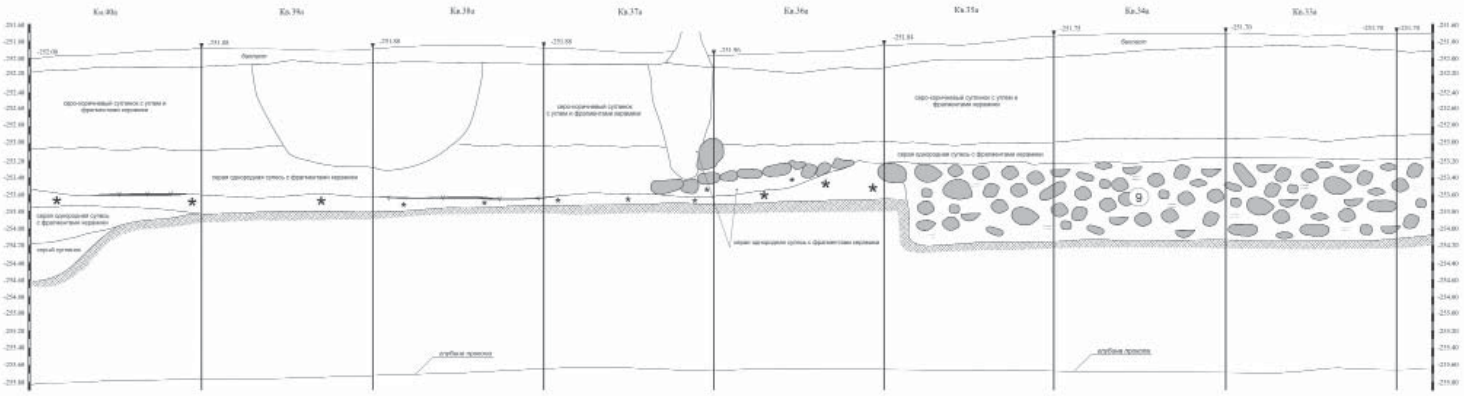
146. Раскоп 4/D. Внутренний фильтр в канале водовода; вид с запада.

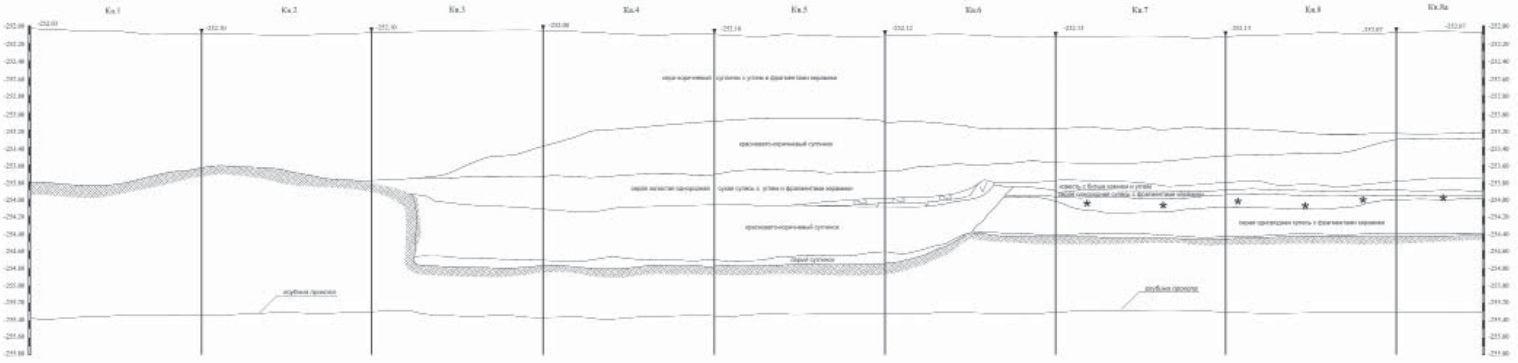
145. Раскоп 4/D. Русло канала водовода, вид с запада.

147. Раскоп 4/D. Базальтовый фильтр из канала водовода

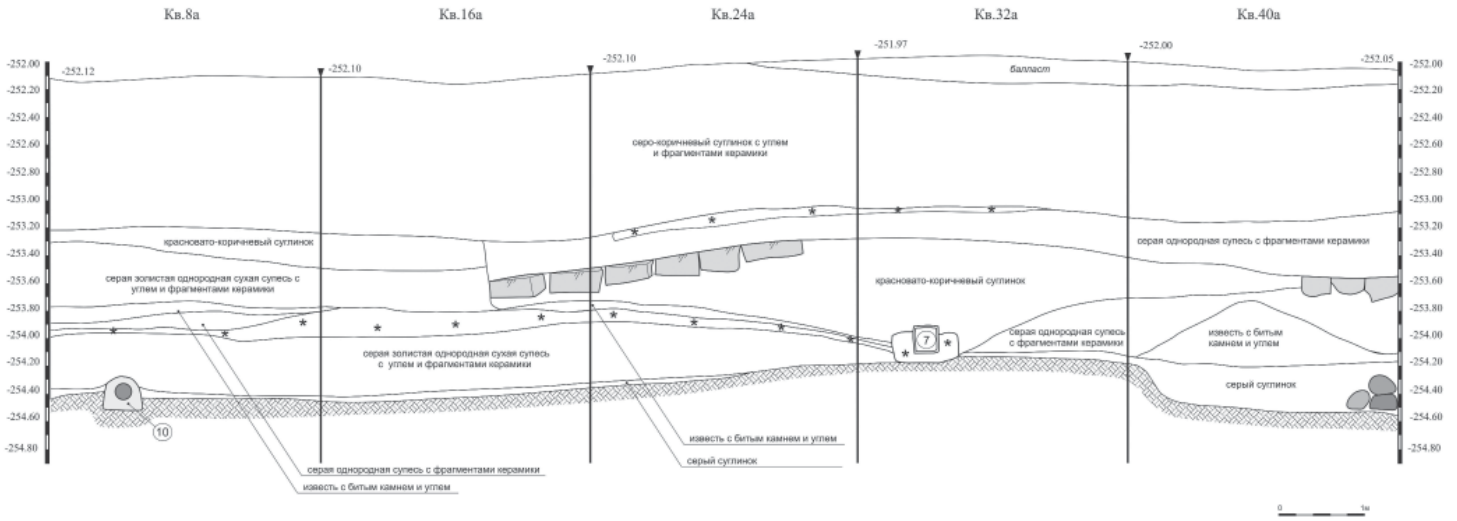
148. Раскоп 4/D. Южный профиль (сооружение 9 — фундамент из булыжника).

149. Раскоп 4/D. Северный профиль

151. Раскоп 4/D. Шурф в квадрате 12; вид сверху, с востока.

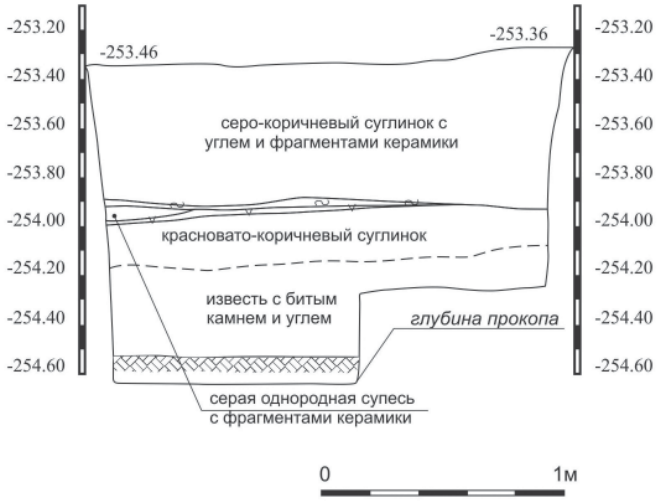

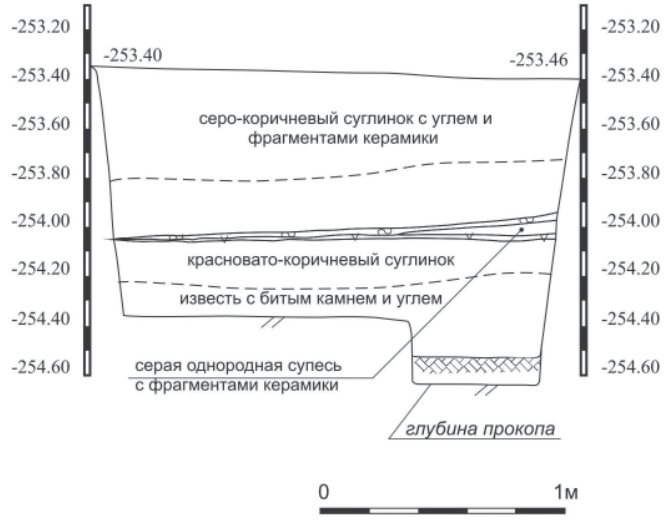
150. Раскоп 4/D. Восточный профиль (сооружения: 7 — водовод; 10 — керамическая труба)

152. Раскоп 4/D. Шурф К-12. Восточный профиль.

154. Раскоп 4/D. Шурф К-12. Западный профиль.

153. Раскоп 4/D. Шурф К-12. Южный профиль.

155. Раскоп 4/D. Шурф К-12. Северный профиль.

156. Раскоп 4/D. Часть каменной вымостки и маленькая цистерна (сооружение 8); вид с юга.

157. Раскоп 4/D. Маркировка камней пилона (часть сооружения 5) перед разборкой.

158. Раскоп 4/D. База колонны, заложенная в кладку фундамента стены (часть сооружения 5).

отношению к историческому уровню XIX–XX вв. (участок присыпан привозным плодородным глинистым слоем коричневато-красного оттенка, который нарастает к югу и к западу, поскольку в этих направлениях ранее существовал значительный уклон местности).

Ниже начинается плотный сухой суглинистый и глинистый слой светлых оттенков, пылеватый (мелкодисперсный), содержащий линзы и ленты погребенного гумуса, золистые и углистые прослойки, включения мелких камней и строительного мусора (иногда довольно плотные, типа мощений) в смеси с более ранними находками; ниже слой темнеет и трансформируется в плотный коричневый суглинок. Это культурный слой, отложившийся в XIX–XX вв. и ранее, в Турецкий период и Средневековье. Оба верхних слоя не включают древних сооружений и довольно аморфны по структуре.

Последние, верхние сооружения зоны, вероятно, возникли в позднем Средневековье. Они поставлены по уже не существовавшим сооружениям и отчасти отражают особенности нижележащих кладок, поскольку стремятся опираться на них.

К таким кладкам относится в первую очередь фундамент мощной длинной стены, верх которой выявлен (понижение на юг вдоль кладки) на отметках –253.65/–254.31 (максимальная сохранность в высоту составляет 0.80–0.90 м). Фундамент пересекает ряд ям и кладок ранее существовавших сооружений, затем «перепрыгивает» внешнюю стену архитектурного комплекса и его южную галерею под углом, близким к прямому (соответственно, он ориентирован примерно по линии север — юг). Ширина кладки составляет 0.90 м (с учетом выступающего пристенка — 1.40/1.45 м), в ней использованы в основном валуны среднего размера, причем фасы из довольно крупных камней, а пространство между ними — из более мелких (булыжник). Приложенный с западной стороны пристенок (его основание заложено ниже фундамента стены) — несколько иной конструкции: кроме булыжника и валунов здесь использован необработанный, менее плотный камень и, редко, обломки архитектурных деталей; ряды крупных камней чередуются с рядами мелких без видимого порядка.

Полная длина кладки неизвестна, но наблюдаемая, даже вне пределов южной галереи, более 9.00 м, что для одного помещения

159. Раскоп 4/D. Белоглиняный кувшин (ойнохойя) в верхней части слоя.

явно многовато. Никаких поперечных стен от кладки не отходит. Маловероятно, что это внешняя западная стена большого здания, восточная и южная стены которого в раскоп не попали — скорее всего, фундамент принадлежал длинной ограде, примкнувшей к остаткам архитектурного комплекса и отчасти вторгшейся в него. Другой вариант объяснения - основание позднего акведука, канал которого лежал выше и не сохранился - менее вероятен.

В том же уровне, что и фундамент, наблюдался ряд небольших ям, в которых отложились скопления мелких камней и щебня. В одной из них обнаружена монета — билонный обол Иерусалимского королевства (1143–1162 гг.), единственная находка Латинского периода на участке (E/51). Монета не может датировать ни слой, ни фундамент, но ее появление дает надежный *terminus post quem* — стена возникла позже середины XII в., и даже, учитывая изношенность монеты, гораздо позже. От этого уровня и несколько ниже, до отметок –254.80/–255.00, отмечаются скопления булыжника от мелко заложенных пригородок к стене архитектурного комплекса, ориентированных с севера на юг, незначительной ширины (0.65–0.80 м), из некрупных валунов, которые удавалось проследить на 1.20–1.70 м.

Интересно, что и в более отдаленных от архитектурного комплекса квадратах (с 5-го по 8-й) поздние кладки фундаментов, уже не связанные функционально с конструкциями основных уровней строительства, сохраняют ориентировку по сторонам света, хотя и все более приблизительную.

К серии средневековых сооружений относится также пучок бетонированных водостоков. Они существовали ранее появления «длинной стены» и по отметкам примерно отвечают ее низу (в центра K-2: –254.67[342]; в северной половине K-4: –254.61). Желоба великолепно сохранились, их ширина в верхней части — 0.15 м (у дна 0.12–0.13 м), глубина — 0.10–0,12 м. Один идет чуть извилисто с востока на запад через K-2 и K-4, его прослеженная длина — около 6.50 м (ширина основания 0.50–0.65 м); в западной части, у края «длинной стены», сохранился участок каменного перекрытия водостока. Желоба сделаны из мелкого булыжника на растворе, их поверхности тщательно заглажены.

Возможно, после появления «длинной стены» и отсечения западной части канала водосток изменили, искривив к югу и проложив поверх бетона керамическую трубу диаметром около 0.1 м, выведенную в квадратную цистерну, край которой пришлось прорубить. Тогда же или позже в эту цистерну отвели еще один водосток с трубой, причем при прокладке водосток опять искривили, чтобы обойти сохранявшийся монолитный бортовой камень цистерны № 2. Расстояние между трубами не превышает 1.00 м, причем они не параллельны, а слегка сближаются в восточном направлении — возможно, там они соединяются в единый канал или сменяют одна другую. Следует отметить, что и в самом резервуаре два ввода труб отвечают двум отсекам, причем эти отсеки появились не сразу.

[342] Длина сохранившейся части бетонного основания в K-2 равна 1.5 м (от фаса стены), ширина — 0.55 м. Сам желоб сохранился плохо, его ширина — 0.15 м. Судя по тому, что желоб перекрыт длинной стеной, это элемент более ранней планировки участка.

160. Общий вид раскопов 2/B и 5/E сверху с юга (2011).

161. Раскоп 5/E. Общий вид с юга. Начало работ (2011).

162. Раскоп 5/E. К-1. Вид с юго-востока.

По-видимому, к средневековому периоду относятся печные сооружения. Часть их использовали для обжига керамики, другие — как очаги и тандыры. Такова, например, почти идеально округлая в плане печь с внутренним диаметром 19.50 м (К-6, Л14), заполненная легким золистым грунтом и обложенная по стенкам колотыми фрагментами плинфы (сохранилось до четырех уровней обкладки).

Уверенно говорить о том, что верхние, до слоя 8, слои производственного комплекса отложились именно в период Средневековья[343], и даже точнее — в эпоху Мамлюкского султаната (XIV в.), позволяет нумизматический материал. В нем исламские монеты явно доминируют (66 экз., включая 21 нечитаемую), причем монеты мамлюкского периода многочисленнее других (34 экз., в том числе одна серебряная, Е/180). Византийских, которых особенно много в архитектурном комплексе, меньше: 29 экз., причем бóльшая часть поступила из слоя, находящегося уже в пределах следующего яруса сооружений[344]. Более ранние монеты (2 эллинистические II в. до н.э.; 6 хасмонейских; 4 — Иудейского царства) могли попасть только из перекопов, в связи с чем следует обратить внимание на большое количество монет Римской империи (21 экз.), которые также должны относиться к нижележащим слоям. Даже при значительном числе стертых, неопределимых монет (около четверти, 58 экз.) датировка слоя как отложившегося в исламский период вполне убедительна. В то же время совершенно очевидно, что объем византийского чекана увеличивается по мере углубления в слои, и с достижением уровня каменных производственных инсталляций пропорция резко меняется: несмотря на то, что значительная часть их еще не раскопана, византийских монет уже не менее 60 экземпляров.

[343] В 2011 г., когда раскоп оставался в пределах верхнего метра, в производственной зоне было собрано 105 монет из общего числа 113 (8 монет были собраны в отвале бурильной установки в северо-восточном углу участка МПК). В 2012 г. — 35 монет, в 2013 г. — 112 монет.

[344] Заслуживает внимания большое разнообразие номиналов византийских монет (фоллисы в 40 нуммий; полуфоллисы; 12 нуммий; деканummии; пентанummии; монеты в 2 и 1 нуммию) и разброс монетных дворов (Антиохия, Александрия, Константинополь, Никомедия). Подробнее см. ниже, в разделе Экскурсы и каталоги, 1.

163. Раскоп 5/E. K-1. Скопление фрагментов широкогорлых амфор.

164. Раскоп 5/E. K-1. Фрагменты широкогорлых амфор в галерее.

165. Раскоп 5/E. Кладки стен южной галереи; вид с юго-юго-запада.

166. Раскоп 5/E. Кладки в юго-западном углу, стоящие на слоях отходов производства с керамикой VI–VII вв.; вид с северо-востока.

167. Раскоп 5/E. K-36 2011 г.. Стена ограды(?) и кладки ниже ее основания.

168. Раскоп 5/E. К-3, 2011 г. Кладки в юго-западном углу; вид сверху с запада.

169. Раскоп 5/E. К-3, 2011 г. Стена ограды(?) над слоем отходов производства с керамикой VI-VII вв.; вид с юго-востока.

170. Раскопы 2/B и 5/E (K-1 — K-4, 2011 г.); вид сверху с северо-запада.

172. Раскоп 5/E. K-4 — K-6,2013 г. Вид с северо-востока.

171. Раскоп 5/E. К-1 — К-4 и начало работ на К-7 и К-8 (2012 г.); вид с северо-запада.

173. Раскоп 5/E. К-4 — К-6,2013 г. Производственное сооружение (отстойник?); вид сверху с востока.

174. Раскоп 5/E. К-2 — К-6, 2013 г. Производственные сооружения; общий вид с юга.

176. Раскоп 5/E. К-2 — К-6, 2013 г. Производственное сооружение; вид с юго-востока на уровне каменнного завала в заполнении отстойника (?).

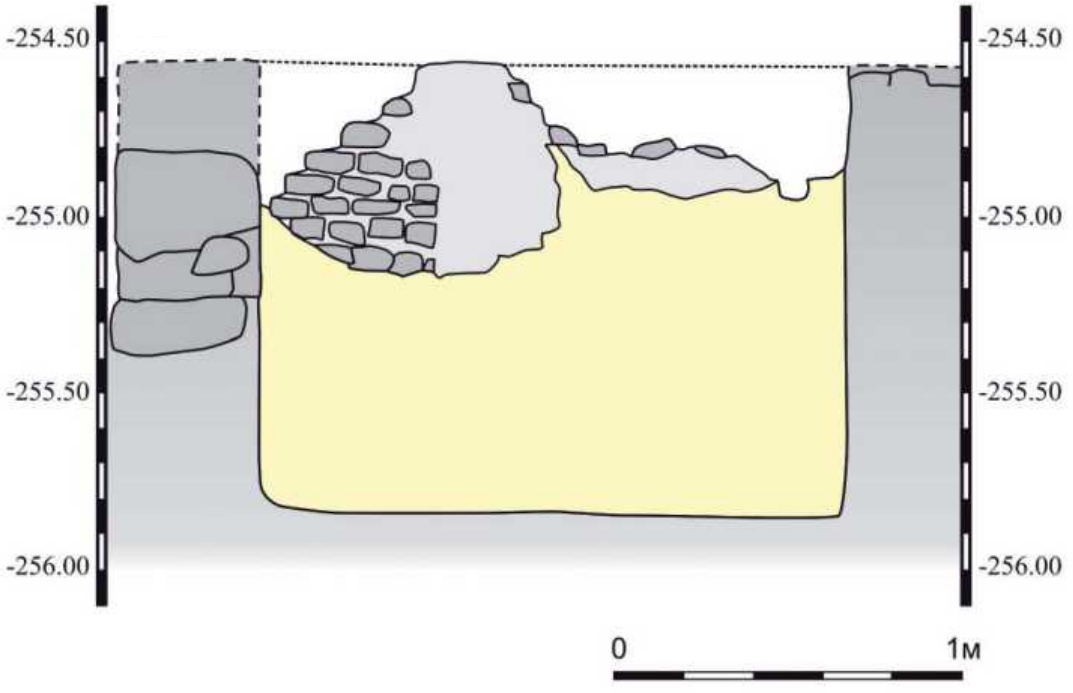

175. Раскоп 5/E. К-2 — К-6, 2013 г. Производственное сооружение; вид с юга на выкладку из камня в заполнении отстойника (?).

177. Раскоп 5/E. К-2 — К-6,2013 г. Производственное сооружение; вид с северо-запада (завершене расчистки).

178. Раскоп 5/E.
K-2 — K-4, 2012 г.
Цистерны A и B;
вид с северо-востока
(на первом плане —
пучок водоводов).

179. Раскоп 5/E.
Цистерна B, разрез
(вид с северо-востока).

Похожим образом распределяется по локусам керамика. Все локусы по составу фрагментов можно подразделить на две хронологические группы: византийского времени, включая переходное и раннеисламское (VI — 1-я пол. VIII в.) и мамлюкского периода (XIII–XIV вв.). Керамика второй половины VIII — XI вв. полностью отсутствует, а это свидетельствует о том, что участок был заброшен в связи с сокращением территории города (возможно, после землетрясения 1-й пол. VIII в.).

Локусы первой хронологической группы содержат стандартный набор керамики, включающий тарные сосуды с арочным бортиком формы 3 по Магнесс, так называемые черные (black) амфоры, донья типа *omphalos*, амфориски, горшки и кувшинчики разных типов, крышки двух типов, RSW-имитации; в большинстве из этих локусов найдены тарные сосуды с треугольным или Т-образным в сечении венчиком с двумя желобками на внешней поверхности, многие содержали бежевоглиняные тарные сосуды с арочным бортиком формы 1/2 по Магнесс. За исключением *black* амфор, бóльшую часть перечисленных сосудов можно предположительно отнести к продукции открытой на участке гончарной мастерской. Другие группы керамики, распространенные в это время в регионе (FBW, *rouletted bowls*, RSW, амфоры типа Газа и красноглиняные амфоры сиро-палестинского типа и др.), представлены редкими экземплярами. Немногочисленна и кухонная керамика, что можно объяснить производственным характером открытого участка.

180. Раскоп 5/E. Цистерна A и стена, проходящая ниже ее дна. Вид сверху с севера.

Бóльшая часть форм, выявленных в рассматриваемых локусах, появляется в поздневизантийский период, но они продолжают бытовать, практически без изменений, и в умайадское время. Это объясняет довольно широкую дату большинства локусов. Однако значительная часть локусов включает тарные сосуды, главным образом с арочным бортиком формы 3, которые появляются в VI в., но наибольшее распространение получают в умайадский период. Это свидетельствует скорее о формировании локусов в эпоху Умайадов, что подкрепляют и найденные в ряде локусов сосуды, бытующие исключительно умайадский период, например, расписанные красным ангобом *(vessels with red painting)* и тарные сосуды с плоско срезанным краем *(flat-rim basins)*, появившиеся в VIII столетии. Кроме того, керамика, составляющая очень большую долю находок в поздневизантийских слоях территориально близких к Иерихону памятников[345] (керамика группы FBW, краснолаковая керамика североафриканского, фокейского и кипрского производства, а также амфоры типа LRA1 и пр.), представлена на участке лишь редкими экземплярами, причем значительная ее часть выявлена переотложенной, в верхних (мамлюкских) слоях. Все же уверенно отнести большинство локусов к умайадскому времени нельзя хотя бы потому, что незначительное количество привозной керамики, возможно, объясняется производственным характером формирования локусов, содержащих главным образом отходы гончарного производства.

Локусы второй группы включают керамику мамлюкского времени: поливную, в том числе и немногочисленную кашинную посуду; лепную расписную; лепную недекорированную; простую гончарную; тарные сосуды; сосуды, связанные с производством сахара, и др.

[345] Vincenz 2007: 240.

181. Раскоп 5/E. K-2 - K-3. Горн №1 для обжига керамики (разрез); вид сверху с востока.

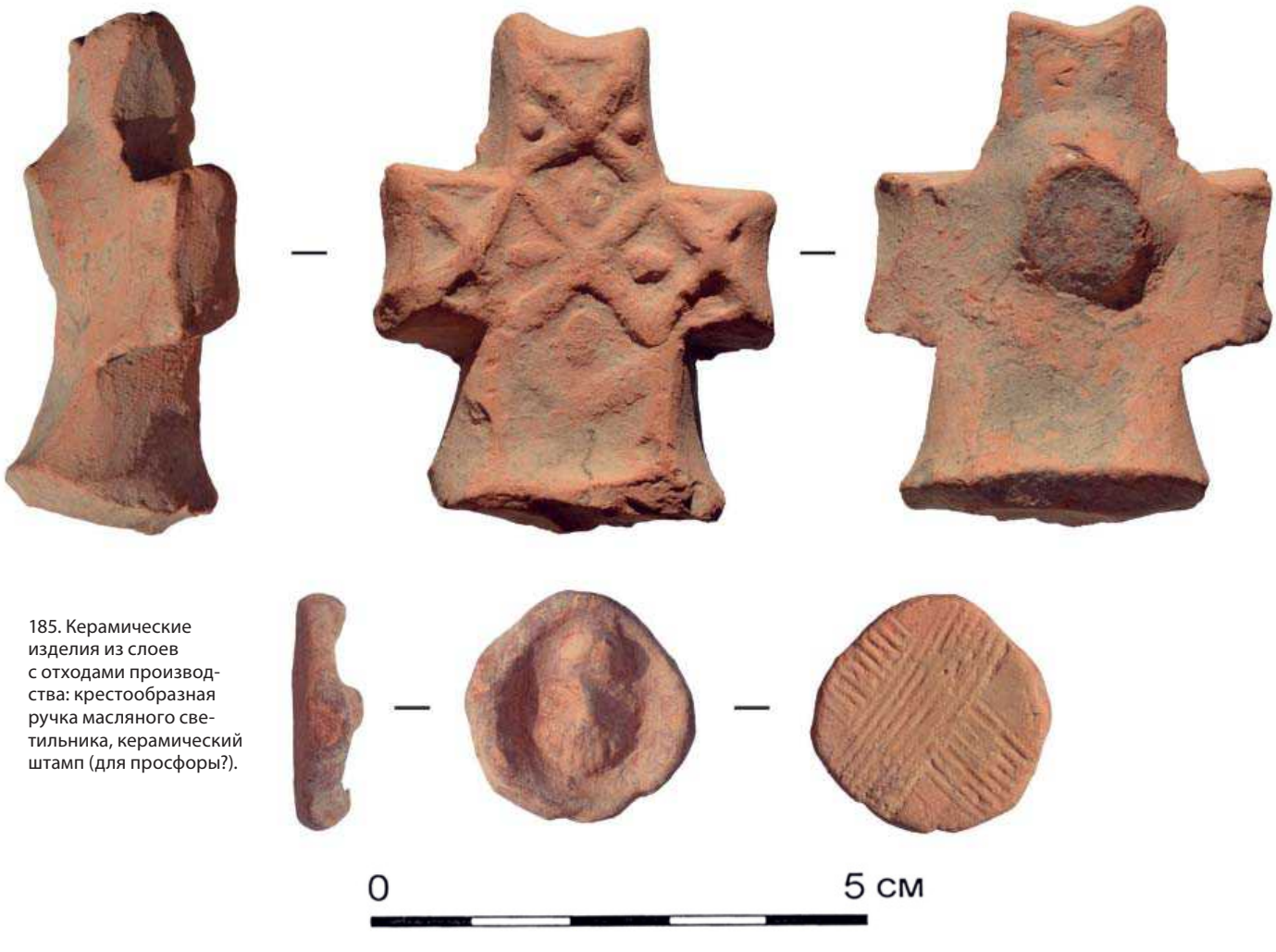
183. Раскоп 5/E. K-2 — K-3. Горн №1 для обжига керамики (сырцовая поверхность до разреза); вид сверху с востока.

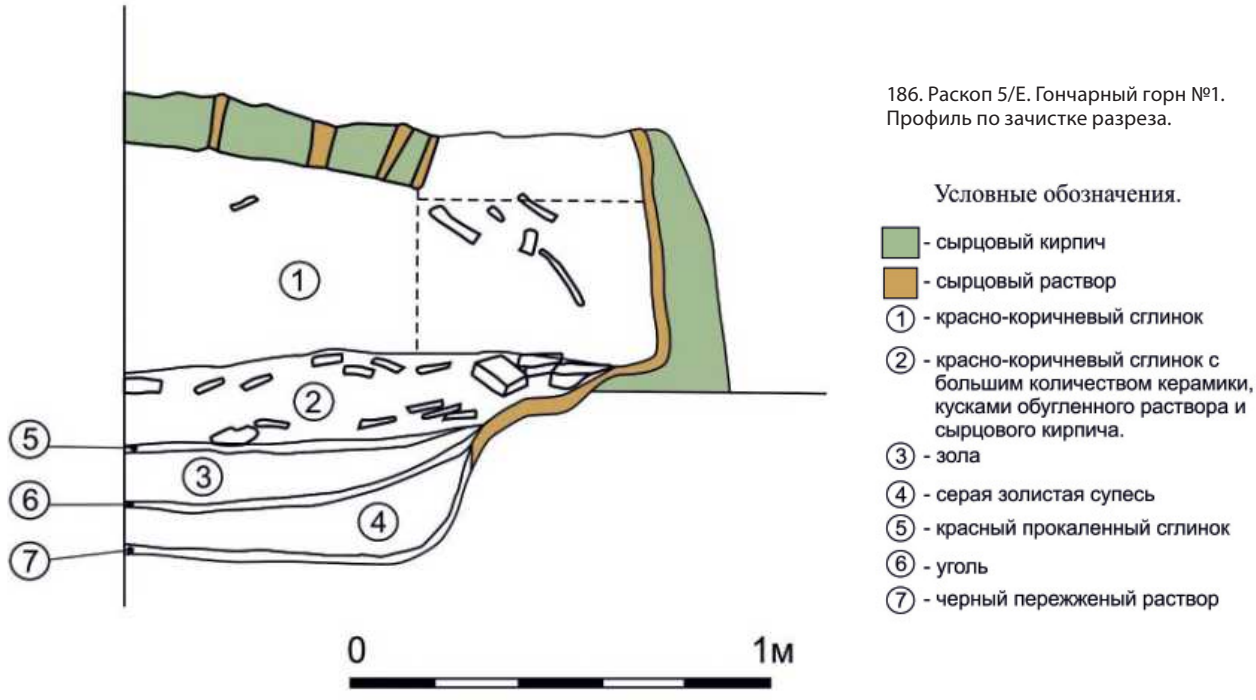
182. Раскоп 5/E. K-2 - K-3. Горн №1 для обжига керамики (разрез); вид сверху с запада.

184. Раскоп 5/E. Горн 1 (на первом плане) и стена более поздней ограды(?) над слоями производственных отходов; вид с северо-запада.

185. Керамические изделия из слоев с отходами производства: крестообразная ручка масляного светильника, керамический штамп (для просфоры?).

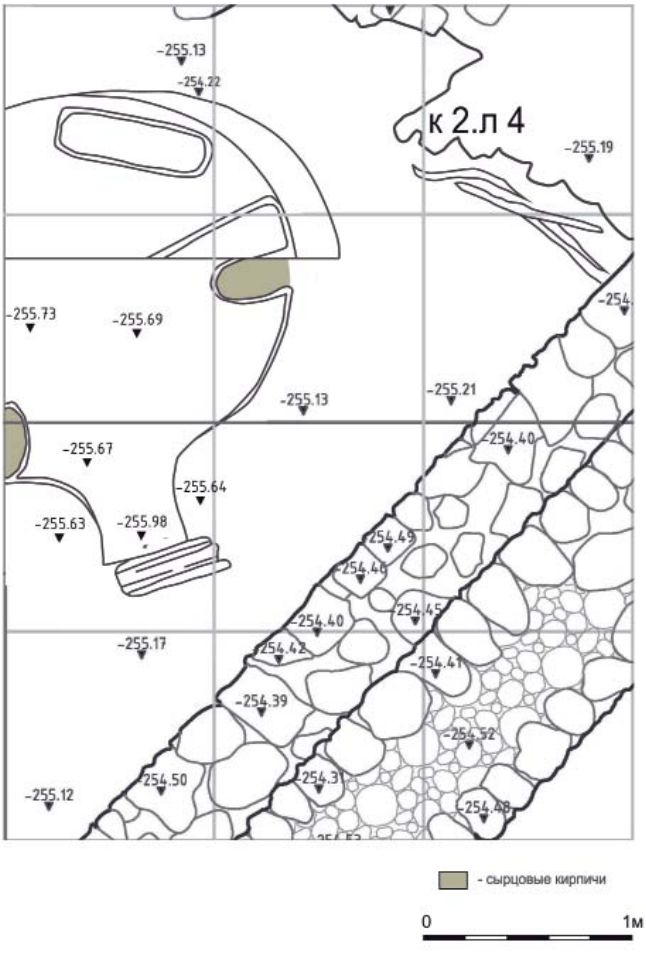
186. Раскоп 5/E. Гончарный горн №1. Профиль по зачистке разреза.

Условные обозначения.

- сырцовый кирпич
- сырцовый раствор
- ① - красно-коричневый сглинок
- ② - красно-коричневый сглинок с большим количеством керамики, кусками обугленного раствора и сырцового кирпича.
- ③ - зола
- ④ - серая золистая супесь
- ⑤ - красный прокаленный сглинок
- ⑥ - уголь
- ⑦ - черный пережженый раствор

187. Раскоп 5/E. Гончарный горн №1.
Разрез внутренней части; вид с юго-востока.

188. Раскоп 5/E.
Гончарный горн № 1;
план по зачистке
после разреза.

189. Раскоп 5/E. K-7 и K-8, 2013 г. Горны и печи, вид сверху с запада.

191. Раскоп 5/E. K-7. Печь-тандыр в K-7; вид сверху, с юго-запада.

190. Раскоп 5/Е. К-2 — К-6, 2013 г. Производственные сооружения с прилегающими кладками;; общий вид с востока.

192. Раскоп 5/Е.К-6. Л. 14. Печь (горн № 2) в ходе расчистки, вид сверху с востока.

193. Раскоп 5/Е. К-6. Л. 14. Печь (горн №2) после расчистки; вид сверху с востока.

194. Раскоп 5/E. К-5 — К-8 в конце работ, вид с юго-востока. 2013 г.

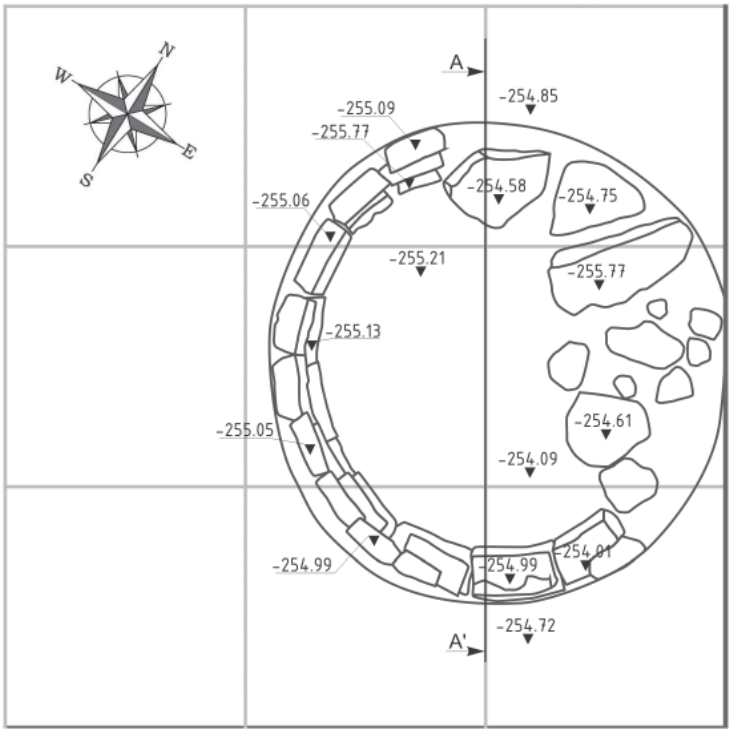

195. Раскоп 5/E. Кладки в К-5 — К-8; вид с южного угла раскопа. 2013 г.

196. Раскоп 5/E. К-5. 1913 г. Кругообразная выкладка; вид с юго-востока.

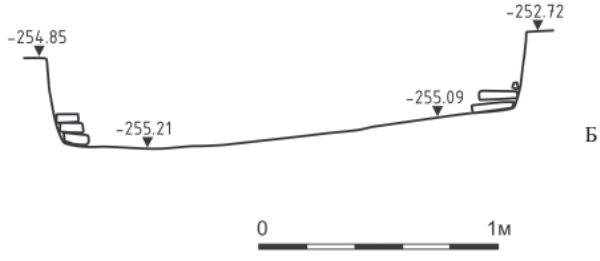

197. Раскоп 5/E. K-7 и K-8. Верхняя часть кладок, вид с севера до расчистки горна № 2.

А

199. Раскоп 5/E. K-6. Л. 14. Печь (горн № 2): план в уровне расчистки и разрез.

Б

198. Раскоп 5/E. K. 5 - K.8. вид с севера в момент завершения. 2013 г.

Следует отметить, что ряд локусов поздневизантийско-умайадского времени содержит большее или меньшее количество керамики мамлюкского времени, так же как практически все мамлюкские локусы содержат примесь поздневизантийско-умайадского материала, что объясняют многочисленные перекопы на всем участке, связанные с поздней строительной деятельностью. (Подробное описание состава керамики по локусам см. ниже в разделе Экскурсы и каталоги 7).

Производственные и бытовые комплексы римско-византийского и раннеисламского периодов

С появлением на раскопе 5/E более-менее основательных каменных кладок (в нижележащих слоях, от 1.00 до 2.00 м толщиной) мы работали так, чтобы сохранять самые крупные и показательные сооружения. Разбирались: утратившие конструктивную основу и невозможные к консервации; малоценные для дальнейшей демонстрации; препятствующие полному раскрытию и включению в экспозицию более крупных и важных в культурно-историческом отношении объектов. Зачастую разбираемый объект характеризовали все три признака.

В то же время необходимо было получить базовые сведения о палеорельефе или, по крайней мере, о глубине залегания материка; составить полную картину хронологии освоения участка; определить объекты функционально[346]. Поскольку раскопки на разных участках остановлены на разной стадии исследования, в отчет включаются локальные описания объектов, распределенные по условным кластерам. Их выделено пять: цистерны для воды, отстойники или ямы для органических отходов, керамические горны, бытовые очаги, мусорные ямы с отходами быта и производства.

[346] Поэтому при работах усиленно искали возможности опуститься как можно ближе к материку на всех участках, не занятых кладками.

200. Раскоп 5/E. Разрез заполнения верхней части “отстойника”, вид с севера.

Цистерны

На раскопе (K-5/E) были выявлены две заглубленные в почву цистерны, одна рядом с другой. Их определяющие свойства: регулярный план, кладка из крупных каменных блоков, обмазка водонепроницаемым «римским» раствором. Первой была обнаружена квадратная цистерна А (№ 1), примыкающая к восточному фасу «длинной стены» (K-3/Л 8). С трех других сторон она имела нетолстые стенки в один тесаный камень, на высоту четырех рядов такого камня (глубина 1.10–1.15 м; внутренние размеры стенок: запад — 1.6 м; север — 1.5; восток — 1,6 м; юг — 1.65 м). Все поверхности изнутри, включая плохо сохранившееся дно, были тщательно оштукатурены гидрофобным раствором, который сохранился фрагментарно. Цистерна оказалась заполнена золистым мелкодисперсным грунтом темного, углистого цвета.

Изначально цистерна А образована примыканием к западной стене более крупной цистерны Б (№ 2), которая располагалась к востоку от нее, и была застроена вторым уровнем кладки подковообразного отстойника (см. ниже), которая прошла непосредственно по заполнению ее внутреннего пространства, забитого коричневатым суглинком.

Эта старая цистерна — одно из ранних сооружений в квадрате 4: ее боковая стенка была частично разобрана еще при строительстве первой ограды отстойника; по ее заполнению прошла (разрушив также восточную стенку) вышеупомянутая вторая ограда; на верхнюю часть этого же заполнения опирался водовод, доставлявший воду в уже пристроенную цистерну А; наконец, в верхнем камне северной стены цистерны Б продолбили желоб с керамической трубой в ту же цистерну А. Оба желоба моложе цистерны Б и «длинной стены» (вернее, возникли вскоре после ее появления), но связаны с цистерной А, которая явно старше «длинной стены», но не на много.

Цистерна Б была в плане больше, чем А (ок. 2.70×2.20 м), ее стенки сложены из продолговатых тесаных каменных параллелепипедов, а обмазка армирована специальным слоем гальки (мелкого булыжника). Наибольшая по высоте сохранность ее стенок — два продолговатых камня северного борта (–254.51/–254.52); наименьшая (тесаный камень выбран полностью) — у восточной стены. Обращает на себя внимание, что камни цистерны Б отесаны со всех сторон — вероятно,

201. Раскоп 5/E. Фрагмент каменного сосуда в зачистке стенки раскопа.

это вторично использованные блоки какой-то ранней монументальной постройки. Размеры камня в ширину достигают 0.45 м, в длину — 1.00 м. Обе цистерны примерно одной глубины. Каким путем попадала вода в цистерну Б, пока неясно.

После разборки дна цистерны А обнаружилось, что ниже его проходит еще одна, гораздо более древняя, каменная кладка из валунов и тесаных блоков, ориентированная по направлению север — юг (с небольшим отклонением). Кладка регулярная, двусторонняя, фасы выложены крупными камнями с заполнением мелкими. Восточный фас стены сохранил тонкую штукатурку белого цвета. Назначение кладки неясно — видимо, это стена раннего сооружения или край более древней цистерны.

Других сооружений, непосредственно связанных с сохранением воды, в раскопе 5/E пока нет. Гипотетически в какой-то период для этого могла служить емкость, примыкающая к цистерне А с юга, — по ее дну проходит толстый слой желтой глины, вполне способный удерживать воду (но не исключено иное объяснение, например, остатки ямы для хранения глины).

Отстойник и прилегающие сооружения

Объект, определяемый как отстойник или серия отстойников, — один из ключей к пониманию того, какие именно производства и технологии развивались на пространстве к югу от архитектурного комплекса. К сожалению, полной ясности в этом вопросе пока не достигнуто, и название используется условно. Схематически это сооружение можно описать как большую яму-котлован, концентрически и ступенчато расширяющуюся кверху и облицованную изнутри камнем. Она заполнена, в нижней части, плотным, но легким, жирным на ощупь слоем густо-черного цвета, похожим на густой торф, с большим количеством органики. Черный слой перекрыт суглинистой засыпкой (культурный слой), по которому насыпан довольно толстый, в несколько уровней, слой зольных очажных выбросов или тлена растительного происхождения (цвет серый, светло-серый, оттенки белого и др.). В верхней части котлован снова заполняет красновато-коричевый суглинок культурного слоя.

Котлован развивался достаточно быстро. В разные периоды для его оформления была применена облицовка грунтовых стенок; использовались также прилегающие кладки других заглубленных сооружений и, возможно, специально возведенные кладки. В ту же систему входят два построенных снаружи, с востока, прямоугольных фундамента неясного назначения, примыкающие к облицовке отстойника.

202. Раскоп 5/E. Кувшин с носиком, покоробленный при обжиге. Фото в момент находки.

В верхних уровнях отстойник имел значительную площадь — на отметках верхней линии облицовки (начиная примерно с –254.60) она близка 15 кв.м. В плане это полукруг или полуовал с прямым основанием, которое образовано довольно мощной кладкой в два ряда крупных камней шириной 0.60–0.65 м и длиной около 3.50 м; ее восточный фас оштукатурен (локус 5)[347]. Кладка проходит примерно по линии север — юг, под некоторым углом к «длинной стене», на расстоянии 1.00–0.75 м от ее восточного фаса. К этой прямой кладке примыкала подкова из валунов и ломаного камня (северный край подковы, пройдя через цистерну А, упирался в середину западной стенки цистерны Б, которая оказалась как бы вдвинутой углом в котлован; южный край подковы примыкал к прямой кладке).

В плане полуовал напоминает абсиду (тем паче что он обращен к востоку), выступ которой изнутри составляет около 4 м. Его булыжно-каменная выкладка, вероятно, изначально держалась на глине и опиралась на один ряд (в центре — на два ряда) поставленных на ребро тесаных каменных блоков-плит, которые служат ей фундаментом и одновременно облицовкой котлована. Плиты, в свою очередь, поставлены на слой засыпки культурным слоем (правда, почти не содержащим находок) из обычного на раскопе светлого красновато-коричневого суглинка, который образует один из уровней в котловане. Общая высота этой облицовки — 0.65–0.80 м. Возможно, южная часть облицовки полуовала — ремонтная, так как в нее плиты вставлены только местами, а в основном она булыжная на всю высоту, и плиты стоят позади ремонтного булыжного слоя. Чтобы убедиться в этом, нужно довести до конца разборку слоя позади кладок, к востоку, снаружи от полуовала, между прямоугольными фундаментами, или решиться на прочистку грунта под южной частью каменной облицовки с риском уронить ее.

[347] Отметка верха –254.62; длина стены в раскопе — 2 м. Между «длинной стеной» и локусом 5 осталась узкая щель, заполненная поверху темно-угольным слоем, а ниже золистым мелкодисперсным грунтом, насыщенным боем керамики, мелким камнем и комьями коричневой глины. Этот слой уходит под «длинную стену» и явно ей предшествует (как и вся система кладок). Золистый слой отложился на плотные слои желтой глины, которые поднимались к северу, как бы намазываясь под острым углом на стенку цистерны А. Глина чередуется с золой, причем толщина каждого слоя не превышает 3–5 см, при том что общая мощность «пирога» составила 0.35 м. В южной части щели обнаружена часть большого керамического сосуда, врытого в грунт вертикально; в северном конце — часть вымостки из битой черепицы. Участок слишком мал для того, чтобы высказать суждение о функции этого пространства.

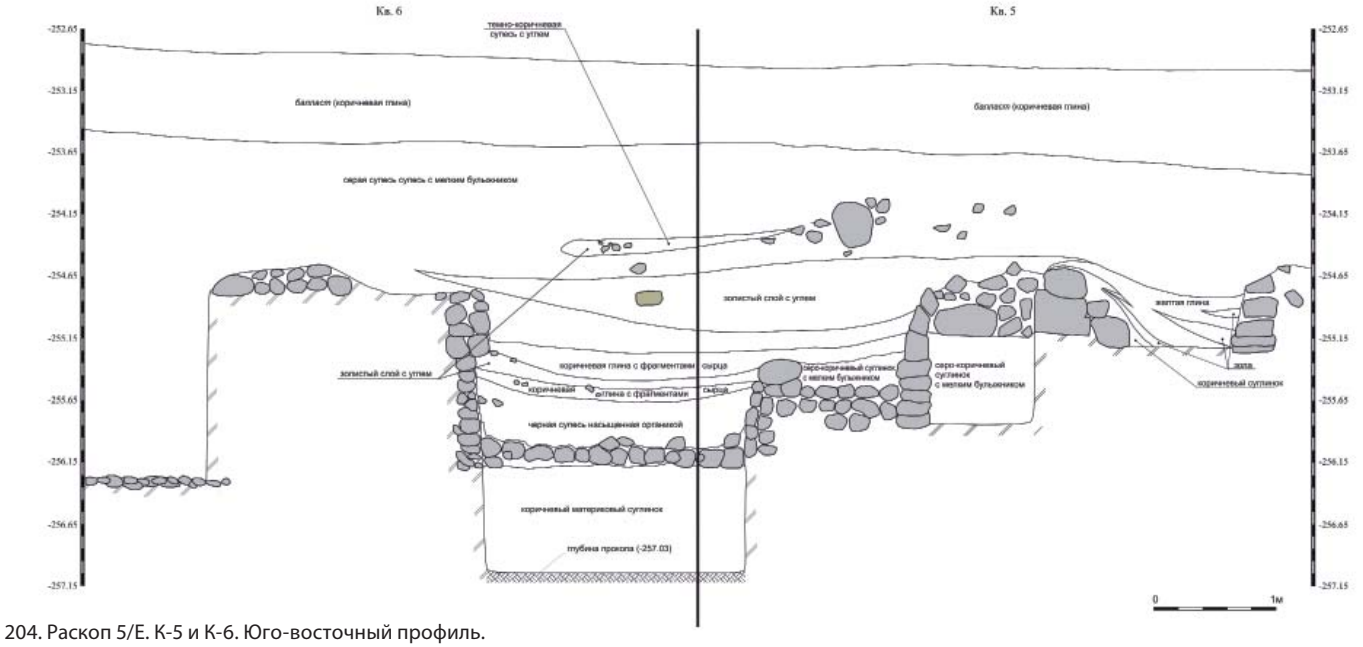
203. Раскоп 5/E. Развал сосуда: керамическая миска.

Таково устройство отстойника в его позднейшем, по крайней мере втором, варианте. На первой стадии он был гораздо меньше, но в плане походил на позднюю версию. Западную сторону, как и в позднем варианте, образовывала прямая кладка — но это была другая кладка, отстоящая от прежнего основания к востоку на 0.50–0.70 м. Она сложена в обычной для участка технике (более крупные булыжники и обломки камня по краям, внутри — заполнение мелким булыжником), довольно широка (0.50–0.70 м) и местами расширилась за счет отслоения восточного панциря. Верхняя часть этой кладки несет следы разборки, причем камень выбирался изнутри, а не по краям, так что середина стены, в ее южной половине, существенно ниже фасов.

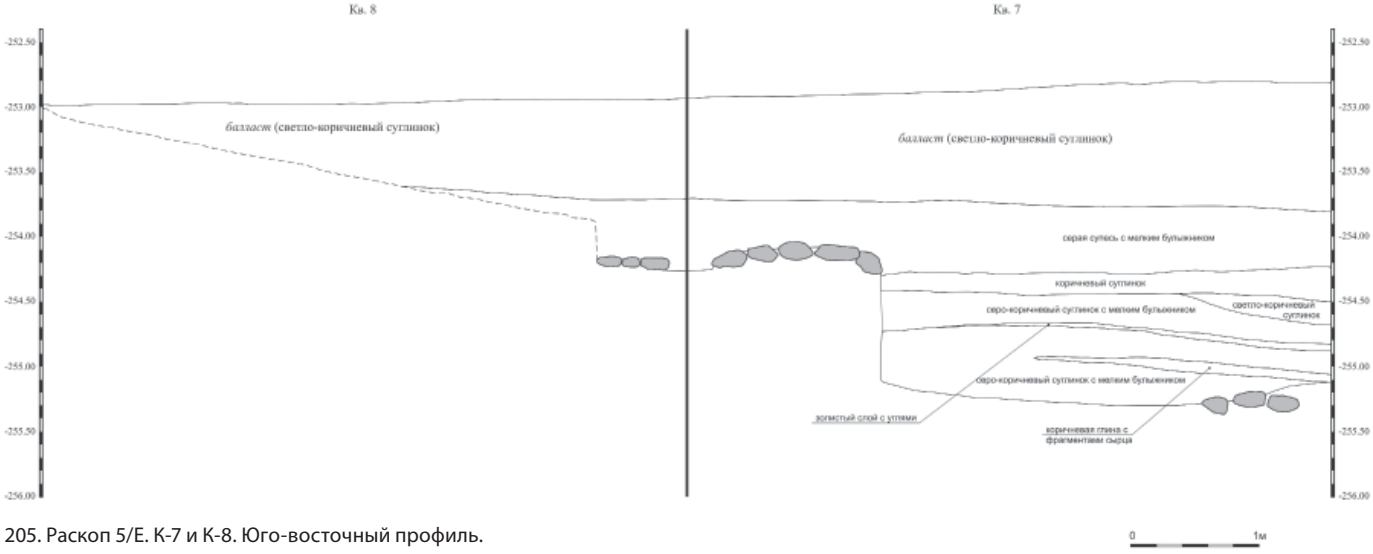
«Подкова» в ранней версии была менее правильной формы, чем в поздней. Ее северная часть образована практически прямой булыжной стенкой, которая выложена по краю разобранной в верхней части южной стены цистерны Б, по ее крупным тесаным продолговатым блокам. Дальше эта булыжная выкладка соединялась с внутренней облицовкой. Отметим, что из-под края нижнего ряда камней цистерны Б выступает еще один ряд камней, также крупных и тесаных, которые, видимо, служили основанием стен цистерны и оказались в пространстве отстойника. Вдоль них, уже в самом отстойнике, несколько крупных блоков поднимались с запада на восток так, что при необходимости могли использоваться как лестница. Остальное пространство отстойника на том же уровне было завалено крупными камнями, валунами и комьями глины (возможно, битого сырца). Эти камни тонут в вышеописанном черном жирном пылеватом слое, который гораздо толще в северной половине, чем в южной, где сохраняется только в виде неширокой полосы.

Под черным слоем — плотное заполнение красно-коричневатым суглинком почти без находок. После его выборки обнаружился тонкий песчаный слой, накрывавший глинистый щебенистый материк. Это пока единственное место в раскопе, где материк вообще достигнут, и у нас нет оснований для суждения о том, природная это отметка или заглубленная по отношению к изначальной поверхности.

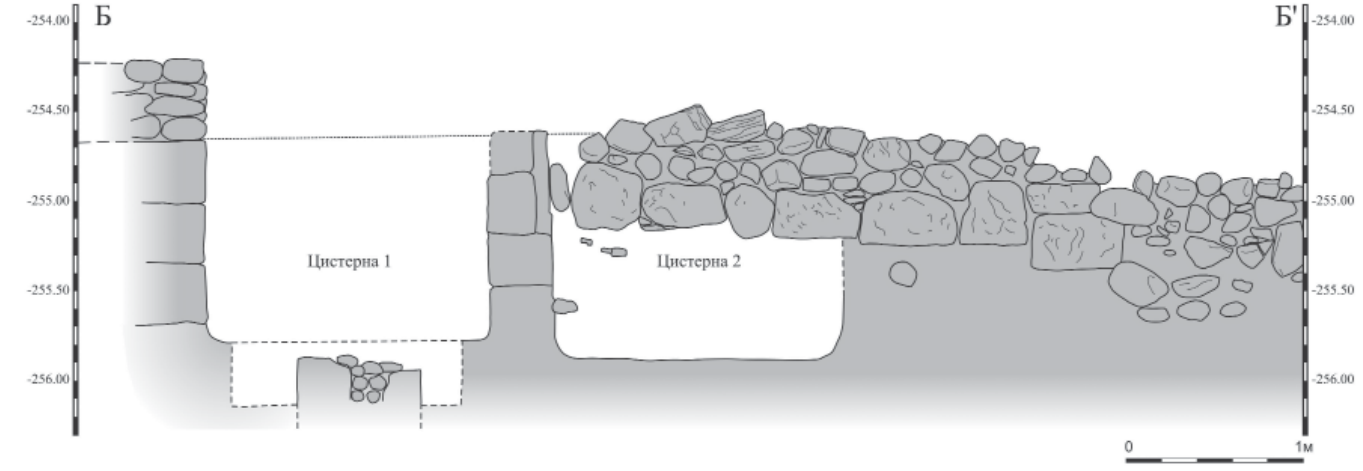
Необходимо отметить, что расположенные к востоку от отстойника два прямоугольных фундамента пилонов (северный практически 140×140 м, южный 200×110 м), сложенные из булыжника и камня, имеют довольно глубокое заложение — во всяком случае, в пройденных уровнях культурного слоя их подошва не достигнута.

204. Раскоп 5/E. К-5 и К-6. Юго-восточный профиль.

205. Раскоп 5/E. К-7 и К-8. Юго-восточный профиль.

206. Раскоп 5/E. Разрез через цистерны А (1) и Б (2); вид с юга.

207. Раскоп 5/E. К-6. Л. 14. Печь (горн № 2): ладка края из битого кирпича; вид с запада.

208. Раскоп 5/E. К-7 и К-8. Культурный слой между поздним фундаментом и уровнем булыжных вымосток; вид с севера.

209. Раскоп 5/E. К-4, часть юго-восточного профиля. Культурный слой между поздней кладкой и нижним уровнем мощения; вид с северо-запада.

210. Раскопы 2/B и 5/E. Вид с северо-запада на завершающей стадии работ. Осень 2013 г.

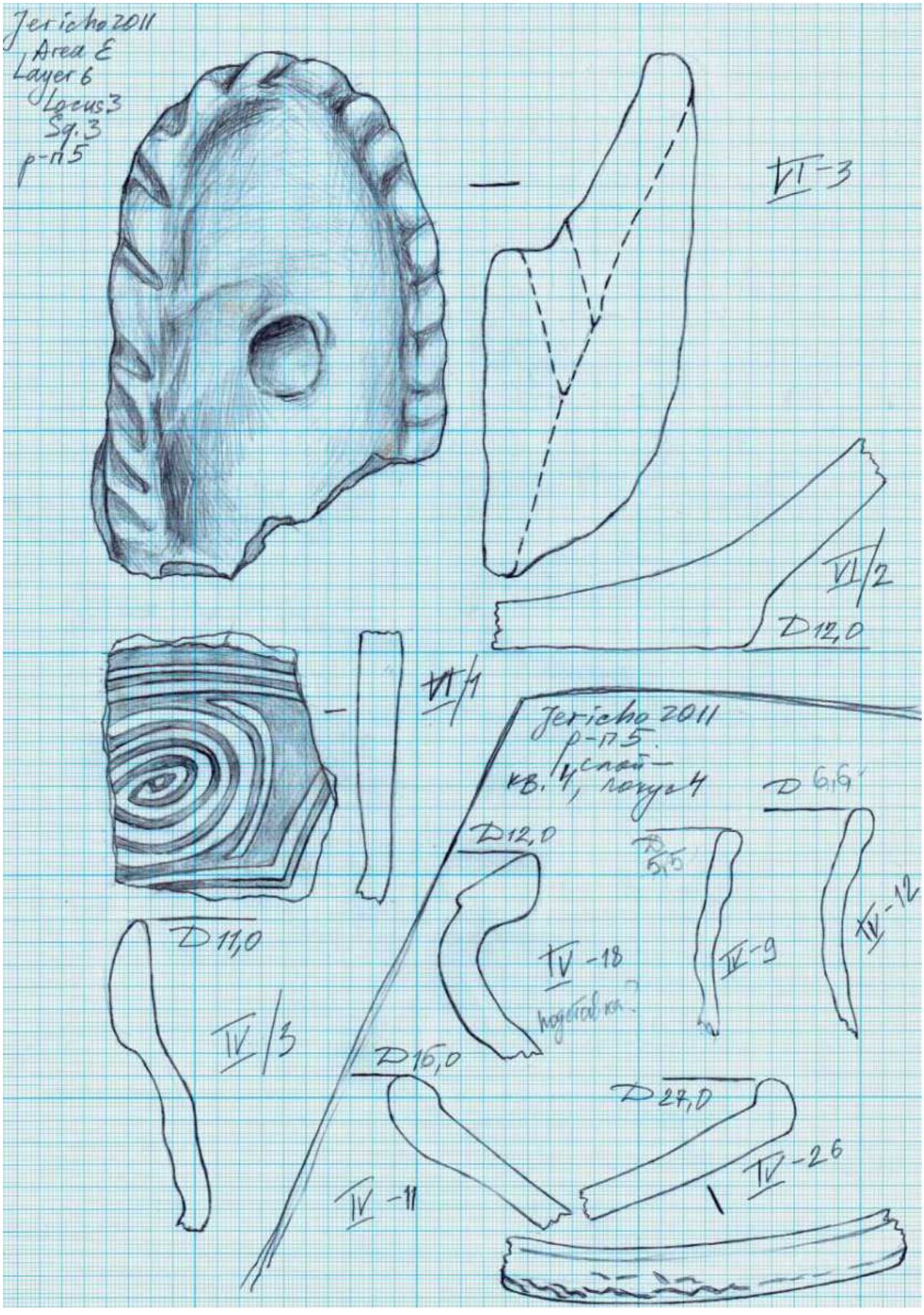
Производственные керамические комплексы

На участке зафиксированы, но до конца не изучены, по крайней мере, два керамических горна византийского периода. Возможно, что для обжига керамики использовали и наиболее крупные из круглых печей, открытых в слоях умайадского времени, выше уровня существования горнов (например, горн или печь 2 на К-6, Л-14).

Два высоких сырцовых горна стояли рядом вдоль северного борта раскопа, частично уходя в него (южный — более чем наполовину); между ними предполагается еще и третий, но он скрыт «длинной стеной», которой предшествует. Изучить горны полноценно до продолжения раскопок на прирезке, специально сделанной к северу, трудно. Очевидно одно: это именно печи для ремесленного производства керамики, довольно крупные сооружения из сырцового кирпича и сырцовых блоков с сильно обожженными внутренними камерами и топками (нами открыта только одна из них). В зоне много и других следов керамического производства — вероятно, это пространство крупной керамической мастерской, возможно совмещенное с зоной переработки сельскохозяйственных продуктов.

Первый из горнов удалось частично разрезать, второй к моменту прекращения работ только появился на поверхности раскопа. Мы даем их суммарную характеристику, детальное описание — дело будущего.

Горн 1 (Л-7 и Л-11). Верх первого из зафиксированных керамических горнов проявился на отметке –254.95 как площадка из сырцового кирпича (южный угол в К-2, западный — в К-3), уходившей под юго-западный борт раскопа. Структура кирпичей читалась только в северо-восточной части локуса, где край площадки имел полукруглую форму. По мере того как выбирался слой вокруг сооружения, делались локальные разрезы. Постепенно стало понятно, что локус представляет собой сооружение, сложенное из сырцового кирпича на глине, с округлой в плане внутренней частью и, возможно, сводчатое. В восточной части читался проем, вероятно для закладки топлива. Внешние границы — нечеткие и расплывшиеся, на ограниченном пространстве раскопа их границу выявить было трудно, но внутренняя структура совершенно отчетлива —

211. Один из листов графической фиксации керамических находок. Раскоп 5/E.

в ней происходило интенсивное горение, и кирпич стен оказался обожженным на 0.25–0.40 м в глубину. Со дна сооружения отслоился золистый уровень толщиной до 2 см.

Размеры горна 1: внешний диаметр — до 2 м; высота от примазки основания к слою до уровня сохранности — 0.75 м, от пода заглубленной в грунт камеры — 1.20 м. Заполнение печи было определено как самостоятельный локус (К-2, Л-11). Оно состояло из коричневого суглинка, местами с вкраплениями золы и фрагментами сырцовых кирпичей. Немногим выше дна сооружения в слое заполнения располагалась плотная, почти горизонтальная прослойка, насыщенная фрагментами битых сосудов, причем среди них обнаружены куски не полностью обожженной керамики.

Круглая в плане площадка диаметром около 1 м (К-2, Л-12, между Л-9 и Л-10) — род вымостки с забутовкой из камней мелкого и среднего размера и фрагментов черепицы. Возможно, это придонная часть заглубленного в грунт сооружения (не исключена его связь с сырцовым сооружением — К-2, Л-7). Над площадкой располагался золистый слой, уходящий под стену (К-2, Л-6).

Горн 2 (К-6, Л-14) — низ большой круглой ямы, заполненной золой и по периметру обложенной невысокой стенкой из кусков плоских обожженных кирпичей (плинф). Диаметр — около 2 м.

Горн 3. Сооружение из сырцового кирпича в западном углу К-5 (Л-5) — возможно, самый большой из горнов. Структура кирпичной кладки читается по всей расчищенной поверхности, и объект выглядит в плане округлым, с диаметром около 3 м. Для полной характеристики необходимо продолжить раскопки.

В зачистках того же уровня отмечен еще ряд обожженных площадок и линий прокала, образующих круги, — вполне вероятно, что, по крайней мере, часть их использовалась как керамические горны, хотя встречены и простые тандыры явно кухонного назначения. Например, три таких площадки, в ряд, видны в юго-западном краю К-7.

На раскопе 5/E прослежен еще целый ряд кладок и ям (например, круговая выкладка в К-5, Л-12 и Л-13); маленькая зольная яма в том же квадрате, Л-14, и др.) но для того, чтобы понять их назначение или хотя бы конструкцию, необходимо продолжение раскопок.

Наконец, для характеристики участка важно, что в слоях много керамических шлаков и фрагментов бракованных изделий, а на одном из верхних уровней обнаружен покоробленный при обжиге, после формовки и сушки, светлоглиняный кувшин.

ГЛАВА III

МОЗАИКИ ИОАСАФОВСКОГО УЧАСТКА

ГЛАВА III. МОЗАИКИ ИОАСАФОВСКОГО УЧАСТКА: ПОЛИХРОМНЫЕ МОЗАИКИ РАСКОПА 2/B

> Всем известна наклонность нынешних обитателей Палестины к употреблению мозаики. Не только храмы и дворцы, но и домы частные среднего класса имеют мозаические украшения
>
> *Олесницкий 1878: 40–41.*

В раскопе 2/B (1883–2010 гг.) сохранились части двух мозаичных полихромных композиций, явно принадлежавших одной пространственной системе. Первая из них обнаружена еще в 1880-х годах, вторая — небольшой фрагмент — открыта при работах 2010 года. Илл. 213–214.

Фрагмент мозаики в юго-западном углу раскопа

О фрагменте 2010 г. скажем сразу и вкратце, поскольку он очень невелик. Это единственное свидетельство существования полихромного пола в юго-западном углу раскопа (K-26–K-30[348]; примыкает к стене 8 и перебит стеной 9). Мотив мозаики — широкий бордюр, хорошо известный в византийском искусстве, образует широкие полосы «циновочного»[349] плетения[350]. Полосы, из которых сплетен орнамент, состоят из пяти линий тессер; размер камней — довольно крупный (более 1 см; в квадратном дециметре — до 70 камней). Использовано семь–восемь цветов: желтые светлые и темные, красные светлые и темные, сине-серые светлые и темные, черные, кремово-белые[351]. Внешняя рамка образована из восьми линий черных и белых тессер (считая снаружи: 3 белых — 2 черных — 2 белых — 1 черная). К северу от края бордюра начинается поле из белых тессер (направляющие — под углом к нему), которые покрывали периферию помещения. Однако белого бордюра, который должен был окаймлять комнату по периметру, здесь нет — поле тессер упирается в кладку восьмью диагоналями. Возможно, кладка стены более поздняя, чем мозаика, и первоначально ее фас проходил несколько севернее (следовательно, и южный коридор первоначально мог быть шире).

Центральная часть мозаики должна была помещаться южнее[352], где проходила внешняя галерея из отдельных комнат, ограничивавшая комплекс с юга, — за ней стояла его внешняя стена и начиналась производственная зона.

Состояние «большой мозаики»

Обратимся к мозаике, открытой еще в 1880-х годах. Она занимает значительную часть площади небольшого зала, который неоднократно менял планировку, с соответствующей перекладкой мозаичных полов. По стратиграфии пол, включающий полихромную вставку, — минимум второй (считая сверху), а ниже его сохранились фрагменты, по крайней мере, еще одного мозаичного уровня, полностью разрушенного. Илл. 215–222.

Полихромная вставка имеет значительные утраты, потеряла горизонтальность и сильно деформирована[353], что фиксируют уже фотографии 1880-х годов. Ощутимы два провала и протяженный выступ по линии запад — восток, где ниже мозаики лежат остатки ранней кладки из сырца. С юго-востока мозаика ограничена валунным фундаментом стены 2, с юго-запада — стеной сооружения 8 из тесаных каменных блоков. По характеру примыкания мозаичного пола

212. Раскоп 2/B. «Большая мозаика». Типовая крестообразная розетка-медальон внешнего бордюра.

[348] На отметке –253.63 /–253.65, что близко к самому высокому уровню фрагментов полов за стеной 9, но стратиграфически не обязательно с ним связанного.

[349] По формам орнаментов, используемых в регионе (их предложил еще Михаэль Ави-Йона, дополнили Эшер и Рут Овадия, последняя публикация Э. Мэддена) — тип B-4 или (скорее) B-6 (Madden 2014: 6, fig. I).

[350] Ширина сохранного участка бордюра — до 0.35 м (возможная первоначальная ширина — до 0.60 м), длина сохранившейся цветной части — до 0.60 м.

[351] Этот набор несколько отличается от определения специалиста по минералогии Ольги Аникеевой (см. ниже, раздел Экскурсы и каталоги, 4:1): черный, серый, белый, темно-красный, розовый, желтый и зеленый). Но, во-первых, разница не так велика. И главное — визуальное, субъективное восприятие цвета при оценке качества мозаики, несомненно, обладает ценностью.

[352] Это выяснилось при работах 2011–2013 гг. (раскоп 5/E). К сожалению, на открытых там участках мозаик не сохранилось.

[353] Разница отметок превосходит 0.30 м, от –253.56 до –253.90.

214. Раскоп 2/В. Сохранившийся фрагмент мозаики («мозаика 2») в южной галерее; вид с севера: плетение («циновка» или «косичка»)).

к стенам 2 и 8 можно предположить, что они относятся к одному сооружению. В северо-восточной части пол перебит валунным фундаментом стены 4, в северо-западной — валунным фундаментом стены 7. В квадратах 11, 28 и др. из-под второго мозаичного пола заметно выступают края третьего, еще более раннего. Эти ряды монохромных тессер просели, получив резкий, более 30 градусов, уклон.

Технико-художественные особенности «большой мозаики»

В ходе работ по консервации весь уровень пола с цветной мозаикой (включая белый фон) был снят и перемещен в Музей для реставрации (см. о реставрации ниже, в разделе Экскурсы и каталоги 4:2).

После этого выяснилось, что первоначальное основание лежит не подо всей мозаикой, — примерно половина его перекладывалась в момент укладки цветной композиции. Это хорошо заметно, так как первоначальный уровень уложен в определенной системе: по всей длине помещения, по оси север — юг, параллельно стенам, фиксируются три прямые линии из гальки, поставленной на ребро. Они образовали своеобразные направляющие, «армирующие» композицию. Однако через какое-то время обе половины пола провалились, образовав заметные впадины. Дело в том, что пол перекрыл срубленную почти до основания сырцовую стену, в прошлом делившую помещение на две половины. Со временем разница дала о себе знать, и подготовка вместе с первым покрытием (вероятно, также мозаичным) просела по обе стороны от стены, причем южная половина утонула сильнее, и ее подмостили дополнительным слоем подготовки. Тут галька не имеет направляющих, она выложена плотно, но хаотично. Северную половину не подмащивали, так как она просела меньше, и новый пол переложили по прежнему основанию. К сожалению, этот ремонт не убрал причину проседания, и вскоре новое покрытие опять повело, что заставило прогнуться мозаику и сильно ее повредило.

213. Раскоп 2/В. Стена между помещениями с полихромной мозаикой: слева — галерея, справа — зал с большой мозаикой; вид с востока.

Технологически мозаику можно отнести к кругу тщательно выполненных. Конструкция подготовки пола многослойна, общей толщиной (учитывая ремонтный уровень) до 45 см (без глиняной подготовки меньше, 16.5–23.5 см). В глиняную основу утоплен слой крупной (8–10×12–13 см) гальки на ребро, причем камни плотно подогнаны друг к другу. Сверху галечная выкладка пролита

215. Раскоп 2/B. «Большая мозаика» после снятия полихромного уровня; вид с запада-северо-запада на мощение в разрезе.

216. Раскоп 2/B. «Большая мозаика» после снятия полихромного уровня; вид с севера. В северной половине помещения отчетливо видны три ряда направляющих.

217. Раскоп 2/В. «Большая мозаика» после снятия полихромного уровня; вид с запада на северную половину помещения.

218. Раскоп 2/В. Монеты в растворе подготовки пола

бетоном с включением битой керамики и мелкого щебня («цемянка») на 3–4 см, а по бетону залиты, по мере высыхания, тонкие слои чистого белого раствора без наполнителя всего на 2–3 см. Особый верхний слой, напоминающий цветом и фактурой гипс, служит непосредственно для укладки в него тессер.

Полихромная вставка — квадрат со стороной 3.60× 3.60 м[354] — занимает центральную часть помещения. Использованы все основные цвета, причем камень имеет множество разнообразных, тонко подобранных оттенков: белый, кремовый, ярко-желтый (цвета серы), два коралловых (розовый и темно-красный), два сине-серых (светлый серовато-синий и черно-серо-синий), бледно-зеленый (использован только в угловом северо-восточном медальоне, в стебле цветка) и др. В целом цветовое решение разнообразно, но не пестро, и имеет, несмотря на обильное включение красных и желтых, уклон скорее к холодным тонам.

Цветные тессеры очень маленькие, в основном менее 1 см, и далеко не всегда квадратные; часто используются прямоугольные и треугольные (при переходе к криволинейным фигурам) камушки[355]. Плотность на 1 кв. дм высокая, от 97 в наружной части бордюра до 130 (и даже больше) — в центральной части. Мелкие тессеры — признак тщательности и высокого уровня исполнения работы, поскольку позволяют выложить на небольшой площади сложные и точно прорисованные элементы.

[354] Сохранность, по состоянию на октябрь 2011 г., составляла 33.5% (подсчеты Ольги Аникеевой). Утрачена вся западная линия бордюра, северо-западный угол (так что нельзя судить даже о мотиве декорации), почти полностью — юго-западный угол (небольшой фрагмент позволил понять мотив декора), значительная часть юго-восточного угла. Центральная часть сильнее пострадала в северной половине; не сохранился и геометрический центр. Но в южной половине уцелел южный угол центрального ромба и несколько кругов в цепи окружностей. Этого достаточно, чтобы восстановить композицию, кроме отдельных элементов, с точностью до тессеры.

[355] В белой части тессеры крупнее, до 1.2×1.5, 1.4×1.4 см.

219. Раскоп 2/B. Сохранившиеся слои мощения тессерами выше уровня основного пола.

В растворной подготовке под цветной композицией, а также ниже уровня мозаики, обнаружены монеты. Сами по себе важные, они не могут служить для датировки пола как чрезмерно ранние (IV в.)[356].

Построение орнамента

Композиция центрична и включает два основных элемента — квадрат из бордюра и вписанный в него круг-венок. Илл. 222.

От белой части пола ковер цветной мозаики отделяют три линии белых тессер, уложенных параллельно краям композиции, в то время как направляющими для остальной части белой мозаики служат диагонали комнаты. Илл. 223. От этой белой рамки (в обмере она не учтена) начинается первый крупный элемент композиции, бордюр. Он ограничен двумя многоцветными лентами. Внешняя — из 10 линий тессер, чередующих белый и черный цвета: 1 черная 3 белых, 3 черных, 2 белых, 1 черная. Внутренняя — из 6 линий: 1 белая, 1 серо-синяя, 3 белых, 1 серо-синяя. От последней, 10-й линии наружной ленты внутрь бордюра ответвляется линия, служащая началом плетенки типа «цепь»[357]. Ее образуют две переплетающиеся ленты, как бы лежащие друг на друге и попеременно выходящие наружу. Одна лента составлена на основе красных и розовых тессер, другая — сине-серо-черных. Общая ширина каждой — 7 линий для внешней полосы, 6 — для внутренней; последовательность линий в «красной» полосе: 1 черная, 1 белая, 1 розовая, 3/2 красных, 1 черная; в «черной» полосе: 1 черная, 1 белая, 1 светло-серая, 3/2 темно-серых, 1 черная. Распределение тонов от светлых к темным делает ленты пластичными, что при сплетении обеспечивает эффект трехмерного восприятия.

[356] B/33 (–254.15) — Констант (333–350 гг.), кат. № 111. Еще древнее монета, взятая неподалеку, но гораздо глубже (–254.79), при изучении сырцовой стены: B/34 — Константин I, Константин II или Констанций II, кат. № 117.

[357] Наиболее близкий аналог схемы: Madden: 2014: 6, fig. I, B-11. Разница в том, что медальоны иерихонской мозаики не имеют узловых перевязок друг с другом, они соединены узлами только с боковыми лентами.

220. Раскоп 2/В. «Большая мозаика» после снятия полихромного уровня; вид с запада на южную половину помещения: в разрезе отчетливо видны два слоя («ложа») галечной подготовки.

221. Раскоп 2/В. Многослойная конструкция мощения (2010).

222. Раскоп 2/В. «Большая мозаика» по состоянию на 2011 г.: обмер с точностью до тессеры и вариант реконструкции (северный край вверху). Художник-архитектор София Веттер.

223. Раскоп 2/В. Большая мозаика. Фрагмент восточного края с переходом от белой к полихромной выкладке.

Внутри бордюра сформированы циркульные звенья цепи (медальоны), образованные сплетением выходящих сюда лент, таким образом, что каждый круг имеет одну половину из «красной» ленты, а другую — из «черной», а в местах сплетения образуются маленькие узелки, по два у каждого круга. Круги идут очень часто, почти касаясь друг друга краями (зазор между ними по диаметру минимален — 1 тессера), так что на каждой стороне квадрата — 8 кругов и еще 4 — угловых (всего 36). Внутри у большинства медальонов — восьмилепестковая розетка, обведенная круглой рамкой из 1 желтой и 1 белой линии. Следующая линия тоже белая, но она уже не образует правильного круга — это внешняя линия самой розетки. Розетка формируется на основе креста из черных тессер (с желтой тессерой в перекрестье), который делит октофолий на четверти, по два сектора в каждой. Внешний обвод лепестков, как уже сказано, 1 белая линия; затем идет 1 черная, за ней 1 красная, 3 светло-коралловых и 3 белых (понятно, что самая близкая к центру цветка линия может быть названа кругом только условно — этот слой состоит всего из четырех тессер по углам перекрестья). Илл. 212, 227, 236.

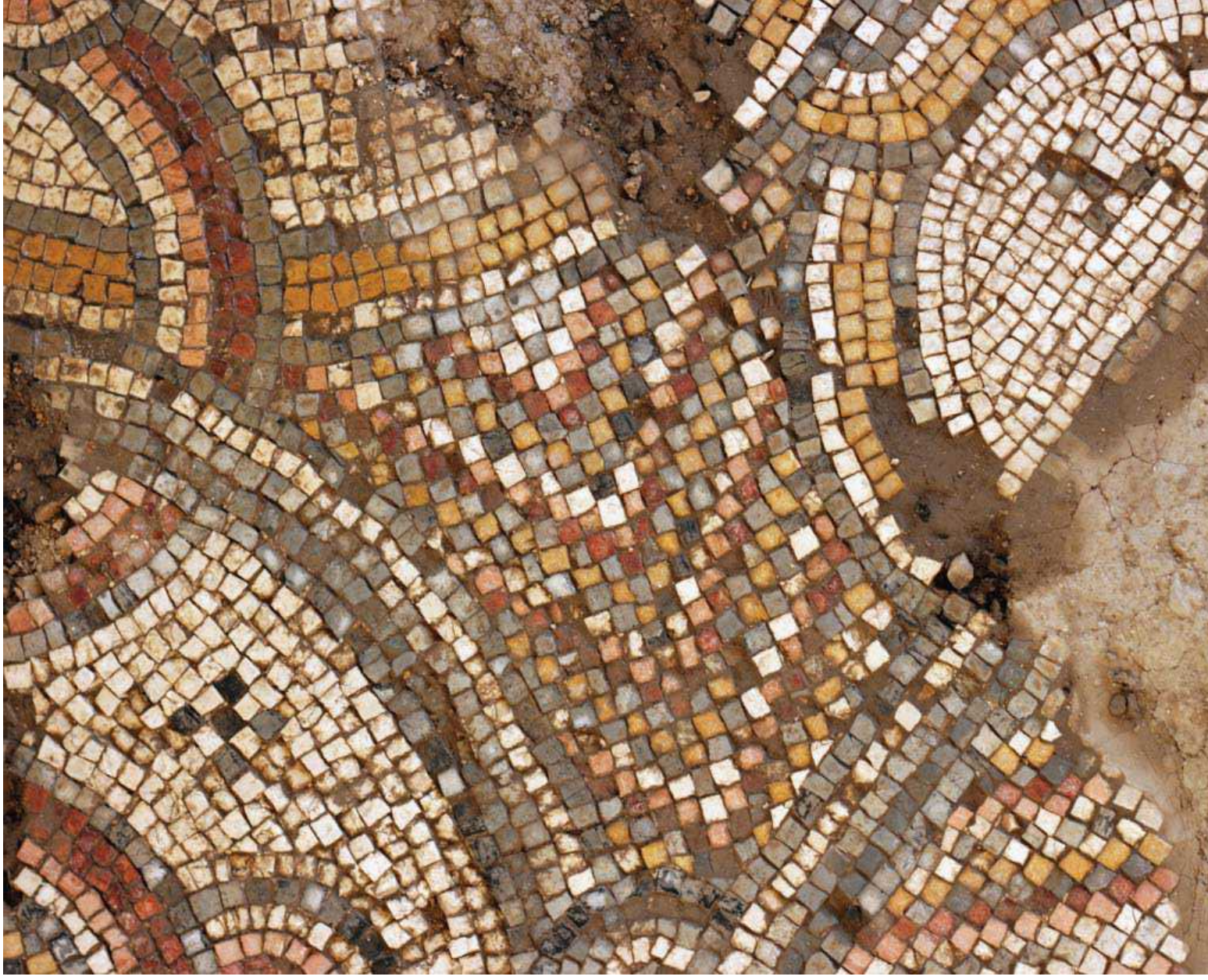
Геометрическая разбивка сложного узора отличалась значительной точностью. Внешний диаметр медальонов бордюра с розанами удивительно устойчив: 32–33 см (32.5–32.7 см); обвод вокруг розана имеет диаметр 19.2 см; длина ветвей крестиков в розетке — около 12 см. Ширина полосы с розетками внутри линий бордюра — 34 см (что, кстати, равно внешнему диаметру кругов с розетками). Общая ширина бордюра — 54–56 см. Четкость геометрического построения звеньев цепи хорошо демонстрирует промер расстояний между узловыми элементами; например, между «глазками» узлов, маркированных белой тессерой, всегда 33,4 см; ширина каждого узла — 12 см, расстояние между краями соседних узлов — 20 см (поправки в пределах полусантиметра).

Пространство, остающееся между звеньями цепи с их октофолиями, заполнено шахматным орнаментом из желтых и черных тессер, составленных в квадратики, по 4 одноцветных в каждом (там, где целый квадратик не помещается, используют отдельные камешки, иногда даже треугольной формы, подчас не черные и желтые, а серые, что позволяет маскировать неровности на границах ортогональных форм с окружностями). Вероятно, это вариант разделки под мрамор[358].

Из четырех угловых медальонов уцелел только один, северо-восточный. Он также образован переплетением красной и черной лент, но они здесь не соединяются с внутренней полосой, а, оставляя угол свободным, развиваются от двух точек наружной полосы. Внутри круга, так-

[358] Madden 2014: 7, fig. II, G-1.

224–225. Раскоп 2/В. Большая мозаика. Фрагменты круговых фигур, крестиков и мраморировок внутри венка.

же в обрамлении черной и желтой линий тессер, по белому фону, врисован росток. Его веточки изображены линиями зеленых тессер и оканчиваются тремя соцветиями: два раскрывающихся (бутоны) и одно раскрытое. Они единообразны по цвету — нижняя половина цветка бледно-коралловая, верхняя — красная. Илл. 227–228.

В целом бордюр с его лентами, цепью колец и растительной орнаментикой — артикулированный элемент композиции, надежно уравновешивающий центральную часть, решенную гораздо более крупно и сложно. Ее отделяет от бордюра специальная внутренняя кайма (3 белых линии), в квадрат которой вписан огромный (диаметр 246.5 — 247.0 см) круг или венок. Сам круг — полоса плетеного орнамента, косичка, обрамленная концентрическими окружностями из черных и белых тессер (снаружи — 1 черная линия, 2 белых; внутри — 2 белых, 1 черная), между которыми, на черном фоне, дана сама косичка, сплетенная из двух равновеликих полос по 5 линий-прядей в каждой. Каждая полоса меняет цвет от отрезка к отрезку, чередуя три типа раскраски: желтый, черно-серый и красно-розовый.

Сплетены ленты так, что отрезки разного цвета попеременно ритмично чередуются. Расцветка прядей идет в таком порядке: для желтой — черная (1), белая (1), желтая (2), черная (1); для черно-серой: черная (1), белая (1), светло-серая (1), темно-серая (1), черная (1); для красной — черная (1), белая (1), красная (1), розовая (1), черная (1). Плетеная из прядей косичка — самый распространенный и самый долгоживущий тип византийского по преимуществу орнамента, известный, по крайней мере, с античности до Нового времени.

К сожалению, сохранились только два из четырех углов внутреннего квадрата, образовавшихся при вписывании в него круга. Эти треугольники заполнены двумя типами композиций, занимавших противолежащие углы: мраморировка в юго-восточном и, видимо, северо-западном

226. Раскоп 2/В. Большая мозаика. Часть цепи из кругов внутри венка и мотив пельта.

(он полностью утрачен) углах и мотив евхаристии в северо-восточном и юго-западном углах. Евхаристический сюжет — не орнаментальный, а изобразительный: представлен сосуд с исходящей из него плодоносящей виноградной лозой. Илл. 227, 232 и 233.

228. Раскоп 2/В. Большая мозаика. Процветший росток в медальоне северо-восточного угла.

Мотив выполнен с большим вкусом и свободой: двуручная дольчатая ваза размещена по диагонали квадрата и тщательно прорисована с соблюдением симметрии (в аналогичных сюжетах это бывает далеко не всегда). Тулово и поддон (треугольник/трапеция) выложены желтыми тессерами, с изящной разделкой тулова на дольки по вертикали черными линиями, и обведены снаружи линией черных тессер. Ими же обозначены вычурно выгнутые ручки, а широкое и высокое амфоровидное горло покрыто серо-синими тессерами целиком. Исходящие из горла побеги с усиками, вьющиеся и тянущиеся вдоль центральной окружности, а также прожилки двух виноградных листьев (спущенных с обеих сторон вазы и покрашенных черно-синими тессерами) прорисованы линиями красноватых тессер. По обеим сторонам от горла вазы висят две грозди винограда, треугольной формы, заполненные крупными кружка́ми (по 6 ягод в каждой) из кораллово-красных тессер с белыми бликами на каждом, также в черно-синей обводке. Важно отметить, что, так же как и в изображениях лент медальонов и розанов, мастер искусно и сознательно использует здесь цветовую моделировку для создания эффекта рельефности, объемности элементов.

Мраморировки имеют традиционный для мозаик Палестины рисунок: это разноцветные треугольные пестрые зигзаги контрастных цветов, изогнутые по дуге большой окружности. Илл. 224-225, 229, 234-235. Их красно-розово-белые и чисто желтые полосы чередуются так, чтобы серо-синие полосы и черные ленты могли служить разделителями.

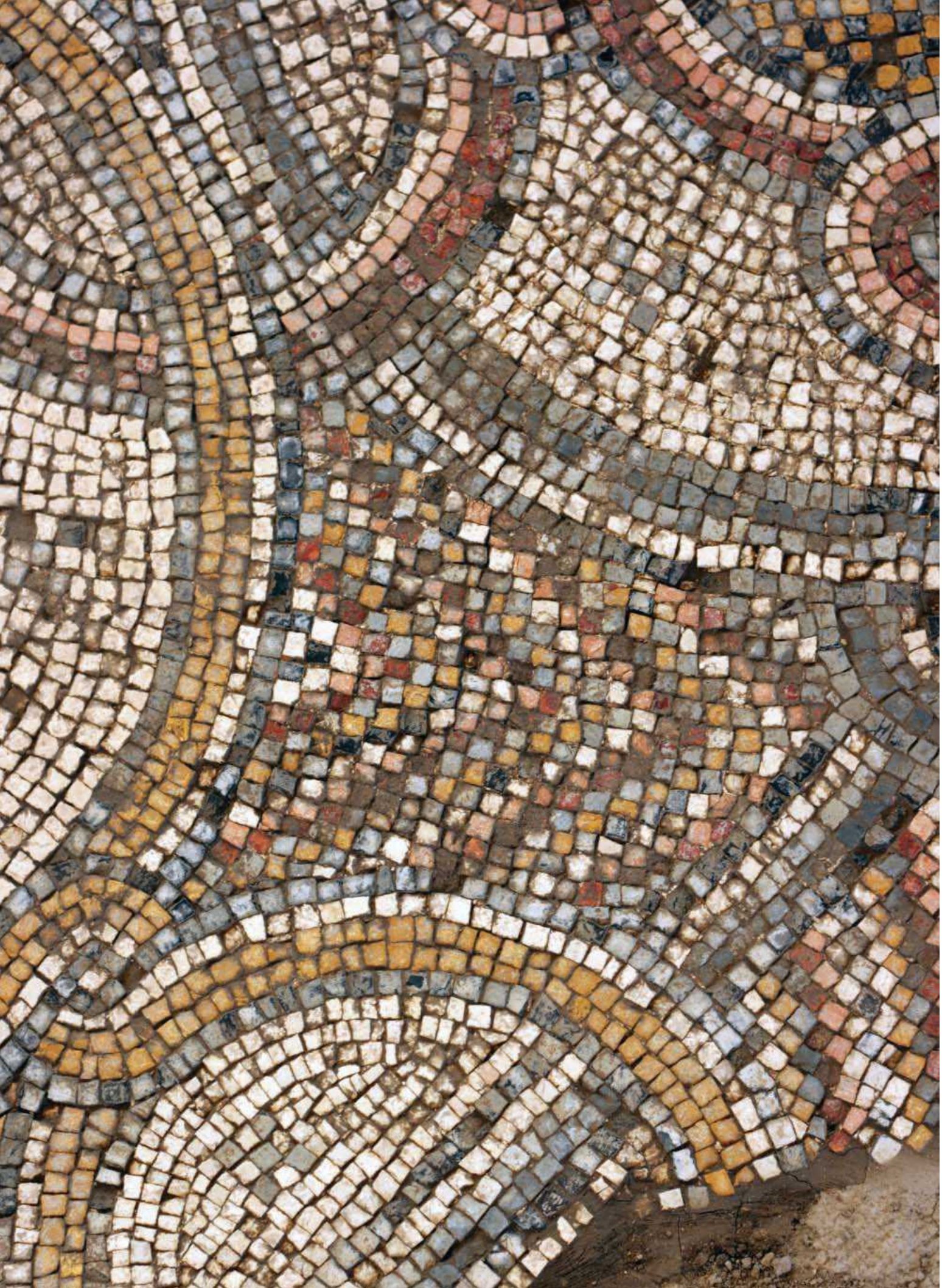
Центральный венок охватывает композицию из сложно сплетенной цепи кругов и ромбов, образующих крестообразные фигуры. Илл. 222, 226-227, 230-231, 234. Средокрестие, поврежденное особенно сильно, восстанавливается как взаимное сплетение двух фигур, выполненных, как и вся композиция, из многолинейных разноцветных полос. Одна фигура — крупный ромб с крупными же кругами на углах. Вторая фигура — крест из четырех небольших кружков, которые «нанизаны» на стороны ромба и от которых наружу вытягиваются еще четыре крупных круга (такие же, как из углов ромба). В результате, возникают 8 больших чередующихся кругов (4 вытянуты из углов ромба и 4 из меньших кружков центрального креста), которые не пересекаются, но соприкасаются друг с другом краями, касаясь в то же время главной окружности-венка. Эта новая полная окружность, составленная из больших кругов, дополнительно соединена самостоятельной цепью из чередующихся маленьких кружков и кругов среднего размера. Большие круги чередуются по цвету полос (на желтой и черно-серой основе), а все малые, видимо, были образованы полосами красно-розово-белых тессер. Эта цепь из 16 кругов замкнута и самодостаточна, ее ленты не связаны ни с одним из внешних элементов, но кольца пропущены через края больших окружностей таким образом, что маленькие кружки как бы охватывают, связывают края больших, а средние образуют в середине каждого большого круга крестообразную фигуру (чтобы достичь этого, из оставшихся свободными краев выпущены небольшие узелки). Наружные размеры (при ширине лент 5–6 см): больших кругов — 59.5–60.0 см, средних — до 30.0 см, соединительных — немного меньше, 25.0–27.0 см.

227. Раскоп 2/В. Большая мозаика. Заполнение северо-восточного угла: вазон-амфора с плодоносящей виноградной лозой. В процессе расчистки.

От центра (внутри большого ромба и между краями больших кругов) пущены мраморировки, образующие фон кресто-круговой композиции. Таким образом, центральная часть заполнена до отказа. Но внутри четырех центральных кружков мраморировки нет, там простое заполнение из белых тессер.

Как заполнялся геометрический центр композиции — неизвестно, участок полностью утрачен, но здесь можно реконструировать маленький квадрат-ромб или (не менее вероятно) еще одни кружок, равновеликий образующим его ветвям креста. Наконец, учитывая характер размещения сохранившегося фрагмента центральной мраморировки (уцелел южный угол центрального ромба), допустимо предположить здесь еще одни, прямой и простой крест[359]. Таким образом,

[359] Такие кресты известны в сохранившихся мозаиках «с узлами», прежде всего — в Ранней Западной церкви в Шило (Amir 2012: 477, fig. 46, *2–4*), мозаика которой хотя и несравненно сложнее, но имеет много сходного с иоасафовской. См. об этом ниже.

нельзя исключить ни крестообразной разделки «под мрамор», ни включения в центр композиции медальона с растительным элементом (росток, лист, цветок) — для любого решения можно найти аналог в широком кругу похожих композиций, о которых скажем ниже.

Игра фоном продолжается и в кругах цепи из больших, средних и малых колец, а также между ними и главным кругом. Малые круги (их 8) заполнены, подобно фону бордюра, шахматным узором из желтых и черных тессер, только квадратики «доски» здесь образованы не четырьмя, а одним камешком. Остальной фон и промежутки фигур — белые. Их оживляют ритмично расставленные, буквально во всех просветах, крестообразно соединенные лепестки («четырехлистный клевер») и простые крестики из четырех черно-серых тессер каждый (по 4 элемента внутри каждого из больших кругов и по 1 — в каждом белом промежутке вдоль главной окружности, всего 64 элемента).

Последний орнаментальный прием, использованный мастерами мозаики, — заполнение оставшихся лакун между большими кругами и главным кругом. Здесь помещено 8 фигур, обычно именуемых у исследователей декора пельтами (т.е. щитами в форме полумесяца — традиционный орнаментальный элемент, уходящий в доклассическую эпоху; см. выше, илл. 230, 232, 235). Пельты выложены темно-красными камушками и обращены рожками к краю венка, а выпуклостью — внутрь. Однако не исключено, что исполнитель мозаики воспринимал их как половинки лябрисов (восходят к форме двулезвийных ритуальных топоров архаической Греции). Во всяком случае, лябрисы — единственная, сколько нам известно, арматура, встречающаяся в мозаиках христианских церквей[360] (в основном в интерколумниях, вблизи от входов) в таких памятниках, как Анаб эль-Кабир (Anab el-Kabir), Хирбет Тауаз (Kh. Tawas) и Бейт Анун (Beit ʻAnun)[361].

229. Раскоп 2/B. Большая мозаика. Фрагмент с угловым узлом, сплетенными кругами и краем центрального ромба.

Стилистика, аналоги, символика, хронология «большой мозаики»

Переходя от описания к анализу композиции, нужно признать, что весь этот изощренно и плотно выстроенный, чрезвычайно сложный для восприятия (особенно если читать описание, не видя чертежа) каскад кругов и крестов с разнообразными дополнениями избыточно геометричен и принципиально неизобразителен. Исключения сделаны только для сюжетов растительной орнаментики: розанов и ростков с цветами в бордюре, виноградной лозы с ее усиками и гроздьями, а также изображения сосуда (вазы) и орнамента под мрамор (если уместно говорить о его изобразительности). Эти мотивы хорошо известны в искусстве Византийской Палестины и, как включающие устойчивые евхаристические символы, свойственны христианским памятникам, хотя не чужды и репертуару двух других авраамических религий.

Наиболее оправданно хроностилистическое сопоставление Иоасафовской мозаики с полами культовых зданий христиан, самаритян и иудеев[362], построенных в период от начала V до VIII в. к западу и, отчасти, к востоку от реки Иордан. Большинство этих мозаик создано, однако, всего за 100–150 лет, в конце V — первой трети VII в. Картина изобразительной деятельности мозаичистов в Палестине и Иордании достаточно подробно представлена в работах Микеле Пиччирилло[363], Рахили Хачлили[364], Рони Амира[365], Лихи Хабас, Рины Тальгам[366] и их предшественников.

С первого же взгляда очевидно, что Иоасафовская мозаика уверенно вписывается в традицию Иудеи, Южной Самарии и связанной с ними части памятников Иордании, где основу репертуара составляет геометрическая орнаментика, использующая типовые элементы в сочетании с мотивами растительного [367] (среди них ведущую роль играет виноградная лоза), реже — животного мира (сравнительно часты птицы), но изображения человека очень редки[368].

---

[360] Их сопоставляют со стихом из Евангелия: «Уже и ссекира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3:10).

[361] Amir 2012: 477, fig. 45.

[362] В Палестине мастера-мозаичисты (как ремесленники и художники вообще) работали для заказчиков вне зависимости от конфессии. См.: Talgam 2000: 93–110.

[363] Piccirillo 1981; Piccirillo 1992.

[364] Hachlili 2009.

[365] Amir 2012: 445–488.

[366] Talgam: 2014.

[367] Представители животного мира изображались гораздо реже.

[368] Не вдаемся здесь в дискуссию о причинах отказа изображать человека. Иудеи и, особенно, самаритяне с периода Второго храма еще стремились следовать второй заповеди. Кроме того, эти территории были относительно бедны и не привлекали художников, привыкших оперировать более широкими ресурсами. См.: Amir 2012: 445.

231. Раскоп 2/B. Большая мозаика. Юго-восточная часть заполнения венка: цепь из больших и малых кругов с заполнением лакун пельтами.

230. Раскоп 2/B. Большая мозаика. Юго-восточный внешний угол, заполненный мраморировкой, и прилегающая часть венка с пельтом и одним из больших кругов.

Использованные в Иоасафовской мозаике орнаментальные элементы распространены исключительно широко как географически, так и хронологически, это своего рода дежурный набор, в качестве типовых образцов повторяющийся от памятника к памятнику с незначительными изменениями, но в различных сочетаниях. К образцовым элементам относятся, например, крестообразно разделенные восьмилепестковые розаны. Известный пример их многократного повторения — ковровая мозаика в крипте церкви в Хирбет Бурейкут (Khirbet Bureikut)[369], где розетки чередуются с крестами из листьев. Для бордюра с композицией из медальонов, в которые вписаны очень похожие розаны, один из лучших аналогов — мозаика полов базилики в Вифлееме эпохи Юстиниана I (2–3-я четв. VI в.)[370]. Можно указать и на упрощенный бордюр из розанов с четырьмя лепестками в медальонах в капелле св. Феодора собора в Герасе (построен ок. 496 г.)[371]. В самом Иерихоне крестообразные розаны использованы в мозаике Антониновского участка, хотя и в иной композиции, в ковровом покрытии вокруг эпитафии игумена Кириака, времени правления Юстина II (565–578 гг.; см. выше, в гл. I).

Отметим плетеный бордюр подобного типа с медальонами в сочетании с шахматным орнаментом из очень крупных квадратов, а также использование «пельтов» в углах, где обычно изображаются амфоры с лозами: известная мозаика с изображением богини Тихэ (нач. VI в., один из залов вокруг площади Сигма) в Бейт Шеан (Скифополис), и очень близкая ей, но без цветочного бордюра и медальона — в синагоге в Мероте (Галилея, V в.?).

Прием мозаичной имитации мрамора[372] распространен еще шире и встречается чуть ли не во всех памятниках мозаичного искусства, однако хронологически его связывают прежде всего с V–VI вв. (ранняя Северная церковь в Шило (библ. Силом); ранние слои мозаики в Дейр Квала

[369] Magen 2010: 214–215.
[370] CaC-II 2012: Fig. 222.I, p. 100. См. подробнее: Hamilton 1947.
[371] Piccirillo 1981: Fig. 31; Piccirillo 1992: Fig. 532, p. 284–285.
[372] Англоязычная литература описывает в последнее время этот мотив как «зигзаг», «ломаную линию» и даже «радугу», часто отказываясь от его трактовки как имитационного, подражательного. Однако в свете известного нам о византийской церковной орнаментике связь мотива с копированием узоров дорогих мраморных плит несомненна.

233. Раскоп 2/B. Большая мозаика. Заполнение северо-восточного угла: вазон- амфора с плодоносящей виноградной лозой.

(Deir Qal'a) и на бёме церкви в Хирбет эль-Лататин (Kh. el-Latatin), но она известна и позже[373], вплоть до церкви в Хирбет Истабул (датируется по надписи 701 г.).

То же самое можно сказать о мотиве косички, сплетенной из нескольких прядей, —это один из самых распространенных, живущих на протяжении тысячелетий, но достигших особого развития мотивов в византийском искусстве.

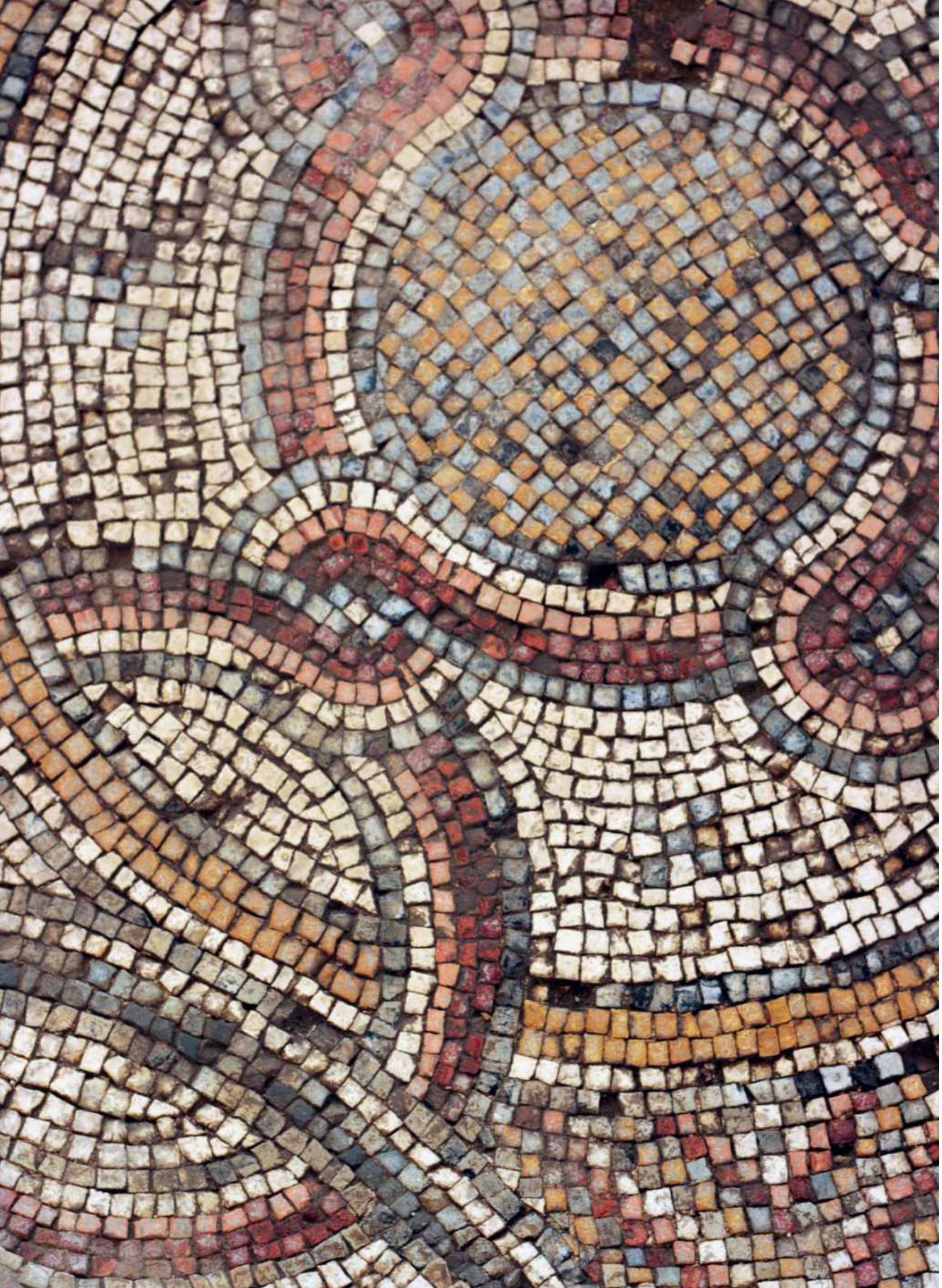
Несколько специфичнее представленный в галерее Иоасафовского участка мотив сложного «циновочного» плетения, — но для изучаемого периода и территории и он настолько распространен, что, наряду с «мраморировкой» и «косичкой», вне анализа общего композиционного решения не дает надежных стилевых или хронологических привязок.

Важнее, конечно, мотив амфоры — вазы с двумя вычурными ручками. Он довольно часто используется отдельно (хороший пример — мозаика, ок. 570 г., церкви в Khirbet el-Beiyudat (Архелай?), всего в 12 км к северу от Иерихона[374]; четыре диагонально направленные амфоры-вазы в мозаике капеллы св. Феодора в Герасе[375]; две сложно выполненные диагонально поставленные вазы и два куста с куропатками в церкви на Хирбет Муниах-Асфур, Khirbat Munyah-'Asfur[376], 6 км северо-западнее Герасы) и др.

Обычно, однако, амфора составляет часть композиции «виноградная лоза», где из нее исходят ростки с гроздьями винограда [377]. Примеров много, и они представляют решение всех степеней сложности, от развитых композиций (иногда это целые картины несомненно символического свойства: мозаика с птицами в медальонах (Birds' Mosaic) в погребальной часовне с армянской надписью в Иерусалиме; панель из зала трапезной в большом монастыре Мартирия в Маале-Адумим[378];

232. Раскоп 2/B. Большая мозаика. Остатки заполнения юго-западного угла, позволяющие отождествить его с северо-восточным (по краям - следы цементного укрепляющего раствора конца XIX века).

[373] Amir 2012.
[374] Hizmi 1993: 155–163.
[375] Piccirillo 1981: Fig. 31; Piccirillo 1992: Fig. 532, p. 284–285.
[376] Piccirillo1992.: Fig. 598, p. 499.
[377] Не останавливаясь на происхождении и исходном символизме сюжета («источник жизни», символ Христа и Его жертвы и др.), упомянем о его происхождении от римских композиций с диагонально размещенными деревьями или разросшимися виноградными лозами, исходящими из урны. Тема глубоко изучена, в том числе на примере мозаики с изображением сезонных работ, найденной в 1995 г. в Кесарии Приморской. См.: Talgam, Shadmi, Patrich 2012: 77–104; Talgam 2014.
[378] Magen 2010: 224.

235. Раскоп 2/B. Большая мозаика. Вид с востока на северо-восточный угол.

западная панель в зале капеллы на Хирбет эль-Каср (Khirbet el-Qasr[379]), до сравнительно простых изображений в том же Архелае[380], в Поздней Северной церкви в Шило VI в.[381], в Дейр Квала (Deir Qala)[382], в Хирбет Умм Деймине (Khirbet Umm Deimine)[383] и во многих других памятниках и, далее, до примитивных схем, с трудом возводимых к прототипу, о которых ниже.

Готовые образцовые решения явно существовали и для упрощенных вариантов плетеных орнаментов типа «круги, узлы и ромбы»; хорошие примеры — в монастыре Мартирия (Маале-Адумим), церкви в Anab el-Kabir[384] (не ранее VI в.), Ранней Северной церкви в Шило[385] и многие другие. Однако сложнейшие хитросплетения кругов, петель и узелков в больших мозаичных панно, таких как пол наоса Ранней Северной церкви в Шило[386], несомненно, представляют авторские решения (в двух мозаиках Шило даже указан художник или хозяин мастерской по имени Зосис)[387].

Чтобы выбрать наиболее близкие Иоасафовской мозаике примеры, следует обратиться к общей композиционной схеме, которая, хотя и представляет распространенное решение, имеет некоторые особенности. Так, далеко не во всех аналогичных мозаиках в противолежащих углах использованы не один, а два мотива, конкретно — мраморировка и росток. Вторая особенность — цепь из кругов и композиция центральной части, в которой применен только один ромб (обычно они по количеству сопоставимы с кругами). Аналогичное увлечение круговым

234. Большая мозаика. Часть цепи из сплетенных кругов внутри венка.

[379] Ее фланкируют два павлина, два оленя, собака и заяц, а в восточном конце — два льва, держащих круг с орлом. См.: Amir 2012: Fig. 14.

[380] Hizmi 1993.

[381] Magen, Aharonovich 2012: Fig. 20.

[382] Amir 2012: Fig. 35, 36

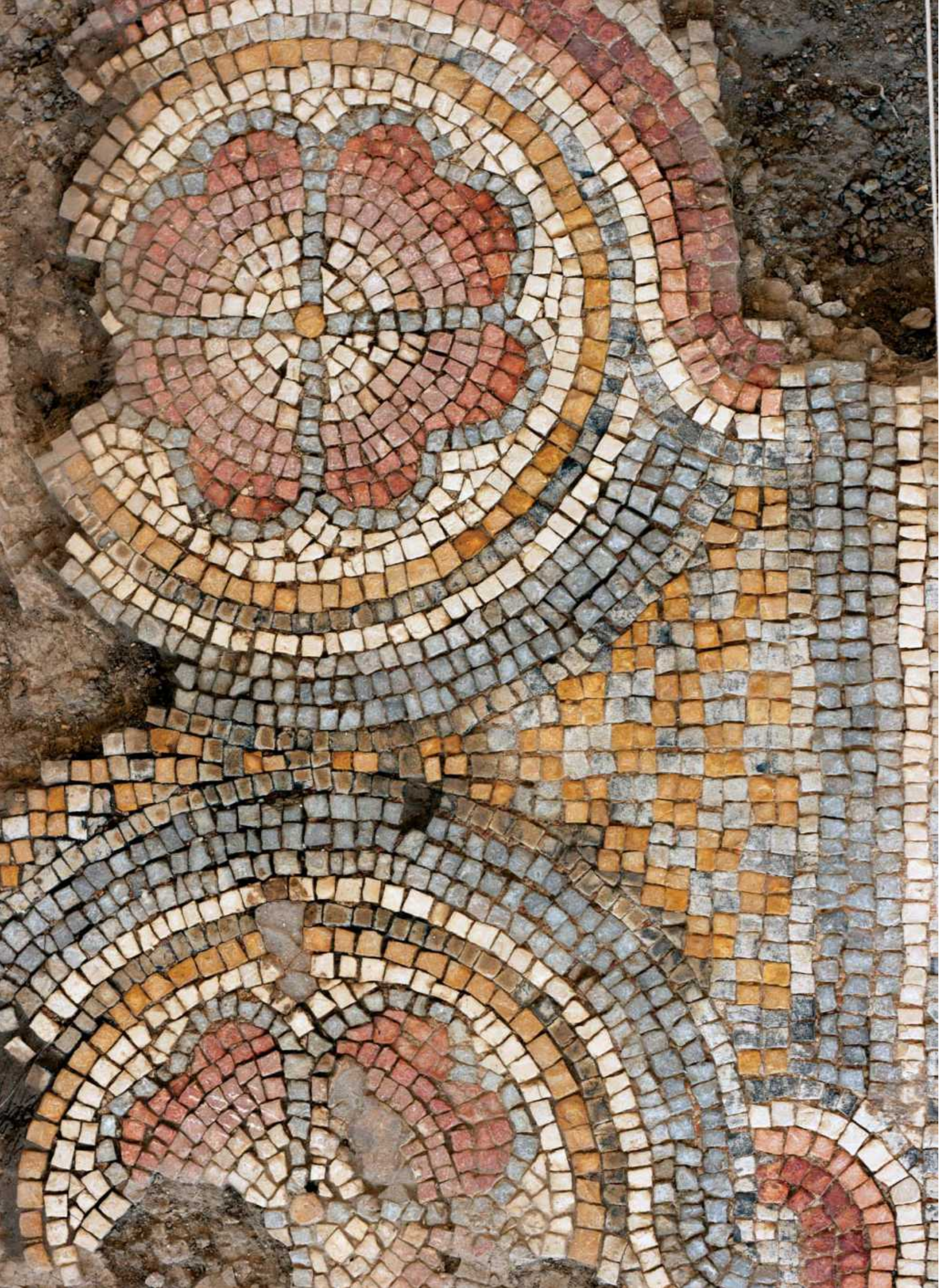
[383] Magen, Batz, Sharukh 2012: Fig. 23, 24; Amir 2012: Fig. 3.

[384] Magen, Peleg, Sharukh 2012: Fig. 36, 37 a.o.

[385] Magen, Aharonovich 2012: Fig. 22–24 a.o.

[386] Ранняя церковь датируется началом V в., ее мозаика считается древнейшей христианской в Палестине (не считая пола *domus ecclesia* в Мегиддо). Пол в главном нефе имеет номер F(L)-123. См.: Magen 2010: 184–185, 188; Magen, Aharonovich 2012: Fig. 4, 9, 10. Интересно, что здесь помещение с кругом-венком довольно далеко отстоит от мыслимой алтарной части.

[387] Zosis. См.: Amir 2012: 483–485.

плетением мы наблюдаем в церкви в Шило, где ромбы в цепь не включены и использованы только для оформления центрального узла (сохранившийся угол, кстати, заполнен великолепной мраморировкой, но другие углы не сохранились). И, хотя ни по размеру, ни по виртуозности исполнения мозаики из Шило и Иоасафовская, разумеется, несравнимы, это сходство следует иметь в виду.

С другой стороны, эти же элементы, причем встреченные в близком композиционном сочетании, сближают Иоасафовскую мозаику с обширной группой композиций в Мареше[388], Герасе (565 г.)[389], Deir es-Smadiyeh (район Пеллы)[390], Umm Qays (Гадара)[391] и других местах[392]. В некоторых случаях они выполнены искуснее и богаче, в других — уступают Иоасафовской мозаике, но композиционно всегда сходны [393].

Особенно это бросается в глаза в композиции, недавно открытой израильским археологом Риной Авнер на территории кибуца Бет Квама (Bet Qama, по дороге на Беэр-Шеву)[394]. Ковры цветной мозаики заполняли здесь очень крупный (12×8.5 м) зал какого-то общественного здания, осторожно датированного в широких пределах IV–VI вв. Центральный квадрат чрезвычайно похож по композиции на Иоасафовскую мозаику, но более развитую: два угла заполнены амфорами с прекрасно выполненными процветшими лозами с листьями и гроздьями, а также птицами (павлины, голуби); в двух других углах воспроизведены полы из мрамора (в другом ковре использован также мотив двухцветных плиток); центральный круг заполняет крестообразный узел, образующий далее ромбы, круги и петли.

Иоасафовская мозаика может рассматриваться как редукция композиций в Шило и Бет Квама. Но не меньше ее сходство с «учебником геометрии» на полах церкви в Мареше, где покрытие — своего рода лист из книги образцов с шестью вариантами кругов и ромбов с петлями, вписанных в квадраты и завязанных узлами. Представлены не только версии плетения этих огромных узлов, но и возможные заполнения углов: под мрамор; шахматное; уплощенная раковина (в виде лепестков ромашки); граненое (противопоставленные треугольники контрастных цветов). В трех случаях применены примитивные рисунки амфор с ростками, — они почти утратили сходство с прототипом и опознаются только в типологическом ряду. Один из этих квадратов можно считать упрощенной схемой Иоасафовской мозаики: два противолежащих угла заполнены под мрамор, два других — значком «амфора с лозой», в венке — узел из кругов и ромбов, образующих крест; правда, звенья цепи — не округлые, а зубчатые, ломаные. Несколько упрощенный вариант Иоасафовской мозаики представляет и уже упоминавшаяся мозаика в Герасе[395], где кроме бордюра из розанов есть четыре угловые амфоры, поставленные по диагонали.

Немаловажен и вопрос о том, какое место в комплексе помещений раскопа 2 могла занимать цветная мозаика. В свое время о. Иоасаф предположил, что это церковный зал, но Я.А. Смирнов, не обнаружив к востоку от комнаты алтарных полукружий, отказался от такой трактовки. Собранные данные о месте «больших венков» в наосах церквей V–VII вв. показывают, что такой отказ был преждевременным. В известных к настоящему времени мозаиках Иудеи и Самарии ясно подчеркнута связь уровня мозаики с ее местом в литургическом пространстве. В боковых галереях, на бёме и даже в алтарях (последних известно не много) мозаики скромнее, их узор проще, а цвет не так разнообразен. Мозаики наоса обычно представительнее и богаче, мастера явно выделяют центральную ось и «средокрестие» храма, подчеркивая их надписью, крестообразной композицией и/или венком.

При этом дальше к литургическому востоку может лежать, по крайней мере, столь же обширная часть наоса, как и украшенная квадратом с венком[396]. Как, например, в церкви в Хирбет

236. Раскоп 2/В. Большая мозаика. Плетенка с медальонами бордюра (восточный край) в ходе расчистки.

[388] Kloner 1993: 260–264.

[389] В «дьяконнике» церкви, изученной вблизи Артемисиона (Piccirillo 1981: Fig. 30; Piccirillo 1992: Fig. 574).

[390] Piccirillo 1981: Tav. 7–8, Fig. 7.

[391] Ibid. 1981: Fig. 18, Tav. 20–22.

[392] Самый поздний пример такой композиции, пожалуй, в северном крылосе пресвитерия церкви св. Стефана в Умм Аль-Расас (Umm al-Rasas, Кастрон Мефаа), 756 г. См.: Piccirillo 1992: 238–239, Fig. 346.

[393] Интересно, что схему Иоасафовской мозаики можно сопоставить с таким художественно и сюжетно своеобразным, причем ранним (конец IV в.?) памятником, как пол синагоги в Хирбет Самара, имеющий медальонный бордюр, охвативший два квадратных панно, в одно из которых вписан круг-венок с подковообразными плетенками, а углы заполнены широкогорлыми вазонами, из которых выходят побеги с пышными листьями. Во втором из квадратных панно, разделанном восьмигранными кессонами, сохранившийся угол заполняет круг с типичной и для более позднего периода композицией «узлы и ромбы». См.: Magen 2010: 136–139.

[394] Prostak 2013: http://www.sci-news.com/archaeology/article01068.html

[395] Piccirillo 1981: Fig. 31.

[396] Amir 2012: 445–446. Оставляем в стороне вопрос о топографии этих композиций (особенно венков-кругов) в связи с темой церковных омфалиев, мест для возглашения и с иными возможными функционально-литургическими и семантическими трактовками.

Хурийя[397] (Khirbet Huriya, по дороге из Яффы в Иерусалим; возможная дата — V в.), где огромный круг со сложным «циновочным» плетением отмечает центр церковного пространства. Мозаичный ковер с большим центральным венком известен, в незначительных остатках, в центре внутреннего двора монастыря Khirbet el-Qasr (2-я пол. V — нач. VI в.)[398]. Венок из косички (с надписью внутри), вписанный в такой же квадрат, далеко отнесен от апсиды и в церкви св. Георгия (правда, очень поздней, 637 г.) в Хирбет аль-Самра (Khirbat al-Samra, район Босры)[399]. В одной из церквей в Khirbet Zur[400], выросшей в VI в. на месте римских бань, возможно превращенных в баптистерий, в двух соседних помещениях выложили два больших круга, заполнив углы квадратов крайне схематичными, но узнаваемыми изображениями амфор с побегами. В целом это иная композиция узла — господствуют не столько круги, сколько пластичные, змеевидно перевивающиеся ленты, местами приобретающие жесткость углов, напоминая о ромбах[401]. На беме капеллы в Хирбет Умм Деймине (Khirbet Umm Deimine, юго-западнеее Иерихона, дата — с рубежа V–VI вв. до VIII в.) — два медальона аналогичной орнаментации, с переплетающимися фигурами, а по углам — конхообразные формы, «радужный» орнамент, плоды граната на ветвях. Общая рама и венок выполнены в одинаковой манере из плетенки-косички[402].

Можно подобрать и другие примеры использования большого венка в центре мозаичного ковра в наосе или в связанных с церковным пространством, но не близких непосредственно к алтарю помещениях[403]. Очевидно, что такое устройство пространства, при котором венок отнесен очень далеко к западу от алтаря, позволяет и в Иерихоне ожидать апсидную часть гораздо дальше к востоку, чем думали наши предшественники.

Хронологически появление мозаик соотносимо с общей стратиграфией раскопа 2, где они включены в одну из поздних фаз активного строительства на участке, поскольку входят в состав предпоследнего «ремонтного» пола, которому предшествует, по меньшей мере, еще один, а возможно, и несколько. Абсолютную дату установить трудно, хотя аналоги подобных композиций, как мы видели, достаточно многочисленны, и самый поздний из них — бесчисленные петлеобразные композиции дворца халифа Хишама раннего умайадского периода (2-я четв. VIII в.)[404]. Однако, сколько известно, в мозаиках дворца отсутствуют крестообразные фигуры, а крупные розаны, явные наследники византийского репертуара, пышно разрослись, потеряв столь отчетливый в типовом розане крест. Помпезные, усложненные и в то же время несколько мятые хитросплетения полов дворца не производят впечатления близкой аналогии плотным и полным энергии византийским узлам из кругов и ромбов — это уже другой период и другая культура, хотя, несомненно, наследующая прежней традиции[405].

По набору мотивов и особенно по ремесленно-художественному уровню Иоасафовскую мозаику нельзя отнести к наиболее поздним: полы VII–VIII вв. отличает упадок качества, примитивное построение орнамента и отсутствие или крайняя схематизация растительных мотивов[406]. В нашем случае розаны в медальонах, ростки с цветами в углах, искусно выполненные лозы с кистями винограда играют значительную роль, а совершенство исполнения орнамента, особенно его уверенная и точная геометрия несомненны. Широкие хронологические рамки исполнения Иоасафовской мозаики, как и у многих не датированных строго с помощью нумизматики или эпиграфики полов, — V–VII вв. Учитывая стилистические данные, стратиграфию и статистику находок, для мозаики Иоасафовского участка можно сузить эти рамки до 2-й пол. VI — 1-й четв. VII в. Не исключено также, что она создана в период позднего расцвета мозаичного искусства, который сейчас выделяют в Палестине в третьей четверти VI столетия. Илл. 236.

---

[397] Hareven and Greenfeld 2012: Fig. 3, 5, 14, 15.

[398] Magen, Har-Even, Sharukh 2012: 273–274. Fig. 42–43; Amir 2012: 454–455. Fig. 14, 15.

[399] Piccirillo 1992: Fig. 600–601.

[400] Batz, Sharukh 2012: Fig.12

[401] В квадрат вместо венка вписаны несколько концентрических окружностей, чрезвычайно плотно перевитых лентами цветных тессер.

[402] Magen, Batz, Sharukh 2012: Fig. 23, 24; Amir 2012: 456–457. Fig. 3, 4.

[403] Полный обзор распространения элементов, использованных в Иосафовской мозаике, не входит в задачи данной монографии.

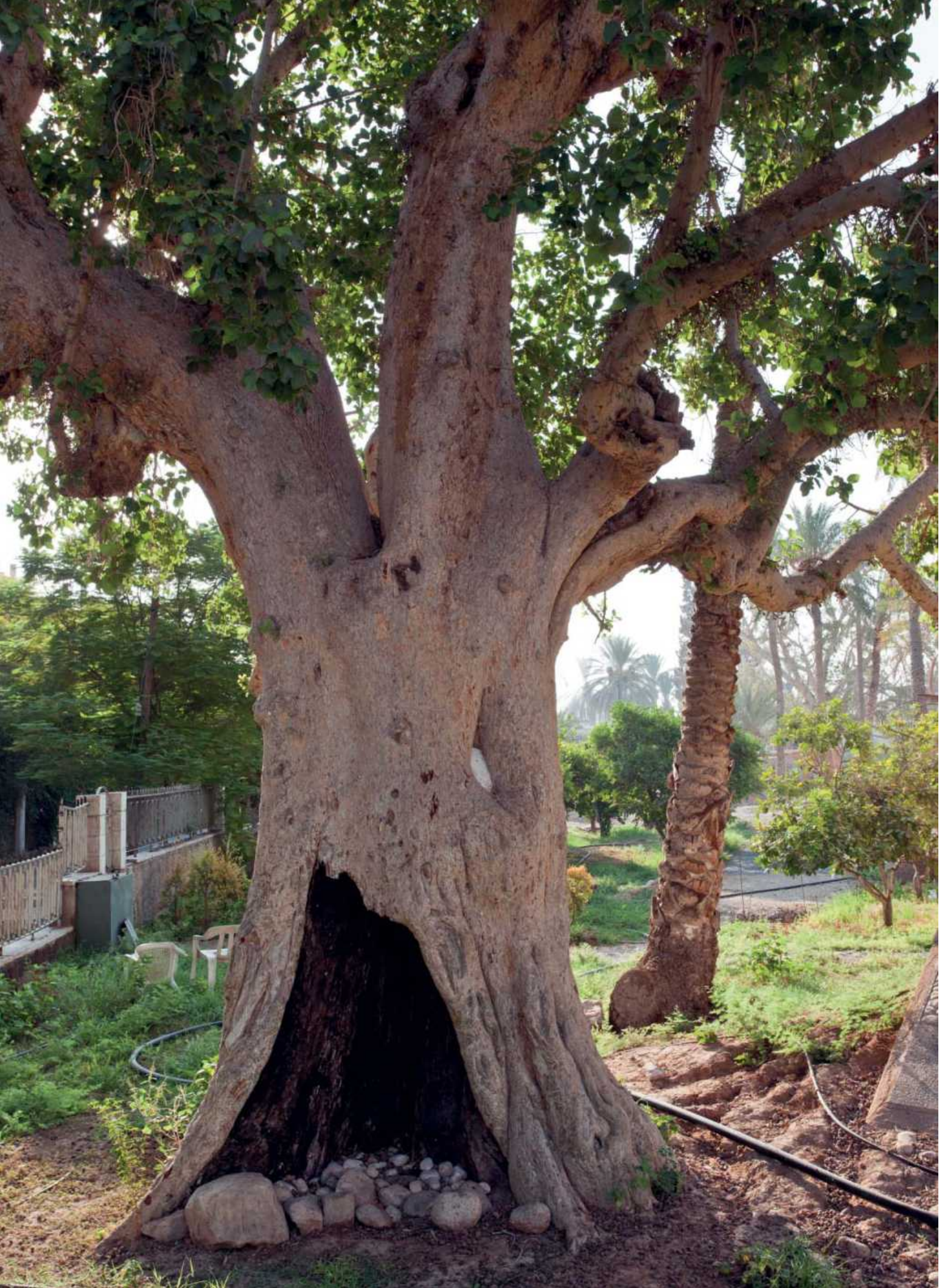
[404] Taha and Whittcomb 2015.

[405] Аналогия этим композициям в мозаичном искусстве того же времени — известная «ремонтная» мозаика середины VIII столетия в церкви Богородицы в Мадабе. См.: Piccirillo 1992: 64–65, Fig. 21–23.

[406] Amir 2012: 483.

ГЛАВА IV

«АРХЕОЛОГИЯ ЗАККХЕЯ»: ДОМ И ДЕРЕВО

ГЛАВА IV. «АРХЕОЛОГИЯ ЗАККХЕЯ»: ДОМ И ДЕРЕВО

Нет больше в Иерихоне ни роз, ни пальм…
Франсуа-Рене де Шатобриан

Среди множества почитаемых объектов в оазисе Иерихона важное место занимают мемории евангельского персонажа, раскаявшегося мытаря Закхея. В Евангелии от Луки рассказано о встрече Христа с будущим праведником, тогда — сборщиком налогов, на дороге у входа в город (Лк: 19, 1–10). Последний, будучи малого роста, влез на дерево — смоковницу, чтобы лучше видеть в толпе приближающегося Иисуса. Христос не пренебрег мытарем, но обратился к нему, обещав переночевать в его доме. Иисус с учениками был хорошо принят и провел у Закхея последний мирный вечер странствий по Палестине. Наутро они достигнут Масличной горы, последует триумфальный вход в Иерусалим и полные трагизма дни, завершившиеся Распятием и Воскресением. Отталкиваясь от этого повествования, традиция выделила две мемории — Дерево Закхея и его Дом.

Дерево или его остатки упоминают в ранневизантийский период, позже о них пишут в прошедшем времени, но с конца XIX в. традиция почитания живых деревьев или их сухих стволов восстанавливается. Не позднее конца Средневековья с плодами и деревом свяжут особые виды евлогий: один из местных масляных бальзамов получит название «Масло Закхея»[407]; появятся трости местного изготовления, части ветвей и иные традиционные сувениры.

Выделение и почитание конкретного Дома Закхея отмечено позже, не ранее эпохи Крестовых походов, и завершается, по мере развития научных исследований Оазиса, с концом XIX — началом XX в. Сейчас эта традиция почти исчезла (хотя некоторые паломники все еще ассоциируют дом, построенный о. Антонином, с Домом Закхея).

Обе мемории имеют прямое отношение к исторической топографии и отчасти к археологии Иерихона I–II тысячелетий. Кроме того, обе они неразрывно связаны с появлением и освоением русских участков. Поэтому необходимо дать хотя бы краткий обзор и анализ источников для их истории.

Деревья Закхея

Первым по хронологии и, в настоящее время, главным объектом почитания памяти о пребывании Христа в Иерихоне является Дерево, точнее — деревья Закхея. На участке МПК РФ такое дерево (*Fícus sycómorus*, *сикомора*, *фиговое дерево*, араб. эль-Джумеиз, *el-Djumeiz*) — важнейшая точка привлечения большинства посетителей. Илл. 237. Дерево включено в официальный список достопримечательностей и даже оказалось среди «основных объектов» на современной карте памятников культуры Иерихона, где возник особый топоним «Холм участка Сикоморы»[408]. Этот природный экспонат связан, по крайней мере, с двумя проблемами, имеющими отношение к археологии, — с традицией почитания реликвий и с хронологией. Поэтому невозможно обойти вопрос о нем в публикации, посвященной Иоасафовскому участку.

Источники фиксируют очень раннее присутствие такой реликвии — она была совершенно необходима для оформления византийского Иерихона в одно из святых для христиан мест. Вскоре после того, как Палестина стала «Новой Святой землей» Римской империи, то есть уже с первой половины IV в., дерево появляется в итинерариях. Примем за точку отсчета эту эпоху ранней византийской христианизации Святой земли, начиная с которой понятие о такой реликвии, как Дерево Закхея, несомненно, было устойчивым, но не будем возвращаться к давнему спору о возможности или невозможности сохранения памяти о евангельских, то есть происходивших в I в. н.э. событиях, на протяжении тех трех столетий когда христианство не имело здесь церковной инфраструктуры и сам пульс которого едва улавливался[409].

237. «Зль-Джумеиз» — фикус-сикамора на участке Музейно-Паркового комплекса РФ. 2010 г.

[407] Тут чувствуются коннотации с античными авторами, часто писавшими об умащениях и благовониях Иерихона, упоминая конкретное медико-косметическое средство, «опобальзам».

[408] В перечне достопримечательных мест и их элементов, предложенном в диссертации Ахмеда Рджооба, они учтены как «Сикамора в Иерихоне» и «Хирбет участка Сикаморы в Иерихоне»: Sycamore Tree Jericho 193400.98400 140706.24600 (Feature); Kh. Area of Sycamore Tree Jericho 193464.33400 140668.23600 Khirbeh (Main site). См.: Rjoob 2011: Appendix 4.3: List of cultural heritage sites of Jericho.

[409] Подобные допущения убедительно разобраны четверть века назад в книге Джоан Тейлор: Taylor 1993. В русской литературе дискуссия подробно освещена: Беляев 1998: 19–69.

238. Остатки Дерева Закхея в греческом монастыре Пророка Елисея. Современное фото.

Перечислим традиционный набор отсылок. Дерево в составе святых мест Иерихона появляется уже в древнейшем хождении, составленном около 333 г. Бордосский путник повествует: «На правой стороне, спускаясь с горы, позади памятника, стоит дерево сикомору, на которое взлез Закхей, чтобы увидеть Христа»[410]. Что понималось под «памятником»[411] — трудно сказать, но справа от спуска в долину Иерихонского оазиса комментаторы указывают развалины Хирбет Какун — остатки Иерихона эпохи Хасмонеев и Ирода; так же их описывают близкие по времени путешественники. Действительно, разрушенные римлянами дворцы на Вади Кельт в ранневизантийское время, видимо, воспринимали именно как руины античного города и потому отождествляли их с вероятным местом, где народ встречал Христа, — при дороге, за городом. Эти признаки локации будут сохраняться и в дальнейшем, хотя сами точки окажутся в иных местах.

Сравнительно скоро (2-я пол. VI в.) то же самое или иное дерево показали Пилигриму из Плаценции уже засохшим и окруженным стенами оратория. Оно стояло при выходе из города на Иерусалим: «По выходе из города, по дороге в Иерусалим, недалеко от города Иерихона, есть то дерево, на которое взлез Закхей, чтобы посмотреть на Господа; это дерево, находящееся в часовне, проходит наружу через ее кровлю; оно высохло»[412]. Игумен Даниил видел в Иерихоне уже только пень, и вряд ли того же дерева — ведь прошло чуть не тысячелетие. Он отметил его вместе с Домом: «И ту есть дом Закхеевъ, и пень древа того и доныне стоитъ, на нь же бяше възлезлъ, хотя видети Христоса»[413].

Позже Дерево Закхея то возникает в текстах[414], то снова исчезает[415]. Обычно при расспросах местных проводников «о том месте, где был дом Закхея и где стояла та смоковница, на которую он влезал» отвечали неопределенно-положительно, что она стояла «здесь где-нибудь или еще

[410] Бордосский путник 1882: 31.

[411] Вариант перевода: *гробница*.

[412] Путник Антонина из Плаценции 1895: 65.

[413] Даниил, игумен 2007: 50.

[414] Хороший обзор текстов паломников, писавших об Иерихоне, см.: D'Andrea, Sala 2011a: 55–86. И, с особым вниманием к источникам — у Робинсона (Robinson and Smith 1856).

[415] Внимательный к деталям, святыням и памятникам, Генри Маундрелл, упомянув о башне на месте Дома Закхея, ни словом не обмолвился о соответствующем дереве: Maundrell 1703: 80. (https://archive.org/details/gri_journeyfroma00maun). Зато Покок (см. ниже) упомянет рядом с башней Дерево Закхея, поместив его, таким образом, в противоположной от МПК южной части поселения. Там же показали Дерево в начале XIX в. и Дж.С. Букингэму, который разумно отметил, что это не сикамора, а род колючей акации, обычной и в Египте. См.: Buckingham 1822. T. II: 71–73.

далее, потому что это дерево почти здесь только и растет»[416]. Стоит учесть мнение такого внимательного путешественника, как Робинсон, отметившего, что во всем «городе пальм» осталась единственная финиковая пальма (это подтверждают и другие путешественники), а сикоморы вообще пропали[417]. При этом он ссылается на наблюдения Хасселькьвиста, который полагал, что сикоморы могли расти в Оазисе в эпоху менее засушливую, и отметил их в районах, расположенных ближе к побережью Средиземного моря[418].

Следует понимать, что, хотя многие паломники упоминают и Дом Закхея, и Дерево Закхея, это происходит не потому, что они их видят (или хотя бы слышат о них от проводников), а потому, что эти святыни известны им по другим хождениям или, по крайней мере, по евангельскому рассказу. Примерно таким образом пишет о дереве компилятивный «Джон Мандевилль»[419].

Уилсон не нашел в Оазисе уже ни одной (!) финиковой пальмы. Зато над источником он, как и другие путешественники, отмечает огромное фиговое дерево (фига — обычный синоним сикоморы), а при остатках римской дороги видит «2–3 сикоморы/фиги, наследницы Дерева Закхея» [420].

Сейчас в городе минимум две одноименные реликвии. Одна, на участке греческого монастыря пророка Елисея, следуя традиции средневековых паломничеств, предлагает вниманию пилигримов засохший ствол. Илл. 238. История появления «греческого» дерева не до конца ясна, хотя известно, что монастырь, сложившийся вокруг него, появился только в конце XIX в., а его храм был построен в 1886 г. на средства двух известных благотворительниц, Марии Михайловны Киселевой, дворянки из Пензы (с 1884 г. член ИППО), и Александры Дмитриевны Богдановой, и освящен патриархом Никодимом во имя пророка Елисея[421]. При строительстве были сделаны археологические находки, в том числе мозаики с надписями[422], до сих пор опубликованные лишь частично[423] (см. выше, в гл. I).

Именно об этом дереве пишет в путеводителе 1904 г. Павловский: «Монастырь пророка Елисея. Расположен перед Русским местом, со входом у дороги. Монастырь основан недавно. Все место, занимаемое им, обсажено виноградниками, маслинами и кедрами. Небольшой, но красивый храм стоит посреди площади участка. Против него, недалеко, показывается большое старинное дерево, выросшее от того дерева, на котором, по преданию, сидел Закхей, когда мимо него проходил Иисус Христос»[424]. Сухое уже тогда дерево помещалось на церковной аллее, а позже было окружено стеной.

Другая мемория — вполне жизнеспособное, хотя и довольно старое дерево на участке МПК РФ[425]. Приглашенные ИППО российские ботаники Ю.Н. Карпун[426] и затем И.М. Куликов[427], проведя в 2000–2010-х гг. дендрологическую экспертизу, решительно датировали появление дерева временем, существенно предшествующим служению Христа, — настолько, по крайней мере, чтобы ствол молодого дерева смог выдержать вес человека[428]. Они полагают, что вторая сикомора,

---

[416] Софония 1865.

[417] «The sycamore too has retired from Jericho» (Robinson and Smith 1856: 559).

[418] Hasselquist 1766: 129.

[419] «Of that city was Zaccheus the dwarf that clomb up into the sycamore tree for to see our Lord, because he was so little he might not see him for the people» (The Travels of Sir John Mandeville 1900).

[420] Wilson 1881: 171.

[421] Антонин (Капустин) архим. Дневник за 1886 г. // Библиотека ГМИР, шифр И.П.П.О. Б IV № 853/28. С. 40. См. также: Бутова, Лисовой 2009: 158.

[422] Д.Д. Смышляев пишет об этом (12 февраля 1886 г.): «В Иерихоне обнаружил целую русскую колонию. Кроме превосходного дома о. Антонина, я нашел там дома и сады иеромонаха Иоасафа (Плеханова), Богдановой, Сушковой… Купчиха Киселева построила церковь, которую на второй неделе поста Патриарх приедет освящать. Церковь очень хорошенькая. Образа все писаны в России, где и иконостас делан. Землею Плеханова заведует крестьянин Ярославской губернии Иван Андреевич Рыков… Есть интересные остатки древних зданий, мозаичных полов, много драгоценных для археологии находок»» (Письмо Д.Д.Смышляева к В.Н.Хитрово // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 18. Л. 147). Вероятно, эти же находки упомянул в своем отчете Я.И. Смирнов.

[423] Augustinovic 1951: 66–77.

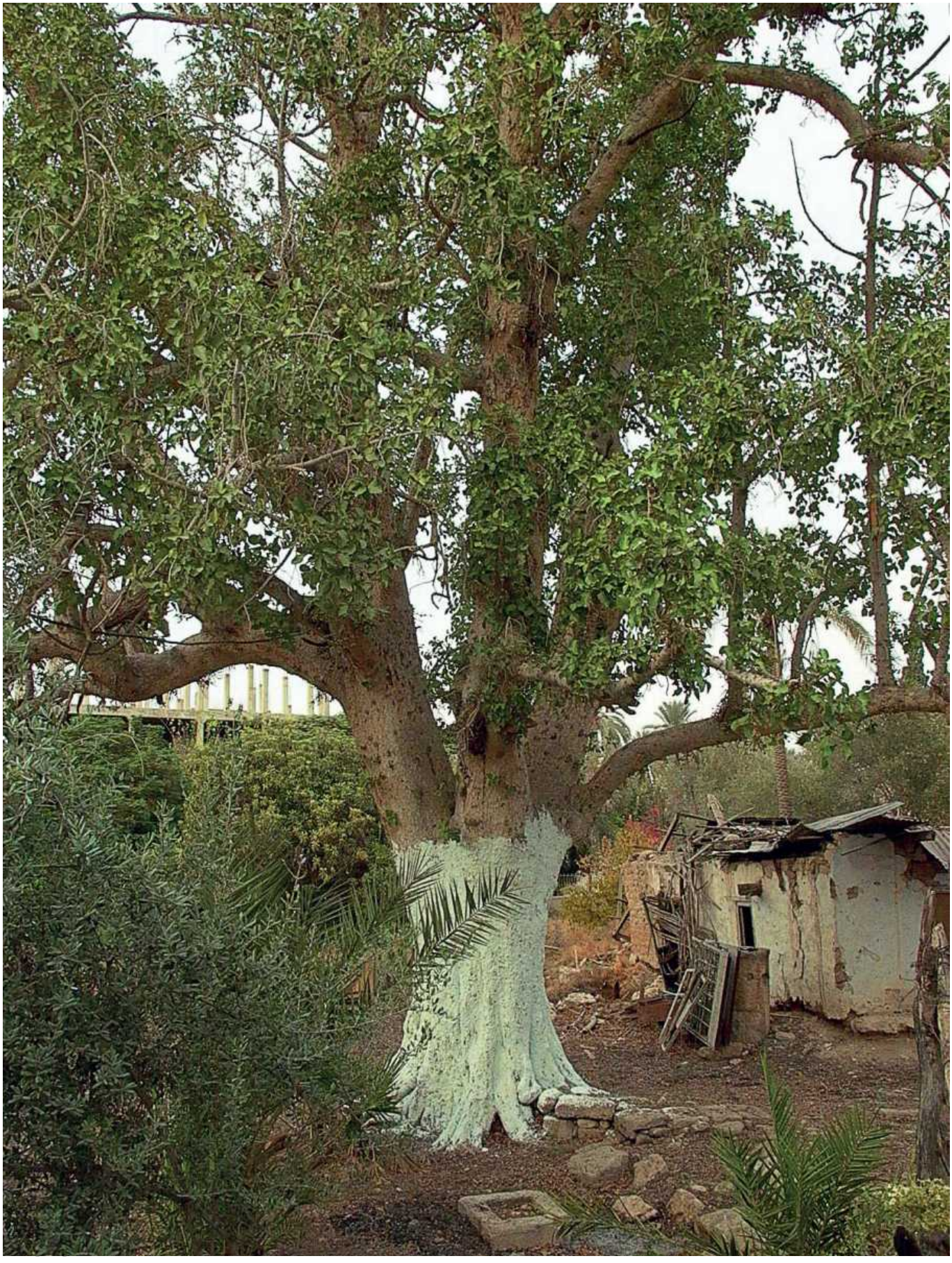
[424] Павловский 1904: 142. Интересно, что текст имеет явно позитивистский оттенок и стремится избежать обвинений в противоречии с фактами природы: дерево почитают «по преданию», да и не выдают его за «то самое» дерево, но только за *потомка* евангельской сикаморы.

[425] Согласно обмерам специалистов, высота дерева — 15 м, диаметр кроны — 25 м, окружность ствола (на высоте 1.3 м) — 5.5 м. На высоте 4 м ствол с четырьмя контрфорсами разделяется на несколько стволов; этот ствол имеет внутри открытое конусовидное дупло естественного происхождения. Наличие дупла и характерное оплывание наружных слоев древесины в нижней части ствола свидетельствует, по мнению авторов ботанической экспертизы, о древности дерева.

[426] Доктор биологических наук, директор Субтропического ботанического сада Кубани, ведущий научный сотрудник Всероссийского НИИ цветоводства и субтропических культур РАСХН. К этой экспертизе необходимо подходить крайне критически, так как ее автор явно склонен к паранаучным «теориям», о чем говорит недавно вышедшая книга (*Карпун Ю.Н.* Корневые основы языка гиперборейцев. Сочи, 2013).

[427] Доктор экономических наук, профессор, академик РАСХН, директор ГНУ «Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства».

[428] Куликов, Карпун 2010: 45–48. Более того: эту смоковницу уже генетически клонируют, чтобы иметь неисчерпаемый резерв «смоковниц Закхея». См.: Куликов, Упадышев 2013: 24–25.

239. «Запасная» сикамора в центре участка МПК до начала работ по строительству. 2006 г.

240. «Запасная» сикамора в центре участка МПК. 2011 г.

стоящая посредине участка, моложе, чем почитаемая[429], но также имеет вполне почтенный возраст — около полутысячелетия. Илл. 239–240.

Не вступая в полемику с уважаемыми натуралистами, отметим, что посещавшие парк археологи, имеющие опыт работы с природными объектами (Н.А. Кренке и др.), выразили сомнения в слишком ранней датировке, указывая на невозможность соотнести корневую шейку дерева, расположенную над современной поверхностью, с двухтысячелетней стратиграфией, — ведь поверхность античного периода, как показали раскопки, залегает на участке значительно ниже.

Ознакомление с зарубежным опытом датирования образцов Ficus sicamora[430] показывает, что большинство авторов оценивают среднюю продолжительность жизни сикомор в 300 лет, а предельный возраст предполагается максимум в 800–1000 лет; о существовании более старых деревьев этого вида мы сведений не обнаружили. Документированный возраст старейшей сикоморы на Кипре, при гораздо большей высоте (26 м) и толщине ствола (более 7 м) оценивают в 600 лет. Самой старой в Израиле традиционно считается сикомора в Нетании: допускают, со многими оговорками, что ее возраст мог приближаться к 1000–1200 годам (она чуть больше иерихонской по размерам). Прецедентов надежного определения еще более древнего возраста по внешним признакам в доступной нам мировой литературе не обнаружено.

[429] Так называемая «запасная» — термин, родившийся в МПК РФ в период работы по реконструкции, в начале 2010-х годов.

[430] Возраст деревьев этого вида не определятся по годовым кольцам — это тропическое растение и колец не имеет. По высоте и толщине ствола судить о нем можно, но очень приблизительно — скорость роста зависит от условий местности.

241. Центральная часть аэрофотоснимка Иерихона 1931 года. Отчетливо видно отсутствие деревьев на городской площади.

242. Иерихон, городская площадь с большой сикамором. Современный снимок.

243. Старый фикус-сикамора в Иерихоне. Фото середины XX в. По: Finegan, 1969. Ill. 140.

Бытовые наблюдения показывают, что скорость роста фикусов-сикомор в Иерихоне очень высока и не уступает их высокой живучести. На аэроснимке 1931 г. и других ранних фотографиях мы наблюдаем, например, совершенно пустую и свободную от растительности площадку перед отелем «Иордан»[431], в настоящее время превратившуюся в центральную площадь города, позже украшенную небольшим фонтаном. Илл. 241. Однако ныне посреди этой площади высится приличных размеров раскидистая сикомора (более-менее сопоставимая с нашей «запасной»). Илл. 242. Ей хватило прошедших 85 лет для того, чтобы достичь современной высоты ствола и диаметра кроны. Очень крупные фикусы-сикоморы встречаются и в других местах Иерихона; их иногда тоже воспринимают как имеющие отношение к Закхею, и пытаются усвоить им более чем двухтысячелетний возраст. Укажем, например, на прекрасный снимок такой сикаморы, помещенный Финнеганом в раздел о «деревьях Закхея»[432]. Илл. 243.

Как мы видим, «деревьями Закхея»[433] становились достаточно эффектные сикоморы или их остатки, встречавшие путника при дороге в Иерусалим, сразу за пределами византийского Иерихона. Так же расположено дерево эль-Джумеиз[434] и засохший ствол на «греческом» участке, примерно в сотне метров, стоящие неподалеку друг от друга по двум сторонам начинающегося современного шоссе[435].

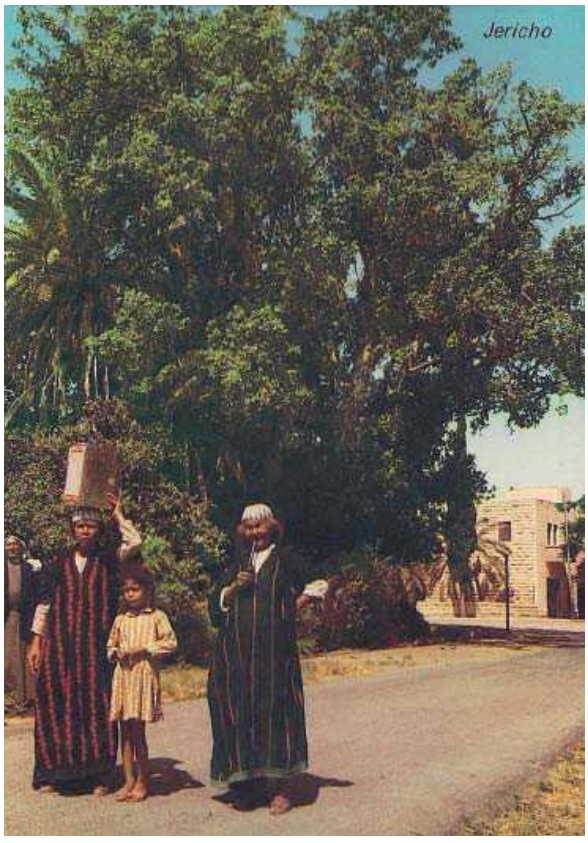
[431] Нет никаких признаков крупного дерева и на более ранних снимках, в чем легко убедиться читателю.

[432] Finegan 1969: 150–152, № 140.

[433] Например, в тот период, когда топография Иерихона была забыта и зона Эр-Рихи воспринималась как остатки города евангельской эпохи, «дерево Закхея» искали вблизи Дома Закхея (см. выше).

[434] В начале дороги на Телль эс-Султан, до которого около 2 км.

[435] В настоящее время «греческая смоковница», ранее окруженная бетонными барьерами, заключена в прозрачную беседку с небольшим куполом. Хотя ее посещение традиционно для христиан-паломников, исключительно выгодное расположение «русской сикоморы» эль-Джумеиз и ее полная открытость каждому прохожему и проезжему и днем и

244. Фикус-сикамора «Эль Джумеиз» на участке МПК:
a — вид с северо-востока, с Коптской улицы;
b — вид с юго-запада, с главной дороги (ул. Д.А. Медведева). 1970-е? гг.

Следует подчеркнуть, что сама традиция почитания дерева Закхея, стоящего в МПК РФ, очень молода. Нами изучена значительная серия опубликованных и неопубликованных документов, от дореволюционного периода до 1940-х годов включительно, из архива РДМ и др. (см. выше, гл. I). Несомненно, что в них почитание сикоморы паломниками должно было хоть как-то отразиться. На деле этого нет. Ни один из довоенных документов не упоминает на русских участках ни Дерева Закхея, ни вообще сикомор (впрочем, в дневнике о. Антонина есть очень конкретная запись: «Вчера сажали дерево Закхея»[436]). Ни слова не сказано о почитании дерева в «Елеонском саду» у Августиновича (1951 г.) и у гораздо позднее изданного Багатти, во многом следовавшего за старшим собратом. Не знают нашего дерева ни западные географы, картографы, археологи XVII–XIX вв., ни путешественники с Востока, ни планы города вплоть до конца 1930-х годов.

Это не значит, конечно, что в середине XX в. деревьев Иоасафовского участка вовсе не было: тень, по крайней мере, одного из них хорошо видна, например, на аэрофотоснимке 1931 г. и, возможно, на менее четкой немецкой фотографии 1918 г. Большая сикомора занимает значительную часть фона на любительских фотографиях, сделанных в 1960 — 1970-х гг., когда Иоасафовский участок еще не был окружен монументальной оградой, но имел только проволочную изгородь, описанную в документах. Илл. 244. Зато на фотографиях XIX — начала XX столетия, в том числе на фото, сделанном непосредственно с Иоасафовского участка, выдающиеся по размеру деревья почти не вычленяются из общей массы низкорослой растительности. Илл. 245. Не было тогда, разумеется, и финиковой пальмы, которая стоит сейчас рядом с сикоморой, — в Иерихоне второй трети XIX в. такая пальма, как уже сказано, оставалась одна, причем в районе Антониновского участка, а потом и она исчезла.

Таким образом, историко-археологические материалы заставляют сомневаться в древности традиции почитания тех двух деревьев, которые появились на карте святых мест Иерихона: одно — в конце XIX в.; истоки традиции почитания второго дерева нам неизвестны. Традиция почитания таких объектов, хотя и уходит в I тысячелетие н.э., возродилась не ранее, чем в Новое время, причем вокруг сравнительно молодых (400–600 лет?) деревьев. Это почитание

ночью уже делают свое дело: в Интернете фотографии роскошного старого дерева встречается в десятки раз чаще, чем засохшего ствола, скрытого за монастырской стеной.

[436] Речь идет об участке РДМ, где такого дерева нет; вероятно, оно не выдержало многочисленных разрушений садовой структуры, которые следовали одно за другим в течение всего XX в., начиная с турецкого «вторжения» эпохи Первой мировой войны.

245. Иоасафовский участок в 1880-х годах. Вид со стороны главной дороги, с юго-запада (фото из архива ИППО).

смогло начаться, разумеется, только в момент, когда деревья обрели «древний вид». По-видимому, окончательно установить их даты можно будет с помощью археологического исследования подстилающих слоев и по мере развития естественнонаучных методов датирования растущих фикусов-сикомор[437].

Масло Закхея

С именем Закхея в Иерихоне связывали не только мемории, но и локальное целебное масло, служившее своего рода вторичной евлогией, так сказать, производной от почитаемого дерева. О нем упоминает, прежде всего, Хасселькивист, указавший на некое дерево, растущее в Оазисе во множестве, «из плодов которого арабы делают масло, покупаемое паломниками под именем Масла Закхея»[438]. Робинсон добавляет некоторые подробности: «Этот современный бальзам, или Иерихонское масло, высоко ценят арабы и пилигримы как средство при ранениях и ушибах.

[437] Сегодня можно предложить радиоуглеродный анализ для наиболее древних тканей дерева (сердцевина ствола отмерла, но можно использовать ткани подземных частей дерева, например наиболее старую часть главного корня) и анализ грунта непосредственно из-под комля, то есть почвы, на которой некогда укоренилось растение, — по его почвенным характеристикам и составу пыльцы можно судить о природных условиях того времени, сравнив с современными, а содержащиеся в ней мелкие угли датировать с помощью методов радиоуглеродного датирования. Более сложная модель — статистический анализ зависимости морфологических характеристик деревьев от возраста: достаточно массовые промеры ширины ствола, числа стволов, роста, объема кроны и других параметров деревьев, возраст которых известен. На основании этого можно построить модели развития признаков, позволяющие экстраполировать полученные закономерности на более продолжительные промежутки времени.

[438] Hasselquist 1766: 129.

Последние зовут его “Масло Закхея”, так как, согласно мнению монахов, именно на это дерево взобрался Закхей… Свежим оно напоминает по цвету и вкусу масло сладкого миндаля и хорошо сочетается с описанием масла *myrobalanum* у Плиния, которое дает зеленый орех; умащение изготавливали из коры, а лекарственное масло экстрагировали из давленых орехов с помощью теплой воды»[439]. Дотошный Ганс Фридрих Гадов сообщает цену на такое масло в 1847 г., отмечая зависимость этого средства от некогда знаменитого местного бальзама: «Местные жители продают бутылки с маслом, заменившим опобальзам, за 10 пиастров»[440].

Для наших исследований 2010–2013 гг. сведения о позднем производстве в Иерихоне масла, заменявшего собой древний бальзам, известный до сих пор почти исключительно по письменным источникам, имеют известное значение. Ведь функции открытых на раскопе 5/E инсталляций, видимо, несводимы к керамическому производству. Они могли использоваться, причем на разных хронологических стадиях, и для выработки сельскохозяйственных продуктов, таких как сахар, следы которого улавливаются в растворах мозаичных полов и — нет смысла до завершения раскопок отказываться от этой гипотезы — загадочного опобальзама/миробалана[441].

Дом Закхея

Некий «дом Закхея» появляется на карте Оазиса лишь в эпоху Крестовых походов. О Доме Закхея впервые[442], вне Евангелия от Луки, пишет, насколько известно, игумен Даниил в самом начале XII в. (ок. 1107 г.), по-видимому, связав его расположение с арабским поселком, поскольку они упомянуты один за другим: «И ту есть дом Затхѣевъ и пень древа того и до нынѣ стоить, на нь же бяше възлѣзлъ, хотя видѣти Христоса.»[443] Игумен достаточно долго жил в Палестине и был знаком с ее священной географией не понаслышке.

Вслед за «домом» в текстах паломников возникает объект, известный как «башня». В начале XIII в. (1211 г.) Виллибранд Олденбургский описал в Иерихоне некую башню, не назвав ее, однако, Домом Закхея, причем это описание поразительно близко гораздо более поздним: башня уже разрушена (*castellum parvum destructos habens murus*) и в ней обитают сарацины[444]. Несомненно, что это та самая башня, которую в XVIII–XIX вв. будут называть «турецкой», «башней крестоносцев», просто «башней» (Tower) или «замком» (Kastell, Castle), «цитаделью» («бурж») и т.п. Башня станет своего рода символом города и будет прочно ассоциироваться с Домом Закхея или, по крайней мере, с его местом.

Несмотря на это, специально Башню никто и никогда не изучал — сравнительно недавняя статья[445], посвященная византийско-исламскому периоду в Иерихонском оазисе, ограничивается кратким упоминанием и ссылкой на путеводитель о. Августина (Августиновича), который приводит о Башне крайне недостаточно сведений[446].

Исключение представляет классик американской библейской географии, Эдвард Робинсон, уделивший Башне серьезное внимание[447]. Он указал на отсутствие у таких авторов как Кварезми[448], фон Сухем[449], Бальдензель[450], Дж. Мандевилл[451] и других, видевших Башню в XIV в., аллюзий с историей Закхея и счел, что здание еще не воспринимали как объект евангельской топографии. Также и Никколо да Поджибонси (1347 г.), довольно подробно описав Иерихон как сплошные руины, не связывает «дворец» и «башню» с Закхеем (там «нет ничего, кроме дворца и части башни с низкими домиками вокруг» и «постоялого двора для ночлега», но без «кроватей или

[439] Robinson, Smith 1856: 560.
[440] Gadow 1847: 59. Сетевой ресурс: http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/dmg/periodical/titleinfo/20586
[441] Любую возможность уловить присутствие благовонного масла археологи встречают сегодня с величайшим вниманием. Так, на выставке, посвященной царю Ироду, демонстрировались: 1) небольшой кувшинчик из Кумранских пещер, завернутый для сохранности в пальмовый лист и заткнутый пробкой, на дне которого сохранялись следы жидкости — возможно, бальзама; 2) двуручный сосуд с высоким горлом, несший на стенке депинто «бальзам». См.: Herod the Great 2013: 101.
[442] В свое время Робинсон считал первым упоминанием текст Виллибранда Олденбургского (см. ниже).
[443] Даниил, игумен 2007: 54.
[444] Цит. по: Robinson, Smith 1856: 562.
[445] Cirelli, Zagari 2000: 365.
[446] Augustinovic 1951: 60–63, 92.
[447] Robinson, Smith 1856: 563.
[448] Quaresmio 1639: 752
[449] Suchem 1895: 115–117.
[450] Baldensele 1725.
[451] Ссылка на отсутствие Башни и Дома у «сэра Джона Мандевилля» (см: Mandeville 1900) не может быть принята в расчет, так как это компилятивное сочинение, составленное на основе уже имевшихся текстов.

лежанок; внутри просто ограда, где люди и спят»[452]). То же — в рассказе о путешествии четырех рыцарей из Меца в 1395 г., где сказано о «маленькой башне, именуемой башня Иерихона»[453].

Так что действительно только с рубежа 1470-х–1480-х годов местные монахи начинают уверенно рассказывать паломникам именно о «башне Закхея», о чем свидетельствуют Ганс Тухер (1479)[454] и Феликс Фабри (1483)[455].

В результате между одиноким свидетельством игумена Даниила в начале XII в. и текстами последней четверти XV столетия возникает разрыв чуть не в 400 лет! Однако учтем, что Робинсон считал арабское селение Эр-Риха возникшим только в эпоху Средних веков, поскольку полагал естественным появление поселка вокруг «замка». Он считал, что первым Риху упомянул в конце XIII в. (1283–1285 гг.) доминиканский монах Брокард[456], записавший, что остаток древнего Иерихона — это восемь домов, едва заслуживающих названия деревни.

Робинсон подкрепил датировку владельческой историей Оазиса в составе Иерусалимского королевства, отметив, что, согласно Вильгельму Тирскому, эти земли приносили в год 5 тысяч золотых; что изначально крестоносцы закрепили их за Храмом Гроба Господня[457]; что в 1138 г. Иерихон и его земли были приписаны к женскому монастырю королевы Милисенды в Вифании.

Все это свидетельствует о цветущем состоянии Оазиса в XII в. и позволяет допустить, что в период нового бурного развития сельского хозяйства потребовалась и новая укрепленная точка на значительном расстоянии от древнейшего источника, между садов и полей, покрывших равнину, и прямо на одной из дорог, которые вели через Оазис к Иордану. Хорошо известно, что крестоносцы стремились защитить опасные и узловые точки путей пилигримов укрепленными пунктами (см. ниже).

Однако, как давно и неоспоримо доказано, Эр-Риха возникла не в XII столетии. Это прямая наследница Иерихона византийской эпохи, восстановленного после очередного разгрома в ходе Иудейской войны на новом месте. В схему Робинсона не укладывается и текст игумена Даниила с его «сарацинским селом», видимо не принятый в расчет. Несомненно, в XII–XV вв. речь идет об одном и том же, единственном сохранявшемся в Эр-Рихе крупном каменном здании. Проводники то не усваивают ему никаких исторических ассоциаций (возможно, жители Палестины в XIII–XV вв. еще соотносили Башню с ее прямой защитной функцией, память о которой сгладилась только к концу этого периода); то выдают его за «дом блудницы Раав» (например, ок. 670 г. Адамнан, пересказывая Аркульфа, пишет, что уцелел единственный дом Раав, но он стоит без кровли[458], — представления об исторической топографии Оазиса уже стерлись, и Риху подчас принимают за ветхозаветный Иерихон). Но все чаще здание сопоставляют с Домом Закхея.

Соотнести возникновение ассоциации Дом Закхея/Башня Иерихона со временем игумена Даниила, началом XII в., заставляет и общая ситуация с конструированием евангельской географии Палестины крестоносцами. Ведь именно с их приходом даже менее значимые евангельские топонимы и реалии получили топографические привязки. Допустить, что при этом обошлись без «Дома Закхея», очень трудно. Скорее можно представить, что Башня древне́е эпохи крестоносцев, так же как древне́е XII в. сама Эр-Риха. Ведь в византийскую и раннеисламскую эпоху здесь уже был цветущий город, а башнеобразные сооружения известны и в эти эпохи.

После XV в. Башню Иерихона упоминают хотя не все, но очень многие паломники. В XVI столетии это уже важный элемент местной исторической топографии, хотя при идентификации с определенным библейским событием проводники по-прежнему смешивают ветхозаветные и евангельские сюжеты. Эту путаницу реликвий точно и с присущим ему мягким юмором подметил князь Николай (Сиротка) Радзивилл в 1580-х годах, записав: «В конце града остася едина токмо башня четвероуголная, и та не целая, в половине. Поведают, что сей бе дом оныя блудницы Раавы, егда у стены жила… Иные поведают, что жилище Закхеа, его же Господь посети. И тако в память хотя Рааввы, хотя Закхеа, еще сия половина стоит, занеже во всех того града стенах едва стены целые, в ширину на лакоть, обрестися может»[459]. Всегда внимательный к тому, какую индульгенцию обещает поклонение тому или иному святому месту, князь, однако, ничего не добавляет к сообщению о Башне, из чего можно сделать вывод: в перечень официально признанных святынь она не входила, оставаясь местной достопримечательностью.

---

[452] Poggibonsi 1945: 74.
[453] Relation d'un voyage 1838: 160.
[454] Tucher 1482: 268, 670.
[455] Fabri 1843: 58–59.
[456] Или Burchard. См: Brocardus 1537 и другие издания.
[457] Когда в 1111 г. третий Латинский патриарх Иерусалима, Арнульф, включил эти земли в приданое племянницы к браку с Евстахием I де Гранье (Eustache Grenier), то заслужил упреки.
[458] Аркульфа рассказ о Святых местах 1868: гл. XII.
[459] Федорова 2014: 278. Кстати, русский перевод текста существовал уже в XVII в.

Тем не менее ее воспринимали как точку, обязательную для посещения. Примерно через столетие, в конце XVII в. (1697 г.), столь же точный и внимательный к древностям Генри Маундрелл запишет, что его со спутниками специально везли от Айн-Султан в поселок («в настоящее время всего лишь бедная и грязная арабская деревня»), «чтобы показать место, где, как говорят, стоял дом Закхея, который представляет собою всего лишь старое квадратное каменное строение на южной стороне от Иерихона»[460]. Незадолго до этого (1669 г.) видевший Оазис о. Мороне упомянул, что Иерихон сократился до жалкой деревушки, где нет достойных упоминания строений, кроме Дома Закхея с большой башней[461].

Все более приходивший в запустение Оазис с XVII и до середины XIX в. был опасен для посещения, попасть сюда можно было в составе специальных паломнических караванов, хорошо вооруженных научных партий (их число неуклонно росло) или же под видом мусульманина. Многие из видевших Оазис подробно его не описывали: Буркхардт в 1812 г. только упомянул Иерихон[462], Ульрих Зеетцен отметил Дом и живущих в нем воинов[463], Покок записал, что от древнего города остались два-три домика, рядом с которыми показывают квадратную башню Дома Закхея (и там же — его Дерево)[464]. В том же роде высказался Дж.С. Букингем, посчитав, что единственное сооружение, достойное того чтобы быть отмеченным, — это квадратная башня «магометанской работы», которую выдают за Дом Закхея[465] («предположительно, дом Закхея» - напишет Михаэль Расселл[466]).

Заметки начиная с XVIII в. содержат подчас важные детали. Так, скромный инок Серапион (1749 г.) указывает, что Дом стоит справа от дороги из Иерусалима на Иордан, причем паломники устраиваются близ него на ночлег: «Заночевали на том поле близ Иерихона-града; бо Иерихон на сем боку от Иерусалима стоит, и ныне есть пусто, только стоит тамо и до днесь дом Закхеев, в правой руке, когда от Иерусалима до Иордана…»[467] Ученый-ботаник Хасселькквист в середине XVIII в. определяет расстояние от него до Эр-Рихи в два броска камня, крайне скептически комментируя евангельские ассоциации: «К полудню мы достигли Иерихона — в двух бросках камня от места, где показывают какие-то остатки этого знаменитого города. Но сейчас здесь нет ни одного сооружения, кроме стен старого дома, который монахи, стремящиеся освятить всякую встреченную вещь, назвали домом Закхея»[468].

Из посетивших Иерихон в XIX в. первыми упомянут «развалины великого дома Затхеева» Вишняковы: даже в таком состоянии он произвел известное впечатление, но внутри селения побывать не удалось, и путники остались в убеждении, что были вблизи древнего города: «Хотя мы находились и очень близко от Иерихона, но внутри бывшего сего города побывать нам не удалось. Виденный нами издали до половины разрушенный дом Закхеев показывает довольно прежнее его величие»[469].

Несколько подробнее напишет о селении и Башне Д.В. Дашков в описании путешествия 1820 г.: «Оттуда ехали мы по косогорам и ущелиям до большой равнины, окружающей Иерихон, и в полночь добрались до жалких остатков сего города, некогда славного. Тамошний ага повел нас дружелюбно в собственное свое жилище — в башню, где укрываются поселяне с их стадами от хищнических набегов. Ужин и ночлег были на площадке вверху, под открытым небом»[470].

Так мы узнаем, что в Башне стоит гарнизон, ее используют для укрытия стад и их владельцев. Очень похожее описание дает в 1847 г. скрупулезный Гадов, упомянув, кроме людей и животных внутри «замка» каменные ступени, ведущие на его крышу, и каменный парапет с бойницами с трех сторон, а также свой лагерь: «Rihha — скопление жалких хижин — отстоит примерно на 1000 шагов от нашего лагеря, в нижней части канала из Ain es-Sultan, и окружена колючими растениями… Небольшие сады, окруженные колючими изгородями, юго-западнее деревни. Западнее ее, между деревней и северным берегом Вади Кельт, стоит старое замковое здание, окруженное развалинами. Судя по незначительности, это вряд ли остатки древнего Иерихона. Руины,

[460] Maundrell 1703: 80. Сетевой ресурс: https://archive.org/details/gri_journeyfroma00maun

[461] «…now reduced to a miserable hamlet, nor does one see any building worth of note, except the house of Zacchaeus… which has a large tower» (Morone da Maleo 1668–1669: 318).

[462] Burckhardt 1822: Note 10.

[463] Seetzen 1854: 273.

[464] Pococke 1745: 31–32.

[465] Buckingham 1822: 72.

[466] «Of all its magnificent buildings there remain only the part of one tower, supposed to be the dwelling of Zaccheus the publican, and a quantity of rubbish, which is understood to mark the line of its ancient walls» (Russell 1831: 190).

[467] Цит. по: Леонид (Кавелин), архим. 1874: 119.

[468] Hasselquist 1766: 129. Речь не может идти о Телль эс-Султан, так как, согласно дневнику, путешественники уже отъехали от него на значительное расстояние.

[469] Вешняков, Вешняков, Новиков 2013: 85.

[470] Дашков 1995: 35.

вероятно, не более чем следы построек, которые окружили замок (Castell) в более поздние времена, в расчете на его защиту. Замок внутри имеет убежища для людей и животных; каменные ступени ведут на крышу, окруженную своего рода брустверо м (парапетом), имеющим бойницы с трех сторон»[471].

А.Н. Муравьев в 1830 г. не пишет об Иерихоне почти ничего, но при втором путешествии, в декабре 1849 г., отзовется штампованной фразой о «нынешней одинокой башне Иерихона, охраняющей его убогое селение» [472]. Почти столь же поверхностна оценка Р. Шатобриана, отметившего местное происхождение «аги», чей «дворец» показался путешественнику лачугой: «Али-Ага родился в деревеньке Риххе (древнем Ерихоне), в которой он был начальником. Ему хотелось, чтобы я видел его область, и мы были в ней приняты весьма дружелюбно… Он хотел угощать меня в старой лачужке, которую называл своим дворцом; но я отказался от этой чести, желая лучше отобедать на берегу Елисеева источника…»[473]

Так записки русских паломников и путешественников тесно переплетаются (отчасти путем заимствований) с описаниями Палестины у западных исследователей. Те и другие почти обязательно и довольно подробно описывают Дом Закхея, но уже привычно воспринимают его как смесь романтической руины (наследия Средних веков) с не менее модным ориентальным стаффажем (гарнизон с турецким начальником-агой, охраняющий поселок, поля и дорогу от воинственных бедуинов).

Обстоятельный во всем Э. Робинсон неоднократно возвращается сюда, рисуя живописные сцены приема у аги с его приближенными, происходящего в Башне. Оказывается, внутри имелся узкий дворик, источник и навесы вдоль стен[474]. На Башню можно было подняться, чтобы осмотреть окрестности и определиться географически, что Робинсон со спутниками не преминул сделать[475]. В другом месте он упоминает, что селение лежит от «замка» к западу, на северном берегу Вади Кельт, и сообщает размеры Башни. Интересно, что лагерь, куда Робинсон возвращался после объезда окрестностей, был разбит здесь же, «у замка и деревни, в заброшенном саду между деревьями нубук и фиговыми[476] деревьями» [477].

Путешествовавший примерно тогда же Норов (1835 г.), в свою очередь, пишет, что паломникам в прошлом «долго показывали остатки дома и даже дерево»[478] Закхея, но уже не отождествляет его с Башней, которую, разумеется, тоже упоминает, отмечая, что хижины, рассеянные «кой-где по опустелой долине Иерихонской… более совокуплены около башни на берегу источника» [479] (под источником, возможно, понимается Вади Кельт, хотя внутри здания, как мы знаем, источник тоже был — но, вероятнее всего, речь идет об одном из каналов от источника Елисея, который тогда проходил вблизи Башни, по будущему участку Антонина).

Особое внимание уделил реликвиям Закхея другой ориенталист, архимандрит Софония (Сокольский) (1850 г.). Он расспросил проводников «о том месте, где был дом Закхея и где стояла та смоковница, на которую он влезал». Восточный обычай полагал вежливым ответ, приятный спрашивающему. Он и был получен: «иные говорят, что Закхей жил в самой башне, что пред нами, а другие, что башня выстроена только на том месте, где был дом его. Но во всяком случае думать надобно, что дом Закхея недалеко был от башни, и, может быть, около сего места, где теперь едем, но где именно — неизвестно…» Наивные аргументы и апелляции к «здравому смыслу» сочетались с реальными деталями: «Она была башнею сторожевою, что в древности было необходимо, и в то же время служила таможнею. Вероятно, в видах последнего обстоятельства устроен был при ней и колодезь, то есть чтобы утомленные путники и особенно навьюченные животные могли утолить из него жажду. Теперь понятно, что Закхею, как таможенному начальнику, нельзя было жить где-либо в отдалении от таможни». И далее: «осмотрев ближайшую местность, мы отправились к башне, находившейся к востоку от сада. По осмотре ее, я убедился, что она, по своему положению и устройству, точно могла служить и вахтенною каланчей и

---

[471] «…die nach jeder Himmelsgegend an einen vorspringenden Thurm mit je drei Schiesscharten lehnt» (Gadow 1848: 58–59. Сетевой ресурс http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/dmg/periodical/titleinfo/20586**).**

[472] Муравьев 2005: 133–134, 139.

[473] Шатобриан 1810. Сетевой ресурс: http://az.lib.ru/s/shatobrian_f/text_0090.shtml

[474] «We went accordingly, accompanied by our Sheikh, and found the Aga in the narrow court of the castle, by the side of a reservoir, under a temporary shed or bower built up against the wall…» (Robinson and Smith 1856: 548).

[475] «This bright morning… we repaired to the top of the castle, in order to enjoy the beautiful view and fix a deeper impression of the surrounding country. It is merely a tower some thirty feet square, and forty high, in a state of decay verging to ruin. The castle and modern village lie upon the northern bank of the Wady Kelt…» (Ibid.: 1856: 557).

[476] То есть смоковницами.

[477] «Перейдя глубокое русло горного потока, сейчас сухое, идущее здесь по равнине на восток, мы прибыли на место без четверти шесть. Мы нашли его уже подготовленным на северном берегу Вади, у замка и деревни…» (Robinson, Smith 1856: 546–547). См. выше, в гл. I, о находке Робинсоном в этом саду археологического объекта из розового гранита.

[478] Норов 2008: 149.

[479] Там же: 150.

246. Уильям Финден по рисунку У.Тернера. Вид Иерихона, 1835. Гравюра на стали. Из альбома «Библейские ландшафты» (Finden's «Landscape Illustrations of the Bible», 1834–1836).

247. Уильям Тернер. Иерихон. 1832–1834. Сложная техника (бумага, акварель, графит, перо, процарапывание). The Ashmolean Museum, Oxford

таможенным ханом. На верху ее и теперь стояли два орудия, из которых одно готовилось уже к сигнальному выстрелу»[480].

Побывавший в Иерихоне примерно в то же время маркиз де Сольси уделил Башне меньше внимания, хотя стоял лагерем возле нее, зашел внутрь и поднялся на платформу, откуда взял азимуты окрестных объектов. Зато он привел местное название башни: Bordj er-Riha (арабизированное *бурж* — крепость), дал краткое описание ее внутреннего вида (включая четырехстороннюю платформу, на которой, видимо, и стояли пушки), упомянул «несколько хижин из глины и ветвей», а Башню описал как крупное квадратное здание, служащее казармой для дюжины турецких всадников иррегулярной кавалерии, уже очень разрушенное: «невозможно представить большего беспорядка и разрухи, чем в Бордж эр-Риха… Первый этаж башни без перекрытия, на второй идут сильно разрушенные ступени, выводящие выше на платформу вдоль всех четырех сторон, которой внешняя стена башни служит парапетом. Всё здание закопчено, в проломах и трещинах»[481].

Несколько подробнее опишет внутренность Башни, где ему пришлось переночевать, Норов во втором путешествии (1861 г.): «Нехотя последовал я в этот знакомый мне грязный приют. Полуразвалившаяся каменная лестница вывела нас на террасу башни, где несколько конурок, пристроенных к зубчатому парапету, служат жильем для шейха этого селения. Мы провели вечер на этой террасе, откуда любовались видом Иорданской долины… После ужина мы должны были ночевать в мрачной спальне шейха, где взятые с нами ковры прикрыли ее неблагообразие. Сырость места и декабрьской ночи не позволила нам ночевать как бы я желал под шатром небесным и под навесом шелковичных густых дерев и сикоморов»[482]. В другом месте того же путешествия Норов назовет Башню «темницей»[483].

Мелкие детали к этой картине добавил Н.П. Поливанов: «Мы доехали до небольшой и грязной группы мазанок, заросшими в зелени, тут же около селения стоит почерневшая от веков башня полуразрушенная, это и есть Иерихон. Мы взошли в башню по узенькой и грязной каменной лестнице, на вершине ее под тростниковым щитом устроены 3 угла для жилища бедуинов и башибузуков, к[ото]рые обыкновенно составляют конв[ой] путешественников. Одна комната, если можно так назвать закоптелую конуру, впрочем довольно просторную для 10 человек, назначена для поклонников»[484].

Клод Кондер (в альбоме Чарлза Уилсона), назвав современную деревню Новым Иерихоном, еще раз повторил Робинсона: постройка появилась при крестоносцах, которые возвели башню для защиты паломников; затем «квадратная башня удостоилась имени Дом Закхея, так как она единственная в округе»; поселок вокруг нее вырос позже и отчасти построен из ее же камней. Опять отмечено, что в башне живут турецкие солдаты. [485]

Атлас Кондера и Китчинера, подлинная энциклопедия топографии и археологии Палестины последней трети XIX в., в отношении Башни столь же краток. Указав, что на всем пространстве между горами и рекой Иордан (XVIII лист сводки) есть только один населенный пункт — деревушка Риха (она же Иерихон эпохи крестоносцев), авторы упоминают к югу от нее «резиденцию мутазеллима»: квадратную башню, которую путешественники обычно считают построенной в XII столетии. Им известен уже и новый прекрасный «хоспис» Русской Православной Церкви, то есть приют, только что построенный архимандритом Антонином (Капустиным)[486].

В XIX в. записки путешественников все чаще сопровождают карты и виды. Башня Иерихона как его распространенный и узнаваемый символ обзаводится своего рода иконографией. Она есть на листах даже тех мастеров, кто вообще не был в Палестине. Начинающий Уильям Тёрнер, работая по материалам других рисовальщиков, поместил башню в центр одной из композиций: она сильно вытянута вверх и сохранила несколько уровней окон; в альбомной гравюре с условным «ориентальным» стаффажем на дальнем плане им даны даже две высокие башни. Илл. 246–247. Но художники-путешественники, такие как певец Святой земли Дэвид Робертс, изображали

[480] Софония (Сокольский), еп. 1865.

[481] Saulsy 1854: 13, 23.

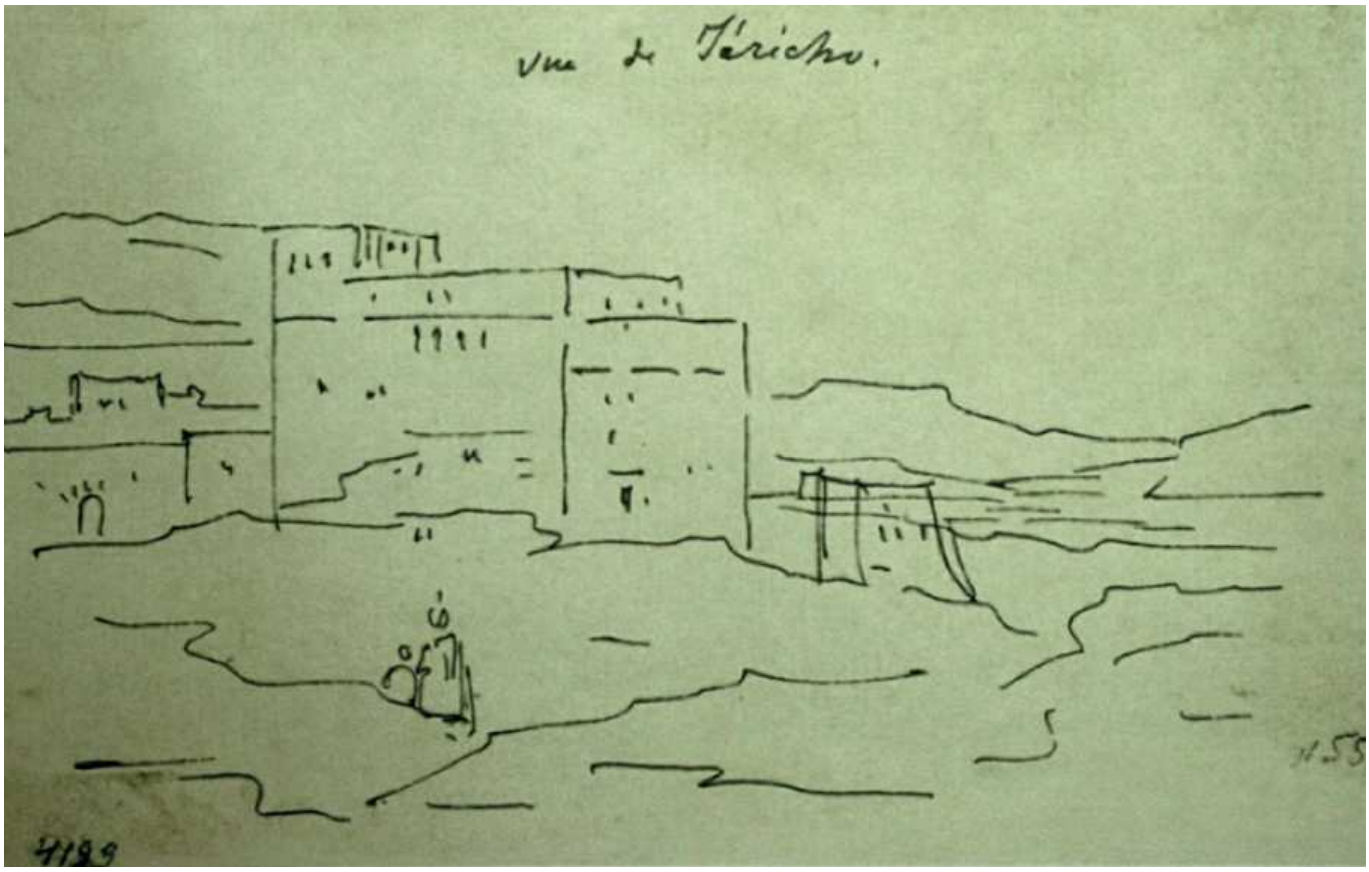
[482] Норов упоминает, что Башня хорошо видна при спуске в долину с гор Иудейской пустыни, и приписывает ее постройку арабам: «Все впечатления первого моего путешествия возобновились в памяти моей при раскрывшейся перед нами вскоре великолепно панорамы долины Иорданской, в которую мы медленно спускались с крутизны, останавливая взор то на необозримую даль вдоль течения Иордана от севера, то на стены гор заиорданских, то на Мертвое море, почерпая из этих картин думу за думою, и таким образом приближались той мрачной башне сарацинской постройки, которая составляет единственное жилье на огромном пространстве Иорданской пустыни и название которой ер-Риха есть испорченное имя Иерихона». (Норов Авраам Сергеевич 2016: 94–95.

[483] «Быстрота наших коней сократила нам возвратный путь, и мы к захождению солнечному опять заключились в темницу Иерихонской башни» (Там же: 104).

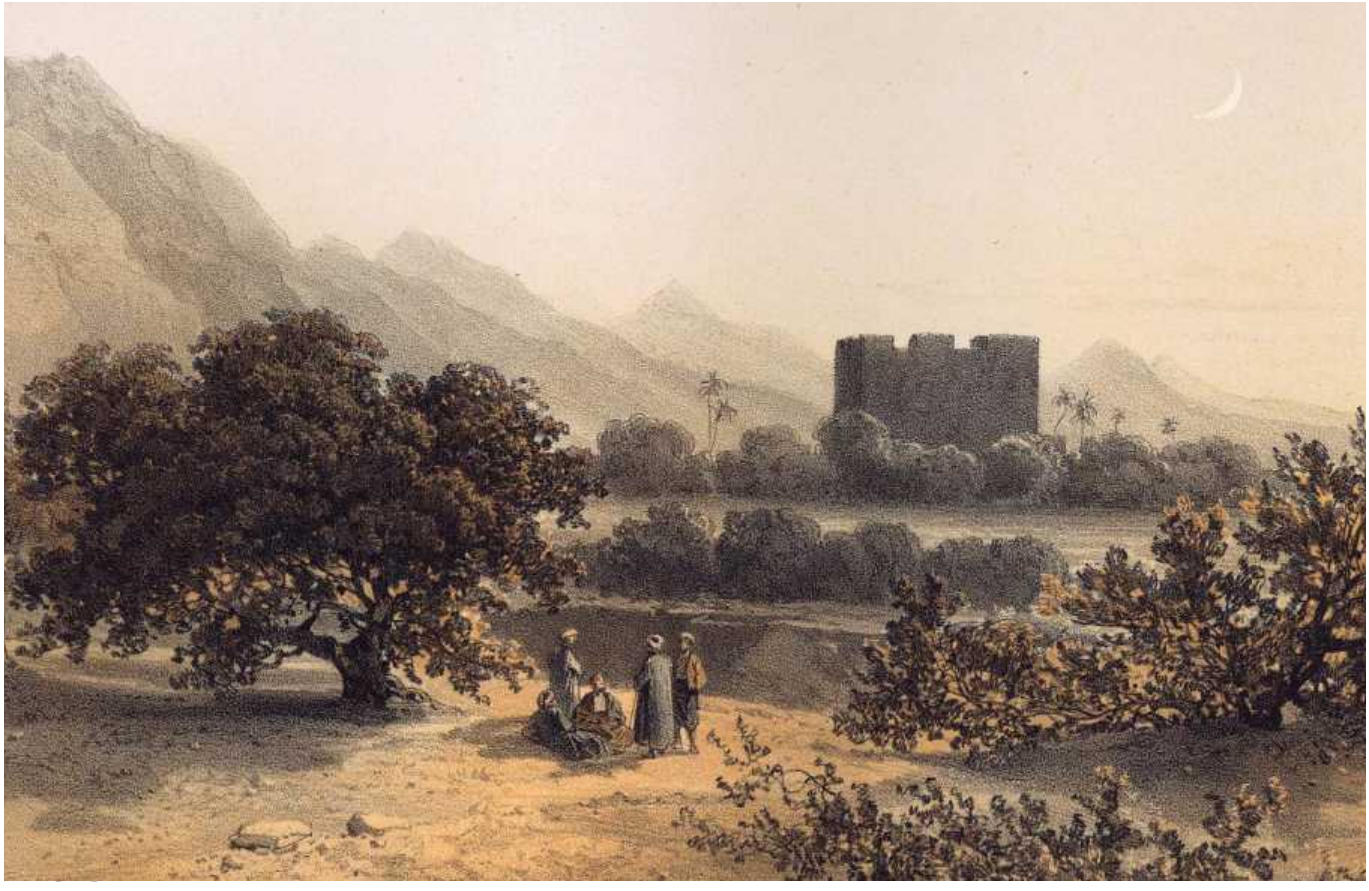
[484] Поливанов 2006: 125–126.

[485] Conder 1881: 174.

[486] «To the south of the village there is a square tower with a courtyard, which is the residence of the Mutasellim. The tower is thought to date back to the twelfth century, at which date it is mentioned by travelers» (Conder, Kitchener 1883: 172).

248. Воробьев М.Н. Вид Иерихона. 1820 Бумага, тушь, перо. ГТГ

249. Карель ван де Вельде. Иерихон. Из альбома Velde, Carel William Meredith van de «Le Pays d'Israel. Collection de cent vues prises d'après nature dans la Syrie et la Palestine». Paris, 1857.

250. Уильям Бартлетт. Равнина Иерихона в сторону Моава. Из книги Bartlett W.H. «The Christian in Palestine», ок. 1845. («Plain of Jericho, looking towards Moab", engraved by J.C.Bentley after a picture by Bartlett). Гравюра на стали.

251. Дэвид Робертс. Иерихон 3 апреля 1839 года. Из альбома «The Holy Land, Syria, Idumea, Arabia, Egypt and Nubia / from drawings made on the spot by David Roberts ... ; lithographed by Louis Haghe». London : F.G. Moon, 1842-1845. Vol. 2.

252. Дэвид Робертс. Лагерь паломников в Иерихоне. 1836. Литография.

Башню реалистичнее: на акварели с видом долины в лунную ночь можно рассмотреть не только само здание, но и навес на его вершине. Илл. 251. Зато в красочной сцене с паломниками и проводниками у шатров Башни нет совсем — возможно, это отражает варианты, сложившиеся к тому времени для участков лагеря паломников: судя по описаниям, его могли разбить в саду у Башни, выше ее по Вади Кельт или на источнике, близ Телль эс-Султан[487]. Илл. 252.

[487] В середине XIX в., если не раньше, определенные места для ночлега пилигримов становятся традиционными. Среди них одно из самых часто упоминаемых — у Башни. В путеводителях Агентства Кука в 1870-х годах специально подчеркнуть, что обычное место лагеря караванов агентства — у «древнего Иерихона», а поскольку автор текста видел в Эр-Рихе евангельский Иерихон (см. ниже), то речь, видимо, идет о Башне.

253. Странноприимный дом на участке Русской Духовной Миссии, вид со стороны «башни Закхея». Фотография ателье Бонфис, конец XIX в.

В графике середины столетия башню часто превращали в подобие европейского замка или донжона: у Кареля ван де Вельде она дана с необычной стороны — с юга (с другого берега Вади Кельт?), откуда выглядит совершенно целой. Илл. 249. Уильям Генри Бартлетт показывает ее традиционно, очень издали, на фоне Мертвого моря, при впадении в него Иордана, явно преувеличивая размеры сооружения, которое предстает замком с угловыми башнями. Илл. 250.

Наиболее ранний из известных нам рисунков Иерихона принадлежит, однако, не западным мастерам, а русскому пейзажисту Максиму Никифоровичу Воробьеву. Илл. 248. Это беглый набросок 1820–1821 гг., сделанный, возможно, со стороны Вади Кельт (на заднем плане — Сорокодневная гора и долина). Если считать, что изображена именно Башня (на европейских рисунках и фотографиях она совсем другая, и нет уверенности в том, что подписи набросков Воробьева всегда отвечают реальному объекту), рисунок можно счесть фантастическим: показанное строение слишком монументально и хорошо сохранилось. Но стоит принять во внимание, что крупный кубический объем представлен Воробьевым крайне обобщенно, а камни древних зданий начнут активно выбирать для вторичного использования позже, в середине — второй половине XIX столетия. Мы видим их на фотографиях конца столетия то сравнительно аккуратно сложенными у хижин и навесов, то уже включенными в кладки построек постепенно растущего поселка. Возможно, в начале 1820-х годов руины здания еще стояли на значительную высоту, что подтверждают рисунки того же Воробьева с руин окрестных монастырей. Как мы уже знаем, по меньшей мере, нижний ярус башни в первой половине XIX в. еще сохранял значительную высоту.

Башня отмечена, по крайней мере, на одной карте из опубликованных во второй половине XIX в. (приложена к сочинению де Сольси), где восточнее-юго-восточнее селения поставлена точка с надписью. Но в переработанной версии, изданной А.А. Олесницким, также как в атласе Кондера и Китченера, Башня не выделена — показан только общий контур владений РДМ на краю вади.

Традицию отождествлять Иерихон с его Башней использовал основатель известного французского фотоателье в Леванте, Бонфис. Илл. 253. Он как бы локализует новопостроенное здание русского паломнического приюта через сопоставление его с руинами, стоящими рядом. Башня снята с северо-востока, со стороны нынешней торговой площади, — в те годы это еще пустырь. Фотография позволяет оценить реальный вид сооружения и то, до какой степени оно могло измениться за две трети века. Это самое позднее известное нам изображение Башни Иерихона. К сожалению, на другую, современную первой фотографию, сделанную с запада-юго-запада (от края деревни?), Башня не попала — видно только здание приюта и часть его сада; также нет ее и на других снимках — по-видимому, она остается за кадром.

Собрав эти скудные источники, мы все же получаем возможность составить общее представление о здании. Это крупное, прямоугольное в плане сооружение, очень простое, но сложенное из больших блоков камня. На углах, возможно, просматриваются узкие и плоские лизены. Стены если и сужаются кверху, то едва заметно (на всех рисунках они показаны строго вертикальными). Башня вошла в кадр с угла, и по центру одной из сторон можно различить узкий проем. В обеих гранях, начиная со значительной высоты, видны два ряда небольших окон; ниже кладка глухая. Состояние Башни, очевидно, существенно хуже, чем оно было в середине столетия, но по сравнению с поднявшимся рядом приютом остатки Башни выглядят более высокими (в стенах можно насчитать до 35 и более рядов камня, что при условной высоте ряда около 30 см даст цифру более 10 м). Внутри на стенах Башни видны вертикальные выступы — вероятно, части сводов.

Примерные размеры Башни в плане известны нам по описанию Робинсона и отчасти проверяются по фотографии: длина стороны — 30 футов (более 9 м), высота —40 футов (ок. 12.2 м). Общая площадь должна была приближаться к 80 кв.м, а полезная, за вычетом стен (не менее полуметра толщиной), — к 55–65 кв.м^2. Для эпохи крестоносцев эти размеры возможны, но Башня будет относиться к числу самых малых — такие есть среди укреплений, возводившихся орденами крестоносцев, прежде всего рыцарями Храма, тамплиерами, в узлах паломнических путей.

Исследователи фортификации в Палестине, сколько известно, специально этим укреплением не занимались. Оно едва вошло в известную сводную таблицу из 75 башен крестоносцев в Святой земле, составленную Дэнисом Принглом, но данные по ней в соответствующих графах (внешние и внутренние параметры, толщина стен, количество этажей, тип сводов, тип входов, атрибуция)

254. Поездка из Иерусалима в Иерихон: а — Живаго А.В. Хан Доброго самаритянина; б — Щербачев Ф.Н. Крепость крестоносцев на Красном холме. Стереопары. 1910 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина.

отсутствуют, приведен лишь картографический номер: 193140[488]. В обзорах, учитывающих сведения письменных источников о полностью утраченных объектах, Башню не упоминают, хотя на всем пути от Иерусалима к месту Крещения на Иордане тамплиеры расставили небольшие башни, размеры которых близки Иерихонской. Башня Малдуим (Maldoim, Маале-Адумим, Красный склон), 9.3×8.5 м, охраняла середину пути в районе приюта Доброго самаритянина. Илл. 254. На том же пути, но ближе к Иерихону, стояла башня Beit Jubr at-Tahtani, почти такого же размера, 9.5×6.5–8.1 м; третье укрепление помещалось вплотную к берегу Иордана[489]. В эту цепь иерихонская крепостица, независимо от ее генезиса, встраивается очень логично.

Итак, Башня Иерихона доживает до 1880-х годов и появляется на снимке, сделанном мастерской Бонфис в момент, когда рядом с ней уже высится двухэтажный странноприимный дом о.Антонина (Капустина). Позже она исчезнет, а ее камни вторично используют при развитии города в юго-юго-восточном направлении (о том, что стены домов в селении сложены камнями, взятыми из древних руин, упоминают очень многие путешественники; об этом прямо пишет и сам архимандрит Антонин).

[488] Pringle 1994: 335–350.
[489] Boas 2006c: 111–112.

Мы не можем сегодня точно определить момент разборки, для этого нужны дальнейшие архивные исследования. Сравнительно подробный русский путеводитель начала XX в. не упоминает о монументальной мемории рядом с приютом Антонина[490], но справочник К. Бедекера упорно пишет о ней, по меньшей мере, до 1912 г., традиционно датируя башнеобразное здание, «поставленное для защиты от бедуинов», «эпохой Латинских королей» и объясняя, что с XV в. его почитали как место, или Дом Закхея, с крыши которого — прекрасный обзор[491]. Не позднее 1876 г. аналогичную текстовую конструкцию включал многословный путеводитель Агентства Кука, причем его автор допускал, что деревушка Риха, тонущая в грудах развалин, — это и есть евангельский Иерихон[492].

В то же время Башни, бесспорно, нет на плане Иерихона 1937 г., использованном Дмитрием Барамки для указания мест археологических наблюдений. Ее не видно ни на довольно многочисленных снимках эпохи Первой мировой войны, ни на аэрофото 1931 г. Вероятнее всего, Башня исчезла не позднее конца 1910-х годов, до начала Мандата или в первые его годы, до организации систематических археологических наблюдений. Упомянул о Башне и о. Августин (Августинович), отметив, что она стояла «всего несколько десятилетий назад», а это, со значительной долей вероятности, указывает на те же 1900-е — 1910-е годы[493].

Недавно, несмотря на то что Башня уже столетие, как не существует, ее включили в перечень культурно-исторического наследия города как Burg er-Riha[494]. Археологически Башню не изучали, и надежда на возможность такого исследования в будущем крайне мала. Но следует помнить о ее существовании при организации работ на городской территории в расстоянии 30–50 м восточнее-юго-восточнее ограды РДМ. Искать остатки Башни на территории самого русского участка бесполезно — вопреки мнению Беллармино Багатти[495] и некоторых современных сводок: русские и европейские путеводители XIX в. всегда отличают Башню/Дом Закхея от Миссии. В восточной части участка, однако, могут быть обнаружены какие-то из окружавших Башню средневековых и даже более древних строений.

Остается добавить, что сегодня традиция почитания Дома Закхея почти исчезла, но иногда паломники принимают за него двухэтажный приют или задают соответствующие вопросы об их взаиморасположении. Так что сознательно поставленное архимандритом Антонином (Капустиным) возле Башни Иерихона здание РДМ, в конце концов, приняло на себя многовековую функцию мемории.

[490] Павловский 1904: 140–142.

[491] В путеводителях кон. XIX — нач. XX в. Башню упоминают неизменно, по крайней мере, до 1912 г. См.: Bædeker 1904: 116–117; Bædeker 1906: 122–123; Bædeker 1912: 126–127.

[492] Cook's Tourists' Handbook 1876: 230–236, esp. 232.

[493] Augustinovic 1951: 92.

[494] Sala 2011: 120–121, № 39.

[495] Bagatti 2002: 100.

ГЛАВА V

ИОАСАФОВСКИЙ УЧАСТОК и ВИЗАНТИЙСКИЕ СЛОИ ИЕРИХОНА

ГЛАВА V. ИОАСАФОВСКИЙ УЧАСТОК и ВИЗАНТИЙСКИЕ СЛОИ ИЕРИХОНА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТ

Уже не раз говорилось, что научный интерес к памятникам христианского периода в археологической агломерации Иерихонского оазиса рос медленно и неровно (в том числе из-за того, что долго оставался в поле паломнической традиции). Так что составить карту византийского Иерихона отнюдь не легкая задача: на ней гораздо больше белых пятен, чем изученных и зафиксированных точек. Сегодня они разбросаны на огромном пространстве и представлены остатками отдельных монастырей, «церковных ферм» (термин Клодин Дофэн) и храмов, данными случайных вскрытий и вообще дискретными объектами. Очевидно, однако, что в прошлом они были интегрированы в структуру единую и чрезвычайно жизнеспособную, процветавшую, по крайней мере, два-три столетия, доказав способность восстанавливаться в благоприятных условиях, подобно знаменитой «иерихонской розе».

Накопленные к настоящему времени сведения пока не удовлетворяют потребности исторической реконструкции жизни в Оазисе византийской эпохи и не дают ответа на главные вопросы его исторической топографии.

Таких, тесно взаимосвязанных вопросов два. *Во-первых*, несмотря на очевидное процветание Оазиса, здесь до сих пор не обнаружено признаков городских укреплений ни византийского, ни римского или хасмонейского периода (две структуры с воротными башнями на карте из Мадабы, при источнике и в районе поселка Гилгал, вряд ли достоверны[496]: отсутствие стен у Иерихона (как и у Хеврона) удивило уже епископа Аркульфа[497]). *Во-вторых*, предполагаемый центр поселения в византийский период локализован пока недостаточно точно. Его оценка с точки зрения социальной значимости существенно зависит от идентификации церковных объектов, в том числе открытых еще Барамки, — а она вполне условна. Попытка определить центр города, которую предпринял Майкл Дженнингс, разумеется, не более чем гипотеза — анализируемый им участок раскопов вполне случаен, лишен каких бы то ни было следов общественно значимой архитектуры, а единственный аргумент, плотность монетных находок, при отсутствии общей карты распределения нумизматического материала просто не работает. В раскопах МПК РФ, например, эта плотность аналогична, и, возможно, она примерно такая же во всех обжитых кварталах Иерихона IV–VII столетий. Так что пятно культурного слоя, несущее нумизматический и керамический материал конца IV–VII вв., пока не имеет фиксируемых границ и выделенного центра. Определить их — задача будущего.

Конечно, остатки монастырей и церквей с их мозаичными полами и архитектурными фрагментами привлекали исследователей уже с XIX в. и потому нам известны. Их следы постоянно отмечают и паломники, и ученые путешественники, а с 1880-х годов следуют сообщения о намеренных и случайных открытиях мозаики и других древностей, за которыми мало-помалу начали охоту местные жители. Так, Я.И.Смирнов упомянул о раскопках на Иоасафовском участке и о ряде находок, сделанных прежним владельцем земли и переданных при продаже участка, видимо, ИППО (они вскоре оказываются на Александровском подворье в Иерусалиме).

Впрочем, расположение участков, где зафиксированы типологически близкие друг другу византийские храмы с архитектурными деталями вторичного использования и мозаичными полами может отражать какую-то топографическую систему: они сосредоточены на сравнительно небольшом пространстве, как бы окружающем современный центр Иерихона, заходя и на его территорию.

255. Иерихон, 2010 г. Псевдо-ионическая капитель, обнаруженная на участке Музейно-паркового комплекса РФ (переотложена).

Добавляют ли что-то к этим соображениям раскопки в МПК РФ? Обратимся сначала к суммарной интерпретации его внутреннего пространства.

Данных, полученных в 2010–2013 гг., недостаточно для того, чтобы уверенно и убедительно идентифицировать набор кладок и помещений, открытых на старом Иоасафовском участке. Мы не

[496] Alliata 1999: 50–57 a.o.

[497] «…Аркульф видел местность города Иерихона, который разрушил Иисус после перехода через Иордан, умертвив его царя; вместо него Ила из Вефиля, от колена Ефремова, выстроил другой, который удостоил своим присутствием посетить наш Спаситель. Город этот был взят и разрушен по причине вероломства жителей в то время, когда Римляне осаждали Иерусалим. Вместо него был выстроен третий город, который и сам был разрушен после долгого промежутка; по словам Аркульфа, и ныне указываются некие следы его развалин. Удивительно: после того, как на одном и том же месте были разрушены три города, остался только дом блудницы Раавы, которая сокрыла двух соглядатаев, посланных Иисусом сыном Навиным. в храмине этого своего дома… каменные стены этого дома стоят без кровли. А вся местность города, лишенная человеческих обиталищ, не имеет ни одного строения, где можно было бы остановиться, и вмещает в себе только посевы и виноградники. Между местностью этого разрушенного города и рекою Иорданом находятся большие пальмовые рощи, среди которых лежат в разных местах небольшие поля, на коих выстроены почти бесчисленные дома неких людей Хананейского племени» (Аркульфа рассказ 1898: Гл. XII). Таким образом, к концу VII в. византийский Иерихон уже не воспринимался как город.

256. Раскоп 5/E. Бронзовый крестик-тельник. VI–VII вв.

можем быть уверены даже в том, что они представляют единый комплекс (особенно учитывая появление производственной зоны в его южном углу). Тем паче в том, что это, как полагал когда-то о. Иоасаф (Плеханов), монастырь или паломнический приют. Однако косвенные аргументы в пользу трактовки комплекса как христианского (и, возможно, церковного), а также некоторые наблюдения, позволяющие говорить об изученном пространстве (между южным раскопом 2/B и северным раскопом 4/D, включая кладки в раскопах 1/A и 2/B, а также наблюдавшиеся между ними в траншеях конструктивные элементы: фундаменты, выкладки, мозаичные мощения полов, колонны) как о большом и едином строительном и архитектурном комплексе, все же есть.

Сравним «комнаты», открытые на раскопах 1/A и 2/B. По площади одна меньше другой примерно на четверть: первая близка к 30 кв.м (5.0×60. м), вторая достигала 40 кв.м (5.8×7.0 м). В том и другом случае наблюдается значительная разница между шириной стен (0.65 и 1.00 м соответственно) и фундамента (1.50 м), что объясняется, видимо, утратой блоков облицовки (выборка для вторичного использования?). Мозаичные полы обоих помещений технологически близки. В обоих случаях их не раз перекладывали (в раскопе 2 не менее трех раз, включая уровень полихромного пола, но, вероятно, поверхностей перекладки больше). Обе комнаты неоднократно перестраивали, но сохраняли главные элементы и ориентацию основных стен, довольно точно привязанных к сторонам света. Важно, что аналогичную ориентировку имеют и сооружения в достаточно отдаленном к северу раскопе 4/D, и южная галерея в раскопах 2/B и 5/E.

Уже материал 2010 г. позволял трактовать центральную зону МПК как конструктивное ядро комплекса. Об этом говорило, *во-первых*, обилие монументальных кладок и мозаичных полов в зоне здания Музея; *во-вторых*, концентрация здесь ярких находок; *в-третьих*, сравнительно мощный культурный слой. Есть и *четвертый аргумент*: по северному раскопу 4/D, содержавшему довольно много кладок и вторично использованных архитектурных деталей, видимо, шла граница комплекса, обозначенная уличным мощением, скрытым под ним дренажем и, возможно, остатками невысокой стены. В 2011–2013 гг. было доказано также, что в противоположном конце зоны раскопок, в нескольких метрах к югу от раскопа 2/B, архитектурный комплекс закончился и началась зона активной хозяйственной и производственной деятельности.

В северном раскопе 4 археологическая картина иная, чем в раскопах 1/A и 2/B, но зато она сходна с большим южным раскопом 5/E. Видимо, это зона большого двора с площадками, замощенными сырцом и камнем, — местами хозяйственной и ремесленной деятельности. По участку проходит длинный (уложилось более 16 м) извилистый фундамент каменной ограды, в который встроен перекрытый камнем канал (внутри него установлен отлично вытесанный каменный фильтр с отверстиями). Слой здесь насыщен бытовой керамикой и монетами.

Далее, все раскопы и зоны наблюдений дают очень близкий набор материалов, позволяющий отнести комплекс к одному периоду — концу византийской и началу исламской эпохи. Повсеместно встречаются смутные следы и более раннего (вплоть до конца эллинизма), и более позднего (вплоть до Турецкой империи) времени. Ранние находки пока не связываются ни с определенным слоем, ни с сооружениями — да и в позднее время строительная деятельность практически замерла. Таким образом, по крайней мере хронологически, комплекс определяется как единый.

Эта абсолютно устойчивая картина дополняется анализом массового материала 2010 г., когда работы велись практически на всей территории комплекса, и его сравнением с полученными в 2011–2013 гг. находками «южной промзоны». Прежде всего, мы опираемся на керамику и монеты, которые, к счастью, многочисленны. Для анализа керамики было привлечено более 5500 фрагментов и ряд целых форм[498], так что, хотя хронология керамики эпохи перехода от христианства к исламу в Палестине все еще в стадии разработки, статистика убедительна.

Правда, значительная часть комплекса (до 30%) — неорнаментированные стенки простой гончарной посуды, которые трудно уверенно соотнести с определенной эпохой. Зато остающийся

[498] См. ниже, в разделе Экскурсы и каталоги 7.

материал распределяется неравномерно и показательно: позднеримская керамика составляет менее 1%, столько же — раннее Новое время, немногим более (до 5%) — Аййубидский и Мамлюкский периоды. Подавляющее большинство фрагментов (до 65%) относится к византийскому и раннеарабскому времени, от V/VI до VIII в. Это большая гомогенная группа, которая не показывает никакого разрыва при переходе от эпохи христианства к исламу: простые типы посуды переживают культурно-исторический рубеж первой половины — середины VII столетия. Раннеарабская керамика вызревает в недрах византийского периода, наследуя и развивая эти формы (особенно в некоторых видах кухонных горшков, блюд и кувшинов). Именно такие формы, наряду с мешковидными амфорами («тарные кувшины») для воды и вина, преобладают в наших сборах. Общим для всего участка (что довольно странно) является отсутствие или малочисленность самых обычных для Палестины групп, например позднеримских амфор (в том числе тип Газа), краснолаковой финикийской и африканской парадной керамики.

257. Раскоп B/2010-2010. Часть цепи к бронзовой кадильнице.

Дифференцировать периоды жизни комплекса помогают типы посуды, характерные только для определенной культурно-исторической общности. Тунисская краснолаковая парадная посуда конца IV – конца VI в. немногочисленна, но все же представлена и включает широко распространенные в Византии блюда со штампованными изображениями: «листья пальм и концентрические окружности» (сер. IV — нач. V в., стиль Aii, формы 67 и 104A); «бык» и «птица» (530–600 гг., стиль Eii, формы 93, 99, 101, 103 и 104 по Дж. Хейесу: Hayes 1972).

Легко отличимы и арабские типы: лампы с высокой воронкой (VII–VIII вв.), ранний сфероконус в форме плода граната (VIII в.), расписные кувшины конца раннеарабского (VIII в.) или аййубидо-мамлюкского времени (XII–XIV вв.). В дальнейшем, при работах 2011–2013 гг. к югу от архитектурного комплекса, эти наблюдения в основном подтвердились. Хотя в «производственной зоне» керамика раннеисламского времени оказалась более многочисленной, чем в центральных помещениях, это объясняется тем, что здесь нижние уровни раскопов все еще не пройдены.

Уже в 2010 г. значительная нумизматическая коллекция (тогда — более 200 экз.) подтвердила и уточнила хронологию[499]. Среди монет есть гораздо более ранние, чем порог, заданный керамикой. Прежде всего, это монеты династии Хасмонеев (I в. до н.э.) и римской провинции Иудеи начала н.э. (Александр Яннай, Гиркан II, Иродиады, всего 16 экз.), римских императоров II — конца V в. (Марк Аврелий, Филипп Аравитянин, Максимиан Геркулий, Константин I и его семья и др., всего 66 экз.). Таким образом, древний раздел, даже без учета двух монет эпохи Селевкидов, составляет более 30% (!) общего числа в 265 определяемых монет. Византийских монет в столетие наиболее активной жизни на участке, с начала VI в. до начала VII в., отложилось, в сущности, немногим больше — 102, причем из них примерно половину образует клад[500]. Вместе это около 38% всех собранных на участке монет.

После того как оборот медных монет, вследствие реформы императора Анастасия, увеличился, общее число их выпадений, видимо, резко возросло. Фоллисы начала VI — начала VII в. (Юстин II, Фока, Тиберий II Константин и др.) превалируют даже без учета клада, который целиком состоит из них. А сам клад (54 экз.) — прекрасная подборка фоллисов примерно за сто лет, от Анастасия I до Маврикия Тиберия (младшая монета клада отчеканена в 593/594 г.).

Интересно, что доля монет последнего византийского столетия сопоставима с долей византийской керамики только в общем виде, ведь та и другая заметно преобладают. Но нумизматический материал дает очень заметный хронологический перекос, вызванный обилием ранних экземпляров (керамические комплексы пока не опускаются в V в. и ниже).

Монеты раннеарабской эпохи (сер. VII в. — сер. VIII в.) уже существенно уступают византийским, достигая только 12% от общего числа, а затем следует разрыв до первой половины XIII в., и только в XIV в. монет станет почти столько же (11–12%), после чего наступает молчание, прерванное лишь в позднеосманскую эпоху.

[499] См. ниже анализ монет в разделе Экскурсы и каталоги 1.

[500] Если посчитать клад византийских монет как одну находку, то окажется, что византийских монет даже меньше, чем иудейских и римских вместе взятых.

258. Раскоп 5/E-2013. Производственный брак: сосуд с носиком, сформованный, но смятый при обжиге.

Особенная активность монетного обращения VI–VII вв. подчеркнута не только общим распределением. Ее свидетельство — находка двух бронзовых гирек-эталонов с монограммами, инкрустированными серебром. Одна из них весит 13.2 г, то есть близка к половине унции (13.6 г, или, в монетах, три золотых номизмы или солида) и несет монограмму «IB» и надчеканку «Г» (монограмма вписана в круглый венок, отлитый вместе с гирькой). Другая гирька, в одну номизму (4.55 г), обозначена буквой N[501].

Отметим, что «двуслойная» переходная хронология, обнимающая последние 200 лет раннехристианского периода (сер. V — сер. VII в.) и первые столетия исламского правления (с сер. VII до нач. IX в.), очень типична для зоны современного Иерихона (примерно такой же интервал, VI–VIII вв., на участке, раскопанном М. Дженнингсом). Телль эль-Хассан других вариантов, собственно, пока и не предлагает[502], хотя нужно ожидать, что, по крайней мере, часть площадки современного Иерихона была хозяйственно освоена уже с конца I тысячелетия до н.э. (например, для снабжения продуктами земледелия дворцовых хозяйств Хасмонеев и семьи Ирода).

Керамическая и монетная коллекции позволили судить о хронологии, но мало помогли функциональной интерпретации комплекса. Явное преобладание кухонных форм и тарных сосудов для воды указывает на их жилое и хозяйственное использование. Этот вывод отчасти поддерживает обилие на участке каменных приспособлений для размалывания зерна и, возможно, растирания растений: как и повсюду в Иерихоне, отмечены простые ручные мельницы с двумя жерновами; более сложные мельницы римского типа из вулканической породы с приводом для животного (осла); крупные (более полуметра высоты) стационарные ступки; толстые портативные ступки-чаши с треугольными ручками; совсем небольшие ступки для домашних нужд (последние — из мрамора и других твердых пород известняка). Этот набор дополняют маленький, почти круглый пест-курант и Г-образный пест из черного базальта, имеющий рабочую заполированную поверхность не только на конце ножки, но и на боку.

[501] Очевидна необходимость дальнейшего исследования этих экземпляров. Как и вообще у гирек ранневизантийского период, соотношение монограммы с весом далеко не всегда устанавливается. См. таблицу веса и монограмм: Bendall 1996: 8; ср.: Manns 1984.

[502] Foerster, 1993a: 696, 697.

Представлена также парадная посуда из камня. Среди фрагментов — край невысокого круглого блюда (ваза или лутерий) из очень качественного, почти прозрачного известняка (мрамор или алебастр). К тому же кругу изделий относится уникальный римский mortatium (с пестом) из черного базальта, заполированный по дну, стенкам и срезу венчика, но оставшийся грубо тесаным с изнанки и по внешним стенкам[503].

Кое-что для определения функции и статуса комплекса можно извлечь из наблюдений над довольно часто встречающимися архитектурными деталями. Их учтено более пятидесяти. Все они переотложены или вторично использованы в более поздних кладках, ни одного на месте установки не обнаружено[504]. Детали явно происходят от колоннад. Найдены барабаны стволов трех базовых диаметров: первая группа близка 0.90–1.00 м, вторая — 0.60 м, третья включает малые диаметры — от 0.30 до 0.37 м (она самая разнообразная). Им отвечают капители нескольких типов и размеров: примитивные ионические (три вида); маленький фрагмент коринфской и др. Базы столь же разнообразны: чистотесаные классические профили; упрощенные классические; в большинстве же — абсолютно примитивные, с плохо обработанной поверхностью в расчете на обмазку (в некоторых случаях она сохранилась).

259. Иоасафовский участок (ИПК РФ), 2010 г.. Горшкообразный сосуд с двумя ручками. VI–VIII вв.

Среди архитектурных находок есть фрагмент архитрава портала с мелкими овами; нижний угловой камень портала с сухим дробным профилем (примитивная база фланкирующей полуколонны или филенки); колонна с раннеарабским граффито на срезе барабана[505]. Еще в XIX в. на участке было собрано довольно много деталей, в том числе ствол мраморной колонны и две капители — вероятно, те самые, что стоят сейчас на столбах ворот МПК (во всяком случае, так их воспринял Беллармино Багатти, поместив их описание в книгу о христианских поселениях Самарии[506]). Напомним и о капители с примитивно вытесанным крестом, сохранявшейся на участке в течение XX в. (фотография сделана нами задолго до начала строительства).

Широкое использование колонн и мозаик, особенно цветных, в Палестине византийского периода указывает на вполне вероятный общественный и/или религиозный характер комплекса — ведь к церковным мозаикам принадлежит более половины всех известных византийских полов Палестины, в то время как частные дома, бани и гробницы, взятые вместе, дают едва 15%. Укажем в связи с этим и на достаточно высокое техническое качество мозаики.

Что можно утверждать уверенно, так это то, что жители раскопанного комплекса были христианами. Для V–VIII вв. давно отмечено большое сходство художественных элементов и даже символики авраамических памятников Палестины между собой[507]. Но о христианском характере построек на участке говорили уже находки, сделанные в XIX в., когда в слоях разрушения были найдены бронзовые кресты и часть порфировой чаши с вырезанным крестом[508]. Впрочем, церковной утвари на участке собрали гораздо больше, так как на фотографии 1888 г.(?) из собрания ИППО[509] среди изделий из металла с Иоасафовского участка мы видим еще одну бронзовую лампу, три подставки-канделябра для таких ламп и кадильницу (видимо, большего, чем найденная нами, размера).

К этим давним находкам присоединим редкие образцы церковного литья (клад?), обнаруженные в 2010 г. в слое разрушения, включающем следы пожара (прирезка к раскопу 2/B). Это, *во-первых*, типичная для Сиро-Палестинского региона полусферическая кадильница с тремя ножками, на трех цепях, в составе которых — крестики с кружками на углах расширенных ветвей[510]. *Во-вторых*, очень большая (на 300 г масла) лампа с ручкой из спиралевидно закрученных

[503] Возможно, он имел подставку из другого материала (металл? дерево?), от крепления к которой сохранились небольшие ямки на боках в районе слива. Слив в виде открытого носика и три ручки размещены снаружи крестообразно на противолежащих концах пересекающихся диаметров.

[504] Что не доказывает их полного отсутствия на участке в прошлом: Я.И. Смирнов (1904: 140–142) описывал стоящие колонны, а подавляющая часть комплекса пока не вскрыта или, к сожалению, попала в пятно застройки Музея.

[505] Надпись представляет два арабизированных имени, хотя каких точно — неясно. В первой строке читается «Джабраил» или «Самуил», во второй, вероятнее всего, «Филипп». Дата не ранее VIII в. Благодарю за консультации зарубежных и российских семитологов: главного арабиста отдела семитских языков Гарвардского университета профессора Вольфарта Хайнрихса; профессора Оксфордского университета Роберта Хойлэнда; профессора Университета штата Мэриленд Роберта Фрадкина; профессора Принстонского Института передовых научных исследований, ныне покойного Олега Грабара; эпиграфиста и ориенталиста Илью Владимировича Зайцева (Институт востоковедения РАН).

[506] Bagatti 2002: Pl. 27, 3.

[507] Это хорошо показала выставка 2007 г. в Музее библейских стран (Иерусалим). См.: Three Faces of Monotheism 2007; там же литература.

[508] Местонахождение неизвестно. См.: Смирнов 1904: 142.

[509] Сейчас в МИР, СПб.

[510] Виды кадильниц из бронзы в Палестине см.: Cradle of Christianity 2000: 101.

260. Срез венчика миски (фрагмент) с надписью греческими буквами по-сырому

побегов и утраченным навершием (видимо, с крестиком). Точного аналога ей пока не найдено, но общее соответствие типам церковных ламп на подставках несомненно[511].

Очень важно, что среди массово встречающихся на памятниках региона дешевых, штампованных керамических светильников, декорация которых зачастую имеет конфессиональный или сюжетно-символический оттенок (языческий, иудейский, христианский или исламский), на участке встречены фрагменты только ламп со штампованными крестами и христианскими греческими надписями, а также два целых светильника[512]. Эти широко распространенные формы (их называют «лампы-шлепанцы», «лампы на подставках» и по-другому) известны также с иудейской и, реже, с исламской символикой и/или надписями, а для римского времени — с мифологическими сюжетами. Находка ламп дополнительно укрепляет датировку: штампы «с крестом и сиянием» встречаются со второй половины IV до середины VI в., а штампы с греческой надписью наследуют им с середины VI по конец VII столетия. Круговые штампованные надписи хорошо изучены и сейчас всеми воспринимаются как несущие начало вечерней молитвы («Свет Христов просвещает всех») с сокращениями и, частично, искажениями[513]. На нашей лампе буквы читаются по кругу слева направо: ΦωCXYΦЄNIΠACIN Є[ω?][...], раскрываясь как ΦωC XPICTOCYIOC ΦAINЄI ΠACIN.

Отметим, что греческий язык использован и в «производственном» граффито, сделанном по сырому на плоском краю миски большого диаметра. Фрагмент найден на раскопе 5 (Е-390). От надписи сохранилось 5 букв и след от 6-й: [?]ητονα…, читаемых, за исключением Эты, вполне уверенно.

Наконец, определенно христианский бронзовый крестик VI–VII вв. (раскоп 5) хорошо укладывается в типологические таблицы всего Восточного Средиземноморья, Крыма и отчасти Юго-Восточной Европы[514].

Таким образом, на участке не обнаружено признаков исповедания его обитателями закона Моисея или ислама — признаки же христианского вероисповедания, включая использование греческого языка, всё умножаются.

Христианские мотивы пронизывают и цветную мозаику. Правда, ее сложная композиция из изощренно сплетенных кругов, образующих цепи и охваченных традиционной плетеной косичкой, использующая в качестве фона зигзаги разделки под мрамор — принципиально неизобразительна. Но в нее включен набор символов, хорошо известный христианскому искусству: в растительный орнамент вплетены кресты; виноградная лоза с гроздьями — устойчивый евхаристический символ.

Композиция имеет аналоги в мозаиках христианских храмов к западу и востоку от реки Иордан, датированных (в свое время) периодом от V до VIII в., например в Мареше[515], Герасе (535 г.)[516], Deir

[511] Ср. коллекцию христианских ламп IV–VI вв. в собрании Эрмитажа (Залесская 2006: № 212–222) и в Музее Израиля (Cradle of Christianity 2000: 107). См. ниже, раздел Экскурсы и каталоги, 3.

[512] Сколько можно судить по фотографиям из собрания ИППО, они были и среди находок XIX в.

[513] Сводка: Loffreda 1989; обобщение: Loffreda 2001; типология ламп как керамических изделий: Magness 1993.

[514] Особенно хорошо он соотносим со сборами в Юго-Западном Крыму (80 крестов 2-й пол. VI в.), представленных отчасти местными (Херсонес) переработками. Там же выяснено, что на «варварской» периферии Византийского содружества их носили в основном женщины и девочки. В Анатолии, Палестине, Сирии такие кресты не менее распространены. См. обзор изделий из металла ниже, в разделе Экскурсы и каталоги, 3.

[515] Kloner 1993: 260–264.

[516] Piccirillo 1981: Fig. 30, 31.

es-Smadiyeh (район Пеллы)[517], а также в общественных банях в Гадаре и других местах[518], и в более ранних памятниках конца IV в.: самарийской синагоге на Хирбет Самара (в Палестине мастера-мозаичисты, как и ремесленники и художники вообще, работали для заказчиков вне зависимости от конфессии)[519]. И особенно в монастырской церкви в Шило[520]. Последняя, конечно, выполнена гораздо искуснее, помпезнее и богаче, но композиционные схемы очень сходны: заполнение углов под мрамор; крест из полос мраморировки; огромная циркульная композиция из сцепленных друг с другом кругов и ромбов; амфоры с побегами лозы.

261. Иоасафовский участок (МПК РФ). Керамический светильник со штампованной надписью. Фрагмент.

Стратиграфически мозаика соотносима с одной из поздних фаз активного обживания участка, поскольку входит в состав предпоследнего «ремонтного» пола — ему предшествует, по меньшей мере, еще один а, возможно, и несколько. Учитывая все данные, кажется осторожнее для мозаики Иоасафовского участка предложить дату на основе статистики находок, ограничив ее второй половиной VI — первой половиной VII в. и резервируя более ранние даты для нижележащих уровней.

К сожалению, раскопы на Иоасафовском участке затронули только малую часть построек и помещений архитектурного комплекса. Даже галерея к югу от комнаты с полихромной мозаикой до сих пор изучена далеко не до конца, к востоку и западу уходят новые ее членения. Траншеи не раз наталкивались на мозаичные (в том числе бело-черные) покрытия комнат в других местах, довольно далеко отстоящих к северу и западу от раскопа 2. Там, видимо, залегают другие сохранившиеся части комплекса, не менее значимые.

Опираясь на планиграфию, стратиграфию, конструкции и находки по отдельности, можно предложить суммарную интерпретацию комплекса и некоторые аналоги. Ясно, что раскопки затронули довольно большое, комфортабельное и богато украшенное изнутри сооружение с элементами престижного архитектурного оформления, состоявшее из многих помещений и успешно развивавшееся полтора-два века. Возможно, это один из аграрно-церковных комплексов, столь многочисленных в Святой земле эпохи ее бурной христианизации и расцвета IV–V вв., например монастырь со странноприимным домом[521] и обширным хозяйством.

В Палестине подобный тип монастырей и усадеб, со сплошной периметральной застройкой с внутренним двором и эксцентрично поставленным храмом, был распространен. В нашем случае о такой планировке говорят: южная галерея и поперечная ей анфилада (?) комнат; единство ориентировки на большом пространстве; малая вероятность принадлежности открытых комнат разным постройкам. Полагая, что комплекс располагался между раскопами 2 и 4, и с учетом данных наблюдений, его общий размер можно оценить в 5000–6000 кв.м, то есть как средний для Византийской Палестины. Тем не менее комплекс следует считать значительным — ведь скромные усадьбы и монастыри этого периода, сходные по набору предметов и конструктивным приемам, не имеют мозаичных полов, по площади они обычно еще меньше и, главное, гораздо беднее находками.

Так, полностью раскопанный в 2003–2004 гг. монастырь Хирбет ай-Сийах в иудейской части Шефелы (15 км западнее Иерусалима) занял площадь не более 2000 кв.м (базовые размеры 30×60 м) и дал всего 50 монет[522]. Городские монастыри были тем паче ограничены в площади — так, довольно известный Девичий монастырь у подножия Храмовой горы Иерусалима[523] умещался на квадрате, не превышавшем 20×20 м, или 400 кв.м. Крупные монастыри (Хирбет Дейр

[517] Ibid., 1981: Tav. 7, Fig. 7; Tav. 8.
[518] Ibid., 1981: Fig. 18. Tav. 20–22.
[519] Talgam 2000: 93–110.
[520] Magen 2010: 184–185, 188.
[521] О значении и особенностях странноприимных домов христиан в Палестине см.: Юзефовский 2016: 9–16.
[522] Taxel 2009.
[523] Mazar 1999.

С’аман) были в 3–5 раз больше; общая площадь монастыря Мартирия в Маале-Адумим (тоже не самого крупного) — 10 000 кв. [524]. Важно, что все эти монастыри отстраивали постепенно, на протяжении одного-двух веков — что хорошо объясняет частые, хотя в основном мелкие трансформации наших помещений.

В то же время Иоасафовский комплекс в некоторых отношениях уступает известным нам монастырям и храмам Иерихона, включая церковь на Антониновском участке. В глаза бросается полное отсутствие мозаичных надписей (которых там известно, по крайней мере, две) и мраморных архитектурных деталей (кроме одного маленького фрагмента резьбы), особенно колонн (впрочем, таковые отмечал Я.И. Смирнов). Особенно мало найдено резных элементов, в то время как на Антониновском участке, например, сложные резные детали с растительным орнаментом достаточно обильны (правда, их происхождение туманно).

Найденные капители чрезвычайно примитивны и, видимо, древнее самого комплекса — вероятно, это заимствованные где-то *spolia*. Вспомним, что еще Н.П.Кондаков оценил раскопанные сооружения как бедные, — это, конечно, существенное преуменьшение, вызванное привычкой сравнивать с хорошо сохранившимися первоклассными архитектурными комплексами, вроде храмов Герасы.

Мы не считаем, в результате, необходимым или возможным интерпретировать участок как принадлежащий к окраинной или, наоборот, центральной зоне византийского города. Раскоп, начатый М. Дженнингсом, совсем недалеко. Еще один монастырь или приходский храм с хорошими мозаиками просто рядом, через улицу. Много пока не изученного и на самом участке.

Архитектурную часть комплекса можно оценить с точки зрения качества и обилия мозаик как вполне соответствующую лучшим образцам конца византийского периода в этой части Палестины. Уровень самой архитектуры, конечно, гораздо скромнее, но и в том, и в другом случае следует учитывать плохую сохранность сооружений — обнаруживаемые в них детали немногочисленны, но выполнены, по крайней мере, на среднем уровне. Наполнение храма (несомненно, здесь существовавшего) литургической утварью следует оценить как очень высокое, а состоятельность владельцев комплекса — как не уступающую ни одному известному в Иерихоне местонахождению этого периода.

Обрывочность знаний о комплексе мешает функциональному определению отдельных помещений, но очевидно, что южная линия небольших помещений образует род внешней галереи, часть которой использовалась под хранилища, а часть была украшена цветной мозаикой. Комната с «большой мозаикой», возможно, входила в состав церковной постройки, но какую именно ее часть представляла — трудно установить без дальнейших раскрытий.

Особой ценностью с точки зрения археологии византийской экономики, несомненно, обладает многослойная производственная зона за пределами архитектурного комплекса с ее керамическими горнами, ямами для отходов и не очень понятными сооружениями типа больших отстойников или силосных ям, где, тем не менее, довольно обильно выпадали монеты. В связи с ней мы неоднократно ставили вопрос о возможном соотнесении некоторых сельскохозяйственных инсталляций при множестве печей — с переработкой знаменитых иерихонских бальзамических растений.

Можно смело утверждать, что перспективы археологических работ на участке МПК РФ в Иерихоне чрезвычайно широки с точки зрения исследований византийского и раннеисламского периодов. Весьма вероятно, что на участке будут открыты и сооружения более раннего времени — по крайней мере, ранневизантийские (учитывая обилие ранних монетных находок, даже и позднеримские?). Конечно, в настоящее время рассчитывать на широкие раскопки в только что разбитом благоустроенном и цветущем саду будет пустым мечтанием. Однако на специально зарезервированной площадке для экспозиции под открытым небом завершить начатые работы совершенно необходимо. Они обещают новые научные открытия, но важны и для создания уже запроектированной экспозиции.

[524] Magen 1993.

ЭКСКУРСЫ
и КАТАЛОГИ

Монеты из клада 2010 года (до реставрации)

1. НУМИЗМАТИКА ИОАСАФОВСКОГО УЧАСТКА: ОБЗОР И КАТАЛОГ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК 2010–2013 гг.

М.Г. Абрамзон, В.В. Зайцев, А.А. Гомзин при участии А.Н. Ворошилова

Нумизматическая коллекция из раскопок на Иоасафовском участке в Иерихоне отражает денежное обращение в городе и регионе в период в основном с конца IV в. до н.э. по XIV в. н.э. Она немногим отличается от материалов, происходящих с других памятников, например из ряда сельских поселений в Палестине с подобным набором типов позднеримского и византийского периодов[525]. Также, например, при раскопках в Хирбет эль-Тахир[526] зарегистрирован подобный ряд монет от Александра Янная до Аббасидов и мамлюков. Из усадьбы в окрестностях Ашкелона[527] происходит почти такой же ряд монет, охватывающий хронологический отрезок от Селевкидов до Аббасидов. В то же время иерихонские находки дают куда более разнообразный в хронологическом и географическом аспектах нумизматический материал. Небольшая часть иерихонских нумизматических материалов (находки 2010 г.) получила освещение в краткой предварительной публикации[528]. В целом коллекция из Иерихона насчитывает более 360 монет, часть которых не подлежит определению из-за плохой сохранности. Остальные распределяются следующим образом:

1. Селевкиды — 2 экз.
2. Иудея — 16 экз.
   Хасмонеи (Маккавеи) — 12 экз.
   Иродиады — 4 экз.
3. Римская империя — 66 экз.
4. Византийская империя — 102 экз.
5. Исламские и средневековые — 71 экз.
   Мусульманские подражания византийским фоллисам — 3 экз.
   Умайады — 30 экз.
   Зангиды Сирии — 1 экз.
   Аййубиды Алеппо — 2 экз.
   Мамлюки — 32 экз.
   Государства крестоносцев — 3 экз.
6. Монеты Нового и Новейшего времени — 8 экз.
   Османская империя — 4 экз.
   Российская империя — 1 экз.
   Британский мандат в Палестине — 1 экз.
   Саудовская Аравия — 1 экз.
   Израиль — 1 экз.

1. Селевкиды

Наиболее ранние из найденных экспедицией монет принадлежат Селевкидам. Самая древняя из них — медная монета Селевка I Никатора (312–280 гг. до н.э.) типа «голова Медузы/бодающий бык»[529], выпущенная на монетном дворе Антиохии (кат. 1). Еще одна монета, типа «лилия/якорь», принадлежит чекану Антиоха VII Сидета (138–129 гг. до н.э.)[530] в Иерусалиме (кат. 2). Монеты Селевкидов (Антиохов III и IV) вместе с монетой Александра III Великого, так же как и в Иерихоне, открывают монетный ряд из раскопок, например, памятника «Усадьба Третьей Мили» в окрестностях Ашкелона[531].

2. Иудея

Далее следует группа из 16 медных монет Иудеи, из которых 12 экз. принадлежат царям и первосвященникам из династии Хасмонеев, 4 — Иродиадам. Они распределяются следующим образом.

---

[525] Gitler, Weisburd 2005: 539–552.
[526] Kool 2012: 73–77.
[527] Ariel 2013: 229–238.
[528] Беляев, Зайцев, Ворошилов, Гомзин 2011: 33–35.
[529] SNG Israel 21–24.
[530] SNG Israel 2133, 2140–2148.
[531] Ariel 2013: 232, № 2–5.

Хасмонеи (Маккавеи)

Александр Яннай (103–76 гг. до н.э.) — 6 экз.
Иоанн Гиркан II (63–40 гг. до н.э.) — 1 экз.
Маттафия Антигон II (40–37 гг. до н.э.) — 1 экз.
Хасмонейские не определенные — 4 экз.

Иродиады

Ирод I Великий (40–4 гг. до н. э.) — 1 экз.
Ирод Архелай (4 г. до н.э. — 6 г. н.э.) — 1 экз.
Первое восстание (66–70 гг. н.э.) — 1 экз.
Агриппа II (53–95/100 гг. н.э.) — 1 экз.

Среди хасмонейских монет лидирует самая ранняя группа, образованная прутами Александра Янная (103–76 гг. до н.э.) с греческой надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ вокруг якоря на *л.с.* и звездой и древнееврейской надписью на *о.с.* (кат. 1, 2, 100, 101). Встречаются также пруты первосвященников Иоанна Гиркана II (63–40 гг. до н.э.) с типом *о.с.* «два рога изобилия и гранат» (кат. 3) и Маттафии Антигона II (40–37 гг. до н.э.) с типом *о.с.* «два рога изобилия и колос» (кат. 4). По одной монете принадлежит Ироду I Великому (40–4 гг. до н. э.) (кат. 249) и Ироду Архелаю (4 г. до н.э. — 6 г. н.э.) (кат. 250). Одна монета относится ко времени Первого восстания (66–70 гг. н.э.). Это тип «амфора/виноградный лист»[532], датированный вторым годом (67/68 г. н.э.) (кат. 283). Наконец, наиболее поздняя монета Иудеи относится ко времени Агриппы II (53–95 гг. н.э.), правившему в Северной Палестине, — это провинциальный выпуск Тита 74/75 г. н.э. с греческой легендой ΙΟΥΔΑΙΑΣ ΕΑΛΩΚΥΙΑΣ («Judaea Capta») на реверсе (кат. 254).

3. Римская империя

Период римского владычества представлен 66 медными монетами как общеимперской (61 экз.), так и провинциальной (5 экз.) чеканки. Из этой массы десяток монет не подлежит определению.

Провинциальные чеканки представлены выпусками монетных дворов Самарии — Неаполя (Домициан, 81–96 гг. н.э.) (кат. 251) и Кесарии Маритимы (Марк Аврелий, 161–180 гг.) (кат. 7), Финикии — Берита (Каракалла, 198–217 гг. н.э.) (кат. 252), а также Иудеи — Элии Капитолины (Иерусалима) (Гета, 209–211 гг. (кат. 8) и Тит, 76–81 гг.). Провинциальные монеты из раскопок других памятников в регионе относятся к тому же хронологическому отрезку. Так, например, из Ашкелона происходят монеты Элии Капитолины времени совместного правления Септимия Севера, Каракаллы и Геты, а также Элагабала[533].

Общеимперская чеканка представлена медными монетами Домициана (81–96 гг.), Филиппа I Араба (244–249 гг.), Галлиена (253–268 гг.) (кат. 107), Клавдия II Готского (268–270 гг.), Максимиана Геркулия (285–305 гг.), Лициния II (317–324 гг.), Константина I Великого (306–337 гг.) (кат. 109, 256), Константа (333–350 гг.) (кат. 217), Констанция II (324–361 гг.), Констанция Галла (351–354 гг.), Валентиниана I (364–375 гг.), Юлиана II Отступника (360–363 гг.), Иовиана (363–364 гг.), Феодосия I Великого (379–395 гг.), Аркадия (395–408 гг.) (кат. 265, 263), Гонория, Феодосия II (408–450 гг.) (кат. 115), Валентиниана III (408–450 гг.).

[532] SNG Blackburn 1107.
[533] Ariel 2013: 232, № 6–7.

Таблица 1

Распределение римских (имперских и провинциальных) монет по дворам (в экземплярах)

Императоры	**Даты (гг. н.э.)**	**Монетные дворы**																**Всего**
		Арль	Рим	Неаполь	Кесария Маритима	Берит	Иерусалим/Элия Капитолина	Сисция	Фессалоника	Никомедия	Константинополь	Гераклея	Кизик	Антиохия	Александрия	Не определенные восточные	
Тит	79–81						1											1
Домициан	81–96		1	1														2
Марк Аврелий	161–180				1													1
Каракалла	198–217					1												1
Макрин или Элагабал (?)	217–220															1		1
Филипп I Араб	244–249		1															1
Галлиен	253–268							1										1
Клавдий II Готский	268–270		1															1
Максимиан Геркулий	285–305												1					1
Константин I	306–337	2	1									1						4
Константин I, Крисп или Лициний I																1		1
Лициний II	317–324													1				1
Семья Константина	337–340									1						1		2
Констант	333–350											1						1
Констанций II	324–361									1			1	1	1	3		7
Констанций Галл	351–354								1									1
Юлиан II Отступник или Иовиан	360–364		1															1
Валентиниан I	364–375							1								2		3
Валентиниан I, Валент и Прокопий	364–378															1		1
Грациан, Валентиниан II, Феодосий I и Аркадий	378–383															5		5
Феодосий I	379–395										1			1		6		8
Феодосий I, Аркадий и Гонорий	392–395															1		1
Аркадий	395–408											1		2	1	3		7
Феодосий II	408–450											1				1		2
Валентиниан III	408–450															1		1
Неопределенные	4–5 вв.															10		10
Итого		**2**	**5**	**1**	**1**	**1**	**1**	**2**	**1**	**2**	**1**	**4**	**2**	**5**	**2**	**36**		**66**

Отметим преобладание монет, относящихся к IV в. н.э., что явно свидетельствует об активизации хозяйственной деятельности в это время[534]. Самые большие группы монет составляют выпуски императоров Констанция II (7 экз.), Феодосия I (8 экз.) и Аркадия (7 экз.). Из восточных монетных дворов лидируют Антиохия (5 экз.) и Гераклея (4 экз.).

[534] Беляев, Зайцев, Ворошилов, Гомзин 2011: 34.

Илл. 1. Селевкидские монеты

Илл. 2. Иудейские монеты.

4. Византийская империя

Подлинный расцвет городской жизни на исследованных участках Иерихона приходится на столетие с начала VI по начало VII в. Именно этим временем датируется бóльшая часть найденных монет. Это фоллисы, полуфоллисы и многочисленные мелкие номиналы меди византийских императоров от Анастасия I (491–518 гг.) до Константа II (641–668 гг.)[535]. Всего найдены 102 византийские монеты, 23 из которых определить не удалось из-за плохой сохранности. По монетным дворам единичные византийские монеты из раскопок распределяются следующим образом (см. табл. 3).

Фоллисы и полуфоллисы, отчеканенные в конце V–VI в., составляют около двух третей найденных византийских монет (70 из 102 экз.). Монет, поступивших в Иерихон после правления Маврикия (582–602 гг.), не много. Наибольшая группа монет принадлежит монетному двору Константинополя — 35 экз., затем следуют выпуски Никомедии — 16 экз. и Антиохии — 9 экз. Самая большая группа монет дошла от правления Юстиниана I (527–565 гг.) — 16 экз., по 13 монет приходится на правление Юстина II (565–578 гг.) и Маврикия Тиберия (582–602 гг.). Затем следует группа монет Анастасия I (498–518 экз.) — 11 экз. Позднейшие византийские выпуски из раскопок принадлежат Константу II (641–668 гг.).

[535] Там же.

Таблица 2

Распределение византийских монет по императорам и дворам (в экземплярах)

Император, даты (гг. н.э.)	**Монетные дворы**								**Всего**
	Фессалоника	Константиноп.	Херсон	Кизик	Никомедия	Антиохия	Александрия	Не определенные	
Анастасий I, 498–518		11							**11**
Юстин I, 518–527	1	3			2	1		1	**8**
Юстиниан I, 527–565		5	3	1	2		3	2	**16**
Юстин II, 565–578	1	4		1	3	1		3	**13**
Тиберий II, 578–582		1			3	4		1	**9**
Маврикий Тиберий, 582–602		3		1	6	2	1		**13**
Фока, 602–610						1			**1**
Ираклий, 610–641		4					1		**5**
Констант II, 641–668		3							**3**
Не определенные		1					3	19	**23**
Итого	**2**	**35**	**3**	**3**	**16**	**9**	**8**	**26**	**102**

Клад византийских фоллисов VI в. (2010 г.)

В 2010 г. во время работ на территории Российского музейно-паркового комплекса в Иерихоне был найден клад, содержавший 54 фоллиса византийских императоров — от Анастасия I (498–518 гг.) до Маврикия (582–602 гг.)[536]. Клад был обнаружен при обследовании траншеи Tr 3/3, предназначенной для сооружения опорной стены с северо-западной стороны строящегося здания музея. Большинство монет окислилось и спаялось в столбики, включающие от 2 до 6 фоллисов. Следов какого-либо контейнера не было выявлено; возможно, клад находился в мягкой таре или был завернут в материю. Не исключено также, что часть комплекса могла быть утрачена при рытье строительного котлована.

Клад примыкает к группе кладов VI в., происходящих из части диоцеза Восток, включающей территории современных Палестины, Израиля, Ливана и Сирии. Следует отметить, что среди кладов, зарытых на территории Палестины в VI в.[537], доминируют клады медных монет. Они делятся на три основные категории: 1) клады, состоящие только из фоллисов (иногда включающие также полуфоллисы); 2) клады нуммиев; 3) клады, включающие монеты разного номинала[538]. По данной классификации, публикуемый клад принадлежит к первой группе. Он содержит только фоллисы, которые выпускались монетными дворами Фессалоники, Константинополя, Кизика, Никомедии и Антиохии в течение отрезка времени, охватывающего более столетия. Самой ранней монетой в кладе является фоллис Анастасия I, отчеканенный в период после его монетной реформы, — между 498 и 512 гг. Позднейшая монета в комплексе — фоллис Маврикия, выпущенный в 592/593 г. (табл. 1, 54).

Таблица 3

Состав Иерихонского клада 2010 г. (в экземплярах)

Император/даты	Фессалоника	Константинополь	Кизик	Никомедия	Антиохия	Всего
Анастасий I, 498–518		16				16
Юстин I, 518–527	1	14				15
Юстиниан I, 527–565		7			3	10
Юстин II, 565–578		5		4	1	10
Маврикий, 582–602			1		2	3
Итого	1	42	1	4	6	54

[536] Беляев, Зайцев, Ворошилов, Гомзин 2011: 34.
[537] Waner, Safrai 2001: 305–336.
[538] Bijovsky 2012: 335–343; Bijovsky, Benovits 2015: 59, note 12.

Илл. 3. Римские монеты

Фоллисы, отчеканенные в первой половине — середине VI в., составляют более двух третей монет в кладе. Почти все они носят следы интенсивного обращения. Чеканка последних полутора десятков лет столетия представлена всего тремя фоллисами Маврикия. Большинство фоллисов принадлежит монетному двору Константинополя — 42 экз. (78%), затем следуют выпуски Антиохии — 6 экз. (11%) и Никомедии — 4 экз. (7%). По одной монете принадлежит монетным дворам Фессалоники и Кизика. Среди выпусков Константинополя самую большую группу образуют монеты, отчеканенные в пятой оффицине (Є). Подобное процентное соотношение представительства монетных дворов типично для всех кладов, сокрытых в VI и VII вв., независимо от даты тезаврации. Во всех подобных комплексах преобладают выпуски Константинополя; за ними всегда следуют выпуски монетных дворов Антиохии и Никомедии[539].

Таблица 4

Распределение монет в кладе по дворам и оффицинам (в экземплярах)

Монетный двор	Оффицины						Всего
	A	B	Γ	Δ	Є	Не ясно	
Фессалоника						1	1
Константинополь	5	4	6	8	13	6	42
Кизик		1					1
Никомедия	3	1					4
Антиохия	2	1	1			2	6

Шестнадцать фоллисов Анастасия I (498–518 гг.) образуют наибольшую группу монет в кладе. Самый ранний фоллис (№ 1) имеет малый диаметр и вес и, следовательно, выпущен в пореформенный период между 498 и 512 гг. Остальные 15 монет (№ 2–16) относятся к последней серии крупных фоллисов, датируемой 512–518 годами. Все монеты этого императора из клада отчеканены на Константинопольском монетном дворе: во второй оффицине — 1 экз., в третьей — 1 экз., четвертой — 4 экз., пятой — 7 экз. На трех остальных экземплярах знаки оффицин неопределимы.

Юстину I (518–527 гг.) принадлежит следующая группа из 15 фоллисов (№ 17–31), из которых 14 экз. отчеканены на монетном дворе Константинополя, а один — в Фессалонике.

Монеты Юстиниана I (527–565 гг.), за исключением единственного фоллиса, отчеканенного в 542/543 г. (№ 38), принадлежат недатированной серии, выпущенной в первой половине его правления, между 527 и 538 гг. Из них 7 экз. отчеканены в Константинополе, 3 экз. — в Антиохии. Подобное распределение выпусков монетных дворов наблюдается, например, и в кладе из набатейского города Обода (Южный Израиль), расположенного на пути из Газы и Петру[540]. Монеты Юстиниана I, чеканенные в Константинополе и Никомедии после реформы 538 г., получили наибольшее распространение на Ближнем Востоке. Монетный двор Антиохии останавливал свою деятельность в 14-й и 15-й годы правления Юстиниана, во время захвата города персами, а затем, в 17-й, 18-й и 19-й годы его правления по причине Великой чумы. Наиболее интенсивно антиохийский двор работает с конца 540-х годов[541].

Публикуемый клад включает 10 фоллисов Юстина II (565–578 гг.), выпущенных между 569/570 и 577/578 гг. (№ 42–51). Половина из них отчеканена в Константинополе, 4 экз. — в Никомедии, 1 экз. — в Антиохии. Иерихонский клад 2010 г., так же как и упомянутый клад из Ободы и единичные монетные находки из региона[542], свидетельствует о том, что фоллисы Константинопольского монетного двора пользовались наибольшей популярностью в денежном обращении Палестины в правление Юстина II. В целом же фоллисы составляли более половины всей массы монет этого императора[543]. Следует отметить также присутствие в кладе неизданного фоллиса с годом X/II/I (13-й год правления = 577/578 г.) и знаком второй оффицины (B) (илл. 1, *46*). Ранее был опубликован единственный известный нам экземпляр этого года со знаком первой оффицины (A) из наиболее полной коллекции Дамбартон Оакс[544].

[539] Bijovsky, Benovits 2015: 62, fig. 4.
[540] Bijovsky, Benovits 2015: 57–75.
[541] Gândilă 2009: 175, note 118.
[542] Bijovsky, Benovits 2015: 59.
[543] Gândilă, 2009: 178.
[544] DOC: 214, no. 43.

Илл. 4. Византийские монеты

Особенностью клада является отсутствие в нем фоллисов Тиберия II (578–582 гг.), провозглашенного императором в сентябре 578 г., накануне смерти Юстина II. Наконец, три позднейшие монеты в кладе (№ 52–54) дошли от правления Маврикия (582–602 гг.), две из которых были выпущены монетным двором Антиохии, одна — Кизика.

Помимо публикуемого комплекса несколько схожих по составу кладов византийской меди происходят из данного региона. Большинство их имеет близкую датировку, относящуюся к VI в. или немного позднее. Массовая тезаврация была вызвана рядом катастрофических событий в

регионе, случившихся в VI в.: Великой чумой, персидскими вторжениями начиная с 540 г., крупным землетрясением 551 г., Самаритянским восстанием 555 г. и т.д. Данные события отразились и на денежном обращении[545]. Г. Биджовски и Н. Беновитц делят все клады, «состоящие в основном из фоллисов», на две основные хронологические группы. К группе А относятся клады фоллисов только VI в. (Иерихонский клад как раз принадлежит к данной группе). Группа В объединяет комплексы, содержащие наряду с фоллисами VI в., составляющими большинство, монеты первой половины VII в.[546] Кроме того, можно выделить несколько подгрупп кладов данной эпохи.

Самая ранняя подгруппа состоит из кладов, зарытых около середины VI в. В нее входят, прежде всего, сокрытые в 538 г. два клада из израильских поселений Телль Яйоз[547] и Бейт Шеан Стурман[548], а также клад из синагоги Эн-Геди[549], зарытый в 540 г. Два других схожих по составу клада — из поселений Сарафанд (Ливан) и Джебел Раза (около Газы) — датируются временем накануне середины VI в.[550] Эта же подгруппа включает и схожие по составу клады, связанные с крупным землетрясением, случившимся в Ливане и разрушившим Бейрут 9 июля 551 г. Так, например, один из Бейрутских кладов 1994 г. (BEY 011) состоял из 34 фоллисов Анастасия I, Юстина I и Юстиниана I[551]. Другой Бейрутский клад 1994 г. (BEY 004) содержал 79 монет Анастасия I и Юстиниана I[552]. С тем же землетрясением 551 г. связаны еще два клада из Бейрута (BEY 006 и 045), состоявшие из фоллисов Анастасия I малого размера, один из которых включал 63 монеты, второй — 60[553]. К данной подгруппе можно добавить и клад из XIV региона Нагал Кидрона (Израиль), сокрытый в 558 г.[554]

Следующая подгруппа объединяет клады, состоящие из монет второй половины VI и VII в. и включающие большое количество фоллисов Юстина II и Маврикия Тиберия. Среди них — упомянутый клад из Ободы, содержавший 72 фоллиса императоров от Анастасия I до Юстина II, бóльшая часть которых была отчеканена в Константинополе. Клад был зарыт в первые годы правления Юстина II[555], то есть вскоре после 565 г. К последнему комплексу наиболее близок по составу клад из поселения Рафах[556], зарытый вскоре после 573/574 г. Затем в хронологическом порядке следуют клады с поселений Бейт Шеан I и II, зарытые, соответственно, в 574/575 и 575/576 гг.[557], «клад из Северной Сирии» — в 584/585 г[558]., датированный прежде 595/596 годом[559], клад из синагоги Маёз Хаим — в 589/590 г г.[560] и публикуемый клад из Иерихона — в 592/593 г.

Бóльшая часть сирийско-палестинских кладов была зарыта уже после 595 г.[561], например клад из синагоги в Мерот[562]. Два следующих клада — с поселений Кабри и Кедумим[563] — были сокрыты в 602 г. Наконец, данный ряд кладов ранних византийских медных монет замыкает клад из Казрина (Израиль), содержавший 82 монеты Юстиниана I, Юстина II, Тиберия II, Маврикия и Фоки. Позднейшая монета в нем — фоллис 607/608 г. маркирует момент тезаврации, однако, возможно, клад мог быть сокрыт во время персидских вторжений в Сирию и Палестину между 611 и 614 гг[564]

Перечисленные клады и единичные монетные находки из Сирии, Ливана, Палестины и Израиля демонстрируют почти полное отсутствие датированных выпусков Юстиниана I особенно в южной половине региона, соответствующей территории современной Палестины. По-видимому, они поступали в Палестину лишь в ограниченном количестве[565]. Публикуемый клад из Иерихона также подтверждает это наблюдение, поскольку включает единственный фоллис 542/543 г. и девять недатированных монет.

---

[545] Gândilă, 2009: 175.
[546] Bijovsky, Benovits 2015: 61–62.
[547] Ibid.: 61, fig. 3, note 28.
[548] Ibid.: 61, fig. 3, note 29.
[549] Bijovsky 2007: 162–165.
[550] Noeske 2000: 137–138; Beliën 2005: 318.
[551] Beliën 2005: 314–322.
[552] Abou Diwan 2008: 303–320.
[553] Beliën 2005: 315.
[554] Ariel 2002: 297–300.
[555] Bijovsky, Benovits 2015: 57–75.
[556] Spaer 1978: 66–70.
[557] Bijovsky, Benovits 2015: 62, fig. 3, note 31–32.
[558] Gândilă 2009: 176.
[559] Pottier 1983; Todd 1987: 176–182; Noeske 2000: 634–639.
[560] Bijovsky, Benovits 2015: 61, fig. 3, note 33.
[561] Gândilă 2009: 176.
[562] Kindler 1989: 315–320.
[563] Bijovsky, Benovits 2015: 61, fig. 3, notes 34–35.
[564] Ariel 1996: 69–76.
[565] Casey 1996: 219–222; Beliën 2005: 319.

Илл. 5. Византийские монеты

Итак, Иерихонский клад 2010 г., состоящий исключительно из фоллисов, принадлежит к наиболее распространенному типу кладов медных монет VI в., происходящих с территории Палестины. Он входит в одну подгруппу с кладами с поселений Рафах, Бейт Шеан I и II, синагоги Маёз Хаим, а также из Северной Сирии, имеющими близкую датировку. Несмотря на присутствие в публикуемом кладе выпуска Маврикия 592/593 г., вопрос о точной дате тезаврации остается открытым. С одной стороны, кажется, что позднейшая монета определяет *terminus post quem* для времени сокрытия клада. С другой стороны, как отмечалось выше, не исключена вероятность

утери какой-то части клада во время рытья котлована под фундамент здания музея. В любом случае клад мог быть зарыт как в 592/593 г. или вскоре после этой даты, так и позднее — в начале второго десятилетия VII в. Если связывать тезаврацию с военными действиями в регионе, как в случае с кладом из Казрина, то Иерихонский клад вполне мог быть сокрыт во время персидских вторжений в Палестину между 611 и 614 гг.

СОСТАВ КЛАДА 2010 г.

№ п/п	№ описи	Император	Вес, г	Размер, мм	Монетный двор	Оффицина	Литература	Дата (гг.н.э.)
1	23	Анастасий I	9.06	28	Константинополь		DOC 16	498–512
2	45	Анастасий I	18.69	30	Константинополь	B	DOC 23b	512–518
3	27	Анастасий I	15.31	32	Константинополь	Γ	DOC 23d	512–518
4	1	Анастасий I	15.91	32	Константинополь	Δ	DOC 23f	512–518
5	3	Анастасий I	12.78	32	Константинополь	Δ	DOC 23f	512–518
6	25	Анастасий I	11.15	29	Константинополь	Δ?	DOC 23f?	512–518
7	50	Анастасий I	15.21	30	Константинополь	Δ?	DOC 23f?	512–518
8	2	Анастасий I	15.24	34	Константинополь	Є	DOC 23k	512–518
9	4	Анастасий I	12.47	32	Константинополь	Є	DOC 23k	512–518
10	5	Анастасий I	13.40	32	Константинополь	Є	DOC 23k	512–518
11	19	Анастасий I	13.76	32	Константинополь	Є	DOC 23k	512–518
12	21	Анастасий I	14.94	33	Константинополь	Є	DOC 23k	512–518
13	22	Анастасий I	15.54	31	Константинополь	Є	DOC 23k	512–518
14	28	Анастасий I	12.62	32	Константинополь	Є	DOC 23k	512–518
15	44	Анастасий I	14.68	31	Константинополь		DOC 23	512–518
16	36	Анастасий I	15.57	30	Константинополь		DOC 23	512–518
17	24	Юстин I	15.14	31	Константинополь	A	DOC 8a	518–527
18	41	Юстин I	15.69	29	Константинополь	Γ	DOC 8c	518–527
19	53	Юстин I	13.61	29	Константинополь	Є?	DOC 8e?	518–527
20	6	Юстин I	15.65	30	Константинополь	Є	DOC 8e	518–527
21	7	Юстин I	16.03	32	Константинополь	Є	DOC 8e	518–527
22	8	Юстин I	13.12	33	Константинополь	Є	DOC 8e	518–527
23	30	Юстин I	14.25	30	Константинополь	Є?	DOC 8e?	518–527
24	32	Юстин I	12.43	28	Константинополь	Є?	DOC 8e?	518–527
25	39	Юстин I	15.54	28	Константинополь		DOC 8	518–527
26	42	Юстин I	14.65	29	Константинополь		DOC 8	518–527
27	26	Юстин I	10.52	29	Константинополь	A	DOC 9a	518–527
28	43	Юстин I	17.79	29	Константинополь	A?	DOC 9a?	518–527
29	47	Юстин I	14.40	29	Константинополь	A	DOC 9a	518–527
30	10	Юстин I	14.24	30	Константинополь	Δ?	DOC 9d?	518–527
31	9	Юстин I	8.15	30	Фессалоника		DOC 23	518–527
32	49	Юстиниан I	14.15	31	Константинополь	Γ	DOC 28c	527–565
33	52	Юстиниан I	14.41	29	Константинополь	Δ	DOC 28d	527–565
34	46	Юстиниан I	13.19	29	Константинополь		DOC 28	527–565
35	34	Юстиниан I	12.41	29.5	Константинополь	Γ	DOC 30e	527–565
36	13	Юстиниан I	15.78	30	Константинополь	A	DOC 31a	527–565
37	14	Юстиниан I	14.98	30	Константинополь	Γ	DOC 31b	527–565
38	20	Юстиниан I	9.83	29	Константинополь	Δ?	DOC 41d	542/543
39	40	Юстиниан I	14.56	31	Антиохия	A	DOC 210a	527–565
40	11	Юстиниан I	12.91	30	Антиохия	A?	DOC 210a?	527–565
41	12	Юстиниан I	11.30	30	Антиохия	B?	DOC 210b?	527–565
42	37	Юстин II	12.85	30	Константинополь?	B?	DOC 26a	569/570
43	16	Юстин II	13.92	28	Константинополь	B	DOC 32b	571/572
44	54	Юстин II	14.97	30	Константинополь	Γ	DOC 32c	571/572
45	35	Юстин II	13.24	31	Константинополь	Δ	DOC 40d	575/576
46	15	Юстин II	14.48	29	Константинополь	B	DOC 43	577/578
47	29	Юстин II	12.32	29	Никомедия	B	DOC 94b	568/569
48	48	Юстин II	14.24	31	Никомедия	A	DOC 96a	570/571
49	33	Юстин II	13.14	30	Никомедия	A	DOC 100b.2	574/575
50	51	Юстин II	13.08	28	Никомедия	A	DOC 103a	577/578
51	38	Юстин II	11.26	33	Антиохия	Γ	DOC 151b	570/571
52	31	Маврикий	10.65	28	Антиохия		DOC 155	585/586
53	18	Маврикий	9.39	29	Антиохия		DOC 159b	589/590
54	17	Маврикий	9.01	29	Кизик	B	DOC 129b	592/593

Илл. 6. Византийские монеты.

5. Исламские и средневековые монеты

После арабского завоевания в денежном обращении Иерихона появляются мусульманские подражания византийским фоллисам, чеканившиеся в конце 630-х — 670-х годах. В определенной степени они повторяли свои прототипы, неся на л.с. изображение фигуры императора с длинным крестом в правой руке и державой в левой, а на о.с. букву М, окруженную легендой, зачастую искаженной и слабо идентифицируемой (кат. 72–74). Иконографический тип с императорской фигурой на л.с., за отдельными исключениями, проиллюстрирован и фалсами из Иерихона, выпущенными в 670-х — 680-х годах в Химсе (?) и в неустановленном месте чеканки при Умайадах (кат. 75–76). Найденный во время раскопок фалс Табарийи 688–710 гг. несет на л.с. изображение трех человеческих фигур анфас (кат. 77).

Выборка указанных арабо-византийских монет дополняется фалсами 693–697 гг. с изображением стоящего халифа с мечом у пояса на л.с., чеканенными в ʻАммане (?), Димашке, Йубне (?) и в неустановленных местах (кат. 78–82, 316). Выпуск фалсов в отмеченный период осуществлялся во многих центрах Ближнего Востока, изучение хронологии их чеканки и особенностей обращения еще не завершено[566], в связи с чем особое значение приобретает использование паспортизированных находок, сделанных в процессе археологических раскопок.

В результате монетной реформы, проведенной при умайадском халифе ʻАбд ал-Малике б. Марване, после 80 г.х. (699 г.) в денежном обращении Сирии арабо-византийская медь постепенно заменяется новыми типами фалсов, которые на обеих сторонах несут части мусульманского символа веры, в ряде случаев дополненные выпускными сведениями и небольшими символическими изображениями в виде звезд, полумесяцев, деревьев и т.п.[567]

[566] Подробнее см.: Album 2011: 35–37; Bates 1976: 16–28; Foss 2008; Goodwin 2005; Trombley 2012: 58–76.
[567] Album, 2011: 43–44.

Илл. 7. Арабо-византийские и эпиграфические фалсы (конец 630-х — 740-е гг.)

Большинство медных пореформенных монет Умайадов, 8 из 19 экземпляров, найденных во время раскопок в Иерихоне, отчеканены в ар-Рамле — городе на караванном пути из Мисра в Димашк, преимущественно в 90-е гг. х. (кат. 85–88, 135–137, 317). Другие места выпуска, указанные на фалсах, — Людд (?) и Табарийа (кат. 84, 89).

Кроме того, в выборку входят четыре экземпляра без обозначения места чеканки. Один, недатированный, с именем ал-Касима б. ʻУбайдаллаха, выпущен в Мисре (кат. 92). Два — с «замороженной» датой 116 или 117 г.х. (кат. 90, 91). Считается, что их стилистика и штемпельные особенности свидетельствуют о большом объеме производства подобных фалсов на нескольких монетных дворах в ал-Джазире и Северной Сирии в течение 10 или более лет после указанного на них года чеканки[568]. Младшим экземпляром выборки, очевидно, может являться недатированный фалс с изображением утки на л.с., выпущенный на каком-то из палестинских монетных дворов (кат. 318).

Поскольку эмиссия медной монеты, как правило, оставалась прерогативой местных властей, исследователи полагают, что ряд фалсов, чеканившийся при последних Умайадах, продолжил выпускаться и в раннеаббасидский период и в своем оформлении никак не отразил переход вла-

[568] Ibid.: 46, № 195.

Илл. 8. Монеты мамлюков (XIV — начало XV в.)

сти к новой династии халифов в 132 г.х. (749 г.)[569]. Между тем за четыре года раскопок в Иерихоне не было найдено ни одного экземпляра, который бы гарантированно относился к чеканке Аббасидов. Это дает основания считать, что со второй половины VIII в. исследуемый участок по каким-то причинам выпадает из сферы мелкого розничного денежного обращения, которое обслуживала медная монета. Можно предполагать, что либо происходят структурные изменения денежных потоков и занятий местного населения, либо рассматриваемая территория приходит в запустение.

Следующие по времени монетные находки на участке относятся к середине XII — середине XIII в. Они немногочисленны: денарий Иерусалимского королевства, отчеканенный при Балдуине III (кат. 170); зангидский фалс Махмуда б. Занги из Димашка (кат. 141) и две медные монеты Аййубидов Алеппо, выпущенные в Халебе при ал-‘Азизе Мухаммаде и ан-Насире Йусуфе II (?) (кат. 93–94).

Рост количества обнаруженных монет приходится на правление мамлюков. Их число вполне сопоставимо с фалсами, выпущенными при Умайадах, 32 и 30 экз. соответственно. Вместе они составляют 87,32% общего количества мусульманских и средневековых монет VII — начала XV в., найденных при раскопках. Эмиссии мамлюков представлены уже не только медью, но и четырьмя серебряными фракциями дирхамов (кат. 150, 234, 322, 327).

Основная масса из определимых монет относится к XIV столетию, экземпляры второй половины XIII и начала XV в. единичны. По султанам они распределяются следующим образом: Бейбарс I (?) — 1, Мухаммад I (3-е правление) — 5, Ша‘бан II — 2, Хаджжи II (1-е правление) — 1, Баркук (1-е правление) — 3, он же (2-е правление) — 2, Фарадж — 1 экземпляр. В то же время нужно отметить, что для 16 монет выпускные данные вследствие сохранности установить совсем не получилось и датируются они лишь широкими рамками второй половины XIII–XIV в.

Наибольшее количество экземпляров выпущено в Димашке — 7 и 2 под вопросом (кат. 143–146, 148, 151, 233, 235, 319). Другие места чеканки: ал-Кахира — 2 (кат. 320–321), Траблус — 1 (кат. 149), Халеб — 1 и 1 предположительно (кат. 234, 236), Хама — 1 экз. (кат. 147).

Современником эмиссий мамлюков является медный денарий(?) королевства крестоносцев на Кипре, выпущенный при Петре (Пьере) II(?) (кат. 333). Еще для одной монеты крестоносцев выпускные сведения установить не удалось (кат. 334).

6. Монеты Нового и Новейшего времени

Начиная с XV в. монеты на участке вновь не обнаруживаются, что свидетельствует об изменениях или упадке хозяйственной деятельности, и следующие находки относятся уже к периоду Нового и Новейшего времени. Максимальное их число, четыре, принадлежит мелким номиналам константинопольских эмиссий Османской империи при Махмуде II, ‘Абд ал-Маджиде и Мухаммаде V Рашаде (кат. 95–97, 335). По одному экземпляру относится к выпускам Российской империи, Британского мандата в Палестине, Саудовской Аравии и Израиля (кат. 98, 99, 336, 337).

[569] Album 2011: 44.

КАТАЛОГ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК 2010–2013 гг.

2010 г.

Иудейские

Александр Яннай (103–76 гг. до н.э.)

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ вокруг якоря. Точечный ободок.

О.с. Звезда с восемью лучами, между которыми — древнееврейская надпись.

1	D/22	AE прута	1.06 г	14 мм	*BMC* 27, 207–209, 61–86; *SNG* Leipzig 1392	Кв. 21
2	D/50	AE прута	0.65 г	11 мм	То же.	Кв. 4

Иоанн Гиркан II (63–40 гг. до н.э.) (?)

Л.с. Древнееврейская надпись, обрамленная венком, в пять строк: “Иоханан, первосвященник и община евреев”.

О.с. Два рога изобилия и плод граната между ними.

3	A/10	AE прута	2.03 г	15 мм	*BMC* 27, 190–194, nos. 15–44; *SNG* Leipzig 1393	Кв. 4

Маттафия Антигон II (40–37 гг. до н.э.)

Л.с. Древнееврейская надпись, обрамленная венком, в пять строк: “Маттафия”.

О.с. Два рога изобилия и ячменный колос между ними.

4	D/55	AE прута	1.71 г	15 мм	*BMC* 27, 219, nos. 57–58	Кв. 4

Хасмонеи, I в. до н.э.

Л.с. Пятистрочная надпись неразборчиво.

О.с. Два рога изобилия и плод граната между ними.

5	B/1	AE прута	1.66 г	14 мм		
6	X/35	AE прута	0.91 г	13 мм		

Римские провинциальные

Самария
Кесария Маритима
Марк Аврелий (161–180 гг.)

Л.с. IMP CAES M AVR ANTONINVS AVG. Бюст Марка Аврелия в плаще, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. COL PR FL AVG CAESAREA. Бюст Сераписа в плаще, вправо.

7	X/45	AE	6.59 г	24 мм	*BMC* 27, 22, no. 83	Кв. 22

Иудея
Элия Капитолина (Иерусалим)
Гета (209–211 гг.)

Л.с. P SEP GET CASAR AVG. Бюст Геты в плаще и панцире, влево; голова без венка.

О.с. COLONIA AELA CAP COM P FELIX. Обнаженный Дионис стоит, влево; держит канфар и тирс; у его ног пантера.

8	O/11	AE	9.42 г	25 мм	*BMC* 27, 94, no. 73	

Римские имперские

Филипп I Араб (244–249 гг.)
Рим, 244–249

Л.с. IMP M IVL PHILIPPUS AVG. Бюст Филиппа I в панцире и плаще, вправо; на голове лавровый венок.
О.с. FIDES MILITVM. Фидес стоит, влево; в каждой руке держит штандарт; по сторонам S C.

9	X/13	AE сестерций	19.94 г	25 мм	*RIC* IV/3, 90, no. 172a	

Максимиан Геркулий (285–305 гг.)
Кизик, 295–296

K∆
•

Л.с. IMP C M A MAXIMIANVS P F AVG. Бюст Максимиана Геркулия в панцире и плаще, вправо; на голове лучевая корона.
О.с. CONCORDIA MILITVM. Император в доспехах стоит, вправо, и принимает Викторию на шаре, которую передает ему Юпитер, стоящий влево, со скипетром в левой руке.

10	X/27	AE тяжелая фракция фоллиса	2.97 г	19 мм	*RIC* VI, 580, no. 13	

Константин I Великий (306–337 гг.)
Рим, 313 г. н.э.

R|F
RQ

Л.с. IMP CONSTANTINVS P F AVG. Бюст Константина I в панцире, вправо; на голове лавровый венок.
О.с. SOLI INVICTO COMITI. Сол в лучевой короне, в плаще на левом плече, стоит, влево; правая рука поднята, в левой шар.

11	O/24	AE фоллис	2.38 г	22 мм	*RIC* VII, 296, no. 2	

Гераклея, 330–333 гг.

_ _ _ _ _ _ _
•SMHA

Л.с. CONSTANTINVS MAX AVG. Бюст Константина I в панцире и плаще, вправо; на голове диадема из розеток.
О.с. GLORIA EXERCITVS. Два воина в шлемах стоят лицом друг к другу, каждый держит копье и опирается на щит, стоящий на земле; между ними — два штандарта.

12	D/57	AE фоллис	2.33 г	18 мм	*RIC* VII, 558, no. 116	Кв. 11

Лициний II (317–324 гг.)
Антиохия, 317–320

_ _ _| ∆
SMANT

Л.с. D N VAL LICIN LICINIVS NOB C. Бюст Лициния II в плаще, влево; на голове лавровый венок.
О.с. IOVI CONSERVATORI CAESS. Юпитер, обнаженный, в плаще на левом плече, стоит, влево; в правой руке держит Викторию на шаре, в левой скипетр; слева пленник.

13	X/33	AE фоллис	2.54 г	20 мм	*RIC* VII, 680, no. 29	

Констанций II (324–361 гг.)
Никомедия, 9 сентября 337 г. — весна 340 г.

_ _ _ _ _ _ _
SMNA

Л.с. D N CONSTANTIVS P F AVG. Голова Констанция II в жемчужной диадеме, вправо.
О.с. GLORIA EXERCITVS. Два воина стоят прямо и смотрят друг на друга, каждый держит копье и опирается на щит, стоящий на земле; между ними один штандарт.

14	D/88	AE фоллис	1.45 г	15 мм	*RIC* VIII, 472, no. 19.	

Антиохия, 9 сентября 337 г. — конец 347 г.

_ _ _ _ _ _ _ _
SMANI

Л.с. CONSTANTIVS AVG. Бюст Констанция II в плаще и панцире, вправо; на голове лавровый венок и розетка.

О.с. GLORIA EXERCITVS. Два воина стоят прямо и смотрят друг на друга, каждый держит копье и опирается на щит, стоящий на земле; между ними один штандарт.

15	D/54	AE фоллис	1.93 г	15 мм	*RIC* VIII, 515, no. 44	Локус 2

Александрия, 15 марта 351 г.– 6 ноября 355 г.

Γ |___
ALEΓ

Л.с. D N CONSTANTIVS P F AVG. Бюст Констанция II в панцире и плаще, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. FEL TEMP REPARATIO. Воин, в шлеме, со щитом в левой руке, поражает копьем падающего всадника слева, щит которого лежит на земле. Всадник обернулся лицом к атакующему, простирая левую руку.

16	D/101	AE фоллис	2.77 г	21 мм	*RIC* VIII, 543, no. 72	

Не определенный двор, 351–355 гг.

Л.с. D N CONSTANTIVS P F AVG. Бюст Констанция II в панцире и плаще, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. FEL TEMP REPARATIO. Воин в шлеме, со щитом в левой руке, поражает копьем падающего всадника слева. Медь.

17	D/64	AE фоллис	4.29 г	20–23 мм		Кв. 25

Место чеканки не установлено, 9 сентября 337 г. — конец 347 г.

Л.с. D N CONSTANTIVS P F AVG. Бюст Констанция II в панцире и плаще, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. GLORIA EXERCITVS. Два воина стоят прямо и смотрят друг на друга, каждый держит копье и опирается на щит, стоящий на земле; между ними один штандарт.

18	D/40	AE фоллис	2.20 г	16 мм		

Констанций Галл (351–354 гг.)
Фессалоника, 15 марта 351 г. — весна 354 г.

A|___
SMTS

Л.с. D N CONSTANTIVS NOB CAES. Бюст Констанция Галла в плаще, вправо.

О.с. FEL TEMP REPARATIO. Воин, в шлеме, со щитом в левой руке, поражает копьем падающего всадника слева, щит которого лежит на земле. Всадник обернулся лицом к атакующему, простирая левую руку.

19	C/3	AE фоллис	2.31 г	18 мм	*RIC* VIII, 419, no. 191	

Валентиниан I (364–375 гг.)
Сисция, 24 августа 367 г. — 17 ноября 375 г.

M|*P
BSIS

Л.с. D N VALENTINIANVS P F AVG. Бюст Валентиниана I в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. GLORIA ROMANORVM. Император идет вправо; правой рукой влачит за волосы пленника, в левой держит лабарум.

20	B/15	AE III	2.19 г	18 мм	*RIC* IX, 147, no. 14 (a)	

Место чеканки не установлено

Л.с. D N VALENTINIANVS P F AVG. Бюст Валентиниана I в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SECVRITAS REIPVBLICAE. Виктория идет влево; в правой руке держит венок, в левой пальмовую ветвь.

21	D/4	AE III	1.78 г	16 мм	Ср. *RIC* IX, 146, no. 7 (a).	Локус 2
22	D/14	AE III	2.02 г	18 мм		Локус 2

Феодосий I Великий (379–395 гг.)
Константинополь, 28 августа 388 г. — 15 мая 392 г.

CONSA (?)

Л.с. D N THEODOSIVS P F AVG. Бюст Феодосия I в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SALVS REIPVBLICAE. Виктория идет влево; на правом плече держит трофей, левой волочит за волосы пленника; справа в поле ₽.

23	X/46	AE IV	1.32 г	13 мм		

Место чеканки не установлено

Л.с. То же.

О.с. То же.

24	C/17	AE IV	1.10 г	13 мм		
25	X/12	AE IV	0.90 г	12 мм		
26	X/18	AE IV	1.02 г	12 мм		
27	D/24	AE IV	1.22 г	14 мм		Кв. 11
28	D/81	AE IV	1.24 г	12 мм		

Грациан, Валентиниан II, Феодосий I или Аркадий
Место чеканки не установлено, 9 августа 378 г. — 25 августа 383 г.

Л.с. Бюст императора, вправо; надпись неразборчиво.

О.с. VOT / X / MVLT / XX внутри венка.

29	D/31	AE IV	1.00 г	15 мм		Локус 2

Аркадий (395–408 гг.)
Антиохия, 401–403 гг.

ANTΓ

Л.с. D N ARCADIVS P F AVG. Бюст Аркадия в панцире, в фас; на голове шлем с гребнем, украшенный жемчужной диадемой; на правом плече копье, левое плечо закрыто щитом с изображением всадника, скачущего над поверженным противником.

О.с. CONCORDIA AVGG. Константинополь сидит на троне, прямо, голова повернута влево; в правой руке держит длинный скипетр, в левой Викторию на шаре; правая нога опирается на проору (нос корабля).

30	C/2	AE III	1.77 г	15 мм	*RIC* X, 248, no. 97

406–408

ANTA (?)

Л.с. D N ARCADI — VS P F AVG. Бюст Аркадия в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. GLORIA ROMANORVM. Три императора стоят в фас; двое крайних выше ростом, смотрят друг на друга, каждый держит копье и опирается на щит. Фигура посредине, ниже ростом, держит копье и смотрит вправо.

31	D/106	AE III	1.98 г	15 мм	*RIC* X, 251, no. 151 (?)	Локус 2

Византийские

Анастасий I (491–518 гг.)
Константинополь, 512–518 гг.

Л.с. D N ANASTA — SIVS PP AVC. Бюст императора в панцире и палудаментуме, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, по сторонам звезды, внизу Є, под обрезом CON.

32	B/13	AE фоллис	15.11 г	32 мм	*DOC* 1, 21, no. 23i	
33	X/15	AE фоллис	13.54 г	28 мм	То же	
34	X/28	AE фоллис	13.91 г	31 мм	То же	

Л.с. D N ANASTA — SIVS PP AVC. Бюст императора в панцире и палудаментуме, вправо; на голове диадема.

О.с. K; слева крест.

35	D/30	AE полуфоллис	4.35 г	20 мм			Локус 2
36	X/21	AE полуфоллис	4.36 г	20	DOC 1, 24, no. 24e	Δ	

Юстин I (518–527 гг.)
Место чеканки не установлено

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Бюст императора в панцире и палудаменте, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, по сторонам звезды.

37	X/4	AE фоллис	13.54 г	29 мм			

Юстиниан I (527–565)
Константинополь, 527–538 гг.

Л.с. D N IVSTINI — ANVS PP AVG. Бюст императора в панцире и палудаменте, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, по сторонам звезды, под обрезом CON.

38	A/1	AE фоллис	13.11 г	30	Ср. *DOC* 1, 80, nos. 30a, b, f		
39	D/10	AE фоллис	17.30 г	28	То же (?)		Локус 2
40	D/102	AE фоллис	11.60 г	32	*DOC* 1, 80, no. 30g	Є	

Юстин II (565–578 гг.)
Константинополь, 573/574 г.

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Юстин II (слева) и София (справа) в нимбах восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа ЧІ/ІІ, под обрезом CON.

41	D/37	AE фоллис	13.52 г	29 мм	*DOC* 1, 210, no. 36b	B	Кв. 31

Л.с. То же.

О.с. То же, справа [Ч]/ІІ/І.

42	X/10	AE фоллис	12.88 г	24 мм	*DOC* 1, 210, no. 36c	Γ	

Год неясен

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Юстин II (слева) и София (справа) в нимбах восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.

О.с. K; сверху крест; слева A/N/N/O, справа год.

43	X/19	AE полуфоллис	5.38 г	23 мм		Δ (?)	

Никомедия, 569/570 г.

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Юстин II (слева) и София (справа) в нимбах восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.

О.с. M; вверху крест, слева A/N/N/O, справа Ч, под обрезом NIKO.

44	D/13	AE фоллис	10.30 г	29 мм	*DOC* 1, 227, no. 95a	A	Локус 2

Год неясен

45	X/41	AE фоллис	10.35 г	28 мм		B	

573/574 г.

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Юстин II (слева) и София (справа) в нимбах восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.

О.с. K; сверху крест; слева A/N/N/O, справа ЧI/II, под обрезом NI.

46	X/31	AE полуфоллис	5.50 г	24 мм	*DOC* 1, 233, no. 111		

Фессалоника, 565/566 г.

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Юстин II (слева) и София (справа) в нимбах восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.

О.с. K; сверху крест; слева A/N/N/O, справа I, под обрезом TЄS.

47	D/16	AE полуфоллис	5.05 г	20 мм	*DOC* 1, 220, no. 61		Локус 2

Тиберий II (578–582)
Никомедия, 580/581 г.

Л.с. …m TIЬ CONS TANT PP AVG. Бюст императора, в фас, в консульском одеянии и диадеме с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа ЧI, под обрезом NIKOB.

48	D/7	AE фоллис	11.83 г	29 мм	*DOC* 1, 279, no. 30b.2	B	Локус 2

Антиохия, 579 г.

Л.с. …m TIЬ CONS TANT PP AVG. Бюст императора, в фас, в консульском одеянии и диадеме с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа Ч, под обрезом THЄUP.

49	D/60	AE фоллис	13.74 г	30 мм	*DOC* 1, 282, no. 40b		Кв. 34

Маврикий Тиберий (582–602 гг.)
Константинополь, 589/590 г.

Л.с. DNMAVRICI TIЬЄRIPPAVG. Бюст императора, анфас, в доспехах и короне с подвесками; в правой руке шар, увенчанный крестом.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа Ч/II, под обрезом CON.

50	D/87	AE фоллис	11.34 г	30 мм	*DOC* 1, 306, no. 31a.3	B	

594/595 г.

Л.с. То же.

О.с. То же, справа X/II/I.

51	D/79	AE фоллис	12.49 г	39 мм	*DOC* 1, 308, no. 36c	Г	

Никомедия, 584/585 г.

Л.с.]TIЬЄR MAVRICIP. Бюст императора, анфас, в доспехах и короне с подвесками; в правой руке шар, увенчанный крестом.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа II/I, под обрезом NIKO.

52	B/26	AE фоллис	11.10 г	27 мм	*DOC* 1, 324, no. 93.1	B	

Антиохия, 591/592 г.

Л.с. DNMAЧГI CNPAЧT. Бюст императора, анфас, в доспехах и короне с подвесками; в правой руке шар, увенчанный крестом.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа X, под обрезом THЄUP.

53	D/91	AE фоллис	11.21 г	28 мм	*DOC* 1, 341, no. 162c	Г	

594/595 г.

Л.с. DNMAЧГI CNPAЧT. Бюст императора, анфас, в консульском одеянии и диадеме с трилистником наверху и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.

О.с. То же, справа X/III.

54	X/32	AE фоллис	8.07 г	27 мм	*DOC* 1, 342, no. 165b	Г	

597/598 г.

Л.с. То же.

О.с. То же, справа X/ЧI.

55	D/17	AE фоллис	10.71 г	27 мм	*DOC* 1, 344, no. 168b	Г	Локус 2

587/588 г.

Л.с. Искаженная надпись. Бюст императора, анфас, в консульском одеянии и диадеме с трилистником наверху и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.

О.с. XX; сверху крест, слева A/N/N/O, справа IIЧ, внизу P.

56	D/67	AE полуфоллис	6.49 г	22 мм	*DOC* 1, 346, no. 179		Кв. 25

Не определенные императоры, VI в.
Александрия, Юстин I или Юстиниан I, Юстиниан II, Тиберий II

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. IB; между буквами крест; внизу AΛЄΞ.

57	X/14	AE додекануммий	0.94 г	12 мм	Ср. *DOC* 1, 56, no. 58; 157, no. 274; 251, no. 188; 286 no. 55, etc.		

Место чеканки не установлено

Л.с. … Бюст императора, вправо.

О.с. K; сверху крест.

58	D/53	AE полуфоллис	4.99 г	21 мм			Кв. 12
59	D/69	AE полуфоллис	3.77 г	20 мм			Кв. 26

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. I.

60	X/22	AE декануммий	1.37 г	19 мм			

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. Є.

61	X/5	AE пентануммий	1.94 г	11 мм			
62	D/6	AE пентануммий	1.15 г	12 мм			Локус 2

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. Монограмма имени императора неразборчиво.

63	D/35	AE нуммий	0.90 г	8 мм			Локус 2
64	D/58	AE нуммий	0.85 г	8 мм			Кв. 17

Фока (602–610 гг.)
Антиохия, 608/609 г.

Л.с. DNFOCA NЄPЄAV. Фигуры в рост императора и императрицы, в императорском облачении, с властными инсигниями в руках, в диадемах; между головами — крест.

О.с. m; сверху крест, слева A/N/N/O, справа Ч/II, под чертой THЄUP'.

65	D/90	AE фоллис	7.44 г	26 мм	*DOC* 2/1, 188, no. 89		

Фоллисы Маврикия с надчеканкой монограммы Ираклия (610–641 гг.)
Антиохия, 595/596 г.

Л.с. DNMAЧГI CNPAЧT. Бюст императора, анфас, в доспехах; поверх шлема — диадема; в правой руке шар, увенчанный крестом; в центре — надчеканка с изображением монограммы Ираклия.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа X/IIII, под обрезом THЄUP.

66	D/11	AE фоллис	11.33 г	27 мм	*DOC* 1, 343, no. 166c	Є	Локус 2

Константинополь, 597/598 г.

Л.с. DNMAVRICI TIЬЄRPPAVG. Бюст императора, анфас, в доспехах; поверх шлема — диадема; в правой руке шар, увенчанный крестом.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа X/Ч, под обрезом CON; в центре — надчеканка с изображением монограммы Ираклия.

67	D/52	AE фоллис	9.75 г	30 мм	*DOC* 1, 309, no. 39b	Δ	Кв. 25

Ираклий (610–641 гг.)
Константинополь, 612/613 г.

Л.с. DNhRACLI OSPЄRPAV. Бюст императора, анфас, в доспехах и со щитом, на голове корона с крестом и подвесками; в правой руке сфера, увенчанная крестом.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа II/I; под обрезом CON.

68	D/100	AE фоллис	10.35 г	35 мм	*DOC* 2/1, 276, no. 71a	A	

629/630 г.

Л.с. Ираклий с усами и длинной бородой, в рост, в военном снаряжении; на голове диадема с крестом; в правой руке держит жезл, увенчанный крестом. Справа — Ираклий Константин, с короткой бородой, одет в хламиду, на голове диадема с крестом; в правой руке держит сферу, увенчанную крестом. Вверху между ними крест.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа X/X; под обрезом CON.

69	D/65	AE фоллис	13.22 г	31 мм	*DOC* 2/1, 295, no. 105a.4	A	Кв. 34

631–640 гг.

Л.с. Две человеческие фигуры в рост, анфас, вверху между ними крест.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа дата неясна; под обрезом CON.

70	D/59	AE фоллис	9.11 г	29 мм		Δ	Кв. 26

Констант II (641–668 гг.)
Константинополь, 644/645 г.

Л.с. ЄNTYTO NIKA. Император в рост, анфас; правой рукой держит жезл, увенчанный крестом, а в левой — сферу, увенчанную крестом.

О.с. m; слева A/N/A, справа NЄOÇ; под обрезом Є IIII.

71	O/32	AE фоллис	11.32 г	29 мм	*DOC* 2/2, 446, no. 63b		

Исламские и средневековые

Мусульманские подражания византийским фоллисам
(конец 630-х — 670-е гг.)

Л.с. Фигура императора в рост, в правой руке длинный крест, в левой держава.

О.с. M; сверху крест; по сторонам следы нечитаемой легенды; внизу обозначение места чеканки прототипа [C]ON (Константинополь).

72	D/9	AE фалс	3.18 г	21×12 мм		Локус 2 (–253.22)

Л.с. Фигура императора с длинным крестом в правой руке и державой в левой.
О.с. M; сверху крест; по сторонам точки и различные знаки.

73	D/25	AE фалс	4.25 г	20 мм		Кв. 21 (–253.29)

Л.с. Фигура императора в рост с длинным крестом в правой руке и державой в левой; слева слабо различимые фрагменты легенды.
О.с. M; сверху крест; слева слабо различимые фрагменты легенды.

74	D/49	AE фалс	1.65 г	19×16 мм		Кв. 31 (–253.39)

Умайады

Анонимные арабо-византийские фалсы
Химс (?) (670-е — 680-е гг.)
Л.с. Фигура императора в рост с длинным крестом в правой руке и державой в левой; по сторонам фрагменты легенды.
О.с. M с дополнением декоративных элементов; сверху искаженная хрисма; по сторонам и снизу фрагменты легенды.

75	D/36	AE фалс	3.49 г	21×16 мм	Album 2011: 36, № 3516	Кв. 29 (–253.40)

Место чеканки не установлено (670-е — 680-е гг.)
Л.с. Фигура императора в рост с длинным крестом в правой руке и державой (или длинным крестом) — в левой; по сторонам слабо различимые фрагменты легенды.
О.с. m; сверху крест; по сторонам слабо различимые фрагменты легенды.

76	C/16	AE фалс	1.07 г	16 мм		

Табарийа (688–710 гг.)
Л.с. Три человеческие фигуры в рост, анфас.
О.с. M; по сторонам и под обрезом следы легенды.

77	C/8	AE фалс	2.64 г	21 мм		

ʻАбд ал-Малик б. Марван
ʻАмман (?) (693–697 гг.)
Л.с. Фигура халифа в рост с мечом у пояса; по сторонам слабо различимые фрагменты круговой легенды.
О.с. Ф-образный знак на ступенчатом основании («круг на ступеньках»); влево место чеканки (?); вправо восьмилучевая (?) звезда; по сторонам слабо различимые фрагменты круговой легенды.

78	C/13	AE фалс	2.01 г	17 мм		

Димашк (693–697 гг.)
Л.с. Фигура халифа в рост с мечом у пояса; по сторонам фрагменты круговой легенды с символом веры.
О.с. Ф-образный знак на ступенчатом основании («круг на ступеньках»); вправо указано место чеканки; по сторонам фрагменты круговой легенды с символом веры.

79	C/6	AE фалс	1.99 г	20 мм	Album 2011: 37, № 3540.1	Уровень пола
80	O/31	AE фалс	2.49 г	18 мм	Album 2011: 37, № 3540.1	

Йубна (?) (693–697 гг.)
Л.с. Фигура халифа в рост с мечом у пояса; по сторонам слабо различимые фрагменты легенды с символом веры.

О.с. m; по сторонам слабо различимые легенды с указанием места чеканки.

81	C/9	AE фалс	1.89 г	18 мм	Album 2011: 37, № 3546.1	

Место чеканки не установлено (693–697 гг.)

Л.с. Фигура халифа в рост с мечом у пояса; по сторонам слабо различимые фрагменты круговой легенды.

О.с. Ф-образный знак на ступенчатом основании («круг на ступеньках»); влево и вправо неразличимые надписи; по сторонам слабо различимые фрагменты круговой легенды.

82	C/10	AE фалс	3.28 г	19 мм		

Эмитент, место и время чеканки не установлены

Л.с. Фигура человека в рост, анфас.

О.с. m; по сторонам слабо различимые фрагменты легенды.

83	C/12	AE фалс	2.13 г	24×16 мм		

Анонимные эпиграфические фалсы

Людд (?), без даты

Л.с. В поле первая часть символа веры.

О.с. В поле вторая часть символа веры в три строки; круговая легенда с выпускными сведениями.

84	O/19	AE фалс	2.4 г	24 мм	Album 2011: 45, № 181.1	

ар-Рамла, без даты, ок. 90 г.х. (708/709 г.)

Л.с. Первая часть символа веры в три строки.

О.с. Поле — вторая часть символа веры в три строки, вправо от него — дерево; круговая легенда с выпускными сведениями.

85	D/20	AE фалс	3.33 г	22 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 107702	Локус 2
86	B/9	AE фалс	3.2 г	21 мм		–252.39
87	O/20	AE фалс	2.87 г	27 мм		

ар-Рамла, без даты, 90-е гг.х. (708–718 гг.)

Л.с. Поле — первая часть символа веры в три строки; круговая легенда с названием монеты и удостоверением ее доброкачественности.

О.с. Поле — вторая часть символа веры в три строки; круговая легенда с обозначением места чеканки и пятиконечной звездой.

88	D/104	AE фалс	3.13 г	28×26 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 43238	

Табарийа, без даты, 100-е — 110-е гг.х. (718–737 гг.)

Л.с. Поле — Коран, CXII, 1–2; круговая легенда — первая часть символа веры.

О.с. В поле вторая часть символа в три строки, вправо крупное дерево; круговая легенда с выпускными сведениями.

89	X/16	AE фалс	2.38 г	12 мм		

Без обозначения места чеканки, 116–117 гг.х. (734–736 гг.)

Л.с. В поле первая часть символа веры в три строки; круговая легенда — Коран, IX, 33.

О.с. Поле — Коран, CXII, 1–3; круговая легенда с выпускными сведениями (почти полностью стерта).

90	B/10	AE фалс	3.83 г	18 мм	Album 2011: 46, № 195	–253.35
91	B/11	AE фалс	5.17 г	19 мм	Album 2011: 46, № 195	–253.35

ал-Касим б. ‘Убайдаллах
без места чеканки (Миср), без даты, 116–124 гг.х. (734–742 гг.)

Л.с. Трехстрочная легенда — во имя Аллаха / первая часть символа веры во второй и третьей строках.

О.с. В поле вторая часть символа веры в три строки; круговая легенда с именем ал-Касим б. ‘Убайдаллах.

92	B/12	AE фалс	8.17 г	20 мм	Album 2011: 43, № 148	–253.45

Айюбиды Алеппо

ал-‘Азиз Мухаммад
Халеб, [6]18 г.х. (1221/1222 г.)

Л.с. В двойной октагональной рамке легенда в две строки: ал-малик ал-‘Азиз; по внешней стороне рамки выпускные сведения.

О.с. В двойной октагональной рамке легенда в две строки: ал-имам ан-Насир; надпись по внешней стороне рамки слабо различима.

93	D/8	AE фалс	2.01 г	21 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 51786	Локус 2 –253.30

ан-Насир Йусуф II (?)
без обозначения места чеканки и даты, Халеб, 640–656 гг.х. (1242–1258 гг.)

Л.с. В звездчатой рамке легенда в две строки: ал-малик ан-Насир(?).

О.с. В звездчатой рамке легенда в две строки: ал-имам ал-Муста‘сим.

94	Tr 3/1	AE фалс	2.84 г	18 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 52097	

Монеты Нового и Новейшего времени

Османская империя

Махмуд II
Костантинийа, год интронизации 1223 г.х., год правления 28-й (1834/1835 г.)

Л.с. Тугра султана в растительном ободке.

О.с. Выпускные сведения в растительном ободке.

95	C/1	Bi, 20 пара	1.24 гр	20 мм с отверстием	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 76473	

Костантинийа, год правления 32-й (1838/1839 г.)

Л.с. Тугра султана в растительном ободке.

О.с. Выпускные сведения в растительном ободке.

96	O/18	Bi, 20 пара	1.14 гр	20 мм		

‘Абд ал-Маджид
Костантинийа, год интронизации 1255 г.х., год правления 2-й или 3-й (1840/1841 или 1841/1842 г.)

Л.с. Тугра султана в растительном ободке.

О.с. Выпускные сведения в растительном ободке.

97	X/47	Bi, 20 пара	1.21 гр	20 мм с отверстием		

Британский мандат в Палестине

1927 г.

Л.с. Наименование области на арабском, английском и иврите, внизу год чеканки.

О.с. В центре изображение оливковой ветви, в круговой легенде обозначение номинала на арабском, английском и иврите.

98	D/78	бронза, 2 миля				

Саудовская Аравия

Са‘уд б. ‘Абд ал-‘Азиз
1376 г.х. (1957 г.)

Л.с. Герб Саудовской Аравии с указанием имени короля в круговой легенде.
О.с. Обозначение номинала и год чеканки.

99	O/33	CuNi, 1 гирш	2.87 гр	22 мм		

2011 г.

Иудейские

Александр Яннай (103–76 гг. до н.э.)

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ вокруг якоря. Точечный ободок.
О.с. Звезда с восемью лучами, между которыми древнееврейская надпись.

100	O/43	AE прута	1.95 г	15 мм	*BMC* 27, 207–209, 61–86; *SNG* Leipzig 1392	Кв. 21
101	E/47	AE прута	0.95 г	13 мм	То же	Сл. 2, кв. 4

Хасмонеи, I в. до н.э.

Л.с. Надпись неразборчиво.
О.с. Два рога изобилия и плод граната меду ними.

102	O/44	AE прута	2.18 г	13 мм		
103	E/125	AE прута	1.90 г	14 мм		Сл. 2, кв. 2
104	E/142	AE прута	2.03 г	13 мм		Сл. 8, кв. 4

Л.с. Надпись неразборчиво.
О.с. Неясно.

105	E/91	AE прута	0.88 г	12 мм		Сл. 4, кв. 4

Первое восстание, 66–70 гг. н.э.

Л.с. Амфора; год 2-й (67/68 г. н.э.).
О.с. Виноградный лист на ветке.

106	E/28	AE	2.19 г	17 мм	*SNG* Blackburn 1107	Сл. 3, кв. 2

Римские имперские

Галлиен (253–268 гг.)

Л.с. GALLIENVS AVG. Бюст императора в панцире, вправо, на голове лучевая корона.
О.с. FIDES MILITVM. Фидес стоит между двумя штандартами.

107	E/133	AE антониниан	3.88 г	21 мм	*RIC* V/I, 181, no. 571.	Сл. 7, кв. 4

Клавдий II Готский (268–270 гг.)
Рим

Л.с. IMP C CLAVDIVS AVG. Бюст императора в плаще, влево; на голове лучевая корона.
О.с. SALVS AVG. Салюс стоит, влево, в левой руке держит скипетр, правой кормит змею, поднимающуюся с алтаря.

108	E/48	AE антониниан	2.71 г	20 мм	Cf. *RIC* V/1, 218, no. 98	Сл. 4, кв. 2

Константин I Великий (306–337 гг.)
Арль, 315–316 гг.

Q|F
PARL

Л.с. IMP CONSTANTINVS P F AVG. Бюст императора в панцире и плаще, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. SOLI INV–I–CTO COMITI. Сол в лучевой короне, с плащом на левом плече, стоит, влево; правая рука поднята, в левой шар.

109	O/45	AE фоллис	3.55 г	20 мм	*RIC* VII, 240, no. 72	Сл. 3, кв. 2

Семья Константина I (337–340 гг.)
Никомедия, 9 сентября 337–340 гг.

_____
SMNA•

Л.с. DV CONSTANTI–NVS PT AVGG. Голова Константина I в покрывале, вправо.

О.с. Император в жреческой тоге мчится в квадриге, вправо; вверху рука Бога.

110	E/45	AE	1.26 г	15 мм	*RIC* VIII, 472, no. 25	Сл. 4, кв. 2

Констант (333–350 гг.)
Гераклея (?), 347–348 гг.

Л.с. DN CONSTA–NS PF AVG. Голова Константа, увенчанная диадемой, вправо.

О.с. VOT/XX/MVLT/XXX внутри венка.

111	B/33	AE	1.33 г	14 мм	Cf. *RIC* VIII, 433, no. 47 (?)	

Юлиан II Отступник (360–363 гг.) или Иовиан (363–364 гг.)
Рим (?), лето 361 г. — 26 июня 363 г. или 27 июня 363 г. — 17 февраля 364 г.

Л.с. FL CL IVLIANVS P F AVG или D N IOVIANVS PF AVG. Бюст императора в плаще, вправо; на голове диадема.

О.с. VOTA PVBLICA. Анубис стоит, влево; держит *sistrum* и кадуцей.

112	E/44	AE	0.97 г	14 мм	Cf. *RIC* X, 303, no. 499, или 304, no. 510	Сл. 4, кв. 2

Грациан, Валентиниан II, Феодосий I и Аркадий
Не определенный двор, 9 августа 378 г. — 25 августа 383 г.

Л.с. Бюст императора, вправо; надпись неразборчиво.

О.с. VOT X MVLT XX внутри венка.

113	E/105	AE IV	1.36 г	13 мм		Сл. 6, кв. 3

Аркадий (395–408 гг.)
Неопределенный двор, 9 августа 378 г. — 25 августа 383 г.

Л.с. DN ARCADIVS PF AVG. Бюст императора, вправо.

О.с. VOT X MVLT XX внутри венка.

114	E/148	AE IV	0.93 г	12 мм	Cf. *RIC* IX, 289, no. 56d	Сл. 7, кв. 4

Феодосий II (408–450 гг.)
Гераклея, или Никомедия, или Кизик, 425–435 гг.

Л.с. Бюст Феодосия II в панцире и плаще, вправо; на голове диадема.

О.с. Крест внутри венка; внизу SM…

115	O/46	AE 3–4	1.02 г	11 мм	Cf. *RIC* X, 274, nos. 441–442, 447–452	

Эмитент, место и время чеканки не установлены
Возможно, Макрин или Элагабал (217–220 гг.)

Л.с. Бюст императора в панцире и плаще, вправо.

О.с. Император в квадриге, влево; держит ветвь и скипетр.

116	E/104	AE ac	11.16 г	22 мм	Cf. *RIC* IV/2, 18, no. 162, или 53, no. 298	Сл. 6, кв. 3

Константин I, или Константин II, или Констанций II

Л.с. CONST…. Бюст императора в панцире и плаще, вправо; на голове венок.

О.с. Изображение неясно. Точечный ободок.

117	B/34	AE	3.26 г	19 мм		

Конец IV — начало V в.

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. Император, влево, влачит за волосы пленника (?).

118	E/46	AE	0.78 г	11 мм		Сл. 4, кв. 2

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. Неясное изображение.

119	E/111	AE	1.07 г	13 мм		Сл. 7, кв. 3

Конец IV — V в.

Л.с. Бюст императора, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. Неясное изображение.

120	E/155	AE	1.07 г	13 мм		Сл. 7, кв. 3

Византийские

Анастасий I (491–518 гг.)
Константинополь, 512–518 гг.

Л.с. D N ANASTA — SIVS PP AVC. Бюст императора в панцире и палудаментуме, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, по сторонам звезды, внизу Є, под обрезом CON.

121	E/14	AE фоллис	15.79 г	33 мм	*DOC* 1, 21, no. 23i	Є	Сл. 3, кв. 1

Юстин I (518–527 гг.)
Константинополь

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Бюст императора в панцире и палудаменте, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, по сторонам звезды.

122	E/4	AE фоллис	16.05 г	29 мм	*DOC* 1, 40, no. 8e	Є	Сл. 1, кв. 2

Юстиниан I (527–565 гг.)
Никомедия, 538/539 г.

Л.с. …D N IVSTINI — ANVS PP AVG. Бюст императора, анфас; на голове шлем с плюмажем и диадема; в правой руке держит державу, левое плечо прикрыто щитом.

О.с. K; сверху крест, слева A/N/N/O, справа XII, под обрезом NI.

123	E/145	AE полуфоллис	5.48 г	22 мм	*DOC* 1, 119, no. 140		Сл. 8, кв. 4

Кизик, 556/557 г. (?)

Л.с. Бюст императора, анфас.

О.с. K; сверху крест, слева A/N/N/O, справа XX/X (?), внизу v/z.

124	E/12	AE полуфоллис	7.08 г	25 мм	Cf. *DOC* 1, 131, no. 192		Сл. 1, кв. 4

Александрия, год неясен

Л.с. D N IVSTINI — ANVS PP AVG. Бюст императора в панцире и палудаменте, вправо; на голове диадема.

О.с. IB; между буквам крест; внизу AΛЄΞ.

125	E/74	AE додеканummий	2.51 г	15 мм	*DOC* 1, 157, no. 274		Сл. 5, кв. 3

Эмитент и место чеканки не установлены, год не ясен

Л.с. D N IVSTINI — ANVS PP AVG. Бюст императора в панцире и палудаменте, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, по сторонам звезды.

126	E/49	AE фоллис	17.96 г	29 мм			Сл. 4, кв. 2

Юстин II (565–578 гг.) (?)
Эмитент, место и время чеканки не установлены

Л.с. Юстин II (слева) и София (справа) в нимбах восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.

О.с. K; сверху крест.

127	E/22	AE полуфоллис	5.41 г	23 мм			Сл. 3, кв. 1

Тиберий II (578–582 гг.)
Никомедия, год неясен

Л.с. …m TIЬ CONS TANT PP AVG. Бюст императора, в фас, в консульском одеянии, на голове диадема с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой — скипетр с орлом наверху.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа год не виден, под обрезом NIKOB.

128	O/39	AE фоллис	11.88 г	30 мм		B

Антиохия (?), год неясен

Л.с. Искаженная надпись. Бюст императора, анфас, в консульском одеянии, на голове диадема с трилистником наверху и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.

О.с. XX; сверху крест, слева A/N/N/O, справа год не ясен.

129	E/11	AE полуфоллис	5.15 г	23 мм			Сл. 2, кв. 1

Маврикий (582–602 гг.) (?)
Антиохия, год неясен

Л.с. …Бюст императора, в фас, в консульском одеянии, на голове диадема с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.

О.с. m; сверху крест, слева A/N/N/O, справа год неясен, под обрезом THЄUP.

130	E/31	AE фоллис	12.18 г	29 мм			Сл. 4, кв. 2

Не определенные, VI — начало VII в.
Александрия

Л.с. Бюст императора, вправо (?).

О.с. IB; между буквами крест; внизу AΛЄΞ.

131	E/109	AE додеканummий	3.42 г	19 мм			Сл. 4, кв. 4

Эмитент, место и время чеканки не установлены

Л.с. …Бюст императора, вправо.

О.с. K; сверху крест.

132	E/85	AE полуфоллис	5.32 г	21 мм			Сл. 4, кв. 4
133	E/89	AE полуфоллис	5.79 г	22 мм			Сл. 6, кв. 3

Исламские и средневековые

Умайады

Анонимные арабо-византийские фалсы
Место чеканки не установлено, 670-е — 690-е гг.

Л.с. Не видна.

О.с. m; по сторонам слабо различимые фрагменты легенды.

134	E/88	AE фалс	2.11 г	фрагмент		Слой 5, кв. 2 –254.25

Анонимные эпиграфические фалсы
ар-Рамла, без даты, ок. 90 г.х. (708/709 г.)

Л.с. Первая часть символа веры в три строки.

О.с. Поле — вторая часть символа веры в три строки, вправо от него — дерево; круговая легенда с выпускными сведениями.

135	E/68	AE фалс	3.34 г	19 мм		Слой 5, кв. 3 –254.20
136	E/81	AE фалс	3.38 г	16.3 мм		Слой 5, кв. 2 –254.16
137	E/126	AE фалс	3.93 г	21.2 мм		Слой 7, кв. 2 –254.84

Место и год чеканки не установлены, первая половина VIII в.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенд.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенд.

138	E/2	AE фалс	4.65 г	21 мм		Слой 1, кв. 1 (–253.43)
139	E/5	AE фалс	3.21 г	20 мм		Слой 1, кв. 1 (–253.61)
140	E/17	AE фалс	5.46 г	17 мм		Слой 3, кв. 2 (–253.83)

Зангиды Сирии

Махмуд б. Занги
Димашк, год чеканки не виден, 558–564 гг.х. (1162–1169 гг.)

Л.с. Между двумя виньетками в одну строку — ал-малик ал-ʻадил; круговая легенда не видна.

О.с. Между двумя виньетками в одну строку — Махмуд б. Занги; круговая легенда не видна.

141	E/37	AE фалс	3,78 г	21 мм	Album, 2011: 200, № 1851	Слой 2, кв. 3 (–253.98)

Мамлюки

Бейбарс I (?)
Место и время чеканки не установлены, 658–676 гг.х. (1260–1277 гг.)

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

142	E/53	AE фалс	1.26 г	17×15 мм		Слой 5, кв. 3 –254.16

Мухаммад I (3-е правление)
Димашк, 730 г.х. (1329/1330 гг.)

Л.с. Между двумя виньетками легенда в одну строку: ал-малик ан-Насир.

О.с. В центре цветочная розетка, вокруг которой указаны место и год чеканки.

143	E/55	AE фалс	3.11 г	20×17 мм	Balog 1964: 162, № 261	Слой 5, кв. 3 –254.23

Димашк, 733 г.х. (1332/1333 гг.)

Л.с. В двух строках титулатура султана (ал-малик ан-Насир), внизу место чеканки.

О.с. В центре в фигурном картуше — Мухаммад; сверху и снизу над и под обрезами дата.

144	E/36	AE фалс	2,86 г	20 мм	Balog 1964: 158, № 248	Слой 2, кв. 3 –254.05

Димашк, без даты

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Шестиконечная розетка в центре пятилучевой звезды.

145	E/3	AE фалс	2.32 г	18×16 мм		Слой 1, кв. 1 –253.51

Димашк (?), 730-е гг.х. (?) (1329–1339 гг.)

Л.с. Полузатертая легенда в несколько строк, вторая и третья из них — символ веры.

О.с. Частично видна одна строка с титулатурой эмитента.

146	E/38	AE дирхам	3.03 г	22×18 мм		Слой 2, кв. 3 –254.01

Ша‘бан II
Хама, 764 г.х. (1362/1363 г.)

Л.с. Выпускные сведения в орнаментированном ободке.

О.с. Геральдическая лилия в орнаментированном ободке.

147	E/113	AE фалс	1.87 г	16.2 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 45628	Слой 4, кв. 4 –254.33

Баркук (1-е правление)
Димашк, 786–787 гг.х. (1384–1386 гг.)

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Часть шестилучевой звезды с точками в лучах.

148	E/26	AE фалс	1.64 г	19×17 мм		Слой 3, кв. 2 –253.84

Траблус, без даты, 784–791 гг.х. (1382–1389 гг.)

Л.с. Легенда в три строки между двумя линейными обрезами: … / ал-малик аз-захир / Траблус.

О.с. Геральдическая лилия в орнаментированном круглом ободке.

149	E/57	AE фалс	1.91 г	17 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 129545	Слой 5, кв. 3 –254.14

Эмитент не установлен
Мухаммад I (?) (3-е правление) (?)

Л.с. Часть титулатуры эмитента в две строки.

О.с. Символ веры.

150	E/66	AR фракция дирхама	1.57 г	11.3 мм		Слой 2, кв. 4 –253.92

Димашк (?), год чеканки не установлен, XIV в.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Шестилучевая звезда с точками в лучах.

151	E/62	AE фалс	0.9 г	17 мм		Слой 2, кв. 4 –253.79

Место и год чеканки не установлены, XIV в.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

152	E/23	AE фалс	4.72 г	19×15 мм		Слой 3, кв. 2 –253.84
153	E/71	AE фалс	1.41 г	18×15 мм		Слой 5, кв. 3 –254.20
154	E/86	AE фалс	0.96 г	13.9 мм		Слой 5, кв. 2 –254.14
155	E/121	AE фалс	3.2 г	18 мм		Слой 6, кв. 4 –254.64
156	E/122	AE фалс	2.65 г	20×18.9 мм		Слой 7, кв. 2A –254.95
157	E/129	AE фалс	2.03 г	13.7 мм		Слой 7, кв. 1 –254.55

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Шестилучевая (?) звезда.

158	E/63	AE фалс	1.33 г	16.5 мм		Слой 2, кв. 4 –253.79
159	E/70	AE фалс	2.13 г	16 мм		Слой 2, кв. 4 –253.90

Мусульманские монеты. Эмитент, место и время чеканки не установлены.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

160	E/24	AE	2.15 г	17×15 мм		Слой 3, кв. 2 –253.95
161	E/27	AE	2.82 г	22×20 мм		Слой 3, кв. 2 –253.88
162	E/29	AE	1.56 г	18 мм		Слой 2, кв. 3 –253.94
163	E/30	AE	2.82 г	22×20 мм		Слой 2, кв. 3 –253.85
164	E/41	AE, половина монеты, с отверстием	0.78 г	20×11 мм		Слой 4, кв. 2 –253.94
165	E/54	AE	1.94 г	19 мм		Слой 5, кв. 3 –254.23
166	E/87	AE	1.75 г	14.9 мм		Слой 5, кв. 3 –254.28
167	E/107	AE	3.06 г	20 мм		Слой 5, кв. 4 –254.37
168	E/118	AE	0.47 г	16×13.1 мм		Слой 6, кв. 4 –254.61
169	E/127	AE	3.29 г	20 мм		Слой 7, кв. 2 –254.74

Иерусалимское королевство

Балдуин III (1143–1162 гг.)

Л.с. Крест; вокруг надпись: JEI[ER]VSAL[EM].

О.с. Башня Давида; вокруг надпись: BA[LD]VINVS[R]EI.

170	E/51	BI (?) денарий	0.56 г	17 мм		Слой 5, кв. 2 –254.12

Эмитент, место и время чеканки не установлены

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

171	E/8	AE	0.61 г	13×10 мм		Слой 2, кв. 2 –253.7
172	E/19	AE	0.61 г	14×11 мм		Слой 1, кв. 3 –253.66
173	E/21	AE	0.82	10 мм		Слой 3, кв. 1 –253.92
174	E/25	AE	распалась	распалась		Слой 2, кв. 3 –253.86
175	E/43	AE	0.55 г	9 мм		Слой 4, кв. 2 –253.94
176	E/50	AE	3.32 г	21×20 мм		Слой 5, кв. 2 –254.06
177	E/56	AE	2.89 г	18×15 мм		Слой 5, кв. 3 –254.13
178	E/58	AE	1,39 г	15,5×17,5 мм		Слой 2, кв. 4 –253.80
179	E/60	AE	4.85 г	16 мм		Слой 4, кв. 2 –253.85
180	E/64	AE	1.21 г	14.5 мм		Слой 2, кв. 4 –253.77
181	E/65	AE	0.62 г	11 мм		Слой 2, кв. 4 –254.05
182	E/67	AE	9.85 г	33×27 мм		Слой 5, кв. 3 –254.28
183	E/69	AE	1.44 г	21×16.6 мм		Слой 5, кв. 2 –254.90
184	E/73	AE	0.13 г	9.5 мм		Слой 5, кв. 3 –254.10
185	E/78	AE	0.78 г	13.5 мм		Слой 5, кв. 3 –254.25
186	E/82	AE	0.77 г	фрагмент		Слой 5, кв. 2 –254.07
187	E/90	AE	1.66 г	18 мм		Слой 6, кв. 3 –254.43
188	E/92	AE	1.41 г	12.5 мм		Слой 5, кв. 3 –254.10
189	E/93	AE	0.6 г	13.1 мм		Слой 4, кв. 4 –254.31
190	E/97	AE	0.97 г	18.2 мм		Слой 4, кв. 1 –253.88
191	E/100	AE	2.15 г	15.4 мм		Слой 4, кв. 4 –254.06
192	E/101	AE	2.45 г	фрагмент		Слой 5, кв. 6 –254.39
193	E/103	AE	1.42 г	11.3 мм		Слой 4, кв. 1 –253.97
194	E/106	AE	5.06 г	19 мм		Слой 6, кв. 4 –254.55
195	E/112	AE	0.61 г	10.5 мм		Слой 6, кв. 2 –254.38
196	E/114	AE	1.24 г	11.1 мм		Слой 6, кв. 3 –254.73
197	E/117	AE	0.85 г	9.5 мм		Слой 5, кв. 4 –254.62
198	E/120	AE	0.53 г	9.8 мм		Слой 5, кв. 2 –254.60
199	E/128	AE	0.96 г	12.7 мм		Слой 7, кв. 1 –254.50
200	E/131	AE	1.02 г	12.6 мм		Слой 8, кв. 2 –254.79
201	E/132	AE	3.93 г	22 мм		Слой 7, кв. 4 –254.92

202	E/134	AE	7.42 г	15.4 мм		Слой 7, кв. 4 –254.92
203	E/135	AE	0.97 г	13.5 мм		Слой 7, кв. 2 –254.86
204	E/136	AE	3.23 г	17.8 мм		Отвал
205	E/146	AE	1.75 г	13 мм		Слой 8, кв. 4 –255.06
206	E/147	AE	0.21 г	11.1 мм		Слой 7, кв. 2 –254.98
207	E/152	AE	0.91 г	10.5 мм		Слой 6, кв. 4 –254.74
208	E/154	AE	0.43 г	9.4×9 мм		Слой 6, кв. 2 –254.36
209	E/157	AE	0.78 г	11.5 мм		Слой 7, кв. 2 –254.73
210	E/161	AE	0.27 г	7.5 мм		Слой 7, кв. 2 –254.79
211	O/40	AE	3.02 г	15 мм		
212	O/41	AE	1.83 г	18 мм		
213	O/42	AE	0.79 г	13 мм		

Гладкая монетная заготовка (?)

214	E/16	AE	2.26 г	14 мм		Слой 3, кв. 2 –253.86

2012 г.

Селевкидские

Селевк I Никатор (312–280 гг. до н.э.)
Антиохия, 312–280 гг. до н.э.

Л.с. Крылатая голова Медузы, вправо. Точечный ободок.

О.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Бодающий бык, вправо. Точечный ободок.

215	E/164	AE	5.49 г	21 мм	Cf. *SNG* Israel 21–24	Локус 4, кв. 2

Антиох VII Эвергет (138–129 гг. до н.э.)
Иерусалим, год неясен

Л.с. Цветок лилии. Точечный ободок.

О.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ слева, ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ справа. Якорь лапами вверх. Внизу дата неясна.

216	E/177	AE прута	2.65 г	14 мм	Cf. *SNG* Israel 2133, 2140–2148	Локус 1, кв. 6

Римские

Констанций II (9 сентября 337 г. — 347 г.)
Кизик, до апреля 340 г. н.э.

_____
SMKA•

Л.с. D N CONSTAN–TIVS P F AVG. Голова императора, вправо.

О.с. GLOR–IA EXERC–ITVS. Два воина в шлемах стоят прямо и смотрят друг на друга, каждый держит копье и опирается на щит, между ними штандарт.

217	E/191	AE IV	1.11 г	16 мм	*RIC* VIII, 491, no. 21	Локус 1, кв. 6

Византийские

Юстиниан I (527–565 гг.)
Константинополь или Никомедия

Л.с. D N IVSTINIANVS P P AVG. Бюст императора в панцире и плаще, вправо.

О.с. ☧; справа Є, слева неясно.

218	E/166	AE пентануммий	0.92 г	12 мм	Cf. *DOC* 1, 82, no. 35a, b; 111, no. 114.		Локус 8, кв. 3

Юстин II (565–578 гг.)
Эмитент и место чеканки не установлены, год неясен

Л.с. Юстин II (слева) и София (справа), с нимбами, восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.

О.с. K; сверху крест; слева A/N/N/O, справа год неясен; внизу номер оффицины неясен.

219	E/194	AE полуфоллис	4.95 г	23 мм			Локус 8, кв. 3
220	E/206	AE полуфоллис	2.81 г	19 мм			Локус 1, кв. 5

Маврикий (582–602 гг.) (?)
Александрия, 582–602 гг.

Л.с. Бюст императора, вправо (?).

О.с. IB; между буквами крест; внизу AΛЄΞ.

221	E/163	AE 12 нуммиев	0.82 г	12 мм	Cf. *DOC* 1, 352, no. 213.1		Локус 4, кв. 2

Ираклий (610–641 гг.)
Александрия

Л.с. Крест на ступенчатом основании.

О.с. S.

222	E/167	AE 6 нуммиев	3.21 г	20 мм	Cf. *DOC* 1, 352, no. 214.		Локус 8, кв. 3

Констант II (641–668 гг.)
Константинополь, год неясен

Л.с. ЄNTYTO NIKA. Император в рост, анфас; правой рукой держит жезл, увенчанный крестом, в левой сферу, увенчанную крестом.

О.с. m; слева A/N/A, справа NЄOϘ; под обрезом год не виден.

223	E/190	AE фоллис	2.39 г	22 мм			Локус 1, кв. 5

Эмитент, место и время чеканки не установлены.
Константинополь, VI в.

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. M.

224	E/179	AE фоллис	7.89 г	28 мм			Локус 1, кв. 6

Александрия, VI — нач. VII в.

Л.с. Неясно.

О.с. S.

225	E/201	AE 6 нуммиев	2.58 г	25 мм			Локус 5, кв. 6

Эмитент, место и год чеканки не установлены. VI в.

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. M.

226	E/196	AE фоллис	12.24 г	17 мм			Локус 1, кв. 5

Л.с. Бюст императора вправо (?).

О.с. Неясно.

227	E/202	AE 4 нуммия (?)	1.19 г	12 мм			Локус 5, кв. 6

Л.с. Неясно.

О.с. B (?).

228	Е/207	АЕ 2 нуммия (?)	0.45 г	9 мм			Локус 9, кв. 3

Л.с. Неясно.
О.с. Неясно.

229	Е/209	АЕ нуммий (?)	0.36 г	8 мм			Локус 5, кв. 6
230	Е/210	АЕ нуммий (?)	0.38 г	8 мм			Локус 5, кв. 5

Исламские и средневековые

Умайады

Анонимные эпиграфические фалсы
Место и год чеканки не установлены, 1-я пол. VIII в.
Л.с. В поле фрагменты первой части символа веры.
О.с. В поле фрагменты второй части символа веры.

231	Е/173	АЕ фалс	4.14 г	15 мм		Локус 1, кв. 5 –253.83
232	Е/183	АЕ фалс	2.35 г	15 мм		Локус 1, кв. 5 –254.08

Мамлюки

Ша‘бан II
Димашк, без даты (764–778 гг.х. / 1363–1376 гг.)
Л.с. В зерновидном ободке и по его внешним сторонам титулатура и имя эмитента.
О.с. В сложной фигурной рамке, заключенной в круговой ободок, место чеканки.

233	Е/169	АЕ фалс	3.15 г	17 мм		Локус 1, кв. 5 –253.88

Хаджжи II (1-е правление)
Место чеканки не установлено (Халеб?), 783–784 гг.х. (1382 г.)
Л.с. Титулатура и имя эмитента.
О.с. Фрагменты легенды.

234	Е/180	AR фракция дирхама	1.49 г	14×9 мм		Локус 1, кв. 6 –254.03

Баркук (1-е правление)
Димашк, 784 г.х. (1382/1383 г.)
Л.с. В центре в круговом ободке имя эмитента, по внешней стороне титулатура.
О.с. Выпускные сведения, в центре в круговом ободке геральдическая лилия.

235	Е/184	АЕ фалс	2.25 г	16×14 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 161027	Локус 1, кв. 5 –254.07

Фарадж
Халеб, 803 г.х. (1400/1401 г.)
Л.с. Фрагменты титулатуры и имени эмитента.
О.с. В центре геральдическая лилия в линейном ободке; по внешнему периметру ободка фрагменты круговой легенды.

236	Е/176	АЕ фалс	3.25 г	25x19 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 59819	Локус 1, кв. 5 –253.99

Эмитент не установлен
Место и год чеканки не установлены, XIV в.
Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.
О.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

237	E/189	AE фалс	2.53 г	16 мм		Локус 1, кв. 5 (-254.26)

Мусульманские монеты. Эмитент, место и время чеканки не установлены.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

238	E/174	AE	1.27 г	12×10 мм		Локус 1, кв. 5 –253.81
239	E/178	AE	1.56 г	17×14 мм		Локус 1, кв. 6 –254.07
240	E/182	AE	1.08 г	13 мм		Локус 7, кв. 2 –255.09
241	E/185	AE	4.68 г	25 мм		Локус 1, кв. 6 –254.13
242	E/197	AE	1.57 г	19×17 мм		Локус 1, кв. 5 –254.46
243	E/199	AE	0.7 г	15 мм		Локус 3, кв. 6 –254.45
244	E/204	AE	1.01 г	12 мм		Локус 1, кв. 5 –254.74

Эмитент, место и время чеканки не установлены.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

245	E/170	AE	5.07 г	20 мм		Локус 8, кв. 3 –256.04
246	E/187	AE	0.51 г	11 мм		Локус 9, кв. 3 –255.35
247	E/205	AE	0.76 г	13 мм		Локус 4, кв. 6 –254.52
248	E/211	AE	0.42 г	10 мм		Локус 5, кв. 5 –254.91

2013 г.

Иудейские

Ирод I Великий (40–4 гг. до н. э.)

Л.с. ΗΡΩΔ ΒΑΣΙΛ. Якорь. Точечный ободок.

О.с. Два рога изобилия; между ними кадуцей. Точечный ободок.

249	E/304	AE прута	1.65 г	16 мм	*SNG* Leipzig 1394–1395		Локус 4, кв. 4

Ирод Архелай (4 г. до н.э. — 6 г. н.э.)

Л.с. ΗΡΩΔΟΥ. Гроздь винограда; слева лоза с листом.

О.с. ΕΘΝΑΡΧΟ. Македонский шлем; слева кадуцей.

250	E/242	AE прута	1.83 г	15 мм	*SNG* Cop. 69–70; *SNG* Leipzig 1396–1399		Локус 1, кв. 8

Римские провинциальные

Самария
Домициан (81–96 гг.)
Неаполь, 82/83 г. (?)

Л.с. AVTOK. ΔOMITIANOΣ KAIΣAP ΣEBAΣTOΣ. Голова Домициана в лавровом венке, вправо.

О.с. Пальма с плодами; поперек поля ΦΛA–OVI / NEA–ΠOΛI / ΣA–MA / L–AI (?).

251	E/289	AE	8.41 г	21 мм	*BMC* 27, 46, no. 14 (?)		Локус 2, кв. 8

Финикия
Каракалла (198–217 гг.)
Берит

Л.с. [IMP. M. SEV. AVR. ANTON. AVG.]. Бюст Каракаллы, в лавровом венке, вправо. Две надчеканки, на одной из которых, расположенной в центре, изображена голова императора (?), вправо.

О.с. [COL. BER.]. Нептун, держащий дельфина и трезубец, стоит в фас в колеснице на волнах, запряженной гиппокампами.

252	E/300	AE	6.69 г	19 мм	Cf. *BMC* 26, 76, no. 156 (?)		Локус 4, кв. 4
253	E/303	AE	10.68 г	22 мм	То же		Локус 14, кв. 4

Иудея
Агриппа II (50−95 гг.)
«Judaea Capta», 74/75 г. н.э.

Л.с. [AVTOKP. TITOΣ KAIΣAP]. Голова Тита в лавровом венке, вправо.

О.с. [IOVΔAIAΣ EAΛΩKYIAΣ]. Ника, вправо, поставив левую ногу на шлем, пишет на щите, опирающемся на ее левое колено; справа пальма.

254	E/330	AE	6.21 г	20 мм	*BMC* 27, 277, no. 13		Локус 2, кв. 7

Римские имперские

Домициан (81–96 гг.)

Л.с. IMP. DOMIT. AVG… Бюст императора, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. …S XVI CENS… Неясно.

255	E/309	AE acc	10.35 г	23 мм	*Л.с.* Прямоугольная надчеканка.		Локус 15, кв. 4

Константин I Великий (306–337 гг.)
Арль, 318 г. н.э.

Л.с. IMP CONSTANTINVS PF AVG. Бюст императора в панцире, вправо; на голове лавровый венок.

О.с. SOLI INVICTO COMITI. Сол в лучевой короне, обнаженный, с плащом на левом плече, стоит, влево; правая рука поднята, в левой шар.

256	E/279	AE фоллис	2.78 г	20 мм	Cf. *RIC* VII, 251, no. 169		Локус 9, кв. 6

Константин I, или Крисп, или Лициний I (?)
Место и год чеканки не установлены.

Л.с. Голова императора, вправо.

О.с. Виктория идет, влево.

257	E/293	AE	1.89 г	12 мм			Локус 2, кв. 7

Констанций II или Констант (?)
Место чеканки не установлено. 347–348 гг. (?)

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. Император в покрывале стоит, вправо; правая рука поднята.

258	E/331	AE	1.05 г	15мм	Cf. *RIC* VIII, 452–453, nos. 67–77 (?)		Локус 10, кв. 8

Валентиниан I, Валент и Прокопий (?)
Эмитент и место чеканки не установлены. 25 февраля 364 г. — 24 августа 367 г. (?)

Л.с. Бюст императора в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SECVRITAS REIPVBLICAE. Виктория идет влево, держа венок и пальмовую ветвь; слева в поле дифферент неясен.

259	E/316	AE III	2.61 г	14 мм	Cf. *RIC* IX, 192, no. 5 (a, b, c), etc.		Локус 5, кв. 6

Феодосий I Великий (379–395 гг.)
Антиохия, 9 августа 378 г. — 25 августа 383 г.

Л.с. DN THEODO–SIVS PP AVG. Бюст императора в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SALVS REI–PVBLICAE. Виктория идет влево, с трофеем поперек плеча, влачит пленника за волосы; внизу ANTЄ.

260	E/295	AE IV	1.07 г	13 мм	Cf. *RIC* IX, 289, no. 54.	Є	Локус 2, кв. 7

Место и время чеканки не установлены.

Л.с. DN THEODO–SIVS PP AVG. Бюст императора в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SALVS REI–PVBLICAE. Виктория идет влево, с трофеем поперек плеча, влачит пленника за волосы.

261	E/312	AE IV	1.00 г	12 мм	Cf. *RIC* IX, 198, no. 26(b)		Локус 4, кв. 4

Аркадий (395–408 гг.)
Гераклея (?), 15 мая 392 г. — 17 января 395 г.

Л.с. DN ARCADI–VS PF AVG. Бюст императора в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SALVS REI–PVBLICAE. Виктория идет влево, с трофеем поперек плеча, влачит пленника за волосы.

262	E/321	AE IV	0.96 г	12 мм	Cf. *RIC* IX, 263, no. 48b (?)		Локус 15, кв. 6

Александрия, 25 августа 383 г. — 28 августа 388 г.

Л.с. DN ARCAD–IVS PF AVG. Бюст императора вправо.

О.с. VOT \ X \ MVLT \ XX внутри венка.

263	E/332	AE IV	1.35 г	12 мм	*RIC* IX, 302, no. 19d		Локус 5, кв. 6
264	E/341	AE IV	0.82 г	12 мм	То же		Локус 13, кв. 5

Эмитент и место чеканки не установлены. 28 августа 388 г. — 15 мая 392 г.

Л.с. DN ARCADIVS PF AVG. Бюст императора в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. SALVS REI–PVBLICAE. Виктория идет влево, с трофеем поперек плеча, влачит пленника за волосы.

265	E/215	AE IV	1.45 г	13 мм	Cf. *RIC* IX, 198, no. 26(c)		Локус 1, кв. 7
266	E/219	AE IV	0.99 г	11 мм			Локус 1, кв. 5

Валентиниан II, Феодосий I и Аркадий
Эмитент и место чеканки не установлены. 28 августа 388 г. — 15 мая 392 г.

Л.с. Бюст императора в плаще и панцире, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. [SALVS REI–PVBLICAE]. Виктория идет влево, с трофеем поперек плеча, влачит пленника за волосы.

267	E/365	AE	0.93 г	13 мм			Локус 3, кв. 7
268	E/276	AE	0.84 г	11 мм			Локус 13, кв. 4
269	E/379	AE	1.34 г	11 мм			Локус 10, кв. 8

Феодосий I, Аркадий и Гонорий (?)
Эмитент и место чеканки не установлены. 392–395 гг. (?)

Л.с. Бюст императора в панцире и плаще, вправо; на голове жемчужная диадема.

О.с. Император, в рост; в правой руке держит скипетр, в левой шар.

270	E/236	AE	0.83 г	13 мм			Локус 3, кв. 7

Феодосий II (408–450 гг.)
Гераклея, 425–435 гг.

Л.с. Бюст Феодосия II в панцире и плаще, вправо; на голове диадема.
О.с. Крест внутри венка; внизу SMHA.

271	E/343	AE 3–4	0.81 г	11 мм	*RIC* X, 274, nos. 441–442	Локус 13, кв. 5

Валентиниан III (408–450 гг.) (?)

Л.с. Бюст императора в панцире и плаще, вправо; на голове диадема.
О.с. Крест внутри венка.

272	E/339	AE 3–4	0.80 г	11 мм	Cf. *RIC* X, 274, no. 2144 (?)	Локус 13, кв. 5

Римские монеты IV в. Эмитент, место и год чеканки не установлены.

Л.с. …S PIVS… Голова императора, вправо.
О.с. Неясно.

273	E/367	AE	2.86 г	13 мм			Локус 3, кв. 7

Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. Неясно.

274	E/374	AE	0.89 г	11 мм			Локус 10, кв. 8

Л.с. …AVG. Бюст императора, вправо.
О.с. Неясно.

275	E/346	AE	1.13 г	12 мм			Локус 13, кв. 12

Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. Неясно.

276	E/310	AE	3.09 г	15 мм			Локус 15, кв. 4

Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. Неясно.

277	E/259	AE	0.69 г	15 мм			Локус 1, кв. 8
278	E/274	AE	0.84 г	13 мм			Локус 14, кв. 4

Подражание (?), IV–V вв.

Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. Виктория, идет влево.

279	E/333	AE	0.75 г	11мм			Локус 5, кв. 6

Византийские

Анастасий I (491–518 гг.)
Константинополь, 491–498 гг.

Л.с. D N ANASTA — SIVS PP AVC. Бюст императора в панцире и палудаментуме, вправо; на голове диадема.
О.с. Монограмма.

280	E/324	AE нуммус	0.48 г	8 мм	*DOC* 1, 12 no. 15.7		Локус 2, кв. 8

498–512 гг.

Л.с. D N ANASTA — SIVS PP AVC. Бюст императора в панцире и палудаментуме, вправо; на голове диадема.
О.с. M; сверху крест, по сторонам звезды, под обрезом CON.

281	E/220	AE фоллис	9.02 г	25 мм	*DOC* 1, 15 no. 20b	B ?)	Локус 1, кв. 5

512–518 гг.

Л.с. То же.

О.с. То же.

282	E/347	AE фоллис	17.83 г	33 мм	*DOC* 1, 21, no. 23b	B	Локус 7, кв. 7
283	E/283	AE фоллис	12.71 г	32 мм	*DOC* 1, 21, no. 23i	Є	Локус 2, кв. 8

498–512 гг.

Л.с. D N ANASTA — SIVS PP AVC. Бюст императора в панцире и палудаментуме, вправо; на голове диадема.

О.с. I; слева CON снизу вверх, слева CORD сверху вниз и точка.

284	E/334	AE деканummий	2.27 г	33 мм	*DOC* 1, 24 no. 25b	Є	Локус 3, кв. 8

Юстин I (518–527 гг.)

Константинополь

Л.с. D N IVSTI — NVS PP AVG. Бюст императора в панцире и палудаменте, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, слева звезда, справа крест; под обрезом CON.

285	E/267	AE фоллис	12.47 г	30 мм	Cf. *DOC* 1, 40–41, nos. 9b	B	Локус 2, кв. 8
286	E/329	AE фоллис	16.60 г	30 мм	То же	B	Локус 3, кв. 8

Фессалоника (?) или не определенный двор (?)

Л.с. DN IVSTI — NVS PP AVG. Бюст императора в плаще вправо; на голове диадема.

О.с. Г или П.

287	E/235	AE 3 нуммия или пентанummий	1.09 г	10 мм	*DOC* 1, 47, no. 26 или 56, no. 59b		Локус 4, кв. 4

Никомедия (?)

Л.с. D N [IVSTI — NVS PP AVG]. Бюст императора в плаще вправо; на голове диадема.

О.с. B.

288	E/280	AE 2 нуммия	0.69 г	10 мм	*DOC* 1, 48, no. 27 (?)		Локус 9, кв. 6
289	E/358	AE 2 нуммия	0.57 г	9 мм	Перечеканена из монеты Анастасия. *О.с.* DN AN… Cf. *DOC* 1, 48, no. 27		Локус 3, кв. 7

Антиохия

Л.с. D N IVSTINS PP AVG. Бюст императора в панцире и палудаменте, вправо; на голове диадема.

О.с. M; сверху крест, слева и справа по кресту; под обрезом ANTX.

290	E/285	AE фоллис	16.33 г	33 мм	*DOC* 1, 52, no. 45c	Δ	Локус 2, кв. 8

Юстиниан I (527–565 гг.)

Константинополь, 527–538 гг.

Л.с. D N IVSTINIANVS P P AVG. Бюст императора в панцире и плаще, вправо.

О.с. ☧; слева B; справа Є.

291	E/286	AE пентанummий	1.85 г	13 мм	*DOC* 1, 82, no. 35b		Локус 5, кв. 6

543–565 гг.

Л.с. D N IVSTINI–ANVS P P AVG. Бюст императора в панцире и плаще, вправо.

О.с. Є внутри круга; справа крест (?).

292	E/305	AE пентанummий	0.91 г	13 мм	*DOC* 1, 103, no. 97e		Локус 5, кв. 6

Херсон (?), 527–565 гг.

Л.с. Бюст императора в панцире и плаще, вправо.
О.с. Монограмма Херсона (?).

293	E/338	AE пентануммий	0.84 г	9 мм	*DOC* 1, 109, no. 108 (?)		Локус 13, кв. 6
294	E/345	AE пентануммий	0.92 г	8 мм	То же		Локус 13, кв. 5
295	E/359	AE пентануммий	0.77 г	9 мм	То же		Локус 3, кв. 7

Никомедия, 527–538 гг.
Л.с. D N IVSTINI–ANVS P P AVG. Бюст императора в панцире и плаще, вправо; на голове диадема.
О.с. M; сверху крест, слева звезда, справа крест; под обрезом NIKM.

296	E/336	AE фоллис	14.60 г	29 мм	*DOC* 1, 110, no. 109	[A]	Локус 12, кв. 6

Александрия
Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. IB; между буквами крест; внизу AΛЄΞ.

297	E/273	AE додеканумий	0.42 г	11 мм	Ср. *DOC* 1, 157, no. 274		Локус 8, кв. 6

Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. Г (?).

298	E/356	AE 3 нуммия (?)	0.91 г	10 мм	Ср. *DOC* 1, 158, no. 276 (?)		Локус 3, кв. 7

Юстин II (565–578 гг.)
Константинополь (?), 576/577 г.
Л.с. Юстин II (слева) и София (справа), с нимбами, восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.
О.с. K; сверху крест; слева A/N/N/O, справа XII (?).

299	E/389	AE полуфоллис	5.51 г	20 мм	*DOC* 1, 217, no. 58c	Є	Локус 1, кв. 10

Кизик, 567/568 г.
Л.с. DNIVSTI NVSPPAVG. Юстин II (слева) и София (справа), с нимбами, восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.
О.с. M; сверху крест; слева A/N/N/O, справа I/II; под обрезом KYZ.

300	E/383	AE фоллис	12.99 г	30 мм	*DOC* 1, 234, no. 117d	B	Локус 1, кв. 11

Антиохия, 574/575 г.
Л.с. Юстин II (слева) и София (справа), с нимбами, восседают на двойном троне. Император держит в правой руке шар, увенчанный крестом; императрица держит скипетр.
О.с. K; сверху крест; слева A/N/N/O, справа X; под обрезом P.

301	E/377	AE полуфоллис	5.40 г	23 мм	*DOC* 1, 247, no. 170	Є	Локус 1, кв. 11

Тиберий II (578–582 гг.)
Константинополь, 579 г.
Л.с. …DmTIb CONS TANT PPAVG. Бюст императора, в фас, в консульском одеянии, на голове диадема с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.
О.с. m; сверху крест, слева A/N/N/O, справа Ч, под обрезом CON.

302	E/255	AE фоллис	11.25 г	35 мм	*DOC* 1, 270, no. 11e	B	Локус 1, кв. 8

Никомедия
Л.с. DM TIb CONS TANT PP AVI. Бюст императора в панцире и плаще, анфас, на голове диадема с крестом и подвесками.
О.с. XX; сверху крест, внизу NIKO.

303	E/223	AE полуфоллис	5.55 г	24 мм	*DOC* 1, 22, no. 23k	Є	Локус 1, кв. 8

Антиохия, 578 г.

Л.с. …DN TIЬ CONS TANT PP AVG. Бюст императора, в фас, в консульском одеянии, на голове диадема с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, в левой скипетр с орлом наверху.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа II/II, под обрезом THЄЧP'.

304	E/384	AE фоллис	13.40 г	31 мм	*DOC* 1, 282, no. 39b	Г	Локус 1, кв. 11

Л.с. …DN TIO CONS TANT PPΛS. Бюст императора, в фас, в панцире, на голове диадема с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, левое плечо прикрыто щитом с изображением всадника.

О.с. K; сверху крест, слева A/N/N/O, справа IIII, под обрезом P.

305	E/385	AE полуфоллис	4.77 г	22 мм	*DOC* 1, 284, no. 46		Локус 1, кв. 11

Эмитент и место чеканки не установлены, год неясен.

Л.с. …DN TIO CONS TANT PPΛS. Бюст императора, в фас, в панцире, на голове диадема с крестом и подвесками; в правой руке держит маппу, левое плечо прикрыто щитом с изображением всадника.

О.с. K; сверху крест, слева A/N/N/O, справа год не виден.

306	E/340	AE полуфоллис	6.95 г	23 мм			Локус 3, кв. 7

Маврикий Тиберий (582–602 гг.)
Кизик, год неясен.

Л.с. DNMAVRICI TIЬЄRIPPAVG. Бюст императора, анфас, в панцире, на голове корона с подвесками; в правой руке шар, увенчанный крестом, в левой щит.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа дата не видна, под обрезом KYZ.

307	E/355	AE фоллис	9.05 г	30 мм	*DOC* 1, 325, no. 98a	A	Локус 1, кв. 10

Никомедия, 589/590 г.

Л.с. DNMAVRICI TIЬЄRIPPAVG. Бюст императора, анфас, в панцире и короне с подвесками; в правой руке шар, увенчанный крестом, в левой щит.

О.с. M; сверху крест, слева A/N/N/O, справа Ч/II, под обрезом NIKO.

308	E/290	AE фоллис	8.91 г	32 мм	DOC 1, 325, no. 98a	A	Локус 2, кв. 7

Ираклий (610−641 гг.)
Константинополь, 626/627 г.

Л.с. Три фигуры стоят прямо: Ираклий в центре, Ираклий Константин справа, Мартина слева. Каждый одет в хламиду, на голове корона с крестом и держит шар, увенчанный крестом.

О.с. M; сверху крест и ANNO, слева монограмма, справа X/ЧI; под обрезом CON.

309	E/266	AE фоллис	2.19 г	25 мм	Cf. *DOC* 2/1, 293, no. 101	Є	Локус 1, кв. 7

Констант II (641–668 гг.)
Константинополь, 641–645

Л.с. ЄNTYTO NIKA. Император в рост, анфас; правой рукой держит жезл, увенчанный крестом; в левой — сфера, увенчанная крестом.

О.с. m; слева A/N/A, справа NЄOϚ; под обрезом год не виден.

310	E/230	AE фоллис	3.91 г	21 мм			Локус 1, кв. 6

Византийские монеты. Эмитент, место и время чеканки не установлены.

Л.с. Бюст императора, вправо.

О.с. Неясно.

311	E/214	Византия. 1, 2, 3, или 4 нуммия	0.59 г	10 мм			Локус 1, кв. 7 –253.78
312	E/344	Византия	0,72 г	11 мм			Локус 13, кв. 5 –255.17

313	E/353	Византия	0.89 г	11,5 мм			Локус 3, кв. 8 –254.94

Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. Монограмма (?).

314	E/349	Византия. Пентануммий	1,71 г	12 мм			Локус 3, кв. 8 –254.99

Л.с. Бюст императора, вправо.
О.с. Неясно.

315	E/354	Византия. VI в., мелкий номинал	0,91 г	10 мм			Локус 3, кв. 7 –255.18

Исламские и средневековые

Умайады

Анонимные арабо-византийские фалсы
‘Абд ал-Малик б. Марван
Место чеканки не установлено, Филастин… (?) (693–697 гг.)
Л.с. Фигура халифа в рост с мечом у пояса; по сторонам слабо различимые фрагменты легенды.
О.с. m; по сторонам слабо различимые легенды с указанием места чеканки.

316	E/231	AE фалс	3.87 г	20 мм		Локус 1, кв. 8 –253.94

Анонимные эпиграфические фалсы
ар-Рамла, без даты, около 120 г.х. (737/738 г.)
Л.с. В поле дерево в линейном ободке, круговая легенда с символом веры.
О.с. В поле полумесяц с точкой в линейном ободке, круговая легенда с местом чеканки.

317	E/275	AE фалс	1.64 г	12 мм	Album 2011: 45, № 185	Локус 2, кв. 7 –254.41

Без места и года чеканки (730-е — 740-е гг.)
Л.с. Утка в линейном ободке, вправо; круговая легенда с частью символа веры.
О.с. «Лиллах» в линейном ободке, круговая легенда с частью символа веры.

318	E/306	AE фалс	3.04 г	18 мм	Album 2011: № 164D	Локус 2, кв. 7 –254.54

Мамлюки

Мухаммад I (3-е правление)
Димашк, 73х г.х., 732–734 гг.х. (1331–1334 гг.)
Л.с. В двух строках титулатура султана (ал-малик ан-Насир), внизу место чеканки.
О.с. В центре в фигурном картуше — Мухаммад; сверху и снизу над и под обрезами дата.

319	E/228	AE фалс	2.62 г	22×19 мм	Balog 1964:157–158, № 247–249	Локус 1, кв. 7 –253.88

Баркук (2-е правление)
ал-Кахира, 794 г.х. (1391/1392 г.)
Л.с. Лакаб и имя эмитента.
О.с. Место и год чеканки.

320	E/282	AE фалс	3.49 г	17×15 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 80860	Локус 13, кв. 4 –255.66

ал-Кахира, 795 г.х. (1392/1393 г.)
Л.с. Лакаб и имя эмитента.

О.с. Место и год чеканки.

321	E/256	AE фалс	3.93 г	18.5 мм	Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 60246	Локус 2, кв. 7 –254.41

Эмитент не установлен
Место и год чеканки не установлены, 2-я пол. XIII–XV в.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.
О.с. Слабо различимые фрагменты легенды.

322	E/257	AR фракция дирхама	1.52 г	11×10 мм		Локус 1, кв. 8 –254.29
323	E/264	AE фалс	2.2 г	17 мм		Локус 1, кв. 8 –254.25
324	E/265	AE фалс	1.05 г	17 мм		Локус 1, кв. 7 –254.40
325	E/278	AE фалс	0.93 г	15×14 мм		Локус 2, кв. 7 –254.46
326	E/307	AE фалс	3.15 г	22×20 мм		Локус 2, кв. 7 –254.89
327	E/361	AR фракция дирхама	0.55 г	11×9 мм		Локус 3, кв. 7 –255.55

Мусульманские монеты. Эмитент, место и время чеканки не установлены.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды.
О.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

328	E/221	AE	0.64 г	12 мм		Локус 1, кв. 6 –254.33
329	E/249	AE	0.78 г	15×12 мм		Локус 1, кв. 7 –254.23
330	E/262	AE	2.38 г	22×19 мм		Локус 1, кв. 8 –254.23
331	E/263	AE	0.55 г	11 мм		Локус 1, кв. 7 –254.41
332	E/272	AE	0.88 г	15×13 мм		Локус 2, кв. 7 –254.36

Государства крестоносцев

Королевство крестоносцев на Кипре
Петр (Пьер) II (1369–1382 гг.) (?)

Л.с. Изображение льва (?); фрагменты круговой легенды.
О.с. Крест; фрагменты круговой легенды.

333	E/269	AE денарий (?)	0.7 г	14×12 мм		Локус 2, кв. 7 –254.34

Эмитент, место и время чеканки не установлены

Л.с. Бюст императора, вправо; по окружности следы надписи.
О.с. Легенда в круговом точечном ободке.

334	E/348	AE	0.39 г	8 мм		Локус 13, кв. 5 –255.25

Монеты Нового и Новейшего времени

Османская империя

Мухаммад V Рашад
Костантинийа, год интронизации 1327 г.х., год правления 3-й (1911 г.)

Л.с. Тугра султана с круговой легендой и год правления.
О.с. Выпускные сведения в круговой легенде, номинал в центре и год интронизации под ним.

335	E/227	CuNi, 5 пара	1.68 г	16 мм		Локус 1, кв. 8 –253.93

Российская империя

Николай I

Санкт-Петербургский монетный двор, год чеканки стерт (1835–1854 гг.)

Л.с. Двуглавый орел с императорскими регалиями, под ним инициалы минцмейстера и год чеканки.

О.с. Обозначение номинала и аббревиатура монетного двора.

336	E/229	Ag, 5 копеек	1.84 г	17.5 мм, с отверстием		Локус 1, кв. 8 –253.94

Израиль

5729 г. иудейского календаря (1969 г.)

Л.с. Герб Израиля и изображение ветви граната.

О.с. Обозначение номинала и год чеканки.

337	E/225	CuNi, 1 лира	8.81 г	27 мм		Локус 1, кв. 7 –253.65

Эмитент, место и время чеканки не установлены.

Л.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

О.с. Слабо различимые фрагменты легенды или изображения.

338	E/226	AE	1.43 г	14 мм		Локус 1, кв. 7 –253.85
339	E/239	AE	1.02 г	13×11 мм		Локус 1, кв. 8 –254.14
340	E/240	AE	0.89 г	10×9 мм		Локус 1, кв. 7 –253.06
341	E/245	AE	0.63 г	10 мм		Локус 5, кв. 6 –255.27
342	E/277	AE	0.43 г	8 мм		Локус 2, кв. 7 –254.39
343	E/281	AE	1.31 г	18 мм		Локус 2, кв. 7 –254.42
344	E/284	AE	0.82 г	13 мм		Локус 13, кв. 4 –255.64
345	E/288	AE	0.67 г	8.5 мм		Локус 2, кв. 7 –254.45
346	E/292	AE	0.89 г	10 мм		Локус 2, кв. 7 –254.53
347	E/296	AE	0.96 г	13×11 мм, обломана		Локус 5, кв. 6 –254.70
348	E/297	AE	1.09 г	11 мм		Локус 3, кв. 7 –255.62
349	E/298	AE	1.35 г	19×11 мм, фрагмент		Локус 5, кв. 6 –254.48
350	E/301	AE	0.15 г	8.5 мм		Локус 4, кв. 4 –255.51
351	E/319	AE	0.56 г	9.5 мм		Локус 5, кв. 6 –254.71
352	E/323	AE	0.73 г	10 мм		Локус 2, кв. 8 –254.67
353	E/326	AE	0.83 г	11 мм		Локус 2, кв. 8 –254.70
354	E/327	AE	0.57 г	10 мм		Локус 5, кв. 6 –255.52

355	E/328	AE	0.98 г	9 мм		Локус 3, кв. 8 –254.74
356	E/337	AE	0.84 г	10.5 мм		Локус 10, кв. 8 –255.01
357	E/366	AE	0.34 г	8 мм		Локус 3, кв. 7 –255.56
358	E/368	AE	0.55 г	12.5 мм		Локус 3, кв. 7 –255.69
359	E/370	AE	0.62 г	10.5 мм		Локус 10, кв. 8 –255.07
360	E/371	AE	0.53 г	8.5 мм		Локус 10, кв. 8 –255.05
361	E/372	AE	0.76 г	10 мм		Локус 5, кв. 8 –255.10
362	E/375	AE	0.58 г	11 мм		Локус 3, кв. 7 –255.75
363	E/380	AE	0.52 г	12×8 мм, фрагмент		Локус 10, кв. 8 –255.04

УКАЗАТЕЛЬ МОНЕТНЫХ НАХОДОК ИЗ ИЕРИХОНА

I. Правители

1. *Селевкиды*
Селевк I Никатор — *215*
Антиох VII Сидет — *216*

2. *Иудея*
Александр Яннай — *1, 2, 100, 101*
Иоанн Гиркан II — *3*
Маттафия Антигон II —*4*
Хасмонейские не определенные — *5, 6, 102–106*
Ирод I Великий — *249*
Ирод Архелай — *250*
Первое восстание — *106*
Агриппа II — *254*

2. *Римская империя*
Тит — *254*
Домициан — *251, 255*
Марк Аврелий — *7*
Каракалла — *252–253*
Макрин, или Элагабал — *116*
Филипп I Араб — *9*
Галлиен — *107*
Клавдий II Готский — *108*
Максимиан Геркулий — *10*
Константин I — *11–12, 109–110, 256*
Константин I, Крисп, или Лициний I — *257*
Лициний II — *13*
Семья Константина — *110*
Констант — *111, 258*
Констанций II — *14–18, 217, 258*
Констанций Галл — *19*
Юлиан II Отступник, или Иовиан — *112*
Валентиниан I — *20–22, 259*
Валентиниан II — *29, 113, 267– 269*
Феодосий I — *23–29, 113, 260–261, 267–270*
Аркадий — *29–31, 113–114, 262–270*
Феодосий II — *115, 271*
Валентиниан III — *272– 279*
Римские не определенные — *116–120, 259*

3. *Византийская империя*
Анастасий I — *32–34, 121, 280–284*
Юстин I — *37, 122, 285–290*
Юстиниан I — *38–40, 123–126, 218, 291– 298*
Юстин II — *41–47, 127, 219–220, 299–301*
Тиберий II — *48–49, 128–129, 302–306*
Маврикий Тиберий — *50–56, 66–67, 130–133, 221, 307–308*
Фока — *65*
Ираклий — *66–70, 222–230, 309*
Констант II — *71, 223–224, 310*
Византийские не определенные — *57–64, 311–315*

4. *Мусульманские подражания византийским фоллисам — 72–74*

5. *Умайяды — 134, 231–232*
Арабо-византийские — *75–83*
‘Абд ал-Малик б. Марван — *316*
ал-Касим б. ‘Убайдаллах — *92*
Эпиграфические — *84–91, 135–140, 317–318*

6. *Зангиды Сирии*
Махмуд б. Занги — *141*

7. *Аййубиды Алеппо*
ал-‘Азиз Мухаммад — *93*
ан-Насир Йусуф II (?) — *94*

8. *Мамлюки*
Бейбарс I (?) — *142*
Мухаммад I (3-е правление) — *143–146, 150–159, 319*
Ша‘бан II — *147, 233*
Хаджжи (1-е правление) — *234*
Баркук (1-е правление) — *148–149, 235*
Баркук (2-е правление) — *320–321*
Фарадж — *236*
Мамлюкские не определенные — *160–169, 237–248, 322–332*

9. *Государства крестоносцев*
Иерусалимское королевство
Балдуин III — *170*

Королевство крестоносцев на Кипре
Петр (Пьер II) — *333*
Крестоносцы не определенные — *171–213–334*

10. *Османская империя — 95–97, 335*
Махмуд II — *95, 96*
ʻАбд ал-Маджид — *97*
Мухаммад V Рашад — *335*

11. *Российская империя*
Николай I — *336*

12. *Британский мандат в Палестине — 98*

13. *Саудовская Аравия — 99*
Саʻуд б. ʻАбд ал-ʻАзиз — *99*

14. *Израиль — 337*

II. Географические названия

Александрия — *16–17, 57, 125, 131, 222, 225, 264, 297–298*
Алеппо — *см.* Халеб
ʻАмман (?) — *78*
Антиохия — *13, 15, 30–31, 49, 53, 65–66, 129–130, 215, 260, 290, 301, 304–305*
Арль — *109, 256*
Берит — *252–253*
Гераклея — *12, 111, 115, 262, 271*
Димашк — *79–80, 141, 143–146, 148, 151, 233, 235, 319*
Иерусалим — *см.* Элия Капитолина
Иерусалимское королевство — *170*
Израиль — *337*
Иудея — *8, 254*
Йубна (?) — *81*
ал-Кахира — *320–321*
Кесария Маритима — *7*
Кизик — *10, 15, 124, 217, 300, 307*
Кипр — *333*
Костантинийа — *95–97, 335*
Константинополь — *23, 32–36, 38–43, 50–51, 67, 71, 121–122, 218, 223–224, 280–286, 291–292, 299, 302, 309–310*
Людд (?) — *84*
Миср — *92*
Неаполь — *251*
Никомедия — *14, 44, 48, 52, 110, 115, 123, 128, 218, 288–289, 296, 303, 308*
Османская империя– *95–97, 335*
Палестина — *98*
ар-Рамла — *85–88, 135–137, 317*
Рим — *9, 11, 108, 112*
Российская империя — *336*
Самария — *7, 251*
Саудовская Аравия — *99*
Табарийа — *77, 89*
Траблус — *149*
Фессалоника — *19, 47, 287*
Филастин — *316*
Финикия — *252–253*
Халеб — *93–94, 234, 236*
Хама — *147*
Химс (?) — *75*
Элия Капитолина — *8*

2. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

Л.А. Беляев.

2.1. Архитектурные детали

Обзор и аналогии. Коллекция деталей, которые можно отнести к архитектурным и строительным, обширна, их учтено более пятидесяти. Весь строительный камень на участке — местного происхождения, это довольно пористый желтовато-серый известняк. Большинство деталей собрано в 2010 г., на поверхности участка или в отвале грунта от строительства музея. Однако Я.И. Смирнов описал еще стоявшие части колонн[570] (при наших наблюдениях одна зафиксирована в наклонном положении в профиле траншеи вблизи от здания Музея, к северо-востоку), а также упомянул одну колонну из мрамора.

В слое или в кладках, где они использованы как *spolia*, удалось найти всего несколько камней. Из них выделим три.

Единственная деталь, дошедшая до нас, возможно, *in situ* (использована вторично или в первоначальной конструкции), — база колонны в раскопе 4 (арх. № 12), установленная на двух квадрах в фундаментной забутовке стены (?) у крытого каменного водопровода. Профиль базы достаточно прост и сильно приплюснут: на довольно высоком плинте (19 см из общей высоты 35 см) два узких (вместе 14.5–16.0 см), ничем не разделенных валика, один над другим: нижний (d = 55.5 см) почти точно вписан в квадрат постамента (60×60 см), верхний меньше примерно на 10 см (d = 50 см). Высота подстилающих тесаных блоков камня — около 20–22 см, в плане они (вместе) равны площадке «постамента». Вся конструкция, вместе с капителью, стоит в фундаментном рву, заполненном мелким булыжником на растворе. Назначение конструкции неясно — безусловно, она служила опорой отдельно стоящего элемента (колонна? пилястр стены?), но в пространстве раскопа не отмечено аналогичных баз (правда, можно предполагать, что другие опорные точки были в нижней части устроены иначе, например как сырцовые постаменты).

Из камней, обмеренных на раскопе 2, отметим базу или капитель, оставленную пока в западном борту (без коллекционного номера, условный: № 45). Она самая большая из встреченных: диаметр — более 90 см; сохранившаяся высота — 40 см (верх обломан; низ, возможно, стесывался); профиль — классического рисунка: нижний, самый широкий торус (вал) высотой 10 см, через полочку переведен в высокую (около 20 см) скоцию почти неощутимой кривизны, утопленную в ствол примерно на 9 см (считая от выноса нижнего вала), а выше, на этот раз через скругленную полочку, в профиле выведен второй вал (диаметр и высота неясны). Возможно, часть камня, скрытая в стене, сохранилась лучше.

Еще один камень обнаружен в западной стене раскопа 2, где он вторично использован в поздней выкладке фундамента (исламский период?) и потому также не имеет коллекционного номера (условный: № 55). Это часть примитивного, но довольно крупного триглифа: прямоугольный камень выступает из стены на 17 см, его ширина по фасу — всего 20 см, высота — 35 см. Это не вся высота — низ камня аккуратно отесан, но верхний край хорошо сохранился и имеет ширину 7 см. На фасе вырублены две параллельные треугольные ложбинки шириной и глубиной 5 см каждая; промежуток между ними — 4 см; от краев камня до каждой ложбинки — 5 и 3 см соответственно. Камень вытесан очень аккуратно, ложбинки имеют строго прямые края и отлично выбранный дол. Аналогичные дорические триглифы от фриза «в сборке» найдены в пристроенной Александром Яннаем части дворца Хасмонеев (они принадлежали периптеру рухнувшего в бассейн Павильона[571]) и в постройках Ирода, прежде всего в комплексе дворца и мавзолея в Иродионе[572]. Триглифы особенно частый элемент и в архитектуре Иерусалима, встречаемый повсеместно, что отметил еще А.А. Олесницкий[573].

Остальные детали, как уже сказано, относятся к числу случайных находок. Бóльшую часть составляют остатки колонн. Многие стволы и барабаны колонн, а также базы использовали в строительно-хозяйственных нуждах неоднократно: в них множество врубок для крепления балок, сверлин для вставки ручек и тому подобных повреждений. В своем большинстве стволы не имеют энтазиса и редукции, так что верх и низ не всегда отличимы — аналогичным образом устроены многие колонны и в других памятниках (например «русский монолит» в Иерусалиме)[574].

---

[570] Там же: 140–142.

[571] Peleg-Barkat 2013: 237–238, ills. 10.4, 10.6, 10.7.

[572] Netzer 2001: Fig. 152, 153; Herod the Great 2013: 244–245, ill.

[573] Олесницкий 1878: 30.

[574] Колонна обнаружена в XIX в. при строительстве Русского городка за стеной Иерусалима и сейчас доступна обозрению. Она из цельного камня, с карнизами на обоих концах, так что верх и низ трудно определить (длина ок. 6 м, диаметр 2.45 м). В Мамилле известна цельная дорическая колонна полной длины, но суживающаяся кверху.

Детали из камня на разборочной площадке в саду Музейно-паркового комплекса, 2010 г.

Колонна с надписью по-арабски на торце ствола (Арх. 15).

Найденные стволы делятся по двум базовым диаметрам: первая группа близка к 0.9–1.0 м, вторая — к 0.6 м. Есть и третья, самая разнообразная группа барабанов, с малым диаметром (от 0.30 до 0.37 м), — возможно, первоначально они также соединялись в невысокие колонки.

Им отвечают (конечно, соотнесение абсолютно условно) капители нескольких типов и размеров: примитивные ионические (трех видов); маленькая деталь коринфской и др. Две капители, стоящие сейчас на столбах ворот Музейно-паркового комплекса, как это ни странно, могут оказаться тесно связанными с находками на участке в XIX веке. Августинович и вслед за ним Багатти сочли возможным даже включить их в свои обзоры как аутентичные элементы. Правда, отсутствие у капителей каких-либо повреждений слишком бросается в глаза — скорее это не сами находки, а их копии или реконструкции по образцам, полученным при работах 1880–1890-х годов (условно № 57 и № 58). Формы просты, но встречаются нечасто, изобрести их было бы сложно; к тому же в наших сборах есть фрагмент углового «рога» (арх. дет. № 46) от капители, аналогичной одной из надвратных, и целая капитель с каннелюрами, типологически близкая ко второй из них.

Остановимся на некоторых находках подробнее.

Базы можно разделить на довольно чисто тесанные с классическим профилем, упрощенные и абсолютно примитивные (профиль как таковой отсутствует), которых больше всего. Два последние варианта рассчитаны на обмазку, кое-где сохранившуюся (как и на стволах колонн), — широкое и мастерское использование обмазок для изготовления архитектурных обломов хорошо зафиксировано на дворцах Хасмонеев и царя Ирода.

Простейшие базы (или капители) состоят из плинта и на нем — усеченного конуса, без профилировок. Похожие встречаются и на других памятниках[575], подробно мы их не описываем. Отметим только, что в нашем случае диаметр основания конуса и сторона плинта совпадают по размеру, почти не образуя отступа. Два наших экземпляра (арх. № 10 и 11) разнятся по этому промеру незначительно: ок. 58 и ок. 60 см. Обе базы весьма массивны, высота лучше сохранившейся близка к 40–42 см. Третий экземпляр, под колонну диаметром ок. 50 см (камень поврежден, и точные размеры определить трудно), еще примитивнее. Это невысокий плинт (общая

[575] Например: Magen, Batz, Sharukh 2012: 457, fig. 30.

высота элемента 32 см), грубо вытесанный вместе с выступающим из него началом колонки; диаметр колонки существенно меньше стороны плинта (арх. № 14).

К более сложным базам относится уже описанный экземпляр с высоким плинтом и уплощенной профилировкой в два концентрически суженных валика (арх. № 12). Наиболее развитые базы имеют типичный для ионической детали профиль, как описанная выше база из западного борта раскопа 2 и довольно хорошо сохранившаяся база (арх. № 13) с почти идеальным набором профильных элементов, хотя и грубо вытесанных: невысокий плинт, на нем, с незаметным отступом, сама база: (а) мощный вал; (б) полочка с сильным отступом, выводящая в высокую и глубокую (в) скоцию; над скоцией еще одна, более артикулированная, (г) полочка и (д) второй вал, несколько меньшей высоты (в соответствии с уменьшившимся диаметром), выводящий к верхней плоскости уже без полочки. Разница верхнего и нижнего диаметра, при общей высоте базы 32 см, составляет 9–10 см (56 и 65 см соответственно).

Фрагмент резной капители коринфского стиля (арх. дет. № 9).

Стволы колонн специально не описываем, но отметим, что некоторые достаточно высоки и вытесаны сразу с валом для соединения с базой — вполне обычная практика[576]. Так, часть колонны (арх. дет. № 15, на основании которой выбита арабская надпись) имеет высоту 138 см при верхнем и нижнем диаметре 55–56 и 58–60 см соответственно, причем вал достаточно высокий (10 см), хотя и не слишком рельефный. Подобная же нижняя часть колонны (арх. дет. № 16), несколько меньше в диаметре (52 и 56 см) и, соответственно, не так высока (117 см); в ее основании скорее отлив, чем вал. Колонны таких размеров вполне сопоставимы по диаметру и пропорциям с базами (например, арх. дет. № 12) и самыми крупными капителями (арх. дет. № 8 и капители над воротами). Полная высота ствола при этом окажется не менее 265–270 см, а полная высота в сборке — не менее 320 см. При всей условности такой реконструкции, она дает представление о возможном размере опоры.

Есть и барабаны, подходящие по размеру к маленькой капители — это уже упоминавшиеся невысокие (30–32 см) камни с диаметром ствола 33–37 см и с квадратными вырубками-гнездами по центру (обычно снизу и сверху). Многочисленные на участке, они могли быть принесены из дворцовых комплексов для вторичного использования в хозяйственных механизмах; аналогичные достаточно многочисленны в раскопках дворцов Хасмонеев и Ирода Великого.

Переходя к **завершениям колонн**, отметим прежде всего практически целый экземпляр псевдоионической капители (арх. дет. № 8), причудливо соединяющий в себе и собственно капитель, и верхнюю часть слившегося с ней ствола. На стволе изображены каннелюры — именно изображены, так как в коротких, узких и мелких вертикальных нарезках трудно опознать дериват классического оформления фуста; ниже ствол «колонны» сужается и делается гладким. Количество нарезок (38) не отвечает правилам построения ордера (должно быть 24). Противолежащие волюты оформлены как свитки папируса и резко перехвачены посредине лентой. На полукруглых выносах торцевых сторон глубокими граффити намечены соединительная балюстра и «цветок лотоса» (оформление, напоминающее о древнейших формах ионического стиля, но возникшее при его варваризации)[577]. Абак выраженный, гладкий, без расширения. Овы полностью отсутствуют. Аналог — правая по входу в МПК капитель, имеющая ту же форму, но еще более простая — на ней нет никаких нарезок и граффити, но верхняя треть фуста отделена тонким валиком.

В известных мне материалах других памятников точного подобия такой капители нет, хотя всевозможные производные от ионических капителей, еще более простые и переработанные, чем в Иерихоне, довольно многочисленны, причем среди них есть, видимо, сравнительно ранние

[576] Ср. колонны и их части, иногда вытесанные вместе с базой и роскошно расписанные по обмазке: Herod the Great 2013: 152, ill.; Magen 2012a: 70–71, pl. 1 (1–3), 3–4; Magen, Batz, Sharukh 2012: 458, fig. 31; верхнюю часть ствола могли, соответственно, тесать вместе с подобием капители.

[577] Изображения на капителях цветка лотоса/лепестков лилии распространены в пластике Палестины римского периода.

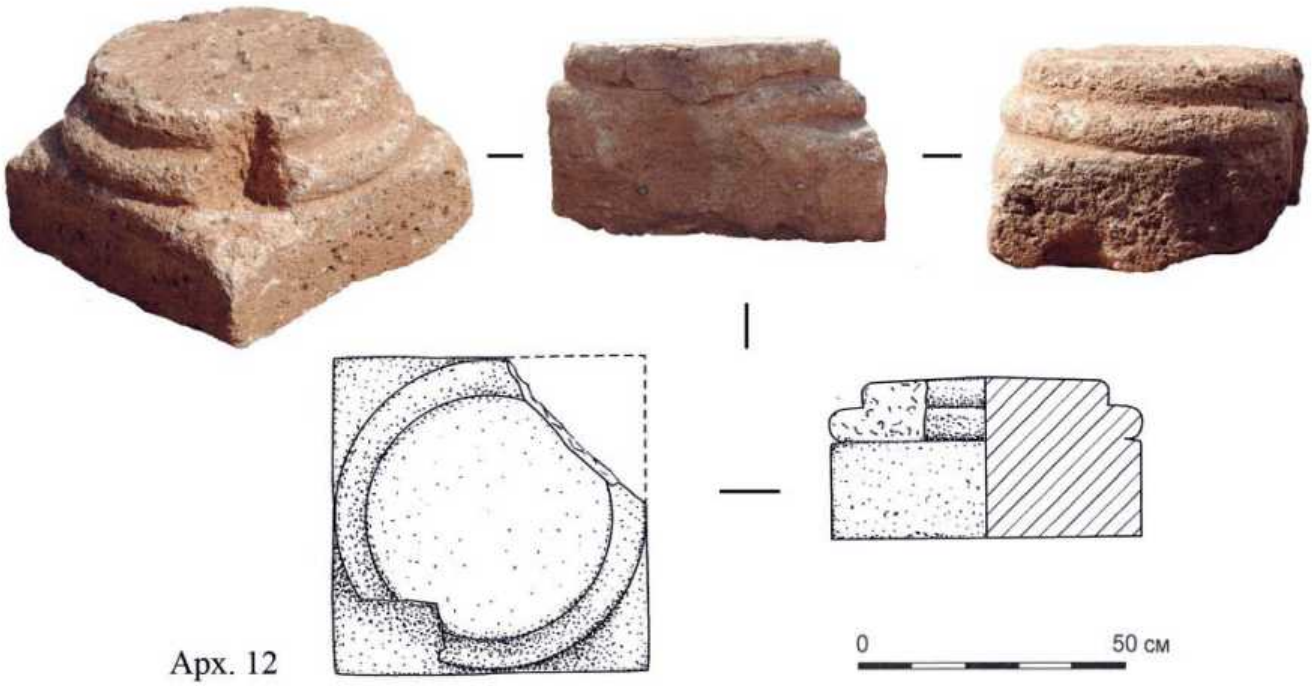

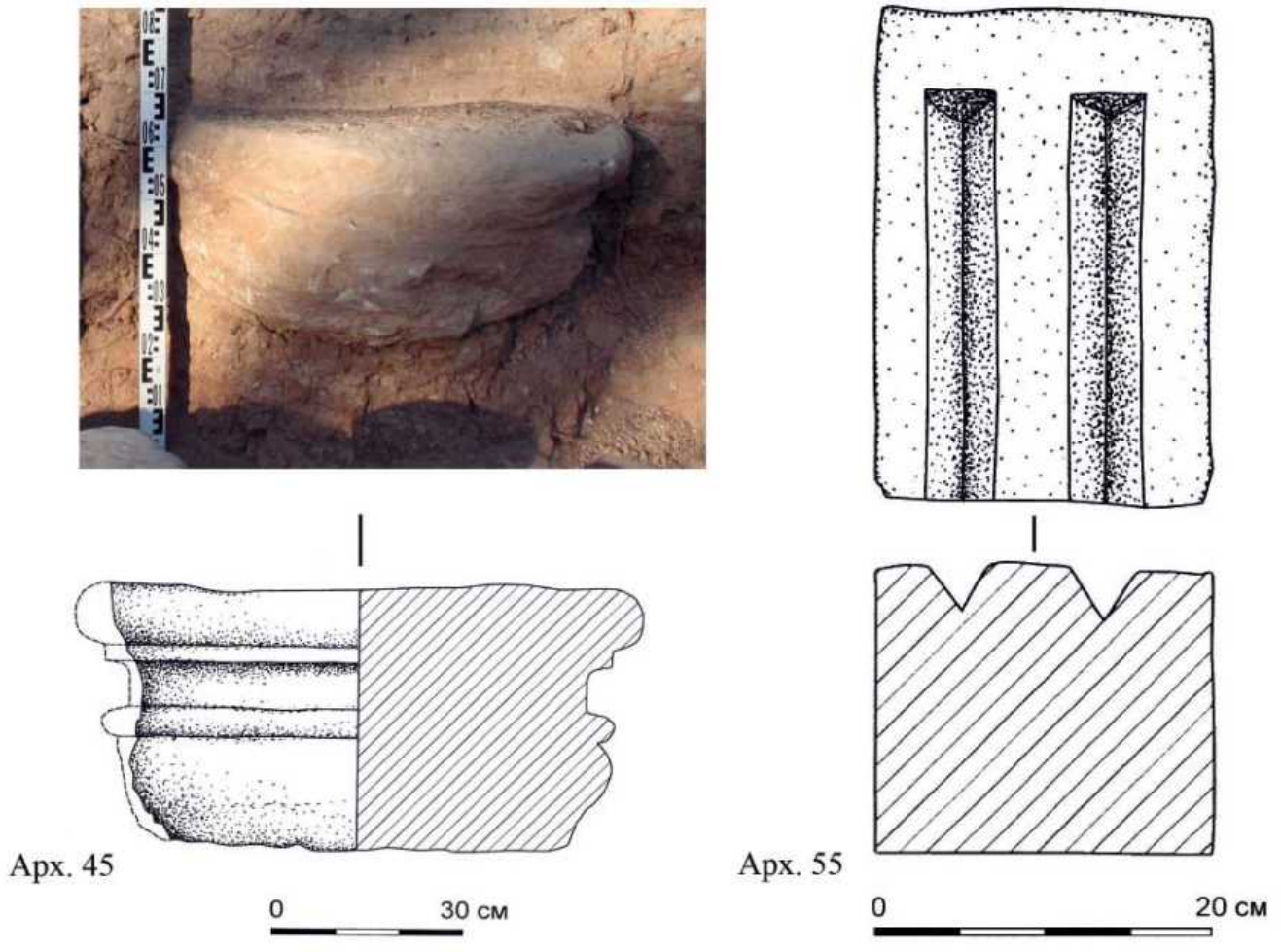

Изделия из камня: а — базы колонн и бытовые изделия на разборочной площадке; б — конический нижний жернов мельницы из вулканической породы (арх. 43); в–г — *mortarium* из базальта (арх. 48).

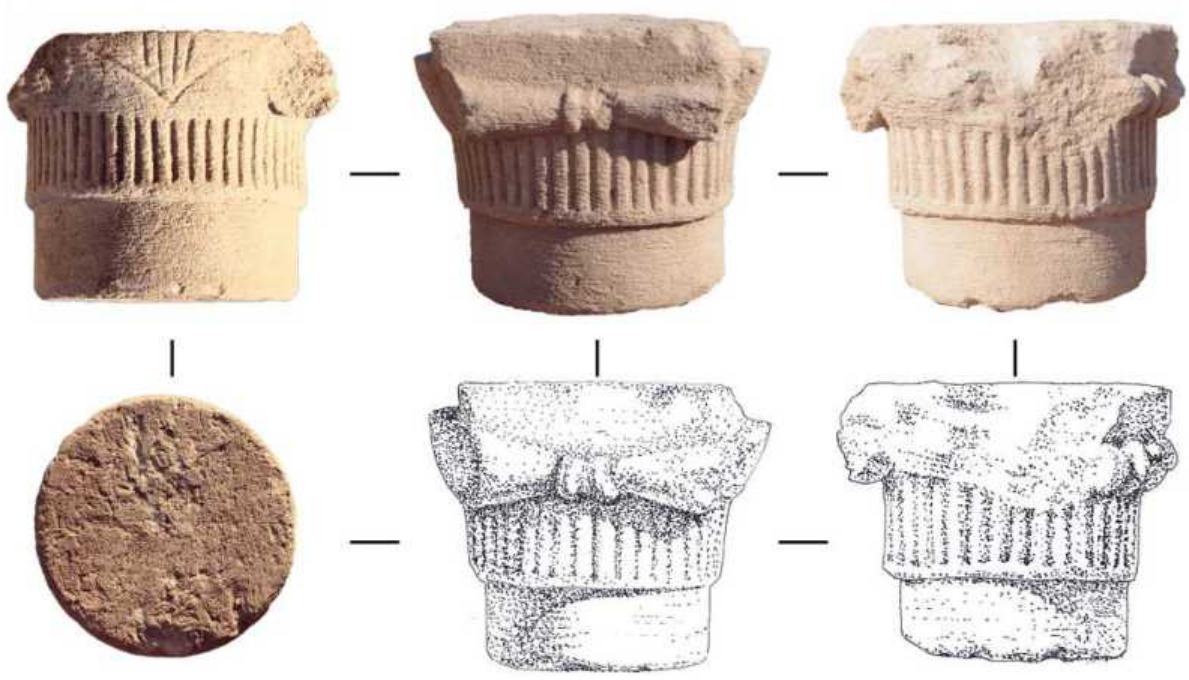
Архитектурные детали в раскопах 2/B и 4/D.

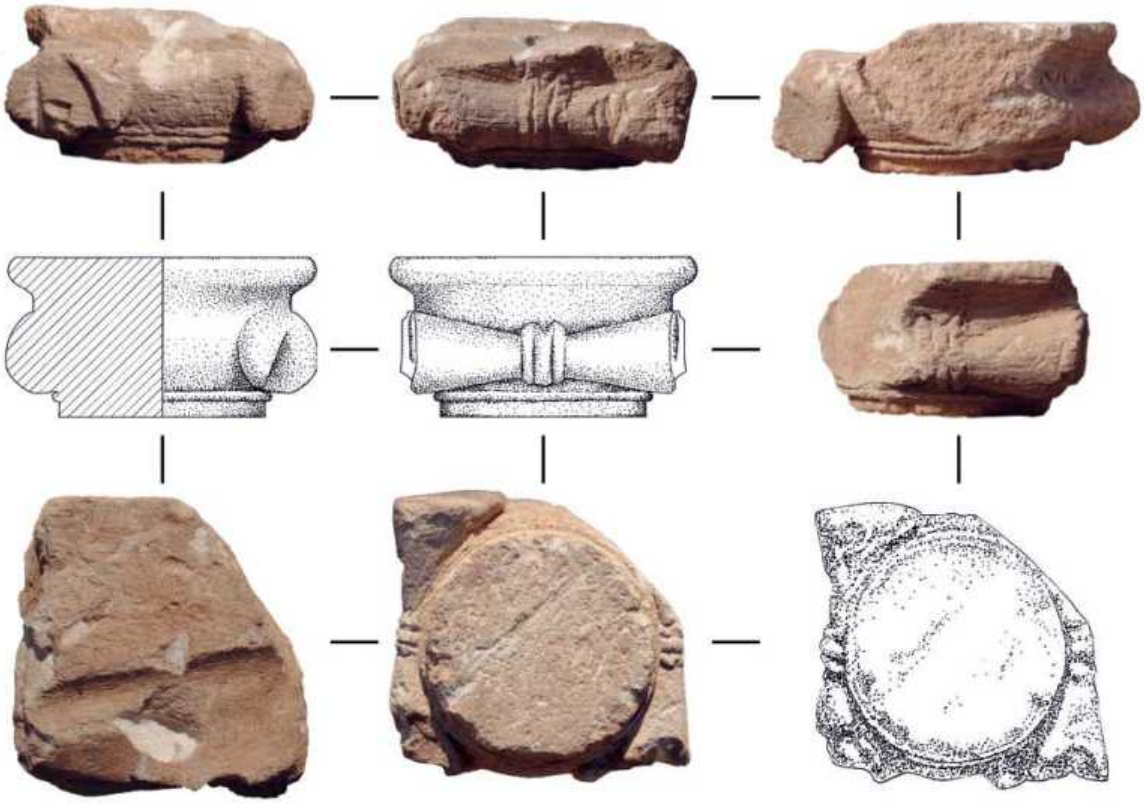

Капители на пилонах ворот МПК РФ

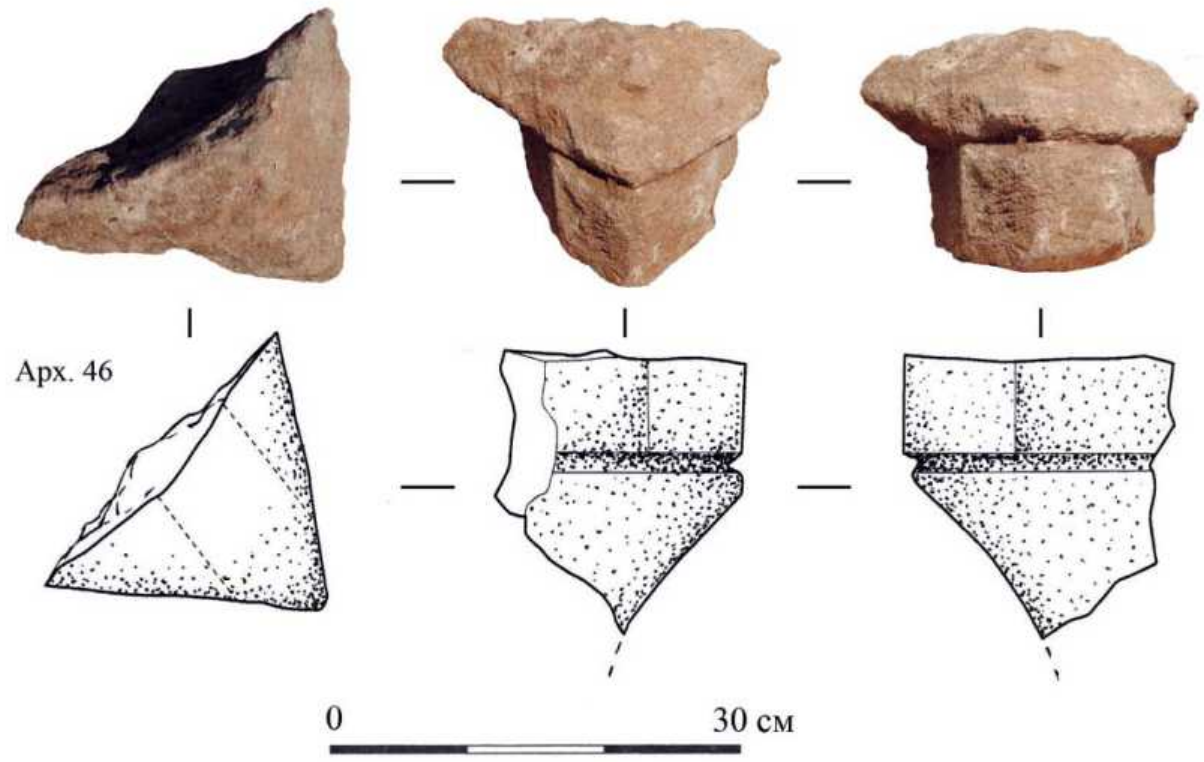
Арх. 8

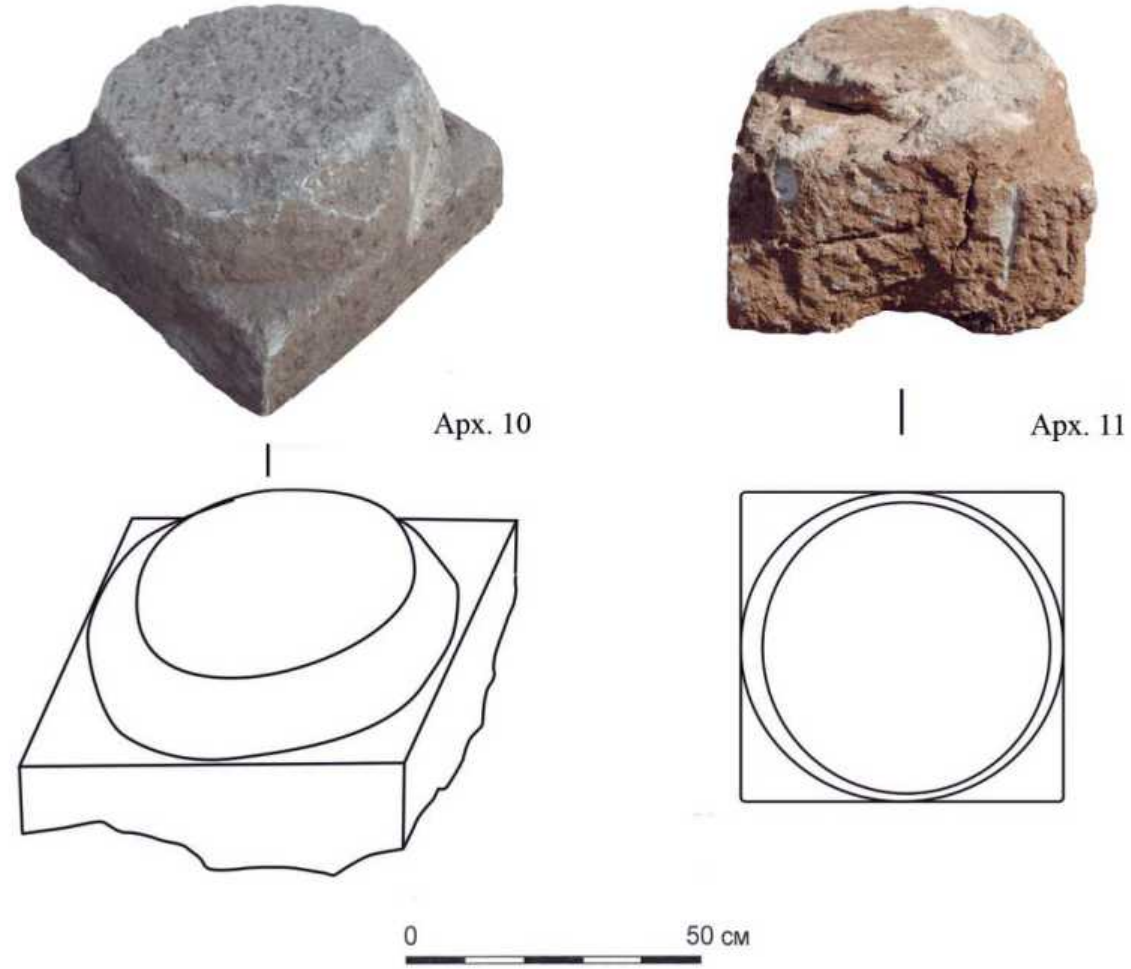

Арх. 9

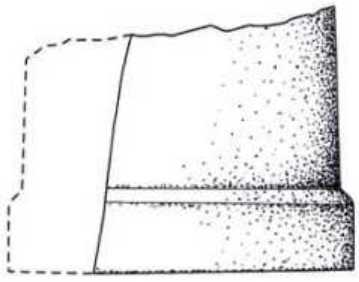
Архитектурные детали: капители.

0 50 см

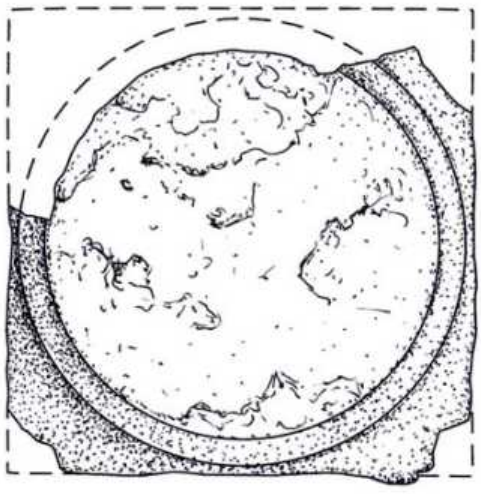

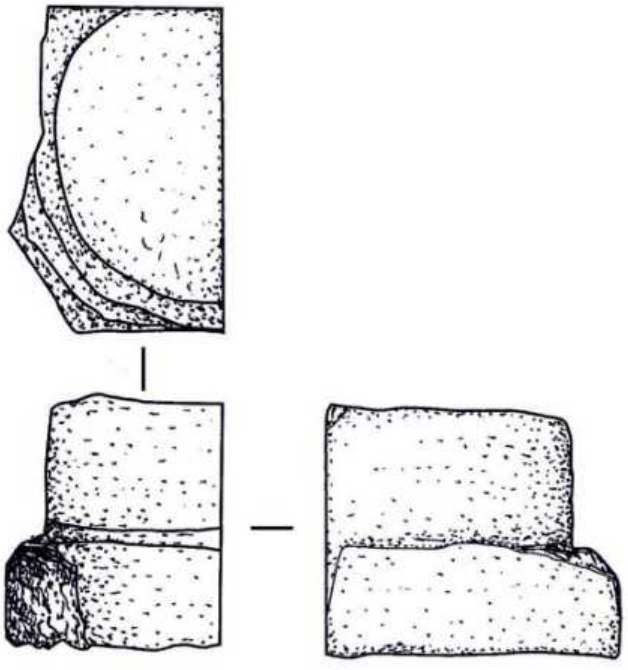
Архитектурные детали: фрагмент капители и примитивная база.

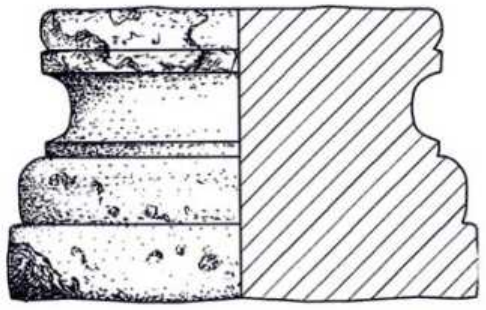
Арх. 27

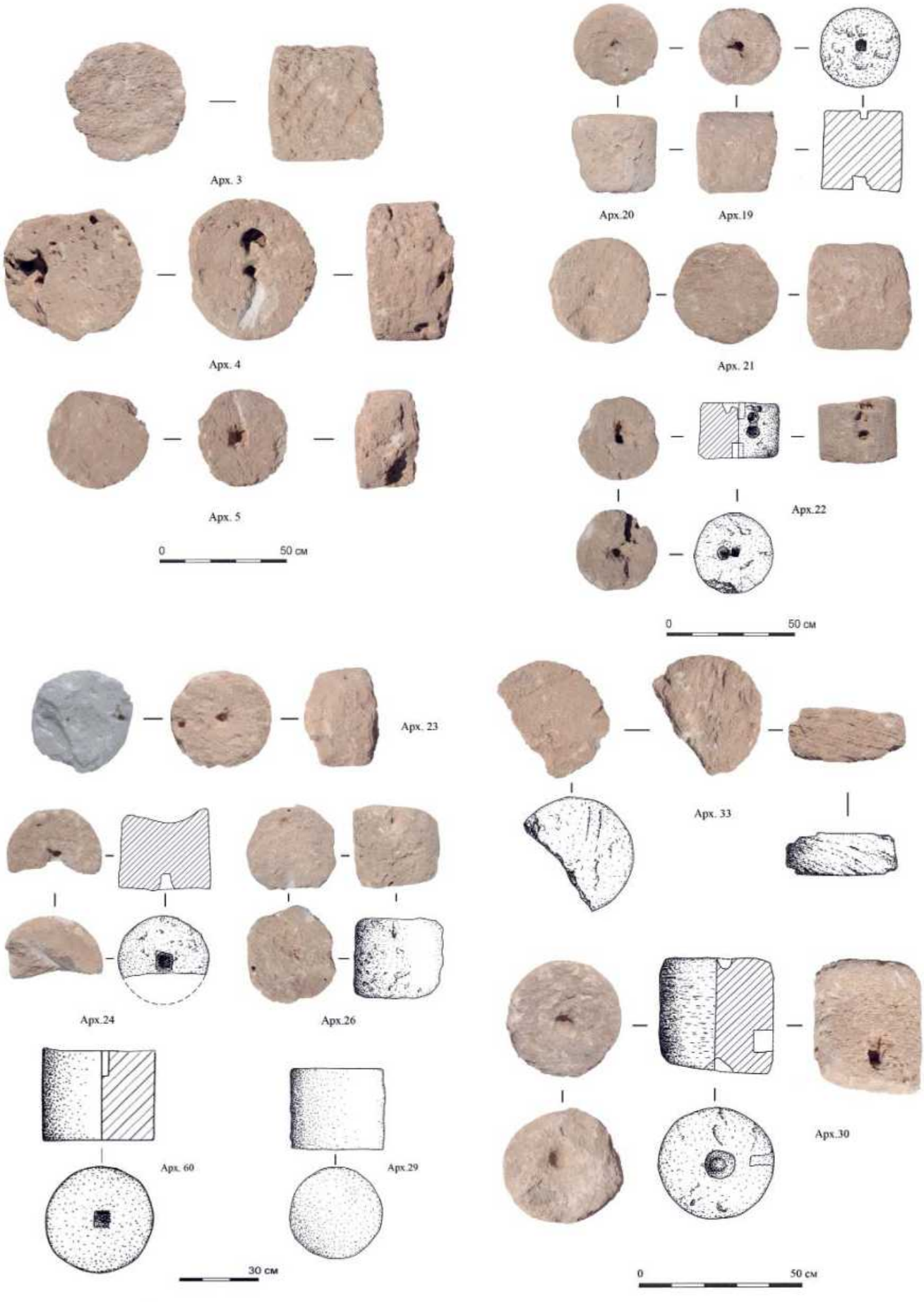
Арх. 14

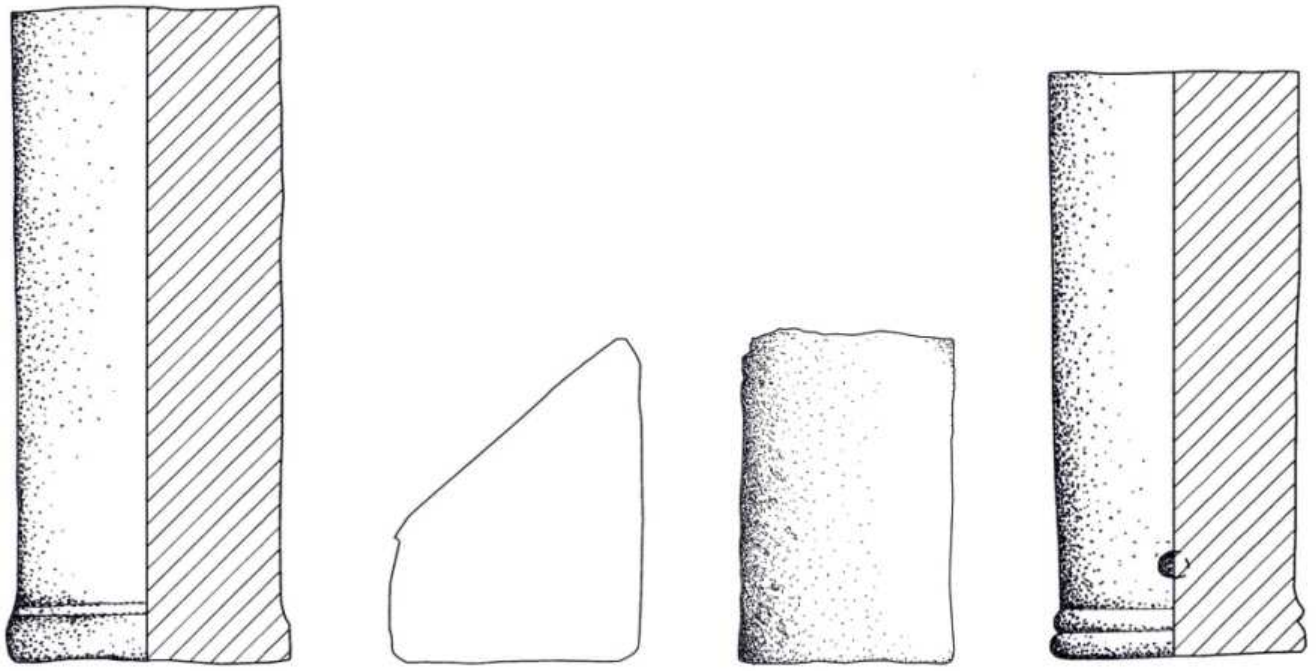
Арх.13

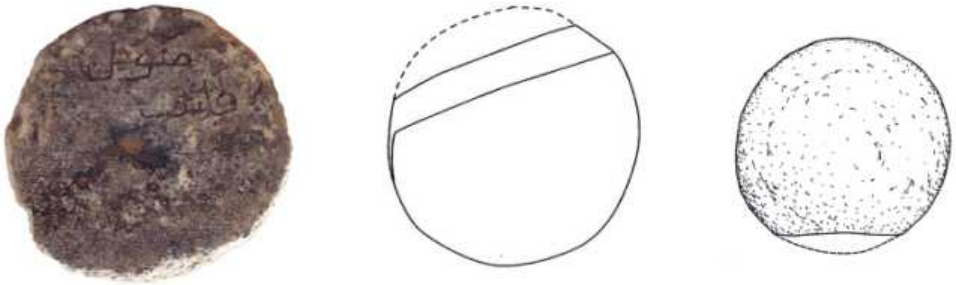
Архитектурные детали: базы колонн.

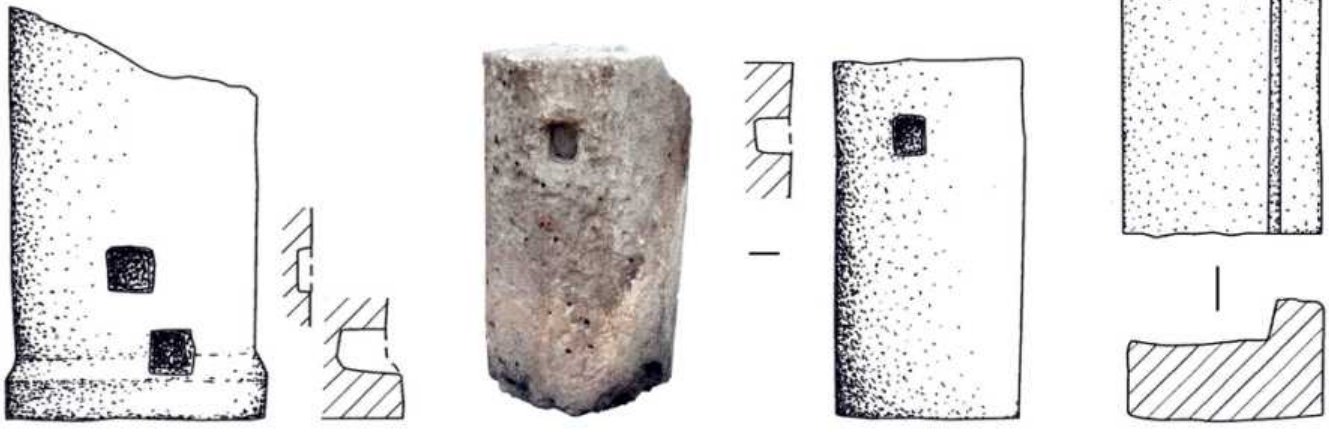
Архитектурные детали: барабаны колонн.

Арх. 16

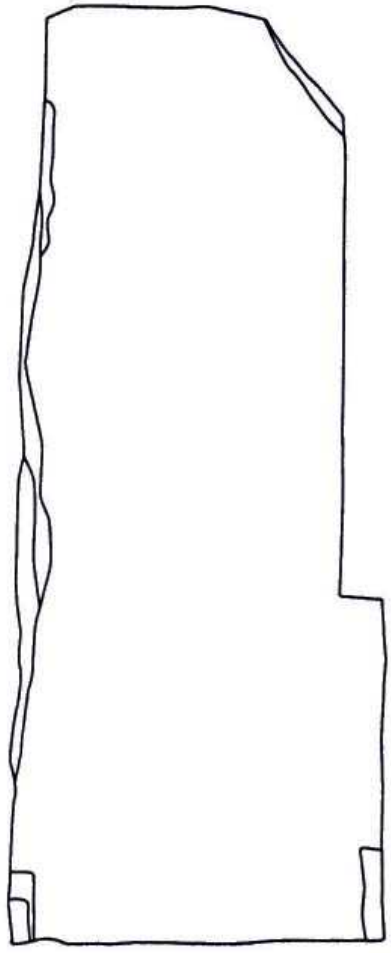
Арх. 15 Арх. 28 Арх. 63

Арх. 17 Арх. 18 Арх. 61

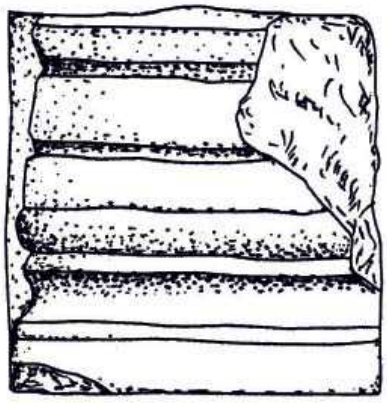
0 50 см

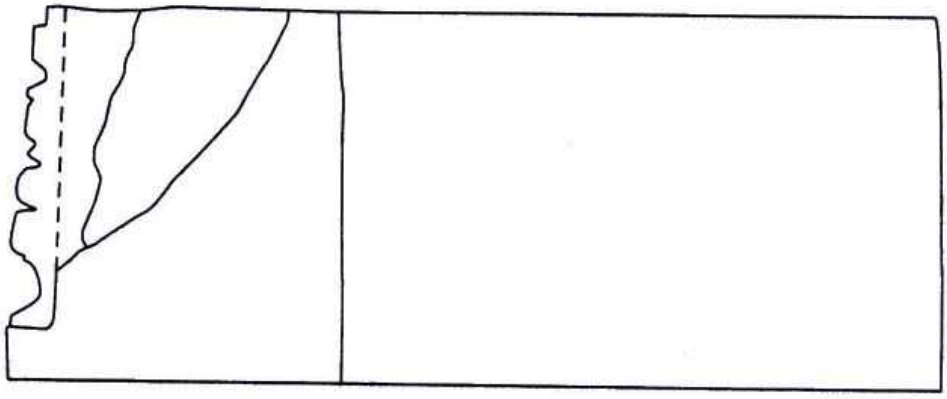
Архитектурные детали: стволы колонн.

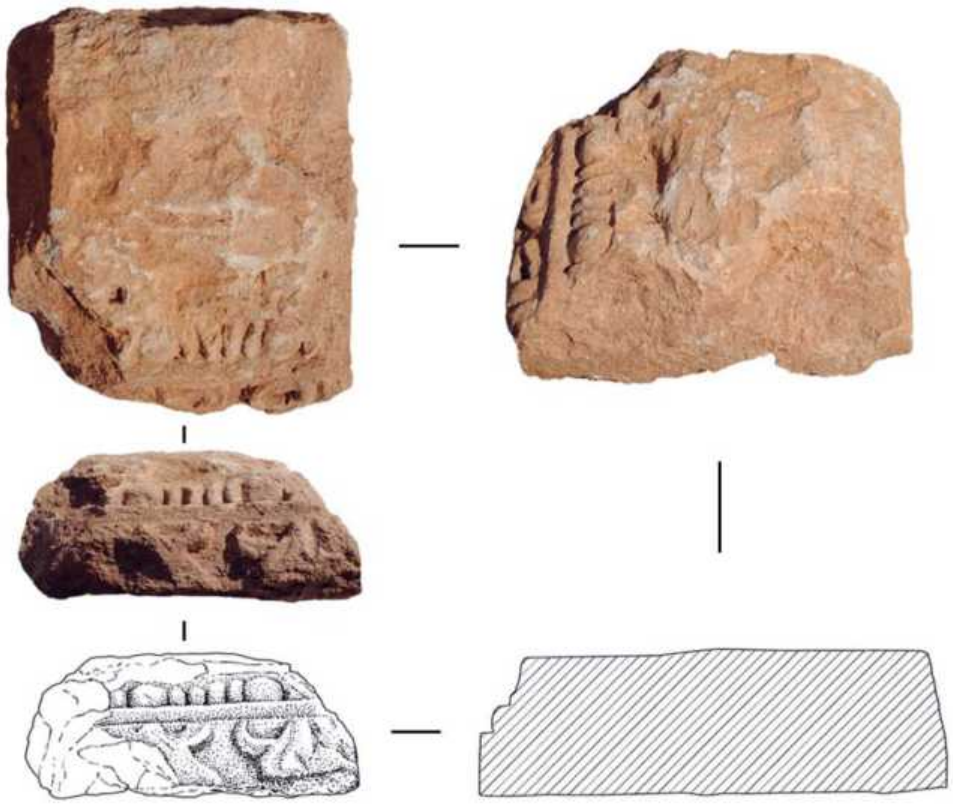
Арх. 6

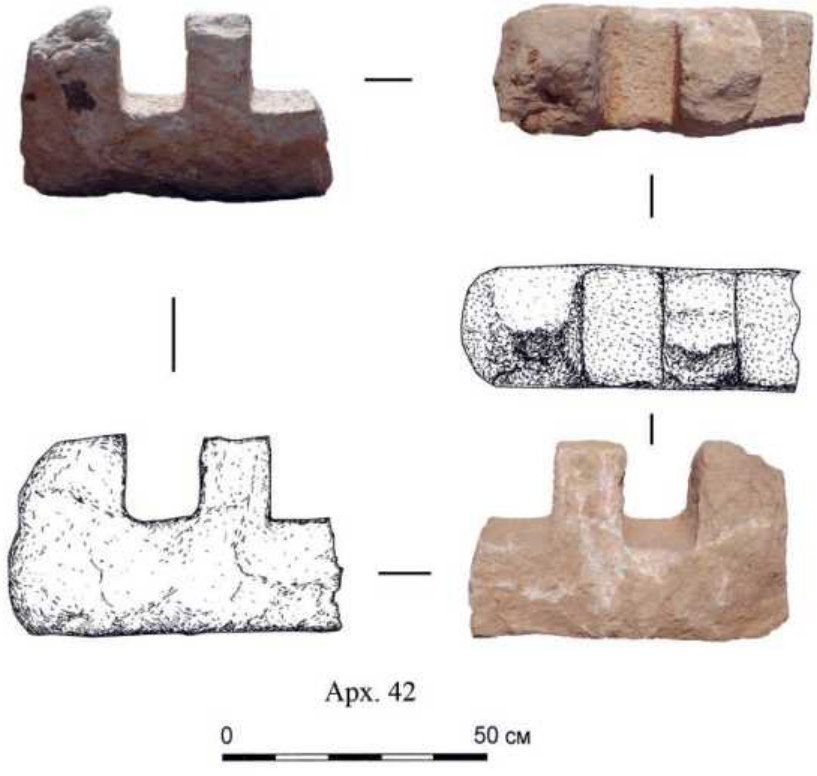

0 30 см

Архитектурные детали: цоколь боковой пилястры портала.

Архитектурные детали: часть резного обрамления (портал?) и зубчатый элемент (карниз?).

(V–VI вв., Хирбет Абу Риш, монастырь в Хирбет Умм Деймине) и совсем поздние (рубеж VII–VIII вв., Аристобулиас/Хирбет Истабул)[578]. Следует отметить, что в этих случаях на многих капителях нарезаны, в разных сочетаниях, кресты, которых на капителях Иоасафовского участка нет — за исключением упомянутых Яковом Смирновым и одной капители из красноватого камня, отснятой до начала строительных работ и позже, видимо, утраченной.

Несколько проще обстоит дело с поиском аналогов для примитивных композитных капителей «с листьями», которые на Иоасафовском участке представлены копией на левом (по входу) пилоне ворот и одним фрагментом угла, найденном в ходе наших наблюдений (см. арх. дет. № 46). Аналоги есть во многих местах, в их числе — небольшие капители для литургических устройств (алтарной преграды и др.)[579]. Такие капители удобны как несущий элемент и довольно эффектны, причем для их изготовления не требуется владение техникой сложной резьбы.

В сборах на участке представлен и третий вид капители (арх. дет. № 9bis), несомненно также псевдоионической, но существенно меньшей по размеру, чем вышеописанные. Эта небольшая плоская (высота 22–23 см, включая низкий абак и выраженный переход к стволу) капитель для колонны с диаметром фуста около 30 см при максимальной ширине абака 40–42 см. Вполне выраженные волюты, артикулированно перехваченные лентой, на торцах вырезаны без спирали, а обрамление их внутренних краев при переходе к подушке выглядит как род «сталактитов», выступающих из фаса гораздо сильнее, чем торцы самих волют, которые искусственно укорочены.

Наконец, очень важно присутствие совсем маленького фрагмента изделия совершенно иного художественного уровня — это резная деталь капители коринфского стиля, также сделанной из местного камня, но очень тонко и искусно проработанной (арх. дет. № 9).

К несомненно архитектурным находкам относится и нижний угловой камень портала с сухим дробным профилем. Этот профиль насчитывает не менее шести элементов (плинт, скоция, два валика и т.д.) при высоте 40 см, причем они очень неглубокие. Перед нами еще одна база, пусть очень примитивная, для обрамления, фланкирующего вход.

Интересный камень представляет, видимо, перекрытие портала или антаблемент (конечно, не обязательно от той же постройки), причем опять в ионическом стиле, наиболее распространенном в Палестине. Это фрагмент архитрава (?) с мелкими овами и, на скосе, остатками рельефного орнамента растительного (?) характера (арх. № 34); аналогичное использование ионического орнамента в сочетании с растительными мотивами встречаем, например, в мавзолее царя Ирода в Иродионе[580]. По-видимому, самое время вспомнить слова, написанные еще Н.П. Кондаковым и вынесенные в качестве эпиграфа данной главы.

Наконец, отметим, что единственный пока на участке пример лапидарной эпиграфики связан с колонной: это раннеарабское граффито на срезе барабана, разумеется, нанесено уже после исключения колонны из кладки. Надпись представляет два арабизованных имени, хотя каких точно — неясно (в первой строке читается «Джабраил» или «Самуил», во второй, вероятнее всего, «Филипп»). Дата надписи — не ранее VIII в.[581]

На грани между архитектурными деталями и хозяйственными предметами из камня располагается несколько изделий не вполне понятного назначения. *Во-первых*, это фрагмент крупного артефакта в виде балки с прямоугольными «зубьями», которых было не менее трех, но полностью сохранилось два (арх. дет. № 42). Возможно, это часть невероятно тяжеловесного и грубого зубчатого карниза (нечто подобное, хотя и в низком рельефе, встречено, например, в Хирбет Умм Деймине[582]). Но не исключено и неизвестное нам техническое назначение.

Кроме того, в траншеях и на участке собрано несколько крупных булыжников с выемкой, поверхность которой сильно затерта (арх. дет. № 36, 38 и др.). Это могут быть как камни для растирания или ступки, так и подпятники для вращения дверей; иногда для них вторично (уже неизвестно в который раз) использовали обломки и небольшие барабаны колонн (арх. дет. № 25, 31 и 37; Тр.1/9 и др.).

Ряд известняковых блоков, в которых вытесаны емкости, не подходят ни для растирания или толчения, ни в качестве опорных элементов конструкции — по-видимому, это небольшие технические емкости («бассейны» в английской археологической терминологии) или упоры-«башмаки»

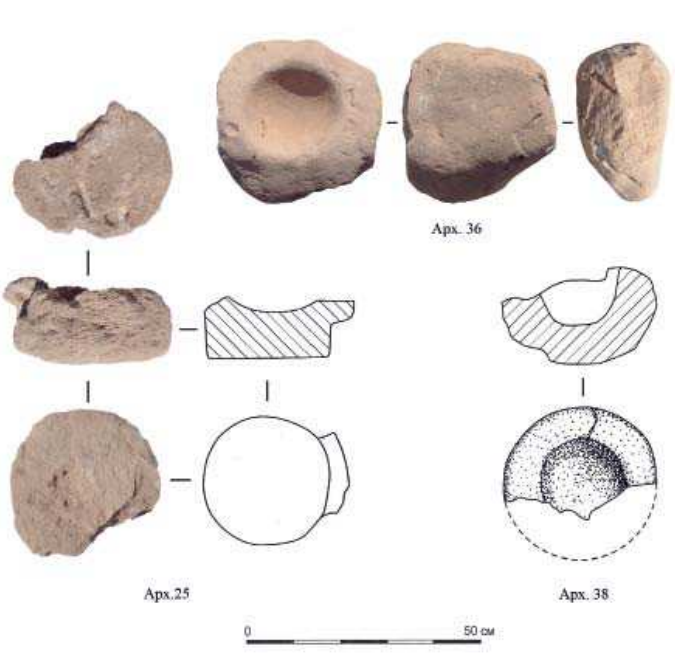
[578] Magen, Baruch 2012: 185–202; Magen, Batz, Sharukh 2012: 459, fig. 32; Peleg, Batz 2012: 316, fig. 17.

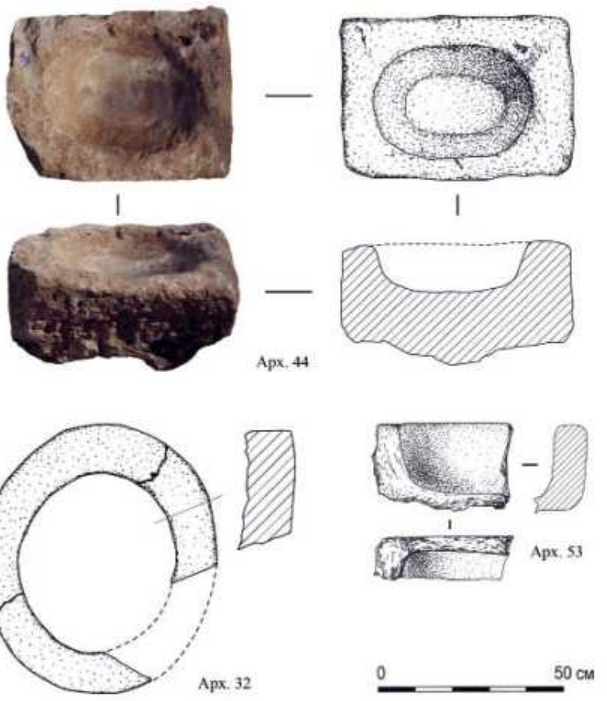
[579] Magen 2012a: 68–69, pl.1 (1–3), 2; Magen, Batz, Sharukh 2012: 460, fig. 33 (1–2); Magen 2012b: 288, fig. 49.

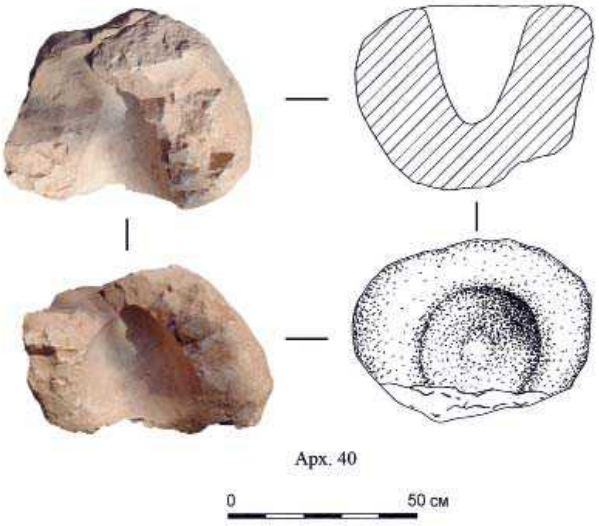
[580] Herod the Great 2013: 249–252, ill.

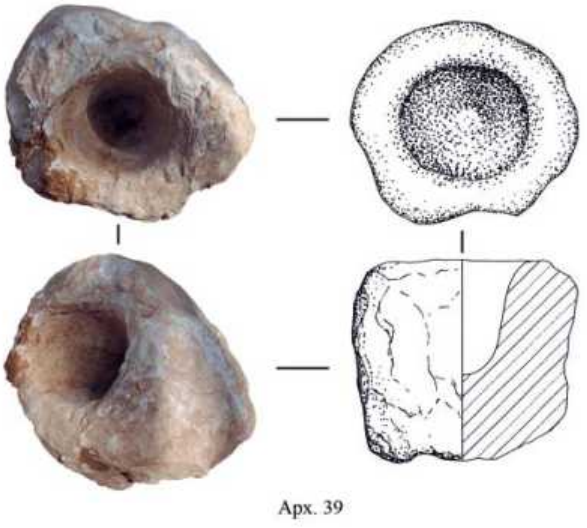
[581] Благодарю за консультации зарубежных и российских семитологов: главного арабиста отдела семитских языков Гарвардского университета профессора Вольфарта Хайнрихса; профессора Оксфордского университета Роберта Хойлэнда; профессора Университета штата Мэриленд Роберта Фрадкина; профессора принстонского Института передовых научных исследований, ныне покойного Олега Грабара, а также эпиграфиста-ориенталиста Илью Владимировича Зайцева (Институт востоковедения РАН).

[582] Magen, Batz, Sharukh 2012: 460, fig. 33–3.

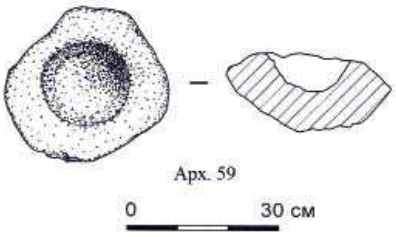

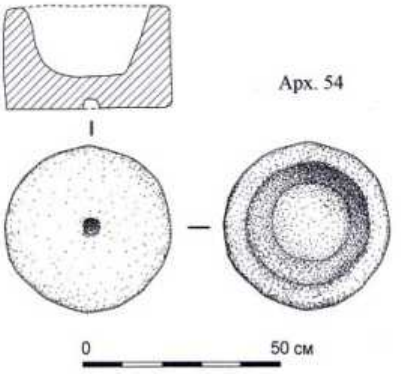

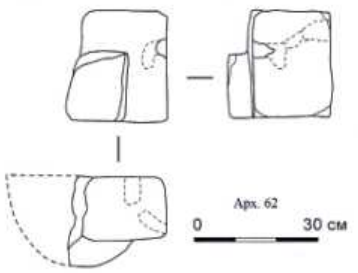

Строительные и бытовые детали: камни-подпятники, ступки, детали мельниц и др.

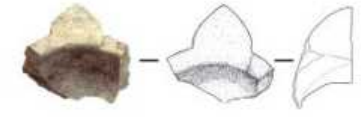

Арх. 62
0
30 см

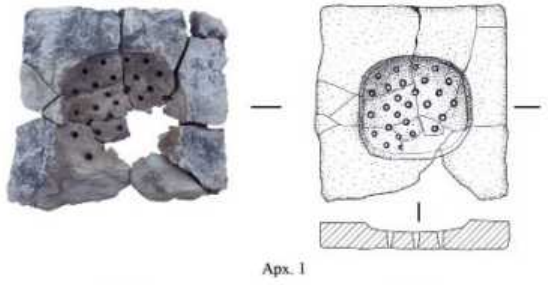

Арх. 41
0
50 см

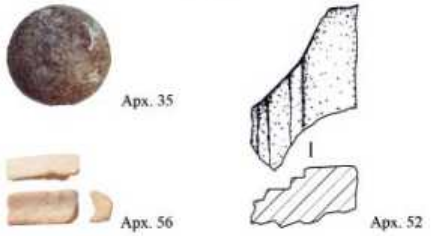

Арх. 51
0
20 см

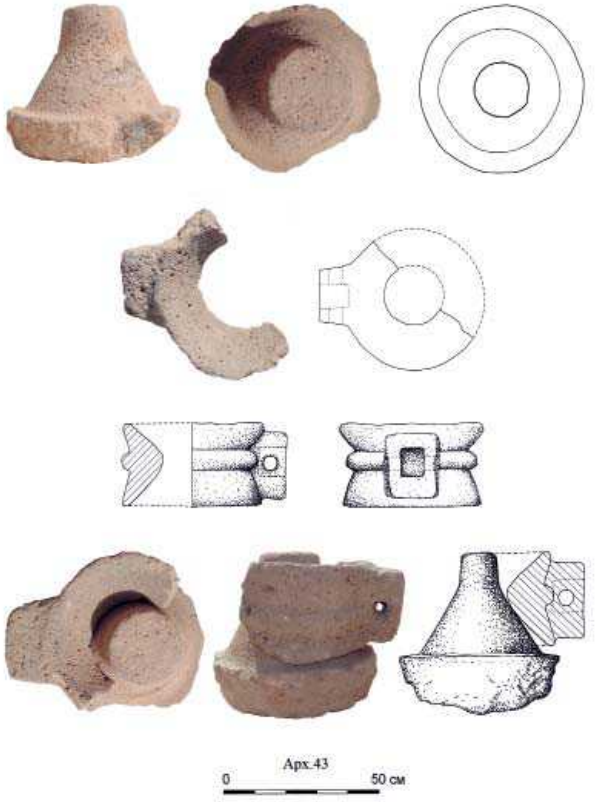

Арх. 48
Арх. 50

Арх. 49
0
50 см

Арх. 2

Арх. 1

Арх. 35
Арх. 56
Арх. 52
0
20 см

Арх.43
0
50 см

(арх. дет. № 44; деталь из раскопа 5/ Е). К элементам инфраструктуры относится и каменное кольцо (точнее, эллипс) — край отверстия колодца или цистерны (аналогичные края подземных емкостей сохранились на участке *in situ*).

2: 2. Бытовые изделия и части инфраструктуры

Среди бытовых изделий мало предметов, заслуживающих специальных комментариев. В основном это детали камней для растирания и ступок, мельниц, возможно — укатчиков, грузов, подставок и т.п., сделанных из сравнительно тонких колонн, и, кроме того, каменная посуда. Камни-ступки исключительно разнообразны. Кроме упомянутых выше камней, похожих на подпятники, с неглубокой гладкой выемкой, встречены два высоких (50 см и более) камня из зернистой, хорошо полирующейся породы, напоминающей мрамор; в них выдолблены залощенные глубокие (30 см) и широкие (30 см) лунки, позволявшие толочь содержимое не пестиками или курантами, а шестами или чем-то подобным (арх. дет. № 39 и 40). Найдены также части чрезвычайно характерных небольших двусоставных «римских» мельниц с приводами для их вращения животными, обычно ослами (одна археологически целая, арх. дет. № 43; от второй — верхушка нижнего жернова, арх. дет. № 7; такая часть целиком отмечена на участке еще до раскопок). Эти мельницы традиционно делали из пористой черно-серой вулканической породы; из нее же — и некоторые обычные, плоские, жернова (арх. дет. № 41).

Особую группу изделий составляют ступки, пестики и куранты из твердого камня (гранита, базальта и т.п.). Среди них — ступка небольшой емкости на высокой ножке (для пряностей и других добавок малого объема?) и трапециевидный в сечении камень-курант (базальт) с сильно затертой нижней поверхностью (в коллекции под одним номером: арх. дет. № 51 = Х/36). Интересен крупный Г-образный базальтовый пест-курант, залощенный как в нижней плоскости ножки, так и в боковой (арх. дет. № 49 = О/35). Из твердого базальта изготовлен и найденный вместе с пестом *mortarium* с отлично выполненным сливом и тремя очень характерными ручками-опорами (по бокам от оси слива и напротив него); у него исключительно тщательно, до блеска затерты все внутренние поверхности и край, но боковые стенки и дно даже не обтесаны начисто (арх. дет. № 48 = О/34). Среди фрагментов есть вертикальные стенки больших блюд или *mortaria*, сделанных из черной сланцевой породы или базальта (арх. дет. 50 = О/7 и О/8), а также стенки ступок, чаш или ваз светлого, немного прозрачного камня, вероятно мрамора или гипса (арх. дет. № 2 = О/5 и арх. дет. № 56).

Раскоп 4/D. 2010 г. Гирьки весом в 3 и 1 номизму (D-82, D-41).

3. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

Л.А. Беляев

Металлические изделия, почти исключительно медные или бронзовые (железо и свинец встречаются очень редко), чрезвычайно важны для характеристики культурно-исторической ситуации изучаемого комплекса. Среди них выделяется ряд предметов-маркеров, характеризующих религию и бытовую культуру жителей участка в византийскую и раннеарабскую эпоху.

Эффектный комплекс из двух таких предметов найден в южной части раскопа 2, над полами, в завале сырцовых стен со следами пожара (слой разрушения), — возможно, это специально собранный, но утраченный клад. В его составе — церковное кадило и лампа для канделябра.

Полусферическое кадило на трех ножках и трех цепях, в составе которых — плоские крестики с кружками на углах расширенных ветвей, типично для Сиро-Палестинского региона[583]. Очень большая (на 300 граммов масла) лампа с ручкой из спиралевидно закрученных побегов, возможно в прошлом с навершием в форме креста, в целом соответствует типу церковных ламп на подставках[584]. Подобная лампа, датированная VI веком, но отложившаяся в слой землетрясения 749 г., известна по раскопкам в Скифополе/Бет-Шеане. Шуламит Хадад[585] приводит в качестве аналогов египетскую лампу из Дамбартон Оакс (отнесена Марвином Россом к VI в.[586]) и Британского музея (сохранился крестик, в иных случаях утраченный[587]).

Оба предмета хорошо вписываются в состав коллекции металлических изделий, собранных в 1880-х–1890-х гг. на Иоасафовском участке, которая известна по снимку (один из сделанных Смышляевым?), а также благодаря визуальному знакомству с предметами, находящимися на Александровском подворье в Иерусалиме[588]. Среди них отметим еще одну кадильницу, более распространенного типа — без ножек и, вероятно, несколько большего размера, с рельефной проработкой наружной поверхности; небольшую лампу (тоже с ажурной ручкой) и, главное, три подставки-канделябра, самый большой из которых, возможно, подошел бы к лампе, найденной в 2010 г. Все они, вероятно, собраны в том же пожарном слое, который был в 1880-х — начале 1890-х годов гораздо обширнее, чем в 2010 г.

До получения новых и лучше датированных аналогов представляется возможным присоединиться к датам М. Росса и Ш. Шадад, отнеся лампу и кадильницу, найденные в 2010 г., к VI–VII вв. и допустив их выпадение в слой в связи с землетрясением 749 г.

К числу христианских предметов относится также крестик-тельник (раскоп № 5) чрезвычайно широко распространенного и легко узнаваемого типа. Подобные встречаются в Восточном Средиземноморье на пространстве от Египта до Крыма и чуть ли не по всей Европе как один из самых древних типов нательных крестов (возможно, первый тип, имевший массовое распространение)[589]. Найденный крест практически равноконечный, с равномерно расширяющимися концами и циркульным композициями на всех ветвях и в перекрестье (их считают имитацией камней или эмалей). Составленная на основе находок в Крыму типологическая таблица позволяет отнести такой вариант (внутри типа 3) [590] ко второй половине VI — первой половине VII в., хотя существует он и позже. Не ставя целью собрать все известные примеры, укажем на близкие по форме изделия в Эски-Кермене (Крым), Богазкёе (Анатолия), Элеусе/Себасте (Киликия), Бейт Анун и Анаб эль-Кабир (Палестина), Кесарии Приморской[591]. Недавно на раскопе «Гивати» в Иерусалиме обнаружены подобные крестики, датированные концом VI — началом VII вв.[592]

Возможно, к числу предметов христианского богослужения следует отнести — как лопатки для ладана (?) — миниатюрные ложечки на сравнительно длинных ручках, хотя с тем же основанием их рассматривают как предметы личной гигиены: копоушки, туалетные лопаточки и т.п. (B-32, E-35 и два маленьких фрагмента, которые можно причислить к ним гипотетически: E-33 и E-271).

---

[583] Виды кадильниц из бронзы в Палестине см.: Cradle of Christianity 2000: 101.

[584] Ср. коллекцию христианских ламп IV–VI столетий в собрании Эрмитажа (Залесская 2006: № 212–222) и в Музее Израиля (Cradle of Christianity 2000: 107).

[585] Hadad 1997: 182, ill. 54.

[586] Ross 1962: Pl. XXVIII, 38.

[587] Dalton 1921: Fig. 9.

[588] В настоящее время эти предметы бессистемно выложены в шкафы-витрины церкви на Александровском подворье, их состояние явно требует скорейшей консервации.

[589] Мусин 2006: 175–176, где дата крестов этого типа расширена до X–XI вв., что нуждается в проверке.

[590] Khairedinova 2012: 420, fig. 2.

[591] Ibid.: 424, fig. 5 — 1,2,1a, 2a; Bohlendorf-Arslan 2012: 351–368 Abb. 15, — 21 et al.; Ferrazzoli 2012: Pl. 5, ill. 46–47; Magen 2012c: 184, fig. 12 (Бейт Анун); Magen, Peleg, Sharukh 2012: 380–381, pl. 6, № 7 (эль-Кабир); Patrich, Rafael 2008: 423–433, no. 40–45.

[592] Благодарю Яну Чехановец за срочную информацию о сделанной находке.

Лампа и кадило - небольшой клад бронзовых церковых предметов из раскопа 2/В -2010 г. До реставрации.

Далее следуют украшения и аксессуары одежды, представленные только булавками-заколками, пуговицами и перстнями. Одна из заколок, фибула позднеримского типа, известная и в византийский период (IV–V вв.), может быть отмечена как особенно ценная — ее длинная ножка с округлым концом была вызолочена, причем позолота в значительной части сохранилась (B/27). Остальные — булавки простых форм или слишком маленькие для серьезной атрибуции фрагменты (B-31, E-77, E-110).

Среди перстней, медных и серебряных, заметно преобладание щитковых. Три из них (E-7, E-260, E-308) несут псевдоэпиграфический гравированный орнамент, ориентированный на арабское письмо, и, следовательно, относятся к исламскому периоду; еще два (E-76, со стертым щитком, и E-79, маленький фрагмент), возможно, того же типа. Перстень, на овальном щитке которого сохранились следы четырех точек (сюда припаивались утраченные элементы, но это не крепления для вставки), а по бокам от щитка — бусины-перехваты (E-95). Из других вариантов отметим ложновитой перстень с насечками по всей окружности и с крохотным ромбическим щитком, на котором не предполагается изображения (D-21), и кольцо с редкими поперечными насечками (E-84, сохранилось не полностью). Таким образом, на раскопах 2010–2013 гг. собрано не менее восьми перстней; к ним можно добавить еще до пяти простых дротовых колечек, которые, возможно, и не служили украшениями, — C-18, E-206 и др.

Особого внимания заслуживает фрагмент круглой крышки на двух миниатюрных изящных петлях — она закрывала отверстие, прорезанное в восьмигранной пластине, крепившейся, скорее всего, к резервуару бронзовой лампы (E-52). Известный интерес могут вызвать и пряжки: одна от тонкого ремня сбруи (E-96), другая — простая лировидная для поясного ремня (E-181), обе характерны для Средневековья.

Из предметов несомненно византийского времени исключительный интерес представляют гирьки — две юстировочные (бронзовые, с весовым номиналом, обозначенным монограммами, инкрустированными серебром). Одна из гирек-эталонов (D-82) весит 13.2 г, что близко к половине унции (13.6 гр) и равняется трем золотым монетам, номизмам или солидам; она несет монограмму «IB» и надчеканку «Г» (инкрустация которой утрачена); монограмма вписана в круглый венок, отлитый вместе с гирькой. Другая гирька, маркированная буквой N, — в одну номизму (D-41, 4.55 г)[593]. Кроме

[593] См. таблицу веса и монограмм: Bendall 1996: 8; ср.: Manns 1984.

Бронзовая лампа.

того, найдена одна бронзовая круглая разновеска (D-38[594], вес 4,15 гр) и свинцовый брусочек, вероятно, также служивший для взвешивания (D-95, вес 39,3 г)[595].

Остальные изделия из металла — разнообразные фрагменты утвари, часто во фрагментах (накладки, обоймицы, крючки, гвоздик, грузило и т.п.).

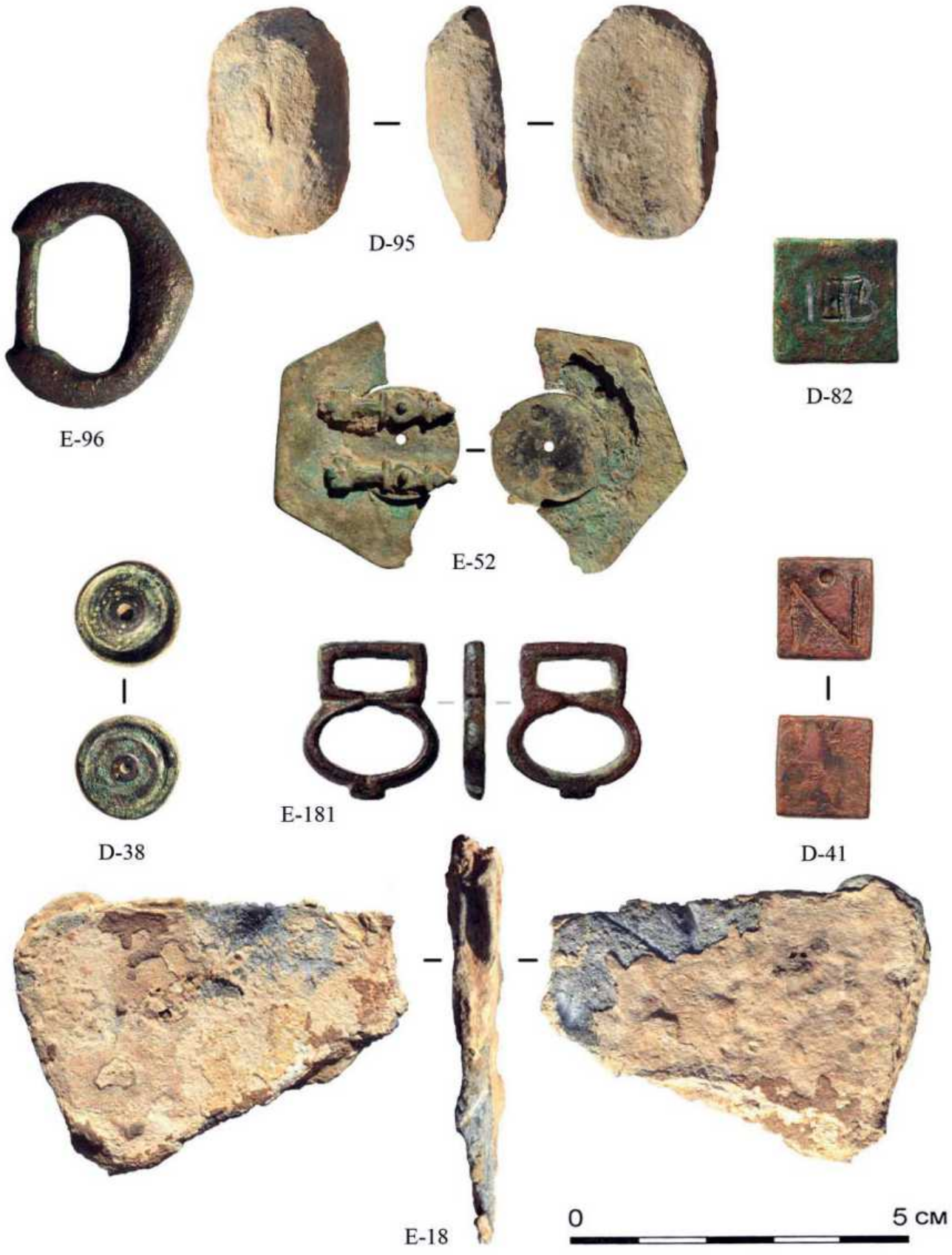
[594] В отличие от эталонов для проверки веса монет или рыночного инструментария небольшая круглая гирька с концентрическим орнаментом служила для прямого взвешивания монет и товаров (благовоний, пряностей, драгоценных металлов и камней).

[595] Возможно, к свинцовым разновескам следует отнести кусочек D-41 (5.32 г) и B-82 (13.25 г), а также некоторые из свинцовых предметов: D-44, D-45, D-56, D-80.

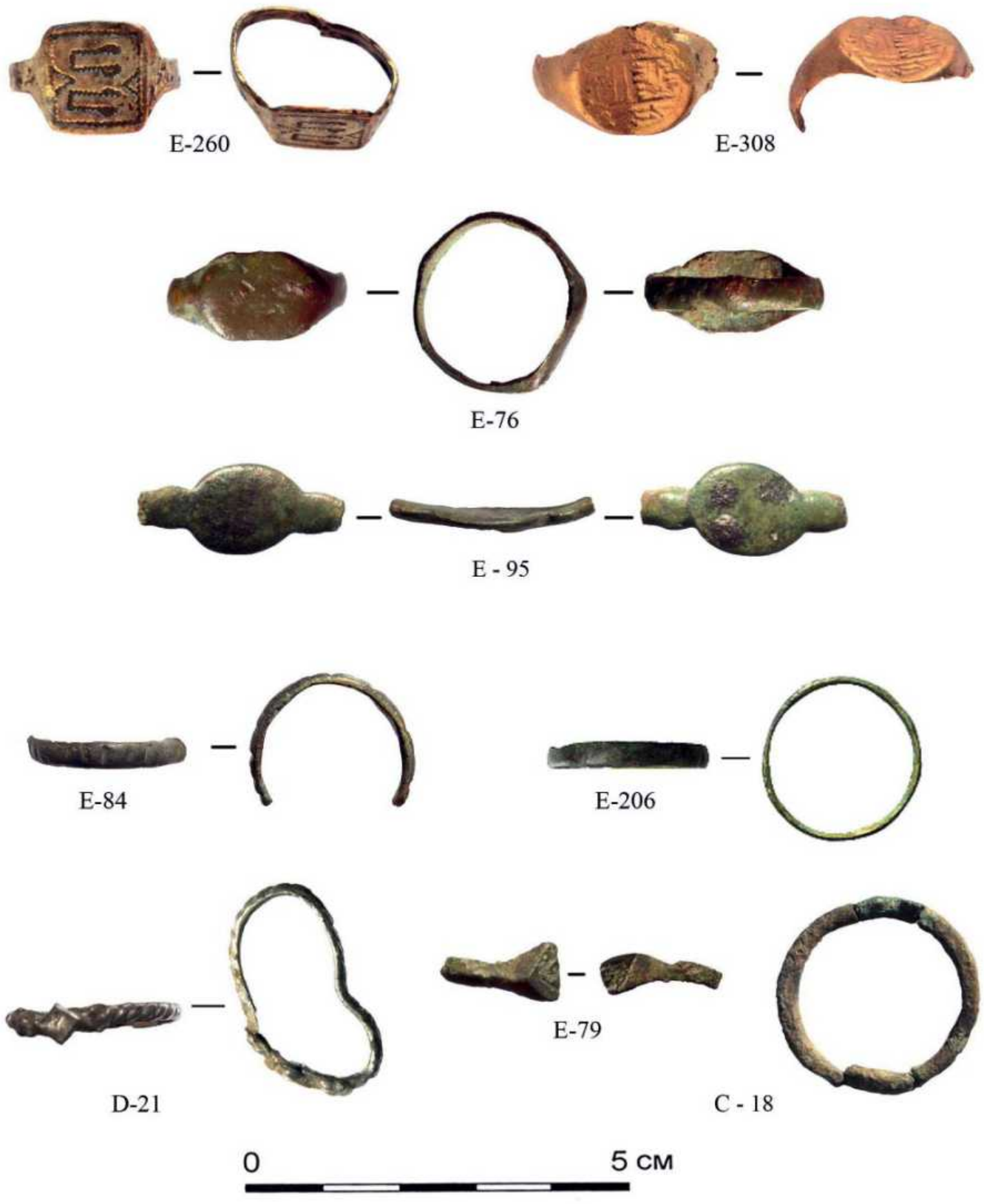

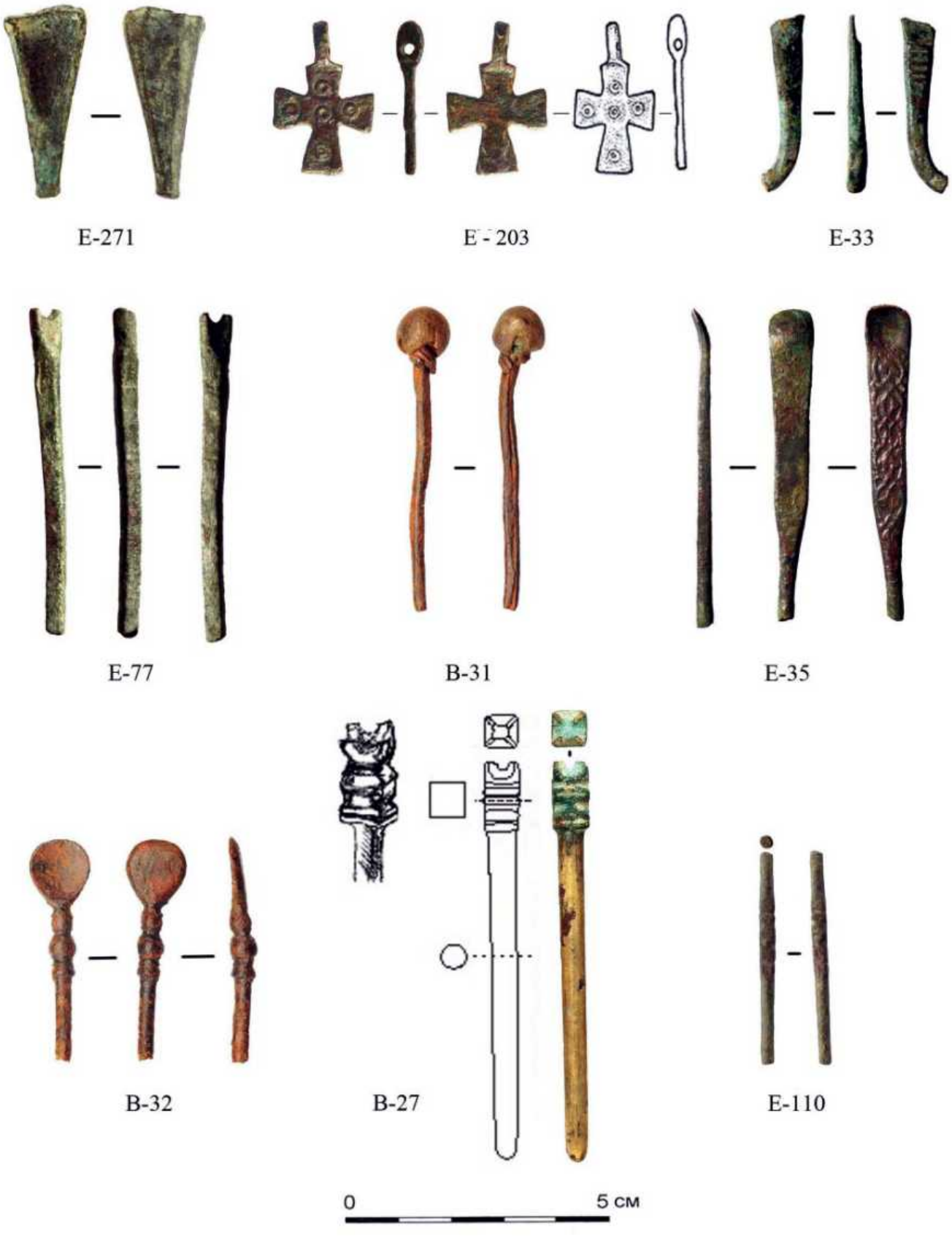

Бронзовая кадильница (В-6/010 г.).
Металлических изделий из раскопок на Иоасафовском участке 1880-1890-х гг. (фотография XIX в.).

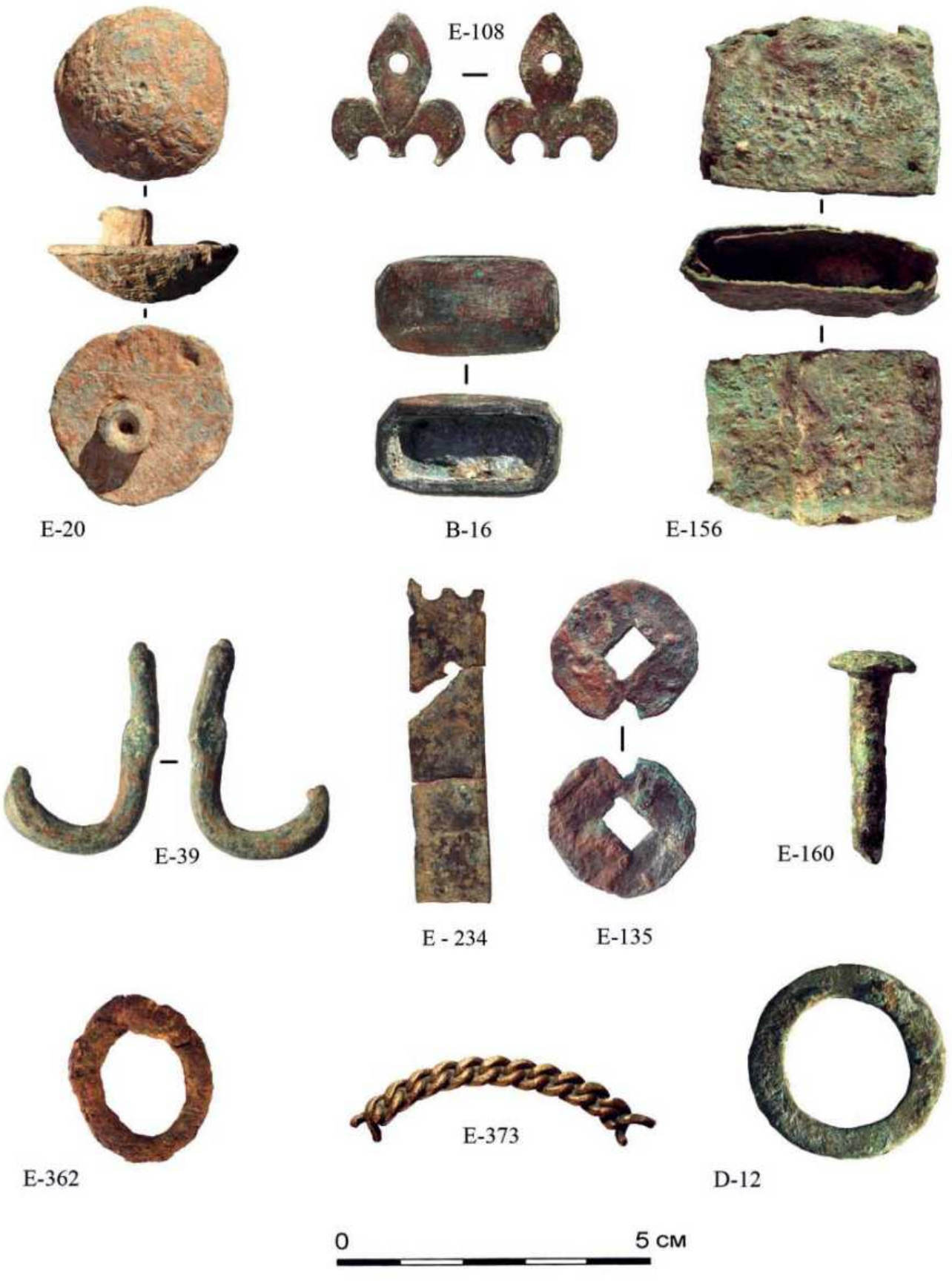

Гирьки, пряжки, крышка от бронзовой лампы и др..

E-260
E-308
E-76
E - 95
E-84
E-206
E-79
D-21
C - 18
0
5 см

Булавки, ложечки, копоушки и другие предметы.

Накладки, крючки и другие предметы.

E - 188
E-241
E-138
E-299
E-248
E-252
E-72
E - 10
E - 141
0
5 см

Илл. 1. Проявление узора полихромной мозаики в процессе расчистки на раскопе:
1 - на сухой поверхности, 2 - на влажной поверхности.

4. МОЗАИКА РАСКОПА 2/В: АНАЛИТИКА И РЕСТАВРАЦИЯ

О.В. Аникеева

4.1. Анализ состава тессер и шовных растворов белокаменной и цветной мозаики по данным оптической микроскопии и рентгено-дифракционного анализов

В этом экскурсе представлены результаты исследования состава и структуры элементов каменной мозаики: тессер и раствора. Возникший интерес был обусловлен практическими целями: необходимостью обеспечить максимальную сохранность мозаичного полотна при предстоящих реставрационных работах по музеефикации фрагментов каменной мозаики.

Поверхностные изменения каменных тессер полихромной мозаики

Визуальное обследование поверхности белокаменной и полихромной мозаики в процессе расчистки выявило следующие особенности:

• Каменные тессеры покрыты патиной[596], поэтому на поверхности полихромной мозаики можно различить основные контуры орнамента серого, красно-розового, желтого и серо-белого оттенков (илл. 1, *1*). Сложность и цветовые нюансы орнамента проявляются только на влажной поверхности (илл. 1, *2*).

• В ходе промывки на влажной поверхности мозаики проявились основные цвета каменных тессер: черный, серый, белый, темнокрасный, розовый, желтый и зеленый[597] (илл. 3, *2* и 5, *2*). Когда поверхность высыхала, то тессеры черного цвета превращались в пятнисто-серые (илл. 3, *2* и 4, *2*) или светло-серые (илл. 3–5). Красные и розовые тессеры приобретали пятнистый буро-охристый оттенок (илл. 3; 2, *1* и 5, *2*) или покрывались белесым налетом (илл. 3, *1* и 5, *1*). Розовые тессеры «выцветали» и становились кремовыми (илл. 3, *1* и 5, *1*), а белые, наоборот, темнели, приобретая кремовый или сероватый оттенок (илл. 2 и 5, *1*). Наиболее устойчивыми по цвету оказались желтые и серые тессеры (илл. 3–5).

• Сохранность тессер полихромной мозаики различна, так как степень и характер поверхностных преобразований (вид патины) на тессерах разного цвета обусловлены различиями в структуре и составе пород, из которых они сделаны (илл. 3–5).

• Степень сохранности тессер в белокаменной мозаике на порядок выше, чем в цветной мозаике (илл. 2, *2*), отсутствуют многочисленные утраты единичных тессер, обусловленные практически полной деструкцией шовного раствора. Текстура шовного раствора при визуальном исследовании — плотная, однородная, без видимых утрат и изменений (илл. 2, *1*). В цветной мозаике шовные растворы практически не сохранились (илл. 3–5).

Изменение цветовой гаммы мозаики отражает разнообразные физико-химические процессы выветривания каменных тессер в ходе бытования. Они выражаются в гипергенных минеральных преобразованиях поверхностного слоя камня, обусловивших формирование патины. Характер и степень проявления таких преобразований, безусловно, определяются различным строением и составом пород, использованных при изготовлении мозаики[598].

Визуальные наблюдения показали, что образование патины воздействует на сохранность тессер по-разному: поверхность камня либо разрушается в разной степени (грануляция и чешуйчатое расслоение в черных), либо сохраняется (образование белесой корки или вторичной пятнистой окраски). Изменение окраски черного камня обусловлено либо образованием светлой корки, либо чешуйчатым расслоением камня. В первом случае тессеры только теряли цвет, во втором — активно разрушались. Цветовые изменения среди красных, розовых и частично белых и желтых тессер объяснялись образованием вторичной пятнистой окраски. Визуальные следы разрушения на поверхности камня незаметны. На поверхности других красных тессер проявилось образование порошковатого налета, обусловленного грануляцией и ведущего к незначительному разрушению поверхности камня.

Для определения порядка, очередности и характера проведения последующих реставрационных операций было проведено минералого-петрографическое изучение состава пород, отобранных из тессер различного цвета.

---

[596] *Патина* (ит. patina) — естественный налет на поверхности металлов и горных пород, образующийся в ходе бытования предметов. Характер и степень проявления патины зависят от климата и окислительно-восстановительных условий среды хранения и состава пород каменных тессер.

[597] Тессеры зеленого цвета единичны, ими выложен один стебелек цветка и контур лепестков одного цветка (илл. 6). При реставрации мозаики мы сохранили все тессеры на месте, поэтому определение состава этих пород не проводилось.

[598] Аникеева, Лобзова 2009: 5, 13–17.

Илл. 2. Фрагменты белокаменной мозаики после расчистки на раскопе: отличная сохранность текстуры раствора, заполняющего межтессерные пространства (1) и поверхности каменных тессер (2).

Состав и микроструктурные особенности горных пород, используемых для изготовления каменных тессер

При изучении состава приходится решать три основные задачи:

- является ли эта порода карбонатной;
- какими основными минералами она сложена;
- каков состав некарбонатных вторичных и примесных минералов, часто присутствующих в породе.

В результате визуального обследования каменного материала тессер было установлено, что среди них преобладают тессеры из карбонатных и терригенно-карбонатных пород. Среди желтых и серых тессер установлены кремнистые породы. Проявление вторичной пятнистой окраски и характер реакции с соляной кислотой позволили предположить, что состав тессер красновато-розового и белого цвета определяется присутствием в породе доломита.

Прочность породы определяется такими микроструктурными особенностями, как микропористость, микротрещиноватость, характер заполнения пор и трещин, наличие примесей.

Изучение структуры, состава и пород проводилось методами визуального обследования и петрографического анализа прозрачных шлифов на поляризационном микроскопе Р-211 М и рентгенофазового анализа.

Для прозрачных шлифов было отобрано 13 образцов. Поскольку наименее устойчивыми в бытовании оказались тессеры черного цвета, из них для изготовления прозрачных шлифов были отобрано три образца и по два образца — из тессер желтого, серого, белого, красного и розового цвета.

Для характеристики минерального состава каменных тессер разного цвета был проведен рентгенодифракционный анализ порошковых препаратов на рентгеновском дифрактометре ULTIMA-IV фирмы Rigaku. Рабочий режим — 40 кВ-40 mA, медное излучение, никелевый фильтр, диапазон измерений — 3—65° 2θ, шаг по углу сканирования, 0.02° 2θ, фиксированная система фокусировочных щелей. Для ускорения съемки и повышения качества экспериментальных данных использовался полупроводниковый детектор нового поколения — DTex/Ultra: скорость сканирования — 5°2θ/минуту.

Для приготовления проб было использовано шесть образцов — по одному образцу породы каждого цвета. Образцы (8–16 мг) растирались в небольшом количестве этилового спирта.

Диагностика минерального состава проводилась методом сопоставления экспериментального и эталонных спектров из базы данных PDF-2 в программном пакете Jade 6.5 компании MDI.

Результаты минералого-петрографического анализа пород из тессер разного цвета

Дифракционные картины фазового состава пород из тессер черного, желтого, серого и белого цвета очень близки и показывают, что они сложены однотипными карбонатными породами,

состав которых определяется кальцитом. В качестве примесных минералов присутствуют кальцилютит, кварц, доломит, магнезит и арагонит (илл. 12, *2*).

Анализ шлифов показывает, что тессеры черного цвета представлены карбонатными песчаниками и алевролитами (илл. 9, *2* и 10, *2*).

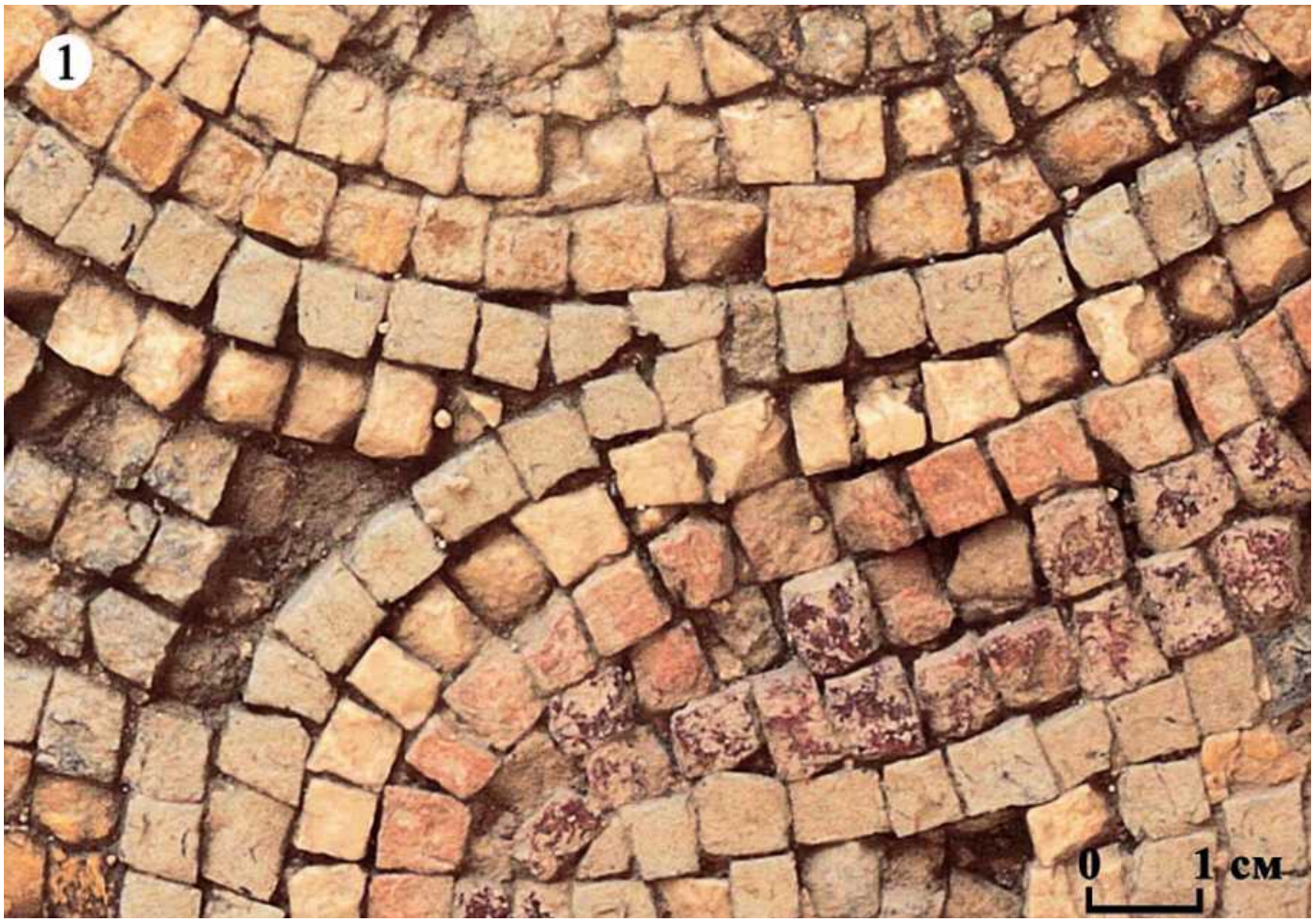
Первые (илл. 9, *2*) относятся к мелкозернистым песчаникам с разнонаправленными линзовидными включениями пелитоморфных известняков. В известняках присутствуют полые трещины и микролинзы разнозернистых известняков с кремнистым цементом, полости в которых образованы растворенными остатками фауны, выполненными кристаллическим кальцитом. Такое строение определяет неоднородность зональной структуры. Очевидно, наличие ослабленных зон с полыми микротрещинами определяет структурную неоднородность породы, представленной микролинзовидным чередованием песчаников и известняков, различных по прочностным характеристикам, и обуславливает чешуйчатое расслоение поверхности при образовании патины на черных тессерах.

Вторые (илл. 10, *2*) представлены карбонатными алевролитами с крупными порами, заполненными органическим веществом или вторичным микрозернистым кальцитом. Вероятно, кальцит матрикса реагировал с минеральным веществом почвенного горизонта с образованием органических соединений и микрозернистого кальцита. Вполне возможно, что это выражается в образовании светлой патины, изменяющей первоначальный цвет черных тессер. Патина, образующаяся на поверхности в этом случае, предохраняет тессеры от интенсивного разрушения.

Анализ шлифов из тессер желтого (илл. 9, *3*) и серого цвета (илл. 9, *4*) показывает, что они сделаны из карбонатных алевролитов с глинисто-карбонатным и кремнистым цементом и залеченными порами, выполненными микрокристаллическим кальцитом. Окраска этих довольно однородных по структуре и составу пород, как можно предположить по данным рентгенофазового анализа (илл. 12, *2*), определяется микроструктурной примесью доломита и магнезита. Первоначальные структурные неоднородности в этих породах сглажены процессами метаморфизма. Вероятно, это и определяет устойчивость тессер желтого и серого цвета в зоне гипергинеза.

Среди тессер этих цветов встречаются и массивные кремни (илл. 10, *4* и *5*), сложенные тонкозернистым кварцем, окрашенным в желтые или серые тона гидроокислами железа и пелитоморфным веществом. Такие тессеры выделяются гладкой, ровной поверхностью с неотчетливым маслянистым блеском. Они абсолютно аморфны к процессам выветривания и не подвержены «старению» в ходе бытования.

По данным рентгенофазового анализа (илл. 12, *1*) пятнистая окраска тессер розового и красного цвета определяется минеральным составом. Они сложены доломитом, магнезиальным каль-

Илл. 3. Проявление патины (гипергенных изменений) в цветных тессерах на сухой (1) и влажной поверхности (2): появление вторичной пятнистой окраски на поверхности темнокрасных и черных тессер, образование белесой корки и чешуйчатые разрушения на поверхности черных тессер.

цитом, пирофиллитом и анкеритом. Количественное соотношение доломита и магнезиального кальцита превышает единицу (1,38) и показывает, что доломит в этой породе преобладает над кальцитом. Анкерит и пирофиллит содержатся в незначительном количестве, вероятно, как вторичные минералы. На рентгенограмме выделяется четыре генерации доломита, различающиеся структурными параметрами кристаллической решетки.

На фотографиях шлифов розовых тессер видно, что они представлены доломитизированными известняками и микрокристаллическими доломитами. Структура первых — плотная, пелитоморфная (илл. 10, *3*), с отдельными кристаллами доломита и порами, выполненными кристаллическим доломитом. Более темные включения представлены агрегатами скрытокристаллического кальцилютита. В состав кальцилютита в данном случае входят кальцит, органическое вещество, анкерит и, возможно, пирофиллит.

Вторые сложены микрозернистым доломитом, плотным, однородным и устойчивым к процессам выветривания (илл. 11, *3*). Действительно, по визуальным наблюдениям, поверхность розовых тессер практически не изменилась в процессе бытования. И только проявление пятнистой вторичной окраски, обусловленной процессами декальцификации (удаление кальция из первичных минеральных компонентов цементирующей массы, сопровождающееся, как правило, вторичным осаждением), указывает на наличие начальной стадии гипергенеза. Но выражается не в разрушительном воздействии, а в образовании «защитной» патины.

Красные тессеры представлены плотными, мелко- и среднекристаллическими породами кальцит-доломитового состава (илл. 11, *1* и 10, *1*) с единичными микротрещинами. В шлифе (илл. 10, *1*) определяется три генерации доломита: среднезернистый кристаллический, микрокристаллический пелитоморфный и крупные отдельные кристаллы, выполняющие пустоты или микротрещины. Вероятно, четвертая генерация доломита, выделенная при рентгенофазовом анализе, либо не устанавливается микроскопически (пылевидный размер частиц), либо не попала в область шлифа. Преобладающей структурой является мелкозернистая (размер зерен 0,01–0,1 мм), хотя встречаются участки с разнозернистой структурой (илл. 11, *1*). В составе мелкокристаллической породы (илл. 10, *1*) кроме кальцита и доломита может присутствовать значительное

количество пелитоморфного вещества. Порода разбита системой микротрещин, пустотелых или частично заполненных вторичными кристаллами кальцита.

Вероятно, присутствие среди красных тессер пород с неоднородной структурой (илл. 10, *1*) и обусловливает микрозернистую грануляцию поверхности некоторых красных тессер.

Изучение шлифов белых тессер (илл. 11, *2* и 11, *4*) позволяет говорить, что для их изготовления использовались разнообразные породы — мраморы кальцитового и доломитового состава (илл. 11, *2*), доломитизированные известняки (илл. 11, *4*). Состав и структурные особенности этих пород обусловливают прочность и устойчивость белых тессер. Так же как и у розовых тессер, проявление пятнистой вторичной окраски указывает на наличие начальной стадии гипергенеза, которая выражается в образовании «защитной» патины.

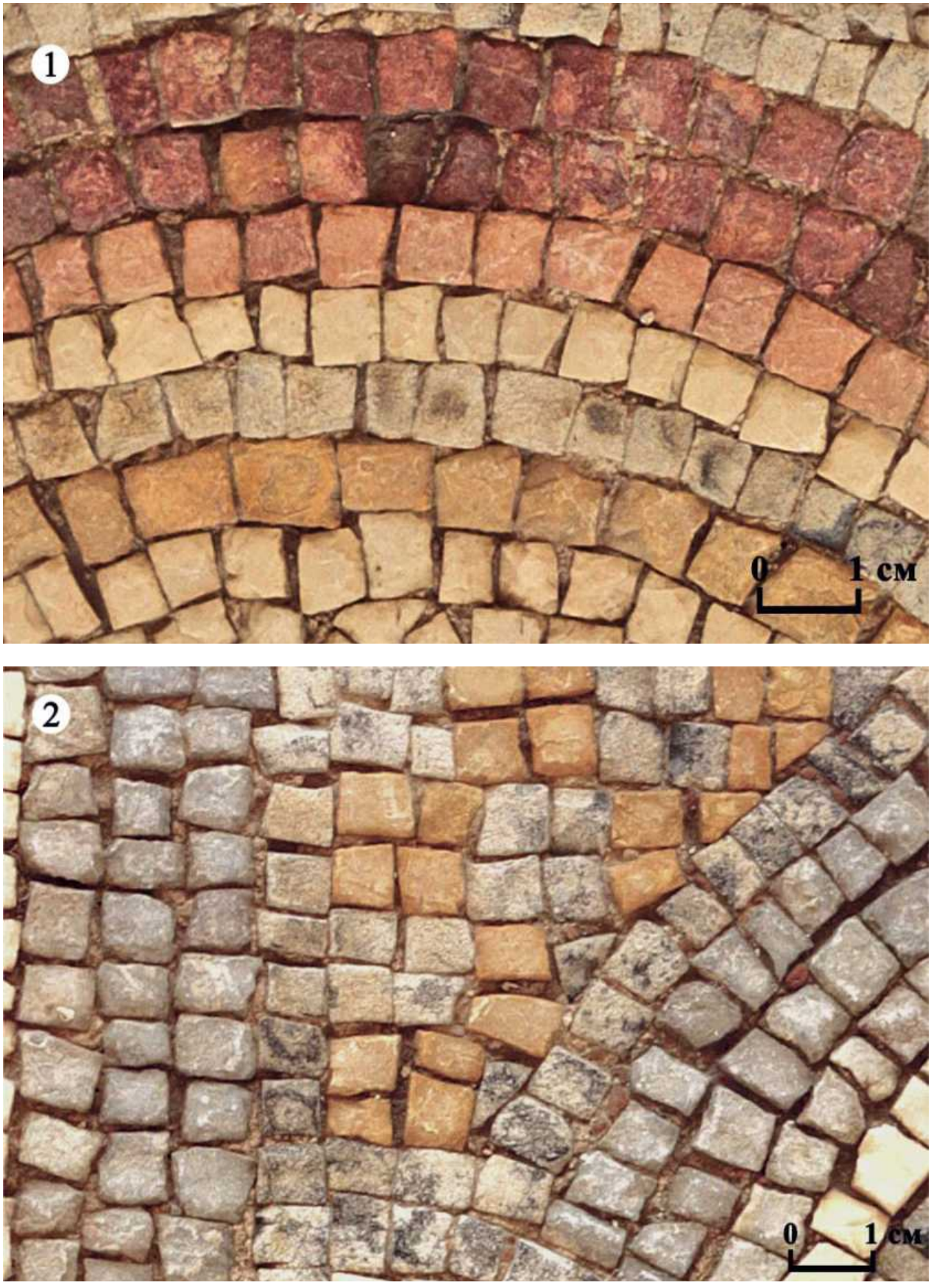
Анализ состава шовных растворов цветной и белокаменной мозаики и интерпретация полученных результатов

При визуальном обследовании поверхностной сохранности мозаики было установлено, что многочисленные точечные утраты каменных тессер обусловлены практически полной деструкцией шовного раствора цветной мозаики на лицевой поверхности (илл. 3–5). Сохранившиеся реликты раствора утратили вяжущие и прочностные свойства за время бытования.

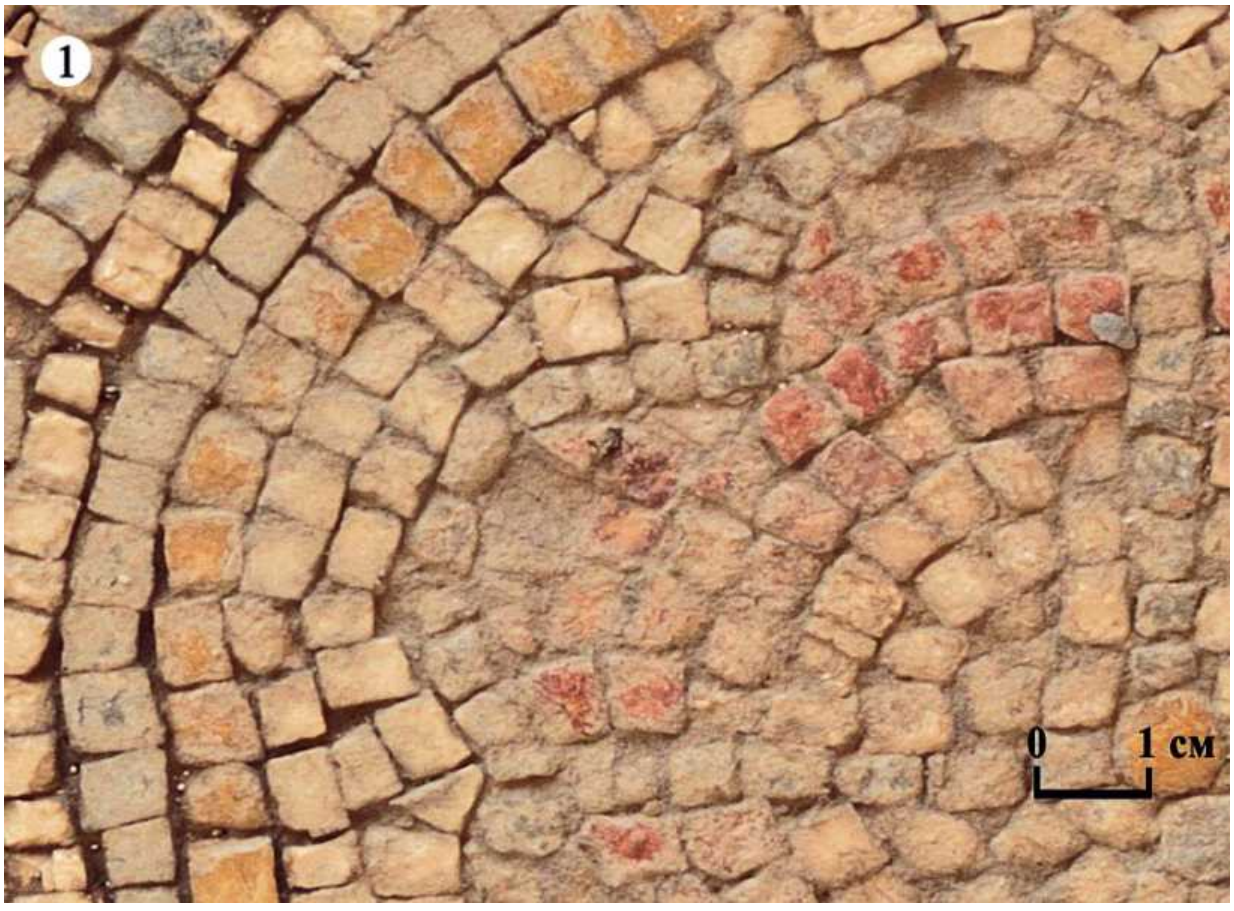
Обратная картина наблюдается на поверхности белокаменной мозаики: степень сохранности шовного раствора высокая, и, хотя его поверхность изменена процессами выветривания, он сохранил упругие и прочностные свойства (илл. 2).

Поскольку в почвенном слое сохранившиеся фрагменты цветной и белокаменной мозаики залегают на одном уровне, разумно предположить, что различные свойства растворов обусловлены их составом.

Макроскопический анализ реликтов раствора полихромной мозаики показывает, что в его составе преобладает рыхлая глинистая составляющая, примесь алевритовой фракции незначительна и фиксируется визуально не везде. При разборке мозаики удалось обследовать состав раствора в сохранившихся фрагментах, длиной не более 3–6 см и высотой не превышающих

Илл. 4. Различные виды патины: 1 - грануляция и появление вторичной пятнистой окраски (красные тессеры), 2 - белесая корка или налет, скрывающие черный цвет тессер, 1,2 - слабое проявление или остутствие патины на серых и желтых тессерах.

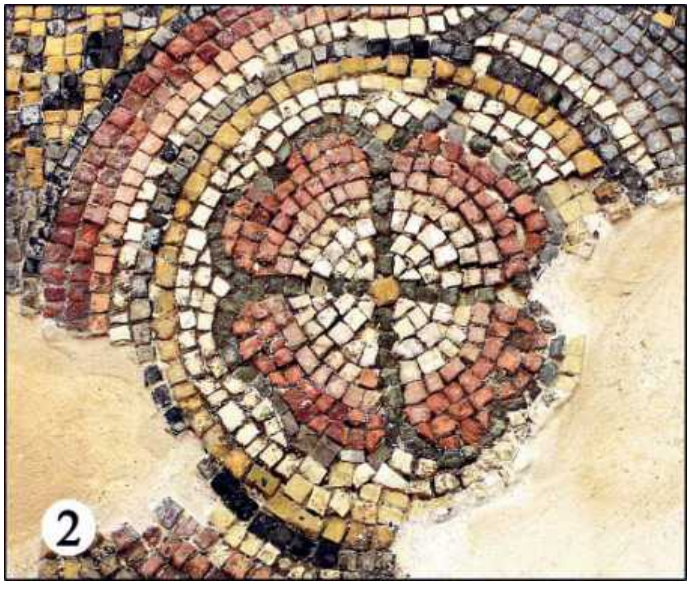

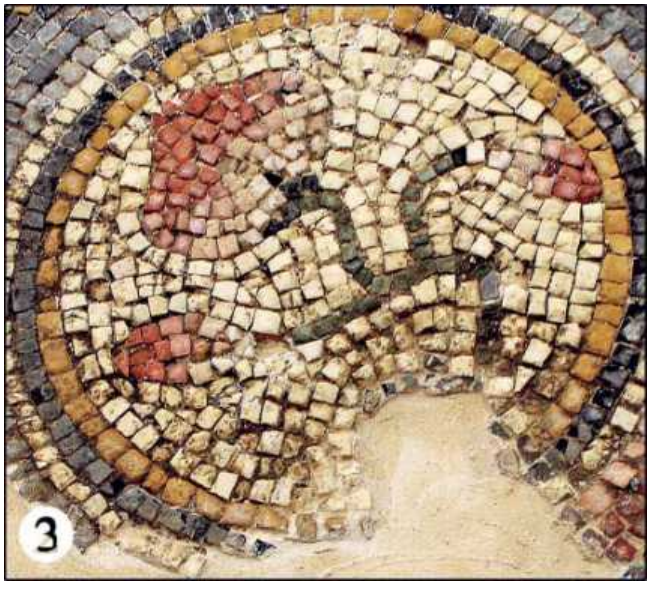

Илл. 5. Образование патины (белесый налет или корка), не позволяет различить нюансы цветового орнамента (1). Различные виды патины на влажной поверхности: грануляция — на красных тессерах, чешуйчатое расслоение — на черных тессерах, образование пятнистой окраски — на розовых тессерах (2).

Илл. 6. Полихромная мозаика после реставрации. Восстановлен цвет черных тессер. Отчетливо проявилась гамма оттенков у малиновых, красных и розовых тессер: 1 - общий вид, 2, 3 - детали: в линиях, разделяющих лепестки цветка (2) и в линиях стебля цветка (3) применены тессеры из камня зеленого цвета.

Илл. 7. Полихромная мозаика после реставрации: 1 - в тессерах черного цвета после обессоливания, укрепления, расчисток и многократных консерваций остановлено расслоение камня, в темнокрасных красных тессерах ушла вторичная пятнистая окраска камня, т.к. приостановлено зернистое разрушение камня. 2 -восстановлена цветовая гамма среди тессер черного, серого и белого цвета.

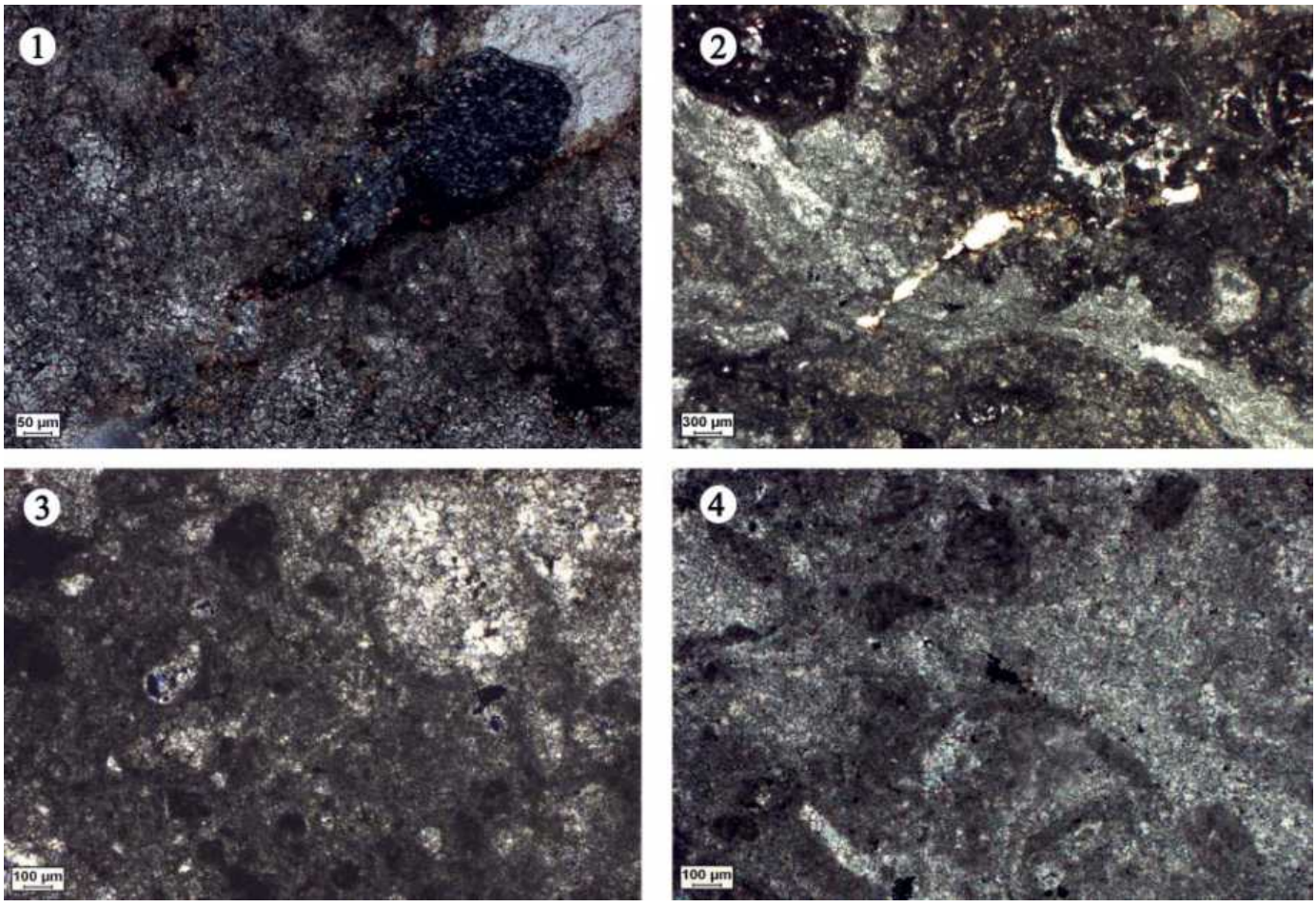

1

2

Илл. 8. Полихромная мозаика после реставрации: отчетливо проявилась природная первичная пятниста окраска у розового камня (1,2), видны отчетливые различия в подборе и применении для разных деталей орнамента тессер серова-то-розового и оранжево-розового оттенков (1), среди тессер серого цвета (2) в трехрядном линейном мотиве орнамента проявляется разнообразная гамма оттенков серого.

Илл. 9. Минералого-петрографический анализ каменных тессер. Фото шлифов. Тессеры карбонатных пород с преобладанием кальцита: 1 - аргиллит, 2 - песчаник мелкозернистый, 3,4- алевролиты

0,2–0,5 см. Оказалось, что состав его реликтов неоднороден. В основании большинства фрагментов наблюдается основная генерация раствора с пелитоморфным светло-кремовым матриксом и визуально прослеживающейся незначительной долей алевритового матрикса (не более 10%). Сверху его перекрывают тонкие (не более 0,2–0,5 см высотой) разнообразные слойки раствора отличной текстуры. Они состоят из глинистого матрикса, цвет которого варьирует от светло-кремового до желтовато-белого. Содержание песчаной составляющей в слойках непостоянно: может отсутствовать, или визуально не заметна (чувствуется только при растирании крошек раствора в пальцах), или ее содержание резко падает.

Реликты основной генерации раствора прослеживаются на площади практически всех крупных фрагментов мозаики. Сверху они, как правило, перекрываются тонкими слойками более свежего раствора, с различным содержанием песчаной составляющей. Это позволяет предположить, что шовный раствор в полихромной мозаике за время бытования постоянно разрушался и подвергался постоянному фрагментарному ремонту.

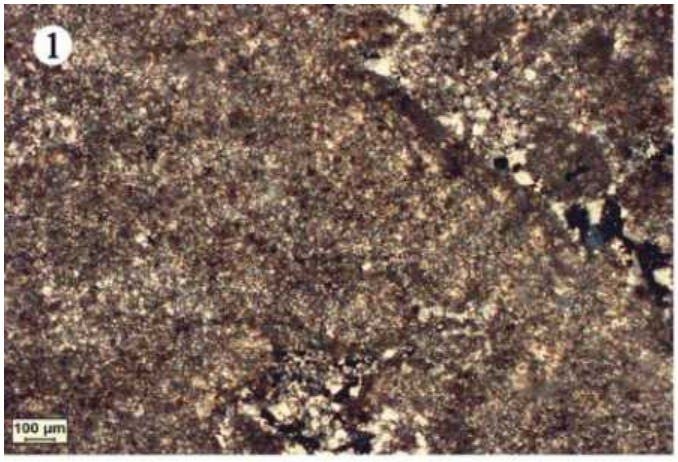
Состав раствора в белокаменной мозаике однороден: плотная пелитоморфная масса белого цвета, в которой отчетливо прослеживаются алевритовая и песчаная составляющие более темного, охристого цвета (15–20%).

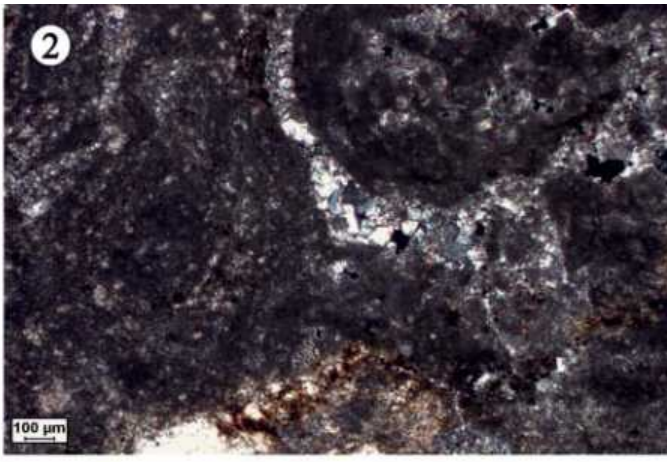
Для выяснения причины столь разной сохранности близких по макроскопическим характеристикам шовных растворов белокаменной и цветной мозаики необходимо было установить особенности минерального состава этих растворов рентгенодифракционным методом.

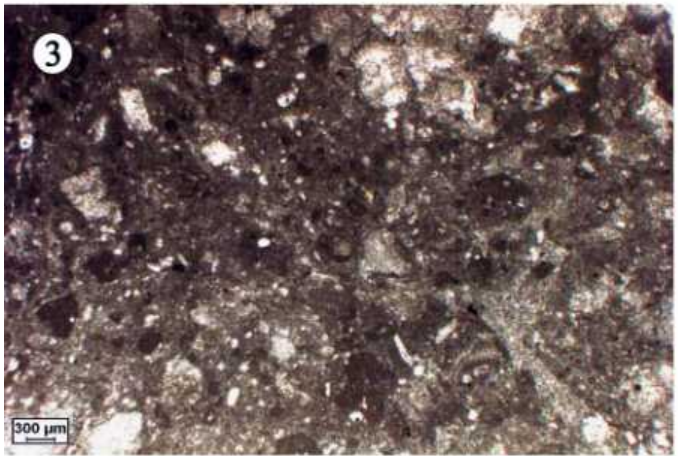
Из каждого раствора было отобрано по две пробы[599]. Условия съемки, оборудование и диагностика образцов подробно описаны в разделе о составе горных пород, используемых для изготовления каменных тессер.

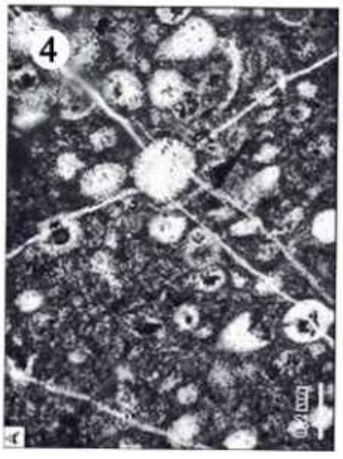
Рентгеновские дифракционные картины двух образцов раствора полихромной мозаики и двух образцов монохромной мозаики близки между собой, поэтому для иллюстрации идентификации минеральных фаз приведены по одному характерному изображению (илл. 13, *2* и 13, *3*)

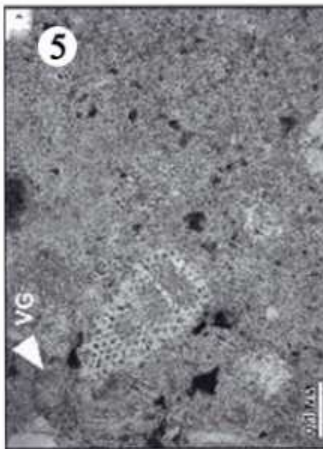
[599] Пробы растворов полихромной мозаики из-за крайне низкой сохранности были сборные, т.е. набирались с площади двух больших фрагментов на севере и на юге (см. илл. 2 в приложении 4–2).

1
100 µm

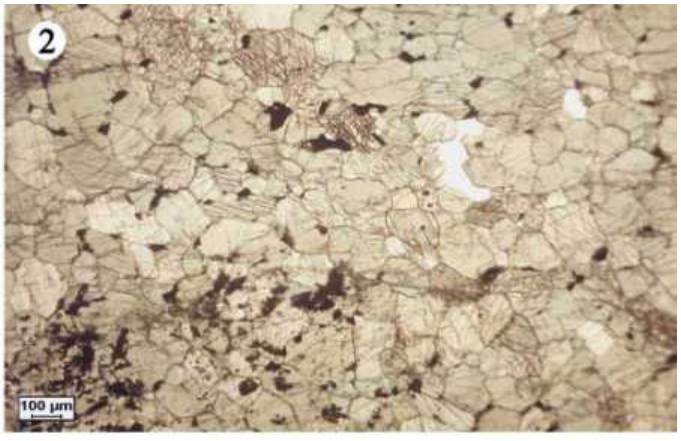

2
100 µm

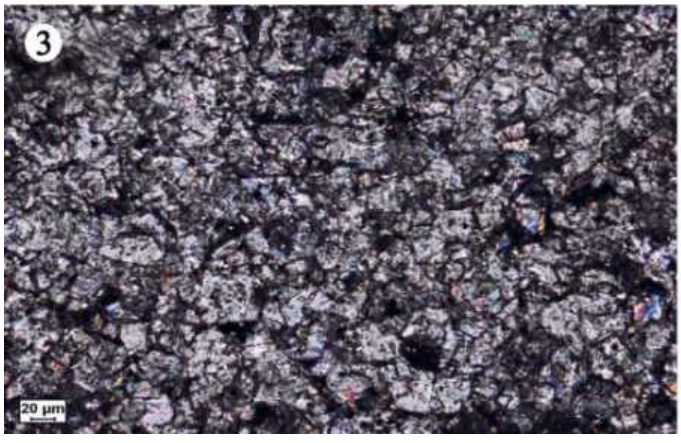

3
300 µm

4

5
VG

1
100 µm

2
100 µm

3
20 µm

4
100 µm

каждого: образец 6 — для полихромной мозаики, образец 9 — для монохромной мозаики. Результаты количественного минералогического анализа отобранных образцов приведены в таблице 1 (илл. 13, *1*).

Состав раствора полихромной мозаики (илл. 13, *1*, образцы 6 и 7) определяется кальцитом (58.7 и 52. 8%) и фатеритом[600] (22.7 и 28.3%). Характерно присутствие эттрингита[601] (7.6, 9.2%), портландита[602] (4.4 и 4.9%) и кварца (6.6 и 4.8%). В растворе монохромной мозаики (илл. 11, *1*, образцы 8 и 9) резко преобладает кальцит (85.5 и 87.0%), есть кварц (10%), в незначительных количествах появляется фатерит (4.4 и 3%), отмечены следовые примеси эттрингита (обр. 8) и каолинита (обр. 9).

Присутствие во всех образцах кварца объясняется обязательным добавлением в известковый раствор терригенной составляющей, представленной, очевидно, кварцевым песком[603].

Преобладание во всех изученных образцах кальцита также легко объяснимо. Известно, что основным компонентом как строительных растворов, так и мозаичных грунтов с глубокой древности и до наших дней является гашеная известь, деструкция которой в процессе бытования (особенно при бытовании в почве) приводит к образованию прежде всего кальцита[604].

Характерной особенностью образцов раствора полихромной мозаики является присутствие эттрингита и портландита.

Оба эти минерала широко известны в техногенной минералогии как продукты деструкции и гидратации строительных растворов[605].

Эттрингит, образующийся таким способом, имеет формулу $3CaOAl_20_3 \cdot 3CaSO_4 \cdot 31H_2O$. Параметры структурной решетки эттрингита из наших образцов, полученные методом рентгенодифракционного анализа, позволяют представить его формулу как $Ca_6Al_2(SO_4)_3(OH)_{12} \cdot 26H_2O$. Такая формула характерна для природных агрегатов эттрингита.

Портландит — природный гидроксид кальция ($Ca(OH)_2$).

Оба эти минерала относятся к малораспространенным; в горных породах их содержание редко достигает 15%, поэтому они относятся к примесным или вторичным минералам. В Восточном Средиземноморье они встречаются в мелкокристаллических агрегатах (корки и мелкие прожилки) в известняках и мергелях осадочной карбонатной формации Хатрурим (Hatrurim), распространенной в пустыне Негев, Иудейской пустыне и в Западной Иордании, район Maqarin[606].

Присутствие природных форм эттрингита и портландита в составе изученных образцов 6 и 7 показывает, что наряду с кварцем в растворах полихромной мозаики они использовались как терригенная составляющая (минеральная крошка), добавляемая в известковый раствор при его изготовлении для улучшения прочностных характеристик.

Наличие этих двух минералов в шовном растворе полихромной мозаики и отсутствие их в составе шовного раствора монохромной мозаики (илл. 13, *1*) свидетельствуют о разном способе приготовления обоих растворов. В первом случае в качестве терригенных наполнителей использовались кварц, эттрингит и портландит. Содержание их достигало 18,9%. Во втором случае наполнитель раствора представлен кварцем, содержание которого существенно ниже — 10%.

Совершенно неожиданным для нас оказалось присутствие во всех изученных образцах растворов очень редкого и малоизученного минерала фатерита.

Фатерит, в отличие от кальцита и арагонита, является очень редкой и нестабильной природной модификацией безводного карбоната кальция. В атмосферных условиях он неустойчив и быстро переходит в кальцит при температуре ниже 400° С или в арагонит при более высоких температурах. В горных породах он встречается в качестве примесного минерала[607]. В Восточном Средиземноморье фатерит известен среди осадочных пород (известняков и мергелей) и высокотемпературных метаморфических пород (роговиков, контактных пород и метасоматитов) формации Хатрурим (Hatrurim), где его содержание редко достигает 3%[608]. Как биоминерал фатерит входит в состав желчных камней человека и раковин моллюсков (гастропод), его получают при искусственном синтезе.

Илл. 10. Минералого-петрографический анализ каменных тессер. Фото шлифов. Тессеры карбонатных и кремнистых пород: 1 - известняк глинистый, 2 - алевролит, 3 - калькаренит, 4, 5 - кремни.

Илл. 11. Минералого-петрографический анализ каменных тессер. Фото шлифов: 1-4 - тессеры из доломитов

[600] Очень редкий минерал. Одна из природных метастабильных полиморфных модификаций безводного карбоната кальция.

[601] Малораспространенный минерал, водный сульфат кальция и алюминия.

[602] Редкий минерал, гидроксид кальция.

[603] Виннер 1953: Гл. IV, с. 4.

[604] Ли 1961: 32–33, 54.

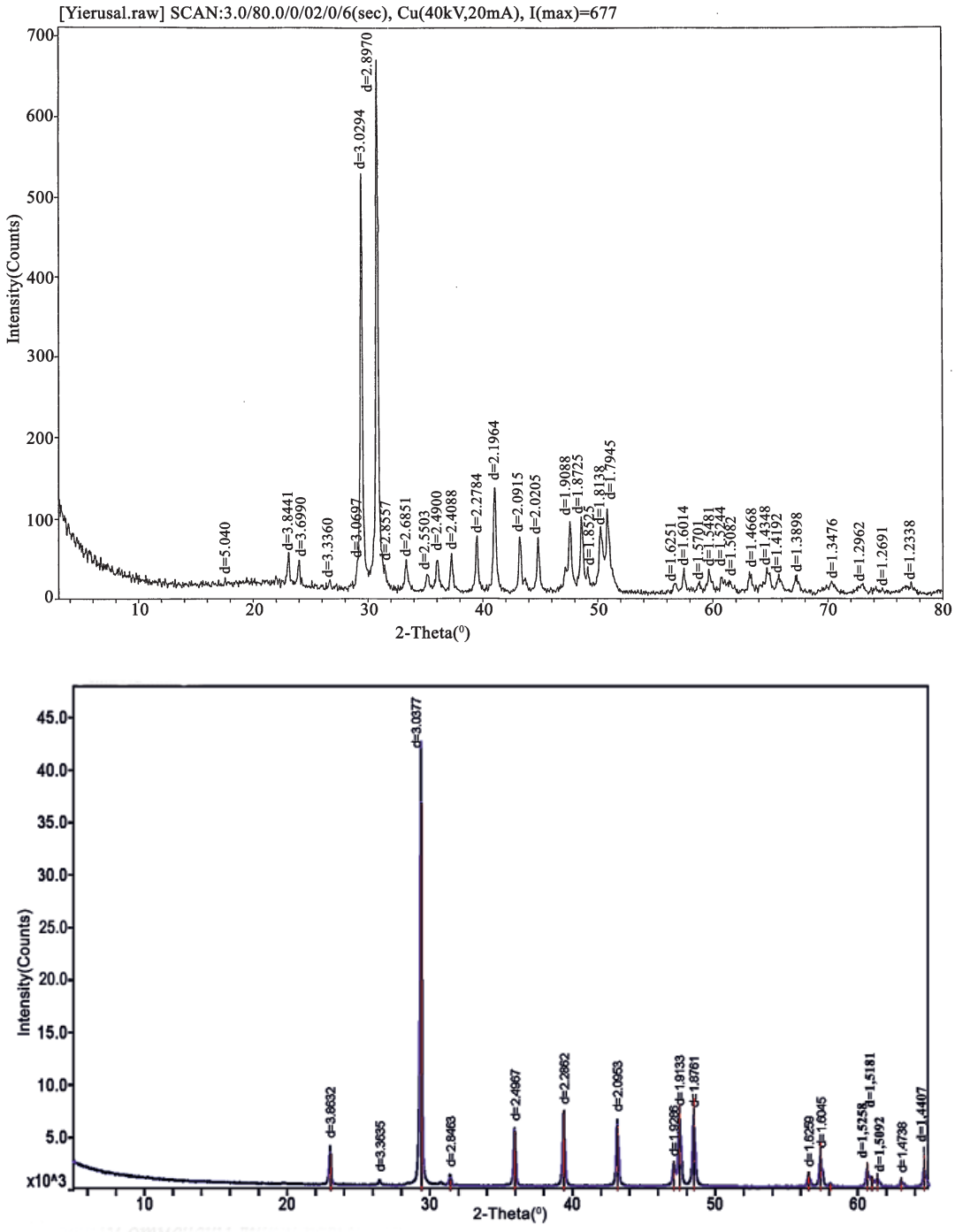
[605] Там же: 606–607; Бойнтон 1972: 70–71.

[606] Gross 1977: 21; Handbook of Mineralogy 2001–2005.

[607] По данным литературы, его содержание, как правило, не превышает 1–1,5%, в единичных случаях достигает 3–5% в осадочных и вулканических комплексах Ирландии, Южной Африки, Канады и Австралии. См.: Википедия, Data of Mineralogy 2010: Vaterite.

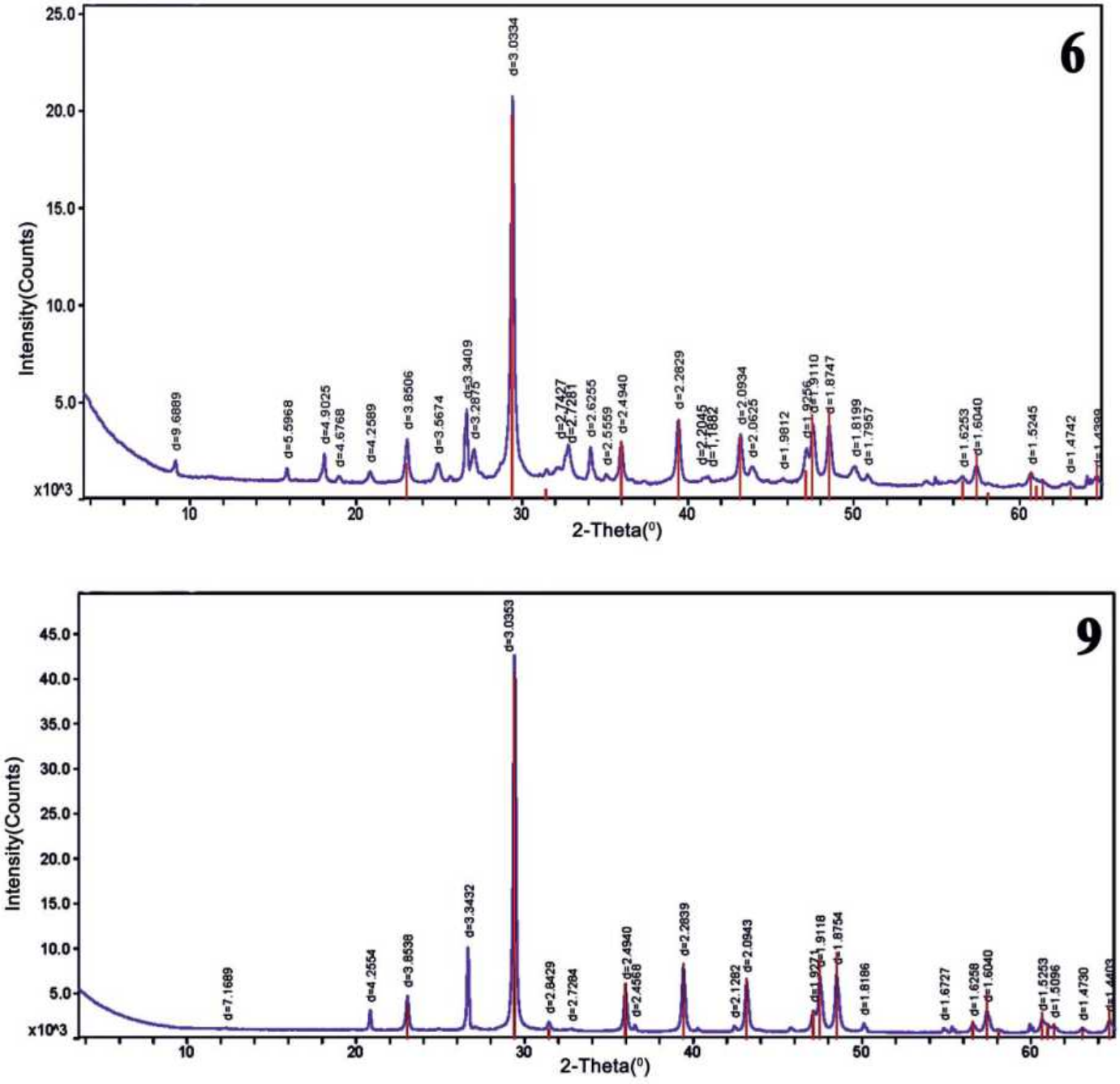
[608] Sokol, Novikov, Vapnik, Sharygin 2007: 479.

Илл. 12. Минеральный состав тессер полихромной мозаики по данным рентгенофазового анализа (РФА): 1 - породы красного и розового цвета с пятнистой текстурой. 2 - породы черного, темно-красного, серого, желтого цветов

Минимальный состав фатерита в изученных образцах (3.0 и 4.4%) установлен в растворе белокаменной мозаики (илл. 13). Но даже это небольшое количество минерала не могло попасть в раствор из природных объектов во время изготовления, так как в горных породах Восточного Средиземноморья средние содержания фатерита не превышают 1–1,5%. Не мог он сохраниться и в ходе гипергенеза, когда разрушенные мозаичные полы были перекрыты грунтом и почвенными слоями. Очевидно, что столь значительные количества фатерита (илл. 13б) могли образоваться в шовных мозаичных растворах только в ходе техногенного минералообразования за время использования помещений с мозаичными полами человеком.

Известно, что в современном производстве фатерит образуется при контакте сахаросодержащих растворов с поверхностью цемента или бетона. Воздействие сахарных растворов на клинкерные фазы (C3S, C2S, C3A), негидратированный цемент и цементный камень проявляется в ходе обменных реакций, когда под действием кислотных продуктов брожения происходит образова-

Илл. 13b. Результаты количественного анализа минерального состава шовных растворов цветной (обр. 6,7) и белокаменной (обр. 8,9) мозаики.

Образец	Кальцит	Эттрингит	Портландит	Кварц	Фатерит (Vaterite)	Каолинит
6	58.7	7.6	4.4	6.6	22.7	
7	52.8	9.2	4.9	4.8	28.3	
8	85.5	следы	0.0	10.0	4.4	
9	87.0	0.0	0.0	10.0	3.0	Следы

Илл. 13a. Изучение состава шовных растворов рентгенофазовым анализом: 1, 2 - дифракционная картина и идентификация минеральных фаз образцов раствора цветной (6) и белокаменной (9) мозаики .

ние фатерита и сахаратов кальция, что вызывает диспергирование цементного камня сахарозой, адсорбированной на продуктах гидратации. При этом быстрое разрушение участков срастания

кристаллов инициируется нестабильностью ватерита и интенсивной перекристаллизацией его в кальцит в атмосферных условиях[609].

Коррозия бетона и цементного камня под действием сахаросодержащих растворов свойственна не только сахарным заводам, но и кондитерским фабрикам и предприятиям крахмало-паточного производства. Так, цементные фундаменты под оборудованием могут разрушиться за три–четыре месяца работы[610]. По результатам исследования материалов на основе портландцемента показано, что наиболее агрессивными по отношению к бетону являются патока, растворы на основе мальтозного и крахмального сиропа, а также растворы, содержащие серную кислоту. После шестимесячного хранения в паточном сиропе образцы из цементно-песчанистого бетона теряли до 50% прочности[611]. Обследование ряда заводов паточного производства показало, что железобетонные конструкции таких предприятий выходят из строя быстро — после шесть–восемь месяцев интенсивного использования[612]. По сравнению с сахарным сиропом даже более агрессивно воздействие на цементный камень мелассы[613]. Примечательно, что светлая очищенная меласса является более агрессивной, чем темная[614].

Вышесказанное позволяет говорить о том, что столь значительное (22.7 и 28.3%) содержание фатерита в реликтах шовных растворов полихромной мозаики обусловлены тем, что помещения с полами из цветной мозаики использовались для производства разнообразных сахаросодержащих растворов: кондитерских изделий, патоки, сахарных сиропов и т.п. Вероятно, что сахаросодержащие растворы производились в этом помещении постоянное и длительное время. Об этом свидетельствует интенсивная деструкция шовных растворов, прослеженная на площади всех сохранившихся фрагментов полихромной мозаики этого помещения, и следы многократных площадных восполнений шовного раствора, фиксируемые в сохранившихся реликтах раствора.

Высокая сохранность растворов белокаменной мозаики, содержащих техногенные примеси фатерита, позволяет предположить, что помещения с этими полами, вероятно, использовались для временного хранения полученных продуктов производства.

Заключение

Итак, нами впервые в России изучен состав ранневизантийской мозаики Восточного Средиземноморья комплексом естественнонаучных методов, до сих какие-либо данные по этому вопросу отсутствовали.

В ходе обследования поверхности мозаики установлено, что сохранность каменных тессер и шовного раствора белокаменной и цветной мозаик различаются (илл. 1 и 2) и определяются особенностями состава.

Сохранность тессер обусловлена структурой горных пород и различием минеральных преобразований на их поверхности, т.е. характером патины. «Полезная» патина (белесая корка, пятнистая окраска) обволакивает[615] поверхность тессеры, образуя защитный панцирь, устойчивый к воздействию среды. Соответственно, образование «вредной» патины (грануляция, чешуйчатое расслоение камня) стимулирует деструкцию поверхности и ведет к постепенному разрушению камня. Изучение структуры и состава пород, из которых сделаны тессеры, методами микроскопического изучения прозрачных шлифов и рентгенодифракционного анализа объясняет различную степень их устойчивости.

Поверхность тессер красного и черного цвета наименее устойчива в зоне гипергенеза. Черные тессеры сделаны из карбонатных песчаников и алевролитов. Зональная неоднородность структуры песчаников, представленной микролинзовидным чередованием песчаников и известняков, различных по составу и прочностным характеристикам, обусловливает чешуйчатое расслоение поверхности при образовании поверхностной патины. Текстура алевролитов иная: массивная однородная, с крупными порами, выполненными органическим веществом и кристаллическим кальцитом. Взаимодействие кристаллического кальцита с минеральными соединениями почвенного горизонта приводит к образованию комплексных нерастворимых органических соединений (белесый налет), изменяющих цвет породы, но защищающих ее по-

[609] Киреев 2000: 5–6.

[610] Чуйко, Черникова 1966: 29, 33.

[611] Субботкин, Бессонов, Шмаков 1984: 71–76.

[612] Домашевский 1961: 30–35.

[613] Меласса — выход сахара в паточном производстве: сухие вещества — 76–85%, сахароза — 46–51%, молочная кислота — 4–6%, уксусная и муравьиная кислоты — 0.2–0.5%, pH — 6–8%.

[614] Ли 1961: 606–607; Петрушевский, Бондарь, Винокурова 1989: 143.

[615] Подробно механизм образования различных видов патины на поверхности карбонатных песчаников и песчанистых известняков представлен в докладе: *Аникеева О.В.* Использование данных по естественным минеральным преобразованиям на поверхности камня для атрибуции и датировки изделий декоративно-прикладного искусства // Конференция «XX Леликовские чтения». М., 2010.

верхность от разрушения. Преобладание среди тессер красного цвета пород кальцит-доломитового состава с неоднородной разнозернистой структурой, осложненной микротрещинами, определяет грануляцию поверхностного слоя.

Тессеры желтого, серого, белого и разных оттенков розового цвета наиболее устойчивы к поверхностным изменениям. Желтые и серые тессеры сделаны из массивных кремней и карбонатных алевролитов с однородной мелкозернистой структурой. Кремни абсолютно аморфны к процессам выветривания и не подвержены старению в ходе бытования. Первоначальные структурные неоднородности в алевролитах сглажены процессами метаморфизма, что выражается в образовании кремнистого матрикса, замещающего первоначальные глинистые или карбонатные генерации цемента и укрепляющего породы.

Тессеры розового и белого цвета представлены различными видами доломитовых пород с массивной однородной мелкозернистой структурой. Однородность структуры и преобладание магниевых минералов над кальциевыми определяют устойчивость этих пород. Поверхностные изменения проявляются в образовании вторичной пятнистой окраски, обусловленной процессами декальтификации (удаление кальция из первичных минеральных компонентов цементирующей массы, сопровождающееся, как правило, вторичным осаждением), предохраняющей поверхность камня.

Выяснение причин разной сохранности поверхности тессер полихромной мозаики определило степень, характер, интенсивность и способы проведения многочисленных расчисток и консерваций каменных тессер в ходе реставрационных работ. Это позволило максимально сохранить поверхность цветной мозаики (илл. 7, *1* и 7, *2*) и выявить сложность и цветовые нюансы орнамента (илл. 8, *1* и 8, *2*).

Изучение минеральных составляющих (илл. 13, табл.1) шовных растворов полихромной и монохромной мозаик позволило реконструировать их первичный состав. Раствор белокаменной мозаики состоял из 90% извести и 10% наполнителя, представленного кварцевым песком.

Состав раствора цветной мозаики характеризуются увеличением процентного содержания наполнителя до 19% и, соответственно, уменьшением объема известкового раствора до 81%. Наполнитель здесь гетерогенный и представлен тремя природными минералами: кварцем, портландитом и эттрингитом.

Установлено, что практически полная деструкция раствора полихромной мозаики обусловлена значительным содержанием в его составе минерала фатерита (22.7–28.3%), образовавшегося в шовных мозаичных растворах за время использования человеком помещений с мозаичными полами. *Техногенное происхождение фатерита позволяет говорить о том, что помещение с полами из цветной мозаики использовалось для производства разнообразных сахаросодержащих растворов: кондитерских изделий, патоки, сахарных сиропов и т.п. Вероятно, что сахаросодержащие растворы производились в этом помещении длительное время.* Об этом свидетельствует интенсивное разрушение шовных растворов на площади всех сохранившихся фрагментов полихромной мозаики данного помещения и следы многократных площадных восполнений шовного раствора, фиксируемые в сохранившихся реликтах раствора.

Высокая сохранность растворов белокаменной мозаики, содержащих техногенные примеси фатерита, позволяет предположить, что помещения с этими полами, вероятно, использовались для временного хранения полученных продуктов производства.

4.2. Консервация и реставрация полихромной мозаики раскопа 2/B

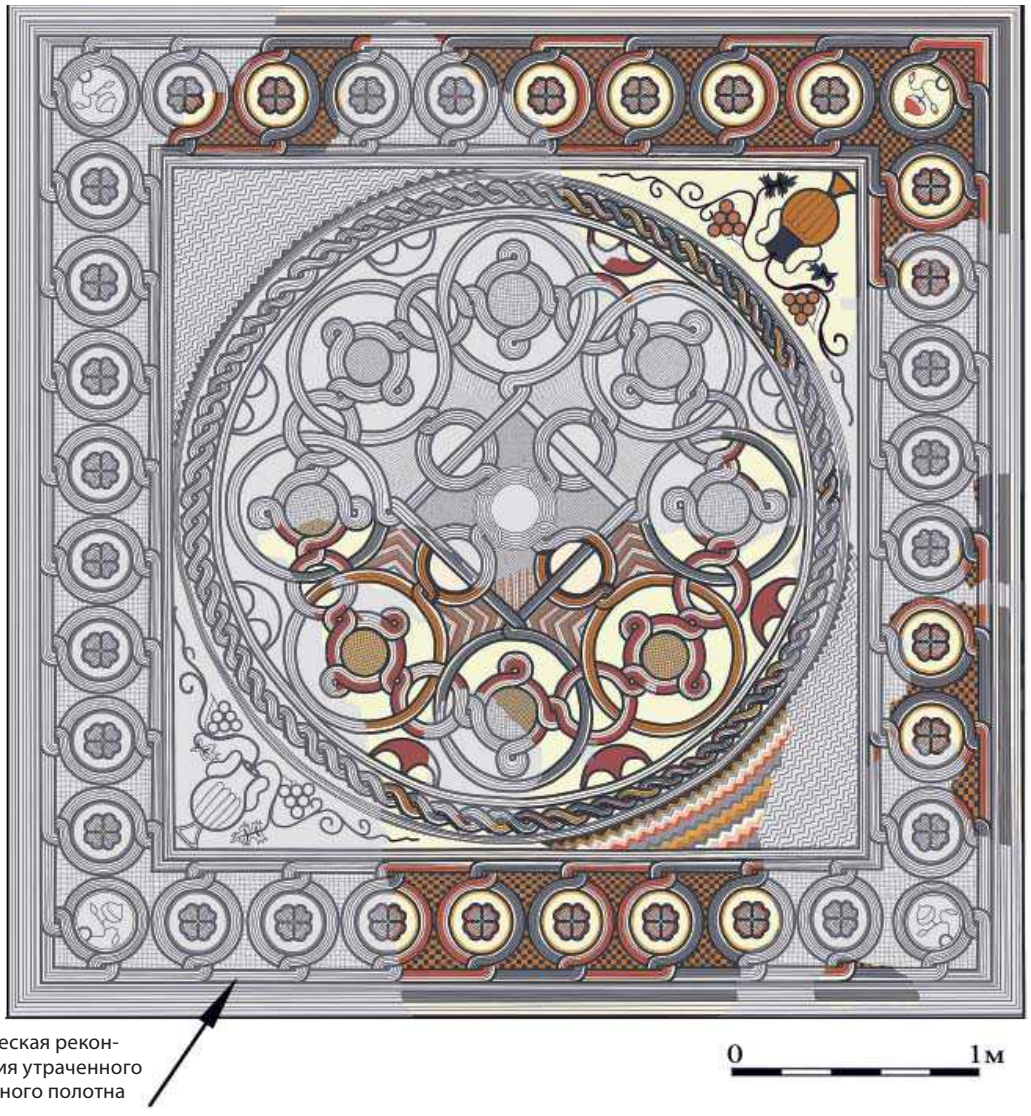
Реставрационные работы по мозаике проводились Иерихонской археологической экспедицией[616] в научном и практическом сотрудничестве с Иерихонским отделением Министерства туризма и древностей Палестинской национальной администрации при участии его представителей.

Мозаика была открыта и законсервирована в раскопе 2 (площадь кв.120 м) на территории Российского Музейно-паркового комплекса в г. Иерихон (ПНА). Она представлена композицией из фрагментов полихромной и монохромной мозаики[617], открытыми при раскопках 2010 г., но впервые обнаруженной еще в 1880-х годах.

Сохранившиеся фрагменты полихромной мозаики позволяют восстановить общую композицию, занимавшую площадь 3.60×3.60 кв. м (илл. 14). Площадь сохранившихся фрагментов составила 33,4% общего объема, средняя плотность выкладки 110 тессер/кв.дм.

[616] Реставраторы ГосНИИР: ведущий научный сотрудник, кандидат геолого-минералогических наук О.В. Аникеева и реставратор II категории С.И. Семенов.

[617] Подробнее о расположении, пространственной конфигурации и принадлежности сохранившихся фрагментов мозаики см. гл. III.

Илл. 14. План-схема размещения сохранившихся фрагментов полихромной мозаики. Сохранившиеся фрагменты показаны цветом.

Вероятно, полотно цветной мозаики по периметру было вымощено одноцветной белой мозаикой, так как с северной, южной и восточной сторон сохранились участки монохромного мозаичного окаймления (илл. 15). С запада оно практически уничтожено поздними деформациями и просадками, затронувшими и западный край полихромной композиции (сохранились единичные фрагменты, по размеру не превышающие 10–15 см).

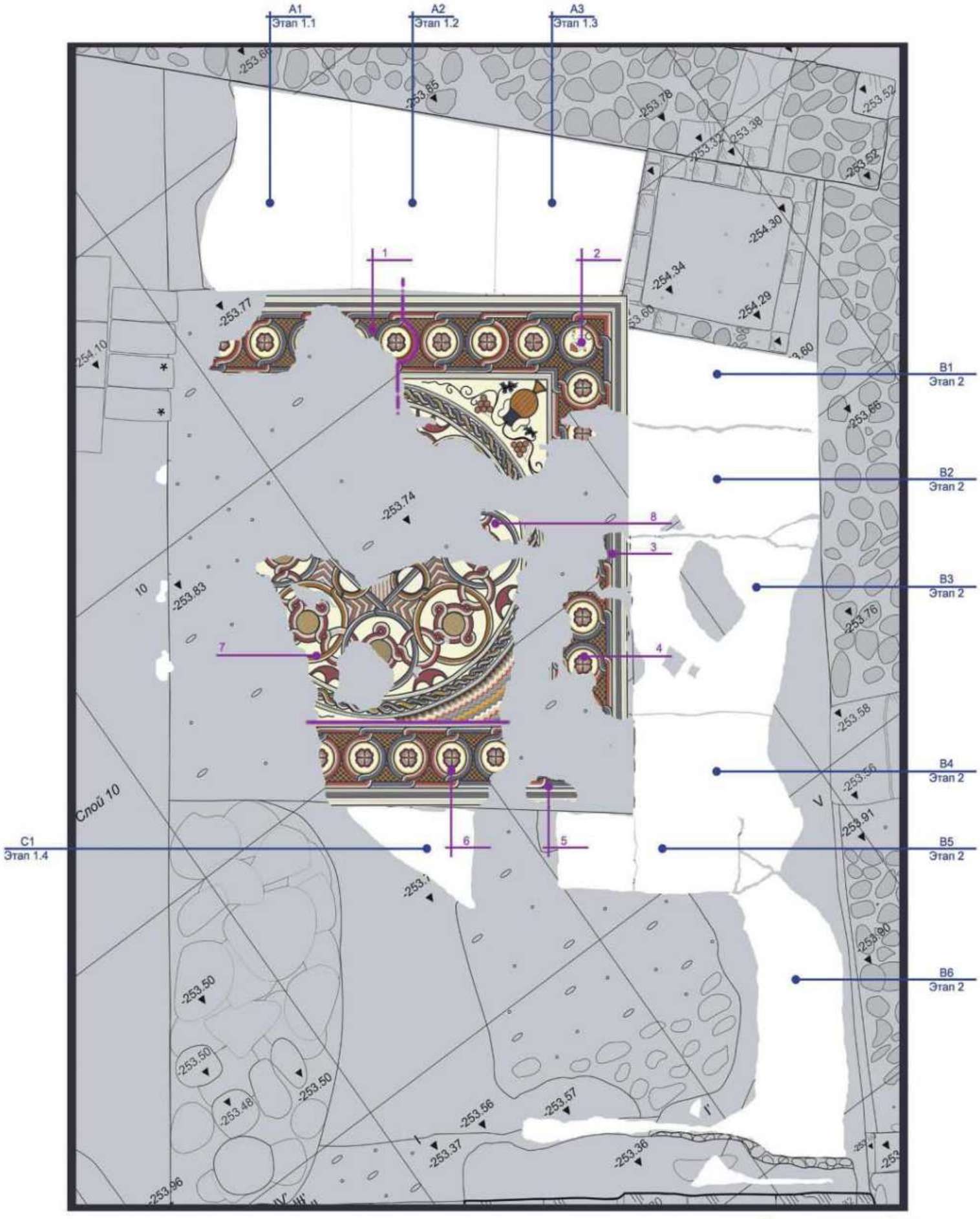
Комплекс реставрационных операций логично разделился на два крупных этапа и был осуществлен за полевые сезоны 2011 и 2013 гг. В ходе первого этапа необходимо было снять сохранившиеся фрагменты и с минимальными утратами каменных тессер переместить их в закрытое помещение Музея и подготовить их к хранению. Второй этап включал мероприятия по созданию и осуществлению музейной экспозиции полихромной мозаики.

Работа протекала в следующем порядке:

Расчистка поля цветной и монохромной мозаики от различных поверхностных загрязнений. Целью сухой расчистки (илл. 16) является удаление комков грунта, почвенной взвеси и пыли из углублений, образовавшихся в результате утраты тессер, а также из микрополостей между каменными тессерами. Важно убрать загрязнения и сохранить фрагменты деструктированного шовного раствора. Сухая расчистка выполнялась с использованием малярных щеток, кистей-белка, брюшных и глазных скальпелей, резиновых груш.

Далее проводилась влажная расчистка поверхности мозаики (илл. 17) щетками и губками, смоченными в теплой воде (пятикратно). Она необходима для выведения с поверхности каменных тессер пористых загрязнений и водорастворимых солей.

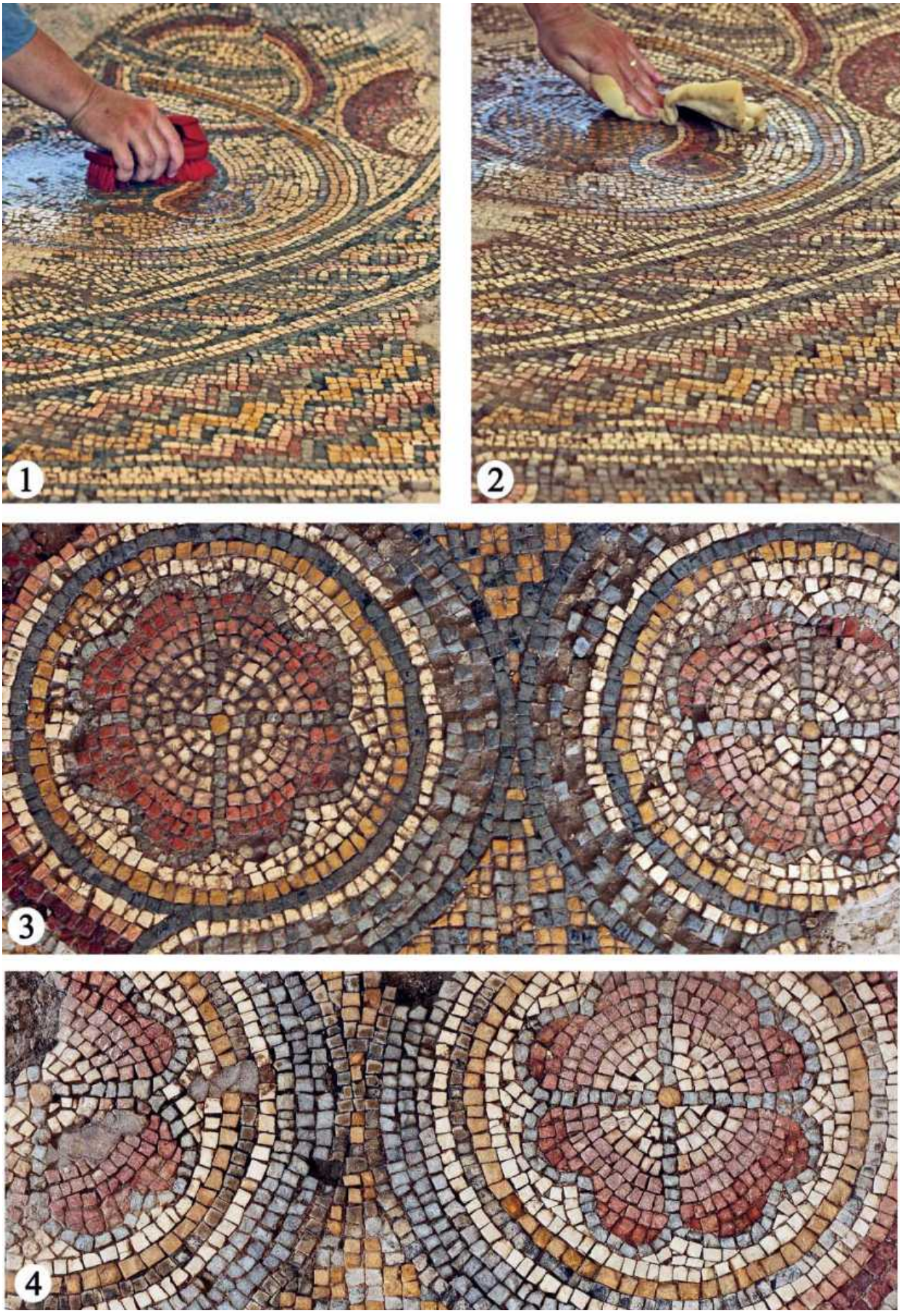
На поверхности белой мозаики были выявлены сложные загрязнения: плотносцементированные натеки тонкодисперсной глины, сгустки и корки карбонатного суглинка с новообразо-

Илл. 15. Схема размещения фрагментов мозаики на плане раскопа: белым цветом выделены сохранившиеся фрагменты монохромной мозаики. Этапы съемки: А-С - фрагментов монохромной (белой) мозаики, 1-8 -фрагментов полихромной мозаики

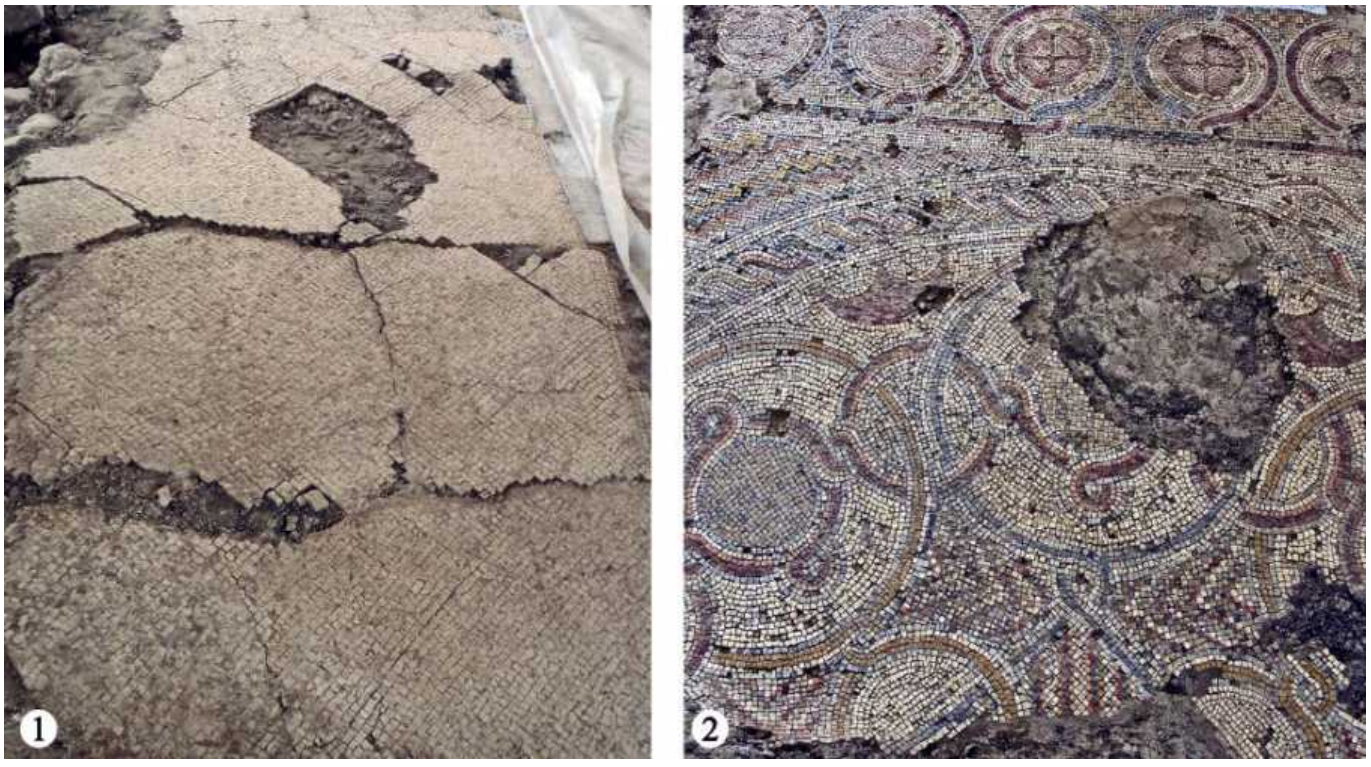
Илл. 16. Сухая расчистка. Поверхность: 1 — до, 2 — в процессе, 3 — после.

Илл. 17. Влажная расчистка поверхности тессер: 1 - щеткой, 2 - губкой, 3 -после трехкратного промывания, 4 - после пятикратного промывания.

Илл. 18. Расчистка поверхности монохромной мозаики от трудноудаляемых загрязнений: 1-3 — скарпелями, 4 — механическим скальпелем.

Илл. 19. Поверхность фрагментов монохромной (1) и полихромной (2) мозаики после расчистки.

ванными карбонатами и солями. Загрязнения толщиной 5–10 мм удалялись вручную скарпелями (илл. 18, *1* и 18,*3*), затем оставшиеся сгустки вычищались механическим скальпелем (илл. 18, *4*). Налет, представленный тонкими слоистыми корками толщиной 1–2 мм, удалялся растворением при наложении компрессов (поверхность смачивалась водой, 10%-ный раствор уксусной кислоты в воде обильно напитывал равномерное покрытие из ваты). Компресс накладывался двукратно. Время действия компресса (12–16 часов) определялось опытным путем при опробовании состава компресса на трех участках белой мозаики размером 10–12 см.

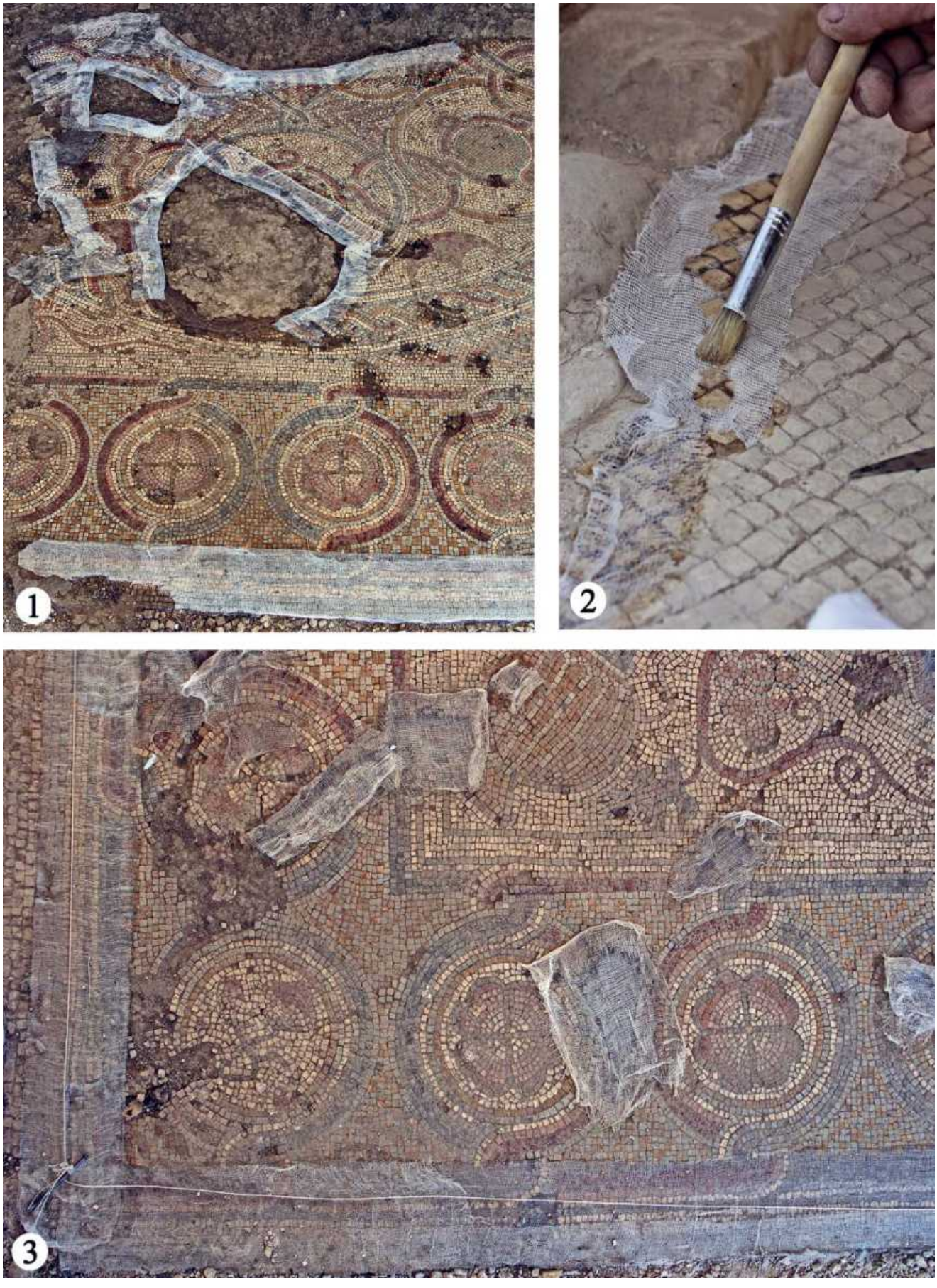
Поверхности фрагментов белой и цветной мозаики после окончания расчистки показаны на илл. 19.

Укрепление ослабленных участков мозаики. Каменные тессеры на окраине фрагментов, как правило, деструктированы, так как количество и сохранность шовного раствора низкие. Для максимального сохранения объема тессер контуры цветной и полихромной мозаик и края утрат внутри фрагментов были укреплены (илл. 20) жидким клеящим раствором (5–7%-ный раствор Paraloid B-72 в растворителе Nitro thinner S 21 наносился кистью на поверхность марли до полного насыщения и прилипания марли к камню).

Составление схем-картограмм для фиксации сохранившихся фрагментов мозаики in situ. После расчистки поверхности были составлены две схемы, отдельные для полей полихромной и белой мозаик (масштаб 1:1, полиэтилен, прозрачная пленка, фломастеры). Эти схемы (илл. 21) были составлены для корректной фиксации перемещенных фрагментов мозаики при хранении. Они также необходимы при последующих работах по сборке и музеефикации мозаики, так как фиксируют первоначальное взаиморасположение фрагментов. На схемах указаны контуры сохранившихся фрагментов, трещины и крупные утраты, узор полихромной мозаики (цветными фломастерами) и линии разрезов мозаичных фрагментов при демонтаже.

Подготовка поля мозаики к демонтажу. Демонтаж. Для освобождения доступа к полихромной мозаике в первую очередь был подготовлен и проведен демонтаж сохранившихся полей белой мозаики (илл. 22, *3* и 22, *4*), оконтуривающих по периметру цветную мозаику.

Профилактическая заклейка лицевой стороны мозаики (илл. 22, *1* и 22,*2*) осуществлялась нанесением двух слоев плотной ткани, многократно пропитанной водным раствором ПВА. После полного высыхания (через 48 часов) поверхность ткани разрезалась по намеченным контурам (илл. 22, *3*). Северное (площадь 4,65 кв. м) и восточное (площадь 8, 19 кв. м) поля монохромной мозаики демонтировались тремя относительно равными по площади фрагментами каждое. Сохранившийся фрагмент южного поля (площадь 0,4 кв. м) был снят одним полотном. Далее они укладывались на фанерные щиты лицевой стороной вниз (илл. 22, *4*) и транспортировались в помещение Музея для дальнейших реставрационных работ.

Илл. 20. Укрепление ослабленных участков каменных тессер во фрагментах полихромной (1, 3) и монохромной (2) мозаик.

Илл. 21. Составление картограммы фрагментов полихромной мозаики.

После полного демонтажа монохромной мозаики был освобожден доступ к полихромной композиции, фрагменты которой демонтировались по аналогичной схеме (илл. 22, *5*).

Расчистка фрагментов полихромной мозаики. На тыльной стороне цветной мозаики слой деструктированной штукатурной основы сохранился участками. Его максимальная толщина достигала 2, максимум 3 см, а текстура отличалась неоднородностью. Преобладали рыхлые лессовидные карбонатные выделения, иногда встречались плотные микрозернистые желваки, визуально похожие на цемент, и тонкие (миллиметровые) напластования затвердевшей основы. Поэтому механическая расчистка (илл. 23, *1* и 23,*2*) выполнялась с использованием скальпелей: глазного, брюшного; кистей (белка), резиновых груш. Для удаления твердых корок использовались скарпели малого диаметра.

Из-за плохо сохранившегося слоя штукатурной основы перед перемещением края фрагментов полихромной мозаики (кроме обязательной отбортовки марлей, пропитанной 5–7%-ным раствором Paraloida B-72 в растворителе Nitro thinner S 21) дополнительно фиксировались сохранением примыкавшего плотного суглинка (до 4–5 см), пропитанного 7%-ным раствором Paraloida B-72 в растворителе Nitro thinner S 2. При расчистке корки отвердевшего суглинка размачивались растворителем Nitro thinner S 2 и удалялись при помощи скальпелей и кистей-белка.

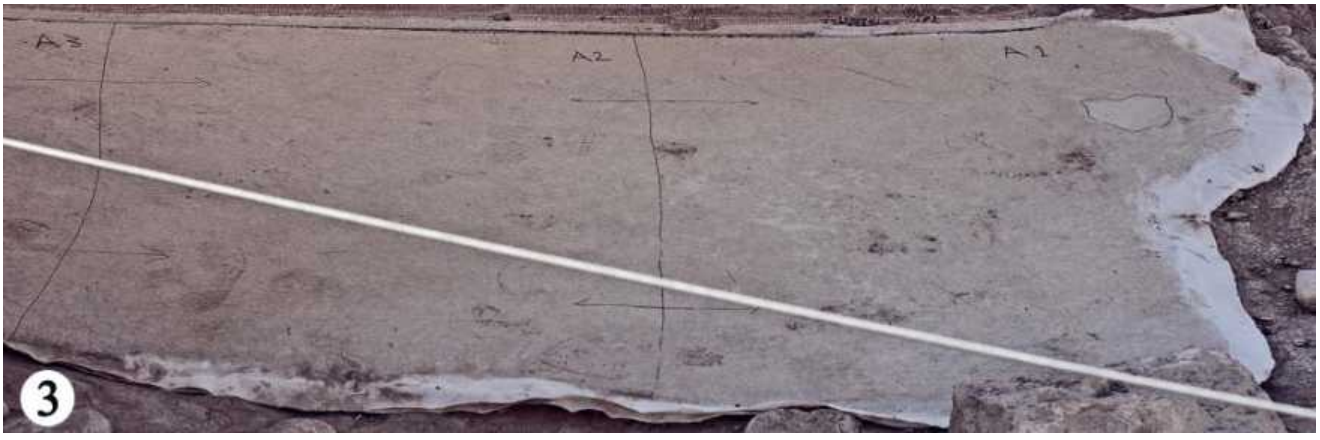
Незначительные утраты (до 3–4 см) в полотне мозаики были восполнены соответственно с узором разноцветными тессерами. В некоторых случаях для фиксации разрозненных подлинных тессер на краях фрагментов было проведено дополнение узора новыми разноцветными тессерами.

Расчистка тыльной стороны фрагментов монохромной мозаики заключалась в удалении довольно мощной (5 см, на некоторых фрагментах до 8 см) деструктированной штукатурной основы. За время бытования штукатурная основа сильно видоизменилась. В ее составе значительную долю занимают почвенные и грунтовые включения, преобразованные в однородную плотную цементовидную массу желтовато-белого цвета. Удаление этого напластования до проявления

Илл. 22. Демонтаж мозаики:
1–2 — заклейка лицевой стороны фрагментов защитной тканью,
3 — разметка линий разрезов на крупном фрагменте в соответствии с планом, демонтаж фрагментов:
4 — тыльная сторона, 5 — лицевая сторона.

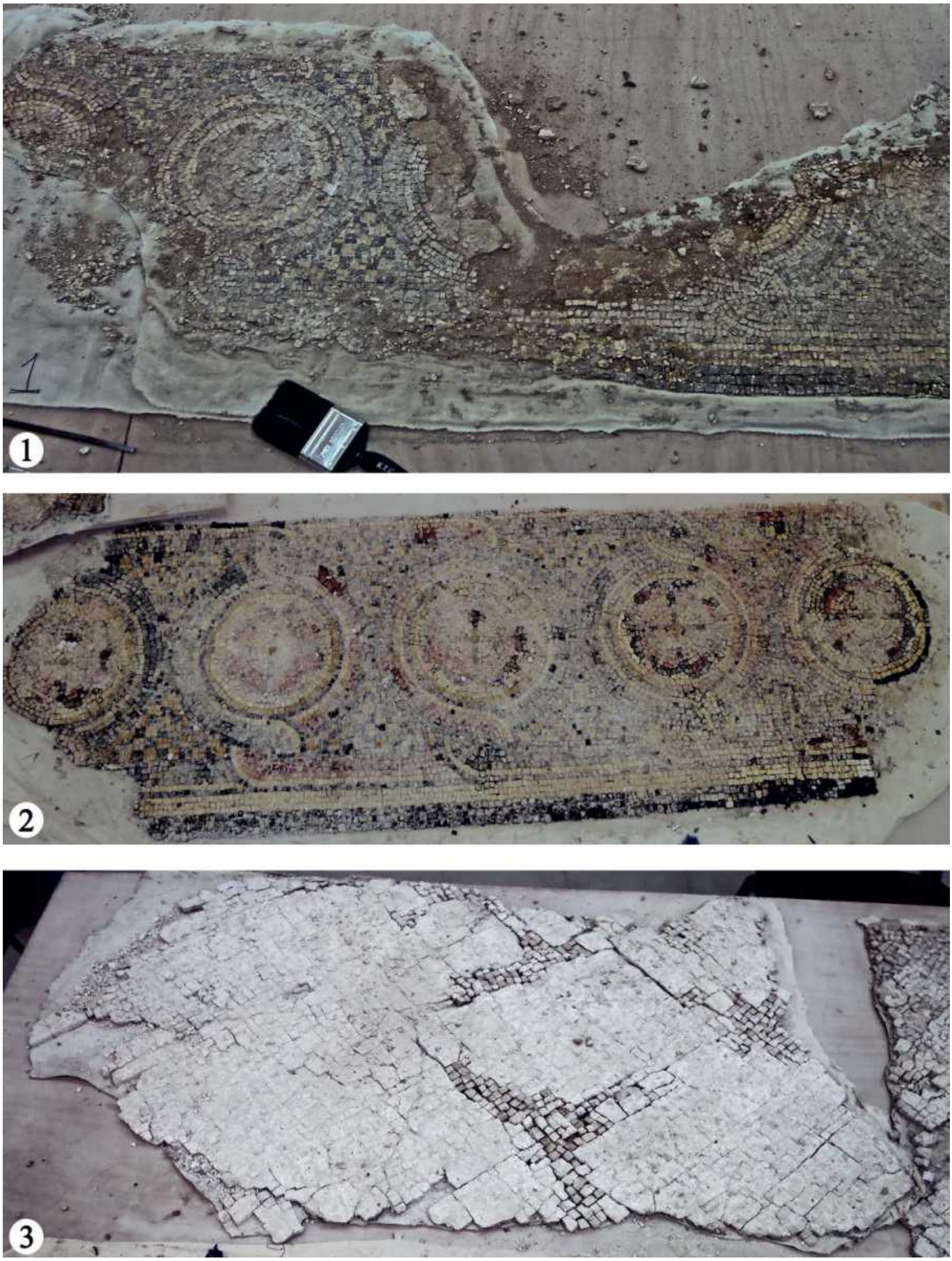

Илл. 23. Расчистка тыльной стороны демонтированных фрагментов полихромной (1,2) и монохромной (3) мозаики.

Илл. 24. Фрагменты полихромной мозаики после консервации.

уровня каменных тессер (илл. 23, *3*) проводилось вручную скарпелями разного размера. Более полное удаление этой деструктированной массы было необходимо, чтобы:

• провести подклейку мелких утрат каменных тессер водным раствором ПВА,

• провести точечное профилактическое укрепление массива каменной мозаики для предотвращения расслоения каменных тессер и сохранения остатков шовного раствора (2,5–3% раствор Paraloid B-72 в растворителе Nitro thinner S 21 наносился кистями на расчищенную тыльную сторону мозаики двукратно).

Консервация. В ходе расчистки было установлено, что тессеры из черного, красного и желтого камня подвержены расслоению, которое стало проявляться по мере расчистки тыльной стороны. Поэтому после расчистки фрагменты полихромной мозаики (илл. 24) были укреплены сначала 3–5% раствором Paraloid B-72 в растворителе Nitro thinner S 21 (наносился кистями на расчищенную тыльную сторону мозаики двукратно), затем 7% раствором Paraloid B-72 в растворителе Nitro thinner S 21 (однократно). Таким образом, кроме защиты каменных тессер от расслоения, была проведена профилактическая консервация сохранившихся фрагментов шовного раствора.

В результате проведения перечисленных реставрационных мероприятий был завершен первый крупный этап и поверхность мозаики была подготовлена для дальнейшего монтажа фрагментов мозаики на основу и подготовки экспозиции полихромной мозаики.

Музеефикация цветной мозаики — трудоемкий стадийный процесс:

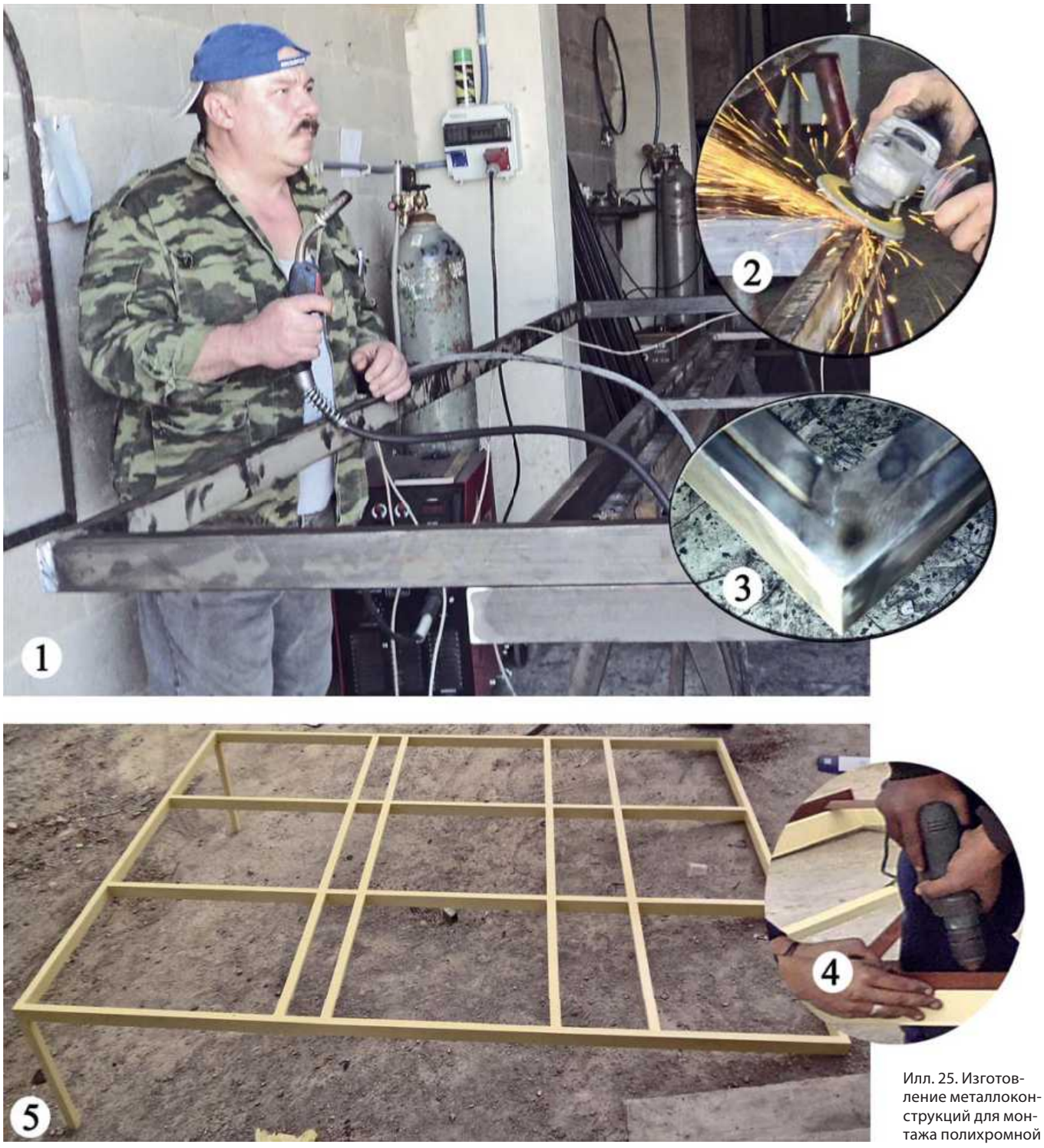
1. Изготовление крепящей основы для монтажа сохранившихся фрагментов полихромной мозаики.

2. Реставрационная подготовка тыльной стороны снятых и расчищенных фрагментов полихромной мозаики для монтажа.

3. Доведение смонтированных фрагментов мозаики до экспозиционного вида.

Две первые стадии являются подготовительными и могут осуществляться параллельно. Третья стадия проводится после завершения первых двух.

Изготовление металлоконструкций с крепящей основой для монтажа мозаики. При проведении реставрационного совета *о возможных вариантах музеефикации* рассматривалось два способа экспозиции снятых фрагментов полихромной мозаики:

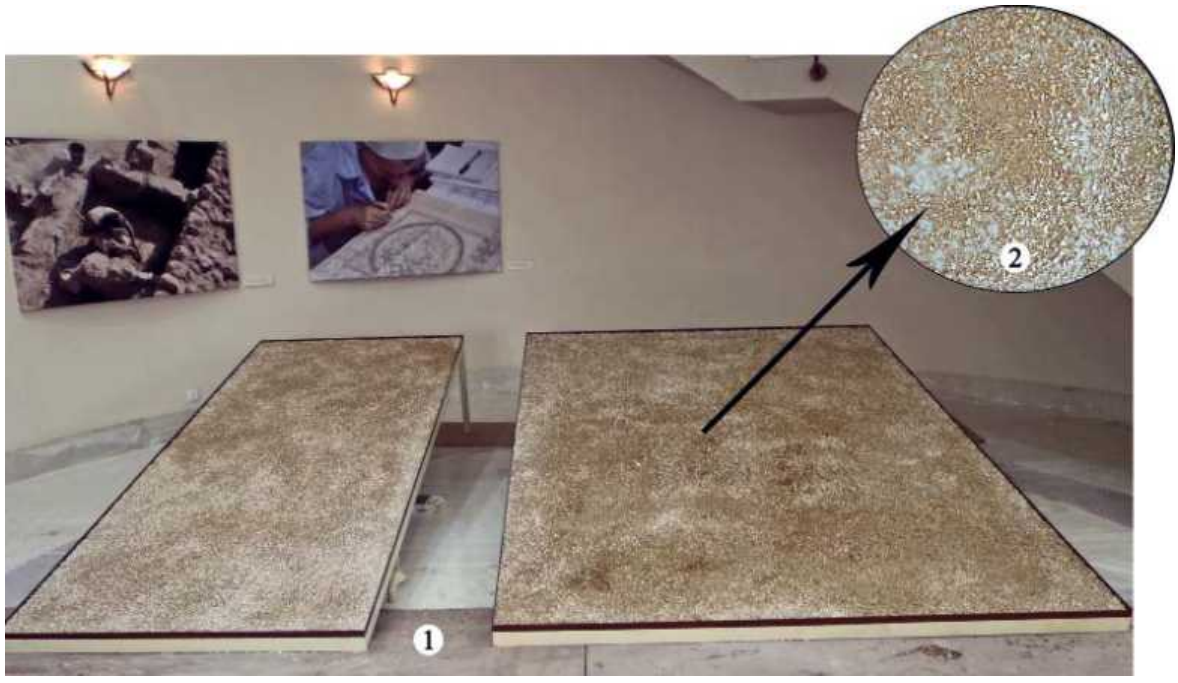
Илл. 25. Изготовление металлоконструкций для монтажа полихромной мозаики: 1 — изготовление рамной конструкции из профильной трубы, 2, 3 — изготовление металлических уголков для крепящей основы, 4 — монтаж поперечных крепежей на раму, 5 — экспозиционный вид металлоконструкции.

• экспозиция каждого фрагмента мозаики в отдельности;

• представление к экспозиции двух крупных полотен, включающих последовательно смонтированные фрагменты мозаики.

Было принято решение экспонировать мозаику вторым способом.

Для этого было необходимо изготовить две крупные рамные металлические конструкции. Из-за больших габаритов и особенностей использования (необходимости держать нагрузки и при этом иметь свободу передвижения) металлоконструкции изготовлялись в мастерской по металлу под постоянным контролем рестаратора II категории С.И. Семенова и профессионального сварщика А.Д. Краснослободцева. Рамная конструкция (илл. 25, *1–3*) изготавливалась из профильной трубы. На эту металлическую конструкцию монтировались металлические уголки для после-

Илл. 26. Металлоконструкция с крепящей основой из закаленного стеклопластика (1) с сотовой алюминиевой структурой (fiberglass honeycomb sandwich panels), поверхность которой покрыта составом из эпоксидной смолы с дробленой каменной крошкой (2).

дующего закрепления в них крепящей основы. Далее на рамные конструкции устанавливались дополнительные поперечные металлические крепежи (илл. 25, *4*), и металлоконструкция доводилась до экспозиционного вида (илл. 25, *5*).

В качестве крепящей основы были выбраны панели из закаленного стеклопластика (fiberglass reinforced plastic) с сотовой алюминиевой структурой (fiberglass honeycomb sandwich panels). Они были укреплены в металлоконструкции (илл. 26, *1*). Поверхность стеклопластика была покрыта специальным составом из эпоксидной смолы с каменной крошкой (илл. 26, *2*) для лучшего сцепления крепящей основы, раствора и фрагментов мозаики.

Подготовка фрагментов мозаики для монтажа включает несколько стадий.

Повторная расчистка тыльной стороны мозаики для удаления остатков и следов руинированных лессовидных масс необходима для повторного укрепления массива каменных тессер каждого фрагмента. Укрепление производилось многократными (пять–семь) пропитками 2,5–5%-ным раствором БМК-5 (сополимер бутилметилакрилата с метакриловой кислотой). Пропитывание выполнялось в следующем режиме: каждое последующее только после полного высыхания предыдущего.

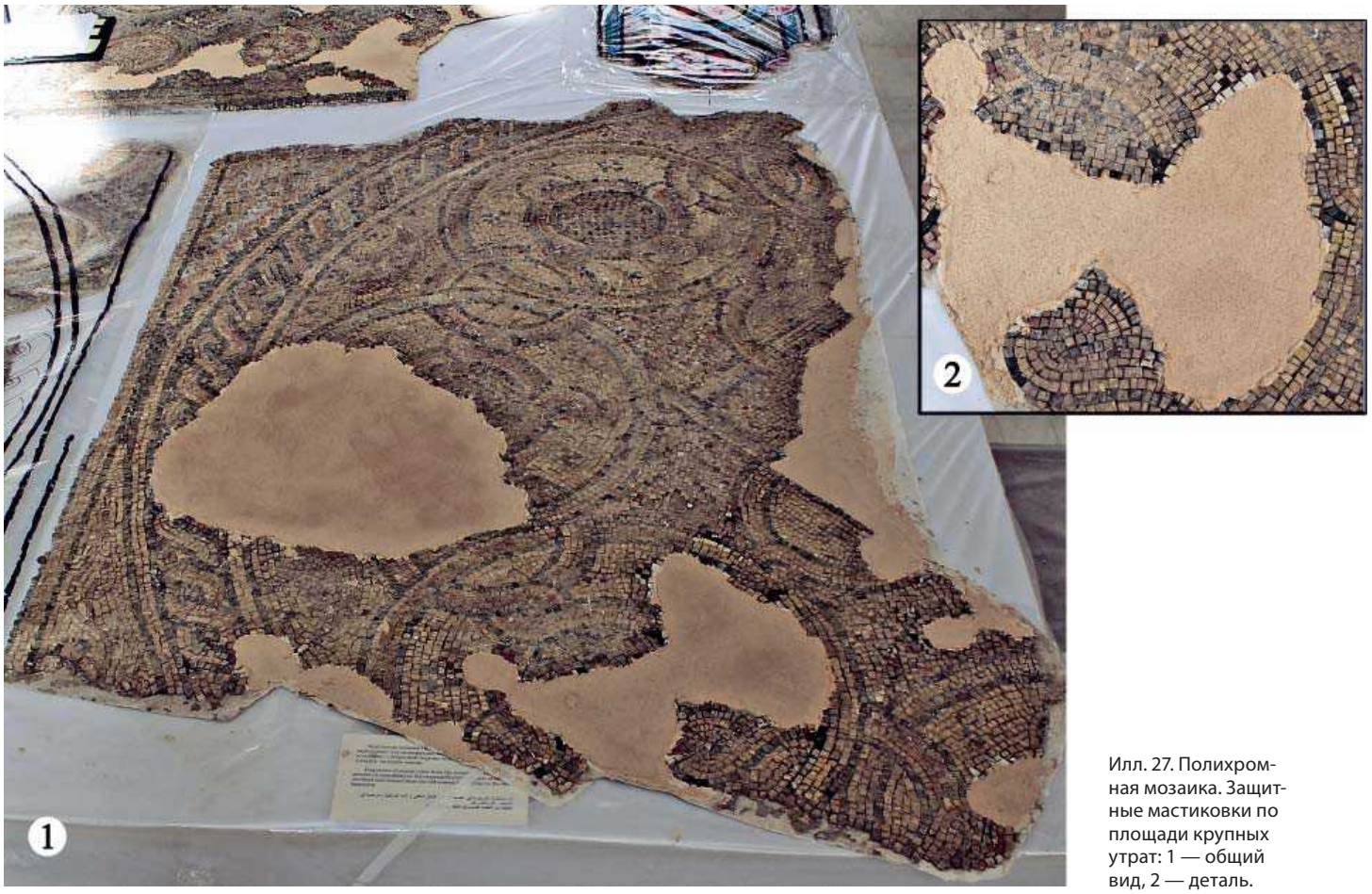
Мастиковка крупных трещин и утрат в массиве каменных тессер каждого фрагмента (илл. 27, *1* и 27, *2*) проводилась для защиты лицевой стороны каменных тессер и материи, на которой они держатся, от карбонатно-цементных укрепляющих растворов. Выполнена легкой обратимой мастикой на основе 1%-ного водного раствора ПВС (поливиниловый спирт). Такая мастика хорошо видна на лицевой стороне и легко удаляется по мере необходимости.

Монтаж фрагментов мозаики на подготовленные основы. Подстилающий раствор для фрагментов мозаики состоял из гидравлической извести фирмы Lafarge (упаковка — мешки по 50 кг) с наполнителями. Для выбора фактуры и тона раствора были поставлены пробы, состоящие из гидравлической извести, мелкого полимиктового кварцевого песка, белого цемента, гипсовой шпаклевки и натурального красителя (мука, полученная при дроблении гончарной керамики кирпичного цвета).

После становления четырех проб с различным соотношением компонентов был выбран следующий состав раствора:

- гидравлическая известь — 8 долей;
- мелкий полимиктовый кварцевый песок — 2 доли;
- белый цемент — 2 доли;
- гипсовая шпаклевка — 1 доля;
- натуральный краситель - 2 доли.

Этот состав без красителя замешивался и наносился на размеченные по картограммам участки демонстрационных конструкций, на них выкладывались фрагменты мозаики (илл. 28, *1* и 28,*3*). При этой операции велся постоянный контроль за равномерным распределением раствора и соблюдением горизонтального уровня поверхности выложенных фрагментов.

Илл. 27. Полихромная мозаика. Защитные мастиковки по площади крупных утрат: 1 — общий вид, 2 — деталь.

Расчистка лицевой поверхности мозаики. Удаление профилактической заклейки с лицевой стороны возможно после полного вставания раствора, который крепит оборотную сторону тессер. Ткань размачивалась теплой водой губкой попеременно с прокаткой длинными ватными тампонами, размягчалась и при легких, плавных потягиваниях отставала, открывая лицевую поверхность мозаики (илл. 29, *1–29,3*).

Одновременно с лицевой поверхности удалялись слои защитных мастиковок (скальпелями и мастихинами) после тщательного смачивания их теплой водой (илл. 30, *2*).

Открытая поверхность вручную, скальпелями и щетками, расчищалась от остатков ПВА (илл. 30, *4*). Солевые загрязнения, следы раствора удалялись с поверхностей тессер механической расчисткой металлическими щетками (илл. 30, *3*), а также нанесением на расчищаемые участки горячей воды с ПАВ, расчистка жесткими волосяными щетками и губками; после 5–10 минут — многократная промывка чистой горячей водой.

Доведение мозаичных композиций до экспозиционного вида. Расчищенное пространство между смонтированными фрагментами мозаики, а также пустоты внутри мозаичного полотна равномерно заполнялись закрепляющим раствором[618] с натуральным красителем (илл. 31, *1*). В этой операции особое внимание уделялось зоне стыковки наносимого раствора с твердеющим раствором, подстилающим мозаичные фрагменты, а также с равномерным распределением раствора на окраинах мозаичных фрагментов (илл. 31, *2* и 31, *3*). При этом осуществлялся постоянный контроль за соблюдением общего горизонтального уровня в пределах полотна.

После завершения монтажа в течение двух суток поверхность демонстрационных полотен постоянно увлажнялась водой, чтобы вставание раствора шло постепенно (илл. 32, *1*). Края каменных тессер в пограничной зоне стыковки с раствором выделялись при помощи равномерного понижения уровня фонового раствора на 2–3 мм (илл. 32, *2* и 32, *3*).

Консервация поверхности полихромной мозаики осуществлялась нанесением укрепляющего раствора (трехкратная пропитка 1,5%-ным раствором Paraloid B-72 в растворителе; кисточки, марлевые тампоны). После консервации мозаичные полотна подготовлены к экспозиции (илл. 33).

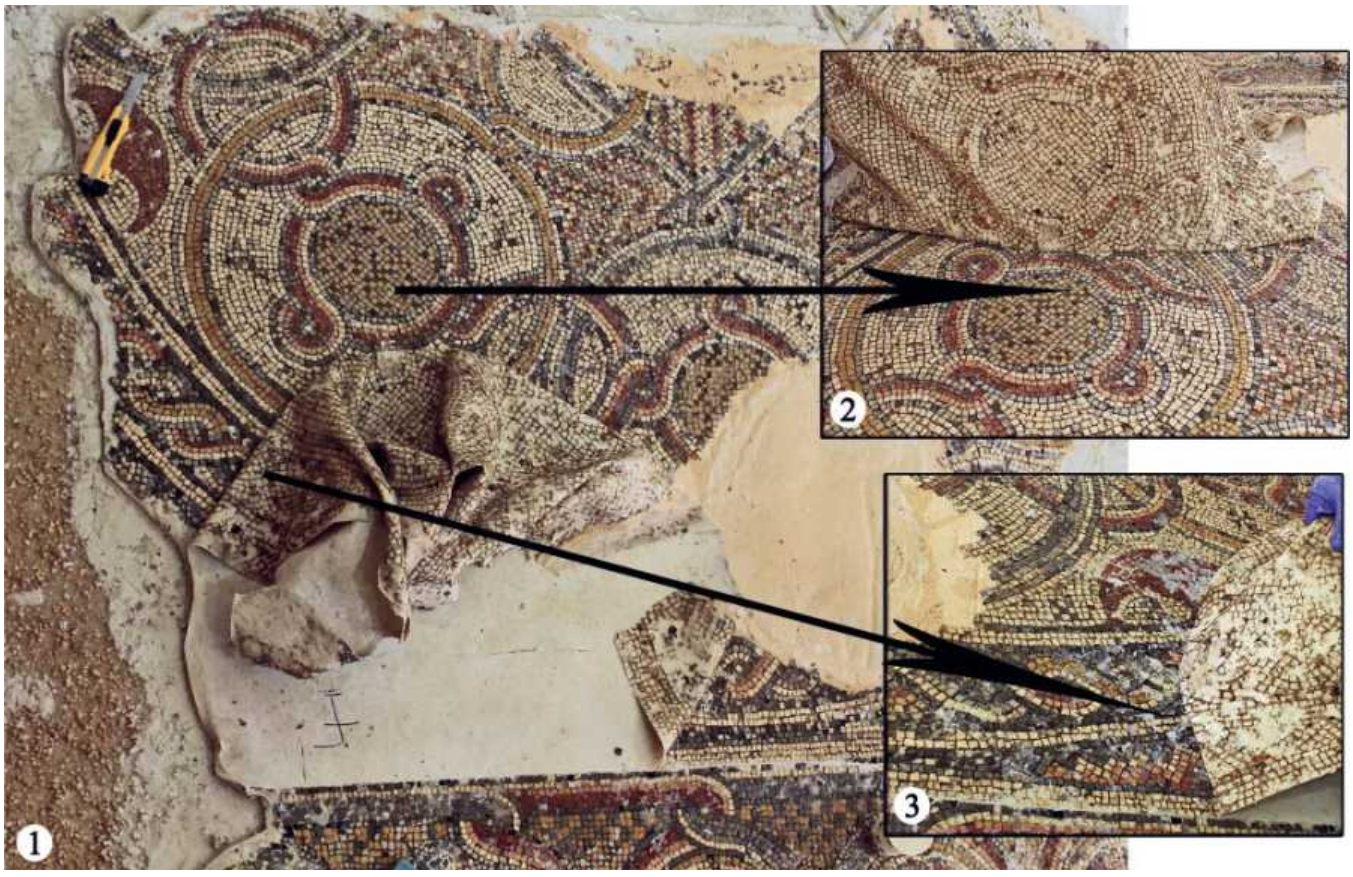
[618] Состав раствора приведен выше, см.: *Монтаж фрагментов мозаики на подготовленные основы.*

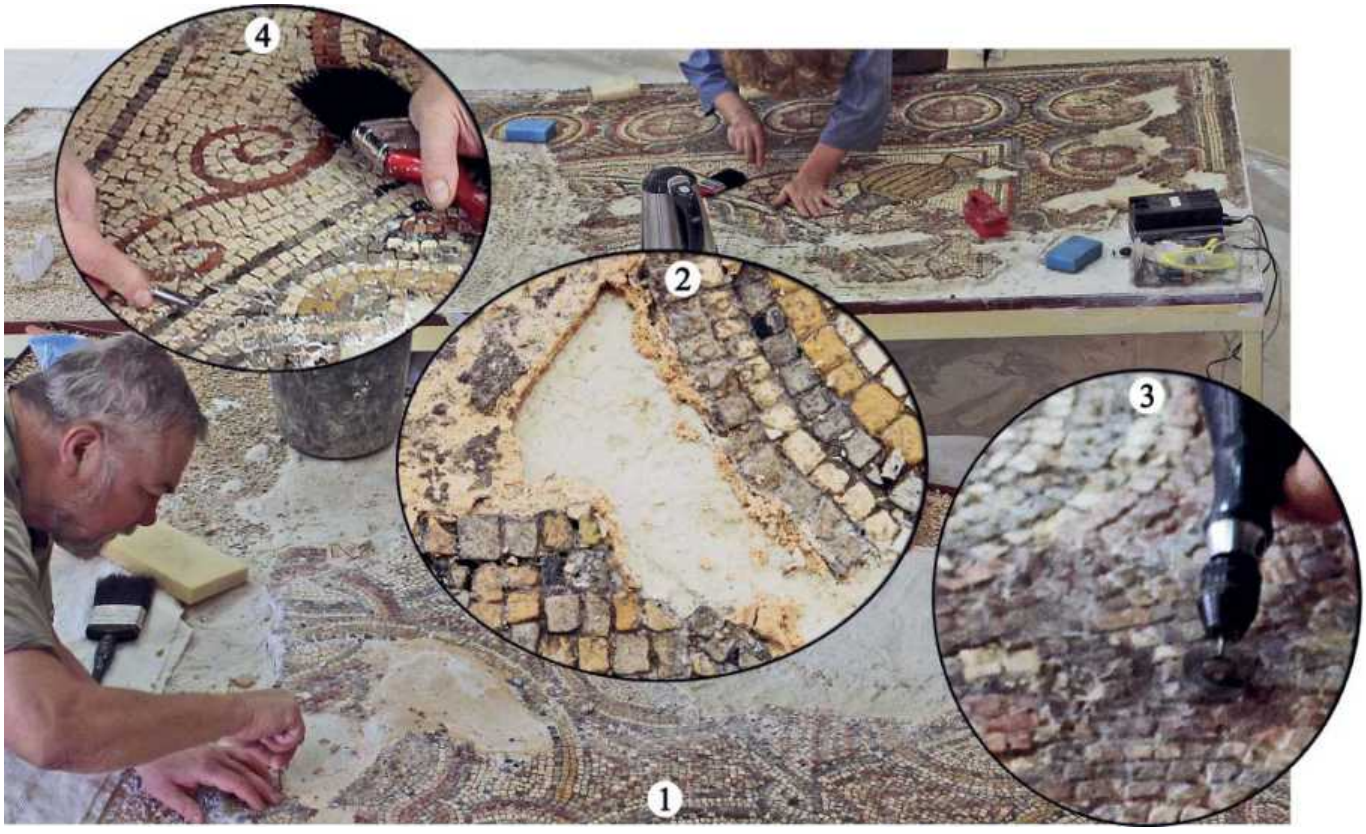

Илл. 28. Монтаж фрагментов мозаики на раствор, нанесенный на поверхность держащей конструкции: 1 — контуры фрагмента должны точно совпасть с разметкой на крепящей основе, 2 — фрагмент выложен лицевой стороной, заклеенной белой тканью, 3 — стыковка двух крупных фрагментов, контроль за общим горизонтальным уровнем конструкции.

Илл. 29. Размачивание и удаление слоя ткани с лицевой поверхности мозаики: 1 — общий вид, 2 — деталь, вид спереди, 3 — деталь, вид сбоку.

Илл. 30. Расчистка лицевой поверхности мозаики: 1 — общий вид, 2 — удаление защитных мастиковок, расчистка крае-тессер для последующего заполнения раствором, 3 — удаление грязевых микроналетов металличской щеткой, 4 — удаление остатков ПВА, заполняющих пустоты между тессерами.

Илл. 31. Докомпановка мозаичных композиций расвором с натуральными красителями: 1 — общий вид, 2, 3 — детали.

Илл. 32. Увлажнение поверхности полотна водой: 1 — общий вид, 2, 3 — выведение контура краев мозаики.

Илл. 33. Мозаичные композиции после консервации подготовлены к экспозиции.

№ 72

Въ Православное палестинское общество состоящее подъ председательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича.

Мѣщанина Таврической губерніи города Алешекъ Ивана Кирилова Плеханова, въ монашествѣ Іеромонаха Іоасафа.

Прошеніе.

По провидѣнію Всевышняго Создателя, я съ молодыхъ моихъ лѣтъ горячо возлюбилъ искреннее желаніе для сердечнаго спокойствія и спасенія души поступить въ монашество, и въ 1863 году отправился по примѣру прочихъ русскихъ земляковъ на Аѳонскую гору (въ Турціи), съ увольнительнымъ отъ общества свидѣтельствомъ для означенной надобности, гдѣ я и былъ постриженъ въ монахи, а въ послѣдствіи рукоположенъ въ Іеромонахи, однако не переставалъ возобновлять мой мірской заграничный паспортъ, при чемъ аккуратно уплачивалъ Государственныя повинности.

На Аѳонѣ видя благочестивые примѣры прочихъ святыхъ, я по моему скромному убѣжденію, по праву старшинства Аѳонскаго порядка, послѣ смерти старца Схимонаха Игнатія получилъ въ наслѣдство подъ вѣдомствомъ монастыря Лавры преподобнаго Аѳанасія Келлію (именуемую) Св. Великомученика Артемія, съ тремя небольшими церквами въ которой я нынѣ состою Настоятелемъ оной съ братіею въ двадцать душъ.

5. ДОКУМЕНТЫ[619]

5. 1. Прошение о. Иоасафа о приеме в состав РДМ и передаче участка в собственность ИППО

В Православное палестинское общество состоящее под председательством Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергея Александровича.

Мещанина Таврической Губернии города Алешек[620] Ивана Кирилова Плеханова, в монашестве Иеромонаха Иоасафа.

Прошение.

По провидению Всевышняго создателя, я с молодых моих лет горячо возымел искреннее желание для сердечного спокойствия и спасения души поступит в монашество, и в 1863 г. отправился по примеру прочих русских земляков на Афонскую гору (в Турции), с увольнительным от общества свидетельством для означенной надобности, где я и был пострижен в монахи, а в последствии рукоположен в Иеромонахи, однако не переставал возобновлять мой мирской заграничный паспорт, при чем аккуратно уплачивал Государственные повинности.

На Афоне видя благочестивые примеры прочих святых, я по моему скромному убеждению, по праву старшинства Афонского порядка, после смерти старца схимонаха Игнатия получил в наследство под ведомством монастыря Лавры преподобного Афанасия келлию [именуемую] Св. Великомученика Артемия, с тремя небольшими церквами в которой я ныне состою Настоятелем оной с братиею в двадцать душ.

Старцы Монастыря Лавры никогда не ожидали столь быстраго расширения Келлии и увеличения в ней русской братии, так что когда впоследствии увидели цветущее состояние означенной Келлии, начали настоятельно требовать уменьшения наполовину числа братии.

Во избежание дальнейших более резких действий монастыря и не желая дать повода к судебным препирательствам, не приличествующим иноческому званию и рясе, я, с душевным прискорбием, решился выехать в 1881 г. в святой град Иерусалим дабы приобрести там место и устроить для жительства братии помещение.

По прибытии же моем в Иерусалим ознакомившись с местностию жизни и обычаями, по благословению блаженной памяти Блаженнейшего Патриарха Иерофея, я купил в пределах Иерихона, совместно с престарелою поклонницею крестьянкою ставропольской Губернии Еленою Резниченковою один участок земли, о вышесказанном же разрешении Патриарха довольно хорошо известно Митрополиту Епархии Аравийской Петры, Отцу Никифору; а также учинил я этот шаг по совету начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Архимандрита отца Антонина и г-на Генерального Консула Его Превосходительства Кочевникова.

По получении мною и Резниченковою от турецких властей узаконенных документов на купленный нами участок земли, я беспрепятственно построил на нем два оштукатуренных домика и сделал прочие хозяйственные пристойки, насадил лимонный и банановый сад.

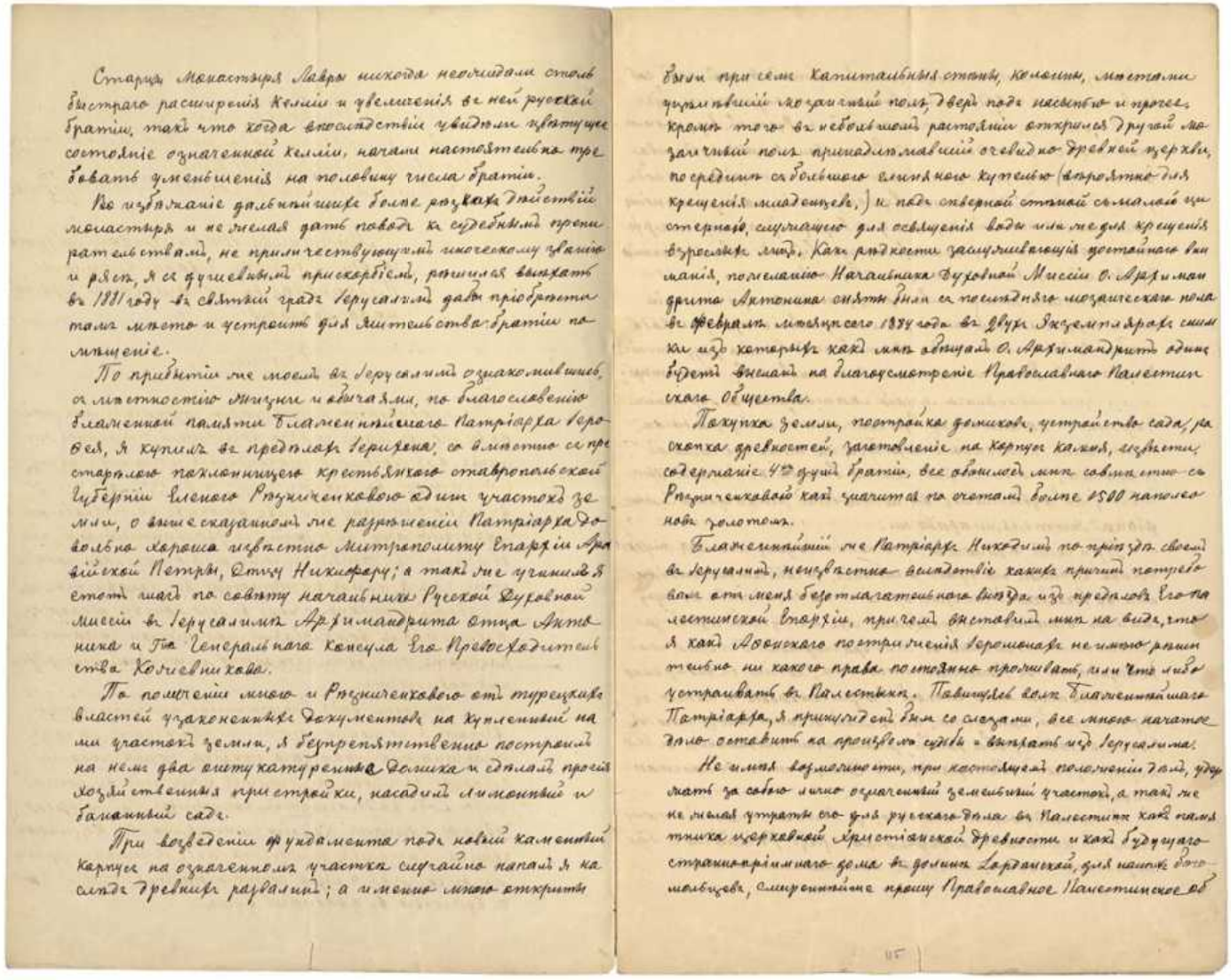
При возведении фундамента под новый каменный корпус на означенном участке случайно напал я на след древнихъ развалин; а именно мною открыты были при сем капитальныя стены, колонны, местами уцелевший мозаичный пол, дверь под насыпью и прочее; кроме того в небольшом расстоянии открылся другой мозаичный пол принадлежавший, очевидно, древней церкви, посредине с большой глиняною купелью (вероятно для крещения младенцев) и под северной стеной с малою цистерною, служащей для освящения воды или же для крещения взрослых лиц. Как редкости, заслуживающие достойного внимания, по желанию Начальника Духовной Миссии О. Архимандрита Антонина сняты были с последнего мозаического пола в феврале месяце сего 1884 г. в двух экземплярах снимки, из которых, какъ мне обещал О. Архимандрит, один будет выслан на благоусмотрение Православного Палестинского Общества.

Покупка земли, постройка домиков, устройство сада, раскопка древностей, заготовление на корпус камня, извести, содержание 4-х душ братии, все обошлось мне совместно с Резниченковою, как значится по счетам, более 1500 наполеонов золотом.

Блаженнейший же Патриарх Никодим по приезд своем в Иерусалим, неизвестно вследствие каких причин потребовал от меня безотлагательного выезда из пределов Его палестинской Епархии, при чем выставил мне на вид, что я как Афонского пострижения Иеромонах не имею решительно никакого права постоянно проживать, или что-либо устраивать в Палестине. Повинуясь воле Блаженнейшего Патриарха, я принужден был со слезами все мною начатое дело оставить на произвол судьбы и выехатъ из Иерусалима.

[619] Все документы приводятся в современной орфографии, но с сохранением дореволюционного синтаксиса.

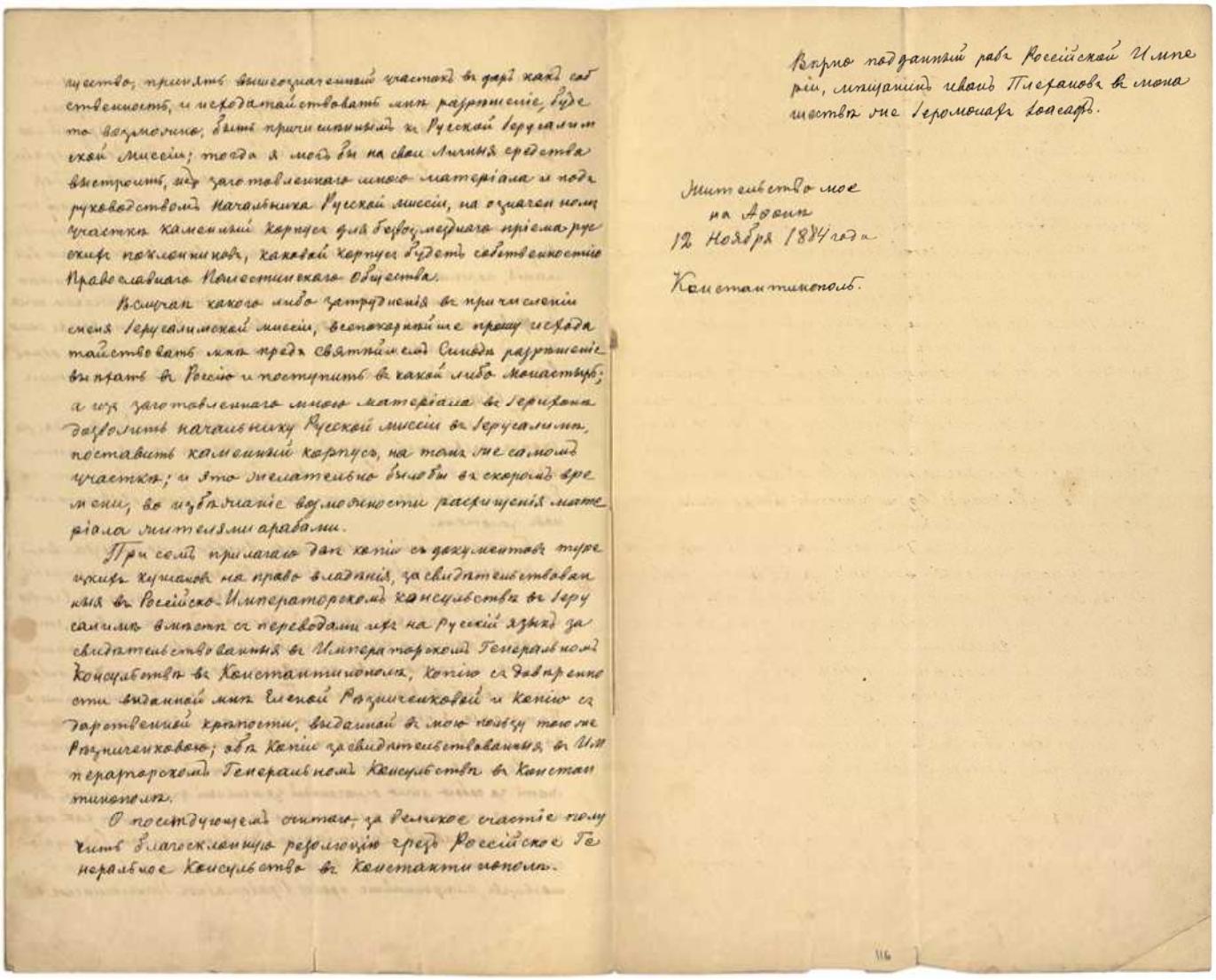
[620] Алешек Таврической губернии — ныне Алёшки, город в Херсонской области (Украина), древнерусское Олешье. — *ЛБ*

Не имея возможности, при настоящем положении дел, удержать за собою лично означенный земельный участок, а также не желая утраты его для русского дела в Палестине как памятника церковной Христианской Древности и как будущего странноприимного дома в долине Иорданской для наших богомольцевъ, смиреннейше прошу Православное Палестинское Общество принять вышеозначенный участок в дар как собственность, и исходатайствовать мне разрешение, буде то возможно, быть причисленным к Русской Иерусалимской Миссии; тогда я мог бы на свои личные средства выстроить, из заготовленного мною материала и под руководством Начальника Русской миссии на означенном участке каменный корпус для безвозмездного приема русских поклонников, каковой корпус будет собственностию Православного Палестинского Общества.

В случае какого-либо затруднения в причислении меня Иерусалимской миссии, всепокорнейше прошу исходатайствовать мне пред Святейшем Синоде[*sic*] разрешеніе выехать в Россію и поступить в какой-либо монастырь; а из заготовленного мною материала в Иерихоне дозволить начальнику Русской миссии в Иерусалиме поставить каменный корпус, на том же самом участке; и это желательно было бы в скором времени, во избежание возможности расхищения материала жителями арабами.

При сем прилагаю две копии с документов турецких кушанов на право владения, засвидетельствованные в Российско-Императорском консульстве в Иерусалиме, вместе с переводами их на русский язык, засвидетельствованные в Императорском Генаральном Консульстве в Константинополе; копию с доверенности, выданной мне Еленой Резниченковой и копию с дарственной крепости, выданной в мою пользу тою же Резниченковою; обе копии засвидѣтельствованныя въ Императорском Генеральном Консульстве в Константинополе.

О последующем считаю, за великое счастие получить благосклонную резолюцию через Российское Генеральное Консульство в Константинополе.

Верно подданный раб Российской Империи, мещанин Иван Плеханов, в монашестве же Иеромонах Иоасаф.

Жительство мое на Афоне.

12 ноября 1884 г.

Константинополь

5.2. Отрывок из дневника Н.П. Кондакова 1891 г.

Кондаков Н.П. Дневник...

21 окт[ября]. Понедельник.

В 6 ч. встали. В 7 ч. с Михайловым ездили смотреть открытую мозаику на их участке. Стены большой базилики по сторонам и отличный пол, но весь выгнулся брюхом.

11 ноября. Наши Смирнов и Околович с Хитрово и Михайловым поехали в Иерихон. Ясно, но прохладно…

22 ноября. Пятница.

Работы на раскопках кончены, это оказалось бедный квартал, устроившийся на прежнем хорошем месте — моз[аика] в одной комнате поместилась частью.

Всего насчитал 13 комнат или домов по типу беднейших городских домиков. В конце один домишка с заложенными в стенах колоннами.

Поехали в 10 ч. к И[оанну] Крестителю или Каср-ель-Иегуд…

В 12, 10 м[инут] приехали — вся новая постройка, древняя только осталась апсида нижней церкви и перед церковью 2 капители (рис.) и с боку стены у входа битые куски капителей и карнизов, все это 6 в.

И, однако, это не есть вовсе то, что ищут, т[о] е[сть] не тот м[онасты]рь И[оанна] Крест[ителя], который стоял у самого Иордана (а здесь мы ехали до реки более 20 м[инут]) и спускался террасами над рекою.

5.3. Полевые записи Я.И. Смирнова, 1891 г.

Смирнов. Дневник // Архив ИИМК. Ф. 11. Оп. 17. С. 80–94.

«*12 ноября.* 7 ослов, 5 человек рабочих. Начали снимать набросанную при прежних раскопках землю к западу от мозаики и очищали мозаику, причем дошли на зап[аде] до стенки (*? - ЛБ*), построенной на ней к В[остоку]. Мозаика кончается, не доходя немного до линии пилястры. При расчистке земли в зап[адной] части найдено цветное стеклянное донышко? В восточной яме сердоликовая многогранная бусина и куски песчаникового камня с частью креста?

13 ноября. При расчистке мозаики оказалось, что южная часть ея на той же высоте, как и средина, но что она оторвана от средней части и сильно попорчена. Так что очевидно, что северная часть села (как то видно по буту водному на под северной стеной). На высоте над юго-восточным углом мозаики обнаружен помост из плит и зола с мелкими углями. Из мелочей найдено горлышко стеклянного сосуда, кусок глиняной и орнамент, часть ионической капители. Выемка до стен еще не дошла, насыпь сама почти из чистой земли с мелким лишь камнем. Мальчики выносили мелкий камень с южного края ямы мозаики … верблюды вывозили оттуда же и из ямы к востоку от мозаики, равно как и больших камней из насыпи над мозаикой при одном камне из лежавших к югу от выемки найдена … К югу от лестницы в старую яму поставлено два рабочих, обнаружена стена, идущая с юга на север … углом. В насыпи над мозаикой мною найдено старое стекло.

14 ноября 1891. Ослов 24, ребят 11, рабочих 11, верблюдов 2. Раскопки продолжались на прежнем месте: стенка на западной части мозаики оказалась поставленной на краю ея, за стенкой круглая новейшая цистерна с проводом воды с юга, там же к югу зап[адный] барабан колонны, стоящий на земле и потому снятый. Южная часть мозаики осела и была уровнена новой. В пробной яме стена плохой кладки. Находки. Медная монета в помещении к востоку от мозаики. Лампочка к западу. В насыпи над западной частью кусочек мраморной плитки круглой и четырехугольной.

15 ноября 1891. Раскопки к востоку от мозаики: вычищено все пространство, вынутое ранее: ниже уровня мозаики, причем местами в средине на белом цементе обнаружились в неправильном положении белые кубики. Среди земли, насыпавшейся с юга, найден конец слезницы. Из здешних мест вынута вероятно лежащая у забора база колонны и барабан ея, поставленный ныне на стену. При очистке земли по низу к западу от мозаики разобрана труба цементная к круглой цистерне: в буте северной стены обнаружена широкая глиняная водопроводная труба. К западу от цистерны скоро начался бут на извести с … в нем в юго-западном углу попадались куски сломанной мозаики, а в северо-западном и кусок мозаики на высоте, очевидно, угол — между ними стена, идущая к западу или основание ея бутовое. Среди мелочи в насыпи найдено бронзовое колечко. В пробе в углу стен в северной яме внутри все заполн[ено] громадными камнями на цементе, снаружи пола не обнаружилось, хотя углубились ниже линии тесаного камня. Пробная яма у мельницы оставлена, обнаружена стена за выступом в одном месте.

16 ноября. Раскопки продолжались к западу и востоку от мозаики. К западу — ничего. В насыпи попалась плитка от мраморного пола и конец ножа или меча. В месте для конца южной стены найден обломок чашечки цветного стекла… Пробная яма у мельницы оставлена, земля вся вывезена. Новая сделана у южной стены приюта, где в яме подле двух громадных камней видна была настилка из белых плит. Настилка прослежена до маленькой ямы к востоку, причем найден южный край настилки. В мусоре нашелся толстый железный гвоздь. К востоку повернули расчищая старый раскоп к югу за прежним краем его обнаружен помост, как над Ю[го] В[осточным] углом мозаики. Начали сносить землю между мозаикой и стеной в зап[адном] краю этого бокового раскопа. Здесь найдены кроме черепков глиняных ряд стеклянных обломков, одно дно слезницы красного стекла и две монетки: одна маленькая, другая большая, видимо, виз[антийская] поломанная.

17 ноября. В раскопе помоста найдена маленькая монета. На поле за оградою найдена гладкая бронзовая монета. Раскопки в пробной яме: найден помост плит неправильной формы до концов плит. Там нашлась монетка и часть мраморной плиты. Но стен нет. К З[ападу] от мозаики кончено движение вперед, свернули в… яму. Ничего. К востоку от второго помещения снята земля до

линии южной: в вост[очной] части очищена знач[ительная] часть стены … раскопан помост… какой-то, в западной … часть помоста и под ним обнаружилась часть мозаики подле двух больших камней остатков древних стен помещения с мозаичным полом. Там же другой кусочек мозаики на высшем уровне. В земле обломки стекла — стеклянные … В пробе к югу очищен каменный пол к югу на нек[ото]рой высоте и найдена стена с З[апада]. В земле был какой-то конический горшок…

18 ноября. На востоке в крайней яме обнаружены пятна с В[остока] на З[апад]. К югу от квадрата кусок мозаики. На западе кусок колонны … и часть стены с В[остока] на З[апад]. Во 2-ой пробной яме… камни стены к югу. В 3-ей пробной яме… В восточной части в земле плитка белого мрамора продолговатая. В насыпи бронзовая чашечка.

19 ноября. В вост[осточной] части найдена разрушенная белая и красная мозаика и затем в квадрате бак для грязной воды. В третьей пробной яме еще вчера обнаруженная вост[очная] сторона стены… привела к колонне из… барабанов, прислоненной к… южной части стены. Оказалось, что эта колонна стала, по-видимому, в позднейшей стене на базе под край камень, идущий к западу. Вдоль стен проведена траншея, а к сев. начато срытие насыпи. Обнаружен угол к западу. 4-ая пробная яма к Ю[гу] … от дома. Для открытой стены. Нашлась глиняная лампочка.

20 ноября. В среднем раскопе за [эти] два дня обнаружили стены толстыя основания, по-видимому — из тесаных камней. Стены идут к яме с известью. В 4-ой пробной яме вырыли две монетки (бр[онзовые]) и нож железный и кусочки стекла: напр[имер] древ слезницы, камень с углублением и, наконец, стена с З[апада] на В[осток]. В третьей пробной яме очищена траншея вдоль стены с колонной. В сев[ерной] части оказался помост из черного камня до базы колонны. В южной — мозаика белая (угол). В раскопе на зап[адном] краю ямы обнаружился зап[адный] косяк двери, и затем при проведении траншеи с В[остока] на З[апад] перпендикулярно первой и стены. Мозаика до порога не доходила, пред косяком лежат камни.

21 ноября. В раскопе к Западу от… — вынимали землю из помещения за второй стенкой с В[остока] на З[апад] причем нашли кусок колонны белого мрамора. В раскопе пред домом садовника очистили глаголем пространство пред двумя вскрытыми стенами, мозаика оказалась лишь в углу, а далее обломана пред дверями, каменный порог коих оказался вытащенным два ряда камней параллельных, снять угол внутренней… в ожидании базу колонны, но там обнаружилась стенка параллельная… Каменный помост возвышается от двери и колонны над мозаик[ой] в яме у конца Вост[очной] стены оказалось, что оттуда косо идет тонкая стенка по-видимому также, что посредине. И перед ней оказались куски поврежденной белой мозаики. К В. обнаружились камни, по-видимому, стены. В 4-й пробной яме найдены две маленькие бронзовые монетки. Яма оставлена по очищении стены на 3 метра. Заложена 5-ая пробная яма за домом садовника от Ю[га] к С[еверу] по линии находки двух кусков колонн, лежащих там же»

5. 4. Опубликованный отчет Я.И. Смирнова о раскопках на Иоасафовском участке

Я.И. Смирнов

Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского Общества, произведенные от 12–го по 21-е ноября 1891 г.

Из книги: *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 137–142.

Сад, принадлежащий Палестинскому Обществу (фот. 561), как и окружающие его сады и пустыри, лежит на месте древнего города, простиравшегося к югу до оврага, на краю которого стоит приют архимандрита Антонина. На значительном пространстве обнаруживаются следы разрушенных домов: на пустырях видны небольшие холмики, образовавшиеся от развалившихся зданий, на одном из них лежит база колонны; в садах при работах находят стены, иногда сложенные из больших, хорошо отесанных камней. В саду греческих монахов, соседнем (с запада) с садомъ Общества, кроме остатков здания с классическими орнаментами, найдена часть мозаичного пола, к сожалению не расчищенного. Стены, сложенные из больших камней, обнаружены были как в саду, примыкающем с юга к саду Общества, так и в южной части сада Общества. В северной части сада в дверях четыреугольного здания найдены были садовником два бронзовых креста, хранящихся в иерусалимском подворье. Но теперь под грядами не видно стен в южной и северной частях сада. Середина сада занята бугром, на котором выстроен дом садовника. К востоку до самой ограды возвышенность изрыта ямами и везде видны стены, скрытые в земле. Здесь прежний владедец, кроме водопроводной канавы, копал во многих местах, по-видимому, отыскивая клад; землю и камень из ям сваливал он здесь же, почему уровень места возвысился

и при разведках приходилось тратить много труда на расчистку места. У края сада земля вынута большой широкой квадратной канавой для фундамента предполагавшейся церкви. В южной части выемки найден был мозаический пол и древняя стена в северной части его. Перед домом садовника вырыты были стены, дверь и колонны, но эта яма засыпалась землею и мусором и на поверхности земли видны были лишь большие тесаные камни от разобранных стен, обломок одной колонны да две капители (см. рис. Н.А. Околовича), за домом видны также два обломка колонн. Кроме этого среди камней, вынутых при раскопках прежнего владельца, замечены: осколок небольшой колонны белого мрамора, части карнизов и камень из свода с розетками. В разных местах прежним владельцем найден был ряд глиняных и бронзовых вещей, хранящихся в иерусалимскомъ подворье Общества.

Так как высказываемо было предположение, что мозаичный пол и другие древние остатки, находящиеся в земле, принадлежат церкви, то экспедиция предприняла разведки, длившаяся с 12-го по 21-е ноября.

Работы начаты были около мозаики с запада, в надежде найти в этом направлении продолжение ее, если бы пол принадлежал действительно церкви, расчищалась сама мозаика и пространство к востоку от нее, где должен был бы находиться алтарь. Но скоро обнаружилось, что никаких оснований предполагать на исследуемом месте церковь — не существует.

Мозаика сильно пострадала: уцелело, по-видимому, менее половины ее. Сохранившаяся часть пола с северной стороны примыкает к стене, сложенной из чисто отесанных камней, но стена эта сохранилась лишь на незначительном протяжении, к западу она разобрана и остался лишь бут. К востоку тянется подобная же стена, но она приложена позднее, как то ясно видно с северной стороны, где заметен угол стены, окаймлявшей мозаику: к югу стена поворачивала, образуя небольшой выступ. От восточной стены сохранились лишь два больших тесанных камня, а направление ее ясно определяется концом белой каймы мозаичнаго пола. В северо — восточном углу мозаика пробита для устройства водохранилища, наполнявшагося от водопровода, устроенного прежним владельцем места. Только середина мозаики осталась на прежнем уровне, северная и южная части пола сильно опустились: в северной части это видно по тому, насколько ниже мозаика нижняго ряда тесаных камней стены, под которым виден уже бут. В южной части, при расчистке обнаружена была древняя поправка пола: на опустившуюся часть мозаики положен был бут из булыжника на извести и по нему снова мозаичный пол, но лишь из одних белых кубиков, на той же высоте, как средняя, не севшая, часть цветного пола. Вероятно, такая же починка была и на южной части, но здесь пол вырыт был еще прежним владельцем и верхний слой мозаики мог быть сбит; в южной части починка сохранилась тоже не вся, а лишь куском; над юго-восточным углом пола в невынутой насыпи видна также та же починка, у восточнаго конца ее уцелел кусочек мозаики второго слоя с черной полосой, но остаток этот столь незначителен, что нельзя понять, к чему принадлежала эта черная полоса. В том же юго-восточном углу значительно выше верхнего слоя мозаичного пола обнаружился помост из четыреугольных плит, идущий к югу, помост очевидно позднейшего происхождения. С запада мозаика разрушена во всю ширину, по краю ее положен ряд камней, по-видимому, недавно. За камнями в насыпи обнаружен был круглый глиняный водоем с трубами, цементным желобом к югу и глиняной трубой к северу к водопроводу, упомянутому выше.

В той же насыпи нашелся барабан небольшой колонны, стоявший на земле, то есть попавший сюда случайно. Хотя мозаичнаго пола найдено не было (лишь в юго-западном углу попадались куски битой разломанной мозаики), но длина пола определилась сохранившимся северо-западным углом белой каймы, этот угол находится на уровне, высшем, нежели уровень сохранившейся части цветного пола. От стен, огибавших уголъ этот, сохранился лишь бут.

Далее к западу обнаружена была бутовая стена, идущая от востока к западу, конец которой выходит в пространство, занятое прежде мозаичным полом. Пространство к югу отъ стены этой замощено было бутовым помостом, в котором обнаружен был водопроводный желоб, сложенный из плит, идущий с юга на север. Западнее желоба в насыпи найден был обломок колонны.

Затем раскоп повернул к северу, причем обнаружены были две параллельных стены, идущие от востока к западу и одна стена с юга на север. Стены эти сложены также из булыжника и только конец первой — из тесаных камней. В земле, наполнявшей небольшое помещение между этими стенами, найден был обломок небольшой колонны серого мрамора.

К востоку, к помещению с мозаичным полом примыкает пристройка, образованная продолжением северной стены первоначального здания; стена пристройки сложена также из тесанных камней, до восточной стены этого помещения раскопки доведены не были, так как пришлось бы перенести большую кучу камня, добытого и сваленного здесь прежним владельцем.

Не уцелела на всем протяжении и северная стена, так как ее перерезал новый водопровод; разобран также и конец поперечной стены. Раскоп, проведенный к югу, не обнаружил южной

стены этого помещения, которая также, вероятно, разобрана. При очистке по уровню мозаики найдена была местамп белая мозаика на буте из мелкого булыжника на извести, но в полном разрушении[621]. В восточном конце, наряду с белыми, попадались и красные кубики, но также нигде не оказалось неповрежденной, гладкой поверхности мозаики.

В повороте раскопа к югу, с целью дойти до южной стены, обнаружен был на значительно высшем уровне, чем мозаика, каменный помост, из больших толстых прямоугольных плит: южной же стены найдено не было. В земле во время раскопок около мозаичного пола часто попадались обломки древнего стекла в виде обломков сосудов и сплавленных в огне кусков, среди обломков попадались чаще всего горлышки слезниц, найдены были также ножка слезницы и обломок чашечки разноцветного стекла. Найдены были также три мраморных плитки от пола. Из нескольких бронзовых монеток только одна сохранилась настолько, что можно было разобрать обычную византийскую букву М.

В северо-западном углу квадратной выемки виден был угол помещения, стены которого сложены из тесаннаго камня. В надежде, не найдется ли что-либо внутри его пола, часть камня, заполняющего внутренность, была вынута, но внизу оказались лишь громадные булыжники на известковом цементе.

В яме, вырытой прежним владельцем перед южной стороной дома, служащего для приюта поклонников, видны два громадных камня, повидимому, от порога двери и в насыпи ряд плит белого камня, как бы образующих помост. Разведка, произведенная на этом месте, открыла каменный помост на пространстве около квадратной сажени, но со всех сторон он далее был разобран, равно как и стена, которой принадлежал порог. Этот помост, как и помосты около мозаики, находится не глубоко и, по-видимому, также принадлежит к позднейшим временам.

Разведка к югу от ветряной мелыницы, доведенная почти до самой мельницы, обнаружила стену, идущую с юга на север, довольно грубой кладки.

По рассказам лиц, видавших работы прежняго владельца сада, где-то около дома садовника находится другой мозаичный пол: указывали на примыкающий к дому хлев, но разведки обнаружили там лишь помост из черепичных плиток. В большой яме перед входом в дом произведены были разведки, далеко не доведенные до конца, так как насыпь здесь очень высока, и обрезы грозили падением. Снимать же землю требует много труда и издержек, так что расчистить удалось лишь часть того пространства, которое разрыто было ранее, и двинуться далее в места еще нетронутые, не пришлось.

В восточном краю ямы обнаружена стена, идущая с севера на юг. Стена эта сложена из хорошо обтесанных камней; в средине ее стоит колонна на базе, заложенная в стену, что свидетельствует о позднейшем происхождении стены. Колонна сложена из нетолстых барабанов. Стена поворачивает на запад, в этой южной стене находится дверь. Порог двери выворочен, стена с западной стороны уцелела до высоты перемычки и на верхнем краю ее вырублен кронштейн грубо обычной формы. Пространство, расчищенное в углу между этими двумя стенами, некогда вымощено было мозаикой; в самом углу сохранился кусок белой каймы. Позднее, поверх попорченнаго или уничтоженного мозаичного пола настлан был помост из черного камня, так называемаго неби муса, доходящий на юг лишь до колонны, от средины помоста ряд плит к двери, так что уцелевшая част мозаики служила полом в угловой части портика на несколько более низком уровне. В северном углу портика обнаружена тонкая, очевидно, также позднейшая стенка, примыкающая, по-видимому, к стенке, идущей перед дверьми с севера на юг.

Для определения протяжения здания за дверью к югу от дома начата была разведка, приведшая к стене, тянущейся с востока на запад. Кладка стены этой гораздо грубее, чем стены с дверью, что, впрочем, может объясняться тем, что стена эта не лицевая. Определить, есть ли мозаичный пол в комнате между этими двумя стенами, было невозможно, не снимая толстой насыпи, лежащей над этим пространством.

Так как по словам очевидцев в западной, нерасследованной части ямы находятся еще стволы колонн и так как еще западнее за домом садовника находятся обломки таких же колонн, как обнаруженная в восточной части ямы, то очевидно, что открытое здание имело протяжение с востока на запад и при узкой комнате имело колоннаду, может быть, двойную, обращенную на север, то здание это более всего можно сравниват с частными домами, приметы которых дает в своем труде о центральной Сирии Вогюэ, тесные комнаты с портиками пред ними встречаются там постоянно.

Около двери найден был обломок небольшой порфировой чаши с крестом, вырезанным на выступе ее верхнего края. Но обломок этот, хотя бы чаша и предназначалась для святой воды, не указывает еще непременно на религиозное назначение этого здания.

[621] Глубже её во всю длнну с востока на запад тянется желоб стока грязной воды, какъ видно по косточкам и черепкам, наполняющим его. — *Прим. Я.И. Смирнова.*

6. Планирование и организация работ экспедициию Быт и социо-культурная коммуникация. Формирование экспозиции

Л.А. Беляев

В осуществлении проекта «Византийский Иерихон» актуальны те его стороны, которые, способствуя целям фундаментальной науки, в то же время соединены с общим процессом культурного взаимодействия (оформление сотрудничества), практикой раскопок археологической экспедиции на территории Музея, научной и культурной жизнью коллектива экспедиции и работами по созданию экспозиции. Представим их кратко.

Формирование экспедиции. Работы осуществлялись в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации «Об охране и использовании памятников истории и культуры» при учете норм международного права в области охраны объектов культурного наследия. Правовую базу работ определяли договорные отношения и межгосударственные документы. В 2010 г. между Департаментом сохранения культурного наследия Министерства культуры и туризма ПНА и Институтом археологии РАН был составлен Договор о научном сотрудничестве сроком на пять лет (его подписал со стороны ПНА заместитель министра доктор Хамдан Таха, со стороны РФ — директор ИА РАН академик Н.А. Макаров).

Позже основанием для проведения работ стало Соглашение между Правительством Российской Федерации и Организацией Освобождения Палестины, представляющей интересы Палестинской национальной администрации, о правовом статусе и деятельности музейно-паркового комплекса в г. Иерихоне, заключенное 26 июня 2012 г. в присутствии Президента РФ Владимира Путина и главы Палестинской национальной администрации Махмуда Аббаса.

Этот документ закрепил такие виды деятельности МПК, как «деятельность по выявлению, сохранению, изучению и публичному представлению музейных предметов и коллекций, объектов культурного наследия, найденных на территории земельного участка…» (ст. 1.5), а также непосредственно «научная и археологическая деятельность» — научные изыскания и археологические исследования, проводимые на территории земельного участка, входящего в состав имущества Музейно-паркового комплекса, направленные на получение новых знаний, их введение в научный и общекультурный оборот» (ст. 1.6).

Особое значение имела статья 5 Соглашения, в которой специально оговорено: «Для осуществления археологической деятельности на территории Музейно-паркового комплекса представители ФГУП «Госзагрансобственность» и ПНА формируют совместную российско-палестинскую иерихонскую археологическую экспедицию», финансирование деятельности которой осуществляется российской Стороной. При этом «археологические находки, обнаруженные в ходе проведения археологической деятельности на территории музейно-паркового комплекса, рассматриваются как неотъемлемая часть культурно-исторического наследия палестинского народа и являются собственностью Палестинской национальной администрации»; в то же время «археологические находки, подходящие для экспозиции, включаются в состав экспозиции Музейно-паркового комплекса и используются исключительно в целях распространения и популяризации историко-культурного наследия Палестины и всего мира».

Таким образом, находки Российско-Палестинской археологической экспедиции, сделанные на участке МПК, в соответствии с международным правом оставаясь неотъемлемой собственностью народа Палестины, на практике хранились, консервировались, реставрировались и экспонировались в МПК, где ведется их учет и составление коллекционной описи.

Организация работы на раскопе Методика исследований строилась на опыте руководства экспедиции и требованиях «Положения о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации». Особенностью работ была невозможность перенести работу с находками и полевой документацией в лаборатории Института археологии РАН в Москве, поскольку законодательство ПНА/Израиля запрещает перемещение за границы государства как древностей, так и первичной фиксационной документации раскопок. Поэтому чертежи, описания, каталоги находок, фотодокументы переводились в электронную форму параллельно ведению раскопок, а все твердые носители оставлялись на хранение в МПК.

Процесс раскопок в техническом отношении мало отличался от штатных работ любого полевого отряда. Состав работников на раскопе был смешанным, включавшим местных рабочих-землекопов под руководством сотрудников службы охраны культурного наследия г. Иерихона,

Раскоп 5/E перед садовым фасадом музея МПК РФ.
Вмд с юго-востока, 2013 г.

Группа сотрудников совместной Российско-палестинской экспедиции. Участок МПК РФ, 2010 г.

имевших определенный опыт работы с международными экспедициями[622]. Через них осуществлялась коммуникация с руководившими исследованием учеными из Института археологии ИА РАН и российскими стажерами, имевшими опыт полевой работы на близких по условиям работы памятниках в пределах России (скифо-сарматские объекты степей и античные поселения). Основным языком коммуникации служил английский — своим переводчиком с арабского в 2010 г. Экспедиция не располагала, но с 2011 г. эту роль часто играли сотрудницы МПК РФ, свободно говорившие и по-арабски, и по-русски.

В 2010 г., в условиях активного строительства, не было ограничений по размещению отработанного грунта. Но к 2011 г. парк был благоустроен, и раскопки не должны были ни портить общий вид, ни тем паче повреждать зеленые насаждения (газоны, деревья, пальмы) или элементы ланд-

[622] ИАЭ постоянно координировала ход работ со службой охраны культурного наследия Палестинской национальной администрации (ПНА), сотрудники которой принимали прямое участие в раскопках и реставрационных работах. В период выезда на памятник ИАЭ выступала как совместная Российско-Палестинская экспедиция ИА РАН и полевые исследования проводились в сотрудничестве с представителями Иерихонского отделения Министерства туризма и древностей ПНА в г. Иерихоне (Ийяд Таха, Суфьян Эдаисс и другие сотрудники); общее руководство палестинской группой осуществлял доктор Хамдан Таха (Министерство туризма и древностей ПНА). Существенную помощь в работах оказывало руководство ФГУП «Госзагрансобственность», администрация Музейно-паркового комплекса РФ и его сотрудники, работающие на месте (И.Л. Журавлев и др.), их поддержка имела решающее значение для успеха экспедиции.

Руководители работ осматривают находки. Слева направо: Леонид Беляев, Хамдан Таха, Ияд Хамдан.

шафтного дизайна. В то же время, раскоп 5 располагался далеко от технического въезда, и при вывозе грунта повреждения казались неизбежными. Вопрос был решен с помощью размещения на газонах специальных щитов, по которым грунт отвозился от раскопа к покрытому бетонными плитами проезду для противопожарной техники. На нем, в самой близкой к раскопу точке, была устроена площадка для стоянки небольшого прицепа, в который земля ввозилась на тачках по мосткам. По мере наполнения прицеп вывозил колесный трактор, не причинявший вреда покрытию. В день в среднем нужно было вывозить два прицепа. Рабочий день начинался с настилки трапов, а вечером их с газонов убирали, чтобы травяное покрытие успевало восстановиться.

К сожалению, в Музее не предусмотрены ни сколько-нибудь обширные хранилища для находок, ни рабочие пространства для реставрации. Поэтому трудоемкие работы по очистке находок (прежде всего мойка керамики) и действия по первичной консервации снятой со своего места мозаики (особенно удаление деструктированной растворной основы) велись снаружи, в парковой зоне. И все же с появлением в МПК здания Музея в его подсобных помещениях удалось организовать, *во-первых*, камеральную обработку материала, включая черчение, сканирование и рисование находок; *во-вторых*, реставрационные работы по очистке и укреплению мозаики. Значительная часть реставрации, особенно полевая очистка металла реактивами, в 2010 г. и позднее проводилась в подсобном помещении, предоставленном Экспедиции на территории РДМ. Обработанные материалы коллекции, не помещенные в экспозицию, хранились и хранятся в специальных несгораемых шкафах в здании МПК. Там же располагается весь обработанный керамический комплекс.

Научная и культурная жизнь коллектива Экспедиции в полевых условиях. Значительную роль в успехе работ Экспедиции играли условия размещения и формы коммуникации сотрудников внутри коллектива и с окружавшим миром арабского городка Эр-Риха. Для размещения сотрудников были сняты комнаты в одном из жилых домов на соседней улице; существенную роль играла и возможность разместить руководящий состав в благоустроенных кельях здания РДМ, построенных еще архимандритом Антонином, но сейчас снабженных всеми средствами современного комфорта. В арендованном помещении размещалась не только российская часть Экспедиции, но также сотрудники Иерихонского отделения Управления охраны древностей ПНА, участвовавшие в раскопках, и команды реставраторов с обеих сторон.

Графическое восставновление полихрономй мозаики (сотрудник Иерихонской экспедиции Ольга Тихова).

Было организовано общее питание сотрудников, они проводили вместе досуг в соседних кофейных, вместе смотрели спортивные передачи, вели дискуссии (в меру владения языком). Российская часть экспедиции небольшими группами и по собственной инициативе совершала туристические поездки к достопамятностям Иерусалима и других городов. Особую роль играли совместные экскурсии в богатых археологическими памятниками, чудесами природы и паломническими маршрутами окрестностях Иерихона, которые были организованы палестинскими коллегами и сотрудниками РДМ. Возник языковой обмен, и те, кто стремился к этому, к концу работ овладели бытовым арабским на уровне, достаточном для объяснения в мастерских, на рынках, при полевых работах. Все это обеспечило гораздо более тесное взаимодействие на раскопе, которое в 2010 г., несмотря на усилия обеих сторон, достигалось с трудом.

Планировались лекции по историографии, истории и археологии региона на английском языке, однако сравнительно слабое владение им у возможных слушателей заставило отложить их на будущее. Тем не менее в Экспедиции регулярно читались по-русски лекции с показом слайдов (иногда их посещал и кто-нибудь из коллег-арабов, получая пояснения по-английски). Активно действовали и художники Экспедиции, дополняя каждодневную работу рисовальщиков сеансами портрета и пейзажными этюдами, массово велась фото- и киносъемка.

Работы по созданию музейной экспозиции. В только что построенных помещениях МПК РФ была смонтирована временная выставка «Византийский Иерихон. Археологические открытия на участке Правительства Российской Федерации в 2010 году». Ее создание включало разработку научной концепции (Л.А. Беляев) и художественное проектирование (А.П. Ермолаев, С.Ю. Садовсков[623]); сбор материалов (Л.А. Беляев, Т.Ю. Шведчикова), включая редкие фотографии из собраний российских музеев, библиотек и архивов (К.А. Вах, Н.Н. Лисовой) и художественную

[623] Профессиональные дизайнеры, Александр Ермолаев (руководитель мастерской «Театр архитектурной формы», профессор кафедры «Дизайн архитектурной среды» Московского архитектурного института) и Сергей Садовсков (художник-дизайнер) были включены в состав Экспедиции. Они к тому времени, за 20 лет работы, создали многие десятки экспозиций в историко-архитектурных и художественных музеях России (Архангельск, Каргополь, Анжеро-Судженск, Дмитров, Москва и др.).

Сотрудники экспедиции Института археологии РАН в раскопе 5/E. 2011 г.
Верхний ряд: С.А. Минасян, К.С. Окороков, Л.А. Беляев, Л.А. Голофаст, Н.А. Макаров, О.В. Аникеева, М.Н. Соколов;
нижний ряд: А.А. Строков, Н.И. Савельев, А.Н. Ворошилов, Т.Ю. Шведчикова, А.М. Куликов, А.А. Тарасова.

фотосъемку процесса работ (К.Ю. Лейфер)[624]; электронные реконструкции цветной мозаики для музейного стенда (О.А. Тихова-Воронова и С.Г. Шуляев[625]); техническую и рабочую реализацию проекта[626] (Т.Ю. Шведчикова, С.Садовсков, Н.М. Куликов и др.).

Графическое редактирование и часть распечатки полноформатных крупномасштабных изображений (постеры и баннеры), а также этикетки и экспликации выполнялись в Москве и в квалифицированных агентствах на месте (Иерихон, Рамалла).

На основе тех же материалов Экспедиция подготовила программы презентации (на русском, английском и арабском языках, позже добавлен испанский вариант[627]) для интерактивного электронного киоска (тач-скрины с 42-дюймовым экраном) и, при поддержке Управления делами Президента РФ, издала[628] буклет «Византийский Иерихон».

Внутреннее экспозиционное пространство Музея включает три переходящих друг в друга зала: колонный аванзал (зал I, с верхним светом) открывается в Г-образный зал с естественным освещением через окна боковых стен (зал II, основа археологической экспозиции). Его завершает малый круглый зал III, из которого ведет лестница на верхний рекреационный этаж.

[624] Константин Лейфер — известный фотохудожник. Работал для новостных агентств Франс Пресс, Рейтер, журналов GEO, Пари Матч и Вог. В настоящее время — сотрудник РИА «Новости».

[625] Сотрудники Экспедиции, ИА РАН.

[626] Декабрь 2010 и январь 2011 г.; под руководством начальника Экспедиции Л.А. Беляева и директора Института археологии РАН, академика РАН Н.А. Макарова.

[627] Переводы на английский язык — сотрудников Экспедиции, на арабский — сотрудников агентств по переводу при участии Представительства РФ в ПНА, на испанский — Л.К. Масиель Санчес.

[628] Издательским домом «Известия».

За просмотром керамики. Справа налево: Л.А. Беляев, Н.А. Макаров, Хамдан Таха, сотрудни службы охраны древностей ПНА.

Экспозиция формировалась в крайне сжатые сроки и под ранее изготовленные витрины. Тематико-экспозиционный план учел два основных направления будущего музея (условные названия: «Русская Палестина» и «Археология Иоасафовского участка»).

Базовое направление «Русская Палестина» включило, в основном, фотоматериалы, отражающие историю русского присутствия на Святой Земле, роль массовых паломничеств из России, участия ученых, деятелей культуры, Российского государства и православной Церкви в освоении Палестины с XII в. до современности. Особое внимание уделено активной работе ИППО и РДМ, прежде всего в освоении Иерихона, в 1880-х–1890-х годах, при архимандрите Антонине (Капустине).

Базовое направление «Археология Иоасафовского участка» включило материалы археологических исследований 2010 г. (они пополнялись по мере развития работ экспозиция рассчитана на постоянное расширение).

В соответствии с базовыми направлениями сложились две части экспозиция: «Русская Палестина» (зал I) и «Археология Иоасафовского участка» (залы II и III).

Для наполнения зала I изначально были использованы три группы предметов: крупномасштабные распечатки исторических фотографий второй половины XIX — начала XX в.; копия портрета архимандрита Антонина (Капустина) работы академика живописи Н.А. Кошелева (1890-е гг.), выставленная как мемориальный объект по принципу «публикация одного памятника», и витрина с копиями уникальных художественных изделий из собрания Государственного Эрмитажа (три литургических серебряных блюда IV в. и две иконы XVII в.). При обновлении экспозиции в 2012–2013 гг. последняя витрина была перемещена в зал II, а центральным объектом зала I стала подготовленная за эти годы часть подлинной полихромной мозаики[629], сопровождаемая ее электронной реконструкцией.

Зал I — центральный узел здания. В плане это квадрат, увенчанный широким куполом на световом барабане, опирающемся на поставленные по кругу колонны. Пространство зала пронизывает широкий безопорный проем в зал II и двери, наружные (на улицу и в сад МПК) и внутренние, в служебные помещения. Этот сложный для экспозиционной структуры организм

[629] См. выше тексты Ольги Аникеевой.

Палестинский стажер обмеряет каменные кладки. 2011 г.

обладал такими ценными качествами, как огромное пространство и контактные зоны. Экспозицию решено было разворачивать от самого входа, создавая музейную атмосферу и настраивая посетителя на восприятие ушедшей цивилизации. Зал использован нами полифункционально, а не только как аванзал или входной холл. Здесь разместили экспозицию «Русская Палестина», установили тач-скрины и вынесли сюда пилотную часть археологической экспозиции. Единственной возможностью найти художественное решение, не нарушив органичное с архитектурной точки зрения пространство зала, было размещение материалов на стенах или вблизи стен зала, вне круга колонн, с учетом избранных точек обзора и размещения диссонансных элементов (особенно дверей).

Объединяющим визуально-информационным элементом стали фотобаннеры[630], сомасштабные пространству зала и размещенные единой полосой, в одном уровне, по трем из четырех плоскостям периметра. Они сделаны с архивных негативов и черно-белых фотографий, переведенных в легкую сепию (учитывая цвет экспонируемых находок: архитектурных деталей, керамики, монет). На снимках представлены сюжеты конца XIX — начала XX в., посвященные русскому освоению Палестины, — они служат своего рода историческими картинами, представляя: караваны паломников в окрестностях Назарета и в Иерусалиме; Сергиевское подворье в Иерусалиме; русские участки в Иерихоне; почитание священных деревьев и растений Палестины (литургия у Мамврийского дуба в Хевроне). Портрет архимандрита Антонина работы Н.А. Кошелева помещен вблизи от наиболее «многолюдного» фотодиптиха «Цветы Галилеи: караван русских паломников после праздника Благовещения», на особом обтяжном стенде, укрепленном на стене.

По левую руку от входящего в зал I снаружи раскрывается вид зала II с археологической экспозицией «Византийский Иерихон». Для обеспечения зрительной и смысловой связи между тематическими блоками экспозиции здесь размещены три дизайнерски оформленных в единый блок постера с названием экспозиции и экспликацией на русском, арабском и

[630] 2.00×2.00 м и 2.00×1.20 м.

Раскоп 5/E. Рабочий. момент. 2013 г.

английском языках. Богатство и разнообразие шрифтовых композиций усилила тема розеток цветной мозаики. Зрительно пространство зала I завязано с залом II выносом в зал I небольшой ионической капители на вертикально вытянутом постаменте, подчеркивающем вертикализм входных постеров.

Сквозь широкий проем хорошо просматривается начало экспозиции зала II: камни на постаментах, фотографии и фотореконструкция мозаики и первые витрины. Оформление последних — основной демонстрационный прием. В десяти музейных витринах со стеклянными полками и подсветкой были смонтированы обтяжные задние стенки, подставки (оргстекло) и обтянутые тканью планшеты для раскладки находок; предусмотрены лупы на кронштейнах для рассматривания мелких и наиболее интересных деталей; на дно витрин установлены подставки для тяжелых экспонатов из камня[631]. В витрины помещены наиболее яркие находки; система увеличительных стекол в витринах и регулировка направленного внутреннего освещения позволили выгодно представить нумизматический материал, но не менее яркую возможность знакомства с ним дали баннеры с сильно увеличенными фото[632]. На специально изготовленных тумбах разных пропорций и габаритов, размещенных вблизи витрин, по ходу осмотра расставлены каменные архитектурные и иные детали (капители, стволы и базы колонн, карнизы, ступки, мельничные жернова). Изготовленная распечатка электронной реконструкции мозаики VI столетия в достаточно близком к подлинному масштабе 3×3 м (около 85% натуральной величины) изначально акцентировала начало экспозиции «Византийский Иерихон» (сейчас перемещена в зал I).

[631] Монет выставлено более 100 экз. (в среднем в витрине до 20 экз.). Гирьки. Сосуды из керамики (фрагменты и полные формы, включая бытовые, декоративные и лампады с греческими надписями). Бронзовые церковные сосуды, изделия из камня, украшения и пр.

[632] 13 единиц размером 1.50×0.85м.

Организация вывоза отработанного грунта в условиях Музейно-паркового комплекса: загрузка прицепа по мобильному трапу.

Пространство залов II и III объединено едиными экспозиционными приемами (размещение в простенках визуальных средств информации: макрофотографий монет и мелких изделий, полевых снимков объектов и процесса работ, архивных снимков участка в XIX в. и сделанных на нем находок); применением единой системы цветных фотопостеров для формирования фоновой среды внутри всех витрин и в окружающем их пространстве; единой системой развернутых текстовых экспликаций и подписей к предметам в витринах (всё на трех языках).

Особую роль в создании гомогенного пространства играет метод размещения витрин в зале: они расставлены по центральной линии зала II под значительным углом к стенам. В результате сложилась новая структура, образованная инсталляциями из витрин, подиумов с размещенными на них архитектурными элементами и фоновых баннеров внутри и снаружи витрин. Ее можно представить как образ раскопа, накрытого архитектурным пространством Музея. В число художественных приемов входит экспонирование находок в витринах на фоне изображений реальных мест, ситуаций и объектов их обнаружения, что воссоздает внутри здания атмосферу раскопок, не прибегая к визуальным иллюзиям.

Смещение витрин обеспечило ряд технических преимуществ и создало ряд визуально выигрышных точек. Оно позволяет менять экспозиции в витринах с минимальным привлечением технических средств: создает архитектурно-пространственную форму, обозримую со всех сторон; дает возможность акцентировать определенные сюжеты, собирая их в плавные художественные линии (так, наглядные представления о системе каменных водоводов выстраиваются в одну перспективу); помогает разместить витрины с особо значимыми находками (клад византийских монет, комплекс церковной бронзовой утвари) в ключевых местах зала, обеспечив к ним подход.

Все элементы экспозиции объединены визуально, художественно и на уровне информационного наполнения витрин, который усиливают специально написанные экспликации. Рабочими языками экспозиции определены русский, арабский и английский, поэтому все текстовое сопровождение (постеры, буклет-препринт, этикетаж и экспликации), включая программное обеспечение, объединяется в триединые структуры, воспроизводящие базовый текст на этих языках.

Археологическая экспозиция в залах Музейно-паркового комплекса.

Дмитрий Анатольевич Медведев и Махмуд Аббас открывают экспозицию Музейно-паркового комплекса РФ в Иерихоне. 19.01.2011.

Учтена и связь с частями экспозиции, остающимися под открытым небом. Это раскоп № 2, выкладка архитектурных фрагментов над резервуаром, дизайнерское размещение стволов колонн и иных деталей в парковой зоне. Их присутствие ощутимо в решениях интерьера, и, кроме того, связь внутренней и внешней экспозиций подчеркнута выносом наружу элементов этикетажа (пояснительные таблички).

Экспозиция представляет живую, открытую систему, род музейного трансформера — в формировании экспозиции учтено дальнейшее развитие раскопок и накопление материалов: в витринах достаточно пространства для новых предметов, а текстовое сопровождение заменяемо[633].

Экспозиция Музейно-паркового комплекса на Участке Правительства РФ в г. Иерихоне была представлена Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву во время его визита в Иорданию и ПНА 18 января 2011 г. Ее положительно оценил как он, так и сопровождавший его Председатель ПНА Махмуд Аббас.

[633] В 2012 г. экспозиция была обновлена силами той же дизайнерской группы в части цветового и пространственного решения, установки дополнительных подиумов и общей смены их размещения, корректировки системы освещения, усиления архитектурных особенностей с целью эстетической организации. Были заменены многие задники витрин, осуществлены их перемещения, дополнен состав находок, распечатаны и развешаны дополнительные полупрозрачные баннеры и т.д.

cm

7. POTTERY ASSEMBLAGE AND THE GLASS FINDS
by Larissa A. Golofast.

Л.А. Голофаст. Керамика и стекло Иоасафовского участка: аналитические каталоги

7–1
POTTERY ASSEMBLAGE

The excavations on the Russian land lot have yielded the abundant and rich pottery assemblage that ranges in date from the Byzantine up to the Mamluk periods and sheds considerable light on the history of Jericho. The assemblage distinctly fell into two main unequal chronological groups that represent occupation phases of the site: Late Byzantine/Umayyad and Mamluk periods. Regrettably the purely Byzantine layers or deposits are absent on the lot and some quantity of sherds dated to the Byzantine period were revealed in the later loci where they represent survival pieces. This group of pottery chronologically corresponds to some supposedly Byzantine building remains including mosaic floor.

For the exception of a few purely Umayyad types the Late Byzantine/Umayyad part of the assemblage includes vessels that began in the Byzantine period and continued to be in use almost unchanged into the Umayyad time: chronological subdivision between Byzantine and Umayyad pottery is absent for the pottery was not influenced by any political developments.

The Mamluk group of pottery is constituted by finely discarded vessels accumulated on the plot after several centuries of abandonment when the plot began to be used as a dumping ground. The bulk of this pottery can be assigned to the ap. 12–14 centuries and consists mainly of vessels associated with sugar production, hand-made pottery and monochrome glazed ceramics.

The pottery is presented typologically in chronological order but not according to the loci. For the most part the pottery is heavily fragmentary (only several vessels have survived intact or have been pieced together) sometimes it's difficult to reconstruct the complete form of the vessel. Ware descriptions are based on examination of fresh breaks through a 5x hand-lens.

Byzantine/Umayyad Pottery

Pithoi (Zirs)

In the assemblage only four fragments of thick rolled rims of neckless pithoi have been revealed (Fig. 1, 1–4). Pithoi with this rim-form usually had four handles and ovoid body and were used mainly for keeping water and storage of such commodities as grain. These large vessels were made by hand for the exception of rim that was modeled on the potter's wheel and then applied on the upper part of the vessel[634].

Such zirs are well known in Transjordan where they occur throughout the Roman, Byzantine and Umayyad periods[635]. The form of the rims revealed is close to those found at Amman and Araq el-Emir in the Early Byzantine contexts[636], on Mt. Nebo in the 6th century layers[637], at Khirbet edh-Dharih in the non-sealed strata dated to the 6th – late 7th centuries[638], Humeima in the closed corpus of the mid-7th century[639]. Late Byzantine examples are also attested at Lejjun, Dhibon, Jerusalem[640], Tell Hesban[641]. At Dhiban and Khirbet Nakhil they were revealed in the layers of Byzantine[642] and Umayyad period and of the second half of the 8th – 9th centuries[643]. They are quite common in En-Gedi in the contexts of the 6th–7th centuries and possibly continued with minor changes into the Early Islamic period[644].

Holemouth Jars

In 2011 in the locus 1 (square 1, layer 2) a small fragment of a triple rolled rim of a neckless vessel was found (Fig. 1, 5). Such vessels with wide, almost round body and a ring base J. Magness identifies as form 2 of "holemouth jars" dated to the 6th – late 7th / early 8th centuries[645].

[634] Waliszewski 2001: 97.
[635] Brown 1991: 222. Fig. 392.
[636] Ibid.: 222.
[637] Piccirillo, Alliata 1990: 416. Fig. 1, 1–2.
[638] Waliszewski 2001: 97. Fig. 2, 1–5.
[639] 'Amr, Schick 2001: 111. Fig. 6, 11; 7.
[640] Brown 1991: 222; Tushingham 1972: Fig. 5, 16; 12, 46–58.
[641] Alliata 1990: Fig. 1.
[642] Kareem 1999: P. 197. Fig. 7, 16.
[643] Brown 1991: 226; Kareem 1999: 197. Fig. 7, 17; Kareem 2001: 79. Fig. 2, 16, 17.
[644] Vincenz 2007: 250. Pl. 22, 1–7.
[645] Magness 1993: 233, 234.

Фрагменты широкогорлых амфор (Раскоп 5/E, помещение галереи).

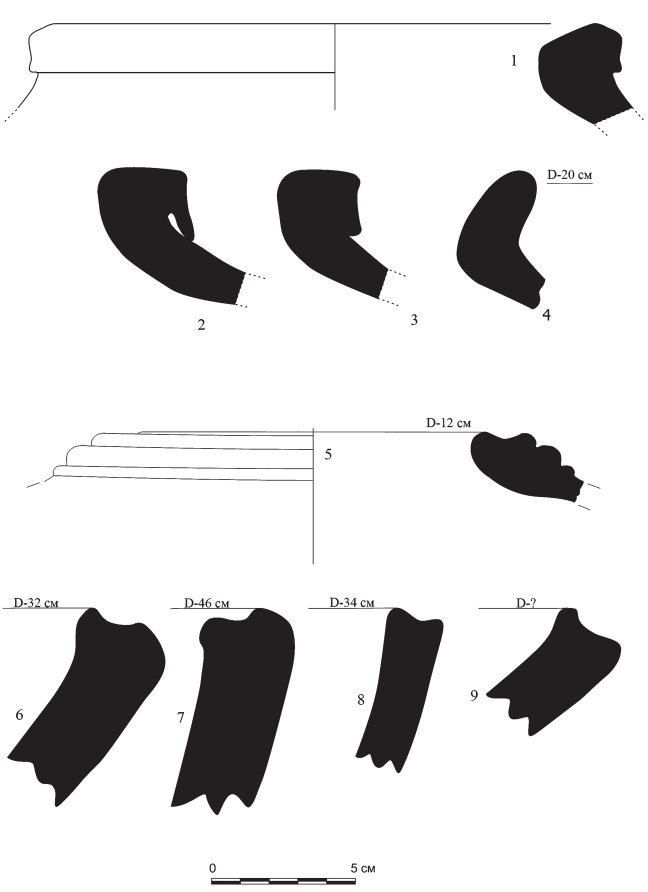

Fig. 1

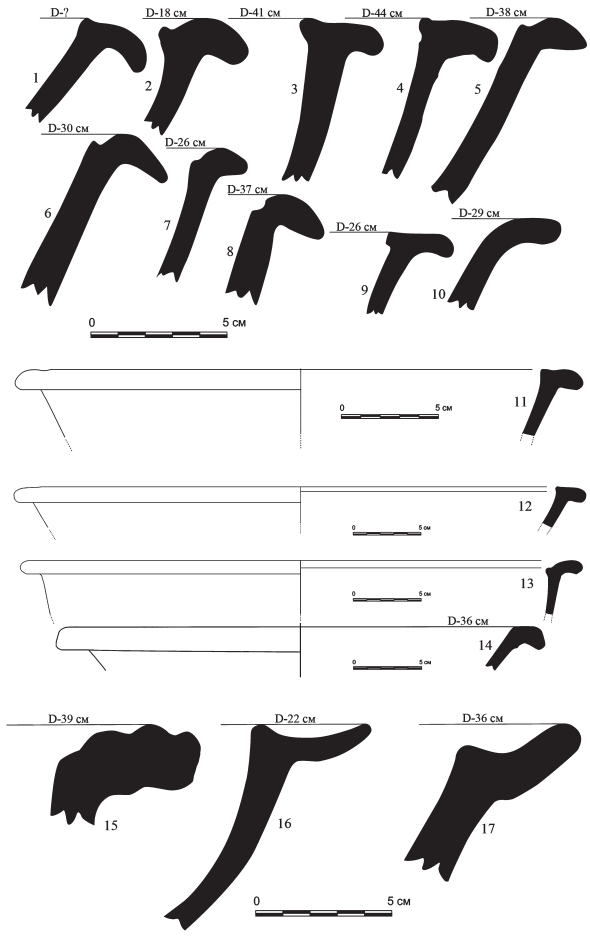

Fig. 2

Massive Basins

In the Late Byzantine/Early Umayyad loci several fragments of deep massive basins have been revealed (Fig. 1, 6–9). The straight thick walls of their conic body terminate in a little bit rounded rim with either concave top surface or a broad groove on it. Their fabric varies, sometimes contains oblong voids left from burnt organics; the exterior of two vessels is covered with a light slip.

Basins and Large Bowls

Basins or deep bowls (sometimes they are called kraters) used in the household for various tasks constitute the largest group in the assemblage presented. They were common in Jerusalem and its vicinity during the late Roman and Byzantine periods but far more common became in Arab levels[646]. The clay of the overwhelming majority of the revealed basins ranges from buff to light brown; a lot are decorated with combing, incised single horizontal, wavy lines and bands of thumb impressions.

We'll follow their typology and chronology developed by J. Magness[647] but some of the revealed basins have no exact parallels.

Arched-rim basins

Arched-rim basins represented in the assemblage by numerous fragments are characterized by the everted rim curving out to form an arc. They appeared in the late 3rd – early 4th century and continued to be produced through to the early 8th century. Most of the 6th and 7th century examples are decorated with bands of combing on the exterior, while the earlier ones tend to be plain. They are very common in Jerusalem are while at other sites of Palestine they occur less frequently and only in the contexts dated to the 6th – early 8th centuries. This suggests, in J. Magness opinion, that during the late 3rd – 5th centuries arched-rim basins were restricted to the Jerusalem area, and received a wider distribution only in the 6th and 7th centuries[648].

Among arched-rim basins J. Magness distinguishes three forms on the basis of morphology, surface treatment and chronology.

[646] Feig 1985: 35.
[647] Magness 1993: 156.
[648] Ibid.: 157–158.

Fig. 1

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 3, locus 2	Fabric overfired to dark-brownish-grey, compact, well levigated, with small light and brownish inclusions
2	Foundation pit	Fabric pinkish-buff, very compact, well levigated, with small white and larger reddish-brown inclusions
3	Area 4, locus 2	Dark-reddish-buff, compact, well levigated, with small light and brownish grits
4	1/4/3-2011	Buff, very compact, well levigated, with some small brownish inclusions
5	1/2/1-2011	Red with brown core, compact, well levigated, with tiny light and greyish inclusions
6	5/13-13	Yellowish-red with buff core, very coarse, with large dark buff, medium-sized brown inclusions and oblong voids left from burnt organics. Thick greenish slip on the exterior
7	2a/6/2-11	Buff, with tiny brownish inclusions. Traces of smoothing with straw (?) on the surface
8	3-4/9-12	Brown, with greenish tint in the core, with innumerous tiny brown inclusions and oblong voids left from burnt organics, Traces of smoothing with straw (?) on the surface
Not figured	6/5-12	Brown with dark-dark-brown core, coarse, friable, with large and small dark-brown inclusions. Along with a fragment of an upper body 18 body sherds and a fragment of a flat bottom of this vessel have been found
9	5/13-13	Brown with dark-brown core, compact, with tiny brown and numerous oblong voids left from burnt organics. Thick reddish-yellow covering on the exterior

Fig. 2

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	5/4-12	Red with brown core, compact, well levigated, with occasional tiny brown inclusions
2	3/1/1-11	Light red with grey core, compact, well levigated, with rare tiny dark and light inclusions
3	3-4/9-12	Yellowish-red, light buff at the surfaces, compact, with innumerous tiny brown inclusions
4	4/-4-11	Yellow compact, well levigated, with innumerous tiny buff inclusions. Light slip on the surface
5	4/3-11	Light buff, compact, with tiny buff inclusions
6	5/4-12	Light buff, compact, well levigated, with rare tiny dark buff inclusions
7	5/13-13	Light with light buff core, compact, well levigated, with occasional tiny brown inclusions
8	5/4-12	Light with slight buff tint, compact, well levigated, with occasional tiny buff inclusions
Not figured	5/4-12	Light with slight greenish tint, well levigated, with tiny buff and brown inclusions
9	6/5-12	Pink, compact, well levigated, with rare tiny light and brown inclusions
10	6/5-12	Buff, compact, well levigated, with tiny light and occasional large brown inclusions
11	The heap of small stones	Overfired to dark-greyish-brown, very compact, well levigated, with some small light and dark inclusions
12	Area 4	Red with greyish-brown core, very compact, well levigated, with some small light inclusions
13	Area 2, locus 1	Greyish-buff, compact, well levigated, with some tiny brownish inclusions
14	1/4/6-11	Brown with red core and occasional tiny brown and tiny light inclusions
Not figured	6/5-12	Yellowish-red with buff core, compact, well levigated, with tiny light inclusions
Not figured	1/2/1-11	Buff, compact, with innumerous tiny dark buff inclusions
Not figured	5/13-13	Buff, compact, with tiny dark buff inclusions
Not figured	2/4-12	Overfired to dark-greyish-brown, compact, well levigated, no visible inclusions
Not figured	5/1-12	Yellowish red with olive-grey core, compact, well levigated, with rare large light and tiny brown inclusions
Not figured	4/-/4-11	Yellow, compact, well levigated, with innumerous tiny dark buff inclusions
15	4/15-2013	Fabric reddish-brown with brown score, very hard, well levigated, with rare tiny brown inclusions. Reddish-yellow slip on the surface
16	3/8-12	Reddish-brown, compact, well levigated, with rare tiny light and brown inclusions. Thick light slip on the exterior, rim and upper part of the interior
17	6/5-12	Pinkish-buff, compact, well levigated, with some small brown inclusions. Light buff exterior, interior is off-white

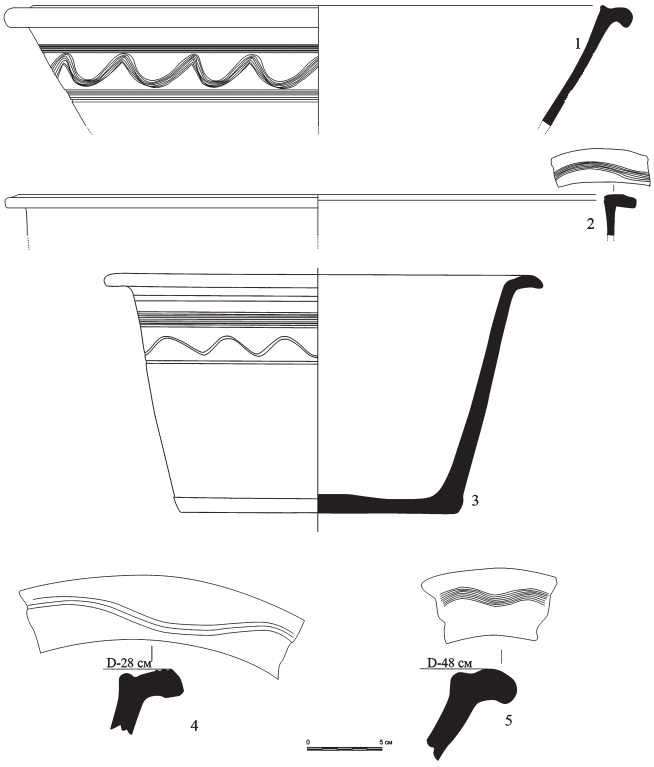
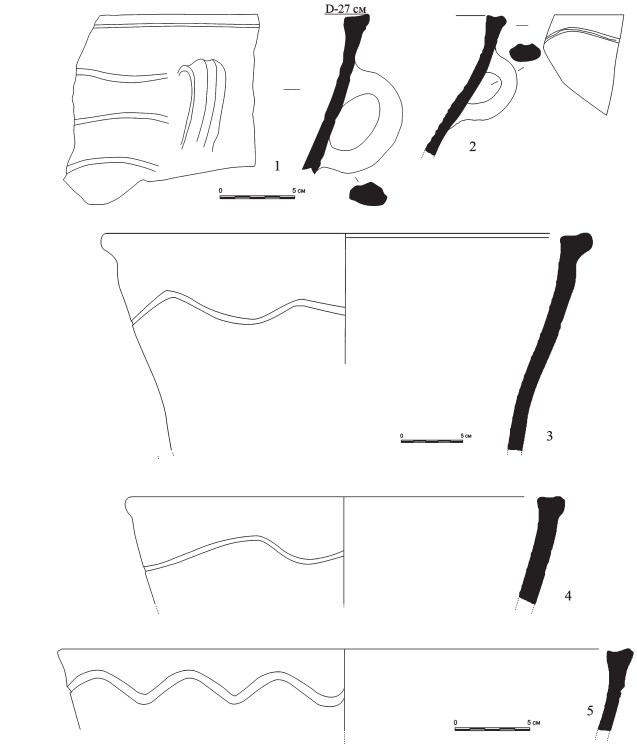

Fig. 3

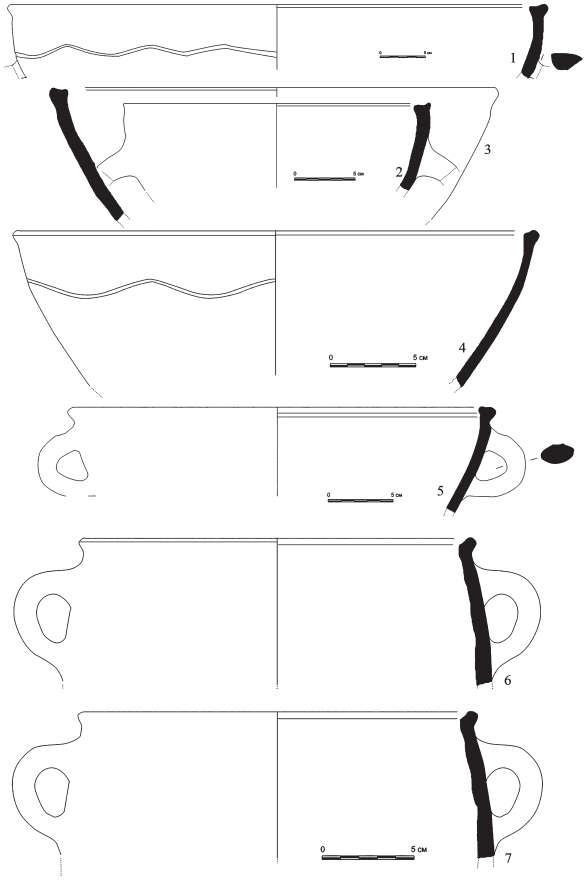
Figs. 4-5. Abundance of fragments of basins of the regarded type found in the course of excavations and acute time shortage didn't permit to give detailed description of most revealed fragments. So only the general characteristics can be given. Fabric is usually buff, sometimes unevenly fired and well levigated, either with some light or buff inclusions or without any visible inclusions.

Bowls of **form 1** dated back to the 3rd/early 4th – 6th centuries are deep, have straight or slightly rounded walls and rounded or flat bases. The arched rim sometimes has a ridge on the upper surface at the point of juncture with the body.

Form 2 dated to the 6th – late 7th/early 8th centuries differs from form 1 only by the decoration with the bands of combing on the exterior walls and sometimes on the rim. Forms 1 and 2 overlapped each other for some time (for example fragment of a basin of form 2 was revealed in the late 5th century deposit from Sardis[649]) but form 2 predominated during the 6th and 7th centuries[650].

Fragments from the assemblage regarded are mostly too small to demonstrate the decoration on body, and in most cases it's impossible to define the form of that or this vessel. That's why some fragments supposedly assigned to the Form 1 could belong in reality to the vessels of Form 2 (Fig. 2). Only 7 fragments undoubtedly represent Form 2 (Fig. 3).

By fabric the arched-rim basins can be subdivided into two rough groups: red-clayed and light-clayed. The second one is rather homogeneous and includes vessels of form 2 with straight walls and a "step" at the junction of the rim with the body (Fig. 2, 5–8; 3, 3). All these vessels are made of light buff, compact, well levigated clay with tiny buff/brown inclusions. The identity of fabric of these basins to that of the vessels undoubtedly produced in the uncovered pottery workshop permits to suppose their local production.

[649] Rautman 1996: 45, 47. Fig. 6, 1.17.
[650] Magness 1993: 207.

Fig. 3

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4, locus 2	Incised decoration. Fabric reddish-brown, very compact, well levigated, with some small light and dark brown inclusions.
2	Area 4	Incised decoration. Fabric red, compact, well levigated, with occasional small reddish inclusions
3	5/6-12	Incised decoration. Fabric light yellowish, compact, well levigated, with tiny greyish-buff and light buff inclusions.
4	4/-/4-11	Incised decoration. Fabric brown with brownish-gray core, compact, well levigated, with occasional tiny light and mediun-sized brownish inclusions. Light slip on the surface
5	2/4-12	Incised decoration. Light red, compact, with tiny dark beige inclusions
Not figured	4/-/4-11	Incised decoration. Fabric reddish-yellow, with occasional tiny light and brownish inclusions and rare voids. Two broad poorly pronounced grooves on the upper surface of the arched rim. A stump of an oval-sectioned handle
Not figured	5/6-12	Incised decoration. Fabric light yellowish, compact, well levigated, with tiny greyish-buff and light buff inclusions. A basin completely identical to No. 3

The red-clayed ones, with rare exception, are characterized by a rib at the junction of the rim with the body. Fabric of these vessels is mostly brown of different intensity, compact, with occasional inclusions or red compact with grayish-brown core and occasional tiny light inclusions. In rare cases there is a light covering on the exterior.

A fragment of a massive thick-walled arched-rim basin has come from locus 15 in the square 4 (2013 excavation season) (Fig. 2, 15). On the upper surface of the rim there are three deep grooves. Any parallels has not been found but it was found in combination with a fragment of rouletted bowl of Magness-1 form dated to the late 3rd/early 4th – 5th centuries, fragment of LRC bowl of form 3F/G of the 6th century and a fragment of FBW jug with everted, triangular rim of form Magness-1A dated to the 3rd – 5th century that allows assigning the basin in question to the 6th century, most likely to its first half, at the latest.

Two loci, 3/8–12 and 6/5–12 (the first contained Late Byzantine / Umayyad material, the second — 7th – 8th centuries material) have produced fragments of basins with a broad, almost horizontal convexo-concave rim (Fig. 2, 16, 17). The rounded or conical body of such basins was usually decorated with combed wavy lines. The edge of analogous rim from En-Gedi is decorated with finger impressions[651]. These basins are likely to have continued the arched-rim basins of the Byzantine period and are dated to the Umayyad period.

J. Magness assigns basins with beak-shaped rim to the variant of arched-rim ones (Fig. 6, 1–6). Similar vessels have been excavated in the 6th century layer in Siyagha on Mt. Nebo[652], in the layer of the late 6th – early 7th centuries in Jerash[653], in the layers dated before mid-6th century in Jerusalem[654]. Presumable date: 6th – early 7th centuries.

Arch-rim basins of previous two forms are greatly outnumbered by the basins of **form 3** after J. Magness with the short, knob-like rim that is either rounded or pointed or square in profile, with a ridge on the upper surface at the point of junction with the body. The walls are straight or slightly rounded (Fig. 4; 5, 1–5). Rare specimens have a little bit swollen body (Fig. 5, 6–7). One of the variants of this type of vessels is represented by the basins with carinated upper body with a rounded rib at the junction with the lower body or with a ribbed exterior (Fig. 6, 1–3). Basins of Form 3 are usually decorated with bands of horizontal straight or wavy combing on the exterior walls. Their suggested date is 6th – late 7th/early 8th centuries that is the end of the Byzantine period and the Umayyad periods[655]. Analogous vessels have been revealed in the burial caves at Luzit assigned to the 5th – 8th centuries[656] and Khirbet edh-Dharih (Southern Jordan) – in the non-sealed strata dated to the 6th – 7th centuries[657] and so on.

Flat-Rim Basins

The rim of such vessels is flat and the upper body is decorated with a band of ridges marked off from the rest of the body by a thumb-impressed strip of clay with bands of combing or incised lines below (Fig. 7). Flat-rim basins are dated to the 8th – 9th centuries or later[658]. In Dibon, for example, they were revealed in the layer of the Ayyubid destruction[659]. In the assemblage presented the group of these vessels

[651] Vincenz 2007: 259. Pl. 32, 1.
[652] Piccirillo, Alliata 1990: 420. Fig. 2, 18–19.
[653] Rasson, Seigne 1989: Fig. 7, 8.
[654] Magness 1993: 204–205.
[655] Ibid.: 209.
[656] Avni, Dahari 1990: 304. Fig. 5, 4.
[657] Waliszewski 2001: Fig. 6, 7.
[658] Magness 1993: 210.
[659] Tushingham 1972: Fig. 8, 6, 8.

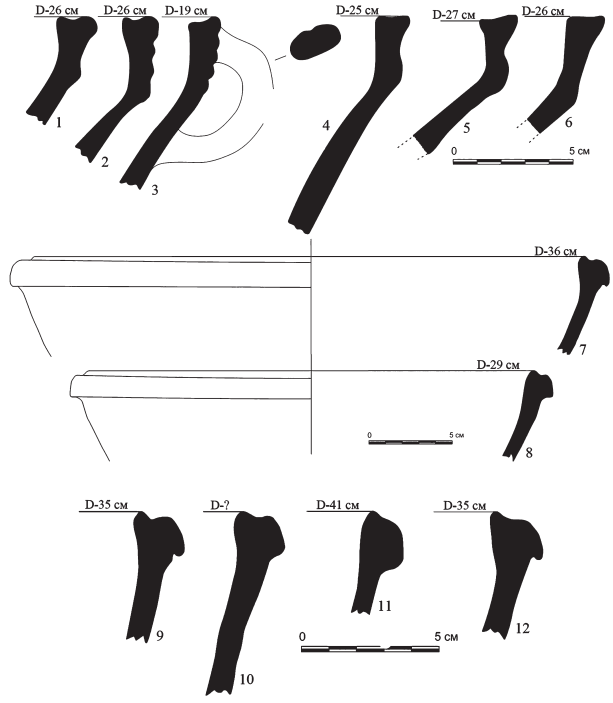

Fig. 6

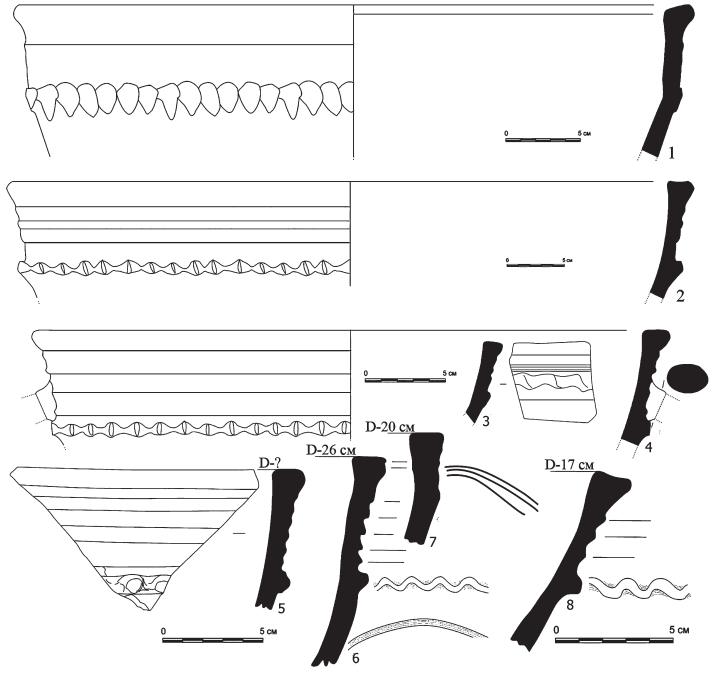
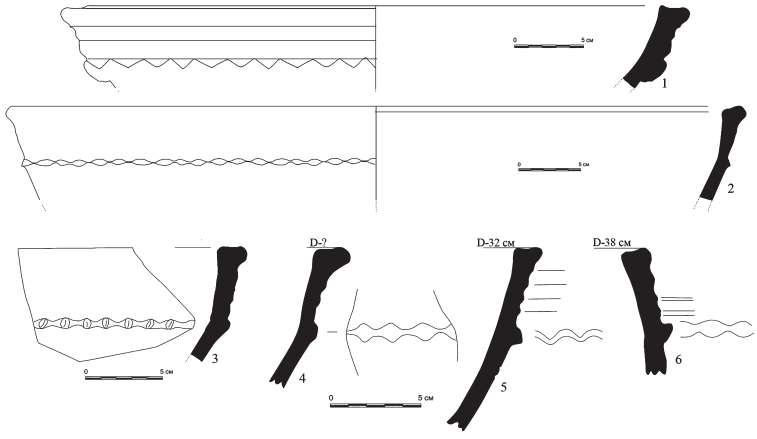

Fig. 7

Fig. 8

is innumerous and includes some vessels that can be identified as transitional variant between arched-rim basins of form 3 and flat-rim ones (Fig. 8). They have a short, knob-like rim similar to that of Form3 basins and decoration of the exterior analogous to the adornment of the flat-rim ones. All are made of analogous buff, sometimes with greenish hue, compact well levigated clay with rare tiny buff and light inclusions. Some of them are covered with light slip. On the exterior of three basins from the locus 6 (square 3 – 2012) there are traces of red covering.

Basins with Two Shallow Grooves on Top Rim Surface

From the very beginning of the excavations on the lot basins of this form attracted attention by their abundance while on the other Palestinian sites, even in the close vicinity to Jericho, such vessels occur very rarely. Besides in the course of excavations some quantity of unevenly fired vessels of this type occurred. Moreover Locus 6/5–2012 has produced a deformed and overfired fragment of such basin. All these finds lead to a conclusion about manufacturing of basins with two shallow grooves on top rim surface in the local workshop though kilns sufficient for firing of such large vessels have not been uncovered yet.

Among these vessels three variants can be distinguished.

Variant 1. Basins with outturned ledge rim with two shallow grooves on the top surface (Fig. 9). Some of them have a roll along the inner edge of the rim.

The most numerous group is constituted by the vessels of variant 2 with T- or triangular-sectioned rim (Fig. 10, 1–13).

Fig. 6

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/6-12	Light brown, compact, well levigated, no visible inclusions
2	3/6-12	Light brown, turning lighter towards the surface, compact, well levigated, no visible inclusions
3	3/7/8-11	Buff, compact, well levigated, innumerous light-brown inclusions
4	3/6-12	Light brown, compact, well levigated, no visible inclusions
5	Area 4, square 1, locus 2	Buff, compact, well levigated, with small dark buff inclusions
6	Area 1, dismantling of the balk 2	Light buff, compact, well levigated, with some small brownish grits
7	2/4/1-11	Buff, compact, well levigated, innumerous light brown and brown inclusions
8	2/7/4-11	Buff, compact, occasional tiny brownish inclusions
9	2/5/--11	Buff, compact, innumerous tiny light and brown inclusions
10	2/-/4-11	Buff, compact, innumerous tiny light and brown inclusions
11	2a/3/1-11	Light red, compact, well levigated, with tiny yellowish particles
12	2/5/4-11	Buff, compact, innumerous tiny light and brown inclusions
Not figured	2/-/4-11	Buff on the internal side and light red on the external one, very compact, well levigated, numerous tiny light and greyish inclusions
Not figured	2/6/4-11	Buff, compact, innumerous tiny light brown inclusions
Not figured	4/5/4-11	Red, well levigated, compact, tiny light and rare medium-sized reddish inclusions

Fig. 7

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4	Fabric light buff, very compact, with some small buff inclusions
2	Square 1, locus 2	Buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions
3	Filling of the pit north of mosaics	Buff, compact, well levigated, with some small brownis inclusions
4	Area 4, square 12	Fabric buff, compact, well levigated, with light and brownish inclusions
5	6/3-12	Fabric light with faint greenish tint, very compact, with rare small buff inclusions
6	3/6-11	Fabric light buff, very compact, well levigated, with rare small dark buff inclusions
7	3/7/7-11	Traces of pink covering on the rim. Fabric light with faint greenish tint, compact, with rare small buff inclusions
8	3/8-12	Fabric buff, compact, well levigated, with rare small buff inclusions

Fig. 8

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Drainage trench, south-western corner	Fabric buff, light red at the exterior, very compact, well levigated, with some small dark inclusions
2	Area 3	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	Area 2, locus 2	Fabric light yellow, compact, well levigated, with innumerous small brownish inclusions
4	1/2/1-11	Fabric buff, well levigated, with rare tiny white inclusions
5	3/8-12	Fabric light yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	1/2/1-11	Fabric buff, compact, well levigated, with rare small light inclusions

Variant 3 is constituted by the vessels with knobbed rim with two, sometimes poorly pronounced concavities on the upper surface (Fig. 10, 14–20).

Bowls with Rounded Body and Rolled Rim

Rather homogenious group is constituted by large deep bowls with rounded, sometimes grooved body and rolled rim (Fig. 11, 1–7). The ware of all of them is buff, well levigated with some brownish and light inclusions. Some of them are decorated with an incised wave below the edge.

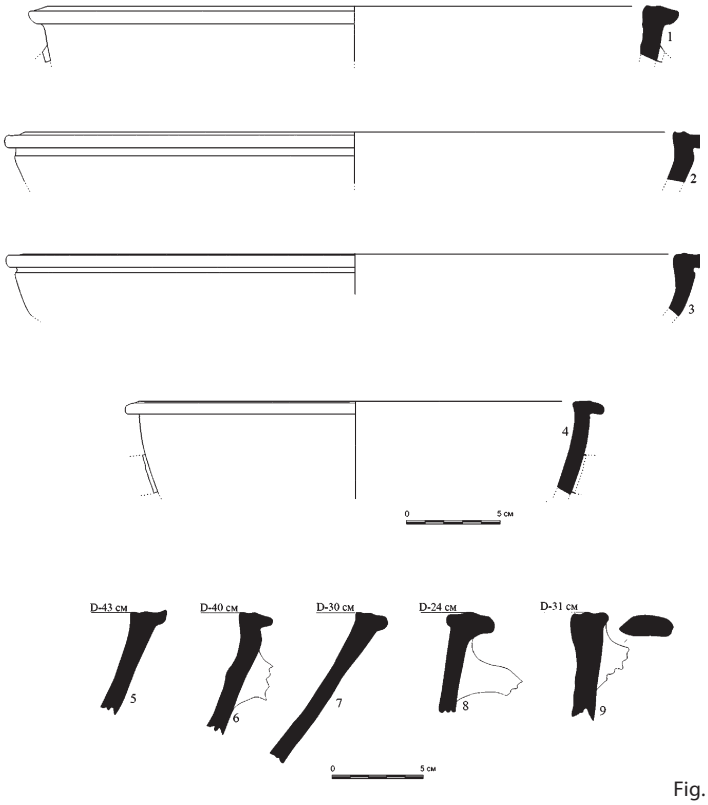

Fig. 9

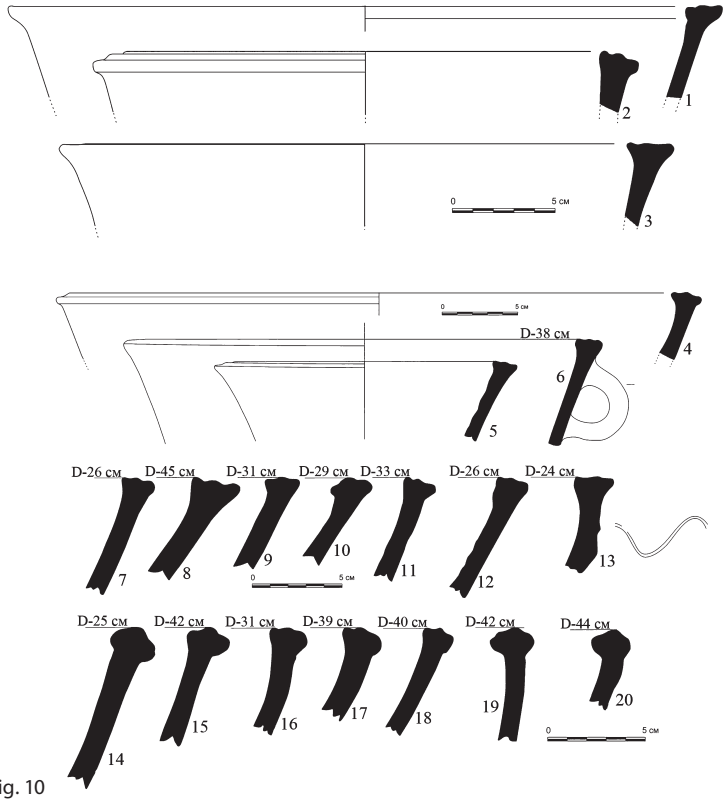

Fig. 10

Fig. 9

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 2, unearthing of the surface of the old excavations	Dark buff, light with greenish tint at the surfaces, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	Area 1, dismantling of the balk	Light buff, compact, well levigated, with some small greyish inclusions
3	Area 2, layer 1	Light yellowish, compact, with no visible inclusions
4	Area 4, square 1, locus 2	Buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
5	5/13-13	Light buff, compact, with occasional tiny buff inclusions. A thin band of off-white clay at the exterior
6	5/13-13	Reddish-buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions. A thin band of off-white clay at the exterior
7	3-4/9-12	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny brownish inclusions
8	4/-/4-11	Reddish-buff, compact, well levigated, no visible inclusions
9	6/5-12	Light buff, compact, well levigated, with tiny buff inclusions
Not figured	3-4/9-12	Light buff, compact, with occasional tiny buff inclusions
Not figured	3-4/9-12	Light with greenish tint, compact, well levigated, with tiny buff inclusions

Shallow and Deep Basins and Bowls with Straight Walls and Flatly Cut Edge

Basins with straight walls and flatly cut upper surface or triangular-sectioned overhanging rim (Fig. 11, 8–20) are made of buff, well levigated clay with occasional tiny light and brownish inclusions. Some of them, with better preserved walls, are decorated with an incised wave below the edge. The rim diameter varies from 16,0/19,0 cm to 36/37 cm. Parallels have come from Humeima (Southern Jordan) where they were revealed in the closed corpus of mid-7th century[660], from Aqaba kilns dated to the mid-late 7th century[661]; in En-Gedi

[660] 'Amr, Schick 2001: 113. Fig. 11, 36.
[661] Melkawi, 'Amr, Whicomb 1994: 8q.

Fig. 10

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	Area 4	Buff, compact, with occasional tiny brownish inclusions
3	Foundation trench	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	Area 4, locus 2	Reddish-buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions
5	4/7/4-11	Buff, compact, occasional tiny brownish inclusions
6	4/-/4-11	Light buff, compact, well levigated, with occasional tiny brownish inclusions. A band of off-white clay at the exterior
7	5/13-13	Light buff, compact, well levigated, with occasional tiny brownish inclusions. A band of off-white clay at the exterior
8	6/5-13	Buff, compact, innumerous tiny light and brown inclusions
9	6/5-12	Light with greenish tint, with tiny buff inclusions
10	2/5/4-11	Buff, compact, innumerous tiny light and brown inclusions
11	5/13-13	Light with greenish tint and yellowish core, compact, well levigated, no visible inclusions
12	5/13-13	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny light inclusions. Dark brown covering on the exterior
13	3/7/3-11	Light, tiny buff inclusions. Incised wave below the rim
Not figured	5/13-13	Pinkish-beige, compact, well levigated, with occasional tiny brown inclusions, bands of almost white and light buff clay on the interior and exterior. Thin reddish covering on the exterior
Not figured	6/5-12	Light with greenish tint, tiny buff inclusions
Not figured	5/13-13	Buff, compact, with rare tiny light buff inclusions. A thin band of off-light clay with yellowish tint
Not figured	5/13-13	Reddish-yellow, compact, well-levigated, no visible inclusions. Reddish-yellow thin covering on the interior; a little bit lighter covering on the exterior
Not figured	1/4/6-11	Greyish-beige, compact, well levigated, no visible inclusions
Not figured	3/4/2-11	Buff with light red banded with light red clay at the surfaces, very compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
Not figured	3-4/9-12	Yellow with buff core, with tiny buff inclusions. Exterior is reddish-yellow
Not figured	4/-/4-11	Light, compact, with rare tiny light brown inclusions
Not figured	6/5-12	Reddish buff with yellowish red core, compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
Not figured	5/6-13	Light buff, compact, well levigated, with tiny buff inclusions
Not figured	3-4/9-12	Buff, compact, with innumerous tiny brownish and reddish inclusions
14	6/5-12	Buff with reddish-yellow core, compact, well levigated, with occasional tiny light and brownish inclusions
15	6/5-12	Buff, compact, well levigated, tiny brownish inclusions
16	3-4/9-12	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny brownish inclusions
17	5/13-13	Light with greenish tint and buff core, compact, well levigated, with tiny brownish and occasional large voids
18	6/12-13	Yellowish, compact, with tiny buff inclusions
19	6/5-12	Light buff with reddish-yellow core, compact, well levigated, with occasional tiny light and brown inclusions
20	6/5-12	Buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
Not figured	6/5-12	Light buff with light brown core, compact, well levigated, occasional tiny dark inclusions
Not figured	3/6/4-11	Buff, compact, innumerous tiny light brown inclusions
Not figured	5/13-13	Light buff, compact, with occasional tiny brownish and buff inclusions. At the exterior an off-white band
Not figured	4/5/4-11	Light with greenish tint, with rare brownish inclusions.
Not figured	5/4-12	Pinkish-buff, compact, with occasional tiny brownish inclusions

Fig. 11

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	2/6/4-11	Buff, compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
2	2/9/4-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions
3	2/7/4-11	Buff, compact, with occasional tiny light and brownish inclusions
4	3/7/6-11	Reddish-yellow, compact, with rare tiny light and brownish inclusions
5	2/9/4-11	Brown, with dark-greyish-brown core, compact, well levigated, with rare tiny light and brown inclusions
6	3/8-12	Brown, compact, well levigated, with innumerous tiny brown and light inclusions. The surface is light
7	1/6/4-11	Yellow, compact, with tiny buff inclusions
8	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with some small dark-buff inclusions
9	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with rare tiny dark-buff inclusions, no visible inclusions
10	3-4/9-12	Reddish-buff, compact, well levigated, with occasional tiny light and buff inclusions
11	3/7/6-11	Brown, compact, well levigated, with rare tiny dark-buff inclusions
12	Large dump	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny light and brown inclusions
13	Area 1, north-eastern corner	Buff, compact, well levigated, with some small light and brown inclusions
14	4/-/4-11	Pinkish-yellow, compact, well levigated, with tiny dark buff inclusions
15	2/4/1-11	Dark-buff, compact, with tiny buff inclusions
16	3/8-12	Buff, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
17	3/8-12	Light-light buff, compact, well levigated, with rare tiny dark-buff inclusions
18	3-4/9-12	Reddish-buff, compact, well levigated, with occasional tiny light and buff inclusions. The surface is light yellow
19	Drainage trench, western part	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with small brown and some large reddish inclusions. Traces of red covering on the surface
20	3/8-12	buff, well levigated clay with some small light and brown inclusions
21	Area 1, locus 2	Buff, compact, well levigated with tiny light inclusions
Not figured	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny light inclusions
Not figured	4/-/4-11	Pinkish-yellow, compact, well levigated, with tiny dark-buff inclusions
Not figured	4/-/4-11	Yellow, compact, well levigated, with rare tiny light and brownish inclusions
Not figured	5/13-13	Buff, compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
22	3/6-12	Buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
23	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
24	3/7/6-11	buff, well levigated clay with occasional tiny light and brown inclusions
25	6/5-12	Buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
26	4/7/4-11	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny light inclusions
27	3/6-12	Buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
28	3-4/9-12	Reddish-yellow with innumerous tiny light inclusions. Thick light slip on both sides
29	6/5-12	Greyish-buff, compact, well levigated, with small budd inclusions. Thin layer of off-white clay at the surface
30	3/7/6-11	Dark-buff, compact, with tiny buff inclusions
31	4/12-13	Unevenly fired: thin pinkish layer at the exterior, then – a thicker light brown layer, and at the interior is thick pinkish-buff layer. Compact, well levigated, with some medium-sized brownish inclusions
32	3/1/1-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions
33	2/7/4-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions
34	3/6/4-11	Buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
35	6/5-12	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions
36	5/4-12	Buff, compact, very well levigated, with some small dark-buff inclusions. Surface is light yellow
37	3/8-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions
38	3/6/3-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions
39	3/6-12	Light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
40	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, no inclusions

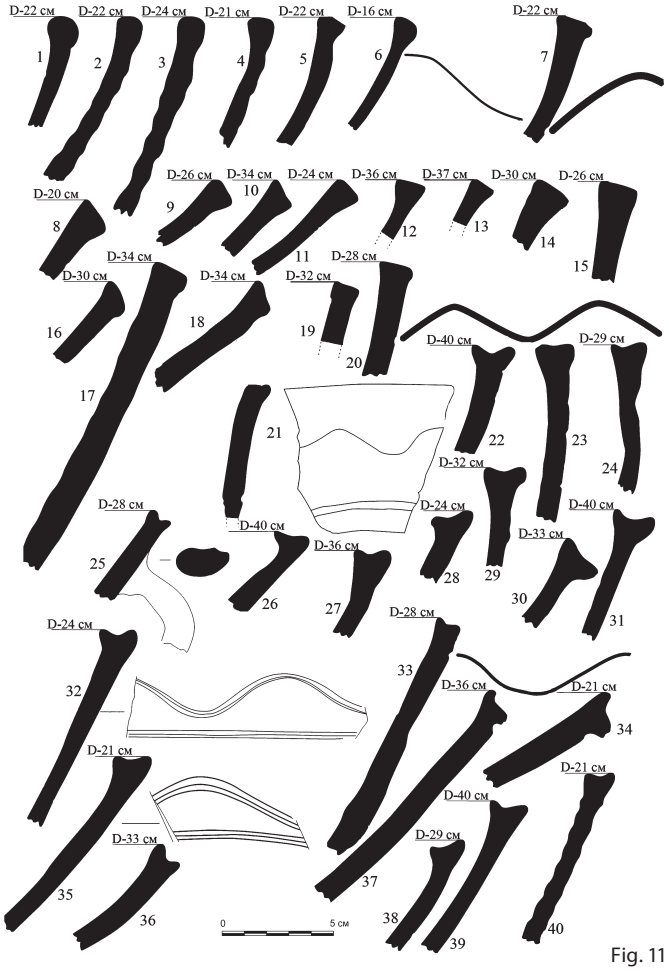

Fig. 11

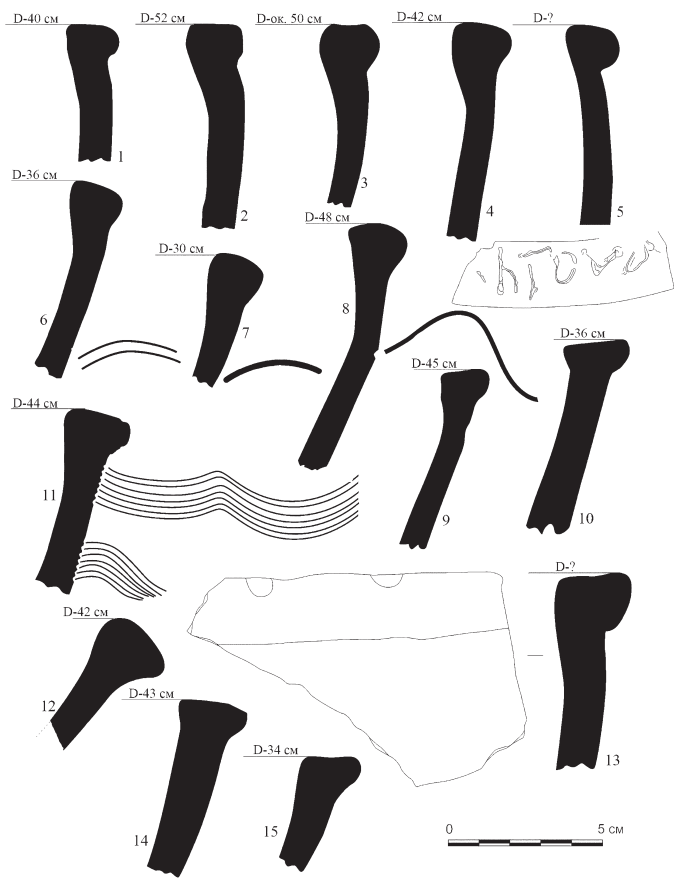

Fig. 12

Fig. 12

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/7-11	Light with greenish tint, compact, with rare tiny buff inclusions. Below the rim there is a wave incised in thick line. Traces of pinkish covering on the rim
2	1/3/3-11	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions
3	Area 4, locus 2	Light yellow, compact, well levigated, with some tiny dark inclusions
4	Area 4, square 1, locus 2	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny brownish inclusions
5	3/6/4-11	Buff, compact, well levigated, with rare tiny brown inclusions
6	3/-/8-11	Buff, compact, with tiny brownish inclusions
7	1/6/4-11	Buff, compact, no visible inclusions
8	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
9	3/-/6-11	Buff, compact, well levigated, with occasional tiny dark-buff inclusions
10	6/5-12	Light with greenish tint, compact, well levigated, with rare tiny buff inclusions
11	4/4/2-11	Dark buff, compact, with occasional large buff inclusions
12	Area 4	Buff, well levigated, with some tiny light and brown inclusions
13	Area 2, clearing of the surface of the old excavations	Light with greenish-yellow tint, well levigated, with small brownish inclusions
14	6/5-12	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions
15	3-4/9-12	Buff, compact, with occasional tiny brownish inclusions

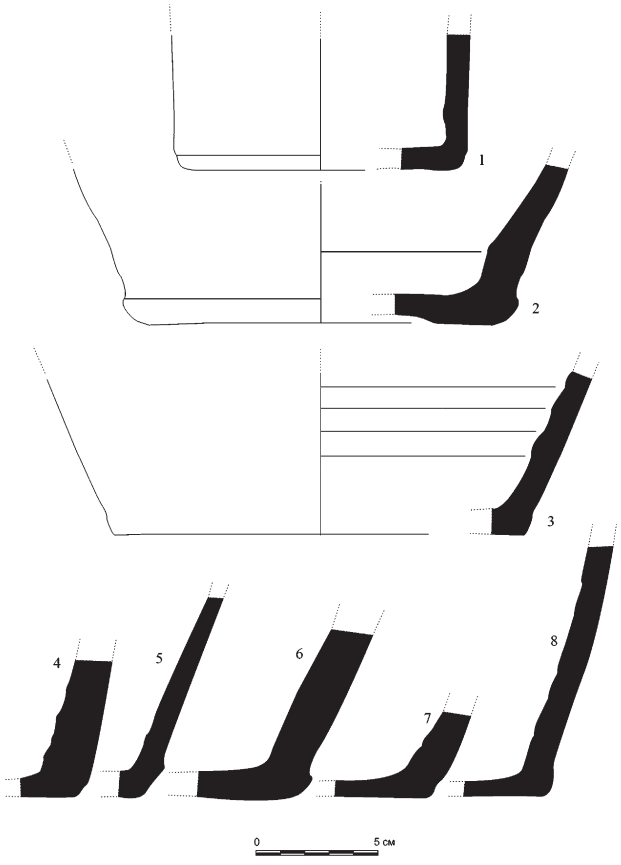

Fig. 13. Abundance of fragments of basin bottoms and acute time shortage didn't permit to give detailed description of most revealed fragments. So only the general characteristics can be given. Fabric is usually buff, sometimes unevenly fired and well levigated, either with some light or buff inclusions or without any visible inclusions.

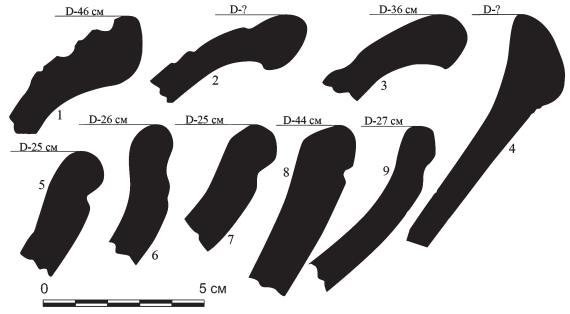
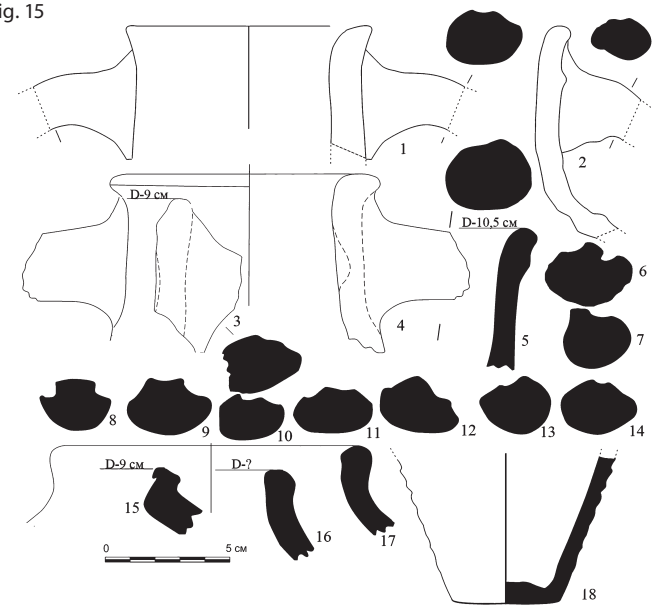

Fig. 14

Fig. 15

they are dated to the Umayyad period[662]. Most Jericho fragments revealed on the lot also stem from the loci of the Late Byzantine / Umayyad period and judging by the great quantity of finds were manufactured in the uncovered workshop.

Shallow and Deep Basins and Bowls with Concave Edge

Deep and shallow bowls with concave (grooved) edge can be distinguished as a separate type (Fig. 11, 21–40). As a rule they have straight, sometimes fluted walls, slightly thickening towards concave edge or towards rim in the form of a fish-tail and conical or almost cylindrical body. One of the well-preserved deep vessels has an oval-sectioned handle with a rib on the exterior. Some of them are decorated with a single incised wave or a wavy combing. The shallow bowls are characterized by a triangular-sectioned rim with concave upper surface. The diameter varies from 25/26 cm to 36/38 cm. For the exception of one fragment fabric of all the vessels is buff, compact, well levigated, with rare tiny brownish inclusions. Judging by the discovery of most fragments from the purely Late Byzantine / Umayyad loci the type can be assigned to this period. The brown ware with dark greyish-brown core of one vessel and its dark brown surface allows assigning it to the waste products of the local workshop that was fired with some violations of temperature regime. Close parallels made of similar fabric have come from En-Gedi where their Umayyad (and/or Late Byzantine) dating and use as mortaria are suggested[663].

Other Variants

There are some other variants of basins represented by innumerous fragments. For example the rim illustrated on Fig. 12, 12 is similar to the rim of the basin found in the level of the first half of the 8th century at Pella[664].

[662] Vincenz 2007: 259. Pl. 32, 2.
[663] Vincenz 2007: 259. Pl. 33, 1–4.
[664] McNicoll, Smith, Hennessy 1982: 176. Pl. 148, 5.

Fig. 14

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	2/4-12	Brownish-red with small brownish and some light inclusions.
2	1/3/3-11	Buff with small voids
3	1/4/8/-11	Red, very compact, invisible inclusions
4	2/6/4-11	Buff, compact, well levigated, with small dark buff inclusions
5	6/5-12	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions
6	2/8/4-11	Buff, compact, well levigated, with dark buff inclusions
7	2/8/4-11	Buff, compact, well levigated, with innumerous dark buff inclusions
8	2/6/4-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions, with rare small light and brownish inclusions
9	5/4-12	Light buff, compact, well levigated, with some tiny buff

Fig. 15

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4, locus 2	Fabric buff, with small brownish inclusions
2	Area 4, locus 2	Fabric reddish-buff with numerous small dark and some small light inclusions. Surface: light-pinkish-buff
3	4/7/4-11	Fabric reddish-brown, compact, with some small brownish inclusions
4	5/4-12	Fabric beige, compact, with numerous tiny brownish inclusions
5	5/13-13	Yellowish-red, compact, with abundant small reddish-brown inclusions and some light and dark inclusions. Surface: light reddish-yellow
6	3-4/9-12	Fabric reddish-beige, very compact, with numerous tiny brownish, grey and light inclusions
No dr.	3-4/9-12	Fabric light beige, very compact, with numerous small buff inclusions
7	5/6-13	Fabric reddish-yellow, compact, with numerous tiny reddish, brown and light inclusions. Surface: light with slight yellowish-greenish tint
8	5-6/9-13	Fabric brown, compact, with rare small light and brown inclusions
9	Drainage trench, the western part	Fabric light red with greyish-buff core, compact, with numerous tiny and some larger brownish inclusions
10	Area 1, the filling between walls	Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with some small dark inclusions
11	Foundation pit	Fabric red, coarse, with some reddish inclusions
12	Area 4, locus 2	Fabric reddish-buff, coarse, with small dark brown and buff inclusions
13	Area 4, locus 2	Fabric dirty-buff, coarse, with abundant small dark buff and reddish inclusions
14	Area 4, locus 2	Fabric dark buff with reddish core, coarse, with abundance of reddish-brown and light inclusions
15	2/4-12	Fabric reddish-yellow, coarse, with oblong voids and small reddish and brown inclusions
16	4/-/4-11	On the rim and upper body there are clay lumps. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, some small light and rare small brown inclusions
17	6/5-13	Fabric light with light greenish tint and numerous small reddish, buff and brown inclusions. Surface: light
18	Area 4, locus 2	Interior: black covering. Fabric brownish-red, well levigated, with some small light and brownish inclusions
No dr.	6/5-13	Fabric yellow at the exterior and reddish-yellow at the interior, with numerous small brown inclusions. Surface: light with greenish tint

Fig. 16

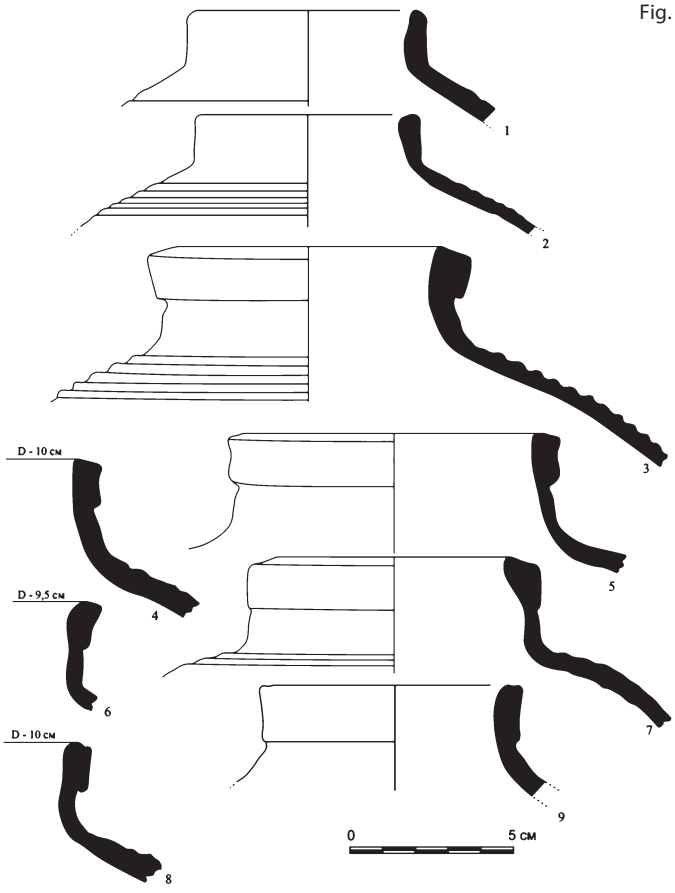
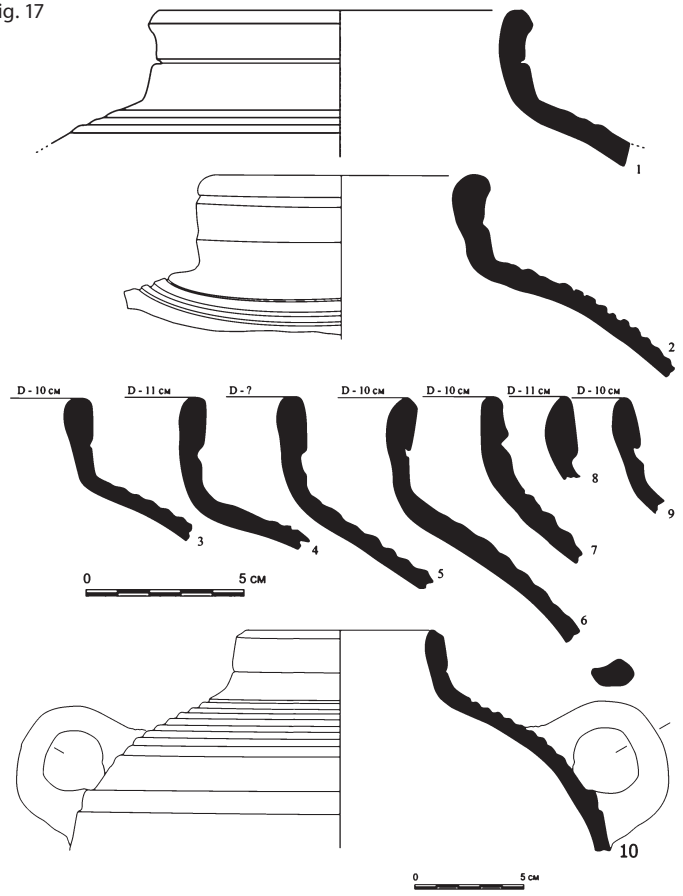
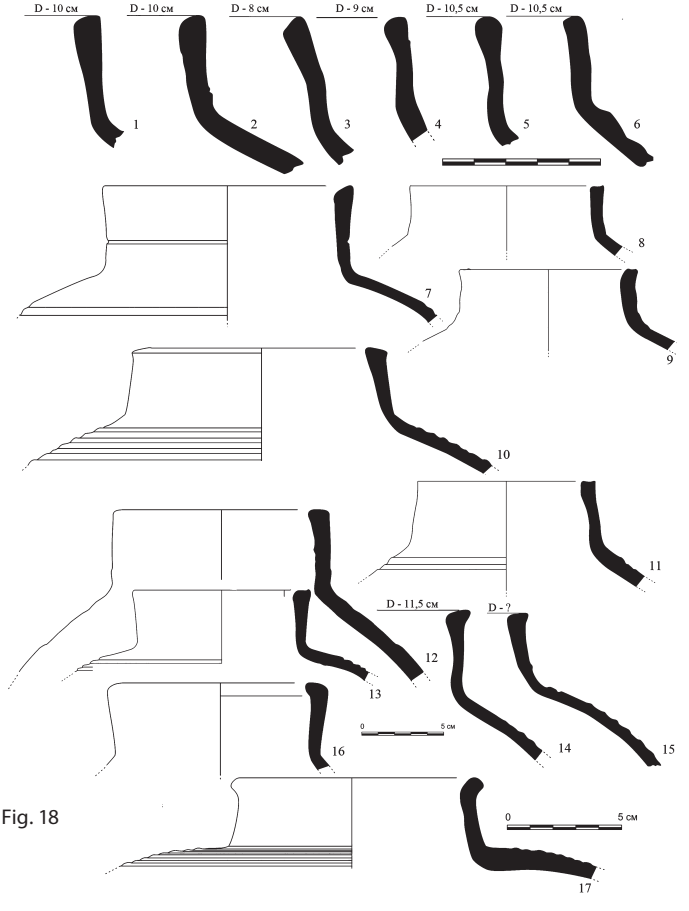

Fig. 17

Figs. 16-18. Abundance of fragments of "black" bag-shaped amphorae and acute time shortage didn't permit to give detailed description of most revealed fragments. So only the general characteristics can be given. Fabric is usually finely levigated and hard fired at a high temperature in a reduced atmosphere that resulted in the grey color of the fabric sometimes with reddish and brownish streaks. The surface is usually grey, dark grey or brownish-grey.

Fig. 18

Several fragments have survived from the basins with subtriangular-sectioned rim with horizontally cut upper surface and rounded outside (Fig. 12, 1–11, 13–15). Some of them (Fig. 12, 1–5) are very close to the basins found in the mid-7th century closed corpus from Humeima[665]. The upper rim surface of one of such vessels bears part of the Greek inscription incised on unfired clay.

It should be stressed that for the exception of several arched-rimmed basins fabric of all the vessels revealed is buff, well levigated, with some mainly light and brownish inclusions. The upper body of many vessels is decorated either with a single wavy incised line or with two interlacing waves or horizontal bands; sometimes a single wavy line is combined with horizontal one; some fragments are adorned with wavy combing; innumerous fragments are decorated with frilled — finger-impressed rib. Chisel-cut decoration with zig-zag lines, frequently used in Palestinian region in the late Byzantine and Umayyad periods[666], is represented by the only body sherd. Along with rim fragments a lot of body sherds with the described decoration have been uncovered. Although only a few complete basins were discovered, a flat base was most likely characteristic for all of them. It is confirmed by a great number of such bottoms revealed in the course of excavations on the lot (Fig. 13).

A great number of uncovered basins fragments allows suggesting that at least some types were manufactured in the local workshop. This assumption is confirmed by numerous unevenly fired, overfired and deformed fragments that represent the waste of the pottery production. The revealed kilns are too small for firing of such large vessels but the larger ones suitable for firing of basins can be beyond the small territory uncovered.

By several fragments bowls with rounded rim separated from the rounded body with a deep groove are represented (Fig. 14, 5–9). All have come from the Late Byzantine / Umayyad loci.

Along with basins that occurred on the site in more or less quantities there are types represented in the assemblage by a single fragment (Fig. 14, 1–4). No parallels have been found in the available literature but three of them were found in the Late Byzantine/Umayyad loci and the third — in the locus deprived of any diagnostic sherds for the exception of a bowl, which analogy has also been found in the Late Byzantine/Umayyad locus.

As it was already noted basins of the Umayyad period repeated the form of the Byzantine ones and to distinguish them by form is almost impossible. Yet it is considered that Umayyad basins were decorated more richly with bands of incised wavy and straight lines, piecrust and thumbed-impressed decoration[667].

AMPHORAE (JARS)

Amphorae classifications in use are those developed by J. Riley in his publications of Carthage and Benghazi materials[668], by D. Pieri in his fundamental work on Mediterranean amphorae[669] and in some other publications that provide additional dating evidence or information on the origin of various pottery types.

The amphorae corpus from the area includes innumerous fragments of supposedly Roman amphorae mostly indefinable. Among those that can be identified is a fragment of a handle of a red-clay ***narrow-neck amphora***, which origin has not been fixed yet though the region of the Egean sea is supposed[670]. Some investigators assign their use to the end of the 2nd – 3rd centuries[671], yet most date them from the second half of the 2nd through to the late 4th with the peak of use falling on the second half of the 3rd-4th centuries though they are likely to have been continued into the early 5th century[672].

Amphorae of Riley-LR1 type

Several fragments are of ***Riley-LRA1 type***[673] that was the most common amphorae in the whole Mediterranean region and spanned the period from the late 4th up to the mid-7th century[674], though in the Eastern Mediterranean and Syria it fell out of use only in the 8th century[675]. In Palestine they occur in large numbers all over the country in the 5th – 8th centuries. Numerous LRA1 kiln sites have been uncovered on Cyprus, Rhodes, in Antioch region, along Cilician coast and so on[676]. There are different opinions concerning a main liquid carried by these amphorae but as a rule wine and olive oil are suggested with predominance of wine.

---

[665] ‘Amr, Schick 2001: 113, Fig. 12, 37, 38.
[666] Kareem 1999: 198–199.
[667] Vincenz 2007: 2007. P. 259.
[668] Riley 1979; Riley 1981.
[669] Pieri 2005.
[670] Riley 1975: 40. Fig. 51; Adamsheck 1979: 113. Pl. 26, RC 11.
[671] Hayes 1983: 155. Fig. 25, 86–87; Panella 1986: 616, 617. Fig. II.
[672] Robinson 1959: 69. Pl. 15, K113; 16, L33; 28, M237; 29, M274; 31, M303; Riley 1975: 40; Peacock, Williams 1986: 193; Opait 2004: 13. Pl. 8, 7–8.
[673] Riley 1979: 212–216. Fig. 91, 338.
[674] Riley 1979: 212–216; Riley 1981: 116; Watson P. 1992: 239.
[675] Sodini, Villeneuve 1992: 197.
[676] Alfen 1996: 208.

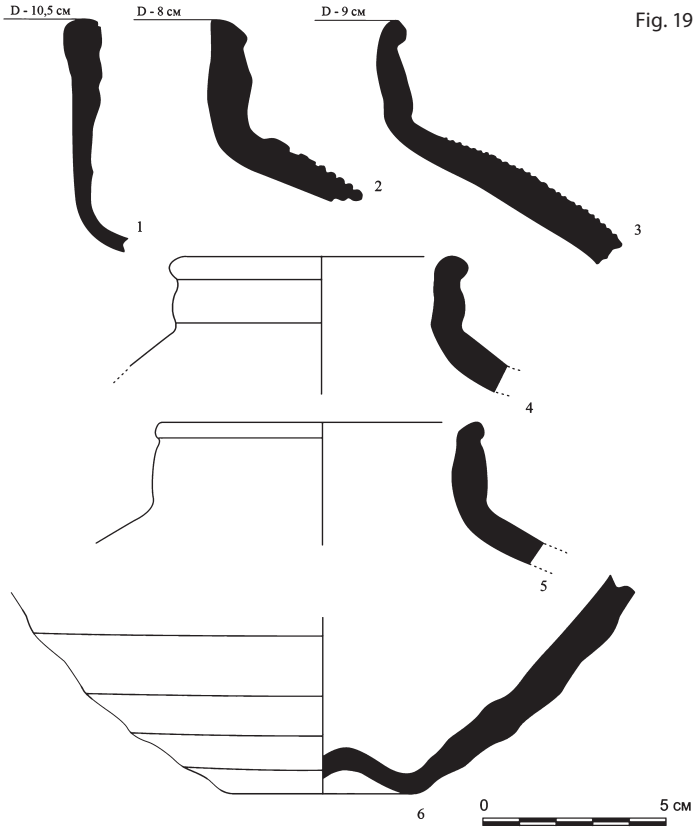

Fig. 19

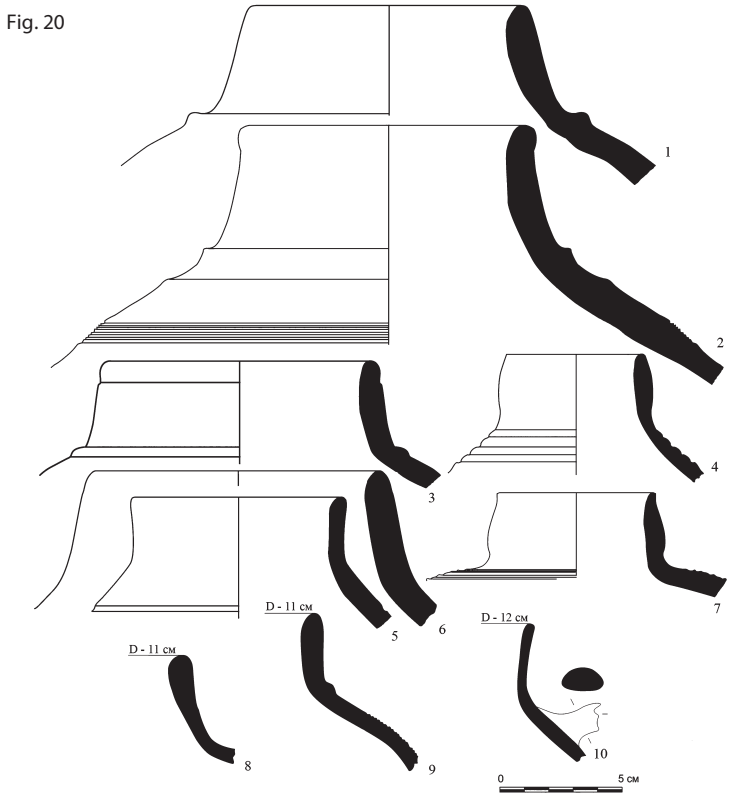

Fig. 20

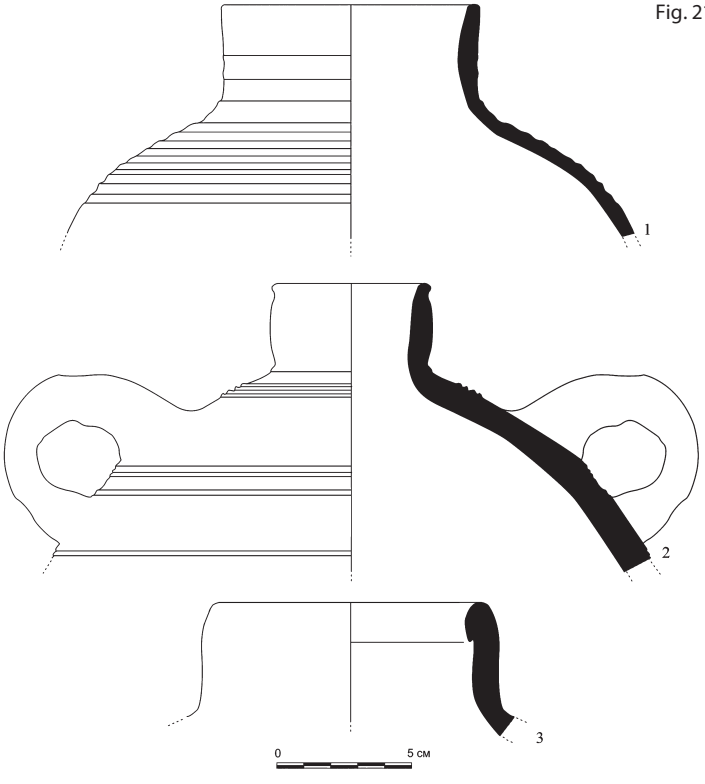

Fig. 21

The best preserved are the fragments of cylindrical necks with a rib on the level of the upper handle attachment (Fig. 15, 2, 5) — type LRA IB1 after D. Pieri who dates it to the early 6th — mid-7th centuries[677] though most of them occur in the late 6th – 7th century deposits. For example in Marseille they came from the deposits of the late 6th[678], and late 6th — first half of the 7th centuries[679]; this amphorae type comprises the considerable part of the cargo of the early 7th century shipwreck at Yassi Ada[680]; analogous fragment has come from the mid-7th century deposit at Humeima (Southern Jordan)[681], one more — from inside the early 7th century filling of a well at Sardis[682]; at Pella they were in use up to the mid-7th century[683]; at Rehovot-in-the-Negev amphora with analogous neck has been revealed in the deposit assigned to the period after 640[684]; up to the mid-7th century such amphorae were produced in the workshop uncovered at Pathos (Cyprus)[685]. Besides it should be mentioned that in Constantinople analogous neck came from the deposit of 655–770[686], and in Carthage from the late 7th century deposit[687]. To the same time three more fragments with plain everted rim (Fig. 15, 1, 4) and with a rim with a concavity on the rim interior (Fig. 15, 3) can be assigned.

[677] Pieri 2005: 75–76.
[678] Bonifay, Villedieu 1989: 61. Fig. 5, 2.
[679] Bonifay 1987: 290. Fig. 13, 56; Bonifay, Carre 1998: Fig. 88, 71.
[680] Alfen 1996; Bass, Doorninck 1982: Fig.8–1, 8–3;
[681] ‘Amr, Schick 2001: 115. Fig. 3, 4.
[682] Rautman 1996: 73. Fig. 26, 3.30.
[683] Watson P. 1992: Fig. 10, 78.
[684] Tsafrir 1988: 78, 87. Pl. III, 127.
[685] Demesticha 2001: 291. Fig. 9–10.
[686] Hayes 1992: Deposit 30. P. 100. Fig. 49, 194.
[687] Hayes 1978: 49. Fig. 11, 2.

Fig. 19

No.	Locus	Fabric
1	1/2/1-11	Red, compact, well levigated, with occasional light and brown inclusions; thin dark brown layer at the surface
2	3/7/6-11	Red, well levigated, with no visible inclusions
3	Square 3, locus 6	Red, with some large white and occasional small reddish inclusions
4	Area 4	Yellowish-red, compact, coarse, with small red inclusions
5	Area 4	Brick-red with light red core, compact, well levigated, with some small light inclusions, mica particles and elongated voids
6	4/-/3-11	Fabric light red, with numerous tiny light inclusions

Fig. 20

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4	Buff, with abundant small light and dark buff inclusions
2	Area 3	Reddish-buff with brownish-grey core, compact, well levigated, with tiny light and some small brown inclusions
3	Area 4, square 1, locus 2	Dark buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions
4	Area 4	Buff, compact, well levigated, with some tiny brown inclusions
5	Area 4	Pale yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	Area 2, locus 5	Buff, compact, well levigated, with tiny light and some tiny brownish inclusions
7	Area 1, locus 2	Reddish-buff, with some tiny light and light brown inclusions
8	3/6-12	Fabric light with yellowish tint and some small buff inclusions
9	2/4-12	Buff, compact, well levigated, with some tinu brown inclusions
10	3/6/4-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny brown inclusions

Fig. 21

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 1, layer 1	Light yellow, well levigated, with some tiny greyish inclusions
2	Area 1, layer 2	Buff, well levigated, with some small light inclusions
3	Area 4	Reddish-buff, compact, well levigated, with some tiny light inclusions and small mica particles

Along with two described neck fragments and rare body sherds of this amphorae type several fragments of handles have been revealed. Three of them (Fig. 15, 6–8) have a profile typical of the early variants dated to the 5th — early 6th centuries[688]. All the rest have three slightly moved aside ribs on the exterior (Fig. 15, 9–14) — a feature typical of amphorae dated back to the 6th – 7th centuries[689].

Cylindrical "Gaza Jars"

Of note is almost complete absence in the assemblage of the fragments of the so-called ***'Gazaean jars' or Gaza Wine Amphora (Riley LRA 4)*** with a long and narrow cylindrical body with clay lumps on and under the rim, flat or rounded pointed base and ribbing on the shoulders, between the handles and on the base. This type of amphorae was manufactured in the Negev/Gaza region and used for transportation of famous Gazan wine, oil, dried fish or some substances shipped by the Arabian trade routes to Gaza in flexible containers and then transferred to this ceramic container for transport by ship to ports throughout the Mediterranean and Black sea basin[690]. Their origin lies in the Classical Period but they become common in the contexts dating to the 3rd/4th-7th centuries[691] though seem to continue down to the Early Arab period[692]. M. Oren-Pascal insists that their fluorite falls on the period between the 6th and 8th

[688] Pieri 2005: 71.
[689] Pieri 2005: 76.
[690] Blakely 1988: 39.
[691] Keay 1984: 395; Riley 1981: 115; Peacock, Williams 1986: 199; Levin, Netzer 1986: 98; Sodini, Villeneuve 1992: 197; Hayes 1992: 166–167. Fig. 47.
[692] Avni, Dahari: 307; Arnon 2008a: 32; Arnon 2008b: 89.

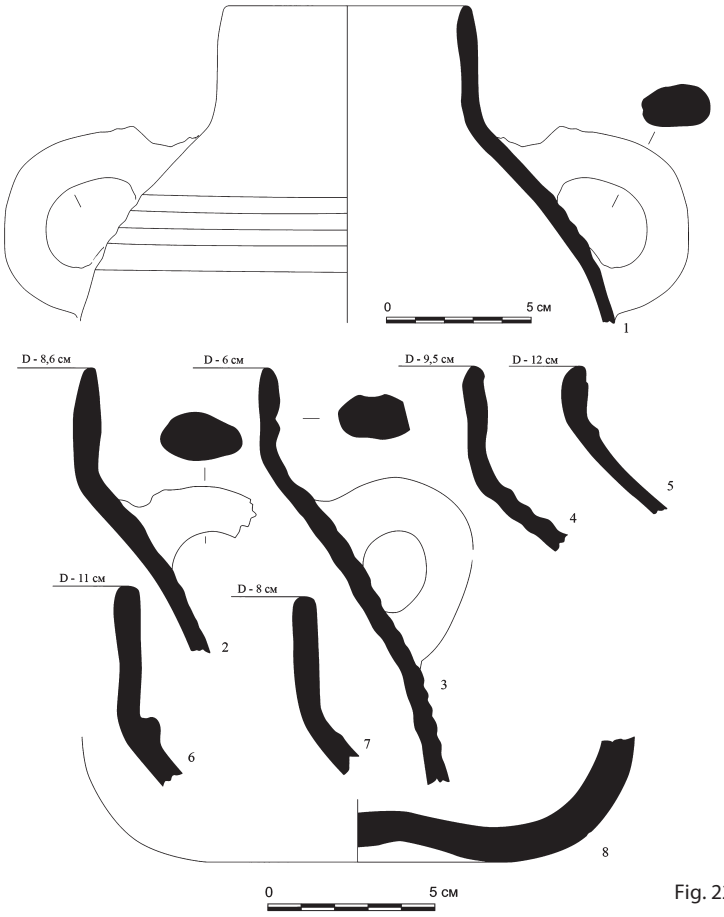

Fig. 22

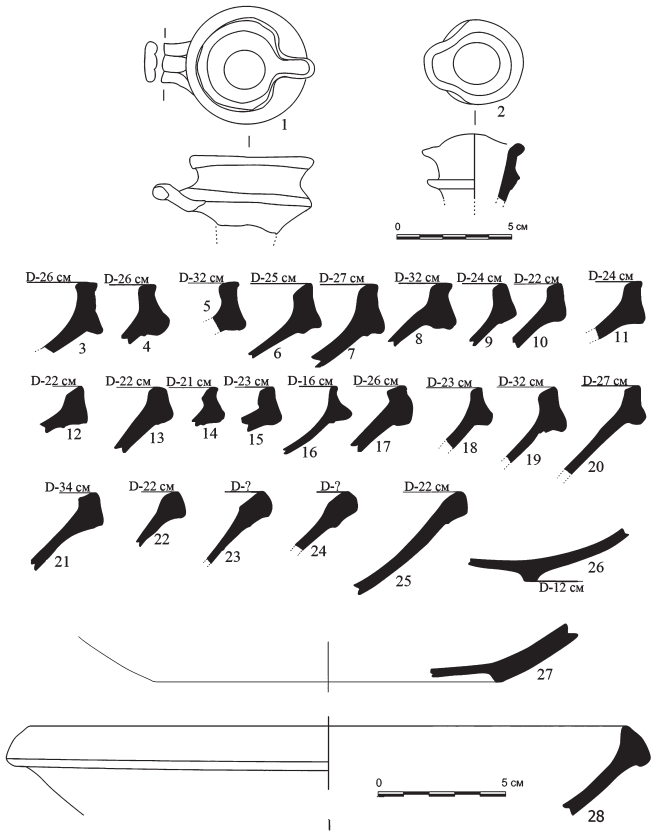

Fig. 23

Fig. 22

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/7/6-11	Dark buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions
2	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with some tiny brown inclusions
3	3/8-12	Fabric buff, compact, with some dark buff inclusions
4	3/8-12	Fabric light with yellowish tint and some small buff inclusions
5	Square 1, locus 6	Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny brown inclusions
6	3-4/9-12	Buff, with abundant small light and dark buff inclusions
7	1/3/3-11	Pale yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
8	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with tiny light and some tiny brownish inclusions

when they are recorded on the sites throughout the Mediterranean[693]. Riley considers them to have been most frequent in the south-eastern Mediterranean in the late 4th century, reaching their peak in the mid-5th century and tailing off at the end of the 5th century[694]. Egloff suggested that they were produced up to the end of the Umayyad period[695]. In Palestine concentration of the type was greatest in the South and on the coast. For example in the Caesarea hippodrome, this type comprises 24 percent of all the amphorae in the Byzantine levels[696]. In the north of Israel they are rare[697].

We follow the typology and chronology developed for this amphora type by D. Pieri.

On the lot only two rim fragments of Pieri-4B2 form (Fig. 15, 16–17) and two fragments of hollow narrow bottoms in the form of truncated cone of LRA 4B2 variant (Fig. 15, 18) have been revealed. All are dated to the second half of the 6th – 7th centuries. The only fragment is of Pieri form 4A dated to the 4th – 5th centuries (Fig. 15, 15)[698]. The inside of both bottoms has black resin covering.

[693] Oren-Pascal 2008: 49.
[694] Riley 1979: 219–222.
[695] Egloff 1977: 166–117.
[696] Oren-Pascal 2008: 49.
[697] Johnson 2006: 549.
[698] Pieri 2005: 106.

Fig. 23

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 2, north-eastern corner	Slip red, with a slight gloss, partially worn out. Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions.
2	Area 2, layer 2, southern-western corner	Exterior: light yellowish-red dull thin slip. Fabric light red, compact, well levigated, with some small light inclusions
3	Drainage trench, southern-western corner, accumulation of stones	Thin, dull slip almost completely merges with clay. Fabric brick-red, compact, well levigated, with occasional small reddish inclusions
4	5/1-12	Thin, matt, dark reddish-brown slip. Fabric brown, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	Drainage trench, northern part	Red thin dull slip. Fabric red thick well levigated, with no visible inclusions
6	4/12-13	Thin, matt, red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with tiny light inclusions
7	4/12-13	Thin, matt, yellowish-red slip. Fabric yellow, compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
8	4/15-13	Thin, matt, red slip; on the rim exterior is a little bit darker; its runs are on the body exterior. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with some small light and more numerous reddish inclusions
9	3/3/1-11	Thin, matt, yellowish-red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
10	4/7/6-11	Thin, matt, red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
11	Drainage trench, southern-western corner, accumulation of stones	Red thin dull slip, partially worn out. Fabric red, compact, well levigated, with no visible inclusions
12	3/5/3-11	Thin, matt, red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small light inclusions
13	5/13-13	Thin, matt, red slip; on the rim exterior is a little bit darker. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with tiny light inclusions
14	6/5-13	Thin, matt, yellowish-red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
Not figured	6/5-13	Thin, matt, brownish-red slip; on the rim exterior is discolored. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with rare tiny light and reddish inclusions
Not figured	6/5-13	Thick, matt, yellowish-red slip; on the rim exterior is dark brown. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
15	2/6/4-11	Thin, matt, red slip. Fabric light red, compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
16	4/7/4-11	Thin, matt, red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
17	5/13-13	Thin, matt, yellowish-red slip; on the lower part of the rim exterior it's light brown, on the upper one is almost black. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
Not figured	5/13-13	Thin, matt, red slip; on the rim exterior is light brown. Fabric light red, compact, well levigated, with no visible inclusions
Not figured	5/13-13	Thin, matt, red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
Not figured	5/13-13	Thin, matt, red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with rare small light inclusions
18	Clearing of the surface of the old excavations	Interior: red dull thin slip; exterior: brownish dull thin slip; on the rim exterior - dark dark brown. Fabric red compact, with no visible inclusions
19	Area 4	Interior: red thin dull slip; on rim exterior the slip is turned dark reddish-brown. Fabric red, thick well levigated, with some light inclusions
20	Large dump	Red, dull, thin slip, Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small light and brownish inclusions
21	3/7/3-11	Thin, matt, red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
22	4/-/4-11	Thin, matt, dark brown slip. Fabric brown, compact, well levigated, with rare small light inclusions
23	Area 1, locus 1	Red, dull, thin slip, Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small light inclusions
24	Foundation pit	Red thin dull slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated with some smack yellowish inclusions
25	3/15-13	Thin, matt, yellowish-red slip. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
26	3-4/9-12	Thin, matt, reddish-yellow slip. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with no visible inclusion
27	3/8-12	Thin, matt, yellowish-red slip. Fabric reddish-yellowish, compact, well levigated, with no visible inclusions
28	1/2/1-11	Red dull thin slip discolored on the rim exterior. Fabric red with breyish core, compact, finely levigated, with occasional tiny light inclusions

Fig. 24

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Drainage trench, south-western corner, accumulation of stones	Red dull thin slip. Fabric red, coarse, with some small white inclusions
2	2/5/4-11	Thick, yellowish-red slip with a slight gloss. Fabric reddish-yellow, compact, with rare tiny yellow inclusions
3	5/4-12	Thick, yellowish-red slip with a slight gloss. Fabric reddish-yellow, compact, with rare tiny yellow and some tiny light inclusions
4	Large dump	Red dull thin slip. Fabric yellowish-red,compact, well levigated, with some small light and brownish inclusions
5	5/1-12	Thick, yellowish-red slip with a slight gloss; on the exterior is almost completely lost. Fabric orange, coarse, with numerous small dark red inclusions
6	Drainage trench, south-western corner, accumulation of stones	Interior: light red thick, with a slight gloss slip. Fabric bright red, coarse, with no visible inclusions
7	3/8/7-11	Thick red slip with a slight gloss. Fabric yellowish-red, compact, with small red inclusions
8	Area 1, trench north of wall 4	Interior: red, thick slip with a slight gloss. Fabric red, coarse
9	Drainage trench, western part	Interior: dark red thick slip with a slight gloss. Fabric dark red, very compact, well levigated, with some small light inclusions
10	Drainage trench, western part	Interior: dark red thick slip with slight gloss; exterior: rotation tracks. Fabric dark red, very compact, well levigated, with some small light inclusions
11	4/7/4-11	Thick red slip with a slight gloss on the interior. Fabric yellowish-red, with small light inclusions
12	4/5/4-11	Thick red slip with a slight gloss. Fabric red, compact, with small red inclusions
13	Drainage trench, western part	Interior: thick red slip with a slight gloss. Fabric bright red, coarse
14	Drainage trench, western part	The surface is lime-rich. Fabric red, with some small light inclusions
15	6/5-13	Thick matt yellowish-pink slip. Fabric yellowish-pink, compact, well levigated, with rare small light and reddish inclusions
16	3/8-12	Overfired. Surface: dark brown. Fabric dark buff; dark brown on the base, compact, well levigated, with no visible inclusions
17	Drainage trench, western part	Interior: thick red slip with slight gloss. Fabric light bright red, coarse, with no visible inclusions
18	Drainage trench, western part	Interior: thick red slip with slight gloss; exterior is thoroughly smoothed. Fabric bright red, coarse
19	Area 2, north-eastern corner	Traces of thick red dull slip. Fabric bright red, coarse, with reddish inclusions
20	Area 4	Interior: thick red slip with a slight slip. Fabric red, coarse
21	Area 4	Interior: thick red slip with a slight slip. Fabric bright red, coarse, with some small white inclusions
22	5/13-13	Thin matt reddish-yellow slip. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
23	5/1-12	Thick reddish-brown slip with a slight gloss on the interior. Fabric greyish-brown; reddish at the interior, compact, well levigated, with small mica particles, tiny reddish-brown inclusions
24	7/3-13	Thick red slip with a slight gloss on the interior. Fabric yellowish-red, compact, with small red inclusions

To this type of amphorae an oval-sectioned handle with triangular-sectioned rib on the outside and 5 body sherds revealed in the cistern filling can be also assigned.

Bag-shaped Storage Jars

The dominant amphorae in the corpus are the ***bag-shaped*** ones that are often called ‘storage jars’. They always have a ribbed body that due to the maximum width being below the center of the vessel resembles a bag or a sack, rounded base and two ring handles on the shoulder. It’s a characteristic Palestinian type manufactured in a number of different fabrics from the 4th (or even 2nd century AD[699]) through

[699] Haddad 2009: 80.

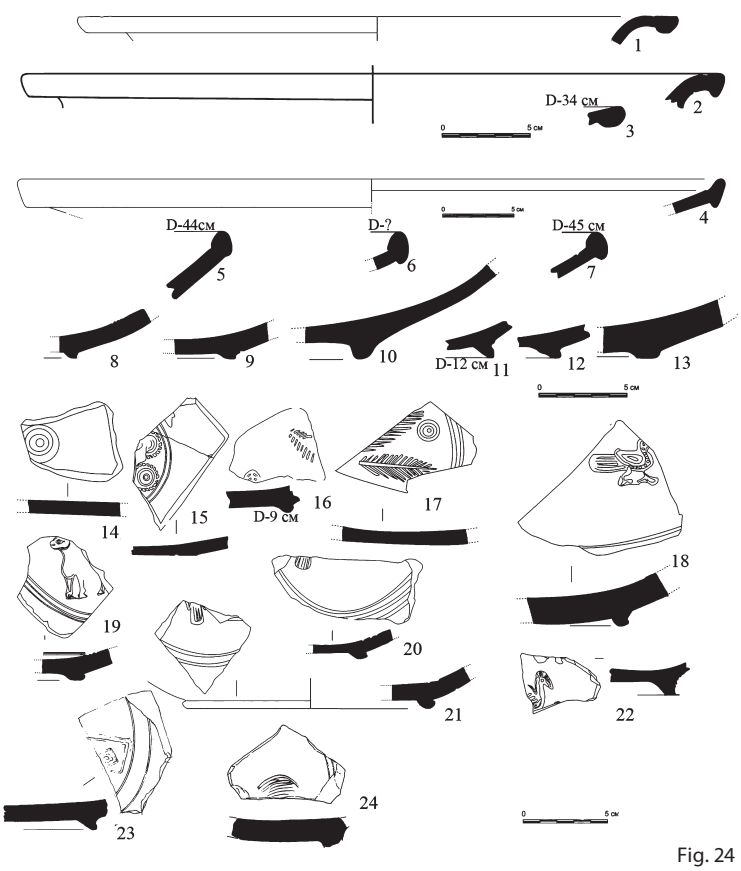

Fig. 24

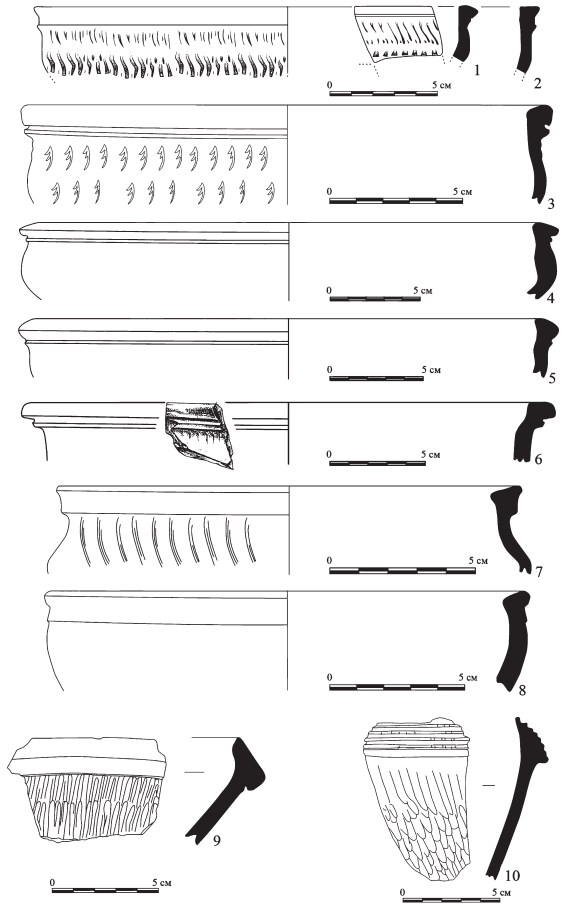

Fig. 25

Fig. 25

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Foundation pit	Within decorative notches traces of red dull thin slip. Fabric light red, compact, well levigated, no visible inclusions
2	Foundation pit	Within decorative notches traces of red dull thin slip. Fabric red, compact, well levigated, with numerous small white inclusions
3	2/4-12	Traces of thin red slip on the surface. Fabric greyish-brown, compact, well levigated, with tiny light inclusions
4	1/2/1-11	Fabric reddish-brown with a red core, very compact, hardly fired, with some small light inclusions
5	2/4-12	Fabric light red with greyish-buff core, very compact, well levigated, with tiny light and red inclusions
6	5/5-12	Interior: thin, matt, light red slip. Exterior: dark brown slip. Fabric reddish-buff with light brown core, compact, well levigated, with some small light inclusions
7	2/4-12	The slip is almost completely lost. Fabric light reddish-brown, very compact, well levigated, with rare tiny light inclusions
8	2/4-12	Thick matt red slip. Fabric reddish-brown, compact, well levigated with rare small brown inclusions
9	4/15-13	Matt reddish-buff slip on the surface. Fabric compact, well levigated, with rare small light inclusions; brown with reddish-grey core; at the surface a thin layer of red clay
10	3-4/9-12	Exterior is slightly burnished (?).Fabric brownish-red with dark-brown core, compact, well levigated, with small light inclusions

the 8th centuries[700]. However, the general shape is a part of a long tradition of bag amphorae in Palestine: related shapes are dated back to the ca. 1000–800 BC. Some scholars show a development of this traditional bag form between the 2nd century BC and the 1st century AD[701], others suggest their appearance in the 2nd century[702].

[700] Peacock, Williams 1986: 216; Landgraf 1980: 80; Sodini, Villeneuve 1992: 198; Watson P. 1992: 239.
[701] Riley 1975: 26.
[702] Magness 1992a: 131.

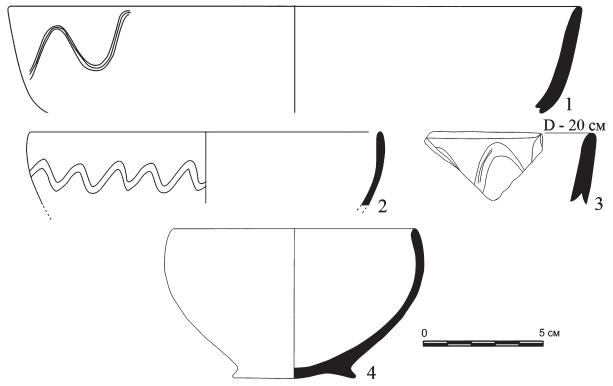

Fig. 26

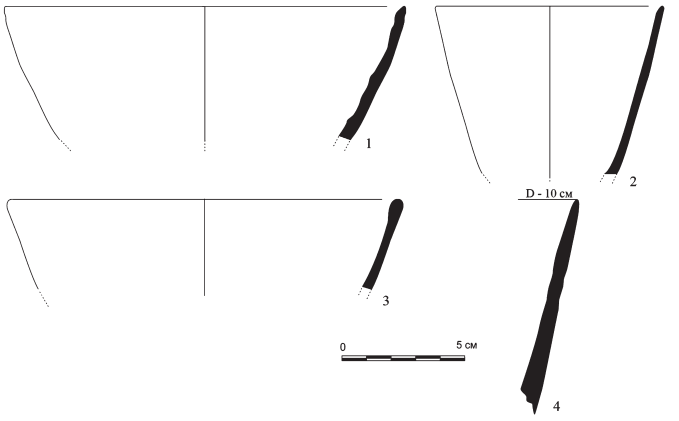
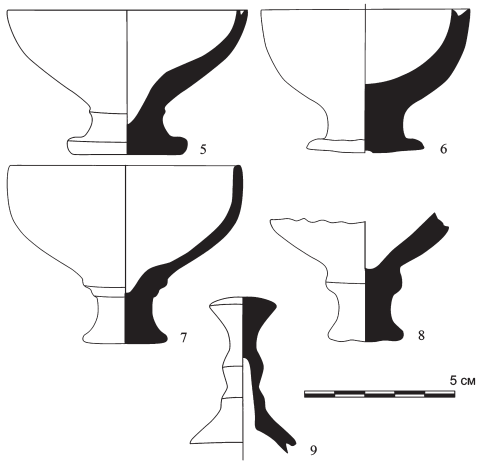

Fig. 28

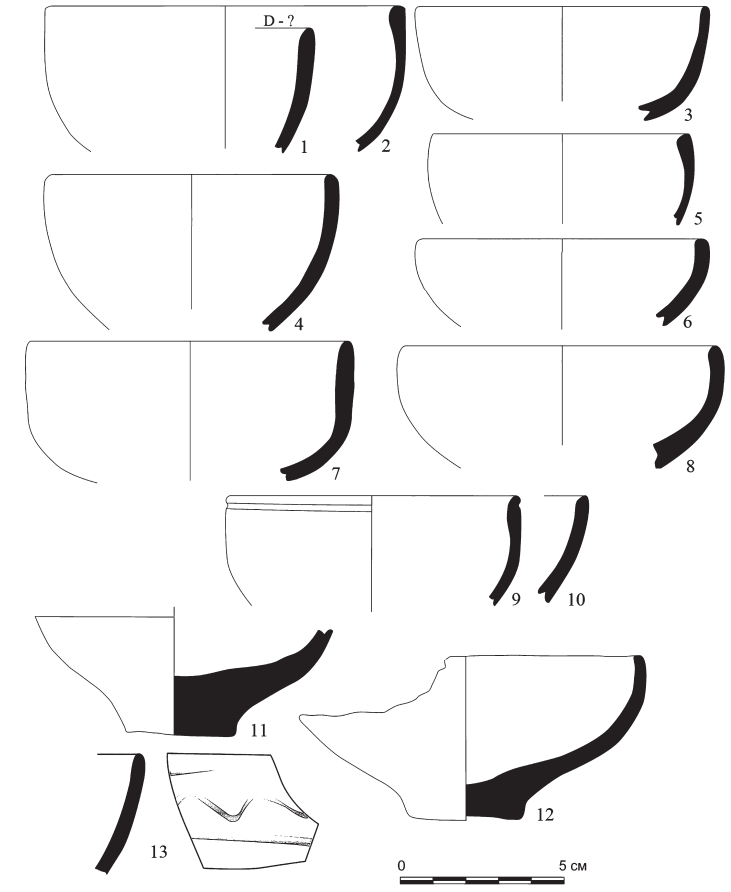

Fig. 27

In the assemblage they are represented in a variety of fabrics and rim forms. The predominated ones are dark-colored hard-fired known as Northern or Black with a metallic quality ('Beisan/Beth Shean' type) and light brown jars. Red-colored, known as Southern or Red (Aiyadiya), ones occurred in far less quantity.

"Northern Palestinian" Storage Jars
(Riley type 3703; Arnon type 812704)

"Northern Palestinian" storage jars have a pronounced carination at the junction between the shoulders and the body. They usually have a short vertical rim and deep combing or ribbing on the shoulder and shallow, more widely-spaced ribbing on the body. Their fabric is usually finely levigated and hard fired. The vessels are thinly potted and fired at a high temperature in a reduced atmosphere that resulted in the grey color of the fabric.

A large amount of body sherds of hard-fired amphorae are slip-painted. The pattern is difficult to reconstruct for the reason of the very fragmentary condition of the material but it's understandable that it was limited to a few geometrical motifs: straight or wavy parallel lines, single S-shape figures that can be both vertical and horizontal, spirals, concentric semi-circles, sometimes net-like pattern. The same set of patterns is characteristic for black amphorae from Pella, Tell Keisan, Heshbon, Amman Citadel, Nebo, Al-Mefjer, and Khirbet Al-Karak[705]. Most slip-painted "black" amphorae stem from the Umayyad deposits[706].

J. Landgraf calls these amphorae "black" (though some black amphorae are closer to red in color) on the basis of little or no quartz sand in them opposed to a large amount of sand temper in the red ones. Such differ-

[703] Riley 1975: 31, 32. Fig. 16, 17.
[704] Arnon 2008a: 32.
[705] Al-Shorman, El-Khouri 2013: 209; Landgraf 1980: 74–75 and so on.
[706] Vincenz 2007: 260.

Fig. 26

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/7/3-11	Surface is thoroughly smoothed. Fabric red with greyish-buff core, compact, very well levigated, with no visible inclusions
2	Area 4	Fabric red, compact, finely levigated, with some small light inclusions
3	3/7/6-11	Surface is thoroughly smoothed. Fabric red, compact, very well levigated, with no visible inclusions
4	1/2/1-11	Exterior: horizontal burnished bands on the upper body and continuous burnishing on the lower one and on the bottom. Fabric buff with dark buff core, very compact, very well levigated, with rare tiny light inclusions

Fig. 27

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/7/6-11	Exterior: at the mid-height of the body there is a band of reddish-brown slip. Fabric brownish-red with olive-brown core, compact, very well levigated, with no visible inclusions
2	4/-/4-11	Exterior: matt thin reddish slip on the lower body. Fabric red with greyish-brown core, compact, very well levigated, with no visible inclusions
3	3/7/6-11	Surface is thoroughly smoothed. Fabric buff with dark brown core, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	3/-/8-11	Surface is thoroughly smoothed. Fabric light with dark brown core, compact, well levigated, with rare brown inclusions
5	3/8-12	Surface is thoroughly smoothed. Fabric yellowish-red, compact, very well levigated, with no visible inclusions
6	2/4-12	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
7	3/8-12	Surface is thoroughly smoothed. Fabric light buff, compact, well levigated, with rare dark buff inclusions
8	1/4/6-11	Surface is thoroughly smoothed. Fabric light red, compact, well levigated, with tiny light and brown inclusions
9	1/3/3-11	Exterior: two broad horizontal stripes covered with dull red slip. Fabric yellowish-red with buff-grey core, compact, finely-levigated, with no visible inclusions
10	3/-/6-11	Surface is thoroughly smoothed. Fabric buff, compact, very well levigated, with no visible inclusions
11	3/6/12	Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
12	2/4-12	Surface is entirely covered with a thick light slip with a slight greenish tint. Fabric buff, compact, very well levigated, with some small brownish inclusions
13	Area 4	Exterior: painting in black. Fabric buff with greyish-buff core, compact, well levigated, with some small light and reddish-brown inclusions

Fig. 28

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Drainage trench, western part	Fabric overfired to dark-brown/black, compact, with some tiny light inclusions
2	Foundation pit	Fabric light red with reddish-grey core, very compact, finely**ень плотная, очень хорошо отмученная, с единичными мелкими белыми включениями**
3	Area 2, locus 5	**Глина** reddish-buff with grey core, compact, finely levigated, with some small light inclusions
4	6/5-12	Surface is light with greenish tint. Fabric buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
5	6/5-12	Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	3/6-12	Fabric red, compact, well levigated, with innumerous tiny light and larger dark red inclusions
7	3/8-12	Fabric light buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
8	3/8-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
9	3/8/7-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions

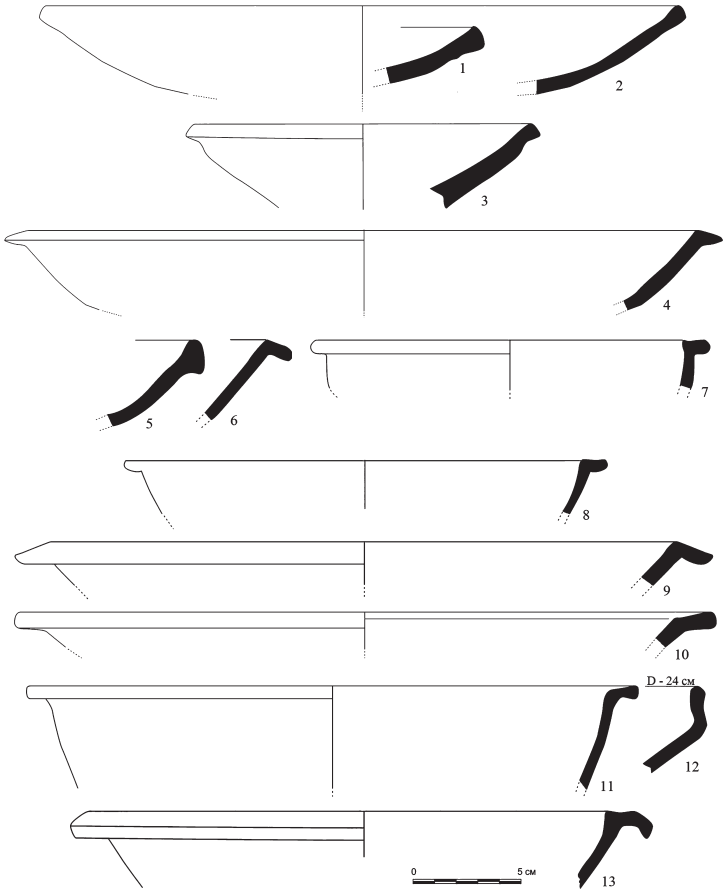
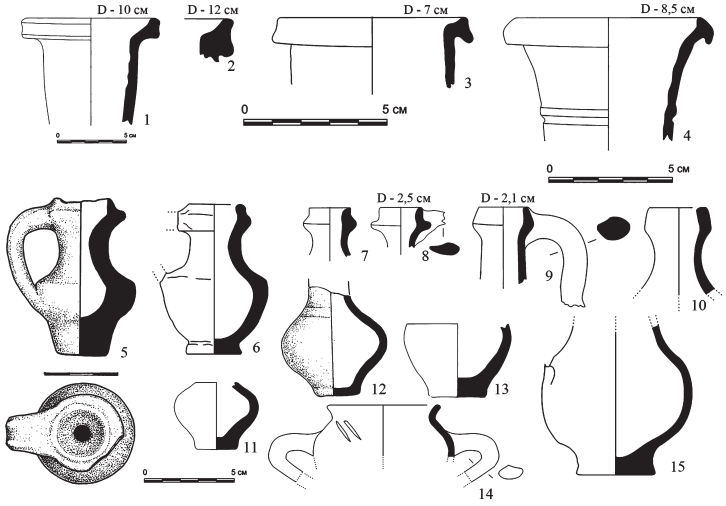

Fig. 29

Fig. 30

ence in sand content led him to a conclusion about the production of the red ones somewhere near the sand rich Mediterranean coast (one of the kilns that produced red white painted amphorae has been revealed at Aiyadiya, not far from Tell Keisan) and the black ones further to the east, at sites in and near the Esdraelon Plain and Jordan Valley that is likely to point at Beth Shean situated at the crossroads of the Esdraelon Plain and Jordan Valley as a proposed centre of their production[707].

The main distribution of "black" amphorae is in the north of Palestine and Transjordan with the Dead Sea on the southern border[708]. They are often considered to have been used for transportation and storage of Beth Shean's fine wines praised by the early 8th century Arab poets. Yet this supposition contradicts the fact that they are often found in connection with oil presses, especially in Galilee. In the mosaic of the Synagogue at Sepphoris a "black" Beisan jar is depicted with the word "oil"[709]. Besides these amphorae are especially common in the Galilee and the Jordan Valley known for their olives and oil production[710]. Some scholars consider them to serve for preservation of water[711].

The exact time of appearance of "black" amphorae has not been established yet, but Y. Arnon on the basis of recent excavations in Caesarea Maritima assigns their emergence to the Late Byzantine period[712]. Their use continued into the 8th century[713] and even into the late 9th — mid-10th centuries[714]. The latest deposit with 8 white-painted "black" jars sealed between the late 10th and first half of the 11th centuries has been revealed in Caesarea[715].

The loci that yielded fragments of "black" bag-shaped amphorae can be dated either to the broad time span from the 6th to as late as the first half of the 8th century (Late Byzantine/Umayyad period), or to the Umayyad period, or, in some cases, to the first half of the 8th century. But it should be stressed that for the very rare exception all three groups of loci are more or less identical by the composition that testifies to their close dating most likely to the Umayyad period, i.e. to the 7th — first half of the 8th centuries.

Regrettably excavations on the lot have produced no completely preserved amphorae and only rim fragments can be regarded. Among those represented in the assemblage by more or less numerous fragments several variants (the rim variants revealed in the assemblage by a single fragment are not taken into consideration) can be distinguished. It's important to underline that the overwhelming majority of the amphorae of the assemblage has a short neck. As the excavations in Istanbul demonstrated until the second half of the 6th century these amphorae had a high rim[716] that allows assigning most revealed fragments to the period after mid-6th century.

The most numerous are amphorae with a short neck slightly flaring downwards, subrectangular rim often with slight concavity on the exterior and a groove below (Fig. 16, 3–9).

[707] Landgraf 1980: 68, 78, 80. Fig. 21.
[708] Arnon 2007: 62.
[709] Weiss and Netzer 1996: 20.
[710] Oren-Pascal 2008: 53.
[711] McNicoll, Smith and Hennessy 1982: 149.
[712] Arnon 2008b: 89.
[713] Oren-Pascal 2008: 53.
[714] Arnon 2008b: 102.
[715] Arnon, Lester, Pollak 2008.
[716] Riley 1975 : 31.

Fig. 29

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4, locus 2	Fabric buff, compact, well levigated, with some small light, reddish and greyish inclusions
2	Area 4	Fabric buff, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
3	4/7/4-11	Fabric reddish-yellow with reddish-buff core, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
4	Drainage trench, western part	Fabric light red, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	Square 1, locus 2	Fabric red with greyish-brown core, very compact, well levigated, with no visible inclusions
6	Area 4	Surface is thoroughly smoothed. Fabric red, compact, finely levigated, with no visible inclusions
7	Drainage trench, western part	Surface is thoroughly smoothed. Fabric light red, compact, finely levigated, with some small light inclusions
8	Area 4	Fabric red, compact, finely levigated, with some small brownish inclusions
9	Foundation pit	Fabric light red, compact, well levigated, with tiny light inclusions
10	Large dump	Fabric red with buff core, compact, with no visible inclusions
11	Area 1, layer 1	Fabric light red, compact, finely levigated, with no visible inclusions
12	1/2/1-11	Fabric reddish-brown with red core, very compact, hardly fired, well levigated, with some small light inclusions
13	3/-/ 6-11	Fabric red with buff core, compact, well levigated, with no visible inclusions

Fig. 30

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/8/7-11	Fabric light buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
2	4/15-13	Yellowish-red surface. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with some small reddish inclusions and small mica particles
3	2/4-12	Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small light inclusions
4	1/2/1-11	Exterior: light buff slip. Fabric yellowish-red, very compact, hardly fired, with some tiny light inclusions
5	Area 4	Fabric red, compact, finely levigated, compact
6	Area 4, locus 2	Fabric brownish-red, compact, well levigated, compact
7	2/4-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish and tiny light inclusions
8	1/4/1-11	Fabric light red, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
9	2/4-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
10	Area 4	Fabric buff, compact, finely levigated, with small brownish inclusions
11	3/7/6-11	Fabric buff, compact, finely levigated, with small brownish inclusions
12	Area 4	Fabric buff, compact, finely levigated, with small brownish inclusions
13	3-4/9-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
14	Square 1, locus 2	Incised nicks on the shoulder. Fabric red, compact, finely levigated, with no visible inclusions
15	Large dump	Fabric light red, compact, well levigated, some small light inclusions

They are close to those found at Pella in the level of the late 6th- early 7th centuries[717] and Tell Keisan (Galilee) in the Late Byzantine levels. Amphorae with a short cylindrical or slightly flaring downwards neck with a rounded edge and a groove at the mid-height are also represented by considerable quantity (Fig. 17). The third variant represented in the assemblage by numerous fragments is constituted by jars with cylindrical or slightly narrowing upwards neck ending in an internally thickened rim with a cut or, in rare cases, rounded upper surface (Fig. 18, 1–15).

Southern Palestinian Storage Jars
(Riley type 1B718; Arnon type 811719)

Fragments of red amphorae characterized with thicker walls and wider and flatter ribbing are represented just by a few rim fragments and body sherds. They are often considered to have been of Southern

[717] McNicoll, Smith, Hennessy 1982 : 158. Pl. 139, 7.
[718] Riley 1975 : 25, 26.
[719] Arnon 2008a: 32.

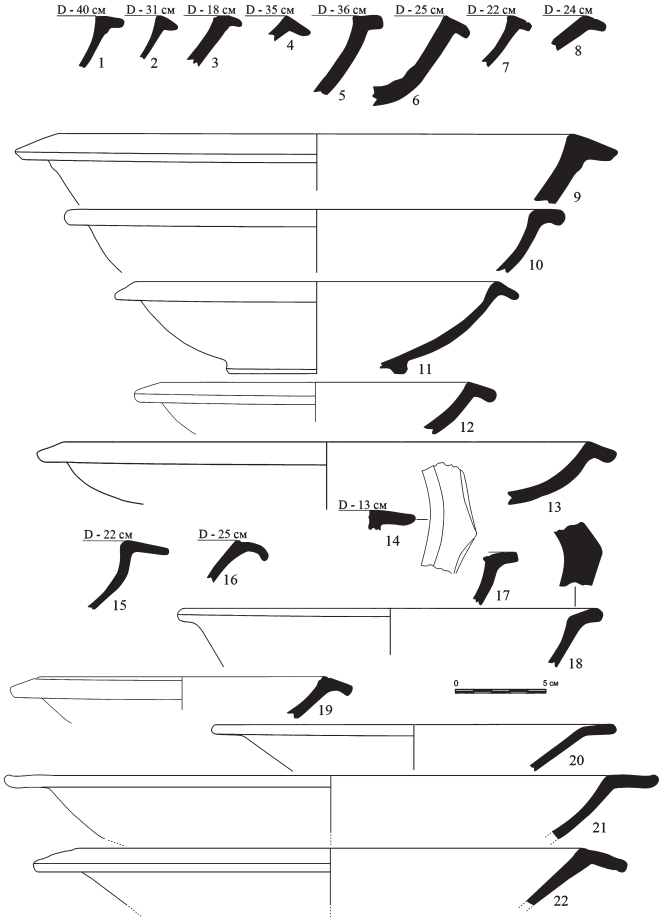

Fig. 31

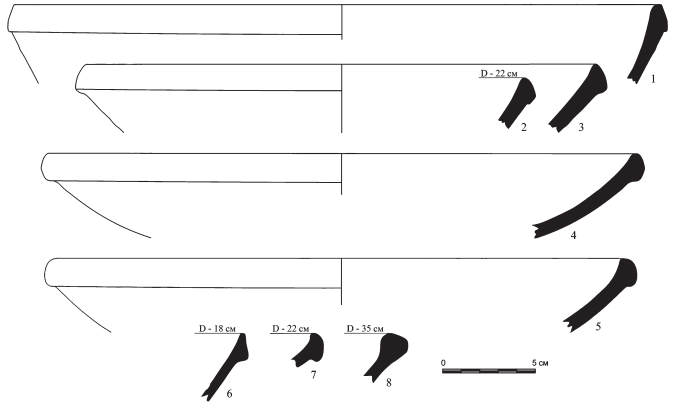

Fig. 32

Palestinian origin and characterized with widely spaced ribbing on the shoulders and lower part of the vessel, sometimes swollen neck with thick everted rim concave bottom and loop handles attached to the shoulders (Fig. 19). The fabric varies from orange to pink and orange brown[720]. They are well recorded in Byzantine layers (5th – 7th centuries) in Palestine[721], Egypt and in the Mediterranean. During the Byzantine period they were the commonest (about 36 percent of all the amphorae) vessel in Caesarea used as a container for transporting wine from the city and the surroundings[722] with the peak of use in the 5th- 6th centuries[723] and occur in the post-Byzantine deposits up to the 8th century[724]. Scholars proposed that this amphora could be used for a variety of foodstuffs and liquids (wine, water, oil, dried figs, fish-sauce and wheat)[725].

J. Riley distinguished two main rim forms: type 1a characterized with "a high, collared rim and a generally crisper, cleaner appearance" and type 1b with "a lower simpler rim". In Riley's opinion the differences are chronological, and transition from one to the other took place during the 5th century[726]. Fragments revealed in the assemblage undoubtedly belong to the late type 1b (Fig. 19, 2–5). Close parallels to them have been found at Luzit in burial caves dated to the 5th – 8th centuries[727]; analogous rim fragments have been revealed in the layer of the late 6th-mid-7th centuries and Late Byzantine (late 7th — mid-8th centuries) levels at Caesarea Maritima[728] including several ones from the abandonment layer deposited immediately after 640[729], and in the non-sealed strata dated to the 6th – 7th centuries at Khirbet edh-Dharih (Southern Jordan)[730].

One of the amphorae revealed (Fig. 19, 1) of red compact, well levigated ware with innumerous light and reddish inclusions seems to have belong to the early type 1a.

Buff Bag-shaped Storage Jars
(Magness form 6A Jar; Arnon type 822)

The third group is constituted by jars in a pale buff-yellow to buff fabric. They are much larger and thick-walled than the amphorae of the first two groups and characterized by vertical rim and neck sometimes with a rib at the bottom of the neck (Fig. 20–22). The body has horizontal ribbing and sometimes zones of wavy of horizontal combing. Buff jars were used mainly as tableware and containers[731] and are dated to the late 6th – 8th centuries[732] prevailing during the Early Islamic period (749–969 AD). They are extremely rare on the sites along Mediterranean coast. The only place where fragments of these jars have been found, at least known to the author, is Horbat Castra where they have been revealed both on the site and on the sea bed. In E. Haddad's opinion such vessels, very large in size, could be used by the crews of the ships as containers for water or other liquids[733].

[720] Ibid.
[721] Magness 1992a: 131. Fig. 58, 16–19.
[722] Oren-Pascal 2008 : 51.
[723] Rosenthal-Heginbottom 1988 : 84. Pl. 124.
[724] Arnon 2007: 62; Oren-Pascal 2008: 51.
[725] Oren-Pascal 2008: 51.
[726] Riley 1975 : 26.
[727] Avni, Dahari : 306–307. Fig. 5, 6, 12.
[728] Arnon 2008a: 89, fig. 3, 3; Levin, Netzer 1986 : 91, fig. 1, 6; Magness, 1992a : 58, 18; 64, 2; Arnon 2008a: 74–75.
[729] Oren-Pascal 2008: 51. Fig. 3, 5–7.
[730] Waliszewski 2001: Fig. 4, 1.
[731] Arnon 1996: 38.
[732] Magness 1993: 227.
[733] Haddad 2009: 89.

Fig. 31

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	2/8/4-11	Interior: thin red slip. Exterior: its runs. Fabric light brown, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
2	3-4/9-12	Thin matt yellowish-red slip on both sides. Fabric yellowish-red with greyish core, compact, well levigated, with some small light and dark inclusions
3	1/4/6-11	Interior and rim: thick matt bright red slip. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	3/8/7-11	Thin matt reddish-yellow slip on both sides. Fabric red with grey core, very compact, well levigated, with no visible inclusions
5	3/7/3-11	The surface is thoroughly smoothed. Fabric dark reddish-yellow, compact, with some small and larger brown inclusions
6	Area 2, layer 1, locus 1/11, layer under mosaics	Interior and rim are covered with dull, dark red slip; exterior: its runs. Fabric pink at the exterior, brown at the interior and red in the core, compact, well levigated, with small light and dark brown inclusions
7	Area 2, layer 1, locus 1/11, layer under mosaics	Interior and rim are covered with dull, dark red slip that turns dark brown on the rim; exterior: its broad runs. Fabric red; thin pink layer at the exterior, flaky, with small reddish inclusions
8	Area 2, layer 1, locus 1/11, layer under mosaics	Dull, dark red slip on both sides. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small reddish inclusions.
9	3/6-11	On the interior, rim and upper part of the exterior are covered with thin matt red slip. Fabric brown, very compact, well levigated, with some small brown inclusions
10	2/6/--11	Interior and rim: thin matt red slip. Exterior is thoroughly smoothed. Fabric yellowish-red, friable, with small reddish inclusions
11	3/7/6-11	Matt thin reddish-brown slip. Fabric brownish-red, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
12	4/7/4-11	Interior: thin matt red slip. Fabric red, friable, with some small light and reddish inclusions
13	4/7/6-11	Interior: thin matt red slip. Fabric yellowish-red, coarse, with small red inclusions
14	3-4/9-12	Thin matt red slip on the rim. Fabric yellowish-red, with some small light and brown inclusions
15	3/6-11	Thin matt red slip on both sides. Fabric yellowish-red with brown core, compact, well levigated, with rare tiny light and brown inclusions
16	3/6-11	Interior: thin matt red slip. Exterior: light thin slip. Fabric yellowish-red, compact, very well levigated, with no visible inclusions
17	2/9/4-11	Interior: thick matt red slip. Fabric dark yellow, friable, with some small light and brown inclusions
18	2/4-12	Burnishing and matt, thin red slip on both sides. Fabric yellowish-brown, compact, well levigated, with some small brown inclusions
19	2/4-12	Interior and rim: thick matt red slip. Exterior is thoroughly smoothed. Fabric yellowish-red, with some small light and brown inclusions
20	5/13-13	Thin matt yellowish-red slip on both sides; on the rim discolored. Fabric brown with dark- brownish-grey core, compact, well levigated, with no visible inclusions
21	Area 2, locus 5	Interior: light red dull slip; a stripe of the same slip is in the middle of the upper surface of the ledge-rim; slip stripes on the exterior. Fabric red, compact, finely levigated, with some tiny light inclusions
22	Area 4, locus 2	Yellowish-red, dull, thin slip. Fabric yellowish-red with greyish core, compact, finely levigated, with no visible inclusions

Fig. 32

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	2/8/4-11	Matt, thin red slip on both surfaces. Fabric reddish-yellow, friable, with some tiny reddish inclusions
2	2/8/4-11	Interior and rim: thin matt red slip. Fabric yellowish-red, friable, with no visible inclusions
3	3-4/9-12	Matt thin reddish-yellow slip on both sides. Fabric reddish-yellow, with some small red inclusions
4	2/11-12	Unfired. Fabric brown, well levigated, with some tiny light and dark inclusions. Can be easily broken
5	5/1-12	Unfired. Fabric brown, well levigated, with some small light and brownish inclusions
6	2/4-12	Matt thin yellowish-red slip on both sides. Fabric yellowish-red, with rare tiny light and larger reddish inclusions
7	4/6-13	Traces of light yellow covering. Fabric yellowish-red with brown core, compact, well levigated, with no visible inclusions
8	3-4/9-12	Light matt thick covering on both sides. Fabric red, with some small reddish and tiny light inclusions

Fig. 33

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3-4/9-12	Thin dull red slip on both sides. Fabric reddish-yellow, with innumerous small yellow inclusions
2	3-4/9-12	Thin dull red slip on both sides. Fabric reddish-yellow with dark yellow core, with innumerous small reddish-brown inclusions
3	3-4/9-12	Thin dull red slip on both sides. Fabric brown with rare small brown and tiny light inclusions
4	3-4/9-12	Thin dull red slip on the interior and rim. Exterior is thoroughly smoothed. Fabric reddish-yellow, with small light and brownish inclusions
5	3-4/9-12	Thin dull red slip on both sides. Fabric reddish-yellow, with small light and brownish inclusions
6	3-4/9-12	Interior: thin dull red slip discolored on the upper part of the rim. Exterior is thoroughly smoothed. Fabric reddish-yellow, with small light and brownish inclusions
7	2/4-12	Interior: traces of thick dull red slip. Fabric reddish-buff, with rare tiny light and brownish inclusions
8	5/4-12	Interior: thick dark brown slip with slight gloss. Exterior: light greenish covering that turns brownish-red in places. Fabric buff, compact, well levigated, with rare small light and brownish inclusions
9	2/4-12	Interior: thick dull yellowish-red slip. Fabric yellowish-red, with rare tiny light and brownish inclusions
10	2/4-12	Thick dull red slip on the surface. Fabric reddish-yellow, friable, with small light and brownish inclusions
11	2/4-12	Interior: thick dull red slip. Fabric brownish-red, with rare tiny light and brownish inclusions
12	2/4-12	Traces of thick dull red slip that seems to have been applied on the thick light covering visible on the patches with the lost red slip. Fabric brown, compact, well levigated, with some tiny light and brownish inclusions
13	2/8/4-11	Interior: thin dull red slip. Fabric brownish-red, with rare tiny light and brownish inclusion
14	4/7/4-11	Interior: thick dull red slip. Fabric yellowish-brown, friable, with rare small light and brownish inclusions
15	2/7/--11	Interior: thick dull red slip. Fabric yellowish-red, compact, with tiny light and rare larger reddish inclusions
16	2/7/4-11	Interior: thick dull red slip. Fabric reddish-brown, with small brownish inclusions
17	3-4/9-12	Interior and rim: thin dull red slip. Exterior is thoroughly smoothed. Fabric reddish-yellow, with small light and brownish inclusions
18	4/-/4-11	Thick dull red slip on both sides. Fabric yellowish-brown, friable, with brownish inclusions
19	2/4-12	Thick dull red slip on both sides. Fabric yellowish-red, with rare tiny light and brownish inclusions
20	Foundation pit	Overfired. Dull dark brown slip covers only interior. Fabric dark-dark brown, coarse, with small white inclusions
21	2/4-12	Interior: thick light slip. Fabric red, with small reddish inclusions
22	3-4/9-12	Thick dull light slip on both sides. Fabric dark-red, with rare small reddish and tiny light inclusions
23	2/11-12	Unfired (?); can be easily broken. Interior: traces of thin dull red slip. Fabric brownish-yellow, well levigated, with rare tiny brownish inclusions
24	2/7/4-11	The surface is thoroughly smoothed. Fabric red, with numerous small reddish and rare small light inclusions
25	3-4/9-12	Thick light slip with a slight greenish tint on both sides. Fabric red, compact, well levigated, with numerous small light inclusions
26	5-6/9-13	Thin light slip on both sides. Fabric red, with numerous tiny light and some small brownish inclusions
27	2/7/4-11	Interior: thick light slip. Fabric light red, friable, with rare small light and reddish inclusions
28	3-4/9-12	Interior: thick dull red slip. Fabric light brown, with small light and brown inclusions; at the interior and rim surface there is a thin layer of light greenish clay (?)

On the one hand ceramics in visually resembling ware comprise the largest group of the corpus presented that may testify to its local make or manufacturing somewhere in the neighboring district. On the other one P. Watson considers similar buff-clay jars found in Northern Jordan to have been imported from Egypt where a kiln site producing such vessels in the first half of the 7th century has been identified in Abu-Mina[734]. Yet it would be very hasty to assign Jericho amphorae to this or that production centre only by the description of fabric and similarity of shape: the question of the provenance of the vessels regarded needs further thorough verification.

[734] Watson P. 1995: 315, 316. Fig. 8.

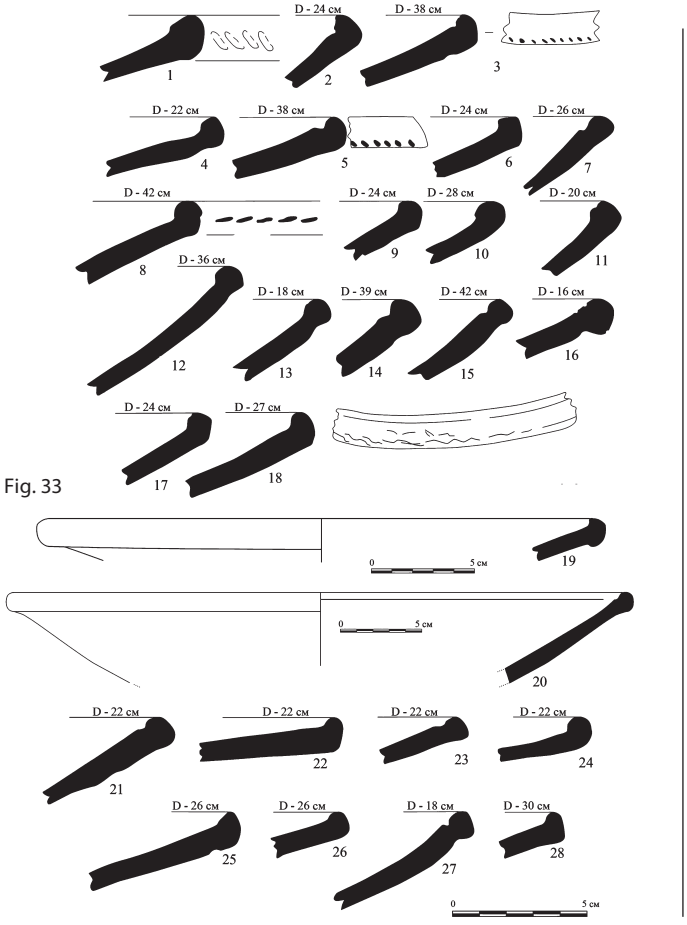

Fig. 33

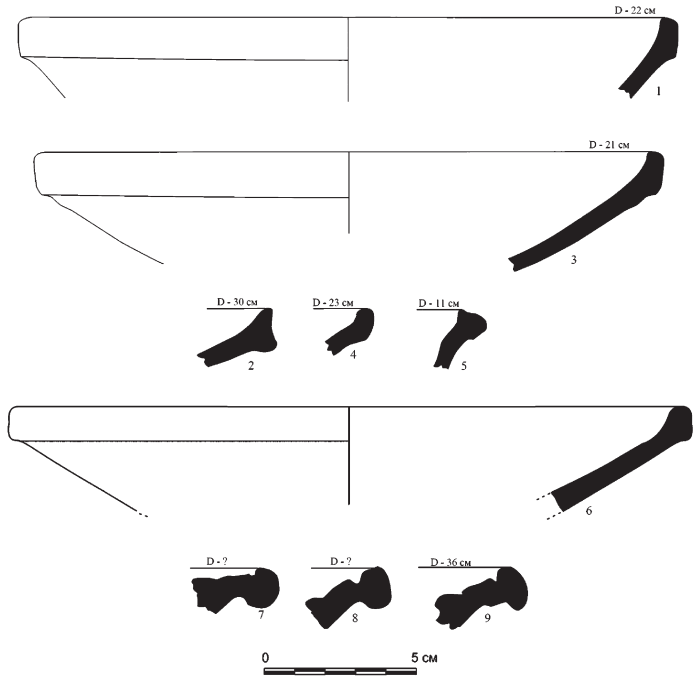

Fig. 34

Fig. 34

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/7/4-11	Interior and rim: red burnishing. Exterior: thoroughly burnished. Fabric brown, with small brownish inclusions
2	6/5-12	Interior and rim: thin dull light red slip. Exterior: thoroughly burnished. Fabric buff, compact, well levigated, with rare small buff inclusions
3	4/-/4-11	Interior: red dull thin slip. Fabric yellowish-brown, friable, with small brownish inclusions
4	2/11-12	Unfired (?); can be easily broken. Red thin dull slip on both sides. Fabric brown, with some small brownish inclusions
5	2/4-12	Red thick slip on the surface. Fabric brown, compact, well levigated, with some tiny brownish inclusions
6	Area 2, locus 5	Thin dull yellowish-red slip. Fabric red with buff core, compact, well levigated, with no visible inclusions
7	Area 2, from under mosaics, to the north of mudbrick wall	Fabric buff, finely levigated, with some tiny light inclusions
8	4/11-12	Fabric reddish-yellow, compact, with rare small reddish-brown inclusions
9	2/4-12	Yellowish-brown thin dull slip on both surface. Fabric yellowish-brown, compact, well levigated, with rare small light and brownish inclusions

A list of findspots of buff-clay bag-shaped amphorae is rather broad and includes the Negev, Palestine and Jordan[735]. Amphorae with a deep omphalus base and a narrow, elongated body were common at the villa uncovered in Kibbutz Mesillot in the Beth Shean Valley[736]. Bulks of them are characteristic for the site of En-Gedi[737]. Some of them are very close by form to those found in Jericho. For example, a

[735] Watson P. 1995: 317.
[736] Porat 2006: 187. Fig. 7:2, 3.
[737] Vincenz 2007: 250–253. Pl. 23.

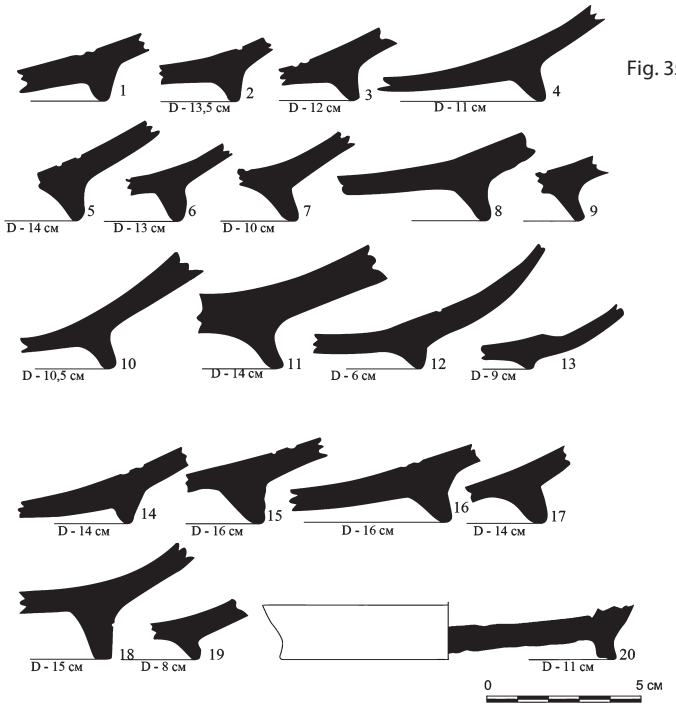

Fig. 35

Fig. 36

Fig. 35

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	5-6/9-13	Interior: thick dull red slip. Exterior: the thin layer of the same covering. Fabric yellowish-red, with tiny light and rare small brownish inclusions
2	4/7/4-11	The interior is burnished. Fabric yellowish-brown, with small brownish inclusions
3	3-4/9-12	Interior: thin dull red slip. Fabric yellowish-red with dark-brown core, with rare tiny light and brownish inclusions
4	3-4/9-12	Thin dull red slip on both sides. Fabric buff, compact, with rare small brownish and light inclusions
5	2/8/4-11	Traces of red slip on the interior. Fabric buff, with small light and brownish inclusions
6	1/4/6-11	Thick dull red slip on both sides. Fabric red, compact, with some small light and numerous small reddish inclusions
7	2a/6/2-11	Interior: thin dull red slip. Fabric yellowish-red, compact, with rare small light and brownish inclusions
8	2/9/4-11	Interior: thin dull red slip. Fabric buff, compact, with tiny light and rare larger brownish inclusions
9	5-6/9-13	Interior: thick dull red slip. Exterior: the thin layer of the same covering. Fabric yellowish-red, with tiny light and rare small brownish inclusions
10	4/6-13	Interior is thoroughly smoothed; thin clay are on the exterior lumps. Traces of thin dull light slip. Fabric reddish-yellow, with small light and buff inclusions
11	3/6-11	Interior: thick dull yellowish-red slip. Fabric red with dark-buff core, with rare small light and larger brown inclusions
12	3-4/9-12	Thin dull red slip on both sides. Fabric dark-yellow, with some small buff and tiny light inclusions
13	3-4/9-12	Thin dull red slip on both sides. Fabric reddish-yellow with innumerous small buff and tiny light inclusions
14	3-4/9-12	Interior: thin dull light slip. Fabric yellowish-red, with some buff inclusions
15	3-4/9-12	Interior: thin dull light slip. Fabric yellowish-red, with small light and reddish inclusions
16	3-4/9-12	Interior: thin dull light slip. Fabric yellowish-red, with small light and reddish inclusions
17	3-4/9-12	Interior: thin dull light slip. Fabric reddish-yellow, with some small light and brownish inclusions
18	1/4/6-11	Thick dull red slip on both sides. Fabric red, compact, with some small light and numerous red inclusions
19	2/4-12	Unfired (?), can be easily broken. Fabric brown, with some small light and brownish inclusions
20	2/11-12	Unfired (?), can be easily broken. Fabric brown, with some small light and dark inclusions

specimen with an internally thickened rim (Fig. 21, 3) is very similar to some jars from En-Gedi where they are assigned to the Byzantine period[738]. Jericho fragment has a much shorter neck that testifies to its later date. Vessels with a plain short neck with a ridge at the transition to the shoulder (Fig. 20, 1–3, 9) are dated at En-Gedi to the 6th – 7th centuries[739].

FINE WARE

Fine pottery is represented in the assemblage by a few fragments of supposedly Roman vessels, mostly too small to be identified, Byzantine Red-slipped Ware (RSW) and its imitations, rouletted bowls and Fine Byzantine Ware (FBW). For the most part they stemm from later loci, sometimes even from the Mamluk ones.

Red-slipped Ware

The earliest fragments of RSW revealed in the assemblage belonged to the jugs with clover-shaped rim. One fragment with a triangular-sectioned rib on the neck has been revealed in the NE corner on the mosaic level (Fig. 23, 1). The flattened handle with two grooves on the outer surface is attached to the neck a little bit below the ridge. The slip is red, with a slight gloss, worn out in some places. Fabric beige, compact, finely grained, without visible inclusions. The fragment is supposedly assigned to the form 105 of Eastern Sigillata A dated to the 1st century BC — 1 century AD[740]. Eastern Sigillata A is the most common late Hellenistic and Early Roman fine ware used in Palestine and presumably produced in the Syro-Palestinian area, perhaps in southern Syria[741]. The second jug also with a clover-shaped rim and a ridged neck is made of light red, well levigated, fine-grained clay with occasional tiny light grits (Fig. 23, 2). The slip of the vessel is light yellowish-red, dull, thin. Close parallels made of similar ware came from the Early Byzantine assemblages of Kerak plateau[742].

The rest of the RSW group is constituted by the Late Roman C (LRC, Phocaean) pottery manufactured in the Phocaea region, Çandarli and Ephesus[743] and African red-slipped ware (ARSW). The dating of this group of pottery is based almost entirely upon Hayes' fundamental publication "Late Roman Pottery".

It's difficult to understand whether rare sherds of red-slipped ware revealed in some loci are contemporaneous to the workshop or they represent survival pieces from the earlier layers. Yet the small number of RSW says more in favor of their being an admixture.

Phocaean Red Slipped Ware

LRC ware is a common fine ware of the Late Roman-Byzantine periods in Palestine[744]. It is represented mainly by form 3 of different types (Fig. 23, 3–21) dated to the 5th – 6th centuries[745] and by forms 10A (Fig. 23, 22) and 10C (Fig. 23, 23–25) dated correspondingly to the late 6th — early 7th centuries and early — mid-7th centuries[746]. Besides several fragments of lower bodies on a poorly pronounced ring-base of this group of pottery have been uncovered (Fig. 23, 26–27).

African Slipped Ware

Originating in Tunisia African red-slip ware (ARSW) was widely distributed in late antiquity at sites all over Palestine indicating that commerce between North Africa and The East became common, especially in the time of Justinian[747]. Of Hayes's typology several standard shapes and various examples of stamped decoration are present: rims of forms 67 (Fig. 24, 1–3); approximately dated to 360–420[748], 104A (Fig. 24, 4) of c. 530–580, 104B and C (Fig. 24, 5) dated correspondingly to 570–600 or later and 550–625[749] and form 105 (Fig. 24, 6, 7) assigned to 580/600 – 660[750] as well as several bottoms (Fig. 24, 8–24) including those with stamps: concentric circles (Fig. 24, 14), concentric circles with whirl-fringe (styles A (ii)-(iii), C, motif 36 after Hayes (Fig. 24, 15) dated to the late 4th — third quarter of the 5th centuries, palm branches and palm branches alternating with concentric circles (Fig. 24, 16, 17) (style A_{ii} after J. Hayes approximately dated to the mid-4th — early 5th centuries[751], a bull (Fig. 24, 19) and birds (Fig. 24, 18, 20–22). The birds on Fig. 24, 20–21 are of style E_{ii} after J. Hayes characteristic for dishes of forms 93, 99, 101, 103 and 104 and ranging in date from 530 to 600. The bird on Fig. 24, 22 is close to motif 180 style B after Hayes who assigns it to the early 5th century[752]. At last the fourth one (Fig. 24, 18)

[738] Ibid.: 251. Pl. 23, 11–12.
[739] Ibid.: 251. Pl. 23, 18, 22, 24.
[740] Hayes 1985: 44.
[741] Johnson 1988: 35, 135. Fig. 266–268.
[742] Miller 1991: 220, 277. No. 382.
[743] Hayes 1972: 323.
[744] Johnson 2008: 26; Johnson 2006: 550.
[745] Hayes 1972: 94–96.
[746] Hayes 1972: 346.
[747] Tsafrir 2004: 72.
[748] Hayes 1972: 116.
[749] Ibid.: 166.
[750] Ibid.: 169.
[751] Hayes 1972: 237. Fig. 40, 36.
[752] Ibid.: 257. Fig. 47c.

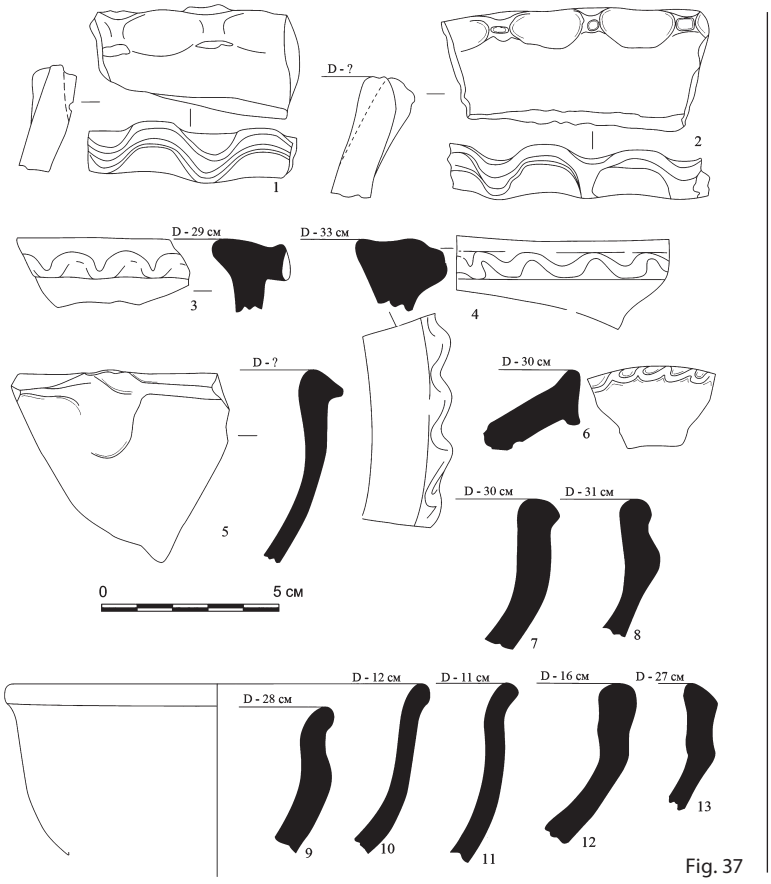

Fig. 37

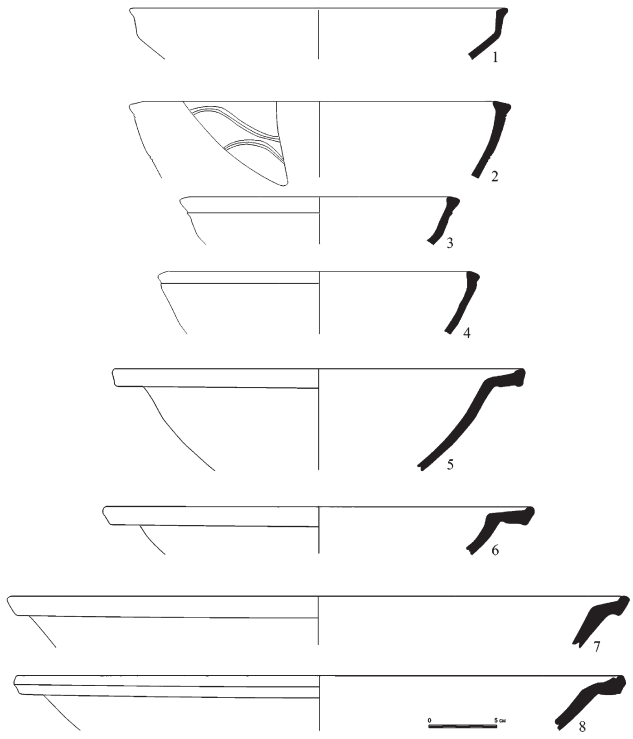

Fig. 38

is very close to the motives 108–109 typical of the vessels of forms 103–104[753]. One more fragment of a bottom with two incised circles and partially preserved stamp in the form of a large cross decorated with diamonds with dotted centres (Fig. 24, 23) has been revealed in locus 1 (square 5, 2012). Motif 331, style E (ii), early after J. Hayes is characteristic for dishes of forms 103 A-B, 104A and probably 93A and ranges in date from 530 to 600[754]. The locus 3 (square 3–2013) produced a fragment of a massive bottom with partially preserved poorly imprinted stamp in the form female head (Fig. 24, 24). Judging by the hair swept back it is close to the motif 262, style E (ii), late after Hayes; characteristic for the vessels of 104B form[755]. Style E (ii); ranges in date from 530 to 600[756].

Cypriot Red Slip Ware

Of note is almost complete absence of the Cypriot Red Slip Ware in the assemblage. The only fragment that can be assigned to this group belongs to the form 9B dated to c. 580/600 — late 7th century[757] (Fig. 23, 28). Red thin dull covering on both surfaces, discolored on the rim exterior. Fabric red with grey core, very compact and well levigated, with occasional tiny light inclusions.

Rouletted Bowls

The so called rouletted bowls, typical of the Late Roman and Byzantine ceramic assemblages of Jerusalem and Transjordan, are represented by some fragments mostly of form 1 after J. Magness both with (Fig. 25, 1–3, 6, 7) and without rouletted decoration (Fig. 25, 4, 5, 8). who suggests late 3rd/early 4th – 5th centuries for it[758] and by two vessels with folded rims of form 2 dated to the 6th century[759] (Fig. 25, 9–10). Byzantine rouletted bowls seem to represent the continuation of Late Roman straight-sided bowls both with and without rouletting made of buff and pink orange ware with a red-orange slip that are believed to be highly diagnostic of Late Roman period in Transjordan[760].

[753] Ibid.: 260–61. Fig. 49 n, o, p.
[754] Ibid.: 279. Fig. 57 c, d.
[755] Ibid.: 270. Fig. 52n.
[756] Ibid.: 222.
[757] Ibid.: 382.
[758] Magness 1993: 185–186.
[759] Ibid.: 187–188.
[760] Brown 1991: 218. Fig. 369–370.

Fig. 37

No.	Locus	Fabric
1	3-4/9-12	Reddish-yellow with greyish-yellow core, compact, well levigated, with small light and brown inclusions
2	5/4-12	Reddish-beige, compact, with occasional tiny brownish and light inclusions
3	3-4/9-12	Reddish-yellow with greyish-brown core, without any visible inclusions, compact, very well levigated
4	6/5-12	Dark-brownish-grey compact, well levigated and hard fired clay, with some inclusions
5	6/5-12	Yellowish-red, compact, well levigated, with occasional small light and reddish inclusions
6	2/9/4-11	Buff, compact, well levigated, with rare brownish inclusions
7	4/-4/-11	Buff, compact, well levigated, with some small beige inclusions. Exterior is light yellow
8	5/5-12	Light-buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions. Surface is light light buff
9	6/5-12	Light yellow with light buff core, compact, well levigated, with some small beige inclusions
10	5/13-13	Buff, compact, well levigated, with some tiny beige inclusions. Exterior is light yellow
11	6/5-12	Buff, compact, well levigated, with some small beige inclusions. Exterior is light yellow
12	2/4-11	Light buff, well levigated, with some small dark inclusions
13	Drainage trench, SW corner, stone accumulation	Reddish-beige, compact, with no visible inclusions

Fig. 38

No.	Locus	Fabric
1	Western part of the drainage trench	Fabric yellowish-red, friable, with tiny white and dark-red grits.
2	Area	Fabric buff, compact, well levigated, with rare small brownish inclusions
3	Western part of the drainage trench	Fabric buff, compact, well levigated, with occasional small brownish inclusions
4	Western part of the drainage trench	Fabric buff, compact, well levigated, with rare small brownish inclusions
5	5/4-12	Fabric buff, with some small dark and buff inclusions
6	5/5-12	Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with tiny light and buff inclusions. Thick light slip on both sides
7	2/4-12	Fabric yellowish-brown, compact, with occasional small light inclusions. Brownish dull covering applied on the layer of thick light slip on the interior and thick light slip on the exterior
8	2/7/4-11	Fabric yellowish-red at both surfaces and brown in the core, well levigated, with occasional small light and brown inclusions

J. Magness has suggested that rouletted bowls were produced and distributed in the region located close to Jerusalem[761]. However, a petrographic examination of wasters of rouletted bowls found in the course of excavations of the pottery workshop at Horbat Zefiyya has shown that they were manufactured locally. So the production region of rouletted bowls was more extensive than it was previously suggested[762]. A lot of rouletted bowls analogous to Jericho ones have come from Jerusalem and En Gedi[763].

Fine Byzantine Ware (FBW)

In the Byzantine period the group of "Fine Byzantine Ware" comprised a large variety of forms including cups, bowls, jars, jugs and juglets distinguished by the hard firing and thin walls. The color of fabric is light brown, orange brown, reddish yellow or light red, sometimes with a gray core. Often there are burnished bands on the exterior of the vessels, some cups and bowls are decorated with one or two incised wavy lines, many closed vessels have incised gashes and nicks on the shoulder. Within the first half of the 8th century, when the FBW repertoire was limited mainly by mugs and bowls, incisions were replaced by painting[764].

[761] Magness 1993: 186–187.
[762] Varga 2011.
[763] Vincenz 2007: 245, Pl. 12, 1–12.
[764] Magness 1993: 193.

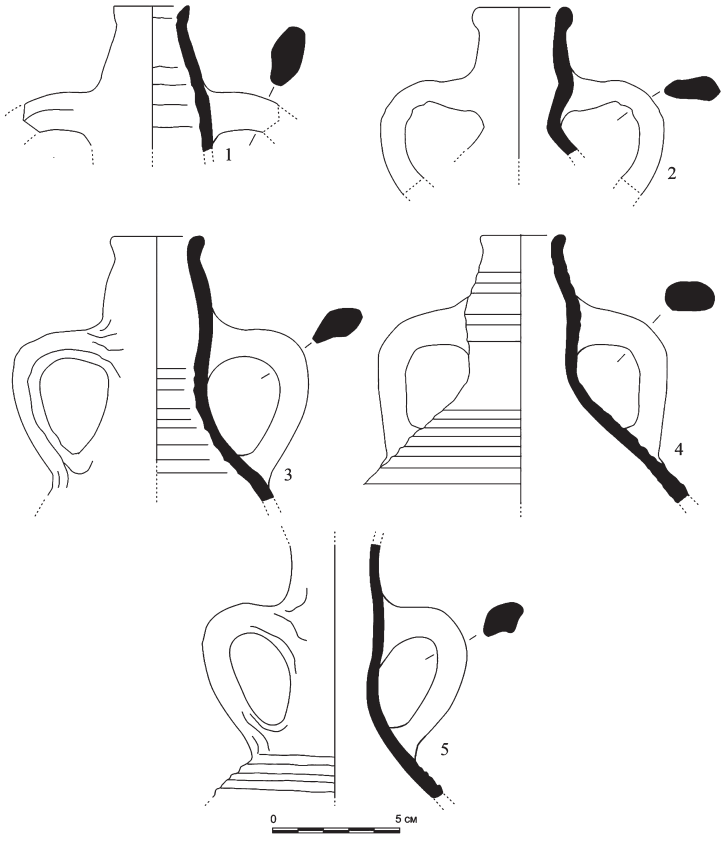

Fig. 39

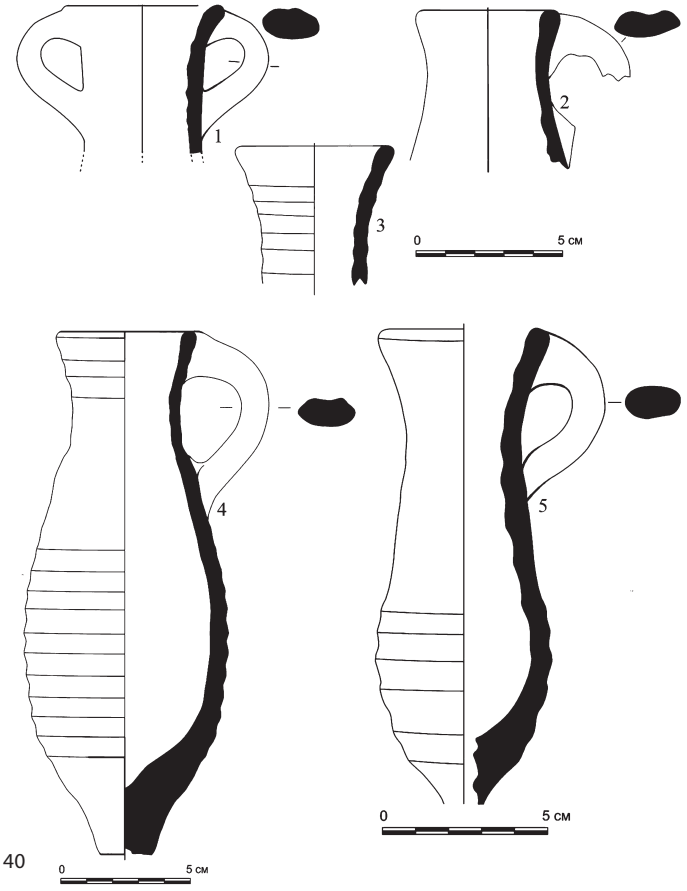

Fig. 40

In the opinion of M. Gichon who distinguished this group of pottery, it was manufactured in the Negev region[765]. J. Magness thinks that it was produced in Jerusalem area[766]. Different fabrics of Fine Byzantine vessels from various regions testify to the functioning of more than one production centres. FBW is a predominantly early Islamic product that ranges in date from the mid-6th to the 10th century[767]. For example at Pella FBW was uncovered in the context of the Abbasid period[768]; at Tiberias it came from the shops of the late 8th and early 9th century and from the accumulation above a Byzantine terrace sealed by a 10th-century building[769]. So its name seems to be incorrect[770].

FBW Bowls

Form 1

Form 1 includes small rounded bowls or cups. On the basis of morphology and chronology J. Magness distinguished 6 variants spanning the period from the mid-6th to 9th/10th centuries[771]. M. Gichon who collected the finds of such vessels dates their appearance to the 5th – 6th centuries and considers their being in use down to the Early Arab period[772].

Variant A

A small delicate hemispheric bowl decorated with a wavy incised line on the exterior (Fig. 26) can be assigned to the variant A after Magness characterized with a single or double incised wavy line, incurved or plain rim and a low ring base. The suggested date is mid-6th — late 7th/early 8th centuries[773]. Parallels have come from Luzit[774], Caesarea[775], Jerusalem[776] and some others.

[765] Gichon 1974: 137–138.
[766] Magness 1993: 193.
[767] Ibid.
[768] Walmsley 1986: Fig. 9:11; Walmsley 1993: Fig. 24:2.
[769] Stacey 2004: 90.
[770] Walmsley, Grey 2001: 149.
[771] Magness 1993: 193–194.
[772] Gihon 1974: 136–139.
[773] Magness 1993: 193.
[774] Avni, Dahari: 304, 306. Fig.5, 3.
[775] Brosh 1986: Pl. II: 2A.
[776] Fitzgerald 193: 38; Magness 1993: 194.

Fig. 39

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4	Fabric buff, compact, well levigated, with some light inclusions
2	Large dump	Exterior: light buff. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
3	Area 3	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	Drainage trench, northern part	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	Area 3	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions

Fig. 40

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4	Fabric dark buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	3/6-12	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	3/6-12	Fabric light yellow, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
4	3/15-13	Fabric buff, but at the interior darker, compact, well levigated, with some small light inclusions
5	3/15-13	Sand and tiny stones stuck to the exterior before its firing. The vessel is slightly deformed: a dent on the body. Fabric unevenly fired: buff, but at the interior darker, compact, well levigated, with some small light inclusions

Variant B

Several fragments of the hemispherical thinly potted bowls without incised wavy line decoration are supposedly of variant B (Fig. 27, 1–10). As vessels of variant A they have low ring base. The suggested date of the variant is also mid-6th — late 7th/early 8th centuries[777].

Variants B and D dated to the late 7th/early 8th — 9/10 centuries can be surely distinguished only by the bottom. While bowls of variant B are characterized by a low ring-base, those of variant D — by a flat, disc or rounded base[778]. So in the absence of the lower body vessels of these two variants can hardly be identified.

Variant D

Sure variant D dated to the early Islamic period[779] is represented in the assemblage by fragments of three bowls: two with low solid cylindrical string-cut base (Fig. 27, 11–12) characteristic for this variant and one — with wavy line painted in black (Fig. 27, 13). This type of decoration replaced the incised one in the Umayyad period.

Variant F

Variant F after Magness' classification comprises bowls of quite different forms[780]: those with straight flaring walls (Fig. 28, 1–4), bowls with "trumpet" stem (Fig. 28, 5–9) and is dated to the 7th – 8th centuries or later. Yet in En Gedi a vessel with a high base analogous to the latter ones has come from the Byzantine context no later than the 6th century[781]. In Jerusalem such vessel was found in the context of the 6th — first half of the 8th centuries[782].

Form 2

The suggested date of Form 2 after Magness is mid-7th — 9th/10th centuries. It unites various bowls and plates sometimes with bands of burnishing or painted decoration[783]. In the assemblage this form is represented by the vessels characterized by reddish-yellow, reddish-brown or yellowish-red compact well levigated fabric sometimes with reddish-buff or grey core and rare tiny inclusions (Fig. 29). Among them there are bowls of variant B (Fig. 29, 1–5), C and D (Fig. 29, 6–11, 13).

Some amount of vessels revealed at the site can be supposedly assigned to the FBW on the basis of fabric quality, some details of decoration, thin walls though they have no exact analogies among vessels distinguished by J. Magness. Among them are a bowl with carinated body from 1/2/1–11 (Fig. 29, 12) made of reddish-brown, very compact, well fired ware with red core and some small light inclusions, and a lid (?) with a high handle of complicated form (Fig. 28, 9) and some others.

[777] Magness 1993: 193, 195.
[778] Ibid.: 193, 194.
[779] Ibid.: 193.
[780] Magness 1993.: 194, 197.
[781] Vincenz 2007: 246. Pl. 13, 2.
[782] Magness 1993: 197.
[783] Ibid.: 198.

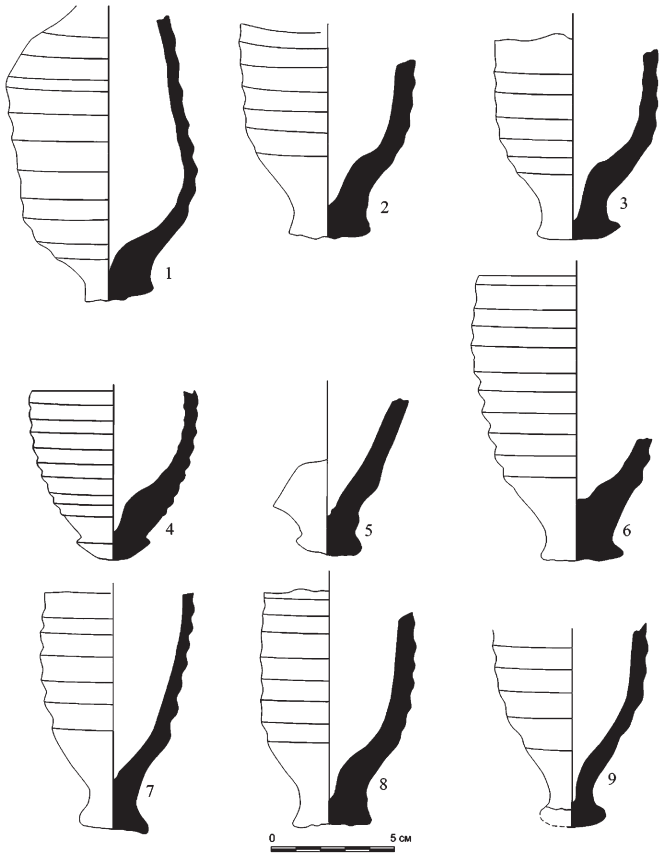

Fig. 41

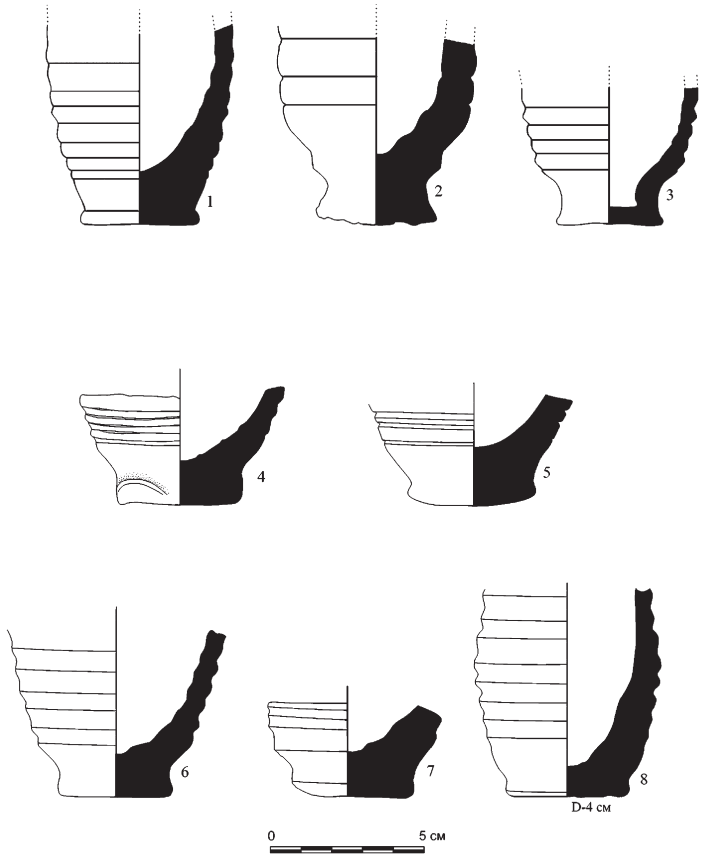

Fig. 42

Fig. 43

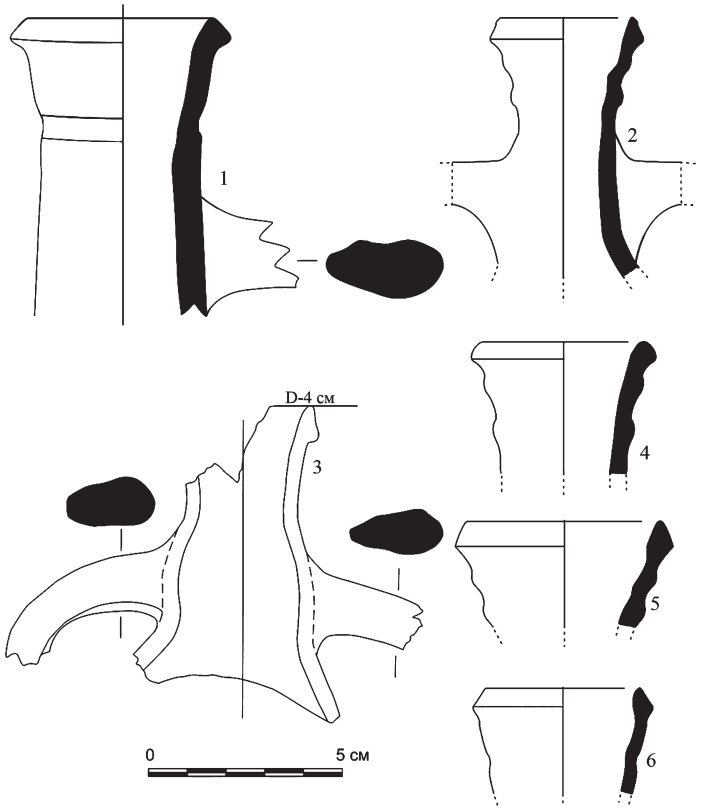

Fig. 44

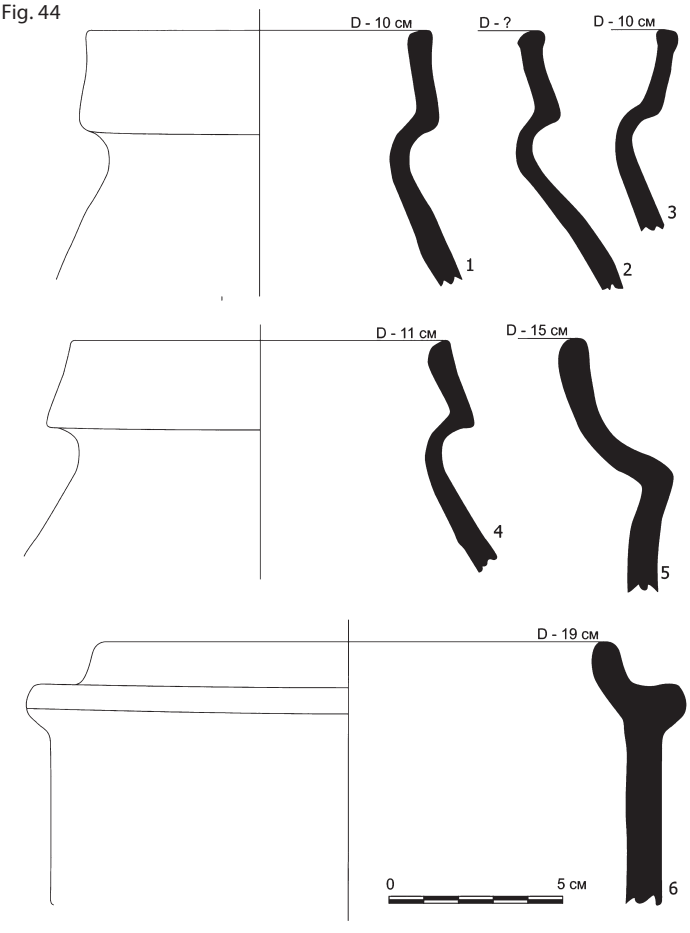

Fig. 41

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1-3, 6, 8	3/6-12	Exterior: light thick covering. Fabric light brown, compact, well levigated, with some tiny light and larger brownish inclusions
4	3/8/7-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
5	2/9/4-11	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
7	3/6-12	Fabric brown, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
9	Square 1, locus 6, from between the walls	Fabric reddish-buff; at the exterior – light buff, well levigated, with some small reddish inclusions

Fig. 42

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 2, layer locus 1	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	Large dump	Exterior: light buff. Fabric red, compact, well levigated, with small light inclusions
3	Area 2	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	2/7/4-11	Surface is light buff. Fabric yellowish-red with buff core, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	2/4-12	Fabric brown, compact, well levigated, with some small brown inclusions and tiny mica particles
6	2/4-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
7	2/4-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some dark buff inclusions
8	1/4/6-11	Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions

Fig. 43

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	5/13-13	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	Area 2, layer 2, the western part of the area	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	5/1-12	Surface light with greenish tint. Fabric purplish-ashy-grey, at the exterior a thin layer of light clay with slight greenish tint, compact, well levigated, with some tiny light and larger brownish inclusions
4	Area 2, layer 2, the western part of the area	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	Area 2, layer 2, the western part of the area	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	Area 2, layer 2, the western part of the area	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions

Fig. 44

No.	Locus	Fabric
1	6/5-12	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions
2	5/4-12	Light with greenish tint, compact, well levigated, with small brownish inclusions
3	3-4/9-12	Buff, compact, very well levigated, no visible inclusions
4	6/5-12	Light with slight greenish tint, compact, well levigated, with some small buff inclusions
5	6/5-12	Buff with thin layer of light clay at the surface, compact, well levigated, with some small dark inclusions
Not figured	6/5-12	Light with greenish tint, compact, well levigated, with some small greyish inclusions
6	6/5-12	Reddish-yellow, compact, well levigated, with occasional small light inclusions. Surface is light yellow

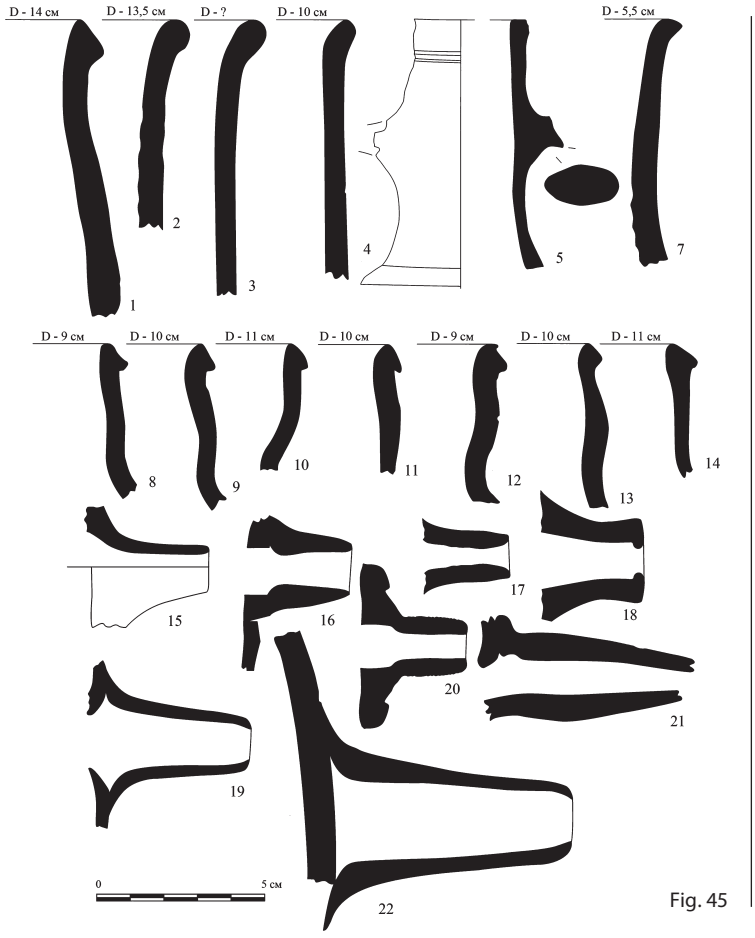

Fig. 45

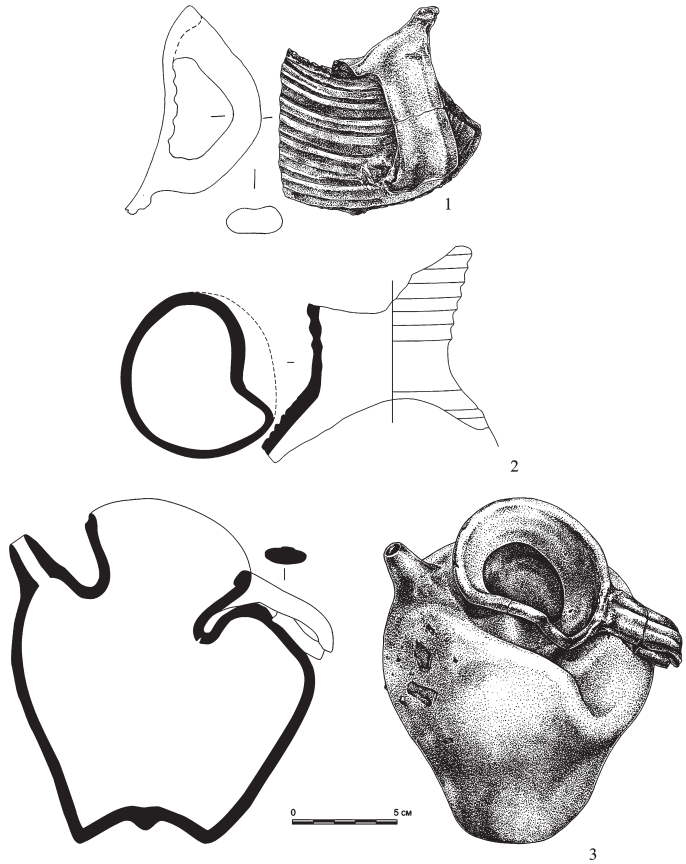

Fig. 46

FBW Juglets

Unlike the bowls FBW jars, jugs and juglets do not seem to continue beyond the first half of the 8th century[784].

Form 1

Three fragments belonged to the jugs with everted, triangular rim of form Magness-1A dated to the 3rd – 5th century (Fig. 30, 1–3). Such vessels are characterized by a cylindrical neck and triangular-sectioned rim with a depression on top. This depression typical of the early Roman rims disappeared by the 6th century[785]. One more fragment of a thin-walled jug with a neck widening towards everted mushroom-shaped rim of form 1B after Magness (Fig. 30, 4) is supposedly dated to the mid-6th — early 8th centuries[786].

Form 2

Several fragments (Fig. 30, 5–13, 15) belonged to small juglets of form 2A after J. Magness suggesting mid-6th — early 8th centuries date for it[787]. Parallels have come from the non-sealed strata dated to the 6th – 7th centuries in Khirbet edh-Dharih (Southern Jordan)[788], Khirbet al-Karak[789], Khirbat el-Ni'ana[790], Beth Shean where it was found in the cistern with Byzantine filling[791], Caesarea Maritima[792], Jerusalem[793] and so on.

On a fragment of a small thin-walled pot with everted rim, globular body and loop handles two oblique nicks have preserved (Fig. 30, 14). Such nicks decorate small juglets found in Beth Shean in Arab and Byzantine deposits. They were also found on a number of small jugs and bottles from a Byzantine street in Jerusalem, and seem to be characteristic of the 6th century pottery[794].

[784] Ibid.: 236.
[785] Ibid.: 236–237.
[786] Ibid.: 237, 238.
[787] Ibid.: 239–240.
[788] Waliszewski 2001: Fig. 6, 1.
[789] Delougaz 1960: 56, 8.
[790] Vincenz 2007: 30. Fig. 5, 14–16.
[791] Fitzgerald 1931: 37. Pl. XXXI, 6.
[792] Johnson 1988: 42, 141. Fig. 336–339.
[793] Magness 1993: 240.
[794] Fitzgerald 1931: 37. Pl. XXX, 16; XXXI, 6.

Fig. 45

No.	Locus	Fabric
1	2/11-12	Buff, compact, with occasional small brownish inclusions
2	4/7/6-11	Buff with light red core, compact, well levigated, no visible inclusions
3	5/13-12	Buff, compact, with small dark buff inclusions
4	4-/4-11	Buff, compact, with small dark buff inclusions
5	3/7/3-11	Greyish-buff, compact, no visible inclusions
7	5/4-12	Compact, well levigated, with occasional small dark and dark-brown inclusions, unevenly fired (from the exterior to the interior: light with slight yellowish tint – buff – reddish-yellow - buff.
8	5/13-13	Light buff, compact, well levigated, with rare small dark buff inclusions
9	5/13-13	Light buff, compact, well levigated, with rare small buff inclusions
10	5/6-13 (3 frs.)	Light buff, compact, well levigated, with rare small buff inclusions
11	6/5-13	Light buff, compact, well levigated, with rare small dark buff inclusions
12	4/-/4-11	Light yellowish, compact, well levigated, with some small light and brownish inclusions
13	4/7/4-11	Light with slight greenish tint, compact, no visible inclusions
14	2/4-12	Reddish-yellow, compact with occasional, tiny light and buff inclusions
Jug with Beaker-shaped Rim. Not fig.	2/7/4-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions
Jug with Beaker-shaped Rim. Not fig.	2/7/4-11	Light with yellowish tint, compact, well levigated. No visible inclusions
Jug with Beaker-shaped Rim. Not fig.	3/7/6-11	Buff, compact, well levigated, with occasional small brownish and light inclusions
Jug with Beaker-shaped Rim. Not fig.	2/11-12	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions
15	4/7/6-11	Light with greenish tint with small brownish inclusions
16	3-4/9-12	Brick-red, with occasional small light and reddish inclusions
17	3/7/7-11	Buff, compact, no visible inclusions
18	3/6-11	Greyish-buff, compact, no visible inclusions
19	3/-/10, from between the walls	Red, with tiny light inclusions
20	3/7/7	Buff, compact, no visible inclusions
21	3-4/9-12	Greyish-buff, compact, no visible inclusions
22	3/-/6-11	Greyish-buff, compact, no visible inclusions

Fig. 46

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/15-13	The vessel is hardly crumpled in the course of firing and overfired to black. Fabric compact, well levigated, with some small light and black inclusions.
2	7/3-13	Crumpled. Fabric greyish-buff, compact, with dark brown inclusions
3	7/3-13	Hardly crumpled and overfired. Fabric greenish-grey, compact, with dark brown inclusions and some small voids

Imitations of Red-Slipped Ware

Imitation of major RSW was very extended practice in the Mediterranean including such inland centres as Gerasa for example[795]. It began in the Late Roman times and continued into the Umayyad period. Jericho imitations that copied some forms of major RSW production centres, are dated to the Umayyad period. The majority recalls ARSW open vessels sometimes with original decoration, some were inspired by PhRS. As in the case of Jerash the dates of prototypes and imitations sometimes don't coincide[796].

[795] Uscatescu 1995: 371.
[796] Uscatescu 1995: 371.

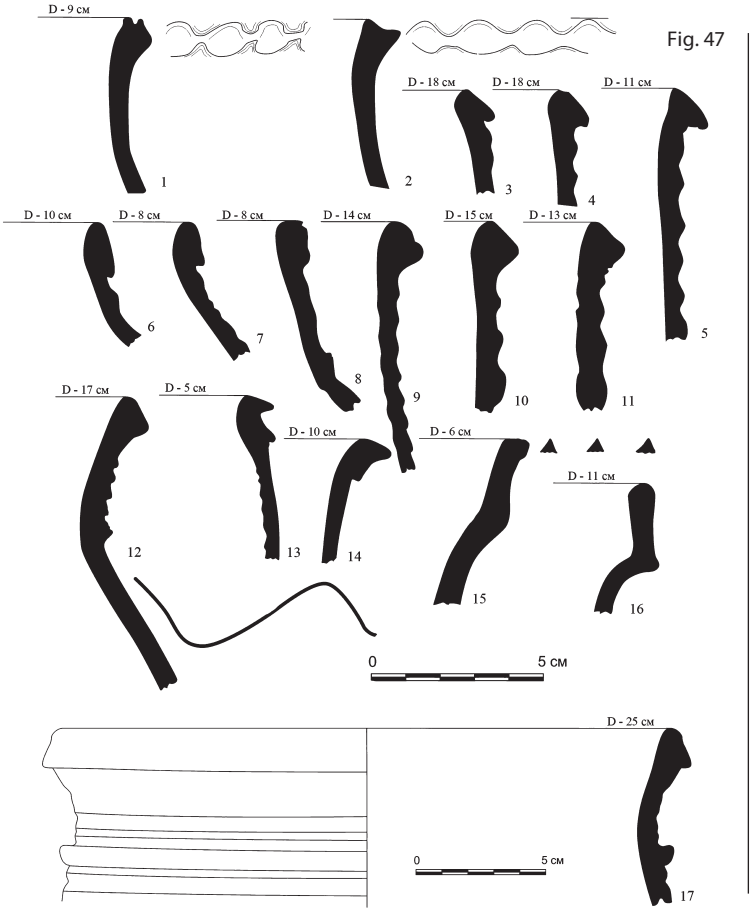

Fig. 47

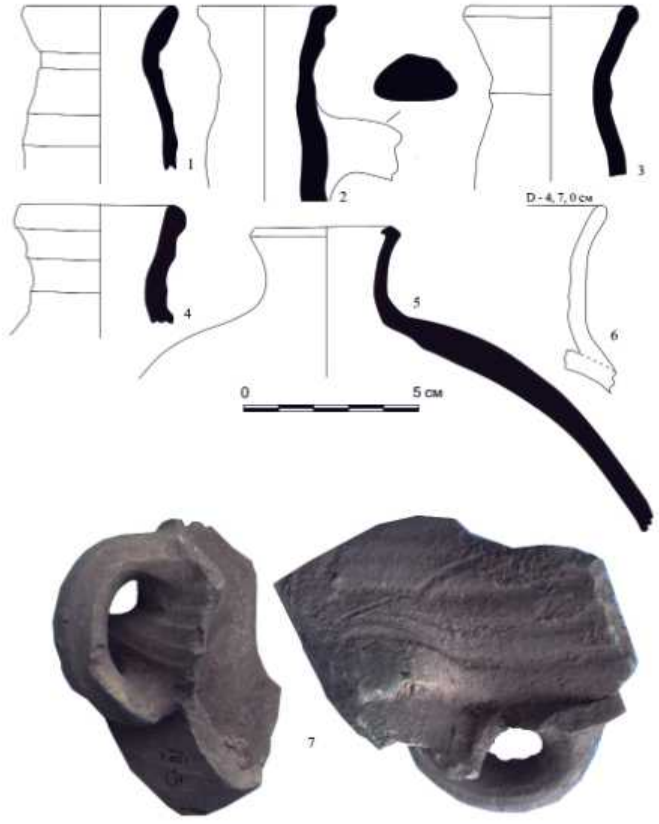

Fig. 48

The main characteristics of this group of pottery are: as a rule reddish-yellow or yellowish-red ware, sometimes with traces of irregular firing, with a buff core, comprising some small mainly light and buff inclusions; slight burnishing and red covering on the surface (Fig. 36). Part of the vessels has off-white or yellowish covering that seem to be the result of temperature breach and should be interpreted along with unfired, overfired and deformed vessels as waste.

Bowls with Horizontally Outturned Rims

The form of these bowls with rounded or conical body and horizontal rim sometimes slightly tilting downwards (Fig. 31, 1–13, 15, 16) greatly resemble those of ARSW form 93 after Hayes dated to 470–540[797]. The interior and both sides of the rim of such bowls are covered with red or yellowish-red dull covering; on the exterior sometimes there are its runs. Fabric yellowish-red or light-brown, sometimes with ash-grey core, compact, well levigated, with occasional tiny light and dark grits.

Several vessels with ledge-rim stand aside of the regarded group in terms of fabric and in some cases covering as well. One belonged to a thinly potted dish with straight walls (Fig. 31, 20). The vessel is completely covered with dull, thin red-yellowish slip that was overfired to the ash-grey color on the rim. Fabric brown with dark-brownish-grey core, compact, very well levigated, heavily fired, without any inclusions. Light-light red dull slip completely covers the body interior and central part of the rim of the second ledge-rim shallow dish (Fig. 31, 21). Besides there are horizontal stripes of slip on the exterior. Fabric of this vessel is red, dense, well levigated, with occasional very small light inclusions. The third dish is covered with yellowish-red, dull, thin slip and made of red with grayish core, fine-grained, well levigated ware almost without inclusions (Fig. 31, 22). These vessels either could belong to FBW form 2D after J. Magness who suggests mid-7th — 9th/10th centuries date for it[798] or were the red-slipped imitations produced in the centre other than the bulk of RS imitations from the lot.

One more vessel differs by the wall thickness and fabric (Fig. 31, 9). On the interior, rim and upper part of the body exterior there is thin, dull red covering. Fabric brown, very compact, well levigated, with some small brown inclusions.

Three more vessels are to be distinguished for they have been uncovered in the layer below mosaic and should be assigned to the time earlier than the whole assemblage regarded.

[797] Hayes 1972: 150.
[798] Magness 1993: 198.

Fig. 47

No.	Locus	Fabric
1	1/2/1-11	Light beige, compact, with no visible inclusions
2	2/7/4-11	Yellow, with small ware-colored inclusions
3	2a/1-11	Light-light buff, compact, well levigated with some small brownish inclusions
4	6/5-13	Light buff, compact, well levigated with some small brownish inclusions
5	3/8-11	Light with slight greenish tint, compact, well levigated with occasional small brown inclusions
6	5/13-13	Light red, compact, well levigated, with occasional tiny buff inclusions. Light light brownish-red surface
7	5/13-13	Pink with pinkish-buff core, compact, well levigated, with tiny dark inclusions. Thick light grey slip on the exterior
8	3/6-12	Light buff, compact, well levigated, with occasional small buff inclusions
9	3/8-12	Light light buff, compact, well levigated with some small brownish inclusions
10	2a/3/1-11	Light with slight greenish tint, compact, well levigated with some small brownish inclusions
11	2a/3/1-11	Light with slight greenish tint, compact, well levigated with some small brownish inclusions
12	3/8-12	Yellow, compact, rather course, with small buff inclusions
13	3-4/9-12	Yellowish-red, compact, with occasional small light inclusions
14	1/4/8-11	Dark-greyish-brown, with some small dark-brown inclusions
15	3/-/6-11	Greyish-buff, compact, well levigated, with small brown inclusions
16	4/7/4-11	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
17	3/8/7-11	Buff, compact, with small brownish inclusions

Fig. 48

No.	Locus	Fabric
1	3/15-13	Light light buff, compact, well levigated, with innumerous small buff inclusions
Not figured	3/6-12	Analogous to No. 1. Dark buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	4/7/4-11	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	6/5-12	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	3/6-12	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
Not figured	5/13-13	Analogous to No. 4. Light light buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions
Not figured	6/5-12	Analogous to No. 4. Reddish-buff, compact, well levigated, with some small reddish inclusions
5	3/7/8-11	Yellowish-red with reddish—yellow core, compact, well levigated, with some small light and reddish inclusions
6	3/7/6-11	Light light buff, compact, well levigated, with tinyl buff inclusions
7	2/7/4-11	Buff, very compact, well levigated, with small buff inclusions

The interior and rim of the first are covered with dull dark-red slip that turns darker in the bottom zone; on the exterior there are its runs (Fig. 31, 6). Ware multilayered: pink at the exterior, red in the core and brown at the interior, compact well levigated, with small light and dark-brown inclusions

The second (Fig. 31, 7) has a dull red covering on the interior and the rim; on the rim it turns dark-brown; on the exterior there are its broad runs. Fabric red with a thin pink layer at the exterior, flaky, with small reddish inclusions.

The third one (Fig. 31, 8) has dull dark-red covering on both sides. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with occasional small reddish inclusions.

Bowls with Scalloped Rim
(Imitation of ARSW Form 97 after Hayes)

Several fragments represent bowls imitating ARSW form 97 after Hayes dated to 450–550[799]. All have a broad almost horizontal rim, sometimes convex, sometimes tilting downwards with the edge scalloped to form several slightly concave sides (Fig. 31, 14, 17–19). Some of them have a rib along the inner side of the rim.

[799] Hayes 1972: 150–151.

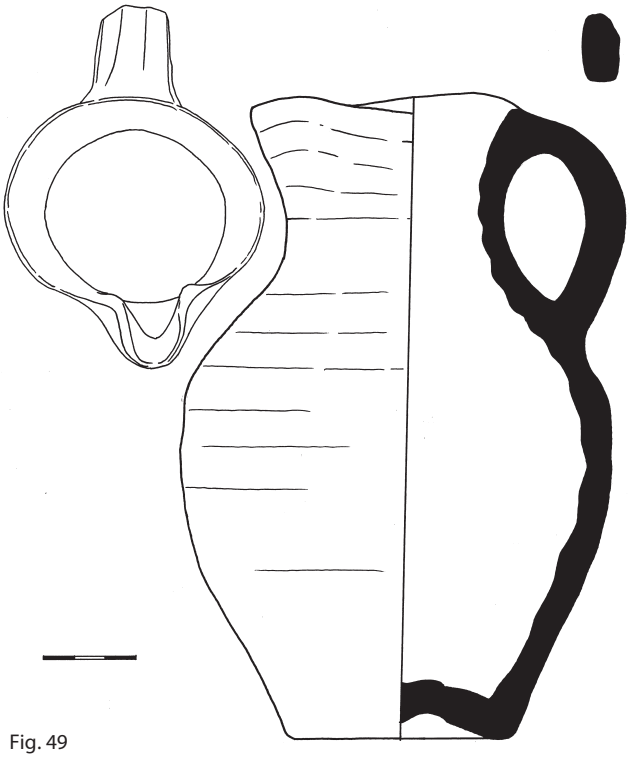

Fig. 49

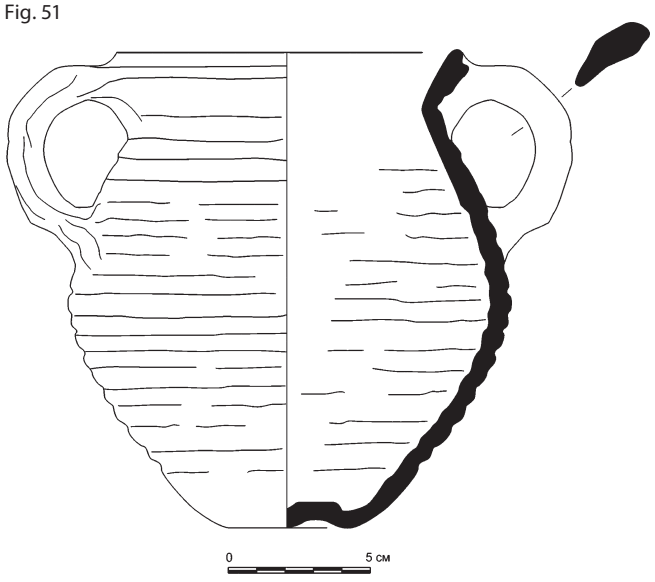

Fig. 51

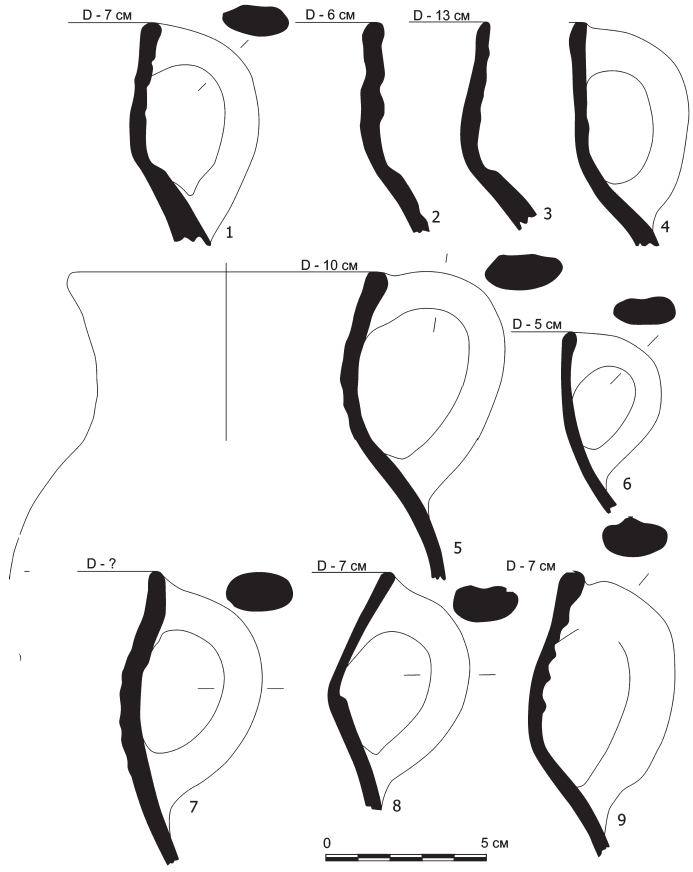

Fig. 50

Bowls with Heavy Rolled Rim

The form of several fragments (Fig. 32, 1–3) resembles ARSW form 99C dated to 560/580 – 620[800]. The local production of this group of bowls is confirmed by fragments of unfired bowls with curved walls and rolled rim found in the locus 11 (square 2) (Fig. 32, 4) and locus 1 (square 5) (Fig. 32, 5). Fabric of both is brown, well levigated, with occasional tiny light and dark inclusions. The pieces can be easily broken.

Bowls with Knobbed Overhanging Rim

A fragment of a bowl/dish with conical body and knobbed overhanging rim (Fig. 32, 7) from locus 6 (square 4) is closer to ARSW form 104B after Hayes dated to c. 570–600[801]. On the surface there are traces of light yellow covering. Fabric yellowish-red with brown core, compact, well levigated, with no visible inclusions.

Bowls with Rolled Rim

The most numerous group comprises dishes resembling ARS vessels of type 104C or 109 dated correspondingly to 550–625[802] and c. 580/600 — mid-7th century[803] (Fig. 33). Most of them have a row of oblique notches on the rim exterior. The interior is often burnished. The slip is red of different tints, thick, sometimes with a slight gloss or thin dull; as a rule it is applied on the interior and rim; the exterior is thoroughly smoothed and sometimes is covered with thick light or red slip. Fabric mostly reddish-yellow, sometimes with a buff core; the quantity and color of inclusions vary but mostly the ware contains light and buff inclusions. The manufacturing on these bowls in the excavated workshop is confirmed by the find of a fragment of the unfired one in the locus 11 (square 2) (Fig. 33, 23). Both sides of the fragment are covered with partially lost red dull, thick slip. Fabric brownish-yellow, well levigated, with rare tiny

[800] Ibid.: 155.
[801] Ibid.: 166.
[802] Ibid.: 166.
[803] Ibid.: 174.

Fig. 49

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 4, locus 2	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions

Fig. 50

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/13-13	Fabric light with slight buff tint, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	6/5-12	Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	6/5-12	Fabric light yellow, compact, well levigated, with some small yellow inclusions
4	1/2/1-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
5	2/11-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
6	4/7/5-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish and light inclusions
7	2/6/4-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny light and brownish inclusions
8	6/5-12	Fabric light with greenish tint, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
9	3/-/6-11	Fabric light, compact, well levigated, with some dark buff inclusions

buff inclusions. Besides excavations have produced fragments of bowls that seem to represent some semi-finished products covered with thick white slip that represent a preparatory layer that was put on before applying the red slip (Fig. 33, 21–22, 24–28). Such layer of a thick light slip is perfectly visible on the patches with worn out red slip on a fragment found in the locus 4 (square 2) (Fig. 33, 12). Yet it can't be excluded that the white color of the slip is the result of discoloration in the course of firing.

Of great interest several fragments "of the late (7th century) "Imitation Late B Ware", as defined at Antioch and Khirbat al-Karak[804], found in Jerusalem. Tushingham suggests a Cypriot or Syrian source of these vessels[805]. But taking into consideration the production of such vessels in Jericho and the visual similarity of their fabrics the vessels seem to have been brought to Jerusalem from Jericho.

Bowls with Triangular-sectioned Overhanging Rim

One fragment is very close to the forms J2 and M of Egyptian Red Slip A after Hayes dated to the late 6th – 7th centuries (Fig. 32, 6). It belonged to a deep bowl with straight walls and triangular-sectioned overhanging rim. Yellowish-red, dull, thin covering applied on both sides of the fragment is partially worn out. Fabric yellowish-red with innumerous tiny light and reddish grits.

Egyptian Red Slip A was the most widespread Egyptian red-slip ware[806]. Along with Egypt and Nubia finds of this pottery occur in the Negev (mainly in the 7th century), Caesarea, Jerusalem, Tiberias, Ashkelon, Beth Shean and so on. At Pella eight bowls with simple triangular-sectioned rim analogous to Jericho one came from the latest occupation phase of the first half of the 8th century (before 747 earthquake). Taking into consideration the dates of analogous vessels found at other Palestinian sites P. Watson dates the importation of Egyptian Red Slip ware A into the Southern Levant to the 7th – 8th centuries[807].

Bowls with Vertical Thickened Overhanging Rim

These bowls resemble LRC Form 3 after Hayes (Fig. 34, 1–3, 6). Thin dull red or light red slip covers interior and rim of the vessels, the exterior is thoroughly smoothed. The inner surface and the rim of one of them (Fig. 34, 1) are burnished before covering. Fabric varies from brown to buff, with rare tiny buff inclusions.

Very close analogy to a fragment of a bowl depicted on Fig. 34, 6 came from the 6th century layer in Siyagha on Mt. Nebo[808]. The vessel is covered by thin, dull, yellowish-red slip and made of red, compact ware with beige core and almost without any grits.

Close to this group of pottery is a fragment of a bowl with conical body and vertical thickened rim (Fig. 34, 4). On both sides is thin dull red slip. Fabric brown, with innumerous tiny brownish inclusions. The piece can be easily broken and seems to have been unfired.

Bases.

No complete vessels of this group has survived but numerous bottom fragments with the same characteristics of fabric and covering have a low flaring ring base (Fig. 35). As a rule the inner field of the bottoms is framed by two incised concentric circles. Two bottoms with rather low flaring tapering foot

[804] Waagé 1948: 44–45; Delougaz, Haines 1960: 32. Pl. 53; 54, 2.
[805] Tushingham 1972: 186. Fig. 65, 6–8.
[806] Hayes 1972: 387, 397.
[807] Watson P. 1995: 305. Fig. 1,1–5.
[808] Piccirillo, Alliata 1990: 420. Fig. 2, 23, 24.

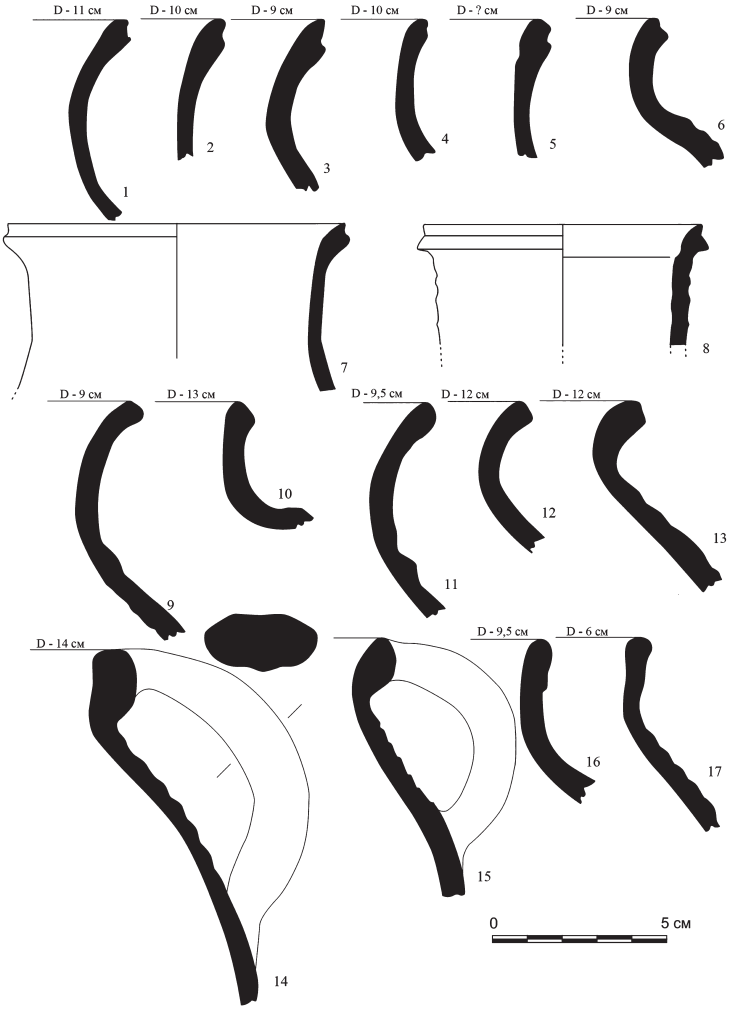

Fig. 52

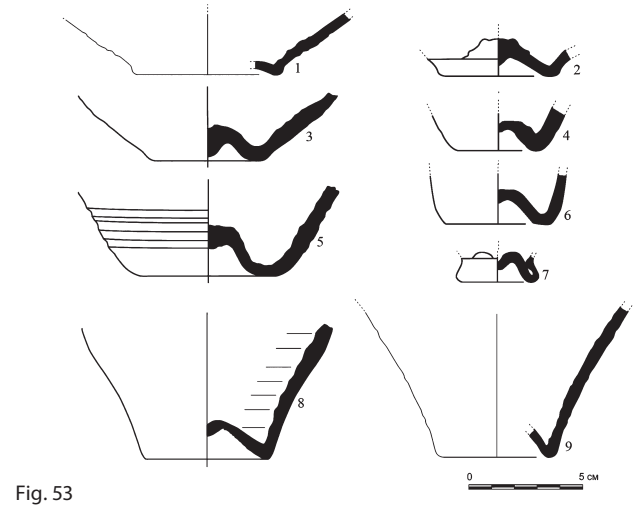

Fig. 53

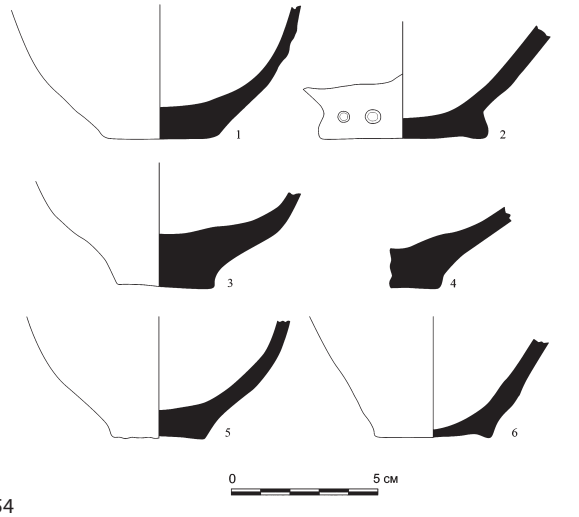

Fig. 54

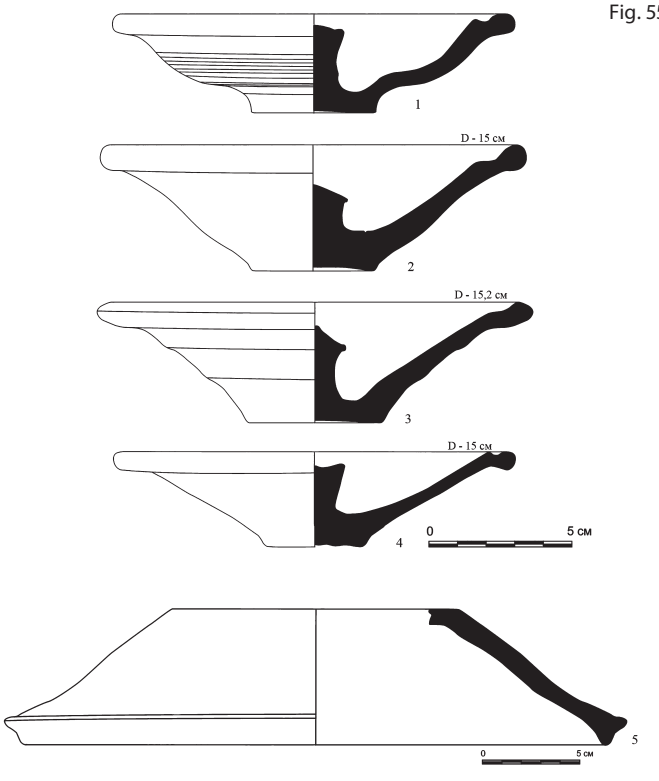

Fig. 55

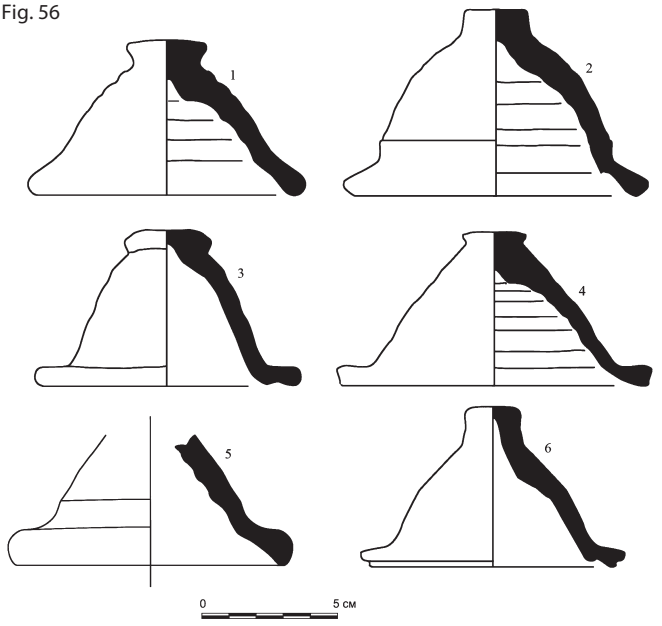

Fig. 56

Fig. 55–56. Abundance of fragments of lids of both types found in the course of excavations and acute time shortage didn't permit to give detailed description of most revealed fragments. So only the general characteristics can be given. Fabric is buff, sometimes unevenly fired, compact, well levigated, either with some light or buff inclusions.

Fig. 52

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/8/7-11	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	3-4/9-12	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	4/-/4-11	Surface: light with slight greenish tint. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with small brownish inclusions
4	5/4-12	Surface: light with slight yellowish tint. Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	3/7/3-11	Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
6	6/5-12	Surface: light yellow. Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny dark inclusion
7	Foundation pit	Fabric light buff, compact, well levigated, with some tiny dark inclusions
8	Area 2, locus 3	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
9	6/12-13	Fabric buff, compact, well levigated, with some small voids
10	5/4-12	Fabric light buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
11	5/13-13	Fabric light with yellowish tint, compact, well levigated, with small yellow and buff inclusions
12	6/5-12	Surface: light light buff. Fabric light buff, compact, well levigated, with some brownish inclusions
13	3-4/9-12	Fabric buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions
14	3/7/6-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small dark inclusions
15	1/2/1-11	Fabric light yellow, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
16	5/4-12	Fabric light buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
17	6/5-12	Fabric light with slight buff tint, compact, well levigated, with some small brownish inclusions

Fig. 53

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Drainage trench, western part	Fabric red with dark buff core, very compact, well levigated, with some small light inclusions. Exterior is light buff
2	Area 2, layer 2	Fabric light, compact, with some small buff and light inclusions
3	5/4-12. IV/12-2	Fabric light with slight greenish tint, compact, with some tiny buff inclusions
4	Square 1, locus 2	Fabric light with greenish tint, friable, with some small buff inclusions
5	5/4-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny light and brownish inclusions
6	Area 1, northern-western corner	Fabric light buff, compact, with some small brownish-red inclusions
7	Area 4, square 1, locus 2	Fabric light with greenish tint, friable, with some small light and buff inclusions
8	4/4-11	Fabric light buff, compact, well levigated, with some tiny buff inclusions
9	Area 4, locus 2	Fabric light yellow, compact, well levigated, with some tiny dark inclusions

Fig. 54

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	5/4-12	Outer surface: light with slight yellowish tint. Fabric light buff, compact, well levigated, with some tiny buff
2	4/-/4-11	Two oblique holes pierced through the raw clay on the base. Fabric buff, compact, well levigated, with some brownish inclusions
3	3/6-12	Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	3/7/6-11	Fabric light yellow, with small yellow inclusions
5	2/4-12	Surface: light buff. Fabric buff, compact, well levigated, with some small light inclusions and rare mica particles
6	3/6-12	Fabric yellowish-red with brown core, compact, well levigated, with some brownish and light inclusions

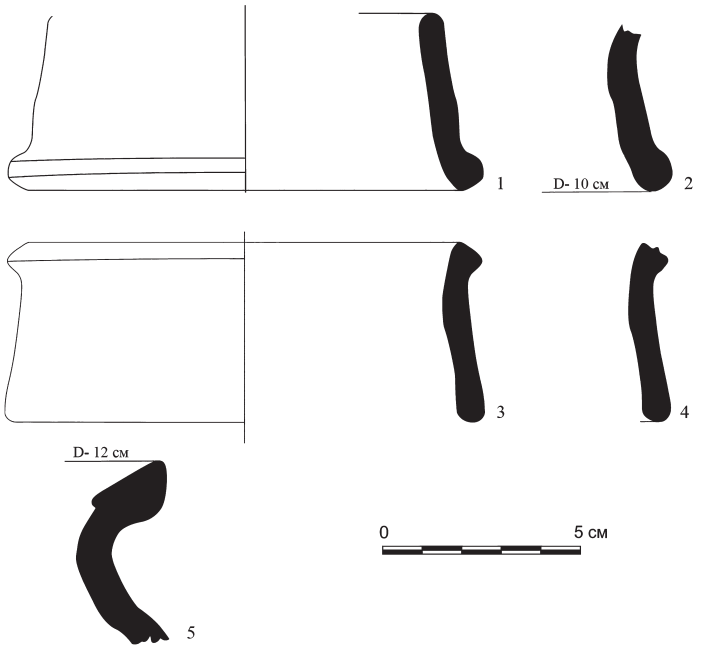

Fig. 57

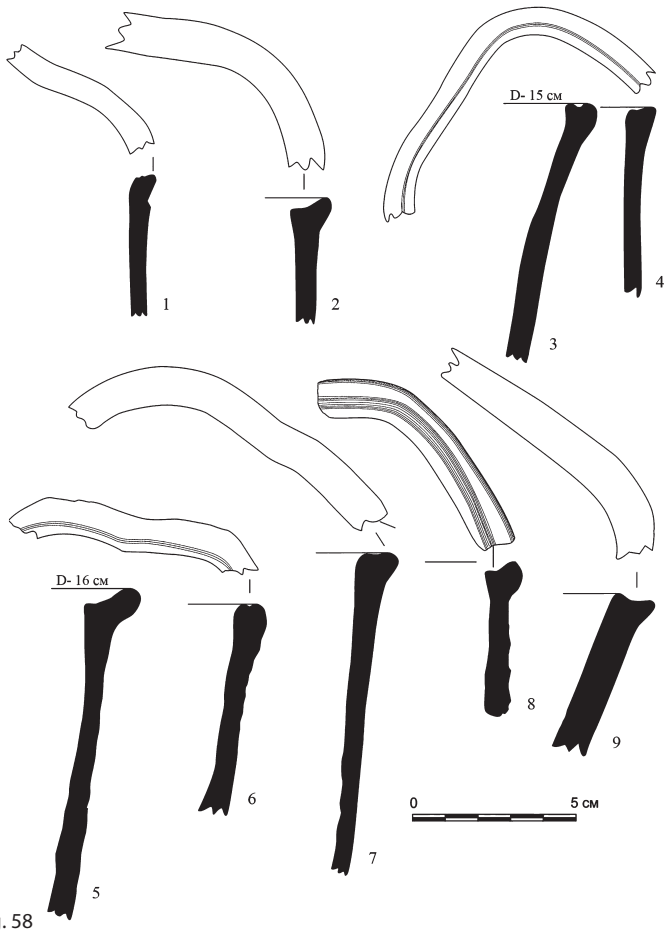

Fig. 58

Fig. 59

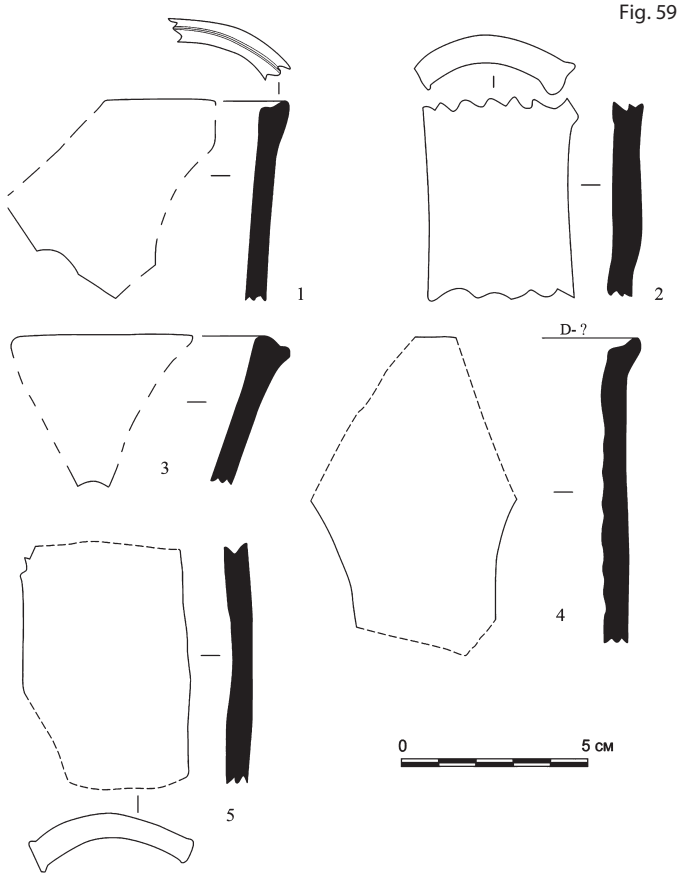

Fig. 60

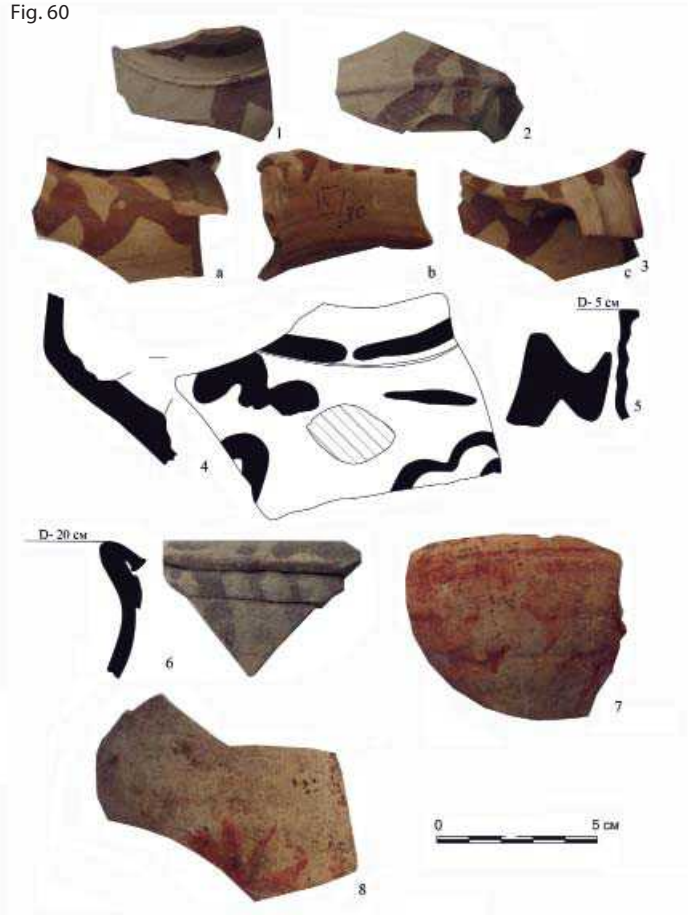

Fig. 57

No.	Locus	Fabric	
1	6/5-12	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions	Exterior is light yellow
2	6/5-12	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions	
3	5/4-12	Buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions	
Not fig.	4/-/4-11	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions	Analogous to Fig. 3, 4
4	6/5-12	Light buff, compact, well levigated, no visible inclusions	
5	4/-/4-11	Buff, compact, well levigated, no visible inclusions with some small brownish inclusions	

Fig. 58

No.	Locus	Fabric
1	6/5-13	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	3/6/4-11	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	3/7//6-11	Fabric light buff, compact, well levigated, with small buff inclusions
4	6/5-13	Fabric light buff, compact, well levigated, with small buff inclusions
5	3/7//6-11	Fabric buff, compact, well levigated, with small light inclusions
6	3/7/6-11	Fabric buff with greenish tint, compact, well levigated, with small brownish inclusions
7	3/7//6-11	Fabric brown, compact, well levigated, with no visible inclusions
8	3/6/4-11	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
9	6/5-12	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with some buff inclusions. Surface is much lighter

Fig. 59

No.	Locus	Fabric
1	6/5-13	Semicircular cut. Fabric buff, compact, well levigated, with some small light and brownish inclusions
2	6/5-13	Two vertical cuts on both sides of the fragment. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
3	6/5-13	Semicircular cut. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brown inclusions
4	5/13-11	Two semicircular cuts. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
5	6/5-13	Two vertical cuts on both sides of the fragment. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions

Fig. 60

No.	Locus	Fabric	Decoration
1,2	1/2/1-11	Light red, compact, well levigated, with no visible inclusions	Painting with brownish-red slip above thick light slip with slight greenish tint on the exterior
3	1/2/1-11	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions	Painting in dark-reddish-brown above thick light slip.
4	2/9/4-11	Fabric buff, compact, well levigated, with occasional tiny light inclusions	Painting in dark red on the exterior
5	1/2/1-11	Yellowish-red, compact, very well levigated, with some small light inclusions	Painting in dark red on the exterior
6	1/2/1-11	Light red with grey core, compact, well levigated, with occasional small brown and light inclusions	Painting in white above dark-greyish-brown slip on the exterior
7	1/2/1-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small light inclusions	Painting in red on the exterior
8	1/2/1-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small light inclusions	Painting in red on the exterior

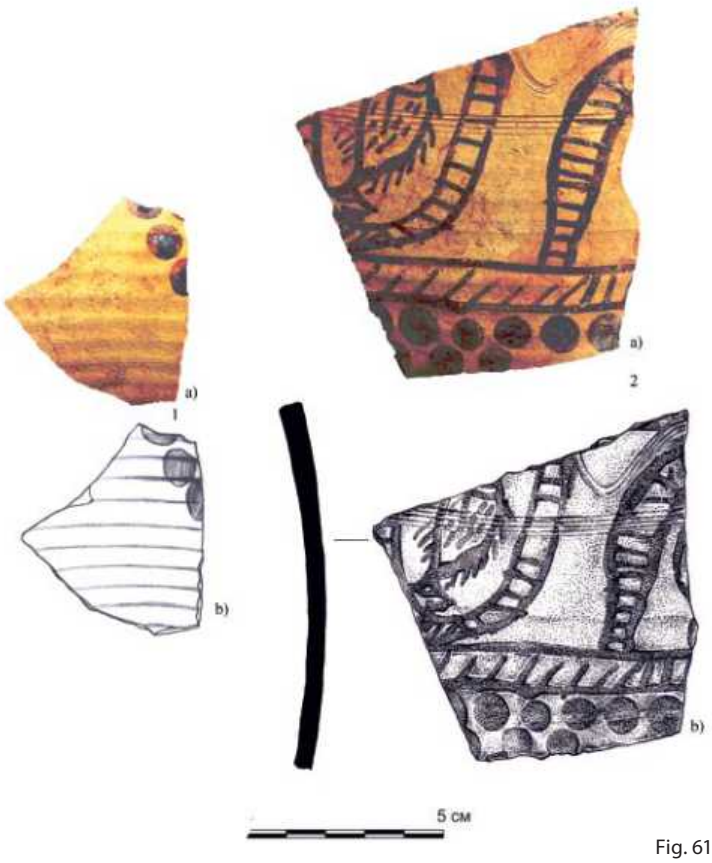

Fig. 61

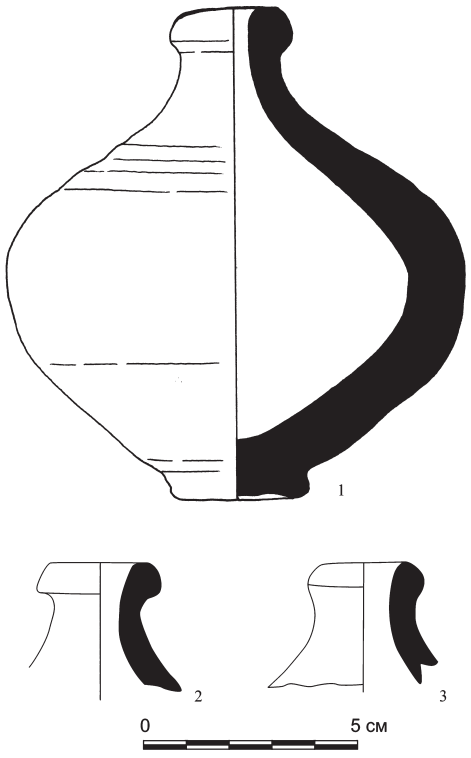

Fig. 62

Fig. 63

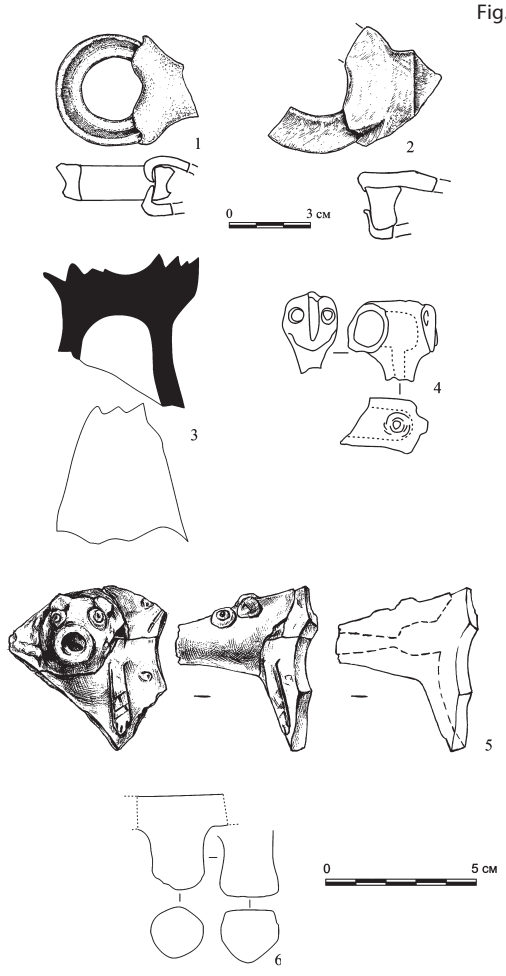

Fig. 64

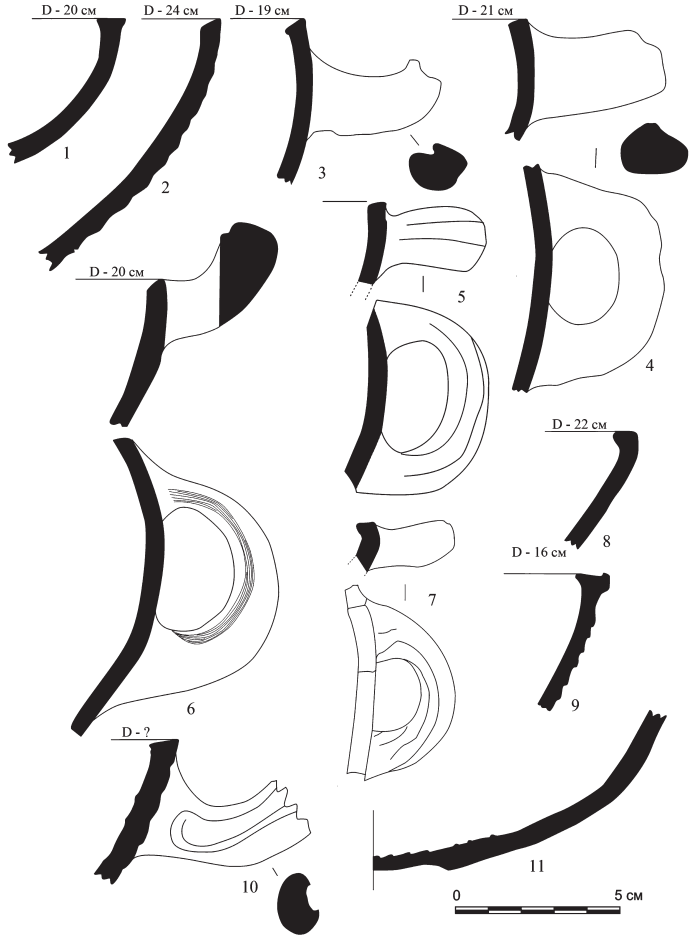

Fig. 61

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1, 2	1/2/--11	Light slip with greenish tint on the exterior Painting in dark brown. Fabric buff, compact, well levigated, with tiny brownish inclusions

Fig. 62

No.	Locus	Fabric
1	Accidental find	Reddish-bBuff
2	2/6/4-11	Dark buff, compact, well levigated, with some small light and brownish inclusions
3	4/-/4-11	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions

Fig. 63

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/13-13	Fabric light buff, compact, well levigated, with tiny buff inclusions
2	5/13-13	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions. Surface: light with slight greenish tint
3	1/2/1-11	Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	Accidental find	Fabric light yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	6/5-13	Fabric light with slight greenish tint, compact, well levigated, with some small dark brown inclusions
6	Area 2, layer 2	Light, compact, well levigated, with some light and brownish inclusions

Fig. 64

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/3-12	Fabric reddish-brown with black core, compact, well levigated, with some small light and brown inclusions
2	2/6/5-11	Fabric yellowish-red, friable, with small light inclusions
3	3/8-12	Both surfaces are almost black. Fabric reddish-yellow, purplish-dark-brown at the interior, compact, with some small light inclusions
4	4/-/3-11	Fabric brown, red at the exterior, very compact, with small light and dark brown inclusions
5	Area 2, locus 1	Fabric red, friable, with some small light inclusions. Brown covering (?) on the surface
6	1/2/1-11	Traces of soot on the exterior. Fabric yellowish-red, friable, with small light, and reddish inclusions and sand particles
7	Area 2, locus 3	Fabric brown, friable, with tiny light inclusions
8	6/5-12	Fabric yellowish-red, friable, with small light and reddish inclusions
9	3/8-12	Fabric red, brown at the interior, friable, with small brownish-red inclusions
10	5/13-13	Exterior: brown. Interior: reddish-yellow. Fabric light red with reddish-buff core, compact, with small light and reddish inclusions
11	2/6/4-11	Fabric dark brown, black at the exterior, with small light and dark brown inclusions

and an offset at the edge on the interior (Fig. 35, 12–13) are very close to those of ARSW form 99. Among the bottoms revealed there are those with light slip on the interior (Fig. 35, 14–19) and two unfired ones (Fig. 35, 19–20). On the exterior of one bottom with traces of light dull thin covering on the thoroughly smoothed interior there are thin lumps of clay (Fig. 35, 10).

Miscellaneous Bowls

Some vessels that can be identified as imitations of RSW have no analogies among known real red-slipped pottery. Among them are three dishes with outturned broad rim with a knob at the tip and two grooves on the upper surface (Fig. 34, 7–9). Two of them have thick red (Fig. 34, 7) and yellowish-brown (Fig. 34, 9) slip on both surfaces. The third one (Fig. 34, 8) is deprived of any covering but compete similarity of its form with that of previous two allows assigning it to the same group. Fabric well levigated, compact, brown or reddish-yellow with rare tiny brownish and light inclusions.

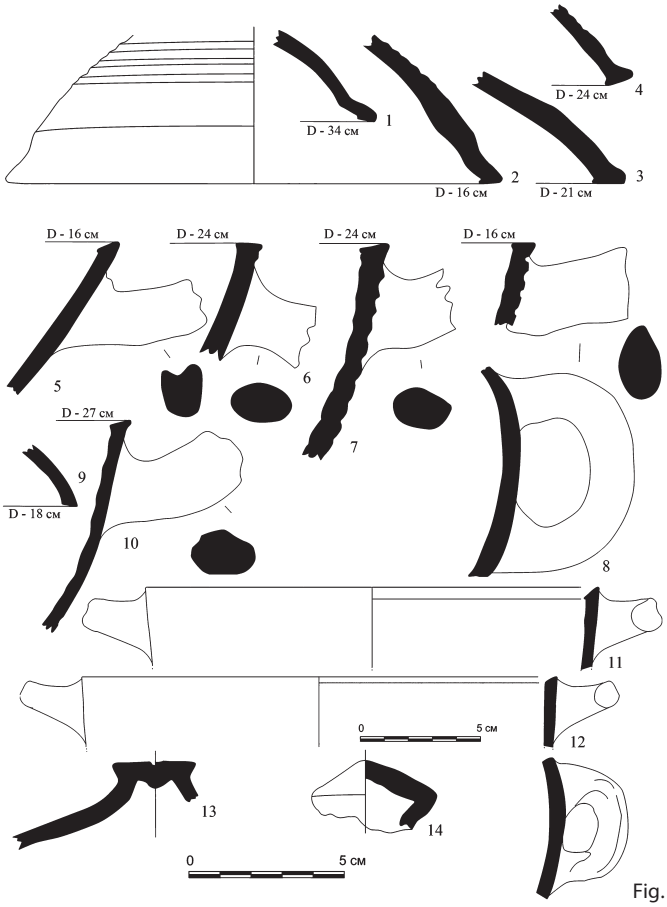

Fig. 65

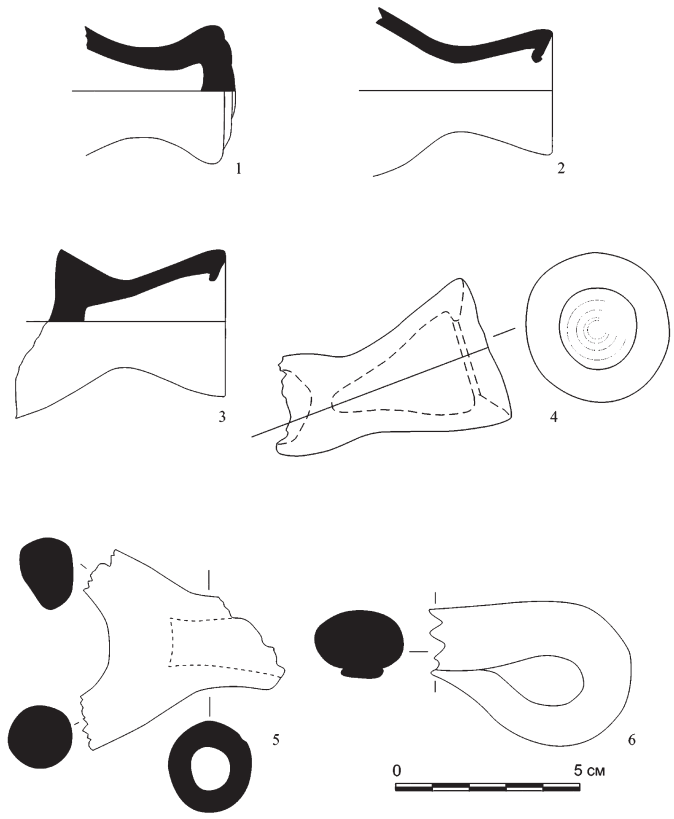

Fig. 66

PLAIN POTTERY

Open Vessels

Kraters

A few edge fragments of large vessels (kraters?) with ledge or plain rim with a so-called pie-crust decoration don't allow reconstructing the whole shape of these vessels. Two of them are characterized by the thoroughly smoothed surface and very careful modeling (Fig. 37, 1, 3). Fabric of the first one is reddish-yellow with greyish-brown core, compact, very well levigated, without any visible inclusions; the second one is made of compact, well levigated reddish-yellow clay with dark-yellow core and small light and brown inclusions. Fabric of the third vessel is reddish-beige, compact, with occasional tiny brownish and light inclusions (Fig. 37, 2). Dark-brownish-grey color of ware of the fourth vessel testifies to its firing in a reduced atmosphere (Fig. 37, 4). Bowls similar to those with a ledge rim (Fig. 37, 3–4) were found in Jerusalem[809], Herodium, Khirbet edh-Dharih[810] and Khirbat el-Ni'ana[811]. The analysis of the clay of analogous vessels from Beth Shean testifies to their coastal origin. Date: Umayyad period but most analogies are dated to the first half of the 8th century[812]. Basins with pie-crust decorated rim are classified by J. Magness as arched-rim basins of form 2B and dates them from the 6th to the late 7th – early 8th centuries[813].

Bowls

Bowls uncovered on the area have traditional forms falling into several basic categories.

Several bowls have rounded body and various rim profiles: plain slightly outturned, 12–17 cm in diameter (Fig. 37, 9–11); small rolled (Fig. 37, 7); triangular-sectioned (Fig. 38, 2–4). Some of them are decorated with incised combing.

Some bowls have carinated body (Fig. 37, 8, 12, 13; 38, 1). One of them, with conical body, vertical rim and small triangular-sectioned lip (Fig. 38, 1), is paralleled by similar vessels from the late 6th century deposit at Sardis[814].

[809] Tushingham 1985: Figs. 29:37; 32:55; Khalaily, Avissar 2008: Fig. 8, 2–3.
[810] Waliszewski 2001: 97–98. Fig. 6, 9.
[811] Vincenz, Sion 2007: P. 22. Fig. 1, 6–8.
[812] Bar-Nathan 2011: 219, 282. Fig. 11.34, 1–4.
[813] Magness 1993: 206, 208.
[814] Rautman 1996: 61. Fig.16, 2.69–71.

Fig. 65

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3-4/9/12	Fabric bright red, friable, with some small red inclusions
2	6/5-12	Fabric yellowish-red, friable, with small light and red inclusions
3	5/13-13	Surface: dark brown. Fabric brown, brownish-red at the exterior, compact, with numerous tiny light and brown inclusions
4	4/12-13	Fabric yellowish-red, friable, with small reddish and light inclusions
5	3/8-12	And Interior surface is greyish-dark-brown; exterior –reddish-yellow. Fabric reddish-yellow, purplish-buff at the interior, compact, with small brownish inclusions
6	5/13-13	Exterior: dark brown; interior: reddish-brown. Fabric yellowish-red, with small light and reddish inclusions
7	6/12-13	Fabric reddish-yellow with brown core, with innumerous tiny light and some small brown inclusions. Surface: dark-reddish-brown
8	6/5-12	Fabric yellowish-red at the interior and reddish-yellow at the exterior, with some small reddish inclusions
9	4/15-13	Fabric red, well levigated, with tiny light and small reddish-brown inclusions
10	1/4/3-11	Fabric red, compact, well levigated, with innumerous small reddish inclusions
11,12	Area 4	Fabric dark red, friable, with small reddish-brown and dark inclusions
13	6/5-12	Surface: dark brown. Fabric reddish-brown, with small light and brown inclusions. Поверхность темно-коричневая
14	5/1-12	Fabric buff, compact, well, levigated, with some small dark buff inclusions

Fig. 66

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	2/7/4-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
2	3/4/2-11	Fabric bright dark-red, friable, with some dark-red inclusions
3	3/8/7-11	Fabric dark-red, friable, with small red inclusions
4	5/4-12	Fabric yellowish-red with dark brown core, with innumerous tiny dark and larger red inclusions
5	4/-/4-11	Fabric red, friable, with small reddish inclusions
6	5/13-13	Fabric pink, compact, well levigated, with novisible inclusions

Bowls with a Ledge Rim

These bowls are characterized by rounded walls and broad ledge rim with a knob at the edge (Fig. 38, 5–8). All the vessels are fashioned very carefully, their surface is very thoroughly smoothed. Some of them are covered with a layer of thick light slip. On the interior of one of the vessels (Fig. 38, 3) there is brownish thin covering applied on the layer of a thick light one; the latter covers also the exterior of the vessel. Fabrics of all the bowls are similar: compact, well levigated, buff of different tints with some small light and brownish inclusions.

Bowls with Figured Edge

These vessels are represented by two vessels: a bowl with rounded body and triangular-sectioned rim with widely spaced finger impressions at the edge (Fig. 37, 5) and a conical shallow vessel with triangular-sectioned overhanging rim with oblique notches at the edge (Fig. 37, 6). No parallels.

Jugs and Juglets (Small to Medium Containers)

Amphoriskoi

Among them three types can be distinguished.

1. Thin-walled juglets with high swollen neck, slightly everted rim, ribbed body and one or two handles attached to the mid-height of a neck and shoulders (Fig. 39). Diameter of neck is about 4,0–4,5 cm.

2. Juglets with high slightly widening upwards and downwards or, in rare cases, swollen neck with small triangular-sectioned rim and two handles attached to the lower part of a neck (Fig. 40). Regrettably the complete form of these vessels can't be reconstructed because only their necks have survived. Rim D. is about 4,0 cm.

3. Vessels of the first two types are considerably outnumbered by small juglets with ribbed ovoid body and small cylindrical carelessly fashioned stump-base with unevenly cut, sometimes with a string, lower surface (Fig. 41, 42). The neck is broad funnel-shaped. Flattened handle is attached to the rim exterior and upper body. Fabric of these vessels is compact, well levigated with occasional small light

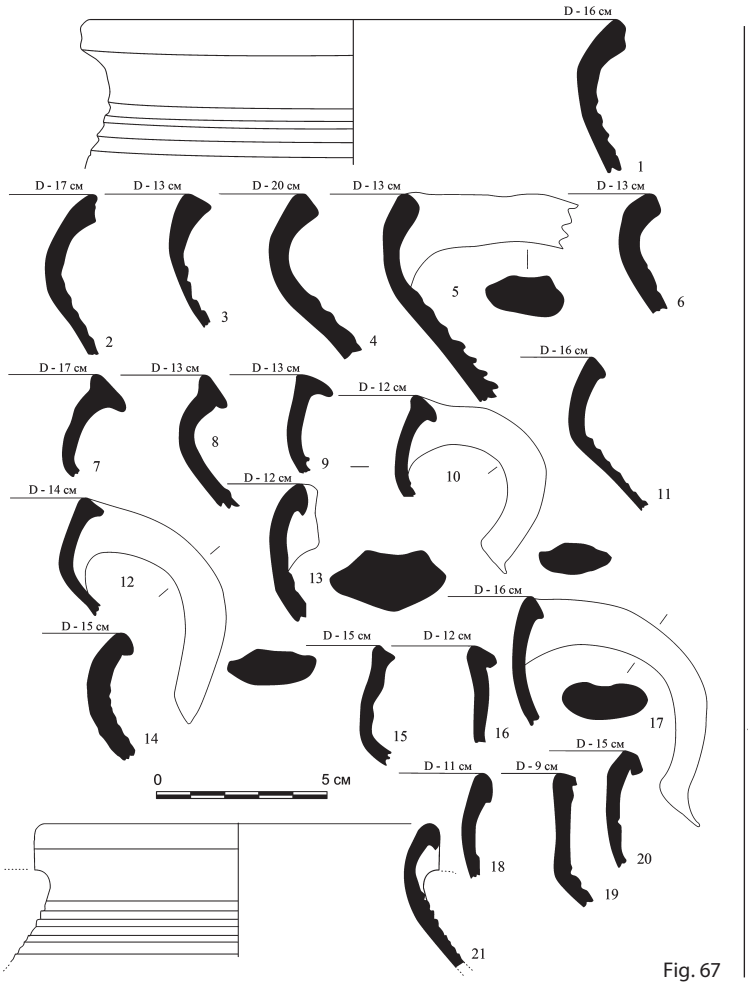

Fig. 67

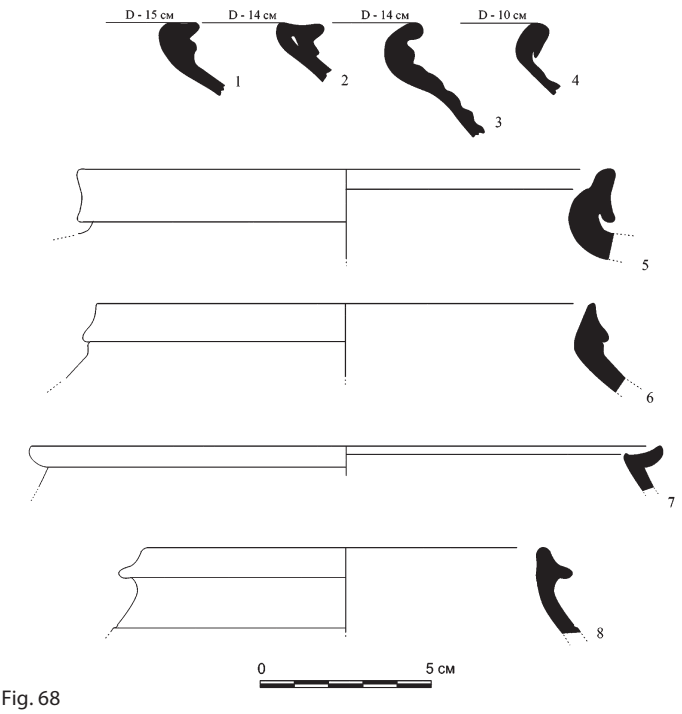
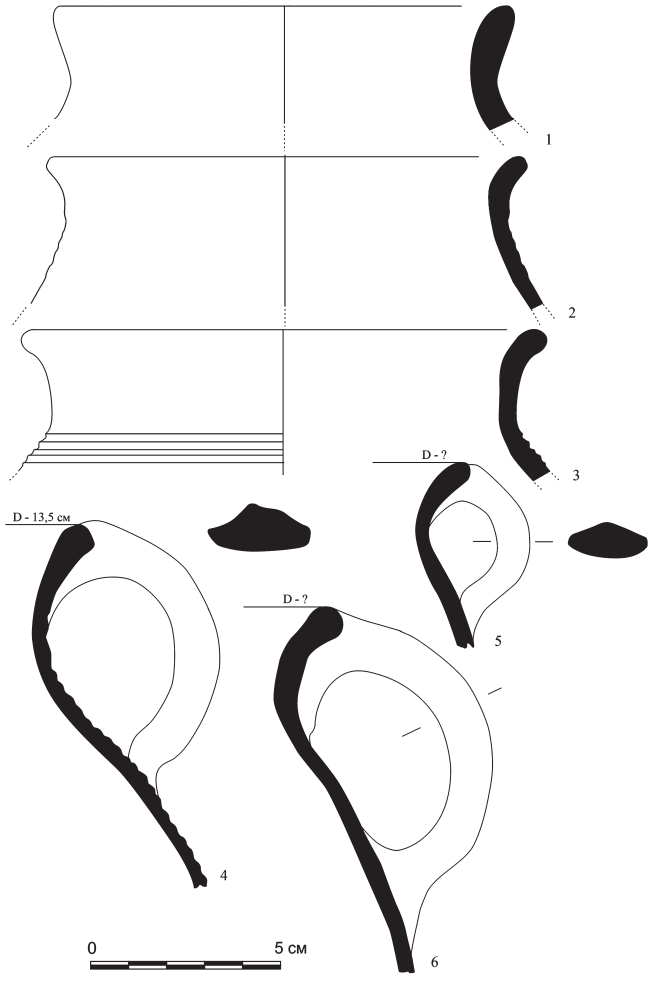

Fig. 68

Fig. 69

and brownish inclusions. The color varies from buff to reddish-brown.

Such vessels are usually dated to the Late Byzantine and Early Islamic eras[815]. Analogous ones have been found at Beersheba where they were supposedly produced in the Late Byzantine period[816], in Caesarea in the layer of the mid-7th — mid-8th centuries[817]. J. Magness distinguished the bases of such vessels in the form 6A and dated them to the late 3rd — early 8th centuries[818]. The string-cut foot bases (Fig. 43) represented in the assemblage by far less number of fragments seem to have belonged to the same vessels being one more variant of their lower body. Analogous lower bodies found at other Palestinian sites are usually dated to the Late Byzantine and Early Islamic eras[819].

Abundance of these vessels and a great number of overfired and deformed

[815] Arnon 2008b: 93.
[816] Fantalkin 2000: 268. Fig. 9, 11; 10.
[817] Arnon 2008b: 93. Fig. 3, 8.
[818] Magness 1993: 246.
[819] Arnon 2008b: 93.

Fig. 67

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/8/7-11	Fabric yellowish-red, compact, with some tiny light and more numerous and larger red inclusions
2	2/11-12	Fabric red, compact, well levigated, with tiny light and red inclusions
3	3/8-12	Fabric reddish-yellow, friable, with small reddish-brown inclusions
4	2/6/5-11	Fabric yellowish-red, with small reddish inclusions
5	5/13-13	Surface; dark-brown. Fabric reddish-yellow at the exterior and brown at the interior, compact, well levigated, with some small brown and light inclusions
6	6/5-13	Interior: brownish-red. Exterior: dark–reddish-brown. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with some tiny light and reddish inclusions
7	3/-/6-11	Exterior: black. Fabric yellowish-red, friable, with innumerous small reddish-brown inclusions
8	2/9/4-11	Exterior: dark-brown. Fabric brown, with some small brown inclusions
9	3/8-12	Fabric dark-brownish-red, flaky, with small brownish-red inclusions
10	3/8-12	Fabric yellowish-red, with small light, reddish and brownish inclusions
11	3/8-12	Fabric yellowish-red, flaky, with no visible inclusions
12	3/8-12	Fabric overfired to black, flaky, with small black inclusions
13	1/2/1-11	Both surfaces are black. Fabric dark brown, very compact, with small light and brownish inclusions
14	3/7/7-11	Fabric yellowish-red, with small reddish-brown inclusions
15	5/13-13	Interior: yellow. Exterior: dark-reddish-brown. Fabric reddish-yellow with light buff core, compact, with no visible inclusions
16	2/9/4-11	Fabric black, compact, well levigated, with small black and tiny light inclusions
17	3/8-12	Fabric yellowish-red, flaky, with no visible inclusions
18	3/7/6-11	Fabric brown, with small brown inclusions
19	3/7/6-11	Fabric dark brown, friable, with small black inclusions
20	3/6/4-11	Surface: dark red (slip?). Fabric yellowish-red, friable, with some reddish inclusions
21	Area 4	Fabric bright red, with some small light and more numerous red inclusions

Fig. 68

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/7/6-11	Fabric dark brown, friable, with small dark-brown and light inclusions
2	3/8-11	Surface dark-brown. Fabric brown with purplish-buff core, with small light and brownish inclusions
3	2/9/4-11	Exterior: dark brown. Fabric yellowish-red, with sand and small reddish inclusions
4	3-4/9-12	Fabric reddish-yellow, compact, hardly fired, with some small light and brownish inclusions
5	Area 4	Fabric reddish-brown with tiny reddish-brown grits. Surface: red
6	Area 1, north-western corner	Fabric red compact, well levigated ware with occasional small grayish inclusions
7	Area 4	Fabric dark reddish-brown friable, with occasional tiny light inclusions
8	Foundation pit	Fabric dark red, friable, no visible inclusions

Fig. 69

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Drainage trench, western part	Fabric red, compact, well levigated, with tiny white inclusions
2	Large dump	Fabric red, with small light and reddish inclusions
3	Area 2, locus 5	Exterior: dark reddish-brown. Fabric red, with some mica particles and small reddish inclusions
4	1/3/3-11	Fabric red with yellowish tint and tiny reddish-brown and light particles
5	3/7/6-11	Fabric bright dark red, flaky, with small red inclusions
6	1/3/3-11	Fabric yellowish-red, friable, with small light and reddish inclusions

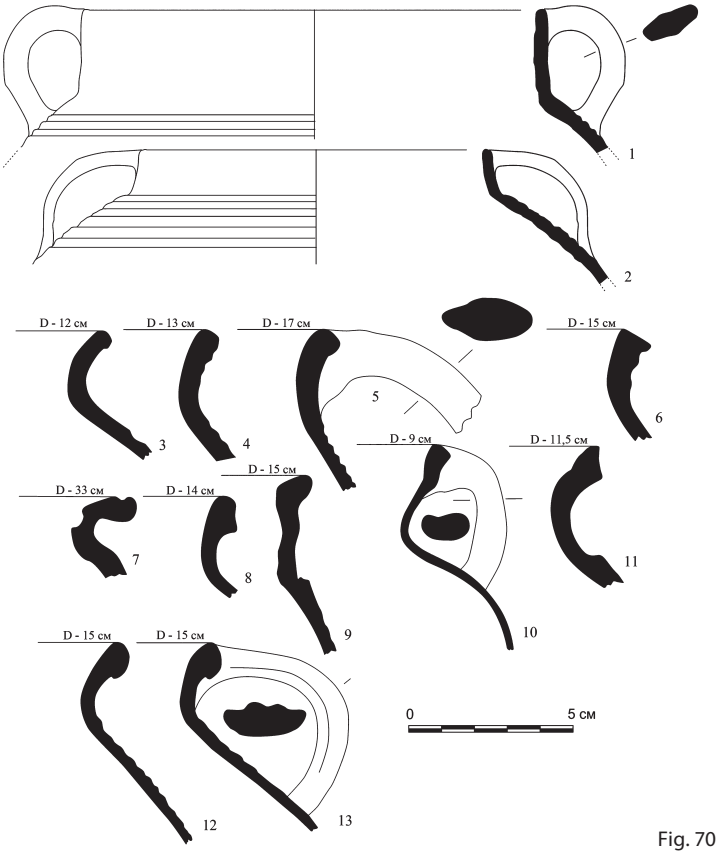

Fig. 70

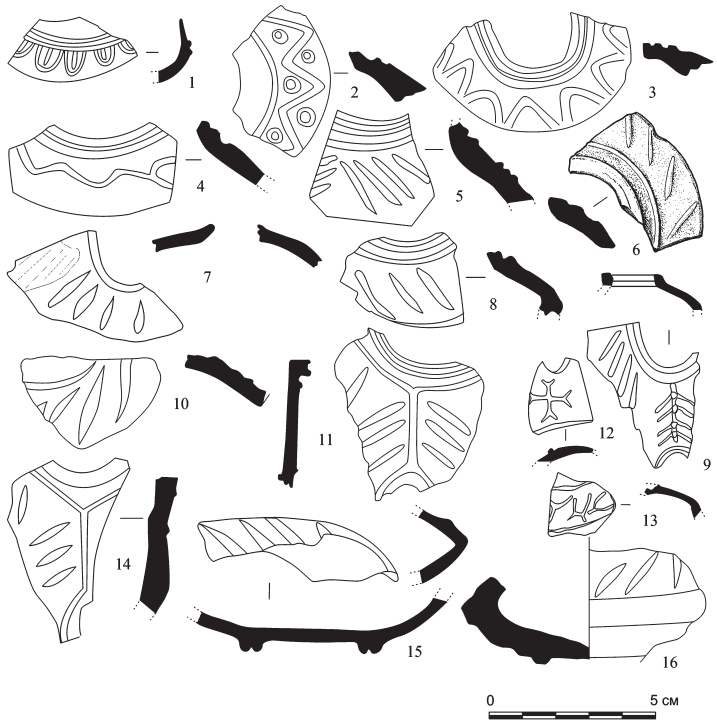

Fig. 71

specimens found in the course of excavations allow surely assigning them to the products of the uncovered workshop. One of the loci (locus 3/6 (2012) dated to the first half of the 8th century where the accumulation of these vessels has been found represents the waste deposit of the pottery workshop. The date of this locus testifies to the production of amphoriskoi up to the first half of the 8th century. Besides, all the layers were rich in fragments of small oval-sectioned handles of light-clayed vessels, often with one or two ribs on the outside. A lot of them have been recovered in the waste accumulation in Locus 6 (square 3–2012).

Amphoriskoi usually used for transporting and storing of Holy water, oil, precious ointments, balsam, perfumes or other similar products outnumber most of locally produced types of pottery that can be explained by the great demand for such vessels in Jericho.

In the antiquity Judea was known as a producer of balsam that was famous in the entire Roman Empire for its peculiar healing properties and agreeable aromatic qualities. The most fruitful in Judea was the valley of Jericho[820]. The Balsam tree of Jericho is noted among ancient writers—Theophrastus, Strabo, Pliny who wrote about its cultivation in the royal gardens near Jericho. It is reported that the Balsam has disappeared from Jericho[821] and there is no evidence about balsam production in Jericho after the Roman period. However it could not be ceased at once. At least En Gedi, that along with Jericho was the main production centre for balsam during the Roman period, produced it during the Byzantine period too until it was destroyed by the **Byzantine emperor Justinian**[822]. So it can't be excluded that amphoriskoi in question were used as container for balsam though their surface seems to be too porous for such precious content but the porous interior of such vessels could be sealed with some coating of resin.

Imported Amphoriskoi

In the course of excavations along with locally produced *amphoriskoi* a fragment of one imported one has been revealed (locus 6/5–13). It's a lower part of a thin-walled vessel with fusiform fluted body and roughly cut foot. Its heavily micaceous fabric is identical to that of Riley-LRA10 amphorae[823] (Hayes-3[824])

[820] Watson R. 1833: 127.
[821] Jastrow, Price, Jastrow and Kohler 1906.
[822] Vincenz 2007: 234, 240.
[823] Riley 1979: 229–230.
[824] Hayes 1992: 63.

Fig. 70

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1, 2	Area 4	Fabric bright red, well levigated, with some small light and reddish inclusions
3	3/-/6-11	Surface: dark brown. Fabric bright red, compact, with some small light and larger red inclusions
4	5/4-12	Fabric yellowish-red with reddish-brown core, compact, with some small light and reddish inclusions
5	3/7/6-11	Fabric dark brown red, with small brown inclusions
6	3/-/6-11	Fabric red, very compact, with tiny light and reddish-brown inclusions
7	1/4/8-11	Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
8	2/7/4-11	Fabric overfired to black, friable, with some tiny light inclusions
9	3-4/9-12	Fabric yellowish-red, friable, with some small light and reddish inclusions
10	2/4-12	Fabric red with reddish-buff core, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
11	6/5-12	Light slip on the exterior. Fabric light-yellowish-red, compact, well levigated, with numerous tiny light inclusions and some small voids inclusions
12	3/-/6-11	Fabric yellowish-red, with some small red inclusions
13	3/-/6-11	Fabric yellowish-red, with some small red inclusions

Fig. 71

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Drainage trench, northern part	Yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	3/8-12	Fabric greyish-buff, compact, with small brown inclusions
3	3/8-12	Fabric yellow, compact, with small brown inclusions
4	Area 4, square 1, locus 2	Fabric dark buff, compact, well levigated, with tiny light inclusions
5	Area 4	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	7/3-13	Surface is yellow. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
7	4/12-13	Hardly overfired. Fabric dark-brown, compact, well levigated, with no visible inclusions
8	Area 4, ballast layer	Fabric reddish-buff, compact well levigated, with some small reddish-brown inclusions
9	Large dump	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
10	1/3/3-11	Exterior: thick light slip with slight greenish tint. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
11	2/4-12	Fabric reddish-buff, compact well levigated, with some small reddish-brown inclusions
12	Large dump	Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
13	Large dump	Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
14	Area 2, clearing of the surface of the old excavations	Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
15	Area 4	Fabric reddish-buff, compact well levigated, with some small reddish-brown inclusions
16	2/2/1-11	Fabric reddish-buff, compact well levigated, with some small reddish-brown inclusions

manufactured in different towns of the western coast of Asia Minor (Ephesus, Pergamon, Milet, Kusadasi, Sardis)[825] where vessels in question were surely produced in the 6th – 7th centuries[826].

Jugs with Broad Cup-Shaped Mouth

Several fragments of jugs with gently sloping shoulders, ovoid plain body and broad cup-shaped mouth (Fig. 44) have come mainly from the mixed loci, but two of them were found in the purely Late Byzantine / Umayyad deposits that allows assigning them to the latter period. Rim diameter varies from 9,0 to 15,0 cm. Fabric is light, sometimes with greenish tint, compact, well levigated, with some small inclusions. The form of these vessels resembles the form of the so-call saqiya scoop-vessels. A large number of complete or almost complete vessels of this type assigned to the Late Roman and Byzantine period but with a ribbed body were uncovered in Caesarea[827] and Horbat Rozez[828].

[825] Peacock, Williams 1986: 188.
[826] Hayes 1971: 214; Striker, Kuban 1975: 316. Fig. 14, 3.
[827] Peilstocker 2009: 107. Fig. 10.
[828] Yannai 2010: 133. Fig. 22, 2–4.

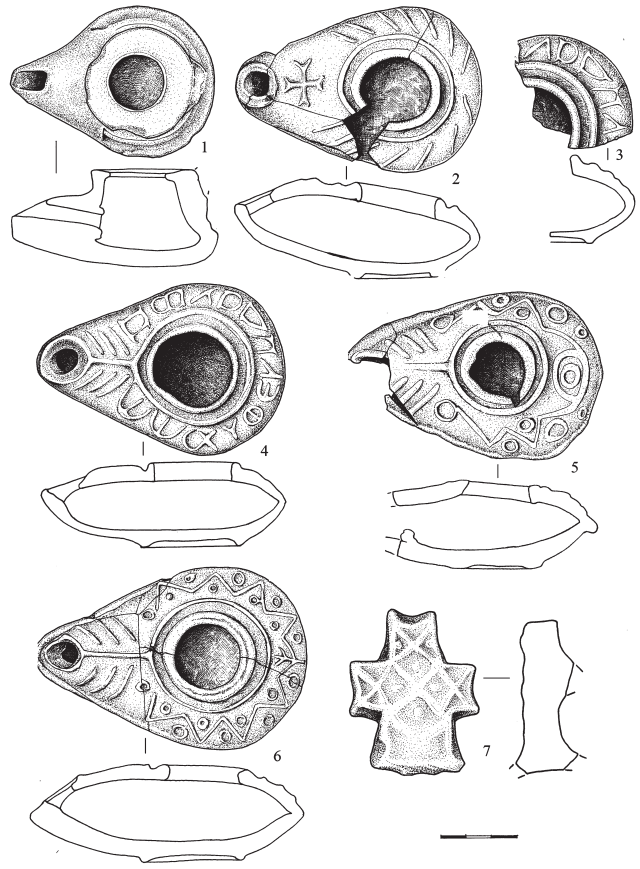

Fig. 72

Fig. 73

Fig. 74

Fig. 72

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Large dump	Fabric overfired to dark brown, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
2	Large dump	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	Large dump	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
4	Large dump	Fabric greyish-buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
5	Area 4	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
6	Large dump	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
7	Area 4	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions

Fig. 73

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Large dump	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
2	Large dump	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
3	Large dump	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
4	Large dump	Fabric reddish-buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
5	Area 4	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	Large dump	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
7	Drainage trench, northern part	Fabric buff, compact, well levigated, with some white inclusions
8	Large dump	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions
9	Large dump	Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
10	Drainage trench, northern part	Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with no visible inclusions
11	1/2/1-11	Fabric buff, compact, finely levigated, with no visible inclusions

Fig. 74

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Large dump	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	Large dump	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	Large dump	Fabric overfired to dark brown, compact, well levigated, with some tiny light inclusions

Two vessels (Fig. 44, 5, 6) can be identified as water pipes though their walls seem to be too thin for such usage.

High-necked Jugs with Everted Rim

Jugs with wide cylindrical neck and plain slightly everted rim made of buff, compact ware with occasional small brownish inclusions are represented by several fragments found in the Umayyad loci (Fig. 45, 2–4). Single fragments belonged to a jug (?) with slightly swollen neck and triangular-sectioned rim (Fig. 45, 1), to a bottle with narrow cylindrical neck and plain everted rim (Fig. 45, 7) and to a juglet with cylindrical neck, small rolled rim with grooves below and two handles attached to the neck mid-height (Fig. 45, 5).

Jugs with Slightly Swollen Neck and Beaker-shaped Rim

Jugs with slightly swollen neck and small beaker-shaped rim have come from Late Byzantine / Umayyad loci (Fig. 45, 8–14). Rim diameter varies from 9,0 to 11 cm. Fabric mainly light buff, compact, well levigated, with occasional inclusions. No close parallels have been found.

Spouted Jugs (Fig. 45, 15–22).

Jugs with a small conical spout, most likely used to dispense water for ablutions[829], were undoubtedly produced in the uncovered pottery workshop: in the course of its excavations completely deformed and overfired jug of this type has been found (Fig. 46, 3). For the exception of one spout made in brick-red ware with occasional small light and reddish inclusions that seems to have belonged to some kitchen vessel (Fig. 45, 16), all the rest are of buff, compact, well levigated clay with some inclusions. One more

[829] Walmsley 1982: 151.

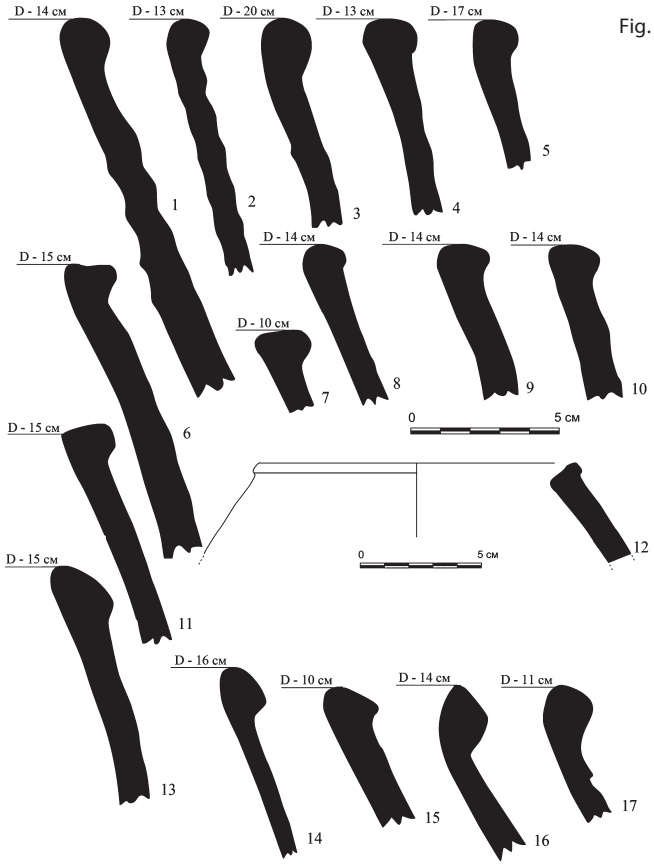

Fig. 75

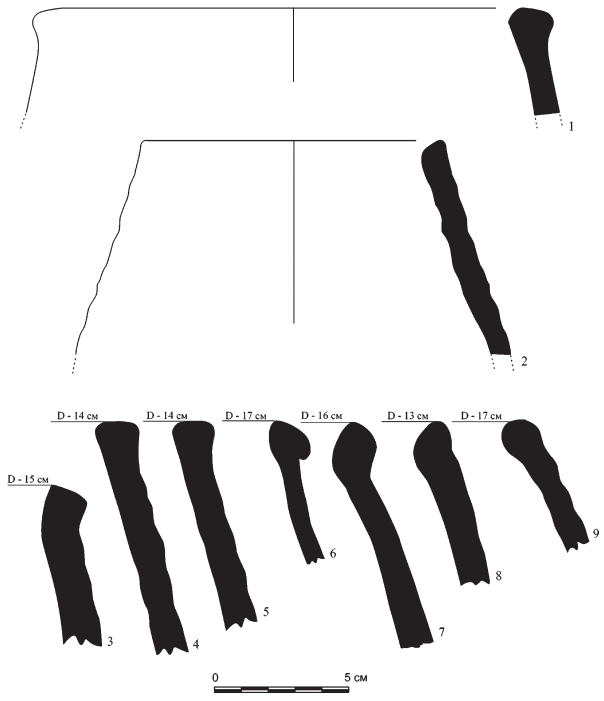

Fig. 76

red-clayed spout (Fig. 45, 19) from the filling between the walls can be Mamluk in date. The complex that contained along with the spout in question several Umayyad sherds is too small to be completely reliable.

Jugs with Finger-impressed Band around the Rim

Two fragments belonged to wide-necked jugs with slightly outturned rim decorated with a thin clay finger impressed stripe around the rim (Fig. 47, 1, 2).

Pots with Strongly Flaring Neck

The survived upper parts of these vessels don't permit to reconstruct their whole form. The neck is strongly flaring, with a slight fluting on the exterior; the rim is subtriangular or subrectangular in section with a deep groove beneath (Fig. 47, 6–8). Fabric is compact, well levigated, as a rule light (light red, pink or light buff).

Wide-necked Jugs with Triangular-sectioned Overhanging Rim

Rather extended group is constituted by jugs with wide cylindrical ribbed neck and triangular-sectioned overhanging rim (Fig. 47, 3–5, 9–11). Fabric of all the fragments is light buff, sometimes with slight greenish tint, compact, well levigated, with some small brownish inclusions.

Pots (?) with Splaying Ribbed Neck

By several fragments pots with splaying neck with well pronounced ribbing on the exterior are represented (Fig. 47, 12, 17). The rim is triangular-sectioned; on the lower neck there is a well pronounced applied rib that separates the neck from the body. On the rim edge of one pot a stump of the oval-section handle has preserved. Sometimes they were decorated with incised wave on the upper body (Fig. 47, 12).

Some types of jugs are represented in the assemblage by a single fragment (Fig. 47, 13–16).

Flasks

There is one more group of narrow-necked (rim D. — 4,0–5,0 cm) vessels and some of them could belong to flasks (Fig. 48, 3–7) that were characteristic for the Umayyad period. One of such vessels was unevenly fired testifying to their production in the local workshop. Fabric is buff compact, well levigated ware with innumerous, mainly buff inclusions.

Clover-shaped Jugs

A completely preserved clover-shaped jug revealed in the course of excavations has a plain rim, egg-shaped slightly ribbed body and omphalos bottom (Fig. 49). A plano-convex handle with poorly ex-

Fig. 75

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/3-11	Fabric buff with greyish-brown core, red at the exterior compact, with brownish inclusions
2	6/1-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish, dark and light inclusions
3	6/1-12	Fabric light red with buff core, compact, well levigated, with some small red inclusions
4	5/1-12	Fabric buff with greyish core, compact, with brown inclusions
5	5/1-12	Fabric dark buff, compact, with small brownish and light inclusions
6	3/-/ 6-11	Fabric buff with greyish core, compact, with small brown inclusions
7	6/1-12	Fabric red with buff core, compact, well levigated, with some small light inclusions
8	6/1-12	Fabric buff with greyish-brown core, compact, with small brownish inclusions
9	5/1-12	Fabric buff with greyish core, compact, with brown inclusions
10	6/1-12	Fabric red, compact, well levigated, with some small red inclusions
11	4/3/--11	Fabric red, compact, well levigated, with some small reddish inclusions
12	The heap of stones southwards area 2	Fabric red with buff core, compact, well levigated, with some tiny light inclusions
13	6/1-12	Fabric reddish-buff with greyish core, compact, with small brownish inclusions
14	6/3-12	Light buff slip on the exterior. Fabric light red, compact, well levigated, with some small light, brown inclusions
15	2/3/1-11	Fabric reddish-yellow, compact, with some small reddish inclusions
16	4/3-11	Fabric red, very compact, well levigated, with some small reddish inclusions
17	4/2/2-11	Fabric light red with buff core, compact, with no visible inclusions

Fig. 76

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 2, locus 1	Fabric dark buff, compact, well levagated, with some small brownish inclusions
2	Area 2, clearing of the surface of the old excavations	Fabric pinkish-buff at the exterior and buff-grey at the interior, with some small brown inclusions
3	4/7/5-11	Fabric light red, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	6/1-12	Fabric brown, compact, well levigated, with some small reddish inclusions
5	6/1-12	Fabric buff with reddish core, compact, with small reddish and brown inclusions
6	6/3-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny brown inclusions. At both surfaces thin layers of light clay with buff tint
7	6/5-12	Fabric light brown, compact, well levigated, with some small reddish and dark inclusions
8	6/1-12	Fabric buff with greyish core, compact, with small brown inclusions
9	6/1-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny brown inclusions

pressed ribs on the exterior is attached to the neck and shoulder of the vessel. Fabric buff, well levigated, practically deprived of any inclusions.

A clover-shaped jugs analogous to the presented one occur in the Byzantine/Umayyad contexts: Luzit — burials assigned to the 5th – 8th centuries[830]; Khirbet edh-Dharih (South Jordan) — the non-sealed strata dated to the 6th – 7th centuries[831] and so on. This date is confirmed by the omphalos bottom characteristic of this period.

Miscellaneous Jugs

A group of vessels are supposedly assigned to the category of jugs. They have various neck forms: cylindrical (Fig. 50, 1–4, 6), slightly or strongly splaying (Fig. 50, 5, 8–9), in rare cases slightly swollen (Fig. 50, 7). An oval-sectioned handle sometimes with one or two ribs on the outer surface is attached to the rim exterior and shoulder. All of them are made of buff, compact, well levigated ware, usually with brownish and light inclusions. They are unparalleled at other Palestinian sites that allows suggesting their local production.

[830] Avni, Dahari: 307. Fig. 5, 9.
[831] Waliszewski 2001: 97. Fig. 3, 1.

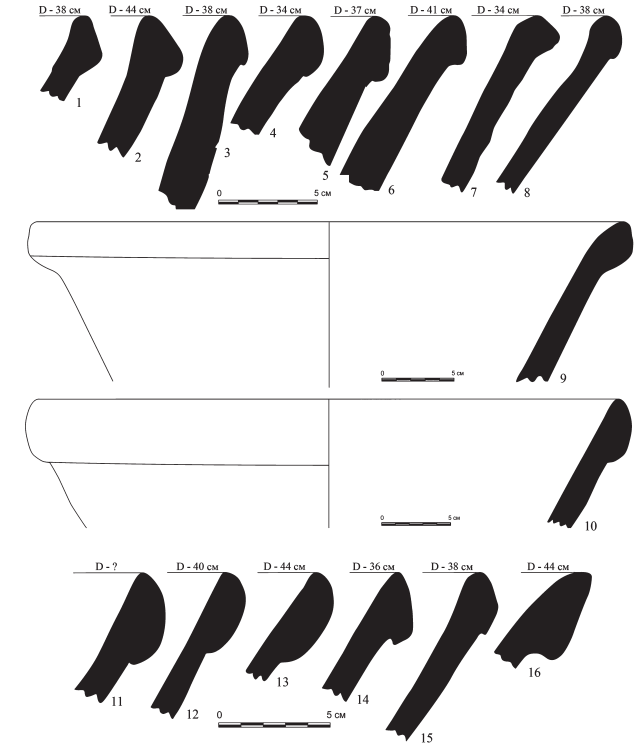

Fig. 77

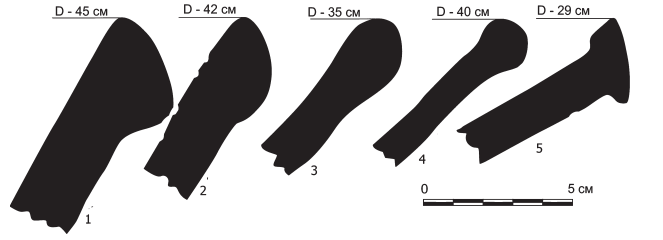

Fig. 78

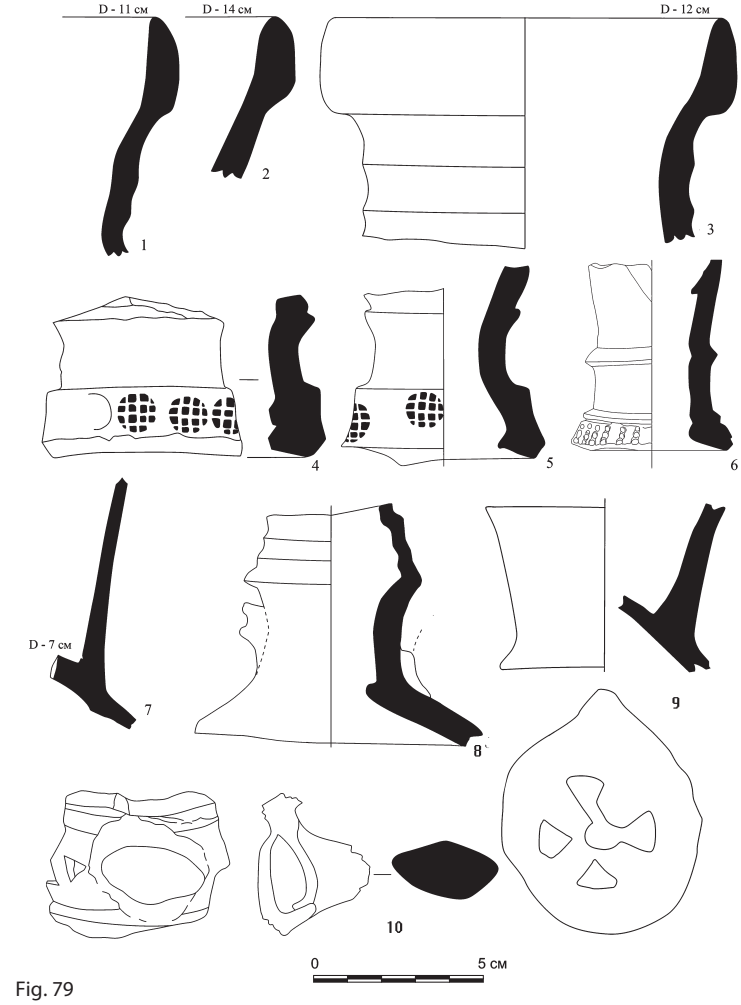

Fig. 79

Miscellaneous Pots

Several types of buff-clayed pots have been distinguished. Among them is the only completely preserved pot that can be surly assigned to the Byzantine-Umayyad period. It has a globular ribbed body, outturned rim with a groove on the upper surface, two flattened handles and omphalos bottom (Fig. 51). A groove on the rim upper surface is very characteristic for the pots of the assemblage presented. The form of the neck can be almost cylindrical (Fig. 52, 2, 4, 5, 7, 8) or outsplayed (Fig. 52, 1, 3, 6), low or high.

Rather plentiful are the pots with a plain outturned rim (Fig. 52, 9–13). Some types of pots are represented by a single fragment (Fig. 52, 14–17).

Judging by the overwhelming predominance of the so-called omphalos bottoms in the assemblage most of jugs and juglets had this type of bases (Fig. 53) and are likely to have been manufactured in the revealed pottery workshop. This suggestion is confirmed by the find of deformed and overfired spouted jug found on the site (Fig. 46, 3). The other types of bottoms are innumerous (Fig. 54) and seem to have belonged to the vessels brought to Jericho from the outside.

Lids

Very large group in the assemblage is constituted by lids of two types — saucer-shaped and bell shaped. All are made of buff, compact, well levigated ware with rare inclusions.

Saucer-shaped lids with a central knob (Fig. 55) were very popular over a long period: they appeared in the Late Roman time, became common in the Byzantine period and continued into Umayyad time[832]. Similar lids were retrieved in Crusader assemblages too[833]. Yet most lids of this form found on the excavated area can be assigned to the Late Byzantine/Early Islamic period. Parallels can be cited from the early 7th

[832] Magness 1993: 248.
[833] Stern, Tatcher 2009: 134.

Fig. 77

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/1-12	Both surfaces are light-pinkish-buff with traces of rubbing with straw. Fabric light red with dark buff core and small brownish inclusions
2	3/6/3-11	Fabric yellowish-red with dark reddish-yellow core, compact, with small and large yellowish and some small brownish, reddish and light inclusions
3	3/5/3-11	Fabric yellowish-red with buff core, compact, well levigated, with some tiny dark inclusions
4	6/1-12	Surface: buff. Fabric dark brown with greenish tint, compact, well levigated, with some small dark inclusions
5	3/6/4-11	Fabric light red with buff core, compact, well levigated, with some small red inclusions
6	6/5-11	Fabric brown, compact, well levigated, with some small dark inclusions
7	3/6/3-11	Fabric yellowish-red with reddish-yellow core, compact, with some small buff inclusions
8	3/6/4-11	Fabric light red with buff core, compact, well levigated, with some small red inclusions
9	4/1-3/2-11	Fabric buff, compact, with some small brownish inclusions
10	2/2/1-11	Fabric greyish-buff, very compact, well levigated, with innumerous small black and dark buff inclusions
11	3/1/1/-11	Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small light inclusions
12	2/4/1-11	Fabric reddish-buff, compact, with small buff and reddish-brow inclusions
13	2/3/1-11	Fabric red with buff core, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
14	4/3-11	Fabric buff, compact, with some small brownish inclusions and rare small core
15	4/3-11	Fabric buff, compact, with brownish inclusions
16	3/4/2-11	Fabric reddish-yellow, compact, with numerous light inclusions

Fig. 78

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	5/1-12	Fabric buff with grey core, compact, well levigated with some small brown and light inclusions
2	3/3/2-11	Unevenly fired. Fabric multilayered (from the surface to the core): reddish-yellow - buff – reddish-yellow – buff – dark brown, friable, very coarse, with small and large buff and brown inclusions
3	5/1-12	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
4	3/5/3-11	Fabric light red, compact, with numerous small light and brown inclusions
5	4/5/4-11	Fabric reddish-yellow with buff core, compact, with small light and reddish inclusions

Fig. 79

No.	Locus	Fabric
1	3/6/3-11	Reddish-yellow, compact, well levigated, with tiny light and greyish inclusions
2	6/5-12	Buff, compact, well levigated, with tiny dark-buff inclusions
3	6/1-12	Buff, compact, well levigated, with rare tiny light and dark inclusions
Not fig.	2/2/1-11	Buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
4	4/3/- - 11	Light with greenish tint, compact, well levigated, with innumerous small brownish inclusions
5	6/1-12	Light with greenish, compact, very well levigated, with some tiny brownish inclusions
6	4/-/3	Light red, compact, very well levigated, with some tiny reddish inclusions
7	2/4/1-11	Buff, compact, well levigated, with tiny dark buff inclusions. Dense greenish slip on the exterior
8	4/4/2-11	Light red, compact, with tiny yellowish inclusions and small voids
9	6/1-12	Buff, compact, well levigated, with small buff inclusions
10	6/1-12	Exterior: greenish slip. Fabric brownish-red, compact, well levigated, with some tiny brownish inclusions

Fig. 80

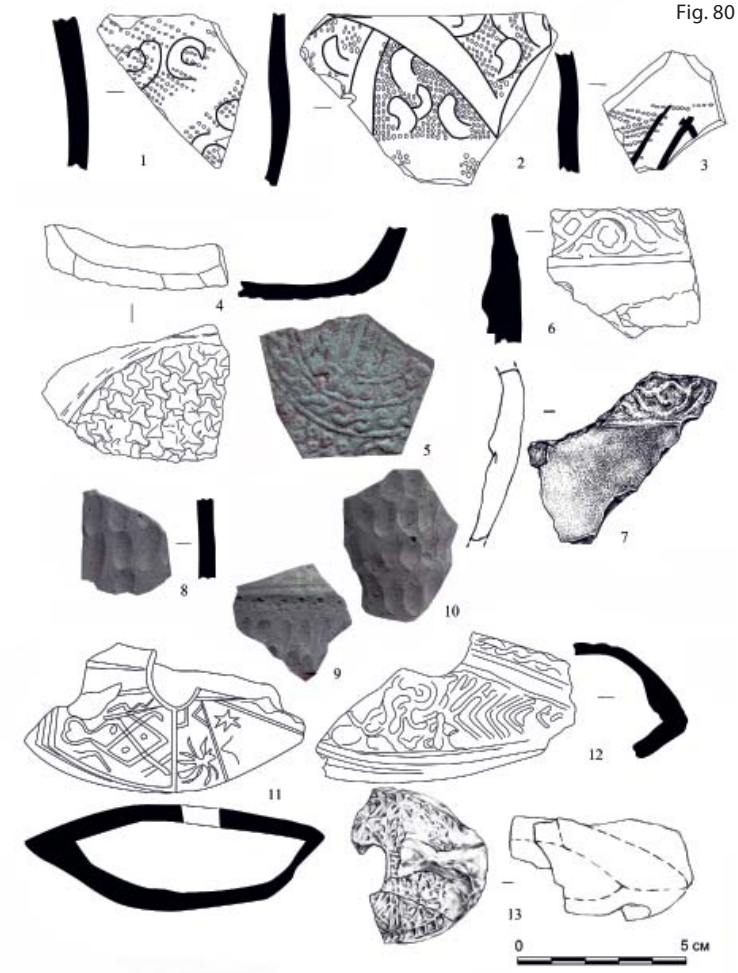
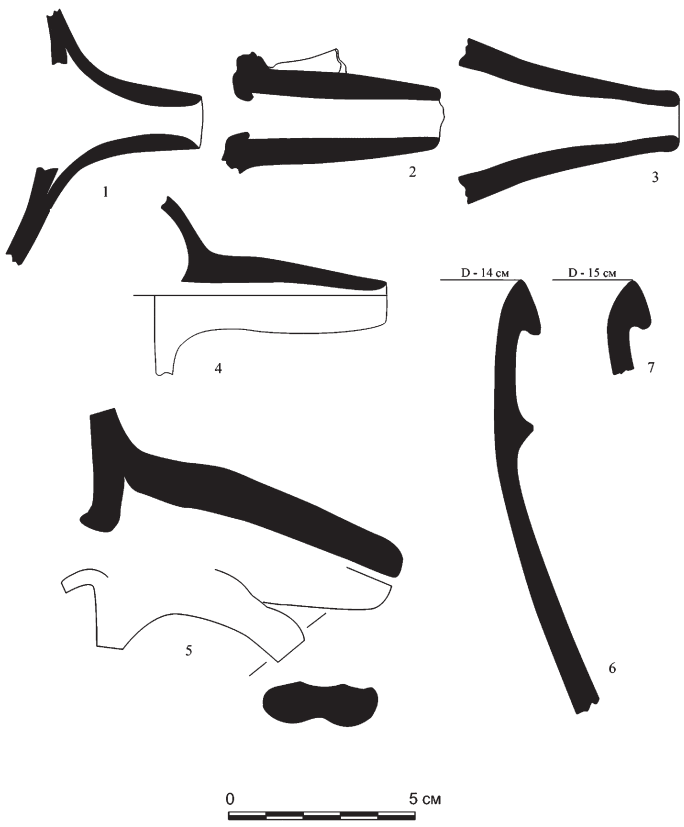

Fig. 81

century deposit at Sardis[834], 7th century deposit in Constantinople[835], from the 7th century filling of a well in Anemurium (Rough Cilicia)[836], among the materials of the 7th century shipwreck at Yassi Ada[837], at Emborio (Chios)[838]; A. Michel assigns the analogous lid from Khirbat al-Mukhayyat to the 6th — mid-8th centuries[839]. Such lids have been found in the stratum of the late 5th – 7th centuries at Caesarea, in the 6th – 7th century pottery assemblage of Shiqmona[840]. Very similar lids are known from the excavations at En-Gedi[841].

Bell-shaped or domed lids with a hollow handle (Fig. 56) also revealed on the area in large quantities are characteristic for Transjordan Umayyad wares (Tell Hesban, Mt. Nebo, Pella, Amman)[842]; at Sardis analogous lid has been revealed in the early 7th century deposit[843], in Ramla in the late 9th – 11th centuries loci[844]; in Beth Shean they came not only from "Arab" layers but also from the cisterns with Byzantine filling[845].

A fragment of an open vessel with a flat bottom and conical body separated from the rim with a roll on the interior from L 5 in the square 6 (2012; IV/43) also can be assigned to lids (Fig. 55, 5). Fabric light with greyish tint, compact well levigated, with some small dark inclusions.

Stands

Stands are one of the work tools of the potter. Vessels were placed on stands when some additional work, for example decoration, was required. These stands were also used to dry vessels before firing or

[834] Rautman 1996: 73. Fig. 25, 3.16.
[835] Hayes 1968: 214, №№ 107.
[836] Williams 1977: 187. Fig. 3, 26.
[837] Bass, Doorninck 1982: 175, №№ p41, 42.
[838] Boardman 1989: 110, №№ 262–264.
[839] Michel 1998: 395. Fig. 16, 70.
[840] Amir 2006: 158. Fig. 7, 1.
[841] Vincenz 2007: 249. Pl. 21, 1–6.
[842] Brown 1991: 226.
[843] Rautman 1996: 73. Fig. 25, 3. 17.
[844] Arnon 2007: 80. Fig. 18, 10.
[845] Fitzgerald 1931: 37. Pl. XXXI, 11.

Fig. 80

No.	Locus	Fabric	Surface
1	5/1-12	Greyish-buff, greenish at the exterior, compact, well levigated, with some tiny brownish inclusions	On the exterior there is greenish slip applied above incised ornament
2	5/1-12	Yellowish-red at the exterior and brown at the interior, compact, well levigated, with no visible inclusions	On the exterior there is light buff slip applied above incised ornament
3	6/1-12	Dark-buff, light with greenish tint at the exterior, compact, well levigated, with some tiny light and medium-sized brown inclusions	
4	6/1-12	Light with greenish tint, compact, well levigated, with small brownish inclusions	
5	4/3-2011	Brown, compact, well levigated, with tiny brown inclusions.	Thick greenish slip on the exterior
6	6/1-12	Light with greenish tint, compact, well levigated, with some tiny buff inclusions	
7	2a/6/2-11	Light with greenish tint, compact, well levigated, with some small greyish-brown inclusions	
8	6/1-12	Greenish-grey, compact, well levigated, with some tiny buff inclusions, with occasional tiny brown inclusions	Surface light with greenish tint
Not fig.	3/4/2-11	Buff with light greenish tint, compact, well levigated, with some tiny brownish inclusions	
9	2/4/1-11	Light red, compact, well levigated, with small light inclusions	Thick light with greenish tint slip on the exterior
10	2/4/1-11	Red, compact, very well levigated, with some small light inclusions. At both surfaces thin buff layer	
11	Area 2, clearing of the surface of the old excavations	Whitish-cream, very well levigated ware with occasional tiny grayish inclusions	
12	2/3/1-11	Buff, compact, very well levigated, no visible inclusions, with some small brownish inclusions	
13	5/1-12	Buff, compact, very well levigated, no visible inclusions	

Fig. 81

No.	Locus	Fabric
1	6/1-12	Fabric compact, very well levigated, no visible inclusions. Unevenly fired (layers of different colors, from the interior to the exterior: brown – greyish-dark-brown - red – grey – reddish-brown. Surface: greyish-brown
2	5/1-12	Fabric unevenly fired: greyish-buff layer at the interior and brownish-red one at the exterior, compact, well levigated, with some small dark inclusions
3	3/3/2-11	Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with small dark inclusions
4	2/5-11	Fabric red, with greyish-buff core, very compact, well levigated, no visible inclusions
5	Area 2, layer 3	Fabric dark buff, well levigated, compact, with some small light and dark
6	4/6/4-11	Fabric light buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
7	4/1-2/2-11	Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions

in the kiln during firing. They have the cylindrical body gently sloping down to the open base (Fig. 57). Besides such stands could be used for safe and economic keeping of convex-based vessels. This simple device was used in all periods, at least from the Early Roman period[846] up to the Late Fatimid (1033–1100) one[847]. All the stands presented have come from the Late Byzantine / Umayyad loci.

Unidentified Items

Of interest are items that regularly occur at the site. Among them are flat-sectioned slabs with straight sides (Fig. 59, 2), cylindrical and conical body sherds always with a groove on the upper surface of a

[846] Loffreda 2003: 101. Fig. 219.
[847] Stacey 2004: 141. fig. 5. 57.

Fig. 82. Fragments of handmade painted vessels

Fig. 83

Fig. 84. Handmade painted jug. Fabric light, with greenish tint and dark-beige and brown tiny grits.

triangular-sectioned or simple thickened rim (Fig. 58, 59); some of them have round/oval apertures cut prior to firing (Fig. 59, 1, 3–5). Most are deformed or deliberately curved. Fabric is mainly reddish-buff, compact, well levigated, with small buff inclusions. The analogous items were yielded in the course of excavations of the waste deposits of the pottery workshop at Beth Shean where they are identified as "pipe or gutter sections and kiln fixtures of some unknown function"[848]. It should be noted that deposits of these strange things (11 frs. and 7 frs.) have been uncovered correspondingly in L5 in the square 6 (2013) and L6 in square 3 (layer 7).

Vessels with Red Painting

Along with pottery types that continued to be in use from the Byzantine into Umayyad period there are several finds of vessels that seem to have appeared in the Umayyad period. Among them are the so-called "red on cream" vessels that are considered a 'hallmark' of the Umayyad period. This ware does not occur in the 7th century contexts and continues into the Abbasid period. A.G. Walmsley assigns their appearance to the first half of the 8th centuries[849].

The type is characteristic for the northern regions of Palestine and Jordan[850]. Red-painted vessels are attested in Heshbon, Amman, Khirbet edh-Dharih[851] and Khirbet Al-Karak[852]. At Pella a lot of them have

[848] Bar-Nathan 2011: 336. Fig. 11.67.
[849] Walmsley 1992: 256.
[850] Walmsley, Grey 2001: 152.
[851] Waliszewski 2001: 98. Fig. 7, 1–4.
[852] Al-Shorman, El-Khouri 2013: 209.

Fig. 83

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	8/2-13	Exterior: slight burnishing and painting in dark-brown (almost black) on the light slip. Fabric yellowish-pink, coarse, friable, with numerous small and medium-sized red, brown and pinkish inclusions
2	6/3-12	Exterior: slight burnishing and painting in dark-purple on the light with slight pinkish slip. Interior: dark brown. Fabric light brown at the interior and greyish-reddish-yellow at the exterior, compact, with small brown inclusions
3	3/3/1-11	Exterior: slight burnishing and painting in dark-brown on the thick beige slip. Fabric red with reddish-buff core, coarse, with small reddish, brownish inclusions

been revealed in the destruction layer of 746/747[853] and in the layers of the end of the Umayyad and the beginning of the Abbasid period[854]. In Jerusalem a lot of them have been found in the Umayyad layers[855].

This ware is characterized with pink or buff, well fired fabric. The surface is usually covered with a cream or pink slip and painted with red, purple or brown freely hand-drawn motifs: simple geometric motifs of wavy, horizontal, and vertical lines, zigzags, circles, swirls, loops, floral designs. The group includes cups, bowls, jugs, and jars. One of the centres of the production of red painted ware is determined at Jerash[856].

Most finds of this kind of pottery are concentrated in the locus 1 (square 1, layer 2) that contained exclusively Late Byzantine / Early Islamic material and one fragment has come from the Locus 4 (layer 9, square 2 — 2011). Thus the formation of these loci can be assigned to the Umayyad period.

Due to the rarity of the vessels of this kind in the assemblage presented each of them earns the detailed description.

1. Two body sherds of a wide-necked jug with a roll at the widest place of the body and triangular-sectioned rib in combination with a groove at the junction of the body with the neck (Fig. 60, 1, 2). Painting with brownish-red slip above thick light slip with slight greenish tint on the exterior.

2. A fragment of a thin-walled jug or a pot with globular body, everted plain rim and a rib at mid-neck (Fig. 60, 3). Oval-flattened in section handle with two poorly pronounced ribs on the exterior is attached to the rim outside. Painting with dark-reddish-brown above thick light slip.

3. Body sherd of a thin-walled jug or a pot with a global body and wide neck (Fig. 60, 4). Triangular-sectioned rib at the junction of the body with the neck. Below the rib is a stump of the oval-sectioned handle. Painting in dark red on the exterior.

5. Fragment of a thin-walled jug (?) with almost cylindrical neck with ribbing on both sides, a small triangular-sectioned rim with cut upper surface (Fig. 60, 5). Painting in red on the exterior. Close parallel has come from the 746/7 destruction assemblage at Pella[857].

Vessels of different forms with analogous upper body are usually assigned to the Umayyad/Abbasid period[858].

Two fragments of thick-walled closed vessels with painting in red most likely belonged to buff-clayed bag-shaped jars (Fig. 60, 7, 8).

Two fragments revealed in the Locus 2 (Square 1, layer 3–2011) stand aside due to their distinctive painting (Fig. 61). They seem to have belonged to one jug with plain upper body and ribbed lower one. The upper part is decorated with incised wave and combed horizontal line. On the exterior there is a light with greenish tint slip and painting in dark-dark brown. Fabric buff, compact, well levigated, with tiny brownish inclusions. The style of painting is very close to the painting of water jars produced in the 5th – 7th centuries and later, supposedly up to the 8th- 9th centuries, in the Göksu valley (province of Isauria in southern central Anatolia) and distributed exclusively within this region. At least they seem not to have been discovered somewhere else. However in the Roman and Byzantine periods the Göksu valley is known to have been part of an overland pilgrimage route to Jerusalem[859] and it's very tempting to assign the sherds in question to this group of pottery and to suggest that they could be brought to Jericho by pilgrims.

Brown-slipped White Painted Ware

This group of pottery is represented by a fragment of a bowl with rounded body and outturned rim with flattened edge and a rib below (Fig. 60, 6). Painting in white above dark-greyish-brown slip.

White painted ware is characteristic mainly for the northern Palestine and Jordan[860]. At Pella this group of pottery (Fine Metallic Ware) appeared at the late Byzantine period and continued to be in use up

[853] Walmsley 1982: 144. Pl. 142, 2, 3.
[854] Smith, Day 1989: 113; Waliszewski 2001: 98.
[855] Tushingham 1985: 324–32 5. Fig. 33, 10–12.
[856] Walmsley 1992: 257.
[857] Walmsley, Grey 2001: 144. Pl. 143, 1
[858] Sanmorì, Pappalardo 1997: 413. Fig. 1, 3; 3, 8.
[859] Jackson 2004: 137, 142.
[860] Cytryn-Silverman 2010: 103.

Fig. 85

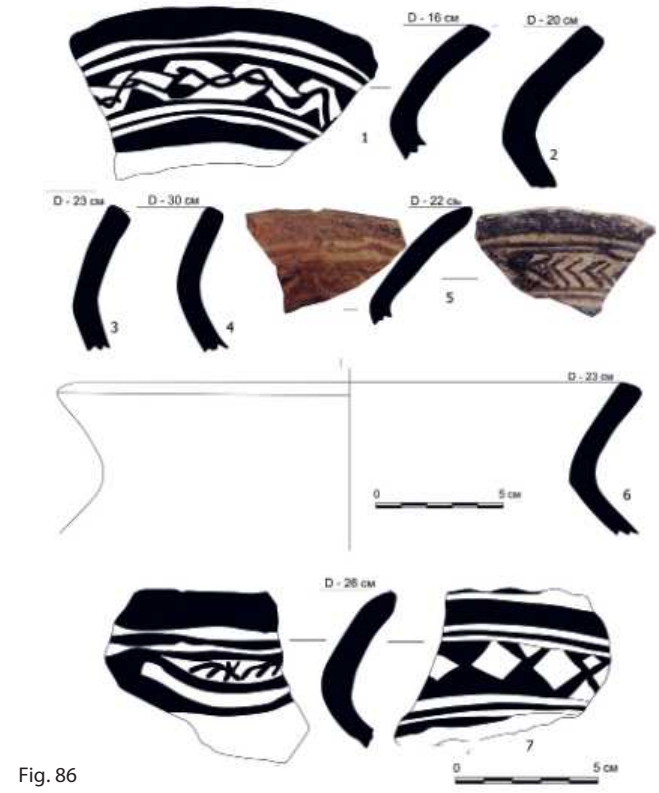

Fig. 86

to the second quarter of the 8th century[861]. At Tiberias this ware was uncovered in the destruction layer of the 749 earthquake and continued into the early Abbasid period[862]. At Caesarea it was found in the layers ranging in date from the late 7th — first half of the 8th century up to the late 9th — mid 10th century; several fragments came from the layers of the mid-10th — early 11th century[863].

Sphero-Conical Containers
(Arnon-516a type[864])

Sphero-conical container (Fig. 62, 1) is one of a few completely preserved vessels in the assemblage. Two more neck fragments of such vessels have been uncovered in the Late Byzantine / Umayyad loci with some admixture of the Mamluk material (Fig. 62, 2, 3). Thickened rim with a narrow opening kept the content from spilling out. Different scholars suggest different functions of such vessels: a beer jar[865], containers for mercury, and perfume[866] or hand grenades that were filled with some flammable material[867] and according to Brosh, their use for starting fires explains their presence in private homes, and their wide distribution in the Islamic world[868]. Yet a large assemblage of such vessels revealed in the commercial zone of Tiberias and their deposit unearthed in a bathhouse in Hammat Gader[869] confirm the second proposition. So they were most likely multifunctional.

Similar vessels have been recorded at Kh. el-Mafjar[870]; at Caesarea they have been recovered from the layers ranging in date from the late 7th to the mid-9th centuries[871], at Tiberias a group of ten "grenades" has been recovered from the Late Abbasid context, dated ca. 880–980[872]. Exact parallels have come from Hirbat al-Minya[873] and Beth Shean[874]. At Ramla the earliest assemblage, in which "grenade"

[861] Smith, Day 1989: 117. Pl. 61.1–3, 9–10.
[862] Stacey 2004: 129. Fig. 5.39, 1–4.
[863] Arnon 2008a: 30–31, 41, 68–69, 141–145, 214–215.
[864] Arnon 2008a: 31.
[865] Ghouchani, Adle 1992: 78.
[866] Ettinghausen 1965: 218–229.
[867] Cytryn-Silverman 2010: 116.
[868] Brosh 1980: 115.
[869] Arnon 2008a: 31.
[870] Baramki 1944: Fig. 5, 1.
[871] Arnon 2008a: 31, 72, 39, 160–161. Types 516 and 824.
[872] Stacey 2004: 138–139.
[873] Blosh 2006: 28. Taf. 1, 3595.
[874] Ben-Arieh 1997: 380. Fig. 15, 14–19.

Fig. 85

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Area 2	Exterior: painting in black on the light slip. Fabric purplish-greenish-brown, friable, very coarse, with numerous dark brown, light and reddish inclusions
2	Drainage trench, western part	Exterior: painting in black on the white slip. Interior: runs of the white slip. Fabric red with reddish-grey core, very compact, with red inclusions
3	4/4/2-11. VI/4	Exterior of the handle: painting in purplish-black on the cream slip. Fabric light brown with small yellowish and larger brownish inclusions
4	3/6/3-11. VI/5	Painting in black on the thick beige slip. Fabric buff, compact, with small dark brown and reddish inclusions
5	3/3/1-11. VI/8	Exterior of the handle: incised zigzag. Fabric reddish-brown, friable, coarse, with numerous medium-sized light yellowish and small reddish-brown inclusions
6	4/5/4-11. VI/6	Exterior of the handle: painting in dark purple on the greenish-buff slip. Fabric reddish-brown, friable, coarse, with numerous small light and brown inclusions
7	Area 2, square 1, locus 2	Exterior: painting in black on the light slip. Fabric reddish-buff with grey core, friable, with brown and red inclusions

Fig. 86

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	2/3/1-11	Exterior: painting in dark brown on the thick beige slip. Fabric dark-greyish-buff, coarse, with small brown inclusions
2	3/4/2-11	Fabric red, coarse, with sand
3	6/1-12	Exterior: thoroughly smoothed, painting in brown on the light slip with slight greenish tint. Exterior: slightly burnished, traces of geometric painting in black on the greenish slip. Fabric light buff at the interior and darker at the exterior; innumerous small reddish-brown, light and buff inclusions
4	3/6/3-11	Fabric red, friable, coarse, with numerous small light, brown and red inclusions
5	2/3/1-11	Exterior: painting in dark brown on the thick beige slip. Interior: painting in light brown. Fabric light red with buff core, coarse, with small brownish inclusions
6	3/4/2-11	Fabric red with brown core, friable, very coarse, with sand, numerous brown inclusions
7	2/2/1-11	Exterior: painting in dark brown on the thick beige slip. Interior: painting in light brown. Fabric dark buff with greyish core, coarse, with small brownish inclusions

fragment has been found, is dated from the late 8th to early 9th century[875]; they have been also found in the layers of the 9th – 10th centuries[876].

So they were in use in the Umayyad and Abbasid periods[877] though Ghouchani and Adle prolong their usage up to 13th century[878]. Umayyad vessels have small button bases unlike the flat bases of the later ones[879].

Braziers

Two ceramic rings with partially preserved ceramic holders (Fig. 63, 1, 2) have been found in L13 (2013). Fabric buff, compact, well levigated. Braziers with similar rings hanging down from the loop handles were produced in the theatre workshop at Beth Shean[880]. It can't be excluded that some of the unidentified items with circular apertures (Fig. 59) actually belonged to this category of vessels. Date: Umayyad period.

Zoomorphic Vessels

Zoomorphic vessels known since ancient times were quite common at the sites of the Umayyad and early Abbasid time when they were produced at several production centres including Beth Shean[881]. They are cylindrical, at the rear part there is an aperture for pouring the liquids into the vessel, the fore-part usually represents either a ram head with spiraled horns or a donkey with long erect ears. The mouth served as a spout. The facial features were painted in white, black and ochre[882]. Such vessels were found in Kh.

[875] Cytryn-Silverman 2010: 116. Pl. 9.12:5.
[876] Arnon 2007: 69, 70. Fig. 14, 1–8; Kletter 2005: 76–77. Fig. 17, 2.
[877] Ettinghausen 1965: 224; Arnon 2007: 68.
[878] Ghouchani, Adle 1992: 72.
[879] Kletter 2005: 77.
[880] Bar-Nathan 2011: 332–334. Fig. 11. 65.
[881] Bar-Nathan 2011: 321.
[882] Brosh 1986: 68.

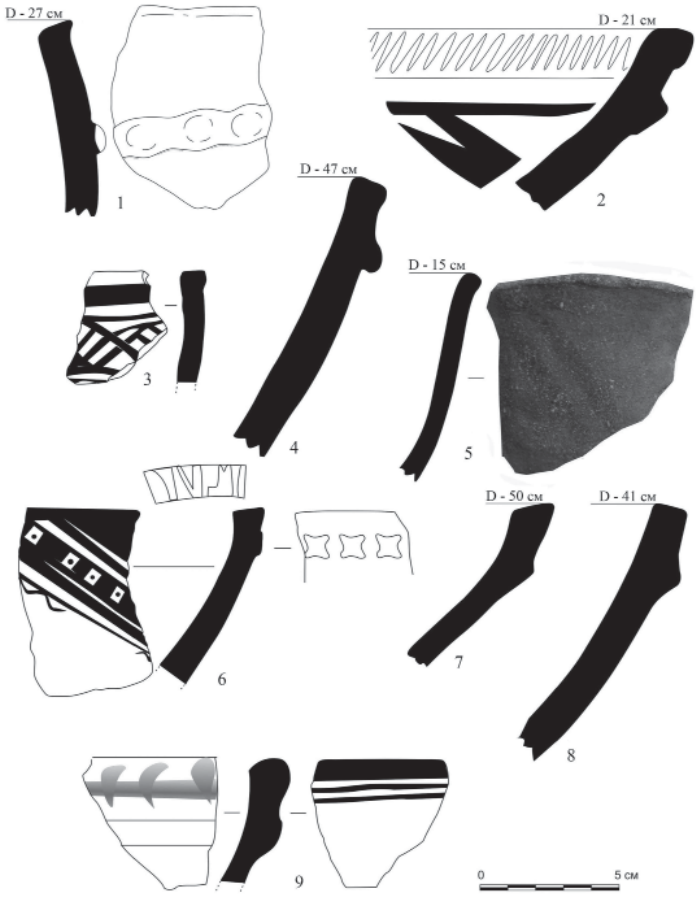

Fig. 87

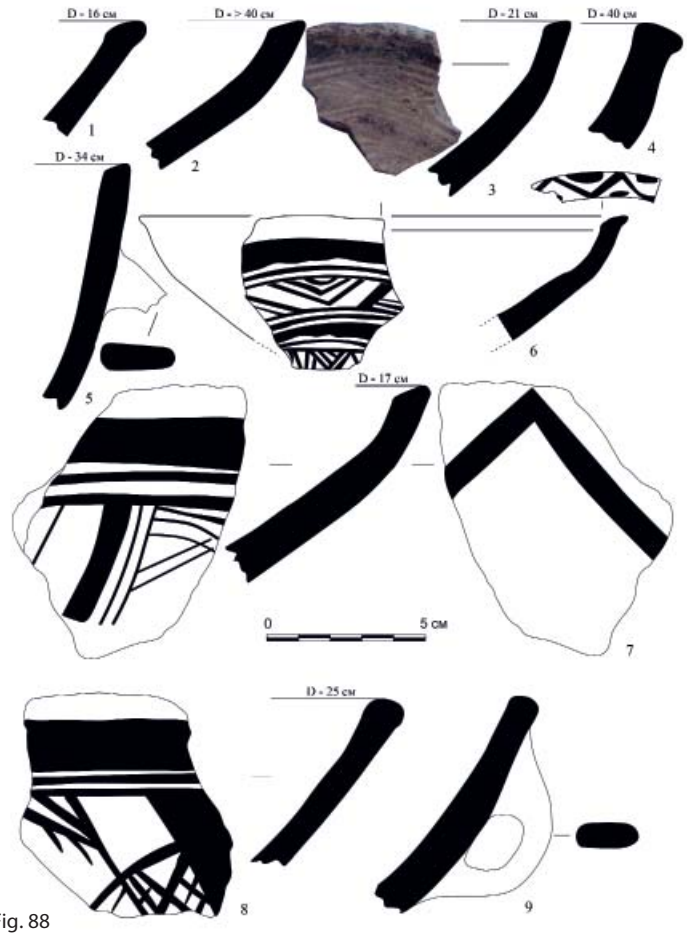

Fig. 88

el-Mafjar, Ramla, Beth Shean, Tiberias, Caesarea[883]. Due to the very fragmentary state of preservation (all the projected details and painting are missing) of the vessel depicted on Fig. 63, 4 it's difficult to define the represented animal and its more or less exact date (Byzantine or Umayyad period). Fabric is light yellow, hard, well levigated, with no visible inclusions. Contrary to the bulk of usually very roughly fashioned zoomorphic vessels the one representing a ram (Fig. 63, 5) is modeled very neatly, with thoroughly elaborated details. Eyes, ears, forelegs are fashioned separately; details are elaborated with thin incised lines. Fabric light with slight greenish tint, well levigated, with occasional small dark-brown inclusions.

Four-Legged Vessels

Fragment of a flat bottom on short cylindrical legs (Fig. 63, 6) is likely to have been a part of a footed bowl or a box standing on four legs. One of such footed vessels has been uncovered in Ramla[884]. Besides the fragment could present a part of a footed incense-burner.

KITCHEN WARE

This group consists of open and closed forms.

Open Cooking Ware

(Casseroles (Cooking Bowls)

Form 1 after Magness[885]*; Arnon-712 type*[886]

Open cooking bowls or casseroles from the presented assemblage have a deep hemispherical or in rare cases conical body covered with shallow ribbing, a slanting inwards or horizontal knife-cut edge and two horizontal slightly uplifted loop handles attached just below the rim (Fig. 64, 65). Such vessels were fashioned on the wheel together with a lid, as a closed vessel. When the vessel was leather-hard, the lid was partially cut from the body of the vessel; then both were fired together. Only after the vessel was sold its two parts were separated by a light blow[887]. In the refuse of the pottery workshop at H.'Uza

[883] Arnon 2007: 79–80. Fig. 18, 3–4.
[884] Arnon 2007: 40. Fig 1:12.
[885] Magness 1993: 211.
[886] Arnon 2008b: 31.
[887] Zevulun, Olenik 1978: 64–68; Avshalom-Gorni 2009: 37.

Fig. 87

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/1-12	Fabric buff, coarse, flaky, with small and large dark buff and small light inclusions
2	3/4/2-11	Interior: painting in dark brown on the thick beige slip. Fabric dark-pink, compact, coarse, with some small light and numerous large pink and brown inclusions
3	Area 2, square 1, locus 2	Interior: painting in black on the thick light slip. Fabric buff, coarse, with small red and light inclusions
4	3/6/4-11	Fabric light red, compact, with small red and light inclusions
5	4/7/4-11	Exterior: painting in dark brown on the thick beige slip. Fabric buff with dark brown core, coarse, with abundant small white inclusions
6	Heap of stones southwards area 2	Exterior is thoroughly smoothed; a band of X-shaped relief figures below the rim. Interior is slightly burnished and painted in dark red on the light red slip. Fabric compact, coarse, dark buff, with numerous dark, light and buff inclusions
7	3/4/2-11	Interior: painting in black. Fabric reddish-buff, compact, with numerous small reddish-brown and some small light inclusions
8	5/1-12	Exterior: thick light slip with greenish tint. Fabric light-purplish-red, coarse, with numerous small and medium-sized red and light inclusions
9	Accumulation of small stones	Both surfaces are slightly burnished and painted in black on the reddish-beige slip. Fabric coarse, friable, reddish-buff, with small light and brownish inclusions

Fig. 88

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/5/4-11	Interior: faint traces of painting in dark purple on the dark slip. Fabric greyish-buff, coarse, with small brown inclusions
2	5/1-12	Exterior: slight burnishing and light slip with traces of painting in brown. Fabric reddish-dark-brown with grey core, friable, coarse, with small dark brown, light and reddish inclusions
3	5/1-12	Exterior: slight burnishing and light yellow slip with painting in dark brown. Fabric pinkish-buff, friable, coarse, with large reddish and buff inclusions
4	3/3/1-11	Fabric reddish-yellow with black core, very coarse; numerous large reddish and dark inclusions
5	3/5/3-11	Fabric red, friable, coarse, with small red inclusions
6	Clearing of the surface of the excavations	Interior: slightly burnished and covered with light slip; painting in dark brown. Rim exterior: dark brown strip. Fabric greyish-buff, friable, with some brown inclusions.
7	3/4/2-11	Exterior: thick greenish slip with painting in dark brown. Interior: painting in dark purple on the thick beige slip. Fabric reddish-yellow with greenish-buff core, compact, coarse, with numerous small and large reddish and small light inclusions
8	2/3/1-12	Interior: slight burnishing and painting in dark purple on the beige slip. Fabric dark-brown, friable, coarse, with large brown and yellowish inclusions
9	5/1-12	Fabric yellowish-red with purplish-grey core, friable, coarse, with small dark and brown and reddish inclusions

there was a casserole sherd that remained stuck to its lid[888]. Judging by the absence of the carination on most casseroles from Jericho all of them were used for cooking and steaming. A few cooking bowls with a carination slightly below the rim (Fig. 64, 7–8) are considered to have been used for frying[889]. Fabric of all of them is red-brown, with dark, mainly reddish, and sometimes light grits.

Casseroles of this type had a long life — from the middle of the 4th century or even from the late 3rd century when they had a carinated body through to the 9th century[890]. D. Pringle writes that they were still being produced in the 12th and 13th centuries[891]. But a special popularity they took in in the second half of the 5th — first half of the 7th centuries[892]. Casseroles were very widespread: parallels have been found at Magen, Bethany and Shavei Zion[893]. G.M. Fitzgerald dates these vessels from Beth Shean to the

[888] Avshalom-Gorni 2009: 37. Fig. 2.31, 13.
[889] Zevulun, Olenik: 64; Avshalom-Gorni 2009: 37.
[890] McNicoll, Smith, abd Hennessy 1982: 144. pl. 143, 2; 147, 10; Alliata 1990: 451. Fig. 22–23; Magness 1993: 211; Arnon 2007: 71; Arnon 2008a: 31; Arnon 2008b: 93.
[891] Pringle 1984: 97.
[892] Avshalom-Gorni 2009: 39.
[893] Feig 1985: 37. Pl. 2, 10.

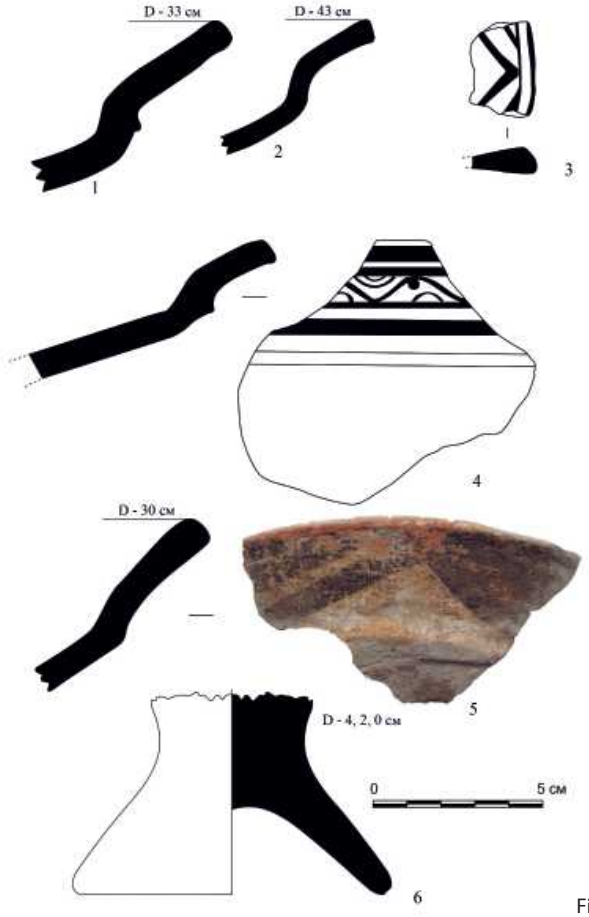

Fig. 89

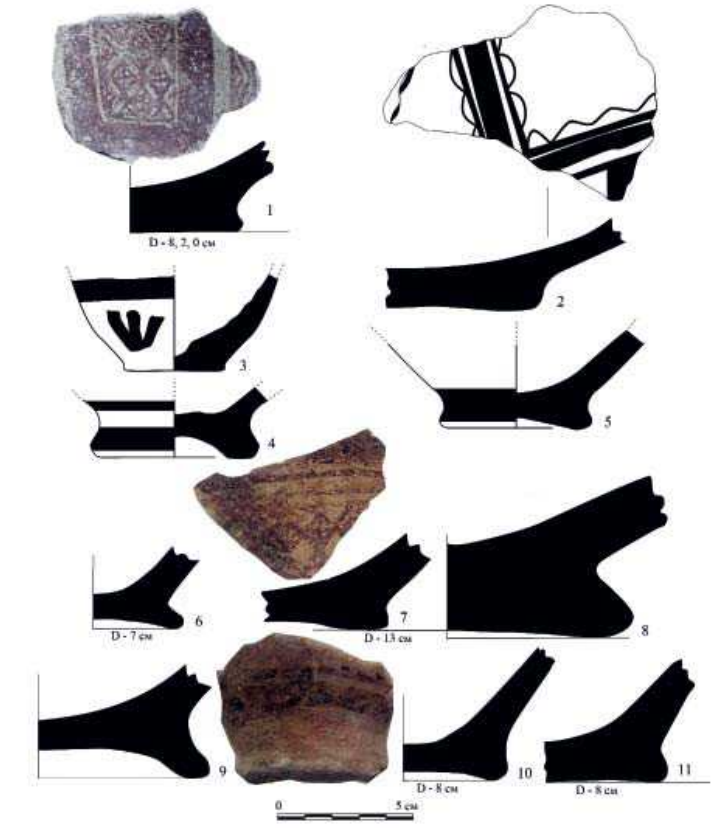

Fig. 90

5th – 6th centuries[894]; at Jalame they are dated to 383 onward[895]; Crowfoot assigned a small example from Jerusalem to the 6th – 7th centuries[896]. Similar fragments were also revealed in the 6th — early 7th century assemblage in Khirbat al-Mukhayyat[897], in the 7th century filling of a well in Anemurium (Rough Cilicia)[898], in the first half, mid-6th, 6th — first half of the 7th and mid-7th — mid-8th centuries layers at Caesarea Maritima[899], at Humeima in the closed corpus of the mid-7th century[900], in Jerusalem where they were in use from the late 3rd/early 4th centuries to the 8th – 9th centuries[901]. In the neighbouring Kh. el-Mafjar such cooking bowls are dated to the 8th and even later[902].

Though such casseroles were produced over a long time span and "it's difficult to establish an internal typology for them" some scholars attempt to distinguish features characteristic for different periods. For example J. Magness asserts that slightly uplifted handles are characteristic for their early variants; in the 7th century thick straight and horizontal handles appeared[903]. So in the regarded assemblage both variants are present. Yet the cited observations can reflect some local changes and peculiarities and can't be unquestionably used for dating of the fragments under question. So these vessels are of little chronological significance.

Form 2 after Magness

Several tubular 'wishbone' handles could belong to the casseroles of form 2 after Magness. They are the same as the previous ones for the exception of a single wishbone handle (or pan-handle) (Fig. 66, 1–5). Such handles are considered to be a uniquely Byzantine feature, not found in Early Islamic assemblages[904]. Yet these handles could equally belong to frying pans, which shape was the same as that of cas-

[894] Fitzgerald 1931: Pl. 31: 12.
[895] Johnson 1988: 637. Fig. 7–43: 636.
[896] Crowfoot, Fitzgerald 1927: Pl. 14, 26.
[897] Michel 1998: 91. Fig. 14, 55.
[898] Williams 1977: 180. Fig. 1, 11.
[899] Magness 1992a: Fig. 60, 1–3; 64, 6–9; Magness 1995a: Fig. 1, 5–9; Arnon 2008b: 93. Fig, 4, 10.
[900] 'Amr, Schick 2001: 112. Fig. 9, 24–25.
[901] Magness 1993: 212, casserole form 1, 12.
[902] Meyers, Kraabel and Strange 1976: 188–190.
[903] Magness 1993: 221; Magness 1995a: 134.
[904] Magness 1993: 221; Magness 1995a: 134; Yannai 2010: 126.

Fig. 89

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	8/2-13	Fabric yellowish-red, compact, with small brownish and reddish inclusions
2	6/1-12	Interior: painting in brown. Fabric red, brown at the exterior, coarse, with numerous brown, light and red inclusions
3	Area 2, square 1, locus 2	Interior: thick cream slip with painting in dark-red. Fabric buff, friable, coarse, with numerous small brown and some large light inclusions
4	Area 2, locus 5	Interior: burnishing and painting in black on the red slip. Fabric yellowish-red with buff-grey core, friable, with small dark and red inclusions
5	4/3-11	Exterior: thick cream slip with painting in dark-reddish-brown. Interior: thick cream slip. Fabric pinkish-buff at the exterior and yellowish-red at the interior, friable, coarse, with numerous small brown, reddish-brown and some large light inclusions
6	2/3/1-11	Fabric brown with dark brown core, friable, coarse, with dark brown inclusions

Fig. 90

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/1-12	Fabric greenish, friable, coarse, with small brown, light and light inclusions
2	2/3/1-11	Interior: painting in dark red on the thick yellowish slip. Fabric brown, compact, with some small brown inclusions
3	Heap of small stones	Exterior: painting in red. Fabric buff, well levigated, with some small light inclusions
4	Area 2, clearing of the surface of the old excavations	The surface is roughly smoothed. Painting in black. Fabric light red, with small brownish and grey inclusions
5	Area 2, locus 2	The surface is roughly smoothed. Painting in black. Fabric light red, with small brownish and grey inclusions. Traces of painting in black on the exterior. Fabric compact, red at the exterior and purplish-buff at the interior, with small partiles of chamotte
6	3/5/3-11	Fabric reddish-buff, friable, coarse, with numerous large buff and brown inclusions
7	4/-/3-11	Interior is slightly burnished and painted in dark brown on the light thick slip. Fabric buff, friable, coarse, with numerous dark buff inclusions of different sizes
8	4/-/3-11	Interior: painting in purple-black on the thick light slip. Fabric buff, friable, coarse, with numerous medium-sized brown inclusions
9	3/5/3-11	On the underside of the bottom there are traces of painting in dark (grid). On the interior traces of white covering and cloth print. Fabric reddish-buff, friable, coarse, with numerous brown and dark inclusions
10	3/6/4-11	Exterior: traces of painting in dark brown on the thick greenish slip. Fabric purplish-brown, friable, with numerous small dark brown and light inclusions
11	3/5/3-11	Fabric reddish-buff, friable, coarse, with numerous brown and light inclusions

seroles but not so deep. Analogies have come from the layers of the late 5th — 7th century in Caesarea, 6th – 7th century pit in Horbat ‘Aqav, 6th – 7th century pottery assemblages in Shiqmona[905]and En Gedi[906].

Form 3 after Magness

Serveral fragments are of the form 3 after J. Magness (Fig. 64, 3–4). These casseroles are deep and hemispherical, with incurved rim. The suggested date is late 7th / early 8th — 9th / 10th centuries[907].

Closed Cooking Pots

The site has yielded a great number of different types of cooking pots though many of them are represented by a single sherd.

The largest group in the assemblage of closed cooking pots is constituted by the vessels of form 4 after Magness dated to the 5th/6th to late 7th /early 8th centuries[908]. They are thin-walled, made of brittle red-brown ware and have massive handles. Shoulders and body are covered with thin ribbing. In the corpus all variants distinguished by J. Magness are present: variant A with a short neck, a rim that thickens towards the edge and the upper surface that is cut or has a groove (Fig. 67, 1–6), variant B with a hooked or beaked rim (Fig. 67, 7–14, 17, 21) and variant C with vertical short neck and hooked or triangular-sectioned rim (Fig. 67, 15, 18–20). The latter ones started to appear in the 6th century and continued into the

[905] Amir 2006: 152. Fig. 4: 4.
[906] Vincenz 2007: 248, 288. Pl. 18; 70, 14.
[907] Magness 1993: 214.
[908] Ibid.: 219.

8th century. Complete specimens of analogous vessels were found at En-Gedi[909]. Very close parallels to the pot with ridges on the lower part of the everted neck (Fig. 67, 14) have been found at En-Gedi and in Jerusalem where they are dated to the late 6th- 7th centuries[910].

Pots with a swollen neck and a thickened rim (Fig. 67, 16) are considered to have been the earliest type among the Byzantine cooking pots and are dated to the 3rd – 4th centuries[911].

Parallels to the pot with external flange on the rim (Fig. 68, 8) have come from Dibon where it was unearthed in the layer dated to slightly later than the mid-6th century[912], Khirbat el-Ni'ana and Jerusalem where they are assigned to the Byzantine period[913].

From the same layer (later than the mid-6th century) at Dibon fragments of pots analogous to our wide-mouthed cooking vessels with an out-turned rim and a gutter suitable for setting a lid (Fig. 68, 7) have come[914]. Fabric dark reddish-brown friable, with occasional tiny light inclusions. Very similar are also the vessels from the Byzantine layer at Horbat Biz'a (form 7 after P. Gendelman[915]), the 6th century layer at Ramat Hanadiv[916] and from the late 6th — early 7th centuries assemblage of Pella[917]. The form seems to have been long-lived and was in use from the second half of the 4th century[918].

Very close parallels to the neckless pots with global body and everted thickened rim with a groove on the exterior (Fig. 68, 1–4) have come from the excavations at Beth Shean where they are dated to the Byzantine/Early Islamic periods[919]. For example a pot with outward-folded rim (Fig. 68, 2) is closely paralleled by a vessel from Beth-Shean where it is dated to the Late Roman/Byzantine period[920]. At Barsinia (north Jordan) they were found in the layer of the Byzantine period[921] (light red coarse well-fired fabric, with slight ribbing on the exterior surface); parallels to this type were also found at Pella in the assemblages dated to the late 6th/early 7th centuries and to the first half of the 8th century[922]. Such pots are the most common type at Shiqmona where they come from the 6th – 7th century layer comprising 69% of the closed cooking-pot assemblage. It is also common in the 4th – 7th century complexes at many northern sites[923]. Jericho vessels have come from the Umayyad loci and that of the mid-6th — late 7th / early 8th centuries.

A fragment of a neckless pot with an everted rim with a deep cut below made of reddish-brown clay with tiny reddish-brown grits (Fig. 68, 5) looks like the fragment of a vessel found at Caesarea Maritima in the locus dated to the 6th — first half of the 7th centuries. J. Magness considers such pots to have been a characteristic northern Palestinian type dated to the 6th and 7th centuries[924]. Close to the said type seems to be a fragment of an everted pointed rim illustrated on Fig. 68, 6 made of red compact, well levigated ware with occasional tiny grayish inclusions. Similar pots have been uncovered in Beth Shean in the cistern with Byzantine filling[925] and in Siyagha in the layer of the late 6th century[926]. A pot with very similar wedge-shaped rim has been found in Khirbat Nakhil in the Umayyad layer[927].

Pots with ribbed globular body and outturned plain rim are well recorded at sites related to the Byzantine era[928]. Close parallels to ours illustrated on Fig. 69, 1–3 have been revealed at Pella in the 5th century layers, at Khirbet edh-Dharih (Southern Jordan) in the non-sealed strata dated to the 6th – 7th centuries[929], in the layer of the late 6th — mid-7th centuries in Caesarea Maritima[930], at Ramla in the locus of the 8th century[931]. Revealed pots are made correspondingly of red, finely levigated ware with tiny white grits (Fig. 69, 1) and of red friable ware with occasional mica particles and reddish grits (Fig. 69, 2–3). Parallel to the fragment shown on Fig. 67, 21 was extracted at Pella from the layer of the first quarter of the 6th century.

---

[909] Vincenz 2007: 269. Pl. 56, 1, 2, 4.
[910] Magness 1992b: Fig. 12, 10.
[911] Vincenz 2007: 281. Fig. 65, 6, 8.
[912] Tushingham 1972: Fig. 9, 20.
[913] Vincenz, Sion 2007: 24. Fig. 2, 9–10; Tushingham 1985: Fig. 30, 23; 32, 5.
[914] Ibid.: Fig. 9, 17–18.
[915] Gendelman 2012: 39. Fig. 3:11.
[916] Calderon 2000: 138. Pl. XXII:38.
[917] Walmsley 1982: Pl. 138, 5.
[918] Johnson 1988: 190–192. Figs. 7–36:548–551; 7–37:552–558.
[919] Johnson 2006: 547. Fig. 15. 11, 228.
[920] Ibid.: 538–539. Fig. 15, 6.
[921] Al-Shorman, El-Khouri 2013: 210. Br. 16.
[922] Walmsley 1982: 152. Pl. 138:6–9; 147, 15.
[923] Amir 2006: 153. Fig. 4: 9.
[924] Magness 1995a: 134, 140. Fig. 1, 14.
[925] Fitzgerald 1931: 37. Pl. XXXI, 3, 4.
[926] Alliata 1990: 460. Fig. 129.
[927] Kareem 1999: Fig. 8, 9.
[928] Arnon 2008b: 86.
[929] Waliszewski 2001: 97. Fig. 5, 7.
[930] Arnon 2008b: 89. Fig. 3, 6, 7.
[931] Arnon 2007: Fig. 7.

Cooking jars with plain upright neck and ribbed body analogous to those found in Jericho (Fig. 70, 1, 2) were recovered at Pella from the destruction layer of 600/620 — 659/60, and from the 747 earthquake debris. Two complete pots of this form found in the 747 layer have rounded omphalos bases[932]. At Dibon analogous pots have been unearthed in the layer dated to slightly later than the middle of the 6th century[933]. V. Tzaferis and P. Porat assign similar vessels from Kursi and neighbohoods of Beth Shean to the late 7th — early 8th centuries[934].

Very close parallel to the pot depicted on Fig. 70, 9 has come from the excavations at Beth Shean where it is dated to the Byzantine/Early Islamic periods[935].

Parallels for all the rest pots excavated on the lot have not been found in available literature (Fig. 70, 3–8, 10–13) but all of them have come from Late Byzantine / Umayyad loci.

Lids and Spouts

A few fragments seem to have belonged to casserole lids (Fig. 65, 1–4, 13–14). They had a raised knob handle, which sometimes has one or more steam holes. They appeared in the early Byzantine period and continued well into the 7th – 8th centuries[936].

One spout made of the same cooking pot ware (Fig. 45, 16) belonged to a cooking jug. Several vessels of this type have been found at En-Gedi and are dated to the 7th century. They have a squat ribbed body, a narrow neck with a strainer at the bottom, one handle and a flat base[937].

LAMPS

The set of lamps uncovered on the area is typical of the Syro-Palestinian region.

Candlestick (Slipper) Lamps (Type 28 after Hadad[938])

These lamps are biconical in cross-section and have a tongue-like handle, a large filling hole with two ridges around, of which the outer one extends onto the nozzle and around the wick-hole. The name "candlestick" lamp has been inspired by the raised lines on either side of the nozzle, though this motif is sometimes identified as a "palm-branch" or "palm-menorah". Sometimes instead of a candlestick there is a cross on the nozzle as on two fragments presented (Fig. 71, 12; 72, 2). Another name, "slipper" lamps, they received due to their oval pointed shape.

Candlestick lamps are common throughout Palestine in the Byzantine and Umayyad periods (the list of references is published by J. Magness[939]). Their concentration in the vicinity of Jerusalem permits J. Magness to suggest that this area was the centre for their manufacture[940] and most of them were *eulogia* of the Church of the Holy Sepulcher[941]. Yet this opinion is refuted by some other scholars who suppose that this type of lamps was manufactured at several centers[942]. Seventeen mold fragments found in Khirbat el-Ni'ana confirm the latter supposition[943].

Two types differing in size and date are usually distinguished among these very common Palestinian lamps. The earlier ones (so-called "Small Candlestick Lamps", Form 2 after J. Magness) dated back to the second half of the 4th — mid-6th centuries are oval in shape and have a low ring base. The relief pattern usually consists of radiating lines around the medium-sized filling hole and often a cross or a palm-branch on the nozzle. The filling hole and sometimes the wick-hole are enriched by a single raised ring. Some of them have a pellet instead of a handle[944].

All the lamps revealed on the area seem to belong to the later so-called "Large Candlestick Lamps" (Form 3 after J. Magness). They are larger and their nozzle is more elongated. The filling hole is surrounded with two ridges of which the outer one extends on to the nozzle. The base is usually a low single or double ring. J. Magness distinguishes three variants of these lamps on the basis of decoration. The first variant (variant A) has a pattern of radiating lines around the filling hole, which has inspired the term "large radiated lamps". Variant B has patterns other than radiating lines around the filling hole and at last the third one (variant C) carries a Greek inscription in relief letters around the filling hole that has inspired the term "inscribed lamps".

[932] Watson P. 1992: 235. Fig. 2, 17, 19; 3, 20–21.
[933] Tushingham 1972: Fig. 9, 1–11.
[934] Tzaferis 1983: 33, Fig. 6:7, Pl. XIII:5; Porat 2006: 185. Fig. 5, 7–8.
[935] Johnson 2006: 547. Fig. 15. 11, 219.
[936] Vincenz, Sion 2007: 25.
[937] Vincenz 2007: 272. Pl. 58, 6.
[938] Hadad 2002: 66. Nos. 287–198.
[939] Magness 1993: 173–177.
[940] Magness 1996: 39.
[941] Magness 1996.
[942] Costa da 2010: 78.
[943] Sussman 2007: 67. Fig. 8.
[944] Magness 1993: 250–251.

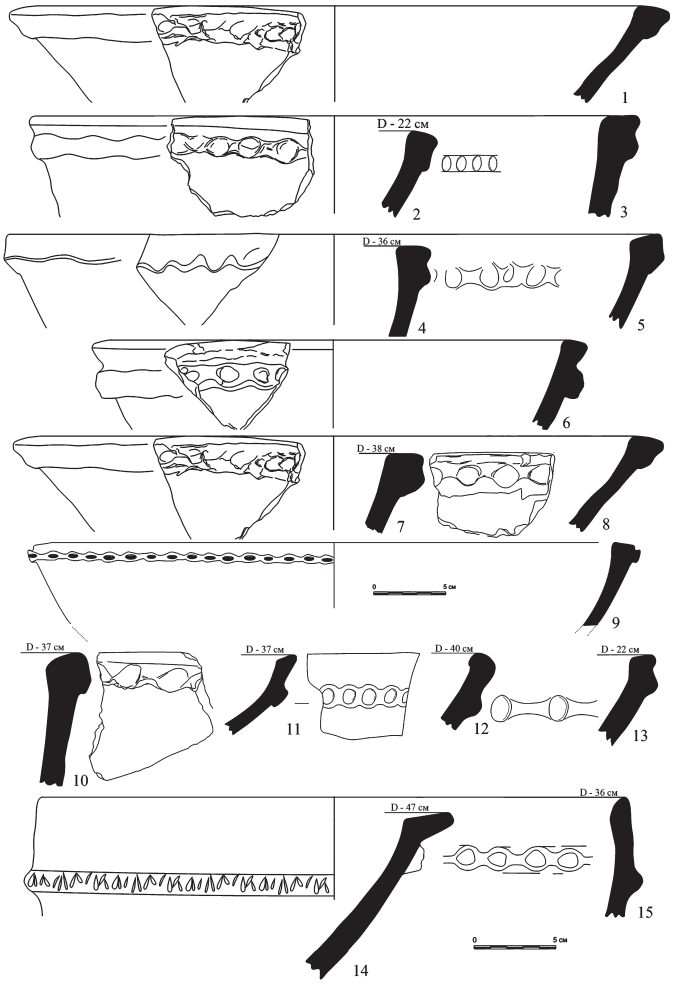

Fig. 91

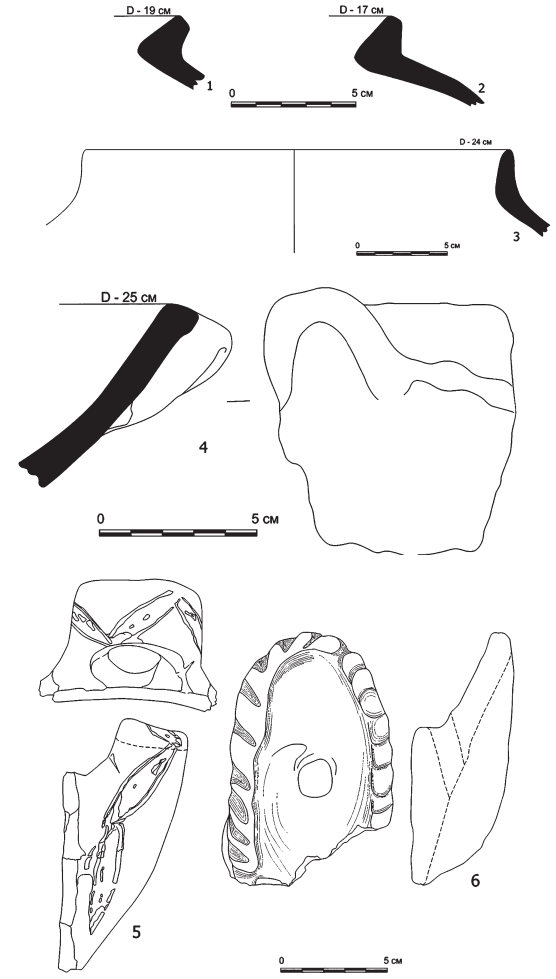

Fig. 92

Fig. 93

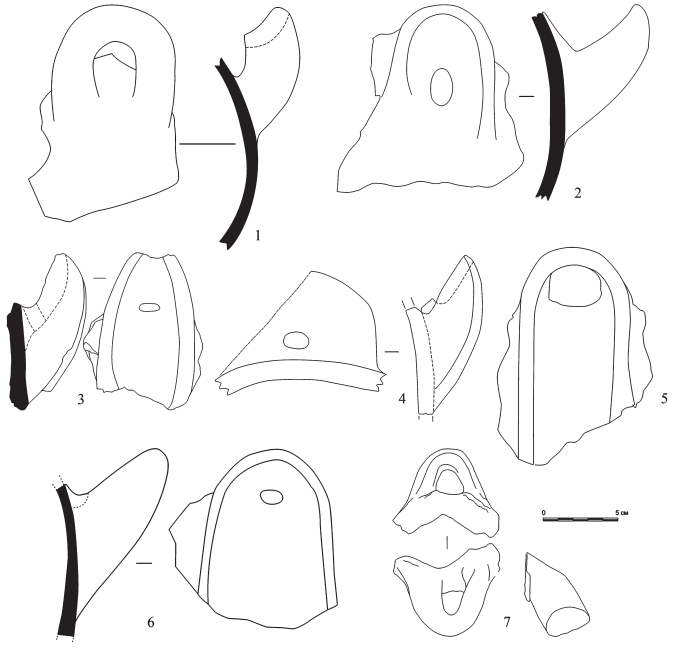

Fig. 94

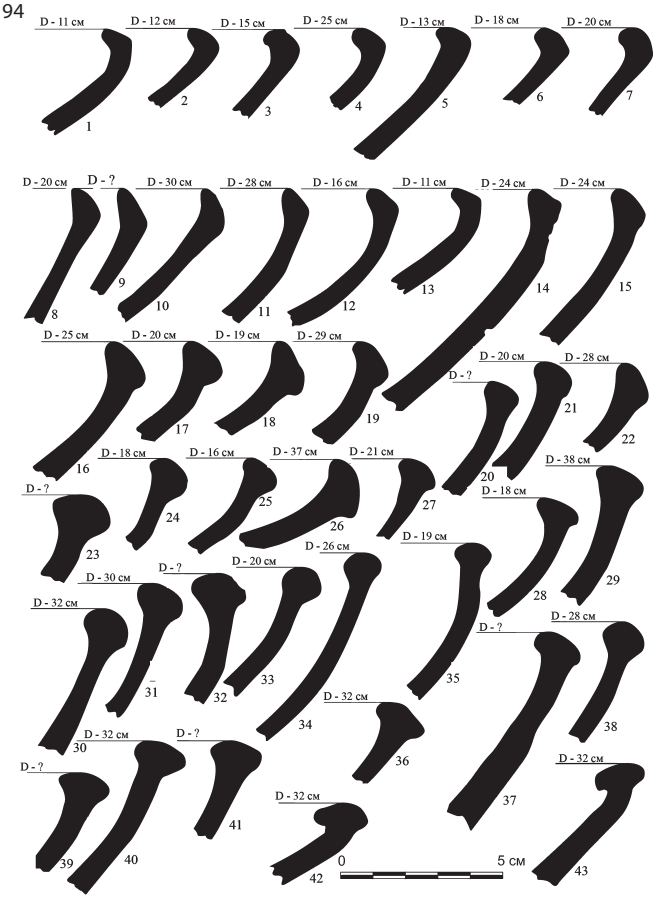

Fig. 91

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	5/1-12	Fabric yellowish-red with yellow core, coarse, with large reddish inclusions
2	2/2/1-11	Fabric dark brown, coarse, with small and large dark and light inclusions
3	5/1-12	Fabric overfired, dark brown, coarse, with numerous large brown inclusions
4	2/2/1-11	Fabric reddish-yellow, very coarse, with small and large brown and yellow inclusions
5	1/3/2-11	Fabric reddish-buff with abundance of brown and of dark buff inclusions
6	4/5/4-11	Fabric buff, coarse, friable, with numerous large brownish inclusions
7	6/1-12	Fabric buff with greyish core, compact, with small and large brown inclusions
8	5/1-12	Fabric yellowish-red, compact, coarse, with small dark and large red, brown and medium-sized light inclusions
9	Large dump	Fabric buff, compact, well levigated, with tiny light and small brownish inclusions
10	6/1-12	Fabric yellowish-pink with greyish-buff core and small brownish and dark inclusions. Surface: buff
11	2/4/1-11	Fragment of an open vessel with horizontally cut edge. The exterior is decorated with frilled – finger-impressed rib. The interior is painted in red (horizontal lines). Fabric coarse, dark grey, with abundance of dark and light inclusions.
12	4/4/2-11	Fabric light red, very coarse, with abundance of light and reddish inclusions
13	3/5/3-11	Fabric light red, very coarse, with reddish and light inclusions
14	4/-/3-11	Fabric reddish-yellow with greyish-brown core, very coarse, with numerous small and large yellowish, small brown and some light inclusions
15	2/2/1-11	Fabric reddish-yellow with light brown core, very coarse, with medium-sized yellowish inclusions

Fig. 92

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/1-12	Fabric red with black core, friable, coarse, with small light and dark inclusions
2	5/1-12	Both surfaces are slightly burnished. Interior surface is reddish-brown. On the exterior there are traces of being in fire. Fabric yellowish-brown, friable, with small light and brown inclusions
3	3/3/1-11	Fabric red at the interior, light brown at the exterior and with greyish-buff core, coarse, friable, with sand
4	2/3/1-11	Fabric reddish-yellow with greenish-buff core, coarse, friable, with smack brown inclusions
5	4/-/3-11	Exterior: incised ornament made in the natural clay. Fabric red with dark brown core, friable, coarse, with small light and brown inclusions
6	3/6/3-11	Fabric red, friable, coarse, with numerous light, reddish and brown inclusions

Fig. 93

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	1/-/3-11	Fabric greyish-dark-brown, friable, with tiny light and larger brown inclusions
2	3/5/3-11	Fabric red with buff core, friable, coarse, with numerous small light, brownish and reddish inclusions
3	2/4/1-11	Fabric coarse dark-dark reddish-brown ware with numerous tiny light and black grits and quartz particles.
4	5/4-12	The body interior is slightly burnished. Fabric brown at the interior and red at the exterior, coarse, friable, with sand (?)
5	4/4/3-11	Fabric red, friable, with sand and reddish inclusions
6	Drainage trench, northern part	Fabric greyish- brown, friable, with tiny light and larger brown and reddish inclusions
7	6/5-12	The surface is thoroughly burnished. Fabric dark red, compact, well levigated, with numerous small light and some larger reddish inclusions

Fig. 94

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/5/4-11	Open vessel. Interior and upper rim surface: dirty yellow glaze applied on thick light slip. Exterior: runs od slip and glaze. Fabric red with greyish-buff core, friable, with small dark and red inclusions
2	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with some spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric pink, compact, with some small light and brownish inclusions
3	3/3/2-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Glaze is partially flaked out. Fabric pinkish, compact, well levigated, with some small reddish inclusions
4	6/5-12	Open vessel. Interior and rim: green spotted glaze applied on light slip. Exterior: light slip and runs of glaze. Fabric buff, compact, well levigated, with tiny dark inclusions
5	3/4/2-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with some small light reddish inclusions
6	4/4/2-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with numerous spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of yellow glaze. Fabric light buff, compact, with small buff inclusions
7	2/4/1-11	Open vessel. Interior and rim exterior: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
8	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze, darker on the upper rim surface, applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with some small brown inclusions
9	4/-/1-11	Open vessel. Interior: green glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
10	3/2/1-11	Open vessel. Interior and rim exterior: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
11	3/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric pink, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
12	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze with broad patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
13	4/5/4-11	Interior and rim: dirty yellow glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of slip and glaze. Fabric red with dirty-greyish-buff core, friable, with small dark reddish inclusions
14	4/-/4-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
15	4/-/3-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric pinkish, compact, well levigated, with no visible inclusions
16	4/4/ 2-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of yellow glaze. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
17	5/1-12	Open vessel. Interior: dark yellow dirty glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip; on the upper rim surface the glaze is dark brown due to the thickness of the layer. Exterior: dark brownish-green glaze of dirty tint. Fabric dark brown, with some tiny light and dark brown inclusions. The vessel is hardly burnt
18	3/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip; on the upper rim surface there is a glaze accumulation. Fabric yellow, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
19	2/2/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small reddish inclusions
20	2/2/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Glaze is partially lost. Exterior of the upper body: light slip. Fabric light red, compact, well levigated, with no visible inclusions
21	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: dark yellow glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of the same glaze. Fabric greyish-buff at the interior and almost black at the exterior, friable, with some small brownish inclusions
22	2/4/1-11	Open vessel. Green glaze applied on thick light slip on both sides. Fabric pink, compact, well levigated, with no visible inclusions
23	3/4/3-11	Open vessel. Interior: green glaze applied on thick light slip. Exterior: green glaze applied partially directly on clay and partially on runs of slip. Fabric buff with grey core, compact, well levigated, with no visible inclusions

24	3/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric light biff, compact, well levigated, with some small dark buff and light inclusions
25	5/1-12	Open vessel. Interior: dark-dark-yellow glaze with vertical patches of undissolved pigment. Exterior: the same, yellow, glaze with runs of green glaze. On both sides the glaze is applied on thick light slip. Glaze is partially lost. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small light and reddish inclusions
26	2/4/1-11	Open vessel. Yellow glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip (glaze is partially flaked out). Fabric pink, compact, well levigated, with some tiny light and larger dark inclusions
27	2/4/1-11	Open vessel. Green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. On the upper surface of the rim glaze turned dark green due to the thickness of the layer. Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
28	2/3/1-11	Interior and rim: yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of glaze. Fabric pink, compact, well levigated with some small dark pink inclusions
29	2/2/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of yellow glaze and light slip. Fabric light yellow with pink core, compact, well levigated, with no visible inclusions
30	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. On the upper surface of the rin the glaze is dark brown due to the thickness of the layer. Exterior: patches of glaze. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
31	3/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
32	2/4/1-11	Open vessel. Green glaze applied on thick light slip on both sides (the glaze is partially lost). Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
33	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze, dark green on the upper surface of the rim, applied on thick light slip. Fabric pink, compact, well levigated, with some small reddish and light inclusions
34	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of glaze. Fabric pink, compact, well levigated, with some small dark pink inclusions
35	4/-/4-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
36	2/4/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of green and yellow glaze and slip. Fabric pink, compact, well levigated, with some small dark inclusions
37	2/4/1-11	Open vessel. Interior and rim: dark green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
38	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on light slip. On the upper surface of the rim the glaze is dark green. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with some small dark inclusions
39	2/4/1-11	Open vessel. Green glossy glaze applied on light slip. On the rim are glaze accumulation and drops. Fabric buff, compact, with some small buff inclusions
40	2/2/1-11	Open vessel. Interior: green glaze applied on thick light slip. The outer surface of the rim is covered with yellow glaze. Exterior: a run of yellow glaze with green patches. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small white inclusions
41	2/2/1-11	Open vessel. Interior: green glaze applied on thick light slip. Rim: dark-dark-green. On the upper part of the body exterior: light green glaze with patches of undissolved pigment applied on light slip. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
42	8/2-13	Open vessel. Green glaze with spots of undissolved pigment applied on light slip on both sides. On the upper surface of the rim the glaze turns dark-dark-green due to the thickness of layer. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small brown inclusions
43	6/1-12	Open vessel. Interior and rim: traces of green glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric pinkish-buff, compact, with some small buff inclusions

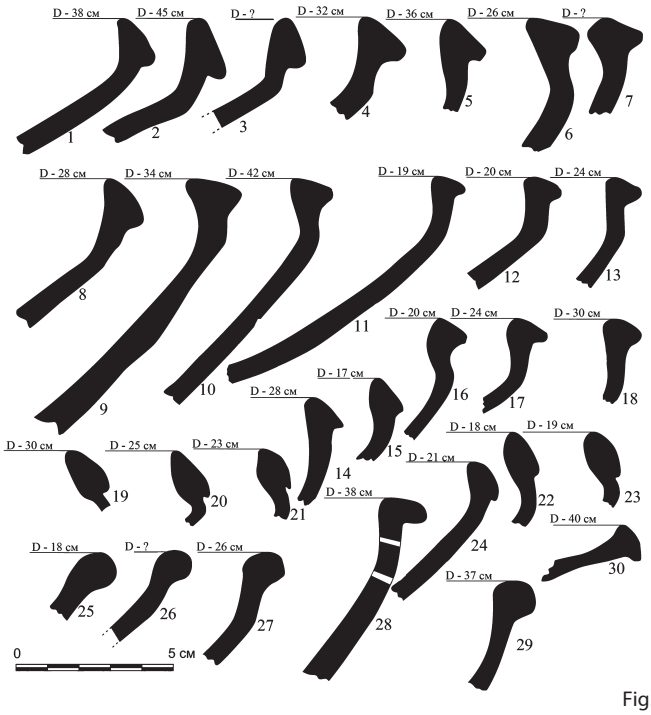

Fig. 95

Magness dates Large Candlestick Lamps to the mid-6th — late 7th/early 8th centuries[945]. Sh. Hadad on the basis of analysis of all the dated finds from different sites assigned their use to the period from the 5th century till the end of the Umayyad period[946] but he does not distinguish small and large variants of these lamps.

Among the candlestick lamps presented here most are of variant A after J. Magness with radiating lines around the filling hole (Fig. 71, 5–11, 14–16; 72, 2), several are of variant B with relief wave around the filling hole (Fig. 71, 4) and — of variant C with inscriptions (Fig. 71, 13; 72, 3, 4; 73, 8). The latter ones, with Greek or Arabic inscriptions, are considered later than the lamps of the first two variants[947]. The reading of inscriptions is very difficult because of the deterioration of the Greek script in Palestine during the Byzantine period, employment of ligatures and reversal letters[948]. Of four main formulae that appear in the inscriptions on the lamps regarded the commonest one reading "ΦWC ΧΡΙCΤΟΥ ΦΕΝΙ ΠΑCΙ-ΝΙ" (*pheni* instead of *phainei*) ("the light of Christ shines for all") is presented on the completely preserved lamp (Fig. 72, 4; 74, 2) of our assemblage. It should be noted that lamps with Greek inscriptions were in use during the Islamic period as well for the Greek remained an official language until 696 when 'Abd al-Malik initiated a reform in which the Kufic script replaced the traditional Greek one[949].

Fig. 95

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/-/3-11	Open vessel. Interior and rim: glossy green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. On the upper surface of the rim there is accumulation of glaze with drops. Exterior: runs of green and yellow glaze. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
2	2/4/1-11	Open vessel. Yellow glossy glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Fabric light buff, compact, with small buff inclusions
3	Heap of small stones southwards area 2	Interior: traces of yellow glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on thick light slip. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small brownish-red inclusions
4	6/1-12	Open vessel. Interior and rim: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of glaze. On the upper surface of rim the glaze is black due to the thickness of layer. Glaze is partially lost. Fabric greyish-buff, compact, with some small brownish inclusions
5	6/1-12	Open vessel. Interior and rim: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. The glaze is partially lost. Exterior: thick light slip. Fabric pink, compact, well levigated, with some pinkish inclusions
6	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. On the upper surface of the rim there are drops of glaze. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some tiny buff inclusions
7	3/5/3-11	Open vessel. Interior: dark yellow glaze applied on thick light slip on both sides. Exterior: yellow glaze applied on thick light slip. On the upper surface of the rim the glaze turned dark brown due to the thickness of the layer; there some drops of glaze. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with small brown inclusions
8	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. On the upper surface of the rim glaze turned dark green due to the thickness of the layer. Exterior: broad runs of green glaze. Fabric pink, compact, well levigated, with rare small buff inclusions
9	6/1-12	Open vessel. Interior: green glaze applied on thick light slip. On the upper surface of the rim glaze turned black due to the thickness of the layer. Exterior: runs of green and yellow glaze above thick light slip that covers the upper body. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
10	4/7/5-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: the glaze is completely lost. Fabric pink, compact, well levigated, with rare small light inclusions

[945] Magness 1993: 251–255; Sussman 2007: 65.
[946] Hadad 2002: 68.
[947] Sussman 2007: 65
[948] Magness 1996: 39–40.
[949] Arnon 2008b: P. 97.

11	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with rare small light and reddish inclusions
12	2/5/--11	Open vessel. Interior: yellow glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: the surface is thoroughly smoothed. Fabric pink, compact, well levigated, with some small buff inclusions
13	6/1-12	Open vessel. Interior: yellow glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. The upper surface of the rim and on the exterior are covered with yellowish-green glaze with runs of dirty green and yellow galze. Fabric pink, compact, well levigated, with some small dark pink and light inclusions
14	3/2/1-11	Open vessel. Interior and the upper part of the exterior: green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. On the exterior the glaze is partially lost. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
15	3/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with vertical patches and spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of yellow glaze. Fabric pink, compact, well levigated, with innumerous small dark buff inclusions
16	3/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with numerous spots and vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Exterior: runs of yellow glaze. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
17	2/2/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with dirty tint and with spots of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Fabric light red, compact, well levigated, with some small light brown inclusions
18	5/1-12	Open vessel. Interior and rim: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Exterior: runs of green glaze. The rim is covered with thick light slip. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
19	3/2/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Glaze is partially lost. Exterior: runs of green glaze. Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with some small light inclusions
20	4/4/2-11	Open vessel. Green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Fabric buff, compact, well levigated, with tiny dark inclusions
21	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with runs of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small reddish inclusions
22	3/3/1-115	Open vessel. Interior and upper surface of rim: yellow glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
23	3/4/2-11. IX/6	Open vessel. Interior and upper surface of rim: glossy yellow glaze applied on thick light slip on both sides. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
24	2/3/1-11	Open vessel. Interior and rim: yellow glaze with numerous spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: a band of white thick slip. Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with some small reddish inclusions
25	3/4/2-11	Open vessel. Interior: yellowish-green glaze applied on thick light slip on both sides. On the upper surface of the rim glaze turned dark green due to the thickness of the layer. Exterior: the same glaze applied directly on clay. Fabric light red, compact, well levigated, with small light and reddish inclusions
26	Heap of small stones southwards area	Interior: green glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of glaze. On the upper surface of rim the glaze is much darker due to the thickness of layer. Exterior: runs od glaze. Fabric buff, compact, well levigated,with some small greyish inclusions
27	2/4/1-11	Open vessel. Interior and rim: green glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. The glaze is partially lost. Fabric pink at the exterior and buff at the interior, compact, well levigated, with no visible inclusions
28	5/1-12	Open vessel. Traces of repair; two pierced holes. Interior and rim: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze of dirty tint. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
29	2/4/1-11	Open vessel. Interior and rim: dark yellow glaze with numerous vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with some small reddish-brown inclusions

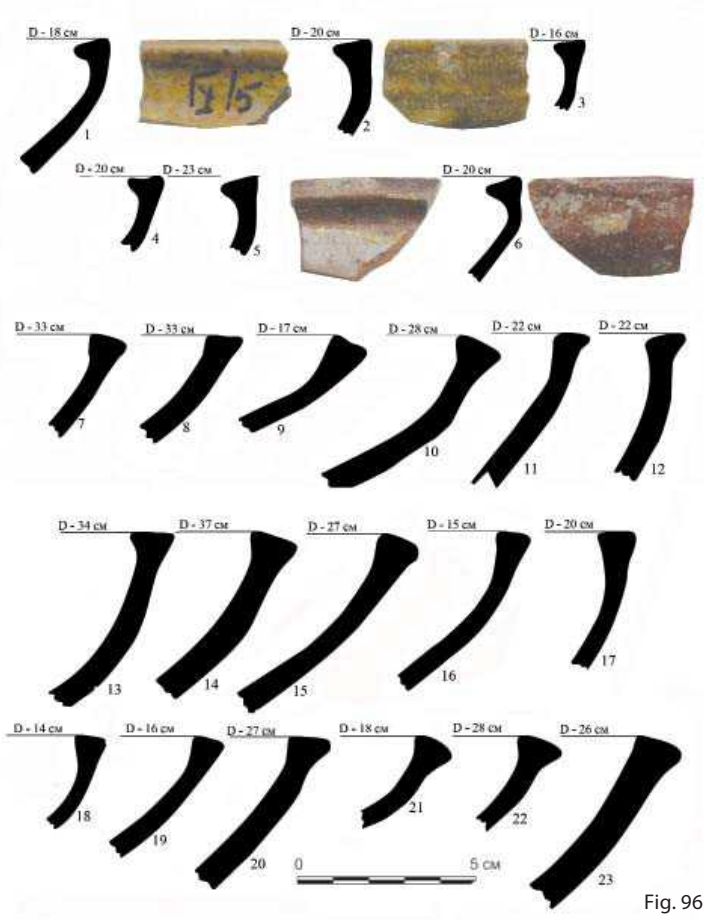

Fig. 96

Lamps with Ovolo Decoration

Fragment of a lamp with a band of ovolo decoration around the filling hole and on the shoulder (Fig. 71, 1; 73, 10) is paralleled by the lamp from the stratum dated to the 6th – 7th centuries at Pella[950], from the 6th century tomb at Jerash and a lamp with analogous decoration found in the chamber of the 5th – 6th centuries at Khirbat Yajuz cemetery in Jordan[951]. They continued to be used during the Umayyad period[952].

'Muslim lamps'

A small fragment of a lamp with conical knob handle (Not figured) can be assigned to the so called 'Muslim lamps' typical of the end of the Byzantine and Early Arab periods[953].

Shoe-shaped Lamps

A high lamp of the shoe-shaped type has a circular reservoir, a wide short neck, a flat wide-flanged rim, a short pointed nozzle and remains of a handle that extended from below the rim to the shoulder (Fig. 72, 1; 74, 3). It is wheel-made, a nozzle and a handle were attached by hand afterwards. These lamps, equally used in Jewish and Christian sites, are usually restricted to the southern region and seem to be scarce in the centre and are completely absent in the north of the country[954]. Parallels have come from Samaria, En-Gedi[955], Horbat Rimmon[956], Ma'on where they are restricted to the end of the Byzantine period[957]; at Luzit a lamp of this type have been found in the burials assigned to the 5th – 8th centuries[958]. Date: 6th – 7th centuries[959]. Any evidence that the type continued into the Umayyad period is absent[960].

"Samaritan" lamps
(Type 32 after Sh. Hadad[961])

A herring-bone pattern flanking the channel between the filling and wick holes is similar to the decoration of the so called "Samaritan" lamps (Fig. 73, 11). Judging by the straight edge of the filling hole it was horseshoe-shaped. "Samaritan" lamps were wide spread in Syria-Palestinian region (the extensive list of references is given by Hadad[962]). To Hadad's opinion these lamps apparently appeared in the late 6th century but became more common in the Umayyad period[963].

Mamluk Pottery

All the pottery of the Mamluk period was found scattered without any architectural and archaeological context in the layers that covered the building remains of the Late Byzantine/Umayyad period. We can't be sure that there were no any dwellings or some other buildings on the excavated area. It can't be excluded that the building remains were demolished in the course of excavations conducted here in the 19th century. But it seems to be more possible that after the earthquake of the 8th century the site was abandoned for several centuries and the new structures appeared somewhere in the vicinity of the lot that was used as a rubbish dump. The pottery assemblage includes vessels associated with sugar production, plain pottery, handmade and glazed ceramics.

Vessels Associated with Sugar Production

A large group of vessels are surely associated with sugar production. In the 12th – 15th centuries, i.e. in the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods sugar cane was one of the most important crops in

[950] Smith 1973: Pl. 44, № 1329, 218.
[951] Khalil 2001: 128. Fig. 3:4.
[952] Zayadine 1986: VI, 2, 3, 16.
[953] Avni, Dahari: 307. Fig. 6, 3, 4, 6.
[954] Sussman 2004: 107; Rosenthal-Heginbottom 1988: 94.
[955] Vincenz 2007: 266, 296. Pl. 52, 1–7; 77, 8. Fig. 122.
[956] Sussman 2004: Fig. 5.
[957] Crowfoot 1957: Fig. 89: 10; Rahmani 1961: 80. Fig. 5:9–10.
[958] Avni, Dahari: 307. Fig. 6, 7.
[959] Sussman 2004: 107; Avni, Dahari: 307.
[960] Rosenthal-Heginbottom 1988: 80.
[961] Hadad 2002: 74.
[962] Ibid.: 74, 78.
[963] Ibid.: 78. Nos. 320–336.

Fig. 96

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/5-12	Open vessel. Interior: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. On the upper surface of the exterior there are runs of glaze and a band of light slip. Fabric red, compact, well levigated, with rare small reddish inclusions
2	3/5/3-11	Interior: green glaze applied on thick light slip. Rim is covered with the same glaze applied directly on clay. Exterior; runs od glaze. Fabric red with brown core, with small light and reddish inclusions
3	3/5/3-11	Interior: yellow glaze with olive tint applied on thick light slip. Rim is covered with the same glaze but applied directly on clay. Fabric red, friable. with small light and reddish inclusion**s**
4	8/2-13	Yellow glaze with spots of undissolved pigment on both sides. It's difficult to understand whether the glaze was applied directly on clay or on slip. Fabric overfired to dark-greyish-brown, compact, well levigated, with innumerous small brown inclusions
5	5/1-12	Interior and upper surface of the rim: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip that covers the poorly prepared surface. On the upper surface of rim the glaze turns dark green due to the thickness of layer. Exterior: thick light slip and runs of glaze. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with rare small light and more numerous reddish inclusions
6	3/5/3-11	I nterior: yellow glaze applied on thick light slip. On the rim and on the exterior the glaze is applied on directly on clay, sometimes on the patches of white slip. Fabric red, with small light and reddish inclusions
7	2/4/1-11	Interior and rim: yellow glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of slip. On the upper surface of the rim the glaze turns dark yellow due to the thickness of layer. Fabric buff at the exterior and light red at the interior, compact, well levigated, with no visible inclusions
8	6/1-12	Interior and rim: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of glaze. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with rare small buff inclusions
9	6/1-12	Interior, rim and exterior of upper body: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. On the upper surface of rim the glaze turns black due to the thickness of the layer. Below the band of glaze on the exterior there is a patch of slip. Fabric red, compact, with small reddish and dark inclusions
10	6/1-12	Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. On the upper surface of the rim the glaze turns dark green due to the thickness of the layer. Fabric brown with red core, compact, well levigated, with rare small brownish inclusions
11	5/1-12	Interior and upper surface of the rim: green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip that covers the poorly prepared surface. Exterior: thick light slip and runs of glaze. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with small buff inclusions
12	3/5/3-11	Interior and rim: dark yellow glaze applied on thick light slip. Fabric dark-greyish-brown, compact, well levigated, with no visible inclusions
13	6/1-12	Interior: green partially lost glaze applied on thick light slip. On the upper surface of the rim the glaze turns dark green due to the thickness of the layer. Fabric reddish-buff with light red core, compact, well levigated, with tiny light and brownish inclusions
14	5/1-12	Two pieced holes. Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. On the upper surface of the rim the glaze turns dark green due to the thickness of the layer. Exterior: thick light slip. Fabric buff with yellowish-red core, compact, with tiny reddish and brownish and rare larger light inclusions
15	2/3/1-11	Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. On the upper surface of the rim the glaze turns dark green due to the thickness of the layer. Exterior: runs of green glaze. Fabric reddish-yellow, at the exterior – light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
16	3/4/2-11	Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
17	2/3/1-11	Interior and rim: green glaze applied on thick light slip. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with rare small light and reddish inclusions
18	4/1/1-11	Traces of green glaze on both sides. Fabric pink, compact, well levigated, with no visible inclusions
19	3/3/1-11	Interior and rim: green glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with some small light and reddish inclusions
20	4/3/--11	Interior and rim: green glaze with patches of undissolved pigment applied on thick light slip. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with rare small brownish inclusions
21	4/3/--11	Interior and rim: green glaze, dark green on the upper surface of the rim, applied on thick light slip. Exterior: runs of green glaze. Fabric reddish-buff, compact, with rare small light inclusions
22	8/2-13	Interior and rim: green almost completely lost glaze applied on thick light slip. Fabric pink, compact, well levigated, with no visible inclusions
23	3/3/1-11	Interior and rim: yellow glaze applied on thick light slip. Exterior: runs of greenish and yellow glaze. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with rare small light inclusions

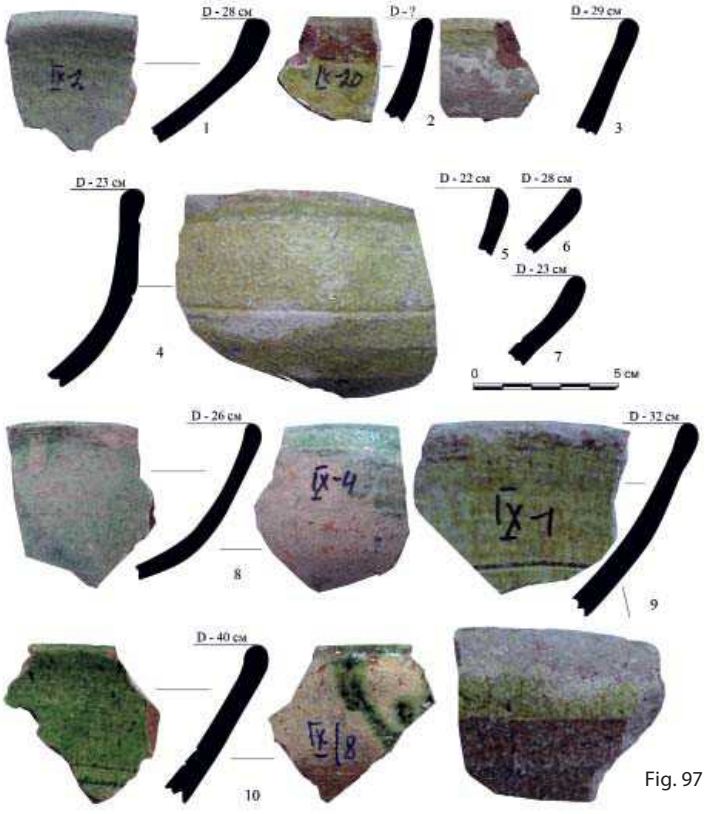

Fig. 97

Palestine. But to date no sugar production site dated prior to the Crusader period has been found in the region. During the Crusaders the small-scale sugar production developed into a commercial industry that manufactured sugar of a high quality that was exported in large quantities by the Latin Kingdom to Europe. According to the archeological finds the first sugar production sites appeared along the Mediterranean coast later expanding inland to the Jordan Valley. After the fall of the kingdom, sugar continued to be produced not only in the Acre area but along the Jordan Valley too[964], where sugar mills appear to have been under Damascus administration. Only at the end of the Mamluk Period the sugar producing industry declined and sugar ceased to be manufactured.

Most indicative feature of the sugar production sites are the ceramic sugar vessels used in the process of sugar production: sugar pots and molasses (syrup) jars. Sugar pots are crude thick-walled conical vessels with thickened rims of various forms and narrow base with a single hole in it. They were used for crystallization of sugar and were known in Arabic sources as "*abloug*, pl. *abaleeg*". This industrial vessel was used only once: in the last phase of production when the boiled liquid was poured into these pots that were placed on top of molasse jars where the molasses drained into. The latter ones represented bag-shaped containers without handles used for the storage and transportation of molasses. They taper to the mouth usually 10,5–14,0 cm in diameter, are thickly potted, often with ridges on the exterior that seem to be the result of coil construction[965]. Many of these pots broke during the removal of the crystallised sugar but the surviving ones could be reused for some other purposes. A large number of such broken vessels were found in the well preserved industrial installation for manufacturing sugar at Tawaheen es-Sukkar in Jericho[966] that had a large scale sugar production in the Crusader, Ayyubid and Mamluk periods. Yaqut al-Hamawi (1179–1229), Islamic scholar, biographer and geographer renowned for his encyclopedic writings on the Muslim world described Jericho in 1225 AD as a city famous for sugar cane and dates where the best quality sugar was manufactured[967].

The excavations on the lot have produced a great number of fragments of both vessels: sugar pots and molasses jars (Fig. 75–77). Both are characterized by hard red or buff fabric. Yet it should be mentioned that only the upper bodies of sugar pots have survived and it's impossible to understand whether they had a pointed bottom with a hole in the tip and then can be identified as sugar pots or their bottom was flat and they were ordinary basins (Fig. 77). Yet numerous analogies in combination with numerous fragments of molasse jars found at the site allow thinking than at least most of them can be identified as sugar pots. Among molasses jars, always with omphalos bottom, several variants differing from each other by the rim form can be distinguished. The most numerous are vessels with massive rolled rim (Fig. 75, 1–5). All the rest are represented either by several fragments or even by a single sherd (Fig. 75, 6–17; 76). It should be stressed that analogous diversity of rim forms are typical for all the sugar manufacturing sites. The petrographic analysis of some specimens of sugar pots found at different sugar production sites showed that mills were supplied with vessels from more than one kiln or clay source[968].

The presence in the assemblage of both vessels used in the process of sugar production testifies that somewhere in the vicinity there was some well-watered industrial area with sugar production. Yet Milwright points to the finds of sugar pots and syrup jars on sites not associated with sugar production that in his opinion indicates that sugar and syrup could be transported at least for short distances[969].

One more detail. On the plot several places of concentration of fragments of sugar pots have been revealed: locus 1 on the squares 5 and 6 (2012) where 29 fragments have been found, locus 3, layer 4,

[964] Stern 1999.
[965] Milwright 2008: 159.
[966] Taha 2009: 187.
[967] Ibid.: 181.
[968] Milwright 2008: 357–358, 361.
[969] Ibid.: 161.

Fig. 97

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/3/--11	Interior: greenish-yellow glaze applied on light slip; for the exception of a strip below the rim and its upper surface where the glaze is applied directly on clay. Exterior: a band of olive-yellow glaze applied directly on clay on the upper body. Fabric red, compact, with small reddish inclusions
2	2/3/1-11	Interior and rim: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip for the exception of a strip below the rim and its upper surface where the glaze is applied directly on clay. Exterior: traces of light slip and glaze patches. Fabric dark red, very compact, with small reddish inclusions
3	6/1-12	Interior and upper part of the exterior: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: below the band covered with glaze light slip is applied. Fabric reddish-brown, compact, with small brownish and tiny light inclusions
4	6/5-12	Yellow glaze with green spots of undissolved pigment applied on thick light slip on both sides. On the upper surface of the rim the glaze turns dark-greenish-yellow due to the thickness of the layer. Fabric yellowish-red, with some large light and small reddish inclusions
5	3/5/3-11	Interior: yellow glaze applied mostly directly on clay though there are some patches of light slip. Fabric red with brown core, with small brownish inclusions
6	3/5/3-11	Interior: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on light slip. On the interior along the rim there is a strip covered with glaze applied directly on clay. Exterior: glaze applied directly on clay. Fabric brownish-red with brown core, with innumerous small light and brownish inclusions
7	4/3/--11	Interior and upper part of exterior are covered with olive-yellow glaze with faint vertical stripes of poorly dissolved pigment applied on thick light slip. On the rest of body the same glaze is applied directly on clay. Interior is decorated with thin and thick incised lines. Fabric red, friable, with small reddish inclusions
8	4/5/4-11	Interior and rim: light green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Exterior: runs of glaze. On the interior at the mid-height there are two incised horizontal thin lines. Fabric dark brown with dark red core, compact, well levigated, with rare small light and brownish inclusions
9	4/4/2-11	Interior: green glaze with spots of undissolved pigment applied on thick light slip. On the exterior there is a strip of green glaze applied on a broader strip of light slip. Fabric dark brown, with rare small light and brownish inclusions
10	6/5-12	Yellow glaze with greenish spots of undissolved pigment applied on light slip on both sides. On the upper surface of the rim the glaze turns dark-greenish-yellow due to the thickness of the layer. Fabric yellowish-red, with rare large light and small reddish inclusions

square 4 with 3 fragments, locus 1, layer 3, square 2 with 2 ones, locus 2, square 4 — with 5. All the rest have been found in the rare loci where they were represented by single fragments.

Plain Pottery

The unglazed wheelthrown sherds are separated into the following categories: 1) basins; 2) jars and jugs (medium storage vessels); 3) bowls and 4) miscellaneous items.

Of note is the complete absence of fragments of large storage vessels in the assemblage. It can be explained either by the character of the excavated site situated far from domestic territories or by the high cost of such jars, which construction and firing required special knowledge and skill[970]. Besides some scholars consider them to be an indicator of intense economic activity for their finds are often concentrated along the trade routes, in the location of annual markets[971].

Almost complete absence of kitchen ware is also of interest but unexplainable.

Basins

To this category large open vessels other than sugar pots are assigned. From the latter ones they distinguish with more shallow or more massive body; some of them have some decoration that is not typical of the industrial vessels. For most of them no parallels have been found (Fig. 78).

Jars and Jugs

This category of vessels was used for the storage and serving the water and other drinks.

Jerusalem Ridged Neck Jars

These vessels with a pear-shaped body, flaring neck, two small handles and a small omphalos base were one of the most commonplace Mamluk jar forms. They are ubiquitous in Jerusalem and were probably manufactured in or around Jerusalem in the late 13th and 14th centuries. The earliest specimens of this form have a buff fabric, but become darker over time[972]. In the assemblage 4 fragments of such vessels have been revealed (Fig. 79, 1–3).

[970] Milwright 2008: 156.
[971] Brown 1991: 407–415; Milwright 2008: 156–157.
[972] Boas 2006a: 83, 85. Fig. 8; Dolinka 2012: 10. Fig. 3, 8; 4, 8.

Fig. 98

Wheel-made Flasks without Decoration

Two fragments of flasks with globular body, biconical neck with ridges on the upper part and two flattened handles attached to the neck base have been found in the Locus 2 (layer 4, square 4 — 2011) (Fig. 79, 8). Fabric light red, compact, with tiny yellowish inclusions and small voids. The way of their shaping is very curious. First the globular body was fashioned on the wheel (on the interior there is a well pronounced transverse ribbing), then a hole was vented and at last a separately shaped neck was attached. It is the typical Mamluk-period flask dated to the 13th – 14th centuries[973]. Similar vessels were found at Yoqne'am, Jerusalem, Bethany, al-Qubaiba, and Abu Ghosh[974], Har Hozevim[975], Akko[976], Khirbat Burin[977], H. Uza[978]. The drawing of the vessel from Khirbat Burin shows that it was fashioned in the same way as the flask from Jericho.

Stamped Jugs

The so called stamped water jugs are represented by three neck fragments (Fig. 79, 4–6). The bases of two necks are decorated with a band of round stamps with grill-pattern; the base of the third one bears a band of impressed oblique lines consisted of small circles. Fabric of all jugs is buff.

These jugs are widespread in the Islamic world and are produced even today[979]. Usually they have a globular or slightly ovoid body, a long neck, a single handle extended from the rim or mid-neck to the shoulder, a long spout and a flat or low ring base. Similar jug neck-fragments have come from Khirbat Burin[980], Yoqne'am, Jerusalem, Abu Ghosh, al-Qubaiba and Nazareth[981], Khirbat Ka'kul[982], Khirbat el-Ni'ana[983], Horbat 'Aqav[984], En-Gedi[985] and so on. Avissar and Stern confine them to the 13th century[986]. The frequency of finds in the Jerusalem area points to this region as the likely source of production[987].

Jugs with Pin-Pricked and Incised Decoration (Fig. 80, 1–3)

These thin-walled jars and more widely spread jugs with a high wide neck, often with a strainer are dated to the 13th – 15th centuries and occur in great quantities in the south of Bilad al-Sham though their distribution pattern was much wider[988]. The pin-prick floral and vegetal patterns serve a background for the incised decorations. Their manufacture is suggested in several workshops[989].

Relief-Moulded Unglazed Ware

This category is represented with three body sherds. Two of them belonged to thin-walled stamped jugs decorated with a band of vegetable ornament that was usually placed on the shoulder of the vessel (Fig. 80, 6–7). Type II.4.5.1 after Avissar and Stern who date these vessels to the 12th-14th centuries and mark their uncommonness in Israel[990]. Remains of 14th-century workshop with molds

[973] Kletter, Stern 2006: 185; Stern, Tatcher 2009: 135.
[974] Avissar 1996: 169–170. Type 31. Fig. XIII.157.
[975] Kletter, Boas 2002: 197–198. Fig. 22:12.
[976] Stern 1997: 39–40. Fig. 4:18.
[977] Kletter, Stern 2006: Fig. 15, 4.
[978] Stern, Tatcher 2009: 134–135. Fig. 3.21: 12–13.
[979] Vincenz, Sion 2007: 44.
[980] Kletter, Stern 2006: 185. Fig. 15, 9.
[981] Avissar 1996: 167–168. Type 26. Fig. XIII.152; Khalaily, Avissar 2008: Fig. 16, 7–9.
[982] Boas 2006a: 86. Fig. 9.
[983] Vincenz, Sion 2007: 44. Fig. 12:31–33.
[984] Boas 2000: 216, Pl. III:9. Fig. 1.
[985] Vincenz 2007: 261. Pl. 38, 8.
[986] Avissar, Stern 2005: 110.
[987] Boas 2006a: 86. Fig. 9.
[988] Avissar, Stern 2005 : 111; Milwright 2008: 168 Tushingham 1985: Fig. 43:1–8; Vincenz 2007: 38:1–8; 39; Vincenz, Sion 2007: 41. Fig. 11, 39.
[989] Avissar, Stern 2005: 111.
[990] Avissar, Stern 2005: 117. Fig. 49, 1–2.

Fig. 98

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	6/1-12	On both sides green glaze applied on thick light slip; on the upper surface of the rim and in the deepenings the glaze turns darker. On the exterior relief mold ornament. Fabric pink, compact, well levigated, with rare small reddish inclusions
2	5/1-12	On both sides green glaze with rare spots of undissolved pigment applied on thick light slip; on the upper surface of the rim and below it on the interior the glaze turns dark green. On the exterior relief mold ornament. Fabric greyish buff, compact, well levigated, with rare small buff inclusions
3	3/3/1-11	Interior and rim: green glaze applied on thick light slip; on the upper surface of the rim and in the deepenings the glaze turns darker. On the exterior relief mold ornament. Fabric pinkish-yellow, compact, well levigated, with rare small light and yellowish inclusions
4	2/4/1-11	On both sides green glaze applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with innumerous small greyish inclusions
5	2/4/1-11	On both sides yellow glaze with vertical patches of undissolved pigment applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with rare small brownish inclusions
6	3/2/1-11	On both sides yellow glaze with numerous spots of undissolved pigment applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
7	4/-/3-11	On both sides light green glaze applied on thick light slip; on the upper surface of the rim there are drops of glaze. On the exterior relief mold ornament. Fabric pink, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
8	3/4/2-11	On both sides green glaze applied on thick light slip; on the upper surface of the rim the glaze turns darker due to the thickness of the layer. On the exterior relief mold ornament. Fabric yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions
9	4/2/2-11	On both sides green glaze applied on thick light slip; on the upper surface of the rim the glaze turns darker due to the thickness of layer. On the exterior relief mold ornament. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
10	3/3/1-11	On both sides green glaze applied on thick light slip; in the deepenings there are accumulations of glaze. On the exterior relief mold ornament. Fabric light yellow, compact, well levigated, with innumerous small dark buff inclusions
11	6/1-12	On both sides dark yellow glaze with spots and runs of poorly dissolved pigment applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric purplish-white, compact, well levigated, with some small light inclusions
12	4/2/2-11	On both sides green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on thick light slip; on the interior the glaze is a little bit lighter. On the exterior relief mold ornament. Fabric dark brown, compact, well levigated, with rare small dark brown inclusions
13	2/4/1-11	On both sides green glaze applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
14	2/2//1-11	Interior: glossy green glaze applied on thick light slip. Exterior: glaze of lighter green color also applied on light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric buff, compact, well levigated, with innumerous small dark inclusions
15	2/4/1-11	On both sides light green glaze applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
16	2/2/1-11	On both sides dark brown glaze applied directly on clay. On the exterior relief mold ornament. Fabric reddish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
17	3/2/1-11	On both sides green glaze applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
18	2/2/1-11	On both sides green glaze with patches od undissolved pigment applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric red, compact, well levigated, with rare small reddish inclusions
19	4/2/2-11	On both sides glossy green glaze applied on thick light slip. On the exterior relief mold ornament. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
20	6/5-12	On both sides dark brown glaze applied directly on badly prepared surface. On the exterior relief mold ornament. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions

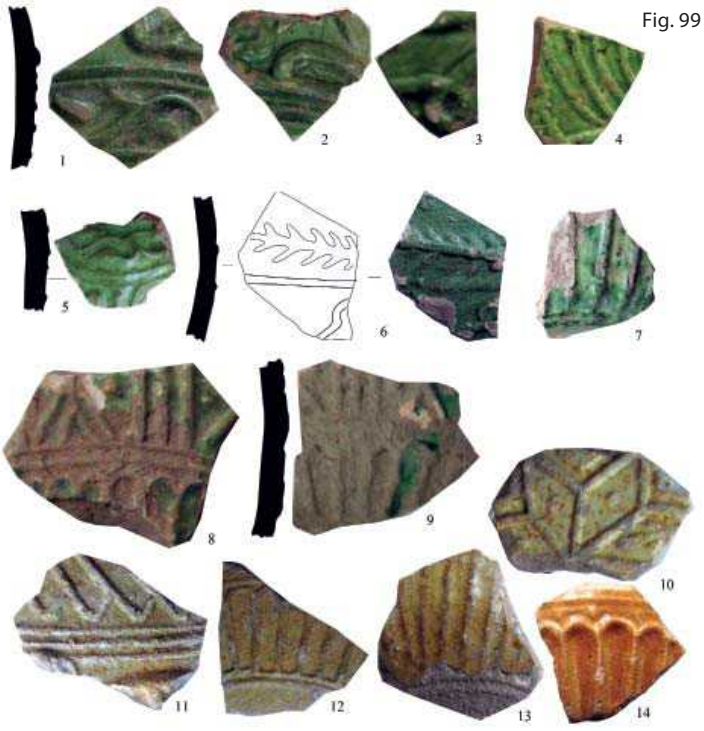

Fig. 99

were unearthed in Damascus[991]. The third fragment from Jericho assemblage belonged to a canteen adorned with ornament consisting of triradiate relief figures (Fig. 80, 4). Analogous vessels are well known from the sites in Israel, Jordan, Lebanon and Syria, and are dated to the 13th –14th centuries[992].

Flasks with Elaborate Mold-made Decoration

This group is represented by the only fragment of a thick-walled flask with a flat body and a broad flat shoulder dated to the 13th – 14th centuries (Fig. 80, 5). This ware occurs on the territory of Israel rather rarely and is likely to have come from Syria: in Damascus a kiln site that has produced a large number of these flasks adorned with elaborate designs was uncovered[993].

Spouted Jugs

Spouted jugs, very popular in the Mamluk period, are represented by several spouts (Fig. 81). Very common were simple spouted jugs with a narrow bulging neck and everted rim. Yet any fragments of such vessels have not been revealed in the assemblage.

Jugs with a Strainer

Two slightly flaring necks with a strainer at their base also belonged to jugs (Fig. 79, 7, 9). In the East such vessels appeared in the 7th century though became common only in the second half of the 8th century when they became very popular and well distributed from Syria in the North, through Transjordan, Palestine and Egypt in the South[994].

Wide-necked Jugs

Two fragments with triangular-sectioned hooked rim, flaring walls decorated with a triangular-sectioned rib (Fig. 81, 6, 7) most likely belonged to a wide-necked jug. Both have come from the Mamluk loci but no parallels have been found.

Incense Burners

In one of the Mamluk loci (6/1–12) a fragment of a vessel that supposedly can be identified as a lantern or an incense-burner 'used for burning aromatic in a secular context'[995]. Preserved is a part of a double-walled hollow band that encircled the circular receptacle (Fig. 79, 10). The outer wall is fenestrated (excised triangles); to its exterior a rhomboid-sectioned handle is applied. Regrettably to reconstruct the complete shape of the vessel is impossible.

Lamps

Relief-molded Slipper (Duck-Shaped) Lamps (Type 45 after Sh. Hadad[996])

Almond-shaped lamps with a small spur-shaped handle are represented with three fragments (Fig. 80, 11–13). Such lamps were made by pressing two flat sections of clay into decorated molds and are generally distinguished by very delicate linear relief abstract ornament and small filling hole without a surrounding ridge[997]. In Bilād al-Shām they appear in significant numbers in the contexts of the mid-13th century and were in use up to the late 14th century and perhaps later[998]. These lamps were widely distributed but seem to have been more popular in the southern part of the country[999]. Judging by the different fabrics and a great number of finds they were rather cheap and seem to have been produced by itinerant craftsmen[1000]. One of the workshops has been discovered at Nebi Samwil, not far from Jerusalem where molds and lamps of this type were discovered[1001].

---

[991] Milwright 2008: 171–173.
[992] Kletter, Stern 2006: 187. Fig. 17, 1–2.
[993] Avissar, Stern 2005: 117.
[994] Arnon 2007: 52. Fig. 7–9.
[995] Le Maguer 2011: 174.
[996] Hadad 2002: 112. Nos. 482–489.
[997] Avissar, Stern 2005: 126. Fig. 53, 2–4; Milwright 2008: 174.
[998] Hadad 2002: 112; Avissar and Stern 2005: 128; Boas 2006a: 95. Fig. 19; Sussman 2007: 70. Fig. 9; Pringle 1984: Fig. 5:9; Pringle 1986: 145. Fig. 47; Tushingham 1985: 147, 151. Fig. 34, 41; 37, 6, 13; 38, 14, 17; 43, 17; 45, 1, 3.
[999] Sussman 2007: 70.
[1000] Milwright 2008: 175.
[1001] Hadad 2002: 112.

Fig. 99

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/2/1-11	Relief mold ornament on the exterior. Green glaze applied on light slip on both sides. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	4/1-2/ 2-11	Relief mold ornament on the exterior. Green glaze applied on light slip on both sides. Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny brownish inclusions
3	3/3/2-11	Relief mold ornament on the exterior. Green glaze applied on light slip on both sides. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
4	2/2/--11	Exterior: mold relief ornament. Green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Fabric light buff, compact, with some tiny light and brownish inclusions
5	3/2/1-11	Relief mold ornament on the exterior. Green glaze applied on light slip on both sides. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	6/1-12	Relief mold ornament on the exterior. Green glaze applied on light slip on both sides. The surface before applying of the glaze was poorly prepared. Fabric light with greyish-pink tint, compact, well levigated, with some small dark buff inclusions
7	2/2/1-11	Relief mold ornament on the exterior. Yellow glaze applied on light slip on the interior. Exterior is covered with green glaze with patches of undissolved pigment also applied on light slip. The glaze on both sides is partially lost. Fabric pinkish, compact, well levigated, with small pink inclusions
8	3/3/1-11	Relief mold ornament covered with green glaze applied on light slip. Fabric pink with greyish core, compact, well levigated, with some small buff inclusions
9	2/3/1-11	Relief mold ornament with traces of green glaze applied on light slip on the exterior. Fabric pink with greyish core, compact, well levigated, with some small buff inclusions
10	2/3/1-11	Relief mold ornament on the exterior. Yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on light slip on both sides. Fabric light buff, compact, well levigated, with rare small buff inclusions
11	4/7/4-11	Relief mold ornament under dirty olive glaze applied on light slip on the exterior. Interior: the same glaze applied directly on clay. Fabric light with purplish tint, very compact, well levigated, with some small dark inclusions
12	6/1-12	Relief mold ornament on the exterior. Yellow glaze applied directly on the poorly prepared surface. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
13	2/3/1-11	Relief mold ornament on the exterior. Dark yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on light slip on both sides. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with small brownish inclusions
14	Area 4	Exterior: mold relief ornament. Yellow glossy glaze with spots and patches of poorly dissolved pigment applied on thick light slip on both sides. Fabric pink, compact, with some tiny light and brownish inclusions

HANDMADE WARES

The widespread adoption of handmade pottery over much of the Near East is considered to have been one of the most important changes of the Middle Islamic period. It apparently appeared in the Levant during the 11th century[1002]. Archaeological research at sites such as Gharandal and Aqaba in southern Jordan have suggested that handmade vessels, either unpainted or with simple slip painting, were produced there also in the 11th and the early 12th century. Later it spread to rural areas as far as southern Anatolia and was very popular in the 12th – 14th centuries[1003]. It continued to be produced into the Ottoman period till recent times: it was made in rural areas of Jordan and Palestine at least until the end of the 19th century, and a few villages in the north of Jordan were still making attractive handmade pottery until the early 1980s. As the survey of the handmade pottery found in the Karak region has shown it is very difficult to distinguish the Middle Islamic sherds from the later ones though the quality of handmade pottery with painted decoration seems to have decreased after the 14th century[1004].

The pottery of this kind is very simple in shape and is likely to have been very cheap for it required little or no specialized equipment and didn't require and special qualification. It seems to have been made by village women for domestic use. So it is more common at rural than at urban sites where it seems to have appeared only in the later 13th century[1005]. For example on the rural sites of Jordan south of the Wadi

[1002] Stern, Stacey 2000: 175; Stern, Tatcher 2009: 129.
[1003] Milwright 2008: 152; Kletter, Stern 2006: 175, 180.
[1004] Milwright — http://www.vkrp.org/studies/archaeological/pottery-islamic-period/; Blosh 2006: 46; Pringle 1984: 95; Walmsley, Grey 2001: 153.
[1005] Pringle 1985: 176; Blosh 2006: 46; Kletter, Stern 2006: 180; Milwright 2008: 149.

Fig. 100

Zarqa such wares comprise 75–100% of the total ceramic assemblage[1006]. Yet the homogeneous decoration and the forms of some vessels lead to a conclusion that at least high-quality painted handmade wares were an industrial production traded over a large area[1007].

The vessels are usually thick-walled. The closed ones were formed on a sack that sometimes left a cloth impression on the inner part of the vessel[1008]. The ceramic paste of the vessels revealed at the lot varies greatly though most examples are poorly fired and characterized by poorly levigated, very coarse fabric containing a variety of organic inclusions, especially straw, which, after firing, leaves hollows. Small stones are also not a rare occurrence in the clay.

Some vessels are likely to have been fired in an open fire that resulted in variations of color inside the core of a sherd and uneven surface coloration.

Occurred are both open and closed vessels though the form of most vessels represented by body sherds can be rarely reconstructed. The whole group can be subdivided into two subgroups: undecorated and geometrically painted, which forms and fabric often coincide. As a rule, vessels with geometric designs painted in colored slip paints attract more attention.

Painted Wares

The surface of painted vessels is burnished, often white-cream-slipped before being painted. Fragments of handmade painted vessels revealed on the area demonstrate different quality of painting execution and can be roughly subdivided into two large groups: those decorated with simple geometric roughly painted designs and those with elaborate geometric designs in one or several colors over a pinkish slip. Fabric of the vessels of the first group varies from beige to dark brown in color, usually friable, with different grits. The second group is characterized by careful preparation of paste, accurate shaping, burnishing and overall slip, fine painting and relatively even firing most probably in a kiln.

The simple designs are reported at sites of Jordan in the 11th / early 12th centuries, while the complex ones began to occur in the contexts dating to the second half of the 12th century and from the 13th through to the early part of the 15th century became a commonplace in Israel, Southern Syria and Transjordan[1009]. Yet it should be noted that carelessly and simply painted vessels were in use through the whole period of manufacturing of the handmade pottery[1010].

Complex painting includes lozenges, scrolls, spirals, dot-and-net patterns, feathered triangles and so on in different combinations (Fig. 82). Designs are monochrome (black, purple) and bichrome (red and black) though the color of dark paints is likely to depend on the density of paint application and conditions of firing. The most characteristic painting involves several bands filled with geometric designs paralleled by vessels of the 13th – 14th centuries found at Karak[1011].

Most uncovered fragments are too small to reconstruct the complete form, yet some of them undoubtedly belonged to table jugs including the spouted ones (Fig. 83; 85). Of special attention is a completely preserved single handle jug found in locus 5 (Fig. 84). It has a tall swollen neck with horizontally cut edge and a globular body. To the spherical-sectioned convex bottom a solid base with concave underside is attached. The handle is rectangular in section. The vessel is richly painted in dark-purplish-brown on light background. The linear and geometric painted designs (spirals, zigzags, network and so on) cover not only the exterior surface of the jug but also the underside of the base (network), the outer and inner sides of the handle and partially the neck interior. The painting on the underside of the base sometimes is interpreted as a maker's mark and "signature"[1012]. Fabric light, with greenish tint and dark-beige and brown tiny grits. Close parallels to our vessel are well represented at the sites of Palestine, Syria, Trans-

[1006] Milwright 2008: 149.
[1007] van der Steen 1998: 124–126.
[1008] Vincenz, Sion 2007: 45.
[1009] Milwright 2008: 149; Milwright 2000: 193; Kletter, Stern 2006: 183.
[1010] Brown 1991: 239.
[1011] Milwright 2000: Fig. 2, 3.
[1012] Milwright 2008: 148.

Fig. 100

No.	Locus	Fabric, surface, coveringand other characteristics
1,2	2/5/4-11	Interior: green glaze applied on a light slip (there are horizontal stripes of poorly covered with a slip; identical vertical stripes are on the rim). Exterior: relief molded ornament; yellow covering glaze applied partially on the slip and partially directly on the clay. On the rim there are drops of glaze. Fabric reddish-buff, compact, with innumerous small buff inclusions
3	2/2/1-11	Yellow glaze with patches and strains of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip on both sides. Exterior: relief molded ornament. Fabric greyish-buff, very compact, well levigated, with no visible inclusions
4	4/1-2/2-11	Yellow glaze applied on a thick light slip on both sides; on the exterior there are horizontally oriented oblong patch of green glaze and relief molded ornament. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
5	3/3/1-11	Glossy high-quality yellow glaze applied on a light slip on both sides. Exterior: relief molded ornament. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
6	2/2/1-11	Interior: glossy yellow glaze applied on light slip. Exterior: glossy yellow glaze applied directly on clay, runs of light slip. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
7	5/1-12	Interior: yellow glaze applied on a light slip on both sides. Exterior: relief molded ornament covered with green glaze applied on a light slip. Fabric greyish-buff, compact, well levigated, with some small buff inclusions
8	2/3/1-11	Yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip on both sides. Exterior: relief molded ornament. Fabric light buff, sometimes with pinkish tint, compact, well levigated, with some small buff inclusions
10	2/2/1-11	Yellow glaze with patches and spots of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip on both sides. Exterior: relief molded ornament. Fabric light buff, compact, well levigated, with rare small brown inclusions
11	8/2-13	On the exterior of the base there is a run of yellow glaze. Fabric light with slight yellow tint at the exterior and light red at the interior, compact, well levigated, with rare small brown inclusions
12	2/2/--11	Dark yellow glaze applied on light slip on both sides. Traces of tripod stilt. Fabric dark buff, compact, well levigated, with some small light and greyish inclusions
13	5/1-12	Green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip on the bottom. Fabric light buff, compact, well levigated, with small buff inclusions
14	4/5/4-11	Green glaze applied on a light slip on the interior of the vessel; on the exterior of the base the same glaze is applied partially on the clay, partially on the runs of light slip. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with no visible inclusions

jordan (considerable body of findspots is given by R.M. Brown). The jugs of this group were in use during the period extending from the 12th century to probable post-15th century contexts[1013]. Avissar and Stern assign their appearance to the end of the 12th century[1014]. It's unclear whether some painted vessels of similar shape recovered from different sites were produced in one or in several centers.

The style of decoration of handles (Fig. 85) is very close to that of Ayyubid-Mamluk jugs with a splayed neck found at the sites on the Kerak plateau, in Amman, Jerusalem and so on[1015].

Several everted plain rims belonged to jugs and pots (Fig. 86). Jugs with outturned rims have come from Khirbat Burin[1016], at Red Tower[1017], in the monastary of Saint Mary of Carmel[1018] and Yoqne'am[1019].

Among open painted vessels several types can be distinguished.

Large bowls with rounded sides, rounded or flatly cut edge and rounded or triangular-sectioned rib on the upper body (Fig. 87, 2, 4, 7–9). Both painted and plain specimens occur. To this group a fragment of a basin with horizontally cut edge (Fig. 87, 6), thoroughly smoothed exterior decorated with a band of relief X-shape figures can be assigned. The interior is slightly burnished, slipped in light red and painted in dark red.

One fragment belonged to a thin-walled bowl with rounded body and plain rim (Fig. 87, 5). The exterior is painted with simple geometric ornament in black.

[1013] Brown 1991: 238–239.
[1014] Avissar, Stern 2005: 113.
[1015] Brown 1991: Fig. 464.
[1016] Kletter, Stern 2006: 184. Fig. 14, 8.
[1017] Pringle 1986: 140–142. Figs. 42:7; 43:9, 10.
[1018] Pringle 1984: 97–99. Fig. 3:10–12.
[1019] Avissar 1996: 168–169. Type 28. Fig. XIII. 154.

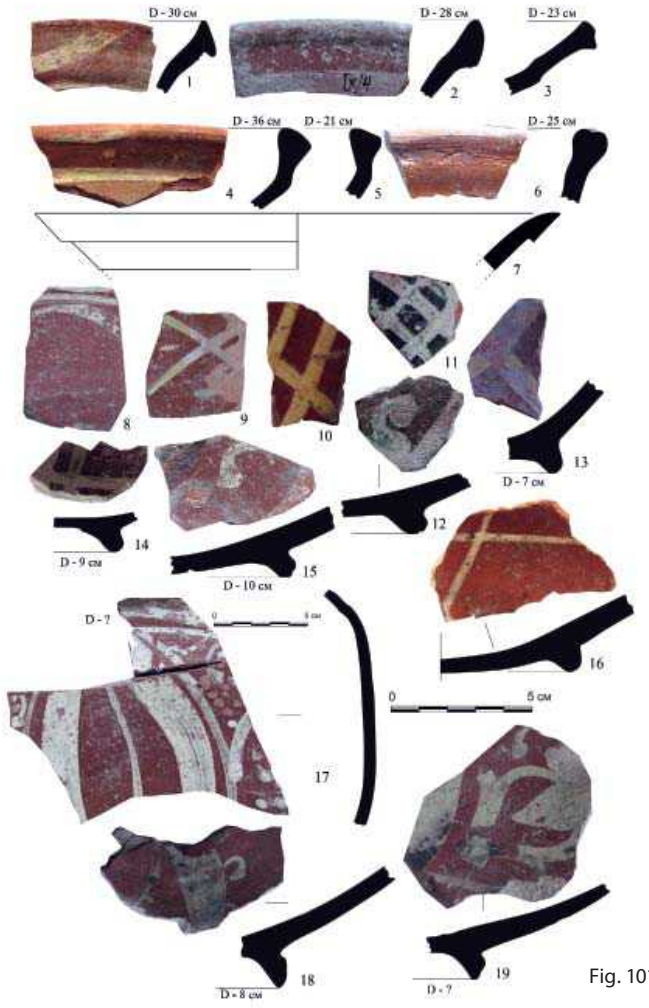

Fig. 101

Dishes and bowls with curved walls and slanting inwards knife-cut or rounded edge are represented by several fragments, painted and unpainted (Fig. 88). Some of them have a ledge or vertical loop handle (Fig. 88, 5, 10). Fragments of similar bowls have come from the Mamluk layer at Abu Ghosh[1020], at Khirbat Burin[1021], Monastery of Saint Mary of Carmel[1022], Yoqne'am[1023], Jerusalem[1024], Khirbat Ka'kul[1025], En-Gedi[1026].

Represented are also dishes with a broad ledge rim with painting in dark red or black on the exterior (Fig. 89, 1–5) analogous to that found in H. 'Uza[1027].

Revealed bottoms have low ring or solid very carelessly shaped bases with traces of rude smoothing by fingers (Fig. 90). Trefoils in red that decorate the lower body of a jug with a low solid almost cylindrical base (Fig. 90, 3) are very similar to those painted in brown on the bowl found at Beth Shean and considered to have been of the same date as the vessels with painted geometric decoration[1028].

Unpainted Wares

Among unpainted handmade vessels there are those that are also represented in the category of painted ones (Fig. 86, 2–4, 6; 87, 7–8; 88, 1, 2, 5, 10; 89, 1–2) and those represented only by unpainted ware.

Handmade Kraters Decorated with a Rib with Finger Impressions

Kraters or basins are thick-walled, heavy, possibly coil-made vessels with flat bottom and conical body decorated with an applied clay rib with thumb impressions below the rim (Fig. 91). Some of them have a plain rounded rib without finger impressions (Fig. 91, 11, 12). The rib not only decorated the vessel but seems to have been used for gripping it. Some of these handmade vessels bear the traces of finishing on the wheel. Such basins are commonplace in the 13th – 14th centuries (Mamluk) and Early Ottoman ceramic assemblages[1029]. For example similar vessel has come from Ramla where it is dated to the 15th – 17th centuries[1030].

Cooking Vessels

There is no clear evidence for the appearance of handmade cooking pots prior to the Crusader period when they were imported from Cyprus[1031]. After the 12th century they became very common in rural areas[1032]. They are present in either 12th or 13th — century contexts in the region of Jerusalem and very common in post-Crusader Beth Shean[1033]. In sum on the territory of Israel they were abundant in the Mamluk and Ottoman periods[1034]. Being a product of home-based village industry handmade cooking pots are absent in urban contexts[1035].

Several fragments including two everted triangular-sectioned rims and several elephant-eared or busket handles with an oval hole at the end that belonged to large or medium-sized pots and a fragment of a plain everted rim of a small-sized pot represent handmade closed neckless cooking pots with globular body (Fig. 92, 1–3, 5–6; 93). The first ones were wide spread on a vast territory: they have been revealed

[1020] de Vaux, Stève 1950: Pl. G.
[1021] Kletter, Stern 2006: 181–182. Fig. 12, 1–6.
[1022] Pringle 1984: 95–96. Fig. 3:1.
[1023] Avissar 1996: 128–132. Type 33. Fig. XIII. 86.
[1024] Tushingham 1985: 148. Fig. 41:13, 15, 17.
[1025] Boas 2006a: 76. Fig. 4–6.
[1026] Vincenz 2007: 262–263. Pl. 42, 1–6.
[1027] Stern and Tatcher 2009: 132. Fig. 3.20, 1.
[1028] Fitzgerald 1931: 36. Pl. XXXIII, 27.
[1029] Dolinka 2012: P. 5. Fig. 1, 6; Vincenz, Sion 2007: 45.
[1030] Toueg 2011: Fig. 5:1.
[1031] Avissar and Stern 2005: 94.
[1032] Boas 2006b: 75.
[1033] Ibid.: 76. Fig. 2.
[1034] Avissar, Stern 2005: 94.
[1035] Pringle 1985: 176.

Fig. 101

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	6/1-12	Interior: colorless glaze with underglaze slip painting. Fabric reddish-yellow with tiny light and small reddish inclusions
2, 13	4/-/3-11	Rim interior, the upper part of its outside as well as the upper part of the body interior are covered with colorless glaze. The rest of the body interior is free of glaze covering. Slip painting under yellow covering glaze is on the bottom. Fabric brick-red, friable, with small light and red inclusions
3	6/1-12	Interior: colorless glaze applied directly on the clay. The vessel seems to have been decorated with underglaze slip painting. Fabric brownish-red, compact, well levigated, with some small light, brownish and reddish inclusions
4	6/1-12	Interior: olive-colored glaze applied directly on the clay with underglaze slip painting. Exterior: runs of glaze. Fabric yellowish-red with rare small reddish inclusions
6	6/1-12	Interior: yellow glaze applied directly on the clay. Fabric reddish-yellow, compact, with rare small light inclusions
7	Foundation pit	Interior: yellow glaze applied directly on the clay; slip painting. Fabric red, compact, with rare small light inclusions
8	5/4-12	Interior: faint yellow covering glaze applied directly on the clay and underglaze slip painting. Fabric red with pale red core and tiny red and light inclusions
9	4/5/4-11	Interior: pale yellow covering glaze applied directly on the clay and underglaze slip painting. Fabric red, compact, well levigated, with some small red inclusions
10	3/3/1-11	Interior: yellow covering glaze and underglaze slip painting. Fabric yellowish-red, compact, well levigated, with some small light inclusions
11	5-1/12	Interior: green covering glaze with underglaze slip painting. Fabric brick-red, with small light and reddish inclusions
12	5/1-12	Interior: green covering glaze applied directly on the clay with underglaze slip painting. Exterior: runs of yellowish-green glaze. Fabric dark-brown, compact, well levigated, with rare small dark-brown inclusions
14	4/2/2-11	Interior: light green covering glaze applied directly on the clay; underglaze slip painting. Fabric reddish-brown, compact, with small brown inclusions
15	5/4-12	Interior: pale yellow covering glaze with underglaze slip painting. Fabric red with light red core and tiny red and light inclusions
16	6/3-12	Interior: colorless covering glaze applied directly on the clay and underglaze slip painting. Exteior: brownish-red. Fabric dark-yellowish-red, flaky, with small light and dark-red inclusions
17, 19	5/4-12	Interior: underglaze slip painting under faint yellow covering glaze. Fabric red with light red core and tiny red and light inclusions
18	5/6-13	Interior: traces of yellowish glaze and underglaze slip painting. Exterior: runs of glaze; the surface is reddish-yellow. Fabric dark-reddish-brown, compact, with numerous tiny light reddish inclusions

in Khirbat Burin[1036], Monastery of Saint Mary of Carmel[1037], Giv'at Dani[1038], Yoqne'am, Pella, En-Gedi[1039] and Jerusalem[1040], Tell Hesban, Khirbat Ka'kul, Khirbat el-Ni'ana[1041], Kerak plateau and some other sites of Palestine[1042]. In Acre analogous pots bear splashes of glaze on the body and are dated to the end of the 12th – mid-13th century[1043]. These vessels could post-date the 15th century: in Palestine cooking pots with analogous handles were produced through the Ottoman period and in the Modern Era[1044].

Small-sized pots with plain everted rim (Fig. 92, 3) are known from the excavations at Khirbat Burin[1045], at Red Tower[1046], En-Gedi[1047].

One more fragment of a vessel with shallow body, small thickened rim and horizontal handles can be identified as a frying pan. Very close parallel with glazed interior was found at En-Gedi[1048].

[1036] Kletter, Stern 2006: 182–183. Fig. 1, 1–3.
[1037] Pringle 1984: 95–96. Fig. 3:2–4.
[1038] Lazar 1999: 130. Fig. 5:4–9.
[1039] Vincenz 2007: 262. Pl. 40, 1.
[1040] Avissar 1996: 138–139. Type 11. Fig. XIII.98.
[1041] Vincenz, Sion 2007: 47. Fig. 15, 3–14.
[1042] Brown 1991: 239. Fig. 476; Boas 2006a: 76. Fig. 2.
[1043] Vitto 2005: 162.
[1044] Brown 1991: 239. Fig. 476; Boas 2006a: 76. Fig. 2.
[1045] Kletter, Stern 2006: 183. Fig. 13, 4.
[1046] Pringle 1986: 139–140. Fig. 41: 1.
[1047] Vincenz 2007: 262. Pl. 41, 3.
[1048] Vincenz 2007: 262. Pl. 40, 2.

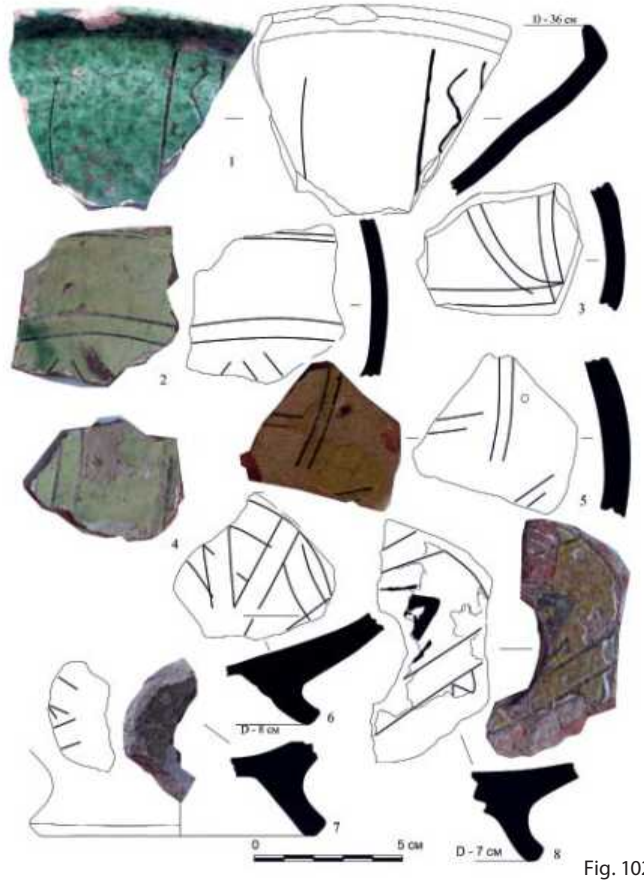

Fig. 102

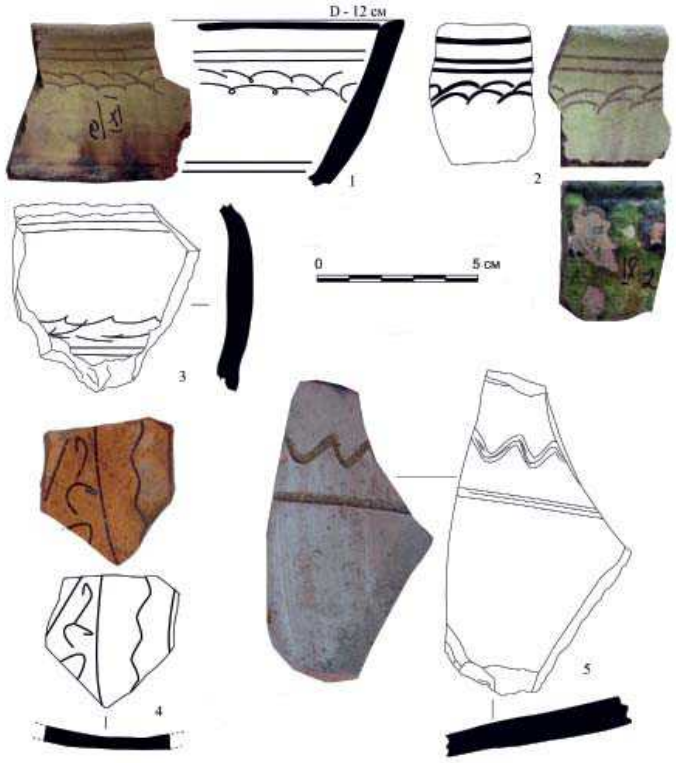

Fig. 103

Fabric of almost all the fragments revealed is friable, coarse, with tiny light and dark (brown, reddish) inclusions, and varies in color from brown to red.

Along with various vessels fragments of poorly fired friable body sherds with high organic content occurred. They seem to have belonged to such large objects as grain bins or clay ovens (tabuns) used from the late Byzantine period up to the modern time in villages in the south of Jordan[1049].

GLAZED POTTERY

Lead-Glazed Bowls

Monochrome Bowls

The vessels of this group of pottery are covered with a single hue lead glaze applied on the slip or directly on the clay. The earliest monochrome glazed ware appeared at some sites during the second half of the 8th and especially in the 9th century. For example at Caesarea Maritima it occurred in the stratum of the mid-8th — late 9th centuries[1050]. In the assemblage presented early vessels are absent and monochrome lead-glazed pottery is represented only by vessels of the Mamluk period when they become very common in Palestine[1051]. Judging by the ubiquity of plain lead-glazed pottery in the region in the 13th – 14th centu ries it was relatively cheap and equally available to both urban and rural population[1052].

The wide variety of forms, fabrics, glaze qualities suggests that wares were brought from a variety of manufactured centres. Up to now two workshops producing lead-glazed pottery are known: at the south end of the Dead sea and in Jerusalem[1053].

They are mostly simple bowls covered primarily with green or yellow glaze applied on a layer of white slip that sometimes covers the upper part of the exterior as well. Fabric of the overwhelming majority of vessels is buff and well levigated with minimum of inclusions. It is often difficult to determine whether the vessel is self-slipped or unslipped. The glaze is predominantly glassy, often with dots and patches of unresolved pigment, and as a rule is applied on poorly prepared coarse and gritty surface visible through a slip and glaze. On some vessels glaze tends to flake off because of poor adherence to the surface. The interior and exterior of some vessels are covered with glaze of different colors, mainly green and yellow.

[1049] Milwright 2008: 147.
[1050] Arnon 2008a: 35.
[1051] Brown 1991: 234; Rosen-Ayalon 2003: 521; De Vincenz 2007: 260.
[1052] Milwright 2008: 189.
[1053] Ibid.: 190.

Fig. 102

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	5/1-12	Interior and rim outside: green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a poorly prepared surface covered with light slip; ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: runs of glaze and a band of light slip on the upper body. Fabric light buff, compact, well levigated, with small buff inclusions.
2, 4	3/5/3-11	Interior: yellow glaze with olive tint applied on a thick light slip; coloring with green and brown patches. Ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: the same glaze applied directly on the clay. Fabric yellowish-red, friable, with some small light and reddish inclusions
3	2/6/4-11	Interior: greenish-yellow glaze with numerous spots of poorly dissolved brown pigment applied on a light slip; ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric red with brown score, compact, with some small light and brown inclusions
5	2/2/1-11	Interior: dirty yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip; ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: the surface is smoothed very carelessly. Repair trace (drilled hole). Fabric red, with some small dark red and light inclusions
6	4/5/4-11	Interior: green glaze applied on a light slip; ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric red, friable, with numerous small light and larger reddish inclusions
7	4/3-11	Interior: green glaze applied on a light slip; ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric red, friable, with numerous small light and larger reddish
8	5/4-12	Interior: yellow glaze with spots of poorly dissolved brown pigment applied on a light slip; ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric yellowish-red, friable, with numerous small reddish and rare small light inclusions

Fig. 103

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	4/5/4-11	Interior: yellow glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip and colored with brown patches. Exterior: yellowish-greenish glaze applied very carelessly on the light slip. Fabric dark red, friable, with small light and red
2	4/4/3-11	Interior: light yellow glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: green glaze applied on the light slip. Fabric dark red, with numerous small light inclusions
3	6/1-12	Interior: yellow glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: dirty green glaze with runs applied also on the light slip. Fabric dark reddish-brown, friable, with some small light inclusions
4	Drainage trench, western part	Interior: yellow glossy glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric red, friable, with some tiny light inclusions
5	5/1-12	Interior: poorly preserved yellow glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: runs of green glaze and light slip. Fabric reddish-yellow, with some small buff inclusions

The largest group is constituted by bowls with rounded or conical body and variety of rim forms: plain incurved ones (Fig. 94, 1–7), triangular-sectioned incurved rims with pointed edge (Fig. 94, 8–15), rolled overhanging ones (Fig. 94, 16–22, 24–26, 28, 29), knobbed (Fig. 94, 23, 30–35, 38) and T-shaped ones (Fig. 94, 27, 36–37, 39–43). Far less number of vessels has a carinated body either with triangular sectioned overhanging rim (Fig. 95, 1–18) or with oval-sectioned one often with a pointed edge (Fig, 95, 19–24). There is also a group of vessels with thickened or triangular-sectioned rim flat on top (Fig. 96, 13–23). Several rim forms are represented with a single specimen (Fig. 95, 25–30). Overwhelming majority of the vessels in the assemblage presented has a low ring base. Most of them are paralleled by the vessels found at many sites of the region where they were very common, for example, on the Kerak plateau[1054], in Khirbat el-Ni'ana[1055], En-Gedi[1056], Jerusalem[1057].

[1054] Brown 1991: 233. Fig. 440–443; Milwright 2008: 188–189.
[1055] de Vincenz, Sion 2007: 32, 34–35. Fig. 8.
[1056] De Vincenz 2007: Pl. 35.
[1057] Tushingham 1985: Fig. 40, 10, 18; 41, 18–21, 25–27.

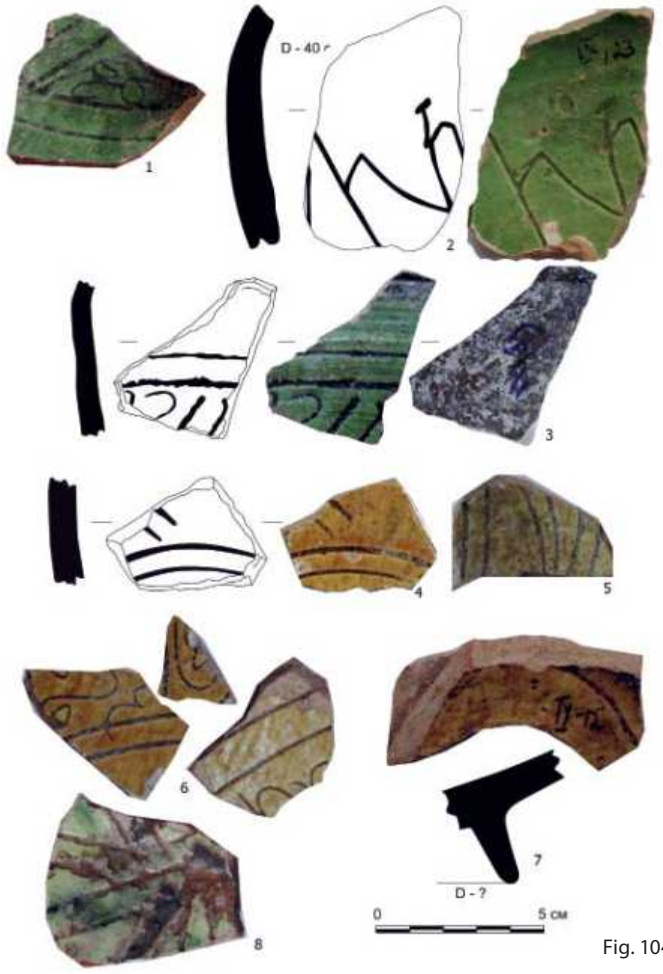

Fig. 104

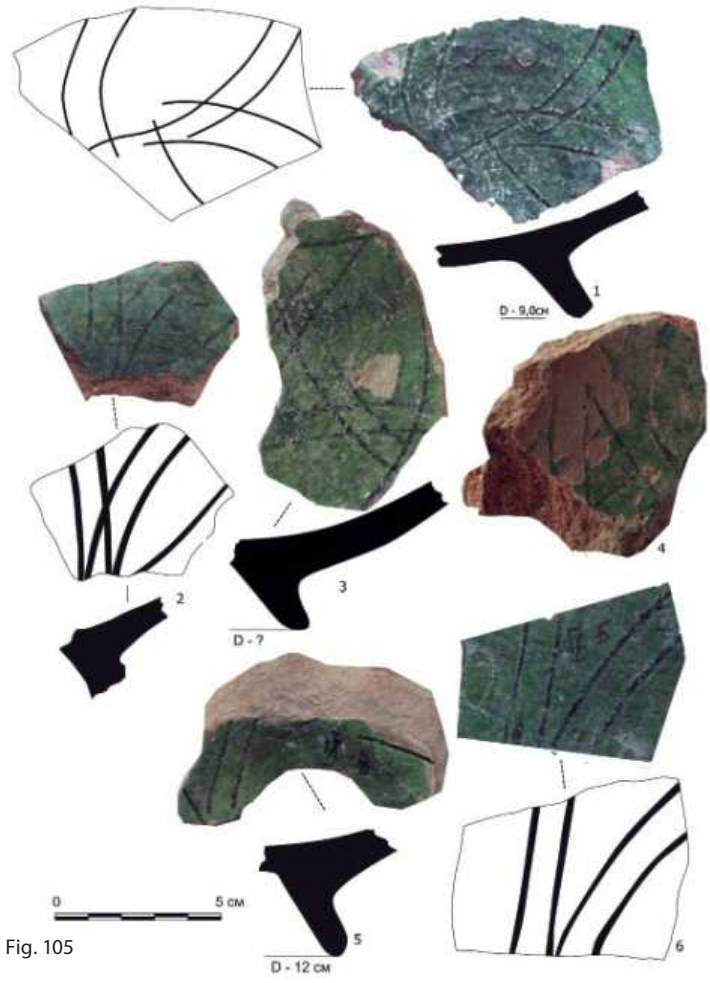

Fig. 105

Monochrome red-clayed ware is represented mostly by plain vessels. By form some of them are similar to the buff-clayed ones (Fig. 96, 7–12). A group is constituted by bowls with straight walls and incurved triangular-sectioned rim (Fig. 96, 1–6). The interior is covered with yellow glaze applied on a slip layer. On the exterior the glaze is applied directly on the clay.

One more group includes plain bowls with interior covered with mottled salad matt glaze applied on a slip layer (Fig. 97). The same glaze is applied on the exterior where it covers either the upper part or the whole surface. The interior sometimes is decorated with thin horizontal incised lines.

Relief-molded Vessels

The in-turned rounded rims (Fig. 98, 1–12, 14) and trumpet feet (Fig. 100, 11–14) are commonly associated with relief-molded bowls. The quality of relief-molded vessels is usually higher than the quality of ordinary lead glaze wares. The yellow, green and in rare cases purple glaze applied upon a thick layer of slip both on the interior and exterior of the vessels is thick and glassy, without flaking and cracks. Sometimes the exterior and interior are glazed in two colors: green on the exterior and yellow on the inside or vica virca. Regrettably in the assemblage relief-molded vessels are represented mainly by body sherds, mostly too small to allow reconstructing the complete form of the vessels they belonged to. The decoration of these vessels (registers of geometrical and floral designs or Arabic inscriptions), which is considered to have copied that of contemporary metal vessels (Fig. 98; 99; 100, 1–10), is analogous to that on the vessels elsewhere in Bilad al-Sham[1058].

Relief-molded vessels were found in different sites in Israel, Syria and Jordan. Different scholars suggest various dates of their appearance: Arnon assigns the earliest vessels of this type to the 8th century[1059], A. Lane — to the 9th century[1060]. The pedestal-footed, deep lead-glazed bowls appear in numerous contexts of the 13th – 14th centuries or even of the early 15th century[1061]. The greatest concentration of finds

[1058] Milwright 2008: 370, 6–15; 371; 372, 1–6; Torge 2011: 12; De Vincenz 2007: Pl. 36.
[1059] Arnon 2008a: 35.
[1060] *Lane 1958*: 8.
[1061] Boas 2006a: 92. Fig. 16; Milwright 2003: 85, 92.

Fig. 104

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/5/3-11	Interior: green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: colorless glaze applied directly on the clay. Fabric yellowish-red, compact, with some small light and reddish inclusions
2	2/2/1-11	Green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip on both sides. Interior: ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric pink, very compact, well levigated, with small dark pink inclusions
3	5/1-12	Interior: green glaze with brownish spots of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: the same glaze applied directly on the clay. Fabric reddish-brown with dark-brown core, with numerous tiny light and rare large brown inclusions
4	6/1-12	Interior: dark yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric red with dark-brown core, with small light and reddish-brown inclusions
5	3/6/4-11	Interior: yellow glaze with numerous spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric red with brown core, with rare small brown and reddish inclusions
6	4/2/2-11	Interior: yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: the same glaze applied directly on the clay. Fabric yellowish-red with dark-brown core, compact, with small reddish inclusions
7	3/5/3-11	Interior: yellow glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric dark red, with rare small light and numerous reddish inclusions
8	3/6/3-11	Interior: yellow glaze, sometimes with greenish tint, applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip and colored with green and brown patches. Fabric brownish-red, compact, with small reddish inclusions

Fig. 105

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	4/3/--11	Interior: dark green glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: runs of light slip. Fabric reddish-brown, with small reddish inclusions
2	4/4/2-11	Interior: dark green glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric dark red with small light and reddish inclusions
3	4/-/3-11	Interior: green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric dark brown, compact, well levigated, with some small brownish and light inclusions
4	4/5/4-11	Interior: green glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric red, friable, with numerous small light and larger reddish
5	3/5/3-11	Interior: green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: colorless glaze applied directly on the clay. Fabric red with innumerous small dark inclusions
6	4/3/--11	Interior: dark green glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: runs of light slip. Fabric reddish-brown, with small reddish inclusions

of such vessels is in the inland areas occupied by modern Jordan, Israel and the Palestine Authority[1062]. It does not spread to the coastal strip of Palestine and along the ports of the Syrian littoral. The highest density of finds in and around Jerusalem perhaps points to the location of the production centre somewhere in this area[1063]. Besides in the Jewish Quarter of Jerusalem Mamluk kiln was excavated. It represents the production site for the glazed molded relief bowls produced there during the 14th century[1064]. Yet a petro-

[1062] Milwright 2003: 85, 93.
[1063] Milwright 2003: 85, 93; De Vincenz 2007: 260.
[1064] Ben-Dov 1982: 365.

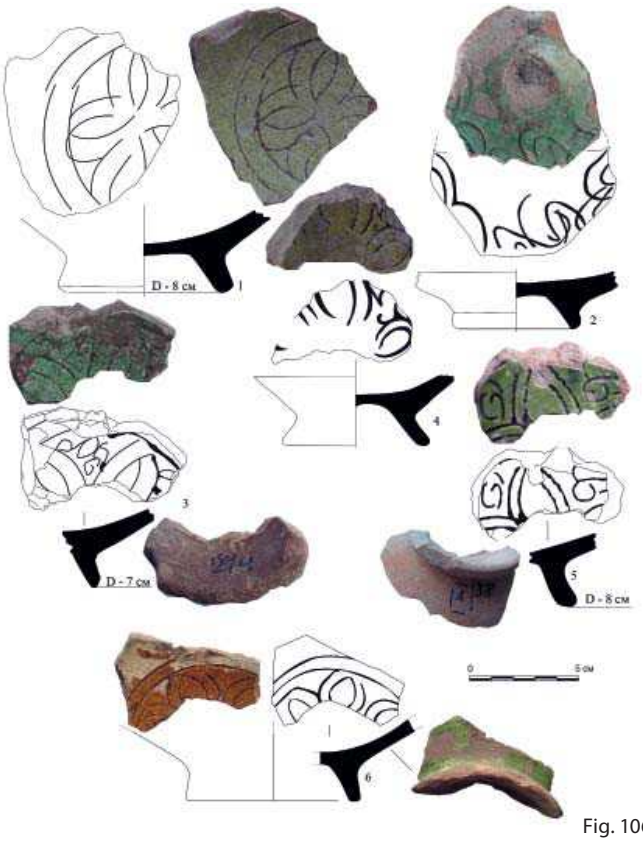

Fig. 106

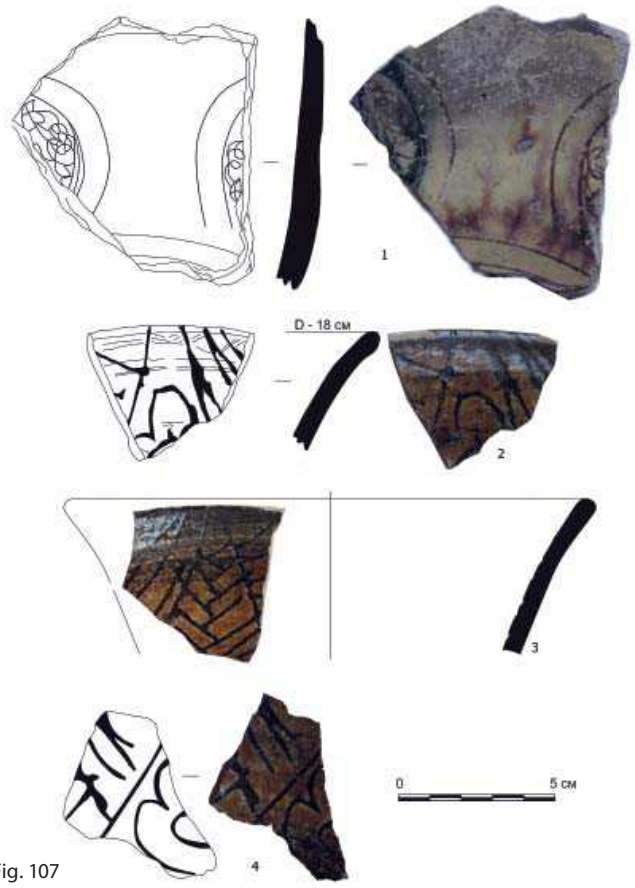

Fig. 107

graphic analysis of specimens found at Karak indicates that the production of the molded relief ware was not restricted to a single center[1065]. The Jericho material confirms this statement for the quality of vessels of the presented assemblage is too different to be produced in one workshop.

Slip-Painted Bowls

Slip-painting is a design painted in slip directly onto the vessel surface, which was then covered completely with a yellow or green-tinged lead glaze. The slip painted technique has a long life span from the late 11th century onwards and can be seen on some 16th-19th century dish fragments and is still practiced in Greece[1066]. The only chronological feature that allows distinguishing early specimens of this pottery group from the later ones is the type of the glaze: the early glaze is thin and matt, the later one is thick and glossy[1067]. In Israel the earliest fragment of a slip-painted bowl has come from the assemblage of the beginning of the 12th century in H. 'Uza[1068]. During the Mamluk period this type of glazed pottery became especially popular [1069].

Fabric of most fragments of the assemblage is reddish-brown, covering glaze is mainly yellow and only two fragments are covered with green one (Fig. 101). Three are decorated with simple net pattern that was very common in the Mediterranean (Fig. 101, 9–11, 14, 16). For example a deep bowl with net decoration that seems to have been produced in Beirut was found in Akko[1070]. The vegetal decoration of several fragments (Fig. 101, 12, 15, 17–19), some of which seem to have belonged to one and the same vessel, is comparable to the style of vessels found in Khirbat Ka'kul[1071], Karak and Fustat[1072]. A carinated bowl with very similar design (stylized depictions of three leaves) (Fig. 101, 17) has come from Banias[1073]. The profile of a conical bowl with triangular-sectioned rim (Fig. 101, 7) is exactly paralleled by numerous slip-painted bowls that were wide spread in the Mediterranean from the 12th century up

[1065] Mason, Milwright 1998: 184, 188. Fig. 3:13–15.
[1066] Vroom 1998: 525; Armstrong, Gunsenin 1995: 197.
[1067] Armstrong 1989: 42.
[1068] Stern, Tatcher 2009: 127.
[1069] Avissar, Stern 2005: 19.
[1070] Stern 2012: 4; 21, 7.
[1071] Boas 2006a: Fig. 17, 114.
[1072] Milwright 2008: 196, 368. No. 12.
[1073] Avissar, Stern 2005: 21. Fig. 7, 2.

Fig. 106

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/-/3-11	Interior: greenish-yellow glaze with numerous spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Fabric yellowish- red, friable, coarse, with numerous reddish inclusions
2	4/4/2-11	Interior: light green glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Glaze and slip are partially flaked out. Exterior: colorless glaze applied directly on the clay. Fabric red, with some small light inclusions
3	5/1-12	Interior: light green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Glaze and slip are partially flaked out. Ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: reddish-yellow. Fabric reddish-brown with red core, coarse, with numerous small and large brown inclusions
4	4/4/3-11	Interior: yellow glaze applied on a light slip; ornament is executed in thick incisions scratched through the slip. Exterior: glaze applied directly on clay. Runs of glaze inside the base. Fabric red, with numerous tiny light grits.
5	6/5-12	Interior: partially lost green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: glaze applied directly on the clay. Fabric red, with tiny light and larger red inclusions
6	Area 4	Interior: ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the dark yellow glossy glaze was applied. Exterior: green mottled glaze applied on a light slip and runs of slip and green glaze on the base. Fabric dark-brownish-gray, compact, well levigated, with some tiny light and more numerous tiny dark brown inclusions

Fig. 107

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	4/5/4-11	Interior: light-yellow glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thin incisions scratched through the slip before the glaze was applied. The drawing is colored with brown. Exterior: glaze applied directly on clay. Fabric dark-dark-brown, compact, well levigated, with small brown inclusions
2	4/5/4-11	Interior: glossy dark yellow glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: run of glaze. Fabric light red with buff core, compact, well levigated, with small reddish inclusions
3	4/4/2-11	Interior: dark yellow glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: thick white slip. Fabric light red, dark-olive-grey at the interior, compact, well levigated, with innumerous small light and reddish-brown inclusions
4	4/4/3-11	Interior: dark yellow glaze applied on a light slip. Ornament is executed in thick incisions scratched through the slip before the glaze was applied. Exterior: light slip on the upper body. Fabric light red grey at the interior, compact, well levigated, with some tiny reddish-brown inclusions

to the 19th century[1074]. One more fragment (Fig. 101, 1) is very close to that revealed Khirbat Ka'kul[1075]. The nearest analogies have come from the excavations of Damascus Gate in Jerusalem where they were supposedly produced and from Karak[1076].

Sgraffito Decoration

Sgraffito decoration was scratched through the white slip to the underlying clay before the glaze was applied. The origin of the technique lies in the 5th – 7th century Egypt and then it extended to the Eastern Mediterranean. For example it occurs in the layers of the late 9th – mid 10th centuries in Caesarea Maritima[1077].

Such pottery has a wide distribution in Syria-Palestine, where it was probably being produced by the mid-12th century and continued to be in use into the 14th century[1078].

This ware is represented in the assemblage by the fragments decorated mostly with double straight lines executed both in thin and thick incisions (Fig. 102, 105). As a rule they are monochrome and covered either with yellow, sometimes with olive tint, or with green glaze applied on a slip. In rare cases there are green and brown splashes (Fig. 102, 2, 4). They are apparently of Palestinian manufacture. A

[1074] François 1995a: 205.
[1075] Boas 2006a: Fig. 17, 105.
[1076] Milwright 2008: 196, 368. No. 9.
[1077] Arnon 2008a: 39.
[1078] Pringle 1985: 183.

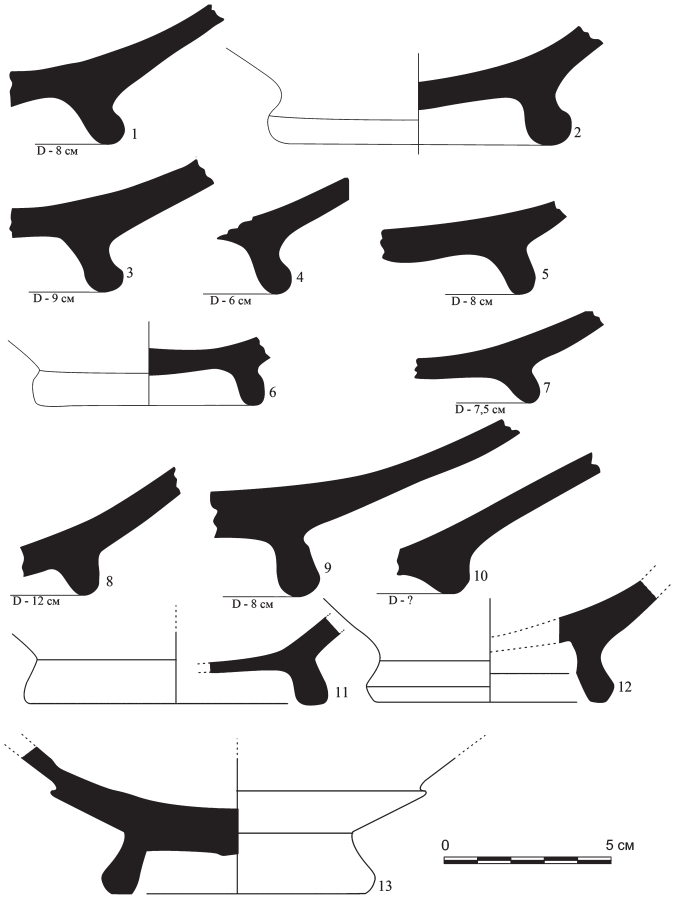

Fig. 108

pattern consisted of variously arranged double lines, the commonest at our site, decorated the vessels from the excavations at Khirbat Burin[1079].

Several vessels are decorated with thin horizontal and wavy lines (Fig. 103, 1–3).

A special group is constituted by several vessels decorated with similar pattern — four-petal rosette drawn in double lines and surrounded by two incised circles (Fig. 106). This ornamental motive seems to have been very popular in the region but judging by the differences of glaze quality and fabric all the revealed vessels seem to have been manufactured in different workshops though the form of the bases is very similar. Very close analogy has been found at Khirbat Ka'kul where it is consider to have been produced[1080]. Similar pattern seems to have decorated a bowl from Khirbat el-Ni'ana[1081].

Most likely that three fragments covered by dark yellow glassy glaze and decorated with complicated incised ornament, though found in different loci, have belonged to one and the same vessel (Fig. 107, 2–4).

All the rest fragments are regrettably very small to reconstruct their ornamentation (Fig. 103, 4–6; 104). One of them supposedly can be assigned to the polychrome ware (Fig. 104, 8).

Zeuxippus Ware
(class Ih after V. François[1082])

Only one fragment can be surely assigned to the pottery imported from the Mediterranean (Fig. 107, 1). It's a fragment of a dish of so call Zeuxippus group, also known as Shiny Olive Incised Ware[1083]. The pottery of this group is characterized by hard, well fired ware, thin walls, colorless or with slight yellowish tint glossy glaze applied upon white slip and thin incised decoration. Its floruit falls on the last decades of the 12th – first half of the 13th centuries[1084]. It was ubiquitous on the coastal sites of the Mediterranean and Black sea[1085]. The production centres of this ceramics are supposed to have been situated in the Aegean sea[1086], on the Cyprus, in the vicinity of Constantinople and Ephesus[1087].

Bases

Bases are various but flaring straight-sided of various height predominate (Fig. 108–109). A special group is constituted by high flaring ring-bases with out-turned lip (Fig. 110, 1–12) similar to the bases of the Cypriot sgraffito ware[1088] manufactured in the 13th – early 14th century[1089], or till the end of that century[1090] in the Paphos region[1091]. So vessels with this form of bases seem to have imitated the Cypriot glazed bowls that were imported to the region in the Crusader period.

Cooking Vessels

Along with tableware glazed ceramics is represented with a few fragments of kitchen pots. They are thinly potted, with hard metallic-sounding fabrics and covered with glaze applied directly on clay (Fig. 111).

The earliest specimens of kitchen glazed wares are dated to the late 7th or early 8th century. Partially glazed kitchen pots occur in the contexts of the 9th century[1092] or of the late 9th – early 10th centuries[1093]. In Transjordan glazed thin-bodied cooking pots with horizontal strap-handles appeared in the early Fatimid

[1079] Kletter, Stern 2006: Fig. 20, 2, 4.
[1080] Boas 2006a: 90–91. Fig. 13, 91.
[1081] de Vincenz, Sion 2007: 32. Fig. 7, 9.
[1082] François 1995b: 91–96.
[1083] Talbot-Rice 1928: 34.
[1084] Megaw 1989: 264.
[1085] Papanikola-Bakirtzi 1999: 22.
[1086] Megaw and Johns 1983: 263.
[1087] Boas 1994: 118, 120.
[1088] Kletter, Stern 2006: 193–194. fig. 21, 4, 5.
[1089] Von Wartburg 1997: 340.
[1090] Papanikola-Bakirtzi 1996: 218.
[1091] Papanikola-Bakirtzi 1996: 215–216; Von Wartburg 1997: 336, 340.
[1092] Boas 2006a: 75.
[1093] Arnon 2008a: 41.

Fig. 108

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	3/3/1-11	Interior: partially flaked green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip. Exterior: runs of glaze. Fabric light, compact, well levigated, with rare small dark-buff inclusions
2	3/3/2-11	Interior: yellow glaze with patches and spots of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip. Exterior: runs of glaze. Fabric light, compact, well levigated, with no visible inclusions
3	6/3-12	Interior: yellow glaze applied on a thick light slip; the surface is thoroughly smoothed before glazing. Exterior: runs of light slip. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with small reddish inclusions
4	2/3/1-11	Interior: yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip. Fabric pink, compact, well levigated, with rare small dark-buff inclusions
5	6/1-12	Interior: yellow glaze with runs of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Fabric pink, compact, with small dark-buff inclusions
6	3/4/2-11	Interior: yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip. Fabric pinkish-buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
7	2/4/1-11	Interior: green glaze with patches of poorly dissolved pigment and numerous cracks applied on a thick light slip. Fabric pink, compact, with small light inclusions
8	3/5/3-11	Interior: yellow glaze applied on a thick light slip. Fabric yellowish-red, with rare tiny reddish-brown inclusions
9	2/3/1-11	Interior: yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Fabric buff, compact, well levigated, with rare small dark and brownish inclusions
10	6/3-12	Interior: yellow glaze applied on a thick light slip. The surface is badly smoothed before glazing. Exterior: runs of light slip. Fabric reddish-yellow, compact, well levigated, with small brownish inclusions
11	Area 2, locus 5	Interior: dirty green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a thick light slip. Fabric overfired to dark grey, compact, well levigated, with no visible inclusions
12	Area 2, locus 2	Interior: green glossy glaze applied on a thick light slip. Runs of glaze on the bottom underside. Fabric dark pink, compact, well levigated, with no visible inclusions. Traces of tripod stilts
13	Area 1, northwards the wall	Interior: yellow glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Fabric buff, compact, well levigated, with rare small dark and light inclusions

period (c. AD 969–1071)[1094]. In Caesarea the earliest glazed cooking pottery was revealed in the stratum dated to the first half of the 10th century[1095]. In 12th – 13th century contexts these vessels were extremely common, particularly in urban sites, and represent the normal kitchen ware on Frankish sites in Syria, Palestine and Cyprus[1096]. Evidence for the glazed cooking pots found at most post-13th — early 14th century sites becomes very scarce[1097].

Globular Cooking Pots

A fragment of a neckless pot with globular body, plain out-turned rim bears a horizontal narrow band of yellow (?) glaze on the shoulder (Fig. 11, 5). Fabric compact, well levigated, with rare tiny light and larger brown inclusions, dark brown on the exterior, brown on the interior, with yellowish-red core. The sherd has been found in Locus 4 (square 5, 2012) that contained mainly Late Byzantine-Umayyad material and several intrusive fragments of glazed and handmade pottery of the Mamluk period.

Globular cooking pot is the most popular form of cooking vessel in the medieval period. It appeared in the 9th century, became the dominant type in the second half of the 11th century[1098] and continued in use until the late 13 century[1099]. Analogous pot found in the Early Fatimid (980–1033) Stratum in Tiberias has two horizontal strap handles, horizontal thumb-impressed ledge handles and glazed internal base (Type 5 after Stacey)[1100]. Parallels were also found in the 11th century contexts in Amman and Caesarea. Very close are the pots of Type II.1.2 after Avissar and Stern who date it to the second half of the 12th — first half of the 13th century and assign its production to Lebanon[1101].

[1094] Pringle 1985: 176.
[1095] Arnon, Lester, Pollak 2008: 106.
[1096] Boas 2006a: 75.
[1097] Ibid.
[1098] Stacey 2004: 125.
[1099] Boas 2006b: 591.
[1100] Stacey 2004: 125. Fig. 5.32, 16, 17.
[1101] Avissar, Stern 2005: 91. Fig. 39, 2, 3. Pl. XXVI: 1.

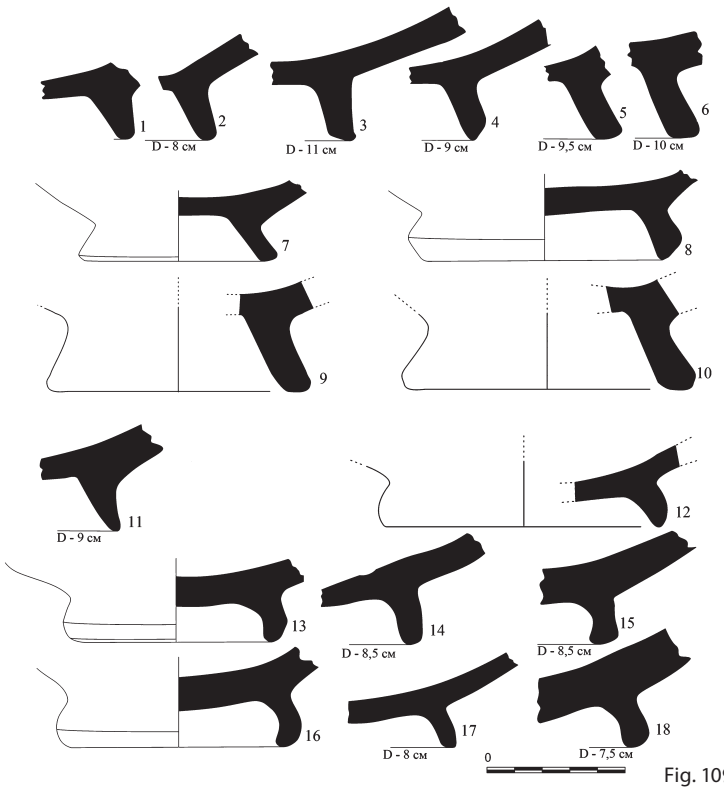

Fig. 109

Glazed Frying Pans

Glazed frying pans first appeared in the second half of the 9th century or in the early 10th century and were in use up to the mid-13th century without any considerable changes in form and glaze[1102]. However some scholars restrict their use to the second half of the 12th — mid-13th centuries[1103].

Frying pans usually have a flat base, shallow body, two handles attached below the rim and two small triangular ledge handles intended to hold the vessel on a cooking stand. A glaze covers the interior of the pan. Shallow frying pans are usually associated with Frankish occupation phases[1104]. A fragment with carinated body, vertical broad rim with horizontally cut edge and ledge handles seem also to have belonged to a frying pan (Fig. 111, 4).

Fragments of two deep glazed vessels (Fig. 111, 1–2) seem to have belonged to casserolles.

Chinese Glazed Ware (Chinese Celadon)

This group of pottery is characterized by excellent fabric and jade-colored glaze and also known as "southern celadon". The only small fragment of this ware seems to have belonged to a molded bowl with imitation of lotus petals on the exterior (Fig. 110, 13). Fabric is light grey compact vitrified stone paste. The opaque jade-color shiny smooth glaze covers both sides of the fragment.

This pottery was manufactured in the southern part of China and seems to have been distributed by sea. It is very rare in Israel where it is usually found in small fragments and comes mainly from the sites attributed to the Muslims. From the contemporary written sources it's evident that it was elite ware available only to sultans, emirs and rich merchants. So the fragment in question shows that in Jericho there were representatives of high social groups. The time span of production of this ware covers the late 12th — mid-14th centuries[1105].

Fritware (Soft-Paste Wares) Syrian Under-Glazed Painted Ware

The best quality Islamic pottery in the Middle Islamic period is considered to have been fritware originally made to imitate the visual qualities of expensive Chinese porcelain. Fabric represents a mixture of crushed quartz, white clay and glass frit. This group of pottery is characterized by white fabric and includes monochrome vessels and vessels painted in black and blue under a transparent colorless or turquoise alkaline-based glaze. The latter are called Raqqa Ware.

The exact date of the appearance of this ware is not established yet and scholars suggest different dates. Tushingham reports about a fragment of a frit jar decorated with painting in black and covered with light blue glaze encountered in the layer of Ayyubid destruction[1106]. Lane, M. Avissar and E. Stern assign the earliest finds to not earlier than the second half of the 12th century[1107]. To the same time the earliest examples of 'Black under Turqoise' found in Syria are dated (*c.* 1150–1200). Fritware continued into the 14th century[1108] and the latest vessels have come from the Mamluk phase (c. 1363–76) in Jerusalem[1109].

The painted designs are mainly floral (leaves and stems freely painted or enclosed within roundels), geometric (lines radiating from the centre) and pseudo-Kufic script. Vessels include bowls, cups and jugs, as well as small storage vessels that were used for the storage and transport of luxury products like preserved fruit, ginger and medicines[1110].

This pottery was very common in Syria, Israel, Lebanon and Egypt. Workshops producing fritware and dating to the 12th – 14th centuries are known in Tell Minis, Raqqa, Damascus, Hama, Qal'at Ja'bar,

[1102] Avissar, Stern 2005: 96.
[1103] Vitto 2005: 163. Fig. 12, 5.
[1104] Milwright 2008: 190.
[1105] Avissar, Stern 2005: 92; Kletter, Stern 2006: 192
[1106] Tushingham 1972: 145. Fig 8, 10.
[1107] Lane 1947: 44; Avissar, Stern 2005: 25.
[1108] Mason 2004: 98–99.
[1109] Milwright 2008: 230.
[1110] Milwright http://www.vkrp.org/studies/archaeological/pottery-islamic-period/

Fig. 109

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	3/5/3-11	Interior: green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip; geometrical ornament with thick incised line. Exterior: colorless (?) glaze applied directly on clay. Fabric red with some small dark inclusions
2	3/5/3-11	Interior: yellow glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip; two concentric circles with thick incised line. Fabric dark red with some small light and numerous red inclusions
3	4/5/4-11	Interior: dirty yellow glaze with patches and spots of poorly and un- dissolved pigment applied on a light slip. Exterior: runs of light slip. Fabric brown at the exterior and dark grey at the interior, with small light and larger brownish inclusions
4	4/-/3-11	Interior: dirty yellow glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip; geometrical ornament with thick incised line. Exterior: runs of glaze. Fabric reddish-dark-dark-brown, friable, with numerous reddish-brown inclusions
5	4/-/3-11	Interior: yellow glaze with vertical patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Exterior: colorless (?) glaze applied directly on clay. Fabric red, very compact, with small light and reddish inclusions
6	3/4/2-11	Interior: green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Exterior: runs of yellow glaze. Fabric light-brownish-red, compact, with numerous small reddish inclusions
7	4/5/4-11	Interior: dirty yellow glaze applied on a light slip. Exterior: runs of glaze. Fabric red friable, with numerous small light and larger red
8	2/3/1-11	Interior: green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Fabric light light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
9	Large dump	Runs of yellow glaze. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
10	Heap of small stones southwards area 2	Runs of yellow glaze and light slip. Fabric light red, greyish at the exterior, compact, finely levigated, with some greyish inclusions
11	4/2/2-11	Interior: light green glaze applied on a light slip. Exterior: colorless (?) glaze applied directly on clay (glaze partially flaked out). Fabric light buff, compact, well levigated, with some buff inclusions
12	Heap of small stones southwards area 2	Interior: light yellow glaze applied on light slip. Fabric buff, compact, well levigated, with small greyish and brownish inclusions
13	2/2/1-11	Interior: green glaze applied on a light slip. Exterior: runs of glaze. Fabric grayish-buff compact, well levigated, with no visible inclusions
14	4/4/2-11	Interior: light green glaze applied on a light slip. Exterior: colorless (?) glaze applied directly on clay (glaze partially flaked out). Fabric light buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
15	4/4/2-11	Interior: green glaze with spots of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Fabric light buff, compact, well levigated, with some buff inclusions
16	2/4/1-11	Interior: yellow glaze applied on a light slip. Numerous cracks. Fabric buff, compact, well levigated, with some tiny brownish inclusions
17	2/3/1-11	Interior: green glaze applied on a light slip. Fabric grayish-buff, compact, well levigated, with some small brown and black inclusions
18	6/1-12	Interior: green glaze with patches of poorly dissolved pigment applied on a light slip. Fabric pinkish-buff, compact, with some buff inclusions

Fustat, Konya and sites in the Euphrates Valley. The existence of the production of fritware is also suggested in Beth-Shean[1111].

The group of fritware from Jericho is constituted by small fragments of open and closed vessels painted in blue, black, blue and black under a transparent colorless or turquoise glaze (Fig. 112–114). By several fragments the bowls with intricate line design that extended to the outside of the bowl until the base (Fig. 113, 1, 2, 4–7) are represented. On the inside of the bowl the space between the lines is filled with some decorative patterns. This design was one of the most popular ones used on the fritware. Several bases are perforated (Fig. 113, 6–7).

Nabatean Wares

Cream Ware Vessels

Two residual fragments stand aside from all the rest pottery assemblage recovered from the site. The first one is a fragment of a jug with applied slightly flaring decorative spout with a separately shaped

[1111] Stern 2012: 54; Milwright 2008: 217, 219.

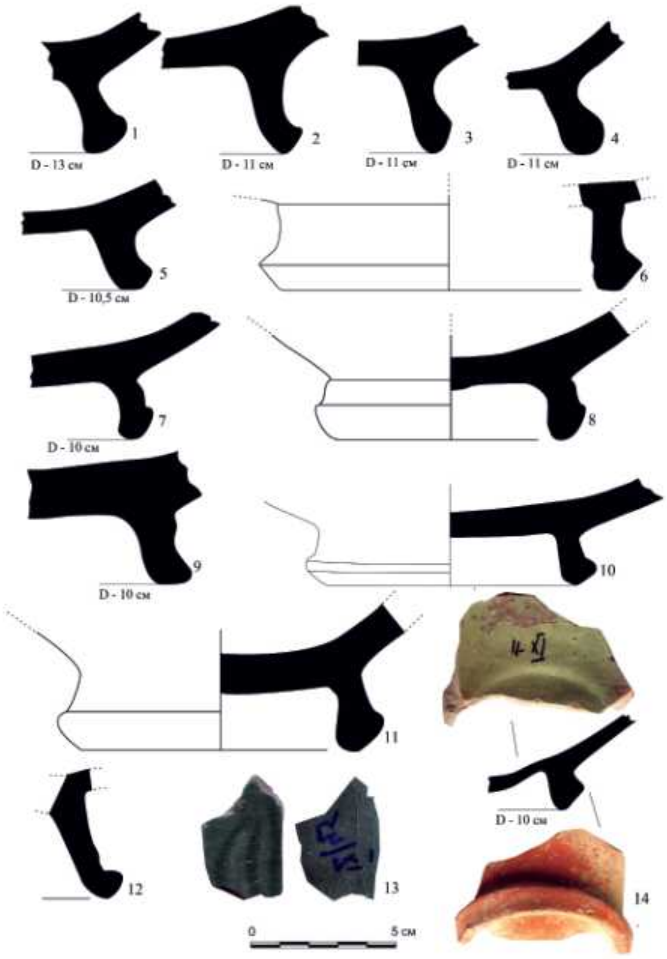

Fig. 110

Fig. 111

"ribbon" suspending from it (Fig. 115, 1). Below the ribbon a band of fine combing has preserved. The second is decorated with a band of oblique lines and a wavy incised with one and the same toothed implement (Fig. 115, 2). A stump of an oval-sectioned handle has preserved.

These fragments are closely paralleled by the jugs from En-Gedi where they are assigned to the group of Cream Ware Vessels associated with Nabatean. They have an ovoid ribbed body, a crenellated rim, a narrow neck with a strainer at its base and two handles. Unique decoration of these vessels includes incised wavy lines, bands of oblique dotted lines, applied decorative spouts surrounded by an applied barbotine decoration[1112].

Cream Ware appeared in the second half of the 1st century BC and continued into the 1st century AD. Yet its production supposedly continued into the Byzantine period. For example at En-Gedi some fragments were found in Byzantine contexts, though it can be explained by disturbances[1113].

Conclusions

The main importance of the present excavation lies in the discovery of long-term pottery-producing industry including three kilns (two are one above another) and different finds characteristic of pottery workshops (slag, fired mud bricks, chunks of clay and numerous flawed, distorted, unfired, unevenly fired and overfired pottery vessels and their fragments). Regrettably the general plan of the workshop is unclear due to the small scale of excavations.

The abundance of the discarded pottery in the thick layers covering the building remains and accumulated among destruction debris enabled to compile an extensive catalogue of pottery types that were made in the workshop specialized in the production of household vessels. The whole corpus of locally manufactured vessels can be roughly subdivided into two groups. The first one characterized by buff well-levigated fabric includes basins, amphoriskoi, jugs and bowls of various types, pots, lids, some un-

[1112] De Vincenz 2007: 281, 292–293. Pl. 66; 75. Fig. 97, 117.
[1113] De Vincenz 2007: 292–293.

Fig. 110

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	3/3/2-11	Open vessel. Interior: yellowish-green glaze with dark green spots of undissolved pigment applied on thick light slip. Glaze is partially flaked. Fabric light buff, compact, well levigated, with no visible inclusions
2	4/2/2-11	Open vessel. Interior: yellow glaze with spots of undissolved pigment applied on light slip. Glaze is partially flaked. Fabric light buff, compact, well levigated, with some small dark inclusions
3	4/4/2-11	Open vessel. Interior: yellow glaze with some dark patches applied on light slip. Fabric buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
4	6/1-12	Open vessel. Interior: yellow glaze partially lost with spots of undissolved pigment applied on light slip. Fabric pink at the interior and buff at the exterior, compact, well levigated, with some tiny dark inclusions
5	4/-/3-11	Open vessel. Interior: dark yellow glaze with numerous spots of undissolved pigment applied on light slip. Glaze patches on the bottom underside. Fabric pink, compact, with pinkish inclusions
6	Area 2, layer 1	Light yellow glaze. Fabric light red, very compact, well levigated, with no visible inclusions
7	3/3/2-11	Open vessel. Interior: dark yellow glaze with numerous vertical runs of undissolved pigment applied on thick light slip.Dark brown glaze on the bottom underside. Fabric pinkish-yellow, compact, well levigated, with some small dark buff
8	Area 4 (C)	Runs of yellow glaze on bottom underside. Interior: traces of yellow glaze applied in light slip. Fabric light re, compact, finely levigated, with numerous tiny brownish inclusions
9	4/2/2-11	Open vessel. Interior: light green glaze applied on light slip. Glaze is partially flaked out. Fabric light buff, compact, well levigated, with some buff inclusions
10	3/4/2-11	Open vessel. Interior: yellow glaze with patches and spots of undissolved pigment applied on light slip. Fabric pinkish buff, compact, well levigated, with some small brownish inclusions
11	Area 2, layer 2	Interior: green glossy glaze applied on white slip; traces of tripod stilt. Runs of glaze on the base and bottom underside. Fabric dark pink, compact, well levigated, with no visible inclusions
12	Area 2, layer 1	Runs of yellow glaze and white slip. Fabric light red, compact, well levigated, with some small light brown inclusions
13	6/1-12	Light grey compact stone paste. The opaque jade-color shiny smooth glaze covers both sides of the fragment
14	3/5/3-11	Open vessel. Interior: opaque yellow glaze with slight olive tint. Fabric red, compact, well levigated, with no visible inclusions

Fig. 111

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	Area 2, large dump	Exterior shows traces of burning. Interior: yellow (?) glaze applied directly on clay. Fabric overfired to dark brown, with mica particles and dark brown inclusions
2	Area 2, locus 5	Interior: yellow glossy glaze applied on light slip. Exterior: the same glazy applied directly on clay. Fabric light red, with small light, reddish inclusions
3	Heap of small stones	Both sides are covered with yellow glaze applied directly on clay; on the exterior the glaze shows traces of burning. Rim: runs od glaze. Fabric reddish-yellow, compact, finely levigated, with some tiny greyish inclusions
4	4/4/2-11	Open vessel (casserole?). Colorless glaze applied on clay covers interior, handle and rim exterior. Patches and runs of glaze on the body exterior. Fabric bright red, with small red inclusions
5	5/4-12	Horizontal narrow band of yellow (?) glaze on the shoulder. Fabric compact, well levigated, with rare tiny light and larger brown inclusions; dark brown exterior, yellowish-red core, brown interior.
6	5/4-12	Open vessel with carinated body and ear-shaped handle. Interior: yellow glaze applied directly on the clay. Fabric reddish-brown, with tiny light and brown inclusions
7	Area 1, north-eastern corner	Glaze with metallic gloss applied directly on clay. The real color of glaze is difficult to identify but it looks dark brown. Fabric reddish-buff, with small reddish-brown inclusions
8	Area 2, locus 5	Glaze with metallic gloss applied directly on clay. The real color of glaze is difficult to identify but it looks dark brown. Fabric red, with small reddish-brown and light inclusions

identified objects and some others. The second group is constituted by RSW imitations manufactured of clay that differs from that of the previous one. Different fabrics of these two groups can be explained by different sources of raw materials used here. The same is observed for example in Beth Shean where a

Fig. 112

Fig. 113

single workshop utilized a variety of raw materials and firing techniques and thus simultaneously manufactured vessels of different quality of fabric and its color[1114].

So the workshop tried to supply a demand for various household vessels (for example basins especially popular among a new population) but also made attempts to produce ware intended to replace RSW, which delivery was either completely stopped or complicated.

Parallels to most locally produced vessels are either absent or very rare that can be explained by their marketing primarily in Jericho and its vicinities.

The different composition of refuse heaps revealed in different loci testifies either to the changes in the workshop repertoire that took place in the course of time or to the differences in the assortment of different kilns that can be situated on the neighboring yet unexcavated area.

The pottery associated with the uncovered pottery workshop is dated to the Byzantine — Umayyad period and includes the types that in most cases originate in the Byzantine period but continue to be in use into the Umayyad time and can be equally assigned to both periods. However, the small amount of purely Byzantine pottery found on the area says in favor of the Umayyad date of most part of the regarded assemblage. For example the extremely rare finds of the late forms of RSW of the Mediterranean origin cut off most of the 7th century when the turn from the westward-oriented economics to the eastward oriented one suggestedy connected with Islamic conquest was begun.

Besides the largest group in the corpus is constituted by basins and “black” bag-shaped slip-painted storage jars that are considered to be dated to the Umayyad period, and some loci contained fragments of purely Umayyad pottery. So the workshop seems to have appeared at the very end of Byzantine period at the earliest and worked mainly in the Umayyad time, that is 7th — mid-8th centuries.

The uncovered pottery workshop is likely to have worked being the part of the Christian monastery or some pilgrimage centre, which remains have been uncovered on the plot (building remains with mosaics, some Christian artifacts) and which continued to function under the Umayyads. The emergence of Islam

[1114] Bar-Nathan 2011: 211.

Fig. 112

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	2/4/1-11	Closed vessel. Turquoise covering glaze. Paste grayish, friable, with innumerous small light brown inclusions
2	6/1-12	Closed vessel. Turquoise glaze on the neck interior. Underglaze painting in black (inscription?) on the exterior. Turquoise covering glaze. Paste light light buff, friable, with some small light inclusions
3	3/5/3-11	Closed vessel. Underglaze painting in dark blue on the exterior. Colorless covering glaze on both sides. Paste white with slight pinkish tint, compact, with some small dark inclusions
4	3/5/3-11	Closed vessel. Underglaze painting in dark blue on the exterior. Colorless covering glaze. Paste white with slight pinkish tint, friable, with no visible inclusions
5	2/4/1-11	Closed vessel. Turquoise covering glaze. Paste greyish, friable, with some small light brown inclusions
6	4/-/3-11	Dish. Underglaze painting in dark blue on both sides. Colorless covering glaze. Paste white, friable, with small light brown inclusions
7	4/4/2-11	Bowl. Underglaze painting in blue on both sides. Covering glaze has not survived. Paste white, friable, with some tiny dark inclusions
8	2/3/1-11	Open vessel. Underglaze painting in blue and turquoise on both sides. Colorless covering glaze. Paste off-white, very friable, with some small light inclusions
9	3/5/3-11	Underglaze painting in dark blue on the exterior. Covering glaze has not survived. Paste white with slight pinkish tint, friable, with no visible inclusions
10	2a/3/1-11	Interior: turquoise glaze. Exterior: painting in black under colorless covering glaze. Frit white, friable, with rare brownish particles

Fig. 113

No.	Locus	Fabric, surface, covering and other characteristics
1	6/1-12	Open vessel. Underglaze painting in black on the interior. Covering glaze has not survived. Traces of repair (a hole) on the. Paste light-light-greyish-buff friable, with small dark-greyish-buff inclusions
2	3/5/3-11.	Open vessel. Underglaze painting in dark blue on the interior. Colorless covering glaze on both sides. Paste with slight pinkish tint, compact, with some small dark inclusions
3	6/1-12	Closed vessel. Underglaze painting in dark blue on the interior. Colorless covering glaze on both sides. Traces of thick white covering on the exterior. Colorless covering glaze on the interior. Paste white, friable, with small dark inclusions
4	4/4/3-11	Closed vessel. Runs of turquoise glaze on the exterior. Underglaze painting in dark blue on the interior. Frit white friable, with some dark brown inclusions
5	3/4/2-11	Open vessel. Traces or repair on the base. Painting in dark blue under colorless covering glaze on both sides. Runs of colorless glaze on the base interior. Paste off-white, compact, with some tiny dark inclusions
6	6/1-12	Open vessel. Traces of turquoise glaze on the interior. Paste grayish, with some small dark brown inclusions, compact, with some small dark inclusions
7	4/2/2-11	Open vessel. Underglaze painting in dark blue on the interior. Covering glaze has not survived. Paste with slight pinkish tint, slightly friable, with small light inclusions

and Arab conquest of Palestine didn't abruptly transform the religious orientation of the region as it was considered earlier. Archaeological evidence shows that the Byzantine–Islamic transformation was a long and complicated process and Christian communities remained active throughout the Early Islamic period and continued to function uninterruptedly until the 9th – 11th centuries[1115]. In Jericho and its environs the Islamic rule did not interrupt the existence of Christian and Jewish settlements[1116]. In the 7th or 8th centuries in a village in Tell el-Sultan the synagogue was established and continued to be in use until the 9th or 10th century. Christian presence is evidenced through a number of churches and monasteries revealed in the Jericho area, which all continued to function during the Early Islamic period. Basilica at Khirbet en-Nitla shows several stages of use in the Byzantine and Early Islamic times. The last church was constructed after the 749 earthquake. The church discovered in Tell el-Hassan was converted into residential complex only during the 8th or 9th century. The plains east of Jericho towards the River Jordan were dotted with churches and monasteries that continued well into the Early Islamic period. All these facts demonstrate the peaceful

[1115] Avni 2011: 393–394.
[1116] Di Segni 2006–2007.

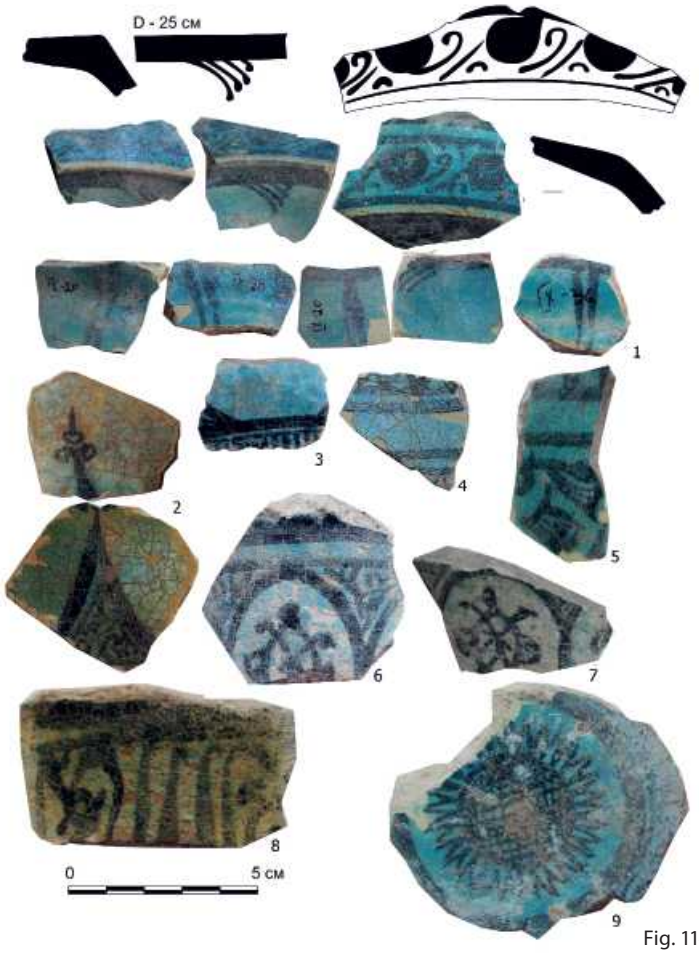

Fig. 114

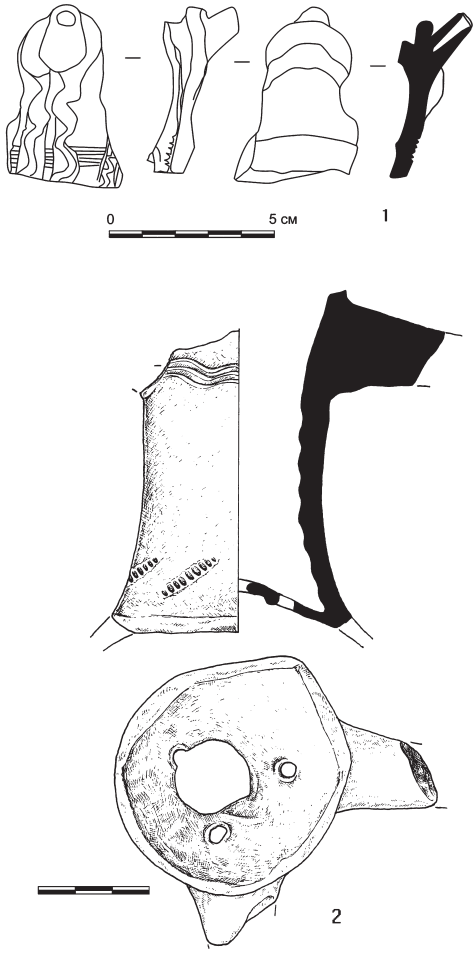

Fig. 115

incorporation of the city into the Islamic state and the tolerance maintained by the Muslim authorities[1117].

At some moment the workshop ceased functioning and the site was abandoned for several centuries. The question is when did it happened and what was the reason of its abandonment. The answer should be searched for in the composition of the regarded assemblage, that is characterized by the limited number of fragments of flat-rim basins dated to the 8th – 9th century as compared to hundreds of sherds of earlier types of basins (arched-rim ones of form 3 after J. Magness) especially popular in the Umayyad period; limited number of the so-called "red on cream" vessels that does not occur in the 7th century contexts and appeared only in the first half of the 8th century.

On the other hand the uncovered pottery assemblage ceased to be formed before the rise of the Abbasid dynasty in the mid-8th century when the new crops from India, Persia and Mesopotamia were introduced causing the change in types of foods and correspondingly in the manner of its preparation and serving that was reflected in the ceramic assemblage[1118] and in the second half of the 8th century buff jugs with impressed and applied decoration appeared. So the complete absence of these groups of pottery in the corpus regarded allows placing it in the time just before these cardinal changes happened, i.e. in the first half of the 8th century. This date is confirmed by the sharp difference of the assemblage in question from the corpus yielded by the excavations at Kh. el-Mafjar that lies 5 km north of Jericho and assigned by D. Whitcomb to the second half of the 8th century[1119].

So the pottery workshop stopped to function at some moment during the first half of the 8th century. The most probable reason is one of the earthquakes that devastated the region in the middle decades of the century: between 756/7 and 766 three or four strong quakes happened[1120]. There is a considerable confusion concerning the date of the most disastrous one that was felt with great violence in the Southern Syria, Palestine and the Valley of Jordan and from Persia to Egypt and was mentioned in Byzantine, Arab and Jewish written sources. Then Jericho, Hisham palace, Jerusalem and Jerash and many other sites

[1117] Avni: 2014: 228.
[1118] Magness: 1995. P. 118.
[1119] Whitcomb 1998.
[1120] McNicoll, Smith and Hennessy 1982: 144.

Fig. 114

No.	Locus	Fabric, covering, surface and other characteristics
1	4/2/2-11	Fragments of an open vessel with conical body and ledge rim. Underglaze painting in dark blue on both sides. Bright turquoise covering glaze. Paste with slight buff tint and brownish inclusions
2	3/3/1-11	Closed vessel. Painting in black under turquoise glaze. Paste off-white, friable, with some tiny brownish inclusions
3	5/1/-12	Closed vessel. Painting in black under turquoise glaze. Paste off-white, compact, with tiny buff inclusions
4	6/5-12	Open vessel. Painting in black under turquoise glaze on the interior. Paste off-white, friable, with some tiny brownish inclusions
5	2/4/1-11	Painting in black under turquoise glaze. Paste grayish-buff, friable, with some small light brown inclusions
6	5/1-12	Turquoise covering glaze on both sides. Underglaze painting in dark blue on the exterior. Paste with slight buff tint, compact, with small brownish inclusions
7	4/4/2-11	Closed vessel. Turquoise covering glaze on both sides. Underglaze painting in black on the exterior. Paste white, with some small dark inclusions
8	3/5/3-11	Closed vessel with cylindrical body. Underglaze painting in dark-dark blue on the exterior. Covering glaze is turquoise. Paste grayish-pink, compact, with some small dark inclusions
9	4/4/2-11	Closed vessel. Underglaze painting in dark-dark blue on the exterior. Turquoise covering glaze on both sides. Underglaze painting in black on the exterior. Paste white, compact, with some small dark inclusions

Fig. 115

No.	Locus	Fabric, surface and other characteristics
1	Drainage trench, western part	Fabric buff, finely levigated, with no inclusions
2	Area 4	Light buff, compact, well levigated.

along the Jordan Valley were destroyed, churches and monasteries collapsed and many tens of thousands of people were killed (Cedrenus, Dionysus of Tellmahr, Ibn Tagri Birdi, Ibn Al-Muqaffa, Margaliot, Michael the Syrian, Sibt Ibn Al-Jawzi, Theophanes)[1121]. The evidences of the written sources are confirmed by the archaeological data. Excavations in Jerash, Pella, Cafarnaum, Hippos, Scythopolis, Kh. el-Mafjar and Jerusalem have revealed considerable destruction layers caused by a sudden disaster.

The sequences of the natural catastrophe were aggravated by the geopolitical circumstances: the Umayyad dynasty was changed by the Abbasid one and the center of power moved from Syria to Iraq causing a social crisis that seriously affected the region and finally ruined many the once splendid cities[1122].

The same fate befell Jericho. Its territory seems to have been reduced. At least the plot in question was desolate for several centuries and ruins of pottery workshop little by little were covered with a thick layer of soil. Then on the site some signs of light habitation appeared. The plot seems have been used as a dumping ground by the residents of some dwelling area situated in immediate vicinity to it. This suggestion is confirmed by the composition of the late pottery assemblage that contains fragments of hardly discarded vessels and by the absence of any related building remains on it.

The bulk of uncovered pottery can be assigned to the ap. 12–14 centuries and consists mainly of vessels associated with sugar production, hand-made pottery and monochrome glazed ceramics. A great number of the first ones in combination with evidence of written sources reveals the importance of Jericho as a center of sugar industry. Vessels imported from different Mediterranean centres that constitute a considerable portion in the assemblages of the seaside sites are extremely rare in Jericho that can be explained by its geographical location far from the seashore. Judging by the overwhelming portion of handmade pottery and monochrome glazed ware manufactured locally or in the close regional centers Jericho in the Mamluk period represented an inland rural site. On the other hand a few expensive imported glazed vessels (Chinese celadon, moldmade bowls, fritware) lead to the conclusion that in Jericho people of a higher social and economic status lived or at least visited it.

Any traces of habitation of the site in the Ottoman period are completely absent, i.e. it stood outside that small desolate village that “consisted of about fifty poor houses, in bad condition...” described by the French traveller Laurent d’Arvieux in 1659.

In sum it should be noted that in spite of the small sizes of our plot its investigation is rather informative and its history seems to reflect the history of Jericho as a whole.

[1121] Sbeinati, Darawcheh and Mouty 2005: 362–364.
[1122] Almagro Jiménez and Navarro 2000: 454–455.

7.2. THE GLASS FINDS

By Larissa A. Golofast

Innumerous glass fragments acquired on the area represent tableware, oil lamps and bracelets. All the vessels are free blown, very fine and delicate, mostly made of bubbly natural-colored green or bluish glass; other colors are represented by single specimens. Sometimes the color of glass is impossible to define due to weathering or intensity of a dye. Decoration is rare: single specimens are adorned with applied threads and trails mostly of the same color as the vessel itself. All the fragments exhibit different degree of decomposition.

Apart from a single blue lamp (?), no other complete vessel or a combination of joining fragments has been revealed. At our disposal are only fragments of rims, bases and handles that as a rule don't allow reconstructing a complete profile of vessels for the glassmakers combined different kinds of rims and bases in various ways[1123] and similar rims and bases are often common to several types of vessels. For this reason rims, necks, bases and handles are regarded separately. For each rim-, neck-, base- or handle-variant possible vessel-types, to which the fragment under question could belong, are given. Regrettably the extremely poor state of preservation of the material often does not allow defining correlation between the depth of the vessel and the diameter of its rim that makes it impossible to identify the vessel-form (beaker, bowl, plate or dish).

Vessels with Cracked-off Unworked or Wheel-polished Rim

Vessels with this rim-type were made with a help of blowpipe but without pontil thus producing cracked-off rim that was left either unfinished or was smoothed with a wheel after the vessel had been knocked off from the unwanted part of the paraison. Vessels with cracked-off rim were in use from the 1st through to the 5th centuries, with a peak falling on the 3rd – 4th centuries when they undoubtedly were one of the commonest in the Mediterranean. In Palestine they were very popular during the Late Roman period, especially in the late 4th century[1124]. At first they were made mainly of bluish glass. Only at the late 4th century they began to be made of olive glass that prevailed through the whole 5th century[1125].

On the area the said vessels are represented with a fragment of the upper body of a vessel with a bent out and up rim and cracked-off and wheel-polished edge (Fig. 1, 1). Sides slightly flaring downwards. Greenish-bluish glass with pin-prick round bubbles. Dulling, locally iridescence. D. of rim is not estimated. The profile of the extant upper body suggests a beaker with straight sides, maybe a conical beaker or a cup. Conical vessels were wide spread on the vast territory from the Middle East to the Western Europe and are identified both as beakers and lamps. Their use as lamps is confirmed by representations on some mosaics from synagogues[1126]. The only verified center producing this kind of vessels has been uncovered at Jalame[1127].

Bowls and Beakers with Fire-Rounded Rims

Several rims were rounded by reheating while the vessel was held on the pontil. They are thickened, vertical or slightly outcurved (Fig. 1, 2–10). The walls of these vessels either slightly taper downward or are vertical. No complete shape could be restored but most of them are associated with stemmed goblets, various lamps or bell-shaped beakers though some of them with larger diameters may belong to bowls. The glass colors are mostly of different shades of green with various amounts of bubbles and different degree of decomposition.

Beakers with Solid Base and Wound Trail below Rim (Fig. 2, 5)

Beakers with wound trail below rim were one of the most common types in the Galilee during the 4th century, with a wide distribution in other regions[1128]. They have cylindrical body flaring in the upper and lower parts, fire-rounded rim with a wound trail below and a solid base sometimes with spherical kick on bottom. In Israel the beakers with the solid base are one of the most diagnostic vessels of the 4th centuries[1129]. Large quantities of such vessels were found in the factory dump at Jalame where they are likely to have been produced[1130]. Yet vessels with a trail below the rim were also known in the later periods. For example at Ashkelon and En Boqeq they were found in the Late Byzantine contexts[1131].

Bowls with Flaring Rim (Fig. 1, 6)

Bowls with out-tuned rim are known from the 2nd century A.D.[1132]. Shallow and deep bowls with similar rim were manufactured at Jalame where a lot of their fragments were found in the factory dump and were

[1123] Weinberg, Goldstein 1988: 38.
[1124] Gorin-Rosen 2002: 292. Fig. 2, 13; Katsnelson 2010: 137.
[1125] Foy 1995: 198–199.
[1126] Weinberg and Goldstein 1988 : 90.
[1127] Ibid : 87–94.
[1128] Gorin-Rozen 2009: 88.
[1129] Gorin-Rosen 2009: 89.
[1130] Weinberg and Goldstein 1988: 60–62. Fig. 4–23.
[1131] Katsnelson, Jackson-Tal 2004: 102. Fig. 1, 9–10.
[1132] Isings 1957: Form 87.

assigned to the second half of 4th century A.D.[1133] Crowfoot and Harden identified these bowls as lamps[1134]. But it can't be excluded that the rim under question could belong to a later stemmed goblet or a lamp.

Bowls with Outfolded Rim
(Fig. 1, 11–20)

Thousands of rim fragments of this kind — rounded ones folded out, down, and inward, often with air space in the fold — have been found at Jalame, mainly in the factory dump[1135]. But it seems that this type of bowls was produced not only at Jalame where they are dated to the second half of the 4th century but also in other workshops of Galilee. The rim may flare out or follow the line of the vertical or slanting wall, or even incline inward. The width of the fold is also different. Such vessels probably had a pushed-in hollow ring-base[1136]. The sizes of the bowls, that can be shallow or deep, vary greatly. Such dishes and bowls are the most common find in the Syro-Palestinian area, Egypt and Cyprus. The type appeared in the beginning of the 2nd century and became very popular during the 3rd and 4th centuries[1137]. Yet such vessels are long living. They are well known in the late Byzantine and Umayyad contexts[1138] and even later. For example at Beth-Shean similar vessels were found in the contexts dated to the period between the 8th and 11th centuries[1139]. In Tiberias they were in use from the Umayyad period up to the 11th century[1140]. There are also similar specimens that came from the Mamluk layers[1141].

In the assemblage different subtypes of these vessels distinguished by Y. Gorin-Rosen are represented: shallow bowl with flaring (shelf-like) out-folded rim (Fig. 1, 20); deep and shallow bowls with slightly flaring and upright out-folded rim (Fig. 1, 11–17, 18); there is one fragment with incurving out-folded rim (Fig. 1, 18).

Jugs and Flasks

Jugs and flasks of various forms and sizes were fairly abundant in the Roman and post-Roman periods. Having appeared in the first centuries AD similar forms ran through a long period of time making their dating very difficult if possible. Besides, numerous combinations of various shapes of rims, necks, bodies and bottoms make the reconstruction of complete forms by fragments practically impossible. Nevertheless most of them had concave base, globular or pear-shaped body and tall cylindrical neck. There were several variants of the upper part of the neck: funnel, upright or out-curved, with the edge folded out- or inward.

Long-necked Flasks with Funnel-shaped Mouth

Long-necked flasks with funnel-shaped mouth is represented by four fragments made of greenish glass: two — with infolded edge (Fig. 1, 27), and two — with thickened fire-rounded rim (Fig. 1, 28). The necks like this were very common in Late Roman, Byzantine and Umayyad periods at different Near Eastern sites being especially popular there in the 4th-5th centuries[1142]. For example at Jalame they were revealed in the pre-factory period[1143]; at Beth Shean such bottles were found with pottery and coins of the Umayyad period and judging from the finds from Bosra, they were in use until the end of this period and did not continued beyond it[1144]. Yet at Hama they are assigned to the time after the 9th or 10th century[1145]. Vessels with such necks usually have globular body and concave bottom represented in the assemblage by several fragments.

Jugs and Bottles with Applied Horizontal Trail below the Rim
(Fig. 2, 1–4)

Jugs and bottles with applied horizontal trail below the rim were common in the Late Roman — Byzantine layers[1146]. Sometimes the neck of these vessels was also decorated with a trail attached at the mid-height. As a rule, jugs of this type have a ribbed strap handle analogous to that depicted on Fig. 3, 13. Many bottles of this type with fire-rounded edge decorated with a single trail of the same greenish color as the vessel itself were found in the factory dump at Jalame[1147]. Their finds are also reported from Ashkelon[1148], En-Gedi[1149] and so on.

[1133] Weinberg and Goldstein 1988: 40. Fig. 4–1, 2, 3; 4–2, 6.
[1134] Crowfoot, Harden 1931: Pl. XXIX, 19.
[1135] Weinberg and Goldstein 1988 : 41.
[1136] Weinberg and Goldstein 1988: 41, fig. 4–3; Gorin-Rosen 2009: 79.
[1137] Weinberg and Goldstein 1988: 43.
[1138] Jackson-Tal 2012: 57.
[1139] Hadad 2005: 21, 36–37. Pls. 3:55, 68; 28:559; 29:565; Lester 2004: 168, 173. Fig. 7.1, 21–24.
[1140] Lester 2004: 173. Fig. 7.1, 25–26.
[1141] Meyer 1992: 81.
[1142] Katsnelson 2010: 139. Fig. 4, 20–22; Winter: 2010. Fig. 2, 10; Gorin-Rosen 2009: 92. Fig. 2.54, 1–2; Jackson-Tal 2007: 486. Pl. 9, 1–3.
[1143] Weinberg and Goldstein 1988: 72. Fig. 4–33.
[1144] Hadad 2005: P. 24.
[1145] Riis and Poulsen 1957: 41.
[1146] Gorin-Rosen 2009: 92. Fig. 2.54, 3–5; Jackson-Tal 2013: 114. Pl. 3.10, 4; Jackson-Tal 2007: 476.
[1147] Weinberg and Goldstein 1988: 69–70, 73. Fig. 4:31, 262, 263, 265; 4:35, 297.
[1148] Katsnelson, Jackson-Tal 2004: 103–104. Fig. 2, 2.
[1149] Jackson-Tal 2007: 487. Pl. 9, 4–5.

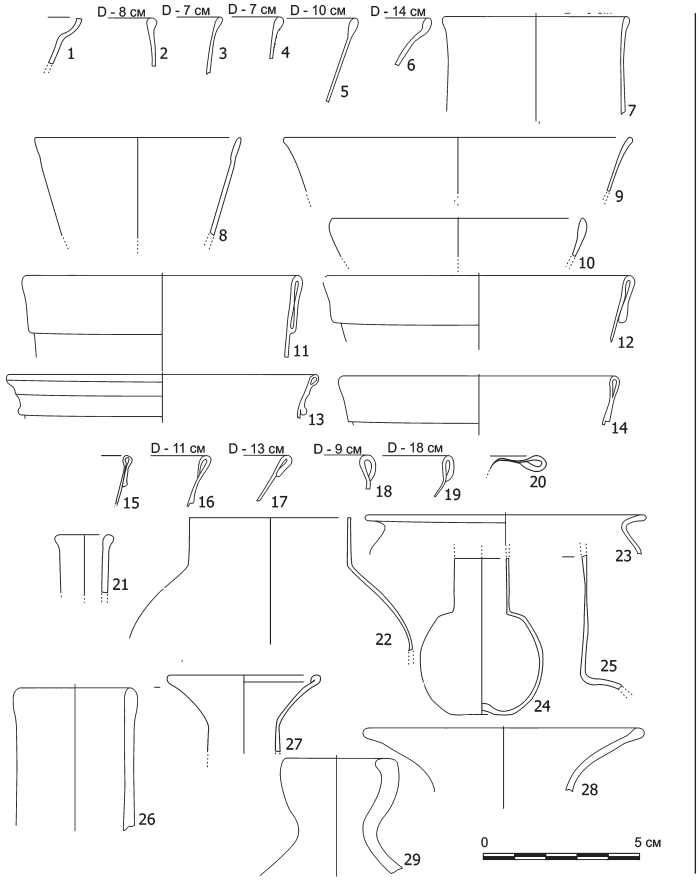

Fig. 1: 1 - vessel with cracked-off rim; 2–10 - bowls and beakers with fire-rounded rim; 11–20 - bowls with outfolded rim; 21, 24 – vials; 22, 23 – jars; 25–26 - plain cylindrical neck bottles; 27, 28 - long-necked flasks with funnel-shaped mouth; 29 - bottle with a cup mouth.

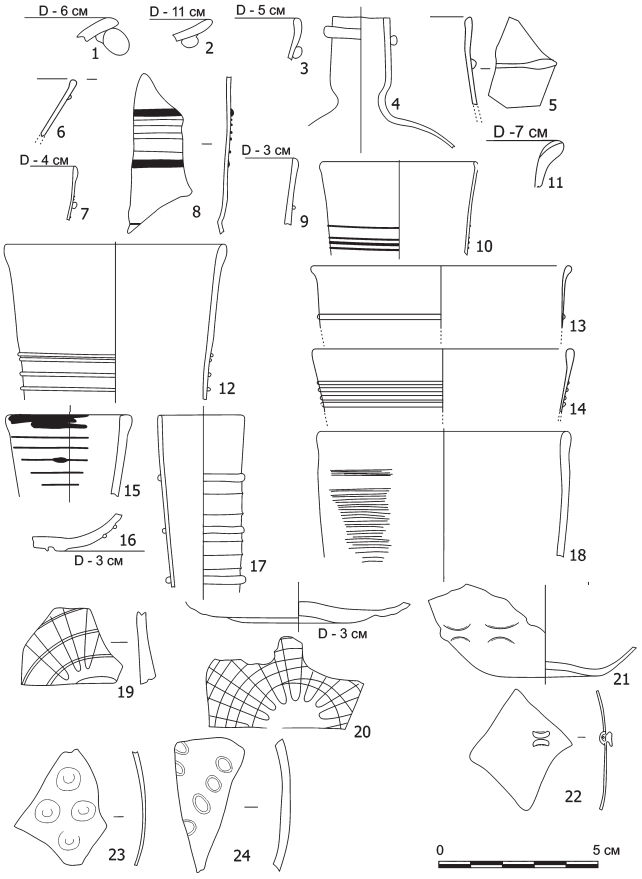

Fig. 2: 1, 2 - jugs and bottles with funnel mouth and applied horizontal trail below the rim; 3–18 - vessels decorated with applied trails and threads; 19–20 - bowls with marvered decoration; 21–22 - vessels with pinched decoration; 23–24 - vessels with mold-blown decoration.

Fragment of a slightly flaring downward vessel decorated at a mid-height with a single trail (Fig. 2, 5) is very close to the fragments of large bottles found in the factory dump at Jalame where they are likely to have been produced.

However vessels with this type of decoration continued into the Umayyad period. The examples come, for example from Jerash[1150] and Beth Shean[1151].

Plain Cylindrical Neck Bottles

Plain cylindrical neck bottles (Fig. 1, 24–26) as a rule have a globular body and a concave bottom. Their neck could be low or high, wide or narrow, narrowing or widening upwards. According to the observations of N. Katsnelson and R.E. Jackson-Tal these bottles have no pontil mark. They are extremely common in Israel and can be found in almost every Byzantine site[1152]. Yet similar vessels were in use up to the 13th century. For example, in Arsur several fragments of similar necks have been found in the cesspit filled up in 60s of the 13th century[1153].

Bottles with Thickened Rim Folded upon itself (Candlestick-Type Bottles).

These vessels are characterized by a globular body, thickened rim, mushroom shaped in section, folded upon itself and flattened on the marver (Fig. 3, 1–4). Bottles with similar rim were very common in the Roman period, then after some interval reappeared in the Umayyad time when they were especially common, and continued into the later periods. To attribute them to some definite period is very difficult if possible. In Jericho they were found in the Umayyad context in the synagogue[1154]. Several completely survived vessels with this rim type have been revealed in the Umayyad contexts at Beth Shean. All of them have a globular

[1150] Meyer 1987: Fig. 11; L, M.
[1151] Hadad 2005: 25. Pl. 13, 248–257.
[1152] Katsnelson, Jackson-Tal 2004: 105. Fig. 2, 6–8; Jackson-Tal 2013: 114. Pl. 3.10:5–6; Hadad 2005: 23. Pl. 5–6, 102–221.
[1153] Jackson-Tal, Tal 2013: Fig. 12, 1, 2.
[1154] Baramki 1938: 73. Fig. 21, 1.

body typical of the Umayyad period but various sizes and various widths of the rim[1155]. One of the bottles with such a rim from Beth Shean where it is assigned to the Umayyad period has a nipped decoration[1156].

The latest bottles with this rim type are found in Beth Shean where they are dated to the 12th – 14th centuries[1157] and in Quseir al-Qadim where they occur in the layers of the 14th – 15th centuries[1158]. It should be mentioned that late vessels are "uncomfortably similar to the Roman ones"[1159].

Long-necked Flasks Decorated with Ruffles

This type is represented with a fragment of a tall cylindrical neck of bluish glass with fire-rounded rim and self-colored ruffle at the mid-height (Fig. 3, 5) and several small wall fragments (Fig. 3, 6–10). This type of applied decoration was in use for centuries (Byzantine, Umayyad, Mamluk periods) and almost always it adorned the necks of tall bottles. Several bottles with ruffles have been uncovered at Jerash where they are dated from the 4th-6th onwards[1160]; at Samaria an identical bottle was found in the 6th century monastery[1161]; in Byzantine synagogue near Jericho they were assigned to the 8th century[1162]; in Beth Shean they came from the Umayyad contexts[1163]; in Tiberias similar vessel has been found in the Strata of the Early Abbasid and Late Fatimid periods; some bottle necks with ruffles were revealed at Khirbat al-Karak[1164], on Mount Nebo, at Hama[1165]. Ruffles decorate a bottle from the cesspit filled up in 60s of the 13th century in Arsur[1166].

Bottle with a Cup or Funnel Mouth

The exact parallel to the bottle with a cup-shaped mouth (Fig. 1, 29) has come from Quseir al-Qadim[1167]. C. Meyer assigned it to the group of *Bubble Neck Bottles* with a bulge or bubble below the mouth, dated it to the Mamluk period and gave analogies from Sennar where they are assigned to the 13th – 16th cc.

Vials

Two fragments seem to have belonged to vials (Fig. 1, 21, 24). Such vessels were presumably intended for perfume, medicines or kohl and were made in different colors. One of the vials in question has a globular body with abrupt transition to the cylindrical neck.

Jug Handles

Strap multiple-ribbed handles (Fig. 3, 13) were characteristic for various types of jugs that were in use in the 4th – 7th/8th centuries[1168] with the peak falling on the 5th century. Very similar have been revealed among Byzantine materials at Horbat Nazur[1169] and Horbat 'Uza[1170].

Jars

In the Mamluk locus 3/2/2 a fragment of a globular jar with short neck and splayed rim has been found (Fig. 1, 23). Such vessels are known since the 3rd – 4th centuries and continued to be in use up to the 16th century[1171]. For example, in Tiberias fragments of such vessels have come from the Strata of the Umayyad, Abbasid and Late Fatimid periods[1172]. In Quseir al-Qadim they occur in the layers of the 13th — early 14th centuries[1173].

Exact parallels to the vessel with spherical body and low cylindrical neck with cracked-off and wheel-polished edge made of colorless glass with occasional bubbles and silvery-iridescent weathering (Fig. 1, 22) were not found in the literature available. Yet it should be noted that vessels with a cut edge appeared in the first century AD but also occur in the Umayyad layers[1174]. As to the shape the vessel in question is very close to the jars that were in use in the 10th – 14th centuries[1175].

Vessels Decorated with a Thread

Some vessels including beakers, bowls and bottles of different types are decorated with a thread spirally winding around body (Fig. 2, 8–10, 12–18). It could be either of turquoise-blue glass or, in most cases, of the same color as the vessel itself. This type of decoration, considered to be Syro-Egyptian in

[1155] Hadad 2005: 23. Fig. 9–11, 182–196.
[1156] Hadad 2005: 24. Pl. 12, 222.
[1157] Lester 2004: 182. Fig. 7.7.
[1158] Whitcomb 1983: Fig. 2y.
[1159] Ibid: 234–236.
[1160] Meyer 1992: 206–207. Fig. 11: C-E.
[1161] Crowfoot 1957: 418.
[1162] Saller 1941: 320. Pl. 141.
[1163] Hadad 2005: 25. Pl. 13, 262–278.
[1164] Delougaz and Haines 1960: P. 59.
[1165] Riis and Poulsen 1957: 60–61.
[1166] Jackson-Tal and Tal 2013: Fig. 10, 2.
[1167] Whitcomb 1983: 104. Fig. 2w.
[1168] Weinberg, Goldstein 1988: 65; Saldern 1980: 82–83, 85; Dussart 1998: 146.
[1169] Winter 2010: Fig. 2, 12.
[1170] Gorin-Rosen 2009: 92. Fig. 2.54, 6.
[1171] Meyer 1992: 79–80.
[1172] Lester 2004: 175. Fig.7.4, 42, 45–47.
[1173] Whitcomb 1983: 104. Fig. 4c.
[1174] Hadad 2005: 23. Pl. 6, 104.
[1175] Meyer 1992: 79.

origin, appeared in the Late Roman period, became the most common decoration in the Umayyad period and lasted until the 10th century or even later, into the Mamluk time[1176]. In the Late Byzantine period the centers producing vessels with this type of decoration is considered to have been in Beirut[1177] and Ramla[1178]. Vessels decorated with blue threads came from the 4th — early 5th century contexts at Petra[1179], from the 4th century loci in Horbat 'Uza[1180]; of the 4th – 5th centuries are the vessels from Ashkelon[1181]; in the 6th – 7th centuries they were characteristic for the region of Jordan and Asia Minor[1182]; they occur at Amorium[1183],Ashkelon, En Boqeq fortress, Jerusalem[1184], En-Gedi[1185] and so on.

Fragments of bowls with applied horizontal trails, similar to the depicted on the Fig. 2, 9, was found in an Umayyad context at Bosra[1186], the same decoration occurred in the Abbasid–Fatimid contexts at Beth Shean[1187]; the exact analogy to our vessel depicted on the Fig. 2, 12 has come from the cesspit filled up in 60s of the 13th century in Arsur[1188].

Two fragments (Fig. 2, 8, 17) undoubtedly belonged to bottles with a narrow high neck constricted near the shoulder and divided into three zones by thick threads with thin threads between them. A lot of such bottles have come from the Umayyad contexts at Beth Shean[1189].

One fragment (Fig. 2, 10) could belong to a bottle with two-parted neck consisting of a low narrow lower part and a wide and high upper one decorated in the middle with closely placed thin threads. Such vessels were found in Beth-Shean and were similar in shape to the typical Umayyad pottery flasks[1190].

Bowls with Marvered Decoration

The decoration with applied and marvered trails (marvering) is one of the oldest known decoration of glass well-known from the 1st up to the 13th and 14th centuries[1191]. The technique consisted in decoration of the vessel with trailed glass of color or colors different from the color of the vessel itself; then the trails were flattened by rolling the vessel on some flat surface.

In the presented glass assemblage vessels with this kind of decoration are represented by several fragments of bowls with vertical threads of white opaque glass marvered into manganese glass of the body. Some of them have mold-blown vertical ribs (Fig. 2, 19–20). The concave bottom preserved on one of the fragments has a round pontil mark 1,2 cm in diameter on the underside (Fig. 2, 20). Ribbed vessels have a long tradition in the Roman and Byzantine periods but were also very common during the Islamic period[1192]. The fragments of such vessels attributed to the Umayyad and Abbasid–Fatimid periods have come from Kh. el-Thahiriya[1193], Ramla[1194], Beth Shean[1195] and so on. In En-Gedi a fragment of a ribbed bowl was found in the Mamluk layer[1196].

All Jericho fragments have been revealed in the *loci* of the Mamluk period when such decoration was one of the most popular decorative techniques. In this time vessels with marvered decoration are known in Syria and Egypt where mostly purple and blue glass matrix was used[1197]. But the nearest to Jericho centre of marvered-glass production is likely to have been located in Jerusalem where the large number of marvered vessels have been found[1198]. The characteristics of Jerusalem products (white-opaque trail marvering, mainly on a purple glass matrix) coincide with those of Jericho specimens testifying to their Jerusalem origin. This technique was used on a wide variety of vessels but the most popular were bowls of globular shape with a flat base that may have been used as oil lamps. A lot of them were blown in ribbed molds[1199]. To this very type the fragments in question are likely to have belonged.

[1176] Jackson-Tal 2007: 492; Hadad 2005: 25.
[1177] Jennings 1997–1998: 117. Fig. 21.
[1178] Tal, Jackson-Tal and Freestone 2008: 87. Fig. 10, 1.
[1179] Keller: 1996.
[1180] Gorin-Rosen 2009: 85–86.
[1181] Katsnelson, Jackson-Tal 2004: 100, 102. Fig. 1, 5–8; 2, 2, 3.
[1182] Katsnelson 1999: 80.
[1183] Gill 2002: 43–44.
[1184] Katsnelson 1999: 71. Fig. 2, 9–11.
[1185] Jackson-Tal 2007: 483–484. Pl. 6, 6–7.
[1186] Wilson and Sa'd 1984: 147, No. 550.
[1187] Hadad 2005: 679–680.
[1188] Jackson-Tal, Tal 2013: Fig. 12, 8.
[1189] Hadad 2005: 25. Pl. 12, 223–229.
[1190] Hadad 2005: 25. Pl. 12, 231.
[1191] Harden 1936: 266, 274. Pl. 20; Whitcomb1983: 103; Jackson-Tal 2007: 491–492.
[1192] Jackson-Tal 2012: 60.
[1193] Ibid.: Fig. 1, 11–12.
[1194] Gorin-Rosen 2010: 246–247. Pl. 10.9:1; Jackson-Tal 2008: 167. Fig. 6.112:1, 2.
[1195] Hadad 2005: 21–22, 36–37. Pl. 4:82; 31:604–606.
[1196] Jackson-Tal 2007: 492. Pl. 13, 9.
[1197] Brosh 2014: 302.
[1198] Ibid.: 303–304.
[1199] Ibid.: 304.

Vessels with Pinched (Nipped) Decoration

Pinching, very common at the end of the Byzantine and in the Umayyad periods, was used for the decoration of different types of vessels and usually is set on the lower part of the body, very close to the base (Fig. 2, 21–22). A small Umayyad glass-making workshop with numerous broken pinched beakers has been uncovered at Pella[1200]. Fragments of vessels with this kind of decoration were found in the Umayyad Strata in Tiberias, Ramla, Kh. Tabaliya, Horbat Hermeshit[1201], Beth Shean[1202] and so on. In Pella they are dated to the 8th — early 9th centuries. The latest fragment has come from Tiberias where it was revealed in the Stratum of the Late Fatimid period (1033–1100)[1203].

Vessels with Mold-blown Decoration

Two fragments belonged to a vessel decorated with very shallow mold-blown design consisting of closely spaced ovals in rows (Fig. 2, 23–24). Such vessels were made by blowing the paraison into the mold and after removal from the mold, the vessel was blown again and tooled to the desired shape[1204]. So the final decoration was not so sharp as it was on the mold. Rare fragments of such vessels occur in the Umayyad layers at Beth Shean and some of them are very close to the fragments revealed in Jericho[1205]. Similar decoration adorns some vessels from the Umayyad levels at Caesarea, Jerash, Fustat[1206]. However this type of decoration covers very broad time span from the 8th to the 13th centuries[1207].

Medallion-decorated Bowls

Of great interest is a four-leafed rosette applied on a thin wall of a vessel (Fig. 4, 25). This decoration is very close to the medallions that were used for decoration of bowls and jugs and sometimes bear Kufic inscriptions as one of the medallions that ornamented a base of a shallow bowl found at Beth Shean[1208]. As Sh. Hadad notes vessels decorated with medallions and a lot of medallions are in the museums and private collections and only three sites have produced such vessels found in the course of excavations: Aqaba where two medallions have been revealed in the layer of the late 7th/early 8th centuries, Tulul al-Uhaidir in Iraq and Beth Shean where the said bowl and a medallion have been found in the Umayyad contexts[1209]. Jericho medallion has come from the locus that contained Late Byzantine / Umayyad material (L 2/6/5–2011).

LAMPS

The real glass lamps are believed to have appeared at the end of the 5th century[1210] when two basic categories of lamps came into use and later became amply represented on sites throughout the Byzantine world. They are handled ones for suspension and those with pendent stem for insertion into *polycandila* or simple metal loop. Both categories are considered to have been used both in churches and public buildings. The form of oil lamps has remained almost unchangeable in the course of centuries and some of them are manufactured up to date.

Three-Handled Bowl-Shaped Lamps or Tumbler Lamps (Isings-134[1211])

Lamps usually with three vertical suspension handles are typical of the 5th – 7th centuries and are considered to have been the prototype of large enameled mosque lamps[1212]. The earliest examples are dated from the late 4th century[1213] or before the second half of the 5th century[1214] and continued to be in use up to the modern time[1215]. They are well represented in the Eastern Mediterranean: Egypt[1216], Carthage[1217], Constantinople[1218], Cyprus[1219], Thasos[1220] and Chios[1221], as well as at Beth-Shean[1222], Samaria[1223], Resa-

[1200] Walmsley 1992: 255.
[1201] Gorin-Rosen 1999: 11. Fig. 1:15, 16, 18; Gorin-Rosen 2000: 86. Fig. 2:12, 13; Winter 1998: 176, Fig. 1:4, with further parallels therein.
[1202] Hadad 2005: 21. Pl. 4:78–81.
[1203] Lester 2004: 205–206. Fig. 7.14, 171–173.
[1204] Ibid.: P. 201.
[1205] Hadad 2005: 21. Pl. 4, 82–86.
[1206] Hadad 2005: 22.
[1207] Lester 2004: 203.
[1208] Hadad 2005: 22. Pl. 4, 90.
[1209] Ibid.
[1210] Weinberg, Goldstein 1988: 38; Sternini 1993: 260.
[1211] Isings 1957: 162.
[1212] Crowfoot, Harden 1993: 199–200.
[1213] Tatton-Brown 1984: 202; Dussart 1998: 85.
[1214] Patrich 1988: 138.
[1215] Crowfoot 1957: 405.
[1216] Silvano 1988: 23–26.
[1217] Tatton-Brown 1984: 201. Fig. 66, 57; Tatton-Brown 1994: 286.
[1218] Hayes 1992: 400, 404. Fig. 150, 27; 151, 39; 152, 56, 65.
[1219] Young 1993: 43; Foy 1995: 206–207; Chavane 1975: 56–57. Pl. 62, 153.
[1220] Abadie-Reynal, Sodini 1992: 92–93. Fig. 38.
[1221] Ballance, Boardman, Corbett, Hoad 1989: 125. Fig. 51, 17.
[1222] Zori 1967: Ill. on p. 162.
[1223] Crowfoot 1957: 405, 418. Fig. 98, 3; 99, 2–3.

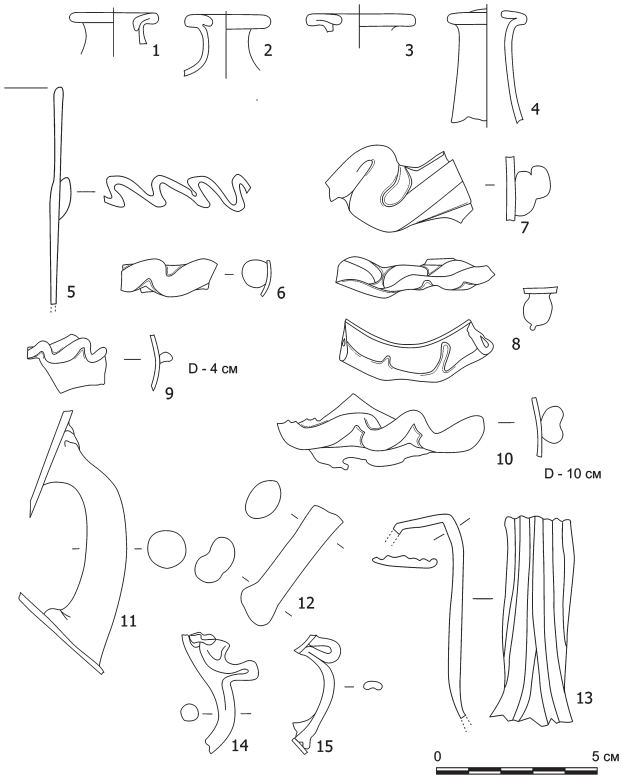

Fig. 3: 1–4 — candlestick-type bottles; 5–10 — long-necked flasks decorated with ruffles; 11–13 — jug handles; 14–15 — lamp (?) handles.

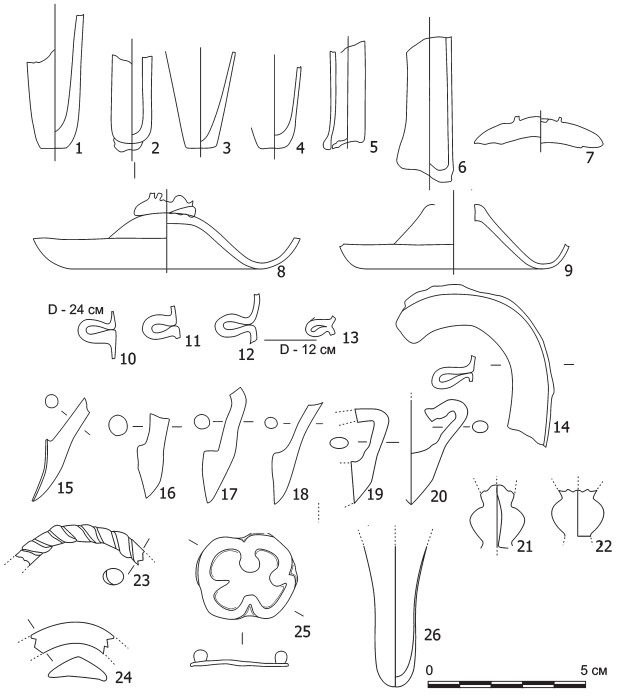

Fig. 4: 1–4 — lamps with long pendant hollow stem; 5–9 — bowl-shaped lamps with central tube; 10–14 — lamps with inner fold; 15–20 — three-handled bowl-shaped lamps; 21–22 - beaded stemmed lamps; 23–24 — bracelets; 25 — Vessel (?) with applied decoration; 26 — flask.

fa[1224], Ashkelon[1225], Jerash[1226] and Amman[1227]. These lamps were found in the layers of the 5th-7th centuries in Rehovot-in-the-Negev[1228]; in the deposits of the 6th — early 7th centuries and first quarter of the 8th century in Pella of the Decapolis[1229]. In Tiberias handles of this lamp type come from the Early Abbasid and 8th-9th centuries Strata[1230].

Completely preserved specimens uncovered at different sites demonstrate great diversity of forms: there were deep and shallow lamps, with fire-rounded and folded rim, cylindrical and rounded body, with and without a base, with an inner wick-tube, sometimes even with a foot. They were widely used in public buildings, synagogues and churches.

Several handles revealed were shaped by applying a glass drop, trailing it upward and tooling to rim or wall (Fig. 4, 15–20). Very often it terminates in thread folded outward on the outer surface of a handle. Such handles were typical of both deep and less common shallow lamps with folded rims[1231], concave bottom sometimes with hollow ring base (Isings-134) that appeared in the late 4th century[1232] and in the 6th – 8th centuries were wide spread across the whole territory of Byzantine world[1233]. In Constantinople and Corinth they occur in the 11th – 12th centuries deposits[1234]. In the Mamluk period such handles the so called mosque lamps had. For these lamps broad globular body and flaring rim were characteristic.

[1224] Konrad 2001: 134. Taf. 101, 14–17.
[1225] Katsnelson 1999: 78. Fig. 1–3.
[1226] Meyer 1987: 205. Fig. 10, N-Q; 12, P, R; Dussart 1998: 82–85. Pl. 14, 16–27; 15.
[1227] Dussart 1998: P. 83, 84.
[1228] Patrich 1998: 134. Pl. XII.
[1229] Smith, Day 1989: Pl. 51, 23; 60, 4.
[1230] Lester 2004: 195. Fig. 7. 11, 131–132.
[1231] Hayes 1992: 400.
[1232] Tatton-Brown 1984: 202.
[1233] Whitehouse 1983; Tatton-Brown 1984: 202. Fig. 66, 57; Jennings 1997–1998: 118. Fig. 20, 11; Meyer 1987: 211–212. Fig. 12 P-R; Katsnelson 1999: 78. Fig. 5, 1–3; Saldern 1980: 45. Pl. 23, 234–235, etc.
[1234] Hayes 1992: 404. Fig. 152, 56, 65; Davidson: 1952. P. 112. Fig. 14, 733, 734.

Bowl-Shaped Lamps with Central Wick-Tube
(Fig. 4, 5–9)

This type of lamps also had three handles intended for metal chains. They were used in public buildings such as synagogues and churches, as well as in private dwellings[1235], appeared in the Late Byzantine/ early Umayyad period and a few decades later became a prevalent type[1236]. A lot of them have been found in the Umayyad layers in Beth Shean[1237]; in Tiberias they have come from the Strata of the late 8th — early 9th centuries but prevailed in the Fatimid ones[1238]. Late Byzantine workshops that produced such lamps have been uncovered in Ramla[1239] and supposedly in Apollonia-Arsuf[1240].

Lamps with Pendent Stems

Lamps with pendent stems intended to keep the lamp steady in the carrier are represented with five types of stems: with long pendant hollow stem, with partially hollow stem, with drop-like stem, with plain solid stem and with bulbous stem.

Lamps with Long Pendant Hollow Stem

In the Early Byzantine period these lamps undoubtedly was the commonest one throughout the whole Byzantine world. They had fire-rounded or folded rim, cylindrical or bowl-shaped body sometimes with a slight constriction and a hollow stem tapering downward[1241]. It can't be excluded that they developed from lamps with small (1,3–2,5 cm) drop-like stem, which numerous fragments were found in Jalame glass-making workshop dated to the late 4th — early 5th centuries[1242].

The latest excavations date their appearance to the late 5th century. To this very time the earliest deposits containing fragments of this lamp-type uncovered in Chersonesos and Rome are dated[1243]. They were wide spread all over the Mediterranean in the Early Byzantine period till the 8th century[1244] but in the Near East the shape with some modifications has survived till now[1245]. Their finds are fixed in Gerasa[1246], Samaria[1247], Beirut[1248], Magen[1249], Ashkelon[1250], at Horbat Nazur[1251], Ma'oz Hayyim[1252], Beth-Shean[1253], Rehovot-in-the-Negev[1254]; in Jerash, Bosra; in Amman and Pella of the Decapolis they were met in the deposits of the 7th — early 8th century[1255]. At Jerash fragments of such lamps have been revealed in the large early 8th century hoard of glass vessels used for church lights along with conical and three-handled lamps[1256]. In Palestine one of the workshops that produced such lamps has been uncovered in Apollonia-Arsuf[1257].

Beaded Stemmed Lamps

The stems of this kind are considered to have been possessed to oil lamps that could be suspended or placed into a lamp holder and developed from the conical vessels of the 4th- 5th centuries. They were used from the 5th – 6th centuries up to the 11th centuries[1258]. Yet similar lamps are still in use in the Near East[1259]. The shape of lamps with such stems and the form of stems themselves varied greatly. The stems presented (Fig. 4, 21–22) resemble those revealed in Medinet Madi (Egypt), Ashkelon[1260] and Amorium[1261]. Hollow bulbous one with deepening on underside dated back to the Late Roman/Early Byzantine period (before the early 6th century) has come from Beirut[1262]. Solid globular one with deepening on the underside was

[1235] Jackson-Tal 2013: 115. Pl. 3.10: 8–9.
[1236] Gorin-Rosen 2012: 91. Fig. 3: 33; Lester 2004: 195.
[1237] Hadad 2005: 29. Pl. 22, 423.
[1238] Lester 2004: 199. Fig. 7.11, 142–149.
[1239] Tal, Jackson-Tal, and Freestone 2008: 87. Fig. 10, 2.
[1240] Freestone, Jackson-Tal and Tal 2008: Fig. 4, 6.
[1241] Abadie-Reynal, Sodini 1992 : 93. Fig. 38, V23; Boardman 1989: 125. Fig. 50, 16; Hayes 1992: 403. Fig. 150, 37, 38.
[1242] Weinberg, Goldstein 1988: 85. Fig. 4–44, 389–396.
[1243] Sternini 1993: 260; Golofast: 2009. P. 310–311.
[1244] Foy 2000: 248–249; Hadad 2005: 29.
[1245] Crowfoot 1957: 405, 415; Saldern 1980: 49; Dussart 1998: 87.
[1246] Baur 1938: 524. Fig. 18, 374.
[1247] Crowfoot 1957: 405. Fig. 96, 2, 6.
[1248] Jennings: 1997–1998: 117. Fig. 20, 3–5; Foy 2000: 245–248. Fig. 4, 6.
[1249] Feig 1985: 38. Fig. 3:5.
[1250] Katsnelson 1999: 79. Fig. 5, 5.
[1251] Winter 2010: Fig. 4, 17–18.
[1252] Tzaferis 1982: 40. Fig. 12, 2.
[1253] Zori 1967: Ill. on p. 162.
[1254] Patrich 1988: 136, 138. Pl. XIII, 14–16.
[1255] Crowfoot, Harden 1931: 198; Meyer 1987: 203. Fig. 10, H-L; Smith, Day 1989: Pl. 51, 23; 60, 10; Dussart 1998: 86–85. Pl. 16, 1–8.
[1256] Crowfoot, Harden 1931: 198–199. Pl. XXIX, 25–26.
[1257] Freestone, Jackson-Tal, and Tal 2008: Fig. 4, 7.
[1258] Silvano 1988: 17, 20; Saldern 1980: 195.
[1259] Saldern 1980: 52.
[1260] Katsnelson 1999: 80. Fig. 5, 9.
[1261] Gill 2002: 131, 135. Fig. 2/2, 45.
[1262] Jennings 1997–1998: 117. Fig. 20, 16.

excavated in Jerusalem[1263]. A group of lamps with short solid bases that varies in diameter from 1,3 to 2,7 cm came from the Early Byzantine contexts at Sardis[1264]. Similar lamps are also known in Tiberias where they have come from the Strata of Umayyad through the Late Fatimid periods[1265].

Yet it should be noted that by the small fragments preserved it's difficult to define surely whether it was a base of a hanging lamp or a knob of a domed lid.

Lamps with an Inner Fold

Three of fragments with an inner fold (Fig. 4, 12–14) surely belonged to the vessels identified as lamps, in which the inner fold was intended for supporting a metal wick-holder[1266]. In Gorin-Rosen's opinion such lamps are dated to the Late Byzantine through the Islamic period[1267].

But two more fragments with analogous folds are too small to assign them surely to such lamps (Fig. 4, 10–11). They could equally belong to the bottles with a splayed neck with a hollow ridge at the base and pear-shaped or globular body. These vessels were well known in the Islamic world since the Umayyad period up to the Mamluk one. In Tiberias the bottle with analogous hollow ridge has been found in the layer of the Early Fatimid period, in Beth Shean — in the Mamluk context[1268], in Arsur several bottles with such a fold have been revealed in the cesspit filled up in 60s of the 13th century[1269].

Intact miniature jarlet with cylindrical body and plain everted rim made of deep blue glass (Fig. 4, 27) seems to have been used as a lamp as well and belongs to the group of miniature vessels that existed continuously for several hundred years from the Umayyad up to the Fatimid periods[1270].

STEMMED GOBLETS

Stemmed or footed goblets (Isings-111[1271]) were the most wide spread type of glass vessels in the Byzantine world from the second half of the 5th century and continued to be the chief vessel-shape into the Umayyad period[1272]. Their fragments (fire-rounded thickened rims which mostly belonged to such goblets and their better preserved thicker feet) comprise the largest group of glass vessels in the 6th – 7th century layers. Finds of complete vessels of this type are extremely rare but those preserved have U-, poppy- or bell-shaped bodies with fire-rounded thickened rim. Usually they are identified as glasses for drinking[1273]. It is confirmed by the complete absence of ceramic vessels for drinking in the 6th – 7th century deposits and by the ceramic assemblage recovered from the dwelling houses at Karanis where stemmed goblets were revealed side by side with other tableware[1274]. Yet the large quantity of such vessels recovered from basilicas[1275] suggests them to have been also used as standing lamps along with their three-handled variant[1276] that could be suspended[1277].

By manufacturing techniques stemmed goblets are usually subdivided into three main groups: 1) with hollow stems and tubular feet made by pushed-in base method; 2) with drawn solid stems and 3) with separately fashioned and applied solid stems[1278].

Goblets with Hollow Stems and Tubular Feet (Fig. 5, 3–19)

This type considerably outnumbers all the rest recovered from the Early Byzantine layers at different sites of the Mediterranean region including sites throughout the Near East[1279] and seems to have been manufactured in many centers. The goblets of this type were made of one glass bulb that was constricted to form two joined bulbs. The lower one was then pushed up into the upper one thus forming a bottom of the bowl, double-layer hollow stem and base with tubular edge[1280]. The feet of this type can be subdivided into those with plain cylindrical and beaded stems. Pontil mark on the underside of most feet of this type indicates their rims were fire-rounded.

For the first time they were distinguished by D.B. Harden who assigned them to "the 4th century and later"[1281]. This date is supported by C. Isings[1282] and some other scholars. Yet the latest investigations allow surely

[1263] Katsnelson 1999: 80. Fig. 5, 9.
[1264] Saldern 1980: 52–53. Pl. 23, 287–298.
[1265] Lester 2004: 195. Fig. 7.11, 137–139.
[1266] Ibid.: 199. Fig. 7.11, 150–152.
[1267] Gorin-Rosen 1997: 80.
[1268] Lester 2004: 182. Fig. 7.6, 71.
[1269] Jackson-Tal, Tal 2013: Fig. 12, 4–6.
[1270] Lester 2004: 177.
[1271] Isings 1957: 139–140.
[1272] Hayes 1992: 401; Hadad 2005: 28.
[1273] Abadie-Reynal, Sodini 1992: 91; Hayes 1992: 400, etc.
[1274] Harden 1936: 167.
[1275] Crowfoot 1957: 415; Hayes 1975: 86; Foy 1995: 207; Young 1993: 40.
[1276] Baur 1938: 524. Fig. 20, 376; Isings 1957: 139.
[1277] Isings 1957: 139.
[1278] Ibid.: 140.
[1279] Meyer 1987: 199.
[1280] Isings 1957: 140.
[1281] Harden 1936: 167–168. Pl. XVI, 489.
[1282] Isings 1957: 140.

dating their appearance to the period after the mid-5th century or a little bit earlier. At Karanis (Fayum), which lasted until the mid-5th century, only one example with a pushed-in foot was revealed[1283]. This date is also confirmed by the complete absence of these vessels in the layers dating before the 6th century in Gaul, Britain, Germany, Constantinople, etc.[1284]. They have not been found in the course of excavations of the glass-making workshop at Jalame that functioned in the second half of the 4th — early 5th centuries[1285].

While in the 5th century they were comparably rare (just a few have been revealed in the layers of the second half of the 5th century at Carthage[1286], in the cities of Syria and Jordan[1287]), in the second half of the 6th century and through the whole 7th century they considerably prevail over all other glass forms. They make up 20% of all glass finds at Sardis[1288], considerably dominate in Constantinople[1289], on Argos they are abundant in the destruction layer of 585[1290].

Vessels under question have a long life: as far as we know from the publications available this type of stemmed goblets continued to be in use into the Ayyubid epoch (1071–1250) in Jordan[1291].

The stems revealed on the area are made of greenish bubbly glass and of blue one. On the underside of all feet there is a pontil mark. Diameter of feet varies from 3,6 to 5,8 cm. The stems are knobbed or cylindrical though the stem-shape seems to have been occasional and dependant on numerous manufacturing nuances.

Three stems (two — of blue and one of greenish glass) seem to represent a variant of the type under question (Fig. 5, 16–19). They are pushed-in flattened thick-walled ones.

The analogous bases have been found at Jalame[1292], in Naples in the layer of the late 5th — first third of the 6th centuries[1293]; close parallels came from Torchello from the deposit of the second half of the 6th century[1294], from the layer of the mid-7th century at Emporio (Chios)[1295]; Kourion (Cyprus) where three feet of this rare type were found in association with a coin of Justinian II (685–695)[1296]; in Constantinople one stem was revealed in the deposit of the early 9th century though with much residual mid-7th century material[1297]. On the whole the type is not common and considered to represent a later stage in the development of feet with tubular base-rings. Many feet of this type were discovered on the presumed late 8th — early 9th centuries glass-house site at Sarands Kolones (Cyprus) where they were probably been made[1298]. In Palestine one of the workshops that produced such goblets has been uncovered in Apollonia-Arsuf[1299].

Goblets with Drawn Solid Stems (Fig. 5, 1–2)

Such stems were drawn from the metal of the cup and were usually hollow in the upper part and solid in the lower one. The feet shaped in this way as a rule were very thin and rarely survive. The preserved ones are uneven and fire-rounded.

The earliest finds of such stems came from the Mithraeum under the church of Santa Prisca at Rome that is considered to have been filled up at the end of the 4th century[1300] thus providing the date of the appearance of this stem-type. Yet this date remains tentative for along with material dated from the time of its destruction C. Isings mentions some "materials of different date among the rubbish thrown in"[1301]. In the 5th – 6th centuries they continued to be manufactured in small amounts. Only in the 7th – 9th they became very common and continued to be used up to the 12th – 13th centuries[1302].

The distribution of the stems of this type covers a vast territory that includes Cyprus[1303], Chios[1304], Otranto[1305], Karanis in the Fayum[1306], Constantinople where such stems of yellowish glass were revealed

[1283] Harden 1975: 22.
[1284] Hayes 1975: 84; Hayes 1992: 402; Foy 1995: 208; Sternini 1993: 258.
[1285] Weinberg, Goldstein 1998.
[1286] Foy 1995: 216.
[1287] Dussart 1998: 347. Fig. 7, 16–21.
[1288] Hanfmann 1959: 52–53. Fig. 2.
[1289] Hayes 1992: 400.
[1290] Aupert 1980: 447, 449. Fig. 50, 410–414.
[1291] Meyer 1987: 199. Fig. 8 Y-cc; Dussart 1998: 121. Pl. 27–28.
[1292] Weinberg, Goldstein 1998: 62. Fig. 4–24.
[1293] Miraglia: 1994. P. 337. Fig. 147, 101.
[1294] Tabaczyńska 1971: Rys. 5.
[1295] Boardman 1989: 125. Fig. 50, 14d.
[1296] Young 1993: 41. Fig. 2.
[1297] Hayes 1992: 403. Fig. 151, 40, 41.
[1298] Young 1993: Fig. 2.
[1299] Freestone, Jackson-Tal and Tal 2008: Fig. 4, 1, 2.
[1300] Isings 1957: 139.
[1301] Ibid.
[1302] Foy, D'Archimbaud 1996: 230. Fig. 6, 1; Lester 2004: 173.
[1303] Isings 1957: 140.
[1304] Boardman 1989: 125. Fig. 50, 14e.
[1305] Giannotta: 1992. Fig. 8:1, 28.
[1306] Harden 1975: 22.

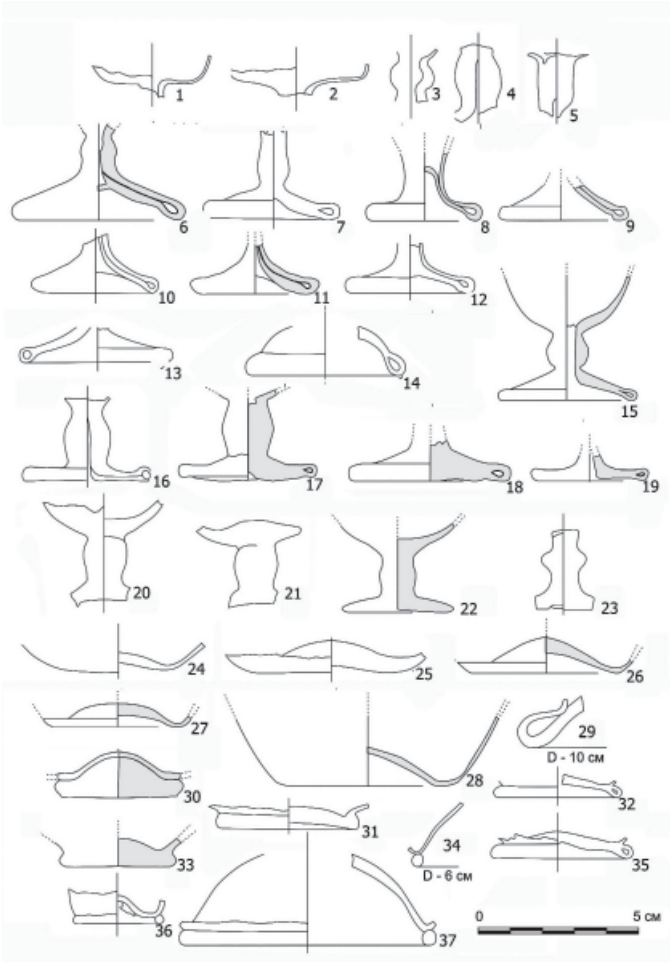

Fig. 5: 1–2 — goblets with drawn solid stems; 3–19 — goblets with hollow stem and tubular foot; 20–23 — goblets with solid stem applied separately; 24–28 — concave bottoms; 29, 32, 35 — pushed-in bases; 30, 31, 33 — solid bases; 34, 36, 37 — coiled bases.

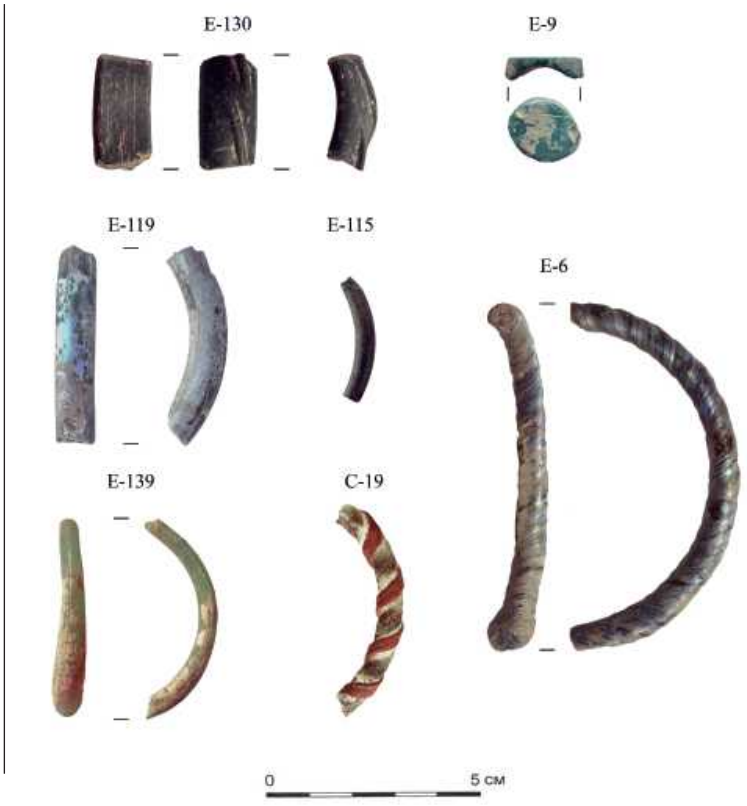

Fig. 6: — bracelets and ring of glass.

in the deposits of the second quarter of the 5th and of the 7th centuries[1307]; judging by drawings in Saint-Blaise analogous stems occur in the layers of the 6th – 7th centuries[1308]; their rare specimens were found in the layer of 535 on Argos[1309]. One of the centers of their production dated to the 5th – 6th centuries seems to have been at Galilee[1310]. In Jordan and Syria analogous stems are common in the Byzantine layers and even more often in the layers of the Umayyad period (661–750)[1311]. In Tiberias they come from the contexts dated up to the 11th century[1312].

Goblets with Solid Stem Applied Separately (Fig. 5, 20–22)

Bases of this type were made by the two-piece method: first the bowl was made and then a second paraison was added to form a stem and a base thus causing a convexity on the bottom of the bowl.

Goblets with this stem-type are not very common and believed to have appeared a little bit later than those with hollow stems[1313]. At Carthage for example the earliest context with bases of this kind predates 533[1314]. J. Hayes restricts them to the 7th century[1315]. In the Near East stemmed goblets with flat feet seem to have appeared in the Late Byzantine/Early Umayyad period[1316]. Yet in the already mentioned disputable fill of the Mithraeum under the church of Santa Prisca at Rome that is considered to have been dated to the end of the 4th century several stems of this kind have been revealed[1317]. Besides such stems are present at Karanis that existed till the mid-5th century[1318].

Goblets with this stem-type were distributed widely throughout Mediterranean: they were found

[1307] Hayes 1992: 402. Fig. 150, 7, 22–23.
[1308] Foy1994: Fig. 161, 165, 166.
[1309] Aupert 1980: Fig. 50, 415.
[1310] Hayes 1975: 86, 109–110. Fig. 11, 406–408.
[1311] Dussart 1998: 347. Fig. 7, 22, 24, 25; Smith, Day 1989: Pl. 60, 11.
[1312] Lester 2004: 173. Fig, 7.2.
[1313] Foy 1995: 209.
[1314] Tatton-Brown 1984: 200–201. Fig. 66, 41–53; Tatton-Brown 1994: 284, 286. Fig. 15.2, 28–37.
[1315] Hayes 1992: 400.
[1316] Meyer 1987: 199.
[1317] Isings 1957: 139.
[1318] Harden 1936:167.

at Armant[1319], Chios[1320], Torchello[1321]; on Argos they were extracted from the layer of the third quarter of the 6th century[1322]; in Constantinople such stems were recovered from the 7th century deposit[1323]. Short solid stems considerably dominate in the 6th – 7th century deposits at Tunis and Carthage suggesting their production in one of the Northern African centers[1324]. On the Northern Black Sea coast they often occur in the Early Byzantine layers[1325]. In the South-Western Crimea where their production is proposed they were in use till the 9th century[1326]. In Chersonessos their innumerous specimens were revealed in the deposits sealed in the second-third quarters of the 6th – third quarter of the 7th centuries[1327]. Such goblets appear to have been the commonest form of drinking cups at Corinth during the 11th and 12th centuries[1328]. They occur at Jerash[1329], Mount Nebo[1330], Khirbat al-Karak[1331], Shavei Zion[1332], at Pella of Decapolis[1333]. One of the workshops that produced such lamps has been uncovered in Apollonia-Arsuf[1334].

While the described bases were made by the two-piece method one stem from the assemblage presented is made in three-piece method (Fig. 5, 22): its bowl, high solid spherical stem and flattened foot with fire-rounded edge were fashioned separately. The junctions between the bowl and stem and between stem and foot are very distinct. The absence of pontil mark possibly indicates that the edge of the bowl was either unworked or wheel-polished. Glass is bluish-turquoise, with pinprick bubbles and silvery-iridescent weathering. D. of foot 3,6 cm.

BASES

Concave Bottoms

(Fig. 5, 24–27)

Concave or kick-up bottoms with pointed or rounded kick are the commonest base-type in the Roman, Early Byzantine and later times. They are associated with a great variety of different vessels from different periods and vary in size and thickness. Bases revealed at the site are made of bluish glass. One of them has a pontil mark on the underside. Preserved body sections show that the vessels had flaring sides.

Solid Bases

(Fig. 5, 30, 31, 33)

In the assemblage presented two subtypes can be distinguished. One is almost flat on the inside but with a slight concavity in the centre of the underside. Two have a rounded solid kick (dome-shaped floor). D. of base 3,8 and 4,1 cm (Fig. 5, 30, 33). This type of bases seems to have been produced by pressing a parison upon a hot gob of glass lying on a flat, often slightly rough, surface. Then the whole was reheated and shaped with a wooden tool onto the final form[1335].

One of the vessels had a disk base with a convex inside and concave outside (Fig. 5, 31).

Fragments of solid bases have come from Sardis where they are assigned to the 1st – 4th centuries[1336]; at Mezad Tamar they are dated to the 3rd — early 7th centuries[1337]; at Jerash they are assigned to the Early Byzantine period (324–491)[1338]; at Horbat Kosit — to the Late Roman — Early Byzantine period[1339]; in En-Gedi they were found in the Late Roman and Byzantine levels[1340]. Large quantities of such bases were found in the factory dump at Jalame where they are likely to have been produced[1341]. In Palestine the type is attributed mainly to the late 4th century and one of the centres of its production is supposed to have been located at Khirbat el-Ni'ana[1342].

[1319] Harden 1975: 22.
[1320] Boardman 1989: 125. Fig. 50, 14a.
[1321] Tabaczyńska 1971: Ryc. 5, 5.
[1322] Aupert 1980: Fig. 50, 419.
[1323] Hayes 1992: 400, 404. Fig. 150, 22–24; 152, 61.
[1324] Foy 1995: 208.
[1325] Nikolaeva 1991: 53; Sorokina 1963: 151. Ris.5, 9, 10; 7, 14–16.
[1326] Veimarn, Aibabin 1993: 194. Ris. 22, 24.
[1327] Golofast 2009: 318–319.
[1328] Davidson 1952: 84–85. Fig. 12, 711–718.
[1329] Ibid.: 199. Fig. 9: A-D.
[1330] Saller 1941: 318–319. Pl. 140.
[1331] Delougaz, Haines 1960: Pl. 50, 60.
[1332] Barag: 1967. Pl. 16.
[1333] Smith, Day 1989: Pl. 60, 19.
[1334] Freestone, Jackson-Tal and Tal 2008: Fig. 4, 3.
[1335] Weinberg, Goldstein 1988: 60. Nos. 162–86.
[1336] Saldern 1980: 22–23. Pl. 21.
[1337] Erdman 1977: 114. Pl. 1.
[1338] Meyer 1987: 193.
[1339] Katsnelson 2010: 137. Fig. 3, 18–19.
[1340] Jackson-Tal 2007 : 484. Pl. 7, 5–6.
[1341] Weinberg, Goldstein 1988: 60–62. Fig. 4–23.
[1342] Gorin-Rosen, Katsnelson 2007: 93. Fig. 8, 3–9; Katsnelson 2010: 139.

Some of them could belong to beakers with wound trail below the rim that were one of the most common types in the Galilee during the 4th century, with a wide distribution in other regions[1343].

Pushed-in Bases

Pushed-in bases were formed either from the first parison used to make the entire vessel, or from the added one. In the first case the vessel floor is usually concave, in the second — flat. The ring was formed by pushing the lower part of the bulb up to form the tubular base-ring. There are two subtypes of the bases under question: low and high. Judging by the small diameter, two bases of the first subtype uncovered at the site seem to have belonged to beakers (Fig. 5, 32, 35). The second subtype is represented by two small fragments (Fig. 5, 29). These bases undoubtedly belonged to bowls either deep or shallow with different rims common in the 3rd-4th centuries[1344]. A lot of them have been revealed in the factory dump in Jalame[1345]. Such bases were common also in the Byzantine period[1346]. It can't be excluded that two high bases regarded belonged to the bowls with outfolded rim represented in the assemblage by several fragments.

Coiled Bases

(Fig. 5, 34, 36, 37)

Such bases were made by winding a glass trail around a bottom to create a ring base. Bottoms with applied trail may be both high and medium, the trail itself — plain and decorated. Such bases were very common in the region in the Late Roman period[1347], but also occur in the deposits of the 11th – 14th centuries[1348]. For example, in Quseir al-Qadim they came from the layers of the 13th – 14th centuries[1349].

WINDOW GLASS

Three fragments revealed don't allow defining the original size of the panes: they are small and heavily weathered, making it difficult to determine the precise technique of manufacture: whether they are cylinder blown (i.e. produced by blowing a cylinder, cutting it open and flattening it out) or mold cast (glass simply poured into a mold and rolled or tooled until it reached the edge of the mold).

Crown or "Bull's Eye" Glass

On the area only one fragment of the central part of crown glass with pontil mark was revealed. It was made by blowing a bubble, opening it out and then rotating it on a pontil until it spreads into a disk thick in the center and thin on the edge that was usually folded over to form a double rim. Crown glass seems to have been invented in about the 4th century[1350] and was used mainly in the churches.

BRACELETS

Glass bracelets appeared in the second half of the 2nd century[1351] but occurred rarely[1352] and achieved popularity in the Mamluk period when their mass production began and they became the most wide spread articles of adornment.

Late bracelets were not made in one piece as the earlier ones, but were formed by joining the ends of an extended glass cane or band. In the assemblage presented only two fragments of glass bracelets have been revealed. The first is planoconvex, carinated (triangular with flat interior and ridged exterior) in cross-section, made of turquoise, opaque glass with dulling on the surface (Fig. 4, 24). The second is twisted with colored thread: round-sectioned coil with an inlaid thread of red opaque glass was twisted to produce colored spirals (Fig. 4, 23). Basic coil is light greenish. There was one more thread but its glass is completely disintegrated. Colored twisted bracelets were excavated from the Mamluk loci at Quseir al-Qadim, Sardis, 12th and 13th century occupation levels and Hama[1353] and so on.

All the glass discovered is undoubtedly local, i.e. produced in the Levant, which glassmaking industry supplied glass to much of the world in the Byzantine and Umayyad periods. Numerous glass-making centres have been uncovered in Ramla, Apollonia-Arsuf, Beth She'arim, Beth Eli'ezer, Hadera, Tyre, Jalame and so on.

In sum it should be noted that Islamic glass demonstrates the typological continuity from the Late Roman and Byzantine periods to the Umayyad and even Mamluk periods and the shapes and decoration of most Umayyad and later vessels repeat those of the earlier glass ware.

[1343] Gorin-Rosen 2009: 88.
[1344] Gorin-Rosen 2009: 86.
[1345] Weinberg, Goldstein 1988: 41, 43. Fig. 4–4:41.
[1346] Pollak 2005: 11.
[1347] Jackson-Tal 2007: 484.
[1348] Meyer 1992: 80.
[1349] Whitcomb 1983: 104. Fig. 2 uu, vv; 3, o, p, r; 4v,w.
[1350] Harden 1972: 83.
[1351] Spaer 1988: 60, 61.
[1352] Saldern 1980: 91.
[1353] Meyer 1987: 216.

SUMMARY

The book presents the results of archaeological excavations, organized by the Russian Federation in the Holy Land, after more than a century-long break. The excavations took place at the Russian plot in the city of Jericho (museum and park complex) in 2010 -2013. The works were carried out under the supervision of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the Palestinian Department of Antiquities & Cultural Heritage. The project was named "The Byzantine Jericho" because the bulk of the material discovered on the Russian plots in Jericho is associated with the age of the Byzantine Empire. Above all, this era has always been of particular interest for the Russian scholarship studying the roots of the Orthodox Christian culture.

The expedition carried out rescue excavations, field restoration of finds and mosaics, and prepared the museum exposition. The results are presented in field documentation and analytical catalogues of the collected finds. The archival research helped to study the influence of the "idea of Jericho" on Russian historical and religious consciousness. It also shed light on the first archaeological excavations at the "Russian plots" in Jericho in the 19th– early 20th centuries. The presented volume also includes essays on historical topography and archaeology of the Jericho oasis in the Byzantine period. The book comprises the studies of leading Russian historians and archaeologists, and a well-known Palestinian expert, Dr. Hamdan Taha.

The first chapter is devoted to the research history of the Christian monuments in the archaeological agglomeration of the Jericho oasis. The interest to the holy sites of the area had been slowly growing and for a long time remained in line with the pilgrimage tradition. Therefore, a map of the Byzantine Jericho remains rather a field of theoretical approach. The archaeological sites are scattered over a vast area. Among them there are the remains of monasteries, churches and rural settlements; unearthed fragments of streets; and various random finds. Architectural details and lavish mosaic floors attracted attention of scholars since the 19th century. Surrounding the modern city, they show topographically integral structure that had been flourishing for more than three centuries. It seems that during the Byzantine period this urban entity had neither been enclosed into fortification walls nor had the clear city center. The future interpretation of the urban structure of Byzantine Jericho depends significantly on the identification of holy sites, which is still rather arbitrary.

The first studies of the plots at the edges of the small village of Er-Riha, purchased by Russian scholar Archimandrite Antonin (Kapustin), started in 1880s, with a discovery of the first mosaic floors and architectural fragments. The finds were published by Russian art-historian Nikodim Kondakov and his student Yakov Smirnov. The prominent Russian archaeologist Michail Rostovtsev also mentioned these finds. One of the mosaic inscriptions was studied by F.-M. Abel, the well-known researcher of the Holy Land antiquities. Particular attention to the Byzantine - Early Islamic Jericho was paid by British scholar Dmitry Baramki. During the 1950-s and 1960-s the Byzantine archaeological sites of Jericho region were described by the Franciscan scholars. In the 21st century the Palestinian scholars pay a special attention to this topic.

However, for the first time it became possible to see thoroughly in whole at least a small fragment of the Byzantine Jericho only after the excavations on the Russian plot at the Museum and Park complex, located in a proximity to the center of the modern Palestinian town.

Altogether, five large areas of the plot (about 1 hectare) have been excavated. Probably, all the constructions exposed at these areas belong to a single complex, characterized by uniform orientation of the walls. A part of the plot was occupied by a well-maintained complex, which flourished in the 5th/6th-7th century. Its walls were built up of hewn stones and mud bricks; the foundations were made up of boulders. There were found columns, capitals, and bases. Both the black and white and polychrome mosaic floors were decorating the revealed rooms. The wall to the northeast separated the complex from the street. Along it there was built an underground water channel. Another wall, to the south, separated the industrial area, where they made pottery and, possibly, processed agricultural products. Pottery kilns and several installations with unclear function were unearthed here.

The excavations yielded abundant material finds dated to the Byzantine and Early Islamic periods. Earlier periods, Hellenistic and Roman, are represented only by numismatic.

However, these early periods comprise more than 30% of the total number of 265 determined coins. The list opens by the Seleucids (2nd c. BC), the Hasmonean (1st c. BC) and the Early Roman Judean coins (1st c. AD, 16 coins). Roman numismatic finds (2nd – end of the 5th cc. AD) are much more numerous (66 coins). The Byzantine coins comprise 38% of the assemblage; they have been deposited during a century since the early 6th to the early 7th century (102 coins, about half of which belong to the hoard). The hoard of 54 coins appear to be a fine set of follises dating from Anastasius I to Mauritius Tiberius (the earliest

coin dates to 593-594 AD). The Early Arab coins (mid-7th - mid-8th c.) are not so numerous, forming about 12% of the assemblage. Two bronze weights for coins date to the 6th - 7th century: one for three gold *nomisma* (13.2 g, the monogram "IB" and countermark "G"); the other – for one gold *nomisma* (with the letter "N", 4.55 g).

Among the ceramics domin\ate simple household vessels. Serving vessels are rare, but among well-preserved stone objects there are a *mortarium* and a Γ-shaped pestle of black polished basalt. Grinding stone vessels are numerous, both simple hand-mills and complex ones; mortars of rough and large type, more than half a meter in height, simple bowls with handles made of marble and hard limestone, and rounded pestles for crushing, and.

The excavation revealed more than fifty architectural details, mostly belong to the colonnades: drums and trunks of the three basic diameters (0.90/1.00 - 0.60 - 0.30/0.37 m); capitals of various types and sizes, bases - classic, simplified classical, primitive to be covered by plaster etc., fragments of portals: cornice fragment and a flat pilaster base.

The complex was inhabited by Christian population that spoke Greek. This is indicated by finds of 1880-1890-s and 2010-2013: a fragment of a porphyry bowl and a capital with hewn crosses; various crosses, including private adornment crosses made of bronze; two bronze lamps and three stands-chandelier for them; bronze censers, including those with crosslets on chains). "Confessional" ceramic lamps exist only in their Christian variation, decorated with crosses and sacral inscriptions. Greek letters were used for the graffiti on the wet clay, inscribing a large basin. The Eucharist symbols – wine scrolls and crosses, - are incorporated into rich colored mosaics of high technical quality.

The columns and colored mosaics in the context of Byzantine period Palestine are clearly identifying the public and/or religious character of the complex.

It is too early to interpret the site as located in a suburb or, on the contrary, in a city center. The site is of average size for the Byzantine period settlement in Palestine (about 5000-6000 m^2). The complex can be reconstructed as following a pattern of a closed perimeter, with rooms arranged around a courtyard, and a main church building located asymmetrically. It appears to be a large comfortable ecclesiastic complex, with certain rural and industrial facilities, embellished with elements of a rich architectural design – possibly, a monastic manor house with a hospice. Evidently, it was a part of a flourishing Byzantine city of Jericho.

Of a particular interest is a multilayer industrial zone at the southern edge of the excavated area. It is rich with ceramic kilns, layers of waste, large waste pits or, possibly, silo pits. This zone kept being important and developing during the Early Islamic period, well dated by numerous numismatic finds.

The archaeological study of the Russian plots in Jericho, especially of its Byzantine and Early Islamic layers, seems the most promising and perspective. Future continuation of the archaeological work on the site is expected in the near future.

ЛИТЕРАТУРА

Abadie-Reynal, Sodini 1992 — Abadie-Reynal A., Sodini J.-P. Le ceramique paleochretienne de Thasos (Aliki, Delkos, fouilles anciennes). Paris, 1992. (Etudes Thasiennes 13).

Abel 1911 — Abel F.-M. Le tombeau de l'higoumène Cyriaque à Jéricho // Revue Biblique. 8. 1911. P. 286–289.

Abou Diwan 2008 — Abou Diwan G. Un Trézor Monétaire de Beyrouth. À propose de la Circulation des Monnaies d'Anastase au VIe Siècle // NC. 2008. 168. P. 303–320.

Adamsheck 1979 — Adamsheck B. The Pottery. Kenchreai, Eastern Port of Corinth // Vol. IV. Leiden, 1979.

Mukaddasi 1886 — Al-Mukaddasi Muḥammad ibn Aḥmad Shams al-Dīn al-, Description of Syria, including Palestine. [Transl. G. le Strange]. L., 1886.

Album 2011 — Album S. Checklist of Islamic Coins. 3-d ed. Santa Rosa, 2011.

Alfen van 1996 — Alfen van P.G. New Light on the 7th–century Yassi Ada Shipwreck: Capacities and Standard Sizes of LRA1 amphoras // JRA. 9. 1996. P. 189–213.

Alliata 1990 — Alliata E. Nuovo settore del monastero al Monte Nebo-Siyagha // CAHL 1990. P. 427–466.

Alliata 1999 — Alliata E. The Legends of the Madaba Map // Madaba Map 1999. P. 47–101.

Almagro, Jiménez, Navarro 2000 — Almagro A., Jiménez P., Navarro J. Excavations of Building of the Umayyad Palace of Amman. Preliminary Report // ADAJ. 44. 2000. P. 433–457.

Al-Shorman, El-Khouri 2013 — Al-Shorman A., El-Khouri L. Archaeometric Characterization of the Byzantine and Umayyad Pottery at Barsinia, North Jordan // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 13, n. 2. 2013. P. 207–220.

Amir 2012 — Amir R. Mosaic Floors in Judea and Southern Samaria // CaC-III. 2012. P. 445 — 488.

Amir 2006 — Amir R. Pottery, Stone and Small Finds from Shiqmona // 'Atiqot. 51. 2006. P. 145–161.

Amit, Wolff 2000 — Amit D., Wolff S. An Armenian Monastery in the Morasha Neighborhood // AJR 2000. P. 293–298.

'Amr, Schick, 2001 — 'Amr K., Schick R. The Pottery from Humeima: The Closed Corpus from the Lower Church // CB 2001. P. 107–127.

Ariel 1996 — Ariel D.T. A hoard of Byzantine folles from Qazrin // Atiqot. 29. 1996. P. 69–76.

Ariel 2002 — Ariel D.T. The coins from surveys and excavations of caves in the Northern Judean Desert // Atiqot. 41, n.2. 2002. P. 281–301.

Ariel 2013 — Ariel D.T. The Coins from Ashqelon, the 'Third Mile Estate' // `Atiqot. 74. 2013. P. 229–238.

Armstrong 1989 — Armstrong P. Some Byzantine and Later Settlements in Eastern Phokis // ABSA. 84. 1989. P. 1–47.

Amstrong, Gunsenin 1995 — Armstrong P., Gunsenin N. Glazed Pottery Production at Ganos // AA. III. Paris, 1995. P. 179–201.

Arnon 1996 — Arnon Y. The International Commercial Activity of Caesarea during the Early Islamic II Period (749–969 C.E.) according to the Ceramic Evidence. 1996. ((MA thesis, University of Haifa)

Arnon 1999 — Arnon Y.D. The Islamic and Crusader Pottery of Area I 1993–1994, A Stratigraphical/Typological Study // CP II. 1999. P. 225–251.

Arnon 2007 — Arnon Y.D. Excavations in Marcus Street, Ramla: Pottery, Oil Lamps and Carved Stone Vessels // Reports and Studies of the Recanati Institute for Maritime Studies Excavations. Haifa, 2007. P. 38–99.

Arnon 2008a — Arnon Y.D. Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE). Oxford, 2008. (BAR IS 1771)

Arnon 2008b — Arnon Y.D. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath // CRS 2008. P. 85–103.

Arnon, Lester, Pollak 2008 — Arnon Y., Lester A., Pollak R. The Fatimid hoard of metalwork, glass, and ceramics from TPS: preliminary report // CRS 2008. P. 105–114.

Atrash1951 — Atrash W. Tiberias, the Roman Theater. Preliminary Report. HA-ESI 122 http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.asp?id=1381&mag_id=117

Augustinovic A. Gerico e dintorni. Guida. Gerusalemme, 1951.

Aupert 1980 — Aupert P. Objets de la vie quotidienne a Argos en 585 ap. J.-C. // BCH. Suppl. VI. Paris, 1980. P. 401–459.

Avi- Yonah 1958 — Avi-Yonah M. The Economics of Byzantine Palestine // IEJ 8. n.1. 1958. P. 29–51.

Avi-Yonah 1966 — Avi-Yonah M. The Holy Land from the Persian to the Arab Conquests (536 B.C. to A.D. 640). Historical Geography. Grand Rapids MI, 1966.

Avi-Yonah 1993 — Avi-Yonah M. Na'aran // NEAEHL. III. 1993. P. 1075–1076.

Avissar 1996 — Avissar M. The Medieval Pottery // [Ben-Tor A., Avissar M., Portugali Y., eds.] Yoqne'am I: The Late Periods. Jerusalem, 1996. P. 75–172. (Qedem Reports 3).

Avissar, Stern 2005 — Avissar M., Stern E. Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods in Israel. Jerusalem, 2005. (IAA Reports 26).

Avner 2003 — Avner R. The Recovery of the Kathisma Church and its Influence on Octagonal Buildings // [Bottini C., Di Segni L., Chrupcala D., eds.]. One Land — Many Cultures. Archaeological Studies in Honour of S.Loffreda OFM. Jerusalem, 2003. P. 173–186.

Avner 2007 — Avner R. The Kathisma: a Christian and Muslim Pilgrimage Site //ARAM 18–19. 2007. P. 541–557.

Avni 2011 — Avni G. From Hagia Polis to Al-Quds: The Byzantine–Islamic Transition in Jerusalem // [Galor K., Avni G., eds.]. Unearthing Jerusalem. 150 Years of Archaeological Research in the Holy City. Winona Lake, 2011. P. 391–402.

Avni 2014 — Avni G. The Byzantine-Islamic Transition in Palestine. An Archaeological Approach. Oxford, 2014.

Avni, Dahari 1990 — Avni G., Dahari U. Christian Burial Caves from the Byzantine Period at Luzit // CAHL 1990. P. 301–314.

Bædeker 1904 — Bædeker K. Palästina und Syrien. Nebst den Hauptrouten durch Mesopotamien und Babylonien. Handbuch für Reisende... Leipzig, 1904.

Bædeker 1906 — Bædeker K. Palestine et Syrie. Avec les routes principales a travers la Mésopotamie et la Babylonie. Manuel du voyageur… troisième édition, Leipzig; Paris, 1906.

Bædeker 1912 — Bædeker K. Palestine et Syrie. Avec les routes principales a travers la Mésopotamie et la Babylonie. Manuel du voyageur… troisième edition. Leipzig; Paris, 1912.

Bagatti 2002 — Bagatti Bellarimino. Ancient Christian villages of Samaria. Jerusalem, 2002 (SBF CMi № 39).

Baldensel 1725 — Baldensel, Guililmi de (= Boldensele, Willem van), Itinerarius // [Canisius H.] Thesaurus Monumentorum ecclesiasticorum et historicorum. In 7 vols. Antwerp, 1725. Vol. 4. P. 335–357.

Ballance a.o. 1989 — Ballance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S. Excavations in Chios (1952–1955) // BSAA 20. 1989.
Balog 1964 — Balog P. The Coinage of the Mamluk Sultans of Egypt and Syria // The American Numismatic Society Numismatic Studies 12. N. Y., 1964.
Bar 2005 — Bar D. Rural Monasticism as a Key Element in the Christianization of Byzantine Palestine // The Harvard Theological Review 98, n. 1. 2005. P. 49–65.
Barag 1967 — Barag D. The Glass // [Prousnitz M.W., ed.]. Excavations at Shavei-Zion, the Early Christian Church. Roma, 1967. P. 65–70.
Baramki 1934 — Baramki D.C. A Nestorian Hermitage between Jericho and the Jordan // QDAP 4, n. 1–2. 1934. P. 81- 86.
Baramki 1936 — Baramki D.C. An Early Byzantine Basilica at Tell Hassan, Jericho // QDAP 5. 1936. P. 82–89.
Baramki 1938 — Baramki D.C. An Early Byzantine Synagogue near Tell es-Sultan, Jericho // QDAP 6. 1938. P. 73–77.
Baramki 1944 — Baramki D.C. The Pottery from Kh. El Mefjer // QDAP 10. 1944. P. 65–103.
Baramki 1953 — Baramki D.C. Arab Culture and Architecture of the Umayyad Period: A comparative Study with special reference to the Results of the Excavations of Hisham's Palace. PhD diss. University of London, 1953.
Baramki, Kelso 1955 — Baramki D.C., Kelso J.L. Excavations at New Testament Jericho and Khirbet en-Nitla: Joint Expedition of the Pittsburgh-Xenia Theological Seminary and the American School of Oriental Research in Jerusalem. New Haven, 1955.
Bar-Nathan, Atrash 2011 — Bar-Nathan R., Atrash W. Bet Shean II. Baysan. The Theater Pottery Workshop. Jerusalem, 2011. (IAA Reports 48).
Bass, Doorninck 1982 — Bass G.F. and Doorninck van F.H. Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. Vol. I. Texas, 1982.
Bates 1976 — Bates M.L. The "Arab-Byzantine" bronze coinage of Syria: an innovation by 'Abd al-Malik // A Colloquium in Memory of George Carpenter Miles (1904–1975). N. Y., 1976. P. 16–28.
Batz, Sharukh 2012 — Batz S. and Sharukh I. A Roman Bathhouse and Two Byzantine Churches at Khirbet Zur // CaC-IV. 2012. P. 1–37.
Baur 1938 — Baur P.V.C. Glassware // Gerasa. City of the Decapolis: 505–546. New Haven, 1938. P. 513–546.
Bavant, Orssaud 2001 — Bavant B., Orssaud D. Stratigraphie et typologie. Problèmes poses par l'utilisation de la céramique comme critère de datation: l'exemple de la fouille de Déhè // CB 2001. P. 33–48.
Beliaev 2010 — Beliaev L.A. Byzantine Jericho: New Archeological Discoveries in the Museum Complex in Jericho. Moscow, 2010. (Arabic, English).
Beliën 2005 — Beliën P. A hoard of Byzantine folles from Beirut // NC 165. 2005. P. 314–322.
Bellinger 1966 — Bellinger A.R. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. I. Anastasius I to Maurice, 491–602. Washington, D. C., 1966.
Ben Ami, Tchekhanovets 2010 — Ben Ami D., Tchekhanovets Y. The 'Givati Parking Lot': Roman Period Discoveries and Finds // [Meiron E., ed.]. City of David Studies of Ancient Jerusalem 5. Jerusalem, 2010. P. 25–37.
Ben Ami, Tchekhanovets 2011 — Ben Ami D., Tchekhanovets Y. The Lower City of Jerusalem on the Eve of its Destruction, 70 C.E.: A View from Hanyon Givati // BASOR 364. 2011. Pp. 61–85.
Ben-Arieh 1996 — Ben-Arieh R. The Roman, Byzantine and Umayyad Pottery // [Hirschfeld Y., ed.]. The Roman Baths of Hammat Gader: Final Report. Jerusalem, 1979. P. 347–381.
Bendall S. Byzantine Weights. An Introduction. L., 1996.
Ben-Dov 1982 — Ben-Dov M. Hafirot Har ha-Bayit (Excavations on the Temple Mount). Jerusalem, 1982.
Bijovsky 2007 — Bijovsky G. The coins // In: *Hirschfeld 2007.* P. 157–233.
Bijovsky 2012 — Bijovsky G. Gold coin and small change: monetary circulation in fifth-sixth centuries Byzantine Palestine. Trieste, 2012. (Polymnia Numismatica antica e medievale Sudi 2).
Bijovsky, Benovits 2015 — Bijovsky G., Benovits N. A hoard of folles from Oboda and the mint of Antioch/ Theoupolis // TOYTO APECH TH XWPA: Festschrift für Wolfgang Hahn zum 70. Geburstag [Hrsg. W. von Szaivert, N. Schindel, M. Beckers, K. Vondrovec]. Wien, 2015. S. 57–75. (Veröffentlichungen des Instituts für Numismatik und Geldgeschichte 16).
Blakely 1988 — Blakely J.A. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // BASOR 271. 1988. P. 31–50.
Bliss 1894 — Bliss F.J. Notes on the Plain of Jericho // PEQ 26. 1894. P. 177–183.
Bloch 2006 — Bloch F. Hirbat al-Minya: Die unglasierte Keramik // Bloch F., Daiber V., Knötzele P. Studien zur spätantiken und islamischen Keramik. Hirbat al-Minya — Baalbek — Resafa. 2006. S. 1–69. (Orient-Archäologie 18).
Boardman 1989 — Boardman J. The finds // Ballance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S., Excavations in Chios 1952–1955: Byzantine Emporio. L., 1989. P. 86–142. ((BSA Suppl. 20).
Boas 1992 — Boas A. Islamic and Crusader Pottery (c. 640–1265) from the Crusader City (Area TP/4) // CP 1992. P. 154–166.
Boas 1994 — Boas Adrien J. The Import of Western Ceramics to the Latin Kingdom of Jerusalem // IEJ 44, n. 1–2. 1994. P. 102–122.
Boas 2000 — Boas A.J. Medieval and Post-Medieval Finds // [Hirshfeld Y. ed.] Ramat Hanadiv Excavations. Jerusalem, 2000. P. 211–225.
Boas 2006a — Boas A. The Medieval Ceramics from Khirbat Ka'kul // 'Atiqot 54. 2006. P. 75–104.
Boas 2000b — Boas A. Note on Some Medieval Period Ceramics Found in Arae P // In: Mazar A. Excavations at Tel Beth-Shean. 1989–1996. Vol. 1. From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period. Jerusalem, 2006. P. 590–593.
Boas 2006c — Boas A. J. Archaeology of the Military Orders. A survey of the urban centres, rural settlement and castles of the Military Orders in the Latin East (c. 1120–1291). L.-NY, 2006.
Bohlendorf-Arslan 2012 — Bohlendorf-Arslan B. Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Bogazkoy // BYZAS 2012. P. 351–368.
Bonifay 1987 — Bonifay M. Observations sur les amphores tardives Marseille d'apres les fouilles de la Bourse (1980–1984) // Revue archeololgique de Narbonnaise 19 (1986). Paris, 1987. P. 269–301.
Bonifay, Carre, Rigoir 1998 — Bonifay M., Carre M.-B., Rigoir Y. Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ier-VIIe siècle sap. J.-C.) // Études massaliètes 5. Marseille, 1998.
Bonifay, Villedieu1989 — Bonifay M., Villedieu F. Importation d'amphores orientales en Gaul (Ve-VIIe siècle // Rechrches sur la cramique Byzantine. Bulletin de correspondence Hellenique. Suppl. 18. Paris, 1989. P. 17–46.
Breaking Ground, 2010 — Breaking Ground. Pioneers of Biblical Archaeology. Jerusalem, 2010.
Brocardus Monachus, 1537 — Brocardus Monachus. Locorum Terrae Sanctae exactissime Descriptio. Basel, 1537.
Brosh 1980 — Brosh N. A Reexamination of Islamic Ceramic 'Grenades // 'Atiqot 14. 1980. P. 114–115.

Brosh 1986 — Brosh N. Ceramic Remains // [Levine L.I., Netzer E. eds.] Excavations at Caesarea Maritima. 1975, 1976, 1979 — Final Report. Jerusalem, 1986. P. 66–89. (Qedem 21).
Brosh 2014 — Brosh N. Mamluk Glass Bowl from Area J // In: Geva H. Jewish Quarter Excavations from the Old City of Jerusalem Conducted by N. Avigad, 1969–1982. Vol. VI: Areas J, N, Z and Other Studies. Final Report. Jerusalem, 2014. P. 302–305.
Brown 1991 — Brown R.M. Ceramics from the Kerak Plateau // Archaeological Survey of the Kerak Plateau. Atlanta, 1991. P. 169–279.
Buckingham 1822 — Buckingham James Silk. Travels in Palestine, through the countries of Bashan and Gilead, east of the river Jordan: incl. a visit to the cities of Geraza and Gamala, in the Decapolis. L., 1822. In 2 vols. T.II. P. 71–73.
Burckhardt 1822 — Burckhardt J.L. Description of a Journey from Damascus through the Mountains of Arabia Petræa and the Desert El Ty, to Cairo; in the Summer of 1812 // In his: Travels in Syria and the Holy Land. Adelaida, 1822 — pecypc: http://ebooks.adelaide.edu.au/b/burckhardt/john_lewis/syria/contents.html
Calderon 2000 — Calderon R. Roman and Byzantine Pottery // [Hirschfeld Y. ed.] Ramat Hanadiv Excavations: Final Report of the 1984–1998 Seasons. Jerusalem, 2000. P. 91–162.
Casey 1996 — Casey P.J. Justinian, the limitanei, and Arab-Byzantine relations in the 6th century // JRA 9. 1996. P. 214–222.
Chavane 1975 — Chavane M.-J. Salamine de Chypre. VI. Les petits objets. Paris, 1975.
Cinthio 2004 — Cinthio B. Intellectual property and human rights in Palestine. 2004 (MA thesis, Lund University)
Cirelli, Zagari 2000 — Cirelli E., Zagari F. L'oasi di Gerico in età bizantina ed islamica : problemi e proposte di ricerca // Archeologia medievale : cultura materiale, insediamenti, territorio. (All'Insegna Del Giglio 27). Firenze: 2000. P. 365–376.
Clermont-Ganneau 1899 — Clermont-Ganneau Ch. Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. L., 1896 (vol. II); 1899 (vol. I).
Conder 1881 — Conder Cl., The Mountains of Judah and Ephraim // In: Wilson Ch. Picturesque Palestine, Sinai and Egypt. In 4 vols, 1881–1884. Vol. I: Jerusalem; NY, 1881.
Conder, Kitchener 1883 — Conder C.R., Kitchener H.H. The Survey of Western Palestine: Memoirs of the Topography, Orography, Hydrography, and Archaeology: Judea. Vol. III. L., 1883.
Cook 1876 — *Cook*'s Tourists' Handbook for Palestine and Syria. L., 1876.
Costa da 2010 — Costa da K. Economic Cycles in the Byzantine Levant: The Evidence from Lamps at Pella in Jordan // Levant 42, n. 1. 2010. P. 70–87.
Cotton, Di Segni, Eck 2010–2012 — Cotton H., Di Segni L., Eck W. et al. Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palaestinae. A multi-lingual corpus of the inscriptions from Alexander to Muhammad. Cologne (Germany); Jerusalem; Tel Aviv, 2010 – . Vol.1/2. Jerusalem, Part 2: 705–1120. Berlin, 2012; Vol. 2. Caesarea and the Middle Coast: 1121–2160. Berlin, 2011.
Cradle of Christianity 2000 — Cradle of Christianity [Israeli Y., Mevorah D. eds.]. Jerusalem, 2000.
Crowfoot, Fitzgerald 1929 — Crowfoot J.W, Fitzgerald G.M. Excavations in the Tyropaeon Valley, Jerusalem, 1927. L., 1929.
Crowfoot 1957 — Crowfoot G.M. Glass // Crowfoot J.W., Crowfoot G.M., Kenyon K.M. The Objects from Samaria. L., 1957. P. 403–422.
Crowfoot, Harden 1931 — Crowfoot G.M., Harden D.B. Early Byzantine and later Glass Lamps // JEA 17, n. ¾. 1931. P. 196–208.
Cytryn-Silverman 2010 — Cytryn-Silverman K. The Ceramic Evidence // In: Gutfeld O. Ramla. Final Report on the Excavations North of the White Mosque. Jerusalem, 2010. P. 97–212. (Qedem 51).
Dalton 1921 — Dalton O. M. A Guide to the Early Christian and Byzantine antiquities in the Department of British and Mediaeval Antiquities by British Museum. L., 1921.
D'Andrea, Sala 2011a — D'Andrea M., Sala M. History of travels, tours and explorations in Jericho Oasis, from the earliest pilgrims to the current archaeological activities // AHJO 2011. P. 55–86.
D'Andrea, Sala 2011b — D'Andea M., Sala M. Catalogue of the sites in the Jericho Oasis and its surrounding // AHJO 2011. P. 95–99.
Davidson 1952 — Davidson G.R. The Minor Objects. Corinth. Vol. XII. Princeton; New Jersey, 1952.
Delougaz, Haines 1960 — Delougaz P., Haines R.C. A Byzantine Church at Khirbat al-Karak. Chicago, 1960 (OIP 85).
Demesticha 2001 — Demesticha S. The Excavation of a Late Roman I Amphora Kiln in Paphos // CB 2001. P. 289–296.
Di Segni 2006–2007 — Di Segni L. The Use of Chronological Systems in Sixth-Eighth Centuries Palestine // ARAM 18–19 (2006–2007). P. 113–136.
Dolinka 2012 — Dolinka B. J. The Middle and Late Islamic Pottery from the Excavations at the Austrian Hospice, 2011–2012. P. 1–39 — pecypc: https://www.academia.edu/10347780/the_middle_and_late_islamic_pottery_from_the_excavations_at_the_austrian_hospice_2011–2012
Donner 1992 — Donner H. The Mosaic Map of Madaba. An introductory Guide. Kampen, 1992. (Palestina Antique 7)
Dorrel 1978 — Dorrel P. The Uniqueness of Jericho // [Moorey R., Parr P., eds.] Archaeology in the Levant: Essays for Kathleen Kenyon. Warminster, 1978. P. 11–18.
Dussart 1995 — Dussart O. Les verres de Jordanie et de Syrie du Sud du IVe au VIIe siècle (nouvelles données chronologiques) // AC de AFAV 1995. P. 343–359.
Dussart 1998 — Dussart O. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth, 1998.
Egloff 1977 — Egloff M. Kellia. La Poterie Copte. Genève, 1977.
Ein Mor 2009 — Ein Mor D. Church at Khurbet Deiry (Nes Harim) and its Surroundings // NSAJR. 3. 2009. P. 140–149.
Erdman 1977 — Erdman E. Die Glasfunde von Mezad Tamar in Izrael // Saalburg-Jahrbuch 34. 1977. S. 98–146.
Ettinghausen 1965 — Ettinghausen R. The Uses of Sphero-Conical Vessels in the Muslim East // JNES 24. 1965. P. 218–229.
Fabri Felix 1843 — Fabri Felix, Evagatorium in Terrae sanctae, Arabiae et Aegypti peregrinationem. In 3 vols. Vol. 2. Styttgart, 1843.
Fantalkin 2000 — Fantalkin A. A Salvage Excavation at 6th – 7th Century C.E. Site on Palmach Street, Beersheba // Tell Aviv. 27. 2000. P. 257–272.
Federlin 1902–1904 — Federlin J.L. Recherches sur les laures et monastères de la plaine de Jourdain et du désert de Jérusalem // La Terra Santa 19. 1902. P. 129–132, 152–156, 166–168, 181–184; La Terra Santa 20. 1903. P. 117–129, 132–134, 148–150, 168–171, 180–182, 196–199; La Terra Santa 21.1904. P. 7–10.
Feig 1985 — Feig N. Pottery, Glass, and Coins from Magen // BASOR 258. 1985. P. 33–40.
Ferrazzoli 2012 — Ferrazzoli A. F. Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // BYZAS 2012. 289–307.

Fiey 1983 — Fiey J.-M. Rabban Buya de Shaqlawa et de Jericho // Proche-Orient Chrétien 33. 1983. P. 34–38.
Final Reports 2008 — Final Reports of The Leon Levy Expedition to Ashkelon. Harvard Semitic Museum. Eisenbrauns, 2008.
Finegan 1992 — Finegan J. The archaeology of the New Testament: The Life of Jesus and the Beginning of the Early Church. Princeton N.J., 1992.
Fitzgerald 1931 — Fitzgerald G.M. Beth-Shan Excavations 1921–23. Vol. III. Philadelphia, 1931.
Foerster 1993a — Foerster G. Jericho: Tell el-Hassan // NEAEHL II. 1993. P. 696–697.
Foerster 1993b — Foerster G. The Synagogue at Tell Es-Sultan // NEAEHL II. 1993. P. 695–696.
Foss 2008 — Foss C. Arab-Byzantine Coins. An introduction, with a catalogue of the Dumbarton Oaks Collection, Washington D.C., 2008.
Foy 1994 — Foy D. Le verre // L'oppidum de Saint-Blaise du Ve au VIIe s. Paris, 1994. P. 200–217. (Document d'archéologie Française 45).
Foy 1995 — Foy D. Le Verre de la fin du IVe au VIIIe siècles en France méditerranéenne : premier essai de typo-chronologie // AC de l'AFAV. 1995. P. 187–244.
Foy 2000 — Foy D. Un atelier de verrier á Beyrouth au début de la conquête islamique // Syria 77. 2000. P. 239–290.
Foy, Démians D'Archimbaud 1996 — Foy D, Démians D'Archimbaud G. Dépôts de verres et rites funéraires // Actes du colloque : le cimetière chrétien. Orléans 29 septembre —1 octobre 1994. Orléans, 1996. P. 224–242. (Suppl. à la Revue Archéologique du Centre 11).
Foy, Hochuli-Gysel1995 — Foy D., Hochuli-Gysel A. Le Verre en Aquitaine du IVe au XIe siècle : un état de la question // AC de l'AFAV 1995. P. 151–176.
François 1995a — François V. Byzantine ou Ottoman? Une ceramique peinte à l'engobe découverte en Méditerranée orientale // AA 3. Paris, 1995. P. 203–217.
François 1995b — François V. La céramique Byzantine à Thasos // Études Thasiennes 16. Athènes, 1995.
Freestone, Jackson-Tal, Tal — Freestone I. C., Jackson-Tal R.E., Tal O. Raw Glass and the Production of Glass Vessels at Late Byzantine Apollonia-Arsuf, Israel // JGS 50. 2008. P. 67–80.
Gadow 1847 — Gadow J.H. Ein Ausflug von Jerusalem über Jericho an den Jordan, das todte Meer und nach Mar Saba: Ende März 1847 // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden. Bd. 2. 1848. S. 52–65.
Gândilă 2001 — Gândilă A. Early Byzantine coin circulation in the Eastern provinces: a comparative statistical approach // American Journal of Numismatics (2nd series) 21. 2001. P. 151–226.
Ganor e.a. 2011 — Ganor A. et al. Excavations at Horvat Midras in the Judean Shephelah 2010–2011: Preliminary Report // NSAJR 5. 2011. P. 200–214.
Garbrecht, Peleg 1994 — *Garbrecht Gunter*, and *Yehuda Peleg*. The Water Supply of the Desert Fortresses in the Jordan Valley // BA 57, n. 3. 1994. P. 161–70.
Gass 2005 — Gass E. The Monastery of Samson up the Rock of the Etham in the Byzantine Period // ZDPV 121, n.2. 2005. P. 168–184.
Gendelman 2012 — Gendelman P. The Pottery from Horbat Biz'a // 'Atiqot 70. 2012. P. 33–48.
Getzov N. et al. 2009 — Getzov N. et al. Horbat 'Uza, the 1991 excavations II: The Late Periods. Jerusalem, 2009. (IAA Reports 42).
Ghouchani, Adle 1992 — Ghouchani A. and Adle C. A Sphero-Conical Vessel as Fuqqa'a, or a Gourd for "Beer" // Muqarnas 9. 1992. P. 72–92.
Giannotta 1992 — Giannotta M.T. Vetri romani e medioevali // [D'Andria F., Whitehouse D., eds.] Excavations at Otranto. Vol. II: The Finds. Galatina, 1992. P. 219–240.
Gichon 1974 — Gichon M. Fine Byzantine Wares from the South of Izrael // PEQ 106. 1974. P. 119–139.
Gill 2002 — Gill M.A.V. Amorium Reports. Finds I: The Glass (1987–1997). Oxford, 2002. (BAR IS 1070).
Gitler, Weisburd 2005 — Gitler H., Weisburd D. Coin Finds from Villages in Palestine during the Late Roman and Byzantine Periods — A.D. 383–696/7): A Quantitative Examination of Monetary Distributions // [Lefort J., C. Morrisson C., Sodini J-P. eds.]. Les Villages dans l'Empire byzantine, IVe – XVe siècle. (Réalités Byzantines). 2005. P. 539–552.
Golofast 2009 — Golofast L. Early Byzantine Glass from the Tauric Chersonesos (Crimea) // [Lafli E. ed.] Late Antique / Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. Izmir, 2009. P. 301–335.
Goodwin 2005 — *Goodwin T.* Arab-Byzantine Coinage. Oxford, 2005.
Gorin-Rosen 1997 — Gorin-Rosen Y. Excavations of the Courthouse Site at 'Akko: Medieval Glass Vessels // 'Atiqot 31. 1997. P. 75–85.
Gorin-Rosen 1999 — Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Recent Excavations in Ramla: A Preliminary Presentation // [Gibson S. and Vitto F. eds.] Ramla: The Development of a Town from the Early Islamic to Ottoman Periods. Jerusalem, 1999. P. 10–15.
Gorin-Rosen 2000 — Gorin-Rosen Y. The Glass Vessels from Khirbet Tabaliya (Giv'at Hamatos) // 'Atiqot 40. 2000. P. 81–94.
Gorin-Rosen 2002 — Gorin-Rosen Y. The Glass Vessels. Excavations at Khirbet el-Shubeika // [Gal Z. ed.]. Eretz Zafon: Studies in Galilean Archaeology. Jerusalem, 2002. P. 186–187.
Gorin-Rosen 2007 — Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Khirbat Deiran, Rehovot // 'Atiqot 56. 2007. P. 85, 145–149.
Gorin-Rosen 2009 — Gorin-Rozen Y. The Glass Vessels from Strata 9–6 // In: *Getzov N. et al.* Horbat 'Uza, the 1991 excavations II: The Late Periods. Jerusalem, 2009. P. 175–182. (IAA Reports 42).
Gorin-Rosen 2010 — Gorin-Rosen Y. The Islamic Glass Vessels // In: Gutfeld O. Ramla: Final Report on the Excavations North of the White Mosque. Jerusalem, 2010. P. 213–264. (Qedem 51).
Gorin-Rosen, Katsnelson 2007 — Gorin-Rosen Y., Katsnelson N. Local Glass Production in the Late Roman–Early Byzantine Periods in Light of the Glass Finds from Khirbat el–Ni'ana // 'Atiqot 57. 2007. P. 73–154.
Greenhalgh 2009 — Greenhalgh M. Marble Past, Monumental Present: Building with Antiquities in the Medieval Mediterranean. Leiden, 2009.
Gross 1977 — Gross S. The mineralogy of the Hatrurim Formation. 1977. (Geological Survey of Israel Bulletin. 70).
Guèrin 18745–1875 — Guèrin V. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine: Samaria. 2 vols. Paris, 1874–1875.
Guthe 1884 — Guthe H. Die orthodoxe Palästina-Gesellschaft in Russland // ZDPV 7. 1884. S.303–304.
Guthe1885 — Guthe H. Die zweite Mauer Jerusalems und die Bauten Constantins am heiligen Grabe. Nach russischen Berichten und mit Originalbeitragen C. Schick's herausgegeben von Prof. H. Guthe in Leipzig // ZDPV 8. 1885. S. 245–287.
Gutfeld 1912 — Gutfeld O. Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem, conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. V: The Cardo (Area X) and the Nea Church (Areas D and T), Final Report. Jerusalem, 2012.
Hachlili 2009 — Hachlili R. Ancient Mosaic Pavements: themes, issues and trends. Leiden, 2009.
Hachlili, Killebrew 1999 — Hachlili R., Killebrew A. Jericho: The Jewish Cemetery of the 2nd Temple Period. Jerusalem, 1999.

Hadad 1997 — Hadad S. Oil Lamps from the Third to the Eighth Century C.E. at Scythopolis-Bet Shean // DOP 51. Washington DC, 1997. P. 147–188.
Hadad 2002 — Hadad Sh. The Oil Lamps from the Hebrew University Excavations at Bet Shean // Excavations at Bet Shean. Vol. 1. Jerusalem, 2002. (Qedem Reports 4).
Hadad 2005 — Hadad S. Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet She'an. Jerusalem, 2005. (Qedem Reports 8).
Haddad 2009 — Haddad E. Roman Byzantine Amphorae from a Terrestrial Site and its Underwater Environs: Horbat Castra and Kfar Samir (Southern Levant as a Case Study) // Levant 41, n. 1. 2009. P. 79–91.
Hamilton 1947– Hamilton, R. W. The Church of the Nativity, Bethlehem. Jerusalem, 1947.
Handbook of mineralogy 2001–2005 — Handbook of mineralogy. Mineral Data Publishing, version 1. 2001–2005 = http://rruff.info/doclib/hom/portlandite.pdf
Hanfmann 1959 — Hanfmann G.M.A. Excavations at Sardis, 1958 // *BASOR* 154. 1959. P. 5–35.
Harden 1936 — Harden D.B. Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29. Ann Arbor, 1936.
Harden 1972 — Harden D.B. Ancient Glass III // Archaeological Journal 128. 1972. P. 78–117.
Harden 1975 — Harden D.B. Some Lombard Glasses of the 6th and 7th Centuries // Srednovekovno staklo na Balkanu (5–15 vv.). Beograd, 1975. P. 11–29.
Hareven, Greenfeld 2012 — Hareven B., Greenfeld U. A Byzantine church and monastery at Khirbet Huriya // CaC-III. 2012. P. 309–326.
Hartal 2008 — Hartal M. Tiberias, Galei Kinneret. HA-ESI 120, 2008 = http://www.hadashot-esi.org.il/report_detail_eng.asp?id=773&mag_id=114
Hasselquist 1766 — Hasselquist F., Voyages and Travels in the Levant in the Years 1749, 1750, 1751, 1752. L., 1766.
Hayes 1968 — Hayes J.W. A Seventh-century pottery group // In: Harrison R.M., Firatli N. Excavations at Saraçhane in Istanbul: Fifth Preliminary Report. DOP 22. Washington, 1968. P. 201–216.
Hayes 1971 — Hayes J.W. A New Type of Early Christian Ampulla // ABSA 66. 1971. P. 243–248.
Hayes 1972 — Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972.
Hayes 1975 — Hayes J.W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto, 1975.
Hayes 1978 — Hayes J.W. Pottery Report — 1976 // Excavations at Carthage 1976 conducted by the University of Michigan. Vol. IV. [Humphrey J.H. ed.]. Ann Arbor, 1978. P. 23–98.
Hayes 1983 — Hayes J.W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // BSA 78. 1983. P. 97–169.
Hayes 1985 — Hayes J.W. Sigillate Orientali // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle Forme Ceramiche II, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Tardo Ellenismo e Primo Impero). Rome, 1985. P. 1–96.
Hayes 1992 — Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbdul. Vol.2. The pottery. Princeton N.J., 1992.
Herod the Great 2013 — [Rozenberg S,, Mevorah D., eds.] *Herod the Great*. The King's Final Journey. Jerusalem, 2013.
Hirschfeld 1997 — Hirschfeld Y. Farms and Villages in Byzantine Palestine // DOP 51. 1997. P. 33–71.
Hirschfeld 1990 — Hirschfeld Y. List of the Byzantine Monasteries in the Judean Desert // CAHL 1990. P. 3–71.
Hirschfeld 1992 — Hirschfeld Y. The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period. New Haven; L., 1992.
Hirschfeld 1989–1990 — Hirschfeld Y. Judean Desert, Jericho Basin, Samaria: Survey of Monasteries — 1987 (Part II) // Excavations and Surveys in Israel 9. 1989–1990. P. 47–51.
Hirschfeld 2007 — Hirschfeld Y. En-Gedi Excavation II: Final Report (1996–2002). Jerusalem, 2007.
Hizmi 1993 — Hizmi H. The Byzantine Church at Khirbet el-Beiyudat in the Lower Jordan Valley // ACR. 1993. P. 155–163.
Isings 1957 — Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen, 1957.
Jackson 2004 — Jackson M.P.C. Local Painted Pottery Trade in Early Byzantine Isauria // [Mango M.M. ed.] Byzantine Trade, 4th -12th Centuries. The Archaeology of Local, Regional and International Exchange. Aldershot UK, 2004. P. 137–144.
Jackson-Tal 2007 — Jackson-Tal R.E. Glass Vessels from En-Gedi // In: *Hirschfeld* 2007. P. 474–506.
Jackson-Tal 2008 — Jackson-Tal R.E. Glass Vessels // Tal O., Taxel I. Ramla (South): An Early Islamic Industrial Site and Remains of Previous Periods. Tel Aviv, 2008. P. 166–184. (Salvage Excavation Reports 5).
Jackson-Tal 2012 — Jackson-Tal R. E. The Early Islamic Glass Finds from Khirbat el-Thahiriya // 'Atiqot 71. 2012. P. 57–72.
Jackson-Tal 2013 — Jackson-Tal R. E. The Glass Finds from the Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho // In: Bar-Nathan R., G rtner J. Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho. Final Reports of the 1973–1987 Excavations. Vol. V: The Finds from Jericho and Cypros. Jerusalem, 2013. P. 100–129.
Jackson-Tal, Tal 2013 — Jackson-Tal R. E., Tal O. Crusader Glass in Context: The Destruction of Arsur (Apollonia-Arsuf, Israel), April 1265 // JGS 55. 2013. P. 85–100.
Jastrow, Kohler, Price 1906 *— Jastrow M., Kohler K., Price I.M.* Balsam // Jewish Encyclopedia.com. The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia.
Jennings M. 2015 — Jennings M. Beyond the Walls of Jericho: Khirbet al-Mafjar and the Signiture Landscapes of the Jordan Valley Plain. 2015. (Ph. Dissertation. The University of Chicago).
Jennings S. 1997–1998 — Jennings S. The Roman and Early Byzantine Glass from the Souk Excavations: an Interim Statement // Berytus. 43. 1997–1998. P. 11–146.
Johnson 1988 — Johnson B.L. The Pottery // [Weinberg C.D. ed.]. Excavations in Jalame — Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia, 1988. P. 137–226.
Johnson 2006 — Johnson B. L. The Hellenistic to Early Islamic Period Pottery // In: Mazar A. Excavations at Tel Meth-Shean. 1989–1996. Vol. 1. From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period. Jerusalem, 2006. P. 523–589.
Johnson 2008 — Johnson B.L. Ashkelon 2. Imported Pottery of the Roman and Late Roman Periods. Final Reports of the Leon Levy Expedition to Ashkelon. Harvard Semitic Museum/Eisenbrauns. Winona Lake, 2008.
Josephus 1974 — Josephus, The complete works of Josephus, War IV. [Trans.: Whiston. W.]. Grand Rapids, 1974.
Kark 1990 — Kark R. Jaffa: A City in Evolution, 1799–1917. Jerusalem, 1990.
Kareem 1999 — Kareem J. Nabataean to Abbasid Pottery from the First Season of Excavations at Khirbat Nakhil, Jordan // Levant 31. 1999. P. 191–202.
Kareem 2001 — Kareem J. The Pottery from the First Season of Excavations at Khirbet Nakhil // CB 2001. P. 77–93.
Kaswalder 2002 — Kaswalder P.A. Onomactica biblica. Fonti scritti e ricerca archeological. Jerusalem, 2002. (SBF CMi, 40).
Katsnelson 1999 — Katsnelson N. Glass Vessels from the Painted Tomb at Migdal Ashqelon // 'Atiqot 37. Jerusalem, 1999. P. 67–82.
Katsnelson 2010 — Katsnelson N. Baqa el-Gharbiya Area: The Glass Vessels from Horbat Kosit (East) // 'Atiqot 64. 2010. P. 133–142.

Katsnelson 2012 — Katsnelson N. The Glass Vessels from Horbat ‘Illin (Upper) // Atiqot 71. 2012. P. 47–56.
Katsnelson, Jackson-Tal 2004 — Katsnelson N., Jackson-Tal R.E. Glass Vessels from Ashqelon, Semadar Hotel // ‘Atiqot 48. 2004. P. 99–109.
Keay 1984 — Keay S.J. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A Typology and Economic Study: the Catalan Evidence . Oxford, 1984. (BAR IS 196).
Keller 1996 — Keller D. Spätrömische Gläser mit Fadendekor // Petra. Ez Zantur I. Mainz, 1996. S. 295–309.
Kelso 1955 — Kelso James L. Excavations at New Testament Jericho and Khirbet en-Nitla // AASOR 29–30. (1949–1951). New Haven, 1955.
Khairedinova 2012 — Khairedinova E.A. Early Medieval Crosses from the South-Western Crimea // BYZAS 2012. P. 417–440.
Khalil 2001 — Khalil L.A. Glass Vessels and Miniature Jugs from Khirbat Yajuz Cemetetry // Levant 33. 2001. P. 127–138.
Kindler 1989 — Kindler A. The synagogue treasure of Meroth, Eastern Upper Galilee, Israel // [Carradice I.E., ed.] Proceedings of the 10th International Congress of Numismatics, London, September 1986. Wetteren, 1989. P. 315–320.
Kletter 2005 — Kletter R. Early Islamic Remains at ‘Opher Park, Ramla // ‘Atiqot 49. 2005. P. 86–88.
Kletter, Boas 2002 — Kletter R., Boas A. Har Hozevim: A Frankish Farmhouse North of Jerusalem // ‘Atiqot 43. 2002. P. 185–205.
Kletter, Stern 2006 — Kletter R., Stern E.J. A Mamluk-Period Site at Khirbat Burin in the Eatsern Sharon // ‘Atiqot 51. 2006. P. 173–214.
Kloner 1993 — Kloner A. A Byzantine Church at Maresha (Beit Govrin) // ACR 1993. P.260–264.
Klostermann 1966 — Klostermann E. Das Onomasticon der biblischen Ortsnamen // In: Eusebius Caesarienses, Werke. Vol. III. Leipzig, 1904 (репринт: Darmstadt, 1966).
Konrad 2001 — Konrad M. Der spätrömische Limes in Syrien. Resafa V. Mainz, 2001.
Kool 2012 — Kool R. The Coins from KhirbaT el-Thahiriya’ // ‘Atiqot 71. 2012. P. 73–77.
Landes 1966 — Landes G.M. The Byzantine Church of St. Andrew in Jericho // Bulletin de la Societe d’archeoloige copte 18. 1966. P. 181–195.
Landes 1975 — Landes G. M. Report on Archaeological Work at Suwwanet Eth-Thaniya, Tananir, and Khirbet Minya (Munhata) // Bulletin of the American Schools of Oriental Reseach Suppl. Studies 21. Missoula, Mont., 1975.
Landgraf 1980 — Landgraf J. Byzantine Pottery // Tell Keisan (1971–1976). Une cite phénicienne en Galilée. Paris, 1980. P. 51–99.
Lane 1958 — Lane A. Early Islamic Pottery. L., 1958.
Lavas 2001 — Lavas G.P. The Kathisma of the Holy Virgin: A Major New Srine // ΔΕΛΤΙΟΝ 2 (= European Center of Byzantine and Post-Byzantine Monuments Newsletter 2).Thessaloniki, 2001. P. 60–101.
Lazar 1999 — Lazar D. A Mamluk and Ottoman Settlement at Giv‘at Dani in the Ayalon Valley // ‘Atiqot 38. 1999. P. 127–136.
Leibner 2010 — Leibner U. Excavations at Khirbet Wadi Hammam (Lower Galilee): The Synagogue and the Settlement // JRA 23. 2010. P. 220–238.
Le Maguer 2011 — Le Maguer S. Typology of incense-burners of the Islamic period // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies 41. Oxford, 2011. P. 173–185.
Lester 2004 — Lester A. The Glass // In: Stacey D. Excavations at Tiberias, 1973–1974: The Early Islamic Period. 2004. P. 167–220. ((IAA Reports 21)
Levin, Netzer 1986 — Levin L.I., Netzer E. Excavations at Caesarea Maritima, 1975, 1976, 1979. Final Report. 1986. (Qedem 21).
Liévin de Hamrae 1887 — Liévin de Hamrae. Das heilige Land und seine Heiligthümer. Mainz, 1887.
Loffreda 1989 — Loffreda S. Lucerne byzantine in Terra Santa con iscrizioni in greco. Jerusalem, 1989.
Loffreda 2001 — Loffreda S. Light and Life. Ancient Christian Oil Lamps of the Holy Land. Jerusalem, 2001. (SBFM 13).
Loffreda 2003 — Loffreda S. Holy Land Pottery at the Time of Jesus. Jerusalem, 2003. (SBFM 15).
Ma’ayeh 1962 — Ma’ayeh Farah S. Recent Archaeological Discoveries in Jordan // ADAJ 6–7. 1962. P. 104–13.
Madden 2014 — Madden A.M. Corpus of Byzantine Church Mosaic Pavements in Israel and the Palestinian Territories. Leuven (Belgium): Peeters Publishers, 2014. (Colloquia Antiqua 13).
Magen 1993 — Magen Y. The Monastery of St. Martyrius at Maale Adummim // ACR 1993. P. 170–196.
Magen 2010 — Magen Y. The Good Samaritan Museum. Jerusalem, 2010. (JSP 12).
Magen 2012a — Magen I. A Roman Fortress and Byzantine Monastery at Khirbet Deir Sam’an // CaC-III. 2012. P. 9–107.
Magen 2012b — Magen Y. A Roman Fortress and a Byzantine Monastery at Khirbet el-Kiliya // CaC-III. 2012. 261–297.
Magen 2012c — Magen Y. The Northern Church at Beit ‘Anun // CaC-IV. 2012. P. 177–184.
Magen, Aharonovich 2012 — Magen Y., Aharonovich E., The Northern Churches at Shiloh // CaC-III. 2012. P. 161–209.
Magen, Baruch 2012 — Magen Y., Baruch Y. Khirbet Abu Rish // CaC-IV. 2012. P. 185–202.
Magen, Batz, Sharukh 2012 — Magen Y., Batz S., Sharukh I., A Roman Military Compound and a Byzantine Monastery at Khirbet Umm Deimine // CaC-IV. 2012. P. 435–482.
Magen, Har-Even, Sharukh 2012 — Magen Y., Har-Even B. and Sharukh I , A Roman Tower and a Byzantine Monastery at Khirbet el-Qasr // CaC-IV. 2012. P. 247–298.
Magen, Peleg, Sharukh 2012 — Magen Y., Peleg Y. and Sharukh I. A Byzantine Church at ‘Anab el-Kabir // CaC-IV. 2012. P. 331–384.
Magness 1992a — Magness J. Late Roman and Byzantine Pottery, Preliminary Report, 1990 // CP 1992. P. 129–153.
Magness 1992b — Magness J. The Late Roman and Byzantine Pottery from the City of David // [De Groot A., Ariel D.T. eds.] Excavations at the City of David Directed by Y. Shiloh. III. Jerusalem, 1992. P. 149–186. (Qedem 33).
Magness 1993 — Magness J. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield, 1993.
Magness 1995a — Magness J. The Pottery from Area V/4 at Caesarea // AASOR. 52. 1995. P. 133–145.
Magness 1995b — Magness J. Early Islamic Pottery. Evidence of a Revolution in Diet and Dining Habits // Agency and Identity in the Ancient Near East. L.; Oakville, 1995. P. 117–126.
Magness 1996 — Magness J. Blessing from Jerusalem: Evidence for Early Christian Pilgrimage // Eretz-Israel 25. Jerusalem, 1996. P. 37–45.
Magness 2012 — Magness J. The Archaeology of the Holy Land: From the Destruction of Solomon’s Temple to the Muslim Conquest. N. Y., 2012.
Maier 2000 — Maier A. The Excavations in Mamilla, Jerusalem, Phase I (1989) // AJR 2000. Pp. 299–305.
Manns 1984 — Manns F. Some Weights of the Hellenistic Romans and Byzantine Periods. Jerusalem, 1984.
Maraval 1985 — Maraval, Pierre. Lieux saints et pèlerinages d’Orient. Histoire et géographie, des origines à la conquête arabe. Paris, 1985. P. 278–280.
Mason 2004 — Mason R.B. Shine like the Sun: Lustre-painted and associated Pottery from the Medieval

Middle East. Toronto, 2004. (Bibliotheka Iranica: Islamic Art and Architecture Series 12).
Mason, Milwright 1998 — Mason R.B., Milwright M. Petrography of Middle Islamic Pottery from Karak // Levant 30. 1998. P. 175–190.
Maundrell 1697 — Maundrell H. Journey from Aleppo to Jerusalem at Easter A.D. 1697. Oxford, 1703. Ресурс: https://archive.org/details/gri_journeyfroma00maun
Mazar 1999 — Mazar E. The Monastery of the Vitgins. Temple Mount Excavations in Jerusalem. Byzantine Period. Jerusalem, 1999.
McNicoll, Smith and Hennessy 1982 — McNicoll A., Smith R.H., Hennessy B. Pella in Jordan 1. Canberra, 1982.
Megaw 1989 — Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware Again // Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athenes. Athens, 1989. P. 259–263.
Megaw, Johns 1983 — Megaw A.H.S., Johns R.E. Byzantine and Allied Pottery: A Contribution by Chemical Analysis to the Problems of Origin and Distribution // ABSA 78. 1983. P. 235–263.
Meinardus 1965–1966 — Meinardus O. The Byzantine Church of St Andrew in Jericho // Bulletin de la Société d'Archéologie Copte 18. 1965–1966. P. 181–196.
Melkawi, 'Amr, Whitcomb 1994 — Melkawi A., 'Amr K., Whicomb D. The excavations of two Seventh Century Pottery Kilns at Aqaba // ADAJ 38. 1994. P. 447–468.
Métivier 1985 — Métivier S., Le culte de saint Hiérôn // [Maraval P. ed.] Lieux saints et pèlerinages d'Orient. Histoire et géographie, des origines à la conquête arabe. Paris, 1985. P. 278–280.
Meyer 1987 — Meyer C. Glass from the North Theater Byzantine Church, and Soundings at Jerash, Jordan, 1982–1983 // BASOR. Suppl. 25. Baltomore, 1987. P. 175–222.
Meyer 1992 — Meyer C. Glass from Quser al-Qadim and the Indian Ocean Trade. Chicago, Ill. 1992. (Studies in Ancient Oriental Civilization 53).
Meyers, Kraabel, Strange 1976 — Meyers E., Kraabel A., Strange, J. Ancient Synagogue Excavations at Khirbet Shema, Upper Galilee, Israel, 1970–1972. Durham, 1976.
Michel 1998 — Michel A. Trois campagnes de fouilles à Saint-Georges de Khirbat al- Mukhayyat (1995–1997) // LA 48. 1998. P. 357–416.
Miller 1991 — Miller J.M. Archaeological Survey of the Kerak Plateau. Jerusalem a.o., 1991. (ASOR Archaeological Reports)
Milwright 2000 — Milwright M. Pottery of Bilad al-Sham in the Ottoman Period: a Review of the Published Archaeological Evidence // Levant 32. 2000. P. 189–208.
Milwright 2003 — Milwright M. Modest Luxuries: Decorated Lead-glazed Pottery in the South of Bilad al-Sham (13th and 14th centuries) // Muqarnas 20. Leiden, 2003. P. 85–111.
Milwright 2008 — Milwright M. The Fortress of the Raven. Karak in the Middle Islamic Period (1100–1650). Leiden; Boston, 2008.
Milwright — Milwright M. Pottery of the Islamic Period on the Karak Plateau // Virtual Karak Resources Project: Pottery of the Islamic Period http://www.vkrp.org/studies/archaeological/pottery-islamic-period/
Miraglia 1994 — Miraglia G. Vetro // Il Complesso Archeologico di Carminiello ai Mannesi, Napoli (Scavi 1983–1984). Lecce, 1994. P. 329–342.
Moorey 1991 — Moorey P.R.S. A Century of Ninlical Archaeology. Westminster; Louisville KY, 1991.
Morone da Maleo 1668–1669 — Morone da Maleo (Mariano). Terra Santa. V. I. Piacenza, 1668–1669.
Münger 2012 — Münger S. Chinneret. I. Archaeology; II. Hebrew Bible // [Allison D.C., Klauck H.-J., eds.] Encyclopedia of the Bible and its Reception. V. 5. 2012. P.130–131.
Münger, Zangenberg, Pakkala — Münger S., Zangenberg J., Pakkala J. Kinneret — an Urban Center at the Crossroads: Excavations on Iron IB Tel Kinrot at the Lake of Galilee // NEA 74, n. 2. 2011. P. 68–90.
Nagy, Meyers 1996 — [*Nagy R.M., Meyers E.M et al.*, eds.] Sepphoris in Galilee: Crosscurrents of Culture. Raleigh, 1996.
Netzer 2001 — Netzer E. The Palaces of Hasmoneans and Herod the Great. Jerusalem, 2001.
Netzer 2001–2013 — Netzer E. Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho. Final reports of the 1973–1978 Excavations. Vols. 1–5. Jerusalem, 2001–2013.
Netzer, Birger 1990 — Netzer E., Birger R. A Byzantine Monastery at Nuseib 'Uweishira, West of Jericho // CAHL 1990. P. 191–200.
Niccolò da Poggibonsi 1945 — Niccolò da Poggibonsi, A voyage beyond the seas, 1346–1350. [Transl. Bellorini T., Hoade E.]. Gerusalemme, 1945. (SBF CMa 2).
Nigro 2011 — Nigro L. Distributive analysis and occupation study in the Jericho Oasis from the Neolithic up the Ottoman period // AHJO 2011. P. 5–27.
Nikolaeva 1991 — Nikolaeva E.Ya. Steklodelie na Bospore // KSIA 204. 1991. Str. 50–57.
Noeske 2000 — Noeske H.-Ch. Münzfunde aus Ägypten I. Die Münzfunde des ägyptischen Pilgerzentrums Abu Mina und die Vergleichsfunde aus den Dioecesen Aegyptus und Oriens vom 4.-8. Jh. n.Chr. Prolegomena zu einer Geschichte des spätrömischen Münzumlaufs in Ägypten und Syrien. Bd. I-III. Berlin 2000. (Studien zu Fundmünzen der Antike 12).
Olster 1993 — Olster D. The Construction of a Byzantine Saint: George of Choziba, Holiness, and the Pilgrimage Trade in Seventh-Century Palestine // Greek Orthodox Theological Review 38, n. 1–4. 1993. P. 309–322.
Opait 2004 — Opait A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD). 2004. (BAR IS 1274).
Oren-Pascal 2008 — Oren-Pascal M. Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335) // CRS 2008. P. 49–58.
Ovadiah 1970 — Ovadiah A. Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land. Theophaneia Beitrage Zur Religions- Und Kichengeschichte Des Alterums. Bonn, 1970.
Panella 1986 — Panella C. Gli scambi nel Mediterraneo occidentale dal IV al VII secolo // Hommes et richesses dans l'empire byzantine. T. I. IV-VII s-e. Paris, 1986. P. 129–141.
Papanikola-Bakirtzi 1996 — Papanikola-Bakirtzi D. Medieval Glazed Pottery of Cyprus: Paphos and Lapithos Ware. Thessaloniki, 1996. (Greek; English summary: 213–220).
Papanikola-Bakirtzi 1999 — Papanikola-Bakirtzi D. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
Parker 1999 — Parker Th. The Byzantine Period: An Empire's New Holy Land // NEA 62, n. 3. 1999. P. 134–180.
Patrich 1988 — Patrich J. The Glass Vessels // In: Tsafrir Y. et al. Excavations at Rehovot-in-the-Negev. Vol. I. Jerusalem, 1988. P. 134–141. (Qedem 25).
Patrich 1990 — Patrich J. The Cells (*ta kellia*) of Choziba, Wadi el-Qilt // CAHL 1990. P. 205–226.
Patrich 1994 — Partich J. Archaeological Survey in Judea and Samaria. Map of Deir Mar Saba (109/7). Jerusalem, 1994.
Patrich 1995 — Partich J. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism. Washington, 1995.
Patrich 2001 — [*Patrich J. ed.*] The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present. Leuven, 2001.
Patrich, Arubas, Agur 1993 — Patrich J, Arubas B., Agur B. Monastic Cells in the Desert of Gerasimus near the Jordan' // ECC. 1993. P. 277–296.

Patrich, Rafael 2008 — Patrich J., Rafael K. The Jewelry // [Patrich J. ed.], Archaeological Excavations at Caesarea Maritima. Areas CC, KK and NN. Final Report. Vol. I: The Objects. Jerusalem, 2008. P. 419–431.
Peacock, Williams 1986 — Peacock O.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman Economy: An Introductory Guide. N. Y., 1986.
Peilstocker 2009 — Peilstocker M. Tel 'Afar: A Byzantine Site South of Caesarea // 'Atiqot 61. 2009. P. 95–118.
Peleg, Batz 2012 — Peleg Y., Batz S. A Byzantine Church at Khirbet Istabul (Aristobulias) // CaC-IV. 2012. P. 303–326.
Peleg-Barkat 2013 — Peleg-Barkat O. The Architectural Decoration from the Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho and Cypros // [Netzer E., ed.], Hasmonean and Herodian Palaces at Jericho. Final reports of the 1973–1978 Excavations. Vol. 5. Jerusalem, 2013. P. 235–269.
Piccirillo 1981 — Piccirillo M. Chiese e mosaici della Giordania settentrionale. Jerusalem, 1981. (SBF CMi № 33).
Piccirillo1992 — Piccirillo M. The Mosaics of Jordan. Amman, 1992.
Piccirillo, Alliata 1990 — Piccirillo M., Alliata E. Ceremitaggio di Procapis e l'ambiente funerario di roberos al Monte Nebo-Siyagha // CAHL 1990. P. 391–415.
Pieri 2005 — Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve – VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
Pierre Maraval 1985 — Pierre Maraval. Lieux saints et pèlerinages d'Orient. Histoire et géographie, des origines à la conquête arabe. Paris, 1985. P. 278–280.
Poggibonci 1945/1993 — Poggibonci Niccolo da. A Voyage beyond the seas (1346–1350). Jerusalem, 1945 (репринт 1993 г.).
Politis 2012 — Politis K., Death at the Dead Sea // BARev 2. 2012. P. 42–54.
Pollak 2005 — Pollak R. Tirat-HaCarmel — The Glass Vessels // Contract Archaeology Reports I. Haifa, 2005. P. 5–28.
Pollak 2007 — Pollak R. Excavations in Marcus Street, Ramla: The Glass Vessels // Contract Archaeology Reports II: Excavation in Marcus Street, Ramla (Report and Studies of Recanati Institute for Maritime Studies Excavations). Haifa, 2007. P. 100–133.
Porat 2006 — Porat P. A Late Byzantine — Early Islamic-Period Farmhouse at Mesillot in the Bet She'an Valley // 'Atiqot 53. 2006. P. 181–192.
Pottier 1983 — Pottier H. Analyse d'un trésor de monnaies de bronze enfoui au VIe siècle en Syrie byzantine. Contribution à la méthodologie numismatique. Contribution à la méthologie numismatique. Bruxelles, 1983. (Cercle d'Études Numismatique 10).
Pringle 1984 — *Pringle D.* Thirteenth-century Pottery from the Monastary of St. Mary of Carmel // Levant 16. 1984. P. 91–111.
Pringle 1985 — Pringle D. Medieval Pottery from Caesarea: the Crusader Period // Levant 17. 1985. P. 171–202.
Pringle 1986 — *Pringle D.* The Red Tower (al-Burj al-Ahmar): Settlement in the Plain of Sharon at the Time of the Crusaders and Mamluks (A.D. 1099–1516). British School of Archaeology in Jerusalem, Monograph Series, vol. 1. L., 1986.
Pringle 1993 — Pringle D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus. Vol. I: A-K. 1993.
Pringle 1994 — Pringle D. Towers in Crusader Palestine // Château Gaillard: Études de Castellologie médiévale, vol. 16. Actes du Colloque internationale tenu à Luxembourg (Luxembourg), 23–29 aût. 1992. Caen, 1994. P. 335–350.
Pritchard 1958 — *Pritchard J.B.* The excavation at Herodian Jericho, 1951, conducted by the ASOR in Jerusalem. Jerusalem, 1958. (AASOR 32–33).
Prostak 2013 — Prostak S. Magnificent Mosaic from Byzantine Period Unearthed in Israel // Sciences News. May 13. Los Angeles, 2013 (pecypc: http://www.sci-news.com/archaeology/article01068.html)
Quaresmio Francisco 1639 — Quaresmio Francisco Historica, theologica et moralis terræ sanctæ elucidatio: in qua pleraque ad veterem et præsentem ejusdem terræ statum spectantia accurate explicantur. In 2 vols. Antwerp, 1639. Vol. 1.
Rahmani 1961 — Rahmani L.Y. Small Finds at the Synagogue of Ma'on // Erezt Izrael 6. 1961. P. 77–82.
Ramon 2000 — Ramon A. Around the Holy City — Christian Tourist Routes between Jerusalem Bethlehem and Jericho. Jerusalem, 2000.
Rasson, Seigne 1989 — Rasson A.-M. — Seigne J. Une citerne Byzantino-Omeyyade sur le sanctuaire de Zeus // Syria 66. Paris, 1989. P. 117–151.
Rautman 1996 — Rautman M.L. Two Late Roman Wells at Sardis // AASOR 53. 1996. P. 37–84.
Reich 2000 — Reich R. The Ancient burial ground in Mamilla neighborhood, Jerusalem // AJR 2000. P. 111–118.
Reich, Shukron 2002 — Reich R., Shukron E. The Western Extramural Quarter of Byzantine Jerusalem // [Stone M.E., Ervine R.R. eds.]. Armenians in Jerusalem and the Holy Land. Jerusalem, 2002. P. 193–201.
Relation d'un voyage 1838 — Relation d'un voyage de Mets a Jerusalem entrepris en 1395 par quatre chevaliers messins // L'Austrasie, revue du Nord-Est de la France. Vol. 2. Metz, 1838.
Riis, Poulsen 1957 — Riis P.J., Poulsen V. Hama: Fouilles et recherches 1931–1938. Vol. 4, p. 2. Copenhagen, 1957.
Riley 1975 — Riley J.A. The Pottery from the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrome // BASOR 218. 1975. P. 25–63.
Riley 1979 — Riley J.A. Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice).Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua II. Tripoli, 1979. P. 91–497.
Riley 1981 — Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. VI. Ann Arbor, 1981. P. 86–124.
Rjoob 2011 — Rjoob A. Conservation, management and valorization of the cultural heritage sites of Jericho. Ferrara, 2011.
Robinson, Smith 1856 — Robinson E., Smith E. Biblical researches in Palestine and in the adjacent regions. Journal of travels in the year 1838…, drawn up from the original diaries, with historical illustrations. 2 vols. Vol. I. Boston, 1856.
Robinson 1959 — Robinson H.S. Pottery of the Roman Period // Athenian Agora 5. Princeton, 1959.
Roll 1999 — Roll I. The Roads in Roman-Byzantine Palaestina and Arabia // Madaba Map 1999. P. 109–13.
Rosen-Ayalon M. Between Cairo and Damascus: Rural Life and Urban Economics in the Holy Land during the Ayyubid, Mamluk and Ottoman Periods // ASHL. 2003. P. 512–523.
Rosenthal-Heginbottom 1988 — Rosenthal-Heginbottom R. The Pottery // In: *Tsafrir* 1988. P. 78–96.
Ross 1962 — Ross M. C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities. I. Metalwork, Ceramics, Glass, Glyptics, Painting by Dumbarton Oaks Collection. Washington D.C., 1962.
Russell 1831 — Russell M. Palestine or the Holy Land from the Earliest Period to the Present Time. Edinburgh, 1831.
Saldern 1980 — Saldern A. Ancient and Byzantine Glass from Sardis. Archaeological Exploration of Sardis. L., 1980.
Saller 1941 — Saller S.J. The Memorial of Moses on Mount Nebo. Jerusalem, 1941.
Sanmorì, Pappalardo 1997 — Sanmorì C., Pappalardo C. Ceramica dalla chiesa di San Paolo e dalla cappella dei Pavoni — Umm al-Rasas // LA 47. 1997. P. 395–428.

Saulcy 1872 — Saulcy L. F. J. C. de, Voyage en terre sainte. Vol. 1–2. Paris, 1872.
Saulcy 1854 — Saulsy L. F. J. C. de, Narrative of a Journey round the Dead Sea and in the Bible Lands in 1850 and 1851. Vol. 2. L., 1854.
Sbeinati, Darawcheh, Mouty 2005 — Sbeinati M.R., Darawcheh R., Mouty M. The Historical Earthquakes of Syria: an Analysis of Large and Moderate Earthquakes from 1365 B.C. to 1900 A.D. // Annals of Geophysics 48, n. 3. 2005. P. 347–435.
Schick 1995 — Schick R. E. The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule: A Historical and Archaeological Study. Princeton, 1995. (Studies in Late Antiquity and Early Islam 2).
Schneider 1938 — Schneider A.M. Das Kalamon Kloster in der Jerichoebene // Oriens Christianus 13–14. 1938. P. 39–43.
Seetzen 1854 — Seetzen U.J. Ulrich Jasper Seetzen's Reisen durch Syrien, Palästina, Phönicien, die Transjordan-Länder, Arabia Petrarca und Unter-Aegypten. Bd. 2. Berlin, 1854.
Segal, Eisenberg 2006 — Segal A., Eisenberg M., The spade hits Sussita // BARev 3. 2006. P. 40–51.
Shahîd 1995–2009 — Shahîd I. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. In 4 vols. Washington DC, 1995–2009.
Silvano 1999 — Silvano F. Vetri Bizantini dall'Egitto. Medinet Madi 1988. Pisa, 1999. (Catalogo delle collezioni egittologiche di Ateneo II).
Sion 1996 — Sion O. The Monasteries of the "Desert of the Jordan" // LA 46. 1996. P. 245–264.
Smith 1973 — Smith R.H. Pella of the Decapolis. Vol. 1. The 1967 Season of the College of Wooster Expedition to Pella. Wooster, 1973.
Smith, Day 1989 — Smith R.H., Day L.P. Pella of the Decapolis. Vol. 2. Final Report on the College of Wooster Excavations in Area IX. The Civic Complex, 1979–1985. Wooster, 1989.
Sodini, Villeneuve 1992 — Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // SBI 1992. P. 195–218.
Sokol u.a. 2007 — Sokol E.V., Novikov I.S., Vapnik Ye., Sharygin V.V. Gas Fire from Mud Volcanoes as a Trigger for the Appearance of High-Temperature Pyrometamorphic Rocks of the Hatrurim Formation (Dead Sea Area) // Doklady Earth Sciences. Vol. 413A, n. 3. Moskva, 2007. P. 474–480.
Sorokina 1963 — Sorokina N.P. Steklo iz raskopok Pantikapeya. 1945–59 gg. // Materialy i issledovanija po archeologii SSSR. № 103. Moskva, 1963. Str. 210–236.
Spaer A.1978 — Spaer A. The Rafah hoard: Byzantine sixth-century folles // NC18 (7th series). 1978. P. 66–70.
Spaer M. 1988 — Spaer M. The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine // JGS 30. 1988. P. 51–61.
Stacey 2004 — Stacey D. Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem, 2004. (IAA Reports 21).
Stern 1997 — Stern E.J. Excavation at the Courthouse Site at 'Akko: The Pottery of the Crusader and Ottoman Periods // 'Atiqot 31. 1997. P. 35–70.
Stern 1999 — Stern E. J. The Sugar Industry in Palestine during the Crusader, Ayyubid and Mamluk Periods in Light of the Archeological Finds. 1999. (MA thesis, Hebrew University of Jerusalem; English Summary).
Stern 2012 — Stern E. J. 'Akko 1. The 1991–1998 Excavations. The Crusader-Period Pottery. Jerusalem, 2012. (IAA Reports 51).
Stern, Stacey 2000 — Stern E.J., Stacey D.A. An Eleventh-Century Pottery Assemblage from Khirbat al-Khurrumiya // Levant 32. 2000. P. 171–177.
Stern, Tatcher 2009 — Stern E.J., Tatcher A. The Early Islamic Crusader, and Mamluk Pottery // Getzov N. et al. Horbat 'Uza. The 1991 excavations. Vol. II: The Late Periods. Jerusalem, 2009. P. 118–175. (IAA Reports 42).
Sternini 1995 — Sternini M. Il vetro in Italia tra V e IX secoli // AC de AFAV 1995. P. 243–289.
Striker, Kuban 1975 — Striker C.L., Kuban Y.D. Work at Kalenderhane Camii in Istambul: Fifth Preliminary Report (1970–74) // DOP 29. 1975. P. 251–258.
Strange 1890 — Strange G. Palestine under the Muslims. A Description of Syria and the Holy Land from AD 650 to 1500, translated from the works of the medieval Arab geographers. L., 1890.
Sussman 2004 — Sussman V. Horbat Rimmon: Pottery and Small Finds // 'Atiqot 46. 2004. P. 99–112.
Sussman 2007 — Sussman V. The Clay Oil Lamps from Khirbat el-Niana // 'Atiqot 57. 2007. P. 53–72.
Suchem 1895 — Suchem L. de, Ludolph von Suchem's Description of the Holy Land, and of the Way Thither, written in the year 1350. Edited and translated by Aubrey Stewart. Cambridge, 1895.
Tabaczyńska 1971 — Tabaczyńska E. Szkła wczesnośredniowieczne z Castelseprio // Archeologia Polski 16. 1971. P. 295–308.
Taha 2009 — Taha Hamdan, Some Aspects of Sugar Producion in Jericho, Jordan Valley // [Kaptijn E., Petit L.P. eds.] A Timeless Vale. Archaeological and related essays on the Jordan Valley in honour of Gerrit van der Kooij on the occasion of his sixty-fifth birthday. Leiden, 2009. P. 203–213. (Archaeological Studies Leiden University 19).
Taha 2011 — Taha H, Archaeological Excavations in Jericho, 1995–2010 // AHJO 2011. P. 269–304.
Taha, Qleibo 2010 — Taha H., Qleibo A. Jericho. A Living History. Ten Thousand Years of Civilization. Ramallah, 2010.
Taha, Whittcomb 2014 — Taha H., Whittcomb D. The mosaics of Khirbet el-Mafjar, Hisham's Palace. Jericho ; L., 2014.
Tal, Jackson-Tal, Freestone 2008 — Tal O., Jackson-Tal R.E., Freestone I.C. Glass from a Late Byzantine Secondary Workshop at Ramla (South), Israel // JGS 50. 2008. P. 81–95.
Talbot-Rice 1928 — Talbot-Rice D. The Byzantine Pottery. L., 1928.
Talgam 2014 — Talgam R. Mosaics of Faith. Floors of Pagans, Jews, Samaritans, Christians, and Muslims in the Holy Land. University Park, PA; Jerusalem, 2014.
Talgam 2000 — Talgam R. Similarities and differences between synagogue and church mosaics in Palestine during the Byzantine and Umayyad periods // [Levin L., Weiss Z. eds.] From Dura to Sepphoris: Studies in Jewish Art and Society in Late Antiquity. Portsmouth RI, 2000. (JRA. Suppl. Series 40).
Talgam, Shadmi, Patrich 2012 — Talgam R., Shadmi T., Patrich J. The Vine-Trees Mosaic from Caesarea Maritima and its Architectural and Archaeological Context // [Chrupcala L.D., ed.] Christ is Here! Studies in Biblical and Christian Archaeology in Memory of Michele Piccirillo, ofm. Milano, 2012. P. 77–104. (SBF CMa 52).
Talgam, Weiss 2004 — Talgam R., Weiss Z. The Mosaics in the House of Dionysos at Sepphoris: Excavated by E. M. Meyers, E. Netzer and C. L. Meyers. Jerusalem, 2004. (Qedem 44).
Taragan 2006–2007 — Taragan H. Holy Place in the Making: Mūsa Nabī-al Maqām in the Early Mamlūk Period) // ARAM 18–19. 2006–2007. P. 621–639.
Tatton-Brown 1984 — Tatton-Brown V.A. The Glass // In: Hurst H.R., Roscams S.P. Sheffield. Excavations at Carthage: the British Mission. Vol. I, 1. The Avenue du President Habib Bourguiba, Salammbo: The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site. Sheffield, 1984. P. 194–212.

Tatton-Brown 1994 — Tatton-Brown V.A. The Glass // In: Hurst H.R. Excavations at Carthage: the British Mission. Vol. II, 1. The Circular Harbour, North Side. The Site and Finds Other than Pottery. Oxford, 1994. P. 282–290.
Taxel 2008 — Taxel I. Rural Monasticism at the Foothills of Southern Samaria and Judaea in the Byzantine Period: Asceticism, Agriculture and Pilgrimage // BAIAS 26. 2008. P. 57–73
Taxel 2009 — Taxel I. Khirbet Es-Suyyagh. A Byzantine monastery in the Judean Shephelah. Tel Aviv, 2009. (Salvage Excavation Reports 6).
Taxel 2014 — Taxel I. Pots and People from East to West: A Rare Early Islamic Glazed Lidded Bowl from a Monastic Site near Jericho, and its Cultural and Historical Context //Archäologischer Anzeiger 2. 2014. P. 85–99.
Taylor 1993 — Taylor J.E. Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford, 1993.
Theodosius 1953 — Theodosius, Die Situ Terrae Sanctae. CCSL 175. (CPL 2328). 1953.
Three Faces of Monotheism 2007 — *Three Faces of Monotheism*. [J.G. Westenhold ed.]. Jerusalem, 2007.
Todd 1987 — Todd R. A late sixth-century hoard from northern Syria // NC 147. 1987. P. 176–182.
Torge 2011 — Torge H. Remains of Buildings and Remains of Buildings and Workshop Stores (?) From the Mamluk and Ottoman Periods on the Outskirts of Ramla // ʻAtiqot 67. 2011. P. 91–118.
Toueg 2011 — Toueg R. Ramla, Herzog Street (Final Report) // HA-ESI 123. 2011. P. 1693–1705.
Trombley 2012 — Trombley Fr.R. Some Greek and bilingual Arab-Byzantine bronze coins of Damascus and Himş-Emesa: some new examples of iconography and palaeography, with reference to some Byzantine issues of the Late 6th and 7th centuries // In: [Callegher B., D'Ottone A. eds.]. The 3rd Simone Assemani symposium on Islamic coins. Trieste, 2012. P. 58–76. (Polymnia 3).
Tsafrir 1982 — Tsafrir Y. The Desert Fortresses of Judaea in the Second Temple Period // In: The Jersualem Cathedra. Studies in the History, Archeology, Geography and Ethnography of the Land of Israel. Vol. 2. [Levine L. I. ed.]. Jerusalem; Detroit, 1982. P. 120–145.
Tsafrir 1988 — Tsafrir, Y. et al. Excavations at Rehovot-in-the-Negev. Vol. I. Jerusalem, 1988. (Qedem 25).
Tsafrir 2004 — Tsafrir Y. Trade, Workshops and Shops in Bet Shean // Byzantine Trade. 4th-12th centuries. The Archaeology of Local, Regional and International Exchange. Oxford, 2004. P. 61–82.
Tucher 1482 — Tucher Hans, Wallfahrt und Reussen in das gelobte Land. Nurnberg, 1482.
Tushingham 1972 — Tushingham A.D. The Excavations at Dibon (Dhībân) at Moab. The Third Campaign 1952–53. Cambridge, 1972. (AASOR. Vol. 40).
Tushingham 1985 — Tushingham A.D. Excavations in Jerusalem. 1961–1967. Vol. I. Toronto, 1985.
Tzaferis 1982 — Tzaferis V. Ancient Synagogue at Ma'oz Hayyim // IEJ 32, n. 1. Jerusalem, 1982. P. 215–244.
Tzaferis 1983 — Tzaferis V. The Excavation of Kursi-Gergesa // Atiqot 16. 1983. P. 12–14.
Umhau 1971 — Umhau W. C. The Onomasticon of Eusebius Pamphili, compared with the version of Jerome and annotated. 1971 (digitized 2006: http://www.tertullian.org/fathers/eusebius_onomasticon_01_intro.htm
Uscatescu 1995 — Uscatescu A. Jarash Bowls and Other Related Local Wares from the Spanish Excavations at the *Macellum* of Gerasa (Jarash) // ADAJ 39. 1995. P. 365–408.
Van der Steen 1998 — Van der Steen E.J. What Happened to Arabic Geometric Pottery in Beirut? // ARAM 9–10. 1998. P. 121–127.
Varga, Lender 2011 — Varga D., Lender Y. Horbat Zefiyya // HA-ESI 123. 2011. P. 665–680.
Veimarn, Aibabin 1993 — Veimarn E.V., Aibabin A.I. Skalistinskij mogil'nik. Kiev, 1993.
Velde 1857 — Velde, Carel William Meredith van de. Le Pays d'Israel. Collection de cent vues prises d'après nature dans la Syrie et la Palestine. Didie A Sa Majeste Guillaume Ii, Roi Des Pays-Bas. Paris, 1857.
Vincenz 2007 — de Vincenz A. The Pottery // In: *Hirschfeld* 2007. P. 234–427.
Vincenz, Sion 2007 — de Vincenz A., Sion O. Two Pottery Assemblage from Khirbat el-Ni'ana // ʻAtiqot 57. 2007. P. 21–52.
Vitto 2005 — Vitto F. Hellenstic and Crusader Remains at Montmusard, Acre (ʻAkko) // ʻAtiqot 50. 2005. P. 151–179.
Von Wartburg 1997 — Von Wartburg M.-L. Lemba Ware Reconsidered // Report of the Department of Antiquities, Cyprus. Nicosia, 1997. P. 323–340.
Vroom 1998 — Vroom J. Medieval and Post-medieval Pottery from a Site in Boeotia: a Case Study Example of Post-Classical Archaeology in Greece // ABSA 93. 1998. P. 513–546.
Waagé 1948 — Waagé F. O. Hellenistic and Roman tableware of North Syria // Antioch on-the-Orontes IV.1: Ceramics and Islamic coins. Princeton, 1948.
Waliszewski 2001 — Waliszewski T. Céramique Byzantine et proto-islamique de Khirbet edh-Dharih (Jordanie due Sud) // CB 2001. P. 95–106.
Walmsley 1982 — Walmsley A.J. The Umayyad Pottery and its Antecedents // In: McNicoll A., Smith R.H, Hennessy B. Pella in Jordan 1. The Interim Report on the Joint University of Sydney and the College of Wooster Excavations at Pella. 1979–1981. Canberra, 1982. P. 143–181.
Walmsley 1986 — Walmsley A.G. The Abbasid Occupation in Area XXIX. Preliminary Report on the University of Sydney's Seventh Season of Excavations at Pella in 1985 // ADAJ 30. 1986. P. 182–195.
Walmsley 1992 — Walmsley A.G. The Social and Economic Regime at Fihl (Pella) between the 7th and 9th centuries // SBI 1992. P. 249–261.
Walmsley 1993 — Walmsley A.G. Tell al-Óu,n (Area XXXIV) // [Walmsley A.G. a.o., eds.] The Eleventh and Twelfth Seasons of Excavations at Pella 1989–1990 // ADAJ 37. 1993. P. 198–218.
Walmsley, Grey 2001 — Walmsley A.G., Grey A.D. An Interim Report on the Pottery from Gharandal (Arindela), Jordan // Levant 33. 2001. P. 139–164.
Waner M., Safrai 2001 — Waner M., Safrai Z. A catalogue of coin hoards and the shelf life of coins in Palestine hoards during the Roman and Byzantine periods // LA 2001. 5,1. P. 305–336.
Watson P. 1992 — Watson P. Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century AD: the Ceramic Evidence // SBI 1992. P. 233–248.
Watson P. 1995 — Watson P. Ceramic Evidence for Egyptian Links with Northern Jordan in the 6th -8th centuries AD // [Bourke St., Descoeudres J.-P., eds.] Trade, Contact, and the Movement of Peoples in the Eastern Mediterranean. Sydney, 1995. P. 303–320. (Mediterranean Archaeology. Suppl. 3)
Watson R. 1833 — Watson R. A Biblical and Theological Dictionary. N. Y., 1833.
Weinberg, Goldstein 1988 — Weinberg G.D., Goldstein S.M. The Glass Vessels // Excavations at Jalame. Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia, 1988. P. 38–102.
Weiss 2005 — Weiss Z. The Sepphoris Synagogue: Deciphering an Ancient Message. In Its Archaeological and Socio-Historical Contexts. Jerusalem, 2005.

Weiss 2010 — Weiss Z. From Roman temple to Byzantine church: a preliminary report on Sepphoris in transition // JRA 23. 2010. P. 196–217.
Weiss, Netzer 1996 — Weiss Z., Netzer E. Promise and Redemption. A Synagogue Mosaic from Sepphoris. Jerusalem, 1996.
Whitcomb 1983 — Whitcomb D. S. Quseir. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt // JGS 25. 1983. P. 101–108.
Whitcomb 2001 — Whitcomb D. Khirbet al-Mafjar Reconsidered: The Ceramic Evidence // BASOR 271. 1998. P. 51–67.
Whitcomb 2001 — Whitcomb D. Ceramic Production at Aqaba in the Early Islamic Period // CB 2001. P. 297–303.
Whitcomb, Taha 2013 — Whitcomb D., Taha H. Khirbat el-Mafjar and its place in the archeological heritage of Palestine // Journal of Eastern Mediterranean Archeology and Heritage Studies 1. 2013. P. 54–65.
Whitehouse 1983 — Whitehouse D. Medieval Glass in Italy: Some Recent Developments // JGS 25. 1983. P. 46–55.
Wright 2008 — Wright T. Early Travelers in Palestine. New Jersey, 2008 (1st ed. 1848).
Wilkinson J. 1999 — Wilkinson John, Egeria's Travels. Warminster, 1999. (3rd ed.).
Wilkinson J. 2002 — Wilkinson John J. Jerusalem Pilgrims before the Crusade. Warminister, England, 2002. (2nd edition).
Williams 1977 — Williams C. A Byzantine Well-deposit from Anemurium (Rough Cilicia) // Anatolian Studies 27. 1977. P. 175–190.
Willibald, 1895 — Willibald. Hodoeporican. L., 1895. Ресурс: https://legacy.fordham.edu/halsall/basis/willibald.asp
Wilson 1881 — Wilson Ch. Picturesque Palestine, Sinai and Egypt. N. Y., 1881.
Wilson, Sa'd 1984 — Wilson J., Sa'd M. The Domestic Material Culture of Nabataean to Umayyad Period Busrā // Berytus 32. 1984. P. 35–147.
Winter 2010 — Winter T. Glass Vessels from the Byzantine Period at orbat Nazur // 'Atiqot 64. 2010. P. 99–104, 160.
Yannai 2010 — Yannai E. A Salvage Excavation at Horbat Rozez // 'Atiqot 62. 2010. P. 107–137.
Young 1993 — Young S.U. A Preview of Seventh-century Glass from the Kourion Basilica, Cyprus // JGS 35. 1993. P. 39–47.
Zayadine 1986 — Zayadine F. The Jerash Archaeological Project 1981–1983. Vol. I. Amman, 1986.
Zevulun, Olenik 1978 — Zevulun U., Olenik Y. Function and Design in the Talmudic Period. Tel-Aviv, 1978.
Zori 1967 — Zori N. The Ancient Synagogue at Beth-Shean // Eretz-Izrael 8. Jerusalem, 1967. P. 149–167.

Абрамзон и др., 2016 — Абрамзон М.Г., Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Зайцев В.В. Клад византийских фоллисов из Иерихона // РА. 2016. № 3. С. 42–50.
Августин (Никитин) архим. 1999 — Августин (Никитин), архим. Русская библейская археология в Палестине // Богословские труды. Т. 35. К 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. С. 63–91
Аксентьев 2012 — Аксентьев С.Т. Неизвестный Верещагин. Часть V. Загадочное путешествие // Наука и техника. 2012. № 5(72). С. 18 -20.
Аникеева 2010 — Аникеева О.В. Использование данных по естественным минеральным преобразованиям на поверхности камня для атрибуции и датировки изделий декоративно-прикладного искусства // Доклад на XX Леликовских чтениях, 2010, ГосНИИР, Москва.
Аникеева, Лобзова 2009 — Аникеева О.В., Лобзова Р.В. Выявление поверхностных изменений каменной скульптуры в зависимости от условий бытования // Итоговый отчет по научной теме 2007–2009 гг. Москва, Библиотека ГосНИИР, 2009.
Антонин (Капустин) архим.1884 — Антонин (Капустин), архимандрит. Извлечения из писем. [О раскопках на Русском месте, близ храма Гроба Господня] // ППС. Т. III. Вып. 1 (7). СПб., 1884. С. 1–38.
Антонин (Капустин) архим. 2007 — Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 2007.
Антонин (Капустин) архим. 2010 — Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891ю Изд. подг. Р.Б. Бутова. М., 2010.
Антонин (Капустин) архим.2011 — Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. Изд. подг. Н.Н. Лисовой и Р.Б. Бутова. М., 2011.
Аркульфа рассказ 1898 — Аркульфа рассказ о Святых местах, записанный Адамнаном // ППС. Вып. 49. СПб. 1898. Ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/VII/660–680/Arculf/text2.htm
Арсений (Стадницкий), еп. 1902 — *Арсений (Стадницкий),* епископ. В стране священных воспоминаний. Сергиев Посад, 1902.
Белоброва 2007 — Белоброва О.А. Об иллюстрациях к «Хожению» игумена Даниила // «Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII в. Изд. подг. О. А. Белоброва, М. Гардзанити, Г. М. Прохоров, И. В. Федорова. СПб., 2007. С. 399–407.
Беляев 1998 — Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998.
Беляев 2003 — Беляев Л.А. «Религиозная археология» в русской и зарубежной исторической науке // ППС. Вып. 100. М., 2003. С. 9–20.
Беляев 2005 — Беляев Л.А. Галгал // ПЭ. Т. X. М., 2005. С. 308–309.
Беляев 2007 — Беляев Л.А. Традиция русских археологических исследований в Святой земле // ППС. Вып. 105. М., 2007.
Беляев 2009 — Беляев Л.А. Памятники византийского периода в Иерихоне: перспективы и результаты изучения // РА. № 3. 2009. С.118–121
Беляев 2010 — Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Археологические открытия на участке Музейно-паркового комплекса. М.: «Известия», 2010.
Беляев 2011а — Беляев Л.А. Проект «Византийский Иерихон»: работы 2010 года и перспективы исследований // РА. № 3. 2011. С. 71–85.
Беляев 2011б — Беляев Л.А. Археологические работы 2010 года в Иерихоне: предварительное сообщение // Византийской временник. М., 2011. Т. 70 (95). С. 165–173.
Беляев 2011в — Беляев Л.А. Первая российская археологическая экспедиция в Иерихон (Палестин, Израиль) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород-Старая Русса. СПб-М-ВН. 2011. С. 316–317.
Беляев 2011г — Беляев Л.А. «Византийский Иерихон»: от раскопок до музея за 9 месяцев // Музей. № 6. 2011. С. 28–33
Беляев 2012 — Беляев Л.А. Искусство Византийской Палестины V-VIII веков: с мэйнстрима на периферию (по материалам Иерихонской экспедиции ИА РАН 2010–2011 гг.) // Византийский мир: региональные традиции в художественной жизни и проблемы их изучения. М., 2012. С. 1–3.
Беляев 2016а — Беляев Л.А. Башня Иерихона: объект средневековой археологии в свете традиционных источников // ИПС. Вып. 6. 2016. С. 15–34.

Беляев 2016б — Беляев Л.А. «Русская Галгала»: эпизод в истории изучения Иерихона // Церковь в истории России. Сб. 11: К 70-летию Н.Н. Лисового. М., 2016. С. 8–20.

Беляев, Бутова, Лисовой 2009 — Беляев Л.А., Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Археологические памятники русской Палестины по архивным материалам 1870–1910-х годов // РА. № 4. 2009. С.46–57.

Беляев, Масиель Санчес 2009 — Беляев Л.А., Масиель Санчес Л.К. Иерихон // ПЭ. Т. XXI. М., 2009. С. 306–311.

Беляева, Зиничева 2015 — Беляева А.М., Зиничева Е.А. Окно в прошлое. Доктор Живаго и его фотоархив в ГМИИ им. А.С. Пушкина... М.: Издательство «Красная площадь», 2015. — 192 с.

Бовин 2004 — Бовин А.Е. Записки ненастоящего посла, М. 2004.

Бойнтон 1972 — Бойнтон Р.С. Химия и технология извести. М.: Издательство литературы по строительству. 1972. — 386 с.

Бордосский путник 1882 — Бордосский путник // ППС. Вып. 2. СПб. 1882.

Бронников 1824 — Бронников Кир И. Путешествие к святым местам находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824.

Бутова 2008 — Бутова Р.Б. Архимандрит Антонин (Капустин) на Православном Востоке: Афины — Константинополь — Иерусалим // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: материалы конференции. Афины — М., 2008. С. 102–108.

Бутова, Лисовой 2009 — Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. К истории русских археологических исследований в Иерихоне // РА. № 3. 2009. С. 153–161.

Бутова, Лисовой 2012 — Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Формирование сакрального пространства Русской Палестины (По материалам дневника архимандрита Антонина Капустина) // Религии мира: История и современность. 2006–2010/ Отв. Ред.Е. В. Белякова, А. В. Назаренко. СПб., 2012. С. 518–550.

В.В.Верещагин 2001 — В.В.Верещагин о зарубежном Востоке / Сост., авт. послесл. и прим. Л.М.Демин. М., 2001. С. 7–22.

Вах 2011 — Вах К.А. [автор-составитель]. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. К 150-летию основания Русской Палестины. 1860–1864. М., 2011.

Вах 2017 — Вах К. А. «Иерихонская Московия» в структуре Русской Палестины архимандрита Антонина (Капустина) // РА. 2017. (в печати)

Вера (Беляева) инокиня 2006 — Вера (Беляева) инокиня, Воспоминания // Православная жизнь. (Pravoslavnaya Zhizn')/ Ежемесячное приложение к журналу «Православная Русь». № 7. Jordanville NY, 2006.

Вешняков В., Вешняков И., Новиков 2013 — *Вешняков В.И., Вешняков И.И. , Новиков М.Л.* Путевые записки во Святый град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и Мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Киром Бронниковым / Сост., подг. текста, вступ. статья, примеч. О.Н. Александровой-Осокиной. Хабаровск, 2013.

Виннер 1953 — Виннер А.В. Материалы и техника мозаической живописи. М., 1953. Глава VI / http://mosaic.kardash.com.ua/articles_vizantia.htm

Вяземский 1995 — Вяземский П.А. Путешествие на Восток (1849–1850) // СМ. 1995. С. 253–286.

Грибов 1999 — Грибов Ю.А. Образ Святой Земли в лицевом рукописном «Хождении Трифона Коробейникова» // Богословские труды. Сб. 35. М., 1999. С. 136–144

Даниил, игумен 2007 — Даниил, игумен «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007.

Дашков 1995 — Дашков Д.В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // СМ 1995. С. 17–39.

Демин 1991 — Демин Л.С. С мольбертом по земному шару: мир глазами В.В. Верещагина. М., 1991.

Дмитриевский 1903 — Дмитриевский А.А. Современное русское паломничество в Святую Землю // Труды Киевской Духовной Академии. 1903. Т. II. № 6. С. 274–319.

Дмитревский 2012 — Дмитревский А.А. Из писем ... князю А.А. Ширинскому-Шихматову // СЗ. № 1, ч. 1. 2012.

Домашевский 1961 — Домашевский А. А. Стойкость полов против агрессивного действия сахарных растворов // Сахарная промышленность. № 11.1961. С.30–35.

Залесская 2011 — Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV веков. СПб., 2011.

Занемонец Александр, дьякон 2013 — Занемонец Александр, дьякон, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в Первую мировую войну: выживание // ИПС. Вып. 4. 2013. С. 107–112.

Зевульф 1885 — Зевульф. Путешествие Зевульфа в Святую Землю. 1102–1103 гг. // ППС. Вып. 9. СПб. 1885 (Житье и хоженье Даниила, русскыя земли игумена 1106–1108 гг. Ч. 2. Приложение V).

Ибн Хордадбех 1986 — Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с арабского, коммент., исслед., указатели и карты Наили Мамедали кызы Велихановой (Велиханлы). Баку, 1986.

Игнатий, священник — Игнатий, священник. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, в Афонскую гору, во Иерусалим, во Египет, в Александрию и в Аравию 1766–1776 гг. // ППС. Вып. 36. СПб. 1891.

Иосиф Флавий 1993 — Иосиф Флавий (Иосиф, сын Маттитьяху). Иудейская война. [Пер. М.Финкельберга и А. Вдовиченко под ред. А. Ковельмана]. М.- Иерусалим, 1993. С. 270–272.

Каминский 1859 — Каминский В.К. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859.

Киреев 2000 — Киреев Ю.Н. Коррозия цементного бетона в сахарсодержащих растворах. Диссертация кандидата технических наук по специальности ВАК 05.17.11. Белгород, 2000.

Климанов 1999 — Климанов Л.Г. Я.И. Смирнов: из рукописного наследия // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 472.

Кондаков 1904 — Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

Котрелев 1988 — Котрелев Н.В. Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого // Восток — Запад. Вып. 3. М.,1988. С. 143–178.

Кудря 2010 — Кудря А. Василий Верещагин. М., 2010.

Кызласова 2010 — Кызласова И.Л. К истории Палестинской экспедиции Н.П. Кондакова 1891 г. Заметки к фотографии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 51. СПб, 2010. С. 598–602.

Леонид (Кавелин), архим. 1874 — Леонид (Кавелин), архимандрит. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим. М., 1874.

Леонид (Кавелин), архим. 2008 — Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 2008.
Ли 1961 — Ли Ф.М. Химия цемента и бетона. М.: Госстройиздат. 1961. — 786 с.
Лисовой 2000 — Лисовой Н.Н. «Приди и виждь». Свидетельства Бога на Земле. М., 2000.
Лисовой 2002 — Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество и проблемы православного востоковедения // Культурное наследие Египта и христианский Восток. М., 2002. С. 177–192.
Лисовой 2005 — Лисовой Н.Н. Паломничество в русской церковной традиции. Богословский и историко-литургический аспект // Первая общецерковная конференция «Православное паломничество: традиции и современность». Сборник материалов. М., 2005. С. 35–40.
Лисовой 2006 — Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.
Лисовой 2012 — Лисовой Н.Н. Откровение Святой Земли. Путеводитель. М., 2012.
Лисовой, Платонова, Савушкин 2000 — Лисовой Н.Н., Платонова З.И., Савушкин В.А. Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // РВСЗ. 2000. Т. I. С. 691–719.
Мансуров 1885 — Мансуров Б.П. Базилика императора Константина во святом граде Иерусалиме. (По поводу русских раскопок близ храма Гроба Господня). М., 1885.
Марков 1891 — Марков Е.Л. Путешествие по Святой Земле. Ч. 1. СПб., 1891.
Мелетий, иером. 1798 — Мелетий, иеромонах. Путешествие во Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., 1798.
Муравьев 2005 — Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. II. 1849–1850 гг. М., 2005.
Муравьев 2007 — Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2007.
Мусин 2006 — Мусин А.Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой. СПб., 2006. С. 163–222
Норов 2008 — Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2008.
Норов 2015 — Норов Авраам Сергеевич. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. М., 2015.
Олесницкий 1875 — Олесницкий А.А. Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. В 2 т. Т. 1: Иерусалим и его древние памятники. Киев, 1875.
Олесницкий 1878 — Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Т. 2: Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи, Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и Ливанской области. Киев, 1878.
Павловский 1904 — Павловский А. А. Иллюстрированный путеводитель по странам Востока. В 2-х кн. Кн. вторая. С.-ПБ, Издание П. П. Сойкина, 1904.
Переписка архимандрита Антонина (Капустина) 2014 — Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893 / Изд. подг. К. Вах и О. Анисимов. М., 2014.
Петахия Регенсбургский 2004 — Петахия Регенсбургский. Кругосветное путешествие раби Петахии Регенсбургского // Три еврейских путешественника. М.: Мосты культуры, 2004. С. 259–319.
Петрушевский, Бондарь, Винокурова 1989 — Петрушевский В.В., Бондарь Е.Г., Винокурова Е.В. Производство сахаристых веществ. Киев, 1989.
Пиотровский 2000 — Пиотровский М.Б. Русская археология в Святой Земле (некоторые итоги и перспективы) // История Древней Церкви в традициях XX века. Конференция к 100-летию В.В. Болотова (1853–1900). Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2000 г. Ресурс: http://ippo.ru/history/vv/ar/10/
Покровский 1886 — Покровский Н.В. Раскопки на Русском месте в Иерусалиме // Христианское Чтение. № 3–4. 1886. С. 491–512.
Поливанов 2006 — Поливанов Н.П. Дневник путешествия в Иерусалим в 1861 году // В кн.: Романовская Е.Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006.
Попов 1994 — Попов Г.В. Древнейший русский лицевой проскинитарий // Иерусалим в русской культуре. Сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. М., 1994. С. 86–99.
Прокопий Кесарийский 1996 — Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996.
Путник Антонина 1895 — *Путник Антонина* из Плаценции // ППС. Вып. 39. СПб. 1895.
Рафалович 1991 — Рафалович А.А. Записки русского врача, отправленного на Восток // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991. С.115–116.
Рождественская 1994 — Рождественская М.В. Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре. [Сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов]. М., 1994. С. 8–14.
Ростовцев 1912 — Ростовцев М.И. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Т. 1. Вып. III. 1912. С. 247–266.
Ростовцев 1913 — Ростовцев М.И. Палестина в наше время // Гермес. № 1–2. 1913.С. 21–29.
Русские путешественники 1995 — Русские путешественники по греческому миру (XII — первая половина XIX вв.). Каталог. М., 1995.
Скалон 2007 — Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М., 2007. С. 137–138.
Смирнов 1904 — Смирнов Я.И. Археологические разведки в Иерихоне на месте Палестинского Общества, произведенные от 12-го по 21-е ноября 1891 года // В кн.: *Кондаков 1904*. С. 137–142.
Смирнова 2014 — Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014.
Смышляев 1890 — Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке. Пермь, 1890.
Софония (Сокольский), еп. 1865 — Софония (Сокольский), епископ. Поездка из Иерусалима на Иордан в 1850 году. Одесса, 1865.
Стоимость убытков 2012 — Стоимость убытков Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, причиненных турками за время войны // СЗ 2012. № 1, ч. 2. С. 29–33.
Страбон 1994 — Страбон. География в 17 книгах. [Пер. Г.А. Стратановского под общей ред. С.Л. Утченко]. М., 1994.
Субботкин, Бессонов, Щмаков 1884 — Субботкин М. И., Бессонов В.С., Щмаков С.А. Коррозия бетона на сахарных заводах // Сборник трудов НИИ ЖБ Госстроя СССР. М., 1984. С.71–76.
Федорова 2014 — Федорова И.В. «Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая литература XVII — начала XVIII в.: Исследование и текст. СПб., 2014.

Феодосий 1891 — Феодосий. О местоположении Святой Земли // ППС. Вып. 28. СПб. 1891.
Хитрово 1885 — Хитрово В.Н. По поводу книги «Базилика императора Константина». Доклад, читанный В.Н.Хитрово в заседании Отделения ученых исследований и изданий 28 ноября 1885 г. СПб., 1885.
Чеснокова 2011 — Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011.
Чехановец 2012 — Чехановец Я. Археологические памятники участка РДМ в Хевроне // ИПС. Вып. 5. 2012. С. 23–39.
Чехановец 2013 — Чехановец Я. «Силоамский монолит» и «Верхотура»: археология русских участков в граде Давидовом // РА. № 4. 2013. С. 143–152.
Чистяков 2010 — Чистяков А.Ф. К вопросу о российской недвижимости в Палестине. Земля в Иерихоне // Православный паломник. № 5 (60)-6 (61). 2010. С. 7–13.
Чуйко, Черникова 1966 — Чуйко А.В., Черникова С.Н. О стойкости строительных конструкций в условиях мальтозно-паточного производства // Сборник трудов Пензенского инженерно-строительного института. Вып. 3. Саратов-Пенза, 1966. С. 19–42.
Шатобриан 1810 — Шатобриан Рене, Путешествие Шатобриана в Грецию и в Палестину // Вестник Европы. Ч. 53. № 16. 1810. Ресурс: http://az.lib.ru/s/shatobrian_f/text_0090.shtml
Юзефовский 2016 — Юзефовский Барух, Постоялые дворы (XENODOCIA) в монастырях Святой Земли в византийский период // ИПС. Вып. 6. М., 2016. С. 9–16.
Якушев 2013 — Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2013.

СОКРАЩЕНИЯ

АВП РИ. Ф. РИППО.
ИППО — Императорское Православное Палестинское Общество
ИПС — Иерусалимский православный семинар
ПНА — Палестинская национальная администрация (автономия)
ПЭ — Православная Энциклопедия
ППС — Православный Палестинский сборник
РАИК — Русский Археологический Институт в Константинополе
РДМ — Русская Духовная Миссия в Иерусалиме
РСЗ 2000 — Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., вступит. статья и комм. Н.Н.Лисового. Т. I–II. М., 2000.
РСЗ 2015 — Россия в Святой Земле. Документы и материалы в трех томах / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. Т. I. М., 2015.
РСЗ 2016 — Россия в Святой Земле. Документы и материалы в трех томах / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. Т. II. М., 2016.
СМ — Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей первой половины XIX века. М., 1995.
СЗ — Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Юбилейный выпуск «Русская Палестина: люди и судьбы». Иерусалим, 2012. № 1, ч. 1–2.
ЦВ — Церковный вестник. СПб
AA — Anatolia Atiqua
AASOR — Annual of the American Schools of Oriental Research
ABSA — The British School of Archaeology at Athens
AC de AFAV 1995 — Actes du colloque de l'AFAV. Le verre de l'Antiquité Tardive et du haut Moyen Age (IV-VIIIe) : Typologie — Chronologie — Diffusion (Guiry-en-Vexin, 18–19 novembre 1993, Musée départemental du Val-d'Oise). Guiry-en-Vexin, 1995.
AFAV — Association française pour l'archéologie du verre
ACR — Ancient Churches Revealed. [Tsafrir Y., ed.]. Jerusalem; Washington D.C.,1993
ADAJ — Annual of the Department of Antiquities Jordan, Amman
AJR — Ancient Jerusalem Revealed. [Geva H., ed.]. Jerusalem, 2000
AHJO — Padis I: Archaeological Heritage in the Jericho Oasis. A systematic catalogue of archaelogical sites for the sake of their protection and cultural valorization. [Nigro L., Sala M., Taha H., eds.] . Rome: La Sapienza studies on the Archaeology of Palestine and Transjordan, 2011
ARAM — ARAM periodical. Society for Syro-Mesopotamian Studies.
ASHL — The Archaeology of Society in the Holy Land. [T.E. Levy, ed.]. L., 2003
ASOR — American Schools of Oriental Research
BA — Biblical Archaeologist
BAR IS — British Archaeological Reports International Series
BARev — Biblical Archaeology Review
BCH — Bulletin de Correspondance Hellenique
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BYZAS — BYZAS. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. [Bohlendorf-Arslan B., Ricci A., eds.]. Veröffentlichungen des Deutsches Archäologisches Institute Abteilung, Istanbul. 15. 2012.
CaC-I-II — Christians and Christianity. Vols. I–II. Corpus of Christian sites in Samaria and Northern Judea. Jerusalem, 2012. (JSP 13–14)
CaC-III — Christians and Christianity. Vol. III. Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea. Jerusalem, 2012. (JSP 15)
CaC-IV — Christians and Christianity. Vol. IV. Churches and Monasteries in Samaria and Northern Judea. Jerusalem, 2012. (JSP 15)
CAHL 1990 — Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries. Essays in Honour of V.C. Corbo, Ofm. [Bottini G.C., Di Segni L. and Alliata E., eds.]. Jerusalem, 1990
CB 2001 — La céramique Byzantine et Proto-Islamique en Syrie-Jordanie (IVe — VIIIe siècles apr. J.-C.). [Villeneuve E. et Watson P.M., eds.]. Beyrouth, 2001.
CCSL — Corpus Christianorum Series Latina
CRS 2008 — Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor. [Holum K.G., Stabler J.A., Reinhardt E.G., eds.]. BAR IS 1784. Oxford, 2008
CP 1992 — Caesarea Papers. Straton's Tower, Herod's Harbour, and Roman and Byzantine Caesarea [Vann R.L. ed.]. (JRA SS 5). Ann Arbor, 1992.
CP II 1999 — Caesarea Papers II. Herod's temple, the provincial governor's Praetorium and granaries, the later harbor, a gold coin hoard, and other studies. [Holum K.G., Raban A., Patrich J. eds.] (JRA SS 35). 1999.
CPL — Clavis Patrum Latinorum
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ECC 1993 — Early Christianity in Context: Monuments and Documents. [Manns, Frédéric and Alliata E., eds.] SBF CMa 38. Jerusalem, 1993
Eretz-Israel — Eretz-Israel. Archaeological, Historical and Geographical Studies
HA-ESI — Hadashot Arkheologiyot — Excavations and Surveys in Israel
IAA — Israel Antiquities Authority
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
IEJ — Israel Exploration Journal
JGS — Journal of Glass Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JGS — Journal of Glass Studies
JRA — Journal of Roman Archaeology
JRA SS — Journal of Roman Archaeology Supplementary Series
JSP — Judea and Samaria Publications/ Israel Antiquities Authority, Jerusalem.
KSIA — Kratkie soobscheniya Instituta arheologii
NSAJR — New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region. [Amit D., Stiebel G., Peleg-Barkat O., eds.]. Jerusalem (Hebrew)
H. — хирбет (варианты транскрипции арабского Hirbat, Hirbet).
Kh. — хирбет (варианты транскрипции арабского Kharbat, Kherbat, Khirbet и др.)
LA — Liber annus
Madaba Map — The Madaba Map Centenary 1897–1997: Travelling through the Byzantine Umayyad Period. [Piccirillo M., Alliata E., eds.]. Jerusalem, 1999
NC — Numismatic Chronicle
NEA — Near Eastern Archaeology
NEAEHL — New Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. [Stern E., ed.]. Jerusalem; N. Y.
OIP — Oriental Institute Publications
PEQ — Palestinian Exploration Fund Quarterly Statement
PPTS — Palestine Pilgrims' Texts Society. L., 1887–1897
QDAP — Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine
SBI — La Syrie de Byzance à l'Islam, VIIe — VIIIe siècles. [Canivet P. et Rey-Coquais J.-P. eds.] Paris; Damas, 1992.
SBF CMa — Studium Biblicum Franciscanum Collectio Major
SBF CMi — Studium Biblicum Franciscanum Collectio Minor
SBFM — Studium Biblicum Franciscanum Museum
ZDPV — Zeitschrift des deutsches Palaestina Vereines

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Abu Ghosh — 442, 448
Abu Khurs — см. Jericho, Tell Abu Khurs
Abu-Mina — 386
Acre — 440, 449, 488; см. тж. Akko
Aegean sea — 456
Aiyadiya — 380, 382
Akko — 442, 454, 482, 487, 488
al-Qubaiba — 442
Al-Quds — 41, 479; см. тж. Иерусалим
Amman — 359, 420, 442, 447, 457, 472, 473, 479
Amman Citadel — 380
Amorium — 470, 473, 482
Anab el-Kabir — 181, 187, 484; см. тж. Анаб эль-Кабир
Anatolia — 423, 445, 489, 493
Anemurium (Rough Cilicia) — 420, 428, 489
Antioch — 373, 401, 480, 489; см. тж. Антиохия
Apollonia (Arsuf, Arsur) — 473, 475, 477, 478, 482, 483
Araq el-Emir — 359
Argos — 475–477, 479
Ariha (also Jericho) — 11, 39
Aqaba — 32, 336, 445, 471, 485, 489
Armant — 477
Arsuf —см. Apollonia-Arsuf
Arsur — см. Apollonia-Arsuf
Ashkelon — 401, 466, 467, 470, 472, 473, 482, 483
Asia Minor — 413, 470

Banias — 454
Bardalah — 28
Barsinia — 430, 479
Beirut —454, 470, 473, 480, 488
Beisan — 380, 382; см. тж. Бисан, Бейт-Шеан, Скифополь
Beit ‚Anun — 181, 484
Beit Jubr at-Tahtani — 211
Benghazi — 373, 487
Bet Qama — 189
Beth Eli‘ezer — 478
Beth She‘arim — 478
Bethabra — 38; см. тж. Иерихон: место Крещения
Bethany — 427, 442
Beth-Shean — 430, 459, 467, 470, 471, 493, 481, 483
Bilad al-Sham — 442, 444, 452, 485
Black sea — 375, 456, 477
Bosra (Busra al-Sham) — 467, 470, 473; см. тж.: Босра
Britain — 475

Caesarea Maritima — 240, 376, 382, 384, 392, 396, 401, 410, 413, 420, 424, 426, 428–430, 450, 455, 459, 471, 479–481, 484, 486–487, 493; см. тж. Кесария
Cafarnaum — 465
Çandarli — 389
Carmel — 447–449, 486
monastery of Saint Mary — 447–449
Carthage — 373, 374, 471, 475–477, 483, 487, 488
Chersonessos — 473, 477, 482
China — 458
Chios — 420, 471, 475, 477, 480
Cilicia — 373, 420, 428, 489
Constantinople — 374, 420, 456, 471–472, 475, 477
Corinth — 472, 477, 479, 481
Crimea — 477, 482, 484
Cyprus — 373–374, 448, 456–457, 467, 471, 475, 485, 488–489

Damascus — 440,444, 454, 458, 481, 486, 488; см. тж. Дамаск, Димашк
Dead sea — 383, 450, 486–487
Deir es-Smadiyeh (Pella) — 189, 221
Dhiban, Dhibon, Иордания — 359, 489
Dibon (библ.) — см. Dhiban

Egypt — 66, 209, 384, 386, 401, 444, 445, 458, 464, 467, 469–471, 473, 487, 493
el-Barriyah — 46
Emporio (Chios) — 475, 480
En Boqeq — 446, 470
En-Gedi — 359, 363, 366, 370, 387, 389, 420, 430–431, 438, 442, 448–449, 451, 460, 467, 470, 477, 483; см. тж. Эйн Геди
Ephesus — 389, 413, 456
Er-Riha (also Jericho) — 11, 207, 212
Esdraelon Plain — 466, 382; см. тж. Ездраэлеон
Euphrates Valley — 459

Fayum — 475
Fustat — 454, 459, 471

Galilee — 382–383, 466–467, 476, 478, 484–485
Gaul — 475, 480, 486
Gaza — 375; см. тж. Газа
Gerasa (Jerash) — 363, 397, 423, 438, 464–465, 468–469, 471–473, 477, 480, 488–489; см. тж. Гераса
Germany — 475, 481
Gharandal — 445, 488
Ghor — 66; см. тж. Гхор
Giv‘at Dani — 449, 484
Göksu valley — 423
Greece — 454, 488

Hadera — 478
Hama — 440, 458, 467, 469, 478, 482, 486
Hammat Gader — 424, 480
Har Hozevim — 442, 484
Herodium — 408
Heshbon — 308, 422
Hippos — 465
H. ‘Aqav — 429, 442
H. al-Minya — 424, 480
H. Biz‘a — 430, 482
H. Castra — 384, 483
H. Hermeshit — 471
H. Kosit — 477, 483
H. Nazur — 469, 473, 489
H. Rimmon — 438, 487
H. Rozez — 413, 489
H. Zefiyya — 391, 488
H.’Uza — 426, 448, 454, 469–470, 482, 487
Humeima (Southern Jordan) — 359, 366, 373–374, 428, 479

India — 464, 485
Isauria (Anatolia) — 423, 483
Israel — 30, 208, 225, 259, 376, 442, 444, 446, 448, 452–454, 458, 466, 479, 481–488, 493
Istanbul — 382, 483, 495; см. тж. Constantinople, Константинополь
Jalame — 428, 466–468, 473, 475, 477–478
Jerash — см. Gerasa
Jericho, Jerico (таже: Ariha, Er-Riha, Riha), Oasis of Jericho:
  Abuna Anthimos — 41
  Abuna Philip — 41
  Ain al-Gharabe (Chorembe) — 45
  Ain Bosra — 21, 23; см. тж.: Jericho: Yuhanna Bosra, Deir Bosra
  Ain ed-Deuk (Ain Deuk) — 32, 45; см. тж.: Jericho: Kh. ed-Deuk
  Ain es-Sultan — 13, 16, 32, 34, 204; см. тж.: Иерихон: Айн эс-Султан
  Ain Hajla (Айн-Хиджла) — 42–43
  Archaelais — см. Иерихон: Архелай
  Ard el-Mafjer — 39
  birket Jiljulieh — 43
  Calamon — 43
  Chorembe — 45
  Coenobium — см. Jericho: Penthucla; Иерихон: Киновия Крещения Господня
  Deir Abu Ghannam — 30, 42
  Deir al-Quruntul — 39, 41; см. тж. Иерихон: Сорокадневная гора, мон. Искушения; Jebel Quruntul
  Deir Bosra — 21
  Deir Hajla — 32, 43; см. тж. Иерихон: Герасима Иорданского мон.

* В указатель не включены общие и часто употребляемые топонимы (Святая Земля; названия частей света; имена государств (Палестина, Россия, Израиль, и др.), а, также сплошные упоминания Иерихона и его производных (эр-Риха, Ариха, Риха и др.). Обилие топонимов, которые приводятся в тексте только по-английски, но существуют изначально по-арабски или на иврите, заставило отказаться от сплошного кириллического транскрибирования – особенно если топоним приводится только одним из авторов, и унификация не требуется. Разнообразие латинских транскрипций арабских и ивритских названий унифицировано с помощью сокращений. Разные формы написания топонимов в текстах сохранены в авторских огласовках (например: khirbet, khirbat, hirbat, horvat horbat и др.), но в указателе они сведены к двум вариантам сокращений, в зависимости от первых согласных букв: Kh. и H. В составе каталога нумизматики (с. 224-273) сохранен отдельный указатель монетных дворов.

Deir Mar Jariys/Deir el-Qelt — 21; см. тж. Иерихон: Георгия Хозевита мон.
Deir Mar Yuhanna Hajla (Calamon) — 21; см. тж. Calamon; Иерихон: Каламон мон.
Doq — 32
ed-Deuk — см. Jericho: Ain ed-Deuk, Kh. ed-Deuk
el-Djumeiz — см. см. Иерихон: Эль-Джумеиз
el-Matlab — 39, 41; см. Иерихон: Телль эль-Матлеб
Eon el-Jarba — 38
eth-Thiniya — 31, 33–34, 38
Galgalis — 16; см. тж. см. Иерихон: Галгал
Hisham palace (Qasr Hisham) — 40–41, 464, 480, 487; см. тж. Иерихон: Дворец халифа Хишама
Jebel Quruntul — 23; см. тж. Jericho: Deir al-Quruntul; Иерихон: Сорокадневная гора
Kh. ed-Deuk (Naraan) — 45, см. тж. Jericho: Ain ed-Deuk
Kh. el-Beiyudat — 185, 483; см. тж. Иерихон: Архелай
Kh. el-Mafjar/ Al-Mefjer — 38–39, 424, 426, 428, 464–465, 483, 487, 489; см. тж. Иерихон: Хирбет эль-Мафджар
Kh. el-Mugheifer (Kh. Mugheifer) — 39, 42–43
Kh. en-Nitla/Tell Jaljul — 23; см. тж. Иерихон: Галгал, Хирбет эн-Нитла
Khan es-Sahel — 39
Na'aran — 479
Nusieb Uweishira — 38
Penthucla — 43; см. тж. Jericho: Coenobium; Иерихон: Киновия Крещения Господня
Phasaelis — см. Фазаэль
Pyrgoi (монастырь) — 43
Qasr Hajla — см. Иерихон, монастыри: Каламон; Jericho: Calamon; Deir Mar Yuhanna Hajla
Qasr Hisham — см. Jericho: Hisham palace
Rujm el-Mugheifer — 39, 42
  Rujm el-Mugheifer North (мон. св. Ильи?) — 42
  Rujm el-Mugheifer (Tell el-Khursi, Южный мон.?) — 42
Shigrat en-Nitla — 38
Suwwanet eth-Thaniya (Иерихон) — 30–31, 33–35, 38, 484
Tawaheen es-Sukkar —14, 440
Tell (Telul) Abu Alayeq — 13, 30, 32–34, 39; см. тж. Иерихон: Телль (Телул) Абу Элийик
Tell Abu ez-Zulaf — 39
Tell Abu Khurs — 39, 41
Tell al Mahfuriyeh — 19
Tell Jaljul — 23; см. тж. Jericho: Kh. en-Nitla; Иерихон: Галгал, Хирбет эн-Нитла
Tell al Qaus — 18–19
Tell al-Jurn — 39, 45
Tell Abu Ghannam — 30, 39, 41–42
Tell Derb al-Hanash — 18–19
Tell el-Aqaba — 32; см. тж. Иерихон: Кипрос
  Tell el-Hassan — 11, 23, 33, 39, 463, 481–482; см. тж. Иерихон: Телль эль-Хассан
  Tell el-Mahfuriah — 39
  Tell el-Marajim — 39
  Tell el-Matlab — 39, 41; см. тж. Иерихон: Телль эль-Матлеб
  Tell el-Mazar (Koreus) — 37; см. тж. Иерихон: Кореус
  Tell el-Qasab — 39
  Tell el-Qos — 20, 39
  Tell es-Samarat — 39; см. тж. Иерихон: Телль эс-Самарат
  Wadi el-Fara — 37
  Wadi el-Qelt (= el-Qilt) — см. Иерихон: Вади Кельт
  Yuhanna Bosra — 21

Jerusalem 359–360, 363, 390–393, 396, 401, 408, 423, 428, 430–431, 441–442, 444, 447, 453, 455, 458, 464–465, 470, 474, 479–485, 488, 493
  Damascus Gate — 455
  Jewish Quarter — 453, 481, 483, 486, 493
Jordan (country) — 359, 363, 366, 374, 382, 384, 386–387, 390, 396, 417, 420, 422–423, 430, 438, 444–447, 450, 452–453, 456, 463, 470, 476, 479–488, 493
Jordan (valley, river) — 382, 440, 463–465, 481–483, 485–487
Judea — 412, 479, 481–483, 485, 488, 493

Karak (Kh. al-Karak) — 380, 396, 401, 422, 445–446, 454–455, 469, 477, 481, 485
Kerak plateau — 389,447, 449, 451, 481, 485
Karanis — 474–475, 483
Kh. al-Karak — см. Karak
Kh. al-Mukhayyat — 420, 428, 485
Kh. al-Oja at-Tahta — 35
Kh. Burin — 442, 447–449, 456, 484
Kh. edh-Dharih — 359, 363, 384, 396, 408, 417, 422, 430, 489
Kh. el-Ni'ana — 396, 408, 430–431, 442, 449, 451, 456, 477, 488
Kh. el-Qasr — 187, 190, 484; см. тж. Хирбет эль-Каср
Kh. el-Thahiriya — 470, 483–484
Kh. Fasayel — 37; см. тж. Иерихон: Фазаэль
Kh. Huriya — 189–190, 483
Kh. Ka'kul — 442, 448–449, 454–456, 481
Kh. Nakhil — 359, 430, 483
Kh. Munyah-'Asfur — см. Гераса
Kh. Nazur — 469, 473, 489
Kh. Tabaliya — 471, 483
Kh. Yajuz — 438, 485
Kh. Zur — 190, 481
Konya — 459
Koreus — см. Jericho: Tell el-Mazar; Иерихон: Кореус
Kourion (Cyprus) — 475, 489
Kursi — 431, 488
Kusadasi — 413

Lebanon — 444, 457–458
Lejjun — 359
Levant — 401, 445, 479, 481–486, 488
Luzit — 363, 384, 392, 417, 438, 479

Ma'on — 438, 486
Ma'oz Hayyim — 473, 489
Madaba — 15, 479, 481, 486, 493; см. тж. Мадаба
Maqan an-Nabi Musa —13
Maqarin — 315
Marseille — 374, 481
Medinet Madi (Egypt) — 473, 487
Mediterranean (sea, coast etc.) — 373, 375–376, 382, 384, 397, 440, 454–456, 462, 465–466, 471, 473–474, 476, 479, 483–484, 488–489
Mesillot (kibbutz) — 387, 486
Mesopotamia — 464, 493
Mezad Tamar — 477, 481
Milet — 413

Naples — 475
Nazareth — 442
Nebi Samwil — 444
Nebo (Mt. Nebo) — 359, 363, 380, 401, 420, 469, 477, 479, 486
Negev — 374–375, 387, 392, 401, 472–473, 485, 488
North Afric — 389
Nubia — 209, 401
Nueima (Wadi Nueima, Wadi Nawima) — 32–35, 45; см. тж. Вади Нуейма

Otranto — 475, 483

Pathos (Cyprus) — 374
Pella (Decapolis) — 370, 374, 380, 383, 392, 401, 420, 422–423, 430–431, 438, 449, 465, 471–473, 477, 481, 485, 486–488
Pergamon — 413
Persia — 464, 479
Petra — 470, 481, 485, 487
Phocaea region — 389

Qal'at Ja'bar — 458
Qarawa — 37
Quseir al-Qadim — 469, 478

Ramat Hanadiv — 430, 481
Ramla — 420, 424, 426, 430, 448, 470–471, 473, 478–479, 481–484, 486–488
Raqqa — 458
Red Tower — 447, 449, 486
Rehovot-in-the-Negev — 374, 472–473, 483, 485, 488
Resafa — 480, 484
Rhodes — 373
Riha — 11; см. тж. Jericho
Rome — 473
  – Santa Prisca — 475–476
Rough Cilicia — см.: Anemurium

Salumias (Kh. Khisas ed-Deir?) — 35, 37
Samaria — 438, 469, 471, 473, 479, 481–483, 485, 488, 489; см. тж. Самария
Sarands Kolones (Cyprus) — 475
Sardis — 362, 374, 408, 413, 420, 474–475, 477–478, 483, 486
Scythopolis — 456, 483; см. тж. Скифополь
Sennar — 469
Sepphoris — 485, 487–489
Shavei Zion — 427, 477, 480

Shiqmona (Tell Shiqmona) — 429–430, 479
Siyagha (Mt. Nebo) — 363, 401, 430, 479, 486
Syria — 209, 372–373, 389, 401, 438, 444, 446, 452–453, 455, 457–458, 464–465, 469–470, 475–476, 479–482, 486–488, 493
Syro-Palestinian area — 389, 431, 467

Tell Hesban — 359, 420, 449
Tell Keisan (Galilee) — 380, 382–383, 484
Tell Minis — 458, 489
Thasos — 471, 479, 482
Tiberias — 392, 401, 424, 426, 457, 467, 469, 471–474, 476, 479, 483, 484, 487; см. тж. Табарийа
Torchello — 475, 477
Transjordan — см. Jordan, Иордания
Tubas — 28
Tulul al-Uhaidir (Iraq) — 471
Tunis — 389, 477
Tyre — 478

Umm Qays, Gadara — 189

Wadi Zarqa — 446

Yassi Ada — 374, 420, 479–480
Yoqne'am — 442, 447–449

Австралия — 315
Айн эс-Султан — см. Иерихон
Айн-Карем (Горняя) — см. Иерусалим
ал-Джазира — 237
Алеппо (Халеб) — 225, 239, 250, 261, 273
ал-Кахира — 239, 270, 273; см. тж. Каир; Миср
'Амман — 236, 248, 273; см. тж. Amman
Анаб эль-Кабир (округ Хеврона, Anab el-Kabir) — 181, 293
Антиохия — 133, 227, 229, 231, 235, 241, 243, 245–247, 254, 259, 264, 266–268, 273; см. тж. Antioch
Аравия — 3, 47, 491
Аристобулиас — 288; см. тж. Хирбет Истабул
ар-Рамла — 236, 249, 255, 269, 273; см. тж. Ramla
Афины — 77, 491
  церковь св. Никодима — 59
Афон — 51, 53, 339, 341, 491
Ашкелон — 225, 226

Бейрут (Берит) — 77, 226–227, 233, 263, 273; см. тж., Beirut
Бейт Анун — 181, 293; см. тж. Beit 'Anun
Бейт-Шеан — см. Скифополь
Бет Квама — см.Bet Qama
Бетжала (Бейт-Джала) — 49
Беэр Шева (библ. Вирсавия) — 189
Бисан — см. Скифополь
Богазкёй — 293
Босра — 47, 190

Вади Нуейма — см. Иерхон: Вади Нуейма
Вади эль-Кельт — см. Иерхон: Вади эль-Кельт
Вефиль — 215
Вифания
  монастырь королевы Милисенды — 203
Вифлеем — 183

Гадара — 189, 221
Газа — 30, 57, 143, 217, 231, 233; см. тж. Gaza
Гаур ал-Урдунн — см. Гхор
Гераса — 189, 221, 222; см. тж. Gerasa (Jerash)
  капелла св. Феодора — 183, 185
  церковь вблизи Артемисиона — 189
  Хирбет Муниах-Асфур, Khirbat Munyah-'Asfur — 185
Гиерикунт (Иерихон) — 15
Гиркания — 32
Греция — 181, 491, 492
Гхор — 11, 13–14, 17, 66; см. тж. Ghor

Дамаск — 47; см. тж. Димашк, Damascus
Джебел Раза — 233
Димашк — 236, 239, 248, 255–257, 261, 269, 273; см. тж. Дамаск, Damascus

Ездраэлеон, долина — 66; см. тж. Esdraelon Plain

Идумея — 39

Иерусалим — 11, 13–15, 17, 19, 24–25, 27. 30, 33, 35, 37, 39, 45–49, 51, 53–54, 57, 59, 62–65, 68–69, 75–77, 80–81, 185, 190, 193–194, 199, 203–204, 211, 215, 219, 221–222, 225–227, 239- 240, 257, 259, 273, 275, 293, 339–340, 343–344, 350–353, 489–491, 493; см. тж. Аль-Кудс; Jerusalem; Elia Capitolina
  Аззакума — см. Иоасафовский участок
  Айн Карем — 61, 76; см. тж. Горняя
  Александровское подворье — 53, 215, 293
  Гивати, археологический проект — 293
  Голгофа — 63
  Голгофа Гордона — 27
  Горняя — 48–49, 76; см. тж. Айн Карем
  «Гранатовая пещера» (участок Уара ад-Дуббак) — 61
  Девичий монастырь — 222
  Елеона — 48, 51, 55, 61, 65, 73; см. тж. Масличная гора
  Мамилла — 276
  «Могила дочери фараона» — 61; см. тж. Силоам
  Масличная гора — 15, 19, 193; см. тж. Елеона
  Неа (Новая церковь Богородицы) — 69
  Порог Судных врат — 63–64
  Силоам — 49, 61
  Силоамский монолит — 492
  Силоамский туннель — 64
  Храм Гроба Господня — 63, 203, 489, 491
  Храмовая гор —222
Иерихон (Ариха, Эр-Риха, Риха, Ariha, Er-Riha, Riha) и его Оазис: *урочища и памятники:*
  Айн-Хиджла, источник — см. Ain Hajla
  Айн эс-Султан (Ein es-Sultan, Царский источник, Источник пророка Елисея/Элиша) — 15–17, 24–26, 33, 35, 37, 43, 57, 205
  Архелай (Archaelais) — 35; см. тж. Kh. el-Beiyudat
  Башня Иерихона — см. «Дом Закхея»
  Дейр Хиджла, руины монастыря — см. Deir Hajla; Иерихон: Герасима Иорданского мон.
  Дом Закхея (Burg (Bordj) er-Riha, Castell) — 202–212 а.о.
  Дом блудницы Раав — 16, 37, 203, 215
  Вади Нуейма — 32; см. тж. Nueima
  Вади эль-Кельт (Wadi el-Qelt,= el-Qilt) — 13–15, 23–24, 32–33, 37, 41, 43, 46, 49, 59, 65, 194, 204–205, 209–210, 425
  Галгал, Гилгал — 11, 16, 20–21, 36, 64–67, 215, 489–490; см. тж. Джиль-Джуль, Хирбет эн-Нитла, Tell Jaljul
  Джебель Курунтуль — см. Сорокадневная гора
  Джиль-Джуль — 66; см. тж. Галгал
  Дворец халифа Хишама — 18, 21, 23, 41, 190; см. тж. Jericho: Hisham palace
  Кипрос, крепость — 32–33; см. тж. Jericho: Tell el-Aqaba
  Кореус (Koreus), крепость — 35; см. тж. Jericho: Tell el-Mazar
  Махерус, крепость — 33
  Сахарные Мельницы — см. Jericho: Tawaheen es-Sukkar
  Сорокадневная гора (Джебель Курунтуль, Jebel Quruntul) — 14, 17, 21, 23–24, 32, 39, 41, 48, 77
  Телль Абу Хинди — 19, 23
  Телль (Телул) Абу Элийик (северный и южный) — 13, 15, 21, 30, 32; см. тж. Хирбет Какун; Jericho: Tell (Telul) Abu Alayeq
  Телль эль-Матлеб — 21, 41, 65; см. тж. Jericho: Tell el-Matlab
  Телль эль-Хассан — 11, 13, 19–20, 23, 30, 35, 39–41, 47, 53, 59, 218; см. тж. Jericho: Tell el-Hassan
  Телль эс-Самарат — 13, руины ипподрома Ирода —(Tell es-Samarat)
  Телль эс-Султан (Tell es-Sultan) — 11, 13–16, 19, 21, 27, 30, 32–35, 39, 45, 53, 59, 65, 119, 204, 209
  Фазаэль (Phasaelis) крепость — 35, 37
  Хакурет ад-Далия — 48, 65
  Хакурет аль-Бурдж — 48, 65
  Хирбет Какун — 194; см. тж. Телль (Телул) Абу Элийик
  Хирбет эд-Дюк — 44–45
  Хирбет эль-Мафджар — 38, 41, 47; см. тж. Jericho: Kh. el-Mafjar

Хирбет эн-Нитла — 21, 42–43, 45; см. тж. Jericho: Kh. en- Nitla, Tell Jaljul
Эль-Джумеиз (el-Djumeiz) — 193, 199, 200
Эль Кельт, источник — см. Вади эль Кельт (Wadi el-Qelt)
Эн-Нувайима (источник) — 13
монастыри:
Анфимия — 19, 40
Башен (Pyrgoi) — 43
Велиотов (Weliotes) — 45
Георгия(?) на Антониновском участке — 46, 69–70
Георгия Хозевита (Deir Mar Jariys, Deir el-Qelt) — 21, 41
Герасима Иорданского (Каср-Хрси, Χρυσ[οςομου], Deir Hajla, Deir Mar Gerasimus, «четырехугольный монастырь») — 21–22, 24–25, 33, 38, 41, 43, 48, 53, 55
Елисея Пророка на Айн эс-Султан — 15, 19, 37
Елисея Пророка в Эр-Рихе — 194–195
Ильи Пророка — 42–43; см. тж. Jericho: Kh. el-Mafjar, Tell el-Mafjar, Rujm el-Mugheifer North
Иоанна Предтечи на Иордане (Prodroms, Qasr al-Yahud, Каср Иегуди, эль-Иехуд, ель-Иегуд, эль-Яхуд) — 16, 27, 45, 48, 66
Искушения — см. Иерихон: Сорокадневная гора (Deir al-Quruntul)
Каламон — 21, 43, 48 (Calamon; Deir Mar Yuhanna Hajla; Qasr Hajla)
Киновия Крещения Господня — 43 (Coenobium, Penthucla) —
Места Крещения — 17, 38–39, 42–43, 45, 211 (др. назв.: al-Maghtas, Bethabra, Deir Mar Yohanna, Eon el-Jarba, Qasr al-Yahud/Каср эль-Яхуд) —
Петра Апостола — 231
Хирбет Умм Деймине — 288; см. тж.: Kh. Umm Deimine
Израиль — 7–8, 11, 13–14, 21, 28–30, 45, 51, 55, 57–58, 70, 189, 197, 220, 225, 229, 231, 233, 239, 271, 273, 293, 347, 489
Иордан река — 11, 13, 18, 21–22, 24–25, 27–28, 33, 35, 37–39, 41–43, 45–48, 50–51, 53, 55–56, 58, 66, 77, 121, 203–204, 207, 211,-212, 215, 220, 315, 340, 342, 491; см. тж. Jordan (valley, river)
Ирландия — 315
Иродион — 33, 275, 288
Искушения гора — см. Сорокадневная гора
Йубна — 249, 273
Иудейская пустыня — 11, 21, 133, 207, 315
Иудея —240, 269, 272–273

Кабри — 233
Казрин (Кацрин, Израиль) — 233, 235
Каменец-Подольск — 27
Канада — 315
Кедумим — 233
Кесария Приморская (Маритима) — 11, 33, 39, 185, 226, 227, 240, 273, 293; см. тж. Caesarea Maritima
Кизик — 227, 229, 231–232, 235, 241, 252–253, 259, 267–268, 273
Кипр — 197, 239, 270, 273
Константинополь — 49, 53, 55, 59, 77, 133. 227–229, 231, 233, 235, 239, 243,-245, 247, 249, 253, 260, 265–268, 273, 341, 490, 493; см. тж. Костантинийа
Костантинийа — 250, 271, 273
Крым — 221, 293
Кумранские пещеры — 202

Левант — 210
Ливан — 229, 233, 491
Людд (аль-Людд) — 237, 249, 273

Мавзолей Моисея — см. Maqan an-Nabi Musa
Мадаба — 5, 13, 15, 17, 23, 29, 32, 37–38, 43, 67, 190, 215
Маез Хаим (Ма'оз-Хаим), в районе Бейт Шеана — см. Ma'oz Hayyim
Мамврийский дуб — см. Хеврон
Мареша — 189, 221
Маале-Адумим (Красный склон)
Башня крестоносцев (Maldoim, Малдуим, Кастель Руж) — 211
Доброго самаритянина приют — 211
Монастырь св.Мартирия — 185, 187, 222
Малдуим — см. Маале Адумим
Масада — 33
Мегиддо — 187
Мекка — 13
Мерот (Верхняя Галилея) — 183, 233
Мертвое море — 11, 15, 17, 25, 28, 35, 37–39, 46, 48, 207, 210
Миср — 236, 250, 273; см. тж.: Каир, Египет

Наблус, тж. Флавия Неаполис, Сихем — 35, 39
Нагал Кидрон (регион Израиля) — 233
Негев, пустыня — 32, 47, 315
Нетания — 197
Никомедия — 133, 227–229, 231, 235, 241, 245, 252–254, 260, 266–268, 273

Обода — 231, 233

Палестина Прима — 39
Париж — 17
Пенза — 195
Перея — 39

Рамла — см. Ramla, ар-Рамла
Рафах — 233–234
Рим — 13, 33, 227, 240, 251–252, 273

Салумис — см. Salumias
Самария — 240, 263, 273; см. тж. Samaria
Сарафанд (Сарепта), Южный Ливан — 233
Саудовская Аравия — 225, 251, 273
Силом — см. Шило
Синай — 32, 76, 491
Сирия — 33, 54–55, 65, 75,, 81, 220, 225, 229, 244–234, 236–237, 255, 273, 343, 490–491
Сиро-Палестинский регион — 4, 7, 47, 59, 77, 319, 293
Скифополь (Бисан, Бейт-Шеан) — 35, 37, 43, 46? 183, 293; см. тж. Scythopolis

Табарийа — 236–237, 248–249, 273; см. тж. Tiberias
Телль Яйоз — 233
Траблус (Тарабулус-эль-Гарб, Триполи) — 239, 256, 273
Трансиордания — см. Иордания

Умм **А**ль-Расас (Umm Al-Rasas, Кастрон Мефаа)
ц. св. Стефана — 189

Фессалонике — 227, 229, 231, 235, 242, 245, 266, 273

Халеб — см. Алеппо
Хама (Сирия) — 239, 256, 261, 273
Хатрурим (Hatrurim) —315
Хауран — 47, 65
Хеврон — 215, 492
Мамврийский дуб — 61, 353
Хирбет Абу Риш — 288
Хирбет ай-Сийах — 221
Хирбет аль-Самра (Kh. Al-Samra) церковь св. Георгия — 190
Хирбет Бурейкут (Kh. Bureikut) — 183
Хирбет Дейр С'аман — 222
Хирбет Истабул — 185, 228; см. тж. Аристобулиас
Хирбет Самара (самарийская синагога) — 189, 221
Хирбет Тауаз, Kh. Tawas — 181
Хирбет эль-Каср (Kh. el-Qasr) — 187, 190, 484
Хирбет эль-Лататин (Kh. el-Latatin) — 185
Хирбет Хурийя — см. Kh. Huriya
Хирбет эль-Тахир — 225

Шефела — 221
Шило, Shiloh (библ. Силом) — 179, 183, 187, 189, 221

Эйн-Геди — 35, 233
Эйн-Фешхи — 35
Элеуса/Себаста — 293
Элия Капитолина — 39, 226–227, 240, 273; см. тж. Jerrusalem, Иерусалим
Эн-Геди — см. Эйн-Геди
Эски-Кермен (Крым) — 293

Ярославский Толгский мон. — 53
Яффа — 48, 61, 65, 190
Яффский некрополь — 61

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Л.А. БЕЛЯЕВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИЕРИХОН

РАСКОПКИ СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Редактор *И.В. Леонтьева*
Дизайн-макет А.С. Старчеус

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7(495)938–01–00
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная.
62,5 п. л. Тираж 800 экз.
Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Август Борг»

9 785916 744293